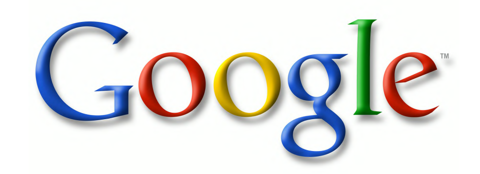
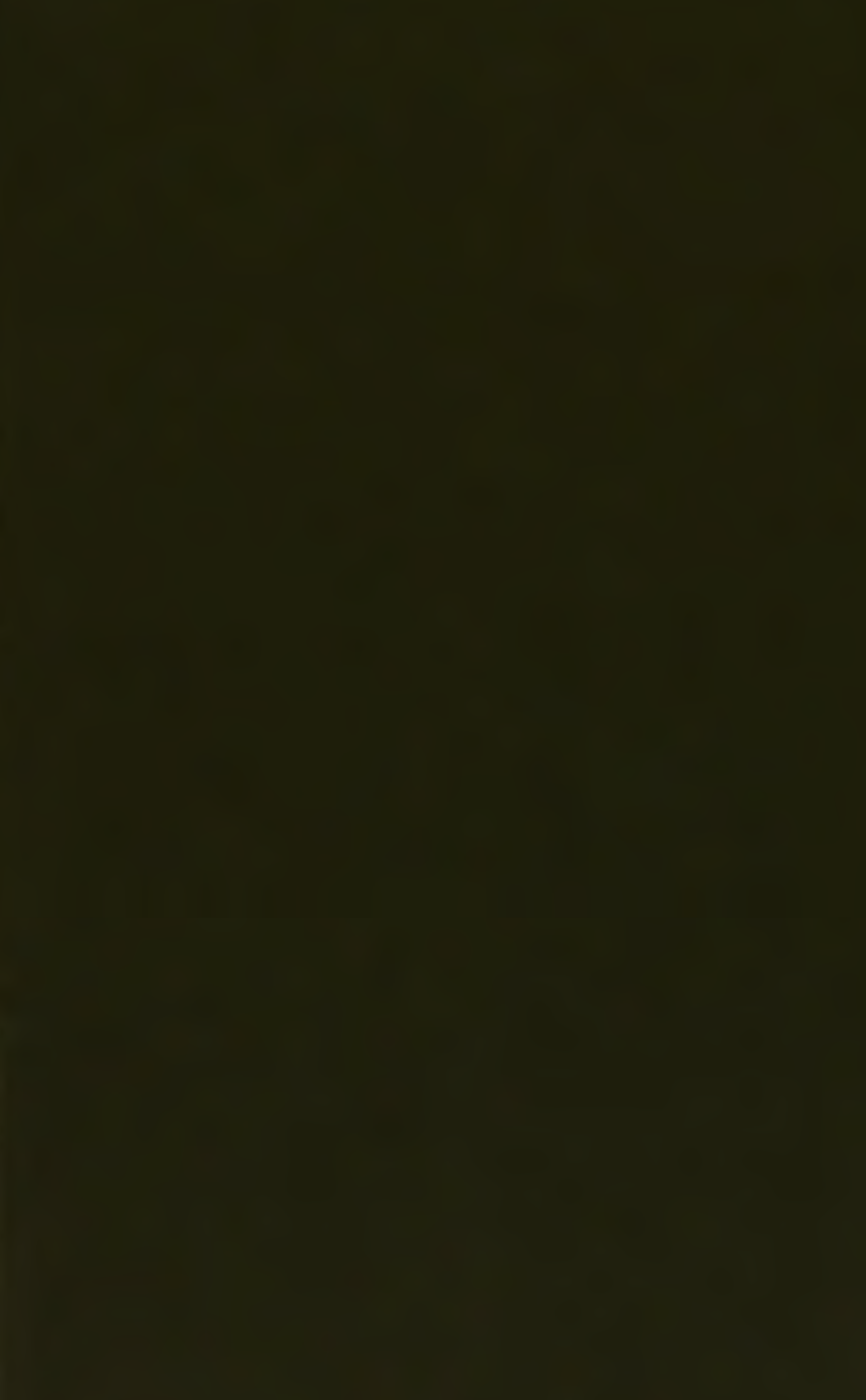
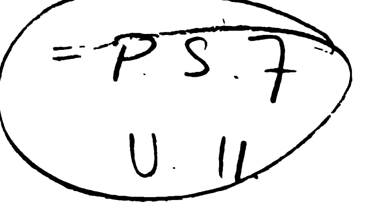





PS 7
U 11

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1864

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1864.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф., Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

въ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

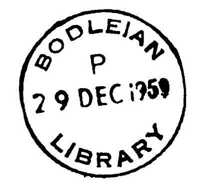
АПРѢЛЬ—ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1864.


BODLEIAN
P
29 DEC 1959
LIBRARY

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЕРЕПИСКА
ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА ГРИГОРОВИЧА
СЪ ГРАФОМЪ Н. П. РУМЯНЦОВЫМЪ.

Въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, когда подъ литературнымъ блескомъ учености по большей части укрывалось невѣжество и обскурантизмъ, въ области отечественной исторіи выступаетъ свѣтлая энергическая личность, въ которой съ любовію къ труду соединялась любовь къ истинному просвѣщенію и ревность къ распространенію его между родными согражданами, изстари привыкшими говорить о себѣ: «Мы народъ темный,» и мало чувствовавшими по тому нужду и охоту заглядывать въ минувшее своей жизни и заботиться о лучшемъ будущемъ.

Эта замѣчательная и въ высшей степени симпатическая личность—Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Счастливо оправдывая свое высокое положеніе на поприщѣ своей гражданской службы, проходя многія должности при Дворѣ, онъ успѣлъ сохранить въ себѣ истинную преданность наукѣ: его ученыхъ интересовъ не подавили мелочи обыденной жизни и обязанности оффиціяльной службы. Управляя въ одно и то же время двумя Министерствами, предсѣдательствуя въ Совѣтѣ Государственномъ, исправляя множество частныхъ порученій, онъ находилъ время и для собственныхъ ученыхъ занятій, и для поощренія къ тому другихъ, или личнымъ своимъ вліяніемъ, или письменно, чрезъ ученыхъ, которые окружали Мецената, заботясь о распространеніи просвѣщенія въ отечествѣ; онъ пользовался для этой цѣли всѣми, зависящими отъ него, средствами, не щадилъ никакихъ издержекъ, жертвовалъ своимъ достояніемъ, лишь бы сдѣлать что ни будь полезное для отечества и науки. Кто

не знаетъ, сколько незабвенный любитель наукъ, Графъ Румянцовъ, особенно въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни, сдѣлалъ для науки? «Онъ больше принесъ пользы отечественной исторіи, говоритъ Г. Терещенко (въ «Опытѣ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ Иностранными Дѣлами въ Россіи», ч. II, стр. 246), нежели всѣ, ему предшествовавшіе на томъ же поприщѣ. Давно усматривая ощутительный недостатокъ въ поясненіи Русскихъ древностей, онъ первый предпринялъ на себя полезный подвигъ пояснить ихъ изданіемъ Государственныхъ актовъ и лѣтописей. Такое намѣреніе вельможи обрадовало ученыхъ, которые, соревнуя своими совѣтами, указали богатое поле жатвы въ области знаній. Онъ обратилъ вниманіе на архивы и монастыри, гдѣ хранились историческіе памятники, не многимъ извѣстные и доступные. Любители изысканій древностей, явились его сотрудниками и предложили ему свои услуги, которыя онъ достойно вознаграждалъ, будучи единственнымъ ихъ покровителемъ. Забывая высокій свой санъ, онъ обходился со всѣми дружески, не хотѣлъ даже, чтобы въ немъ видѣли знаменитаго вельможу.

Отечественныя хартіи, сохраняя въ себѣ дѣянія минувшихъ вѣковъ, составляютъ священные памятники народовъ: ихъ сужденій, жизни, нравовъ, управленія, законовъ, благосостоянія и служатъ единственнымъ пособіемъ къ поясненію исторіи каждаго Государства; но онѣ тлѣли у насъ, между тѣмъ какъ другія державы давно сообщили свѣту сокровища свои этого рода. Шлецеръ прекрасно сказалъ: «Кому-то предоставлена завидная честь быть творцемъ собранія Русской дипломатики!» И эту честь стяжалъ Румянцовъ.»

«Кругъ дѣйствія Румянцова въ области наукъ былъ самый блистательный. Если полководцы пріобрѣтаютъ военными подвигами неувядаемые лавры, говоритъ далѣе тотъ же писатель (стр. 257), то сынъ Задунайскаго стяжалъ себѣ въ лѣтописяхъ наукъ драгоцѣннѣйшее имя Мецената, и время, которое онъ ознаменовалъ просвѣщеніемъ своихъ соотечественниковъ, безпристрастно можно назвать Румянцовскою эпохою. Заслуживъ при жизни своей названіе покровителя наукъ, онъ самъ себѣ создалъ памятникъ безсмертія».

Еще выше ставитъ этого покровителя науки то, что онъ понималъ истинное ея значеніе и, вопреки вѣку, не полагалъ ее въ безплодной отвлеченной мудрости, а обращался къ дѣйствительной жизни прошедшаго и настоящаго, стараясь оживить забытое въ памяти народа и дать смыслъ и значеніе тому, что осталось не сознаннымъ и ускользнуло изъ виду въ безчисленномъ множествѣ, съ каждымъ мгновеніемъ смѣняющихъ другъ друга, явленій жизни.

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и тѣмъ еще достоинъ воспоминаній, что онъ привлекалъ къ себѣ людей, вполнѣ раздѣлявшихъ съ нимъ истинную любовь къ наукѣ и неутомимо трудившихся для ней, какъ и самъ онъ. Эти люди, относившіеся къ нему, какъ сотрудники, тѣмъ больше заслуживаютъ нашего уваженія, что были уважаемы Меценатомъ и раздѣляли съ нимъ одинъ ученый интересъ, который часто ослабѣвалъ у него отъ многочисленныхъ обязанностей, заботъ, приличій и службы, но они, по внутренней живой связи, умѣли поддержать его любовь и ревность къ просвѣщенію и своимъ сотрудничествомъ и своимъ личнымъ вліяніемъ на него.

Въ такихъ отношеніяхъ къ Графу Николаю Петровичу Румянцову былъ и Протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ, съ которымъ Графъ познакомился въ 1811 году, и это знакомство продолжалось до конца жизни Канцлера.

Протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ принадлежитъ къ числу лицъ, о которыхъ почти ничего не говоритъ исторія Русской Литературы, но многіе ученые труды его[1] свидѣтель-

---

1 Вотъ перечень ихъ: 1. Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, изд. Графомъ Румянцовымъ въ 1821 году; 2. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ, часть 1-я, изд. имъ же; 2-я часть, хотя и была приготовлена къ напечатанію, но, за смертію Графа Румянцова, осталась не изданною отдѣльно, какъ 1-я часть, а въ послѣдствіи напечатана въ Актахъ Западной Россіи, въ изданіи Археографической Коммиссіи; въ нихъ же перепечатана, для полноты, и первая часть архива; 3. Переписка Папъ съ Россійскими Государями, изд. въ 1834 г.; 4. Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго, Архіепископа Бѣлорусскаго, изд. въ 1835 г.; 5. Свѣдѣніе о жизни Св. Митрофана Воронежскаго, изд. въ 1832 г., и много другихъ статей, помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ. Кромѣ этихъ трудовъ, ему принадлежатъ труды по Археографической Коммиссіи, по званію члена и главнаго редактора ея. Труды эти слѣдующіе: I, II и IV-й томы Актовъ

ствуютъ о глубокихъ его знаніяхъ въ отечественной Исторіи, Археологіи и Филологіи.

Отношенія къ Іоанна Григоровичу Графа Румянцова, Востокова, П.Строева, К. Калайдовича, и другихъ ученыхъ ясно показываютъ, что эти представители науки причисляли его къ своей ученой семьѣ и имѣли вліяніе на ученые его труды.

Съ раннихъ лѣтъ Протоіерей І. Григоровичъ остановилъ на себѣ зоркое вниманіе Мецената, обратившееся въ послѣдствіи у обоихъ въ нравственное вліяніе другъ на друга. Всѣ труды Григоровича, которые онъ принималъ по желанію Графа Румянцова, совершенно соотвѣтствовали его ожиданіямъ, и тѣмъ побуждали Графа не щадить издержекъ для пріобрѣтенія новыхъ данныхъ, чтобы помочъ своему сотруднику тѣмъ оказать еще бо́льшую услугу отечественной наукѣ. Самъ же Графъ Румянцовъ, видя въ своемъ молодомъ сотрудникѣ ревностное желаніе трудиться, много содѣйствовалъ ему и своими мудрыми и благими совѣтами, которые принесли ожидаемую пользу для науки. Не смотря на такую близость отношеній его къ Графу Румянцову, въ нихъ не замѣтно было и тѣни какого либо раболѣбства, или самоуслажденія. Такая естественность и полнота жизни Протоіерея І. Григоровича, безъ сомнѣнія, много зависѣли и отъ того, что его

историческихъ. Но особенная заботливость Протоіерея Іоанна І. Григоровича сосредоточена была на изученіи актовъ, касающихся Западной Россіи, плодомъ котораго были I, II, III и IV-й томы и I-й томъ Дополненія къ Актамъ иностраннымъ о Россіи, называемаго Supplementum ad historica Russiae monumenta, и, наконецъ, почти приготовленный къ печати V томъ Актовъ Западной Россіи. Считаю не лишнимъ присоединить къ этимъ трудамъ еще одинъ трудъ, которымъ заняться предложило ему II-е отдѣленіе Академіи Наукъ, Словарь Западно-Русскаго нарѣчія, котораго онъ, впрочемъ, успѣлъ отпечатать только десять листовъ и довелъ включительно до буквы В. Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ былъ глубоко и основательно свѣдущъ въ языкѣ, исторіи и древностяхъ Западно-Русскаго края. Близкое знакомство его съ тамошними письменными памятниками, правами и обычіями ручались, что трудъ, задуманный въ обширномъ видѣ, содержалъ бы въ себѣ богатые матеріялы для объясненія народной, религіозной и гражданской жизни Западной Россіи. Въ разговорахъ съ своими сослужителями онъ не рѣдко говорилъ: «Составитель Словаря, какъ правдивый лѣтописецъ, обязанъ записывать всѣ слова, какія употреблялъ и употребляетъ народъ въ своемъ домашнемъ быту, въ служеніи, своихъ молитвахъ къ Богу и въ своихъ законахъ: словарь есть лѣтопись языка, и въ эту лѣтопись должны быть внесены всѣ факты, какіе были и есть.»

мысль и знаніе обращены были не къ какимъ либо отвлеченнымъ теоріямъ и утонченностямъ, а къ жизни, къ дѣйствительности прошедшей и современной ему. Прошедшее отечества составляло любимѣйшую задачу его ученой работы, но въ особенности прошедшее Западнаго края его родины и мѣста служенія въ продолженіи большой половины его жизни. Въ этой послѣдней области ученаго труда онъ былъ, можно сказать, первымъ дѣятелемъ, взявшимся за дѣло, по указаніямъ своего знаменитаго дяди, Георгія Конисскаго, съ тѣми именно пріемами, какіе одни могутъ вести къ правильному разъясненію прошедшей исторіи Западнаго края. Эти знанія Протоіерея І. Григоровича высказались главнымъ образомъ въ напечатаніи имъ Актовъ, касающихся Западной Россіи, въ изданіи Археографической Коммиссіи. Трудъ этотъ естественно вызываемъ былъ въ немъ и его специяльными познаніями въ этомъ дѣлѣ и отчасти жизненнымъ своимъ интересомъ, особенно въ то время, когда послѣдовало возсоединеніе Уніятовъ. Главный Редакторъ Актовъ Коммиссіи со всѣмъ жаромъ принялся за этотъ трудъ, и плодомъ его было изданіе четырехъ томовъ Актовъ, относящихся къ Западной Россіи, Дополненія къ актамъ иностраннымъ о Россіи, такъ называемое Supplementum ad historica Russiae monumenta, и наконецъ значительное изготовленіе къ изданію пятаго тома Актовъ Западной Россіи.

Мы не даромъ остановились на этихъ трудахъ покойнаго Протоіерея Григоровича. «Труды эти такого рода, что подобнаго имъ по достоинству у насъ нѣтъ ничего до сихъ поръ.[2] Конечно, есть и въ нихъ свои недостатки, но достоинства покрываютъ ихъ совершенно и составляютъ необычайное для того времени явленіе: мы разумѣемъ здѣсь не столько выборъ самыхъ актовъ, что большею частію зависѣло отъ случая, сколько собственно примѣчанія къ нимъ Редактора. Въ нихъ мы видимъ всю литературу, объясняющую тотъ или другой документъ. При этихъ примѣчаніяхъ драгоцѣнные акты, касающіеся исторіи Западнаго края, дѣлаются еще драгоцѣннѣе, потому что становятся доступнѣе для изученія. Благодаря этимъ примѣчаніямъ, они открыли совершенно новую сторону гражданской и особенно религіозной

[2] Литовская Церковная Унія, т. I: Замѣчанія объ источникахъ Уніи.

жизни этого края. Ими ниспровергнута бездна заблужденій, перешедшихъ въ науку; ими по истинѣ совершенъ громадный переворотъ въ наукѣ нашей исторіи, такъ что теперь ни одинъ писатель, касающійся хотя мелькомъ Западнаго края, не можетъ обойтись безъ знакомства и справокъ съ Актами Западной Россіи и Дополненіемъ къ иностраннымъ актамъ о Россіи.» Мы ничего не преувеличили въ этомъ отзывѣ о трудахъ покойнаго Протоіерея Григоровича, основываясь на сужденіи автора «Литовской Церковной Уніи,» М. О. Кояловича, который, по своимъ занятіямъ, имѣлъ случай провѣрить каждую мелочь въ этихъ изданіяхъ замѣчательнаго знатока Западно-Русской жизни.

Избраніе Графомъ Румянцовымъ въ свои сотрудники и совѣтники Протоіерея І. І. Григоровича было вполнѣ удачно и совершенно оправдало тѣ ожиданія, которыми онъ льстилъ себя, воспитывая его въ С.-Петебургской Духовной Академіи.

Такимъ образомъ оба эти лица понимали другъ друга, и, служа другъ другу, служили наукѣ и обществу.

Но прежде чѣмъ приступлю я къ ученой ихъ перепискѣ, постараюсь разсказать исторію ихъ знакомства.

ГЛАВА I.

У Ивана Кононовича, отца Іоанна Іоанновича Григоровича, было пять сыновей, изъ которыхъ средній, Иванъ, былъ особенно замѣченъ Графомъ Румянцовымъ. Отецъ ихъ былъ Протоіереемъ въ имѣніи Графа Румянцова, Гомелѣ, который нынѣ составляетъ поземельную собственность Князя Варшавскаго. Иванъ, какъ и другіе его братья, воспитывался въ Могилевской Семинаріи, по окончаніи курса въ которой поступилъ на учительскую должность въ Могилевское Духовное Училище. Въ этой должности онъ пробылъ слишкомъ четыре года, пока Государственный Канцлеръ, Графъ Румянцовъ не обратилъ своего вниманія на его способности: Графъ встрѣтился съ нимъ въ своемъ имѣніи, Гомелѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ на лѣто отдохнуть отъ своихъ трудовъ, понесенныхъ на славу и благо отечества. Сюда

пріѣзжалъ также, на каникулярное время, къ отцу своему и молодой наставникъ. Отецъ послѣдняго, давно уже пріобрѣвшій уваженіе и расположеніе Канцлера,[3] представилъ ему своего сына. Канцлеръ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и своимъ ласковымъ обращеніемъ, при дарѣ своего слова и умѣніи обворожать всѣхъ, тѣмъ больше обворожилъ молодаго учителя, заставилъ его высказаться вполнѣ и замѣтилъ въ своемъ собесѣдникѣ свѣтлый и правильный взлядъ на вещи, прямой, открытый характеръ и, въ особенности, глубокое знаніе древнихъ языковъ и замѣчательныя свѣдѣнія въ отечественной исторіи, и, какъ бы предугадывая, предрекъ ему извѣстность въ будущемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы еще больше развить въ немъ любовь къ наукѣ, просилъ его помогать ему въ его трудахъ по разработкѣ памятниковъ отечественной исторіи. Вѣроятно, этою просьбою Канцлеръ хотѣлъ польстить самолюбію молодаго учителя, и тѣмъ еще больше заохотить его къ дальнѣйшему и тщательному изученію отетественныхъ лѣтописей.

Скоро Канцлеръ оставилъ Гомель и уѣхалъ въ С.-Петербургъ, а Иванъ Григоровичъ къ мѣсту своей службы.

На другой годъ послѣ этого свиданія наступилъ бѣдственный, но славный для Россіи, 1812 годъ. Наполеонъ, съ своими несмѣтными войсками, вошелъ въ предѣлы нашего отечества и раз-

---

[3] Доказательствомъ любви и уваженія Канцлера къ отцу Ивана можетъ служить слѣдующее письмо Канцлера:

«С.-Петербургъ,
15 Апрѣля, 1820 г.

Высокопреподобный отецъ Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Съ большимъ удовольствіемъ свѣдавъ, что Вы удостоены знаками Ордена Св. Анны третьей степени, спѣшу Вамъ принести искреннѣйшее мое поздравленіе. Вамъ извѣстно, что мой Гомель мнѣ казался всегда отличнымъ, и что я всегда почиталъ, что Ваше Высокопреподобіе, отдѣляясь отъ прочаго Священства добродѣтелями и духовными способностями, Гомелю моему много придавали блеску: сіе точно оправдано сею Монаршею къ Вамъ милостію.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Высокопреподобія покорнымъ слугою

Графъ Н. Румянцовъ.»

орялъ его со всѣхъ концовъ; доходила очередь пострадать и Могилеву, къ которому подступилъ Наполеонъ съ войсками наканунѣ 6-го Іюля; городъ недолго сопротивлялся могучему врагу, скоро сдался, и непріятели заняли его почти безъ всякаго труда. Жители, видя бѣдственное свое положеніе, бѣжали изъ города и укрывались кто гдѣ могъ. Въ числѣ этихъ бѣглецовъ былъ и Иванъ Григоровичъ, который бѣжалъ къ отцу своему, въ Гомель, мѣсто, безопасное отъ непріятеля.

Графъ же Н. П. Румянцовъ въ отечественную войну занимался особыми порученіями отъ Государя. Вступленіе непріятеля въ предѣлы нашего Государства такъ его встревожило, что онъ заболѣлъ, и отъ душевнаго огорченія получилъ апоплексическій ударъ, въ послѣдствіи причинившій ему глухоту, которая отъ времени до такой степени увеличилась, что въ послѣдніе годы жизни своей онъ ничего не могъ слышать, и говорившіе съ нимъ объяснялись только посредствомъ аспидной доски, излагая на ней свои вопросы и отвѣты. Чувствуя крайнее изнуреніе силъ своихъ, онъ испросилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей,[4] и Государь, ува-

4 Въ то время носились слухи о тайныхъ сношеніяхъ Графа Румянцова съ Наполеономъ и объ измѣнѣ перваго отечеству. Слухи эти распространились, вѣроятно, въ слѣдствіе поѣздки Канцлера въ Парижъ въ 1808 году, по порученію Императора Александра, для переговоровъ съ Наполеономъ. Наполеонъ, зная о высокомъ умѣ, образованіи и дипломатическихъ способностяхъ Канцлера, оказывалъ ему необыкновенное свое вниманіе и благоволеніе и, какъ извѣстно, употребилъ его посредникомъ для примиренія Австріи съ Франціею. Послѣ такого дѣла, Наполеонъ еще больше расположился къ Графу, и когда Графъ осматривалъ Музеи и рѣдкости Парижа, Наполеонъ далъ приказаніе предлагать Графу, что понравится ему. Но ничто не остановило на себѣ его особеннаго вниманія, кромѣ великолѣпныхъ изданій Наполеона и его супруги, Маріи Луизы, которыя онъ и получилъ въ подарокъ отъ Наполеона. Въ послѣдствіи, когда Наполеонъ объявилъ войну Россіи и вступилъ въ предѣлы ея, Графъ утверждалъ, что быть не можетъ, чтобы враги были уже въ отечествѣ, и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока самъ Государь не объявилъ ему, что войска Наполеона перешли Нѣманъ. Вотъ этотъ-то слухъ до того поразилъ патріота Канцлера, что онъ получилъ апоплексическій ударъ и захворалъ. Въ это время Государь съ Графомъ Румянцовымъ жили въ Вильнѣ, и когда Графъ заболѣлъ, Государь почти каждый день навѣщалъ его и просилъ ѣхать въ Петербургъ для излѣченія. Вскорѣ Графъ оставилъ Государя и переѣхалъ въ столицу, гдѣ и поправился было совершенно; но за тѣмъ простудился въ зимнемъ Дворцѣ, въ который пріѣзжалъ поздравить Государыню, Елисавету Алексѣевну, съ рожденіемъ Государя, слегъ вторично въ постель и, хотя вскорѣ поправился, но оглохъ совершенно. Графъ, желая отстранить ложные слухи и убѣдить всѣхъ въ патріотическихъ своихъ чувствахъ,

жая долголѣтнее его служеніе и тягость понесенныхъ имъ трудовъ по многимъ вѣтвямъ Государственнаго управленія, изъявилъ свое согласіе съ тѣмъ, чтобы онъ сохранилъ званіе Государственнаго Канцлера по смерть свою, и не переставалъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать пользамъ Отечества. Получивъ увольненіе, Канцлеръ уѣхалъ въ Петербургъ; но, не смотря на всѣ медицынскія средства, которыя были употреблены, по приказанію Императора, здоровье его слабо возстановлялось, и онъ оглохъ навсегда.»[5]

Канцлеръ, однако, не терялъ надежды вылѣчиться отъ глухоты, и для этой цѣли переѣхалъ на лѣто въ свое любимое имѣ-

собралъ всѣ свои подарки, которые онъ получалъ отъ Царствующихъ особъ, продалъ ихъ въ Императорскій Кабинетъ, и вырученную за нихъ сумму, которая доходила почти до милліона, пожертвовалъ въ Комитетъ раненыхъ. Съ этихъ поръ, т. е., съ 1814 года, начинается рядъ пожертвованій Канцлера въ пользу Отечества и отечественной Исторіи. Считаю излишнимъ перечислять ихъ, потому что они всѣмъ извѣстны, а главное, утомили бы читателя и заняли бы много времени въ безполезномъ перечисленіи.

5 Канцлеръ рѣдко жаловался на слабость своего здоровья, но за то не проходило часа, чтобы онъ не пожаловался на глухоту, которая не мало причиняла ему хлопотъ и даже неудовольствій. Считаю не лишнимъ разсказать здѣсь анекдотъ, происшедшій съ нимъ, при встрѣчѣ его съ Великимъ Княземъ, Михаиломъ Павловичемъ. Михаилъ Павловичъ, проѣзжая чрезъ Гомель, встрѣтилъ Канцлера, ѣдущаго въ коляскѣ. Когда экипажи ихъ поравнялись, Великій Князь вышелъ изъ своей коляски и привѣтствовалъ Канцлера, который также не замедлилъ выйти изъ своего экипажа.

«Куда ѣдете, Графъ Николай Петровичъ?» спросилъ Великій Князь.

«Слава Богу,» отвѣчалъ Канцлеръ, «совершенно здоровъ, кромѣ глухоты, Ваше Высочество.»

Великій Князь при такомъ отвѣтѣ улыбнулся, а окружавшіе ихъ, какъ и всегда бываетъ, засмѣялись. Скоро Великій Князь, простившись съ Канцлеромъ, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Канцлеръ, не зная, чѣмъ объяснить улыбку Великаго Князя и смѣхъ присутствующихъ, спрашиваетъ своего спутника, Григорія Даниловича Богацкаго, «чему смѣялся Великій Князь?»

«Вы, Графъ, не впопадъ отвѣчали на его вопросъ. Онъ Васъ спрашивалъ о цѣли вашей поѣздки, а Вы ему отвѣчали о здоровьѣ.»

— «Ну, что дѣлать!» смѣясь, говорилъ Канцлеръ», а я думалъ, что, по старинному, сначала о здоровьѣ спрашиваютъ; я и сказалъ ему, что совершенно здоровъ, кромѣ глухоты. Да ужь далась мнѣ эта глухота,» заключилъ Канцлеръ, «который разъ я въ просакъ за нее попадаюсь.»

Разсказъ этотъ сообщилъ мнѣ Г. Д. Богацкій.

ніе, Гомель, гдѣ онъ хотѣлъ насладиться спокойствіемъ и тишиной деревенской жизни. Здѣсь Графъ вторично встрѣтился съ Иваномъ Григоровичемъ: въ это время дружескія ихъ отношенія укрѣпились и уже не прерывались до конца жизни Румянцова.

Живя въ Гомелѣ, Канцлеръ часто встрѣчался съ молодымъ учителемъ, которому не рѣдко предлагалъ вопросы, и въ отвѣтахъ молодаго ученаго видѣлъ обширныя и богатыя свѣдѣнія. Какъ скоро Графъ поближе познакомился съ Иваномъ Григоровичемъ, то увидѣлъ, что предъ нимъ человѣкъ съ свѣжими силами и съ богатымъ запасомъ знаній, готовый и впредь посвятить наукѣ свою жизнь и здоровье, но что ему недоставало средствъ для своего окончательнаго образованія, или, если такъ можно выразиться, для округленія своихъ знаній, которыми онъ успѣлъ обогатить свою память. Но Канцлеръ понималъ, что полученное имъ въ Могилевской Семинаріи образованіе слишкомъ ограничено и недостаточно, а самъ Иванъ Григоровичъ не могъ продолжить своего образованія, живя въ какомъ ни будь Могилевѣ, или Гомелѣ. Отецъ же его не былъ на столько богатъ, чтобы могъ отправить сына въ столицу, для окончательнаго образованія.[6] Графъ очень хорошо понималъ эти обстоятельства, и ему жаль было видѣть, что способности молодаго учителя должны заглохнуть въ обыкновенной провинціяльной жизни и не принести ожидаемыхъ плодовъ. Готовый всегда помогать ближнему чѣмъ только могъ, онъ и въ этомъ случаѣ рѣшился сдѣлать доброе дѣло, развить молодаго человѣка, отца котораго онъ особенно уважалъ за его труды и благочестіе и тѣмъ еще больше доказать ему любовь свою: Графъ предложилъ сыну ѣхать на его счетъ въ Петербургскую Духовную Академію, гдѣ онъ могъ бы довершить свое образованіе. Нужно ли говорить, что предложеніе Канцлера было принято съ величайшею радостію и благодарностію молодымъ учителемъ, который дѣйствительно оправдалъ довѣренность своего благодѣтеля, явивъ себя, въ послѣдствіи времени, достойнымъ его вниманія. Въ 1815 году Иванъ Григоровичъ поступилъ, на счетъ Канцлера, въ Петербургскую Духовную Академію, студентомъ, и принялся за дѣло со всѣмъ жаромъ: усерд-

6 Графъ Н. Н. Румянцовъ вносилъ ежегодно за Ивана Григоровича въ Дух. Академію 350 руб. асс.

нѣе и свободнѣе сталъ изучать лѣтописцевъ отечественной исторіи, и въ скоромъ времени пріобрѣлъ обширныя познанія по этому предмету, такъ что въ состояніи былъ работать для Румянцова, который нерѣдко присылалъ къ нему различныя рукописи, прося его внимательно разсмотрѣть ихъ.

Со времени поступленія въ студенты Иванъ Григоровичъ часто видѣлся съ своимъ благодѣтелемъ, или переписывался съ нимъ. Такимъ образомъ давнишняя его охота къ занятіямъ отечественною исторіею нашла теперь счастливую поддержку въ лицѣ благодѣтеля его, Графа Румянцова, страстно любившаго отечество и не щадившаго издержекъ на распространеніе свѣдѣній о немъ. Надо взять во вниманіе и то еще обстоятельство, что будучи студентомъ, Иванъ Григоровичъ часто бывалъ приглашаемъ, по Воскресеньямъ, къ Канцлеру на обѣдъ, гдѣ встрѣчалъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ, которые окружали Мецената. Часто завязывался здѣсь споръ о различныхъ предметахъ исторіи, въ которомъ, конечно, долженъ былъ принимать участіе и Иванъ Григоровичъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, также служило для него побужденіемъ къ основательному и тщательному изученію отечественной исторіи. Показаться невѣжей вообще горько всякому, а тѣмъ больше въ глазахъ своего благодѣтеля, который употребилъ всѣ средства, чтобы вывести изъ этого состоянія. Наконецъ и то, что самъ Графъ, его благодѣтель, занимался съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ отечественною исторіею, и при встрѣчахъ съ нимъ всегда заводилъ разговоры объ исторіи, служило весьма сильнымъ для Григоровича побужденіемъ къ изученію оной. А въ послѣдствіи времени Канцлеръ давалъ ему вопросы, отвѣты на которые просилъ его изложить письменно.

Вотъ ученые отчеты Ивана Григоровича, которыми онъ занимался, будучи еще студентомъ Духовной Академіи, по порученію Канцлера:

«Сіятельный Графъ,

Милостивый Государь и Благодѣтель!

Книгу, подъ заглавіемъ «Herby Rycerstwa Polskiego», сочиненіе Г. Папроцкаго, я успѣлъ уже прочитать и отмѣтить въ ней всѣ тѣ мѣста, которыя содержатъ въ себѣ происшествія, относящіяся къ Русской исторіи. Переводъ

оныхъ на отечественный языкъ, безъ сомнѣнія, былъ бы оконченъ въ свое время, если бы приближающеееся время двухгодичнаго въ Академіи испытанія не отнимало у меня свободы и средствъ заняться теперь симъ дѣломъ. Для восполненія такого недостатка, я осмѣливаюсь, Ваше Сіятельство, просить, позволить мнѣ сей трудъ раздѣлить съ однимъ мнѣ знакомымъ человѣкомъ,[7] который гораздо больше имѣетъ свободнаго времени, и, зная хорошо Польскій языкъ, принимаетъ исполненія сего порученія. Впрочемъ, это продолжится до того только времени, пока наступятъ каникулярные дни. По окончаніи же учебнаго времени, или я самъ стану продолжать начатое, или, чтобы сдѣлать весь трудъ въ послѣдствіи болѣе полезнымъ, я намѣренъ пронешествія, описанныя пространнымъ языкомъ и съ желчію, свойственною Польскимъ писателямъ, сличить съ нашими лѣтописями, выставляя разногласія на другой половинѣ страницы.

Кромѣ сего я долженъ буду, во время вакацій, заняться сочиненіемъ историческаго разсужденія о Посадникахъ,[8] которое долженствуетъ служить введеніемъ въ самую исторію по сему предмету, и исполненіемъ другихъ, возложенныхъ на меня отъ Вашего Сіятельства порученій.

По симъ обстоятельствамъ смѣю ласкаться надеждою, что Ваше Сіятельство позволите мнѣ въ переводѣ книги Папроцкаго употребить посторонняго участника. Касательно сего, я, съ своей стороны, обѣщаю сообщить ему нѣкоторыя нужныя правила, на основаніи которыхъ можно будетъ надѣяться найти переводъ удовлетворительнымъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію есмь и буду и т. д.

покорнымъ слугою

Иванъ Григоровичъ.

С.-Петербургъ.
Александроневская Лавра.
1817 г., 28 Апрѣля.

Милостивый Государь мой, Иванъ Ивановичъ![9]

Государственный Канцлеръ поручилъ мнѣ препроводить къ Вамъ нѣкоторые вопросы и просить разъяснить ихъ. Не много медля отвѣтомъ, возвратите ихъ или прямо къ Канцлеру, или чрезъ меня.

---

7 Этотъ трудъ Иванъ Григоровичъ, вѣроятно, хотѣлъ раздѣлить съ К. Китовичемъ, товарищемъ своимъ по Могилевской Семинаріи.

8 Сочиненіе о Посадникахъ Иванъ Григоровичъ писалъ на ученую степень, а въ послѣдствіи времени Графъ Румянцовъ напечаталъ его на свой счетъ и издалъ въ свѣтъ подъ именемъ: «Историческій и хронологическій опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ. Изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей. Москва, 1821 года».

9 Въ бытность свою въ Академіи Иванъ Григоровичъ рѣдко получалъ письма отъ самаго Канцлера, а чаще отъ его Секретаря, Г. Д. Богацкаго, а еще чаще Канцлеръ лично давалъ ему порученія.

Исполняя симъ волю Его Сіятельства, честь имѣю быть съ особеннымъ почтеніемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугой

Григорій Богацкій.

С.-Петербургъ.
1817 года, 20 Октября».

При письмѣ этомъ была приложена записка, на которой рукою Канцлера написано:

«а) Василій Ярославичъ Князь Боровскій? б) Что говорятъ Византійскіе историки о Плискубѣ? в) Что говоритъ рукописный Прологъ, который находится въ Вашей библіотекѣ (С-Петербугской Духовной Академіи) подъ N. 30 о Св. Димитріи Солунскомъ»?

Вотъ отвѣты Ивана Григоровича на эти вопросы:

«а) Василій Ярославичъ, Князь Боровскій,[10] братъ Великой Княгини Маріи, супруги Василія Темнаго. Услышавъ объ ослѣпленіи Великаго Князя, и видя, что Шемяка приводитъ уже народъ къ присягѣ, Василій Ярославичъ и Семенъ Ивановичъ Оболенскій, не въ состояніи будучи противустоять похитителю, убѣжали въ Литву. Казиміръ Князю Боровскому назначилъ въ удѣлъ Брянскъ, Гомье, Стародубъ и Мстиславль.[11] Помогая Великому Князю взойти на престолъ, онъ имѣлъ тайные замыслы низвергнуть его съ онаго, и въ 1456 году схваченъ въ Москвѣ.[12] Но въ то время, когда сидѣлъ онъ подъ стражею въ Угличѣ, сынъ его, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву.[13] Приверженцы Василія хотѣли освободить его, но за сіе покушеніе претерпѣли отъ Великаго Князя казнь. Сіе случилось предъ самою кончиною Темнаго».[14]

---

10 См. Исторію Карамз. т. V, стр. 519. По родословнымъ Князя Щербатова, Василій Ярославичъ происходитъ отъ Александра Невскаго, по ниже означенной линіи: «Александръ, сынъ его Даніилъ, Іоаннъ, Андрей, Владиміръ (супруга его, Елена, дочь Ольгерда), Ярославъ (скон. 1426 г.), Василій».

11 См. Исторію Карамз. т. V, стр. 520, и Князя Щербатова т. IV, стр. 543, 544.

12 См. Исторію Щербатова т. IV, стр. 590, и Истор. Карамз. т. V, стр. 351.

13 Объ этомъ упоминаютъ: Софійск. лѣт., стр. 65, и Карам., тамъ же, стр. 348. Болѣе ничего о Боровскомъ не извѣстно. Русская лѣтопись по списку Львова ч. 2, стр. 326: «Въ лѣто 6954 (1446) Царевича Мустафу убили на Рязани, на рѣчкѣ Лыстани; а зима была зла и сѣно дорого. Тое же весны Князь Иванъ Андреевичъ поймалъ Андрея Дмитрева, и жену его Марію сжегъ въ Мажайскѣ, въ недѣлю Мироносицъ».

14 Подлинные труды Ивана Григоровича, какъ этотъ, такъ и другіе, найдены мною въ Румянцовскомъ Музеѣ, между бумагами, оставшимися послѣ смерти Графа Н. П. Румянцева (картоны: I, II, III, IV, V и VII).

б) Извлеченіе изъ разныхъ Византійскихъ историковъ о Плискубѣ (Анн. Комнин. Алексіад. книж. VII, стр. 153, изд. Венц. 1729).

I.

«Почти два прошло часа, и свѣтъ солнца такъ померкъ, что весь кругъ его, при всходѣ на него тѣла луны, сокрылся. При видѣ сего зрѣлища Скиеы оцѣпенѣли. Императоръ поручилъ препроводить ихъ въ Константинополь, подъ приличнымъ прикрытіемъ, Леону Ницериту, евнуху, который, съ юныхъ лѣтъ будучи воспитанъ въ воинскомъ станѣ, былъ во многихъ дѣлахъ опытенъ и отличался присутствіемъ духа. Онъ, конечно, успѣлъ бы въ семъ, но варвары, помышляя о средствахъ возвратить себѣ свободу, по прибытіи въ малую Никею, когда стражи ихъ слишкомъ обезпечились, отрѣзавъ у нихъ головы, окольними дорогами возвратились къ тѣмъ, которые ихъ послали. Ницерита съ тремя только человѣками остался живъ и обратился въ Голою, гдѣ тогда находился Императоръ. Узнавъ о бѣгствѣ и возвращеніи пословъ, въ удивленіи и разсчитывая въ умѣ своемъ, что легко можетъ статься, когда они, соединясь съ своими и согласясь отмстить за нанесенную имъ обиду, нечаянно нападутъ на Римлянъ, Императоръ, не помышляя о семъ, чтобъ возбудить себя къ бою, или лучше, горя желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, перешелъ съ войскомъ Сидеру или Желѣзныя ворота (о семъ мѣстѣ сказано было выше) и устроилъ окопъ близъ Вецины (τὴν Βετζίναν), источника, текущаго съ прилежащихъ горъ. Тогда многіе изъ нашихъ фуражировъ (pabulatores), слишкомъ далеко зашедшіе, были побиты Скиеами, многіе также взяты въ плѣнъ. Императоръ на самомъ разсвѣтѣ поспѣшно беретъ Плискову (ὁ δὲ Αὐτοκράτωρ κατὰ τὸ περίορον τάχυ καταλαμβάνει τὴν Πλίσκοβαν), и отсюда восходитъ на нѣкоторый холмъ, называемый Симеоновымъ, который въ просторѣчіи туземцевъ слыветъ подъ именемъ Вулевтеріи или Сходбища Скиеовъ (Βουλευτήριν τῶν Σκύθων). Здѣсь снова постигла нашихъ бѣда, особенно тѣхъ, кои съ большею смѣлостію отдалялись отъ стана своего, для сысканія корма и другихъ припасовъ. Скиеы умертвили ихъ, такъ какъ и тѣхъ, о которыхъ мы прежде упомянули. Въ слѣдующій день пришли къ рѣкѣ, текущей недалеко Дристры (Δρίστρας) и отстоящей отъ нея не болѣе, какъ на 24 стадіи и проч.»

Г. Дюканжъ, въ Историческ. и филологическ. примѣчаніяхъ своихъ на Алексіаду Анны Комниной, стр. 70, къ выше сказанному присовокупляетъ, что «Императоръ Василій отнялъ у Болгаровъ Плискобу (Πλίσκοβαν) и ею овладѣлъ, какъ говорятъ о томъ Зонаръ и Скилица». Что же до того, что она построена Константиномъ Великимъ, то объ этомъ свидѣтельствуетъ Кодинъ въ Origin. Constantinopol.

Іоаннъ Зонаръ въ Сокр. истор., т. III, стр. 178, Базел. 1557 г., въ листъ:

«Послѣ сего (выше говорено было о битвѣ между какимъ-то Ураномъ и Самуиломъ) самъ Императоръ (Василій) пошелъ войною на Болгаровъ и овладѣлъ нѣкоторыми крѣпостцами Сардики, занялъ также Москинополь, а большую и малую Перткаву (Pertslabam) и Плискову (Pliscobam) взялъ посредствомъ

своихъ полководцевъ. Ему предалась также и Веррея (Berroea) чрезъ Доброміра (Dobromerum), передшаго на сторону Римлянъ».

Бандури, въ Восточной Имперіи или Древност. Константин., т. I, ч. III, стр. 5, изд. Париж. 1711 года:

«А Императоръ (Константинъ Великій), оставивъ 6009 ситнаріевъ для построенія водопроводовъ и стѣнъ, самъ повелъ войско противъ Скиѳовъ, коихъ покоривъ, города заложилъ Пертславу, Дистру (Distram), Плискуву, и Констанцію. Въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, попеченіемъ Ермія, они были выстроены».

II.

Кедринъ, ч. II, стр 704, по изд. Венец., стр. 551:

«Въ лѣто отъ созданія міра 6508 (1000), Индикта 13-го, Василій послалъ сильное войско противъ Болгаровъ, расположившихся станомъ (adversus Bulgarica castra) за Гемомъ, подъ предводительствомъ Патрикія Ѳеодорикона и Протоспатарія Никифора Ксифія. Римское войско, за большою и малою Пертславою (Perthslaba) [15] и Плисковою, возвратились въ долы съ побѣдою».

Скилица стр. 89:

«А въ лѣто отъ созданія міра 6508, Индикта 13-го, Императоръ отправилъ многочисленное войско противъ Болгарскихъ крѣпостей, находящихся за Гемомъ, подъ начальствомъ Патрикія Ѳеодорикона, и Протоспатарія, Никифора Ксифія взялъ Перятславу (Perathslabam), большую и малую и Плискову, а Римское войско безъ всякой потери возвратилось оттуда съ трофеями.»

Бандури, въ Изъясн. Константинп. Древност., стр. 465:

«Плискова (Pliscoba), такъ читается у Зонара, Кедрина, у Анны Комниной Плискува (Pliscuba) и у писателей о началѣ. Константиноп., Льва Діакона, кн. VIII истор., рукоп., построеніе оной никто, сколько знаю, кромѣ писателей о началѣ Константинополя, не приписываетъ Константину Великому».

в) Выписка изъ рукописнаго Пролога, находящагося въ Библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи подъ N. 30.

«Св. Димитрій Солунскій, жившій въ царствованіе Максиміана и Діоклитіана, во второй половинѣ 3-го вѣка, былъ посаженъ въ темницу за исповѣданіе Христа. Между тѣмъ, какъ онъ томился въ заключеніи, сильный и славный борецъ Максиміановъ, именемъ Лій, во время торжественныхъ игръ, съ гордостію вызывалъ противника на единоборство. Одинъ юный Христіанинъ, по имени Несторъ, укрѣпленный благословеніемъ и молитвою Димитрія, вступилъ въ борьбу съ Ліемъ, побѣдилъ его и лишилъ жизни. Максиміанъ,

---

15 Въ Россійскомъ переводѣ Кедрина, ч. II, стр. 159, Переславъ и Переяславецъ.

огорченный смертію любимца своего, велѣлъ воткнуть его на копье, и онъ отъ такого мученія скончался.»

Упоминается еще, что Св. Димитрій носилъ перстень. Изъ сего заключить можно, что онъ былъ воинъ, всадникъ или Римскій Дворянинъ (Eques).

Св. Димитрій, чудодѣйствуя по смерти, спасъ горотъ Селунь отъ нападенія Болгаровъ, и потомъ отъ глада.[16]

Почтеннѣйшій Григорій Даниловичъ!

По порученію Канцлера, въ 5-й части Іерархіи, на стр. 337-й, нашелъ я описаніе Новгородскаго Сѣверскаго Преображенскаго монастыря. Но, къ удивленію моему, сочинитель основаніе его относитъ къ половинѣ 17-го вѣка; по сему никакихъ подробностей, особливо по отношенію къ Св. Даніилу и Св. Стефану, нашимъ древнимъ путешественникамъ, искать здѣсь нельзя. Я перешарилъ содержащіяся въ Іерархіи извѣстія о всѣхъ древнѣйшихъ монастыряхъ (въ 6-й части 2-го отдѣл., стр. 1096—1102), основаніе коихъ полагается въ X, XI и XII-мъ столѣтіяхъ, искалъ именъ оныхъ путешественниковъ, но, кромѣ Стефана, бывшаго Игуменомъ въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ и потомъ скончавшагося во Владимірѣ Епископомъ 1094 г., не нашелъ никакого. Впрочемъ, время кончины Стефановой утверждаетъ эпоху взятія Іерусалима, что послѣдовало, по сказанію Роберта и Балдуина, въ 1109 году. Сверхъ сего, поелику путешественникъ нашъ упоминаетъ о Балдуинѣ и походѣ съ нимъ къ Дамаску (см. Слов. о писат. дух. I, 113), то изъ сего должно заключить, что Стефанъ и Даніилъ были въ Іерусалимѣ при Балдуинѣ II-мъ, третьемъ Королѣ Іерусалимскомъ, который, какъ читаемъ у Вильгельма Тирскаго, взошелъ на престолъ 1118 года, и со учрежденными въ сей же самый годъ рыцарями храма, ходилъ къ Дамаску въ 1122 году и былъ взятъ въ плѣнъ Сарацинами при Евфратѣ (кн. 13, гл. 17). Такимъ опредѣленіемъ времени возшествія Балдуинова на престолъ и его похода къ Евфрату, совершенно можно опровергнуть мнѣніе Карамзина, который полагаетъ, что Даніилъ въ 1113 году возвратился уже въ отечество и посвящалъ Епископа въ Юрьевѣ (II, прим. 211).

Прошу Васъ довести сіе до свѣдѣнія Канцлера, пока я, удосужившись, приступлю къ дальнѣйшему изслѣдованію любопытныхъ обстоятельствъ нашего паломника. Впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось, для удобнѣйшаго соображенія оныхъ, видѣть полный списокъ путешествія Стефанова, который навѣрно у Канцлера есть.

Вмѣстѣ съ симъ возвращаю и «Іерархію.»

Я имѣлъ честь докладывать Канцлеру о доставленныхъ Вами мнѣ «Scriptores Rerum Polonicarum», въ которыхъ я нашелъ только самыя позднія извѣ-

---

16 Труды эти относятся къ 1818 году.

стія о Россія. Въ слѣдствіе чего Его Сіятельство приказалъ возвратить ихъ Вамъ, для отправленія, что симъ и исполняю. Но, въ замѣнъ сихъ, я нашелъ въ каталогѣ, и отмѣтилъ особымъ знакомъ, сочиненія Богухвала, Дипломатическій кодексъ, Мартына Кромера, Дитмара, Длугоша, Исторію Польскую и Литовскую, Библіотеку Залусскаго и Ленгниха.

Отмѣченныхъ другимъ знакомъ Богословскихъ книгъ въ сіе число не полагаю.

Въ заключеніи прошу извѣстія о состояніи Вашего здоровья.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и т. д.

Иванъ Григоровичъ.

С.-Петербургъ.
Октября 20 дня, 1818 года.
Александроневская Лавра.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Государственный Канцлеръ получилъ изъ Кракова письмо на Латинскомъ языкѣ, и поручилъ мнѣ препроводить оное къ Вамъ. Вы много одолжите Канцлера, если, переведя его на Россійскій языкъ, не много медля, возвратите, или прямо Графу, или чрезъ меня.

Исполняя симъ волю Его Сіятельства, честь имѣю быть съ особечнымъ почтеніемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Григорій Богацкій.

С.-Петербургѣ
26-го Генваря, 1819 года.

Вотъ переводъ этого письма, которое не лишено интереса:

«Его Сіятельству, Графу Н. П. Румянцову, Русской Имперіи Канцлеру и разныхъ Орденовъ Кавалеру, знаменитѣйшему и просвѣщеннѣйшему мужу, Милостивѣйшему Государю.

Его Сіятельство, Графъ Іосифъ Залусскій, доставилъ Краковскому ученому Обществу нашему письмо Вашего Сіятельства, писанное къ нему, отъ 1-го Октября текущаго года, изъ С.-Петербурга, напомнилъ и мнѣ о благосклонности Вашего Сіятельства, которая цѣлому свѣту извѣстна. По сей причинѣ, убѣждаясь совѣтомъ онаго ученаго мужа, моего благодѣтеля, я принялъ смѣлость препроводить въ библіотеку Вашего Сіятельства свою «Исторію Польскаго Королевства,» напечатанную въ Бреславѣ въ 1809 и 1810 годахъ, также, «Исторію Краковской Типографіи,» изданную въ 1815, вмѣстѣ съ «Краковскими Записками (Miscellanea) 1814 и 1815. Удостойте, Сіятель-

нѣйшій Графъ, Вы, который составляете украшеніе Русскаго народа, славнѣйшаго между племенами Славянскими, удостойте принять сію книжку съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ (я послалъ ихъ чрезъ посредство моего благодѣтеля). Вмѣстѣ съ симъ позвольте мнѣ, надѣясь на Вашу благосклонность, донести здѣсь Вашему Сіятельству о такомъ предметѣ, который относится къ ученымъ изысканіямъ въ разсужденіи Славянъ, а слѣдовательно и Русскихъ.

Октоихъ или Осмогласникъ Св. Іоанна Дамаскина, напечатанный въ 1491 г. въ Краковѣ Свебольдомъ или Святопельтомъ Фіолемъ, хранится въ Бреславлѣ, въ общественной Библіотекѣ Рядигеріевой (Historya Krol. Polsk. t. I, pag. 100). Въ сей Славянской книгѣ печать Кирилловская; я пространнѣе описалъ ее въ программѣ, когда, по случаю открытія Библіотеки Краковскаго Университета, въ 1812 году, принялъ на себя должность библіотекаря. Одинъ мой пріятель напечаталъ сіе описаніе въ «Краковскихъ Запискахъ.» Послѣ того я самъ повторилъ его въ «Исторіи Краковской Типографіи,» по тому болѣе, что одинъ изъ ученыхъ, Феликсъ Бентковскій, мой другъ, въ сочиненіи своемъ, «De typis Halleriani ca Cracoviensibus,» изданномъ въ Варшавѣ 1812 года, будучи увлеченъ ложнымъ мнѣніемъ, доказывалъ, будто Свебольдъ Фіоль былъ слуга Г. Галлера. Въ такомъ случаѣ мнѣ надлежало подлинную Свебольдову исторію извлечь изъ Краковскихъ Архивовъ, и я помѣстилъ ее въ своей «Historya Drukarń Krak.» 1815. Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство и сей книгѣ дать въ своей библіотекѣ мѣсто.

Правда, я зналъ и изъ журнала Бакмейстерова и изъ ученой переписки Іосифа Добровскаго, Пражскаго уроженца, что Свебольдъ Фіоль напечаталъ въ 1491 г. въ Краковѣ Псалтырь, или Часословецъ, который купленъ былъ Графомъ Толстымъ, но признаюсь, подлинное и полное надписаніе сей книги мнѣ стало извѣстнымъ только изъ благосклоннаго отзыва Вашего, Сіятельнѣйшій Графъ! Я очень этому радъ былъ; ибо, будучи родомъ Полякъ изъ Люблина, я прожилъ въ Петербургѣ два года, тому уже двадцать лѣтъ назадъ; въ продолженіи того времени я съ удовольствіемъ занимался изученіемъ Кирилловскаго письма (азбуки), и узнавъ нѣсколько Русской языкъ, я съ того времени полюбилъ Русскую Словесность (она того стоитъ), такъ какъ и свою отечественную. И въ семъ не могу не признаться: мнѣ чрезвычайно было пріятно, когда одинъ Русскій ученый перевелъ на отечественный свой языкъ мое сужденіе о литтературѣ Богемской (Czechica), Польской и Русской, помѣщенное въ Варшавскомъ журналѣ на 1814 годъ (см. Вѣст. Европы 1815 г., N. 5, стр. 23—25, 110 — 120). Мнѣ остается сожалѣть, что я не такъ хорошо знаю прекрасный Русскій языкъ, чтобы въ состояніи былъ писать чисто по Русски. Однако, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы Исторія Свебольда Фіоля, которую почерпнулъ я изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, сдѣлалась замѣтною и Русскимъ ученымъ, такъ какъ и другія книги о Кирилловскомъ письмѣ или печати, а Славянскія, напечатанныя въ Польшѣ до временъ нещастнаго царствованія Короля Сигизмунда III, т. е, 1588 — 1636 г. Естьли сіе угодно будетъ Вашему Сіятельству, то я почту это за величайшую въ жизни своей ученую награду, каковую въ состояніи даровать мнѣ щастіе.

Естьли же нѣтъ, въ такомъ случаѣ испрашиваю у Вашего Сіятельства одной милости, извинить мою дерзость и мои неумѣренныя желанія, къ чему одна благосклонность Ваша, Сіятельный Графъ, меня побудила.[17]

Имѣю честь быть, Вашимъ, Сіятельнѣйшій Графъ, и т. д.

Георгій Самуилъ Бандтке,

Профессоръ Библіографіи и Краковскаго Университета Библіотекарь.

Краковъ.
Декабря 1 (11) числа,
1818 г.

Въ этомъ же 1818 году Графъ Румянцовъ прислалъ къ Ивану Григоровичу «списокъ съ грамоты Латинской,» и просилъ его перевести ее на Русскій языкъ, и два харатейные списка Евангелія Іоанна: Синод. Библіот. за N. 14, и Луцкій, принадлежащій Графу Румянцову.[18] Вотъ эти труды:

Въ спискѣ грамоты Латинской заключается слѣдующее:

Іоаннъ, Архіепископъ Рижскій, адвокату, консуламъ и всему обществу города Любека, пишетъ о томъ 1) что предмѣстникъ его, при коемъ онъ находился въ качествѣ главнаго прелата (proepositura), Іоаннъ, Архіепископъ, Эрнестъ, Магистръ Тевтонскаго Ордена, и граждане Риги, отъ имени всего Христіянскаго народа, а съ другой стороны Государь Летговіи, Трапдеце, за всѣхъ своихъ подданныхъ, подтвердилъ мирныя условія; 2) что сей Государь испросилъ у Архіепископа, Магистра и граждань, для увѣренія въ ихъ дружественномъ расположеніи, посла (nuncius), каковымъ и отправленъ былъ Консулъ Рижскій, Арнольдъ, который, однако, будучи взятъ имъ въ плѣнъ вѣроломнымъ образомъ, въ неволѣ у него и скончался, не смотря на то, что на искупленіе Арнольда, прежде нежели онъ умеръ, понесены большія издержки; 3) что сей Государь не только не освободилъ плѣнника посла, но вторгся потомъ въ земли ихъ и опустошилъ границы огнемъ и грабежами. Но 4) когда подданные его пришли въ Ригу по торговымъ дѣламъ, Архіепископъ, Магистръ и граждане, въ отмщеніе за причиненные имъ убытки и плѣненіе Нунція, удержавъ сихъ купцовъ съ товарами, послали съ однимъ изъ задержанныхъ другаго своего посла, и требовали вознаградить ихъ за обиду и возвратить плѣнника, ежели онъ желаетъ, чтобы подданные его отпущены были въ отечество съ своимъ иму-

---

17 Иванъ Григоровичъ, по порученію Канцлера, перевелъ «Исторію Свебольда Фіола,» на Русскій языкъ, и представилъ ее Графу Румянцеву, но она остается, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ въ рукописи, между бумагами Графа.

18 См. Востокова Описаніе Румянц. Музея N. CXII.

ществомъ; но Государь сей съ негодованіемъ и угрозами отъ того отрекся, почему Архіепископъ, Магистръ и Рижане товары задержанныхъ купцовъ раздѣлили. 5) Нынѣ, продолжаетъ Архіепископъ Іоаннъ, узнали мы, что нѣкто Гелмикъ и Іоаннъ Лертъ, которые въ то еще время, когда заключенъ былъ мирный договоръ съ Государемъ Летвиновъ, приходили въ Ригу, и настоятельно просили позволенія войти съ караваномъ своимъ въ Двину, что имъ и дозволено, принесли ложную жалобу на Консуловъ и Градскихъ Начальниковъ (burgenses), будто бы Рижскіе наши граждане задержали нѣкоторыхъ Летвиновъ съ товарами, отдали ихъ подъ стражу, и что также и они, Гелмикъ и Іоаннъ, въ то самое время, когда трое сутокъ держали подъ стражею ихъ, лишились своего имущества, которое расхищено Рижанами. Посему мы (Архіеп. Іоаннъ) сею грамотою объявляемъ (гражданамъ Любека), какъ и прочимъ городамъ объявили, что Летвины, по поводу Гелмика и Іоанна, никогда не были задерживаемы, и, удостовѣряя васъ, всѣхъ и каждаго, въ невинности нашихъ Рижскихъ гражданъ, просимъ дать вѣру грамотѣ нашей, какъ мы совершенно вѣримъ вашимъ грамотамъ. Впрочемъ, постарайтесь, чтобъ Гелмикъ и Іоаннъ, или кто ни будь на ихъ мѣстѣ, въ вашемъ городѣ, не оскорбилъ нашихъ гражданъ; и въ семъ случаѣ употребите такое за насъ ходатайство, какое сами желаете, чтобъ мы употребили за васъ въ подобномъ, или важнѣйшемъ, обстоятельствѣ.

Дана въ Ригѣ, въ день Агаѳія.

ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ІОАННА.

Въ спискѣ харат. Синодалн. Библ. № 14.

Искони баше слово, и слово баше отъ Бога, и Богъ баше слово. Се бѣ искони отъ Бога. Все тѣмъ бы, и беж него ничто же не бы, еже бы. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ въ тьмѣ свѣтить, и тьма его не постиже. Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имѧ ему Їоанъ. Съ приде въ съвѣдѣтельство, да съвѣдѣтельствуеть о свѣтѣ, да вси вѣроу имоуть имъ. Не бѣ тъ съвѣтъ, нъ да послоушъствуеть о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истиньнъ, иже просвѣщаеть всего человѣка, грядоущаго въ мїръ. Въ мїрѣ бѣ, и мїръ тѣмъ бысть, и мїръ его не позна. Къ свои прїде, и свои его не прїаша. Елико же ихъ прїатъ и, дасть имъ область чадомъ Божьемъ быти, вѣрующимъ въ имѧ его. Иже не отъ крови, ни отъ похоти плътьскы, ни отъ похоти моужскы, нъ отъ Бога родїшасѧ. И слово плъть бысть, и въселисѧ въ насъ, и видѣхомъ славоу его, славоу яко единочадаго отъ отца,

испълнь благодѣти и истины. Їоанъ съвѣдѣтельствоуетъ о немъ, и възва, глагола, съ бѣ, его же рѣхъ, грядыи по мнѣ, предъ мъною бысть, ѭко първвѣи мене бѣ. И отъ испълненья его мы вси прїѩхомъ благодѣть возъ благодѣть. Ѩко законъ Моисеемь данъ бысть, благодѣть и истина Їисоусъ Христомь бысть.

Въ спискѣ харат. Луцкомъ Госуд. Канцлера:

Искони бѣ слово, и слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ слово. И сь бѣ искони отъ Бога. И вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же не бысть, еже бысть. Оу томъ животъ бѣ, и животъ бѣ и свѣтъ человѣкомъ. Свѣтъ во тьмѣ свѣтиться, и тьма его не постиже. И бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Иванъ. И сь прииде оу свѣдительство, да свѣдительствуеть о свѣтѣ, да всї вѣроу имоуть имь. И не бѣ то свѣтъ, но да свѣдительствоуеть о свѣтѣ. И бѣ свѣтъ истиньныи, иже просвѣщяеть всякаго человѣка, грядоущаго оу миръ. И оу мирѣ бѣ, и миръ тѣмъ бысть, и миръ его не позна, въ своя прииде, и свои его не прияша. Ї елико же ихъ приятъ, и дасть имъ власть чадомъ Божьимъ быти, вѣроующимъ во имя его. Иже не отъ кръви, ни отъ похот и плотьскї, ни отъ похоти моужьскы, но отъ Бога родишася. Слово и плоть бысть, въселися оу насъ, и видѣхомъ славоу его, славоу ѩко единочадаго отъ отца, исполнь благодати и истины. Иванъ свидѣтельствоуеть о немъ, ї возва, глагола, се бѣ, иже рекохъ, грядыи по мнѣ, предь мною бысть, ѩко перкѣе мене бысть. Отъ исполненья его мы оусприяхомъ блгть оузъ благодать, ѩко законъ Моисѣемъ данъ бысть, блгть и истина Їсъ Хрїстомъ бысть.

Ко всѣмъ этимъ, выше изложеннымъ, трудамъ, Ивана Григоровича, можно присоединить такъ же его критическій разборъ Типикона. Разборъ этотъ Иванъ Григоровичъ назвалъ: «Обстоятельства, относящіяся къ писателю Типикона, почерпнутыя изъ самой его книги,» и «Свѣдѣнія о Сотникѣ Лонгинѣ.»

Вотъ эти труды:

Обстоятельства, относящіяся къ писателю Типикона, почерпнутыя изъ самой его книги.

Сочинитель называетъ себя инокомъ, не упоминая своего имени; пишетъ такъ же къ инокамъ, которымъ изъявляетъ желаніе свое жить и по-

смерти во иномъ, еже словомъ. Далѣе говоритъ о себѣ, что онъ поселянинъ, простъ умомъ (это нѣсколько разъ, и конечно по смиренію); что онъ принялъ ученіе вѣры отъ прародителей (Русской не можетъ такъ говорить, естьли онъ старѣе Нестора), а не отъ еретическихъ странъ; разсказываетъ о своихъ гоненіяхъ, о переселеніяхъ въ различныя обители; ниже, что гонители, не терпя божественныхъ законовъ (разумѣетъ свой Уставъ, который онъ желалъ ввести въ употребленіе), сожгли его клитъ (клѣть, скитъ, келію).

Предлагаетъ свой Уставъ въ употребленіе обители, имъ самимъ устроенной. Обитель сію составилъ онъ по повелѣнію Епископа, котораго не именуетъ. Но ниже открываетъ, что Никонъ писалъ свой Уставъ для обители Св. Симеона, куда посланъ, или возвратился, отъ Антіохійскаго Патріярха. Далѣе разсылаетъ Уставъ и въ другія обители; говоритъ о разногласіи Уставовъ Студитскаго и Іерусалимскаго, и дѣлаетъ заключеніе къ преимуществу предъ ними Устава, составленнаго имъ самимъ, какъ основаннаго на Св. Писаніи и ученіи Отцевъ.

Въ словахъ или посланіяхъ своихъ многократно ссылается на сказаніе заповѣдей Господнихъ, на списателя Лѣствицы, на Кассіанову книгу Ображенія общежительныя, на сочиненія Св. Отцевъ, Соборныя уложенія. Многихъ изъ сихъ книгъ и послѣ Нестора не знали. Сверхъ сего книгу Сказаніе заповѣдей приписываетъ себѣ, и на нее ссылается.

Онъ жилъ въ Черной горѣ. «Тако (говоритъ онъ послѣ одной своей ссылки на Сказаніе заповѣдей) предаша; что же рече Великій Василье въ постныхъ его, и здѣ въ Черной горѣ.»

Замѣчательно, что въ краткомъ своемъ Мѣсяцесловѣ годъ начинаетъ Сентябремъ, вмѣсто Марта.

«Сія же вся, елика разумѣхъ, и написахъ, аще кто инъ разумѣетъ лучшая, она да бываютъ, а не сия. Аще ли и въ сихъ благоугодно есть быти, да бываетъ.»

Служеніе свое (управленіе обителію) называетъ «отъ Соборныя церкве Патріархія.» Изъ другихъ мѣстъ видно, что сіе относится къ Патріарху Антіохійскому.

Приведя слово изъ толкованія заповѣдей (неизвѣстно, та ли это самая книга, которую онъ выше назвалъ Сказаніе заповѣдей Господнихъ), говоритъ, что онъ: «избравше нѣкая нужная, здѣ, на концѣ книги, сія положилъ.» Сіе должно разумѣть о концѣ посланія, а не сочиненія.

Ссылается наГрадстіи законы, и пишетъ, что на основаніи ихъ, поставляемый Епископъ и прочіе, поступающіе въ духовное званіе, долженъ есть быти дѣвственникъ. А на слѣдующей страницѣ говоритъ о скопцахъ, и опять ссылается на Градскіе законы. Сего нельзя приложить къ нашей Русской Правдѣ.

Въ началѣ посланія къ Киръ Лукѣ пишетъ: «Знаеши предняя моя гоненья, прежде даже не придутъ Турская нападенья. Егда же пріидоша Турци, и пр.» Не извѣстно, къ какому времени сіе надобно отнести. Изъ другихъ посланій видно, что писатель возвращается въ обитель свою (Св Симеона), послѣ того, какъ она уже освобождена отъ Турковъ. Въ томъ же посланіи посылаетъ Лукѣ свою книгу Божественныхъ писаній, съ толкованіемъ ихъ. Въ другихъ посланіяхъ дѣлаетъ на нее многократно ссылки, изъ коихъ видно даже, что сія книга были во всеобщемъ употребленіи, но нынѣ она неизвѣстна

«Мы здѣ, въ храмѣ Св. Богородицы, и Ронды (?), яко же писалъ ны еси отъ Соборныя церкве Патріархія (разумѣется, Антіохійскаго Патріарха; по другимъ посланіямъ, онъ самъ при ней находился), и обаче испытаюмъ, и егда заити солнцу, и отпустихомъ, скончавающюся третьему часу нощи; и обаче ниже отъ себе створихомъ, развѣ яко типицы монастырей пишутъ» и проч.

Сказавъ о несогласіи Іерусалимскихъ (новѣйшихъ) типиковъ, далѣе: продолжаетъ: «принуждаемъ, повѣда ми Киръ Θеодосіе (бывшій Игуменъ Св. Саввы, потомъ же у Спаса въ Лаодикіи), и обрѣтохомъ въ книгоположницы типикъ скровенъ древній Іерусалимскій, его же бяше Никодимъ, бывъ Игуменомъ Св. Саввы, изложилъ Митрополиту Лаодикійскому изначала. И то взяхъ (?), яко же вѣси, и имамъ здѣ, у Св. Симеона Чудотворца, и иже хощетъ, отъ него преписуетъ.» Явное противурѣчіе! Никонъ составилъ свой типикъ изъ древнихъ, основалъ его на Св. Писаніи и ученіи Отцевъ, и сдѣлалъ общимъ для обителей, и онъ же опять позволяетъ вводить въ употребленіе Іерусалимскій. Далѣе говорится, что онъ, составивъ свой Типикъ отъ древнихъ типиковъ, оставилъ его въ Симеоновской обители.

«И нынѣ Патріархъ нашъ Киръ Іоаннъ предаетъ» и проч. Выше сего говоритъ объ Антіохійскомъ Патріархѣ. По связи рѣчи можно заключить, что Никонъ былъ современникъ Іоанна. Въ другихъ посланіяхъ тоже можно относить и къ Патріарху Θеодосію и къ Николаю (надобно справиться о семъ въ Oriens Christian. Ле-Кеня).

Говоритъ о себѣ, что онъ бесѣдовалъ съ однимъ Черногорскимъ инокомъ будучи въ Константинополѣ. Изъ нѣкоторыхъ посланій видно, что и самъ Никонъ былъ Черногорскій инокъ.

«Въ немъ же нынѣ жительствуемъ, пресловущемъ градѣ Антіохіи,» говоритъ сочинитель о себѣ многократно.

Упоминаетъ о Патріархѣ Антіохійскомъ Киръ Николаѣ, какъ современникѣ своемъ, хотя говоритъ объ немъ, какъ объ умершемъ уже. Въ другихъ мѣстахъ современниками его полагаются Іоаннъ и Θеодосій (см. Ле-Кеня Oriens Christ.).

Ссылается на Патерикъ Мономвасійскій (?)

Писатель вмѣщаетъ Посланіе Петра, игумена и архимандрита Симеоновскій обители, что на Дивной горѣ, къ Іерусалимскому Патріарху Евѳимію. Цѣль сего не извѣстна, но это служитъ признакомъ, что Типиконъ есть книга не одного писателя.

Говоритъ о Ѳеодосіи Патріархѣ, какъ современникѣ своимъ, но не именуетъ его Антіохійскимъ. Выше сказано, что онъ имѣетъ не одного современнаго Патріарха. Далѣе: Патріархъ Антіохійскій (по связи рѣчи, кажется, Ѳеодосій) далъ ему повелительное глаголати и учити отъ Божественныхъ писаній. Ниже: возвращается въ свою обитель (Св. Симеона) послѣ того, какъ они освобождены отъ Турковъ.

Упоминаетъ о Крестовыхъ Рыцаряхъ, которыхъ называетъ языкомъ Фружскимъ. Сказавъ, что сей языкъ нынѣ воинствуетъ, начинаетъ свои историческія изслѣдованія о взятіи ими Рима, о внесеніи туда своихъ ересей; пишетъ о Патріархѣ Фотіи, какъ соперникѣ еретиковъ азимитовъ. Но изъ одного упоминовенія о Фрузахъ и обстоятельствъ, имъ приписанныхъ, не льзя сдѣлать заключенія къ тому, что Никонъ есть точно современникъ Императора Греческаго Константина Дуки. Для сего надобно сличить Типиконъ раскольническій съ находящимся въ Патріаршей Библіотекѣ.

Не говоря ничего положительнаго о буквѣ а, вошедшей въ церковную нашу Ариѳметику невѣдомо когда, не можно, однако же, удовлетвориться и тѣмъ мнѣніемъ, будто она написана подражательно Греческой буквѣ ϡ, содержащей, какъ извѣстно, 900. Ибо писцу, переписывающему на природномъ языкѣ сочиненіе, для него совершенно понятное, едва ли можно не знать своего лѣтосчисленія. Сверхъ сего, приписанныя тамъ же, въ концѣ книги, слова: «вынеслъ бяше сия книги Св. Никонъ изъ Святое горы, игуменъ Ларіонъ того же монастыря, можно толковать двояко: или 1) такъ, что Никонъ принесъ Типиконъ свой изъ Святой Горы, когда Иларіонъ былъ Игуменомъ (въ Кіевской Лаврѣ); или 2) что Игуменъ Иларіонъ принесъ изъ Св. Горы книги Никоновы. У Нестора, и вообще въ Лѣтописяхъ, очень часто винительный падежъ ставится безъ всякой перемѣны конечныхъ буквъ, точно такъ, какъ и именительный. Въ послѣднемъ случаѣ Никонъ совсѣмъ не нашъ писатель, каковымъ онъ и показываетъ себя въ своей книгѣ.

О Сотникѣ Лонгинѣ.

Въ Никонов. лѣт. (час. V, стр. 56 и 57) говорится, что у Великаго Князя Василія Дмитріевича родился сынъ Василій: «егда прииде день той, вонь же родитись ему, начатъ мати его вельми изнемогати, яко и къ смерти приближитись ей, великому жъ Князю Василью о семъ въ скорби великую сущу; бѣжъ въ то время нѣкій старецъ святъ во монастырѣ Св. Ивана Предтечи надъ боромъ, за рѣкою Москвой, знаемъ же бѣ и Великому Князю Василью Дмитріевичу, къ нему жъ посла Князь Великій, да помолится о Княгини его. Онъ же отвѣща посланному къ нему, рекъ сице: шедъ, рцы Великому Князю,

да помолится Господу Богу и пречистей его Матери Богородицѣ, великому мученику Логину Сотнику, понежъ той данъ бысть помощникъ отъ Бога всему роду вашему о всѣхъ, ихъ же требуете благихъ. О Княгинѣ своей не скорби, здрава будетъ, родитъ тебѣ сына въ вечеръ сий, наслѣдника тебѣ, ежъ и бысть. Внегда жъ родись, и въ той часъ Священнику, духовнику Великого Князя, сѣдящу въ келіи своей, въ монастырѣ Преображения Господа Бога и Спаса Нашего Исуса Христа, пришедъ нѣкто, ударивъ въ двери келии его, рекъ: иди, нарци имя Великому Князю Василью. Онъ же вскорѣ вставъ, и шедъ, нарече имя отрочати Василий, яко жъ прежъ слыша, и потомъ много всѣхъ пыта, кого прежде послаша по него, или кто есть приходивый и звавый его, и никто жъ обрѣтесь нигдѣ же.»

Графъ, желая повѣрить это сказаніе Нестора о Сотникѣ Логинѣ, поручилъ это сдѣлать Протоіерею Іоанну Григоровичу. Вотъ что сообщилъ Григоровичъ:

«Христіанская Церковь совершаетъ память Св. мученика Логгина Сотника въ 16-й день мѣсяца Октября.

Логгинъ былъ начальникомъ Римскихъ воиновъ, находившихся при Крестѣ Іисуса Христа.

Будучи свидѣтелемъ Его страданій и смерти, сопровождаемыхъ ужасами природы, онъ у подножія Креста исповѣдалъ Христа истиннымъ сыномъ Божіимъ. Матѳ. XXVII, 54; Марк. XV, 39. Потомъ, узрѣвъ торжественное Его Воскресеніе, и совершеннѣе увѣрившись въ истиннѣ пришествія Мессіи, Логгинъ сдѣлался уже ревностнымъ послѣдоватемъ Христовымъ. Такое поведеніе скоро его привело въ ненависть у Іудеевъ, соблазнявшихся о имени Христа. Они успѣли оклеветать предъ Пилатомъ, и заставили его осудить Логгина на смертную казнь съ другими двумя воинами. По исполненіи сего приговора, Пилатъ и Іудейскій Синедріонъ (Совѣтъ) въ Іерусалимѣ повелѣли главу убіеннаго Логгина бросить внѣ города. Чрезъ нѣсколько времени она обрѣтена нѣкоторою благочестивою вдовою, которая посредствомъ ея исцѣлилась отъ своей слѣпоты.

Сіи главныя обстоятельства жизни Св. Логгина Сотника подробно описаны Логоѳетомъ (Канцлеромъ) Симеономъ или Метафрастомъ, который былъ одинъ изъ Византійскихъ историковъ, въ Acta SS. Martirum sincera (т. е., въ подлинныхъ дѣяніяхъ Св. Мучениковъ) и въ Русской Четь-Минеи, час. I. Однако жъ, сочинители сихъ книгъ не приводятъ ни одного случая, по которому бы можно было признать Логгина особеннымъ покровителемъ Россійскаго Царскаго Дома. Въ противномъ случаѣ, самая отдаленность времени явно бы противорѣчила ихъ повѣствованію; ибо извѣстно, что въ началѣ Христіанской вѣры и имя Россіи еще не существовало.

Но какъ нѣкоторые изъ Рукскихъ лѣтописей въ самомъ дѣлѣ приписываютъ Св. Логгину покровительство Великихъ Князей Россійскихъ, то въ самыхъ лѣтописяхъ нашихъ и надобно искать на сей предметъ разрѣшенія.

Въ Никоновской лѣтописи и Воскресенскомъ Временникѣ подъ 6923 (1415) годомъ упоминается, что нѣкоторый благочестивый старецъ, жившій въ монастырѣ Іоанна Предтечи подъ боромъ, не далеко отъ Москвы, предсказалъ Великому Князю, Василію Димитріевичу, что супруга его благополучно разрѣшится отъ бремени наслѣдникомъ, и при семъ совѣтовалъ ему помолиться Св. Логгину Сотнику, говоря, «что онъ самъ бысть помощникъ отъ Бога всему Вашему (Княжескому) роду.» Чтобъ симъ словамъ дать правильное истолкованіе, надлежитъ сперва отыскать подлинное время рожденія Василія Васильевича (Темнаго). Дѣйствительно, тѣ самыя лѣтописи полагаютъ оное случившимся въ 10-й день мѣсяца Марта, слѣдовательно, не въ тотъ день, который Церковь обыкновенно посвящаетъ памяти Св. Логгина. Въ такомъ случаѣ, или надобно довольствоваться простою догадкою, что Логгинъ названъ здѣсь помощникомъ Княжескаго рода не по чему иному, какъ по тому, что, можетъ быть, Василій Димитріевичъ имѣлъ у себя икону Св. Логгина, полученную, по древнему Русскому обыкновенію, въ благословеніе отъ своихъ родителей; или сознаться, что рожденіе сына его, Василія Васильевича, по тогдашней политикѣ, лѣтописатели прикрасили суевѣрною баснею, сходственною съ духомъ того времени. Сіе послѣднее подкрѣпляется и разсказами Великокняжескаго духовника о томъ, будто, прежде нежели послалъ Великій Князь звать его къ себѣ, для нареченія имени новорожденному, онъ уже былъ увѣдомленъ о томъ не извѣстно отъ кого, и что самое имя Княжескаго сына ему возвѣщено.

Впрочемъ, Никоновская Лѣтопись, въ части II, стр. 337, повѣствуетъ, что во время княженія Константина Всеволодовича (Мудраго) во Владимірѣ, въ 1218 году, Полоцкій Епископъ (имени его Лѣтопись не сохранила) принесъ туда изъ Константинополя обѣ руки Св. Логгина Сотника, которыя, вмѣстѣ съ другими, принесенными тогда мощами, положены въ церкви Святаго Димитрія.»

Въ выше приведенной перепискѣ со всею ясностію высказались способности Ивана Григоровича къ разработкѣ памятниковъ Отечественной Исторіи и подали Румянцову весьма лестныя надежды въ будущемъ. Но въ слѣдъ за этимъ случилось обстоятельство, грозившее разрушить планы ихъ обоихъ.

За годъ до окончанія курса въ Академіи, Иванъ Григоровичъ получилъ письмо отъ отца, который писалъ ему, что онъ уже слишкомъ старъ и не въ силахъ больше служить Богу и Отечеству. «Готовься ты быть ему достойнымъ слугой, продолжалъ онъ, и проси Канцлера о дозволеніи тебѣ занять мое мѣсто. Канцлеръ, нашъ благодѣтель, не откажетъ успокоить старика.» Иванъ Григоровичъ горячо и сильно любилъ своихъ родителей, и воля ихъ для него была священна. Но онъ также хорошо зналъ, что Графъ Румянцовъ желалъ бы устроить его иначе;

и эти желанія Графа тѣмъ болѣе имѣли силы для Григоровича, что были желанія его покровителя и вполнѣ соотвѣтствовали задушевнымъ мыслямъ молодаго человѣка, который не могъ уже не чувствовать своего призванія къ разработкѣ Отечественной Исторіи. Затрудненіе это увеличивалось еще тѣмъ, что, въ случаѣ согласія Графа на исполненіе воли отца, Иванъ Григоровичъ долженъ былъ просить еще и средствъ у своего покровителя, котораго богатыя надежды приходилось ему разрушить такъ неожиданно. Иванъ Григоровичъ избралъ рѣшеніе, которое дѣлаетъ честь его глубокимъ чувствамъ привязанности къ родителямъ и къ своему званію, и которое въ его затруднительномъ положеніи лучше всякаго другаго вело къ достиженію всѣхъ его важнѣйшихъ цѣлей. Онъ рѣшился исполнить волю отца, вступить въ Духовное званіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставлять науки. Въ этихъ именно видахъ онъ обратился къ Графу съ просьбою согласиться на желаніе престарѣлаго отца. Но видно, что смущеніе его было очень велико, потому что онъ не осмѣлился ни объясниться съ нимъ лично, ни писать прямо къ нему письма, а обратился съ письмомъ къ Секретарю Графа, Богацкому, съ которымъ онъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ. Изъ отвѣтнаго письма Канцлера къ Ивану Григоровичу мы увидимъ, какъ Канцлеру не хотѣлось позволить ему остаться на своей родинѣ, которая лишена была архивовъ и книгохранилищъ. Канцлеру нуженъ былъ молодой ученый. Онъ предполагалъ воспользоваться его способностями и позναніями для разработки собранныхъ имъ рукописей, и готовилъ ему обширное поприще дѣятельности. Теперь ему приходилось разстаться съ этими планами и опасаться, что способности молодаго человѣка заглохнутъ въ обыденныхъ заботахъ узкой провинціяльной жизни, вдали отъ большихъ книгохранилищъ—постояннаго возбужденія его любознательности. Однако просвѣщенный благородный покровитель Ивана Григоровича не счелъ себя въ правѣ разрушать добрыхъ намѣреній его, тѣмъ болѣе, что самъ глубоко сочувствовалъ интересамъ духовнаго званія. Онъ хотя съ грустію, но далъ свое согласіе, и Григоровичъ скоро показалъ, что его намѣреніе не оставлять науку не есть юношеская мечта.

Вотъ письмо Ивана Григоровича къ Г. Д. Богацкому, и отвѣтъ Канцлера къ Ивану Григоровичу:

«Почтеннѣйшій Григорій Даниловичъ!

Разсчитывая дни по плану Вашего путешествія, я полагаю, что письмо сіе должно Васъ застать уже въ Гомелѣ, и потому пускаю его прямо туда, прямо въ Ваши руки. Вы, конечно, знаете, Милостивый Государь, что, по самой цѣли моего образованія и по желанію моего престарѣлаго родителя, я долженъ возвратиться въ духовное званіе той Епархіи, изъ которой, за четыре предъ симъ года, поступилъ въ Академію. Прибавьте къ сему и то, что сколько же времени я не видѣлъ ни родителей своихъ, ни родины. И то и другое равно питаетъ во мнѣ желаніе ѣхать въ Гомель, коль скоро послѣдуетъ мнѣ, вмѣстѣ съ моими товарищами, выпускъ. Прощаясь съ Его Сіятельствомъ, покровителемъ моимъ, не имѣлъ я ни случая, ни смѣлости открыться ему въ сей нуждѣ, а особенно по тому, что исполненіе желанія моего соединено съ такими издержками, которыя выполнить, или понести, я не нахожу себя въ состояніи. По симъ обстоятельствамъ осмѣливаюсь просить Васъ, Милостивый Государь, довести до свѣдѣнія Его Сіятельства намѣреніе и нужды мои, и, если мнѣ позволено будетъ, привести въ исполненіе первое, испросить у него какое либо на проѣздъ пособіе.

Я хочу, чтобы и самая поѣздка моя была, такъ сказать, поучительною для меня, и напередъ открываюсь Вамъ, что мнѣ весьма желательно побывать въ Новгородѣ, чтобы осмотрѣть тѣ мѣста, которыя описывалъ только по соображеніямъ и которыя еще остаются предметомъ дальнѣйшихъ моихъ соображеній.... Если предложеніе мое понравится Его Сіятельству, то надѣюсь получить чрезъ посредство Ваше и письмо къ Ключарю Новгородскаго Софійскаго Собора, чтобы мнѣ позволено было разсмотрѣть тамошнюю библіотеку. Что сказалъ я собственно о Новгородѣ, то, смотря по обстоятельствамъ, Вы сами можете распространить на Псковъ, Полоцкъ и другіе встрѣченные города, хотя заранѣе думать можно, что въ сихъ послѣднихъ мало найдется пищи для духа наблюдательнаго.

Нѣкоторыя книги, взятыя мною изъ Библіотеки Его Сіятельства, и доселѣ у меня остаются. Однѣ изъ нихъ сдѣлались уже почти ненужными, но другія, каковыхъ большая часть, и теперь и въ послѣдствіи времени, для меня равно необходимы. Не говоря ничего о томъ, что я не осмѣливаюсь присвоить ихъ себѣ даже и на нѣкоторое время, мнѣ бы хотѣлось въ семъ случаѣ такъ расположиться, чтобы возвратить ихъ въ библіотеку, но не всѣ, а нѣсколько, преимущественно нужныхъ, взять съ собою въ дорогу. Сей милости я домогаюсь по той особенно причинѣ, что нынѣшнее окончательное испытаніе совсѣмъ не позволяетъ мнѣ заниматься умноженіемъ своихъ выписокъ для Исторіи Соборовъ, которыя должны быть окончены, по крайней мѣрѣ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ.

По сей же самой нуждѣ прошу Васъ усерднѣйше, М. Г., извѣстить меня, есть ли какія ни будь лѣтописи и другія историческія книги въ библіотекѣ Гомельской, кромѣ древнихъ

При свиданіи съ моими родителями свидѣтельствую мое и т. д.

Иванъ Григоровичъ.

С.-Петербургъ. Александро-Невская Лавра.
1819 года, Мая 21-го дня.

Милостивый Госсударь,

Иванъ Ивановичъ!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я письмо Ваше отъ 12-го числа текущаго мѣсяца, и въ ономъ усмотрѣлъ признательность, свойственную отличнымъ душамъ. Вы мнѣ уже совершенно воздали, когда за попеченіе о дальнѣйшемъ образованіи Вашемъ явили себя столь достойнымъ.

Вы въ правѣ себѣ избрать жребій, а я, почитатель духовнаго званія, тому не судья, что Вы его всякому иному предпочли; я Васъ и за то хвалить долженъ, что нѣжная къ родителямъ любовь влечетъ Васъ въ Гомель; но нельзя же мнѣ и вновь не замѣтить, какъ неоднократно въ Петербургѣ замѣчалъ я въ разговорахъ, что сіи обѣ похвальныя рѣшимости Ваши совершенно отсѣкаютъ Васъ отъ преднамѣреній моихъ. Вамъ извѣстно, что, узнавъ въ особѣ Вашей точныя способности къ изслѣдованію и объясненію нашихъ лѣтописей, я желалъ бы, чтобы Вы себя на то посвятили и остались бы въ престольномъ градѣ посреди столь многихъ источниковъ, пользуясь столь многими библіотеками, а живучи въ Гомелѣ, какую необходимую помощь такого рода Вы найти можете? И я, признаться Вамъ долженъ, съ трудомъ соглашаюсь, чтобы Вы нѣкоторыя и немногія изъ числа моихъ книгъ сюда привозили, и на это рѣшительный тогда только отвѣтъ дамъ, когда получу отъ Васъ имъ роспись. Я готовъ здѣсь, себѣ въ удовольствіе и Вамъ въ угодность, всѣ печатныя наши лѣтописи отдѣльно отъ Петербургскихъ книгъ имѣть; но какая это будетъ для Васъ жатва, когда отдалитесь отъ библіотекъ, богатыхъ рукописями? Вы способностямъ своимъ сами, такъ сказать, ставите добровольную и тѣсную огородку.

Я радоваться буду, когда Вы займете, яко достойный преемникъ, мѣсто родителя Вашего, коего весь Гомель почитаетъ.

Вамъ здѣшней церкви положеніе извѣстно; я къ оному никакого прибавленія сдѣлать не собираюсь, а на путевыя издержки для Васъ я предписалъ М. Григ.[19] выдать вамъ 200 р. асс. Въ Гомелѣ Вы найдете себѣ самый лучшій пріемъ, хотя помѣщику его желалось Васъ видѣть трудящагося надъ лѣтописями тамъ, гдѣ ихъ хранится много въ рукописяхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашимъ, Милостиваго Государя моего, покорнымъ слугою

Графъ Н. Румянцовъ.

Гомель.
Авг. 25-го дня, 1819 г.»

---

19 Мих. Григ Мышинъ былъ Управляющій имѣніемъ Графа Н. П. Румянцова

Мы теперь видѣли, какъ много дорожилъ Канцлеръ Иваномъ Григоровичемъ, и съ какою грустію и сожалѣніемъ онъ далъ ему свое согласіе поступить въ духовное званіе на мѣсто отца, въ скромный Гомель. Канцлеръ отчасти справедливо разсуждалъ, что Иванъ Григоровичъ, удалившись отъ богатыхъ библіотекъ, которыми такъ изобилуетъ наша столица, не могъ имѣть подъ руками необходимыхъ источниковъ и пособій для своихъ историческихъ разысканій, а потому и не могъ съ успѣхомъ заниматься Исторіею. Но столичныя библіотеки не принудили Григоровича измѣнить волѣ отца. Онъ нашелъ возможность исполнить послѣднюю и удовлетворить желаніямъ Канцлера. Онъ поступилъ на мѣсто отца Священникомъ и, въ то же время, рѣшился не оставлять науки. За неимѣніемъ библіотекъ въ Гомелѣ, онъ все свое вниманіе обратилъ на Архивы и монастыри Бѣлорусскіе, которые не мало дали пищи для его ума и сдѣлали его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ Западно-Русской жизни.

ГЛАВА II.

Окончивъ курсъ наукъ въ С-Петербургской Духовной Академіи въ 1819 году со степенью Кандидата Богословскихъ наукъ, Иванъ Григоровичъ отправился въ Гомель. На другой годъ онъ посвященъ былъ въ санъ Священника, а чрезъ четыре дня произведенъ въ Протоіереи Гомельскаго Петровскаго Собора, и занялъ отцовское мѣсто. Съ самаго поступленія въ Гомель, среди всѣхъ текущихъ дѣлъ своего мѣстнаго круга, онъ твердо держался даннаго намѣренія—не оставлять прежнихъ ученыхъ занятій, и съ замѣчательною быстротою и успѣхомъ подвигалъ ихъ впередъ и расширялъ. По вызову серьозныхъ интересовъ науки Отечественной Исторіи, онъ велъ обширную переписку съ передовыми людь-

ми того времени.[20] Само собою разумѣется, что какъ бы средоточіемъ и оживляющимъ началомъ всей этой переписки были сношенія отца Іоанна съ Графомъ Румянцовымъ, съ которымъ у него завязывались все болѣе и болѣе тѣсныя узы, не смотря на видимое ихъ разъединеніе по мѣсту жительства и различію сферъ дѣятеллности.

Съ 1818 года отецъ Іоаннъ Григоровичъ продолжалъ исполнять многочисленныя ученыя порученія своего благодѣтеля, и также неутомимо, какъ и прежде, посвящалъ себя наукѣ. Направленіе ученой дѣятельности отца Іоанна до конца жизни можно обозначить слѣдующимъ образомъ: это направленіе отъ общаго къ спеціяльному.

Сначала, какъ и естественно было ожидать, отецъ Іоаннъ, то по вызову Графа, то по связи съ прежними своими учеными работами, занимался вообще древностями Русскими. Но въ послѣдствіи времени онъ обратилъ все свое вниманіе на древности Западнаго края, которыми и занимался до конца своей жизни. Занятіями своими отецъ Іоаннъ въ этой области науки заслужилъ себѣ лестное имя знатока Западно-Русской жизни.

Первымъ полнымъ историческимъ трудомъ отца Іоанна былъ «Историческій и хронологическій опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ», сочиненіе, заслужившее тогда лестный отзывъ ученыхъ тогдашняго времени, Востокова, Строева, Калайдовича и Графа Румянцова, который, прочтя это сочиненіе, рѣшился напечатать его на свой счетъ. Но прежде чѣмъ приступилъ къ печатанію его, онъ сдѣлалъ весьма много замѣчаній и совѣтовъ на тѣ пропуски, какіе встрѣтилъ въ немъ.

Вотъ что писалъ Канцлеръ по поводу изданія въ свѣтъ сочиненія отца Іоанна «Опытъ о Посадникахъ Новогородскихъ»:

---

20 Отецъ Іоаннъ Григоровичъ находился въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отно шеніяхъ: съ Евгеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, Иваномъ Н. Лобойкой, Конст. Өедор. Калайдовичемъ. Алексѣемъ Өедор. Малиновскимъ, и другими учеными, съ которыми велъ обширную переписку. Въ настоящей статьѣ своей я не могу представить писемъ отца Іоанна къ Графу Румянцову, потому что въ Рум ян. Музеѣ не нашелъ ни одного изъ нихъ, хотя изъ отвѣтовъ Канцлера видно, что они должны быть; но куда они дѣвались, рѣшить не берусь. Со временемъ,

С.-Петербургъ. 11 Марта 1820 года.

«Высокопреподобный отецъ Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня почтили отъ 15-го Февраля. Я очень охотно соглашаюсь издать въ печать любопытное Ваше сочинение о Новгородскихъ Посадникахъ, но прежде нежели къ тому приступлю, препровождаю къ Вамъ рукописный краткій лѣтописецъ, въ которомъ, кажется, всѣ Епископы помѣщены, многіе Посадники и Строители всѣхъ Новгородскихъ Божіихъ храмовъ: пожалуйте повѣрить сію рукопись съ сочиненіемъ Вашимъ, не найдете ли въ ней того изъ Епископовъ, или Посадниковъ, о которомъ въ другихъ сочиненіяхъ и, слѣдовательно, и въ Вашемъ умолчано. Трудъ сей не много Васъ займетъ и не надолго отсрочитъ печатаніе сочиненія Вашего, а статься можетъ его пополнитъ. Рукопись, когда уже Вамъ ненужна будетъ, прошу Васъ возвратить мнѣ ее. Изъ приложенной здѣсь бумаги Вы усмотрѣть изволите, что я изъ статьи «Введеніе» выкинуть счелъ нужнымъ.

Съ большимъ удовольствіемъ свѣдавъ, что Вы въ Протоіерейскомъ санѣ заступили уже мѣсто почтеннаго родителя Вашего, не токмо Васъ, но самаго себя и Гомель мой поздравляю.

Благодарю за присланный списокъ съ грамоты, и покорно Васъ прошу стараться мнѣ и впредъ присылать списки съ таковыхъ, предпочтительно, однако же, съ тѣхъ, которыя не извѣстны и не изданы. Я твердо въ томъ увѣренъ, что при познаніяхъ Вашихъ, Вамъ легко будетъ отыскать какіе либо важные документы древнихъ временъ нашего Бѣлорусскаго и Минскаго края; въ древнемъ Туровскомъ княжествѣ вѣрно тлѣютъ забытыми таковыя бумаги; не ослабѣвайте, пожалуйста, въ любви Вашей къ просвѣщенію, и точно къ той части онаго, которая объемлетъ Отечественную древность.

Министръ Духовныхъ Дѣлъ пожаловалъ меня увѣдомить, что Коммиссія Духовныхъ Училищъ располагается умножить Гомельское Училище, распространяя его вообще на пятьповѣтовое и двуприходское. Для сего мнѣ надобно будетъ выстроить зданіе пространнѣе нынѣшняго, ему въ замѣнъ, что я и готовъ исполнить, и собирался при личномъ съ Вами свиданіи о томъ побесѣдовать. [21]

Поручая себя святымъ Вашимъ молитвамъ, съ особеннымъ почтеніемъ и т. д.

Графъ Николай Румянцовъ.

быть можетъ, при содѣйствіи другихъ, они отыщутся, и я напечатаю ихъ вмѣстѣ съ другими письмами выше поименованныхъ ученыхъ, сотрудниковъ Канцлера.

21 Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, со времени поступленія на Священническое мѣсто въ Гомель, былъ опредѣленъ, по ходатайству Канцлера, въ Ректора Гомельскаго Приходскаго Училища.

С.-Петербургъ. 14 Марта 1820 г.

Милостивой Государь мой,

Иванъ Ивановичъ!

Отвѣтъ Вашъ, каковымъ письмо мое почтить изволили отъ 23 Декабря, до меня исправно дошелъ, и я спѣшу свидѣтельствовать Вамъ всю мою признательность за него и за то, что Вы меня по прежнему помните и жалуете.

Наконецъ, общими силами успѣли, что Государственный Канцлеръ берется порядочно за Новгородскихъ Посадниковъ, и по сему поручилъ мнѣ писать къ Вамъ. Онъ беретъ на себя издержки всего изданія, состоять имѣющей изъ 600 экземпляровъ; Вамъ назначаетъ 200 экземпляровъ, а 400 оставляетъ для себя и пуститъ здѣсь въ продажу, дабы вырученными деньгами приложить капиталъ хотя не многимъ чѣмъ навсегда на таковые же предметы. Но между прочимъ проситъ Васъ приготовить безъ лишней хвалы маленькое введеніе слѣдующаго содержанія: «что Вы трудъ сей предприняли не только по волѣ Государственнаго Канцлера, но и были снабжены всякими отъ него средствами» и проч. Вы сами лучше сіе знаете и лучше распишите. Слѣдовательно, Вы, Милостивый Государь мой, очень хорошо сдѣлаете, ежели при письмѣ своемъ, въ которомъ надобно помѣстить согласіе свое на предложеніе Канцлера, препроводите и введеніе прямо на имя Графа безъ промедленія. Также отъ Васъ нужно знать, какъ Вы назначите поступить съ Вашими 200 экземплярами? Сколько ихъ къ Вамъ доставить, и что съ остальными дѣлать, здѣсь ли пустить въ продажу въ Вашу пользу, или всѣ къ Вамъ переслать? Пожалуйста, объясните все хорошенько, и не откладывайте сего, дабы оно не залежалось.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе дражайшимъ родителямъ Вашимъ. Ахъ! Если бы Вы вспоминали объ насъ хотя въ половину столько, сколько я съ Н. И. Васъ вспоминаемъ, часто просиживаемъ вечера въ однихъ бесѣдахъ о Васъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ навсегда пребуду

Вамъ искреннѣйшимъ слугою

Григорій Богацкій.

С.-Петербургъ. 11 Маія 1820 года.

Высокопреподобный отецъ Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Въ пріятной себѣ вмѣняю долгъ увѣдомить Васъ, что Государственный Канцлеръ, по прочтеніи письма, каковымъ меня удостоить изволили отъ 19-го Апрѣля, содержаніемъ онаго былъ доволенъ; онъ судить изволитъ, что прекрасное сочиненіе Ваше о Посадникахъ Новгородскихъ пополнить непремѣнно должно тѣми новыми и неизвѣстными свѣдѣніями, кои Вы найти изволили въ препровожденной къ Вамъ рукописи, и также желаетъ, чтобы статью Алфононовыхъ дѣтей, пяти братьевъ Посадниковъ, Вы пополнили свѣдѣніемъ, которое найдете въ отправленной къ Вамъ по тяжелой почтѣ рукописи. Въ ней, конечно, нѣтъ точнаго обозначенія, въ какомъ вѣкѣ они существовали, но то любопытно и вниманія достойно, что обозначенъ 6670 годъ,[22] какъ тотъ, въ которомъ они прославились, яко усопшіи, и вѣроятно задолго чудесами; такая ранняя эпоха очень любопытна. Канцлеръ, любя сочиненіе Ваше, очень желаетъ, чтобы оное въ лучшемъ блескѣ свѣту появилось, и для того поручилъ мнѣ отправить къ Вамъ по тяжелой почтѣ манускриптъ Вашъ, дабы Вы, Милостивый Государь мой, новыя отысканія въ двухъ рукописяхъ помѣстили въ разныхъ мѣстахъ по приличію, тѣмъ дополнивъ и обогатя похвальное Ваше сочиненіе. Кой часъ сей новый трудъ довершите, пожалуста возвратите мнѣ Вашъ исправленной манускриптъ и двѣ рукописи, а Графъ тотчасъ, по полученіи сочиненія Вашего, приступить къ изданію его.

Канцлеръ также поручилъ мнѣ, въ добавокъ къ вышеперечтеннымъ рукописямъ, отправить къ Вамъ почерпнутое въ Новгородѣ извѣстіе изъ жизни Савватія и Зосимы, въ которомъ упоминается о пяти Посадникахъ, то есть, по одному съ каждаго Новгородскаго конца, и видно ясно, что къ грамотамъ не токмо самъ Новгородскій Посадникъ, но изъ пяти концевъ Посадники документы утверждали своею подписью и своими печатьми,—обстоятельство, которое также сочиненію Вашему послужить можетъ.

Какія перемѣны во введеніи Вашемъ къ «Опыту» Его Сіятельству угодно сдѣлать, Вы изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ подлиннаго введенія Вашего, что вымаранное карандашемъ оставить бы совсѣмъ нужно.

Свидѣтельствуйте мое истинное душевное почтеніе Вашимъ родителямъ, и сами примите то съ особеннымъ и т. д

Григорій Богацкій.

---

22 На поляхъ подлиннаго письма, рукою отца Іоанна, карандашемъ выставленъ 1162 годъ.

Но мало по малу ученая дѣятельность Протоіерея Григоровича начала принимать направленіе самостоятельное и спеціяльное. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, обстоятельства много сдѣлали. Трудолюбивый, опытный знатокъ древностей, поселившись въ нашемъ Западномъ краѣ, не могъ не обратить вниманія на громадное богатство древнихъ памятниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ этого края. И такъ какъ эти памятники имѣютъ большею частію религіозное значеніе, то это обстоятельство еще болѣе вызывало вниманіе къ нимъ образованнаго и благочестиваго пастыря. Первое прикосновеніе Протоіерея Григоровича къ этимъ памятникамъ возбудило въ немъ мысль составить дополненіе къ извѣстной исторіи Амвросія. Мысль эта одобренà была Духовнымъ Начальствомъ, и отцу Іоанну поручено было, не безъ участія Графа Румянцова, заняться составленіемъ этого дополненія. Митрополитъ Евгеній, которому посланъ былъ, какъ надо думать, планъ этого труда, встрѣтилъ его съ сочувствіемъ, исправилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совѣтовалъ дать болѣе спеціяльное значеніе — составить отдѣльную исторію Бѣлорусской Іерархіи, вѣроятно, въ соотвѣтствіе труду Митрополита Евгенія «Кіевская Іерархія». Трудъ этотъ, какъ видно изъ замѣтокъ на него Митрополита Евгенія, заключалъ въ себѣ свѣдѣнія вообще о Православной Церкви въ Бѣлорусскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, онъ не напечатанъ, хотя и былъ оконченъ, и вѣроятно хранится въ Архивѣ Св. Синода, куда былъ представленъ сочинителемъ, и оттуда не былъ возвращенъ ему.

Вотъ что писалъ Государственный Канцлеръ отцу Іоанну, по поводу порученія отъ Епархіяльнаго Начальства собирать свѣдѣнія къ дополненію Бѣлорусской Іерархіи:

«С.-Петербургъ. 27 Апрѣля, 1823 года.

Высокопреподобный Отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 17 Апрѣля, меня тѣмъ много порадовало, что я въ немъ нашелъ неожиданную для себя радость, что, въ слѣдствіе Синодальнаго Указа, Преосвященный Вамъ предписываетъ собирать все, что можетъ въ Епархіи его послужить къ дополненію «Исторія Россійской Іерархіи», слѣдовательно, цѣль наша исполнится, и я, не взирая на то,

что Вамъ предписывается поѣздка отъ начальства, очень охотно, для совершенія ея, доставлю тѣ же средства, которыя доставилъ Вамъ въ прошедшемъ Вашемъ путешествіи, о чемъ и пишу къ Павлу Ивановичу.

Благодарю Васъ за попеченіе о нѣкоторыхъ нуждахъ новой соборной церкви; ограды у ней не будетъ: здѣсь (въ С.-Петербургѣ) ни у одной церкви, вновь построенной, оградъ не дѣлаютъ.

Вы напрасно удержали у себя экземпляръ «Софійскаго Временника», мною назначеннаго въ подарокъ Г. Лелевелю: онъ не въ Варщавѣ, а въ Вильнѣ; впрочемъ, все равно, перешлите его къ Г. Лобойкѣ, съ просьбою, чтобы онъ отъ меня его отдалъ ему.

Мнѣ чрезвычайно жаль будетъ, ежели пропали, мною къ Вамъ отправленныя, дѣянія Брестскаго Собора и Минскія грамоты, но не въ первое со мною сіе случилось. Препровождаю при письмѣ семъ копію съ одной грамоты, которая можетъ войти въ число заготовляемаго Вами сочиненія, и съ прочими поступайте также, когда сочтете, что они къ тому же предмету принадлежатъ.

Я не удивляюсь, что Преосвященный Евгеній къ Вамъ благоволитъ: Вы многими отличными качествами обращаете къ себѣ уваженіе тѣхъ особъ, съ коими имѣете случай быть знакомы.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе батюшкѣ Вашему и всей дражайшей семьи. Покорно Васъ прошу, Высокопреподобный Отецъ, не забывайте меня въ святыхъ молитвахъ Вашихъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

P. S. Препровождаю къ Вамъ, для Гомельской моей библіотеки, описаніе Рязанскихъ древностей, которые Вы прочтете съ любопытствомъ.»

Не смотря, однако, на эту неудачу, что трудъ Протоіерея Іоанна Григоровича: «Дополненіе къ Бѣлорусской Іерархіи,» пропалъ безъ вѣсти въ Архивахъ Св. Синода, сочинитель не упалъ духомъ. Этотъ трудъ еще въ самомъ началѣ навелъ его на другое ученое предпріятіе, которое и тогда и теперь имѣетъ глубокое значеніе какъ для науки вообще, такъ и для жизни Западнаго края. Онъ рѣшился собрать и издать съ переводами древнія грамоты Западнаго края. Мысль его при этомъ была та, чтобы разоблачить ложь Папства, безъ ненависти и озлобленій, а самыми фактами.

Графъ Румянцовъ съ восторгомъ встрѣтилъ и эту мысль, и самое предпріятіе Протоіерея Григоровича. Онъ исходатайствовалъ у духовной власти разрѣшеніе отцу Іоанну отправиться въ Могилевъ, для обозрѣнія тамъ Архивовъ древнихъ грамотъ, самъ доставилъ ему многія грамоты изъ Полоцкаго Архива, наконецъ самъ взялся издать это собраніе документовъ, которыхъ 1-я часть и явилась въ свѣтъ въ 1824 году подъ названіемъ: «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ». Между тѣмъ, у сочинителя этого замѣчательнаго труда было вновь собрано немало документовъ, изъ которыхъ онъ предполагалъ составить 2-ю часть своего изданія. Но обстоятельства заставили надолго отложить исполненіе этого ученаго предпріятія.

Могущественный покровитель отца Іоанна умеръ въ 1826 году, и всѣ ученыя предпріятія послѣдняго остались не изданными до тѣхъ поръ, пока въ 1836 году образовалась при Министерствѣ Народнаго Просвѣщеніи Археографическая Коммиссія для изданія древнихъ историческихъ памятниковъ Россіи. Отецъ Іоаннъ, какъ и естественно было ожидать, встрѣтилъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ это полезное учрежденіе, и съ свойственнымъ ему безкорыстіемъ пожертвовалъ въ Коммиссію богатое свое собраніе древнихъ актовъ, относящихся къ Западной Россіи, приготовленное имъ къ изданію, какъ 2-я часть Бѣлорусскихъ грамотъ. А для полноты собранія Бѣлорусскихъ актовъ, Коммиссія, съ согласія отца Іоанна, перепечатала въ своихъ изданіяхъ и 1-ю часть, сдѣлавшуюся тогда очень рѣдкою.

Вотъ что писалъ къ отцу Іоанну Государственный Канцлеръ[23] по поводу собиранія грамотъ, для изданія 1-й и 2-й части «Бѣлорусскаго Архива»:

«С.-Петербургъ. Марта 4 дня, 1823 года.

Высокопреподобный Отецъ Протоіерей Іоаннъ!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 27 Февраля. Хвалю тотъ планъ, который Вы начертили себѣ для введенія къ изданію Бѣлорусскихъ грамотъ. Конечно, духъ Папизма, какъ пишите, надобно обнаружить, но безъ всякой желчи и той ненависти, которую часто являли наши

---

[23] Археографическая Коммисія избрала отца Іоанна въ 1837 г. въ свои Члены, а въ началѣ 1839 года онъ сдѣланъ главнымъ редакторомъ государственныхъ юридическихъ актовъ.

духовныя особы къ Католической религіи. Извѣстная мнѣ кротость духа Вашего ручается, что Вы напишите справедливо, и тѣмъ отдалите отъ себя могущія быть укоризны. Можно въ безпристрастномъ изложеніи произшествій вывести, что многіе Римскіе Папы извѣстны были своимъ властолюбіемъ и прельщались людскою суетливостію, а не святымъ кроткимъ Евангельскимъ ученіемъ.

Я писалъ къ Алексѣю Θедоровичу Малиновскому (Начальнику Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ), напоминая ему о медленности перевода съ Польскихъ грамотъ, но кажется, не худо бы было, ежели бы Вы снеслись по сему дѣлу съ Колосовымъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе батюшкѣ Вашему и всей дражайшей семьи; покорно прошу, Высокопреподобный Отецъ, не забывать меня въ святыхъ молитвахъ Вашихъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 19 Апрѣля, 1824 года.

Высокопреподобный Отецъ Протоіерей,

Милостивый Государь мой!

Вамъ извѣстно, сколько мнѣ приносятъ всегда пріятностей Ваши изустныя и письменныя бесѣды: примите же теперь благодарность мою за то письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 10 Апрѣля, и которое получило новую цѣну еще и тѣмъ, что при немъ препроводили книгу о Магдебургскомъ правѣ. Поблагодарите Г. Полицеймейстера за то, что онъ такъ благосклонно уступить мнѣ ее согласился.

Я сегодня же пишу къ Г. Лобойкѣ, усердно его прося, чтобы онъ далъ Вамъ право присоединить собранныя имъ Бѣлорусскія грамоты къ тѣмъ, которыя Вы издаете по моему препорученію. Но кажется, справедливость требуетъ, чтобы въ предисловіи ко второй части упомянуто было, что такія-то грамоты получены отъ Лобойки и суть плодъ его похвальныхъ трудовъ. Копію моего письма къ Г. Лобойкѣ при семъ препровождаю.[24]

---

24 Вотъ копія съ письма Графа Румянцова къ Лобойкѣ, и отвѣтъ его Графу. Письма эти по своему интересу заслуживаютъ, чтобы ихъ помѣстить здѣсь, а со временемъ и другія его письма будутъ напечатаны въ своемъ мѣстѣ:

Благодарю Васъ, Милостивый Государь мой, что такъ благосклонно отзываетесь о портретѣ моемъ. Я желаю, чтобы онъ въ комнатѣ Вашей свидѣтельствовалъ Вамъ усердную и дружескую мою преданность.

«С.-Петербургъ. 19 Марта, 1824 года.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Николаевичъ!

Г. Рихтеръ показывалъ мнѣ письмо, каковымъ его почтить изволили, и я съ особеннымъ удовольствіемъ въ немъ нашелъ, что Вы хвалить изволите данное мною порученіе достойному отцу Протоіерею Іоанну Григоровичу издать большое число тѣхъ Бѣлорусскихъ грамотъ, которыя онъ собственнымъ своимъ трудомъ отыскалъ въ Могилевскихъ Архивахъ. Но коль много обрадованъ я былъ, узнавъ, что и Вы, Милостивый Государь мой, съ своей стороны собрали въ Архивѣ Виленскаго Каѳедральнаго Собора довольное число подобныхъ грамотъ, и что, въ совершенномъ ко мнѣ благорасположеніи, оказывать изволите готовность передать ихъ отцу Протоіерею, для умноженія той коллекціи, которой онъ, по моему порученію, будетъ издателемъ. Исполните сіе, Милостивый Государь мой: Вы тѣмъ не его, а меня, одолжить изволите, и я постараюсь по сему предмету довести до общаго свѣдѣнія мою къ Вамъ признательность.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Графъ Николай Румянцовъ.»

«Вильна. 30 Марта, 1824 года.

Сіятельный Графъ,

Милостивый Государь!

Давно уже имѣлъ я счастіе получить письмо Вашего Сіятельства отъ 19 Марта. Болѣзнь моя, отъ которой я оправляюсь, и бѣдствія Университета, примѣтно уменьшающіяся, но еще не окончившіяся, препятствовали мнѣ исполнить повелѣніе Вашего Сіятельства, столь согласное съ собственнымъ моимъ желаніемъ, доставить почтеннѣйшему отцу Протоіерею Іоанну Григоровичу списки Бѣлорусскихъ пергаментныхъ грамотъ, хранившихся въ Архивѣ Виленскаго Римско-Католическаго Каѳедральнаго Собора, и другихъ старинныхъ записей и документовъ. Нынѣ все сіе съ сею же почтою въ Гомель отправлено на имя отца Протоіерея. Нѣкоторые изъ сихъ списковъ сдѣланы вдвойнѣ и факсимили; все это свѣрено нѣсколько разъ съ оригиналами мною самимъ и съ другими знатоками Если выйдетъ изъ печати 1-я часть собранія Бѣлорусскихъ грамотъ, издаваемаго покровительствомъ Вашего Сіятельства, тогда яснѣе намъ можно будетъ видѣть, какого рода требуются для сего матеріалы. Я имѣлъ честь послать Вашему Сіятельству и прежде нѣсколько списковъ таковыхъ же грамотъ, кои нынѣ хранятся въ библіотекѣ Вашей подъ вѣдѣніемъ Профессора Плисова. Можетъ быть

Свидѣтельствуйте мое почтеніе батюшкѣ Вашему, всей дражайшей семьи, а также любезному братцу Вашему.

Благословите меня, упомяните въ святыхъ молитвахъ Вашихъ предъ престоломъ Божіимъ, и примите свидѣтельство того почтенія, съ каковымъ честь имѣю быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

отецъ Протоіерей могъ бы и изъ нихъ сдѣлать какое-либо употребленіе. Не могу вспомнить, съ какихъ грамотъ списаны и какую онѣ имѣютъ важность, поелику не имѣлъ времени оставлять у себя копіи съ писемъ Вашему Сіятельству. Если это нужно будетъ, то благоволите приказать отыскать въ моихъ письмахъ.

Въ продолженіи сего печальнаго для насъ учебнаго года ни одна ученая новость не доставила мнѣ столько радости, какъ изданіе Бѣлорусскихъ грамотъ подъ покровительствомъ Вашего Сіятельства. Сими памятниками наполнена еще и по нынѣ большая часть общественныхъ и частныхъ Архивовъ во всѣхъ Губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ къ Россіи. Невозможно, чтобы Исторія и Филологія не извлекли изъ сего, донынѣ неприкосновеннаго, но богатаго, источника ощутительной пользы. Съ перваго взгляда можно видѣть, что исторія Россійскаго языка, о которой мы только еще начинаемъ думать, найдетъ въ семъ источникѣ весьма важную подпору.

Одинъ изъ основательныхъ Русскихъ ученыхъ недоволенъ на Строева за то, что онъ, при изданіи Россійскаго списка, такъ мало пользовался другими. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не разрѣшаетъ прежнихъ нашихъ недоумѣній, какое чтеніе болѣе подходитъ къ настоящему; не смотря на то, сіе изданіе, при нынѣшнемъ состояніи нашей исторической словесности, весьма важно и полезно, и потому весьма хорошо, что Г. Строевъ, оставаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ, произвелъ свой трудъ тщательно и скоро, не муча насъ такъ, какъ другіе издатели, безконечнымъ долготерпѣніемъ. Впрочемъ, ничто бы ему не мѣшало присовокупить къ тому словарь невразумительныхъ реченій, по крайней мѣрѣ, въ родѣ опыта: часто самыя трудныя слова можно объяснить, нашедши ихъ повторенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; тѣ, до знаменованія коихъ съ точностію дойти нельзя, можно оставить въ словарѣ безъ объясненія, означая всѣ страницы, гдѣ онѣ встрѣчаются; но самая большая часть словъ, по моему собственному удостовѣренію, объясняется изъ Польскаго и Бѣлорусскаго нарѣчія. Почему, при настоящемъ изданіи нашемъ Бѣлорусскихъ грамотъ, я не могу скрыть предъ Вашимъ Сіятельствомъ чрезмѣрнаго моего желанія, чтобы къ оному присовокупленъ былъ словарь, объясняющій невразумительныя для Россіянъ реченія. Сіе тѣмъ съ большимъ удобствомъ произвести можно, что памятники восходятъ не далѣе XV столѣтія. Литовскій Статутъ сохранилъ еще и по нынѣ ясные слѣды прежней гражданской жизни и отношеній съ старыми адвокатами и архивлетами; Бѣлорусскій языкъ еще не истребился; на немъ говорятъ еще и по нынѣ проповѣди по сельскимъ церквамъ. Могилевъ почитается средоточіемъ Бѣлоруссіи, гдѣ подгородные мѣщане по ту сторону Днѣпра и теперь еще весьма хорошо говорятъ симъ нарѣчіемъ. Гомель находится въ Бѣлоруссіи, а почтенный отецъ Протоіерей Григоровичъ, издатель Бѣлорусскихъ грамотъ, въ самомъ Гомелѣ. При

С.-Петербургъ 19 Марта, 1824 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 8 Марта. Я вижу, что Вы забыли, что я предъ отъѣздомъ своимъ рѣшительно положилъ не приглашать нашего Архіерея въ Гомель, для освященія новой церкви. Неприлично было бы вызывать такую достопочтенную особу удостоить мое имѣніе своимъ посѣщеніемъ, во время моего отсутствія.

сяхъ, столь живыхъ и вѣрныхъ, пособіяхъ, объясненіе словъ можно произвести съ совершенною точностію. Тогда сей словарь можетъ оказать важную услугу, не только при чтеніи Бѣлорусскихъ грамотъ, но и при чтеніи Государственныхъ грамотъ, Вашимъ Сіятельствомъ въ Москвѣ изданныхъ; не только при чтеніи Бѣлорусскихъ книгъ и другихъ памятниковъ сей литературы, но и при чтеніи Русскихъ лѣтописей. Не смѣя обременять Ваше Сіятельство многими излишними для Васъ доказательствами въ подтвержденіе сего послѣдняго мнѣнія, я осмѣливаюсь привести только одно: когда я въ Санктъ-Петербургскомъ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія читалъ мои списки Бѣлорусскихъ грамотъ, желая доказать Членамъ, что сей языкъ столь близко подходитъ къ Польскому, что между ними нѣтъ другихъ предѣловъ, кромѣ грамматическихъ формъ Русскаго языка и Русскихъ буквъ, тогда Г. Рылѣевъ (издатель Полярной звѣзды и весьма уважаемый мною поэтъ) оспаривалъ, будучи Новгородскимъ уроженцемъ, мое мнѣніе, говоря, что всѣ тѣ слова, кои я называю Польскими, существуютъ еще и по нынѣ въ простонародномъ Новгородскомъ нарѣчіи, въ чемъ соглашались и другіе Члены. Въ Исторіи Карамзина, тамъ, гдѣ онъ пользуется настоящими Русскими лѣтописями и актами, введены въ самый текстъ многія слова, нынѣ намъ непонятныя, и кои бы я въ другомъ случаѣ готовъ объявить Бѣлорусскими, или Польскими. Г. Ходаковскій, опредѣляя округъ Кривицкаго діалекта, одной натуры съ Бѣлорусскимъ, включаетъ въ сіи предѣлы Псковскую, Новгородскую и Тверскую Губерніи. Все сіе приводитъ къ дальней филолофической аксіомѣ, что діалекты одного какого либо языка, чѣмъ они ближе къ своему происхожденію, тѣмъ менѣе между ними разности и тѣмъ болѣе общихъ словъ.

Студентъ Незабитовскій недавно издалъ Жмудскій букварь, напечатанный иждивеніемъ Ксендзовъ Миссіонеровъ Виленскихъ въ 4000 экземплярахъ. Въ концѣ сего букваря помѣщена вся Литовская литература, простирающаяса до 70 сочиненій. Жаль только, что сіи извѣстія тоже сообщены на Жмудскомъ языкѣ. Для любопытства, пять экземпляровъ Вашему Сіятельству при семъ препровождаю. Я совѣтовалъ ему и Станевичу заняться собраніемъ Литовскихъ пѣсенъ и новыхъ Жмудскихъ стихотвореній, кои бы можно напечатать съ дословнымъ Польскимъ, или Россійскимъ, переводомъ. На Г. Пашкевича, Жмудскаго ученаго и поэта, подѣйствовали мой къ нему пріѣздъ и слова. Онъ занимается историческими изслѣдованіями. Одно изъ таковыхъ оставилъ я у Булгарина, для напечатанія, другое получилъ я отъ сочинителя недавно, подъ названіемъ: «О древнихъ языческихъ богослужебныхъ обрядахъ въ Княжествахъ Литовскомъ и

Вы меня много одолжили тѣми свѣдѣніями, которыя сообщили мнѣ о древнемъ Литовскомъ лѣтописцѣ, недавно найденномъ въ Польшѣ. Я совершенно согласенъ съ Вами въ томъ заключеніи, что сей лѣтописецъ надобно издать съ большою точностію; а такъ какъ онъ писанъ стариннымъ Русскимъ языкомъ, то напечатать его Русскими, а не Латинскими, буквами, снабдивъ сіе изданіе замѣчаніями и сличеніями тѣхъ происшествій, которыя несходны съ извѣстіями нашихъ лѣтописцевъ.

Жмудскомъ». Сочинитель описываетъ понятія сего народа о Богѣ и богахъ, сравниваетъ оныя по большому сходству съ Миѳологіею Египтянъ, Грековъ, Римлянъ и Индійцевъ, описываетъ празднества и обряды, открывая ихъ слѣды и по нынѣ или въ древнихъ записяхъ и документахъ, или въ народныхъ игрищахъ и суевѣрныхъ обрядахъ; замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ приняты, или допущены, Римско-Католическимъ духовенствомъ въ Христіанство; упоминаетъ объ идолахъ почти въ его память истребленныхъ, и сообщаетъ, между прочимъ, весьма любопытное извѣстіе, которое при семъ помѣщаю для любопытства.

Одинъ помѣщикъ Шавельскаго повѣта, Г. G ., между документами на имѣніе, купленное у другаго помѣщика, нашелъ отмѣтку, что въ старомъ прудѣ, не далеко отъ гребли (плотины), затоплено нѣсколько пудовъ олова и мѣди, также четыре фунта золота. Онъ приказалъ копать сей прудъ и вынимать землю, смотря прилежно за работою. Чрезъ нѣсколько дней нашелъ онъ четыре фунта золота, не въ одномъ кускѣ, но изъ 12-ти языческихъ божковъ, вылитыхъ изъ золота, кои были обернуты березовою корою. Божковъ этихъ видѣлъ мой родственникъ С. собственными глазами. Они были разныхъ видовъ: одни съ пребольшими носами, другіе съ рогами, нѣкоторые въ видѣ змѣи съ человѣческою головою, у иного одна только голова на прутикѣ, длиною въ нѣсколько дюймовъ, на концѣ крючкомъ загнутомъ, двое только было сходныхъ; нѣкоторые были въ видѣ женщинъ; но всѣ вообще страннаго вида и грубой работы. Родственникъ мой, не будучи въ состояніи купить сихъ божковъ, совѣтовалъ это богатымъ помѣщикамъ G., но сіи поскупились терять проценты. Я, будучи весьма недостаточнымъ помѣщикомъ, хотѣлъ заложить свою деревушку, чтобы пріобрѣсть сей скарбъ древности, чтобы представить Государю Императору для Музея, съ возвратомъ употребленныхъ мною денегъ; но Жиды успѣли это купить за полцѣны.

Прошедшимъ лѣтомъ въ Петербургѣ, имѣя удовольствіе видѣть печатные листы Финскаго Словаря, издаваемаго безсмертнымъ покровительствомъ Вашего Сіятельства, я нынѣ увѣдомился, что 1-я часть уже отпечатана. Г. Шегренъ, когда-то разсматривая и перечитывая вмѣстѣ со мною Литовскій Словарь Рутига находилъ довольно много словъ, сходныхъ съ Финскими. Если бы Вашему Сіятельству, при нынѣшнемъ столь важномъ пособіи, съ изданіемъ 1-й части Финскаго Словаря показалось сіе сравненіе достойнымъ ученаго любопытства, то нашлось бы здѣсь довольно охотниковъ имъ заняться, между коими отдалъ бы я преимущество старому Увойну (?) живущему въ самомъ центрѣ Сотогожи (?), въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, очень хорошему Филологу и Лингвисту. При семъ имѣю честь донести, что ученые наши Литовцы готовы съ величайшимъ удовольствіемъ исполнить всѣ порученія Вашего Сіятельства, какъ скоро они будутъ

Не угодно ли Вамъ, Милостивый Государь мой, оказать мнѣ новое одолженіе и принять на себя трудъ издать сію лѣтопись. Ежели Вы на то согласны, то, пожалуйста, потребуйте отъ имени моего у Г. Лобойки, чтобы онъ велѣлъ снять съ лѣтописи Литовской самой вѣрный списокъ Русскими буквами, съ приложеніемъ нѣсколькихъ fac-simile. Явите готовность заплатить за сей списокъ, что Г. Лобойко почтетъ приличнымъ, и тотчасъ ему сіи деньги пришлите, потребовавъ ихъ отъ Павла Ивановича, къ которому я объ этомъ пишу.[25] (смотр. ниже письмо Лобойки отъ 22 Іюня, 1824 года).

Къ разсмотрѣнію Полоцкаго гражданскаго Архива приступлено. Изъ приложенной выписки Вы усмотрѣть изволите, какіе документы уже отысканы.

по силамъ. Въ заключеніе осмѣливаюсь принести Вашему Сіятельству, съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію, усерднѣйшее поздравленіе мое съ Свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ, пребывая навсегда и почитая за счастіе быть, и прочее.

Иванъ Лобойко.

25 Считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь письма Ивана Николаевича Лобойки:

«Вильна. 15-го Марта, 1823 года.

Милостивый Государь!

Я имѣлъ удовольствіе получить при письмѣ Вашемъ отъ 18 Февраля доставленный Вами, по препорученію Его Сіятельства, Софійскій Временникъ, и благодаря Васъ всенижайше за сіе пріятное посредство, вмѣстѣ съ тѣмъ прошу позволить мнѣ рекомендовать себя въ Ваше знакомство. Его Высокопреосвященство, Митроп. Евгеній, сообщилъ мнѣ нѣсколько извѣстій относительно Васъ, кои, по любви Вашей къ уединенію и отреченію отъ славы міра сего, весьма для почитателей Вашихъ благопріятны. Мы думаемъ, что Вы авторъ сочиненій о Посадникахъ Новгородскихъ, и душевно радуемся, что Вы въ историческихъ изысканіяхъ принимаете столь отличное участіе. Я въ то же время пишу къ Его Сіятельству, Господину Государственному Канцлеру, въ Петербургъ съ благодарностію за сей драгоцѣнный даръ.

Если Вы удостоите меня порученіями относительно Вильны, я съ удовольствіемъ пріемлю на себя ихъ выполнить.

Примите удостовѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ высокопочитаніи и преданности и т. д.

Иванъ Лобойко.

Вильна. 28 Марта, 1824 года.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Протоіерей!

Я имѣлъ удовольствіе давно уже получить Ваше письмо отъ 28 Февраля, и по болѣзни моей откладывалъ до нынѣ прислать, по желанію Вашему и Его Сіятельства, собранные мною описи грамотъ. Я не надѣюсь, чтобы они достойны

Я со всѣхъ сихъ бумагъ потребовалъ уже списки. Изъ числа бумагъ, ежели не всѣми, то, вѣроятно, очень многими Вы дополните начатое Вами собраніе Бѣлорусскихъ грамотъ.

были Вашего вниманія и любопытства. Во первыхъ, препровождаю къ Вамъ списокъ fac-simile 14 записей, на пергаментномъ Евангеліи, принадлежащемъ Князю А. А. Чарторыскому. Они сняты съ величайшею точностію и расположены такъ въ подлинномъ Евангеліи. Во вторыхъ, списки съ 17 пергаментныхъ грамотъ, хранящихся въ Виленскомъ Каѳедральномъ Римско-Католическомъ Соборѣ; они списаны и свѣрены также съ большою точностію. Пять грамотъ, списанныя fac-simile. Подобныхъ грамотъ находится въ Литвѣ по монастырямъ и Архивамъ безчисленное множество, но такихъ, кои бы имѣли дипломатическое значеніе, мнѣ нигдѣ видѣть не доставалось. Если отпечатается первая часть вашего собранія Бѣлорусскихъ грамотъ, и я сподоблюсь узрѣть ее, тогда понятнѣе мнѣ будетъ Ваше намѣреніе, соотвѣтственно коему я тѣмъ удобнѣе по силамъ моимъ могу способствовать Мы не могли еще оцѣнить достоитство Литовскаго лѣтописца, найденнаго Профессоромъ Даниловичемъ, и когда онъ будетъ того стоить, то напечатаемъ и по Русски.

Благодарю Васъ усерднѣйше за увѣдомленіе объ изданіи Калайдовичемъ Болгарскаго Экзарха. Это весьма важный памятникъ древней Словенской словесности. Признаюсь, и я Строевымъ недоволенъ за его изданіе Софійскаго списка, при помощи коего нельзя разрѣшить ни одного изъ прежнихъ недоумѣній относительно настоящаго текста Несторовой лѣтописи.

Если бы Ваше Высокопреподобіе благоволили принять въ покровительство свое Бѣлорусскую словесность, и исчерпавъ ея немногочисленные источники, показали бы ученому свѣту, какую она въ Литтературѣ и въ Исторіи имѣетъ важность, то симъ разрѣшили бы труднѣйшую и любопытнѣйшую задачу.

Я имѣлъ удовольствіе получить отъ Его Сіятельства, Господина Государственнаго Канцлера, изъ Петербурга письмо о доставленіи Вамъ обѣщанныхъ мною грамотъ. Поздравляю Васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и, желая Вамъ и почтеннѣйшему семейству совершеннаго здоровья и щастія, съ истиннымъ моимъ, и т. д.

Иванъ Лобойко.

Вильна. 22 Іюня, 1824 года.

Высокопочтеннѣйшій Отецъ Протоіерей!

Я крайне сожалѣю, что изнеможеніе и нескончаемыя заботы препятствовали мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 4-го Апрѣля. Ваше Высокопреподобіе, по желанію Его Сіятельства, Г-на Государственнаго Канцлера, требуетъ вѣрнаго списка Русской Лѣтописи, отысканной Профессоромъ Даниловичемъ. Я имѣлъ уже случай донести Его Сіятельству, что Г-нъ Даниловичъ самъ печатаетъ нынѣ сію рукопись въ Вильнѣ Латинскими буквами, хотя рукопись писана

Вы весьма справедливо судить изволили, что я беру живѣйшее участіе въ семейственномъ Вашемъ благосостояніи, слѣдовательно, я опечалился, свѣдавъ, что Вы едва не лишились любезнаго Вашего сына, а потомъ порадованъ былъ, что онъ изъ опасности вышелъ.

Братца Вашего ожидаю сегодня къ себѣ обѣдать. Дѣло идетъ о перемѣщеніи его по службѣ, согласно его о томъ желанію.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе батюшкѣ Вашему, всей дражайшей семьѣ и также любезному братцу Вашему.

Русскими, а потому и нельзя теперь исполнить сего желанія. По отпечатаніи сей рукописи удобнѣе можно будетъ судить о достоинствахъ подлинной.

Я самъ виноватъ, что до сихъ поръ не получилъ отъ Васъ освѣдомленія объ отправленныхъ на имя Ваше по почтѣ въ Гомель спискахъ Литовскихъ грамотъ, снимкахъ и описаніи Лаврошевскаго Евангелія. Мнѣ весьма любопытно знать, могутъ ли они быть для Вашего собранія полезны. Ежели описаніе Лаврошевскаго Евангелія Вамъ ненужно, то покорнѣйше прошу отослать оное въ Петербургъ, къ Петру Ивановичу Кеппену, который, на иждивеніи Его Сіятельства, издаетъ теперь собраніе памятниковъ Словенскихъ древностей. Сынъ одного Унитскаго Протопопа, Ксендзъ Сосновскій, преподаетъ въ Университетѣ нашемъ Богословію, весьма любитъ, по примѣру отца, заниматься отысканіемъ Славенскихъ рукописей. Онъ думаетъ, что Архивъ Митрополита Рогозы, оставшійся въ Новогрудкѣ, перевезенъ, частію въ Брестъ Литовскій, гдѣ теперь находится его отецъ, а частію въ Вильну, и увѣряетъ насъ, что всѣ важнѣшіе акты и документы, относящіеся до церковной исторіи Россіи, а особливо Кіевской Митрополіи, находятся въ сихъ двухъ Архивахъ. Я самъ видѣлъ въ рукахъ его до 300 листовъ разныхъ документовъ, къ сему предмету относящихся, писанныхъ по Русски. Любопытно бы было для меня знать, что отыскалъ Дорошкевичъ въ Полоцкѣ. Я въ концѣ сего мѣсяца тоже выѣзжаю въ Петербургъ. Если Ваше Высокопреподобіе благоволите меня удостоить отвѣтомъ, то пишите на адресъ Кеппена въ Почтовый Департаментъ.

Поручая себя Вашему благорасположенію и пріязни, съ совершеннымъ, и т. д.

Иванъ Лобойко.

Вильна. 5-го Ноября, 1824 года.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Протоіерей!

Я имѣлъ удовольствіе получить, при письмѣ Вашемъ отъ 29-го Сентября, 1-ю часть Бѣлорусскаго Архива, и приношу Вашему Высокопреподобію мою душевную благодарность за сей пріятный даръ, въ свидѣтельство Вашего ко мнѣ благорасположенія. Когда я въ 1822 году пріѣхалъ въ Вильну, я весьма удивленъ былъ письменными памятниками Бѣлорусскаго нарѣчія; но мое удивленіе еще болѣе возрасло, когда я увидѣлъ, что здѣшніе Архивы по большей части ими наполнены. Вспомнивъ, что есть множество и печатныхъ книгъ на семь нарѣ-

Благословите меня, упомяните въ святыхъ молитвахъ Вашихъ предъ престоломъ Божіимъ, и примите свидѣтельство того почтенія, съ каковымъ честь имѣю быть. и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 24 Марта, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 11-го Марта, и за приложенный списокъ съ Литовскаго лѣтописца. По причинѣ многихъ дѣлъ я еще до его не могъ коснуться, но объ изданіи сего лѣтописца я уже писалъ къ Вамъ.

чія, я возъимѣлъ желаніе, дабы все сіе отдѣлено было подъ именемъ Бѣлорусской словесности, будучи увѣренъ теперь, что область ея чрезмѣрна и обширна и, что только тогда приведетъ она къ важнымъ заключеніямъ и открытіямъ, когда будетъ разсматриваться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ и обнаружится чрезъ то удобнѣе взаимная связь между частями. Я осмѣлился сообщить сіи мечты великому покровителю и судіи ученыхъ предпріятій и подвиговъ, Господину Государственному Канцлеру, и теперь не могу въ полной мѣрѣ изъяснить моего удовольствія, что Бѣлорусская словесность еще при жизни моей изъ мрака забвенія съ такимъ достоинствомъ выступаетъ на свѣтъ. Нынѣ обязанность Ваша, какъ издателя, ограничивается только попеченіемъ о собраніи, какъ можно въ большемъ количествѣ, важнѣйшихъ памятниковъ и вѣрности текста. Что касается до сего труда, то ничего я не могу придумать къ его совершенству. Здѣсь я въ торопяхъ не окончилъ своей мысли; запомню на концѣ. Важности сихъ памятниковъ никто лучше не можетъ почувствовать, какъ столь просвѣщенный и ученый издатель, и никто, кромѣ Васъ, не можетъ извлечь изъ нихъ предварительно пользы; и чѣмъ болѣе Вами будетъ ихъ собрано и издано, тѣмъ сіе будетъ для Васъ удобнѣе. А потому дальнѣйшія наши желанія можно отложить до окончанія всего изданія; нынѣ же да благословитъ и укрѣпитъ Господь Богъ силы Ваши и здравіе къ продолженію сего драгоцѣннаго труда! Я просилъ Ксендза Сосновскаго, преподающаго въ нашемъ Университетѣ пасторальную Богословію, приготовить для Вашего изданія до 25 важнѣйшихъ грамотъ, относящихся къ Исторіи нашей Церкви. Онъ имѣетъ доступъ ко всѣмъ церковнымъ Архивамъ, Уніатъ, знаетъ по Славенски; онъ спишетъ ихъ съ совершенною точностію, и мы вмѣстѣ ихъ повѣримъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ къ Вамъ пришлемъ. Благодарю Васъ усерднѣйше за обѣщаніе, что Вы помѣстите сіи акты въ Вашемъ изданіи; это мнѣ очень пріятно. Любопытно также видѣть въ Вашемъ собраніи грамоты Греческихъ Патріарховъ. Кажется, и унасъ есть такія же. Я распрошу лучше. Университетъ нашъ получитъ Іоанна Экзарха, и потомъ Его Сіятельству сообщитъ свое удовольствіе. Попечитель нашъ, Сенаторъ Новосильцевъ, находится въ Вильнѣ,

Благодарю Васъ, Милостивый Государь мой, что дали мнѣ знать, что въ Мстиславлѣ старые тамошніе Архивы лежатъ досель не разработаны, въ кулѣхъ. Ежели бы Вы могли съѣздить туда и взглянуть на сіи бумаги, обозначивъ тѣ изъ нихъ, которыя сочтете быть любопытными, я бы премного тому порадовался и готовъ бы былъ всю издержку переписки означенныхъ бумагъ понесть вдвойнѣ, оставивъ одинъ списокъ на пользу тамошняго начальства, а другой взялъ бы для себя. Пожалуйте, сообщите мнѣ Ваше о томъ заключеніе.

Я просилъ г. Янниша, чтобы онъ заказалъ для водосвятія серебряную чашу по Вашему рисунку, и сообразно тому большому кресту, который принадлежитъ къ богатой утвари новой нашей соборной церкви; но дабы нѣсколько облегчить мою издержку, я желаю, чтобы Вы вручили Павлу Ивановичу то гладкое серебряное блюдо, или подносъ, которое Вы сами судить изволили, какъ ненужное для употребленія въ церкви, а въ Москвѣ оно пойдетъ въ уплату той части денегъ, которыя слѣдуетъ заплатить за новую чашу.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе батюшкѣ Вашему и всей дражайшей семьѣ, также братцу Вашему, благословите меня, упомяните въ молитвахъ Вашихъ предъ престоломъ Божіемъ, и примите свидѣтельство того почтенія, съ которымъ имѣю честь быть, и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

и мы весьма заняты разными хлопотами по случаю вступленія его въ должность. Можетъ, и отъ Базиліановъ достану нѣсколько грамотъ. Примите душевную мою благодарность за всѣ знаки Вашего благорасположенія ко мнѣ, и т. д.

Иванъ Лобойко.

Вильна. 29-го Марта, 1825 года.

Душевно благодарю Ваше Высокореподобіе за доставленіе мнѣ, въ почтеннѣйшемъ письмѣ Вашемъ отъ 12 Февраля, драгоцѣнныхъ извѣстій. Не надѣясь заплатить Вамъ теперь за Ваше обязательное письмо чѣмъ либо, его достойнымъ, я спѣшу только увѣдомить васъ о полученіи и чувствительнѣйше Васъ благодарить. Первый томъ Нарушевича исторіи и рукопись или лѣтопись XII вѣка, изданныя въ Варшавѣ, здѣсь еще не получены. Лѣтопись эту наши Поляки считаютъ подложною. Лелевель мнѣ писалъ уже о ней сими словами: «Здѣсь, т. е., въ Варшавѣ, выходитъ изъ печати фантастическая лѣтопись Польши, которую будто бы писалъ въ X вѣкѣ какой-то Прошокъ во времена Мечислава, а потому объ отдаленнѣйшихъ временахъ доставляетъ онъ подробныя извѣстія; онъ также знаетъ, въ какой день и въ которомъ часу Попѣла крысы съѣли и т. д. Лучшій списокъ сей лѣтописи былъ со мною въ Вильнѣ, и теперь еще есть.» Лелевель не означаетъ, на какомъ языкѣ она писана, но кажется на Польскомъ. Впрочемъ, какъ скоро сіи обѣ книги сюда доставлены будутъ, я тотчасъ Вамъ пришлю. Я готовлю для Вашего Бѣлорусскаго Архива нѣсколько грамотъ, кои къ Свѣтлому Воскресенію будутъ Вамъ доставлены. Примите, и т. д.

Иванъ Лобойко.

С.-Петербургъ. 2-го Апрѣля, 1824 года,

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Съ обыкновеннымъ удовольствіемъ и признательностію получилъ я письмо Ваше, каковымъ меня удостоить изволили отъ 18 Марта.

Предначатое Вами изданіе Бѣлорусскихъ грамотъ, кажется, будетъ важный для ученыхъ подарокъ, ежели оно обогатится не токмо ожидаемыми бумагами отъ Г. Лобойки, но и тѣми любопытными находками, которыя уже отысканы для меня въ Полоцкомъ Архивѣ, что усмотрѣть изволите изъ приложенной здѣсь копіи съ письма г. Дорошкевича, а Вы, Милостивый Государь мой, довершите сіе богатое собраніе, обнаружа, что заключаютъ въ себѣ Мстиславскія бумаги, во все еще не описанныя.

Благодарю Васъ премного, Высокопреподобнѣйшій Отецъ, за то, что Вы на себя взяли трудъ списать и перевесть тѣ Бѣлорусскія грамоты, за которыя просили въ Могилевѣ неимовѣрную цѣну. Всѣ Ваши замѣчанія по сему предмету обнаруживаютъ Вашъ умъ и просвѣщеніе, но я къ сему давно уже привыкъ.

Повторите мою признательность Г. Полицеймейстеру за уступку мнѣ той книги, которую Вы, Милостивый Государь мой, изволили сюда доставить, и попросите его развѣдывать повсюду у своихъ пріятелей, не могу ли я, покупкою пріобрѣсть рѣдкихъ печатныхъ книгъ, или рукописей? Объ достоинствѣ оныхъ Вы будете меня увѣдомлять.

Вильна. 29 Марта, 1825 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей!

Списки съ четырехъ документовъ для Вашего Бѣлорусскаго Архива, въ дарѣ отъ отца Сосновскаго, Доктора Богословіи, служащаго при Виленскомъ Университетѣ, при семъ препровождаю. Сосновскій пріобщилъ къ оному свои собственныя замѣчанія, достойныя уваженія. Онъ и отецъ его имѣютъ обширныя свѣдѣнія, относящіяся къ церковной исторіи своего края. Оба они Унитскіе Священники. При семъ случаѣ посылаю къ Вамъ книгу «Synod prowincyalny», которая, можетъ быть, къ чему ни будь пригодится. Всѣ ученыя новости сообщилъ я въ письмѣ къ Его Сіятельству, Господину Канцлеру. Я по тому не посылаю пакета подъ адресомъ Его Сіятельства, что около сего времени часто Графъ изволитъ выѣзжать, и тогда бы пакетъ могъ быть обращенъ къ нему. Простите меня, что на сей разъ мое письмо такъ коротко. Я чрезвычайно изнуренъ трудами. Поздравляю Васъ со Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, и прошу принять удостовѣреніе въ душевномъ моемъ къ Вамъ высокопочитаніи и преданности и т. д.

Иванъ Лобойко.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и всему любезнѣйшему Вашему семейству, и благословите меня, упоминая въ святыхъ Вашихъ молитвахъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С. Петербургъ, 6-го Апрѣля, 1824 года.

С.-Петербургъ, 6-го Апрѣля, 1824 года.

Христосъ Воскресе!

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Примите поздравленіе мое съ высокоторжественнымъ праздникомъ Воскресенія Христова, и искреннее пожеланіе, чтобы Искупитель міра хранилъ Васъ, родителей Вашихъ и всю дражайшую семью Вашу подъ особеннымъ своимъ покровомъ и защитою, воздавая за тѣ Христіянскія добродѣтели, которыя Васъ украшаютъ.

Примите, вмѣсто краснаго яйца, первый отпечатанный листъ Архива Бѣло-Русскихъ грамотъ. Нѣкоторыя грамоты показались любопытными Гг. Востокову и Ермолаеву, которые у меня вчера обѣдали. Когда Вы, Милостивый Государь, прочтете сей листъ, то препроводите его, при особомъ Вашемъ письмѣ, на прочтеніе Кіевскому Митрополиту, и донесите ему, что Вы сіе исполняете по моему препорученію.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и всему любезнѣйшему Вашему семейству и благословите меня, упоминая во святыхъ Вашихъ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ, и примите и т. д.

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 12-го Апрѣля, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 28-го Марта, и за привѣтствіе по случаю торжественнаго праздника Воскресенія Христова, взаимное поздравленіе я Вамъ, Милостивый Государь мой, уже принесъ.

Благодарю за полную и точную опись Гомельской соборной церкви. Я ее отправилъ къ П. И.; для храненія у дѣлъ, но въ ней надобно будетъ перемѣнить то, что сказано о хоругвяхъ, по тому что нынѣ получены новыя изъ Москвы. Генералъ Костенецкій очень хвалитъ иконостасъ и утварь, и также хвалится Вашимъ пріемомъ.

Препровождаю къ Вамъ копію съ прелюбопытнаго письма ко мнѣ Г. Лобойка (см. письмо Лобойка отъ 30-го Марта, 1824 года). Въ немъ найдете частое о себѣ напоминаніе. Я не скрываю отъ Васъ, Милостивый Государь мой, что чрезвычайно какъ желаю вмѣстѣ съ нимъ, чтобы Вы къ Бѣлорусскимъ грамотамъ присоединили словарь Бѣлорусскихъ словъ, неудобопонятныхъ для насъ, и старались бы ихъ объяснить. Нѣтъ сомнѣнія, что сей словарь придалъ бы большой цѣны тому изданію, надъ которымъ теперь занимаетесь, и поставилъ бы имя Ваше въ большое уваженіе въ кругу тѣхъ, кои истиннымъ просвѣщеніемъ занимаются.

Препровождаю къ Вамъ, для моей библіотеки, Жмудскій букварь и два экземпляра Пасхальной службы, полученныя, по давнему обычаю, отъ Министра Духовныхъ дѣлъ. Не угодно ли Вамъ одинъ изъ сихъ экземпляровъ опредѣлить въ награду тому изъ учениковъ Духовнаго Училища, котораго сочтете того достойнымъ, а другой экземпляръ велѣть такимъ же образомъ употребить Г. Шафату, въ Гомельской Ланкастерской школѣ?

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и всему любезнѣйшему семейству Вашему и благословите меня, упомяните въ святыхъ молитвахъ Вашихъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 23 Апрѣля, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 10 Апрѣля. Попросите Г. Лобойка, чтобы онъ Вамъ точно далъ знать, къ какому вѣку принадлежитъ древнее харатейное Евангеліе. хранящееся въ Пулавской библіотекѣ.

Прилагаю здѣсь желаемое Вами письмо къ Могилевскому Архіепископу и, въ добавокъ, письмо и къ самому Губернатору, съ просьбою отъ меня, чтобы Вы допущены были пересмотрѣть и гражданскій Мстиславскій Архивъ.

О присылкѣ въ Гомель трехъ экземпляровъ Софійскаго Временника, я нынѣ вновь писалъ къ Г. Янишу.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 30 Апрѣля, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 18 Апрѣля, по обыкновенію, принесло мнѣ совершенное удовольствіе.

Препровождаю къ Вамъ три, вновь доставленныя изъ Полоцка, копіи съ Архивскихъ бумагъ. Скажите, пожалуйста, мнѣ Ваше объ нихъ заключеніе. Имѣютъ ли онѣ право войти въ собраніе Архива Бѣлорусскихъ грамотъ, не только по содержанію, но и по достоинству своему? Храните ихъ у себя до моего возвращенія.

Я воспользуюсь Вашими замѣчаніями на счетъ Ярослава, но изъ приложеннаго здѣсь съ нея списка Вы увидите, что при ней находится печать, и слѣдовательно, сія грамота оригинальная, о прочемъ навѣдаюсь и дамъ Вамъ знать. Не знавъ, что декретъ о убіеніи Архіепископа Іоасафата извѣстенъ, потребовалъ я уже съ него списокъ.

Я вскорѣ препровожу къ Вамъ копіи съ трехъ пріобрѣтенныхъ мною Литовскихъ оригинальныхъ грамотъ. Одна изъ нихъ Великаго Князя Свидригайла, а двѣ Короля Владислава Ягайла, и одна изъ сихъ грамотъ есть договорная, на которой явственная симонія изобличается. Луцкой Епископъ договаривается о томъ, что онъ Королю дастъ, ежели посвященъ будетъ въ Архіепископы Галицкіе.

Табакерку для Могилевскаго Епископа и второе къ нему письмо о допущеніи Васъ къ осмотру Мстиславскихъ грамотъ, Вы, вѣроятно, уже получили.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 14 Мая, 1824 г.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 1 Мая, принесло мнѣ большое удовольствіе. Радуюсь тому, что Вы согласны дополнить и усовершенствовать изданіе Архива Бѣлорусскихъ грамотъ опытомъ словаря коренныхъ Бѣлорусскихъ словъ. Конечно, сему словарю не иное мѣсто можно опредѣлить, какъ Index. Ежели Вамъ на точное опредѣленіе нѣкоторыхъ словъ надобна будетъ помощь Г. Лобойка, то снеситесь съ нимъ, ссылаясь на то, что Вы отъ меня къ тому уполномочены.

Мнѣ очень жаль, что Вы нездоровы и что Вамъ сіе помѣшало съѣздить самому въ Могилевъ. Считаю, Милостивый Государь мой, что Вы уже Соборной Гомельскій храмъ освятили Препровождаю къ Вамъ копію съ того собственноручнаго отвѣта, каковымъ нашъ Высокопреосвященный меня удостоилъ.

Я другъ цѣлаго дома Вашего, и слѣдовательно обязанъ стараться о Николаѣ Ивановичѣ, братцѣ Вашемъ. Онъ себя ведетъ похвально, и мое въ немъ участіе всегда оправдываться будетъ.

Благодарю Васъ за поздравленіе съ днемъ Ангела моего. Сей день ознаменовался для меня въ нынѣшнемъ году отлично предъ прочими годами тѣмъ, что Государь Императоръ изволилъ самъ прислать ко мнѣ поздравить меня, равно и обѣ Императрицы.

Павелъ Ивановичъ получилъ изъ Москвы Евангеліе и Кадицію, въ замѣнъ старыхъ; я его просилъ, чтобы онъ ихъ удержалъ у себя до моего прибытія.

Препровождаю къ Вамъ выписку изъ полученнаго сей часъ письма Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мартынова, которому я поручалъ ходатайствовать, согласно съ мнѣніемъ Вашимъ, о извѣстной суммѣ на пользу Гомельскаго Духовнаго Училища. Вы изволите усмотрѣть худой успѣхъ нашего домогательства.

Нашелъ въ своихъ бумагахъ списокъ извѣстной Вамъ грамоты Ярослава Полоцкаго, препровождаю оной къ Вамъ, но не думаю, чтобъ онъ болѣе прежняго былъ полезенъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 28 Мая, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ получилъ я только вчерась то письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 12 Мая, въ которомъ сдѣлали мнѣ начертаніе совершившагося освященія храма Божія въ Гомелѣ. Примите мою искреннюю и чувствительную благодарность за попеченіе Ваше и за тотъ трудъ, который лично понесли, стараясь въ сей торжественный для меня день довершить съ успѣхомъ.

Присланныя копіи съ двухъ указовъ Архіепископа Могилевскаго я еще не успѣлъ прочесть, но согласно сужу съ Вами, что Троицкую церковь должно, не теряя времени, снести и, ежели можно, очистить сію площадь прежде возвращенія моего. Я пишу къ Павлу Ивановичу, чтобы онъ снесся съ Вами, назначилъ особое и безопасное мѣсто для складки иконостаса и другихъ церков-

ныхъ вещей въ самомъ Гомелѣ, или внѣ онаго, какъ посудите оба; что же касается до огородки того мѣста, гдѣ стоялъ алтарь, и постановленія креста, Вы напрасно, кажется, считаете, что сіе предписано закономъ. Здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ престолъ прежней Казанской церкви, никакого знака не поставлено, и мѣсто сіе замѣщено наравнѣ съ прочими. Да и представьте себѣ, сколько въ тѣхъ городахъ, кои по новому плану выстроены, проведено улицъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стояли алтари? Но гдѣ же и какіе тому знаки поставлены?

Что же касается до уступки иконостаса и цѣлой церкви Бѣлицкимъ мѣщанамъ; я сіе возьму на разсужденіе не прежде моего возвращенія. Но предварительно Вы, съ приличнымъ почтеніемъ, можете донесть нашему Архіепископу, что иконостасъ сей церкви я собираюсь употребить въ одной изъ тѣхъ моихъ по деревнямъ церквей, которыя имѣютъ иконостасы ветхіе, или не такъ красивые. Въ Бѣлицѣ уѣздный городъ и, слѣдовательно, безъ моего пособія можно обойтись.

Препровождаю къ Вамъ копію съ письма Г. Лобойка и также долженъ Вамъ донесть, что Сенаторъ Малиновскій желалъ бы получить отъ Васъ разрѣшеніе на вопросы Г. Калайдовича, по случаю печатанія Архива Бѣлорусскихъ грамотъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 31 Мая, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Получа письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 19 Мая, свидѣтельствую Вамъ, что Вы точно мнѣ угодили присылкою ученыхъ Вашихъ замѣчаній на харатейное Евангеліе, которое хранится въ Пулавѣ. Я таковыми замѣчаніями здѣсь предъ Гг. Востоковымъ и Ермолаевымъ хвалиться буду, и кажется мнѣ, что не худо было бы передать сіи замѣчанія Кіевскому Митрополиту, сказавъ, что сіе дѣлаете по моему желанію.

Радуюсь, что изъ нѣкоторыхъ полученныхъ изъ Полоцка грамотъ Вы намѣрены помѣстить въ Бѣлорусскій Архивъ, а копіи съ Литовскихъ грамотъ къ Вамъ уже отправлены.

Сужденіе Митрополита о Русскомъ Литовскомъ лѣтописцѣ чрезвычайно основательно.

Я считая, что братецъ Вашъ далъ Вамъ вѣрно знать о послѣдовавшемъ преобразованіи въ Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ, и для того въ перепискѣ моей съ Вами о томъ не упомянулъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Москва. Іюля 5 дня, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 24 минувшаго мѣсяца. У насъ здѣсь тоже дожди безпрестанные, но надъ моимъ здоровьемъ вліянія не имѣютъ. Сожалѣю, что они такъ дурно подѣйствовали на Ваше.

О добавочномъ благолѣпіи дома Господня въ Гомелѣ я здѣсь теперь занимаюсь, а Васъ разрѣшаю вскрыть посылку, Вами уже полученную, въ которой находятся мощи Св. Николая Чудотворца. Изъ краснаго сафьяннаго футляра выньте бережно перламутровый сундучекъ, стараясь не повредить его золотыхъ ручекъ, которые нѣсколько тонки. Внутри футляра найдете ключикъ. Ежели, по обряду Церкви нашей, слѣдуетъ испросить у Епархіальнаго Архіерея позволеніе на то, чтобы поставить мощи сіи въ соборномъ храмѣ, то въ такомъ случаѣ я желалъ бы, чтобы Вы сами съѣздили въ Могилевъ, мощи сіи Архіерею предъявили и спросили бы нужное благословеніе и воспользовались бы этимъ случаемъ, дабы осмотрѣть Мстиславскій древній архивъ. Возьмите съ собою, ежели нѣтъ къ тому препятствій, Г. Городецкаго, котораго, кажется, можно будетъ и оставить безъ Васъ на нѣсколько дней въ Мстиславлѣ, дабы онъ, подъ своимъ надзоромъ, могъ довершить всѣ списки. За трудъ сей я ему воздамъ. Нужное же для обоихъ Васъ на путевыя издержки, потребуйте отъ Павла Ивановича. Исполните, прошу Васъ, все сіе до моего пріѣзда, а мощи предоставте мнѣ самому внести въ храмъ Божій.

Мнѣ извѣстно содержаніе замѣчаній Г. Калайдовича; онѣ, безъ сомнѣнія, имѣютъ свою важность и основательность (смот. письмо Евгенія Митрополита Кіевскаго отъ 29 Іюля, 1824 г). Пожалуйста, обратите на нихъ особенное вниманіе: мнѣ самому желательно, чтобы изданіе Бѣлорусскихъ грамотъ имѣло всевозможное совершенство. Вы, конечно, въ кротости души своей, ни мало не оскорбитесь рѣзкими иногда выраженіями Г. Калайдовича.[25] Я точно знаю, и

---

25 Г. Калайдовичъ не мало переписывался съ отцомъ Іоанномъ, по поводу изданія Бѣлорусскаго Архива; но я нахожу нужнымъ для нашей цѣли помѣстить здѣсь только тѣ письма его къ отцу Іоанну, которыя прямо относятся къ этому предмету. Г. Калайдовичъ не очень жаловалъ отца Іоанна, котораго называлъ не иначе, какъ выскочкой и Семинаристомъ.

Вотъ письма Г. Калайдовича къ отцу Іоанну:

Москва. 13-го Декабря, 1823 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Получивъ отъ Его Превосходительства Алексѣя Өедоровича, для напечатанія, весьма любопытную Вашу рукопись «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ,» я за-

могу Васъ увѣрить, что онъ почитатель Вашъ. Я на дняхъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ восхищался, читая у меня замѣчанія Ваши на счетъ древняго харатейнаго Евангелія, хранящагося въ Пулавѣ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе родителямъ Вашимъ, супругѣ Вашей, братцу мой поклонъ.

Поручая себя, Милостивый Государь мой, святымъ молитвамъ Вашимъ, имѣю честь и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

трудняюсь въ опредѣленіи мѣста одной изъ бумагъ, именно той, о которой Вы изволили уже писать къ Ивану Михайловичу. Сперва я думалъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ въ примѣчаніи къ N. 33, именно отъ словъ: «впрочемъ, по времени настоящей грамоты,» до конца, можно будетъ поставить оную на своемъ мѣстѣ, между 1685 и 1690 годами, какъ временъ пастыреначальства Гедеона, и тѣмъ уничтожить анахронизмъ; но, получивъ рукопись изъ цензуры, усмотрѣлъ, что таже ошибка скрывается въ самомъ спискѣ грамоты: «року тысяча шестсотъ седмаго;» можно бы утвердить достовѣрность грамоты и смѣло переставить ее на свое мѣсто; но Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, преемникъ Гедеона, собственноручно подтвердилъ оную, какъ сказано въ спискѣ: «тысяча шестсотъ семдесятъ девятаго,» а сей пастырь хиротонисанъ на митрополіи только 1690, а въ 1707 году скончался.

Вы изволите видѣть, что мое недоумѣніе имѣетъ основаніе. Или грамота вовсе недостовѣрна, или оба года перепутаны. Какъ бы то ни было, вразумите меня, какъ я долженъ поступить въ семъ случаѣ. Я желалъ бы также знать, выставлять ли въ концѣ рукописи: «Конецъ 1-й части.»

Сей случай почитаю для себя пріятнѣйшимъ: онъ доставилъ мнѣ особенное удовольствіе бесѣдовать съ мужемъ, отлично мною уважаемымъ. Примите увѣреніе и т. д.

Константинъ Калайдовичъ.

Москва. 4-го Марта, 1824 года.

Милостивый Государь!

Приготовляя къ отправленію на Ваше имя пять листовъ Ексарха Болгарскаго, по волѣ Государственнаго Канцлера, для того, чтобы Вы изволили переслать оные къ Митрополиту Евгенію, и по полученіи отъ него хранили бы до прибытія его Сіятельства въ Гомель, я имѣлъ удовольствіе получить ласковое письмо Ваше отъ 20 Іюня, вмѣстѣ съ привѣтствіями и поправками къ 1-й части Бѣлорусскаго Архива.

Препровождая къ Вамъ помянутые листы, благодарю искренно за письмо Ваше и за подарокъ экземпляра Вашей книги.

Присланная Вами тетрадка уже одобрена цензурою и надѣюсь выпустится изъ типографіи. Пользуясь даннымъ мнѣ правомъ и руководствуясь совѣтомъ Алек-

Москва. 31 Іюня, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Я съ благодарностію получилъ письмо Ваше отъ 12 Іюня. Вы получите отъ Г. Мощинскаго вновь отпечатанные листы Іоанна Ексарха Болгарскаго, которые, по прочтеніи, прошу Васъ доставить, отъ моего имени, Митрополиту Кіевскому.

Г. Мощинскій вручилъ Вамъ также вышедшіе изъ печати листы Бѣлорусскаго Архива, съ коими поступите одинакимъ образомъ.

Поблагодарите Г. Львовскаго за присланную записку о медаляхъ; я ее переслалъ въ С.-Петербургъ на разсмотрѣніе.

сѣя Өедоровича, я осмѣлился при оной исключить только два примѣчанія къ стран. 8 и 103, основываясь на изложенныхъ прежде доказательствахъ. Николай Михайловичъ Карамзинъ весьма часто бесѣдовалъ со мною, никогда не сомнѣваясь въ достовѣрности такого выкладанія, какъ явно показываютъ и два приведенные Вами примѣра (V, 236, 246). Духовн. Кипріана Сент. 12, Индик. 15, лѣта 6915 должна быть написана по обыкновенной выкладкѣ 1407 года; но Исторіографъ показалъ оную въ 1406 году (стран. 228), какъ и должно. — Такую же выкладку Вы изволите усмотрѣть въ прим. 609 къ Т. VI, касательно 7006 года, и во многихъ другихъ мѣстахъ, которыхъ, за недосугомъ, не отыскиваю. Въ примѣчаніи 311 къ V, т. исторіографъ ошибся въ выкладкѣ: вмѣсто 1452 г. должно читать 1451: ибо рукописаніе Епископа Даніила писано въ Октябрѣ. Примѣчаніе 120 ко II т. не принадлежитъ къ нашему разговору, потому что надпись на каминѣ начертана безъ показанія мѣсяца Въ приведенныхъ мѣстахъ ни мало не потерпѣлъ индиктъ: начинаясь вмѣстѣ съ годомъ съ Сентября мѣсяца, они и годъ оставили на своихъ мѣстахъ.

Вы изволили писать, что грамоты, помѣщенныя въ Архивѣ подъ NN 16, 23 и 33, включены въ Ваше собраніе въ томъ видѣ, въ какомъ переписаны онѣ были въ Москвѣ. Но наши списки, сдѣланные съ подлинниковъ, доставленныхъ Коммисіи Государственнымъ Канцлеромъ, съ Вашими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несогласны, и наши списки никогда не были представлены Его Сіятельству; они, по возвращеніи подлинниковъ, оставлены при дѣлахъ Коммиссіи; слѣдовательно, Ваши списки совсѣмъ другіе.

Не много поудосужась отъ изнурительныхъ корректуръ Ексарха Болгарскаго, съ особеннымъ удовольствіемъ перешлю къ Вамъ требуемый списокъ и Бѣлорусскихъ грамотъ; на сей разъ сообщу, для Вашего любопытства, только выписку изъ моего каталога библіотеки Графа Толстаго съ той рукописи, въ коей она находится.

Вотъ выписка:

«Отдѣленіе II, 4. рукопись № 3

Г. Кеппенъ, коему сообщилъ я Ваши замѣчанія на хранящееся въ Пулавѣ харатейное Евангеліе, много ими прельщался и просилъ у меня позволенія ввесть ихъ въ одно изъ своихъ новыхъ сочиненій: я на то согласился, но именно съ условіемъ означить, что замѣчанія сіи Вами составлены.

Прошу свидѣтельствовать почтеніе мое отцу Протоіерею, родителю Вашему, и всему любезному семейству Вашему.

Испрашивая благословеніе и препоручая себя молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Москва. Іюля 1-го дня, 1824 года.

Милостивый Государь мой, отецъ Протоіерей,

Иванъ Ивановичъ!

Препровождаю къ Вамъ вновь отпечатанные листы первой части Бѣлорусскаго Архива. Теперь остается, чтобы Вы, Милостивый Государь мой, уваживъ замѣчанія Г. Калайдовича, доставили сюда отъ себя поправку въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вкравшихся ошибокъ и анахронизмовъ, пожалуйста: не тревожтесь ни мало такими обстоятельствами. Мы здѣсь, при изданіи четвертой части Государственныхъ грамотъ, точно также станемъ сами себя обвинять въ

«Евангеліе, на пергаментѣ, писано полууставомъ въ XV вѣкѣ; на 196 листахъ. Расположено по Евангелистамъ. Листы 1 — 5, 32 — 37 потеряны и вставлены послѣ, писаны на бумагѣ полууставнымъ почеркомъ XVII вѣка. На бѣлыхъ листахъ и по полямъ сей рукописи помѣщены частные вклады въ Туровскій Предтеченскій храмъ; Княгини Іуліаніи Ольгъки въ церковь Успенія Богородицы, и отказная грамота Князя Ивана Юрьевича, и Княгини его, Іуліаніи, Полоцкому Архіепископу Каллисту, въ предоставленныхъ ими храму Св. Софіи земляхъ, угодьяхъ,» и проч.

По возвращеніи Государственнаго Канцлера въ Москву изъ Нижняго, буду имѣть честь препроводить къ Вамъ отпечатанныя примѣчанія и поправки къ Бѣлорусскому Архиву, вмѣстѣ съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, а теперь заключаю письмо мое сердечнымъ желаніемъ, чтобы мои замѣчанія, можетъ быть, излишнею строгостію, не внушили Вамъ невыгоднаго ко мнѣ расположенія. Душевно уважая Васъ, жалѣю, что лично не могу пользоваться Вашею бесѣдою, гдѣ обыденныя недоразумѣнія легко бы могли уничтожиться и не закрывали бы искренности, готовой служить ближнему.

Испрашивая Вашего благословенія и поручая себя и мое семейство святымъ Вашимъ молитвамъ, съ добродушнымъ почтеніемъ и преданностію и т. д.

Константинъ Калайдовичъ.

анахронизмахъ и ошибкахъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ, и въ неосновательности заключенія.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе родителямъ Вашимъ и дражайшей супругѣ. Братцу мой поклонъ.

Препоручаю себя святымъ молитвамъ Вашимъ, испрашивая благословеніе Ваше, имѣю честь быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Москва. 15-го Августа, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Я могу воздать похвалы благоразумному и кроткому Вашему отвѣту Г. Калайдовичу. Вы, Милостивый Государь мой, получили свыше обильный даръ, и употребляете его похвально.

Я радуюсь, что Ваше Высокопреподобіе привели къ окончанію Исторію Бѣлорусской Іерархіи. Не принадлежитъ ли къ ней приложенный здѣсь facsimile съ грамоты, писанной на Арабскомъ языкѣ Антіохійскимъ Патріархомъ? При семъ facsimile найдете для меня переводъ грамоты, съ котораго прошу снять списокъ и препроводить отъ имени моего къ Евгенію, Кіевскому Митрополиту, а посылаемыя бумаги хранить до моего возвращенія.

Я съ удовольствіемъ свѣдалъ отъ Г. Стоарта, что Вы отправились въ Мстиславль; надѣюсь, что возвратитесь съ богатою жатвою.

Поручаю себя молитвамъ Вашимъ, испрашиваю благословенія съ тѣмъ почтеніемъ, съ коимъ имѣю честь быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Вотъ переводъ грамоты Антіохійскаго Патріарха, писанной на Арабскомъ языкѣ. [26]

«Кириллъ, милостію Всевышняго, Патріархъ Антіохійскій и всего Востока. Благословеніе Апостольское нашему любезному духовному сыну, Патеру Кесарію почтенному. Да будетъ надъ нимъ благословеніе Господне. Аминь.

---

26 Эта грамота, писанная facsimile, находится между бумагами, оставшимися послѣ смерти Графа Н. П. Румянцова, въ его Музеѣ, и доставлена Его Сіятельству изъ Полоцка тамошнимъ Смотрителемъ Училища, Г. Дорошкевичемъ. Переводъ съ Арабскаго языка на Русскій сдѣланъ М. Волковымъ.

Письмо Ваше, посланное съ сыномъ нашимъ, Архипресвитеромъ Михаиломъ, Настоятелемъ, прибыло къ намъ. Упомянутый Михаилъ лично извѣстилъ насъ о совершенно утвержденномъ между Вами единодушіи и объ условіяхъ, на коихъ Вы между собою согласились. Прочтя письмо Ваше и изложенныя въономъ условія, и усмотрѣвъ искренность намѣренія Вашего и благую цѣль онаго, мы дали на все сіе наше согласіе, будучи совершенно увѣрены, что сіе послужитъ съ пользою ко удаленію всякаго вреда отъ нашего народа и къ распространенію устава Св. Василія Великаго. По сей самой причинѣ, мы утвердили и дали на сіе согласіе, какъ на дѣло, угодное Богу; ибо единодушіе есть начало любви Христіанской, заповѣданное намъ отъ него сими словами: «Идеже соберутся два, или три, во имя мое, тамо и азъ буду посреди ихъ.» А тѣмъ еще болѣе будетъ онъ конечно присутствовать посреди сего великаго общества людей, собранныхъ подъ единымъ знаменіемъ и подъ единымъ уставомъ и одушевленныхъ единою мыслію. Въ Св. Писаніи также сказано: «И соберетъ разсѣянныхъ чадъ Божіихъ во едино.» И сей-то текстъ исполненъ нынѣ на самомъ дѣлѣ Св. Василія. Ибо мы видимъ здѣсь людей разныхъ языковъ и странъ, соединенныхъ вмѣстѣ съ столь искреннимъ и совершеннымъ единодушіемъ.

По истинѣ, сіе точно было намѣреніе Св. Василія и съ тою самою цѣлію: чтобы водворить, т. е., единодушіе, начато имъ основаніе Святаго устава, коимъ Вы теперь руководствуетесь. Такое Ваше единодушіе обрадовало насъ до чрезмѣрности; ибо сіе составляло единственное наше желаніе въ продолженіи долгаго времени. Нынѣ же всемогущій Творецъ совершилъ оное прежде нашей кончины, а потому ему, Всевышнему, подобаетъ за сіе слава и благодареніе.

Желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы Вы, такъ какъ уже нами одобрено, принято и утверждено таковое Ваше единодушіе, вмѣстѣ съ Намѣстникомъ Нашимъ, Архипресвитеромъ, приложили стараніе объ исходатайствованіи . . . . отъ Св. собора для принятія онаго, дабы тѣмъ самымъ дѣло сіе получило большую крѣпость и прочность, и поспѣшнѣе приведено было въ исполненіе. Мы послали съ симъ письмомъ нашимъ еще другія два письма къ Св. Собору и къ почтенному Кононову . . . . о выдачѣ приказанія.

Передайте наше Апостольское благословеніе также почтенному Отцу Настоятелю Василію . . . . и всей Вашей обители. Благословеніе надъ Вами паки и паки. 1741 г., 10 Августа.»

На конвертѣ сей грамоты находится надпись: «Съ помощію Всевышняго, грамота сія пришла въ Богоспасаемый градъ Россійскій . . . . къ отцу Кесарію. . . . . Настоятелю монастыря Св. Василія . . . . вѣра его да спасетъ его.»

На другой сторонѣ, подъ самою печатью, приписано: «Богу подобаетъ слава во вѣки.» Печать подъ кустодіею съ Греческою круговою надписью.

Гомель. 16 Сентября, 1824 года.

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь мой!

Изъ дошедшихъ до меня отпечатанныхъ экземпляровъ Бѣлорусскаго Архива отдѣливъ два, спѣшу доставить Вамъ оные, а въ слѣдъ за симъ получите нужное число для Вашего распоряженія.

Довершивъ и съ большимъ успѣхомъ часть труда, мною на Васъ возложеннаго, примите, Милостивый Государь мой, свидѣтельство премногой моей благодарности и допустите меня, въ ознаменованіе моей признательности, теперь же уничтожить пять сотъ рублей изъ занятыхъ Вами у меня тысячи рублей; что касается до остающихся пяти сотъ рублей за Вами, то деньги сіи равно будутъ уничтожены по окончаніи всего изданія, о чемъ дано уже отъ меня предписаніе Павлу Ивановичу.

Съ удовольствіемъ предвидя ту хвалу, съ коей трудъ Вашъ принятъ будетъ на поприщѣ Словесности нашей, я поручаю себя молитвамъ Вашимъ, и испрашивая благословеніе, честь имѣю быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 9 Сентября, 1825 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Я много порадовался пріѣздомъ братца Вашего и тѣмъ письмомъ, каковымъ чрезъ него Вы меня удостоить изволили отъ 25 Августа. Я буду писать, чтобы Г. Дорошкевичъ другими списчиками замѣнилъ очень обремененнаго дѣломъ по службѣ Г-на Сыцянку, и не останавливалъ бы присылку ко мнѣ тѣхъ бумагъ, о коихъ онъ упоминаетъ. Статься можетъ, я ихъ и получилъ, потому что была на дняхъ присылка отъ него бумагъ, изъ которыхъ часть къ Вамъ препровождаю, а остальную вскорѣ пришлю.

Препровожденныя бумаги пересмотрите. Ежели изъ нихъ нужно Вамъ что ни будь, то возьмите съ нихъ списки, а бумаги мнѣ возвратите.

Я Вамъ, Милостивый Государь мой, очень благодаренъ, что прислали забытую рукопись, доставленную изъ Лондона: пересмотрите вездѣ, гдѣ могли быть книги мои, и даже въ собственныхъ бумагахъ, нѣтъ ли еще чего подобнаго, мною забытаго.

Преосвященный Митрополитъ Евгеній, къ душевному моему порадованію, у меня 6-го числа обѣдалъ; до обѣда пробылъ въ моей библіотекѣ два

часа, а послѣ обѣда туда же возвратился: вотъ какъ надо любить просвѣщеніе и все то, гдѣ къ нему путь открытъ.

Не упускайте, Милостивый Государь мой, развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ, рукописяхъ на пергаминѣ, и меня о томъ увѣдомлять.

Свидѣтельствуйте, пожалуйста, мое почтеніе матушкѣ и супругѣ Вашей.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ и испрашивая благословенія Вашего, съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 16 Сентября 1825 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Г Дорошкевичъ препроводилъ ко мнѣ копіи нѣкоторыхъ грамотъ, отысканныхъ имъ въ Архивѣ Полоцкой Греко-Унитской Консисторіи, и при особомъ имъ реестрѣ, я ихъ представлялъ на разсмотрѣніе Митрополита Евгенія. Изъ приложеннаго его здѣсь письма [27] Вы усмотрѣть изволите, что онъ почитаетъ ихъ важными, но заключаетъ, что списки столь неисправны, что прежде напечатанія ихъ во 2-й части Бѣлорусскаго Архива, непремѣнно нужно потребовать отъ Дорошкевича списковъ точныхъ и безошибочныхъ.

Я Вамъ поручаю, Милостивый Государь мой, къ нему объ этомъ, именемъ моимъ, отнестись, и когда новые списки отъ него получите, то помѣстите, пожалуйста, въ изданіи 2-й части Вашихъ трудовъ.

Вы по тяжелой почтѣ получить изволите Польскій Лексиконъ, соч. Линде: прошу его хранить между мнѣ принадлежащими книгами и пользоваться имъ сколько угодно.

Свидѣтельствуйте мой поклонъ дражайшему семейству Вашему.

---

27 Вотъ письмо Митрополита Евгенія къ Государственному Канцлеру:

«Кіевъ. 10 Сентября, 1825 года.

Сіятельный Графъ,

Милостивый Государь!

Вашему Сіятельству почтеннѣйше возвращаю списки Полотскихъ грамотъ. Я всѣ ихъ не только прочиталъ, но и поправилъ безчисленныя ошибки и невразумительныя мѣста, а первую Латинскую грамоту во многихъ мѣстахъ и я не понялъ, а потому и поправить не могъ. Засвидѣтельствовавшій подъ грамотами о вѣрности списковъ, кажется, и не читалъ ихъ. По сему трудно и издать ихъ

Поручаю себя святымъ молитвамъ Вашимъ предъ престоломъ Божіимъ, и испрашивая благословенія Вашего, съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

P. S. Приготовивъ письмо сіе къ подписанію, я получилъ о тѣхъ бумагахъ прилагаемую здѣсь записку Г. Востокова[28] и счелъ по прочтеніи, что нѣтъ мнѣ нужды писать къ Г. Дорошкевичу, прося новыхъ списковъ, а довольствоваться тѣмъ, что поручить Вамъ грамоты пересмотрѣть и, если нужно будетъ, отослать къ Г. Дорошкевичу для повѣрки одну первую Латинскую грамоту.

Честь имѣю быть ut in litteris.

Графъ Румянцовъ.

С.-Петербургъ. 29 Сентября, 1825 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Съ обыкновеннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 18 -го Сентября, и при семъ выписку изъ письма Г. Берлинскаго къ Вамъ, на которую я здѣсь отъ себя даю ему отвѣтъ за открытою печатью, и дабы Вы, по прочтеніи, къ нему, при письмѣ Вашемъ, препроводить изволили.

Митрополитъ Евгеній у меня обѣдаетъ каждую недѣлю разъ и провождаетъ часа три и болѣе въ моей библіотекѣ со мной.

неисправленными. Потребны другіе вѣрнѣйшіе списки. Впрочемъ, есть здѣсь грамоты очень любопытныя, особливо объясняющія земскія и церковныя права и обычаи.

Съ совершеннымъ высокочтеніемъ и таковую же преданностію имѣю честь быть и т. д.

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.»

28 «Я прочиталъ (пишетъ Г. Востоковъ къ Государственному Канцлеру) доставленные Г. Дорошкевичемъ списки. Замѣченныя въ нихъ Митрополитомъ Евгеніемъ ошибки, частію уже самимъ Митрополитомъ исправлены, частію же могутъ исправлены быть Протоіереемъ Григоровичемъ при изданіи въ свѣтъ сихъ грамотъ, а потому, мнѣ кажется, не нужно требовать другихъ списковъ. Развѣ только одну первую Латинскую грамоту послать къ Г. Дорошкевичу, для повѣрки ея съ подлинной.

Александръ Востоковъ.»

Оба братца Ваши здоровы и ведутъ себя хвалы достойно. Свидѣтельствуйте мое почтеніе матушкѣ и супругѣ Вашей.

Испрашивая благословенія Вашего, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Изъ всѣхъ этихъ писемъ Государственнаго Канцлера мы ясно можемъ заключить, что незабвенный Меценатъ всѣми силами старался помочь своему молодому ученому, какъ своими благими и мудрыми совѣтами, такъ и средствами, которыми бы онъ могъ воспользоваться, какъ для своей пользы, такъ и для общей; но весьма жаль, что писемъ отца Іоанна къ Канцлеру я не могъ найти ни въ Румянцовскомъ Музеѣ, ни въ частныхъ рукахъ, куда они могли были попасть; при нихъ намъ еще бы яснѣе представлялись ихъ взаимныя отношенія. Со временемъ, они, быть можетъ, соберутся, и вѣроятно заслужатъ вниманіе, чтобы ихъ напечатать.

ДОПОЛНЕНІЕ КО II-й ГЛАВѢ.

Разсказавъ, такимъ образомъ, читателямъ въ І-й главѣ, знакомство отца Іоанна съ Графомъ Н. П. Румянцовымъ, и представивъ его нѣкоторыя историческія изслѣдованія, которыми онъ занимался по порученію Канцлера въ бытность свою студентомъ въ Духовной Академіи, во II главѣ письма Канцлера къ отцу Іоанну, по поводу изданія въ свѣтъ двухъ сочиненій его: «Историческій и хронологическій опытъ о Посадникахъ Новгородскихъ,» и «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ,» мы представимъ, наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ писемъ отца Іоанна, найденныхъ мною въ бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти, и отвѣты на нихъ Канцлера. Въ письмахъ этихъ отецъ Іоаннъ разбиралъ достоинство древнихъ книгъ, покупаемыхъ Канцлеромъ, и оцѣнивалъ ихъ важность. Письма эти, хотя и слѣдовало бы помѣстить въ хронологическомъ порядкѣ, между письмами, во II главѣ, но я рѣшился отдѣлить ихъ, въ видѣ дополненія, потому что они

легко могли бы затемнить собою переписку объ изданіи вышеозначенныхъ сочиненій, да и сами затерялись бы между другими письмами.

Считаю также не лишнимъ помѣстить здѣсь переводъ отца Іоанна съ Польскаго языка книги: «Uwagi nad Mateuszem, herbu Cholewa, Polskim XII wieku dzieiopisem, соч. Іоах. Лелевеля. Изъ сочиненія этого отецъ Іоаннъ выписалъ только то, что относилося къ Лучанамъ и Ляхамъ. Къ выпискамъ этимъ онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, которыя не лишены интереса, и о которыхъ А. Х. Востоковъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи: «Описаніе Русскихъ и Славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума» (стр. 802).

Гомель. 20 Іюня, 1821 года.

О Лучанахъ и Ляхахъ.

Несторъ, въ Лѣтописи своей, говоритъ, по Никон. сп. 1, 5, слѣдующее о Лучанахъ и Ляхахъ: «Волохомъ (Соф. Лѣт. 1, 3 Волъхомъ; Львовъ 1, 3 Волотомъ, Воскрес. л. 61 Волоховомъ) бо нашедшимъ на Словены на Дунайскія, и сѣдшимъ въ нихъ и насилующимъ (Воскр. населящимъ) имъ: Словене же ови пришедше (и сѣдоша) на Вислѣ рѣцѣ, и прозвашася Ляхове, а иніи (Воскр. иніи нѣтъ) от тѣхъ Ляховъ (Соф. Ляховъ нѣтъ) прозвашася Поляне, Ляхове же друзіи Наутицы (Соф. Лутици, Воскр. Лоутицы, Львов. Лютичи, Литва), иніи Мазовшане (Соф. Мазовожане), иніи Поморяне» и проч. И такъ отъ него мы знаемъ, что Полянинъ, поселившійся на полѣ, [29] Полякъ, есть братъ Мазура и Поморянина, избравшаго

---

29 Другіе Поляне, соплемененные Наддунайскимъ Славянамъ, поселились около Днѣпра, и по тому симъ именемъ названы, что разселились они по полямъ, какъ бы въ противоположность сосѣдамъ ихъ, Древлянамъ, избравшимъ жилища въ древѣхъ, т. е., между деревъ, въ лѣсахъ. См. Воскрес. Л. I, 68; слич. 99. О сихъ послѣднихъ извѣстно изъ Нестора, что, когда Игорь пріѣхалъ къ нимъ за данію, Древляне, вышедше из града ис Коростена (правильнѣе Искоростиня), и убиша Игоря. См. тамъ же стр, 99. Древляне сидѣли около Припети. Въ тѣхъ мѣстахъ, близъ Овруча, надъ рѣкою Ушачемъ, и нынѣ существуетъ Искорошь, мѣсто или слѣды древней ихъ столицы. Однако, какъ странно тамъ, на Волыни, читать Шлёцерово объясненіе сего мѣста! (См. IV,

себе жилище приморское, и Лучанина, удалившагося въ болотистыя мѣста. Сверхъ того нѣсколько позже Нестора открываетъ (если только можно повѣрить сему) новыя племена тѣхъ Ляховъ, Радимичей и Вятичей. По Никон сп. 1, 9. Бяста два брата в Лясѣхъ (Львов. II, всѣхъ), Радимъ, а другій Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. Мѣстоположеніе Вятичей лѣтописецъ означилъ въ точности, а Радимичами, конечно, почитать должно нынѣшнихъ Бѣлорусцевъ, и особенно живущихъ по рѣкѣ Сожу. Но кто такіе были Наутицы, Лутицины, Лютичи, Лутичи? Неужели это тѣ, которые жили около Лоича, на восточной сторонѣ Одера, и назывались Вилками, [30] какъ бы великіе?[31] Или, считая ихъ другими, кои, по разности списковъ Несторовой лѣтописи, слывутъ Суличами, Уличами, Улутичами, Лутчами, Лутичами, Глутичами, Лучанами, разумѣть собственно то отдѣленіе Славянъ, которое поселилось въ болотистыхъ мѣстахъ, и, по мѣстоположенію жилищъ своихъ, называвшись Лучанами, [32] сообщило свое имя и городу Луцку, или также Славянъ, кои нѣкогда, какъ увѣряетъ Несторъ, присѣдяху къ Дунаеви, а въ значительномъ населеніи по Бугу и Днѣстру, простирались даже до Чернаго

---

106). Правда, ни одно названіе обширныхъ Древлянскихъ поселеній не упоминается ни въ Географіяхъ Россійскаго Государства, ни въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Древняя Росс. Идрографія, 1773 г. Но Шлецеръ не зналъ, конечно, что во время изданія сей книги ни Овручь, ни рѣка Уша Россіи еще не принадлежали. Сочинит.*

* Но Г. Руссовъ въ Волынскихъ запискахъ своихъ, стр. 100, пишетъ, что Коростень называется нынѣ селомъ Дѣдичнымъ, которое принадлежитъ Гг. Любовицкимъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и воротъ, а тамъ, гдѣ стоялъ станъ В. Княг. Ольги, находится деревня Шатрицы. Прим. переводчика.

30 Латинскіе лѣтописцы называютъ ихъ Lutitii, и помѣщаютъ въ переднюю Померанію, отличая отъ жителей Лаузица. Адамъ Бременскій (см. привед. соч. мѣсто) зоветъ ихъ и другимъ именемъ, Leutici, qui alio nomine Wilzi dicuntur. Примѣч. переводчика.

31 См. Регинона, подъ 808 г., стр. 57, подъ 810, стр. 58 Дитмара VII, Адама Бременск. De situ Daniae 219. Hist. Eccles. (12 vel 16) 66 etc. Гельмольда Chron. Slavor. I, 2.

32 Болотистое мѣсто по Польски называется łąka, по Лат. pratum, что означаетъ лугъ. Такимъ образомъ, судя по мѣстоположенію, сходнѣе назвать Лучанъ Лужанами. Прим. перев.

моря? [33] И не удобнѣе ли будетъ помѣстить ихъ гдѣ ни будь поближе къ Вислѣ? [34] Сверхъ того, Лучане были и въ Богеміи, и Влаславъ, ихъ Князь или Предводитель (Dux), какъ утверждаетъ Козьма Пражскій, имѣлъ неудачное сраженіе съ Некланомъ. Находимъ также народъ сего имени и близъ Вислы дѣйствительно, гдѣ поселяетъ его Несторъ, [35] и который назывался Лучанами отъ страны (regione, можетъ быть, качества, мѣстоположенія); и посему-то, безъ сомнѣнія, Витикиндъ Корбейскій, писатель, жившій въ концѣ X вѣка, говоря о Королѣ Мечиславѣ I, прибавляетъ, что подъ владѣніемъ его состояли Славяне, называвшіеся **Лицикавиками** (должно читать: Лицикаиками), т. е., Лучанами или Лютичами, извѣстными нынѣ подъ именемъ **Ленчичановъ**. Область ихъ никогда не причислялась къ Великой (собственной) Польшѣ. И такъ, хотя Несторъ говоритъ о двухъ только народахъ, носящихъ имя Лучанъ, но, не смотря на сіе, мы нашли ихъ четыре: за Одеромъ, на Волыни, близъ Вислы и въ Богеміи; и это не подлежитъ ни какому сомнѣнію.

Слѣдовательно, Поляки дѣйствительно происходятъ отъ Ляховъ Дунайскихъ. Знаемъ это отъ Нестора, [36] но и Польскіе бытопи-

---

33 Нест. по Никон. сп. I, стр. 9.

34 Лучане или Лутичи жили по Днѣстру и Бугу, впадающему въ Днѣпръ; а около другаго Буга, который втекаетъ въ Вислу, сидѣли не Лучане, а Бужане и Дулебы, кои назывались общимъ именемъ **Волынцевъ**. См. Соф. Лѣт. I, 5, 6. Но напрасно сочинитель смѣшалъ въ контекстѣ своемъ Лучанъ съ Суличами Сіи послѣдніе жили не по Днѣстру и Бугу, но между **Полянами и Сѣверянами**, около рѣки **Сулы**, въ нынѣшней Черниговской и Полтавской Губерніяхъ, и составляли **особое** поколѣніе Славянское. **Прим. перев.**

35 Однако Несторъ, какъ замѣчено въ сводѣ его списковъ, говоритъ о поселеніи **Славянъ** на Вислѣ, означая не поколѣніе ихъ, которое сюда пришло, но только имя, каковымъ оно называлось на новомъ своемъ жилищѣ: «**сѣдоша** (Славяне) на **Вислѣ рѣцѣ, и прозвашася Ляхове**». Кажется, и самое сіе имя есть уже новое. **Примѣч. переводч.**

36 Но Несторъ отнюдь не такое натяжное производство дѣлаетъ. По словамъ его вышеприведеннымъ, не **Поляки** происходятъ отъ **Дунайскихъ Ляховъ**, но самые **Ляхи** отъ **Дунайскихъ Славянъ**. Новымъ своимъ именемъ, какъ прежде замѣчено, стали они называться на новомъ жилищѣ, на **Вислѣ**, отложивъ общее прономенованіе Славянъ, которое осталось у однихъ Славянъ Новгородскихъ. «**Словене**, говоритъ Несторъ, **пришедше з Дуная, сѣдоша около езера Илмеря, и нарекошася своимъ именемъ** . . . тѣмъ же и грамота про-

сатели, въ кучѣ многоразличныхъ мнѣній о семъ, въ разныя времена выпущенныхъ на свѣтъ, отсюда же выводятъ Ляховъ, или изъ земли Карватской, иначе Хроватіи. Однако же сіе послѣднее приличествуетъ болѣе Краковякамъ, и потому требуетъ вѣрнаго разграниченія. А чтобы доказать, что Ляхи отродіе Кроатовъ, и до чего достигнуть можно было бы посредствомъ полнаго разузнанія Славянскихъ языковъ (ибо и о происхожденіи Богемцовъ отъ Чеховъ, при всемъ множествѣ достаточныхъ, впрочемъ, доказательствъ, не совсѣмъ еще согласились, и причисляютъ ихъ то къ Сербамъ, то также къ Кроатамъ), чтобы увѣриться, повторяю, во мнѣніи о родствѣ Ляховъ съ Кроатами, прибѣгали къ пособію этимологіи и утверждали, будто первые, какъ сосѣди послѣднихъ, вышли, вмѣстѣ съ ними, изъ Краковскаго края. Отсюда Полякъ сталъ пол-Ляхомъ, а Морлякъ или, какъ пишутъ Итальянцы, Morlach — Поморскимъ Ляхомъ. Но мы не говоримъ: Поляхъ: Полякъ есть Полянинъ, обитатель полей. Полянинъ и Полякъ, какъ Краковянинъ и Краковякъ, Морлянинъ (не Морляханинъ) и Морлякъ, судя по ихъ именамъ, не имѣютъ ни малѣйшей связи съ Ляхами. Такимъ образомъ догадка, посредствомъ которой хотѣли породнить между собою Морляковъ, Приморскихъ жителей, съ Ляхами, и сихъ послѣднихъ съ Кроатами, остается ничтожною.

Если такимъ образомъ погрѣшили тѣ, которые считали Ляховъ и Кроатовъ за одинъ народъ, то еще болѣе затрудняются не умѣющіе различить ихъ, а Графъ Иванъ Потоцкій напрасно съ такимъ усиліемъ искалъ рѣки Gui, о которой упоминаетъ Длугошъ.[37] Въ семъ случаѣ сказаніе Богухвалово о томъ, что Черничаны, живущіе въ Карнитіи, пребывали въ зависимости отъ Ляховъ до царствованія Казиміра монаха, ничего не доказываетъ, кромѣ того, что Польскія владѣнія и тогда были уже довольно обширны; такъ какъ, съ другой стороны, ничего не объясняютъ и имена тамошнихъ городовъ Люблина (Лайбаха) и Ляха (Бишофолаха); ибо, на пр., и въ Мекленбургской области находимъ Краковъ, Немировъ, Грабовъ, Тарновъ, Старградъ, Варховъ,

---

звася Словенская». См. Никон. Лѣт. I, 5, 6. И такъ точнѣе, что Поляки произошли отъ Ляховъ Вислянскихъ, а сіи отъ Дунайскихъ Славянъ. Прим. переводч.

37 См. Fragm. hist. et geogr. XXXIX, 3, T. III, p. 39 — 44.

Тешинъ. Подъ руководствомъ сего же историка,[38] Потоцкій нашелъ въ двухъ мѣстахъ его сочиненія, и Леха, убитаго на сраженіи съ Франками, и призналъ его за одного изъ Лешковъ. Хотя и самъ онъ справедливо мыслитъ объ актахъ Общества Яблоновскаго, называя сіе сочиненіе ничтожнымъ (ouvrage absolument nul), [39] однако же въ Леха вѣрить не перестаетъ. Историкъ Матѳей Холева. [40] ничего не знаетъ о семъ чудищѣ: онъ слыхалъ только о Лешкахъ, о которыхъ носились преданія, когда между тѣмъ, по милости Богемцовъ, сей самый Лехъ, спустя долгое время, забрелъ въ Польскую Исторію. Шлецеръ о семъ предметѣ издалъ прекрасное разсужденіе, въ которомъ справедливо объясняетъ одно стихотвореніе Далемила, природнаго Богемца, жившаго въ XIV вѣкѣ. Вотъ его начало:

V Srbském iazyce iest zemie,
iéžto Charvati iest imie;
V téi zemi bieše lech,
iemuž jmie dieiechu Čech.
Mužoboistva sie dočini,
pro niež svú zemiu provini.
Ten Čech jmieiéše bratróv šest....

То есть:

Въ Сербскомъ народѣ есть земля,
И она Хорватіею называется;
Въ той землѣ жилъ молодецъ,
Коему было имя Чехъ.
Онъ содѣлалъ мужеубійство,
И за то свою землю утратилъ.
Сей Чехъ имѣлъ шесть братьевъ, и проч.

---

38 См. Hist. Polon. Lib. I, p. 36 et 65.

39 Къ чему сочинитель это сказалъ, и куда слѣдуетъ относить его мысль, по недостатку связи, понять трудно. Можетъ быть, вопреки его доказательствамъ, Acta societatis Jablonovianae защищаютъ существованіе Леха. А если Потоцкій вѣритъ въ Леха не перестаетъ, то, безъ сомнѣнія, не въ семъ отношеніи отозвался онъ такъ рѣзко и невыгодно объ актахъ. Примѣч. переводч.

40 Сочинитель увѣряетъ: 1) что сей историкъ, жившій въ XII вѣкѣ, несправедливо былъ почитаемъ Польскими учеными за Кадлубка (см. Бѣльск. Kronika swiata

Въ сей пѣснѣ объ Лехѣ ни слова: но объ немъ также ничего не упоминаютъ, ни Мартынъ Галлъ, ни Богухвалъ, ни Матѳей, ни, послѣдователь его, Янъ лѣтописатель, а это, вѣроятно, и побудило Шлецера къ сочиненію своихъ ученыхъ и правильныхъ возраженій на счетъ Леха. Дѣйствительно, Далемилъ воспѣлъ только то, что въ Сербской Хорватіи былъ lech, т. е., юноша, молодецъ, называвшійся Чехомъ; но въ числѣ шести его братьевъ ни одного Лехомъ не именуетъ. Несторъ сказалъ, что Ляхи, пришедши съ Дуная, поселились по Вислѣ; а Алфредъ, писавшій въ X вѣкѣ, назвалъ мѣсто ихъ жилищъ Висланліею — и вотъ въ чемъ заключается все наше свѣдѣніе о происхожденіи Ляховъ. Но странно, какъ вздумалось Ленгниху выводить ихъ отъ Лазовъ, или Колховъ, отродія Евреевъ и Египтянъ, [41] а Чеховъ отъ Зиговъ или Зиховъ, составлявшихъ коло-

---

VIII, 339, переписч. Мар. Галла стр. 943), который, по его замѣчанію, моложе Мат. Холевы цѣлою половиною столѣтія (см. Porząd. Latopis въ Uwag. nad Mateusz., стр. 10). 2) Что Холева, носившій сіе названіе по своему гербу (см. Папроцк. Herby Rycerstwa Polsk. стр. 63), Епископъ Краковскій, велъ письменные разговоры съ Іоанномъ Свободою, Архіеп. Гнѣзенскимъ, о бытіяхъ своего отечества, и въ доказательство сего приводитъ изъ введенія къ Исторіи Кадлубка слѣдующія слова: «Disputabant Ioannes et Mathaeus, ambo grandaevi, ambo sententiis graves, de huius (Polonicae) Reipublicæ origine, progressu et consummatione.» 3) Что потомъ Кадлубекъ собралъ разсѣянные разговоры Холевы, и внесъ ихъ въ свою Исторію (см. Uwag. nad Mateusz., стр. 29), а собственную Исторію происшествій современныхъ продолжать началъ уже отъ смерти Болеслава (см. тамъ же, стр. 37). Сочинителю извѣстно нѣсколько манускриптовъ сей, такъ сказать, Холево-Кадлубковой Исторіи, кои различаетъ онъ слѣдующими названіями, отъ именъ переписчиковъ взятыми: 1) Iacuba, въ 4 долю, оканчивающійся 1434 г. 2) Gregorza, писанный имъ въ Краковѣ 1449, или 1472 г. въ 4 д. 3) Анонуша или Неизвѣстнаго, который имѣетъ окончаніе, сходное съ первымъ, но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ приставокъ, писанъ позже. При немъ есть записка о Короляхъ, въ какомъ порядкѣ они, одинъ за другимъ, слѣдовали, прервавшаяся 1460 г.; сія рукоп. въ листъ. 4) Bartholomeia, баккалавра Сошковскаго, мануск. испорченный и перебитый; окончаніе его также сходно съ первымъ; въ 4 д. 5) Theofila Богуславича, писан. 1481 г., какъ видно изъ послѣсловія, «pro Rectore scholarum in Lublin.» Всѣ сіи списки хранятся въ библіотекахъ Порѣцкой и Варшавскаго Общества любителей Наукъ и, по замѣчанію сочинителя, важныхъ отмѣнъ не имѣютъ. См. Uwag. nad Matheusz., стр. 15 — 17.

41 Слич. Геродот. II, 104. Діодор. Сицил. I, 28. Страбон. XI. Діонис. Александр. 689. Амм. Марцелл. XXII, 8; XXVII, 12. Вал. Флак. Аргон. V, 417. Плин. VI, 4. Птолом., который V, 10, называетъ ихъ Ζάλοι. Прокоп. Кесcap. De bello Pers. II, De bel. Gothic. IV. Агат. II, 10; III, 3, 6, 7. Менандр. Excerpt. de Abar. I, 67, ed. Venet. εἶτα Ζάλοις Suidas ἀνδριανός.

нію Пелазговъ, которая чрезъ нѣсколько вѣковъ переродилась въ Сарматскую.[42] Сію нелѣпость удачно повторили потомъ Ѳед. Вага и Алберттранди, памятію коихъ столь дорожатъ ихъ соотчичи. Но еще смѣлѣе судилъ въ семъ случаѣ Сарницкій, давъ происхожденіе Полякамъ отъ Фалека (по Еврейски Pelek)! Сочиненіе его отпечатано всего въ числѣ ста экземпляровъ (imprimé à 100 exempl.); въ немъ встрѣчаемъ много любопытнаго въ этомъ же родѣ, на примѣръ, какъ Гоаръ слово Rifat объясняетъ Арабскимъ Seklàb.[43] И такой вообще списокъ изслѣдованія о началѣ народовъ перешелъ къ намъ съ Западныхъ странъ. Впрочемъ, Матѳеій Холева, повѣствуя, со свойственною вѣку его ученостію, о преданіяхъ Кроатско-Краковскихъ, когда Краковъ составлялъ уже часть Польскихъ владѣній, включилъ въ свой разсказъ и Ляховъ, а они-то, статься можетъ, ссудили сего историка и мнимымъ Лешкомъ. Какъ бы то ни было, можетъ быть, и у Краковцевъ былъ свой, какой ни будь штукарь Лешко (Lisich, Listig).

«Гомель. 5 Іюня, 1822.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивѣйшій Государь и Благодѣтель!

Получивъ новое лестное препорученіе разсмотрѣть харатейную книгу св. Іоанна Лѣствичника, пріобрѣтенную Вашимъ Сіятельствомъ, при выѣздѣ изъ Гомеля, я немедленно приступилъ къ исполненію онаго тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, что сія рукопись, съ перваго взгляда, показалась мнѣ совершенно отличною отъ всѣхъ, видѣнныхъ мною до сего времени. И хотя она, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, пробыла въ рукахъ моихъ только три дня, но я успѣлъ собрать нужныя объ ней замѣчанія. Теперь спѣшу представить Вашему Сіятетьству въ томъ отчетъ.

Харатейная Лѣствица состоитъ изъ 181 листа. Самый пергаментъ, на коемъ она писана превосходнымъ уставомъ, въ двѣ колонны, отличается чи-

---

42 См. Діонис. Алекс. 687. Страбон. XI, 3. §. 12 — 14. Плин. IV, 7. Итолом. V, 9. Амм. Марцелл. XXII, 8. Прокоп. Кессар. II, 17.

43 Hist. primitive des peuples de la Russie. Pétersb. 1802, 4, ch. II, p. 29, et chap. dern.

стотою и бѣлизною. Длина листа $7^3/_4$, а ширина $6^1/_4$ вершковъ. Жаль, что рукопись сія худо сбережена и, сверхъ многихъ пропусковъ срединѣ, не имѣетъ конца, даже и многихъ листовъ; на поляхъ пергаментъ обрѣзанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкая рука невѣжды отрѣзала индѣ и слова въ началѣ строкъ. При всей, однако, столь варварской порчѣ, она не потеряла лучшихъ своихъ достоинствъ, и заслуживаетъ еще право на вниманіе любителя древностей отечественныхъ.

Прежде нежели приступлю я къ палеографическому разбору сей книги, не излишнимъ считаю замѣтить, что манускриптъ, который Ваше Сіятельство пріобрѣсть изволили, древнѣе всѣхъ экземпляровъ Лѣствицы, находящихся въ библіотекѣ рукописей Графа Толстаго. Издатель каталога въ I отдѣленіи помѣстилъ подъ N 14 книгу Лѣствичника, писанную на бумагѣ въ XVII вѣкѣ; а во II отѣленіи подъ NN 4 и 38 двѣ полууставныя XV вѣка, изъ которыхъ одна харатейная, какъ замѣчаетъ г. Калайдовичъ, писана въ 1419 году, при Митрополитѣ Фотіи, и принадлежала монастырю Туровскому, остальныя же двѣ подъ NN 46 и 263, также полууставныя, обѣ отнесены къ XVI столѣтію.

Для показанія особенностей правописанія, употребленныхъ въ сей книгѣ, прилагаю при семъ выписку статей, заключающихся въ Лѣствицѣ. Въ ней означены и пропуски, какіе можно было усмотрѣть, такъ сказать, на бѣгу. Но какъ почеркъ письма показался мнѣ во всемъ манускриптѣ единнообразнымъ, то я и ограничился снятіемъ одного только fac-simile.

Послѣ сего остается мнѣ представить вниманію Вашего Сіятельства и тѣ палеграфическіе признаки, кои ведутъ къ заключенію о достоинствѣ рукописи.

Они суть слѣдующіе:

1. Древнее постоянное употребленіе сугубыхъ гласныхъ буквъ въ склоненіяхъ. напр., **овъ са гнѣвааше, овъ же пребываааше; добраго ближнааго.** Замѣчательно, что буква **и** послѣ **ы** никогда не выпускается: такъ можно встрѣтить только въ позднѣйшемъ правописаніи, на пр., **темныхъ прокыихъ, хоꙋдыимъ**, и т. д.

2. Усугубленіе **оꙋоꙋ** въ дательномъ падежѣ именъ прилагательныхъ мужескаго рода, на пр., **преподобиоꙋоꙋмоꙋ, безвещиоꙋоꙋмоꙋ.** Надъ усугубленнымъ слогомъ всегда стоятъ двѣ черты. Сіи черты ставятся и надъ одинакимъ **ꙋ**, на пр., **кꙋпарисомъ**; но сія буква безъ соединенія съ другою попадается весьма рѣдко, и то на концѣ строкъ, гдѣ она столько же рѣдко замѣнена слѣдующею **ѹ**.

3. Буквы **ꙗ, н, ю, ѥ, ы, ъ** имѣютъ самую старинную форму; первыя четыре пишутся всегда съ перемычкою, проведенной по срединѣ, а не съ приподнятою вверхъ, какъ примѣчено въ рукописяхъ XIV вѣка. Въ Луцкомъ и харатейныхъ Евангеліяхъ, находящихся въ библіотекѣ Вашего Сіятельства, сіи

шесть буквъ изображаются такъ: ѩже, ѩма, ҁемлю, рꙑба, и такая форма оныхъ есть позднѣйшаго времени. Это основываю я на мнѣніи Г. Ермолаева, который, въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству отъ 23-го Мая, 1821 года, по характеру сихъ и другихъ нѣкоторыхъ буквъ, опредѣлилъ степень древности Луцкаго Евангелія.

4. ѥ и оу употребляются постоянно, и какъ отпечатокъ древняго письма, какъ замѣчено выше, не уступаютъ мѣста своего одинакимъ є и ѵ. Двойное оу пишется въ срединѣ на концѣ и въ началѣ слова, на пр., хоудъшиихъ, раҁоумъмь; христосоу нашемоу. Только въ концѣ строкъ, и то весьма рѣдко, ставится одинаковое ѵ или ȣ, которыхъ начертаніе также не ново. Равнымъ образомъ попадается изрѣдка и є одинакое, особенно въ началѣ слова, на пр., єгда, єда; но средній язычекъ сей буквы идетъ ровно, а не вверхъ, какъ въ позднѣйшихъ и даже XIV вѣка манускриптахъ.

5. Кромѣ ѡ и ѿ встрѣчается здѣсь ѻ не только въ началѣ словъ, но и въ концѣ. Впрочемъ, примѣтно, что въ одномъ и томъ же словѣ иногда стоитъ ȯ съ точкою, а иногда и безъ оной, такъ какъ и вмѣсто ѿ пишется или ѡтъ или ѡ̈тъ.

6. шт употреблено однажды вмѣсто щ въ словѣ тысашты, т. е., лѣтъ. Извѣстно, что у Сербовъ и нынѣ шт замѣняетъ наше шт, на пр., мошти вмѣсто мощи.

7. к имѣетъ верхнюю часть менѣе нижней, что, кажется, есть форма древнѣйшая; ибо уже въ XIV вѣкѣ писцы стали верхній уголъ сей буквы уводить косою чертою до низу. Такъ, на пр., въ Сарич. харатейномъ Евангеліи вкерхѵ, а въ харатейной Лѣствицѣ ѡставивъше.

8. г, которой новѣйшее начертаніе есть обратное ɜ, нигдѣ не употреблено въ качествѣ буквъ, но однажды только для изображенія числительнаго знака шести.

9. Вмѣсто нынѣшнихъ гласныхъ о и є вездѣ и постоянно ставятся полугласныя ъ и ь, на пр., страхъмь и любъкїю; окъмь; сл ҁами; цьсарю. Сія форма рѣдко встрѣчается въ памятникахъ XIV вѣка.

10. Послѣ поднебныхъ г и к. древній Славянскій языкъ, говоритъ Г. Востоковъ, не терпитъ тонкихъ гласныхъ, а послѣ шепелеватыхъ — полугласныхъ; смотри его разсужденіе о Славянскомъ языкѣ въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности. Во всей рукописи дѣйствительно вмѣсто тонкаго и въ семъ случаѣ пишется всегда ы, на пр., акы любъвьникы, дроугы; но послѣ шепелеватыхъ, каковы суть ж, ч, щ, всегда пишется полугласная не ъ, а ь, на пр., къжьть, прищь.

11. Когда личный глаголъ означаетъ достиганіе къ какому либо дѣлу, тогда, по мнѣнію Г. Востокова, неопредѣленное оканчивалось на тъ, на пр., въ Остромировомъ Евангеліи: придоша послоушатъ и исцѣлитъся. Доказательство ему и въ харатейной Лѣствицѣ находится: видѣхъ моужа крастъ шьдъша.

12. Указательныя мѣстоименія тон, сен, пишутся безъ измѣненія полугласныхъ ъ и ь на о, или є, каковы встрѣчаются въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XV вѣка, т. е., тъ, сь.

13. Замѣчательно также необыкновенное склоненіе имени Христосъ: Христосова, Христосовоу, Христосовомь.

14. Точка по срединѣ строки служитъ единственнымъ знакомъ препинанія, а надъ гласными — знакомъ для отдѣленія слоговъ. Сверхъ оной, какъ замѣчено выше, надъ оу, при усугубленіи и въ началѣ словъ, также надъ ѡ, постоянно ставятся двѣ черты. Есть и титла.

Обременивъ терпѣніе Ваше, Сіятельнѣйшій Графъ, столь длиннымъ и скучнымъ письмомъ, я не осмѣливаюсь дать рѣшительное сужденіе о древности манускрипта, и охотно приму въ семъ случаѣ приговоръ славныхъ нашихъ антикваріевъ, къ коимъ питаю въ моей душѣ отличное уваженіе. Однако, нужнымъ считаю присовокупить здѣсь еще одно свое недоумѣніе о томъ, почему въ сей харатейной Лѣствицѣ находятся слова, кои можно назвать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, иностранными, на пр., ѡкоушайте есть настоящее Сербское слово. «Да окушали сретю у доратү;» сокакгио, происходитъ также отъ Сербскаго имени сокакъ или сокаүъ, означающаго городскую площадь или улицу; а жүпище отъ извѣстнаго жүпа; ласкоүь, лүүкогь (?) коихъ смыслъ и корни неизвѣстны, имѣютъ такую необыкновенную форму; смиларъ, вѣрно то же, что въ Греческомъ σμῖλαξ, тисовое дерево.

Васнь на Польскомъ vasń, значитъ ссора, вражда. — Другія же слова, какъ-то: когиньно, моудьно, признаться, мнѣ совсѣмъ не извѣстны.

Еще два слова: тризна съ своими производными, тризнище, тризноположникъ, употреблено здѣсь въ смыслѣ подвига, на пр.: обаче коньца течениы, якоже будетъ добрыи нашь тризноположникъ. Помнится мнѣ, что Ваше Сіятельство изволили нѣкогда опровергать, и по справедливости, мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, будто слово тризна означаетъ поминовеніе по умершимъ. Для выраженія сего понятія было у Славянъ, кажется, слово треба, имѣющее весьма близкое родство съ словомъ требникъ, означающимъ мѣсто жертвенныхъ приношеній.

Прилагаю при семъ замѣчанія свои и на Бесѣды Златоустаго и Стоглавъ. Обѣ сіи рукописи, какъ и Лѣствицу, передалъ я Г. Мицинскому, для отправленія къ Вашему Сіятельству.

Моля Господа Бога о продолженіи жизни и укрѣпленіи здравія Вашего драгоцѣннаго престолу, отечеству и свѣту, повергаю себя и всѣхъ своихъ

продолженію милостей Вашего Сіятельства, и счастливымъ себя почитаю, что имѣю случай изъявить чувствованія глубочайшаго моего почтенія и неизмѣнной преданности, съ каковыми есть и буду и т. д.

Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ.

С.-Петербургъ. 19 Іюня, 1822 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 5-го текущаго мѣсяца. Всѣ Ваши замѣчанія на счетъ харатейной книги важны и свидѣтельствуютъ отличное познаніе Ваше, и о томъ, читая у меня письмо Вашего Высокопреподобія, Александръ Ивановичь Ермолаевъ и Г. Востоковъ, судили также.

По многимъ развѣдываніямъ, я могу остаться удостовѣреннымъ, что ожидаемаго Вами ревизора духовныхъ школъ Вы въ нынѣшнемъ году не увидите; и такъ, кажется мнѣ, нѣтъ теперь препятствія на поѣздку въ Могилевъ и по окружнымъ мѣстамъ, для обозрѣнія Архивъ.

Свидѣтельствуйте, пожалуйте, Отцу Протоіерею, дражайшему родителю Вашему, матушкѣ-супругѣ мое почтеніе, и увѣдомте ихъ, что я братца Вашего Н. И. нашелъ въ совершенномъ здоровьи.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Письма отца Іоанна къ Графу, съ палеографическими замѣтками его на библіотеку Канцлера, я не нашелъ, а потому помѣщаю одно только Канцлерово.

С.-Петербургъ. 13 Марта, 1823 года.

Высокопреподобный отецъ Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Вамъ извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ я всегда бесѣдую съ Вами, и доказательствомъ тому, что, при многихъ недосугахъ, тотчасъ Васъ благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 23 Февраля, при

которомъ получилъ я ученый каталогъ мною въ Гомелѣ пріобрѣтенныхъ книгъ. Палеографическія замѣчанія Ваши я не въ правѣ судить, но Вы меня ими много порадовали, я ихъ прочту Г. Востокову и, въ искренности дружескаго моего съ Вами сношенія, передамъ Вамъ его объ нихъ сужденіе.

Къ счастію моему, Высокопреподобный Отецъ, я скоро отыскалъ списокъ съ той грамоты, которая касается до Брестскаго Собора. Присоединивъ къ ней полученныя мною еще въ Гомелѣ копіи съ нѣкоторыхъ Минскихъ грамотъ, препровождаю къ Вамъ, Милостивый Государь мой, ихъ по тяжелой почтѣ: пожалуйте, пересмотрите ихъ, не разсудите ли Вы ихъ приличнымъ прибавить къ Бѣлорусскимъ грамотамъ, когда печатать ихъ станемъ, но особою статьею, какъ дополненіе при концѣ.

Князь Голицынъ, Министръ Духовныхъ Дѣлъ, съ которымъ я лѣтъ десять не видался, на сихъ дняхъ меня посѣтилъ: въ разговорѣ моемъ съ нимъ, я воздалъ Вамъ, Милостивый Государь мой, всю ту хвалу, къ которой Вы несомнительное имѣете право.

Дражайшей Вашей семьѣ свидѣтельствую свое почтеніе; братца Вашего Н. И. жду сегодня обѣдать къ себѣ. Прошу Васъ, Милостивый Государь мой, упомянуть меня во святыхъ молитвахъ Вашихъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Гомель. 17 Марта, 1823 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь и Благодѣтель!

Имѣю честь представить Вашему Сіятельству мирный Татарскаго Хана Шагибъ-Гирея договоръ съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ Первымъ. Текстъ подлиннаго заимствованъ, какъ Ваше Сіятельство изволите знать, изъ XIX тома рукописнаго собранія актовъ сего Короля, а въ переводѣ я старался соблюсти всю точность не только мыслей, но и словъ. Въ концѣ сего договора поставленъ 947 годъ; но приводя Магометанскій счетъ времени къ нашему, и находя, что первый отстаетъ отъ послѣдняго 587 годами, открывается, что онъ писанъ былъ, естьли не ошибаюсь, по Христіянскому лѣтосчисленію въ 1534 году.

Но я имѣю справедливую причину думать, что сей договоръ писанъ былъ не на Польскомъ языкѣ, какъ онъ теперь есть, но на Русскомъ, и догадку свою основываю на томъ, что 1) Татарамъ трудно было разумѣть языкъ Сигизмунда, а еще труднѣе писать на чужомъ языкѣ свои договоры. 2) Извѣстные Ханскіе ярлыки и позднѣйшихъ временъ грамоты всѣ написаны по Русски; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ языкъ, по вліянію ихъ

на наше отечество, былъ у нихъ дипломатическимъ. И 3) Сами Поляки въ XVI вѣкѣ употребляли даже въ судебныхъ мѣстахъ своихъ языкъ Русскій, чему свидѣтельствомъ служатъ Бѣлорусскія грамоты, изъ коихъ относящіяся къ сему времени писаны еще всѣ на языкѣ нашемъ. Впрочемъ, сіе замѣчаніе, доказывая утрату подлиннаго договора, не можетъ, кажется, отнять у него ни важности, ни достовѣрности.

По препорученію Вашего Сіятельства, я принялъ по описи, въ свое вѣдѣніе, присланную для Петропавловской церкви священную утварь. Восхищаясь богатствомъ и изящностію ея, не могу найти словъ для излiянія Вашему Сіятельству довольной благодарности за такой многоцѣнный даръ; но и въ душѣ моей, преданной Вамъ, и въ недостойныхъ молитвахъ своихъ о Васъ, читаю, что Ваше Сіятельство, столь горячею любовію къ благолѣпію дома Божія пролагаете себѣ путь въ блаженныя обители того, который въ благочестивой душѣ Вашей избралъ при семъ жилище, живый имени и славѣ своей.

Пріемлю смѣлость при семъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что въ числѣ присланной утвари недостаетъ еще подсвѣчниковъ, которымъ надлежитъ быть на престолѣ. Вмѣсто оныхъ, кажется, весьма прилично было бы устроить жирандоли о семи подсвѣчникахъ. Также въ алтарѣ, надъ жертвенникомъ, не назначено особой иконы, гдѣ ей непремѣнно слѣдуетъ быть, и по моему мнѣнію, можно бы было назначить въ сіе мѣсто небольшое Распятіе Спасителя.

Г. Дьячковъ очень справедливо замѣчаетъ, что двери, ведущія въ церьковь, сдѣланы непрочно и слишкомъ сточены (тонки). Для приведенія въ безопасность храма, онъ предполагаетъ обить ихъ желѣзомъ, а во внутренности входа сдѣлать особыя стеклянныя двери, кои дѣйствительно придали бы много свѣта храму. Необходимо также будетъ вокругъ церкви ограду устроить.

Всѣ сіи замѣчанія представляю благоразсужденію Вашего Сіятельства.

И. М. Колосовъ извѣстилъ меня изъ Москвы, что Бѣлорусскія грамоты, отправляемыя, для перевода, къ Г. Китовичу, еще не готовы, но будутъ присланы прямо ко мнѣ. Въ разсужденіи сего я теперь спокоенъ, и въ слѣдъ за симъ буду имѣть честь представить Вашему Сіятельству планъ Введенія, которое предположено присоединить къ изданію грамотъ. Весьма жаль только, что я не имѣю здѣсь ни какихъ почти пособій къ исторіи Польской и Литовской, а по болѣзни моей я принужденъ былъ остановить занятія свои на цѣлыя двѣ недѣли.

Моля Господа Бога о укрѣпленіи силъ и вожделѣннаго здравія Вашего Сіятельства, и поручая себя и всѣхъ своихъ продолженію милостиваго покровительства, съ глубочайшимъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностію имѣю счастіе быть и т. д.

Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ.

С.-Петербургъ. 27-го Марта, 1823 года.

Высокопреподобный отецъ Протоіерей Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ Вы меня удостоить изволили отъ 17-го Марта, и за сообщеніе мнѣ перевода Вашего о договорѣ Хана Шагибъ-Гирея съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ, и также за сдѣланныя Вами замѣчанія. Продолжайте, пожалуйте, меня одолжать полезными Вашими трудами.

Я тронутъ былъ до глубины души всѣмъ тѣмъ, что Вы ко мнѣ писать изволите по случаю пожертвованной мною утвари въ соборный нашъ храмъ. Благодарю Васъ, Милостивый Государь мой, что сдѣлали оной опись и приняли ее подъ собственное свое сохраненіе Не угодно ли, переговоря о сей утвари съ П. Ив., заказать на каждую вещь футляры или стеклянные калпаки? Относительно же до нужныхъ подсвѣчниковъ, я сегодня же пишу къ Алек. Иван. Янишу, прося его узнать въ Москвѣ, какіе подсвѣчники, при подобныхъ утваряхъ, почитаются приличными; икону же, или крестъ, для жертвенника не премину прислать.

Что же касается до дверей сей соборной церкви, я полагаю, что должно сдѣлать двойныя наружныя, совершенно желѣзныя и для безопасности толстыя съ висячими замками, а вторыя внутреннія могутъ быть стеклянныя. Примите, Милостивый Государь мой, на себя сей трудъ поговорить о семъ предметѣ съ Павломъ Ивановичемъ, и потомъ сообщить мнѣ Ваше мнѣніе; ежели же не согласитесь вмѣстѣ, то тогда каждый пусть пришлетъ свое о семъ заключеніе.

Дайте мнѣ, пожалуйте, знать, кому чрезъ Ваше посредство отъ имени моего разосланъ Софіиской Временникъ.[44]

Свидѣтельствуйте почтеніе батюшкѣ Вашему и всей дражайшей семьи. Покорно Васъ прошу, Высокопреподобный Отецъ, не забывать меня въ святыхъ молитвахъ Вашихъ, и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

---

44 На подлинномъ письмѣ рукою О. Іоанна написано: «Архіеп. Антонію, Арх. Іоасафу, Лобойку, Воловичу.»

Гомель. 11 Сентября, 1824 г.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь и Благодѣтель!

Спѣшу доложить Ваше Сіятельство, что въ драгоцѣнной рукописной Кормчей книгѣ я нашелъ, при сличеніи ея съ печатною, весьма много такихъ статей, которыхъ совершенно нѣтъ въ новоизданной. Кромѣ немногихъ отрывковъ, внесенныхъ изъ писаній Св. Отцевъ въ Кормчую, и которыя изъ печатной выключены, можетъ быть, по тому, что не во всемъ относятся къ уставу Церкви, рукопись содержитъ: 1. Правило церковное Іоанна, Митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ, Іакову черноризцу. — Г. Карамзинъ внесъ изъ онаго только 8-мь правилъ въ свою Исторію (т. II, пр. 158), а сей Уставъ состоитъ изъ 26 правилъ. 2. Вопрошаніе Кирикиво, еже вопроша Нифонта, Епископа Новгородскаго. Исторіографъ (II, прим. 380) выписалъ изъ него 13 любопытнѣйшихъ отвѣтовъ, между тѣмъ, какъ полное сочиненіе помѣщено на 6-ти большихъ листахъ. За онымъ слѣдуетъ: 3. Иліино вирошаніе, состоящее изъ 28 правилъ, котораго до сего времени я нигдѣ не находилъ. 4. Соборное постановленіе Кирилла Митрополита на Владимірскомъ соборѣ, помѣщенное на 3-хъ листахъ. У Карамзина (IV, 312) приведены изъ сего Дѣянія нѣсколько отрывковъ, а полное находится только у Уніата Кульчинскаго, на Латинскомъ языкѣ. 5. Правила Максима, Митрополита Русскаго, который по сему имѣетъ право быть внесеннымъ въ Словарь о писателяхъ Духовныхъ, но коего тамъ нѣтъ. 6. Правила Архіепископа Новгородскаго съ Епископомъ Бѣлгородскимъ. Немногія правила, касающіяся до служенія, по незначительныя для нашихъ церковныхъ историковъ. 7. Іоанна, Митрополита Русскаго, къ Архіепископу Римскому. Карамзинъ выписалъ изъ него одно примѣчаніе (II, прим. 415). 8. Уставы Владиміровы и Ярославовы. Первый имѣетъ нѣкоторые отмѣны (смотр. Карамз. II, пр. 108). 9. Князя Владиміра судъ, правило, по которому холопъ не бываетъ владѣтелемъ, а при недостаткѣ вольнаго человѣка, въ малыхъ же тяжбахъ пріемлетъ и закупъ (купленный человѣкъ). 10. Русская правда Ярослава. Она, по видимому, сходна съ помѣщенною въ продолженіи Древней Русской Вивліоѳики ч. III, стр. 16 — 45. 11. Судъ церковный, принадлежитъ къ Уставу Владимірову.

Что касается сборныхъ правилъ, то содержащіяся въ рукописной Кормчей книгѣ сходны съ печатною, кромѣ распространенія въ ихъ изложеніи и объясненіи, весьма часто встрѣчающихся въ сей послѣдней. При сей рукописной Кормчей книгѣ находится вкладная рукопись: «Лѣта 7169 сію книгу положилъ въ домъ Святаго живоноснаго Воскресенія Христова Господа Новаго Іерусалима смиренный Никонъ, Божіею милостію Патріархъ. А кто жъ восхощетъ усвоити, якожъ сынъ Амвріевъ, или утаити, якожъ Ананія и Сапфира, да отъиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да пріидетъ на него неблагословеніе Израилево.

и казнь Поріа и душевныя и тѣлесныя въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчныя муки. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сія, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя »

Считаю не лишнимъ замѣтить, что 7169 г. есть 1661 годъ, въ которомъ Никонъ жилъ уже въ Воскресенскомъ монастырѣ, а дѣлами Патріаршими вѣдалъ Питиримъ, Митрополитъ Крутицкій.

Моля Господа Бога о продолженіи жизни и укрѣпленіи здравія Вашего, драгоцѣннаго престолу, отечеству и свѣту, повергаю себя и всѣхъ своихъ продолженію милостей Вашего Сіятельства и счастливымъ себя почитаю, что имѣю случай изъявить чувствованія глубочайшаго моего почтенія и неизмѣнной преданности, съ каковыми и есмь и буду и т. д.

Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ.

Москва. 28 Сентября, 1824 года.

Высокопреподобный отецъ Іоаннъ,

Милостивый Государь мой!

Благодарю за письмо, каковымъ Вы меня удостоить изволили отъ 17 Сентября, и за замѣчанія на рукописную Кормчую книгу; Вы ими меня много порадовали; продолжайте и впредь одолжать Вашими трудами.

Я давно семейству Вашему преданъ и много тѣмъ утѣшенъ, что Вы отличными душевными качествами, будучи достойный сынъ почтеннаго родителя, въ насъ во всѣхъ, особенно во мнѣ, утверждаете къ себѣ почтеніе.

Вамъ извѣстна старость и дряхлость и вѣра моя: молите, Высокопреподобный Отецъ, предъ алтаремъ Божіимъ, чтобы немощь моя не усилилась.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и т. д.

Графъ Н. Румянцовъ.

Къ палеографическимъ трудамъ Отца Іоанна, въ 1824 году относится еще разборъ харатейнаго уставнаго Псалтыря XIV вѣка, найденный мною между бумагами Отца Іоанна, но въ Румянцовскомъ Музеѣ этого разбора я не отыскалъ.

Псаломъ рлг.

На рѣцѣ Вавилонстѣи. ту сѣдохомъ и плакахомса. помянувше Сиона. На вербѣи посредѣ ея обѣсихомъ органы наша. яко ту вопросиша ны плѣнше ны

словесы пѣсньны. И въведше ны въ хвалу. Въспоите намъ отъ пѣ҃ сионескъ. Како воспоимъ пѣ҃ Гн҃ю на земли чюжей. Аще забуду тебе Иерл҃ме, забовна буди десница моя. Прилпе языкъ мой гортани моюемь. аще не помяну тебе. Аще не предъложю Иерл҃ма акы в начало веселия моего. Помяни Гн҃и с҃ны Юдемьскыя во дни Иерл҃мовы. г҃лющa истощайте до основания. Дщи Вавилона окаяньная. Бл҃жнъ, иже въздастъ тебе въздание твоe, еже въздасть намъ. Бл҃жнъ, иже иметь и разбиеть младенца твоя о камень.

Рукопись уставная на пергаминѣ, писанная, судя по почерку, въ XIV вѣкѣ, на 124 листахъ, съ 12 раскрашенными изображеніями, содержитъ Псалтырь, расположенную по стихамъ, въ которой недостаетъ 1, 2, 5, 6, 9, 10 и 20 каѳисмъ, и сверхъ того примѣтна еще утрата многихъ листовъ въ разныхъ мѣстахъ. Заглавныя буквы расписаны ультрамариномъ и состоятъ изъ связныхъ фигуръ, а прописныя буквы, въ началѣ каждаго стиха, только на первыхъ листахъ начертаны золотомъ, утратившимъ отъ времени свой видъ.

Послѣ каждой каѳизмы присовокупляются молитвы, обыкновенно читаемыя при гробѣ умершаго.

Внизу первыхъ листовъ находится слѣдующая вкладная, писанная скорописью XIV вѣка:

«Воскресенью Христову и Чудотворьцу Кирилу Бѣлого, при старьце строителе Саватіе, да при казначее священнике Матѳіе и при всей братье Новоаерскаго монастыря, а подписалъ отецъ его Григорій Кириловъ сынъ Осютина Бестужевъ своею рукою безвыносно; а прописывана. . . . . . вся твореннымъ золотомъ. — А пити и ясти мне, Григорью и сыну моему Козме, ества братская, и носити платье казенное, а ѣсти намъ въ келее, что и прочая братія едятъ, безъ ропътанья. Всѣхъ книгъ числомъ к҃г книги,» т. е., такое количество книгъ дали вкладныхъ въ монастырь?

Вообще, думать можно, что Ветхій Завѣтъ Славянскій менѣе претерпѣлъ намѣненій въ текстѣ отъ позднѣйшихъ поправокъ, предпринимаемыхъ часто съ излишнею произвольностію. Доказательствомъ сему служитъ то, что въ сей харатейной Псалтыри немного находится отмѣнъ противъ нынѣшняго чтенія. Вотъ ихъ большая часть:

1. Въ Псалмѣ 86 харатейномъ читаемъ омутахъ, а въ нынѣшней стоитъ изнемогахъ.

2. Въ Псалмѣ 92 въ харат. возмутъ рѣкы струя, а въ нынѣшнемъ сотренія.

3. Въ Псалмѣ 93 въ харат. разумѣйте жены невезумнии въ людехъ, и буини, когда умудритеса, а въ нынѣшнемъ сихъ словъ жены не нѣтъ, и они

уничтожены правильно, а то недостаетъ смысла; вмѣсто когда читаемъ теперь никогда.

4. Въ Псалмѣ 103 харат. пропинаа небо, а въ нынѣш. простирни; слугы свои, огнь полащь, а въ нынѣш. пламень огненный; прозябаи пажити (траву) скотомъ; травү (злакъ) на службү юродово живище обладаетъ (предводительствуетъ) ими; звѣри лүжнии (дубровни); испросити (взыскати) пищү.

5. Въ Псалмѣ 104 въ харат. неприкасаится крҍхъ моихъ (помазанныхъ).

6. Въ Псалмѣ 106 въ харат. да испытаетъ (взыщетъ) заимодавецъ.

7. Въ Псалмѣ 115 въ харат. обѣты моа вождамъ, а въ нынѣш. молитвы. Прежнее слово обѣты удержано и въ Русскомъ новѣйшемъ переводѣ Псалтыри.

8. Въ Псалмѣ 117 въ харат. камень, юго же не к редү створиша, а въ нынѣш. небрегоша.

9. Въ Псалмѣ 128 въ харат. на хребтѣ моемъ ковахү, а въ нынѣш. дѣлаша

Что касается до раздѣленія Псалтыри на стихи, то оное вовсе въ харатейной не сходствуетъ съ нынѣшнимъ, которое, какъ извѣстно, по отношенію къ Ветхозавѣтнымъ книгамъ, удержано отъ Мазаретянъ, отдѣлявшихъ обыкновенно каждый стихъ удареніемъ, называемымъ силлухъ (ͻ̄ᴄ) и двоеточіемъ (:), которое у нихъ извѣстно подъ именемъ соф-пасуха. Въ книгахъ же Новаго Завѣта таковое раздѣленіе на главы имѣетъ начало отъ Кардинала Гугона, жившаго въ XIII вѣкѣ, а раздѣленіе нынѣшнее на стихи произошло гораздо позже, именно въ 1551 году, отъ Парижскаго типографщика, Стефана Роберта.

По сему, соображая несходство стихораздѣленія, находимое въ харатейной Псалтыри, можно думать, что она сдѣлана была только для церковнаго чтенія и по произволу переписчика; ибо всѣ почти стихи, не смотря на то, что смыслъ каждаго продолжается, имѣютъ равное пространство (περικοπα); это, безъ сомнѣнія, сдѣлано для облегченія читающаго, который на концѣ каждаго стиха долженъ былъ остановиться, чтобы перевести духъ, и какъ самому размыслить о читанномъ, такъ и другому дать на то время. Сіе несходство стиховъ очевидно; ибо въ нынѣшней исправленной Псалтыри въ Псалмѣ 16, въ одномъ 12 стихѣ заключается слѣдующее: положи тмү закровъ свои, окрестъ его селеніе его, темна вода во облацѣхъ воздушныхъ; въ харатейной сей стихъ раздѣленъ на три стиха: положи тмү закровъ свои ⁖ окрестъ юго кровъ юго ⁖ темна вода во облацѣхъ воздүшныхъ ⁖

Образъ правописанія и самое начертаніе буквъ въ рукописи, какъ сказано выше, тоже относятся къ XIV вѣку.

Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ.

Въ послѣдніе дни жизни, Канцлеръ прислалъ къ Отцу Іоанну собственноручную записку, на которой написаны были три вопроса, и просилъ его дать на нихъ отвѣты. Къ сожалѣнію, эта записка затерялась между бумагами Отца Іоанна, но остался черникъ отвѣтовъ его и вопросовъ Канцлера. Считаю не лишнимъ помѣстить ее здѣсь, потому что эти вопросы Канцлеръ писалъ почти за нѣсколько дней передъ смертію. На черникѣ Отца Іоанна, внизу рукописи, выставлено 8-е Декабря, 1825 года, а Канцлеръ умеръ 3 Генваря, 1826 года. Быть можетъ, Канцлеръ и не успѣлъ удовлетворить своему любопытству, какъ смерть пресѣкла дни его, столь славныя и полезныя, какъ для отечества, такъ и для науки.

Вотъ вопросы Канцлера, и отвѣты на нихъ отца Іоанна:

«Несторъ пишетъ ли, что Кій въ Царѣградѣ принялъ отъ Царя честь великую? При комъ сіе случилось?»

О походѣ Кія къ Царюграду есть сказаніе во всѣхъ Русскихъ лѣтописяхъ. Вотъ подлинныя слова: «Иніи, не вѣдуще, ркоша, яко Кый есть перевозникъ былъ; у Кыева бо перевозъ бяше тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: перевозъ на Кыевѣ. Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не ходилъ бы къ Царюграду съ силою ратьною. Но сей Кый княжаше (Соф. Врем. князь живяше) въ роду своемъ (Соф. и Русск. Врем. въ городѣ своемъ). И приходившу ему съ роды своими въ Царьградъ (Радз. и Ипат. не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы), яко же сказаютъ, яко велику честь прія отъ царя (Радз. и Ипат. котораго не вѣмъ, и при которомъ приходи цари; въ Никон. прибавлено: и ратоваше много страны; также съ Константиноградскимъ царемъ миромъ и братски живяше, и велію честь пріимаше отъ него и отъ всѣхъ). Идущу же ему извонъ, на Болгары ходилъ, и прежде (Соф. позде) къ Дунаю . . . таже на Воложскія и Камскія Болгары ходи, побѣдивъ и, возвратися» и проч.

Византійцы о семъ молчатъ. Щербатовъ, полагая основаніе Кіева въ 430 г., почитаетъ Кія весьма старымъ для похода столь далекаго и старается доказать, что это было нападеніе Болгаровъ, учиненное Θеодоромъ Готескимъ въ 485 г. на Θракію; но лѣтописцы наши говорятъ противное, именно, что Кій воевалъ Болгаровъ; а по Псковской лѣтописи построеніе Кіева отнесено къ 854 г; слѣдовательно, Оскольдъ и Диръ должны быть современниками Кію. Рейнекъ утверждаетъ, что сей городъ основанъ Готеами, а Болтинъ признаетъ строителями его Аваровъ, которые будто говорили однимъ языкомъ съ Венграми. При такой разности мнѣній, нельзя опредѣлить, во время какого Императора случился походъ Кія на Царьградъ. Но Баеръ, желая доказать истину Нестерова сказанія, говоритъ, что Готескій Король Книвъ воевалъ въ Панноніи съ Императоромъ Деціемъ въ 351 году, хотя у Зосима (кн. I, глав. 20) и у Евтропія, вмѣсто Готеовъ, говорится въ семъ мѣстѣ о Скиеахъ. А Миллеръ утверждалъ, что Кій служилъ въ войскѣ Гунновъ, которые при Θеодосіи II разоряли Имперію, каковое происшествіе было въ 527 и потомъ 547 годахъ. Шлецеръ (I, 184), по обыкновенію, считаетъ все сказаніе лѣтописей баснею, а Карамзинъ (I, прим. 71) думаетъ, что слова лѣтописи «съ

силою ратьною» (ходилъ Кій) есть вставка. Сихъ словъ и еще «съ роды своими,» подъ коими должно разумѣть, въ обоихъ случаяхъ, войско, точно нѣтъ въ Соф. Временникѣ Строева (I, 5).

«Гдѣ сказано, что Князь Русскій при Императорѣ Константинѣ былъ чиновникомъ у его Двора?

Стриттеръ нашелъ о семъ извѣстіе у Никифора Грегоры (I, стр. 146), между 306 и 337 годами. Онъ говоритъ что Царь Константинъ Великій пожаловалъ (при бракосочетаніи Θеодора, сына Андроникова, съ дочерью Маркграфа Спинулы), нѣкотораго Россійскаго Князя саномъ Стольника (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης, Dapifer). См. его Mem. pop. II, 956. Но самъ же Стриттеръ, основываясь на Дюфренѣ, почитаетъ сіе повѣтствованіе несправедливымъ, потому что оно ни кѣмъ изъ древнихъ историковъ не подтверждается, и что самое имя Россовъ неизвѣстно было Византійцамъ до половины IX вѣка, и основательно опровергаетъ Гоара, Латинскаго Θеофанова переводчика, который изъ словъ подлинника: ρουσια χελανδια, т. е., красныя ладіи, сдѣлалъ Russorum chelandia, Русскія судна, и тѣмъ ввелъ и другихъ въ ошибку. Карамзинъ (I, прим. 112) повторяетъ то же.

«Гдѣ повѣствуется о Скиѳскомъ Князѣ, который приходилъ разорять Царьградъ, и отъ нападенія коего избавились ризой Богородицы? При какомъ Императорѣ это было?»

Въ лѣтописи Львова (I, 17, 19); Софійск. Временникѣ Строева (I, 13) и Воскресен. лѣтописи (I, 41, 74) замѣчено, что сіе чудесное происшествіе случилось съ Оскольдомъ и Диромъ въ 14 годъ царствованія Императора Михаила, при Патріярхѣ Фотіѣ; наши лѣтописи относятъ оное къ 6374, т. е., по Р. Х. 862 году. Но Византійскіе историки, Левъ Грамматикъ (стр. 463), Сим. Логоѳетъ, Кедринъ (II, 551), Зонара (II, 162), и другіе, упоминаютъ о семъ происшествіи подъ 850 и 851 год., случившемся въ девятое лѣто царствованія Михаила, и изъ нихъ два послѣдніе приписываютъ сіе нашествіе на Царьградъ народу, обитавшему къ сѣверу, на горахъ Тавриды, а продолжатель Константиновъ и Scriptor. post Theophan. (стр. 535 и 536) называютъ сей народъ Россами и Скиѳами. Шлецеръ, въ Несторѣ (I, стр. 263) говоритъ, что здѣсь въ первый разъ, но еще слишкомъ рано, слѣдовательно, не у мѣста, упоминается объ Оскольдѣ и Дирѣ. Въ Демидовскомъ Хронографѣ, находящемся въ Университетской библіотекѣ, есть слѣдующее, въ отмѣну всѣхъ предыдущихъ свѣдѣній, мѣсто: «При Царѣ Михаилѣ въ л. 6360 (Р. Хр. 852) ходила Русь войною изъ Кіева града, Князь именемъ Бравалинъ, воевати на Греки на Царьградъ, и повоеваше Греческую землю отъ Херсонеса до Скуруева и до Сурожа... о томъ писано въ чудесѣхъ Св. Стефана Сурожскаго» (ни въ Прологѣ, ни въ Минеѣ нѣтъ сего извѣстія). См. Карамз. I, пр. 203. Къ сказаніямъ лѣтописей нашихъ Византійцы прибавляютъ еще, что Русскіе Князья, претерпѣвъ на морѣ пораженіе, спустя немного времени, отправили въ Царьградъ пословъ съ прошеніемъ св. крещенія, что и получили. Стриттеръ (III, 6) полагаетъ, однако, что сіе крещеніе ихъ послѣдовало 16-ю годами позже приводимаго Византійскими историками лѣтосчисленія.

ПИСЬМА

МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ

КЪ ПРОТОІЕРЕЮ І. І. ГРИГОРОВИЧУ.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Съ дозволенія Канцлера, Графа Николая Петровича, обыкновенно отправляются на имя мое до Гомеля, изъ Петербургскаго дома Его Сіятельства, посылки, которыя получалъ я съ разными попутчиками. Въ Гомелѣ и донынѣ есть на мое имя нѣсколько таковыхъ посылокъ, давно уже привезенныхъ и, кажется, безъ Графа нѣкому попещись объ отправленіи ихъ до Кіева. Въ семъ случаѣ я рѣшился обратиться къ Вамъ съ моею прозьбою о принятіи сего попеченія въ одолженіе мнѣ. Особливо въ послѣдней посылкѣ есть весьма нужныя мнѣ бумаги. Почему покорнѣйше прошу, хотя послѣднюю, принять трудъ отправить ко мнѣ съ достовѣрнымъ попутчикомъ, каковыхъ чрезъ Гомель до Кіева бываетъ много. Естьли же долго таковыхъ не случится, то прошу на мой щетъ нанять какого ни будь отъ Гомеля ѣздока. Симъ много меня обяжете.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, есмь съ братскою любовію и истиннымъ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,
Возлюбленнаго о Христѣ брата,
усерднѣйшій слуга
Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ.
21 Марта,
1823 года.

P. S. Приложенное письмо къ Его Сіятельству прошу чрезъ домовую контору препроводить къ нему въ С.-Петербургъ.

Получ. Апрѣля 16 дня.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше отъ 29 Марта я получилъ, и чувствительно благодарю Вамъ за принятіе и исполненіе моей прозьбы о препровожденіи ко мнѣ изъ Гомеля посылокъ, коихъ три короба уже дошло до меня съ судномъ Г. Козина. Но должна быть въ Гомелѣ еще одна весьма нужная мнѣ связка, послѣ коробовъ тѣхъ отправленная изъ Петербурга, развѣ оная еще не дошла, о чемъ прошу покорно развѣдать, и естьли есть, то пожалуйте, препроводите поскорѣе и оную. Теперь плывущихъ отъ Васъ много. Я чувствую всю цѣну Вашего мнѣ одолженія, и готовъ взаимно во всемъ оказывать Вамъ мои услуги.

Его Сіятельство Канцлеръ и ко мнѣ пишетъ, что онъ, вмѣсто Венгріи, поѣдетъ на Кавказскія воды, а оттуду заѣдетъ и въ Кіевъ. Пріятно было бы мнѣ, естьли бы и Вы тогда подъѣхали, а естьли угодно, то хотя и прежде. Квартиру получите у меня въ домѣ.

Прилагаю письмо къ Его Сіятельству, которое прошу при домовыхъ Гомельскихъ бумагахъ препроводить по первой почтѣ въ Петербургъ.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, есмь съ истиннымъ почтеніемъ,

Вашего Высокоблагословенія,

возлюбленнаго о Христѣ Брата,

усерднѣйшій слуга

Евгеній М. Кіевскій.

Кіевъ.
11 Апрѣля,
1823 года.

Получ. Августа 12, 1823.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

На письмо Ваше отъ 15-го Іюня за разными недосугами только теперь успѣваю отвѣчать Вамъ моею благодарностію. Благодарю и за увѣдомленіе о полезныхъ Вашихъ трудахъ въ дополненіе Исторіи Россійской Іерархіи. Вы меня обяжете, естьли, нашедши что ни будь объясняющее нашу Церковную исторію Бѣлорускаго края, сообщите и мнѣ. По трудолюбію и свѣдѣніямъ Вашимъ, Вы достойны сдѣланнаго Вамъ отъ Архипастыря порученія.

Посылки моей съ бѣлою почтовою бумагою [45] ни изъ Гомельскаго, ни изъ Петербургскаго дома Канцлерскаго я доселѣ не получалъ. А болѣе полугода уже жду. Въ Петербургскомъ домѣ отвѣчаютъ, что отправили, а отъ Васъ лышу, что не получена. Послѣ большой Вашей посылки, я ни какой другой не получалъ. А свертокъ моей почтовой бумаги долженъ быть не малой. Прошу покорно еще выправиться, или чрезъ Гомельскую домовую контору спросить Петербургскаго управителя дома. Симъ много меня обяжете.

Отъ Его Сіятельства Канцлера получилъ я съ Кавказа письмо, но безъ увѣдомленія, когда выѣдетъ. Естьли у Васъ есть сіе извѣстіе, то прошу предувѣдомить меня.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и братскою любовію есмь,

Вашего Высокоблагословенія,

Возлюбленнаго о Христѣ Брата,

усерднѣйшій слуга

Евгеній М. Кіевскій.

Кіевъ.
8 Августа,
1823 года.

Получ. Августа 30 дня, 1823.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Два письма Ваши отъ 13 и 17 Августа я получилъ, и благодарю за увѣдомленіе о путешествіи Его Сіятельства Канцлера. Но въ Кіевъ онъ еще не прибылъ. Вѣрно Крымъ занялъ его изслѣдованіями.

Посылки моей отъ купца Пирожкова я еще не получалъ. Ибо всѣ посылки къ Канцлеру запечатаны и съ моею въ одномъ ящикѣ. А посылка Ваша съ Казанскими Журналами дошла до меня сохранно 22 Августа. Прочитавши, возвращу. Мнѣ любопытно было видѣть тамъ прославляемую нынѣ критику Арцыбашева на Карамзина, который, однако жъ, вѣрно не удостоитъ его и отвѣта.

Благодарю за довѣренность, которую хотите мнѣ сдѣлать, доставленіемъ Вашего собранія свѣдѣній о Бѣлорусской Іерархіи. Я охотно и съ любопытствомъ прочту ихъ, и несомнѣнно надѣюсь найти въ нихъ много для себя новаго.

Призывая на Васъ и труды Ваши благословеніе Божіе, есмь съ истиннымъ почтеніемъ.

---

45 Іюля къ Кіевскому купцу Пирожкову, вмѣстѣ съ посудою. Примѣч. Отца І. Григоровича, на полѣ письма сдѣланное.

Вашего Высокоблагословенія,
усерднѣйшій слуга,
Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ.
25 Августа, 1823 года.

Получ. Маія 5, 1824 года.

Пречестный Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше отъ 18-го Апрѣля, съ приложеніемъ перваго листа Бѣлорускоі Архивы, я получилъ, и листъ прочитавши, при семъ Вамъ возвращая, прошу присылать и продолженіе. Изданіе сіе будетъ полезно, по крайней мѣрѣ, для Бѣлорускої Исторіи. Между тѣмъ здѣсь въ началѣ грамоты Литов. Вел. Кн. Александра, данной Митрополиту Іосифу 1499 г., замѣтилъ я, кажется, ошибку. У Васъ напечатано по Польски «Sam Alexander,» а по Руски «Самъ Александръ», въ находящемся же у меня спискѣ сей грамоты стоитъ «Jam Alexander,» «Я Александръ » Это будетъ сходно и съ нашими Великорускими грамотами, на пр.: «Се азъ Царь и Вел. Кн. Иванъ Васильевичъ.» А начало «Самъ» что-то необыкновенно.»

Руско-Литовскій лѣтописецъ и я читалъ въ Виленскомъ Дневникѣ нынѣшняго года, но ничего не нашелъ еще любопытнаго Собиратель, или сокращатель, бралъ безъ разбору изъ древнихъ и новыхъ лѣтописцевъ. А издатель безъ пользы сличаетъ его только съ Софійскимъ Временникомъ, такъ же новымъ, съ Шлецеромъ, небогатымъ лѣтописями, и другими неважными. Задача Вамъ сличить сей скудный лѣтописецъ съ прочими очень многотрудна, и такъ же едва ли будетъ полезна. Довольно бы одинъ сей лѣтописецъ, хотя и съ примѣчаніями издателя, напечатать Рускими буквами. Можетъ быть, въ продолженіи о Литовскихъ дѣлахъ онъ будетъ намъ любопытнѣе. Даниловичъ еще безполезнѣе для Поляковъ печатаетъ его Рускимъ слогомъ, а для насъ Польскими буквами. Довольно бы издать только отличія сего лѣтописца отъ прочихъ древнихъ и лишки отъ новыхъ. Но естьли Вы уже начали, то да благословитъ Богъ продолженіе труда Вашего, коему проложилъ дорогу, но не кончилъ, ученый Шлецеръ!

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,
Возлюбленнаго о Христѣ Брата,
усерднѣйшій слуга
Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ.
29 Апрѣля, 1824 года.

Получ. Іюля 4, 1824.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше отъ 23-го Маія получилъ я въ путешествіи моемъ по Епархіи, уже 8-го Іюня, въ Звенигородкѣ. Посылка же съ листами оставалась въ Кіевѣ до моего возвращенія. Почему съ дороги и не могъ я писать Вамъ. Теперь, возвратясь домой, спѣшу отвѣтствовать, и возвращаю съ благодарностію печатные листы. Равно благодарю и за списки трехъ грамотъ Литовскихъ. Одну изъ нихъ, Іоанна Епископа Луцкаго, я имѣлъ и прежде. Она объясняетъ начало Галицкой Митрополіи, о коемъ и Поляки и наши спорятъ. Мнѣ кажется, что не Витовтъ, а Владиславъ Ягелло, хотѣлъ уставить въ Галичѣ Митрополію Рускую. Ибо Луцкій Епископъ именуетъ Короля, а Витовтъ не былъ Королемъ, и Луцкъ ближе къ Польшѣ, нежели Литвѣ.

При чтеніи Литво-Рускихъ грамотъ часто встрѣчаются неудобопонятныя намъ слова. Но только ихъ надобно искать по большой части въ Польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ въ Луцкой граммагѣ слово громница у Поляковъ значитъ праздникъ Срѣтенія Господня, а въ Свидригайловой зеремяны — гнѣзда или логовища, гдѣ водятся бобры.

О словѣ «Sam» вмѣсто «Jam» я все еще въ сомнѣніи. Въ Польскихъ рукописяхъ буквы S и J такъ похожо пишутся, что мнѣ случалось по смыслу слова только различать ихъ. Естьли бъ довелось мнѣ увидѣть въ Руской Литовской подлинной грамотѣ написанное «Самъ», то я увѣрился бы болѣе.

Я согласенъ съ Вами о самовольствѣ Калайдовича въ поправкѣ года 1508 на 1507. Можетъ быть, онъ увлеченъ толкомъ Карамзина (V, прим. 246). Но у Карамзина въ примѣрахъ выставлены годы безъ означенія Индиктовъ. А гдѣ Индиктъ показанъ, тамъ нельзя иначе щитать, какъ съ Сентября, по Константинопольскому обычаю, которому всегда слѣдовала Руская Церковь. У Западныхъ только нѣкоторые щитали Индиктъ съ 25-го Декабря, 1-го Генваря и 25 Марта. У насъ издревле щетъ годовъ былъ двоякій, съ Марта Пасхальный, а съ Сентября Гражданскій. Въ 1505 г. они соединены, и по сему самому Индиктъ 11 принадлежитъ 1508 году.

Такимъ образомъ сдѣлавъ мой отвѣтъ на всѣ Ваши вопросы, заключаю письмо сіе призываніемъ на Васъ благословенія Божія.

Вашъ усерднѣйшій слуга

Евгеній М. Кіевскій.

Кіевъ.
Іюня 29 дня,
1824 года.

Получ. Сентября 5, 1824.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

При письмѣ Вашемъ, отъ 24 Іюля, получилъ я листы продолженіи Бѣлорускихъ грамотъ и Іоанна Екзарха; и поелику Вы предувѣдомили меня объ отлучкѣ своей въ Могилевъ и Мстиславь, то я и не спѣшилъ возвратить Вамъ оныя. Теперь, думаю, Вы уже дома, и потому съ благодарностію Вамъ возвращаю. Прошу присылать продолженіе.

Въ прошлую весну, по препорученію Канцлера, я испросилъ у Преосвященнаго Могилевскаго двѣ подлинныя граммоты Греческія, и съ великимъ трудомъ, при помощи Грековъ, разобралъ путаное ихъ письмо. Посылаю ихъ списки къ Вамъ и съ переводомъ. Кажется, они должны войти въ собраніе Вашихъ Бѣлорускихъ граммать, хотя на концѣ. А подлинники я возвратилъ Преосвященному.

Призывая на Васъ и труды Ваши благословеніе Божіе, есмь Вашъ

усерднѣйшій слуга,

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ.
24 Августа
1824 года.

P. S. Не знаю я, гдѣ нынѣ Канцлеръ. Увѣдомьте. Еще прозьба. Нашъ Профессоръ Берлинскій, отъ 8-го Іюня, отправилъ въ Гомель къ Канцлеру рисунки найденныхъ въ Кіевѣ древностей. Канцлеръ отвѣтствуетъ, что письмо его получилъ, а рисунковъ нѣтъ. Не остались ли они въ домовой Канцеляріи? Справьтесь, и увѣдомьте.

Въ граммате Патріарха Неофита кажется годъ ҂афі (1510) или ошибкою написанъ, или Синодикъ ошибся. По справкѣ моей съ каталогомъ Константинопольскихъ Патріарховъ, теперь оказалося, что Неофитъ II возведенъ 1600, а въ 1602 низложенъ, потомъ паки въ 1606 г. возставленъ, и въ 1610 г. заточенъ въ Родосъ. По сему въ граммате его надобно быть году ҂ахі (1610).

Получ. Ноября 8, 1824.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше отъ 18-го Сентября и двѣ книжки новыхъ трудовъ Вашихъ надъ Бѣлорускими грамматами и надъ описаніемъ Бѣлорускной Іерар-

хіи, я получилъ и прочелъ съ удовольствіемъ, за которое Вамъ и благодарю. Объ Іерархической книгѣ Вашей Вамъ самимъ предлагаю на разсмотрѣніе, по померамъ, на краяхъ выставленныхъ, слѣдующія замѣчанія:

1 Что вѣра Православная въ Бѣлорусіи сохранилась неизмѣнно. Вы сами ниже противорѣчите тому.

2. Бѣлоруская Епархія издревле состояла подъ вѣдѣніемъ Кіевскаго Митрополита, а уже въ 1654 году перешла подъ вѣдѣніе Московской Патріархіи, какъ и у Васъ показано.

3. Въ Кіевской Академіи до начала почти XVIII вѣка не было Префектовъ. А Сильвестръ Коссовъ въ Апологіи Кіевской Академіи 1635 г. наименовалъ себя только Профессоромъ.

4. Меѳодій сей кажется былъ не Филимоновичь, блюститель Кіевской Митрополіи. Ибо Филимоновичъ былъ Мстиславскій и по моимъ запискамъ посвященъ 1661 г. въ Москвѣ.

5. Арсеній Берло изъ Межигорскихъ Архимандритовъ избранъ и посвященъ въ Кіевѣ 1779, Іюля 8, но, не бывъ утвержденъ Королемъ, именовался только Администраторомъ.

6. Мелетій Смотрицкій только три года странствовалъ, какъ самъ пишетъ въ своей Апологіи.

Прочія отмѣтки увидите въ книгѣ, которую при семъ возвращаю. Еще: совѣтовалъ бы я Вамъ, вмѣсто дополненій Исторіи Росс. Іерархіи, составить полную исторію Бѣлорускихъ монастырей, вмѣстивъ въ оную и то, что найдете справедливымъ въ Исторіи Іерархіи.

Весьма желаю, чтобы Вы поскорѣе издали сію книгу, полезную для дополненія нашей Церковной Исторіи.

Призывая на Ваши труды благословеніе Божіе, есмь съ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,

Возлюбленнаго о Христѣ Брата,

усерднѣйшій слуга

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ.
5 Ноября,
1824 года.

Получ. Апрѣля 7, 1825.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше отъ 10-го Марта, и при ономъ списокъ Псковскихъ граматъ, получилъ я; и много обязанъ Вамъ за оный.

Библіотека Канцлера безпрестанно богатѣетъ древними рукописями. Между тѣмъ Графъ Толстой совершенно уже отпечаталъ свой Каталогъ. Полюбопытствуйте и Вы прочитать замѣчательное предисловіе Строева.

Вѣрю, что любопытны будутъ Полоцкія грамматы извѣстнаго Кунцевича, но сносно ли будетъ ихъ напечатать? А естьли что Вы въ нихъ найдете любопытнаго о Кіевской Іерархіи, то сообщите мнѣ прежде напечатанія, хотя краткимъ содержаніемъ историческимъ и хронологическимъ.

Призывая на Васъ и труды Ваши благословеніе Божіе, есмь съ моимъ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,

Возлюбленнаго о Христѣ Брата,

усерднѣйшій слуга

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

С.-Петербургъ.
26 Марта,
1825 года.

Получ. Мая 10, 1826.

Пречестнѣйшій Отецъ Протоіерей,

Возлюбленный о Христѣ Братъ!

Письмо Ваше съ Каталогами имѣлъ я честь получить, и Каталоги съ любопытствомъ прочелъ. Хотя лишились мы нашего Мецената, но я не думаю, чтобы изданіе заготовленныхъ уже по его порученію книгъ прекратилось. Ибо Коммисіи онъ оставилъ капиталъ, и Графъ Сергѣй Петровичъ не откажется, въ славу его, докончить всѣ изданія. Теперь онъ въ Москвѣ, и Коммисія вѣрно представитъ ему о семъ. Почему и Вамъ совѣтую не отставать отъ пріуготовленія 3-й части Бѣлорускаго Архива. Желалъ бы я знать, гдѣ осталось Ваше сочиненіе о Бѣлоруской Іерархіи?

Оглавленіе 2-й части Бѣлорускаго Архива я у себя оставляю, полагая, что у Васъ списокъ онаго есть. Но реестръ Полоцкій возвращаю и прошу по-

корно прислать мнѣ списки тѣхъ изъ отысканныхъ грамотъ, которыя включаютъ въ себѣ любопытнѣйшія свѣдѣнія объ Іерархическихъ перемѣнахъ. Жаль, что прочія не отысканы, а по оглавленію замѣтно, что нѣкоторыя очень любопытны. Но отыскиваніе сіе съ кончиною Мецената теперь уже, безъ сомнѣнія, прекратится.

Прося о продолженіи Вашего ко мнѣ благорасположенія и призывая на Васъ и труды Ваши благословеніе Божія, есмь съ моимъ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,
Возлюбленнаго о Христѣ Брата,
усерднѣйшій слуга
Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

С.-Петербургъ.
30 Апрѣля,
1826 года.

Н. Григоровичъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

корно прислать мнѣ списки тѣхъ изъ отысканныхъ грамотъ, которыя включаютъ въ себѣ любопытнѣйшія свѣдѣнія объ Iерархическихъ перемѣнахъ. Жаль, что прочія не отысканы, а по оглавленію замѣтно, что нѣкоторыя очень любопытны. Но отыскиваніе сіе съ кончиною Мецената теперь уже, безъ сомнѣнія, прекратится.

Прося о продолженіи Вашего ко мнѣ благорасположенія и призывая на Васъ и труды Ваши благословеніе Божія, есмь съ моимъ почтеніемъ

Вашего Высокоблагословенія,

Возлюбленнаго о Христѣ Брата,

усерднѣйшій слуга

Евгеній Митрополитъ Кіевскій.

С.-Петербургъ.
30 Апрѣля.
1826 года.

Н. Григоровичъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ЖИЗНИ И ДѢЯНІЯХЪ,

ГРАФА К. А. КАПОДИСТРІИ,

ПРАВИТЕЛЯ ГРЕЦІИ.

СОЧИНЕНІЕ

А. С. Стурдзы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнь современника и сподвижника Александра Благословеннаго заслуживаетъ вниманіе Русскихъ. Имъ посвящаю я, имъ отдаю на судъ, воспоминанія мои о жизни и дѣяніяхъ Графа И. А. Каподистріи, бывшаго Статсъ-Секретаремъ при особѣ Августѣйшаго избавителя Европы и Правителемъ Греціи, гдѣ земное бытіе его озарилось вѣнцомъ небеснымъ. Провидѣніе возвело сего знаменитаго страдальца, стезею неимовѣрныхъ превратностей и тяжкихъ въ мірѣ испытаній, на высокую степень государственной дѣятельности, усвоило жизнь его Россіи и предопредѣлило кончину въ отечественной землѣ, дабы, въ эпоху невѣрія и своекорыстія, выставить образецъ самоотверженія и нравственнаго совершенства. Ни дружба многолѣтняя и ни предубѣжденія сердечныя не ослѣпляютъ разсудка дѣеписателя. Нѣтъ! Глубокое познаніе всѣхъ приключеній, всѣхъ подробностей прекрасной жизни Каподистріи рождаетъ во мнѣ увѣренность ума; разсказъ мой останется вѣрнымъ отпечаткомъ внутренняго моего сознанія. Я намѣренъ умолчать о томъ, что не вполнѣ извѣдано мною, и повѣстствую только о памятномъ мнѣ, жертвуя изящностію и полнотою труда моего сохраненію святой истины. Большая часть жизни Каподистріи принадлежала Россіи: онъ былъ ревнитель славы и пользъ ея, искренній другъ ея и почитатель характера народнаго, вѣрный совѣтникъ и слуга Царя миротворца, безстрашный противникъ всѣхъ зложелателей нашихъ, коихъ ненависть преслѣдовала его

до гроба. Болѣе нежели кому ни будь, извѣстны мнѣ обстоятельства его поприща земнаго; вотъ причины, побудившія меня представить Россіянамъ біографію, столь тѣсно сопряженную съ важнѣйшими происшествіями смутныхъ временъ нашихъ. Я не оправдываю отважности моего предпріятія; вижу предъ собою преткновенія, для историка почти не избѣжныя. Съ одной стороны, могу ли я сказать съ Тацитомъ: «Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec beneficio, nec injuria cogniti»? съ другой, изобиліе предметовъ, неразрывная связь переворотовъ всемірныхъ съ жизнію друга и руководителя моего, пугаютъ мое воображеніе и вселяютъ недовѣрчивость къ моимъ силамъ. Наконецъ, если присовокупить къ симъ трудностямъ чрезмѣрную близость къ намъ происшествій, задача содѣлывается не разрѣшимою. Одна надежда на снисхожденіе благомыслящихъ согражданъ ободряетъ меня; я плачу дань потомству, подъ ручательствомъ многихъ современниковъ, кои знали и любили незабвеннаго Графа Каподистрію. Пусть обличаютъ они малѣйшее отступленіе отъ истины.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ нашъ вѣкъ, болѣе нежели когда ни будь, на бурномъ океанѣ жизни общественной, волна поглощается волною, событія изглаживаются событіями, быстро измѣняя лице земли и взаимныя отношенія племенъ человѣческихъ. Исторія и Географія едва могутъ слѣдовать за теченіемъ перемѣнъ и безпрестанно разливающимся потокомъ политическихъ превратностей. Люди знаменитые, увлекаясь движеніемъ всемірнымъ, исчезаютъ, подобно мгновеннымъ явленіямъ воздушнымъ. Дѣеписатель не успѣваетъ очертить нравственнаго ихъ сходства, искажаемаго противорѣчіемъ мнѣній и смѣшеніемъ понятій. Счастливъ тотъ, кто могъ заглянуть въ сердце и оцѣнить жизнь людей, избранныхъ быть орудіемъ Небеснаго Промысла и поучительнымъ примѣромъ для земнородныхъ, устранивъ красивые толки и ложные слухи, въ состояніи разсказывать былое, по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, но съ увѣренностію самовидца. Приступая къ описанію дѣяній современныхъ съ жизнію мужа, по рожденію принадлежавшаго Греціи, растерзанной на части и порабощенной, по служенію Россіи, прославленной борьбою съ духомъ времени, и положившаго душу свою за Грецію оживающую, я долженъ предварительно разсмотрѣть взаимныя отношенія Россіи и Греціи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой. Начертанія мудрой ея политики, подвиги военачальниковъ Русскихъ на морѣ и сушѣ, предуставили судьбу нашихъ просвѣтителей и единовѣрцевъ; Французская революція тогда же начала противодѣйствовать намъ на Востокѣ; мы увидимъ, подъ какимъ грознымъ созвѣздіемъ родился Графъ Каподистрія, и до какой невѣроятной степени простиралось вліяніе сихъ отдаленныхъ причинъ на прекрасную его жизнь и мученическую его кончину.

Война 1768 года между Россіею и Оттоманскою Портою пробудила всѣхъ Христіанъ Восточныхъ отъ тяжкаго трехсот-

лѣтняго усыпленія. Но сей сонъ, отъ изнеможенія нравственныхъ силъ происшедшій, часто перерывался яркими сновидѣніями о будущемъ. Творческій умъ Петра, преобразившій Россію, простеръ свое вліяніе и на страны, покоренныя мечемъ Мусульманскимъ. Въ сіе время Панагіотъ Мурузи, Маврокордато, Патріярхи Досиѳей и Хрисанѳъ, и въ особенности Князь Дмитрій Кантемиръ, Господарь Молдавскій, мужъ ученостію знаменитый, достойный любимецъ Великаго Петра, какъ бы условясь, по внушенію небесному, начали просвѣщать умы, согрѣвать сердца, окрилять надежды своихъ единоземцевъ, указывая на звѣзду Сѣвера. Но неудачный походъ въ Молдавію и Прутскій миръ, вынужденный обстоятельствами, снова погрузили всѣхъ Православныхъ въ уныніе и недоумѣніе. Надлежало имъ ожидать эпохи болѣе благопріятной и съ долготерпѣніемъ смиряться предъ тайною судебъ Всевышняго. Завоеванія Миниха при Аннѣ Ивановнѣ предвѣщали имъ времена лучшія, но денница на сѣверномъ небосклонѣ все еще не загаралась. Одно глубокое чувство единовѣрія и духовнаго братства заставляло Грековъ уповать постоянно, радоваться успѣхамъ Россіи на пути ея къ славѣ и могуществу, съ жадностію изыскивать всѣ пророчества благочестивыхъ затворниковъ, и въ горькой чашѣ угнетеній, растворенной утѣшеніями вѣры, предвкушать грядущее избавленіе свое и счастіе. Надежда цѣлаго народа, переживающая вѣки, не можетъ быть мечтою. Екатерина объявила войну Туркамъ; кичливый преемникъ Калифовъ, забывъ пораженія, нанесенныя его полчищамъ Принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ, помышлялъ о легкой побѣдѣ надъ отвагою жены Порфироносной. Но Румянцевъ и Орловъ, предводительствуя сонмами сподвижниковъ, достойныхъ имени Русскаго, нанесли Султану сокрушительные удары за Дунаемъ и на водахъ Средиземныхъ. Весь Пелопонисъ возсталъ по первому мановенію Екатерины; отъ Буга до горъ Тайгетскихъ закипѣла борьба ужасная; престолъ врага Христіянъ поколебался, предвѣщая близкое паденіе; но зависть нѣкоторыхъ Державъ ополчила на насъ Польшу и Швецію. Славный Кайнарджійскій миръ

продлилъ бытіе Турецкой Имперіи и, въ утѣшеніе безотрадныхъ Христіанъ, доставилъ имъ лучшую участь подъ жезломъ невѣрныхъ. Екатерина мужественно вступилась за угнетаемую Церковь нашу, упрочила преимущества Молдавіи и Валахіи, оградила безопасность мореплаванія и торговли между Россіею и Турціею, и, уступая на время необходимости, сія великая Государыня занялась неусыпно образованіемъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ. Постигая въ полномъ значеніи важную истину, подтверждаемую опытомъ вѣковъ, что человѣкъ въ себѣ самомъ, или въ совокупности съ подобными себѣ людьми, свободенъ, поколику онъ достоинъ свободы, она возымѣла, и осуществила творческую мысль, открыть для Грековъ, въ нѣдрахъ Россіи, разсадникъ просвѣщенія. Корпусъ иностранныхъ единовѣрцевъ принесъ Греціи, Россіи и человѣчеству обильные плоды. Имъ начало сбываться слово Петра Великаго: «Науки и искуства, вышедъ изъ колыбели своей, Греціи, обошли вселенную и, наконецъ, посѣтили землю Русскую; намъ суждено возвратить ихъ родной странѣ, и тѣмъ довершить сіе благодѣтельное кругообращеніе».

Разрывъ съ Портою въ 1789 году открылъ новое поприще воинскимъ доблестямъ Русскихъ. Суворовъ при Измаилѣ и Рымникѣ, съ горстью воиновъ, пожиналъ лавры побѣды и своими подвигами предвозвѣстилъ въ себѣ будущаго противоборца Французскихъ полководцевъ въ Италіи. Однако жь, при столь блистательныхъ успѣхахъ, Христіяне Восточные менѣе прежняго содѣйствовали нашему оружію. За исключеніемъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ искателей счастія, наши и приверженцы оставались неподвижными; ибо вторженіе въ Морею кровожадныхъ Альбанцевъ, отведшихъ въ плѣнъ и рабство болѣе семидесяти тысячъ душъ Христіанскихъ, вопреки воспрещенію миромъ, произвело въ прочихъ Грекахъ ужасъ и оцѣпенѣніе. Со всѣмъ тѣмъ, надежда не угасла, духъ народный возмужалъ, и цѣлыя поколѣнія, смѣняясь, передавали одно другому вѣру въ избавленіе свое мечемъ храбрыхъ единовѣрцевъ. Каждый Грекъ, по мѣрѣ силъ и способностей служа Россіи, видѣлъ въ ней залогъ и опору будущаго на-

роднаго бытія. Россія взаимно покровительствовала всѣхъ и каждаго, награждая существенностію за утрату идеала, и указывая на оный, какъ на землю обѣтованную. Замѣтить должно, что система Екатерины, при всѣхъ частныхъ неудачахъ, постоянно вела къ цѣли высокой всѣ народы, исповѣдающіе вѣру Православную. Въ сей системѣ соединеніе предпріимчивости съ терпѣніемъ и великодушія съ мудростію поражаетъ мыслящаго наблюдателя. Греки, содѣлавшіеся жертвою враждебныхъ обстоятельствъ, никогда не лишались прибѣжища и подпоры. Духовные, военные, ученые, купцы, вельможи, всѣ находили себѣ въ Россіи не только второе отечество, но и званія, соотвѣтственныя ихъ способностямъ и намѣреніямъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нихъ тоска по отчизнѣ и желаніе мести, умѣряясь, подчиняемы были соображеніямъ высшимъ; отчаяніе не могло овладѣть сердцами изгнанниковъ и эпоха зрѣлости не упреждалась безвременными усиліями, какъ то произошло въ послѣдствіи. Въ сонмѣ Грековъ, питомцевъ Россіи, отличались въ то время Мелиссино, Алексіано, Карбури, какъ при Петрѣ Молдавцы Димитрій и Антіохъ Кантемиры, и множество другихъ, пріобрѣтшихъ усыновленіе блистательными заслугами. Евгеній Булгари и Никифоръ Ѳеотокій, единоземцы Графа Каподистріи, приглашены въ Россію именемъ великой Монархини. Они оба явились свѣтильниками въ Церкви Россійской, и доказали всему свѣту, что ученость самая обширная совмѣщается съ вѣрою пламенною, смиреніемъ Христіянскимъ и святостію жизни.

Насталъ роковой 1789 годъ, и вспыхнулъ огонь Французской революціи, которому надлежало разлиться пожирающимъ пламенемъ по всему шару земному. Гнѣздо враговъ Божіихъ и враговъ человѣчества давно таилось въ нѣдрахъ изнѣженной Франціи. Подъ личиною филантропіи многорѣчивой, сіи проповѣдники разрушенія, полвѣка сряду не переставали ослѣплять умы самые прозорливые и, пресмыкаясь, подрывали престолы вѣнценосцевъ, кои съ жадностію внимали ихъ пагубнымъ урокамъ. Понося вѣру именами суевѣрія, или изувѣрства; во власти указывая на

тиранство, и заносчивое любознаніе назвавъ всевѣдѣніемъ, они умѣли искусно воспользоваться обветшалостію многихъ учрежденій гражданскихъ, распространеніемъ Француаскаго языка, безвечностію властителей и развратомъ народовъ Европейскихъ, дабы поколебать все существующее Ковчегъ, вмѣщавшій судьбу рода человѣческаго, сорванъ съ якоря надежды на Бога, и съ симъ отпаденіемъ отъ вѣры, почти безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ міра, началось паденіе и разрушеніе обществъ, равно безпримѣрное. Екатерина, среди сего общаго обаянія умовъ, надѣялась извлечь полезное изъ теорій Французскихъ софистовъ, но скоро распознала дерево по ядовитымъ его плодамъ. Съ 1789 по 1793 годъ, когда свершилась казнь праведника, Людовика XVI, она взирала на ходъ происшествій съ свойственнымъ ей присутствіемъ духа. Она дорожила спокойствіемъ Россіи. Но когда и на алтаряхъ и на развалинахъ окровавленнаго трона Капетовъ воцарилось изступленное безбожіе во всей его гнусности, Екатерина съ безстрашіемъ изготовилась къ борьбѣ неизбѣжной и, безъ сомнѣнія, вступилась бы за погибающую Европу, если бы смерть не пресѣкла ея начинаній. Въ годину страшнаго потрясенія не стало въ Европѣ Фридриха Великаго, Іосифа II и мудрой Екатерины. Француаская революція нигдѣ не встрѣчала равносильныхъ себѣ противниковъ. Заблужденія умовъ прокладали пути завоеваніямъ Якобинскихъ полчищъ. Благонамѣренные, но недальновидные, мечтатели все еще радовались торжеству ложеннаго разума надъ мнимыми предразсудками и устарѣлыми преданіями. Злодѣйства и ужасы революціи приписываемы были безвременному противленію державныхъ властей; защитники новизны указывали на Англійскую революцію, какъ на образецъ, оправданный своими послѣдствіями, забывая существенное различіе между сими двумя событіями. Ибо первое имѣло движущею силою изувѣрство, а послѣднее проистекало отъ безвѣрія. Нѣтъ возможности что либо созидать тому, кто отрекся единственнаго источника бытія и истины.

Какъ бы то ни было, разрушительныя начала революціи одолѣвали все священное и повсюду заражали умы до такой степени, что образованные люди стыдились казаться Христіянами. Распространеніе сей всемірной заразы и по Востоку почти ни кѣмъ до нынѣ не описано. Но тутъ представляется зрѣлище совершенно новое.

Турки и подвластные имъ Христіяне, обращаясь съ Франками, привлеченными торговлею, ознакомились мало по малу съ заманчивою необузданностію мнимой свободы. Внимая дерзкимъ разглашеніямъ агентовъ Французской Республики, сія смѣсь разнородныхъ людей, попеременно гнетомыхъ безначаліемъ и тиранствомъ, начала предаваться грезамъ и мечтамъ своевольства въ сердцахъ Грековъ полуобразованныхъ. Преданность къ Россіи и надежда на ея помощь стала примѣтно ослабѣвать, вмѣстѣ съ покорностію къ вѣрѣ и преданіямъ древности священной. Тогда въ первый разъ составились въ Греціи партіи, между собою непримиримыя. Одна изъ нихъ твердо придерживалась старинаго знамени. Другая, въ изступленіи новыхъ надеждъ, усиливалась поколебать довѣріе къ Россіи напоминаніемъ о прежнихъ бѣдствіяхъ и неудачахъ, подкапывалась подъ зданіе Церкви и хвалилась близкимъ избавленіемъ, при помощи освободителей всѣхъ народовъ. Наконецъ, и между Турками Деизмъ противниковъ Христа находилъ себѣ приверженцевъ, и нашествіе Наполеона на Египетъ произвело въ умахъ грубыхъ сильное впечатлѣніе. Предпріимчивая Республика казалась имъ волшебною силою, предназначенною обновить всю Азію, по приговору самаго Рока. Кто только искалъ мести, или прибытка, кто негодовалъ на Султана и желалъ свергнуть яремъ закона и верховной власти, тотъ радовался появленію нежданныхъ завоевателей.

Впрочемъ, нельзя не признаться, что отважное, почти баснословное, впаденіе въ древній Египетъ Французскихъ удальцевъ подъ предводительствомъ обреченнаго величію Наполеона, естественнымъ образомъ долженствовало произвести въ той странѣ всеобщій восторгъ и мятежное упоеніе. Англія вострепетала,

предвидя потерю Восточной Индіи. Она употребила всѣ усилія искусной политики, чтобы Оттоманскую Порту сблизить съ Россіею. Вторженіе Французовъ въ Іоническіе острова и подвиги ихъ подъ сѣнію пирамидъ грозили Турціи неминуемымъ разрушеніемъ, Россіи и всей Европѣ опасностію, дотолѣ небывалою. Изъ совокупности всѣхъ сихъ побудительныхъ причинъ возникнулъ союзъ наступательный между Россійскимъ Монархомъ и преемникомъ Калифовъ. Тогда-то Адмиралъ Ушаковъ, при содѣйствіи Турковъ, овладѣлъ островомъ Корфу и вытѣснилъ оттуда передовой отрядъ революціи. Приверженцы Россіи ожили во всей Греціи; ибо установленіе отдѣльной Республики Семи Островобъ обѣщало всѣмъ Грекамъ вѣрный пріютъ въ настоящемъ и зародышъ будущаго народнаго бытія. Дѣйствуя согласно съ Портою, Россія не умѣла отклонить державнаго вліянія Турціи на судьбу Островоъ, издревле принадлежавшихъ Венеціи. Итакъ договоръ 1800 года, заключенный въ Константинополѣ, сдѣлалъ новую Іонію данницею Султана, пріобщивъ къ составу ея четыре города приморскаго Епира, Превезу, Паргу, Войницу и Вуппринто, бывшіе дотолѣ достояніемъ Венеціянъ. Орудіемъ сего договора, со стороны островитянъ, былъ Графъ Антоній Каподистрія, отецъ незабвеннаго страдальца. Вскорѣ послѣ сего важнаго происшествія, положившаго на время твердую преграду успѣхамъ революціи на Востокѣ, Императоръ Александръ вступилъ на престолъ Всероссійскій. Съ появленіемъ его на тронѣ начался вѣкъ новый, и вмѣстѣ съ нимъ новыя соображенія, новыя опасности для Европы, взиравшей съ удивленіемъ на возвышеніе побѣдителя при Маренго — Наполеона. Сей любимецъ счастія (ибо онъ не встрѣтился съ Суворовымъ) воспользовался изнеможеніемъ внутри и внѣ Франціи, чтобы мощною рукою оковать гидру безначалія и преклонить къ землѣ стоглавый хребетъ ея. Побѣды его въ Египтѣ и Суворова въ Италіи не произвели послѣдствій постоянныхъ и только поселили вездѣ чувство утомленія и жажду покоя. Сама Англія искала мира съ счастливцемъ. А на Востокѣ и

въ Греціи господствовало одно уныніе и волненіе безъ цѣли. Снова Греки обратили на Россію умоляющій взоръ, ибо надежды приверженцевъ Франціи рушились. Въ Корфу водворилось благодѣтельное покровительство Русскихъ, предметъ утѣшенія для Восточныхъ Христіанъ и зависти для прочихъ Европейцевъ. Въ это время стремленіе Грековъ къ мореходству, торговлѣ и просвѣщенію ознаменовалось успѣхами необыкновенными. Средиземное море усѣялось судами Идріотовъ и прочихъ жителей Архипелага, кои усвоили себѣ прибыльный торгъ между Чернымъ моремъ, южною Франціею, Испаніею и Португаліею. Они осѣнялись Россійскимъ флагомъ и, обогащая Грецію, питали лоно ея новою жизнію, не совмѣстною съ игомъ Турецкимъ. Тогда же обнаружилось соревнованіе въ устроеніи училищъ, печатаніи книгъ, образованіи и очищеніи народнаго языка. Всѣ признаки близкой, неминуемой перемѣны являлись не только въ Европейской Турціи, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ омраченной Азіи. И хотя въ сихъ похвальныхъ усиліяхъ всегда замѣтно было вліяніе двухъ непримиримыхъ началъ, на которыя выше сего указано, но при всемъ томъ направленіе умовъ и событій обѣщало Россіи истинную славу, Грекамъ и племенамъ Славянскимъ лучшую участь, Церкви и всему Христіанству торжество надъ врагами, расторженіе древнихъ оковъ и обильное изліяніе благодати.

Примѣчаніе. Въ сонмѣ Грековъ, очарованныхъ призраками Французской революціи и растлѣвающимъ ея ученіемъ, отличался извѣстный Ригасъ, получившій образованіе свое во Франціи. Сей неутомимый, пылкій и отважный ревнитель отечественной свободы, къ сожалѣнію, вѣровалъ безусловно во Французскую Республику, единую и нераздѣльную. Высокія дарованія его истощились въ направленіи гибельномъ и ложномъ. Онъ издавалъ книги, составлялъ братства, сочинялъ народныя воинственныя пѣсни, приводившія въ восторгъ простолюдиновъ, и готовилъ общее возстаніе. Преслѣдуемъ будучи Оттоманскою Портою, Ригасъ искалъ убѣжища въ Австріи, но, по настоянію Турковъ, выданъ имъ и обезглавленъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЖИЗНИ И ДѢЯНІЯХЪ ГРАФА И. А. КАПОДИСТРІИ,

ПРАВИТЕЛЯ ГРЕЦІИ.

КНИГА I.

Рожденіе, воспитаніе и служеніе Каподистріи до уничтоженія Іонической Республики, на основаніи Тильзитскаго мира въ 1807 году; служеніе его въ Россіи съ 1809 по 1812 годъ. Современныя происшествія.

Іоаннъ Каподистрія, второй сынъ Графа Антонія, родился на островѣ Корфу, въ 1776 году. Современнику блаженныя памяти Императора Александра I суждено было служить сему великому Государю, постигать умомъ благотворныя его намѣренія и съ вѣрностію исполнять оныя. Ему надлежало участвовать въ славѣ Россіи, и лучами сей славы и молвою о себѣ самомъ возбудить Грековъ отъ вѣковаго усыпленія, дабы, наконецъ, содѣлаться жертвою враждебныхъ силъ политическихъ. Къ сему предѣлу труженической жизни повела его десница Вышняго, стезею испытаній, отъ острововъ Средиземнаго моря въ столицу Сѣвера и приблизила его къ Александру, вопреки вѣроятностямъ временъ и разстояній. Отецъ Каподистріи, человѣкъ отличный по твердости духа, благоразумію и строгой нравственности, поставилъ себѣ за правило воспитать дѣтей для какого ни будь опредѣленнаго званія, по желанію каждаго изъ нихъ, но съ тѣмъ, чтобы они самимъ себѣ обязаны были личною независимостію въ общежитіи. Старшій братъ посвятилъ себя Законо-

вѣдѣнію, а И. Каподистрія изученію Словесныхъ Наукъ и Медицины при Падуанскомъ Университетѣ, въ Италіи, куда, обыкновенно, стекалось благородное юношество Іоническихъ острововъ, подвластныхъ гордой Венеціи. На зарѣ жизни, способности юноши развились въ то время, когда Французская революція простерла упоительное свое вліяніе на всю Италію. При всеобщемъ волненіи умовъ, встревоженныхъ мечтами заманчивыми, особенно для возраста неопытнаго и добролюбиваго, удивительно ли, что Каподистрія нѣкоторое время плѣнялся мнимымъ усовершенствованіемъ учрежденій гражданскихъ, которымъ восхищались тогда почти всѣ отличнѣйшіе его современники? Но стремленіе его къ умозрѣніямъ возрастающей свободы проистекало изъ глубины души безкорыстной. Онъ постоянно чуждался гибельной теоріи, расторгающей спасительную связь между правами и обязанностями человѣческими. И хотя въ это время философія ощущеній исходила единственно изъ устъ его преподавателей, хотя лжемудрые схоластики объясняли ему природу и человѣка, придерживаясь Локка и Кондильяка, сихъ недальновидныхъ мыслителей, со всѣмъ тѣмъ Каподистрія, повинуясь какому-то внутреннему гласу, невольно склонялся къ выспреннимъ умозрѣніямъ Платона и Пиѳагора, какъ бы къ сродной духу его стихіи. Доказательствомъ возвышенности ума его служитъ то обстоятельство, что онъ, углубившись въ изученіе обширной науки врачебной, не прилѣпился къ вещественности, но постоянно вѣровалъ въ бытіе духовныхъ силъ въ человѣкѣ, тогда какъ умы обыкновенные въ наставленіяхъ Медицины почерпаютъ непреоборимую склонность къ матеріялизму. Едва довершилъ Каподистрія свое образованіе, какъ гласъ отчизны, исторгнутой изъ подъ власти Французовъ, отозвалъ юношу въ край родной, дабы содѣйствовать возрожденію онаго. Возмутители вселенной и тамъ вселили было ужасы своевольства. Пользуясь закоренѣлою ненавистью народа къ иновѣрной и блительно суровой аристократіи Венеціянъ, Французы посѣяли въ сей странѣ плевелы междоусобія, гнали любителей благоустройства, какъ приверженцевъ самовластія, и подъ симъ предлогомъ заключили въ пловучую тюрьму старца Антонія Каподистрію, съ явнымъ намѣреніемъ разстрѣлять его. Казалось, революціонеры предчувствовали въ семъ благородномъ семействѣ какую-то непреклонность, ко-

торую хотѣли они сокрушить въ самомъ началѣ. Сыновняя ревность Графа Ивана и братьевъ его успѣла смягчить злобу властителей, мольбою и ходатайствомъ, и жизнь отца ихъ спасена сверхъ всякаго чаянія.

Императоръ Александръ I, порфироносный другъ человѣчества, водворилъ въ Семи Островахъ спокойствіе, даровалъ имъ хартію и права политическія, покрылъ щитомъ Россійскимъ народное бытіе и возрастаніе Греческой Республики и не щадилъ казны своей, дабы упрочить ея благоденствіе. Графъ Мочениго назначенъ былъ полномочнымъ посланникомъ въ Корфу, и подъ надзоромъ его Іонійцы начали дѣйствовать на поприщѣ управленія собою. Молодой Графъ Каподистрія избранъ былъ Статсъ-Секретаремъ Республики, и посвятилъ себя высокимъ трудамъ съ ревностію юныхъ лѣтъ и зрѣлостію маститой старости. Привлекательная наружность, сановитость, неусыпная любовь къ трудамъ, строгая жизнь, убѣдительное краснорѣчіе, отличали сего рѣдкаго юношу. Ему надлежало бороться съ препятствіями многообразными. Съ одной стороны, закоренѣлые предразсудки Сенаторовъ, посѣдѣвшихъ подъ ярмомъ Венеціи, и взаимныя ихъ семейственныя распри, съ другой, гордыя надежды и пылкія затѣи молодыхъ людей, не умѣвшихъ цѣнить единовѣрнаго покровительства, и наконецъ частыя вмѣшательства Министра Мочениго во внутреннія сношенія и дѣла края, всѣ сіи обстоятельства устилали терніемъ каждый шагъ юнаго гражданина. Доколѣ войска наши, расточая несмѣтныя суммы, оживляли острова своимъ присутствіемъ, а военачальники наши благородными поступками поддерживали усилія слабаго правительства, Республика, казалось, жила собственною жизнію, но эта жизнь была только явленіемъ искуственнымъ, условнымъ и долженствовала разрушиться при первой перемѣнѣ судьбы.

И подлинно, отдаленность Россіи, злопамятство Французовъ, коварные виды Англичанъ, однимъ словомъ, зложелательство всей Европы, грозили Іоніи близкимъ паденіемъ. И если къ симъ опасностямъ присовокупить борьбу новыхъ Греческихъ учрежденій съ старыми Италіянскими правами, господство сего языка въ высшихъ сословіяхъ, навѣты душегубца Али-Паши, который всемѣрно старался отогнать Грековъ отъ береговъ Ал-

ванія, и тѣмъ лишить Республику всякой опоры, то нѣтъ сомнѣнія, что Каподистрія уподоблялся безстрашному земледѣльцу, трудящемуся у жерла огнедышащей горы. Однако жь, постоянное усердіе Каподистріи не происходило отъ недостатка въ предусмотрительности, но, напротивъ, онъ предвидѣлъ и въ Сенатѣ не рѣдко указывалъ на критическое положеніе отечественной страны, и желая, сколько возможно, отвратить грозящую опасность, неоднократно предлагалъ думнымъ старцамъ послать представителей къ первостепеннымъ дворамъ Европейскимъ, дабы, на случай удаленія Русскихъ войскъ, предуготовить дружелюбныя сношенія съ Державами, гласно, или негласно, признавшими политическое бытіе Семи Острововъ. Но Сенаторы не внимали увѣщаніямъ мудраго юноши; нѣкоторые изъ нихъ страшились негодованія Графа Моченига; другіе, притворствуя, даже укоряли Статсъ-Секретаря въ неблагодарности къ покровительствующей Державѣ, какъ будто великодушный Монархъ, основавшій бытіе Республики, могъ бы не одобрить всѣхъ мѣръ, клонившихся къ ея сохраненію. Однимъ словомъ, ложныя понятія и низкія страсти заглушили голосъ патріота, умѣвшаго соглашать долгъ преданности родной странѣ съ благодарностію къ Россіи. Послѣдствія оправдали скорбныя предчувствія души его. Не взирая на блистательные подвиги Сенявина, на приверженность къ намъ Суліотовъ и прочихъ жителей Эпира, на храбрость войскъ нашихъ, Іоническая Республика не пережила Тильзитскаго мира. Но мы не станемъ упреждать порядка происшествій.

Въ 1806 году правительство Семи Острововъ отправило въ С.-Петербургъ, своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Димитрія Наранци, уроженца острова Занте, умнаго, образованнаго и весьма ловкаго человѣка. Онъ умѣлъ снискать благосклонность Императора Александра. При всѣхъ случаяхъ, болѣе или менѣе торжественныхъ, Наранци, занимая послѣднее мѣсто въ блестящемъ строю дипломатовъ иностранныхъ, всегда обращалъ на себя милостивое вниманіе Государя, любившаго съ нимъ разговаривать. Острота, приличіе съ примѣсью какого-то заманчиваго простодушія, придавали особенную пріятность его рѣчамъ. Однажды, послѣ неудачнаго похода въ Австрію и Аустерлицкой битвы, Императоръ въ первый разъ принималъ чужеземныхъ

посланниковъ въ малой тронной залѣ зимняго дворца. Обойдя всѣхъ ихъ по порядку и выслушавъ привѣтствія каждаго, Государь подошелъ къ представителю Іоніи и сказалъ ему: «Наранци, мы въ этотъ разъ были несчастны.» — «Государь, возразилъ равнодушный потомокъ Улисса, не забудьте, что послѣ сраженія подъ Нарвою грянула Полтава.» Александръ, съ ласковымъ взглядомъ пожалъ у него руку и, молча, принялъ удачное предвѣстіе грядущихъ побѣдъ. Впрочемъ, замѣтить должно, что умный отвѣтъ Наранци не только выражалъ собственное его чувство, но вмѣстѣ былъ отголоскомъ цѣлой Россіи. Возможно ли Русскому не помнить, что послѣ Аустерлицкой битвы Александръ I принятъ былъ въ столицѣ съ единодушнымъ восторгомъ, тогда какъ въ 1807 году Тильзитскій миръ произвелъ въ сердцахъ какое-то неизъяснимое, мрачное уныніе? Народъ великій дорожитъ болѣе славою отечества, чѣмъ собственнымъ спокойствіемъ и мнимою безопасностію

Знаменитый соперникъ революціи и Наполеона, Питтъ, умеръ съ горя, свѣдавъ о битвѣ Аустерлицкой. Онъ предугадывалъ бѣдствія Европы и ея порабощеніе ненасытному завоевателю. Съ отступленіемъ Русскихъ ему казалось, что послѣдній оплотъ рушился, и Англія не выдержитъ единоборства съ любимцемъ счастія. Съ нашей стороны открылись мирные переговоры, и П. Я. Убри заключилъ было трактатъ въ Парижѣ, по силѣ коего ограждено существованіе Іонической Республики подъ покровительствомъ Россіи, но сей трактатъ не утвердился и былъ отринутъ Александромъ, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Надлежало еще кинуть свинцовые жребіи; Пруссія, столь долго устраненная отъ участія во всемірной борьбѣ, стала домогаться союза съ нами, и первая ополчилась противъ Наполеона. Едва успѣли мы свѣдать о роковомъ разрывѣ, какъ Наполеонъ, разгромивъ при Ауерштедтѣ и Іенѣ Прусскую рать, устремился, чрезъ Одеръ и Вислу, къ нашимъ предѣламъ, желая отомстить за отринутую нами дружбу его. Достопамятный походъ 1806 и 1807 года, мало кѣмъ оцѣненный по достоинству, увѣнчалъ славою Россійское оружіе. Но непріятель, окриленный безпримѣрнымъ въ исторіи низложеніемъ Пруссіи, напалъ на насъ въ расплохъ. Россія противопоставила ему 80,000 воиновъ,

подъ начальствомъ Каменскаго и Беннигсена. Сей искусный полководецъ былъ истиннымъ таинникомъ военачальнической науки, но не во всемъ ея пространствѣ. Онъ умѣлъ побѣждать на боевомъ полѣ, но не умѣлъ распорядительностію и строгимъ соблюденіемъ дисциплины подчинять себѣ происшествія, и по тому сраженія при Пултускѣ, Ейлавѣ, Гейлсбергѣ и Фридландѣ не отразили упорнаго врага; онъ наконецъ одержалъ верхъ надъ изумившею его Русскою храбростію. Тогда Тильзитскій миръ, вопреки выгоднымъ условіямъ, опечалилъ всю Россію, составившую, по мановенію Царя своего, земское войско. Для мужественныхъ племенъ Сѣвера, исповѣдающихъ единую вѣру, пиръ кровавый казался едва начатымъ, какъ уже прекращенъ волею Самодержца и волею Провидѣнія, готовившаго сугубую казнь Французамъ.

Тогда же изреченъ надъ Семью Островами приговоръ уничтоженія народнаго ихъ бытія. Керкира, Кефалонія, Закинѳъ, Иѳака, древняя обитель Афродиты, Цитера или Цериго, Св. Мавра и Пакіо, сданы Французскимъ войскамъ. Воинственные сонмы набранныхъ нами на твердой землѣ Греческихъ удальцовъ распущены и частію пристали къ трехцвѣтному знамени. Столь неожиданное разрушеніе блистательныхъ надеждъ естественно уменьшило вліяніе Россіи на Востокѣ, и печальная участь нашего флота, захваченнаго на возвратномъ пути Англичанами, довершила бѣдственный переворотъ судьбы. Россія искренно пристала къ континентальной системѣ Наполеона, въ надеждѣ обезоружить на время его злобу и зависть, пожертвовала многими выгодами спасенію Пруссіи и сосредоточила силы свои на Дунаѣ.

Англія осталась одна на полѣ ратномъ, и, ободренная истребленіемъ Французскаго флота при Трафальгарѣ, она вѣрнѣе Россіи распознала непримиримость своего врага и рѣшилась противопоставить генію и отвагѣ его собственное свое богатство и неприступность. Вскорѣ заблужденія властолюбца доставили Англіи неожиданныхъ союзниковъ. Австрія вооружалась; Испанія и Португалія вознамѣрились отмстить за наглыя оскорбленія гражданской ихъ самобытности. Въ сіе самое время, то есть, въ началѣ 1809 года, Графъ И. А. Каподистрія прибылъ въ С.-Петербургъ. Цезарь Бервье и Генералъ Данзелатъ, принявшіе

бразды правленія въ Корфу на развалинахъ Республики, долго и усильно старались склонить его на сторону Франціи, предлагая ему, отъ имени Наполеона, почетное мѣсто въ Парижѣ, сопряженное съ большими выгодами и надеждами будущаго повышенія. Но Каподистрія, повинуясь внутреннему влеченію высокаго духа и внушеніямъ непреклоннаго родителя, отвергнулъ предложенія, лестныя для самолюбія, но не совмѣстныя съ завѣтными преданіями вѣры и любви къ отечеству. Онъ предпочелъ бездѣйствовать и въ уединеніи оплакивать паденіе отчизны, утрату лучшихъ упованій въ жизни. Старецъ не далъ ему поникнуть подъ ударами враждебной судьбы. Онъ указалъ ему на Россію, и вскорѣ Государственный Канцлеръ, Графъ Н. П. Румянцевъ, пригласилъ бывшаго Статсъ-Секретаря Іоніи въ столицу, съ изъявленіемъ благоволенія Монаршаго и знакомъ отличія за рѣдкія его заслуги. Ему пожалованъ орденъ Святой Анны 2-го класса и путевые издержки. Онъ состоялъ уже заурядъ въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника. Призывъ Александра I-го показался имъ повелительнымъ гласомъ самаго Промысла Божія, и юный, разочарованный, страдалецъ, покорствуя неизслѣдимому, разстался надолго съ роднымъ небомъ.

Зрѣлище, какое представляла Россія подъ кроткимъ правленіемъ Александра I-го, поразило удивленіемъ добровольнаго изгнанника и доставило глубокомыслію его обильную пищу, неисчерпаемый источникъ наблюденій. Каподистрія уже любилъ Россію по завѣту предковъ, по единовѣрію, вопреки обманутымъ надеждамъ. Самое путешествіе, имъ предпринятое, обличало чувствованія души его. Но онъ зналъ Россію по однимъ разсказамъ и слухамъ. Теперь открылся предъ нимъ необозримый горизонтъ странъ полунощныхъ, не только въ физическихъ, но и въ нравственныхъ, отношеніяхъ. Не одно изумляющее пространство земель, единому скипетру подвластныхъ, но еще болѣе единодушіе, мужество, нерастлѣнная простота, здравый смыслъ, благоговѣніе къ святынѣ, предпріимчивость и радушіе обитателей Россіи, плѣнили воображеніе юнаго пришельца. Мы познакомились и подружились, вскорѣ послѣ прибытія его въ столицу, гдѣ прежде чужеземцаго ему не нравилась. Любимымъ предметомъ его разговоровъ со мною былъ народъ Русскій. Нашедъ въ немъ яв-

леніе совершенно новое, ознаменованное печатію древности священной. Каподистрія упреждалъ умомъ своимъ будущія столѣтія и съ восторгомъ тайновидца усматривалъ въ настоящемъ драгоцѣнный залогъ величія, благотворнаго для всего человѣчества. Распрашивая съ любопытствомъ всѣхъ мыслящихъ наблюдателей, дабы восполнить недостатокъ въ знаніи Русскаго языка, онъ болѣе и болѣе утверждался въ любви ко всему Русскому.

И подлинно, что можетъ быть занимательнѣе для проницательнаго ума, чуждаго жалкихъ страстей и нелѣпыхъ предразсудковъ, коими обыкновенно ослѣплены посѣщающіе насъ иностранцы, что можетъ быть занимательнѣе Россійской народности, во всѣхъ ея видахъ?.... Отъ Архангельска до устьевъ Дуная, отъ береговъ строптивой Вислы до острововъ Курильскихъ, разлились живительнымъ потокомъ Великороссіяне по девятой части шара земнаго. Крестьянина Великороссійскихъ Губерній по справедливости можно назвать образцомъ крѣпости душевной и тѣлесной: душею бодрый и смѣлый, тѣломъ здравый, мощный и ловкій, онъ обладаетъ природнымъ даромъ слова, склоненъ къ веселію и шутливости, трудолюбивъ. Быстрый, предпріимчивый, умъ его ко всему способенъ; тѣло его пріучено къ лишенію и труду, а духъ его не вѣдаетъ страха и пренебрегаетъ опасностію даже до безпечности. Говоря языкомъ богатымъ, гибкимъ выразительнымъ и звучнымъ, простолюдинъ въ Россіи страстенъ къ разсказамъ, музыкѣ и стихотворству. Въ народныхъ пѣсняхъ попеременно отзываются какое-то томное уныніе и сладострастіе. Будучи подверженъ, подобно прочимъ земнороднымъ, вліянію климата, крестьянинъ Русскій, подъ суровымъ небомъ родины, преимущественно склоненъ къ употребленію хмѣльныхъ напитковъ, и этотъ порокъ, останавливая смѣлый полётъ умственныхъ его способностей, подавляетъ въ немъ духъ и похищаетъ плоды безпримѣрной его дѣятельности. При всей веселости нрава, крестьянинъ Русскій набоженъ и расположенъ къ духовному умиленію; онъ горячъ въ вѣрѣ, но чуждъ изувѣрства, легко увлекается расколами, но сохраняетъ вѣротерпимость. Однимъ словомъ, народъ Русскій подобенъ обильной, необозримой нивѣ, на которой зернистыя колосья и плевелы, волнуемые каждымъ бурнымъ дыханіемъ, кажутся зовущими къ себѣ руку жнеца. Ве-

лика жатва, но мало еще на ней дѣлателей! Въ слѣдствіе сего отличительнаго направленія народнаго духа, суевѣрныя мнѣнія простаго народа не представляютъ, какъ въ иныхъ странахъ Европы, ничего враждебнаго, необходительнагó и мрачнаго. Чѣмъ болѣе наблюдатель вникаетъ въ свойства Россіянъ, тѣмъ болѣе убѣждается въ томъ, что характеръ Русскій, въ первобытной своей чистотѣ есть счастливое сочетаніе Азіятскаго генія съ Европейскимъ. И подлинно, Азія завѣщала Славяно-Россамъ сродную ей, нравственную безпечность, покорность властямъ и какую-то величавую, безмятежную преданность судьбѣ, одушевленную Христіянствомъ, но съ примѣсью Восточнаго равнодушія. Напротивъ того, геній Европы обнаруживаетъ себя въ Русскомъ народѣ избыткомъ отваги и дѣятельности (audax Japeti genus), охотою къ подражанію, ловкостію въ обхожденіи и врожденною способностію къ торговлѣ и промышленности, съ помощію которой крестьянинъ Русскій угадываетъ высшіе разсчеты просвѣщеннаго ума, прихоти и затѣи роскошной нѣги, коей онъ не причастенъ. Наконецъ, къ симъ общимъ чертамъ и признакамъ Русскаго характера надлежитъ прибавить многоразличные оттѣнки мѣстности, порожденныя историческими воспоминаніями. Житель сѣверныхъ областей Государства сановитѣе, задумчивѣе; звуки нарѣчія его жестче и повтореніе гласной буквы о суровѣе и протяжнѣе. Подлѣ него Москвитянинъ отличается вѣжливою наружностію, гибкостію и прелестію въ рѣчахъ и обращеніи. На юго-западѣ Малороссіянинъ, съ полуобритою головою и усами, являетъ въ себѣ сліяніе Козака съ Литовцемъ. Страстный любитель музыки и наукъ, говоря Славянскимъ нарѣчіемъ совершенно особеннымъ, онъ дорожитъ воспоминаніями привольной старины, упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, угрюмъ и знакомъ съ наслажденіями пріятной лѣни. Не смотря на сіе, Малороссіянинъ не отстанетъ отъ Русскаго, и даже иногда превзойдетъ его, въ ученомъ сословіи, на полѣ чести и на поприщѣ изящнаго, но никогда не сравнится съ нимъ въ полезныхъ подвигахъ трудолюбія, торговли и промышленности. И потому-то, обитатели 29 Великороссійскихъ Губерній, получившіе первенство надъ своими братьями, навсегда останутся племенемъ богатымъ и мощнымъ, средоточіемъ и душею прочихъ поколѣній Славянскихъ. Тѣмъ болѣе что къ удержанію за нимъ сего первенства служитъ

и то отличительное свойство, что Великороссіяне менѣе запальчивы и менѣе прихотливы, нежели Малороссіяне, не столь легкомысленны, не столь затѣйливы, какъ Поляки, и такимъ удачнымъ равновѣсіемъ противоположныхъ качествъ они, очевидно, опредѣлены къ постоянному величію.

На Нижегородской ярмаркѣ и въ Кяхтѣ, въ Керчи и Тамани, у подошвы горъ Карпатскихъ и на пути къ Кенигсбергу и Лейпцигу, вездѣ встрѣчаются Русскіе промышленники, неутомимо, бодро, трудящіеся для снисканія себѣ довольства и вѣрно хранящіе въ душѣ любовь къ отечеству, нравы, обычаи, одежду и преданія предковъ. Не упоминая о пространной Сибири, стоитъ только взглянуть на Тавриду, Новороссійскій край и Бессарабію, чтобы увѣриться въ превосходствѣ Великороссіянъ надъ единоплеменными имъ народами. Отношеніе первыхъ къ туземцамъ осмѣлимся опредѣлить отношеніемъ булата къ желѣзу: вещество одно и то же, но свойства различны. И сіе превосходство, безъ коего новая Россія осталась бы вѣчною пустынею, должно почитать драгоцѣннымъ залогомъ государственнаго единства, магнитомъ благотворнымъ, влекущимъ всѣ жизненныя силы политическаго тѣла къ твердо основанному полюсу. Сими и подобными разсужденіями избыточествовали нѣкогда дружескія бесѣды наши съ Гр. Каподистріею. Путешествіе по Россіи прозорливаго наблюдателя, казалось ему предпріятіемъ чрезвычайно полезнымъ и важнымъ. Одно существованіе и размноженіе въ нѣдрахъ Россіи многоразличныхъ расколовъ смущало добродѣтельную его душу, и онъ не рѣдко распрашивалъ меня объ ученіи и свойствахъ сектъ, отъ невѣжества и глада духовнаго происшедшихъ. Въ 1810 году извѣстный Французскій писатель, Грегуаръ, занимавшійся сочиненіемъ исторіи сектъ Христіянскихъ, чрезъ посредство знакомаго, просилъ Каподистрію доставить ему свѣдѣнія о нашихъ раскольникахъ. Я почерпнулъ оныя изъ книгъ, разновременно изданныхъ Святѣйшимъ Синодомъ и, въ угодность другу, сообщилъ любопытному иностранцу. Но онъ, придерживаясь Французской бѣглой методы повѣствованія, не умѣлъ воспользоваться ими и помѣстилъ въ исторіи своей однѣ поверхностныя черты, безъ связи и цѣли. * Часто прохаживаясь

* Это напоминаетъ бестолковаго, но славнаго, дѣеписателя Мальтійскаго

по стогнамъ и торжищамъ, по садамъ и гранитнымъ набережнымъ, великаго, пышнаго, града Петрова, мы останавливались съ почтительною задумчивостію предъ изваяніемъ преобразователя Россіи. Въ семъ единственномъ произведеніи искуства мы находили вѣрнѣйшее изображеніе самаго Государства; ибо герой-повелитель на ретивомъ конѣ являетъ въ себѣ гармонію изящныхъ формъ изумляющую, между тѣмъ какъ подножіемъ служитъ ему дикая скала, безъ симметріи и отдѣлки, но вѣковая, непоколебимая. Возможно ли лучше выразить рѣзкую противоположность между высшими сословіями и кореннымъ народомъ въ нашемъ отечествѣ?...

Графъ Каподистрія, обласканный Государственнымъ Канцлеромъ, милостиво былъ принятъ Александромъ I-мъ. Ему пожаловали чинъ Статскаго Совѣтника, причисливъ къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ ожиданіи приличнаго мѣста. Не рѣдко Графъ Н. П. Румянцевъ предлагалъ ему политическіе вопросы, надъ рѣшеніемъ коихъ онъ ревностно трудился. Въ разновременныхъ запискахъ его изложены всѣ мысли и соображенія высокаго ума о Турціи и Востокѣ. Плоды трудовъ его награждаемы были похвалами, но безъ практической пользы для Государства. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что они не остались, однако жь, совершенно безплодными. Въ 1810 году и въ началѣ 1811 господствовала у насъ континентальная система, залогъ мира, если не дружбы, съ Наполеономъ и Франціею. Самое завоеваніе Финляндіи сдѣлалось новымъ звеномъ тяжкаго для насъ союза. При столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Министерство не находило возможности дать Графу занятія, соотвѣтственныя отличнымъ его способностямъ. Терзаемый воспоминаніями, онъ томился въ бездѣйствіи, подъ вліяніемъ суроваго климата, и находилъ единственное утѣшеніе въ упражненіяхъ умственныхъ и въ обращеніи съ малымъ числомъ почитателей и друзей. Какая-то грозная, пасмурная, тишина царствовала у насъ въ то время и во

Ордена, Аб. Верто, которому предлагали сказанія, мало кому извѣстныя, о знаменитой Мальтійской осадѣ. Въ отвѣтъ услужливымъ пріятелямъ историкъ сказалъ съ равнодушіемъ: «Ужь поздно: я сбылъ съ рукъ свою осаду (mon siége est prêt).»

всѣхъ странахъ порабощенной Европы, предвѣщая ужасную бурю и землетрясеніе всемірное. Одна Испанія, вопреки истощенію силъ ея, выдерживала борьбу кровавую и пожирала полчища искусныхъ завоевателей. Мы вели утомительную войну съ Турками на берегахъ Дуная и съ Персіянами за Кавказомъ, на каждомъ шагу встрѣчая неосязаемыхъ, невидимыхъ, враговъ, въ лицѣ агентовъ Французскихъ и Англійскихъ. Во всѣ времена лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Россія, столь счастливая въ отраженіи явныхъ непріятелей, болѣе всего должна опасаться коварства мнимыхъ союзниковъ. Ибо въ единодушномъ чувствѣ боязни и зависти, всѣ между ними различія исчезаютъ, и они согласно дѣйствуютъ ко вреду Сѣвернаго колосса, страшнаго величіемъ своимъ и юношескою бодростію. Внутри Россіи кипѣло благородное негодованіе противъ Французовъ, и Царь, предвидя разрывъ неминуемый, по мѣрѣ возрастающей кичливости Наполеона, готовилъ огромныя силы въ безмолвіи. Одинъ только Канцлеръ питалъ себя надеждою сохраненія мира и въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Франціею искалъ новыхъ средствъ къ расширенію предѣловъ Государства. Въ сіе самое время онъ предложилъ Каподистріи мѣсто Совѣтника Посольства въ Бразиліи. Долго колебался избранный мужъ, не вѣдая, принять ли предлагаемую должность, или отказаться отъ оной. Невидимая рука удержала его и не допустила удалиться въ южное полушаріе, гдѣ дарованія его остались бы навсегда сокрытыми. Вскорѣ послѣ сего онъ опредѣленъ былъ Секретаремъ сверхъ штата въ Вѣнской Миссіи, и отправился къ мѣсту своего назначенія. Мы разстались, не предчувствуя еще, подъ какимъ грознымъ созвѣздіемъ надлежало намъ снова встрѣтить другъ друга.

Насталъ обильный предзнаменованіями грядущихъ бѣдствій 1811 годъ, — и загорѣлось на сѣверномъ небосклонѣ нашемъ яркое, мечу подобное, свѣтило, вѣчно памятная комета, предвѣстница грознаго на насъ нашествія просвѣщенныхъ варваровъ. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду сіяло вѣщее свѣтило, привлекая къ себѣ взоры земныхъ странниковъ и поселяя въ сердцахъ какой-то невольный трепетъ. Оно смѣнялось заревомъ безпрестанно возобновляющихся по всей Россіи пожаровъ. Кіевъ, Воронежъ,

Казань, Уфа, Житоміръ, Бердичевъ и много другихъ городовъ Русскихъ обращены въ пепелъ. Не запомнять подобнаго попущенія Божія, или изступленія злобы человѣческой. Смятеніе умовъ, недовѣрчивость, ожиданіе великихъ событій, суевѣрныя мечты, опасеніе измѣны, бездѣйствіе промысловъ, оскорбленное народное самолюбіе, все волновало Россію и возбуждало ее къ поднятію оружія. Во всей униженной Европѣ вѣнценосцы и народы, равно угнетаемые ярмомъ могущаго, но злотворнаго генія, втайнѣ искали себѣ отрады, предчувствовали приближеніе новой бури, не вѣря, впрочемъ, собственному и нашему избавленію. Въ сѣверной Германіи мщеніе за нестерпимыя обиды, въ Австріи ненадежность повелительной дружбы Наполеона, въ Италіи обманутыя надежды и сиротѣющая Церковь, * въ Испаніи и Португаліи благородное отчаяніе, подстрекаемое Англичанами, наконецъ въ самой Франціи пресыщенное тщеславіе и духъ необузданности: таковы были стихіи, изъ коихъ карающее правосудіе Божіе составило громовую тучу для пораженія властолюбца. Но всѣ сіи орудія воли всемогущей тѣмъ неизбѣжнѣе низвергнули сына побѣды, что свѣтлымъ умомъ его овладѣло какое-то сверхъ естественное, непостижимое, ослѣпленіе. Горя желаніемъ смирить Россію, Наполеонъ основалъ предпріятіе свое на кротости и миролюбіи Александра, на всемогуществѣ собственнаго генія, на ложныхъ понятіяхъ о Русскомъ народѣ и на содѣйствіи Поляковъ, прикованныхъ къ побѣдной его колесницѣ. Всѣ сіи, по видимому, вѣрныя соображенія и расчеты обманули кичливаго властолюбца. Кротость великодушнаго соперника обратилась въ непреклонность, миролюбіе его облеклось всеоружіемъ доблести Христіянской, великій умъ въ роковой часъ измѣнилъ любимцу счастія, обреченному на погибель, духъ народный вспыхнулъ, какъ жерло огнедышащее изъ подъ снѣжнаго покрова, пожирая коварныхъ зложелателей, и наконецъ храброе содѣйствіе Поляковъ, безъ одушевленія и восторга, оказалось безсильнымъ. Но не будемъ предупреждать событій незабвеннаго 1812 года. Сознаемся только, что въ пе-

---

* Папа Пій VII насильственно отведенъ въ плѣнъ Наполеономъ, котораго онъ вѣнчалъ и помазалъ на царство. За сію услугу лишили его свободы и престола духовнаго и свѣтскаго.

чальномъ 1811 году ни какое человѣческое око не могло проникнуть въ тайну судебъ созрѣвшихъ, но все еще сокрытыхъ отъ мудрости земной. Европа и Россія дышали стенаніями и повсюду господствовало уныніе безотрадное; невидимые клевреты міродержца посѣвали вездѣ плевелы раздора, измѣны и злонамѣренности, тщательно вкореняя въ умахъ какое-то суевѣрное, малодушное убѣжденіе въ непреоборимости Наполеона и Франціи. Къ усугубленію всѣхъ сихъ опасностей, военныя приготовленія наши, при всѣхъ усиліяхъ Правительства, не достигли желаннаго объема и полноты. Самъ Господь Вседержитель ополчился за насъ, восполнилъ недостатки наши, ожесточилъ врага, изумилъ вселенную непосредственнымъ заступленіемъ Россіи, которая встрѣтила сгущенную мощь всего Запада не болѣе, какъ съ 200,000 усердныхъ ратоборцевъ, а Наполеонъ приближался къ предѣламъ нашимъ съ 550,000 отборныхъ воиновъ, кромѣ себя— кромѣ собственнаго счастія, славы и искуства, стоившихъ цѣлой рати: его окружало волшебное сопровожденіе безчисленныхъ и дивныхъ побѣдъ.

Около года провелъ Каподистрія въ Вѣнѣ, при Посланникѣ нашемъ, Графѣ Стакельбергѣ, которому прибытіе сего новаго сотрудника представилось сначала неблагопріятнымъ. Предполагая, что бывшій Статсъ-Секретарь Іонической Республики не могъ оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ строгой подчиненности, недовѣрчивый умъ его видѣлъ въ немъ докучливаго досмотрщика, посланнаго съ тайными порученіями. И по тому угрюмый, но прямой и благомыслящій, дипломатъ принялъ Каподистрію съ холодною суровостію и признаками неудовольствія. Что же? Предубѣжденія пылкаго характера не устояли противъ правоты, кротости и истинныхъ достоинствъ Каподистріи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Посланникъ сердечно полюбилъ немилаго гостя; всѣ подозрѣнія его исчезли и, движимый сознаніемъ прежней своей несправедливости, онъ старался загладить прошедшее полною довѣренностію къ юному Еллину и лестными о немъ отзывами Государственному Канцлеру. Не довольствуясь сими поступками, Графъ Стакельбергъ поощрялъ сотрудника своего къ подъятію трудовъ общеполезныхъ, и плоды занятій его доводилъ до свѣдѣнія Министерства, съ горячностію добраго на-

чальника. Тогда 1811 годъ прешелъ въ вѣчности; въ Вѣнскомъ Кабинетѣ и примыкающихъ къ оному кругахъ общественныхъ таилось глубокое, непримиримое чувство вражды къ побѣдоносному зятю Австрійскаго Императора, вопреки брачному и политическому ихъ союзу. Приверженцы Европейской независимости съ жадностію внимали всѣмъ слухамъ, соображали всѣ вѣроятности близкаго съ Россіею разрыва, и даже, забывъ старинное къ Туркамъ пристрастіе, радовались успѣхамъ нашимъ за Дунаемъ, на зло притѣснителю вселенной. Въ такихъ обстоятельствахъ положеніе нашего Посланника часъ отъ часу становилось затруднительнѣе. Ему надлежало соблюсти благовидную наружность, не возбуждать опасеній Посла Наполеонова, и вмѣстѣ питать вожделѣнныя для насъ надежды и замыслы тайныхъ враговъ системы континентальной. Тирольцы въ живописныхъ ущеліяхъ Альпійскихъ, Венгерцы на тучныхъ равнинахъ своихъ, равно негодовали на судьбу, первые за насильственное отторженіе отъ Австріи, послѣдніе по тому что 1811 годъ не оправдалъ гордыхъ ожиданій народныхъ. Всѣ недовольные вперяли любопытный взоръ на представителя Россіи, какъ на предвозвѣстника возрожденія, или конечнаго низложенія, Державъ Христіянскихъ. Графъ Каподистрія былъ внимательнымъ очевидцемъ сего страннаго, робкаго, волненія умовъ, алкавшихъ перемѣны. Онъ видѣлъ во всей Германіи отличнѣйшихъ мужей, угнетаемыхъ подозрѣніями Наполеона, ненавистную Турцію, подущаемую агентами его на Востокѣ, собственную родину, погруженную въ продолжительное ничтожество, Испанію, которая, подобно изнемогающему бойцу, оперпись на столбы Иракловы у завѣтнаго пролива, съ отчаяннымъ упорствомъ отражала исполинскіе удары покорителя народовъ. Столь необыкновенное зрѣлище одушевляло способности Каподистріи; скоро суждено было ему дѣйствовать на обширномъ поприщѣ всемірнаго состязанія. Невѣдомый ему часъ насталъ: въ послѣдній разъ бросилъ Бонапарте тяжелый мечь свой на вѣсы небеснаго правосудія, но сей мечь найденъ легкимъ, сокрушился, какъ ломкая трость; стало просторнѣе на шарѣ земномъ, и новый рядъ происшествій кровавыми чертами заблисталъ на мѣдныхъ скрижаляхъ XIX столѣтія.

КНИГА II.

Съ 1812 по 1821 годъ, или отъ нашествія Наполеона на Россію въ 1812 до возстанія Греціи въ 1821 году.

Шумный приливъ народовъ Западной Европы хлынулъ на Россію и наводнилъ предѣлы Царства Православнаго. Какъ широкія волны, гонимыя дыханіемъ бурнымъ — волею Наполеона — они, племена Запада, сліянные въ одно несмѣтное ополченіе, устремились карать Россію за благородное ослушаніе къ мановеніямъ міродержца. Предъ симъ рѣшительнымъ, казалось, неотвратимымъ, ударомъ судьбы, Наполеонъ сказалъ: «Les destinées de la Russie s'accomplisent.» Приговоръ рока надъ Россіею совершился, пророчество сбылось, но не по чаянію пророка. Многіе знаменитые изгнанники искали у насъ пріюта отъ гоненій Французскаго Правительства. Между ними первенствовалъ вельможа береговъ Рейна, извѣстный Баронъ Штейнъ, ненавидимый Наполеономъ за то, что, пламенѣя ревностію къ народной чести, онъ явно и тайно искалъ себѣ сподвижниковъ въ великомъ дѣлѣ избавленія порабощенной Германіи. Императоръ Александръ І-й милостиво принялъ сего непреклоннаго противника властолюбія, и пріобрѣлъ въ немъ полезнаго, вѣрнаго, поборника праваго дѣла, коего искренняя къ намъ пріязнь никогда не измѣнялась. Англичане, и въ особенности Испанцы, начали домогаться вожделѣннаго съ нами союза. Но, не смотря на сіе, еще продолжались жаркіе переговоры между Кабинетами С.-Петербургскимъ и Тюйлерійскимъ, и Государственный Канцлеръ все еще ласкалъ себя надеждою примиренія съ Франціею. Но тщетно: съ одной стороны, Россія не могла довольствоваться перемиріемъ ненадежнымъ, ибо она взирала съ негодованіемъ и ужасомъ, на ежечасное, своевольное, расширеніе Французскихъ предѣловъ, поглотившихъ всю сѣверную Германію, устья Эльбы и Ольденбургскія владѣнія. Грани, начертанныя мечемъ, подвигались впередъ, подобно сыпучимъ пескамъ Ливійскимъ. Поздно было возставать противъ завоевателя остріемъ пера, располагавшаго жизнію народовъ и царствъ, если бы мы допустили покореніе Испаніи. Съ другой стороны, Наполеонъ, поздно свѣдавъ о воинскихъ

приготовленіяхъ нашихъ, вдругъ измѣрилъ грозящую опасность, поспѣшно отозвалъ свои дружины, воевавшія за Пиринейскими горами, вооружилъ сподручниковъ своихъ; безвременная уступчивость Россіи, послѣ мгновеннаго отторженія его отъ вѣрной добычи, не смягчила бы злопамятной его непріязни. Единый вѣщій слухъ о близкомъ съ нами разрывѣ исхитилъ изъ мощныхъ рукъ Наполеона опустошаемый имъ полуостровъ. Сего довольно было, чтобы разсѣять всѣ миролюбивыя мечты и ускорить первый роковой выстрѣлъ 1812 года. По симъ причинамъ, Императоръ Александръ, отложивъ надежду на примиреніе, позволилъ тянуться переговорамъ четыре мѣсяца сряду, единственно для того, чтобы не нарушить принятой оборонительной системы, безстрашнымъ долготерпѣніемъ вынудить отчаянное вторженіе въ нѣдра Отечества и, по внушенію самаго Промысла Божія, указать врагу, время, мѣсто и предѣлъ великой борьбы.

Вознамѣрившись описать жизнь и труды человѣка, служившаго Государю и Россіи съ неограниченною преданностію природнаго Русскаго; бывъ самовидцемъ его дѣяній, въ отдѣльномъ кругу незабвенныхъ событій того времени, я не стану повторять разсказовъ о 1812 годѣ другихъ дѣеписателей, но представлю читателямъ собственныя воспоминанія мои, не касаясь общей, почти необъятной, связи военныхъ и политическихъ дѣйствій, въ цѣлой Россіи и въ Европѣ. И потому, устранивъ все чуждое моему предмету, я надѣюсь, если не полнотою, то, по крайней мѣрѣ, вѣрностію картины заслужить благомыслящихъ одобреніе, избѣгнувъ опаснѣйшаго преткновенія для современнаго историка — я разумѣю: избытка матеріяловъ, сказать, недозрѣвшихъ.

Въ совѣщаніяхъ Государственнаго Совѣта, предшествовавшихъ роковому разрыву, часто разсуждаемо было о пользѣ наступательной диверсіи, къ подкрѣпленію оборонительнымъ мѣръ и къ отвлеченію хотя нѣкоторой части огромныхъ силъ Наполеона. Дунайская армія наша состояла изъ 40 тысячъ отборнаго войска; миръ съ Портою казался еще сомнительнымъ, и наконецъ вынужденный союзъ Австріи съ враждебною намъ Имперіею Французскою указывалъ необходимость сильнаго отпора на юго-западѣ. По симъ причинамъ и въ твердой увѣренности, что число защитниковъ отечества внутри Россіи достаточно къ

отраженію перваго натиска Французовъ, Императоръ Александръ I-й вознамѣрился дать отдѣльное направленіе Дунайской арміи и ввѣрить главное начальство надъ оною Адмиралу Чичагову. Твердость духа, предпріимчивость, политическая прозорливость замѣняли въ немъ недостатокъ опытности военачальника. Ему надлежало склонить Оттоманскую Порту къ тѣсному съ нами союзу, вооружить Молдавію и Валахію, удержать за нами Сербію, возбудить приверженность къ Россіи въ Славянскихъ племенахъ, населяющихъ верховье Дуная и Венгрію, открыть сношенія съ Иллирійцами, жителями Далмаціи и всѣми вообще доблестными народами, не терпящими Французскаго ига, и устремивъ Дунайскую армію въ средоточіе Державы противъ воли на насъ ополченной, симъ отважнымъ движеніемъ въ тылу непріятеля остановить быстрый ходъ его завоеваній. Сколь ни мечтательнымъ могло казаться съ перваго взгляда смѣлое, исполинское, предпріятіе, однако же нѣтъ причины назвать оное несбыточнымъ. Ибо успѣхъ сего наступательнаго движенія зависѣлъ единственно отъ точности вычисленій нашихъ силъ. Если бы Западная армія, подъ начальствомъ Генерала Тормасова, имѣла въ строю отъ 70 до 80 тысячъ, сообразно распоряженію Военнаго Министерства, то правое непріятельское крыло, предводимое Шварценбергомъ и Реньеромъ, не только не осмѣлилось бы дѣйствовать наступательно, угрожая Житомиру и Кіеву, но долженствовало бы бѣжать въ Галицію, будучи тѣснимо превосходными нашими силами, и тогда Дунайская армія осталась бы внѣ круга системы оборонительной. Къ несчастію, вмѣсто 70,000, оказалось въ Западной арміи не болѣе 25,000 воиновъ подъ ружьемъ, и подкрѣпленіе сдѣлалось необходимымъ, дабы предупредить гибельныя послѣдствія повсемѣстнаго вторженія въ наши области боевой линіи непріятельской. Оконечности ея отражены, опрокинуты были въ рѣшительный часъ, и Наполеонъ, какъ дерзкій наѣздникъ, вонзивъ одинокій мечь свой въ бестрепетную грудь Россіи, увлеченъ, низринутъ собственнымъ стремленіемъ и тяжестію удара въ желѣзныя объятія уязвленнаго имъ колосса.

Адмиралъ Чичаговъ, готовясь къ тайному отправленію въ Бухарестъ и чувствуя всю важность возложеннаго на него по-

рученія, искалъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ. Онъ лично зналъ Каподистрію, читалъ политическія его записки и настоятельно требовалъ, чтобы 2-й Канцлеръ вызвалъ его изъ Вѣны въ главную квартиру Дунайской арміи, не оглашая, впрочемъ, цѣли сего перемѣщенія. Желаніе его исполнилось: Графу Стакельбергу предписано было отправить Графа Каподистрію въ Валахію, съ тѣмъ, чтобы объявился Главнокомандующему, не означаемому по имени. Столь загадочное повелѣніе удивило Посланника, и онъ, принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ своего подчиненнаго; не зналъ, побудить ли его къ принятію невѣдомой должности, при неизвѣстномъ начальникѣ. Но въ твердой, безмятежной, душѣ страдальца не было мѣста недоумѣнію. Онъ не колеблясь покорился волѣ призывающихъ его на новое поприще, и спѣшно отправился въ славный терновый путь, ввѣряя себя безусловно, и уже не первый въ жизни разъ, водительству Премудрости Божіей.

Переѣхавъ границу Валахіи, Каподострія свѣдалъ о смѣнѣ Главнокомандующаго и о прибытіи Адмирала Чичагова. Вѣсть сія, разглашаемая жителями, раскрыла предъ нимъ тайну его назначенія, и онъ съ радостію поспѣшилъ явиться издавна знакомому Начальнику. Въ Бухарестѣ засталъ онъ того, который теперь вызываетъ память протекшихъ дней и, погружаясь въ скорбную думу, мысленно покланяется могилѣ незабвеннаго друга. Радость моя, увеличенная внезапностію, была неописана; ибо, удаляясь въ первый разъ изъ родительскаго дома, и выступивъ одинокій на поле битвъ и дѣлъ государственныхъ, я глубоко чувствовалъ нужду въ надежной подпорѣ, въ руководствѣ и утѣшеніи сердечномъ. Адмиралъ ввѣрилъ Каподистріи управленіе дипломатическими сношеніями. Хотя предварительныя статьи Бухарестскаго мира уже были подписаны, и тѣмъ прекращены утомительные переговоры, со всѣмъ тѣмъ еще довольно оставалось занятій. Ибо, съ одной стороны, мы надѣялись наздать союзъ съ Портою, на основѣ заключеннаго съ нею мира; съ другой, для исполненія обширныхъ, смѣлыхъ, предначертаній тогдашней политики нашей, мы должны были вести дѣятельную переписку съ вождемъ Сербскаго народа, съ Черногорскимъ Митрополитомъ, съ прочими приверженцами нашими въ Далмаціи, и даже съ самою Вѣною.

Кромѣ сихъ сношеній, открытыхъ для защиты отечества, предстояли Каподистріи труды и соображенія другаго рода. Надлежало воспламенить новымъ усердіемъ Духовенство и Бояръ Молдавскихъ и Валашскихъ, трудиться, подъ руководствомъ Адмирала, надъ временнымъ устройствомъ Бессарабской Области, присоединенной къ Россіи, изыскивать нравственныя пособія для успѣха будущихъ военныхъ дѣйствій, коихъ объемъ и направленіе уподоблялись дотолѣ жребію, брошенному въ таинственную урну судебъ. Все сіе умѣлъ выполнить Каподистрія съ прозорливостію ума необыкновеннаго, не предаваясь обольщенію суетныхъ надеждъ и не ужасаясь при видѣ множества препятствій. Весьма много содѣйствовалъ ему Митрополитъ Игнатій, нѣкогда изгнанный изъ паствы своей, Арты, кровожаднымъ Али-Пашею и возведенный нами на духовный престолъ завоеванной Валахіи.

Вліяніе сего предпріимчиваго инока на Бояръ того края простиралось до того, что многіе изъ нихъ, забывъ правила робкой политики, сродной данникамъ Султана, не усомнились явно содѣйствовать народному ополченію въ Княжествахъ, вопреки постановленіямъ мирнаго договора. Главнокомандующій, въ достопамятномъ предложеніи къ Верховнымъ Диванамъ, не обинуясь, объявилъ намѣреніе вступить въ тѣсный союзъ съ Оттоманскою Портою, или, въ случаѣ уклоненія ея отъ онаго, достигнуть сей цѣли и упрочить миръ силою оружія. Столь смѣлый умыселъ, провозглашаемый всенародно, равно изумилъ друзей и зложелателей нашихъ. Первые одушевились сугубою ревностію, вѣря избытку нашихъ силъ, послѣдними овладѣлъ невольный ужасъ.

Между тѣмъ громовая туча обложила весь западный горизонтъ Россіи. Тщетными остались обоюдныя поѣздки довѣренныхъ особъ въ Вильну и въ главную квартиру похитителя престоловъ. Наполеонъ шагнулъ чрезъ воды Нѣмана, и въ слѣдъ за нимъ, по разнымъ точкамъ переправы, устремились его несмѣтные, густые, полки, въ чаду славы, проклинаемой человѣчествомъ, влача за собою множество племенъ, прикованныхъ къ колесницѣ завоевателя. Подъ знаменами Бонапарте шли Французы, Итальянцы, Саксонцы, Вестфальцы, Голландцы, Баварцы, Виртембергцы,

жители Рейнскихъ береговъ, Неаполитанцы, горсть Испанцевъ и Португальцевъ, и два 30,000 корпуса: одинъ Прусской, другой Австрійскій. Быстрое движеніе непріятеля и отступленіе нашихъ ратей, предуготавленное общимъ чертежемъ оборонительной войны, наводненныя враждебными силами, Литовскія области, и занятіе давно укрѣпленнаго нами стана при Дрисѣ, всѣ сіи постепенныя происшествія, о коихъ вѣсти медленно доходили до Главнокомандующаго, не смущали его твердаго духа и не могли поколебать его намѣренія, дѣйствовать отдѣльно по верховью Дуная. 2-го Іюля мы еще праздновали въ Бухарестѣ размѣнъ ратификацій мирнаго договора, войска готовились къ наступательному походу, военная казна, попеченіями и мудрою бережливостію Адмирала, возрасла до десяти милліоновъ рублей, повсюду сообщники нашего предпріятія изъявляли готовность содѣйствовать нашимъ успѣхамъ, и самая Порта, вопреки неистовымъ внушеніямъ Французскаго Посла, казалось, дорожила утвержденіемъ добраго согласія съ Россіею, какъ внезапно дошла къ намъ роковая, поражающая, вѣсть о приближеніи Наполеона къ завѣтнымъ стѣнамъ Смоленска и о поспѣшномъ отступленіи Западной арміи, тѣснимой превосходными силами. Императоръ Александръ звалъ Дунайскую армію на защиту отечества, судьба коего долженствовала рѣшиться въ растерзанныхъ его нѣдрахъ. Государь предписывалъ Адмиралу, быстрыми переходами, итти на помощь Западной арміи, соединясь съ оною, вытѣснить врага изъ предѣловъ Россіи, потомъ направиться крутымъ поворотомъ въ тылъ главныхъ силъ непріятеля, овладѣть протяженіемъ его сообщеній съ Европою, при содѣйствіи Графа Витгенштейна, и встрѣтить Наполеона на обратномъ шествіи на берегахъ Березины, или Днѣпра, дабы нанести ему послѣдній гибельный ударъ. Помазанникъ Божій, положивъ въ душѣ великой отвергнуть всякое примиреніе съ Наполеономъ, на сей твердой рѣшимости основалъ весь обзоръ борьбы безпримѣрной въ лѣтописяхъ вселенной. Онъ сдержалъ данное Россіянамъ слово: «не влагать меча во влагалище, доколѣ не изженетъ послѣдняго врага изъ земли Русской»; и Россіяне, внявъ съ доблестнымъ восторгомъ сему Царскому слову, не пощадили матери Москвы, дабы спасти, прославить и возвеличить поруганное отечество. Сіи высокіе помыслы тогда уже обнаружились въ данномъ Адмиралу Чичагову повелѣ-

ніи. Чистая душа непреклоннаго вѣнценосца, какъ геній изъ странъ безоблачныхъ, проникала во мракъ грядущихъ дней, напередъ изрекая судъ Божій надъ гордымъ противникомъ. Надлежало повиноваться — и Дунайская армія, оставивъ слабый отрядъ для охраненія Княжествъ, подъ начальствомъ Генерала Желтухина, до сдачи сего края Туркамъ, въ срокъ 2-го Октября, двинулась къ Днѣстру, по направленію къ Хотину и Каменцу Подольскому.

Вступивъ въ сію древнюю твердыню, Адмиралъ встрѣченъ былъ сонмомъ почетныхъ дворянъ благословенной Подоліи. Окруженный ими въ священный для Россіи день Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, онъ въ сильныхъ, повелительныхъ, выраженіяхъ напомнилъ имъ о долгѣ вѣрности Царю и Отечеству, обѣщая защитить область отъ нашествія Австро-Саксонцевъ. Изъ дома Губернаторскаго пошли мы въ соборную церковь, скрывая въ унылыхъ сердцахъ глубокое сѣтованіе о паденіи Смоленска. Тайные обѣты излились предъ Царемъ царствующихъ; иныхъ молитва обратилась въ грѣхъ предъ Сердцевѣдцемъ. Скорбныя думы волновали душу, тѣснили грудь Каподистріи; настоящее бѣдствіе напоминало бездомному все, претерпѣнное имъ въ жизни; я подѣлился чувствованіями съ нимъ, оплакивая разлуку съ родными, и мысленный слезный взоръ души моей вперился въ Невидимаго, коего божественное присутствіе наполняло весь храмъ, оглашаемый громкимъ хвалебнымъ пѣніемъ. На другой день издано Главнокомандяющимъ воззваніе къ обитателямъ Подоліи. Оно выражало бодрость духа, устрашило коварство нѣкоторыхъ, возбудило во многихъ благородное рвеніе, разсѣяло замыслы, угрожавшіе спокойствію края, и наконецъ произвело въ самой Вѣнѣ благопріятное намъ впечатлѣніе. Адмиралъ въ подобныхъ случаяхъ познавалъ все достоинство мыслящаго сотрудника, болѣе и болѣе поощрялъ его содѣйствовать силою ума въ пользу праваго дѣла, и являлъ къ нему ежедневно возрастающее довѣріе. Главная квартира подвинулась изъ Каменца впередъ; ясные осенніе дни предвѣщали обильную жатву на поляхъ брани; незримая сѣкира Божія ужь лежала при корнѣ древа Наполеоновой славы, вознесшейся до небесъ; колонны наши сошлись съ Западною арміею.

Генералъ Тормасовъ передалъ жезлъ главнаго начальства Адмиралу, и обѣ рати, въ совокупности 65,000 воиновъ, 9-го Сентября перешли чрезъ рѣку Стырь, на встрѣчу непріятелю, встревоженному нежданнымъ появленіемъ Дунайскихъ полковъ. Въ Дубнѣ издана Главнокомандующимъ новая прокламація къ обитателямъ Волынской Губерніи. Дѣйствію ея не мало способствовалъ личнымъ примѣромъ усердія, связами и пожертвованіями къ продовольствію войскъ нашихъ, умный Князь Казимиръ Любомирскій, угостившій насъ, въ Дубнинскомъ замкѣ своемъ, съ вельможескою пышностію. Не чуждаясь Польскаго имени, онъ, однако же, принадлежалъ къ числу не многихъ прозорливыхъ наблюдателей, разгадавшихъ своекорыстную политику Наполеона. Онъ былъ увѣренъ въ душѣ своей, что всѣ надежды на него напрасны; что властолюбіе его играло судьбою ослѣпленной Польши, и что рано, или поздно, онъ отброситъ ее отъ себя, какъ раздробленный щитъ, или низринетъ въ прахъ, какъ презрѣнную, нижнюю, ступень всемірнаго престола. Однимъ словомъ, Любомирскій, внявъ опытамъ минувшихъ лѣтъ, не колебался въ выборѣ между злодѣемъ и другомъ человѣчества, между Наполеономъ и Александромъ I. Жаль, что сей благородный, отличный, человѣкъ, ознаменовавшій свое усердіе въ годину опасности, не дожилъ до славной эпохи освобожденія Россіи; онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, и безвременную его смерть можно назвать потерею, не только для родныхъ и друзей, но и для всего Дворянства возвращенныхъ отъ Польши областей. Ибо должностныя лица, даже самыя достойныя, могутъ быть замѣнены легко другими, равно способными къ дѣламъ, когда о выборѣ ихъ печется благонамѣренное Правительство, но люди, умѣющіе управлять общимъ мнѣніемъ и свыше одаренные владычественнымъ духомъ, всегда и вездѣ рѣдки, драгоцѣнны; они оставляютъ по себѣ въ общежитіи какую-то ощутительную пустоту и вредное разномысліе.

При первыхъ стычкахъ и перепалкахъ нашихъ войскъ съ передовыми отрядами непріятеля, плѣнные Саксонцы и Поляки изъявляли смѣшную увѣренность въ побѣдѣ, твердя намъ съ невѣроятною наглостію: «Вы опоздали, не спасти вамъ Россіи, Императоръ Французовъ уже довершилъ вашу гибель». Мы слушали

ихъ съ негодованіемъ, не находя доводовъ къ посрамленію ихъ самонадѣянности, уступавшей лишь копьямъ нашихъ Казаковъ. Храбрые полки наши безъ большаго труда опрокинули колонны непріятеля, не задолго предъ тѣмъ мечтавшаго попрать святыню завѣтныхъ стѣнъ Кіевскихъ. Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ съ поспѣшностію, но въ порядкѣ, отступилъ къ Бресту Литовскому. Мы не однократно настигали арріергардъ его, тѣснили со всѣхъ сторонъ, поразили нѣкоторые отряды близъ Булкова и Кобрина, прославленнаго побѣдою Тормасова надъ Саксонцами; однимъ словомъ, движеніе войскъ приспѣвшихъ во время изъ за Дуная, совершалось удачно; но, преслѣдуя враговъ, мы терзались болѣзненнымъ чувствомъ печальнаго сиротства; ибо Москва была во власти Наполеона и превратилась въ груду камней и пепла. Каждый изъ насъ искалъ отрады, передавая надежды и опасенія, волновавшія душу, равно огорченнымъ сподвижникамъ. Не извѣстность усугубляла общее уныніе; ибо пораженная въ сердце Россія и вторженіемъ хищника раздѣленная на двое, уже не имѣла безпрерывныхъ сообщеній съ отдаленными частями Государства. За нами, въ сумрачномъ отдаленіи, догаралъ первопрестольный градъ, и грозное зарево славнаго пожара тускло отражалось въ обуреваемомъ воображеніи Тогда появилось на нашихъ бивакахъ вѣчнопамятное воззваніе Царя къ народу Русскому, по случаю паденія Москвы. Еще дымилось при Бородинѣ необозримое поле ужаснаго побоища. Легла костьми за вѣру и отчизну цѣлая рать, истребивъ несмѣтные полки врага, но не преградила ему пути въ древнюю столицу. Кромѣ чести народной, все казалось потеряннымъ, когда раздался гласъ избранника Божія, гласъ истинно пророческій. Насъ поразили дивныя слова, коими Александръ I-й изъявлялъ надежду не только отразить врага и изгнать его изъ предѣловъ Россіи, но, побѣдивъ злобу и коварство, «спасти независимость народовъ и Царей». Среди развалинъ Москвы, столь выспренней полетъ вѣры и упованія, столь смѣлый взглядъ въ глубину грядущихъ событій, не изъяснимъ, если не приписать его вдохновенію небесному. И подлинно, въ сильнѣйшемъ порывѣ человѣческаго геройства, не возможно было Александру желать и ожидать ничего болѣе, кромѣ спасенія гибнущей Россіи; одна вѣра вознесла его за предѣлы вѣроятностей разума, и вскорѣ благодать Всемогущаго сподобила довер-

шить то, что въ годину всенароднаго бѣдствія предусмотрѣлъ озаренный свыше духъ его. Въ главной квартирѣ нашей все воспылало новымъ рвеніемъ и новымъ упованіемъ на Бога и на его помазанника. Если обратиться къ соображеніямъ государственной опытности, нельзя здѣсь умолчать о мнѣніи Полковника Барона Тейля, который, во дни всеобщей горести, никогда не преставалъ оживлять ослабѣвшей въ насъ бодрости духа самыми утѣшительными надеждами. Ежедневно бесѣдуя съ Графомъ Каподистріею и со мною объ участи любезной намъ Россіи, онъ основательными доводами, хладнокровно, безъ всякаго витійства, убѣждалъ насъ въ несомнѣнности пораженія Наполеона, если онъ, полагаясь на мирныя предложенія, пробудетъ въ Москвѣ до наступленія зимы. Разсчеты его оправдались, хотя и въ семъ стеченіи великихъ происшествій пути Божіи далеко отстояли отъ путей, и совѣты его отъ совѣтовъ человѣческихъ. Едва возымѣли мы лучшія надежды, какъ онѣ начали сбываться. Не ожиданно обрадовала насъ вѣсть о Тарутинской битвѣ, отвратившей грозу военную отъ стѣнъ Троицкой Лавры. Въ святой обители затворился благочестивый Митрополитъ, Платонъ, непоколебимо уповая на дивную милость Божію къ ея святынѣ. И вѣра его не посрамилась; сбылось чудо естественнымъ, но не менѣе удивительнымъ, образомъ. Вице-Король Италіи, Принцъ Евгеній Богарне, получилъ повелѣніе занять Троицкую Лавру многочисленнымъ отрядомъ, не только съ намѣреніемъ овладѣть ея драгоцѣнностями, но чтобы симъ ударомъ уничтожить въ Русскомъ народѣ суевѣрное мнѣніе о невредимости древняго оплота Православія. Принцъ двинулся съ войскомъ по направленію къ Лаврѣ, но не успѣлъ дойти, какъ настигъ его гонецъ, спѣшно отзывавшій на помощь разбитому при Тарутинѣ корпусу Короля Неаполитанскаго. Такимъ образомъ рушился коварный умыселъ Наполеона, и мнимое суевѣріе, восторжествовавъ надъ гордостію завоевателя, упователно переживетъ и его славу... Сіи подробности, коими обязаны мы изустному разсказу самаго Принца Евгенія, вразумятъ многихъ и сохранятся въ памяти благороднаго потомства.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Брестѣ Литовскомъ, Главнокомандующій устремилъ за Бугъ летучіе отряды: они распро-

странили ужасъ по Герцогству Варшавскому, громя бѣгущихъ враговъ, истребляя запасы и какъ бы разсѣвая повсюду предвѣстіе близкаго одолѣнія Русскихъ. Въ то же время обширная переписка наша съ Вѣною, съ Востокомъ, разносила по всѣмъ странамъ извѣстіе о превратностяхъ роковой борьбы, уже клонившейся въ нашу пользу. Каподистрія неутомимо трудился надъ систематическимъ разглашеніемъ затмѣваемой истины, приводившей въ оцѣпенѣніе Турковъ и въ радостный восторгъ храбрыхъ витязей уже не одинокой Испаніи. Въ Греціи, Сербіи и вдоль бреговъ Адріятическаго моря, островов, нѣкогда нами охраненныхъ, всѣ Православные, въ тревогѣ страха и надежды, алчно внимали малѣйшимъ слухамъ, чая отъ главной нашей квартиры отраднаго благовѣстія. При гробѣ Господнемъ, въ Палестинскихъ ущеліяхъ, на горахъ Синайской и Аѳонской, въ Керкирѣ, передъ мощами Спиридона чудотворца, сколько теплилось лампадъ, сколько возсылалось тайныхъ къ небу молитвъ о избавленіи Царства Православнаго! Что можетъ быть сильнѣе сего единства вѣры, сего братства духовнаго, переживающаго всѣ разсчеты, посрамляющаго всѣ козни политики своекорыстной!... Графъ Каподистрія тщательно питалъ извѣстныя ему чувствованія друзей Россіи; онъ не пренебрегалъ ими, и не вѣрилъ ихъ безсилію, зная что нравственное чувство одарено могуществомъ рано, или поздно, непреодолимымъ.

Угрюмая, единственная въ то время союзница наша, зима, снѣдающая годы, по выраженію Хераскова, быстро приближалась, на зло Наполеону готовя необъятный, снѣжный, саванъ свой на погребеніе святотатственныхъ полчищъ. Главная квартира Дунайская Западной арміи выступила изъ Бреста Литовскаго около половины Октября. На добрыхъ коняхъ, сопровождая Главнокомандующаго, мы проѣзжали чрезъ омертвѣлые, обнаженные, лѣса, между коими просіявали булатныя копья удалой нашей конницы. Природа облекалась въ печальное вретище, и несмѣтныя стаи плотоядныхъ птицъ, какъ бы предчувствуя ужасный пиръ, носились надъ нами, чертя въ воздухѣ стезю къ роковой Березинѣ. Передовой отрядъ Генерала Чаплица напалъ въ расплохъ на Слонимъ, и взялъ въ плѣнъ цѣлый, едва сформированный, конный дворянскій полкъ подъ начальствомъ Генерала

Конопки. Поляки не успѣли сдѣлать одпаго выстрѣла и сдались всѣ отъ перваго до послѣдняго. Мы встрѣтили начальника и сподвижниковъ его, идущихъ подъ прикрытіемъ Павлоградскихъ гусаръ: пышность и свѣжесть одеждъ, цѣлость оружія, комплектъ щегольскихъ рядовъ, попавшихъ въ плѣнъ безъ боя, представляли зрѣлище потѣшное, и вмѣстѣ поучительный примѣръ превратностей своенравнаго счастія. Отъ Слонима передовой отрядъ нашъ, предводимый Генераломъ Графомъ Ламбертомъ, быстрыми переходами устремился къ Минску, и Главнокомандующій, ввѣривъ Генералу Сакену начальство надъ отдѣльнымъ 20 тысячнымъ корпусомъ, поручилъ ему противодѣйствовать Князю Шварценбергу, снова предпринявшему наступательное движеніе. Остальное войско, не болѣе 18,000 въ строю, повелъ онъ лично, чрезъ Кайданово, Минскъ къ Борисову, на встрѣчу Наполеону, уже нравственно побѣжденному твердостію Царя и народа Русскаго. Предъ выступленіемъ изъ Москвы, Наполеонъ, отраженный при Маломъ Ярославцѣ, на пути къ Калугѣ, разбитый при Тарутинѣ, оцѣпленный воинскою мудростію Кутузова и отвагою нашихъ партизановъ, гнетомый яростію и боязнію, въ изступленіи обманутыхъ надеждъ, покусился взорвать Кремлевскую святыню, и двинулся назадъ по опустошенной имъ военной дорогѣ, гдѣ каждая развалина, каждое пепелище предвѣщали хищнику неизбѣжную гибель. Достойныя посмѣянія укоризны его клевретовъ мнимому варварству Русскихъ поселянъ, не внявшихъ коварнымъ внушеніямъ Французовъ, ослушаніе и разстройство славнѣйшихъ полковъ его, пресыщенныхъ постыдною и безполезною имъ добычею, все довершало униженіе великаго генія, давно забывшаго, въ упоеніи побѣдъ, строгій удѣлъ человѣчества.

До насъ изрѣдка доходила молва чудесъ совершавшихся за Днѣпромъ, внутри Россіи. Лишь одинъ гонецъ достигнулъ нашихъ биваковъ, съ повелѣніемъ спѣшить на встрѣчу непріятелю, упредить его на Березинѣ, открыть сообщенія съ ратію Графа Витгенштейна, вызвать изъ Бобруйска, для подкрѣпленія нашихъ силъ, двѣнадцать баталіоновъ, и стараться остановить натискъ бѣгущихъ враговъ, до появленія преслѣдующей ихъ главной арміи. Вскорѣ мы увидимъ, какія неожиданныя препятствія со всѣхъ сторонъ возникли, чтобы расторгнуть мудро сплетенную сѣть и

отсрочить казнь властолюбца. Въ сіи вѣчнопамятные дни, болѣе нежели когда ни будь, просіялъ, во мракѣ соображеній земныхъ, дивный совѣтъ Божій, недоступный слабому уму смертныхъ и обличающій всю ничтожность взаимныхъ, неосновательныхъ, порицаній Графъ Ламбертъ поражалъ отряды Поляковъ, преграждавшихъ намъ путь съ неимовѣрною быстротою. Онъ въ Кайдановѣ разбилъ и разсѣялъ дивизію Брониковскаго, преслѣдовалъ его по пятамъ въ Минскъ, овладѣлъ симъ средоточіемъ воинскихъ запасовъ врага, все низложилъ внезапностію нападеній, и вдругъ явился предъ мостовымъ укрѣпленіемъ Борисова, еще не оконченнымъ. Хотя наказъ Главнокомандующаго обязывалъ доблестнаго военачальника дождаться главной рати и безъ нея не штурмовать окоповъ, но Графъ Ламбертъ, постигнувъ всю драгоцѣнность мгновенія и, обозрѣвъ надежный оплотъ, вскричалъ: «Впередъ!» Два часа кровопролитной схватки рѣшили судьбу Борисова—и Русскія знамена пріосѣнили воды Березинскія. Симъ ударомъ отрѣзана была дорога Наполеону. Главная квартира наша подоспѣла на другой день. Въ Минскѣ торжествовали мы побѣду, вступивъ въ городъ скорымъ маршемъ, съ барабаннымъ боемъ и при звукахъ Русскихъ пѣсенъ, оглашавшихъ стогны изумленнаго города. Самый воздухъ, дотолѣ зараженный измѣною, радостно вторилъ геройскому напѣву нашихъ воиновъ. Сколь удивило тогда Графа Каподистрію нечаянное появленіе въ Минскѣ болѣе ста Испанскихъ солдатъ, находившихся въ числѣ плѣнныхъ! Онъ спѣшно роздалъ имъ печатныя прокламаціи Кортесовъ, разсказалъ имъ подробности послѣднихъ мѣсяцевъ и испросилъ для нихъ свободу. Эти несчастные страдальцы, увлеченные въ ненавистный имъ походъ, волею губителя ихъ отчизны, предались радостному восторгу, свѣдавъ, что Испанія бьетъ Французовъ и сдѣлалась союзницею Россіи. И подлинно, Великолуцкій миръ, заключенный въ Іюлѣ 1812 года Государственнымъ Канцлеромъ и Донъ Франциской де Зеа Бермудецъ, пребудетъ памятникомъ всемірныхъ потрясеній нашего времени. Сей великодушный Испанецъ умѣлъ пройти всю Европу, зашивъ въ подкладкѣ дорожнаго платья вѣрющую грамоту Кортесовъ, невредимый достигъ до Великихъ Лукъ, и тамъ подписалъ союзный договоръ Испаніи съ Россіею, въ пылу борьбы, долженствовавшей рѣшить судьбу все-

ленной. Завоеванный Минскъ былъ свидѣтелемъ первой встрѣчи между новыми союзниками.

Подъѣзжая къ Борисову, мы были поражены ужаснымъ позорищемъ, возмущавщимъ глубину души. Мостовое укрѣпленіе и берега леденѣющей Березины устланы были грудами обнаженныхъ труповъ, примерзшихъ къ сырой землѣ и обращенныхъ къ пасмурному небу. Говоръ алчныхъ птицъ, дымные столбы Борисовскихъ хижинъ и въ отдаленіи дремучій боръ надъ лѣнивыми, бѣлѣющими, излучинами сѣверной рѣки, довершали мрачную, несказанно унылую, картину. Каподистрія, вопреки твердости безмятежнаго духа его, смутился сердцемъ, и благородныя, величавыя черты его лица омрачились негодованіемъ и горестію. Мы, наконецъ, медленно объѣзжая нагія тѣла, въ благоговѣніи къ отстрадавшимъ, переправились чрезъ длинный мостъ, уже обреченный пламени, и въѣхали въ запустѣлый Борисовъ. На улицахъ встрѣчались одни робкіе Евреи въ рубищахъ, нескладными восклицаніями привѣтствовавшіе побѣдителей. Они искренно усердствовали Россіянамъ; ибо ненадежность благодѣяній Наполеоновыхъ не укрылась отъ ихъ прозорливости, со времени созванія въ Парижѣ пресловутаго Израильскаго соборища, которое ни мало не улучшило народнаго ихъ бытія.

Сраженіе подъ Краснымъ довершило разстройство погибающихъ Французовъ. Они въ ужасномъ безпорядкѣ, грядою труповъ человѣческихъ и конскихъ, обломками обозовъ и орудіями означая дорогу къ берегамъ Днѣпра, преслѣдуемые ангеломъ-истребителемъ, искали и чаяли спасенія за древнимъ предѣломъ Литвы. Хотя Князь Кутузовъ держался правила не доводить бѣгущихъ непріятелей до отчаянія, но они погибали цѣлыми тысячами, гнетомые враждою ополченныхъ за насъ стихій, и ложились на лоно земли Русской, все еще отрицая, въ буйствѣ своемъ, тяготѣющую надъ ними десницу Всевышняго.

Графъ Витгенштейнъ съ храбрыми полками, защищавшими Градъ Петровъ, разбившими Удино и Сенъ-Сира и завоевавшими Полоцкъ, приближался, чрезъ Лепель и Чашники, къ завѣтному Борисову, гдѣ, по общему чертежу военныхъ дѣйствій, предположено было, соединными силами, нанести Наполеону послѣдній ударъ.

Флигель-Адъютантъ Полковникъ Чернышевъ первый съ летучимъ отрядомъ открылъ сообщеніе между Дунайскою и Сѣверною арміями. Не задолго предъ тѣмъ, проникнувъ въ Варшавское Герцогство до самой Бялы, сей предпріимчивый полководецъ, отдѣлясь отъ нашей главной квартиры въ Слонимѣ, съ горстію Казаковъ устремился на встрѣчу Графу Витгенштейну и на пути избавилъ изъ плѣна Генераловъ Винценгероде и Нарышкина, странствовавшихъ подъ слабымъ прикрытіемъ. Чрезъ посредство его мы свѣдали о приближеніи сѣверной рати, и вскорѣ начали съ оною сообщаться. Занявъ Борисовъ, Главнокомандующій выполнилъ данныя ему приказанія, и сталъ на предуставленной чертѣ, къ которой стремились всѣ непріятельскія силы. Чтобы выдержать отчаянный ихъ натискъ, надлежало имъ противопоставить сосредоточенныя войска Чичагова, Графа Витгенштейна и баталіоны Генерала Эртеля, прибытіе коихъ казалось несомнѣннымъ. Въ сію роковую минуту все измѣнило соображеніямъ военной предусмотрительности. Разсказывая происшествія, видѣнныя мною, я не дерзну вникать въ стеченіе обстоятельствъ, о коихъ не могутъ судить не посвященные въ таинства высшей стратегіи. Пользуясь, однако же, неотъемлемымъ правомъ очевидца, высказать все, происходившее въ глазахъ его, я обязанъ изобразить воспоминанія мои, не искажая ихъ предъ моими читателями. Войска Графа Витгенштейна не успѣли сомкнуться съ нами; отрядъ Генерала Эртеля не выступилъ изъ Бобруйска; Адмиралъ, судя о близости врага по медленнымъ движеніямъ прочихъ корпусовъ, погрѣшилъ противъ коренныхъ правилъ военнаго искуства, помѣстивъ главную квартиру въ самомъ Борисовѣ, на лѣвомъ берегу Березины, тогда какъ предстояло намъ защищать правый берегъ, по коему расположились всѣ полки. При взятіи приступомъ мостовыхъ укрѣпленій, Графъ Ламбертъ былъ раненъ въ ногу; старшій по немъ Генералъ, Графъ Паленъ, принявъ начальство надъ изнуреннымъ авангардомъ, едва успѣлъ разбросить стрѣлковъ, протянуть передовую цѣпь за Борисовымъ, въ улицахъ коего стѣснились всѣ обозы, какъ внезапно напали на насъ Французы густыми колоннами, опрокинули стрѣлковъ и конницу, и очутились въ самомъ городѣ совершенно беззащитномъ. Одинъ только узкій, не отдѣланный и длинный, мостъ связывалъ насъ съ главными силами за рѣкою. Главнокомандующій бросился

впередъ, чтобы сколько возможно остановить напоръ изступленныхъ предтечъ бѣгущаго Наполеона. Межъ тѣмъ вагенбургъ нашъ тронулся по всѣмъ переулкамъ, повсюду съѣзжаясь къ мосту; повозки устремились по оному въ три ряда, опрокидывая одна другую. Графъ Каподистрія, заблаговременно переправившій походный дипломатическій архивъ, ему ввѣренный, уже заботился единственно о безопасности Адмирала и чести нашего оружія. Посреди смятенія, тревоги и бѣдственнаго въ обозахъ безпорядка, мы, въ слѣдъ за Главнокомандующимъ, проѣхали шагомъ чрезъ рѣку; уже смеркалось; за нами тотчасъ вспыхнулъ мостъ, не малая часть обоза предана въ жертву злой судьбѣ, клики стрѣлковъ, ржаніе коней, вопли Борисовскихъ жителей, раздовались нестройнымъ гуломъ въ мерцающемъ отдаленіи, и багряное зарево мгновеннаго пожара разсѣкало надъ рѣкою темноту Ноябрской ночи. Нѣкоторыя городскія зданія запылали; на правомъ берегу, по всему мостовому укрѣпленію, превращенномъ въ окопанный лагерь, засверкали, какъ мелькающіе отблески противоположнаго пожара, огни нашихъ биваковъ. Графъ Каподистрія послалъ меня отыскать биваки Главнокомандующаго. Я засталъ его въ бойницѣ надъ рѣкою, окруженнаго многочисленною свитою, на которую падалъ яркій свѣтъ огромнаго костра. На лицѣ каждаго изображалось оскорбленное народное самолюбіе; ибо отступленіе въ безпорядкѣ главной квартиры, хотя съ небольшимъ урономъ, волновало сердца и заставляло опасаться будущихъ нечаянностей. Съ разсвѣтомъ мы усмотрѣли малочисленность непріятелей, и погрузились въ большое недоумѣніе, стараясь угадать, какое направленіе возметъ главная Французская армія.

Въ Борисовѣ соединяются двѣ большія дороги: Виленская и Минская. Идущіе на встрѣчу къ намъ непріятели, въ числѣ 70 тысячъ человѣкъ, нападая на насъ, могли избирать удобнѣйшія для переправы мѣста, развлекая наше вниманіе перевѣсомъ силъ и уклоняясь отъ бдительности нашей различными притворными движеніями, по всему протяженію рѣки, въ право и въ лѣво отъ средоточія Борисова. Не представлялось возможности охранить всѣ угрожаемые пункты осмнадцатью тысячами войска, при слабости нашей пѣхоты. Въ семъ затруднительномъ положеніи Адмиралъ, не получивъ подкрѣпленія изъ Бобруйска и полагаясь на

близость Сѣверной арміи къ лѣвому нашему флангу, обратилъ вниманіе на правый, и пробывъ три дня противъ самаго Борисова, рѣшился, наконецъ, произвести въ право фланговое движеніе, и мы перешли въ селеніе Шабашевичи. Графу Ланжерону и Генералу Чаплицу велѣно было удержать прежнюю нашу позицію и наблюдать неусыпно за каждымъ шагомъ непріятеля, очевидно закрывавшаго движенія главныхъ силъ самаго Наполеона.

Мы заняли село Шабашевичи при самомъ наступленіи ночи. Сильный преждевременный морозъ устилалъ бѣлымъ ковромъ воды Березинскія. Уже не въ первый разъ, со дня прибытія нашего въ Борисовъ, стрѣлки наши по зыбкому льду переходили на лѣвый берегъ и производили съ непріятельскими стрѣлками жаркую перепалку при безпрестанныхъ кликахъ: ура! и откликахъ враговъ, передразнивавшихъ любимый воинственный возгласъ храбрыхъ Русскихъ ратоборцевъ. Пули, градомъ разсыпаясь по воздуху, часто достигали и до насъ, зрителей, стоявшихъ въ бойницѣ укрѣпленнаго стана. Нельзя было не признавать воли Божіей въ появленіи сей жестокой стужи, дотолѣ истреблявшей полки злодѣевъ, и въ настоящую роковую минуту, посредствомъ замерзанія рѣки, споспѣшествовавшей отчаянному ихъ бѣгству. Итакъ не забудемъ, что правый берегъ Березины, уже безъ помощи мостовъ, сдѣлался доступнымъ Французской пѣхотѣ, составлявшей всю силу Наполеона. Графъ Ланжеронъ, замѣтивъ приближеніе враговъ, тотчасъ послалъ гонца къ Адміралу, и приказалъ Генералу Чаплицу наблюдать на лѣвомъ флангѣ за каждымъ покушеніемъ Французовъ къ переправѣ, стараясь притомъ обмануть ихъ разложеніемъ несмѣтныхъ огней, сею устарѣлою, но совсѣмъ тѣмъ употребительною, военною хитростію. Адъютантъ, прискакавшій въ главную квартиру съ роковою вѣстію, разсѣялъ недоумѣніе Главнокомандующаго. Намъ предлежало обратное ночное движеніе къ Борисову. Чтобы облегчить оное, Адміралъ приказалъ оставить весь обозъ, всѣ лишнія тягости и чиновниковъ, безъ которыхъ можно было обойтись, и отправить ихъ подъ прикрытіемъ къ м. Игумену. Кто только чувствовалъ себя изнуреннымъ трудами и лишеніями зимняго похода, получилъ позволеніе удалиться. Главнокомандующій, вѣроятно, желая испытать твердость Графа Каподистріи, предоставилъ ему на выборъ, слѣдо-

вать за отбывающими, или раздѣлить съ военными опасности предстоявшихъ намъ переходовъ и кровопролитныхъ сраженій. Но Каподистрія вмѣнилъ сіе предложеніе въ обиду и рѣзко отвѣчалъ, что онъ и смиренный сочинитель сихъ сказаній не согласны на удѣлъ увѣчныхъ, или одержимыхъ недугомъ. Мы сѣли на коней, и помчались на встрѣчу исполину XIX-го столѣтія. Ноября дня, возвратясь въ Борисовъ, мы услышали громъ пушекъ: битва кипѣла въ пространствѣ между Зембинскимъ болотомъ и рѣкою. Генералъ Чаплицъ съ малочисленнымъ отрядомъ, не въ силахъ будучи воспрепятствовать наведенію моста, занялъ, въ виду переправы, крѣпкую позицію. По мосту, наскоро сооруженному, потянулись: сперва конница Французская, состоявшая изъ однихъ оберъ и унтеръ офицеровъ, истребленныхъ конныхъ полковъ; потомъ артиллерія и часть обозовъ; между тѣмъ пѣхота старой гвардіи, пробираясь по скопившимся льдинамъ, достигала праваго берега, и съ разсвѣтомъ Наполеонъ, жертвуя жалкими остатками ослѣпленныхъ своихъ воиновъ, поспѣшилъ занять узкую дорогу, идущую между болотами непроходимыми; стрѣлки его по обѣимъ сторонамъ засѣли въ чащѣ топкихъ лѣсовъ и любимецъ побѣды, съ постыдною стремительностію, какъ заходящій метеоръ, скрылъ померкшіе лучи славы своей въ занавѣсѣ Литовскихъ лощинъ и ущелій. Тогда подоспѣла главная Дунайская рать и напала на осиротѣвшихъ, изступленныхъ Французовъ, защищавшихъ переправу. Обозы ихъ подвигались къ мосту, какъ внезапно раздался въ тылу на высотахъ громъ батарей Графа Витгенштейна: ядра съ пронзительнымъ свистомъ, разсѣкая туманный воздухъ, ударили въ скопившуюся громаду и въ мостъ. Тогда карающій ужасъ объялъ опустошителей Россіи: всѣ, въ тревогѣ неизъяснимой, опрокидывая и топча другъ друга, бросились къ единственному проходу. Насталъ грозный воздаянія часъ: несмѣтная добыча, разломавъ тяжестію своею ледъ и самый мостъ, съ трескомъ обрушилась въ хладное лоно рѣки, межъ тѣмъ, какъ остальные обозы, на необозримомъ пространствѣ, усѣяли низменный берегъ разновидными, неисчислимыми, обломками. Пушки гремѣли, Казацкія копья сверкали среди всеобщаго разрушенія. Толпа женщинъ кинулась въ воду; многія изъ нихъ пали жертвами огнестрѣльнаго оружія. Грудные младенцы лежали съ безпечностію подлѣ тѣлъ убіенныхъ мате-

рей. Сонмы израненныхъ, умирающихъ. лежа межъ кучами золота, пышныхъ одеждъ, книгъ, церковной утвари и сосудовъ священныхъ, поражали наши взоры. Вся, расхищенная въ Москвѣ, святыня храмовъ нашихъ приникла тутъ къ землѣ Русской, какъ безмолвный укоръ святотатства, какъ обличающій глаголъ Всевышняго, надъ погибающими сонмами преступниковъ. И возможно ли видѣвшему когда либо забыть сіе вѣчнопамятное, ни съ чѣмъ не сравненное, позорище ужасовъ!

На слѣдующій день лишь только тускло-багровое утро озарило поле битвы, Графъ Каподистрія, Генералъ Графъ Мантейфель, Баронъ Тейль и я, пошли осматривать всѣ мѣста, ознаменованные истребленіемъ славной, дотолѣ непобѣдимой, рати. Вокругъ насъ тѣснилось до 16 тысячъ военноплѣнныхъ, полунагихъ, одѣтыхъ въ рубища, съ почернѣвшими лицами, производившими въ насъ содроганіе и трепетъ. Они скитались, подобно тѣнямъ среди пепелища полуразрушенныхъ хатъ и догарающихъ биваковъ. Жалобные вопли, стенанія, проклятія, мольбы о пищѣ и помощи, произносимыя на разныхъ языкахъ, пронзали слухъ и сердца наши, напоминая сверхъестественныя явленія тайновидца Іоанна. Казалось, всѣ стихіи соболѣзновали неизреченнымъ страданіямъ человѣчества. Терзаясь скорбію, дотолѣ невмѣстимою душамъ нашимъ, мы перешли на противолежащій берегъ. Тамъ ожидала насъ новая картина бѣдствій. Оставленный Французами необъятный обозъ уподоблялся кочевью цѣлаго народа, внезапно погибшаго. Въ необозримыхъ рядахъ и грудахъ колесницъ, пышныхъ экипажей, нагруженныхъ повозокъ, царствовало безмолвіе гробовъ и мертвая тишина древняго кладбища. Драгоцѣнныя вещества, переживающія человѣка, лежали кучами посреди растерзанныхъ тѣлъ, обезображенныхъ адскими страданіями. Кое-гдѣ одинокія, безотрадныя, дѣти встрѣчались намъ и умиленіемъ растворяя сжатую грудь, воскрешали въ насъ чувство дѣятельнаго сострадапія. Покинувъ гнѣздилище разрушенія, мы возвратились до ночи къ бивакамъ. Насъ обступили воины всѣхъ племенъ Европейскихъ. Иные, обхвативъ колѣна наши, умоляли защитить ихъ отъ солдатъ, отнимавшихъ у нихъ послѣднюю одежду. Другіе, снѣдаемые жаждою, происходившею отъ внутренняго воспаленія, нагіе, ползая по мерзлой землѣ,

слабымъ голосомъ просили у насъ воды, вопреки мертвящему морозу. Наступила роковая ночь, и бродившіе около насъ привидѣнія, окутавъ покрывалами почернѣвшія лица и члены изможденные, столпились близъ огней, Французъ подлѣ Поляка, Голландецъ подлѣ Итальянца, сѣтуя каждый звуками природнаго языка и общимъ языкомъ неизцѣлимаго, внятнаго всѣмъ земнороднымъ, отчаянія. Одни Французы не позволяли себѣ ругательствъ противъ виновника ихъ злополучія. Сильнѣйшій упрекъ, исторгавшійся изъ устъ сихъ несчастныхъ, былъ слѣдующій: «Это честолюбецъ, онъ погубилъ насъ!» Но для иноплеменныхъ очарованіе величія исчезло; они отрезвились, но предъ самою смертію. Я помню, что въ сей самый вечеръ, у нашего бивака, стеченіе злосчастныхъ жертвъ столь увеличилось, что мы, раздавъ многимъ весь запасъ нашъ, состоявшій изъ черстваго хлѣба и водки, уступили имъ полуобрушенную крестьянскую избу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огней, соглашаясь лучше провести ночь подъ суровымъ небомъ, нежели запереться въ отведенной намъ душной хижинѣ. Въ ней столпилось болѣе ста человѣкъ; въ продолженіи цѣлой ночи холодный вѣтеръ безпрестанно смущалъ перерывистый нашъ сонъ и разносилъ отголоски ихъ воплей, споровъ и болѣзненныхъ воздыханій. Мало по малу нестройный говоръ началъ примѣтнымъ образомъ слабѣть и съ разсвѣтомъ утихъ, поглощенный таинственнымъ безмолвіемъ. Горестное предчувствіе повлекло насъ къ утлому пріюту нашихъ плѣнниковъ; и что же? — вся хижина устлана была ихъ мертвыми останками! Съ послѣднею искрою согрѣвавшаго ихъ огня; угасло въ нихъ пламя истощенной жизни! Кромѣ немногихъ, можетъ быть, ночью вышедшихъ искать далѣе въ сугробахъ хладной могилы, всѣ легли тутъ изсохшими костьми, въ землѣ чуждой, сомкнувъ въ послѣдній разъ свои ряды, въ страшномъ бореніи съ неизбѣжною смертію. Мы смотрѣли на отстрадавшихъ, все еще не вѣря существенности сего плачевнаго зрѣлища.

Сказать ли здѣсь горестную истину, къ стыду человѣчества? Посреди сихъ грозныхъ явленій Божія суда, совершавшагося безъ пощады надъ цѣлымъ поколѣніемъ, я видѣлъ людей, къ счастію, однако же, весьма не многихъ, находившихъ еще возможность шутить и издѣваться надъ наружностію погибшихъ, алкать

гнуснаго прибытка, предаваться не звѣрскому, но безумному, жестокосердію. Нельзя было взирать на нихъ безъ омерзѣнія и внутренняго содраганія; ибо что можетъ быть отвратительнѣе человѣческой безпечности, когда она, ругаясь карающему правосудію, пресмыкается надъ зіяющею бездною и нагло обнажаетъ порочную грудь подъ ударами перуновъ небесныхъ? Надлежало намъ, въ сіи дни поражающаго воздаянія, тщательно скрываться отъ взора изнуренныхъ голодомъ Французовъ, чтобы подкрѣпить себя скудною пищею: завистливая жадность обреченныхъ смерти враговъ раздирала душу тѣмъ больнѣе, что не было средствъ призрѣть и спасти многочисленнаго голоднаго скопища.

Жалкіе остатки Французской рати, устилая трупами и орудіями Виленскую дорогу, устремились къ Молодечнѣ. Адмиралъ, разбивъ ихъ въ Зембинскихъ болотахъ, рѣшился, не теряя ни одной минуты, преслѣдовать бѣгущихъ. Послѣ краткаго свиданія съ Графомъ Витгенштейномъ, мы быстро пустились въ погоню, при ежечасно усиливающихся морозахъ. Зима свирѣпствовала столь сильно, что мы, борясь съ ея жестокостію, большею частію шли пѣшкомъ, на пространствѣ каждой версты встрѣчая сотни мертвыхъ тѣлъ, обезображенныхъ послѣдними судорожными движеніями. При каждомъ бугрѣ, или холмѣ, попадались намъ брошенныя пушки и подлѣ нихъ мертвые артиллеристы, съ почернѣвшими отъ морозовъ лицами, посреди падшихъ лошадей, изнемогшихъ подъ скользкими высотами. Бразда необъятнаго разрушенія означала слѣды низверженнаго властолюбца; селенія мгновенно превращались въ кладбища; всѣ виды смертей окружали насъ, отравляя въ преданныхъ отечеству сердцахъ самую радость побѣды. Въ Молодечнѣ и Ошмянахъ летучіе отряды наши отрѣзали арріергардъ непріятельскій, и сонмы плѣнныхъ то гнали предъ собою, какъ стада презрѣнныя, то оставляли ихъ на произволъ разъяренныхъ стихій. Ноября дня мы вступили первые въ Вильну, овладѣли запасами врага и сокрушили тѣмъ послѣдній оплотъ его беззаконнаго нашествія. Больницы наполнялись ранеными и недужными, коихъ большая часть вскорѣ погибла, вопреки стараніямъ искуства. Общій признакъ болѣзни — воспаленіе въ животѣ, рѣдко уступало пособіямъ врачей, и многія тысячи уцѣлѣвшихъ на пути умирали на лонѣ отдохно-

венія. Адмиралъ, не давъ роздыха войскамъ своимъ, продолжалъ преслѣдованіе чрезъ Троки, до самыхъ завѣтныхъ береговъ Нѣмана. Въ Гезнѣ расположились мы квартирами, чтобы дождаться дальнѣйшихъ приказаній Фельдмаршала, Князя Кутузова, и дать время прочимъ корпусамъ примкнуть къ Дунайской арміи и совокупно, хотя въ различныхъ направленіяхъ, двинуться съ нами за границу.

Въ сіе самое время Адмиралъ, свѣдавъ о прибытіи Государя въ Вильну, испросилъ позволеніе явиться лично Его Величеству, чтобы подвергнуть безпристрастному суду его оправданія относительно событій при Березинѣ, содѣлавшіяся необходимыми. Ибо знатоки ратнаго дѣла строго судили о распоряженіяхъ Чичагова, обвиняя его въ непростительныхъ ошибкахъ, безъ коихъ, по мнѣнію ихъ, погибель Наполеона и совершенное истребленіе Французскихъ войскъ долженствовали бы свершиться неизбѣжно. Одни охуждали фланговое движеніе къ Шабашевичамъ, и сіе порицаніе неоспоримо; другіе осуждали Адмирала за то, что онъ, вмѣсто защиты праваго берега рѣки, не засѣлъ въ Зембинскихъ болотахъ, какъ будто возможно было угадать, что Наполеонъ, возъупорствуетъ въ намѣреніи пробиться по Виленской дорогѣ, тогда какъ въ Борисовѣ предстоялъ ему выборъ между симъ путемъ и направленіемъ къ Минску. Но судя о стратегическихъ погрѣшностяхъ Главнокомандующаго, надлежало, по правиламъ безпристрастія, обнять совокупность всѣхъ военныхъ дѣйствій различныхъ корпусовъ, устремленныхъ къ единой цѣли, отнюдь не разрывая сей необходимой связи между движеніями, имѣвшими общее средоточіе. Какъ бы то ни было, Адмиралъ, предвидя еще на полѣ битвы разные толки, по случаю побѣга Наполеона, спустя нѣсколько часовъ послѣ сраженія, рѣшился отправить въ Петербургъ чиновника для объясненія происшествій, и, къ крайнему всѣхъ приближенныхъ его изумленію, возложилъ сіе порученіе на Генерала Сабанѣева, хотя зналъ недружественное къ себѣ расположеніе сего военачальника. Черта великая въ характерѣ Чичагова! Не зная достовѣрно, въ чемъ состоялъ отчетъ Сабанѣева о происшествіяхъ при Березинѣ, дѣеписатель можетъ только утверждать, что поѣздка его въ столицу мало послужила къ оправданію Главнокомандующаго,

которому оставалось искать случаевъ къ объясненіямъ изустнымъ, и для сего воспользоваться первою минутою отдохновенія, по изгнаніи душегубца изъ предѣловъ Государства. Адмиралъ, въ сопровожденіи своихъ Адъютантовъ и Графа Каподистріи, прибылъ въ главную Императорскую квартиру, лично являлся Его Императорскому Величеству, бесѣдовалъ наединѣ съ нимъ и получилъ повелѣніе предводительствовать и впредь храбрыми Дунайскими полками. Графъ Каподистрія * продолжалъ многотрудное служеніе свое при Адмиралѣ, со свойственнымъ ему постоянствомъ, братски раздѣляя съ военными всѣ опасности и лишенія зимнихъ переходовъ, биваковъ, осадъ и многоразличныхъ превратностей войны. Не долго Чичаговъ сохранилъ главное начальство надъ ввѣренною ему ратію. Онъ, по собственному желанію, передалъ жезлъ начальства Генералу Барклаю де Толли, извѣстному полководцу, стяжавшему истинную славу, не превосходствомъ генія, но обширными стратегическими свѣдѣніями, рѣдкимъ хладнокровіемъ на полѣ битвы и, болѣе всего, примѣрнымъ своимъ отреченіемъ отъ побужденій оскорбленнаго самолюбія. Сей добрый вождь, почти съ перваго взгляда, полюбилъ Графа Каподистрію, усвоилъ и приблизилъ его къ себѣ, какъ мужа правоты и совѣта. Походъ 1813 года ознаменованъ былъ внезапными переворотами судьбы: воззванія къ племенамъ Германіи, наступательный союзъ съ Пруссіею, Калишскіе переговоры, Рейхенбахское перемиріе, однимъ словомъ, всѣ главнѣйшія дѣйствія нашей политики имѣли средоточіемъ своимъ Императорскую квартиру, и потому участіе въ оныхъ Барклая де Толли и его сотрудника ограничивалось второстепенными занятіями. Но, въ замѣнъ дѣятельности, соразмѣрной высокимъ его дарованіямъ, Каподистрія созрѣвалъ духомъ, пріобрѣталъ ежедневно драгоцѣнную опытность въ искуствѣ познавать людей и съ ними обращаться, вникалъ въ тайну событій, привыкалъ дышать свободно посреди вихря превратностей роковой борьбы, поколебавшей Европу въ основахъ ея. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ сраженій и, въ особенности, незабвеннаго трехдневнаго Лейпцигскаго побоища,

---

* Около сего времени я отправился изъ Вильны въ столицу, по семейственнымъ дѣламъ, и потому не имѣлъ счастія быть очевидцемъ великихъ событій 1813 и 1814 годовъ.

сокрушившаго навсегда оковы Германіи и ненавистное Наполеоново могущество. Тщетно, хотя не безъ славы, грозный завоеватель созвалъ въ послѣдній разъ и ополчилъ около себя цѣлое юное поколѣніе Франціи, облекшейся въ печальное вретище, * и пробился съ неимовѣрною отвагою до Бреславля и Одера; тщетно покушался онъ удержать Австрію подъ крильями кровожадныхъ орловъ своихъ; геройскіе подвиги Барклая, Ермолова, Остермана-Толстаго и Блюхера сокрушили его отдѣльныя силы, грозившія Берлину и Прагѣ: правосудіе Божіе разрушило всѣ начинанія исполинскаго ума, одарило Александра непреодолимою мудростію и укрѣпило скромнаго побѣдителя до такой степени, что онъ одинъ совершилъ предпріятіе, невозможное по человѣческимъ понятіямъ, скажемъ смѣло, чудесное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра. Мы разумѣемъ здѣсь дивное сліяніе во едино самыхъ разнородныхъ стихій и враждебныхъ межъ собою силъ, постоянное направленіе наступательнаго союза, казавшагося дотолѣ несбыточною мечтою къ общей, единственной, высокой цѣли, къ избавленію Европы отъ поноснаго ига, ежечасное бореніе великаго миротворца, Царя-Христіянина, съ ничтожными разсчетами, страстями и кознями участниковъ великаго дѣла, безсмертное его постоянство, изумляющую кротость, благородное самоотверженіе и державную надъ сердцами власть, коею Александръ покорялъ коварство и гордость, тщеславіе и своекорыстіе, смягчалъ народные предразсудки и недовѣрчивость дипломатовъ, прекращалъ распри военачальниковъ и велъ неуклонно, подъ сѣнію Всевышняго, всѣ частныя усилія, вопреки неудачамъ и успѣхамъ противника къ предуставленному концу, къ низложе-

---

* Конскрипція или система наборовъ, введенная Наполеономъ, невольно напомнитъ всѣмъ читателямъ Русскимъ неподражаемые стихи Жуковскаго, въ посланіи къ Александру І-му:

«Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами:
Сыны, въ дому отцовъ, минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ;
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!...
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя.» .. и проч.

нію всемірной крамолы и беззаконнаго міродержавства. Вотъ слабый, несовершенный, очеркъ подъятыхъ Александромъ трудовъ, обнаруженныхъ имъ доблестей въ сіи роковые годы, увѣнчанные взятіемъ Парижа. Нѣтъ мыслящаго существа, которое могло бы оспорить сію сверхъестественную славу, столь мало подлежащую пререканію. И подлинно, всѣ предшествовавшія совокупныя ополченія Державъ Европейскихъ противъ Французской Республики и Имперіи, рушились постыднымъ образомъ, послуживъ единственно къ распространенію ихъ владычества надъ цѣлою Европою. Бѣдственные союзы сіи, заключенные безъ вдохновенія свыше, но частнымъ расчетамъ боязни, или своекорыстія, громко предвѣщали и сему послѣднему сопряженію силъ Европы неминуемое расторженіе. И конечно, указанія и предчувствія опыта сбылись бы и теперь, безъ заступленія Александра I-го. Онъ одинъ, твердостію духа и смиреніемъ сердечнымъ, низвелъ на многочисленное ополченіе враждующихъ силъ благословеніе Божіе; онъ одинъ подъялъ на рамена свои бремя судебъ человѣческихъ, и содѣлался «всяческимъ для всѣхъ,» по образу мудреца неземнаго, чтобы всѣхъ, ввѣрившихъ себя водительству его, освободить, прославить и примирить съ Небеснымъ Законодателемъ. Настанетъ для позднято потомства время сужденій здравыхъ въ тишинѣ умственныхъ наблюденій, и тогда ликъ Александра въ лучезарномъ вѣнцѣ просіяетъ сквозь мерцаніе протекшихъ столѣтій, тогда строгіе историки по достоинству оцѣнятъ его дѣла, изумятся, вникая во всѣ подробности совершеннаго имъ подвига и невольно признаютъ величіе духа, обнаруженное имъ въ незабвенные 1812, 1813 и 1814 годы, убѣждаясь не правдоподобіемъ нравственнымъ, но единственно достовѣрностію происшествій.

Преслѣдуя бѣгущіе Французскіе полки, союзные Монархи вступили во Франкфуртъ на Майнѣ. Въ семъ городѣ, издревле свободномъ и цвѣтущемъ, но въ то время порабощенномъ, въ семъ средоточіи мнимаго Рейнскаго Союза, созданномъ коварнымъ властолюбіемъ, издана знаменитая Франкфуртская прокламація Ноября 30-го дня. Сіе достопамятное воззваніе заключало въ себѣ изложеніе началъ и намѣреній Союзныхъ Державъ предъ вступленіемъ сихъ войскъ въ предѣлы ослѣпленной Франціи.

Тогда открылось для Каподистріи поприще, достойное заслугъ и способностей его и соразмѣрное обширности его помысловъ. Чтобы безопаснѣе съ разныхъ сторонъ напасть на общаго врага, обойти грозныя твердыни и проникнуть въ нѣдра потрясенной, но все еще могущественной, Державы, надлежало склонить, въ пользу Союза, обуреваемую раздорами Швейцарію, исторгнуть ея жителей изъ подъ Наполеонова ига, водворить въ семъ краѣ благопріятный намъ неутралитетъ и, въ случаѣ необходимости, проложить для войскъ нашихъ непреграждаемый путь чрезъ ущелія и цѣпи горъ, составляющія гранитный теремъ, Альпійскую грань вѣчныхъ льдовъ между Франціею, Германіею и равнинами Италіи. Вотъ порученіе, для исполненія коего Александръ I-й избралъ Графа Каподистрію. Онъ призвалъ его къ себѣ, лично переговорилъ съ нимъ о цѣли, средствахъ и кругѣ его дѣйствій; слушалъ съ восхитительнымъ для Каподистріи вниманіемъ всѣ его сужденія и мысли о сей важной политической задачѣ, поручилъ ему же начертать себѣ наказъ и полномочіе, потомъ, утвердивъ сіи бумаги, снова ободрилъ его словомъ Царскимъ и выраженіями ласковой привѣтливости, заключавшими въ себѣ неизъяснимую прелесть. На слѣдующій день, въ видѣ купца, Каподистрія, вмѣстѣ съ Лебцентерномъ, представителемъ Австрійскимъ, отправился въ Швейцарію, колеблемую противодѣйствующими внушеніями приверженцевъ Франціи и отечественной независимости. Языкъ мятежныхъ страстей въ быту республиканскомъ былъ понятенъ мужу, выросшему въ злосчастной Іоніи, гдѣ юность его протекла среди гражданскихъ смутъ въ ежечасной борьбѣ съ порывами пламеннаго воображенія жителей Юга. Каподистрія вскорѣ разгадалъ побужденія и замыслы каждой партіи, вникнулъ въ ихъ предразсудки, потребности и желанія, постигнулъ необходимость и даже возможность ихъ сближенія, указавъ Кантонамъ аристократическимъ лучшую участь въ соединеніи съ союзомъ Вѣнценосцевъ, а демократическимъ, обѣщая неприкосновенность новыхъ правъ ихъ самобытности, безъ заступленія грознаго ихъ посредника, Наполеона. Въ короткое время онъ узналъ на перечетъ, лучше многихъ туземцевъ, всѣ притязанія, жалобы и умыслы малѣйшаго городка, снискалъ любовь и уваженіе людей именитыхъ и всѣхъ вообще склонилъ къ вожделѣнному неутралитету. Но соображенія военачальниковъ

требовали болѣе, нежели миролюбіе и великодушіе Александра. Товарищъ Каподистріи неожиданно получилъ отъ Князя Шварценберга приказаніе, требовать у Швейцарскаго Сейма свободнаго пропуска части союзныхъ войскъ, уже готовыхъ ко вступленію. Наказы прочихъ Дворовъ гласили совершенно различно. Посланнику Россійскому предстоялъ тяжкій выборъ. Ему надлежало: или отказаться отъ подписанія роковой ноты, сообразно съ данными ему наставленіями, и тѣмъ обнаружить предъ цѣлою Швейцаріею вредное успѣхамъ общаго дѣла несогласіе Союзныхъ Державъ, или, вопреки положительной инструкціи, подписать требованіе своего товарища, и такимъ образомъ сдѣлаться виновнымъ въ глазахъ Государя, навлекши на себя, со стороны Сейма, справедливый укоръ въ явномъ противорѣчіи. Часы были дороги, густыя колонны приближались, Императорская квартира безмолвствовала. Въ подобныхъ сему трудныхъ случаяхъ видѣнъ государственный человѣкъ. Каподистрія, вперивъ умъ въ будущее и взвѣсивъ роковую важность послѣдствій, подписалъ ноту изумленнаго своего сотрудника, но чрезъ два часа сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ главную квартиру, жертвуя собою высокой, вѣрно измѣренной, имъ, цѣли. Полки союзные, на основаніи сей единодушной ноты, устремились чрезъ горы въ предѣлы Франціи; Сеймъ не дерзнулъ воспротивиться ихъ прохожденію, а Каподистрія, безусловно обвинивъ поступокъ свой предъ мудрымъ Государемъ, вмѣсто немилости и опалы, снискалъ сугубую довѣренность Александра. Доколѣ длился кровопролитный, ознаменованный превратностями, походъ 1814 года, Графъ Каподистрія пребывалъ въ Швейцаріи неутомимымъ посредникомъ въ распряхъ Кантоновъ, истиннымъ труженикомъ въ устраненіи преградъ, воспрещавшихъ прочный между ними договоръ примиренія. Лишь только отгрянуло въ Европѣ: «Александръ въ Парижѣ, Наполеонъ свергнутъ», — какъ Императоръ велѣлъ пригласить туда Каподистрію. Онъ прибылъ въ столицу, уже не Европы, но одной Франціи, 19-го Мая, на другой день послѣ подписанія Парижскаго мира. Въ семъ обширномъ логовищѣ стоглавой революціонной гидры, на стогнахъ и торжищахъ, въ чертогахъ Царей и въ станѣ несмѣтнаго ополченія Европейскаго, господствовало неописанное упоеніе побѣдителей и очарованіе побѣжденныхъ. Душа кроткаго миротворца,

то съ умиленіемъ склонялась на помощь попраннаго человѣчества, то, окриленная благодарностію, возносилась къ Небесному Виновнику отрады всего міра. Вступая въ нечестивый, мятежный, градъ, пресыщенный добычею всѣхъ странъ земныхъ и собственнымъ униженіемъ, Александръ I-й явился Ангеломъ, исцѣляющимъ глубокія язвы, провозгласилъ пощаду, не только народному бытію, но и народной гордости Французовъ, и сталъ между падшею Франціею и мстящею Европою, какъ неустрашимый ходатай Христіянскаго братолюбія. Внимая рѣчамъ, взирая на примѣръ Царя Русскаго, забывающаго пожаръ Москвы, буйство и злопамятство умолкли. Но политическія ухищренія и коварные расчеты нѣкоторыхъ Державъ не пресѣклись вмѣстѣ съ порывами негодованія народовъ и ратоборцевъ. Начались переговоры, ознаменованные печатію умышленной торопливости. При необъятномъ стеченіи правъ, притязаній, выгодъ и задачъ, возникшихъ изъ среды всеобщаго ниспроверженія, основательно рѣшены только тѣ вопросы, кои касались непосредственно Великобританіи и ея системы вселенской. Возстановлены Бурбоны на трехъ престолахъ, древле имъ принадлежавшихъ; создано Нидерландское Королевство; оставлены за Англіею колоніи, завоеванныя ею въ двухъ полушаріяхъ; денежныя требованія сей Державы за убытки ея получили отдѣльное обезпеченіе; Австрія возобладала сѣверною Италіею; но участь всей твердой земли, Германіи, Польши, Швейцаріи, права Россіи, возсозданіе Пруссіи, все это предоставлено будущему Вѣнскому Конгрессу и снова брошено въ мрачную урну случайностей земныхъ, въ виду отпущеннаго на островъ Эльбу, какъ въ домовой отпускъ, грознаго похитителя престоловъ. Столь разительный недостатокъ въ предусмотрительности со стороны Державъ твердой земли, при заключеніи перваго Парижскаго трактата, въ послѣдствіи произвелъ много запутанностей, источилъ потоки крови и слезъ и навелъ новую громовую тучу на міръ, едва спасенный. Замѣтить должно, что Графъ Каподистрія, терзаясь предчувствіемъ грядущихъ бѣдствій, не скрывалъ тогда своихъ опасеній, не рѣдко высказывалъ вслухъ, но не имѣлъ права выходить изъ круга ввѣренныхъ ему Швейцарскихъ дѣлъ и подавать совѣты, уже запоздалые. Онъ ограничился ходатайствомъ предъ Государемъ за родину свою, исчезавшую въ громадѣ общихъ завоеваній, полу-

чилъ утѣшительный отвѣтъ, и съ новыми наставленіями обратно отправился въ Швейцарскія горы, откуда надлежало ему, по волѣ Императора, прибыть къ осени въ Вѣну.

Мы не отважимся описывать всенароднаго восторга въ Россіи при появленіи въ столицѣ кроткаго Избавителя Европы, нареченнаго «Благословеннымъ.» «Сіе благословеніе, по выраженію краснорѣчиваго Филарета, изреклось въ дѣлахъ его и услышалось до послѣднихъ земли»... Въ поступкахъ, рѣчахъ и сердечныхъ изліяніяхъ Александра I-го, замѣтно было спокойное величіе Избранника и Совершителя Божіихъ судебъ. Безпримѣрная его слава, которую онъ постоянно отклонялъ отъ себя, благоговѣя предъ нею, какъ предъ святынею, свыше ему ввѣренною, сія слава окрилила геній Жуковскаго, одушевила духовное краснорѣчіе и Русскую поэзію, отразилась въ превосходномъ историческомъ памятникѣ Карамзина, и возбудила тысячи отголосковъ радости по всей Россіи. Церковь, коей удѣлъ низводить небо на землю и изображать намъ вѣчность во времени, тогда же установила, въ память избавленія Россіи, молебное торжество, совпадающее съ торжествомъ всемірнаго искупленія. На немъ вѣрные слышатъ дивныя пророчества Исаіи и колѣнопреклонную молитву о врагахъ нашихъ, молитву любви, побѣдившей благимъ злое.

Однако же не долго насладилась Россія присутствіемъ Царя своего. Съ наступленіемъ осени 1814 года, Императоръ отправился въ Вѣну, куда начали отвсюду съѣзжаться Вѣнценосцы, владѣтельные Князья, полномочные всѣхъ Державъ, знаменитые полководцы, представители сверженныхъ династій, наблюдатели происшествій и за ними разноцвѣтный сонмъ художниковъ, ученыхъ, празднолюбцевъ, легкомысленныхъ сыновъ XIX столѣтія, искателей соблазна, или счастія. Оковы двѣнадцатилѣтняго преобладанія Французовъ распались отъ удара Россійскаго меча, остріемъ его начертанъ, по указаніямъ Англіи, Парижскій договоръ; но въ Вѣнѣ предстоялъ гигантскій трудъ развязать, а не разсѣчь, многосложный гордіевъ узелъ неудобосогласимыхъ правъ и притязаній и примирить прошедшее съ настоящимъ, въ залогъ будущаго равновѣсія и спокойствія Европы. Съ устраненіемъ опасности, единодушіе исчезло, и все предвѣщало неминуемыя

распри. Уже полуоффиціяльныя совѣщанія и переписки нашего Кабинета съ Лордомъ Кастельри обнаружили сопротивленіе Англіи относительно будущей судьбы Великаго Герцогства Варшавскаго и сопряженной съ оною участи Пруссіи и Саксоніи. Императоръ Александръ, огорченный пристрастнымъ упорствомъ Англійскихъ Полномочныхъ, къ опроверженію ихъ уловокъ и доводовъ, употребилъ преимущественно Каподистрію. Вотъ какимъ образомъ распредѣлены были переговоры и нерѣшенныя задачи между членами Вѣнскаго Конгресса. Общее собраніе Полномочныхъ, названное «Le plenum du Congrès», сзывалось довольно рѣдко. Въ семъ собраніи занимались исключительно постановленіемъ правилъ церемоніяла, первенства и постепенности въ будущихъ сношеніяхъ Державъ Европейскихъ. Отдѣльная конференція, въ коей участвовали Полномочные четырехъ Державъ, заключившихъ Шатильонскій союзный трактатъ противъ Наполеона, въ послѣдствіи допустили къ совѣщаніямъ Князя Таллейрана, представителя Людовика XVIII. Предметъ сихъ переговоровъ былъ сложный: надлежало возсоздать Прусскую Монархію, по точному масштабу составныхъ ея частей въ 1805 г., рѣшить судьбу Варшавскаго Герцогства и Королевской Саксоніи. Далѣе представлялся вниманію очевидца Комитетъ Германскихъ дѣлъ, коему ввѣрено было сооруженіе новаго зданія политическаго въ растерзанной Германіи, по закону единства цѣли, но безъ измѣненія разнородности частей цѣлаго. Наконецъ составился особый Комитетъ, долженствовавшій упрочить союзъ Швейцарскихъ Кантоновъ, обезпечить оный ручательствомъ великихъ Державъ и дружелюбно привести къ концу нѣкоторые спорные между Кантонами вопросы. Въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, трудясь неусыпно при незабвенномъ моемъ другѣ, я смотрѣлъ вблизи на ходъ переговоровъ, внималъ жаркимъ прѣніямъ, соображалъ взаимные доводы и не рѣдко съ ужасомъ, или досадою, наблюдалъ дѣйствія противныхъ страстей, игравшихъ случайностями гибельнаго для всѣхъ сторонъ разрыва.

Предложенная здѣсь анатомическая картина Конгресса явно покажетъ читателямъ истинное средоточіе всѣхъ переговоровъ, Конференцію четырехъ Державъ первостепенныхъ. Въ постановленіяхъ ея заключалась развязка исторической запутанной дра-

мы, которая блистала множествомъ дѣйствующихъ лицъ, разнообразіемъ явленій, пышностію и пестротою причудъ и развлеченій, собственно къ дѣйствію не принадлежавшихъ. Итакъ, чтобы увѣнчать разсказъ о Конгрессѣ событіемъ важнѣйшимъ, мы обозримъ предварительно успѣхи и труды прочихъ отдѣленій Конгресса. Въ общемъ собраніи вопросъ о церемоніялѣ и первенствѣ, о коемъ написано столько огромныхъ книгъ, сей пререкаемый вопросъ, служившій нѣкогда предлогомъ и даже истиннымъ побужденіемъ кровопролитныхъ браней въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, рѣшенъ навсегда самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Сему рѣшенію способствовали не только превратности послѣднихъ лѣтъ, отъ которыхъ столько коронъ померкло, но и непритворное смиреніе Александра I-го, пристыдившее всякую обыкновенную надменность верховнаго сана. Опытъ минувшаго и живой примѣръ сей, достойный подражанія, заставили полномочныхъ опредѣлить, чтобы въ совокупныхъ актахъ Конгресса порядокъ подписей слѣдовалъ безвредному азбучному порядку заглавныхъ буквъ названія всѣхъ договаривающихся сторонъ: роковое А доставило Австріи старинное ея первенство, Франція заняла второе мѣсто, Испанія третье, Великобританія четвертое, а Россія стала смиренно на предпослѣднемъ, какъ краеугольный камень новаго зданія политическаго. Сверхъ сего принято было за общее и постоянное правило размѣщать впредь Посланниковъ равной степени не по какимъ бы то ни было устарѣлымъ притязаніямъ мечтательнаго первенства, но сообразно съ временемъ ихъ прибытія ко Двору, при коемъ кто уполномоченъ, и оффиціяльнаго о томъ извѣщенія. * Симъ приговоромъ благоразумія и нѣкоторыми примѣненіями и выводами изъ онаго прекратились ничтожные споры; теорія приличій, подведенная подъ общую формулу, уступила общественной, практической, пользѣ. Въ слѣдъ за сими совѣщаніями, собраніе, именуемое «Plenum», занялось разборомъ «Проекта о прекращеніи торга Неграми», который обратился въ законъ, обязывающій всѣ вообще народы, подъ исполнительнымъ наблюденіемъ Англіи. Извѣстный Сиръ

---

* Смотри въ Собраніи документовъ для Исторія сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими Постановленіе о порядкѣ предсѣданія. Статья IV.

Сидней Смитъ, въ добавокъ къ сему постановленію, предложилъ Конгрессу обуздать морскіе разбои, производимые Варварійцами, къ стыду Христіянства. Но предначертаніе славнаго моряка предоставлено было будущему рассмотрѣнію, потому что настоянія полномочныхъ Великобританскихъ клонились преимущественно къ уничтоженію безчеловѣчнаго торга, сдѣлавшагося для нихъ безполезнымъ. Усиліямъ ихъ противились Министры Испанскій и Португальскій, не защищая, впрочемъ, сего торга, но требуя, по обстоятельствамъ мѣстнымъ, нѣкоторой отсрочки въ пользу отечественныхъ колоній. Желаніе ихъ исполнилось, и общее собраніе довершило тѣмъ кругъ своихъ занятій. Въ одно и то же время отдѣльный Комитетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Австріи и Пруссіи, составлялъ проектъ союзнаго договора (acte fédératif), чтобы привести раздробленную Германію въ политическое единство и оградить будущую ея безопасность. Здѣсь присутствовалъ знаменитый Баронъ Штейнъ, сей безстрашный, неутомимый, поборникъ свободы и чести своего народа; въ немъ, къ удивленію Европы, являлось рѣдкое сочетаніе юношескаго рвенія съ маститою опытностію старца, смѣлой независимости ума и воли съ глубокимъ чувствомъ преданности властямъ законнымъ. Сдѣлавшись душею возстанія племенъ Германскихъ и временнымъ правителемъ областей, отторженныхъ отъ Франціи силою оружія, Баронъ Штейнъ, достойный потомокъ древнихъ отечественныхъ витязей, приглашенъ былъ, по заключеніи мира, къ дѣятельному участію въ совѣщаніяхъ Конгресса. Замѣтить должно, что онъ не находился тогда въ службѣ какой либо Державы исключительно, хотя носилъ почетное званіе Прусскаго Государственнаго Министра. Итакъ призывъ его въ Вѣну относился къ особѣ его, къ представителю духа народнаго въ Германіи, къ личному противоборцу Наполеонова властолюбія, а не къ чьему либо Сановнику, или Царедворцу: примѣръ достопамятный, можетъ быть, единственный въ лѣтописяхъ Европы! Гражданскія доблести, просвѣщеніе и любезность Барона Штейна напоминали идеалъ истиннаго вельможи, начертанный Державинымъ:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю,
Бояринъ, коль за всѣхъ болѣю —
Царю, закону, церкви другъ!

Подвизаясь на тернистомъ поприщѣ сооруженія прочнаго зданія политическаго въ Германіи, Комитетъ встрѣчалъ многоразличныя препятствія. Надлежало твердо основать разнородныя части сей сферы на двухъ ея полюсахъ, Пруссіи и Австріи, согласить естественный перевѣсъ сихъ Державъ съ независимостію Королевствъ и Княжествъ второстепенныхъ, возвеличенныхъ Наполеономъ, и подчинить особное ихъ бытіе свободнымъ сообщеніямъ и благополучію общаго ихъ состава, и, наконецъ, воздвигнуть изъ разнородныхъ стихій надежный оплотъ противъ навѣтовъ и покушеній со стороны Франціи. Для сего, введены въ союзъ Данія и Нидерландское Королевство, обѣщаны всѣмъ народамъ Германскимъ образъ правленія представительный, въ законной связи со властію, правами и вліяніемъ постояннаго Сейма. Таковы были усилія членовъ Комитета къ улученію цѣли двоякой, и по тому недостижимой. Ожиданія Германцевъ не исполнились во всей мѣрѣ, по тому что не предстояло логической возможности рѣшить трудную задачу сосредоточенія Германіи при неприкосновенности существующаго. Обратимся теперь къ обозрѣнію трудовъ главной Конференціи. Возстановленіе Пруссіи, столь мужественно ополчившейся на общаго врага, тѣсно сопряжено было съ участію Саксоніи и Польши. Здравая политика убѣждала всѣхъ союзниковъ сдержать данное слово, доставивъ Пруссіи пространство земель и народонаселеніе, по крайней мѣрѣ, равныя объему ея владѣній и силъ въ 1805 году. Но для сего недостаточно было присоединенія къ ней Вестфаліи, Рейнскихъ провинцій и части Шведской Помераніи; ибо Пруссія уступила Баваріи Маркграфства Анспахское и Байрейтское, а отторгнутое Наполеономъ отъ Прусскаго скипетра Великое Герцогство Варшавское, завоеванное потомъ побѣдоносными оружіемъ Россіи, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, не могло, по справедливости, войти въ составъ общихъ пріобрѣтеній Европейскаго союза. Императоръ Александръ, еще до открытія засѣданій Конференціи, изложилъ права Россіи и великодушныя свои намѣренія относительно края, въ которомъ онъ надѣялся изгладить слѣды прежнихъ бѣдствій прочнымъ благодѣяніемъ. Тщетно Лордъ Кастльри, въ частной перепискѣ съ Государемъ, возставалъ противъ сего предположенія; тщетно, отложивъ характеръ Великобританскаго Министра, принималъ онъ на себя двусмысленное званіе

защитника расчетовъ и опасеній, совершено чуждыхъ Сенджемскому Кабинету. Александръ I-й, употребивъ въ семъ дѣлѣ умъ и перо Графа Каподистріи, силою умственныхъ доводовъ, склонилъ Англійскаго витію къ молчанію. Но вскорѣ пренія возобновились въ самой Конференціи. Члены оной уже болѣе не оспаривали права Россіи располагать судьбою Герцогства Варшавскаго и по неволѣ сознавались въ величайшемъ безкорыстіи избавителя Европы, не расширившаго ни на пядень границъ своего Государства. Страшась безусловнаго присоединенія къ намъ Польши и равно гнушаясь народнымъ ея бытіемъ среди Галиціи и Познанскаго Воеводства, полномочныя старались отвратить неизбѣжную сію дилемму, преувеличивая неудобства раздѣленія Саксоніи и являя, не безъ умысла, живѣйшее состраданіе къ участи плѣннаго Короля ея. Князь Таллейранъ, пользуясь общимъ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ сей мѣрѣ, и опираясь на Англійскихъ полномочныхъ, долго противился очевидной необходимости и побуждалъ къ пререканію Австрійскій Кабинетъ. Князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій, при содѣйствіи Каподистріи, имѣвшаго ежедневныя сношенія съ Прусскимъ Канцлеромъ, Княз. Гарденбергомъ и Барономъ Штейномъ, съ успѣхомъ выдерживалъ политическую борьбу, которая длилась ко вреду и соблазну всѣхъ Державъ Европейскихъ. Много возникло соображеній и вымысловъ въ продолженіи сихъ переговоровъ, дабы отклонить расторженіе Саксоніи и возстановленіе Польскаго Царства. Въ сонмѣ противниковъ отличались тогда нынѣшніе притворные ходатаи мечтательной Польской самобытности, неосторожно вызывающіе память договора, вынужденнаго у нихъ въ 1815 году. Не останавливаясь долѣе на семъ докучливомъ свидѣтельствѣ современной исторіи, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, доказывающемъ строгую необходимость событія. Король Саксонскій постоянно отказывался отъ предложеннаго ему воцаренія его Дома въ Рейнскихъ провинціяхъ, и надежда соблюсти цѣлость Саксоніи подъ скипетромъ Прусскимъ уступила желанію отвратить запутанности еще труднѣйшія. И подлинно, суевѣрное уваженіе къ небывалой народности Саксонцевъ, издревле составлявшихъ подручную область Германской Имперіи, не могло перевѣсить явной пользы возстановленія Прусской Монархіи. Болѣе третьей части Саксоніи досталось въ удѣлъ мудрому, распорядительному,

правленію преемника Фридриха Великаго. По мановенію Александра, учредилось Польское Царство, коего корона провозглашена неотъемлемою принадлежностію древняго вѣнца Мономахова. Дарована свобода городу Кракову, подъ совокупнымъ покровительствомъ трехъ Державъ, и сіе новое зданіе народнаго бытія Поляковъ, предначертанное высокою душею побѣдителя ихъ, сдѣлалось предметомъ особаго трактата, къ счастію, постановленнаго, хотя и не подписаннаго предъ роковымъ побѣгомъ Наполеона съ острова Эльбы. Къ ускоренію сей вожделѣнной развязки продолжительныхъ прѣній преимущественно способствовалъ Графъ Каподистрія. Впрочемъ, собственное его убѣжденіе во многомъ не согласовалось съ условіями вводимаго порядка вещей, и нѣкое мрачное предчувствіе невѣдомой, но близкой, опасности смущало его душу. Бѣдствія разрыва между союзниками, быть можетъ, на канунѣ новыхъ навѣтовъ злобы, готовящей грозу всемірную, живо представлялись прозрительному его воображенію, и потому онъ не переставалъ трудиться надъ устраненіемъ преградъ, воспящавшихъ общее согласіе въ семъ дѣлѣ. Его предчувствія и догадки бдительнаго Барона Штейна вскорѣ оправдались, не только внезапнымъ появленіемъ Наполеона въ Провансѣ, но и горестнымъ открытіемъ глубокой тайны.

Въ то время, какъ мы въ совѣщаніяхъ Конференціи подвизались силою убѣжденія и доводовъ, представитель Бурбоновъ, вѣроятно, устращенный непреклонностію Россіи въ защищеніи своихъ правъ, возымѣлъ пагубную мысль вовлечь Англію и Австрію въ тайный союзъ противъ Россіи, названный оборонительнымъ. Ковъ удался, страсти возбуждены симъ искусникомъ устарѣлой, ревнивой, политики XVIII-го столѣтія. Ничто не могло пріостановить его дѣятельности, ни воспоминаніе о заслугахъ Россіи, безкорыстной заступницы человѣчества, ни близость сверженнаго міродержца, ни шаткость Людовикова трона, еще колебимаго въ основахъ своихъ крамолами, ни страхъ будущихъ превратностей, не могли разсѣять замысловъ Князя Талейрана. По настоянію его, трактатъ обдуманъ въ Вѣнѣ и утвержденъ въ Парижѣ, 3 Генваря, 1815 года. Но 1-го Марта Наполеонъ уже ступилъ въ Каннѣ на берегъ Франціи, обреченной новымъ бѣдствіямъ. Провидѣніе, безъ отлагательства и пощады, судило вимов-

ныхъ; воздаяніе преслѣдовало ихъ по пятамъ, и Александръ увѣнчался сугубою славою. Трактатъ, о которомъ здѣсь упоминается, мало кому извѣстенъ и преданъ, кажется, умышленному забвенію. Не увѣковѣчивая сего безсильнаго покушенія минутной слѣпоты и уничтоженнаго коварства, скажемъ, однако жь, нѣсколько словъ о сущности сего разрушеннаго договора. Оным договаривающіяся Державы: Франція и Австрія, при первомъ признакѣ опасности, могущей разрушить ихъ независимость, или нанести ущербъ ихъ владѣніямъ, обязывались выставить по 150,000 войска въ строю, а Англія, вмѣсто сухопутной рати, должна была содѣйствовать отраженію безыменнаго врага соразмѣрнымъ числомъ кораблей и деньгами. Нидерланды и Баварія приступили къ симъ условіямъ, обязываясь выставить въ подкрѣпленіе по 30,000 человѣкъ. Итакъ, 360,000 ратоборцевъ, огромные флоты и сокровища, сливались тайно въ одну громаду, въ одинъ желѣзный оплотъ, обращенный лицомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ сѣверовостоку. Таковы были странныя соображенія, содѣлавшіяся гласными при самомъ началѣ стодневнаго Наполеонова владычества (les cent jours).

Еще до побѣга Императора Французовъ съ Эльбы, прозорливые наблюдатели происшествій въ Вѣнѣ угадали тайный заговоръ противъ Россіи, и долгомъ почли довести оный до свѣдѣнія Императора Александра. Онъ отвергалъ всякое сомнѣніе въ союзникахъ своихъ, чтобы не поколебать твердости союза. Но, вскорѣ, возвращеніе Наполеона въ Парижъ сорвало завѣсу съ сей государственной тайны, хранившейся въ архивѣ Бурбоновъ. Поучительная хартія прислана Государю при своеручномъ письмѣ властолюбца. Онъ не безъ основанія льстилъ себѣ надеждою, открытіемъ сей тайны, отвлечь Россійскаго Императора отъ участія въ общемъ дѣлѣ, коего онъ былъ душею, и тѣмъ нанести всей Европѣ смертельный ударъ. Упованіе его не сбылось. Александръ I-й съ симъ обличительнымъ документомъ въ рукахъ объявилъ смятеннымъ полномочнымъ свою рѣшимость сразиться снова съ притѣснителемъ человѣчества и не отлагать оружія, доколѣ низведетъ его съ престола, похищеннаго вѣроломствомъ. Въ сію минуту всѣ посрамленныя страсти побѣждены душевнымъ величіемъ Русскаго Царя и покорились истинному геройству его

въ трепетномъ восторгѣ, въ изумленіи благоговѣйномъ. Итакъ мудрое его незлобіе въ другой разъ спасало Европу, исторгало Царства и народы изъ челюстей зіяющей на нихъ революціи и предопредѣляло послѣднее низложеніе Наполеона, призвавшаго къ себѣ на помощь всѣхъ поборниковъ необузданнаго своеволъства, безначалія и безбожія во Франціи и во вселенной. Дотолѣ гроза Якобинцевъ, онъ бросился тогда въ ихъ объятія и, силою ихъ крамолы и могущественнымъ своимъ геніемъ, возмечталъ снова овладѣть утраченными престолами. Декларація 13 (25) Марта провозгласила непримиримую борьбу съ нимъ, нарекла его врагомъ человѣчества, и тѣмъ самымъ лишила его надежды посѣять раздоръ между членами союза Европейскаго. Александръ предалъ забвенію все прошедшее: обиды, навѣты и вѣроломные замыслы. Не прошло двухъ недѣль, и въ дополненіе Деклараціи, чтобы осуществить угрозу и окрылить мщеніе, подписанъ наступательный трактатъ, 25 Марта, 1815 года, Державами первостепенными. Князь Таллейранъ перомъ, начертавшимъ противъ Россіи тайную хартію, писалъ и подписывалъ новые акты, одушевленные творческимъ ея участіемъ. Хладнокровіе и присутствіе духа и въ семъ случаѣ ему не измѣнили. Сообщники его оказались не менѣе ревностными въ окончаніи начатыхъ переговоровъ, вопреки многосложности вопросовъ, прослывшихъ дотолѣ неразрѣшимыми. Камни претыканія тщательно отстраняемы были одинъ за другимъ. Тревога движущихся войскъ, назначеніе имъ сборныхъ мѣстъ, воинственныя приготовленія, ничто уже не мѣшало соображеніямъ встрепенувшейся Дипломаціи, и цѣлый рядъ договоровъ, запечатлѣнный общимъ рецессомъ или постановленіямъ Конгресса 9-го Іюня, заключилъ осьмимѣсячныя пренія сей достопамятной эпохи.*

Въ Апрѣлѣ того же года изданъ въ Вѣнѣ Высочайшій Манифестъ, коимъ Императоръ объявлялъ своимъ подданнымъ о причинахъ, побуждавшихъ его къ подъятію оружія. Въ немъ указана необходимость вступиться за угрожаемую Европу, и вы-

---

* Смотри документы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Державами Европейскими, изданные Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ 1828 г., I томъ въ листъ.

полнить на дѣлѣ высокое предсказаніе Манифеста 1812 года, изданнаго послѣ плѣна и сожженія Москвы.

Въ Вѣнѣ все утихло; дымъ мірской суеты, какъ густое, смрадное, облако, послѣ потѣшныхъ огней, обложилъ пустѣющую столицу нѣги, древле бывшую оплотомъ Христіянства противъ Турковъ, но тогда пріобыкшую преклонять выю предъ побѣдителемъ. Шумныя увеселенія, блистательныя празднества, уступили мѣсто всеобщему унынію. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ приближенія храбрыхъ нашихъ войскъ. Между тѣмъ Англичане высадились въ Голландіи. Новосозданныя государства объяты были ужасомъ и, можетъ быть, въ сердцахъ многихъ гнѣздилась уже измѣна, готовая на всѣ перевороты ненадежнаго счастія и покорная всѣмъ затѣямъ непроницаемой судьбы.

Въ Маѣ 1815 года Графъ Каподистрія, исполнивъ всѣ возложенныя на него порученія, отправился со мною, чрезъ Штутгардъ и Гейльбронъ, въ главную квардиру трехъ союзныхъ Государей, водрузившую на время державное знамя двухъ Императоровъ и Короля Прусскаго въ Гейдельбергѣ. Этотъ старинный, учебный и живописный, городъ построенъ въ ущеліи надъ рѣкою Неккеромъ, вдоль коей извивается прелестная Неккерская долина. На темени навислой горы, подъ которой стелется Гейдельбергъ, между ветхими башнями, стоитъ величавый замокъ временъ Карла V. Замокъ опустѣлъ, но остался невредимымъ; пышный фасадъ его гордо возвышается надъ уступами горы, превращенной въ Англійскій садъ. Съ верхней террасы взоры гуляющихъ съ усла жденіемъ носятся надъ долиною, рѣкою и мостомъ прекрасной архитектуры. Въ Гейдельбергѣ пробыли мы двадцать роковыхъ дней, въ лучшее время года, тогда какъ войска, сосредоточиваясь, подвигались впередъ, и около союзныхъ Монарховъ толпились Военачальники, Царедворцы, Министры и вѣстники отдаленныхъ событій.

Наполеонъ, обратясь къ ближайшему врагу, устремился на сѣверъ, по направленію къ Брюсселю, напалъ въ расплохъ на союзную рать, не чаявшую столь быстрой атаки, опрокинулъ Блюхера съ Пруссаками, преслѣдовалъ его, и вдругъ поворотилъ на встрѣчу къ поспѣшавшему на помощь Веллингтону, названному нѣкогда въ Португаліи Фабіемъ медлителемъ (Fabius cunctator).

Вѣсть о семъ первомъ разгромленіи союзныхъ силъ въ Нидерландахъ, принесенная къ намъ Русскимъ Офицеромъ Генеральнаго Штаба, смутила всѣхъ бывшихъ въ Гейдельбергѣ. Императоръ Александръ, съ спокойствіемъ духа, ему единому свойственнымъ, безмятежно вникалъ въ подробности происшествій и тѣмъ непреклоннѣе утверждался въ рѣшимости, выдержать всѣ превратности борьбы, долженствовавшей, въ случаѣ первой неудачи, содѣлаться продолжительною и упорною. Державные сподвижники Александра взирали на него съ удивленіемъ, довѣренностію и любовію; тѣ же чувства господствовали и во Франціи, не задолго предъ тѣмъ очарованной привѣтливымъ и благотворнымъ присутствіемъ Русскаго Царя. Однако же опасенія, возбужденныя первою побѣдою Наполеона, скоро исчезли. Іюня 8 (20) дня 1815 года, въ маломъ разстояніи отъ Брюсселя, раздался громъ Ватерлооской битвы; Герцогъ Веллингтонъ съ Англичанами и Шотландцами, Голландскими и Ганноверскими полками, желѣзною стѣною сталъ надъ оврагомъ и цѣлый день съ хладнокровнымъ мужествомъ выдерживалъ и отражалъ отчаянныя нападенія Французовъ, оспаривая побѣду у стараго ея повелителя. Предъ вечернею зарею подоспѣли Прусскія колонны, въ коихъ Наполеонъ упорно мечталъ видѣть полки Маршала Груши. Терзаясь внутренно при появленіи нежданныхъ непріятелей, любимецъ счастія хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать его пріязнь къ себѣ. Онъ приказалъ старой гвардіи своей ринуться на Веллингтона, въ надеждѣ пробить центръ Англичанъ. Въ сей самый мигъ зоркій соперникъ его, дотолѣ защищавшій свою позицію, подалъ знакъ къ наступательному движенію. Это было вдохновеніе генія войны! Храбрые островитяне, сомкнувъ ряды и наклонивъ штыки, бросились съ холмовъ на встрѣчу Наполеоновымъ тѣлохранителямъ: они смѣшались, и вождь Французовъ, взглянувъ на грозную сѣчу, поворотилъ коня и самъ надъ собою изрекъ приговоръ паденія. Онъ бѣжалъ, и Пруссаки, сражаясь съ остервенѣніемъ, довершили конечное истребленіе Наполеоновой рати. Вотъ краткій, но вѣрный, очеркъ вѣчнопамятнаго дня; съ нимъ закатилась звѣзда славы исполинскаго завоевателя, оставивъ ему въ удѣлъ безотрадный пятилѣтній плѣнъ и уединенную на едва примѣтномъ утесѣ могилу!

Вѣстникъ побѣды, одержанной при Ватерлоо, засталъ Союзныхъ Государей въ Гейдельбергѣ. Въ тотъ самый вечеръ озарились всѣ окрестности отъ огней роскошнаго освѣщенія зданій, садовъ, улицъ; древній нагорный замокъ издали сіялъ, какъ въ вѣнцѣ побѣдномъ, Готическій фасадъ его въ яркихъ, разноцвѣтныхъ, узорахъ, посреди темной синевы небесъ, казался волшебною обителію какого ни будь чародѣя среднихъ вѣковъ. Общенародный восторгъ былъ столь великъ, что жители Гейдельберга, и въ особенности студенты, не смотря на проливной дождь, бѣгали по улицамъ съ фонарями и плошками, оглашая воздухъ «нестройными восклицаніями:» «Да здравствуетъ Веллингтонъ! Да здравствуютъ Союзные Монархи!» Спустя нѣсколько дней послѣ сего торжества, главная квартира двинулась впередъ; ей предшествовала прокламація Главнокомандующаго, Барклая де Толли, написанная Графомъ Каподистріею, по указаніямъ Государя, уже не въ первый разъ смягчавшаго буйныя страсти Французовъ гласомъ человѣколюбія и мудрости Надлежало предупредить всѣ частныя возстанія изступленныхъ Якобинцевъ, возмечтавшихъ получить власть надъ самымъ Наполеономъ, успокоить большинство гражданъ, встревоженныхъ призраками безначалія и самовластія, и обѣщать націи благоустроенную свободу, подъ скипетромъ Короля-изгнанника, Людовика XVIII. Все сіе провозглашено было нашими военачальниками именемъ Державнаго Союза, предводимаго Россійскимъ Самодержцемъ. Проходя Эльзасъ, Лотарингію и Шампанью, мы имѣли много случаевъ убѣдиться въ безусловной довѣренности, повсемѣстно вселяемой именемъ Александра и появленіемъ Русскихъ. Отправленные Временнымъ Правительствомъ почетные сановники встрѣтили насъ не въ большомъ разстояніи отъ Парижа и подписали конвенцію о сдачѣ столицы, уже пріобыкшей угощать иноземныхъ. Императоръ въѣхалъ въ городъ, занялъ скромный дворецъ, Елизе-Бурбонскій, принадлежавшій младенцу, наслѣднику разрушенной Имперіи, названному Царемъ Римскимъ. Начались переговоры, сварливые и бурные; между тѣмъ сверженный Наполеонъ, скитаясь по берегамъ Луары, достигнулъ Рошфора и оттуда, какъ слѣпое орудіе воли Всевышняго, произвольно бросился въ объятія суровыхъ враговъ своихъ, Англичанъ, безъ пользы сравнивъ себя, въ письмѣ своемъ къ Принцу-Регенту, съ Ѳемистокломъ, возсѣвшимъ на пепелищѣ

врага великодушнаго. Фрегатъ Беллерофонтъ увезъ повелителя-плѣнника Европы къ берегамъ Англіи, на которыя не суждено было ему ступить ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ. Оттуда скоро умчалъ его линейный корабль къ острову Св. Елены, за предѣлъ Экватора, въ Южное полушаріе. Особая конвенція между Великобританіею и прочими Союзными Державами, заключенная 21 Іюля (2 Августа) того же года, опредѣлила безсрочное содержаніе въ плѣну Н. Бонапарте, не признаваемаго болѣе Вѣнценосцемъ. О, если бы Исторія на скрижаляхъ своихъ не представляла потомству сихъ дивныхъ поученій, начертанныхъ перстомъ Вседержителя; если бы неприступная слава лица его не отражалась въ шумномъ потокѣ превратностей земныхъ, въ отраду пловцамъ всѣхъ вѣковъ, увлекаемымъ въ бездонную пучину грядущаго, то для чего бы трудиться надъ описаніемъ минувшихъ заблужденій и скорбей человѣческаго рода; къ чему рачительно воздымать давно развѣянный прахъ суетъ и ничтожества? Подвигъ дѣеписателя былъ бы безполезенъ, ибо опытность предковъ почти всегда потеряна для потомковъ. Преемственныя поколѣнія подобны однообразнымъ зыбямъ океана, разбивающимся отъ созданія міра о тѣ же подводные камни. Тщетно свѣтитъ высокій маякъ Исторіи надъ громадою скалъ вѣковыхъ!

Совѣщанія дипломатовъ въ Парижѣ остановлены въ самомъ началѣ многообразностію разностороннихъ требованій. Чтобы придать имъ болѣе благовидности, всѣ Полномочные утверждались на необходимости оградить навсегда общее спокойствіе отъ навѣтовъ Франціи мятежной. Но гдѣ, въ какихъ политическихъ соображеніяхъ, долженствовали Союзники искать сего вожделѣннаго, сего надежнаго, обезпеченія? Пруссія, Австрія и даже Кабинетъ Сенджемскій мечтали достигнуть сей цѣли доведеніемъ Франціи до крайняго изнеможенія и отторженіемъ отъ ней многихъ провинцій. Назначенный Россійскимъ Полномочнымъ, Графъ Каподистрія, не отрицая права и не теряясь въ отвлеченностяхъ, умѣлъ, однако же, обезоружить силою убѣжденія сіе единодушное стремленіе ко вреду и униженію Державы ненавистной. Онъ, при всѣхъ переговорахъ, предлагалъ товарищамъ своимъ дилемму неотразимую Если Европейскій Союзъ, говорилъ онъ, признаетъ владычество Бурбоновъ условіемъ маловажнымъ для общаго бла-

га, тогда Франція пусть подвергнется справедливому воздаянію за нарушенные ею обѣты; если жь, напротивъ, поддержаніе на тронѣ сей древней, злополучной, династіи заключаетъ въ себѣ главное ручательство мира, что несомнѣнно, то возможно ли предписать Французамъ условія столь враждебныя и поносныя для нихъ, что Правительство, подписавшее оныя, должно неизбѣжно пасть подъ тяжестію негодованія и проклятія цѣлой націи? Допустивъ сей гибельный приговоръ, мы насильственно побратаемъ Рояличта съ Якобинцемъ, воиновъ сверженнаго Наполеона съ царедворцами Людовика XVIII. Всѣ, забывъ прошедшее, одушевятся однимъ чувствомъ презрѣнія и мести къ Бурбонамъ, какъ виновникамъ упадка отечественной страны. Бурбоны погибнутъ, и новая всемірная война возгорится. Сужденія столь здравыя, столь чуждыя всякаго пристрастія, поколебали непріязненное къ Франціи расположеніе Европейскихъ Дворовъ. Но въ опредѣленіи мѣры пожертвованій все еще являлось крайнее разногласіе. Частныя притязанія, упреки и надежды съ трудомъ уступали благоразумію и пользамъ всеобщимъ. Недоумѣніе Конференціи, отчаяніе Французскаго Полномочнаго, почтеннаго Дюка де Ришелье, принявшаго въ руки кормило Государства противъ воли, ибо онъ любилъ усыновившую его Россію, страхъ новыхъ смутъ и сугубыхъ запутанностей, всѣ сіи преграды не изумили Каподистрію. Въ свѣтломъ умѣ его возникла счастливая мысль побудить Вѣнценоснаго старца, Людовика, къ начертанію своеручнаго письма къ Императору Александру. Дрожащимъ перомъ, но съ душевною твердостію, Король изложилъ чувства, внушенныя ему пріязнію, доводы, поборавшіе за цѣлость Франціи, зло, могущее произойти отъ непомѣрныхъ, вынужденныхъ, уступокъ, и въ заключеніе, рѣшимость свою, скорѣе отрещись отъ престола, нежели согласиться на гибельныя и постыдныя условія. Получивъ письмо, Государь велѣлъ Графу сообщить оное въ подлинникѣ собраннымъ въ Конференціи Полномочнымъ. Сказанная во время истина сильно подѣйствовала на всѣхъ присутствовавшихъ, преклонила ихъ къ снисхожденію и мудрой умѣренности, и съ того часа мирные переговоры шли гораздо успѣшнѣе. Но въ слѣдъ за главными, непреодолимыми, затрудненіями, появилось неожиданное. Римъ, Флоренція, Миланъ, Венеція, Берлинъ и многіе другіе города Европейскіе, утратившіе, по мановенію Наполеона, всѣ

издревле хранившіяся въ нихъ безсмертныя произведенія изящныхъ искуствъ, коими гордились ихъ жители, стали тогда требовать неотступно возвращенія имъ памятниковъ отечественной ихъ славы. Министерство Людовика долго и упорно защищало сіи трофеи ненавистныхъ побѣдъ, желая, въ угодность народному самолюбію, спасти неприкосновенность Наполеонова Музея, испещреннаго и, можно сказать, набитаго картинами и изваяніями всѣхъ странъ Европы. Однако же, не взирая на доводы и доводательства, возвращеніе каждому городу собственнаго достоянія предковъ признано справедливымъ, и, по приговору Конференціи, знаменитый ваятель, Канова, тотчасъ приступилъ съ горячностію, свойственною генію и патріотизму, къ распредѣленію, снятію и укладкѣ памятниковъ, принадлежащихъ Италіи. Тогда Аполлонъ Бельведерскій и Медичейская Венера, Лаокоонъ, Геркулесъ Фарнезскій, умирающій гладіаторъ и несмѣтное число статуй меньшаго достоинства, вывезены изъ плѣна обратно подъ родное роскошное небо, древле воспламенявшее воображеніе великихъ художниковъ. Рафаэлево Преображеніе и за нимъ сонмъ дивныхъ произведеній живописи скрылись отъ взора оскорбленныхъ Французовъ, и даже тѣхъ, которые никогда въ Музей не заглядывали. Я обозрѣлъ, въ послѣдній разъ, эту сокровищницу изящнаго, внутренно радуясь ея опустошенію. Пруссаки, Фламандцы также увезли похищенныя у нихъ драгоцѣнности. Около того же времени, на равнинахъ при Вертю, былъ общій смотръ Россійскимъ войскамъ, собравшимся, по волѣ Императора, въ числѣ ста пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Всѣ сподвижники наши, отъ Вѣнценосца до Адъютанта, присутствовали на семъ торжествѣ славы и могущества народнаго: одни любовались дивнымъ зрѣлищемъ, какое представляли ихъ взорамъ воинственные сыны Россіи, въ стройныхъ тысячахъ развивавшіеся по равнинамъ необозримымъ; другіе съ смущеніемъ зависти взирали на сію мужественную рать, вѣрно выполнявшую всѣ эволюціи, по мановенію потомка Петра Великаго. Еще не прошло ста лѣтъ отъ посѣщенія Петромъ Парижа, и питомцы исполинскаго сего Генія уже повелѣвали страною, нѣкогда ослѣпленною роскошнымъ величіемъ Людовика XIV. Сближая между собою эпохи, чтобы измѣрить быстроту нашихъ успѣховъ, кто,

любя Россію, не изумился бы, и кто, ненавидя ее, не содрогнулся бы внутренно? Привѣтствія и похвалы замирали на блѣдныхъ устахъ многихъ знатоковъ ратнаго дѣла. По сужденіямъ ихъ, конница и артиллерія превзошли всякое ожиданіе; и сіи огромныя силы служили единственно къ водворенію правды и мира въ растерзанной Европѣ. Не было мѣста малѣйшему упреку; но умамъ, зараженнымъ завистію, грезились будущія завоеванія и притѣсненія. Давно извѣдано, что противъ сей язвы нравственной нѣтъ врачевства.

Во время смотра Императоръ Александръ, помня заслуги Графа Каподистріи, и желая приблизить его къ себѣ, изволилъ пожаловать его въ Статсъ-Секретари, объявивъ ему при томъ изустно, что, по окончаніи ввѣренныхъ ему вселенскихъ переговоровъ, онъ долженъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ. Долго мудрая его скромность отклоняла столь великую честь, долго Каподистрія старался убѣдить Царя и благодѣтеля своего въ томъ, что иноземцу, не знающему языка и нравовъ Россіи, приличнѣе служить внѣ средоточія Государственныхъ дѣлъ и содѣйствовать общему благу, не отнимая мѣста у коренныхъ Русскихъ. Все это высказалъ онъ съ чувствомъ пламенной увѣренности, умолялъ Государя, но напрасно. Александръ I-й тѣмъ непреклоннѣе настаивалъ, чѣмъ краснорѣчивѣе Каподистрія указывалъ на преткновенія возвышеннаго сана: наконецъ вѣрный слуга Царевъ долженъ былъ покориться волѣ того, который возвелъ его и отличилъ предъ многими. Въ прекрасной душѣ его благодарность восторжествовала надъ недовѣрчивостію къ самому себѣ, — и участь его рѣшилась! Я помню, что въ сіе самое время, когда призывъ Каподистріи въ столицу былъ еще предметомъ догадокъ и пронырливыхъ соображеній, хотя званіе Статсъ-Секретаря уже сдѣлалось гласнымъ, нѣкоторые дипломаты, и въ особенности Австрійскій чиновникъ, Кавалеръ Флоретъ, неоднократно, въ дружескихъ бесѣдахъ, внушали ему, что Вѣнскій Дворъ весьма дорожитъ назначеніемъ его Посланникомъ въ сію столицу, гдѣ общество, благорастворенный климатъ и близость къ родной странѣ доставили бы Графу всѣ выгоды и пріятности, какихъ только могъ онъ желать при важнѣйшихъ, но умѣренныхъ, занятіяхъ. Даже изъявляема была готовность доставить ему сіе почетное

мѣсто, которое, по мнѣнію господъ дипломатовъ иностранныхъ, долженствовало несравненно болѣе плѣнять Каподистрію, нежели тяжкіе, безпрерывные, труды подъ суровымъ Петербургскимъ небомъ и при ежечастной зависимости отъ особы Самодержца. Однимъ словомъ, казалось, что Кавалеръ Флоретъ, являя столь неимовѣрное участіе въ будущей судьбѣ Россійскаго Министра, говорилъ и дѣйствовалъ по руководству людей, предпочитавшихъ все возможное постоянному пребыванію знаменитаго Еллина въ столицѣ Сѣвера. Впрочемъ, устранивъ разборъ причинъ побудительныхъ, мы скажемъ только, что Каподистрія, поблагодаривъ за доброе расположеніе къ себѣ, прекратилъ сіи заботливыя внушенія и совѣты изъявленіемъ безусловной покорности волѣ своего Монарха.

По окончаніи блистательнаго смотра, Императоръ Александръ исключительно занялся постановленіемъ трактата Священнаго Союза, сего акта, произведшаго въ послѣдствіи столь много несправедливыхъ подозрѣній и превратныхъ толковъ. Я предложу здѣсь читателямъ простое историческое сказаніе. Избавитель Европы болѣе, нежели кто либо другой изъ современниковъ его, углубляясь въ созерцаніе тайны судебъ Божіихъ, смиряясь сердцемъ предъ всемогуществомъ, и пріобщась умомъ Источнику мудрости, убѣдился въ высокой истинѣ, что человѣчество, воюя съ Франціею, борется не съ Державою осязаемою, но съ невидимою силою, сосредоточенною въ ея нѣдрахъ, и что сія сила, по сущности своей, враждебна святому Христіанству. Потомъ, перешедъ отъ умозрѣнія къ событіямъ, помазанникъ Божій испыталъ, что неудачи прежнихъ лѣтъ и дивныя побѣды новѣйшихъ временъ надлежало приписать не превосходству силъ и искуства въ противоборствѣ, но единственно лучшему направленію общихъ усилій, устремленныхъ не къ разрушенію вещественной Франціи, какъ бывало прежде, но къ искорененію въ ней богопротивнаго начала тьмы. Далѣе Государь, благоговѣя предъ цѣлебною и животворною мощію Христіянской вѣры, видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи единственный залогъ мира, возрожденія и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ. Таковы были любимыя созерцанія высокаго его духа. Зная, чьею силою онъ спасъ Европу отъ конечной гибели, онъ алкалъ упрочить и увѣковѣчить ново-

созданное бытіе народовъ, которые безъ вѣры рано, или поздно, увлекаются къ самоубійству. Удивительно ли, что, при безпрерывной работѣ ума, искавшаго сей вожделѣнной пристани отъ бурь политическихъ, мысли Порфироноснаго друга человѣчества отражались въ другихъ благонамѣренныхъ ревнителяхъ общаго блага? Изъ нихъ не всѣ были озарены равною мудростію; иныхъ я назову даже мечтателями, не отрицая, впрочемъ, чистоты ихъ намѣреній. Къ симъ послѣднимъ принадлежала извѣстная Баронесса Криденеръ — рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ; ибо въ сердцѣ ея горѣла истинная любовь къ ближнему. Въ бесѣдахъ сей знаменитой женщины съ Императоромъ, еще на берегахъ Неккера и по томъ въ Парижѣ, разговоръ невольнымъ образомъ склонялся къ священной цѣли всѣхъ благочестивыхъ желаній — къ славѣ имени Христова и къ освященію союза народовъ его ученіемъ и духомъ. Такимъ образомъ возникъ проектъ братскаго и Христіанскаго союза. Императоръ изволилъ собственноручно начертать его вчернѣ, и нечаянно, утромъ, призвавъ къ себѣ Графа Каподистрію, жившаго со мною въ верхнемъ этажѣ Елизе-Бурбонскаго Дворца, вручилъ ему черновую бумагу и велѣлъ ему просмотрѣть оную, присовокупивъ: «Я не мастеръ вашихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ; прибавьте необходимое, введите лучшій порядокъ мыслей, но сущности ихъ отнюдь не измѣняйте! Это мое дѣло; я началъ и, съ Божіею помощію, довершу.» Каподистрія, вышедъ изъ кабинета Государя, зашелъ ко мнѣ; мы вмѣстѣ читали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ сіи строки, сей драгоцѣнный и вѣрный отпечатокъ души Александра. Хотя трудно было опредѣлить переходъ отъ сей священной теоріи къ дѣйствительнымъ примѣненіямъ, и хотя вся возможность успѣха заключалась въ искренности прочихъ договаривающихся сторонъ, со всѣмъ тѣмъ нами овладѣло сердечное умиленіе. На меня возложили переписку и отдѣлку выраженій сего акта. Но трудясь надъ нимъ, я, не помню по чему, раздѣлилъ его, вмѣсто трехъ, на четыре статьи. Графъ Каподистрія въ тотъ же день представилъ обработанный Проектъ Императору. Всѣ, помѣщенныя въ немъ, оттѣнки и мелочныя перемѣны удостоились полнаго одобренія, кромѣ одного раздѣленія на четыре статьи. По сему проектъ снова былъ переписанъ, сообразно первоначальной троичности, и Его Величество изволилъ оставить у себя сей по-

слѣдній списокъ. На слѣдующій день зиждитель счастія Европы имѣлъ личныя свиданія съ Державными Союзниками своими, Императоромъ Францомъ I и Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, и склонилъ ихъ къ принятію участія въ Трактатѣ; актъ переписанъ рукою Царя Русскаго, подписанъ высокими Союзниками, и въ заключеніе скрѣпленъ своеручно Александромъ I. Событіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ политическихъ!

Симъ необыкновеннымъ ходомъ непосредственныхъ переговоровъ между Монархами Государь желалъ, и надѣялся, утвердить на незыблемомъ основаніи союзъ искренняго братства, который достигъ уже видимой цѣли своей, но которому надлежало простерть вліяніе свое за предѣлы всеобщей войны, чтобы упрочить безопасность вселенной. Въ семъ единодушномъ, торжественномъ, признаніи единой вѣры въ Царя Царствующихъ, и единаго Божественнаго закона его, поставляемаго выше всѣхъ уставовъ земныхъ, въ семъ взаимномъ обѣтѣ блюсти и вкоренять вездѣ священныя заповѣди Небеснаго Законодателя, Христа, и водворять между народами Христіанское братолюбіе, заключалось немаловажное ручательство мира, и если не вѣчное, то, по крайней мѣрѣ, измѣряемое жизнію благонамѣренныхъ Вѣнценосцевъ. Что жь касается до раннихъ и позднихъ плодовъ сего договора, большею частію не дозрѣвшихъ, мы увидимъ въ послѣдствіи различныя превратности и противодѣйствія, коимъ подвергся союзъ, столь чистый и безвредный въ своемъ началѣ. Со дня подписанія враждебно ополчились на него дипломатическое коварство, церковная мнительность и демагогическое своевольство.

Вскорѣ послѣ сего пререкаемаго событія Императоръ отправился обратно въ Россію. Переговоры еще длились нѣкоторое время, но увѣнчались наконецъ блистательнымъ успѣхомъ. Графъ Каподистрія подписалъ знаменитый Парижскій Трактатъ 8 (20 Ноября), 1815 года, со всѣми дополнительными актами. Здѣсь незамѣтны были гибельныя упущенія перваго Парижскаго мира; всѣ статьи ознаменованы были печатію мудрой предусмотрительности прозорливаго ума. Конечно, опытъ минувшихъ бѣдствій много способствовалъ избѣжанію прежнихъ преткновеній, и устраненная отъ совѣщанія торопливость уже не мѣшала доводить каждый предметъ до необходимой степени созрѣнія. Франція со-

хранила цѣлость своихъ границъ съ самыми ничтожными перемѣнами со стороны Швейцаріи и Италіи. Но, въ залогъ еще колеблемаго ея покоя, оставлено 150,000 союзнаго войска въ предѣлахъ Королевства, заняты нѣкоторыя крѣпости, наложена военная контрибуція въ 700 милліоновъ франковъ за издержки, вынужденныя войною. Сверхъ того Франція обязалась платить ежегодно 150 милліоновъ франковъ на содержаніе охранительнаго корпуса и учредить коммиссію для разбора денежныхъ требованій различныхъ Державъ Европейскихъ, искавшихъ вознагражденія убытковъ, причиненныхъ ихъ подданнымъ. Срокъ вооруженнаго пребыванія побѣдителей во Франціи опредѣленъ двоякій, т. е., три года, или пять лѣтъ, смотря по признакамъ тишины и благоустройства, коими Правительству предоставлялось доказать безполезность присутствія иноземной силы. Главное начальство надъ оною и надзоръ за устроеніемъ твердынь Нидерландскихъ возложены были на побѣдителя при Саламанкѣ, Витторіи и Ватерлоо, Герцога Веллингтона, Россійскимъ корпусомъ предводительствовалъ просвѣщенный вельможа и храбрый военачальникъ нашъ, Графъ М. С. Воронцовъ. Оскорбленное сими условіями Французское самолюбіе покорилось, однако жь, съ глухимъ, почти невнятнымъ, ропотомъ приговору неотвратимой судьбы.

Генералъ Поццо ди Борго, оказавшій Россіи важныя услуги, человѣкъ, всегда отличавшійся предъ прочими дипломатами обширностію свѣтлаго, дѣловаго, ума, искуствомъ обращаться съ людьми и съ блистательнымъ краснорѣчіемъ, остался Посланникомъ въ Парижѣ. Ему ввѣрено кормило четверовластной Конференціи, долженствовавшей наблюдать за ходомъ Французскихъ дѣлъ и упреждать всѣ поводы къ несогласіямъ и разрывамъ. Изъ рукъ Статсъ-Секретаря, Графа Каподистріи, принялъ онъ всѣ дѣла, а сей послѣдній, довершивъ подвигъ достохвальный, но многотрудный, отправился, чрезъ Вѣну, въ С.-Петербургъ, гдѣ ожидали его признательность Монарха и новое, необъятное, поприще Государственнаго служенія. Я сопутствовалъ ему, не предвидя, что, спустя пятнадцать лѣтъ, внезапный жестокій ударъ безвременно преторгнетъ жизнь доблестнаго мужа и ускоритъ для него часъ отдохновенія и безсмертія.

Приближаясь къ С.-Петербургу, 16 Генваря, 1816 г., я опередилъ своего начальника, и въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ нашелъ приготовленные для него покои въ томъ самомъ этажѣ, гдѣ нѣкогда помѣщался Государственный Канцлеръ. Императоръ въ тотъ же день изволилъ позвать къ себѣ Графа Каподистрію, выслушалъ его отчетъ о довершенныхъ переговорахъ и о положеніи умиротворенной Европы, и повелѣлъ ему, какъ Статсъ-Секретарю, впредь входить къ себѣ съ докладомъ два раза въ недѣлю, вмѣстѣ съ Старшимъ Статсъ-Секретаремъ, Графомъ Нессельродомъ, которому въ особенности поручено было управленіе Коллегіею. Кромѣ дѣятельнаго, постояннаго, занятія Каподистріи сношеніями и дѣлами собственно политическими, Императору угодно было ввѣрить ему же докладъ по дѣламъ Бессарабской Области, еще не вступившей въ составъ общаго управленія Государственнаго. Въ семъ отношеніи предлежалъ докладчику важный трудъ устроить внутренній порядокъ въ семъ краѣ, столь щедро надѣленномъ природою и, придерживаясь первоначально дарованныхъ оному преимуществъ, оградить и увеличить раждающееся въ немъ благосостояніе и богатство. Таково было обширное поприще разнородныхъ занятій, въ которое введенъ былъ Каподистрія волею познавшаго душу его и оцѣнившаго его способности. Предметы соображеній высшихъ, такъ сказать, тѣснились въ уединенномъ святилищѣ размышленія, въ которомъ преждевременный старецъ, въ лучшіе годы своей жизни, проводилъ цѣлые дни въ трудахъ, не щадя самаго себя, плѣняясь и дорожа исключительно славою Россіи. Въ теченіе 1816 года Франція безпрерывно раздираема была крамолами и буйствомъ мстительныхъ страстей. Съ одной стороны, приверженцы Бурбоновъ, овладѣвъ тогдашними выборами, успѣли составить Палату депутатовъ изъ людей, искренно, или съ умысломъ, пылавшихъ ревностію къ Королевской власти и къ пресловутой законности (légitimité), но ревностію не по разуму. Отъ сего возникли шумныя распри въ Палатахъ и кровавыя схватки почти во всѣхъ городахъ южной Франціи, гдѣ Католики и Реформаты подущаемы были другъ противъ друга. Сіи нелѣпыя явленія изувѣрста прикрывали политическіе виды зачинщиковъ смятеній. Съ другой стороны, либералы или переодѣтые Якобинцы создали строптивную оппозицію, явную, для ежедневныхъ преній съ Министерствомъ, и тайную, сокро-

венно дѣйствовавшую, не только въ Парижѣ, но и во всей Европѣ, дабы умножить число недовольныхъ, привить имъ собственную злонамѣренность и, такимъ образомъ, все приготовить къ ниспроверженію настоящаго порядка дѣлъ. Ненавидя Россію и желая, чего бы то ни стоило, поколебать Дюка де Решилье, возвращеннаго Франціи дружелюбіемъ Александра, либералы, тогда въ первый разъ, подали примѣръ соединенія съ неистовыми Роялистами, для того только, чтобы свергнуть Министерство безпристрастное и благоразумное; и ослѣпленные Роялисты, увлекаясь надеждою схватить кормило правленія, не гнушались союзомъ съ старыми своими злодѣями. Людовикъ XVIII и Министръ его тщетно искали подпоры въ общемъ мнѣніи: его не было; вездѣ пламенѣли безумныя страсти; даже Царственное семейство принадлежало къ безусловной оппозиціи. Столь жалкое и грозное позорище заставляло Императора Александра сомнѣваться въ долговѣчности настоящаго порядка вещей и требовало блительнаго надзора. Въ Италіи еще господствовалъ хаосъ, оставленный въ сей странѣ исполинскими слѣдами Наполеона. Германія кипѣла въ чаду не сбывшихся высокопарныхъ надеждъ, и юношество не преставало мечтать о политическомъ единствѣ. Испанія, теряясь въ распряхъ между стариною и новыми идеями, съ негодованіемъ взирала на отпаденіе Американскихъ областей, споспѣшествуемое Англичанами. Наконецъ Швеція умышленно затрудняласъ въ исполненіи Кильскаго Трактата, и тѣмъ нарушая права Даніи, уже мстившейся Норвегіи, нарушала вмѣстѣ согласіе Державъ и святость договоровъ. Чѣмъ пасмурнѣе казался горизонтъ Европы, тѣмъ ревностнѣе Императоръ старался дать рѣшительный перевѣсъ мирнымъ связямъ, приглашая всѣ Государства къ принятію участія въ Священномъ Союзѣ. Всѣ приступили къ оному, кромѣ Англіи и Папы Римскаго. Сенджемскій Кабинетъ отклонилъ сей союзъ, какъ обязательство необыкновенное, котораго онъ не находилъ средствъ оправдать предъ Парламентомъ. Но Принцъ - Регентъ частнымъ образомъ, по личному, будто бы, убѣжденію, изъявилъ готовность вступить въ Христіянское братство. Что жь касается до Римскаго Двора, Кардиналъ Консальви, именемъ Пія VII, отвергнулъ сей актъ, основываясь на побужденіахъ духовныхъ. Въ немъ Римскій Первосвященникъ видѣлъ соединеніе Христіанскихъ властей внѣ лона Церкви, и по тому, не одобряя на-

чала, хотя произносилъ намѣренія, отрекся всякаго соучастія въ союзѣ. Тщетно Посланникъ нашъ, по волѣ Государя, внушалъ умному Кардиналу и самому Папѣ, что если не въ качествѣ главы Церкви Западной, то, по крайней мѣрѣ, какъ свѣтскій властелинъ, онъ долженствовалъ приступить къ союзу, и могъ сдѣлать сіе безъ зазрѣнія совѣсти. Таковое предложеніе весьма не понравилось Ватиканскому собору: отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, даже въ области отвлеченія, казалось Кардиналамъ опасною уступкою; ибо осязаемое наслѣдіе кичливаго Григорія VII и Иннокентія III, въ глазахъ ихъ, не менѣе преемства Петрова, драгоцѣнно. Ближайшія выгоды Россіи заключались въ разрѣшеніи вопросовъ, оставшихся спорными между нею и Турціею, со времени подписанія Бухарестскаго мира.

Въ 1812 году, Дунайская армія, поспѣшно выступивъ изъ предѣловъ Княжествъ, оставила оныя на произволъ Турковъ. Тогда Оттоманская Порта, предавшись злобнымъ внушеніямъ и совѣтамъ Французскаго Посла, — поколику его внушенія могли согласоваться со страхомъ Россійскаго оружія, глубоко врѣзавшимся въ ея память, — рѣшилась казнить виновниковъ мира, знаменитаго Князя Димитрія Мурузи и меньшаго его брата. Это была избранная жертва, заключеніемъ коей Наполеонъ мечталъ навсегда ужаснуть всѣхъ благородныхъ противниковъ преобладанія его въ Европѣ. Посолъ его неистово требовалъ крови Князей Мурузи, и Султанъ, забывъ, что собственная его тайная переписка съ Княземъ Мурузи оправдывала участіе его въ переговорахъ, повелѣлъ заманить его въ Шумлу къ Верховному Визирю, и тамъ, выходящаго съ почестію изъ Визирской палатки, изрубили вѣроломные въ Октябрѣ 1812 года. Спустя нѣсколько дней, меньшой братъ, Панагіотъ Мурузи, захваченъ и безъ суда казненъ въ Константинополѣ. Онъ, свѣдавъ о убіеніи любимаго брата, не искалъ спасенія въ бѣгствѣ, по тому что не хотѣлъ его пережить. Пролитая имъ гнуснымъ образомъ, по домогательствамъ Франціи, невинная кровь пала на гибнущихъ въ снѣгахъ Французовъ. Въ слѣдъ за симъ безплоднымъ злодѣяніемъ, Турки, замѣтивъ въ народѣ Сербскомъ недовѣрчивость къ условіямъ Трактата и благоразумную медленность въ отложеніи оружія, и не боясь Россіи, ворвались, кровожадными толпами, въ Сербію, въ 1814 году, произвели въ

ней страшныя опустошенія и посадили на колья нѣсколько сотъ взятыхъ въ плѣнъ Князей и воиновъ. Безчеловѣчному торжеству ихъ оружія благопріятствовала мнительная робость Вождя, Георгія Чернаго. Онъ не дерзнулъ сразиться съ врагами, помышлялъ только о спасеніи своихъ сокровищъ, бѣжалъ въ Австрію, и оттуда въ Россію, но нигдѣ звѣрскій мужъ не могъ скрыться отъ гнетущаго его сугубаго проклятія отцеубійства и братоубійства! *

Среди сихъ плачевныхъ неустройствъ, Бухаретскій Трактатъ оставался во многихъ статьяхъ своихъ неисполненнымъ Спорными считались острова, испещряющіе устье Дуная и крѣпости Азіятскихъ береговъ Чернаго моря. Россія, въ отдѣльныхъ секретныхъ статьяхъ, обязалась возвратить сіи крѣпости Оттоманской Портѣ, но наглость ея и нарушеніе ею и клевретами оной преимуществъ и льготъ, дарованныхъ Молдавіи и Валахіи, побуждали наше Правительство медлить сдачею твердынь приморскихъ. Чрезъ нихъ производился гнусный торгъ невольниками обоего пола для наполненія Стамбульскихъ гаремовъ, и чрезъ сіи же мѣста безсильная злоба Турковъ снабжала Горцевъ порохомъ и оружіемъ. Доколѣ длилась славная, всемірная, борьба, расторгнувшая наконецъ узы цѣлой Европы, Императоръ долготерпѣлъ, довольствуясь повтореніемъ внушеній чрезъ посланника, А. Я. Италинскаго, переведеннаго потомъ изъ новаго Рима въ древній. Но при наступленіи весны 1816 года, Государю угодно было, посольствомъ новымъ и выборомъ истиннаго Государственнаго человѣка, достигнуть прочнаго примиренія съ Турціею. Вельможа, одаренный рѣдкимъ умомъ, высокою душею, равнявшеюся его высокому сану, твердостію духа неколебимою, наружностію, вселяющею почтеніе, и щедростью, могущею изумить Мусульманъ, Баронъ, нынѣ Графъ, Григорій Александровичъ Строгановъ, назначенъ былъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ

---

* Я долго почиталъ сіи происшествія выдумками зависти, но Преосвященный Леонтій, Митрополитъ Сербскій, умершій отъ холеры въ Кишиневѣ въ 1831 году, разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія, разсказавъ мнѣ подробно сіи два чудовищныя преступленія Георгія Чернаго. *Соч.*

Однако, Леонтій былъ Грекъ, принадлежавшій къ сторонѣ, постоянно интриговавшей въ Сербіи противъ Сербовъ; и по тому на показанія его нельзя вполнѣ положиться. *О. Б.*

Царьградъ. Все ручалось за успѣхъ ввѣряемаго ему посольства: прежнія заслуги въ Швеціи и преимущественно въ Испаніи, гдѣ, среди смутъ и опасностей, стяжалъ онъ неотъемлемую славу себѣ и Русскому имени. Собственныя его достоинства, опытность и величіе Царя, избавителя Европы, казалось, обѣщали близкую, вѣрную, развязку переговоровъ Важность оныхъ въ полной мѣрѣ постигнулъ Графъ Каподистрія. Трудясь неусыпно надъ составленіемъ инструкцій, онъ, однако жь, увѣренъ былъ, что сила убѣжденія не подѣйствуетъ на Турковъ, и что надлежало подкрѣпить доводы повелительными угрозами, и, не вдаваясь въ безконечное разбирательство взаимныхъ упрековъ, предначертать Султану условія выгоднаго мира. Къ сожалѣнію, мнѣніе Каподистріи, утверждавшееся на глубокомъ познаніи характера и невѣжества Турецкаго, не было принято. Кроткія, миролюбивыя, намѣренія Александра I-го несовмѣстны были съ угрозами и суровостію. Сіи намѣренія и великодушный страхъ нарушить едва возстановленное спокойствіе, одержали верхъ надъ совѣтами прозорливой преданности Каподистріи. Барону Строганову даны наказъ и полномочія, обозначавшія предѣлы его справедливыхъ настояній, съ устраненіемъ всякой угрозы. Ему надлежало восполнить сей недостатокъ личною смѣлостію и собственнымъ вѣсомъ; и если бы онъ назначенъ былъ Посланникомъ къ какому либо Двору Европейскому, умѣвшему цѣнить могущество и снисхожденіе Россіи, то онъ достигъ бы своей цѣли самымъ блистательнымъ обрззомъ. Но ему надлежало убѣдить логикою и ласками Правительство Турецкое 1816 года. Оно, не вѣря побужденіямъ и превратно толкуя умѣренность Императора, приписывало оную истощенію силъ Россіи и сопротивленію Державъ Европейскихъ. Строгановъ, въ сопровожденіи отличнѣйшихъ чиновниковъ, отправился въ Константинополь, поддержалъ среди варваровъ Государственное достоинство, затмилъ всѣхъ завистниковъ Россіи, преодолѣлъ умомъ и постоянствомъ безчисленныя запутанности; годъ за годомъ протекалъ, а Трактатъ не исполнялся, и предчувствія Графа Каподистріи, руководителя сей тернистой негоціяціи, сбылись. Давъ направленіе сей важной отрасли внѣшнихъ сношеній, Императоръ Александръ отправился въ первопрестольный градъ, Москву, коего жители приняли его съ упое-

ніемъ нелицемѣрной, умилительной, радости, вовсе не походившей на шумные восторги, коими народы Европейскіе привыкли обманывать себя и своихъ властителей.* Изъ Москвы Императоръ поѣхалъ въ Варшаву, великодушіемъ его спасенную и возсозданную. Во время его пребыванія въ Польшѣ все предуготовлено было къ открытію народнаго Сейма, воспослѣдовавшему въ Февралѣ 1817 года. На немъ Императоръ и Царь Польскій произнесъ рѣчь, которая произвела въ Кабинетахъ Австрійскомъ и Прусскомъ сильное впечатлѣніе, отнюдь неблагопріятное нашей политикѣ. Союзные Дворы начали опасаться вредныхъ послѣдствій сей рѣчи, относительно тишины ихъ владѣній, возникли объясненія, кои заранѣе предусмотрѣны были Каподистріею, но коихъ онъ не въ силахъ былъ предотвратить. Любя человѣчество, онъ искренно желалъ блага Полякамъ, но желалъ онаго безъ ущерба выгодъ Россіи и не довѣрялъ зрѣлости чувствъ и понятій въ странѣ, гдѣ столь долго гнѣздились вражда противъ Россіи, вліяніе Франціи и духъ мятежнаго непостоянства.

Между тѣмъ во всей Европѣ, вопреки разногласію партій, уваженіе къ высокимъ доблестямъ Александра I-го выказывалось неложными признаками и превозмогало самую зависть. Малѣйшія прѣнія между Державами второстепенными рѣшались не иначе, какъ по безпристрастному приговору Царя-миротворца. Великій Гергоцъ Баденскій угрожаемъ былъ потерею части своихъ владѣній въ пользу Баваріи, и по согласію на то Австріи, превратно истолковавшихъ Трактатъ Франкфуртскій. Въ семъ случаѣ мудрая непреклонность Каподистріи упредила мѣры самоуправныя и доставила Герцогу заступленіе Россіи. Швеція, лаская себя неограниченною благосклонностію Александра, уклонялась отъ распредѣленія Норвежскаго долга во вредъ Даніи. Дабы выиграть время, Стокгольмскій Кабинетъ ссылался на мнимое противленіе Нор-

* По случаю сего происшествія нельзя не вспомнить здѣсь вдохновенныхъ стиховъ Князя Вяземскаго, сочиненныхъ для бюста Александра I го въ Дворянской залѣ:

«Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, алтарь?...
Вселенная, пади предъ нимъ, онъ твой спаситель!
Россія, имъ гордись. онъ сынъ твой, онъ твой Царь!»

вежскаго Стортинга или Сейма. Но пріязнь Россіи, противъ чаянія Швеціи, явилась чуждою всякаго пристрастія, и Кильскій Трактатъ, не взирая на увертки и вымыслы политическіе, постепенно приведенъ въ исполненіе. Давнія несогласія между Великобританіею и Сѣверною Америкою еще длились и затрудняли дѣйствія Гентскаго Договора. Обоюдное желаніе сихъ Державъ избрало посредникомъ Царя Русскаго, да изречетъ онъ судъ правый, и тѣмъ положитъ конецъ продолжительному состязанію. Испанія, терзаемая внутри и извнѣ безразсудностію крамолъ и друзьями коварными, постоянно искала дружбы Россіи и охотно внимала совѣтамъ безкорыстнымъ, хотя и невсегда умѣла ими воспользоваться. Однимъ словомъ, избавитель Европы, блюститель Христіянскаго и братскаго союза, долготерпѣливый сосѣдъ ослѣпленной Турціи, жертвуя частными выгодами всемірной тишинѣ, господствовалъ силою добродѣтели въ умахъ и сердцахъ многихъ, пренебрегалъ завистію нѣкоторыхъ Державъ и, опершись на вѣрную Россію, мирно управлялъ человѣчествомъ до 1819 года, т е., до заключенія Аахенскаго Конгресса. Цѣня ежедневно болѣе заслуги Графа Каподистріи, Императоръ Александръ осыпалъ его знаками чести и въ совѣтахъ его почерпалъ мысли благотворныя, равнявшіяся высокому полету собственныхъ намѣреній и чувствъ.

Возникло жаркое прѣніе о частныхъ денежныхъ требованіяхъ съ Французскаго Правительства, разборъ коихъ, по силѣ Трактата 8 (20) Ноября, 1815 года, подлежалъ сложной Коммиссіи. Члены оной, увлеченные зложелательствомъ къ Франціи, признали на ней долгу болѣе тысячи милліоновъ франковъ: долгъ, по истиннѣ не оплатный, послѣ военной контрибуціи и налога для содержанія охранительныхъ войскъ союзныхъ. Они безъ строгаго изслѣдованія утверждали законность преувеличенныхъ до нелѣпости притязаній различныхъ Европейскихъ общинъ, городовъ и частныхъ людей. Споры, жалобы, Французскаго Министерства, взаимныя колкія возраженія и настоянія, все предвѣщало гибельный разрывъ. Тогда великодушное и мудрое посредничество Россіи спасло Францію и прекратило соблазны самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ умѣ Графа Каподистріи родилась счастливая мысль ввѣрить дружелюбное рѣшеніе сихъ несогласій преимущественно Герцогу Веллингтону. Знаменитый вождь, про-

славившій Великобританское оружіе на твердой землѣ, могъ дѣйствовать свободно и безпристрастно, во первыхъ, по тому, что отечество его было чуждо сихъ притязаній, оградивъ свои выгоды особою предварительною Конвенціею; во вторыхъ, благородный характеръ побѣдителя при Ватерлоо ручался за то, что онъ не иначе приметъ званіе посредника, какъ съ миролюбивыми намѣреніями. Дабы склонить его къ участію въ семъ дѣлѣ, Императоръ изволилъ написать къ нему кабинетное письмо въ выраженіяхъ лестныхъ и убѣдительныхъ. Веллингтонъ, получивъ оное и посовѣтовавшись съ Посломъ Россійскимъ, приступилъ къ трудному подвигу: расторгнулъ множество сѣтей, смягчилъ упорство членовъ Коммиссіи и, опираясь на мнѣніи Кабинетовъ С.-Петербургскаго и Сенджемскаго, успѣлъ, наконецъ, заключить мирный договоръ, по силѣ коего Франція, вмѣсто 1200, обязалась уплатить около 370 милліоновъ франковъ окончательнаго воздаянія за всѣ частные убытки. Симъ способомъ задача рѣшена; разореніе монархической Франціи упреждено и несогласія прекратились. И въ настоящемъ случаѣ быть, а не казаться (esse, non videri) осталось любимымъ правиломъ Царя Русскаго. Творить добро, не ждать благодарности, устранять тщеславіе, дабы вѣрнѣе стяжать истинную славу: такова была система Александра I-го и надежнаго его совѣтника. При всѣхъ Дворахъ Посланники наши, по волѣ Государя, занимали послѣднее мѣсто, не споря ни съ кѣмъ о первенствѣ и не требуя онаго нигдѣ, кромѣ Исторіи. 1-го Октября, 1818 года, Императоръ прибылъ въ Москву, и прожилъ въ сей столицѣ около шести мѣсяцевъ. Графъ Каподистрія находился при немъ. Пребываніе въ Москвѣ ознаменовалось заложеніемъ храма во имя Христа Спасителя, въ исполненіе Царскаго обѣта во дни нашествія просвѣщенныхъ варваровъ на Россію, и воздвиженіемъ прекраснаго памятника Минину и Пожарскому. Сближеніе между собою эпохъ, равно обильныхъ бѣдствіями и славою придавало сугубое величіе симъ торжествамъ народнымъ. Наконецъ пребываніе Императорскаго Дома въ первопрестольномъ градѣ останется вѣчно памятнымъ для Россіянъ; поелику въ Апрѣлѣ 1818 года, среди священныхъ Кремлевскихъ стѣнъ, родился Великій Князь Александръ Николаевичъ, сынъ и наслѣдникъ благополучно цар-

ствующаго въ наши дни Государя Императора, Николая I-го, сія благословенная, много обѣщающая, отрасль избранника Божія.

Среди упражненій мирныхъ и благословенныхъ трудовъ по внутреннему управленію, политика предвѣщала новыя соображенія въ Европѣ. Переговоры съ Турціею казались искушеніемъ умѣренности Россіи и живымъ упрекомъ для постороннихъ искусителей. Въ то же время Франція, волнуемая либералами и Роялистами, приписывала ихъ строптивость и ропоты продолжительному пребыванію иностранныхъ ратей въ ея предѣлахъ. Къ нравственному уничиженію ея присовокуплялось еще истощеніе финансовъ, и Дюкъ де Ришелье смѣло настаивалъ, требуя отозванія охранительнаго корпуса. Его представленія, благосклонно пріемлемыя Россійскимъ Правительствомъ, подвергались рѣзкому противорѣчію и даже производили разномысліе въ другихъ Союзныхъ Кабинетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ искренно противились снятію сторожевой рати; другіе притворно затруднялись въ изъявленіи согласія на то, желая вынудить созваніе Конгресса, благопріятнаго ихъ видамъ. Послѣ долгихъ сношеній и переписокъ, постановлено было съѣхаться Монархамъ союзнымъ въ Аахенѣ, для совѣщанія по сему предмету и для рѣшенія иныхъ, сопряженныхъ съ нимъ, вопросовъ, естественно проистекавшихъ отъ освобожденія Французскихъ владѣній. Со временъ почти баснословныхъ Карла Великаго, древній Аахенъ, въ коемъ все обветшало, кромѣ вѣчно юныхъ цѣлебныхъ водъ его, не видывалъ столь пышнаго съѣзда Державныхъ гостей, царедворцевъ, министровъ, остроумцевъ и странствующихъ рыцарей, впрочемъ, не похожихъ на удальцовъ IX-го столѣтія.

Хотя главная причина созванія Конгресса заключалась въ опредѣленіи будущихъ отношеній Франціи къ союзной Европѣ и въ рѣшеніи задачи: долженствуетъ ли сохраниться четверовластный союзъ, составившійся въ Шатильонѣ, противъ Франціи, или упраздниться, вмѣстѣ съ прекращеніемъ вооруженнаго надзора за нею, но, кромѣ сего, стеклось множество дѣлъ второстепенныхъ, какъ обыкновенно число тяжебъ увеличивается съ открытіемъ верховнаго судилища. Испанія, оскорбленная тайнымъ потворствомъ Англичанъ въ пользу возмутившихся ея колоній, искала въ Конгрессѣ подпоры и всемѣрно старалась не допустить

къ оному самозванцевъ представителей Южной Америки, дерзнувшихъ, подъ щитомъ самодержицы морей, явиться въ окрестностяхъ Аахена. По всей Германіи кипѣлъ духъ мятежа и ропота, возбуждаемый кичeніемъ учености во всѣхъ вмѣстилищахъ высшихъ наукъ. Университеты со всѣмъ вспомогательнымъ войскомъ журналистовъ, профессоровъ и студентовъ, сдѣлались разсадниками не только образованія юношества, но и преобразованія политическаго. Сіе стремленіе усиливалось воспоминаніями подвиговъ 1813 года и какою-то неуютностію всѣхъ состояній; ибо приливъ и отливъ Наполеонова владычества, разстроивъ старое общежитіе и не утвердивъ новаго, оставили за собою въ умахъ волненіе мечтательныхъ надеждъ, чего-то искавшихъ сквозь туманъ сумрачной Нѣмецкой философіи. Итакъ надлежало провозгласить совершеннолѣтіе Монархической Франціи, успокоить владѣтелей и народы Германіи, снова подчинить частные виды Державъ общей цѣли союза Европейскаго, и дать пищу избыточной дѣятельности силъ и умовъ, сохранивъ въ цѣломъ составѣ вожделѣнную тишину и гармонію. Теперь мы станемъ описывать ходъ совѣщаній, обращая вниманіе читателей преимущественно на развязку сего критическаго зрѣлища, на коемъ состязались страсти и люди необыкновенные, и на коемъ рѣзко выказалась эпоха первыхъ отступленій отъ спасительной системы равновѣсія взаимныхъ обязанностей и выгодъ.

Приступомъ къ занятіямъ Полномочныхъ послужило убѣдительное требованіе Дюка де Ришелье вывесть изъ предѣловъ Франціи разноплеменное охранительное войско. Не долго удавалось противникамъ сей мѣры оспаривать справедливость предложенія съ нѣкоторою благовидностію. Трехлѣтній искусъ минулъ, продлить оный еще на два года, по смыслу Парижскаго Трактата, значило бы, какъ утверждали Французскіе Министры, подпирая тронъ Бурбоновъ, потрясти самое основаніе его. Къ сему мнѣнію пристали Графъ Каподистрія, Герцогъ Веллингтонъ и Графъ Поццо ди Борго, и свидѣтельство сихъ послѣднихъ доставило перевѣсъ совѣтамъ благоразумія. По сему постановлено было вывести изъ Франціи чужія войска и признать состояніе ея благонадежнымъ, представляющимъ достаточныя ручательства въ неприкосновенности существующаго въ Европѣ порядка вещей.

Но непосредственно за симъ приговоромъ Державнаго союза возникъ новый, по видимому, теоретическій, праздный, но въ сущности своей практическій, многознаменательный, вопросъ: «быть, или не быть впредь четверовластному союзу Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи, возобновленному въ Вѣнѣ при второмъ появленіи Наполеона Бонопарте»?

Графъ Каподистрія, пріемля въ уваженіе, что Россія, какъ Держава первостепенная, не нуждалась въ союзѣ съ равносильными Державами, но, напротивъ, по независимости и неприступности своей, долженствовала быть заступницею и опорою народовъ менѣе самостоятельныхъ, и вникая въ сущность братскаго и Христіянскаго союза, какъ печати общаго Правительствъ единенія, основаннаго на равенствѣ правъ и взаимномъ дружелюбіи, усматривалъ пользу Россіи и благо человѣчества въ расторженіи всякой исключительной связи Державъ перваго разряда. Желая поддержать свое мнѣніе доводами Логики здравой и непреоборимой, онъ, со сроднымъ ему краснорѣчіемъ, утверждалъ, предъ Государемъ и въ засѣданіяхъ Полномочныхъ, что четверовластный союзъ (la quadruple Alliance), составившійся противъ Наполеона и Франціи, утратилъ свое значеніе, со дня освобожденія ея отъ вооруженнаго надзора; что этотъ союзъ, достигнувъ своей цѣли, самъ собою упразднился, и что возобновить его, безъ гласной, опредѣленной, меты, значило бы ослаблять узы общаго Европейскаго соединенія, возбудить справедливыя опасенія народовъ безсильныхъ; однимъ словомъ, вводить въ политическую систему какую-то пагубную, самовластную, и по тому ненавистную всѣмъ, Олигархію. Пруссія, Австрія и даже Великобританія не безъ причины настаивали на семъ опровергаемомъ соображеніи; онѣ находили свои выгоды въ томъ, чтобы опираться на Россійское могущество и, опутавъ оное золотою цѣпью, безъ всякой взаимности, отдѣлить насъ отъ всего міра и обезпечить себя противъ нашего превосходства. Таковы были гласные доводы и тайныя разсужденія, коими вѣрный совѣтникъ и слуга Царскій старался отклонить небезкорыстныя домогательства нашихъ союзниковъ. Противоборцы его, Князь Меттернихъ, Бернсторфъ, Кастльри и вся Дипломатическая братія, покушались опровергнуть его мысли, внушая безпрестанно, что еще рано полагаться на Французское Правитель-

ство, что духъ возмущенія еще обнаруживался въ Германіи, и наконецъ, что вездѣ, въ Европѣ и Америкѣ, одно страшилище четверовластнаго союза можетъ оградить общую тишину и укротить волнующіяся стихіи революціи. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ сихъ не искреннихъ возраженіяхъ заключалось много благовидности. Но прѣніе длилось не о томъ, какъ безопаснѣе обуздать революцію; нѣтъ, Полномочные, не сознаваясь въ тайныхъ помыслахъ, спорили о возможности связать, или развязать, Россію относительно къ будущимъ ея предпріятіямъ. Наконецъ большинство голосовъ, ободренное великодушнымъ безстрашіемъ Александра I, превозмогло: положено было возобновить союзъ четырехъ Державъ, и мнѣніе Каподистріи уступило не убѣжденію разсудка, но одной необходимости. Едва успѣли согласиться въ семъ, какъ несообразность рѣшенія съ цѣлію вполнѣ обнаружилась. Ибо Франція, примиренная съ Европою, тогда же начала требовать себѣ мѣста и участія въ союзѣ: искательство справедливое, какъ выводъ первой декларацiи, но вмѣстѣ и нелѣпое, если допустимъ, что союзъ сохранялъ первоначальную цѣль свою, т. е., надзоръ за Франціею и общую противъ ней оборону. Впрочемъ, сіе разительное противорѣчіе ни мало не остановило поборниковъ четверовластнаго союза. Всѣ изъявили согласіе на предложеніе Министровъ Людовика: квадратъ сдѣлался пятистороннникомъ, и Шатильонскій Трактатъ увѣковѣченъ, въ видѣ совершенно новомъ. Надлежало обнародовать оный приличнымъ образомъ. Знаменитый политикъ Генцъ сочинилъ декларацію, въ которой, между прочимъ, сказано, что всѣ безъ различія Державы Европейскія составляютъ единый союзъ, основанный на законахъ правоты и Вѣры Христіянской; но дабы соблюсти въ сопряженіи ихъ порядокъ историческій, и дабы объему сего союза дать надежное средоточіе, Великобританія, Австрія, Пруссія и Росссія признали за благо возобновить коренной Шатильонскій Договоръ, послужившій нѣкогда оплотомъ противъ навѣтовъ Наполеонова властолюбія. Раскрасивъ такимъ образомъ и оттѣнивъ искусно чертежъ новой политической системы, принятой въ Аахенѣ, Конференція, вопреки внушеніямъ Англійскихъ агентовъ, рѣшила не допускать къ Конгрессу представителей Южной Америки, мимоходомъ занялась разборомъ безплодныхъ Лондонскихъ

совѣщаній о торгѣ неграми, обузданіи Варварійцевъ, * и спѣшно обратилась къ разсмотрѣнію Германскихъ дѣлъ.

Выше сего показаны главныя причины безпокойства и броженія умовъ въ ученыхъ сословіяхъ Германскаго Союза. Доколѣ существовала Германо-Римская Имперія, все еще сохранялась надежда постепеннаго приведенія племенъ Германскихъ въ единство, или, по крайней мѣрѣ, двойственнаго ихъ раздѣленія, подъ скипетрами Австрійскимъ и Прусскимъ. Но Французская революція разрушила ветхое зданіе многосложной Имперіи, и Наполеонъ, для обузданія Австріи и Пруссіи, создалъ Рейнскій Союзъ, подручный его мечу, и ввелъ въ оный слабыхъ владѣтельныхъ Князей приманкою жалуемаго имъ Королевскаго сана. Страсть Германцевъ къ отвлеченностямъ и мечтательнымъ теоріямъ обманула практическій умъ Наполеона. Онъ забылъ, или не замѣтилъ, что высшія училища, находившіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ бытомъ гражданскимъ, готовили ему противниковъ, и что мелкопомѣстные Князья, выведенные волею его въ Вѣнценосцы, болѣе прежняго тяготѣютъ надъ своими подданными, и по тому, рано, или поздно, будутъ ненавидимы. На каждомъ шагу обзаведены пышные дворцы, увеличены налоги, набраны войска для служенія міродержцу, вовсе несоразмѣрныя съ способами каждаго владѣнія, и, наконецъ, по образцу Наполеоновой системы, число орудій внутренняго управленія возрасло въ каждомъ городкѣ и подавило общее благосостояніе. Пренебреженная Наполеономъ, Нѣмецкая народность воспрянула при первой превратности судьбы. Всѣ Германцы, отъ мала до велика, бросились на кичливаго покровителя и довершили его паденіе

* Нельзя было сдружиться понятіями въ сей важной задачѣ. Императоръ Александръ неоднократно предлагалъ Англіи составить общее ополченіе противъ морскихъ разбойниковъ, и для чести Христіанъ и блага человѣчества, нанести Африканскимъ хищникамъ сокрушительный ударъ, овладѣвъ навсегда гнѣздомъ разбоевъ. Англія упорно отвергала сію спасительную мысль, домогаясь единственно составленія постоянной крейсировки на Средиземномъ морѣ, подъ главнымъ ея начальствомъ. Это невольно напоминаетъ безпристрастному наблюдателю Турецкихъ переписчиковъ, буйно востающихъ противъ Правительства, лишь только умники, любимцы Султана, заговорятъ о введеніи книгопечатанія.

подъ знаменами Россійскими и Прусскими. Вѣнскій Конгрессъ не могъ удовлетворить ожиданіямъ упоенныхъ своими успѣхами Германцевъ. Союзъ владѣтелей все еще состоялъ изъ 37 Королевскихъ и Княжескихъ домовъ, отъ Императора до Князей Рейсъ, получившихъ право политической независимости. Столь чрезмѣрное раздробленіе, стѣснявшее внутреннія сношенія торговли и промышленности, не нравилось простому народу, и духъ либерализма, пробудившійся во Франціи съ паденіемъ Наполеона, въ то же время овладѣлъ Университетами Германіи, утвердивъ тайное сообщество съ недовольными всѣхъ странъ Европы. Наставники и писатели внушали молодымъ людямъ, возвратившимся изъ похода, что они напрасно проливали кровь драгоцѣнную, заслуги ихъ не уважены и отечество утратило случай къ возрожденію. Далѣе, простирая ядовитые уроки, они поселяли въ умахъ увѣренность въ томъ, что «всѣ средства, даже самыя преступныя, позволительны для благой цѣли, что выспренніе замыслы оправдываютъ всѣ роды беззаконій, и даже вѣроломное убійство». Симъ гнуснымъ ученіемъ ожесточивъ сердца и изостривъ кинжалы юныхъ безумцевъ, лжемудрые наставники, подобные Фолленіусу, Деветту, Лудену и ихъ единомышленникамъ, готовили вездѣ сильное потрясеніе, изъ коего долженствовало возникнуть ихъ первенство въ общежитіи. На пути изъ Россіи въ Аахенъ, я имѣлъ много случаевъ усмотрѣть и извѣдать направленіе умовъ въ странахъ, коихъ словесность и политическія связи мнѣ были извѣстны. Исполняя долгъ присяги и службы, я представилъ Государю замѣчанія о внутреннемъ положеніи Германіи. Его Величеству угодно было повелѣть, чтобы изъ сихъ замѣчаній составилась подробная записка, для сообщенія Полномочнымъ Дворовъ Германскихъ. Начальники мои, затрудняясь огромностію разнородныхъ переписокъ, приказали напечатать эту записку въ числѣ 50 экземпляровъ, чтобы скорѣе передать мысли нашего Кабинета прочимъ Министрамъ. Они были приняты почти безъ возраженія Дворами Австрійскимъ и Прусскимъ. Нельзя было оспаривать истины замѣчаній, внушенныхъ благонамѣренностію и желаніемъ общаго спокойствія. Тогда же постановлены были предварительныя мѣры къ обузданію своевольства высшихъ училищъ и къ ограниченію наглой свободы періодическаго изданія

журналовъ. Но часть записки, въ коей вѣрными чертами обличались злоупотребленія и тягости системы Наполеона, вережившей въ Германіи своего основателя, сія часть не менѣе важная, оставлена безъ должнаго вниманія и разбора. Какъ бы то ни было, бдительность властей была возбуждена и малодушіе нѣкоторыхъ ободрилось. Начались совѣщанія о возможномъ предотвращеніи опасностей, грозившихъ настоящему порядку вещей. Всѣ уразумѣли, что скорѣе землетрясеніе и буря низлагаютъ твердыя зданія, нежели сильнѣйшіе удары грубаго вещества, и что нѣтъ плотины, могущей устоять противъ порывовъ воздымающагося потока, если не заградится источникъ его. Между тѣмъ печатная записка, отъ неосторожности нѣкоторыхъ подчиненныхъ, начала ходить по рукамъ, зашла въ Лондонъ, сдѣлалась добычею издателя Таймса и спѣшно перепечатана была вторымъ поддѣльнымъ изданіемъ въ Брюсселѣ, съ именемъ писателя, по ничтожнымъ денежнымъ разсчетамъ одного Прусскаго чиновника, промышлявшаго новостями политическими. Сія безвременная огласка тотчасъ вооружила противъ сочинителя весь брюзгливый рой журналистовъ Германскихъ. Тайно страшась вліянія Россіи, но не дерзая коснуться Главы, вѣнчанной славою и могуществомъ, всѣ они зажужжали въ одинъ ладъ на писателя. Клеветы, ругательства, превратные толки, неумѣстныя личности, посыпались градомъ на Русскаго чиновника, исполнившаго долгъ свой. Корифеи ученой секты не безъ умысла нападали на частное лице; ибо имъ хотѣлось разсѣять испугъ миролюбивой публики и умалить въ глазахъ ихъ важность записки, будто бы заключавшей не мнѣніе Александра I-го, но образъ мыслей частнаго безсильнаго порицателя Германскаго имени.

Засѣданія Конгресса закрылись; Монархи и Полномочные разъѣхались; Императоръ Александръ, посѣтивъ Людовика XVIII въ Парижѣ, оттуда изволилъ отправиться, чрезъ Вѣну, въ Россію. Но волненіе умовъ въ Сѣверной Германіи, произведенное Аахенскою запискою (Mémoire sur l'état présent de l'Allemagne), все еще не прекращалось. Вышелъ въ свѣтъ Нѣмецкій переводъ сей записки, и вопли раздраженныхъ демагоговъ оглашали высшія училища и частныя бесѣды. Извѣстный остроуміемъ своимъ и драматическими сочиненіями, плодовитый, сатирическій, писатель,

Коцебу, принадлежавшій Россіи по подданству и чину своему, осмѣлился помѣстить въ издаваемомъ имъ литературномъ журналѣ не болѣе четырехъ строкъ, коими онъ обличалъ нелѣпость выходокъ и нападеній на сочинителя такой записки, которая составлена по волѣ Державы первостепенной. Едва Коцебу успѣлъ издать сіе основательное опроверженіе всѣхъ, съ умысломъ разсѣваемыхъ, ложныхъ толковъ, какъ смерть его рѣшена была въ совѣтѣ буйныхъ крамольниковъ. Давно ученая братія мѣтила на него, какъ на опаснаго противника. Давно мятежные журналисты искали случая погубить его по тому только, что онъ удачнѣе всѣхъ ихъ умѣлъ поражать насмѣшками своихъ соперниковъ и принудить ихъ къ безмолвію, оскорбительному для самолюбія. Нашелся студентъ, по имени Зандъ, безсмысленный ревнитель внушенныхъ ему преступныхъ ученій. Въ Іенѣ тайное скопище развратителей юношества раздало три кинжала, съ наказомъ умертвить ими старца Коцебу, профессора Шмальца и меня. Два ученика того же разсадника просвѣщенія, въ то самое время письменно вызывали меня на поединокъ; вызовъ ихъ не засталъ меня въ Веймарѣ; я уѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы въ семъ послѣднемъ городѣ ввѣрить пользованіе крайне ослабѣвшаго зрѣнія моего знаменитому врачу глазныхъ болѣзней. Настали весеннія вакансіи; молодежь разбѣжалась по окрестнымъ городамъ, домогаясь славы презрѣнныхъ убійцъ и вводя, по наказу мудрыхъ наставниковъ, совершенно новую систему кинжальной цензуры. Одинъ только Зандъ выполнилъ данное ему порученіе. Онъ является къ Коцебу, доживавшему вѣкъ свой въ Мангеймѣ, велитъ доложить о себѣ, что онъ прибылъ съ письмомъ къ нему изъ Веймара, и желаетъ подать оное въ собственныя его руки: Коцебу, съ довѣренностію души незлобной, выходитъ на встрѣчу къ незнакомцу; злодѣй вручаетъ ему роковой листъ, и въ тотъ же мигъ вонзаетъ въ грудь читающаго острый, длинный, ножъ.

Гнусное злодѣяніе свершилось; обреченная жертва испустила послѣдній вздохъ; убійца обратился въ бѣгство, но увидѣвъ, что шумная толпа обступила его, онъ ранилъ себя завѣтнымъ кинжаломъ и упалъ безъ чувствъ въ руки земнаго правосудія. Не упоминая здѣсь подробно о покушеніяхъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми для спасенія Занда, и объ изданныхъ статьяхъ въ оправ-

даніе его злодѣйства, я заключу повѣствованіе о неустройствахъ Германіи, сказавъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ. Нѣкто Лёнингъ, подражатель Занда, посягнулъ на жизнь Нассавскаго Президента, Ибеля, но убійство не удалось. Безумецъ ворвался въ кабинетъ Президента, не мѣтко ударилъ его ножемъ, и Г. Ибель, человѣкъ въ полнотѣ силъ и присутствія духа, обезоружилъ клеврета безбожныхъ возмутителей.

Убѣдясь сими горестными признаками обширнаго заговора въ необходимости положить, хотя на время, предѣлъ изступленію своевольства, Правительства Германскія единодушно приняли строгія мѣры къ обузданію навѣтниковъ общественной безопасности. Всѣ промышленники по части наукъ и періодическаго изданія журналовъ, вмѣстѣ съ студентами, подчинены были надзору, цензурѣ и полицейскимъ постановленіямъ, кои введены были по всѣмъ Университетамъ.

Статсъ-Секретарь Графъ Каподистрія, пробывъ нѣсколько въ Минхенѣ, для устраненія препятствій, замедлявшихъ окончаніе Баденскихъ дѣлъ, пріѣхалъ въ Вѣну, и тамъ испросилъ позволеніе отлучиться въ отпускъ для послѣдняго свиданія съ престарѣлымъ отцемъ и родными подъ отечественнымъ небомъ Іоніи. Императоръ, давно обѣщавъ ему сію милость, внялъ просьбѣ его и отпустилъ на время вѣрнаго совѣтника съ изъявленіемъ лестнаго сожалѣнія и живѣйшаго въ немъ участія. Не возможно было не почтить сыновней любви, которая влекла человѣка Государственнаго далеко отъ наслажденій честолюбія и высокаго сана въ уединенный островъ, подъ кровъ дряхлаго родителя, гдѣ ожидали его душевныя скорби, въ замѣнъ минутной, ничѣмъ не отравленной, радости. И подлинно, Каподистрія зналъ, что онъ подвергнется тяжкому искушенію, жалобамъ и даже укоризнамъ большей части своихъ единоземцевъ. Всѣ, кромѣ малочисленныхъ приверженцевъ Англійскаго колоніяльнаго правленія, взирали съ негодованіемъ на суровую власть Англичанъ, проклинали ихъ покровительство и винили Каподистрію за то, что онъ подписалъ въ Парижѣ Трактатъ, коимъ Семь Островов усвоены были Великобританіи. Трудно было разувѣрить и успокоить раздраженныхъ жителей Іоническихъ островов, и еще труднѣе оправдать участіе знаменитаго ихъ соотечественника въ политическомъ соображе-

ніи, уничтожившемъ не только народную самобытность, но и всѣ питавшія ихъ дотолѣ надежды. Дабы обнаружить несправедливость обвиненій, тяготѣвшихъ на сердцѣ Каподистріи, надобно было обвинить другихъ, раскрыть предъ ними весь ходъ происшествій, кои сдѣлали развязку сію неизбѣжною. Въ продолженіе Вѣнскаго Конгресса неоднократно возникалъ вопросъ: какимъ образомъ устроить участь Семи Острововъ Адріатическаго моря? Изъ оныхъ шесть острововъ завоеваны были Англичанами, во время всемірной борьбы. Въ одной крѣпости Корфійской, славной своею неприступностію, держался Французскій гарнизонъ, и наконецъ сдалъ оную Европейскому Союзу, пріобрѣтшему право располагать однимъ островомъ Корфу. Россія, утверждаясь на опытѣ минувшихъ превратностей, отказывалась отъ покровительства, затрудняемаго чрезмѣрнымъ разстояніемъ мѣстъ. Не было причины покорить сію страну Австріи по тому только, что владычество ея простерлось на древнюю, гордую, Венецію. Среди сего мучительнаго недоумѣнія, нѣкоторые предложили водворить въ Семи Островахъ рыцарскій, древле воинственный, орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ замѣнъ Мальтійской скалы, не менѣе драгоцѣнной для Сенджемскаго Кабинета, какъ и самый Гибральтаръ. Каподистрія всемѣрно старался осуществить сію мысль, и дабы вѣрнѣе отклонить всѣ неудобства, предлагалъ попеременное, очередное, избраніе въ Магистры Ордена кандидата Православнаго и Римско-Католическаго, надѣясь тѣмъ уравновѣсить вліяніе Церквей и оградить духовную свододу коренныхъ жителей, исповѣдующихъ Православную вѣру. Вожделѣнное равенство сіе не было одобрено; противъ онаго ополчилась Западная надменность, которую еще въ пятомъ столѣтіи обличилъ Василій Великій. Оставалось одно возможное соображеніе, по тому что близость Турціи и злокозненное сосѣдство мощнаго Али-Паши угрожали независимости безсильной Республики. Стеченіе обстоятельствъ указывало на самодержицу морей, какъ на природную, ближайшую, покровительницу Острововъ, коихъ большая часть занята была ея войсками.

Графъ Каподистрія, среди кораблекрушенія всѣхъ надеждъ, коими долго ласкалось сердце, пылавшее любовію къ отечеству, ухватился за послѣдній обломокъ. Положась на высокое просвѣ-

щеніе и человѣколюбивыя правила членовъ Англійскаго Министерства, онъ приступилъ, по волѣ Императора, къ переговорамъ и заключилъ трактатъ, условіями коего сколько возможно, оградилъ народное бытіе, права и благосостояніе роднаго края подъ щитомъ Великобританіи. Договоръ подписанъ былъ въ Парижѣ 1815 года. Съ того времени протекло три года, и хотя наружное благоустройство возстановилось на Семи Островахъ, но выборъ Лорда Верховнаго Коммиссара, и общее направленіе распоряженій Правительства доказали, что Англія дѣйствуетъ самовластно, стѣсняетъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ благодарности къ Россіи; однимъ словомъ, новая Іонія, сверхъ всякаго чаянія, подпадала подъ яремъ системы колоніяльной. Появленіе въ Корфу Графа Каподистріи возбудило въ единоземцахъ его чувствованія досады и горести, а во властителяхъ иноземныхъ — сугубыя опасенія и подозрѣнія несправедливыя. Все напоминало первымъ объ утраченныхъ надеждахъ, а послѣднимъ — о возможности будущихъ частныхъ сопротивленій. Управленіе Сиръ Томаса Майтланда, пренебрегавшаго ненавистію туземцевъ, погрузило Каподистрію въ глубокое, безотрадное, уныніе; ибо онъ зналъ, сколь безполезно утѣшать недужнаго изложеніемъ истинныхъ причинъ его болѣзни, когда нѣтъ средствъ къ будущему исцѣленію. Мудрое безпристрастіе убѣждало его въ томъ, что ропотъ и жалобы Іонійцевъ нѣсколько преувеличены пылкостію воображенія полуденнаго; но онъ читалъ нѣмой упрекъ во взорахъ отца, братьевъ и родныхъ: онъ не могъ надѣяться смягчить непреклонность и вразумить превратную политику Англійскаго Министерства: и пребываніе его въ отеческомъ домѣ возмущалось скорбною думою. Время улетало; настал день разлуки съ осьмидесятилѣтнимъ родителемъ; сердце добраго сына, мужественнаго страдальца, сокрушилось подъ тяжестію болѣзненныхъ ощущеній, какія только смертный въ состояніи перенести. Онъ смирилъ себя подъ руку Всевышняго, получилъ отцовское благословеніе и, съ теплою молитвою поклонясь дивнымъ мощамъ Спиридона Чудотворца, сѣлъ на корабль и отплылъ къ берегамъ мятежной Европы. Нынѣ тѣло его почіетъ возлѣ могилы родительской; останки великаго труженика нашли въ родной землѣ тихое пристанище. Объѣхавъ часть Италіи, Францію, Англію и Данію, Графъ Каподистрія высаженъ былъ Россійскимъ фрегатомъ въ Данцигѣ, откуда поспѣшилъ

явиться къ Императору въ Варшаву. Императоръ принялъ его съ изъявленіемъ неизмѣнной благосклонности и выслушалъ всѣ подробности путешествія его по Европѣ, которое было предпринято и довершено не безъ пользы для Государства. Лишь въ одномъ усиліи смягчить суровую политику Лондонскаго Двора относительно къ своей родинѣ Каподистрія не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Онъ излилъ предъ Александромъ I-мъ чувствованія сердечной горести, молилъ его о державномъ ходатайствѣ за Іонію, изобразилъ живыми красками волненіе умовъ, день отъ дня возрастающее въ Греціи, и критическія, зловѣщія, сношенія Оттоманской Порты съ коварнымъ Али-Пашею Албанскимъ, и не скрылъ отъ Государя необходимости положить конецъ переговорамъ съ Портою и улучшить участь подвластныхъ ей Христіянъ, не дожидаясь новыхъ смутъ въ Западной Европѣ, кои становились болѣе и болѣе правдоподобными.

И подлинно, все предвѣщало гибельныя, многоразличныя, нарушенія общаго спокойствія въ Европѣ, для сохраненія коего мудрый Государь не преставалъ жертвовать частными своими выгодами. Тщетно безкорыстная политика стремилась къ примиренію противныхъ партій; безъ пользы старались Посланники наши вразумить ослѣпленныя Правительства и отвлечь либераловъ отъ постояннаго злоумышленія. Главные Кабинеты, превратно толкуя Священный Союзъ, искали въ немъ подпоры для самовластія, отвергая высокую, Христіянскую, цѣль онаго. А противники Монархической власти гнушались симъ Союзомъ, какъ грознымъ страшилищемъ, нагло порицали намѣренія основателей онаго, и въ имени Христа находили, по внутреннему побужденію, не краеугольный камень зданія политическаго, но камень претыканія и соблазна. Сіи-то обстоятельства Каподистрія сближалъ съ критическимъ положеніемъ Востока. Онъ и въ Варшавѣ, а послѣ того въ С.-Петербургѣ, часто излагалъ предъ Царемъ-миротворцемъ мысли, внушенныя зоркимъ наблюденіемъ и искреннимъ желаніемъ добра. Медленный ходъ переговоровъ Константинопольскихъ тревожилъ его дальновидность. Ибо возвратясь изъ Корфу, онъ съ увѣренностію очевидца описалъ чрезмѣрное безпокойство Христіянъ, отчаяніе многихъ и близость ужаснаго разраженія. Всѣ надѣялись на разрывъ между Россіею и Портою,

по тому что, не постигая долготерпѣнія Царя Русскаго, приписывали отлагательства тайному намѣренію Россіи увѣковѣчить препятствія къ заключенію твердаго мира. Къ симъ догадкамъ присовокупились и другіе случаи, кои народное мнѣніе на Востокѣ превратно изъясняло, въ подкрѣпленіе обманчивыхъ надеждъ. Англійское Правительство, желая угодить Али-Пашѣ, рѣшилось уступить ему приморскій городъ Паргу, оставшійся въ распоряженіи Іонической Республики. Забывъ долгъ братолюбія къ Христіянамъ и не внемля справедливому нареканію всего человѣчества, Сиръ Томасъ Майтландъ заключилъ съ Турками постыдную конвенцію, по силѣ коей жители Парги обязывались, къ условленному сроку, разстаться съ своими жилищами, храмами и могилами предковъ и отбыть въ вѣчное изгнаніе. Турки взаимно обѣщали заплатить по оцѣнкѣ, совершенно произвольной, опредѣленную сумму денегъ, принявъ ключи безлюднаго города изъ рукъ Англійскаго полководца: какъ будто возможно дать что-либо въ замѣнъ святой родины безсильному народу, отторгаемому отъ ней по прихоти, какъ вѣтвистое дерево отдѣляется отъ своего древняго корня! Упреждая сію горестную крайность, многіе Паргіоты и, почти въ одно время, множество Славянъ-Черногорцевъ съ семействами своими просили убѣжища въ южной Россіи. Нѣсколько сотъ Черногорцевъ, не дождавшись отвѣта, сѣли на суда съ женами и дѣтьми и прибыли въ проливъ Константинопольскій. Императоръ Александръ не призналъ удобнымъ внять просьбѣ сихъ несчастныхъ, дабы врагамъ Россіи не подать повода къ новымъ обвиненіямъ въ умышленномъ возмущеніи народовъ Восточныхъ, и дабы таковымъ примѣромъ не умножить до безконечности числа выходцевъ. Сія, по видимому, строгая неумолимость много стоила сострадательной душѣ Александра. Странники, щедро одаренные Посломъ Россійскимъ, принуждены были отплыть обратно къ берегамъ отчизны, а Паргіоты, лишенные послѣдней надежды, тѣмъ непреклоннѣе устояли въ единодушной рѣшимости, не покориться душегубцу, Али-Пашѣ, но покинуть навсегда родной край, вырывъ изъ земли кости предковъ, кровныхъ и дѣтей своихъ, и съ сими останками разсѣяться по лицу земному. Политическое святотатство свершилось; Англійскія войска хладнокровно сдали Епирскому властелину голыя, опустѣвшія, безмолвныя, стѣны Парги: жители высажены были

на ближайшіе острова; видъ безпріютныхъ произвелъ всеобщее омерзѣніе къ виновникамъ ихъ злополучія. Но бѣдствія Христіянъ тѣмъ еще не кончились. Полки храбрыхъ Румеліотовъ, набранные въ 1800 году Русскимъ Генераломъ Попандопуло, * послѣ Тильзитскаго мира, отчасти перешли во Французскую службу и наконецъ поступили въ ряды набранныхъ Англіею войскъ иностранныхъ. Ихъ размѣстили въ Мальтѣ и на Семи Островахъ. Около сего времени Лордъ Верховный Коммиссаръ вздумалъ распустить сонмы пришельцевъ бездомныхъ и предать ихъ въ жертву праздности, нищетѣ и отчаянію. Столь жестокіе удары, нанесеные бытію, правамъ и навыкамъ цѣлаго поколѣнія людей, гонимыхъ судьбою и Турками, истощили терпѣніе простыхъ Грековъ, лишили ихъ всякой отрады и естественнымъ образомъ принудили искать спасенія въ безвременномъ возстаніи всенародномъ. Въ Россіи не было для нихъ пристанища, какъ во время Екатерины Великой; Англичане отталкивали отъ себя изгнанниковъ съ презрѣніемъ; воинственные удальцы, свидѣтели паденія Парги, съ остервенѣніемъ въ душѣ, разбрелись по всей Греціи, начальники ихъ передали свои чувства мирнымъ жителямъ, и плѣнили умы ихъ ложными, но вѣроятными, слухами. Тогда затеплились искры мятежа въ каждомъ селеніи, въ каждомъ ущельѣ. Не доставало только бурнаго порыва съ Западной стороны, чтобы раздуть пламя необъятнаго пожара въ Европѣ и Азіи. Каподистрія, не обинуясь, указалъ на сіи происшествія и на неизбѣжную послѣдовательность каждаго звена неразрывной цѣпи. Желая, сколько возможно, облегчить горестную участь внезапно распущенныхъ Румеліотскихъ воиновъ, Императоръ поручилъ ему открыть сношенія съ Неаполитанскимъ Дворомъ и всемѣрно склонить оный къ возстановленію Македонскихъ баталіоновъ, издревле существовавшихъ въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Сіе домогательсво имѣло цѣлію доставить храбрымъ, безпокойнымъ, изгнанникамъ способы къ сродному имъ образу жизни, и тѣмъ самымъ отвлечь ихъ отъ предпріятій отчаянныхъ. Со всѣмъ тѣмъ переговоры оставались безуспѣшными; вниманіе Монарха обратилось на мрачныя предзнаменованія близкихъ потрясеній въ Европѣ; Оттоманская Порта придерживалась системы закоснѣнія и

* Онъ былъ убитъ въ 1810 году на Рущуцкомъ приступѣ.

упорства; зловѣщія предчувствія и благородныя усилія Графа Каподистріи не въ состояніи были отвратить искушеній и напастей, предуставленныхъ въ совѣтахъ неизслѣдимаго Промысла Божія. Насталъ обильный крамолами 1820 годъ. Первый ударъ поколебалъ Испанію. Всѣ приверженцы конституціи 1809 года, члены Кортесовъ, ополчившихся противъ Наполеона, во время плѣна Короля Фердинанда VII, составили обширный заговоръ, клонившійся къ ограниченію Монархической власти. Надѣясь на шайку зажигателей, водворенную въ Парижѣ и Лондонѣ, и злобясь на слабое Правительство за то, что оно нѣкоторыхъ сослало, а прочихъ не допускало къ должностямъ, Испанскіе либералы предначертали въ столицѣ внезапный бунтъ, коему долженствовали способствовать военачальники Квирога и Ріего съ горстію обольщенныхъ воиновъ. Извѣдавъ единодушное отвращеніе Испанскаго народа къ нововведеніямъ, зачинщики мятежа вознамѣрились изумить Короля и мирную толпу гражданъ быстрою отважностію нападеній. И смѣлыя соображенія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Они осадили дворецъ, овладѣли особою Фердинанда и вынудили у него согласіе на провозглашеніе конституціи Кадикской. Неудивительно, что малодушіе Монарха обезоружило защитниковъ Престола. Все смолкло въ Испаніи, порабощаемой именемъ свободы; и Фердинандъ VII, избравъ Министровъ, угодныхъ господствующей партіи, поспѣшилъ увѣдомить прочія Державы Европейскія о совершившейся въ его Государствѣ перемѣнѣ коренныхъ законовъ и образа правленія, приглашая союзниковъ своихъ къ одобрительному признанію сего неожиданнаго переворота.

Какъ въ семъ случаѣ не оплакивать гибельнаго отступленія отъ стези здравой политики, коему предались почти всѣ первостепенныя Державы, кромѣ одной Россіи? Потомство съ трудомъ повѣритъ, что Австрія, Франція и Пруссія услышали сей трубный гласъ съ притворною холодностію и съ неизъяснимымъ равнодушіемъ. Онѣ отвѣтствовали поздравленіями Державному узнику и изъявили согласіе и удовольствіе, какъ бы не постигая, что съ симъ происшествіемъ ожила Французская революція, вызывающая на послѣднее единоборство наслѣдственную власть всѣхъ Царей земныхъ. Примѣръ робости, или ослѣпленія, данный

первыми Дворами Европейскими, одушевилъ вездѣ наглую предпріимчивость возмутителей. Ибо Испанская конституція, начертанная людьми, не внимавшими наставленіямъ исторіи и опытности, носила отпечатокъ необузданности; въ сравненіи съ нею Англійскіе уставы и Французская хатрія казались твореніемъ самовластія. Кортесы лишили Королевскую власть всѣхъ неотъемлемыхъ ея преимуществъ. По ихъ конституціи проекты новыхъ учрежденій получили законную силу безъ Королевскаго утвержденія, по настоянію Государственныхъ Чиновъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Безсмѣнная депутація, во время отсутствія Кортесовъ, долженствовала наблюдать за всѣми дѣйствіями Правительства. Союзные и торговые договоры съ иностранными народами, заключенные безъ соизволенія Кортесовъ, признаваемы были ничтожными. Наконецъ воспитаніе и бракосочетаніе наслѣдника престола зависѣли отъ ихъ воли. Всѣ подробности вполнѣ соотвѣтствовали симъ кореннымъ уставамъ и вели Испанію къ многоначалію и безначалію посредствомъ ниспроверженія всякаго равновѣсія между стихіями политическаго состава. Изуродовавъ такимъ образомъ Монархическую систему, послѣдователи Французскихъ крамольниковъ намѣревались далѣе простерть свои враждебные замыслы. Они съ посмѣяніемъ превозносили снисхожденіе, оказанное имъ древними Монархіями. Одна Россія, отложивъ страхъ, недоумѣніе и притворство, изумила Южныхъ мятежниковъ искреннимъ отвѣтомъ, обличавшимъ беззаконное ихъ начинаніе. Графъ Каподистрія, по волѣ Александра, возразилъ, на сообщительную ноту Испанскаго Посланника, что «Государь, пріемля нелицемѣрное, дружественное, участіе во всемъ, касающемся до благосостоянія союзной Державы, не можетъ и не обязанъ признать законнымъ порядка вещей, введеннаго насильственными и преступными средствами, что Его Величество не дозволяетъ себѣ судить о достоинствѣ и пользѣ возвѣщаемаго ему преобразованія, но съ всѣмъ тѣмъ не признаетъ и не одобритъ онаго, доколѣ виновники постыднаго бунта не подвергнутся взысканію по дѣламъ и заслуженному ими позору.» Тщетно посланникъ, Г. Зеа Бермудецъ, старался, по долгу званія своего, если не по собственному убѣжденію, доказать нашему Кабинету, что Великолуцкій Договоръ, заключенный въ 1812 году, связывалъ Россію, признавшую тогда законное существованіе Кортесовъ и ихъ кон-

ституціи; Александръ 1-й пребылъ непоколебимымъ въ благородной рѣшимости отринуть всѣ домогательства вооруженныхъ самозванцевъ, лишившихъ свободы Короля Фердинанда. Если бы единогласіе Державъ первостепенныхъ поддержало въ семъ случаѣ голосъ Россіи, то нѣтъ сомнѣнія, что Испанская революція, устрашенная мощными преградами, не потрясла бы спокойствія Италіи и, вѣроятно, остановилась бы при самомъ своемъ источникѣ. Благоразумные ревнители общаго блага совѣтовали тогда употребить миролюбивыя усилія къ тому, чтобы, не оскорбляя горделивой Испанской независимости, склонить Короля и Кортесовъ къ необходимымъ измѣненіямъ превозглашенной ими демагогической конституціи. Убѣжденія и внушенія, устремленныя къ сей спасительной цѣли со стороны всѣхъ союзныхъ Державъ, представлялись умѣстными и благовидными по тому болѣе, что хартія Кортесовъ явно нарушала святость и благонадежность договоровъ между Испаніею и остальною Европою. Основываясь на правахъ народныхъ и на примѣрѣ другихъ Государствъ, не трудно было доказать, что и въ самыхъ ограниченныхъ Монархіяхъ право вести переговоры и заключать трактаты всегда и вездѣ принадлежало исключительно Вѣнценосцамъ; что Кортесы, подчинивъ въ семъ отношеніи, Короля Испанскаго волѣ народнаго собранія, испровергли взаимное довѣріе народовъ и единственное ручательство данныхъ ими обязательствъ, и по тому Европа настоятельно требуетъ отмѣненія всѣхъ статей конституціи, несовмѣстныхъ съ народнымъ правомъ, или, въ противномъ случаѣ, объявивъ недѣйствительными прежніе договоры, заключенные въ пользу Испаніи, прекращаетъ всѣ сношенія съ оною. Столь благонамѣренное и законное посредничество, конечно, послужило бы опорою для Короля и благомыслящей части народа; и если бы Кортесы, избѣгая разрыва съ цѣлою Европою, однажды допустили пересмотръ хартіи, съ намѣреніемъ устранить ея несообразности съ народнымъ правомъ, то можно было бы ожидать и другихъ перемѣнъ въ сущности и направленіи составныхъ частей сего Государственнаго кореннаго учрежденія. Неаполитанскіе мечтатели, безъ сомнѣнія, не посмѣли бы начать мятежа подъ отверженною хоругвію. Къ несчастію, главные Кабинеты, кромѣ С.-Петербургскаго, предались безпечности, по тому ли, что безначаліе въ Испаніи показалось имъ явленіемъ отдѣльнымъ и лишеннымъ зара-

зительной силы, или, вѣроятнѣе, по тому, что нѣкоторые изъ союзниковъ тайно желали возмущенія на другомъ Южномъ полуостровѣ, дабы благовиднѣе подвергнуть Италію продолжительному военному присмотру. Какъ бы то ни было, безпечность и коварство равно слѣпотствовали, извиваясь надъ зіяющею бездною, въ которую едва не обрушилось все новое политическое зданіе Европы! Замѣчательно, что Лондонскіе радикалы и Парижскіе Якобинцы, допустивъ въ Испаніи всѣхъ противниковъ Королевской власти, предали ихъ по томъ беззащитныхъ въ жертву злополучію, не оправдавъ ни одной изъ надеждъ, произведшихъ гибельное обольщеніе. И подлинно, Испанскіе мятежники, повинуясь указаніямъ главныхъ зачинщиковъ всемірной крамолы, рѣшились свергнуть Правительство, въ двоякой твердой увѣренности, что наставники ихъ не позволятъ царствующему во Франціи Дому Бурбоновъ вступиться за потомка Филиппа V и Людика XV, и что воцареніе конституціи Кортесовъ сильно подѣйствуетъ на отпадшія колоніи Южной Америки и снова привлечетъ ихъ къ первоначальному ихъ средоточію. Но заманчивые обѣты не сбылись; справедливое опасеніе, болѣе нежели родственная связь, вооружило Бурбоновъ противъ независтнаго имъ сосѣдства буйныхъ преобразователей, а Южная Америка, въ чаду раждающихся замысловъ и надеждъ, внимала единственно внушеніемъ Англійскихъ торгашей, алкавшихъ богатства роскошной природы и рѣшившихся навсегда отторгнуть необъятныя страны сіи отъ подданства Испаніи. Впрочемъ, кто знаетъ, не погрѣшили ли противъ истинныхъ своихъ выгодъ и тѣ хитрые умствователи, коихъ двусмысленная политика довершила разрывъ между Испаніею и ея исполинскими владѣніями Новаго Свѣта?

Не долго Испанская революція оставалась въ естественныхъ своихъ предѣлахъ. Огонь, вспыхнувшій въ Мадридѣ, стелясь неугасимымъ пламенемъ по морю Средиземному, въ короткое время достигнулъ прелестныхъ береговъ Неаполитанскаго залива, или лучше сказать, революціи, подобно вулканамъ, соприкасаются невидимыми, подземными, проводами. Но не упреждая стремительнаго хода происшествій, обратимся снова къ намѣреніямъ и дѣйствіямъ Россіи.

Еще до взрыва Неаполитанской революціи первостепенныя Державы постановили общій съѣздъ Монарховъ въ Троппау, го-

родкѣ Австрійской Силезіи, для совѣщанія о безопасности Европы, угрожаемой со всѣхъ сторонъ воскресшимъ буйствомъ крамолъ и духомъ злоумышленія. Хотя частое возобновленіе Конгрессовъ, отвлекавшее Императора Александра отъ благотворныхъ попеченій и занятій внутри Государства, не представляло Россіи ни какихъ прямыхъ выгодъ; ибо отечество наше, во всѣхъ отношеніяхъ самобытное, не нуждалось въ чужой помощи; но возстановитель мира и порядка въ Европѣ, заботясь о сохраненіи всеобщаго спокойствія, купленнаго цѣною крови, согласился и на сей разъ имѣть свиданіе въ Троппау съ разномыслящими своими своюзниками. Прибывъ въ Варшаву, въ сопровожденіи Графа Каподистріи, Императоръ опровергалъ доводы, предлагаемые вѣрнымъ слугою къ отклоненію Конгресса, и между прочимъ указалъ ему возможность примѣнить къ существенности актъ Священнаго Союза, который доселѣ оставался нѣмымъ памятникомъ, мертвымъ письменемъ въ области умозрѣнія. Сколь ни слаба была надежда склонить къ таковому предпріятію Министровъ союз ныхъ Державъ, однако Графъ Каподистрія съ жадностію усвоилъ себѣ возвышенную мысль Друга человѣчества и вознамѣрился, еще до открытія Конгресса, изложить предъ Государемъ главнѣйшіе выводы Священнаго Союза, приспособленнаго къ взаимнымъ сношеніямъ народовъ Христіянскихъ. Часть важнаго труда досталась въ удѣлъ автору сихъ историческихъ сказаній. Надлежало доказать основательнымъ примѣненіемъ къ народному праву, что благочестивыя правила и высокіе обѣты договорившихся сторонъ не ограничивались призраками мечтательнаго совершенства, недоступнаго въ быту Государственномъ, но что, напротивъ того, довольно было однаго единодушнаго изволенія членовъ Союза, чтобы отвлеченныя начала онаго сдѣлались плодотворными. Сверхъ сего надлежало указать на сбыточныя улучшенія, избѣгая крайностей и не стѣсняя независимости Державъ, и обнаружить возможность успѣховъ по стезѣ, проложенной Трактатомъ 14 Сентября, 1815 года. Во первыхъ, Христіянское братство между Вѣнценосцами и народами требовало отмѣненія многихъ непріязненныхъ и безчеловѣчныхъ обычаевъ, узаконенныхъ давностію, каковы, на примѣръ: право вычета съ имущества умершихъ иностранцевъ, право хищнаго присвоенія пожитковъ тѣхъ, которые претерпѣваютъ кораблекрушеніе у чужаго берега, право

раздавать въ военное время патенты морскимъ удальцамъ, для преслѣдованія купеческихъ судовъ воюющей Державы, безъ различія между вооруженными и беззащитными судами, между государственнымъ и частнымъ имуществомъ. И подлинно, справедливо ли допускать гнусное, варварское, своевольство на моряхъ, когда народное право войны установило на твердой землѣ спасительныя правила, ограждающія частную собственность и безопасность мирныхъ гражданъ? Справедливо ли стѣснять права морскаго неутралитета, признавъ ненарушимость онаго на сушѣ? Какъ Христіянскимъ союзникамъ не уничтожить пагубнаго преимущества, по коему сухопутный разбойникъ, обреченный плахѣ, на морѣ уже болѣе не повиненъ суду и пріемлетъ почетное названіе корсара и арматора? Далѣе, сообразно съ Христіянскимъ ученіемъ, поколику оно совмѣстно съ естественнымъ состояніемъ Державъ независимыхъ, предлагаемо было постановить, съ общаго согласія, чтобы впредь объявленію войны всегда предшествовалъ посреднический судъ, не для прекращенія возможности воевать, (это была бы несбыточная мечта), но, по крайней мѣрѣ, для уличенія стороны неправой. Наконецъ, всѣ Державы приглашаемы были къ взаимному обязательству, не предпринимать путешествія около свѣта, или въ отдаленныя, невѣдомыя, страны шара земнаго, не пріобщивъ къ разсчетамъ торговли, или, къ попыткамъ любознанія, благовѣстія святой Христіянской истины. Вотъ главныя предложенія записки, которую Графъ Каподистрія представилъ на благоусмотрѣніе Императора. Она, конечно, не обнимала предмета во всей его обширности, за то здравыя сіи разсужденія очевидно доказывали возможность осуществить братскій и Христіянскій союзъ. Не вдаваясь въ поэтическіе вымыслы, не извлекая изъ онаго послѣдствія, благотворныя для всего человѣческаго рода, не вызывая здѣсь золотаго вѣка, все клонилось къ распространенію на земли царства Христова, съ медленною постепенностію, свойственною прочному преуспѣянію добра въ дольнемъ нашемъ мірѣ.

Содержаніе сей записки удостоилось одобренія Монаршаго; но засѣданія Троппавскаго Конгресса (онѣ начались 8 (20) Октября, 1820 г.), получили направленіе, совершенно противное помысламъ, обнимавшимъ благо Христіянства, безъ всякой примѣси свое-

корыстія. Нелицемѣрный ужасъ, произведенный повсемѣстными возстаніями, и притворная пріязнь къ намъ, вынужденная обстоятельствами, таковы были главныя пружины политической дѣятельности иностранныхъ Полномочныхъ, и въ особенности Австрійскаго Кабинета. Пренія были продолжительны. Разразившаяся въ Неаполѣ гроза, 9-го Іюля, 1820 года, кровавыя явленія въ Сициліи и провозглашеніе въ Италіи Испанской конституціи, претворили прежнее равнодушіе Австріи къ Испанскимъ переворотамъ въ дѣятельное негодованіе. По настояніямъ Князя Меттерниха, въ семъ случаѣ общеполезнымъ, предложенія Короля и Парламента Неаполитанскаго были отринуты. Въ отвѣтъ на оныя, именемъ Союзныхъ Государей, объявлено было имъ, что, не признавая дѣйствій Правительства, находящагося подъ насильственнымъ вліяніемъ общества Карбонаровъ, Державные Союзники приглашаютъ Короля Неаполитанскаго въ городъ Лайбахъ (Любляну) * для свиданія и разсужденія о мѣрахъ къ возстановленію въ его владѣніяхъ тишины и законнаго устройства.

Между тѣмъ разногласіе Полномочныхъ обнаружилось въ опредѣленіи дѣятельнаго участія, какое Россія долженствовала принять въ прекращеніи Италіянскаго возмущенія. Графъ Каподистрія утверждалъ, что посредничество Папы, какъ Монарха и Главы Западной Церкви, могло способствовать умиротворенію Италіи, и что если бы оно оказалось безуспѣшнымъ, тогда только необходимость, смирить возмутителей общаго спокойствія вооруженною силою, была бы законна, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ Каподистрія считалъ достаточнымъ возложить военныя дѣйствія на одну Австрію, по праву сосѣдства, не связывая Россіи обѣщаніемъ выслать, въ подкрѣпленіе ея, вспомогательное войско. Противники сего мнѣнія указывали на неимовѣрно быстрые успѣхи революціи, и утверждали, что одинъ наступательный союзъ съ Россіею могъ разрушить дерзкіе замыслы мятежниковъ, ободряемыхъ отреченіемъ Лондонскаго Кабинета отъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла независимыхъ народовъ. Что жь касалось до благоразумнаго предложенія, избрать предварительно посредникомъ въ сей распрѣ Римскаго Первосвященника, угро-

* Такъ туземцы Славянскаго племени называютъ этотъ городъ.

жаемаго близкимъ возмущеніемъ, Князь Меттернихъ не опровергнулъ онаго умственными доводами и возраженіями, но предпочелъ упредить сіе примиреніе въ самомъ Римѣ. Гонецъ его обогналъ нашего фельдъегеря и привезъ Австрійскому Посланнику новыя наставленія не безплодныя. Г. Лебцельтернъ умѣлъ склонить Римскій Дворъ на свою сторону, и Папа рѣшительно отказался отъ предложеннаго ему посредничества. Можетъ быть, спокойствіе Италіи требовало сей развязки. Австрійская рать двинулась впередъ, и Союзные Монархи прибыли въ Лайбахъ 3-го Генваря, 1821 года. Туда же пріѣхалъ престарѣлый Король Неаполитанскій, чтобы отречься отъ обѣтовъ, данныхъ имъ Парламенту при выѣздѣ изъ своей столицы. Событія изглаживались событіями: въ Піемонтѣ вспыхнуло возмущеніе посреди войскъ. Австрійскій военачальникъ, Графъ Бубна, мудрою рѣшительностію и быстротою движеній сокрушилъ бунтъ въ самомъ его началѣ. Но все свидѣтельствовало о крайней опасности и гибельномъ распространеніи по Италіи однихъ и тѣхъ же навѣтовъ противъ узаконенныхъ властей. Желаніе воздвигнуть надежный оплотъ, могущій остановить разлитіе бурнаго потока, склонило Императора Александра къ тѣснѣйшему соединенію съ Австріею. Генералу Ермолову ввѣрилъ онъ начальство надъ вспомогательнымъ корпусомъ, уже выступившимъ за границу.

Слава громкихъ, несмѣтныхъ, побѣдъ, всегда благотворныхъ человѣчеству, предшествовала нашимъ полкамъ. Вѣнскій Дворъ, настоятельно требовавшій ихъ содѣйствія, замѣтивъ въ народѣ нелѣпый страхъ при появленіи Русскихъ, поспѣшилъ отклонить дальнѣйшее шествіе вспомогательнаго воинства, содѣлавшагося безполезнымъ; ибо поборники Неаполитанской свободы, не дождавшись нападенія Австрійцевъ, разсѣялись, какъ бѣглыя, лѣтнія, облака на небѣ полуденномъ. Главные зачинщики скрылись; Парламентскіе ораторы онѣмѣли; все покорилось. Но многочисленные охранительные полки оставлены были въ Королевствѣ на нѣсколько лѣтъ, въ залогъ спокойствія. Испанскую хартію, какъ талисманъ надежный, вывезли обратно въ Испанію, и посрамленная партія либераловъ, проклиная малодушіе Неаполитанцевъ, отказалась на время отъ всякаго посягательства въ странѣ, еще не довольно обработанной обществами Карбонаровъ.

Эпоха Лайбахскаго Конгресса ознаменовалась и третьимъ неожиданнымъ потрясеніемъ на Востокѣ, оросившемъ кровію обветшалую колыбель древняго міра. Но, не приступая къ описанію происшествій, столь близкихъ къ Россіи, мы должны обозрѣть въ послѣдній разъ положеніе Европы и постепенно измѣнившуюся политическую систему ея съ 1815 года до роковаго 1821, вѣчно памятнаго кончиною Наполеона и началомъ губительной борьбы между Турками и Греками.

Всеобщій восторгъ, овладѣвшій народами Европейскими въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, по законамъ нравственной природы человѣческой, не могъ простерть своего вліянія за предѣлы великаго подвига. Съ паденіемъ общаго врага, единодушіе, порожденное опасностію и сохраненное Христіянскою мудростію Александра І-го, исчезло. Частные виды, козни, соображенія, страсти Правительствъ и народовъ, появились снова на опустѣломъ поприщѣ, гдѣ грозный исполинъ все сосредоточивалъ своимъ присутствіемъ. Не стало властолюбиваго міродержца, и всѣ клевреты, данники его могущества, запылали властолюбіемъ. Народы, отслуживъ крестовой походъ, чаяли въ награду получить мечтательное благоденствіе. Въ сію годину обновленія Вѣнценосцы, низложивъ сына побѣды, забыли взлелѣявшую его революцію, а народы о ней вспомнили. Люди Государственные, мужи совѣта, почли революцію низведенною въ могилу завоевателя, а она воскресла, торжествовала казнь и плѣнъ опаснѣйшаго для нея противника. Таковы были главныя примѣты общаго заблужденія умовъ, при заключеніи въ 1815 году втораго Парижскаго мира. Трудно было начертать и проложить средній путь между сими гибельными крайностями. Императоръ Александръ, покрывъ щитомъ Россіи владыкъ земныхъ, по врожденному великодушію, благопріятствовалъ огражденію народныхъ правъ и всемѣрно старался, сліяніемъ прошедшаго съ настоящимъ, упрочить будущее благоденствіе всей Европы. Не обрѣтая искреннихъ, единомыслящихъ, сотрудниковъ въ семъ важномъ предпріятіи, Александръ І-й искалъ краеугольнаго камня для новаго зданія внѣ круга тлѣнныхъ выгодъ и зыбкаго равновѣсія въ ученіи вѣры Христіянской. Всемірный переворотъ, начавшійся нечестіемъ, онъ желалъ прекратить возвращеніемъ народовъ къ благочестію, къ

сей зиждительной силѣ общежитія. Отъ сего выспренняго стремленія ума его возникъ Священный Союзъ, упраздненный суетою человѣческою, но пребывающій въ исторіи памятникомъ прозорливости Александра. Самое покушеніе основать Христіянское братство Царей и народовъ доказываетъ, что онъ проникалъ мыслію въ тайну грядущаго, видѣлъ пропасть подлѣ каждаго трофея, измѣрялъ опасности ненадежнаго мира и не почиталъ онаго твердымъ, доколѣ взаимныя обязанности и права властителей и подданныхъ не освятятся печатью примиренія съ Небеснымъ Законодателемъ.

На основаніи и по точному смыслу сего договора, заключеннаго въ самомъ городѣ, гдѣ за двадцать лѣтъ предъ симъ, въ народномъ собраніи, безумцы отрицали бытіе Божіе, утвердился всеобщій союзъ между Державами Христіянскими, обезпечивавшій неприкосновенность правъ каждаго Правительства и народа, столь долго стѣсняемыхъ мятежнымъ духомъ революціи, или самовластіемъ ненавистнаго завоевателя. Съ 1815 по 1819 годъ благодѣтельная система всеобщаго союза, вопреки случайнымъ отступленіямъ отъ оной, доставила Европѣ всѣ выгоды мира, согласія и животворнаго, но не враждебнаго, соревнованія между народами. Частныя распри не раждали пагубнаго раздора; первенство главныхъ Державъ, по примѣру Россіи, ознаменовывалось однимъ миролюбіемъ, и, кромѣ упраздненнаго въ 1815 году тайнаго трактата, преданнаго великодушному забвенію Императоромъ Александромъ, ни какой отдѣльный союзъ не нарушалъ гармоніи общаго соединенія. Лишь одно исключительное владычество Англичанъ надъ морями противорѣчило спасительному правилу водворившагося между Державами равенства и отнимало возможность мало по малу распространить примѣненіе началъ Христіянскаго братства. Трезубецъ Нептуна остался повелительнымъ скипетромъ и залогомъ неограниченной власти надъ всеобъемлющею стихіею. По сему морское право ни чѣмъ не улучшилось; Варварійскіе хищники остались не покоренными, къ стыду просвѣщенной Англіи и Европы; отпаденіе пространныхъ Испанскихъ колоній превратилось въ неисцѣлимую рану; стоглавый бунтъ Южной Америки раздробился на части, равно терзаемыя междоусобіемъ, донынѣ пылающимъ, подобно безчисленнымъ жерламъ Кордилль-

ерскихъ огнедышащихъ горъ. Торговыя соображенія ввергли въ пучину бѣдствій сіи обширныя страны, не созрѣвшія для независимости Наступила эпоха открытія Аахенскаго Конгресса, эпоха примиренія Франціи съ Европою, по видимому, вожделѣнная. Но державный совѣтъ Монарховъ тогда же неумышленно положилъ начало разрушенію политическаго зданія, которое надлежало довершить. Единомысліе Лорда Кастльри и Князя Меттерниха было причиною роковой перемѣны, вооружившей всѣхъ навѣтниковъ законной власти противъ мнимаго властолюбія первостепенныхъ Дворовъ. Не взирая на очевидность, приличія и общественную пользу, Великобританія и Австрія употребили всѣ усилія къ тому, чтобы простерть четверовластный Шатильонскій союзъ за предѣлы предуставленной оному законной цѣли. Отъ сего неумѣстнаго, вынужденнаго, соображенія поколебалось довѣріе слабыхъ Державъ къ водительству Государствъ первостепенныхъ; Европейскій союзъ, запечатлѣнный священнымъ договоромъ 14 (26) Сентября, 1815 года, рушился; основателямъ онаго общее мнѣніе начало приписывать намѣренія властолюбивыя, и въ особенности Россія, приставъ къ системѣ трехъ своихъ союзниковъ, лишила себя права и возможности покровительствовать слабыхъ и ограждать бытіе ихъ отъ преобладанія сильныхъ. Испанія, Португалія, Баварія, Сардинія, тщетно домогались ближайшаго союза съ Россіею. Просьбы ихъ отринуты, изъ уваженія къ четверовластному союзу. Но что могло побудить Александра І-го отказаться отъ выгодъ очевидныхъ, сопряженныхъ съ истинною славою, симъ естественнымъ удѣломъ благотворнаго могущества, симъ насущнымъ хлѣбомъ Россіянъ? Безъ сомнѣнія, не одно желаніе угодить Австріи, Пруссіи и Англіи, желаніе, не совмѣстное съ твердостію духа его. Мудрый и кроткій Государь, усматривая, съ одной стороны, недостаточность Священнаго Союза, къ коему приступили Державные сподвижники его, безъ внутренняго убѣжденія, съ другой, разгадавъ навѣты и замыслы всемірной крамолы, еще сокрытые во мракѣ тайныхъ обществъ, рѣшился на время поддержать возобновленный въ Аахенѣ Шатильонскій договоръ, какъ единственный залогъ отраженія будущихъ опасностей. Онъ увѣрился, что средоточіе, движущая сила всѣхъ возмущеній, таится въ Парижѣ, * и безпрерывный рядъ потрясеній

* Подъ названіемъ: Comité-Directeur. Послѣ гибельнаго переворота, совер-

съ 1820 по 1831 годъ вполнѣ оправдалъ его предусмотрительность. Со всѣмъ тѣмъ, взаимныя отношенія Россіи и Европы измѣнились на Аахенскомъ Конгрессѣ: отечество наше утратило большую часть драгоцѣннаго вліянія своего на умы современниковъ и, въ замѣнъ, не стяжало чаемой искренней пріязни своекорыстныхъ союзниковъ. Всѣ спасительныя предначертанія Священнаго Союза прослыли мечтами, несбыточными сновидѣніями. Существенныя бѣдствія, бунтъ въ Испаніи и Португаліи, возстаніе шумныхъ Неаполитанцевъ, мятежъ въ Піемонтѣ, Германскія неустройства, волненіе умовъ во Франціи и убійство Герцога Беррійскаго, отвлекли вниманіе Монарховъ отъ блага человѣчества, устремивъ оное на необходимость собственной ихъ обороны. Закрылся грозный, орлиный, взглядъ Наполеона, и зловѣщія предчувствія его начали сбываться. * Революція ожила; взросшее подъ ея хоругвію поколѣніе молодыхъ людей возмужало; сѣмена, брошенныя Якобинцами во всей Европѣ и подавленныя Наполеономъ, взошли; недобросовѣстная политика нѣкоторыхъ Кабинетовъ ускорила начало роковой борьбы, продолжающейся и донынѣ съ невѣроятнымъ упорствомъ. Къ усугубленію всеобщей напасти, въ томъ же 1821 году Востокъ, издревле неподвижный, усыпленный, воспрянулъ. Коварные, но недальновидные, друзья Порты, которые въ теченіи пяти лѣтъ совѣтовали Султану отклонять нелѣпыми отлагательствами мирныя предложенія Россіи, ужаснулись при видѣ послѣдствій ложной ихъ системы закоснѣнія и зложелательства, но уже было поздно! Порядокъ повѣствованія привелъ насъ къ сей печальной эпохѣ, столь гибельной для Христіянства. Ею начнется третья и послѣдняя книга сихъ сказаній. Мы увидимъ, до какой степени возстаніе Греціи содѣйствовало къ смѣшенію понятій, годъ отъ году возрастающему въ просвѣщенной Европѣ; какими жертвами Россія покушалась отвратить разрывъ Державнаго союза; наконецъ, съ какимъ искуснымъ лицемѣріемъ

шившагося во Франціи въ 1830 году, бытіе тайнаго Комитета ужь болѣе не подлежитъ сомнѣнію. Первенствующіе члены онаго сознаются теперь съ самохвальною наглостію въ тогдашнихъ своихъ ковахъ. Такъ зажигатели превозносятъ себя надъ дымящимся пепелищемъ.

* См. Записки на островѣ Св. Елены, изданныя Ласъ-Казомъ

Европейскіе мятежники умѣли воспользоваться равнодушіемъ Кабинетовъ къ гибели Восточныхъ Христіянъ, чтобы повсемѣстно возбудить негодованіе народовъ, и тѣмъ подрыть основы законной власти. Святое имя Христа, ненавистное для питомцевъ революціи, громко отозвалось въ устахъ зачинщиковъ безначалія, на зло недоумѣвающимъ Правительствамъ.

Ходъ происшествій посрамилъ недальновидную политику Государственныхъ людей, почитавшихся искуснѣйшими; брань, по словамъ Св. Писанія, уже не относилась къ плоти и крови, т. е., къ вещественнымъ выгодамъ того, или другаго, Государства; она возгорѣлась, и донынѣ свирѣпствуетъ, между духомъ вѣры и вѣрности и между враждебною силою умственнаго безначалія. Вотъ отличительная черта послѣдняго десятилѣтія, столь обильнаго бурными превратностями. Оно унесло съ собою въ лоно мирной вѣчности Александра Благословеннаго, вѣрнаго ему совѣтника, Графа Каподистрію, обреченнаго на мученическую кончину.

КНИГА III.

От возстанія Греціи до кончины Правителя Греціи, Графа И. А. Каподистріи, случившейся 27 Сентября, 1831 года.

Совѣщанія Вѣнценосцевъ еще продолжались въ Лайбахѣ, у подошвы Альпійскихъ горъ, коихъ вѣчная грань отдѣляетъ Германію отъ Италіи. По ту сторону снѣжнаго хребта, на цвѣтущихъ равнинахъ Піемонта и части Ломбардіи, кипѣло возмущеніе подъ общею для всѣхъ крамолъ хоругвію Испанской конституціи; Король, Викторъ-Эммануилъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, произнесъ отреченіе отъ терноваго вѣнца, поруганнаго своевольствомъ; ближайшій къ трону, Принцъ Кариньянскій, служилъ возмутителямъ, въ надеждѣ воцаренія надъ ними; Австрійскій Генералъ Бубна устремился на скопища вооруженныхъ преобразователей; и всѣ сіи происшествія, быстро слѣдующія одно за другимъ, привлекали къ сей странѣ вниманіе Союзниковъ, встрево-

женныхъ необъятностію мятежей и заговоровъ по всей Южной Европѣ. Казалось, что мѣра злополучія преисполнилась и не откуда было ожидать новыхъ треволненій внѣ круга настоящихъ бѣдствій. Такъ думали люди Государственные (ибо даръ пророчества исключительно принадлежитъ вѣрѣ, или безстрастію), какъ внезапно пронесся слухъ, и за онымъ прибылъ въ Лайбахъ гонецъ съ извѣстіемъ о вторженіи Генералъ-Маіора Россійской службы, Князя Александра Ипсиланти, въ Молдавію, Февраля 22 дня, 1821 года. Изумленіе, страхъ, подозрѣніе и ярость овладѣли членами Конгресса при полученіи сей загадочной вѣсти. Догадки, опасенія таинниковъ политической науки, всѣ ихъ распросы мѣтили на Россію, межъ тѣмъ какъ Императоръ Александръ и окружающіе его Министры не менѣе прочихъ поражены были столь неожиданнымъ нарушеніемъ всемірнаго спокойствія и не знали, чему приписать неизъяснимую, безвременную, дерзость Ипсиланти и его сообщниковъ. Вскорѣ появились громкое, нелѣпое, воззваніе его къ жителямъ Молдавіи и Валахіи и письмо къ Императору, отправленное имъ изъ Яссъ, чрезъ посредство Россійскаго Консула.

Прокламація Ипсиланти, кромѣ изложенія причинъ, оправдывающихъ возстаніе Греческаго народа на притѣснителей его вѣры и гражданскаго бытія, не заключала ни какихъ указаній на мощное содѣйствіе какой либо Державы. Двусмысленное въ подлинномъ воззваніи выраженіе Δύναμις могло равно означать Державу, или нравственную силу. И по тому, кто только алкалъ перемѣны въ предѣлахъ Турціи, тотъ разумѣлъ подъ симъ выраженіемъ Россію, хотя Ипсиланти, подъявшій знамя народнаго возстанія, самъ въ послѣдствіи изъяснилъ свое обѣщаніе въ отвлеченномъ смыслѣ, сказавъ неудомѣвающимъ сподвижникамъ, что Сила или Держава, поборствующая его предпріятію, есть не что иное, какъ духъ времени.

Письмо Князя къ Императору дышало патріотическимъ восторгомъ и заключалось мольбою о заступленіи народа страждущаго подъ игомъ Турецкимъ, именемъ единовѣрія и человѣчества. Получивъ сіи разительныя предвѣстія близкихъ и неотвратимыхъ бѣдствій, Императоръ Александръ смутился духомъ, и въ сокрушенной душѣ Графа Каподистріи человѣколюбивый Монархъ

не могъ найти желанной подпоры въ сію роковую годину испытанія. Борьба священнѣйшихъ чувствованій Христіанина съ обязанностями Вѣнценосца; состраданіе къ народу Православному, обманутому любимою мечтою заступленія Россіи и увлекаемому въ бездонную пропасть преступнымъ легкомысліемъ горсти мятежныхъ людей; страхъ расторгнуть союзъ, нужный для спокойствія цѣлой Европы безвременнымъ покровительствомъ единовѣрцевъ, и наконецъ, справедливое омерзѣніе ко всему, что могло казаться умысломъ коварнаго честолюбія, или слѣпымъ содѣйствіемъ замысламъ революціонной партіи въ Европѣ: всѣ сіи помыслы, опасенія и чувства, сильно обуревали умъ и сердце Александра и тяготѣли на совѣсти его, чуждой всякаго зазрѣнія, но тѣмъ болѣе склонной къ благочестивому недоумѣнію. Это былъ случай, къ счастію, рѣдкій въ лѣтописяхъ міра; стеченіе обстоятельствъ пагубныхъ и мрачныхъ, при появленіи коихъ потребна Царю мудрость не земная, но присѣдящая престолу Всевышняго и не всегда благодатію Его ниспосылаемая держащимъ судьбу человѣчества.

Прямыя обязанности одержали верхъ надъ побужденіями души сострадательной. Императоръ торжественно отвергнулъ мольбы и домогательства Ипсиланти, осудилъ его предпріятіе, исключилъ его изъ военныхъ списковъ, и, какъ переметчика и нарушителя присяги, лишилъ чина и знаковъ отличія, нѣкогда заслуженныхъ имъ на полѣ чести. * Въ слѣдъ за сими провозглашеніями велѣно было Консуламъ нашимъ въ Молдавіи и Валахіи удалиться, а Россійскому Посланнику при Портѣ Оттоманской, Барону Строганову, поручено было объявить раздраженному Турецкому Правительству, что Россія чужда всякаго вѣроломнаго посягательства на безопасность его владѣній. И подлинно, что могло быть постыднѣе для великаго Государства, какъ сіе нападеніе въ расплохъ на безпечнаго сосѣда, при безпрерывныхъ переговорахъ съ нимъ о возстановленіи прочнаго согласія? Довольно одного воззрѣнія на поприще Александра І-го, на твердыя его правила и славныя дѣла, ознаменованныя печатію неизмѣннаго велико-

---

* Князь А. Ипсиланти потерялъ правую руку въ сраженіи подъ Дрезденомъ 1813 года.

душія, чтобы разсѣять всякое подозрѣніе въ сообществѣ его политики съ нашествіемъ Князя Ипсиланти. Печальная необходимость, заставлявшая его оправдывать себя предъ зложелательнымъ судилищемъ встревоженной Европы, усугубила справедливое негодованіе Монарха къ зачинщикамъ отчаяннаго возстанія. Но какъ изобразить неизреченную его горесть, когда на искренно миролюбивыя увѣренія Россіи изступленный Султанъ отвѣчалъ не словами мирными и не смѣлымъ объявленіемъ войны, но ужасами душегубства, пролитіемъ крови невинной, истязаніями безоружныхъ, попраніемъ святыни, тысячами смертей, казнями безъ суда, расхищеніемъ имущества избіенныхъ жертвъ неутолимаго кровожаднаго безумія!

Въ сіе время Князь Ипсиланти, занявъ Яссы и Галацъ, также обезславилъ вступленіе свое въ Молдавію лютостями безполезными. Его сообщники, ожидавшіе появленія вождя, изрубили въ сихъ двухъ городахъ небольшое число Турковъ, прибывшихъ туда по дѣламъ торговли. Кровопролитіе беззаконное и вредное по своимъ послѣдствіямъ; кровопролитіе ничтожное, ибо оно не могло ослабить свирѣпаго врага, ни выкупить потоковъ Христіанской крови, проліянной невѣрными въ продолженіе четырехъ мрачныхъ столѣтій. *

Нашествіе Князя Александра Ипсиланти, носимое имъ званіе Россійскаго Генерала, двусмысленныя выраженія его прокламаціи, произвели чрезмѣрное волненіе умовъ въ Молдавіи и Валахіи. Почетные Ясскіе Бояре тщетно старались разгадать тайну его появленія; но, судя по вѣроятностямъ разума и замѣтивъ бездѣйствіе тогдашняго Господаря, Михаила Суццо, природнаго Византійскаго Грека, они имѣли совѣщаніе въ Думѣ Боярской или Диванѣ, въ слѣдствіе коего единодушно рѣшили поднести незванному наѣзднику просьбу, на Высочайшее имя Августѣйшаго Покровителя ихъ отчизны, заключавшую изъявленіе безусловной преданности волѣ его, какъ скоро она будетъ объявлена имъ, и моленіе о защитѣ страны, невольно подпавшей гнѣву и подозрѣніямъ Султана. Избранныя Диваномъ особы явились къ Князю

---

* Считая отъ завоеванія Цареграда Магометомъ II въ 1453 году и не восходя далѣе сей плачевной эпохи.

Ипсиланти съ сею просьбою, но онъ не принялъ ее, и при томъ объявилъ изумленнымъ и робкимъ старѣйшинамъ оскорбленнаго имъ народа, что ходатайствовать о Молдавіи обязанъ Россійскій Консулъ, и что онъ — не Посланникъ Русскаго Царя, но просто Греческій противникъ Турціи, — ἀποστάτης Γραῖκός: добросердечное признаніе истины, вырвавшееся въ ту минуту изъ устъ его, но не совсѣмъ благопріятное будущимъ его успѣхамъ! Завѣса спала съ глазъ ослѣпленныхъ жителей Молдавіи, и Ипсиланти остался одинъ на полѣ страшнаго единоборства съ цѣлою Имперіею, все еще сильною, хотя и обремененною вѣковыми проклятіями страждущаго Христіянства. Геній его не соотвѣтствовалъ отважности начинанія; юный патріотъ съ горстію ненадежныхъ клевретовъ сдѣлался жертвою льстивыхъ обѣщаній тайнаго общества; онъ могъ только издать трубный гласъ, повторенный въ дальнемъ Греческомъ полуостровѣ; однако же при звукахъ сихъ стѣны Византійскія не обрушились, какъ древле стѣны Іерихонскія, и вопли погибавшихъ въ Константинополѣ Христіянъ откликнулись дерзкому его воззванію. Чтобы уразумѣть дальнѣйшія ходъ и сцѣпленіе происшествій, я считаю нужнымъ на время перервать нить повѣствованія и обратиться къ сокровенному корню настоящихъ явленій. Читатели, конечно, вспомнятъ, что въ 1-ой и 2-ой книгѣ сихъ отрывковъ я не разъ указывалъ на отдаленныя причины, предуготовившія ужасный переворотъ 1821 года. Теперь надлежитъ дополнить печальную картину, обнаружить тѣсную связь прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ, и выставить людей и частныя приключенія, ошибки политическія и различныя обаянія, отъ стеченія коихъ взрывъ 1821 года сдѣлался неизбѣжнымъ по закону нравственной необходимости. Первые признаки умственнаго пробужденія Греческаго народа, согбеннаго ярмомъ Турецкимъ, обнаружились въ царствованіе Петра Великаго. Въ одно время, т. е., въ началѣ X-го столѣтія, стало разсвѣтать въ Россіи и въ Греціи, хотя нельзя замѣтить ни малѣйшаго тождества между причинами, произведшими сію современную перемѣну. Съ 1453 до 1715 года Восточные Христіяне пребывали неподвижными въ своемъ глубокомъ и безотрадномъ униженіи. Одна животворная сила святой вѣры питала и поддерживала народное ихъ бытіе, память прошедшаго, языкъ предковъ и какое-то общее безсмертное упованіе, переходящее изъ рода въ родъ. Тщетно кичливые завоева-

тели усиливались преобразить покоренныхъ ими Христіянъ въ поклонниковъ Лжепророка; тщетно Западныя Державы Европейскія, безумною и непріязненною политикою, притѣсняли на̀ Востокѣ исповѣдниковъ Христа, по изувѣрному преданію временъ Крестовыхъ походовъ; Греки, среди порабощенія, презорства и невѣжества, твердо стояли вѣрою за вѣру, укрываясь въ нетлѣнномъ ковчегѣ Святой Церкви отъ тайныхъ навѣтовъ и явныхъ гоненій. И подлинно, число недруговъ сего злосчастнаго племени было велико! Мечь Мусульманства, непріязнь Западной Церкви, отдѣлившейся отъ своего древняго корня, торговыя соображенія и происки Венеціянъ и Генуезцевъ, отпаденіе отъ истинной вѣры большей части Азіятцевъ и многихъ городовъ Европейской Турціи, наконецъ, въ XII столѣтіи сдруженіе Франціи съ Оттоманскою Портою, при Францискѣ I-омъ, вездѣ искавшемъ себѣ союзниковъ противъ Императора Карла V: все посягало на существованіе удрученнаго бѣдствіями народа, все грозило ему неминуемымъ истребленіемъ. Православная Россія, терзаемая междоусобіемъ и внѣшнею войною, не могла простерть братолюбивыхъ попеченій своихъ за предѣлы омраченнаго непрестанными бурями Сѣвернаго небосклона. Въ вѣковой, попеременной, борьбѣ съ Татарами, Шведами и Поляками, Россія забывала о своихъ единовѣрцахъ, или изрѣдка вспоминала о горестной ихъ судьбѣ съ благочестіемъ, но безплоднымъ состраданіемъ.

Тѣмъ временемъ кровожадные, воинственные, Султаны, приводившіе въ трепетъ всю просвѣщенную Европу, поправъ обѣты, данные Магометомъ II при сдачѣ Константинополя, похитили у Христіянъ лучшіе храмы, предоставленные ихъ богослуженію самымъ завоевателемъ, по ходатайству мудраго Патріярха Геннадія. Не довольствуясь оскверненіемъ святыни, расхищеніемъ имущества побѣжденныхъ, поруганіемъ женъ и дѣтей, варвары изобрѣли новое и вѣрное средство къ уничтоженію Христіянства. Они наложили на Грековъ ежегодно дань, состоявшую изъ грудныхъ младенцевъ. Сонмы малолѣтнихъ, воспитанные въ Магометанскомъ законѣ, поступали въ составъ отборнаго войска, Яничаръ, слíяннаго изъ цѣлыхъ поколѣній безвинныхъ Христоотступниковъ. Сіи неистовыя дружины, безродныя, дышали сугубою ревностію къ Корану и дѣятельно ограждали тлетворное его ученіе, преподаю-

щее человѣчеству три главные догмата, заманчивые для грѣховной нашей природы; это: право сильнѣйшаго, фатализмъ, или слѣпая покорность неотвратимому Року, и сладострастіе. Такова была участь Греческаго народа и всѣхъ Восточныхъ Христіянъ подъ Турецкимъ игомъ, окруженныхъ, сверхъ того, недоброжелателями и лишенныхъ всякой помощи человѣческой; таково было горестное ихъ состояніе, не измѣнявшееся въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ. По вѣроятностямъ опыта и разума, Греческому имени надлежало бы исчезнуть съ лица земли, но оно уцѣлѣло, единственно силою имени Христова. Въ лонѣ Церкви сохранилась вѣра, увѣковѣченъ языкъ, который, безъ содѣйствія богослуженія, исказился бы совершенно отъ примѣси словъ Турецкихъ и Италіянскихъ, уцѣлѣли нравы, преданія и законы, наконецъ, сосредоточены слабые, но чистые, лучи древняго просвѣщенія въ самомъ святилищѣ благочестія. Подъ сѣнію воинствующей Церкви, неутомимой посредницы между поработителями и порабощенными, нѣкоторыя и донынѣ извѣстныя въ Греціи семейства посвятили себя, по преемству изъ рода въ родъ, преподаванію Еллинской Грамматики и древняго Витійства. Благоговѣйное, почти суевѣрное, усердіе сихъ наставниковъ къ языку и остаткамъ древней народной славы отчасти замѣняло недостатокъ благоустроенныхъ училищъ и питало въ простолюдинахъ неугасимую любовь къ отечеству. Нѣтъ подобнаго примѣра въ Исторіи, нѣтъ предмета, достойнѣйшаго размышленій любомудраго наблюдателя. Въ 1572 году Лютеранскіе богословы Тюбингенскаго Университета, вопреки плѣну и крайнему униженію Восточной Церкви, обратились къ ученому Патріярху Іереміи съ подробнымъ, письменнымъ, изложеніемъ Протестанскаго ученія, испрашивая его мнѣнія объ ономъ. Переговоры сіи клонились къ утвержденію общенія Протестантовъ съ Православною Церковію и къ нанесенію тѣмъ новаго, чувствительнаго, удара Римскому престолу. Инокъ Гедеонъ въ послѣдствіи издалъ драгоцѣнную для Исторіи переписку Патріярха съ учеными Германцами. * Она показываетъ мудрость Святителя и почтеніе къ нему разномыслящихъ Христіянъ,

---

* Κριτὴς τῆς ἀληθείας, Judex veritatis. 2 тома на Греческомъ и Латынскомъ, напечатанные въ Лейпцигѣ 1758 года.

упорно отвергавшихъ всѣ древнія преданія Церкви. Въ сей перепискѣ безпристрастные умы почерпнутъ новыя доказательства истины, пререкаемой гордостію человѣческою, что «вѣра во Христа освящаетъ всѣ полезныя знанія, но сама не отъ нихъ заимствуетъ божественный свѣтъ, согрѣвающій сердца самыя ожесточенныя. Она есть свѣтильникъ, сіяющій во тмѣ, на вѣки зажженный небеснымъ лучемъ и не питаемый тукомъ земнаго вещества и человѣческаго мудрованія.»

Не суждено было Петру Великому дѣятельно способствовать возрожденію Грековъ. Геній его измѣрялъ будущее и предвидѣлъ для Россіи обильную жатву славы на Востокѣ, но исполненіе временъ еще не настало. Христіяне, опечаленные Прутскимъ миромъ, отложили утѣшительную надежду своего освобожденія; однако жь, съ сею бѣдственною для нихъ эпохою началось новое лѣтосчисленіе преобразованной Россіи и пробужденной Греціи. Тогда люди знаменитые все приготовили для предпріятій Екатерины Второй, воздвигнувшей Петру Первому памятникъ не изъ одного Финскаго гранита. Событія славнаго ея царствованія относительно къ Востоку описаны мною во введеніи къ настоящимъ отрывкамъ. Теперь надлежитъ означить важнѣйшія послѣдствія завоеваній великой Монархини, и постоянное вліяніе оныхъ на судьбу Грековъ, вполнѣ созрѣвшую уже съ наступленіемъ грознаго 1821 года.

Отъ продолжительной борьбы Россіи съ Турціею произошли нравственное пробужденіе всѣхъ Восточныхъ Христіянъ, умственное развитіе и образованіе Грековъ и непримиримая вражда къ нимъ Турецкаго Правительства. Со времени паденія Константинополя Турки презирали и ни во что вмѣняли побѣжденныхъ, а съ заключеніемъ Кайнарджійскаго мира они начали ненавидѣть и страшиться ихъ, какъ союзниковъ Россіи. Тиранство разборчивѣе стало означать свои жертвы; люди, возвышающіеся надъ гнетомою толпою, навлекали на себя опалу раздраженныхъ Султановъ. Вельможи, Господари, Духовные и предводители храбрыхъ горцевъ Эпира и Македоніи сдѣлались предметами то явнаго, то ухищреннаго, преслѣдованія. Многіе изъ нихъ искали убѣжища въ Россіи, водворялись подъ сѣнію ея, вознаграждаемы были за утрату всего роднаго и, наслаждаясь почетною безопасностію, выжидали благопріятнаго времени, для отмщенія буйнымъ своимъ

притѣснителямъ. Въ царствѣ Православномъ воспитываемы были дѣти изгнанниковъ, а оставшіеся подъ ярмомъ сродники ихъ и друзья утѣшались тайною надеждою побѣдоноснаго свиданія съ ними. При семъ волненіи умовъ настигла Европу и Грецію Французская революція, возникла Іоническая Республика, воскресло Греческое имя, мореплаваніе Идріотовъ и прочихъ островитянъ Эгейскаго моря обогатило приморскія города и сдружило жителей съ довольствомъ, науками, свободою и Европою. Въ нѣдрахъ страны, терзаемой тиранствомъ Порты и междоусобіями ея Пашей, образовались двѣ партіи: одна, Русская, подъ руководствомъ Византійскихъ Князей Димитрія Мурузи и Константина Ипсиланти, * другая, Французская, стоглавая, изъ среды коей появился Ригасъ съ сонмомъ удальцовъ, полуученыхъ, разоренныхъ торговцовъ, разстригъ и подобныхъ имъ искателей счастія.

Безпрерывныя превратности возбуждали страсти, надежды и замыслы обоюдныхъ противниковъ и устремляли умственныя силы и вниманіе цѣлаго народа къ внѣшнимъ политическимъ событіямъ. Нравственный переворотъ совершался въ глазахъ Турецкаго Правительства, которое не постигало причины сего чудеснаго волненія Христіянъ и поражено было сугубою слѣпотою невѣжества и гордости. Нуждаясь, по Государственному управленію и по сношеніямъ съ Европою, въ просвѣщенномъ содѣйствіи почетныхъ Грековъ, Султаны Селимъ III, Мустафа и нынѣ владѣющій, Махмудъ, воспользовались рѣдкими дарованіями Князя Димитрія Мурузи, ввѣрили ему должность Великаго Драгомана и возвели въ санъ Господарей старшаго брата его, Князя Александра, и Константина Ипсиланти. Въ душѣ Князя Димитрія пылала чистѣйшая любовь къ отечеству, озаряемая глубокомысліемъ. Онъ вознамѣрился дать благотворное направленіе политикѣ Султана; десницею его, дотолѣ каравшею Христіянъ, улучшить горестную ихъ участь, и такимъ образомъ исторгнуть плевелы, посѣянные на Востокѣ мятежною Французскою партіею. Онъ сдѣлался неутомимымъ ходатаемъ у Султанскаго стремени за попираемую Церковь, испросилъ позволеніе возсоздать падшіе храмы и построить новые, основалъ училища, учредилъ въ Константинополѣ обширную больницу для Христіянъ, умѣлъ оградить льготными фирманами со-

---

* Отецъ А. Ипсиланти, извѣстнаго своимъ отчаяннымъ предпріятіемъ.

зданныя имъ заведенія, поощрялъ ученыхъ людей, однимъ словомъ, мощно подѣйствовалъ на современниковъ своихъ и, въ виду ожесточенныхъ на него клевретовъ Наполеона, безстрашно начерталъ имъ прямой путь къ возрожденію мимо отступничества отъ вѣры и Россіи Православной. Насталъ 1806 годъ, и разразилась гроза военная надъ устрашенною Турціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ Михельсона, шагнули чрезъ Днѣстръ, овладѣли безъ выстрѣла Бендерами, Хотиномъ и заняли Молдавію. Сему нечаянному разрыву, отклоняемому смиреніемъ Порты, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Валашскій Господарь, Князь Константинъ Ипсиланти. Узнавъ, что тѣсныя связи его съ Россійскимъ Дворомъ обнаружены, и что Порта внушеніямъ его приписывала тогдашнее возмущеніе Сербовъ и готовилась казнить его, какъ измѣнника, Господарь бѣжалъ въ предѣлы Россіи, на встрѣчу нашимъ войскамъ. Порта, сперва увлеченная происками Французскаго Посла, скоро раскаялась въ своихъ поступкахъ: возстановила отрѣшенныхъ ею Господарей, предлагала нашему Министерству всѣ возможныя удовлетворенія за нарушеніе добраго согласія, но ужь было поздно; войска наши стояли за границею, и неблаговременный побѣгъ Князя Ипсиланти ускорилъ необходимость разрыва. Шесть лѣтъ длилась война, часто прерываемая мирными совѣщаніями обоюдныхъ Полномочныхъ, въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Покореніе Русскими всѣхъ Днѣстровскихъ и большей части Дунайскихъ твердынь; кровопролитные приступы къ Рущуку, Силистріи и Журжѣ, неудачная осада Шумлы; сраженія при Мачинѣ, Батынѣ; и, наконецъ, побѣда, одержанная Кутузовымъ надъ Визиремъ при Слободзеѣ, морской походъ Сенявина въ Архипелагъ, морскія битвы при Тенедосѣ и Лемносѣ — таковъ рядъ происшествій, заключенный Бухарестскимъ мирнымъ договоромъ. Въ продолженіе шестилѣтней борьбы, обильной превратностями, воинственныя племена Эпира стали подъ Русскія знамена, Сербы ополчились съ неимовѣрною смѣлостію; и всѣ, безъ изъятія, Восточные Христіяне, вспомнивъ времена Екатерины, выжидали единственно вожделѣннаго мгновенія, въ которое Русскіе долженствовали перейти чрезъ Балканы, чтобы всенароднымъ вооруженіемъ дружно ударить на Турковъ и низринуть рыхлое зданіе ненавистнаго имъ могущества. Но Балканскій оплотъ на сей разъ устоялъ противъ ратнаго искуства военачальниковъ нашихъ, и

пламя общаго возстанія, все еще живое, покрылось густымъ, непроницаемымъ пепломъ. Сугубо пріуныли сиротѣющіе единовѣрцы, когда грозная вѣсть о нашествіи Наполеона на Россію огласила дальнія страны изумленнаго Востока. Имъ казалось, что съ паденіемъ Царства Православнаго, собственное ихъ бытіе погружается въ бездну ничтожества. Приверженцы Франціи торжествовали плѣнъ Москвы, и первою жертвою буйнаго ихъ восторга палъ знаменитый родъ усердствовавшихъ Россіи Князей Мурузи!

Однако жь, скоро разсѣялось звѣрское упоеніе враговъ дѣла праваго. Посрамленный властолюбецъ обратился въ бѣгство, войска наши преслѣдовали его по пятамъ, вся Европа возстала при нашемъ появленіи и радостно привѣтствовала своихъ избавителей. Тогда слава Александра I-го, освободителя всѣхъ народовъ Европейскихъ, слава, благословляемая человѣчествомъ, взлелѣянная самимъ Небомъ, подобно райской пальмѣ, осѣняющей собою всѣ тлѣнные лавры побѣдъ, сія слава, безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра, естественно простерла живительное вліяніе свое на всѣхъ Восточныхъ Христіянъ. Вѣщій голосъ, отзываясь въ сердцѣ каждаго, твердилъ племенамъ гонимымъ: «И ваша череда настанетъ; будьте готовы, надѣятесь и вы!»

При таковыхъ предзнаменованіяхъ, Россійской Посланникъ, Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ, прибылъ въ Царьградъ. Въ поступкахъ и рѣчахъ его, въ отборномъ сонмѣ чиновниковъ, его сопровождавшихъ, ярко отражались величіе и слава Россіи. Представитель Александра I-го, по мнѣнію Христіянъ, могъ повелительно начертать Портѣ условія твердаго мира, или, въ случаѣ упорства ея, указать ей послѣднее убѣжище въ отдаленнѣйшихъ кочевьяхъ Сѣверной Азіи. Гордыя народныя предчувствія не сбылись. Причины долготерпѣнія Александра изложены были въ предыдущей книгѣ сихъ сказаній. Но какое человѣческое витійство могло бы разувѣрить Грековъ и вразумить ихъ объясненіемъ высокихъ и безкорыстныхъ намѣреній Избавителя Европы? Всѣ безъ исключенія Христіяне Восточные, отъ Патріярха до послѣдняго Клефта гребца, изумленные крайнею медленностію переговоровъ могущественной Россіи съ безсильнымъ Султаномъ, приписывали оную глубокому умыслу политики дальновидной. Умники весьма правдоподобно твердили простому народу: «Не уны-

вайте! Не даромъ Православный Царь продлилъ ничтожные переговоры съ врагомъ презрѣннымъ; не видите-ли, что Русскій Посланникъ съ намѣреніемъ бережетъ спорные вопросы и взаимные упреки для будущаго разрыва? Между тѣмъ войскамъ роздыхъ, и все нѣтъ согласія съ нашими притѣснителями.» Такова была сущность внушеній, разсѣваемыхъ предводителями народными. Греки, убѣждаясь вѣроятностію оныхъ, волновались, кипѣли нетерпѣніемъ и надеждою, и ждали роковаго мановенія, какъ на открытомъ ристалищѣ.

Къ симъ случайностямъ, попущеннымъ волею Всевышняго, присовокупились и другія обстоятельства, не менѣе благопріятныя общему возмущенію. Султанъ Махмудъ, со дня восшествія на Османскій престолъ, обружилъ всѣ свойства духа властолюбиваго и непреклоннаго. Омраченный наслѣдственнымъ невѣжествомъ, онъ взалкалъ власти и богатства, но не умѣлъ избрать надежныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли. Наушники, сребролюбцы, невѣжи, въ сонмѣ коихъ первенствовалъ любимецъ его, знаменитый Галетъ-Эффенди, внушили Махмуду, что онъ предопредѣленъ возстановить единодержавіе въ Турецкой Имперіи, и для сего долженъ разрушить феодальную систему ея, какъ источникъ раздробленія и безначалія въ Государствѣ. Въ Диванѣ принято было за правило гнать и свергать строптивыхъ Пашей, Аяновъ и Беевъ, издревле овладѣвшихъ удѣлами въ Европѣ и Азіи. И подлинно, это многоначаліе, это мелкопомѣстное тиранство, затрудняло всѣ дѣйствія верховной власти, тѣснило злосчастныхъ раевъ и лишало Султанскую казну несмѣтнаго дохода. Но не чѣмъ было замѣнить существующаго порядка въ составѣ Государственномъ. Власть, основанная на правѣ сильнѣйшаго, на палицѣ, мечѣ и веригахъ, власть Турковъ надъ Илотами-Христіянами, держалась силою вспомогательныхъ дружинъ, служившихъ опорами тиранству по тому только, что онѣ участвовали въ его преимуществахъ. Совѣтники Махмуда не постигли сей истины. На перерывъ угождая неукротимымъ, господствующимъ, страстямъ властелина, они съ 1807 года начали свергать удѣльнымъ тирановъ и замѣщать ихъ собственными клевретами, алчными, не извѣдавшими на опытѣ естественныхъ предѣловъ самовластія. При каждомъ ударѣ, низвергавшемъ того, или другаго, мятежнаго Бея, Сул-

танъ и любимецъ его, Галетъ, предавались буйной радости, не догадываясь, что каждый ударъ наносится опорамъ самаго Престола и ускоряетъ его паденіе. Такимъ образомъ низложены были, въ свою чреду, Пасванъ-Оглу, Видинскій, Тершиникъ-Оглу, Измаилъ-Бей, Македонскій, Чапанъ-Оглу и благотворный, мощный владыка Средней Азіи, сразившійся съ нами на Дунаѣ, Египетскіе Мамелюки, и множество иныхъ воинственныхъ подручниковъ Османской Имперіи. Похищенныя ими у Христіянъ богатства лились въ казну Султанскую и въ хранилища ненасытныхъ его любимцевъ. Но Государство изнемогло: многосложная, желѣзная, сѣть, опутавшая Христіянъ, расторглась. Удивительно ли, что воздыханія утѣсненныхъ постепенно превратились въ угрозы и слились наконецъ въ одинъ ужасающій вопль отмщенія и возстанія?

. . . .

Вскорѣ ложная система властолюбія увлекла ослѣпленнаго успѣхами Султана еще ближе къ краю зіяющей бездны. До 1820 года онъ опасался затѣять явную войну противъ сильнѣйшаго подручника своего, кровожаднаго и хитраго Али-Паши Тепеленскаго, тридцать лѣтъ сряду владѣвшаго Албаніею, Ѳессаліею и приморскимъ Эпиромъ. Молва о несчетныхъ его сокровищахъ сильно подстрекала сребролюбіе Порты, и личная вражда Галетъ-Эффендія съ Али-Пашею сугубо воспламеняла неблагорасположеніе Махмуда къ сему послѣднему; но коварство стараго, умнаго, злодѣя и приверженность къ нему воинственныхъ племенъ Албаніи устрашали Диванъ и заставляли откладывать сомнительную схватку. И въ самомъ дѣлѣ, здравый политическій смыслъ и обыкновенное благоразуміе долженствовали бы склонить Султана къ долготерпѣнію и притворному миролюбію; ибо старому душегубцу было уже съ лишнимъ семдесятъ лѣтъ, а сыновья его, Мухтаръ и Вели-Паша, развращенные родительскимъ примѣромъ, не наслѣдовали быстраго ума его и постояннаго мужества. Давъ время дряхлому кровопійцѣ умереть на губительномъ сѣдалищѣ, Султанъ могъ смѣло надѣяться, что успѣетъ смирить несогласныхъ между собою преемниковъ его и усвоить себѣ сокровища и удѣлы его однимъ размахомъ желѣзнаго скипетра. Но Галетъ-Эффенди хотѣлъ отмстить Али-Пашѣ, * сокрушить его могущество

---

* Увѣряютъ, что Али-Паша наслалъ убійцъ на Галета; ковъ не удался, и раз-

и заблаговременно овладѣть его богатствами. Онъ вдохнулъ ярость свою Султану, и наступательныя дѣйствія противъ Али-Паши начались. Година страшная, роковая для всѣхъ утѣсняемыхъ Христіянъ! Что предвѣщала имъ отчаянная борьба Султана съ сильнѣйшимъ его подручникомъ, тридцать лѣтъ независимо владѣвшимъ большею частію Греціи? ибо сынъ его, Вели-Паша, долго былъ Пашею Морейскимъ. Надобно ли было имъ ждать событія въ пагубномъ оцѣпенѣніи, или принять дѣятельное участіе въ борьбѣ? Но въ томъ и другомъ случаѣ грозило имъ сугубое бѣдствіе. Старѣйшины и вожди Христіянъ знали, что если одолѣетъ Али, то горе его подданымъ, и гнусное его владычество утвердится до поздняго потомства. Если же Султанъ низвергнетъ искуснаго крамольника, то участь Христіянъ будетъ еще плачевнѣе; ибо одноглавая гидра тиранства претворится въ стоглавое чудовище: алчный сонмъ Султанскихъ клевретовъ раздробитъ обширное достояніе падшаго злодѣя и безначаліемъ увеличитъ страданія порабощенныхъ. Итакъ утѣсненнымъ едва ли оставался выборъ между возстаніемъ и бездѣйствіемъ. Возбуждаемые посторонними причинами и разглашеніемъ Этеріи или Тайнаго Общества, Греки взволновались, и подняли оружіе, не дождавшись конца состязанія равно ненавистныхъ имъ властителей.

Безбожный Али-Паша, чтобы привлечь къ себѣ Христіянъ еще до вступленія въ бой, разсѣялъ въ народѣ слухъ о мнимомъ намѣреніи своемъ принять вѣру Христіянскую, и всѣхъ вообще удальцевъ Эпира, Мусульманъ и Христіянъ, умѣлъ вооружить въ свою пользу обѣщаніемъ наградъ и страхомъ Султанскаго жезла, устремленнаго на необузданное ихъ своевольство. Тогда многіе изъ защитниковъ Греческаго возстанія крѣпко понадѣялись на отвагу и счастье Али-Паши; разрывъ его съ Портою они почли знаменіемъ Небеснаго благоволенія къ собственному ихъ предпріятію, забывъ, что правосудіе Божіе тѣмъ неумолимѣе къ преступнику, чѣмъ возвышеннѣе санъ его и чѣмъ заразительнѣе примѣръ его злодѣяній; что ослѣпленіе ума есть неминуемое слѣдствіе ожесточенія сердечнаго, и что оно низвергаетъ съ вы-

---

драженный любимецъ Султана рѣшилъ судьбу Турціи, желая отмстить за личную обиду.

соты могучаго нечестивца въ бездну, изрытую его преступленіями. И хотя Провидѣніе устремляетъ самое зло, содѣянное человѣчествомъ, къ благотворной цѣли, но для дѣла святаго и спасительнаго десница Божія, въ немощи совершающая силу, не избираетъ нечистаго орудія.

Раздраженный Султанъ выслалъ противъ Янинскаго Паши знаменитаго Визиря, Хуршида, и произнесъ на мятежника опалу великую, отлученіе отъ сонма Правовѣрныхъ, по приговору Шейхъ-Ислама и всѣхъ Мусульманскихъ законниковъ. Проклятія человѣчества подѣйствовали сильнѣе Коранскихъ перуновъ. Лишь только начались непріязненныя движенія, какъ тридцатитысячное войско Али-Паши, составленное изъ Христіянъ и Турковъ, оробѣло; переметчики, увлеченные обѣщаніями и угрозами Верховнаго Визиря, цѣлыми шайками переходили въ Турецкій станъ, не встрѣчавшій нигдѣ чаемаго сопротивленія; города и области покорялись, и звѣрскій Али, низложенный безъ боя, съ горстію приверженцевъ и тѣлохранителей, затворился въ крѣпкомъ замкѣ, на островѣ среди Янинскаго озера, гдѣ издавна хранились его сокровища, оцѣняемыя молвою народною въ 250 милліоновъ піастровъ.

Въ это самое время Князь Ипсиланти уже занялъ Валахію, и общій бунтъ, вспыхнувшій въ Мореѣ 25 Марта, въ день Благовѣщенія, уже разливался пожирающимъ пламенемъ по всему полуострову. Вскорѣ Царьградъ сдѣлался позорищемъ душегубства. Побужденіемъ къ симъ неописаннымъ ужасамъ послужила Этерія, давно таившаяся во мракѣ. Указавъ на корень, развитіе и цѣль сего общества, мы довершимъ полное изложеніе причинъ, предуготовившихъ возстаніе Греціи и ускорившихъ начало онаго, вопреки соображеніямъ людей добросовѣстныхъ и благонамѣренныхъ внутри и внѣ Россіи. Бытописанія порабощенной Греціи, современная политика, самая умѣренность Александра I-го въ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портою, вліяніе Русской славы, безъ соучастія воли Самодержавной и миролюбивой, козни отчаянной Этеріи, и болѣе всего, немудрое, самоубійственное, властолюбіе Султана и временщика его, Галета: всѣ сіи достовѣрныя, исторически доказанныя, происшествія, составляютъ цѣпь причинъ гибельнаго потрясенія, коему и донынѣ не положено твердыхъ

предѣловъ. Провидѣніе, неизслѣдимое въ путяхъ своихъ, мѣриломъ правды и мудрости, излило на землю сію чашу послѣдняго искушенія, устранило препоны, посрамило страсти и разсчеты человѣческіе, попустило погрѣшности и все предуставило для цѣли, безъ сомнѣнія, спасительной, но еще покрытой священнымъ, глубокимъ, не рѣдѣющимъ, мракомъ.

Утѣсняемому свойственно скрывать намѣренія и дѣйствія отъ взоровъ своего утѣснителя. По сему существованіе тайныхъ обществъ и повременныхъ заговоровъ въ странахъ, подвластныхъ жезлу Турецкому, не должно быть судимо по закону и обычаямъ Государствъ благоустроенныхъ. Въ Турціи, со дня завоеванія Царьграда до нашихъ временъ, не было усыновленія между преемниками Калифовъ и Христіянскими ихъ данниками; слѣдовательно, не могло быть и братства между поклонниками Христа и чтителями Магомета. Коранъ постоянно предлагалъ, и предлагаетъ, покореннымъ, для выкупа ихъ жизни, избирать любое: или порабощеніе, не только Султану, но и каждому Мусульманину, или отступничество отъ вѣры. Послѣ сего удивительно ли, что въ нѣдрахъ Турецкой Имперіи увѣковѣчились вражда и самоуправство и по временамъ возникали тайныя общества, посягавшія на беззаконную власть? Тамъ все превращалось въ тайну: домашній бытъ семействъ, богатство, красота женъ, дѣвъ и отроковъ Христіянскихъ, обновленіе полуразрушеннаго храма, устроеніе училищъ — все творилось, улаживалось, существовало втайнѣ. По причинѣ сей безпримѣрной тягости гражданскаго общежитія, со времени народнаго пробужденія Грековъ при Екатеринѣ II-ой, начали появляться между ними тайныя общества, имѣвшія цѣль политическую — освобожденіе отчизны отъ нестерпимаго ига. Изъ сихъ обществъ, произведенныхъ единомысліемъ угнетаемаго племени, два ознаменовали свое краткое бытіе различными подвигами и вліяніемъ на современниковъ. Первая Этерія или содружество основано было знаменитымъ Ригасомъ, не разъ уже упомянутымъ въ сихъ отрывкахъ. Онъ умѣлъ склонить къ участію въ семъ предпріятіи не только приверженцевъ Французской партіи, коей онъ былъ главою, но даже многихъ удальцовъ, первоначально преданныхъ Россіи и въ послѣдствіи разочарованныхъ частыми горестными неудачами. Мно-

гіе сподвижники смѣлаго моряка Ламбра Каччіони, предводители Горцевъ, Захарія Морейскій, Пангалосъ, Анагностарасъ и другіе, подобные имъ, страдальцы и труженики за правое дѣло, движимые отчаяніемъ, но безъ внутренняго убѣжденія, * приставали къ Этеріи Ригаса, испытывали всѣ средства и всюду домогались содѣйствія въ замышляемомъ общемъ возстаніи на Мусульманъ. Сіе общество рушилось отъ частыхъ превратностей внѣшней Европейской политики, не позволявшихъ членамъ онаго дѣйствовать по единообразному направленію. Отъ сего времени до 1817 года Этерія жила въ сердцахъ Грековъ; правила, чувствованія и надежды, нѣкогда сосредоточенныя ею въ одинъ кругъ, передаваемы были изъ рода въ родъ посредствомъ воспитанія, проникли въ отдаленнѣйшія страны и срослись съ общественнымъ мнѣніемъ и образомъ мыслей. Казнь Ригаса, выданнаго Туркамъ Австрійскимъ Правительствомъ, сохранилась въ памяти народной, какъ грозное предостереженіе отъ ненависти Западныхъ Державъ, какъ кровавое завѣщаніе твердо блюсти народную тайну. Тогда, т. е., въ 1817 году, послѣ дивныхъ побѣдъ Александра І-го, при кликахъ шумной радости, раздававшихся по всей умиротворенной Европѣ, составилась Вторая Этерія, обширнѣе и предпріимчивѣе первой. Люди безъизвѣстные, но отважные, напитавъ себя живыми образцами сего рода въ другихъ странахъ, примѣнили къ правому долгу униженнаго Православія беззаконныя средства, козни и соображенія прочихъ тайныхъ обществъ. Они, по слѣдамъ предшествовавшихъ имъ на семъ поприщѣ, заразились тлетворною увѣренностію въ томъ, что благая цѣль освящаетъ преступныя средства; ибо на семъ камени отъ вѣка зиждутся всѣ заговоры и замыслы, порожденныя буйствомъ страстей. Къ первымъ, почти безъименнымъ, зачинщикамъ роковаго подвига постепенно присоединялись купцы, увлеченные призракомъ собственной политической важности, плѣнявшей ихъ самолюбіе, бездомные ратоборцы, начальники старыхъ разсѣянныхъ дружинъ, лишенные роднаго пріюта, отталкиваемые Россіею и Англію, ученые, живущіе въ воспоминаніяхъ древней Греческой славы, и наконецъ дѣловые люди въ кругу Византійскомъ и въ Княжествахъ,

* Къ нимъ можно примѣнить извѣстный стихъ: «Flectere si nequeo Superos, Acheronta movebo!»

которые видѣли во всѣхъ сихъ движеніяхъ перстъ могущественнаго Государства. Такъ возникла и укрѣпилась новая Этерія, водворенная въ Царьградѣ, Букарестѣ, Яссахъ, Триполицѣ, въ Корфу, Тріестѣ, Ливорнѣ, Одессѣ и Кишиневѣ, откуда разсылала она своихъ проповѣдниковъ для сбора денежныхъ пожертвованій и умноженія своихъ сообщниковъ. Всѣмъ робкимъ шептали на ухо волшебныя имена Россіи и Александра, слабыхъ поили млекомъ и весьма малому числу избранныхъ раздавали крѣпкое брашно. Ложь неимовѣрно способствовала распространенію Этеріи. Подъ многоразличными личинами смѣлый Протей скрывался отъ бдительности противниковъ. Здѣсь сообщники сбирали подаяніе на церковь, тамъ сооружали училища, индѣ выкупали плѣнныхъ и занимались печатаніемъ книгъ общеполезныхъ. На крыльяхъ торговли и мореплаванія тайна Этеріи и завѣтная цѣль злосчастнаго Христіянства безъ огласки переходили изъ края въ край Европы. Одного еще недоставало заговорщикамъ. Они не обрѣтали знаменитаго начальника, коему можно было бы вручить знамя востанія за Вѣру и Отечество. Взоры всѣхъ Грековъ обращены были на Графа Ивана Каподистрію, какъ на природнаго ходатая и заступника Христіянъ у Всероссійскаго престола. Слава вѣрнаго слуги и мудраго совѣтника Александра I-го казалась достояніемъ всей униженной Греціи, залогомъ и предвѣстіемъ близкаго ея возрожденія. Отъ него чаяли надежной опоры, помощи и рѣшительнаго знака ко взрыву накопившихся горючихъ веществъ.

Непросвѣщенные, но богатые здравымъ смысломъ, предводители храбрыхъ Горцевъ въ Эпирѣ и Пелопонисѣ изъявляли готовность возстать на общаго врага, но требовали отъ старѣйшинъ Этеріи доказательства въ томъ, что Каподистрія одобряетъ замышляемое предпріятіе. Они не внимали внушеніямъ зачинщиковъ мятежа и пребывали неподвижными, указывая на звѣзду Сѣвера. Тогда Этеристы, усмотрѣвъ непреклонность вооруженныхъ, сперва отправили въ С.-Петербургъ, въ началѣ 1817 года, нѣкоего Галати, уроженца острова Закинѳа, съ тайнымъ порученіемъ, извѣдать намѣренія Каподистріи и склонить его къ принятію дѣятельнаго участія въ великомъ подвигѣ. Неизвѣстно и донынѣ, что побудило корифеевъ Общества избрать посланника, совершенно

неспособнаго выполнить данный ему наказъ. Изувѣрство, слѣпая самонадѣянность, нескромное и распутное поведеніе: таковы были главныя черты его характера. Галати прибылъ въ С.-Петербургъ съ Великобританскимъ паспортомъ, носилъ безпрестанно красный мундиръ Іонической внутренней стражи, шумѣлъ, важничалъ, самохвальствовалъ съ изысканною, или безумною, неосторожностію. Явясь къ Графу, онъ высказалъ много несвязнаго о рѣшимости Грековъ свергнуть съ себя Султанское иго, молилъ о ходатайствѣ за нихъ у Монарха, и указалъ преимущественно на Западную Грецію или Эпиръ, какъ на средоточіе народнаго ополченія. Въ отвѣтъ на его рѣчи Графъ Каподистрія объявилъ ему, что Царь Православный въ переговорахъ съ Оттоманскою Портою не теряетъ изъ виду благоденствія Христіянъ, искренно желаетъ постепеннаго улучшенія ихъ участи, и по тому не престанетъ благопріятствовать всѣмъ усиліямъ Грековъ, имѣющимъ цѣлію нравственное и умственное образованіе народное, и что, напротивъ, всякое необдуманное предпріятіе, устремленное къ сверженію ярма насильственнымъ образомъ, неминуемо вовлечетъ Грецію въ пучину бѣдствій и не пріобрѣтетъ обольщеннымъ ложно обѣщаннаго имъ покровительства. И въ послѣдствіи всѣ отзывы нашего Кабинета на разныя домогательства со стороны Грековъ гласили одно и то же, дышали благосклонностію, но внушали терпѣніе и трудъ нашимъ единовѣрцамъ. Вѣроятно, голосъ опыта, правоты и здравой политики не полюбился Галати и не убѣдилъ разстроеннаго его разсудка. Онъ проговорился въ бесѣдахъ съ презрѣнными людьми, обратилъ на себя подозрѣнія чуткихъ Дипломатовъ и бдительность Полиціи, былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость. Обыскъ бумагъ его не обнаружилъ ничего любопытнаго, и по волѣ Государя отправили его въ Бухарестъ, какъ жалкаго безумца, съ предписаніемъ Россійскому Консулу способствовать возвращенію его въ родной край мимо опасностей, угрожавшихъ его жизни со стороны друзей и глядатаевъ Порты Оттоманской. Не смотря на сію постыдную неудачу, Этерія, тѣснимая любопытствомъ дружинъ и предводителей Греціи, выслала въ Москву другихъ довѣренныхъ людей, старца Анагностараса и Хрисоспахія, съ подобными прежнимъ порученіями. Они, по волѣ Императора, получили однозначительныя указанія, совѣты и денежныя пособія на обратный путь отъ щедротъ Монаршихъ. Тѣмъ

временемъ, воинственные сонмы удальцовъ, встревоженныхъ внушеніями Этеріи, пылали нетерпѣніемъ и яростію. Надлежало непремѣнно подкрѣпить ихъ усердіе выборомъ начальника въ самой Россіи, и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ непреклонности Каподистріи. Жребій палъ на Генералъ-Маіора Князя Александра Ипсиланти. Дерзкій, безнравственный членъ Этеріи, Ксаноосъ, отринутый Графомъ Каподистріею за своекорыстныя домогательства, приступилъ къ неопытному юношѣ, одушевленному ревностію къ отечеству, но не по разуму. Въ лицѣ его соединялись всѣ качества вождя патріотовъ, всѣ, кромѣ высокаго генія. Сынъ изгнанника, Господаря Константина, внукъ Князя Александра, умнаго старца, испустившаго духъ въ мученіяхъ жестокой пытки за побѣгъ своего сына и подозрѣніе въ сокрытомъ богатствѣ, прославленный раною, на полѣ чести и осыпанный милостями Освободителя Европы, юный Ипсиланти блисталъ удалою наружностію, веселостію нрава и дышалъ пламенною любовію къ странѣ своихъ предковъ. Все въ немъ способствовало очарованію умовъ, возбужденію страстей, мгновенному, быстрому, порыву его послѣдователей: знаменитый родъ, гоненіе Турецкое, свойства души, воинскій санъ, приближенность къ Самодержцу, * отвага и счастіе, дотолѣ осѣнявшее юную главу его.

Ксаноосъ, при содѣйствіи Г. Мано, родственника юнаго Князя, посвятилъ Ипсиланти въ таинства Этеріи и ввелъ будущаго вождя Грековъ во святилище, наполненное ѳиміямомъ, очаровательнымъ для юношескаго самолюбія. Водители раскрыли предъ нимъ все прошедшее и преувеличивали способы, связи и соображенія Общества, будто бы обладавшаго необъятною казною и располагавшаго въ самомъ Царьградѣ многими тысячами приверженцевъ, готовыхъ, по первому мановенію, зажечь арсеналъ и флотъ и въ общемъ смятеніи умертвить Султана на распутіяхъ встревоженной столицы. Князь Ипсиланти внялъ лестнымъ ихъ обѣщаніямъ, плѣнился высокопарными замыслами и допустилъ увѣрить себя въ обманчивомъ предположеніи, что, для нанесенія роковаго удара Туркамъ, недоставало только главнаго начальника. Однако жь, не смотря на смѣлый порывъ окрыленныхъ надеждъ,

---

* Онъ былъ Флигель-Адьютантомъ Е. В. до полученія чина Генералъ Маіора.

Ипсиланти и совѣтникъ его сознавались въ существенной важности Россійскаго покровительства и, дѣйствуя по сему сознанію, вознамѣрились обратиться въ послѣдній разъ къ нашему Кабинету съ мольбою о помощи и, въ случаѣ отказа, прибѣгнуть къ дерзкому вымыслу, чтобы, ложью и призраками мнимой Державной защиты, поколебать ветхое зданіе Мусульманства, шагнуть чрезъ бездну, или увлечь за собою въ челюсти ея все народонаселеніе Христіанское. Дабы скорѣе извѣдать расположеніе Александра I-го, Князь Ипсиланти приступилъ къ Графу Каподистріи, какъ къ единоземцу. Онъ неоднократно заводилъ съ нимъ жаркія прѣнія о бѣдственномъ состояніи Греціи, о грозномъ волненіи умовъ, о неминуемыхъ частныхъ возстаніяхъ и о необходимости дать симъ движеніямъ единство и опредѣленную цѣль. Для сего Ипсиланти изложилъ предъ нимъ чертежъ всенародной, добровольной, денежной складки къ составленію казны и къ введенію по всѣмъ областямъ Греціи общаго военнаго устройства. Графъ Каподистрія, возражая по указаніямъ опытности и проникнувъ козни, коими уловленъ былъ юный патріотъ, съ жаромъ предостерегалъ его отъ льстивыхъ внушеній обанкрутившихся купцовъ (это были собственныя его слова), которые ищутъ возстановить свое благосостояніе чужими трудами и кровію. Онъ живо изобразилъ ему гибельныя слѣдствія безвременнаго возстанія, настоятельно требовалъ, чтобы Греки позаботились о просвѣщеніи умовъ и образованіи духовномъ и нравственномъ, какъ объ условіяхъ, безъ коихъ не можетъ быть гражданской свободы, напоминалъ о всемъ, что имъ самимъ сдѣлано для приближенія къ сей цѣли, * повторялъ, что таково мнѣніе Императора, и мнѣніе непреклонное, однимъ словомъ, великій мужъ истощилъ всю силу убѣжденія, братолюбія и мудрости, чтобы отвлечь Князя Ипсиланти отъ участія въ какомъ бы то ни было заговорѣ. Но стрѣлы краснорѣчія, истекавшаго изъ глубины души умиленной, отражены были щитомъ

---

* Графъ Каподистрія жертвовалъ ежегодно многими тысячами рублей на содержаніе молодыхъ Грековъ, обучавшихся въ Германіи, Италіи и Швейцаріи. Щедрость его простиралась до расточительности и самоотреченія. Онъ по временамъ исходатайствовалъ у Государя значительныя пособія для бѣдныхъ Греческихъ училищъ. Этотъ человѣкъ жилъ и умеръ не для себя, но для Бога и ближнихъ.

притворнаго согласія. Все смолкло, и Князь Ипсиланти получилъ отпускъ за границу до излѣченія болѣзни. Не намекая болѣе ни словомъ о призывѣ Морейскихъ удальцовъ, обреченный злосчастію, молодой воинъ объявилъ единственно о намѣреніи своемъ побывать въ Валахіи по семейственнымъ дѣламъ (родъ его владѣлъ тамъ огромными вотчинами), и оттуда отправиться къ цѣлебнымъ водамъ Германіи, или Южной Европы. Въ Москвѣ Ипсиланти имѣлъ свиданія съ другими членами Этеріи, очаровалъ ихъ двусмысленными обѣщаніями; то же самое учинилъ въ Одессѣ, кипѣвшей сонмами Грековъ зажиточныхъ и торговыхъ; потомъ водворилъ главную свою квартиру въ Кишиневѣ. Еще не вѣдалъ онъ, куда направить первыя наступательныя дѣйствія. Въ Тріестѣ ждало его купеческое судно, посланное изъ Константинополя для пренесенія его въ Морею. Но близость Молдавіи, Валахіи и Сербіи, удерживала его; переписка съ Эфорами Этеріи въ Царьградѣ, сулившими чудеса, усугубляла его недоумѣніе: вѣрный признакъ отсутствія въ немъ истиннаго генія. Тѣмъ временемъ нечаянные случаи огласки, погрѣшности, копились и возрастали, обнажая замыслы недозрѣвшіе. Около сей самой эпохи, т. е., въ 1820 году, старѣйшины Христіянъ начали подозрѣвать зачинщиковъ Этеріи въ неискренности и подлогѣ. Ничто не ручалось за вожделѣнное содѣйствіе Царя Православнаго. Дабы прямѣе извѣдать затмѣваемую истину, они отправили отъ себя въ Петербургъ нѣкоего Камариноса, коему приказано было непосредственно вопросить Графа Каподистрію: «въ чемъ именно состоитъ воля Императора?» Умный, расторопный, Камариносъ, выслушавъ Державныя указанія, спасительныя для цѣлаго народа, поспѣшилъ обратно къ пославшимъ его, въ надеждѣ предупредить бѣдственное возстаніе; но тайна его посольства была разгадана: несчастный не доѣхалъ до родныхъ утесовъ — безъ вѣсти пропалъ, исчезъ съ лица земнаго! *

* То же самое утверждаютъ о кончинѣ безумнаго Галати, будто бы убіеннаго, по приговору Этеріи, на возвратномъ пути въ Грецію. Но сіе обстоятельство недостовѣрно. Какъ не сомнѣваться въ истинѣ разсказа, если принять въ соображеніе ничтожность Галати и распутную его жизнь, которая и безъ мрачныхъ навѣтовъ долженствовала навлечь ему конецъ преждевременный?

Лайбахскій Конгрессъ длился сверхъ всякаго чаянія; между тѣмъ Князь Ипсиланти тайно собиралъ клевретовъ своихъ за Прутомъ, учреждалъ Главный Штабъ, печаталъ на досугѣ прокламацію въ своей комнатѣ и переписывался съ Постельникомъ Господаря Молдавскаго, Князя Михаила Суццо. Сей Господарскій Сановникъ, по имени Яковъ Ризосъ-Нерулосъ, родомъ изъ Константинополя, извѣстенъ былъ всей Греціи по многимъ легкимъ стихотвореніямъ своимъ, заслужившимъ общую похвалу. Онъ славился остроуміемъ и любезностію, блисталъ краснорѣчіемъ, но вмѣстѣ пылалъ честолюбіемъ. Ему вздумалось экспромтомъ произвести революцію, какъ лирическую загѣю, перемѣнить всѣ предначертанія Князя Ипсиланти, и заманить его въ Княжества. Долго тѣшилъ Ризосъ неопытнаго вождя мечтою небывалаго содѣйствія со стороны воинственныхъ Сербовъ, управляемыхъ Княземъ Милошемъ Обреновичемъ, котораго обмануть оказалось невозможнымъ. Переговоры, наборъ Этеристовъ, сборъ денежныхъ пособій, переписка съ Сербіею, всѣ сіи происки легкомыслія и притворства продолжались до наступленія 1821 года. Тогда внушенія Ризоса склонили Ипсиланти къ нашествію въ Запрутскія страны, и случай, доставившій рѣшительный перевѣсъ совѣтамъ Постельника, возникъ отъ нечаянной смерти Валашскаго Господаря, Князя Александра Суццо. Сіе происшествіе послужило переломомъ; водители предпріятія плѣнились надеждою на быстрые успѣхи, при помощи безначалія въ томъ краѣ; наконецъ извѣстіе о взятіи подъ стражу Пашею Виддинскимъ посланнаго въ Сербію Грека смутило Ипсиланти и ускорило минуту нашествія, чтобы предупредить открытіе тайны, гибельное для всѣхъ его сообщниковъ. 1821 года, Февраля въ 24 день, Князь А. Ипсиланти, съ малымъ числомъ ближайшихъ единомысленниковъ, переправился чрезъ Прутъ, и передъ вечеромъ въѣхалъ въ Яссы. Тѣнь Кесаря шагнула чрезъ новый Рубиконъ; но ретивое сердце и не озаренный умъ юнаго поборника Христіянъ не могли воскресить величія мужей древности, воззвать чудесъ вѣковъ минувшихъ!

Тѣлохранители Господаря, соединясь съ отребіемъ черни при появленіи Ипсиланти, кинулись неистово на Турковъ, случайно находившихся въ Яссахъ, и всѣхъ изрубили. Тѣ же буйства происходили въ Галацахъ, гдѣ около ста Турковъ погибло, по мно-

венію Василія Каравья, безъ согласія на то главнаго начальника. Впрочемъ, сколь ни достойны омерзѣнія таковые поступки, историкъ обязанъ замѣтить, что въ семъ порывѣ звѣрскаго мщенія не было ничего удивительнаго. Ибо въ цѣломъ народонаселеніи Христіянскомъ, отъ Евфрата и Нила до водъ Днѣстровскихъ, есть ли хотя одно семейство, которое не оплакивало бы въ каждомъ поколѣніи по одной жертвѣ свирѣпаго изувѣрства, или сладострастія, Магометанъ?

Искони человѣчество стремилось похищать перуны Небеснаго Правосудія, упреждать казнь виновныхъ самоуправствомъ, воздавать потомкамъ за обиды предковъ, и тѣмъ изъявлять собственное сознаніе въ несомнѣнности грѣховнаго преемства и отвѣтствія изъ рода въ родъ. Въ порывахъ страсти кому внятенъ гласъ истины, вѣщающій: «Мнѣ мщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь!»

Изъ Яссъ Князь Ипсиланти отправилъ гонца въ Царьградъ, и велѣлъ вручить свое письмо Драгоману Порты, Князю Константину Мурузи. Соображая нынѣ всѣ обстоятельства сей годины бѣдствій, должно предполагать, что Ипсиланти вторгся въ Молдавію на удачу, по совѣтамъ коварныхъ и безсовѣстныхъ людей. Они, гордясь мнимымъ своимъ глубокомысліемъ, вперили въ слабый умъ его собственные злодѣйскіе замыслы, во первыхъ, чтобы поссорить Порту съ Россіею, противъ воли сей послѣдней, и ворваться прямо изъ предѣловъ Русскихъ въ земли, подвластныя Султану, чтобы ложь сдѣлать правдоподобною; во вторыхъ, чтобы возбудить ярый гнѣвъ Махмуда противъ Византійскихъ Христіянъ, дабы душегубствомъ растравить глубокую рану, прочихъ Христіянъ довести до отчаянія чрезмѣрностію зла, вынудить наконецъ заступленіе Россіи въ пользу жертвъ невинныхъ. Стремясь къ сей кровавой цѣли, Князь Ипсиланти поспѣшилъ письмомъ своимъ усугубить личную опасность Сановника Мурузи и подозрѣнія на него Турецкаго Правительства. Случайно, или съ умысломъ, Грекъ вручилъ Князю Мурузи роковое письмо въ присутствіи многихъ Царедворцевъ Султана. Это былъ для него приговоръ къ смерти. Таить посланіе было уже невозможно. Великій Драгоманъ самъ перевелъ письмо на Турецкій языкъ и передалъ его судіямъ неумолимымъ. И сей поступокъ не обезоружилъ злобы ихъ; несчастный отецъ семейства,

Кончина Патріарха и сподвижниковъ его была подгнѣтою едва начавшагося пожара; возмущеніе проникло изъ крови праведной и стяжало необъятную и непреоборимую силу. Въ Смирнѣ убивали Христіянъ; въ Іоаниннѣ свирѣпствовали побѣдившія Али-Пашу Турецкія полчища; въ столицѣ Мореи, Триполицѣ, вѣроломный Паша, заманивъ въ крѣпость многихъ почетныхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предлогомъ совѣщанія удержалъ ихъ въ оковахъ, какъ заложниковъ покорности народной, и вскорѣ, усмотрѣвъ безполезность сей мѣры, предалъ ихъ смерти. Патрасскій Митрополитъ Германъ, отправившійся, вмѣстѣ съ прочими Сановниками, въ Триполицу, по призыву Паши, остановился на пути около Калавритъ, подъ предлогомъ болѣзни, обратился вспять къ своей паствѣ, и подалъ знакъ къ возстанію, по внутреннему предчувствію. Бывъ нѣсколько лѣтъ сряду явнымъ ревнителемъ отечественной свободы, сей смѣтливый инокъ скорѣе прочихъ проникъ замыслы Султанскаго Намѣстника и смѣло бросился отъ плахи въ пучину безбрежную. Предводитель Горцевъ, знаменитый Ѳеодоръ Колокотрони, поднялъ оружіе въ Каритенскихъ ущеліяхъ и выступилъ въ поле по направленію къ столицѣ полуострова съ двумя тысячами отчаянныхъ. Другой отрядъ устремился къ Патрасу. Городъ взятъ былъ приступомъ и сожженъ. Звѣрскіе Лаліоты, Турки, заключились въ крѣпости, отразили съ рѣдкимъ мужествомъ нападенія Грековъ и неоднократно вытѣсняли ихъ изъ города, превращеннаго въ груду камней и пепла. *

Тѣмъ временемъ Князь Александръ Ипсиланти тайно отправилъ меньшаго брата своего, Князя Димитрія, чрезъ Италію, въ Пелопонисъ, съ порученіемъ и властію Намѣстника своего, набиралъ войско въ Молдавіи и Валахіи. Отвсюду слетался шумный рой бездомныхъ искателей добычи и счастія и тѣснился около знаменъ его, носившихъ символическое изображеніе феникса, воскресающаго изъ собственнаго пепла. Но лучшій отборный полкъ его составился изъ молодыхъ благовоспитанныхъ людей, увлеченныхъ въ сіе предпріятіе нелицемѣрнымъ патріотиче-

---

* Патрасъ процвѣталъ дотолѣ торговлею. Чрезъ сію пристань вывозимо было ежегодно на нѣсколько милліоновъ рублей одного Коринѳскаго изюму въ Англію и Россію.

скимъ восторгомъ. По единодушію сіи юноши, числомъ семьсотъ человѣкъ, были достойны лучшей участи и болѣе искуснаго начальника. Онъ назвалъ ихъ священною дружиною (ἱερὸς λόχος) въ память юныхъ Ѳивянъ, древле воевавшихъ подъ предводительствомъ Пелопида. Прочія шайки, составлявшія сію малую рать, отличались только пестротою, буйствомъ, алчностію корысти и строптивымъ ослушаніемъ. Надъ ними поставлены были начальниками хищные Альбанцы, посѣдѣвшіе въ разбояхъ тѣлохранители Господарей, или вышедшіе изъ училищъ самонадѣянные проказники. Одного только маститаго вождя, истиннаго героя, умѣлъ пріобрѣсть Ипсиланти, но не умѣлъ воспользоваться высокими его доблестями. Это былъ Капитанъ Георгій Олимпій, мужъ совѣта и наѣздникъ безстрашный, мощный духомъ, хотя вовсе не грозный осанкою и наружностію. *

Въ Валахіи, лишенной Господаря своего, нѣкоторые Бояре, начальники вольницы и члены Этеріи, нетерпѣливо ожидали прибытія Князя Ипсиланти, по тому что въ сей странѣ уже господствовало неустройство и отчасти явное возмущеніе. Главою бунта, вспыхнувшаго предъ самою смертію Господаря, былъ нѣкто Ѳеодоръ Владимиреско, Валашскій уроженецъ, находившійся прежде въ службѣ Россійской. Онъ чуждался замысловъ Этеріи, объявлялъ себя защитникомъ туземцевъ и мстителелемъ за нарушеніе ихъ правъ мѣстною властію, громогласно вопіялъ противъ злоупотребленій ея и искалъ расправы силою оружія. Пользуясь минутнымъ владычествомъ надъ простымъ народомъ, онъ умѣлъ взволновать его и набралъ въ Малой Валахіи до четырехъ тысячъ войска, составленнаго изъ Пандуровъ или мѣткихъ стрѣлковъ, коими обильна сія гористая страна, смежная съ верховьемъ Дуная и Венгріею. Не трудно было бунтовщику составить вольницу изъ

* Георгій Олимпій, природный Грекъ, изучилъ военное ремесло въ горахъ между Клефтами, былъ сподвижникомъ храбрыхъ Сербовъ, отличился на Рущукомъ штурмѣ, будучи охотникомъ, произведенъ былъ въ Прапорщики и получилъ саблю: «За храбрость». Послѣ Бухарестскаго мира онъ надѣлъ снова на себя Албанское платье, вступилъ въ службу вождя Сербскаго, Милоша, принялъ участіе въ Этеріи, и обѣтъ свой запечатлѣлъ своею кровію.

людей, пріобыкшихъ отражать набѣги сосѣднихъ Турковъ и промышлять разбоями. Но бояре Валашскіе недовѣряли намѣреніямъ Владимиреска и невольно устремляли взоры и надежды свои на Князя Ипсиланти, какъ представителя Россіи. Не возможно было Бухарестскому Дивану проникнуть тайну, уже разгаданную Молдавскими Сановниками, вблизи усмотрѣвшими ненадежность предпріятія Ипсиланти. По симъ причинамъ они еще уповали найти въ немъ оградителя общественной безопасности. Долго, однако жь, медлилъ Князь между Яссами и Фокшанами.

Снѣдаемый заботами и устрашенный неблагопріятнымъ отвѣтомъ Императора Александра на письмо его, юный вождь не вѣдалъ, что начать и чѣмъ отвратить грозившій ему ударъ Въ минуты сего гибельнаго недоумѣнія, Ипсиланти подобенъ былъ безпечному страннику, приставшему къ землѣ неизвѣстной и оттолкнувшему отъ берега спасительный челнъ, на которомъ онъ преплылъ бурную стихію. Доказательствомъ внутренней тревоги помысловъ его служитъ второе письмо, написанное имъ къ Россійскому Посланнику, Барону Строганову, въ коемъ онъ изъявилъ непостижимую готовность внять совѣтамъ, совершенно не совмѣстнымъ съ цѣлію необдуманнаго предпріятія. Какъ бы то ни было, приливъ вооруженныхъ шаекъ понесъ его къ Бухаресту, онъ приблизился къ сему многолюдному городу, въ сопровожденіи многочисленнаго войска, но едва успѣлъ созвать къ себѣ приверженцевъ своихъ, какъ вѣсть о нашествіи Турецкой рати смутила его: онъ поворотилъ въ лѣво, къ опустѣвшей древней столицѣ Валахіи, Торговищу, и занялъ въ окрестностяхъ ея довольно крѣпкую позицію. Станъ его былъ наполненъ затѣйливыми совѣтниками. Одинъ указывалъ на лѣвый берегъ Дуная, совѣтуя быстрою переправою изумить Турковъ и ополчить Христіянскихъ жителей Болгаріи, другой внушалъ итти прямо на встрѣчу Силистрійскому Пашѣ, третій укрѣпиться въ горахъ и дѣйствовать разсыпными отрядами; наконецъ большинство голосовъ признавало необходимымъ, до вступленія въ неравный бой, привлечь подъ общее знамя начальника Пандуровъ, Θедора Владимиреска, и хитраго Албанца, Полковника (по Турецкому Бимбашу) Господарской стражи, посѣдѣвшаго въ грабежахъ и наемничествѣ, извѣстнаго Савву. Къ несчастію, Ипсиланти склонился съ сему по-

слѣдшему мнѣнію. Вмѣсто того, чтобы мужественно встрѣтить медленно шедшее Турецкое войско, воспользоваться недовѣрчивою къ силамъ своимъ робостію Паши, и громкою побѣдою осуществить дерзкое возстаніе противъ цѣлой Имперіи, наполненной Христіянами, Князь предпочелъ оборонительную войну, открылъ съ Владимиреском и Саввою безплодные переговоры, обличавшіе его слабость, и малодушною нерѣшимостію охладилъ ревность всѣхъ, желавшихъ ему успѣха. Онъ мечталъ искупить время, и безвозвратно утратилъ благопріятный мигъ; выжидалъ происшествія, и совершенно забылъ, что будущее заключено въ настоящемъ. Владимиреско и Савва колебались въ своихъ намѣреніяхъ и расчетахъ: первый хотѣлъ остаться предводителемъ Валашскаго ополченія и воображалъ, что, дѣйствуя отдѣльно, онъ рано, или поздно, сдѣлается необходимымъ союзникомъ Турковъ, или Грековъ, и, наблюдая движенія обѣихъ воюющихъ сторонъ, изберетъ удобное время, чтобы пристать къ побѣдителю. Въ расчетахъ коварнаго Саввы господствовало одно корыстолюбіе: съ семью стами удальцовъ онъ промышлялъ случаями къ измѣнѣ, и сторожилъ Бухарестъ, какъ вѣрную добычу. Всѣ обманулись! Ибо Турки, раздѣлясь на два сильные отряда, разомъ двинулись впередъ отъ Браилова и Журжи къ Яссамъ и Бухаресту. Свѣдавъ о семъ движеніи непріятеля, Князь Ипсиланти отрядилъ Князя Георгія Кантакузина съ 800 человѣкъ, приказавъ ему поспѣшить въ Яссы, присоединить къ себѣ пѣхоту и конницу Младена Сербскаго и стараться отразить нашествіе врага на южную часть Молдавіи. Самъ остался съ осьмью тысячами въ Торговищѣ; но вскорѣ, избѣгая встрѣчи съ Пашею, отступилъ назадъ, преслѣдуемый Турками, все еще опасавшимися воинской хитрости, засады, или внезапнаго нападенія. Ипсиланти, увѣрившись въ непреклонности Владимиреска, рѣшился наказать его за подозрительное бездѣйствіе, и поручилъ отважному Георгію Олимпію раздѣлаться съ нимъ, употребивъ на то убѣжденіе, или силу. Лишь только отданъ былъ приказъ, Олимпій поскакалъ прямо въ станъ стараго сослуживца, вызвалъ его въ средину стекшейся отвсюду вольницы, смѣло укорилъ его предъ всѣми въ пагубной для края измѣнѣ и, не слушая отрывистыхъ оправданій изумленнаго Владимиреска, велѣлъ его связать и отвести плѣнникомъ въ станъ Княжескій. Никто не вступился за начальника, никто не дерзнулъ возразить

ни одного слова, повелѣніе исполнено было съ покорнымъ трепетомъ, но Пандуры большею частію разбрелись и по уступамъ лѣсистыхъ горъ разсыпались, какъ пчелы изъ раздробленнаго улья. Предводитель ихъ въ оковахъ предсталъ раздраженному Князю; его, какъ увѣряютъ очевидцы, судили военнымъ судомъ, и въ ту же ночь до разсвѣта несчастный былъ изрубленъ. Съ нимъ исчезло туземное войско, отъ котораго надѣялись подкрѣпленія, а неотвратимая встрѣча съ Пашею часъ отъ часу болѣе приближалась. Тогда Князь Ипсиланти прозрѣлъ; чаемыя происшествія не выручили его; со всѣхъ сторонъ обступили его непріятели; сподвижники унывали и гнушались недоступностію, прихотями и мнительностію своего начальника; угасла и въ немъ бодрость духа; онъ тайно выписалъ для себя и двухъ братьевъ своихъ, Николая и Георгія, находившихся при немъ, и имѣлъ Австрійскій паспортъ, коимъ дозволялось ему переѣхать границу и чрезъ Императорскія владѣнія слѣдовать въ Гамбургъ. Съ симъ талисманомъ, сокрытымъ въ доспѣхахъ вождя, наканунѣ роковой битвы, возможно ли было ожидать чего ни будь великаго? Если по прошествіи двѣнадцати лѣтъ вникнуть съ безстрастіемъ въ нравственныя причины, вовлекшія юношу, дотолѣ храбраго, въ сію постыдную крайность, то, по вѣроятностямъ разума, не иначе можно объяснить поступокъ Ипсиланти, какъ предположивъ, что смятенный духъ его ужаснулся не славной смерти, но плѣна Турецкаго, казни мучительной и позорной, усматривая въ побѣгѣ за границу возможность достигнуть Средиземнаго моря и береговъ Пелопониса, чрезъ Гамбургъ и Англію. Двоедушіе, а не низкій страхъ, погубило Князя Ипсиланти; изъ всѣхъ примѣтъ его характера явствуетъ безпечность, выказывается наклонность дѣйствовать на удачу, ловить умомъ нечаянные случаи и, вопреки порядку дольняго міра, слѣпо вѣрить торжеству добрыхъ намѣреній. Какъ бы то ни было, Турки настигли разстроенныхъ Грековъ: лишь только Василій Каравья завидѣлъ непріятеля, тотчасъ обратился въ бѣгство съ отборною конницею, священная дружина осталась одинокою на полѣ сраженія, юные витязи алкали рукопашнаго боя съ палачами Христіянъ и искали взорами главнаго начальника, надѣясь на личное его присутствіе; но тщетно! Одинъ меньшій братъ его, Князь Николай, явился между ними на конѣ, готовый раздѣлить съ ними смерть завидную. Схватка на-

чалась: Георгій Олимпій, посланный Княземъ, бросился въ кровавую сѣчу; хладнокровный исполнитель послѣдняго приказанія его, насильно поворотилъ онъ коня Князя Николая и увлекъ за собою отчаяннаго юношу къ старшему брату. Тогда Мусульмане врубились въ неопытные ряды: лучшіе пали, сражаясь и низлагая свирѣпыхъ враговъ, прочіе взяты были въ плѣнъ, или скрылись въ чащу дубравъ и ущелій. Не стало осьмитысячнаго войска, коего начальникъ, сверхъ всякаго чаянія, уже находился въ плѣну Христіянъ за границею. Георгій Олимпій простился съ Ипсиланти на рубежѣ двухъ Государствъ, обратился безстрашною грудью къ побѣдителямъ, собралъ нѣсколько сотъ удалыхъ товарищей и пустился, по непроходимымъ горамъ, съ намѣреніемъ проложить себѣ путь въ Молдавію. Отъ сихъ разительныхъ противоположностей дѣеписатель невольно погружается въ горестную, глубокую думу.

Мысль, окриленная удивленіемъ, стремится по геройскимъ слѣдамъ Олимпія, не побѣжденнаго злополучіемъ. Обстоятельства его славнаго похода въ горахъ подробно не извѣстны. Мы знаемъ только, что онъ, съ горстію вѣрныхъ и храбрыхъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ скитался по крутизнамъ, громилъ отряды Турецкіе при каждой встрѣчѣ, смѣло переправлялся въ бродъ, или вплавь, чрезъ быстрины горныхъ потоковъ, во всякомъ лѣсу устроялъ засаду, во всякомъ монастырѣ находилъ твердыню и, вступивъ въ Молдавскую область, наконецъ укрѣпился въ древней обители Секу. По извѣту коварныхъ, Турки открыли послѣднее убѣжище непобѣдимаго, обложили монастырь и грозили ему голодною смертію. Но у Георгія еще былъ порохъ: онъ взорвалъ себя на воздухъ. Надъ витяземъ Креста сбылась вдохновенная пѣснь Жуковскаго:

«Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могущихъ плечъ свергаетъ,
И бодръ, на молнійныхъ крылахъ,
Въ міръ лучшій улетаетъ».

И донынѣ сохранилась въ Молдавскомъ простомъ народѣ молва, что онъ еще живъ, не видимый блуждаетъ въ горахъ и снова въ добрый часъ на Турковъ нагрянетъ. Разительное сход-

ство съ Португальскимъ преданіемъ о Королѣ Донъ-Себастіанѣ, безъ вѣсти пропавшемъ въ Африканскихъ пескахъ, и вмѣстѣ лучшая надгробная похвала, вѣрнѣйшій отголосокъ безсмертія того и другаго.

Князь Георгій Кантакузинъ, отдѣлясь отъ главной Греческой рати, предъ пораженіемъ Князя Ипсиланти, направилъ шествіе свое въ Молдавію, и засталъ въ Яссахъ буйнаго Сотника Пандедеку, самовластно управлявшаго столичнымъ городомъ цѣлаго Княжества, при помощи одной роты хищныхъ Этеристовъ. Малодушный Господарь, Михаилъ Суццо, съ наперсникомъ своимъ, Ризо-Нерулосомъ, съ семьею, челядью и пожитками, давно уже переправился за Прутъ въ Бессарабскую область, какъ жалкое игралище собственныхъ ухищреній и чуждаго насильства.

Но лишь только Кантакузинъ расположился въ Яссахъ намѣстникомъ верховнаго вождя, какъ вѣсть о приближеніи Браиловскаго Паши заставила его выступить изъ города. Отрядъ его двинулся къ Стынкѣ (загородному дому Боярина Рознована), а оттуда бросился въ слѣдъ, за оцѣпенѣвшимъ начальникомъ, по уступамъ холмовъ, къ низменной равнинѣ надъ рѣкою Прутомъ, противъ Бессарабскаго мѣстечка и карантина Скулянскаго, охраняемаго Русскими войсками. Не помышляя о выборѣ мѣста, удобнаго къ отраженію Турковъ, Кантакузинъ расположился станомъ у самой переправы. Въ сонмѣ ратникомъ его находилось много храбрыхъ. Но у нихъ недоставало полководца. Въ боязни умъ его исчезъ, и недовѣрчивость къ его распоряженіямъ возбудила общій ропотъ, несогласіе и даже угрозы. Отчаянные воины громко вопіяли на вождя за то, что онъ ни чѣмъ не оградилъ стана, не умѣлъ отступить на встрѣчу ожидаемой конницѣ и, давъ время превосходной силѣ непріятельской наткнуться на изнуренныхъ, казалось, готовилъ ихъ въ жертву злой смерти. Сугубо встревоженный сими упреками, Кантакузинъ тотчасъ началъ помышлять о личной своей безопасности и, поскакавъ къ переправѣ, подъ предлогомъ совѣщанія съ Русскими Генералами, стоявшими на лѣвомъ берегу, нашелъ убѣжище въ предѣлахъ Царства Православнаго. Тогда отчаянное мужество осиротѣвшихъ ратоборцевъ возросло до остервенѣнія и ярости. Софіаносъ, Аѳанасій и имъ

подобные сподвижники обрекли себя и товарищей на славную смерть и, ободряя другъ друга, начали кровавую сѣчу. Изъ окоповъ мѣтко стрѣляли они въ нападающихъ Мусульманъ, и саблями и копьями отражали приступъ враговъ, не разъ бѣжавшихъ въ разстройствѣ отъ убійственнаго ихъ отпора. Наконецъ Паша, усмотрѣвъ, что безъ артиллеріи трудно было бы истребить горсть героевъ, навелъ съ фланга батарею и открылъ по нихъ жестокій огонь: ядра летали мимо земли Русской, за излучину Прута, и производили въ маломъ станѣ страшное опустошеніе. Нѣсколько тысячъ зрителей съ болѣзненнымъ участіемъ смотрѣли на неравное побоище, извлекавшее слезы умиленія у старыхъ, отличныхъ Генераловъ нашихъ, достойныхъ цѣнителей доблести воинской. День уже склонялся къ вечеру и ночь спасла бы остатки храбрыхъ, но Паша усилилъ пушечный огонь и натиски своей пѣхоты; надлежало бѣжать за рѣку, или лечь костьми на мѣстѣ; лучшіе ратоборцы сомкнулись въ одинъ взводъ и яростно бросились въ ряды Агарянъ, рубя, низлагая ихъ холоднымъ оружіемъ, за недостаткомъ зарядовъ. Всѣ погибли въ дивномъ сраженіи, и только малое число израненныхъ перебралось въ бродъ и вплавь на берегъ гостепріимный. Въ роковую ночь, возлегшую надъ полемъ славной битвы, усѣяннымъ тысячею труповъ, прибыла конница подъ предводительствомъ Младена Сербскаго, но прибыла поздно, на поминки отстрадавшихъ, и съ ужасомъ разсѣялась.

Таковъ былъ бѣдственный конецъ нашествія Князя Ипсиланти на Молдавію и Валахію! Дерзкіе, высокопарные, замыслы Этеріи обратились въ ничто; ревностный, но легкомысленный, исполнитель сего необдуманнаго предпріятія, съ двумя братьями своими и приближенными къ нему, Орфаносомъ и Ласаніемъ, отведенъ былъ Австрійцами въ плѣнъ и заключенъ въ Венгерскую крѣпость Мункачъ; незабвенный Георгій Олимпій и храбрѣйшіе его сподвижники погибли не безъ славы, но безъ пользы для Еллады, за которую радостно напоили они своею кровію землю чуждую; до 8,000 воиновъ истреблено было въ различныхъ встрѣчахъ и битвахъ, нѣсколько милліоновъ рублей издержано, цвѣтущій и богатый край между Прутомъ и Дунаемъ безвинно подвергся внезапному опустошенію, превзошедшему ярость моровой

язвы, саранчи и пожаровъ; повсюду воцарилось безначаліе, засверкалъ булатъ Турецкій, не стало суда и расправы, нарушены права, льготы и преимущества страны, дотолѣ огражденной договорами и Россійскимъ покровительствомъ; всѣ именитые Бояре удалились, кто въ Бессарабію и Черновцы, кто, въ смежную съ Валахіею, Трансильванію. Коварный грабитель, Савва, воспріялъ не чаемую имъ мзду изъ рукъ побѣдителя, но позорную казнь безсильнаго злодѣя. При видѣ сихъ окровавленныхъ развалинъ Этерія не могла сказать въ утѣшеніе себѣ, что, по крайней мѣрѣ, удалось ей произвести желанный разрывъ Россіи съ Оттоманскою Портою. Изъ сплетенія лжи возникъ одинъ хаосъ, и тяжкое бремя неравной борьбы обрушилось на главы злосчастныхъ жителей Пелопониса.

Однако, со дня мученической кончины Патріярха Григорія, Императоръ Александръ I-й не преставалъ, чрезъ посредство Посланника своего, внушать Туркамъ, что верховная власть, поражая противниковъ своихъ, должна отличать невиннаго отъ виновнаго, и что, свирѣпствуя безъ разбора и мѣры, Порта готовитъ себѣ сугубую напасть отъ суда Божія и отчаянія человѣческаго. Но всѣ совѣты и даже угрозы негодованія справедливаго были безплодны. Григорію Александровичу Строганову оставалось только неустрашимо, громко, обличать душегубцевъ и всѣми мѣрами исторгать изъ челюстей смерти безчисленныя жертвы, обреченныя ссылкѣ, насилію и плахѣ. Онъ сохранилъ вполнѣ обѣтъ вѣры и любви къ ближнему, прославилъ имя Россіи неутомимымъ человѣколюбіемъ, не щадя самаго себя и смѣло раздражая изступленныхъ Мусульманъ. Достойный представитель Александра Благословеннаго не отказывалъ въ защитѣ ни одному опальному Греку, скрывалъ ихъ отъ поисковъ рыщущихъ убійцъ, снабжалъ нужнымъ, облекалъ въ Европейскія платья, сажалъ на купеческія суда и при попутномъ весеннемъ вѣтрѣ успѣлъ отправить въ Одессу болѣе семи тысячъ душъ Христіянскихъ. И какъ вельможѣ Русскому, Христіянину, Послу благотворнѣйшаго изъ Царей земныхъ, не вступиться за погибавшихъ, тѣмъ смѣлѣе и безусловнѣе, что кровожадное неистовство Турковъ упразднило тогда всѣ права и беззаконіемъ узаконило естественное, неотъемлемое, право частной обороны противъ насильства? Наканунѣ овдовѣв-

шія матери семействъ по нѣскольку дней сряду прятали малолѣтнихъ сыновей въ изсякшія водохранилища; другія, пользуясь темнотою ночи, съ дѣтьми и домочадцами, тайно переходили изъ дома въ домъ и наконецъ достигали какого ни будь судна, на коемъ, съ разсвѣтомъ, Турки обыкновенно производили обыскъ: иныя впадали въ руки палачей, или, на плотахъ, отсылаемы были къ отдаленнѣйшимъ берегамъ Азіи па безсрочное и безотрадное изгнаніе. Среди толикаго стеченія бѣдствій и смутъ, Строгановъ мужался, бодрствовалъ, спасалъ несчастныхъ, устрашалъ гонителей и часто присутствіемъ духа отвращалъ опасности, грозившія самому Посольству со стороны наглыхъ морскихъ солдатъ и буйной черни. Мѣра терпѣнія исполнилась. Императоръ повелѣлъ Графу Каподистріи начертать рѣшительную ноту, въ коей объявляемо было Портѣ, что если она не прекратитъ душегубства, пожинавшаго всѣхъ безъ разбора Грековъ, духовныхъ и міряпъ почетнаго званія, и если впредь не согласитъ правосудія съ милосердіемъ и пе возстановитъ разрушенныхъ храмовъ, то Посланникъ Россійскій, по силѣ даннаго ему наказа, удалится изъ Царьграда, а оскорбленная, въ лицѣ безвинныхъ и безоружныхъ единовѣрцевъ своихъ, Россія предоставитъ себѣ полное право, съ помощію союзныхъ Державъ, вступиться за цѣлый народъ, явно обреченный въ жертву слѣпому изувѣрству. Гонецъ отправился въ Царьградъ; Посланникъ тотчасъ подалъ Дивану оффиціяльную сію ноту, присовокупивъ къ содержанію ея изустное объявленіе, что если въ теченіе осьми дней онъ не получитъ удовлетворительнаго отвѣта, то, по волѣ Императора, выбудетъ изъ Константинополя. Султанъ колебался, совѣтъ его медлилъ, и твердый, непреклонный, Строгановъ въ уреченный день и часъ сдержалъ Царское слово. Отплытіе его въ Одессу изумило Отоманскую Порту, воображавшую, что угрозы никогда буквально не исполняются. Вся Дипломатическая братія, обитавшая въ предмѣстьѣ Перѣ, вопила противъ крутаго поступка. По мнѣнію ихъ, въ отвѣтѣ на ноту 8-го Іюля, надлежало обвинить Русскаго Посланника въ предосудительной поспѣшности, выказать притворное безстрашіе, обнадежить Россійскій Дворъ въ прекращеніи кровопролитія, но вмѣстѣ затмить неоспоримую истину жалобами, упреками и дерзкими вымыслами. Извѣстно, что весь этотъ очеркъ соблюденъ былъ въ отзывѣ Турецкаго Правительства, впрочемъ, слабомъ и не-

связномъ. Къ ухищренію присовокупилось и злобное невѣжество грамотѣевъ Дивана. Они, вѣроятно, затрудняясь въ оправданіи беззаконной казни Патріярха Григорія, вздумали въ оффиціяльной нотѣ, извинить поступокъ Султана мнимою казнію Патріярха Всероссійскаго, будто бы совершенною въ царствованіе Петра Великаго. По сему образцу можно судить о цѣломъ составѣ Оттоманской ноты, ознаменованной печатію слѣпой ненависти и забвеніемъ всѣхъ приличій. Нелѣпый и неумѣстный отзывъ сей не былъ удостоенъ подробнаго возраженія; Императоръ Александръ, дорожа спокойствіемъ еще волновавшейся Европы, внялъ просьбамъ Союзныхъ Державъ, и въ особенности Австрійскаго Кабинета, внушавшаго необходимость долготерпѣнія, какъ единственнаго средства, коимъ Державный Союзъ Вѣнценосцевъ могъ посрамить надежды и разрушить навѣты тайныхъ обществъ, алкавшихъ роковаго разрыва. Ни во что вмѣняя убытки, понесенные Россійскими подданными, растройство мореплаванія подъ нашимъ флагомъ, гибель нашихъ единовѣрцевъ и бѣдственное положеніе Княжествъ, самовластно и продолжительно управляемыхъ горстію Яничаръ, вопреки постановленіямъ трактатовъ, члены Союза, возобновленнаго въ Аахенѣ, т. е., Австрія, Англія и Франція, употребили всѣ усилія искусной, но недальновидной, политики, чтобы смягчить праведный гнѣвъ Царя-миротворца и остановить руку, уже подъятую на пораженіе строптивой Турціи. Таковымъ стараніемъ война, казавшаяся неизбѣжною, отвращена была на время; но Порта не преставала слѣпотствовать и губить Христіянъ безъ разбора; посредничество Союзниковъ нашихъ не произвело желаннаго примиренія; а между тѣмъ крамольники всѣхъ странъ Европы болѣе и болѣ овладѣвали умами беззащитныхъ Грековъ, совращали ихъ съ пути законности и вѣры и вооружали противъ единодушной системы главныхъ Дворовъ, естественное сострадание благомыслящихъ людей къ погибающему Христіянскому народу.

Напротивъ того, если бы Кабинеты Вѣнскій и Сенджемскій, не увлекаясь преувеличеннымъ страхомъ Россійскаго могущества и властолюбія, лучше вникнули тогда въ образъ мыслей и характеръ Александра I-го и отдали на произволъ Монарха великодушнаго судьбу обуреваемаго Востока, то смѣло можно утвер-

ждать, что лютая борьба скоро преклатилась бы къ отрадѣ человѣчества, къ стыду всемірной крамолы и безъ нанесенія Турецкой Имперіи большаго вреда, нежели каковому подверглась она отъ неограниченнаго вліянія происшествій. Къ несчастію, люди искони судятъ о другихъ по себѣ; своекорыстіе не постигаетъ доблести душевной; и расчеты односторонняго разума заставили суемудрыхъ политиковъ утратить единственное благопріятное время, въ которое еще возможно было безъ потрясенія упрочить участь Восточной и Западной Европы. Теперь, по прошествіи двѣнадцати бурныхъ лѣтъ, сія истина сдѣлалась очевиднѣе; ибо тронъ Султана подрытъ, Греція мятется, Турки бѣдствуютъ не менѣе Христіянъ, и пламень междоусобія пожираетъ ветхое Царство, которое достанется въ удѣлъ сильнѣйшему.

Прерванная скорбною думою нить повѣствованія снова ведетъ насъ на позорище отчаяннаго боренія. Султанъ Махмудъ, ободренный снисхожденіемъ Россіи, началъ собирать вооруженную силу, чтобы ею подавить возстаніе. Друзья Порты, съ одной стороны, побуждали оную къ стремительному нашествію на Греческій полуостровъ; съ другой, умоляли Александра I-го изъявить свое согласіе на созваніе Конгресса. Симъ соображеніемъ они надѣялись выиграть время, отвлечь вниманіе Россіи отъ собственныхъ ея прямыхъ выгодъ и нарушенныхъ правъ, и наконецъ подвергнуть разбору Конгресса вопросъ о мятежѣ Грековъ. Каподистрія, не взирая на возникшія противъ него предубѣжденія людей, укорявшихъ его въ пристрастіи къ Грекамъ, не преставалъ говорить истину и предостерегать отъ посредническихъ, по крайней мѣрѣ, безполезныхъ услугъ, оказываемыхъ Россіи Министрами Союзныхъ Державъ въ Царьградѣ; и наконецъ, когда обнаружилось общее стремленіе всѣхъ Дворовъ къ открытію Конгресса въ Веронѣ, онъ съ горестію предсказалъ, что всѣ переговоры, внѣ Петербурга, естественнаго ихъ средоточія, болѣе и болѣе запутаютъ дѣла Востока и лишатъ Россію свободы дѣйствовать въ защиту собственныхъ правъ, тѣсно сопряженныхъ съ бытіемъ нашихъ единовѣрцевъ. Разсудокъ его свѣтлый, не омраченный соболѣзнованіемъ сердечнымъ, убѣждалъ его въ необходимости начать военныя дѣйствія, и потомъ вступить въ непосредственные переговоры съ Портою Оттоманскою; онъ предлагалъ, не отмѣняя осужденія,

произнесеннаго надъ мятежемъ, 50,000-ю войскъ занять Молдавію и Валахію, коихъ безопасность, по силѣ торжественныхъ договоровъ, состояла подъ нашимъ покровительствомъ, возстановить въ сихъ, безвинно терзаемыхъ, странахъ тишину и законное устройство, и тогда, утвердясь на берегахъ Дуная, вызвать Турецкихъ Полномочныхъ къ совѣщанію о прочномъ мирѣ. По всѣмъ вѣроятностямъ опыта, сіе законное вмѣшательство не осталось бы безплоднымъ; Порта, узрѣвъ существенную опасность, опомнилась бы и начала бы помышлять о будущемъ. Къ сожалѣнію, мнѣніе Каподистріи не было одобрено; Императоръ Александръ, справедливо цѣня благіе совѣты, внушенные ревностію къ пользамъ и чести Россіи, и безъ труда разгадавъ тайные помыслы и опасенія нашихъ союзниковъ, рѣшился, однако же, отложить военныя дѣйствія и прибѣгнуть къ медленнымъ переговорамъ. Современные наблюдатели событій приписали рѣшимость сію политическому вліянію Вѣнскаго Кабинета. Но, строгій наставникъ, время, годъ отъ году болѣе разоблачаетъ предъ нами прошедшее. Чѣмъ глубже вникаемъ мы въ потаеные причины настоящихъ превратностей, тѣмъ вѣрнѣе постигаемъ господствующую мысль Царя-миротворца. Не донесенія Лорда Стратфорда, бывшаго въ то время Великобританскимъ Посломъ въ Константинополѣ, и не краснорѣчивыя мольбы Князя Меттерниха, вовлекли Александра I-го въ систему самоотреченія и бездѣйствія. Нѣтъ! Далеко брошенный имъ проницательный взглядъ въ бездну революцій, глубоко и широко изрытую духомъ крамолы, но еще подернутую благовиднымъ туманомъ, вотъ что остановило карающую десницу великаго Монарха, и вмѣстѣ причинило Христіанской душѣ его скорбь неизъяснимую. Онъ почиталъ несбыточнымъ предпріятіемъ прикрыть единовѣрцевъ щитомъ Россіи и обуздать Турцію безъ всякаго невольнаго споспѣшествованія злому духу безбожія и безначалія, порождившему столь многочисленный сонмъ разновидныхъ, но единодушныхъ, обществъ въ цѣлой Европѣ. Итакъ, повинуясь внутреннему гласу и призвавъ въ судіи и свидѣтели небеснаго Законодателя-сердцевѣдца, блаженныя памяти Императоръ отклонилъ отъ себя новый вѣнецъ славы, чтобы не нарушить высшаго долга; и ждалъ яснѣющихъ признаковъ ожесточенія Турковъ и Божія суда надъ ними, для нанесенія ихъ Царству конечнаго пораженія.

Союзные Вѣнценосцы избрали мѣстомъ общаго съѣзда и совѣщанія древній городъ Верону, въ прежнемъ Венеціянскомъ владѣніи. Между тѣмъ Султанъ, по настояніямъ пламенныхъ своихъ доброжелателей, повелѣлъ войску, собравшемуся на равнинахъ Ѳессаліи, подъ предводительствомъ свирѣпаго Драмъ-Али, устремиться быстрыми переходами къ перешейку Коринѳскому. Махмудъ горѣлъ нетерпѣніемъ загладить позоръ низложенія Капитана-Паши при Хіосѣ. Мирные, промышленные, жители сего острова, долго колебавшіеся между преданностію Султану и любовію къ Греческому имени, наконецъ отложились отъ Турковъ, призвали къ себѣ Псаріотовъ и подняли въ родной землѣ двуцвѣтное, бѣло-голубое, знамя съ Крестомъ. Лишь только сдѣлалось гласнымъ ихъ отпаденіе, какъ Султанъ послалъ флотъ и Азіятское войско не покорить, но истребить мятежниковъ. Кровожадные исполнители его воли высажены были съ разныхъ сторонъ на берегъ; Епископа Платона и почетныхъ гражданъ, взятыхъ въ заложники, Капитанъ-Паша приказалъ повѣсить, и потомъ бросить въ море. Въ слѣдъ за симъ началось всенародное заколеніе. Не только способныхъ владѣть оружіемъ, но даже старцевъ, женъ и дѣтей рубили Азіятцы цѣлыми стадами. Городъ Хіосъ и всѣ селенія на островѣ опустошены, сожжены, срыты были до основанія. Не стало въ нихъ обитателей. Изъ 80 тысячъ, пятьдесятъ погибли отъ меча, или отведены въ неволю; нѣсколько тысячъ спаслось бѣгствомъ; исповѣдавшіе Латинскую вѣру уцѣлѣли въ домахъ иностранныхъ Консуловъ. Весь Хіосъ (по словамъ преданнаго Портѣ «Смирнскаго Зрителя») мгновенно превратился въ огромный холмъ могильный! * Кровь избіенныхъ Хіосцевъ громко вопіяла на небо, и скоро низвела на главу изверга Капитана-Паши молнію правосудія. Въ дальней синевѣ полуденнагó небосклона заиграли, бѣлѣе надъ зыбями, легкія вѣтрила Греческихъ военныхъ судовъ, названныхъ птицами морскими, по быстротѣ ихъ бѣга. Въ стаѣ малыхъ бриговъ, казавшихся челноками вблизи Турецкихъ линейныхъ кораблей, плыли небольшіе брандеры или зажигательныя суда, набитыя горючими веществами, но одинакой

* Издатель пресловутой сей газеты, 12 лѣтъ сряду поносившій Россію и Православную Церковь, описывая паденіе Хіоса, заключаетъ разсказъ сими словами: «Chios n'est plus qu'un monument funèbre!»

съ прочими наружности. На палубѣ одного брандера стоялъ знаменитый кротостію, умомъ и отвагою, грозный врагамъ, Исаріотъ Константинъ Канарисъ. Онъ долго озиралъ Адмиральскій корабль Оттомановъ. Пылая любовію къ отечеству и благороднымъ мщеніемъ, Канарисъ твердо положилъ въ душѣ, съ помощію Всевышняго, воздать душегубцу на самомъ мѣстѣ его злодѣяній. Простясь съ жизнію въ цвѣтѣ юности, онъ началъ, извиваясь, приближаться къ пловучей твердынѣ, стоявщей на якорѣ; обманулъ безпечныхъ кровопійцъ, пресыщенныхъ добычею и сладострастіемъ; примкнулъ къ кормѣ; уцѣпился за обреченную громаду, бросилъ роковую искру и — въ двѣ минуты Адмиральскій 84-пушечный корабль обхватило неугасаемое пламя! Канарисъ не помышлялъ о своей безопасности, медлилъ, пока не увѣрился, что нѣтъ спасенія врагамъ; тогда кинулся онъ съ пятью удальцами въ легкій челнъ и помчался на веслахъ, при звучныхъ кликахъ побѣдныхъ, любуясь трескомъ и заревомъ пожара. Тщетны были всѣ усилія Турецкихъ мореходцевъ: громада облилась огнемъ, взвившимся змѣею по снастямъ и мачтамъ; тѣло корабля запылало; пушки гремѣли; люди, толпясь, изрыгали яростныя проклятія; самъ безжалостный истребитель Хіосцевъ, израненный, бросился въ ладью, причалилъ къ завѣтному берегу и на пескѣ, утучненномъ кровію невинныхъ жертвъ, испустилъ духъ въ заслуженныхъ мученіяхъ. Казнь его увѣнчалась взрывомъ корабля, на коемъ погибло не менѣе 1200 человѣкъ; грохотъ неимовѣрно сильнаго разраженія пронесся по Архипелагу, повторенный гуломъ отдаленныхъ скалъ Эгейскихъ, и густыя дымныя облака долго стлались по водамъ и вдоль безлюдныхъ береговъ Хіоса! . . . .

Сіи подробности не вымышлены дѣеписателемъ, но почерпнуты изъ разсказовъ очевидцевъ, и должны сохраниться, какъ страшилище злодѣевъ, въ памяти позднаго потомства. Пусть вѣритъ оно, что, по словамъ Писанія, погибель нечестивыхъ не дремлетъ, хотя и не всегда свершается съ быстротою, толико неумолимою.

Участь Капитана-Паши не смягчила ожесточенія Оттоманской Порты. Полчища ея подвигались къ южнымъ странамъ Еллады. Въ то же время, т. е., въ Августѣ 1822 года, Союзные Монархи и Министры различныхъ Кабинетовъ начали съѣзжаться въ Ве-

рону. Императоръ Александръ, готовясь къ отъѣзду, предложилъ Графу Каподистріи, по прежнему, сопутствовать ему и принять дѣятельное участіе въ преніяхъ Конгресса. Тогда сей мужъ правоты и совѣта позналъ нашедшую на него годину искушенія, ознаменованную бореніемъ самыхъ близкихъ къ сердцу его обязанностей. Долгъ благодарности къ Царю-благодѣтелю; долгъ братолюбія къ Еллинамъ, вызываемымъ предъ судилище обвинителей; глубокая увѣренность его въ томъ, что Веронское свиданіе не могло споспѣшествовать правамъ и выгодамъ Россіи; негодованіе къ преступнымъ зачинщикамъ отечественнаго возстанія и вмѣстѣ неизгладимое чувство любви ко всему родному, возраставшее въ немъ по мѣрѣ злополучія Грековъ, наконецъ благородная недовѣрчивость къ самому себѣ, опасавшаяся обаяній и сѣтей на тернистой стезѣ подлежащаго подвига — все сіе обуревало духъ Каподистріи, повергеннаго въ неописанное огорченіе. Внутренній, врожденный, гласъ раздался въ его сердцѣ, вѣщая ему, что отречься отъ родины земной позволено лишь для горняго отечества; и всѣ недоумѣнія умолкли; онъ поспѣшилъ излить свои чувствованія предъ Августѣйшимъ цѣнителемъ доблести душевной; объявилъ, что готовъ служить Его Величеству до гроба, но участвовать въ дѣлахъ Веронскаго Конгресса не можетъ и не долженъ. Не простирая далѣе любопытнаго взора въ святилище сей незабвенной, истинно Царской, бесѣды, скажемъ читателямъ нашимъ, что Императоръ съ глубокимъ умиленіемъ изъявилъ наконецъ соизволеніе на просьбу вѣрнаго слуги; осыпалъ его знаками милости, уволилъ въ безсрочный отпускъ, въ любимую имъ Швейцарію, повелѣлъ ему взять съ собою Офицера фельдъегерскаго корпуса и экипажъ придворный, и, обнявъ его, со слезами разстался съ нимъ на вѣки!!!. Суждено было душамъ избраннымъ, Помазаннику Божію и мужу, обреченному на мученичество за правду, срѣтить другъ друга уже не въ юдоли плача, но въ безоблачномъ сіяніи незаходимаго Солнца. Благую, неотъемлемую, часть уготовалъ имъ Господь, населяющій горнія обители свои тружениками Престола и хижины, по степенямъ внутренняго ихъ освященія.

Временное Греческое Правительство, состоящее изъ пяти членовъ, свѣдавъ объ открытіи Веронскаго Конгресса, отправило въ Италію Андрея Метаксу и Ивана Пиккула, съ порученіемъ поднести союзнымъ Монархамъ декларацію отъ имени Греческаго

народа, и особую просьбу Императору Александру I-ому. Сіе посольство назначено было предъ самымъ вторженіемъ въ Пелопоннисъ 35,000-го войска Драмъ-Али-Паши. Посланниковъ не допустили до Вероны; они заочно препроводили изъ Рима обѣ грамоты по принадлежности, и тщетно домогались ходатайства въ пользу Христіянъ со стороны Римскаго Первосвященника. Читатели наши найдутъ въ примѣчаніяхъ къ симъ сказаніямъ вышеозначенные два документа. * Они драгоцѣнны для современной Исторіи, по тому что въ нихъ обнаруживается чистое, народное и Христіянское, чувство, развитое и окрыленное грозными обстоятельствами, но въ послѣдствіи столь бѣдственно измѣнившееся во всей Греціи, по мѣрѣ вкореняемаго въ нѣдрахъ ея тлѣтворнаго вліянія чужеземнаго.

Моленія Грековъ представились несовмѣстными съ общимъ направленіемъ тогдашней политики Дворовъ первостепенныхъ. Но при единодушной рѣшимости отказать Грекамъ въ просимой защитѣ, не возможно было даже самымъ упорнымъ друзьямъ Порты отрицать безсилія ея, обличеннаго дивнымъ, неожиданнымъ, пораженіемъ Драмъ-Али-Паши. Громкія предсказанія ревнителя Мусульманства, Лорда Стратфорда, призваннаго изъ Царьграда въ Верону, не сбылись. Вопреки раздорамъ Еллиновъ и обѣщаніямъ Дипломатовъ, рать Махмуда, ворвавшись въ полуостровъ, овладѣвъ въ расплохъ Коринѳомъ, и не встрѣтивъ нигдѣ многочисленныхъ непріятелей, скоро, однако жь, испытала превратности войны. Коварные витіи Греческаго Правительства оцѣпенѣли; за то старый, храбрый вождь, Ѳеодоръ Колокотронисъ, и добросердечный, мужественный Князь Димитрій Ипсиланти, стали за отечество грудью. Первый засѣлъ въ ущельяхъ и мѣткими стрѣлками окружилъ Турковъ, занятыхъ гребежемъ на равнинѣ; другой, съ горстію отважныхъ, бросился въ Аргосъ почти въ тылу непріятеля, а мятежный Одиссей въ Віотіи преградилъ обратный путь поклонникамъ Магомета, довольный тѣмъ, что впустилъ ихъ безъ сопротивленія въ Пелопоннисъ, на зло членамъ ненавидимаго имъ Временнаго Правительства. Ежечасныя стычки, ночныя нападенія, голодъ и моръ скоро истнили грозное Турецкое ополченіе, мечтавшее однимъ размахомъ меча покорить жителей Пелопонниса. Жалкіе остатки

* Ихъ однако, при подлинникѣ не оказалось. О. Б.

побѣжденныхъ затворились въ Коринеской крѣпости; сильная рать съ шумомъ погибла, и Еллины съ прежнимъ жаромъ принялись за прерванныя междоусобныя распри.

Сіе пагубное стремленіе пылкихъ умовъ къ несогласіямъ и безчинію произникло изъ стеченія причинъ разнородныхъ. Первая заключалась въ мутномъ источникѣ преждевременнаго возстанія, ускореннаго наноснымъ духомъ безначалія. Второю причиною была чрезмѣрная быстрота перехода отъ одной крайности къ другой противоположной; ибо народъ, удрученный игомъ трехсотлѣтняго тиранства, какъ узникъ, внезапно выпущенный изъ подземелья на яркій ослѣпляющій свѣтъ необозримаго неба, по закону человѣческой природы, долженствовалъ употребить во зло опасный даръ свободы и предаться своевольству. Къ симъ причинамъ присовокупились и другія постороннія наитія и соблазны: полупросвѣщеніе правителей, буйство военачальниковъ, пріобыкшихъ къ необузданной жизни и добычѣ, недостатокъ высокаго генія и мощной воли, дабы раздробленное привести въ единство, болѣе всего злотворные происки Европейскихъ агентовъ, посланныхъ въ Грецію съ порученіемъ, или содѣйствовать возстановленію Турецкаго владычества надъ сею страною, или, въ случаѣ неудачи, подчинить несчастныхъ ея обитателей чьему бы то ни было вліянію иноземному, лишь бы не Православному и не Русскому. Вотъ вѣрный очеркъ враждебныхъ силъ, остановившихъ порывъ Христіянскаго народа къ своему возрожденію! По сему, не взирая на изумляющее множество частныхъ подвиговъ геройства, борьба Еллиновъ съ Турками, начавшаяся на большомъ пространствѣ, отъ Прута до горъ Тайгетскихъ, не сохранила перваго своего объема и годъ отъ году отступала отъ окружности къ средоточію. Защитники полуострова Кассандры, близъ горы Аѳонской, предводимые смѣльчакомъ Мануиломъ Паппой, бѣдственно погибли и неудачнымъ подъятіемъ оружія возмутили тишину Святогорскихъ древнихъ обителей; цвѣтущій Хіосъ опустѣлъ; западная Греція, отъ Арты до Мессолонги, утратила воинственныхъ сыновъ своихъ, истребленныхъ при Петѣ и въ славныхъ развалинахъ Мессолонгскихъ; родной утесъ Канарія, островокъ Псара, остался безлюднымъ; царственный Критъ обагрился кровію Христіянъ и Турковъ, сражавшихся нѣсколько лѣтъ съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ, и нако-

нецъ подпалъ подъ иго Египетскаго воеводы; Аѳины попраны Турками; однимъ словомъ, только малѣйшая частица Греціи устояла противъ ударовъ Исламскаго меча и навѣтовъ изгибистой политики. Истинные витязи: Маркъ Боцари, Георгій Караискаки, Олимпій и сонмы избранныхъ, имъ подобныхъ, кровію своею не выкупили любезнаго имъ отечества отъ плѣна и порабощенія невѣрнымъ. Благополучно нынѣ царствующему Императору Николаю 1-ому предоставлено было подать знакъ къ спасенію остатковъ племени злополучнаго. Если съ безпристрастіемъ внимать наставленіямъ Исторіи, то она повѣдаетъ намъ, что непоколебимая вѣрность Грековъ къ обѣтамъ святаго Православія составляла единственный залогъ народнаго ихъ бытія и единства сквозь рядъ мрачныхъ столѣтій. Сія нерастлѣнная вѣра и простота нравовъ явилась чудодѣйственною силою въ первые два года общаго возстанія. Но по мѣрѣ возраставшаго вліянія чужеземнаго, духъ Христіянства, цѣлебный, воскресающій, началъ примѣтно ослабѣвать; какая-то языческая гордость, надменная славою баснословной древности, заступила въ сердцахъ мѣсто самоотверженія и братолюбія о Богѣ. Европейцы, движимые различными намѣреніями, не заботясь о существенной помощи, стали наперерывъ расточать предъ Греками ѳиміямъ грубой лести, изъявляя часто притворный и всегда нелѣпый восторгъ боготворенія древнихъ Еллиновъ, чтобы тѣмъ полнѣе обуять самолюбивыхъ потомковъ ихъ; всѣ причуды вольнодумства и противленія властямъ передаваемы были неопытному народу, какъ волшебные талисманы свободы и благополучія. Горцы, люди ратные, моряки еще не постигали гражданскаго благоустройства; а товарищи ихъ полуученые, ухватившіеся дерзкою рукою за кормило государственное, всѣ до послѣдняго возмечтали быть мудрецами-законодателями. Того и желали коварные друзья обольщенныхъ; тѣло политическое едва срослось изъ Турецкихъ обломковъ, какъ уже безбожная крамола преобразила оное въ чудовище тысячеглавое, но лишенное крѣпкихъ мышцъ своихъ и первобытной питательной силы. Тогда пресѣклись успѣхи, утрачены были завоеванія, изсякли источники доходовъ; дивный орелъ побѣды, пріосѣнявшій дотолѣ Крестоносцевъ, отвратилъ быстрый взглядъ Вѣры отъ солнца Правды, устремилъ оный на смрадную добычу низкихъ страстей, и гордый полетъ его сократился, увлеченный тяготѣніемъ къ своекорыстію нашею вѣка.

дальнѣйшій ходъ происшествій придаетъ сугубую очевидность симъ печальнымъ разсужденіямъ дѣеписателя. Веронскій Конгресъ, изложивъ предъ цѣлою Европою образъ мыслей Монарховъ Союзныхъ и неразрывное ихъ соединеніе противъ всемірной крамолы, закрылъ свои засѣданія. На немъ отличались предъ прочими Французскіе Полномочные, Баронъ Монморанси и знаменитый, лучшій писатель XIX-го столѣтія, Виконтъ Шатобріанъ. Первый былъ отрасль славнаго въ лѣтописяхъ Крестовыхъ походовъ и высокаго рода Монморанси. Правота и сердечное благочестіе отражались въ рѣчахъ и поступкахъ сего скромнаго Дипломата, являя рѣзкую противоположность съ легкомысліемъ другихъ, равныхъ ему, свѣтскихъ людей. Баронъ Монморанси, увлеченный, при первомъ взрывѣ революціи, необдуманнымъ желаніемъ добра, вдавался въ гибельную крайность мечтательнаго свободомыслія, но вскорѣ, вразумленный горестнымъ опытомъ, отрекся отъ юношескихъ заблужденій своихъ и въ послѣдствіи не усумнился въ общемъ собраніи Палаты Депутатовъ произнести благородное сознаніе въ прежнихъ своихъ ошибкахъ. Онъ умеръ скоропостижно въ 1826 году, и умеръ, какъ жилъ. Ангелъ, разрѣшитель земныхъ узъ, засталъ его молящагося на колѣняхъ въ Парижскомъ храмѣ Богоматери, въ великій Четвертокъ Страстной недѣли. Христіянская смерть—блаженное пробужденіе!

Пылкій, проницательный и творческій умъ Шатобріана, благородный, рыцарскій, образъ его мыслей, обратили на него вниманіе Императора Александра, находившаго въ бесѣдахъ съ нимъ и почтеннымъ его товарищемъ особенное удовольствіе. Въ сихъ разговорахъ просіявала высокая душа Монарха, который, ополчась противъ разрушительнаго духа времени и коренныхъ заблужденій суемудрія, не переставалъ, однако же, чувствовать глубокое состраданіе къ заблудшимъ. Когда разговоры сіи касались Греческаго народнаго возстанія, легко можно было замѣтить, что Царь Православный и Русскій смотрѣлъ на событія съ высшей точки зрѣнія, гнушался союзомъ съ подустителями мятежей, вкравшимися въ злосчастную Елладу, и ждалъ указанія свыше, чтобы избавить единовѣрцевъ своихъ, не только отъ вещественнаго ига, но вмѣстѣ и отъ заразы умственнаго растлѣнія. Во мнѣніяхъ Шатобріана оттѣнялось различіе понятій о семъ важномъ

предметѣ; ибо никто изъ современниковъ не сравнился съ симъ государственнымъ мужемъ въ искуствѣ сочетавать завѣты и преданія старины съ настоящими требованіями вѣка. Бывъ долго таинникомъ музъ и вдохновеннымъ поборникомъ тѣснаго союза изящнаго съ Христіянскою истиною, и оживторивъ сею мыслію всѣ безсмертныя свои сочиненія, Шатобріанъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, устремилъ геній свой отъ идеала къ существенному быту народовъ, и снова покусился сочетать въ иной сферѣ законность властей съ вольностію въ учрежденіяхъ гражданскихъ. Въ ходѣ ума его обнаруживается постоянство Для достиженія цѣли, можетъ быть мечтательной, онъ погружался въ сокровищницу исторіи, вопрошалъ мудрецовъ всѣхъ временъ, взималъ богатую дань съ Германскихъ мыслителей и неоднократно увлекалъ за собою испуганныхъ Бурбоновъ по непроложеннымъ стезямъ политики, совершенно для нихъ новой. Его противники упорно старались очернить чистоту его намѣреній; но поступки Шатобріана въ день сверженія древней династіи оправдали его предъ цѣлою Европою; ибо онъ одинъ въ палатѣ Перовъ вступился за порфиророднаго сироту и непреоборимымъ витійствомъ истины защитилъ права священныя, предсказалъ Франціи заслуженныя ею бѣдствія и сложилъ съ себя высокій санъ Наклонность къ наружному блеску, конечно, затмѣваетъ иногда въ Шатобріанѣ высшія достоинства; но во мнѣніи Французовъ это драгоцѣнная черта характера, залогъ братства сего роскошнаго генія съ единоземцами и современниками.

Императоръ Александръ, возвратившись въ свою столицу, продолжалъ кроткими внушеніями дѣйствовать на Оттоманскую Порту, утомленную душегубствомъ и частыми превратностями войны. Отправленный изъ Вероны въ Царьградъ, изъ уваженія къ усильнымъ просьбамъ Союзниковъ нашихъ, Д. С. Сов. Минсаки, возстановилъ порядокъ и безопасность торговыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ и вмѣстѣ предлагалъ Султанской Думѣ средства къ прочному примиренію съ долготерпѣливымъ Монархомъ; но тщетно. Турки, ободренные незаконностію и непрестанно обольщаемые многосложнымъ посредничествомъ Европейскимъ, упорно отклоняли всякое должное удовлетвореніе и требовали безусловной покорности со стороны вооруженныхъ Христіянъ. Между

тѣмъ Греки погибали не безъ славы въ неравной борьбѣ, увлекая за собою въ бездну тысячи Мусульманъ; вся Европейская Турція опустѣла; Церковь бѣдствовала; плѣнныя жены и дѣти Христіанъ продаваемы были на всѣхъ торжищахъ изумленнаго Востока, подобно презрѣннымъ животнымъ, а Россія, дотолѣ осѣнявшая своимъ флагомъ болѣе тысячи четырехъ сотъ судовъ на водахъ Средиземныхъ, лишилась права покровительствовать безсильнымъ и, по примѣру Царя своего, утѣшалась призрѣніемъ выходцевъ Православныхъ. Симъ несчастнымъ, безпріютнымъ семействамъ ежегодно раздаваемо было отъ казны не менѣе 200,000 рублей. Сонмы малолѣтнихъ изгнанниковъ помѣщены были въ учебныя заведенія, и въ то же время добровольная подписка, открытая по всей Россіи, доставила одинъ милліонъ рублей безпокровнымъ единовѣрцамъ въ Одессѣ и Бессарабіи, кромѣ 750 тысячъ рублей, собранныхъ для выкупа Христіянъ, попавшихъ въ неволю. Трудно было бы съ точностію исчислить, сколько призрѣно было злополучныхъ сими щедротами Монарха и скопившимися лептами меньшей братіи Іисусовой. Въ сложности было издержано на Богоугодное дѣло сіе три милліона частнаго подаянія. Болѣе пятнадцати тысячъ бездомныхъ различнаго состоянія, возраста и пола, въ теченіе десяти лѣтъ призрѣны, обезпечены, воспитаны, или обратно отправлены были на судахъ въ родину, усѣянную могилами убіенныхъ. Такимъ образомъ Христіянское милосердіе исцѣляло глубокія раны, нанесенныя человѣчеству слѣпою яростію Мусульманъ, обреченныхъ, въ свою очередь, будущимъ страданіямъ. Изступленіе страстей ведетъ къ самоубійству.

Графъ Иванъ Каподистрія уединился и жилъ затворникомъ въ Женевѣ, въ мирѣ съ совѣстію своею, но не наслаждался совершеннымъ спокойствіемъ; ибо сердце незабвеннаго снѣдаемо было горестію по отчизнѣ, и свѣтлый умъ его безпрерывно занимался судьбою Греціи и Россіи и волненіемъ мнѣній и страстей въ мятежной Европѣ. Обозрѣвая минувшую дѣятельную жизнь свою, чуждую наслажденій и посвященную трудамъ великимъ, Каподистрія съ болѣзненнымъ чувствомъ смирялся предъ тайною судебъ Всевышняго, по видимому, поразившаго бытіе его безплодіемъ. Припоминая пріязнь Державнаго друга человѣчества, много-

различные подвиги, совершенные подъ его водительствомъ, преодолѣнныя трудности, благотворную славу минувшихъ дней, пытавшую въ душѣ его возвышенныя надежды возрожденія Церкви и отечества, твердый миръ въ борьбѣ съ самимъ собою, болѣе и болѣе постигалъ значеніе словъ мудреца неземнаго: «по всякъ день умираю». Ибо разлученіе со святынею и ключемъ собственной жизни есть не что иное, какъ продолжительная смерть для духа, окриленнаго любовію къ выспренней цѣли, поставленной внѣ тѣсныхъ предѣловъ себялюбія и тлѣнія.

Сіи помыслы и чувства, безъ сомнѣнія, не доступны міролюбцамъ. Мы не для нихъ начертали сіи строки, обличающія суету всего земнаго и благородныя страданія добродѣтели. Впрочемъ, быстрый ходъ происшествій часто прерывалъ размышленія Женевскаго затворника. При каждомъ новомъ ударѣ судьбы, грозившемъ Греціи погибелію, онъ готовъ былъ воспрянуть и устремиться на помощь къ братіямъ; но одинъ взглядъ на злобную политику останавливалъ порывъ его усердія; онъ зналъ, что каждый безвременный шагъ только усугубилъ бы непріязненныя дѣйствія противъ Грековъ. Итакъ надлежало ему довольствоваться постороннимъ вліяніемъ, собирать пособія, говорить и писать въ пользу бѣдствующаго народа, опровергать разсѣваемые съ умысломъ ложные слухи, отдавать страждущимъ весь избытокъ свой, однимъ словомъ, бодрствовать на стражѣ до смѣны и призыва на поле отчаяннаго состязанія.

Англійское Министерство явно враждовало противъ Грековъ, не изъ усердія къ правиламъ Монархическимъ, но единственно изъ опасенія, чтобы Россія не вмѣшалась въ смуты распадавшейся на части Турецкой Имперіи, и чтобы народный духъ, вооружившій жителей Еллады, не поколебалъ владычества Англіи надъ островами Іоническими. Стремясь къ отвращенію сей сугубой опасности, оно окружило берега Греціи легкими военными судами, коимъ велѣно было всемѣрно разстроивать предпріятія Грековъ, благопріятствовать Туркамъ, осажденнымъ въ различныхъ крѣпостяхъ, содѣйствовать снабженію ихъ съѣстными припасами и военными снарядами и во всѣхъ случаяхъ нарушать блокаду, будто бы незаконно производимую Греческимъ флотомъ. Сверхъ того Министерство сіе имѣло въ Греціи бдительныхъ досмотрщиковъ,

постоянно наблюдавшихъ за направленіемъ умовъ, подъ личною любознанія, или живаго участія въ судьбѣ потомковъ Леонида и Перикла. Но по той мѣрѣ, какъ Россія устранялась отъ всякаго вліянія на борьбу единовѣрцевъ своихъ съ Мусульманами, Великобританія постепенно смягчала свое прежнее неблагорасположеніе къ изнемогающему племени, и лишь только исчезло последнее сомнѣніе въ искренности нашей политики, владычица морей тотчасъ приступила къ образованію въ сихъ обуреваемыхъ странахъ сильной Англійской партіи. Главою Англійскихъ приверженцевъ назначенъ былъ умный, ловкій, неутомимый, Александръ Маврокордато, нѣкогда посвященный въ мрачныя таинства злокозненной политики при дворѣ Валашскаго Господаря, Ивана Караджія. Опершись на Англію, онъ скоро одержалъ верхъ надъ добросердечнымъ, но менѣе искуснымъ въ происках, Княземъ Димитріемъ Ипсиланти, былъ возведенъ на степень Председателя Исполнительнаго Совѣта и воспользовался временною властію своею, чтобы умножить число поборниковъ Англійской системы, особенно между воинственными жителями Идры и Спеціи. Начальники дружинъ твердой земли все еще преклонялись на сторону Россіи, или устремляли взоры свои на многорѣчивую Францію. Изъ нихъ Ѳ. Колокотрони и Георгій Караискаки не преставали уповать на Александра I-го и на Графа Ивана Каподистрію. Въ семъ разномысліи, при частыхъ превратностяхъ войны кровопролитной на морѣ и сушѣ, протекли 1823 и 1824 годы. На Западѣ гроза возмущеній, изгнаній и бореній страстей не утихала. Испанія, Португалія и необъятныя ихъ колоніи въ Новомъ Свѣтѣ раздираемы были междусобіемъ, коего кровавыя случайности взвѣшивались не на вѣсахъ безпристрастнаго правосудія, но по расчетамъ и соображеніямъ всеобъемлющаго духа торговли. Знаменитый Джоржъ Каннигъ, прославленный витійствомъ своимъ въ Нижней Палатѣ, получилъ въ Англіи званіе Государственнаго Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ. Съ появленіемъ сего отважнаго и даровитаго мужа на театрѣ событій, надежды и замыслы всѣхъ Европейскихъ нововводителей ожили, воспрянули, осуществились и обрѣли давно искомое средоточіе для потрясеній всеобщихъ. Каннингъ не внялъ первымъ моленіямъ Англійскихъ приверженцевъ въ Греціи о дарованіи имъ защиты, но, дѣйствуя медленно, безъ огласки, онъ непримѣтнымъ образомъ способствовалъ за-

ключенію въ Лондонѣ втораго займа въ пользу истощенной Еллады. Лія въ безмолвіи золотую цѣпь сію, хитрый мужъ вѣрнѣе и неразрывнѣе подчинялъ Грековъ вліянію своего отечества, нежели воззваніями, обѣтами и явнымъ покровительствомъ. Со дня заключенія сихъ займовъ Греки, не вѣдая того, наложили клеймо чужеземное на достояніе, жизнь и славу народную; денежныя пособія, вырученныя на самыхъ невыходныхъ условіяхъ, не послужили общему дѣлу; завоеванія пресѣклись, порывъ любви къ отечеству превратился, отъ прикосновенія тлетворнаго металла, въ магнитическое усыпленіе; корыстолюбцы, изверги обогатились; Греція обнищала и духомъ и вещественными силами. Тогда созрѣли намѣренія и виды Маврокордато и его соумышленниковъ. Презрѣвъ законный порядокъ, права народа и священную обязанность, не иначе располагать судьбою Греціи, какъ по согласію и участію представителей ея, Маврокордато созвалъ всѣхъ клевретовъ и единомышленниковъ своихъ и, съ помощію приверженцевъ Великобританіи, предложилъ безыменному собранію проектъ Манифеста или закона, въ Іюлѣ 1825 года, въ коемъ изложены были бѣдственное состояніе Еллады, навѣты противъ ея независимости всѣхъ иностранныхъ Державъ, за исключеніемъ одной Англіи, и наконецъ, мнимое желаніе и мольба цѣлаго народа, будто бы единодушно отдающихъ себя подъ безусловное покровительство Великобританіи. Постыдная и нелѣпая сія хартія, испещренная на удачу поддѣльными подписями, немедленно отправлена была въ Лондонъ, вопреки жалобамъ и обличенію Князя Ипсиланти, Караискаки и другихъ сановниковъ, громко отрицавшихъ подлинность акта и законную его силу.

Въ то время Англійское Министерство озабочено было преніями въ Парламентѣ о несравненно важнѣйшемъ предметѣ. Г. Каннингу хотѣлось сорвать завѣсу съ политики его предмѣстниковъ и вынудить торжественное признаніе независимости Испанскихъ колоній въ Америкѣ. По сему онъ принялъ законную челобитную Маврокордато и его сообщниковъ съ отчетливымъ равнодушіемъ и не удостоилъ оную вожделѣннаго отвѣта. Новое сѣмя раздора было брошено въ лоно терзаемой Греціи, а грамота долженствовала, со временемъ, послужить къ развитію соображеній болѣе обширныхъ.

Между тѣмъ Ибрагимъ Паша, сынъ хитраго преобразователя Египта, овладѣвъ Наваринонъ и высадивъ въ Пелопоннисъ огромныя, благоустроенныя, силы, пользовался безуміемъ крамолъ для распространенія первыхъ своихъ завоеваній. Онъ занялъ Триполицу, приближался къ Навпліи, но былъ отраженъ Ипсилантіемъ; опустошилъ изъ края въ край весь полуостровъ и условился наконецъ съ Визиремъ, Решидъ-Пашею, въ томъ, чтобы соединенными силами осадить послѣдній оплотъ Христіянства, Этолійскій городъ Мессолонги, прославленный множествомъ геройскихъ подвиговъ и безвременною смертію Лорда Байрона.

Приверженцы Англіи умѣли коварствовать, но не умѣли сражаться. Вмѣсто того, чтобы устремить всѣ сухопутныя и морскія силы Еллады на помощь угрожаемымъ завѣтнымъ стѣнамъ Мессолонги, они тратили невозвратимое время на газетныя прѣнія, тѣшили народъ суетными надеждами, ссорились за первенство и громко провозглашали прибытіе въ Грецію знаменитаго корсара Кохрена и Полковника Чорча, какъ знаменіе несомнѣннаго избавленія. Къ посрамленію ихъ жданные герои послужили единственно ко вреду и большему разстройству общаго дѣла. Искатель счастія, бывшій ордипарецъ Наполеона, Полковникъ Фавье, сравнился съ ними въ неудачахъ. Всѣ почти безъ исключенія Европейцы, носившіе пышное названіе Филеллиновъ, въ продолженіе роковой девятилѣтней борьбы, оказались союзниками злополучными, или злонамѣренными, къ стыду крамолы, возложившей на нихъ суетное упованіе. Справедливость требуетъ изъятія изъ сего общаго приговора въ пользу трехъ праводушныхъ и храбрыхъ иностранцевъ: мы разумѣемъ здѣсь Лорда Байрона, Гастингса и Сантарозу. Нѣкоторые, подобные имъ, витязи появились еще въ послѣдствіи, послѣ избранія Графа Ивана Каподистріи въ Правители Греціи. Но когда настала губительная осада Мессолонги, тогда все бездѣйствовало, кромѣ горсти храбрыхъ его защитниковъ, единодушно обрекшихъ себя завидной смерти. Съ моря и суши загремѣли орудія Мусульманскія. Военныя суда стояли на стражѣ въ водахъ Лепантскаго залива. Осадныя работы подвигались; подкопы начали взрывать бойницы малаго городка; приступъ слѣдовалъ за приступомъ, вылазка за вылазкою; Христіяне, предводимые грозными остатками славныхъ

Сульотовъ и ободряемые увѣщаніями Епископа Іосифа, ежечасно совершали чудеса храбрости, низлагали Арабовъ и Турковъ, вторгались въ ихъ окопы и неоднократно разрушали долговременные ихъ труды. Ибрагимъ и Решидъ-Паша упорствовали; никто не покушался выручить осажденныхъ, кромѣ одного Караискаки; но уже было поздно. На многочисленныхъ проломахъ обрушившихся стѣнъ Христіане грудью выстаивали жестокія нападенія несмѣтныхъ полковъ непріятельскихъ. Надлежало имъ вскорѣ погибнуть: никто не помышлялъ о сдачѣ, или мечемъ прорубить дорогу сквозь облегающій станъ Мусульманскій. Большинствомъ голосовъ рѣшено было двумя отрядами выступить темною ночью, а третій, состоявшій изъ старцевъ и увѣчныхъ, оставить въ городѣ, съ порученіемъ взорвать на воздухъ остатки укрѣпленій Смѣлый умыселъ, конечно, увѣнчался бы совершеннымъ успѣхомъ, если бы не воспрепятствовала измѣна переметчика, наканунѣ извѣстившаго Турецкихъ военачальниковъ о намѣреніи жителей Мессолонги. Полчища ихъ стояли подъ ружьемъ; во мракѣ зимней ночи началась сѣча съ двухъ противоположныхъ сторонъ: одному отряду Еллиновъ удалось пробиться по трупамъ Арабовъ и достигнуть близъ лежащихъ горъ, но второй остановленъ былъ у самыхъ окоповъ, и храбрые, вопящаемые толпою женъ и дѣтей, имъ ввѣренныхъ, отступили назадъ, зажгли городъ и угостили въ немъ побѣдителей послѣднимъ кровавымъ пиромъ. Не стало ни города, ни защитниковъ его. Египтяне и Турки, на разсвѣтѣ, расположились станомъ среди дымящихся развалинъ и надгробнаго пепла.

Въ Западной Европѣ всѣ приверженцы революціи, возмутители народовъ, нововводители, алкавшіе перемѣнъ, единогласно торжествовали возведеніе Джорджа Каннинга на степень правителя Великобританскаго могущества. Смѣлый отзывъ его въ Парламентѣ на возраженія опровергавшихъ политическую его систему возбудилъ милліоны отголосковъ мятежнаго восторга въ обоихъ полушаріяхъ. Онъ, не колебаясь, объявилъ противникамъ своимъ, которые грозили ему соединеннымъ противодѣйствіемъ великихъ Державъ, что если онѣ дерзнутъ полагать преграды предначертаніямъ Англійскаго генія, то довольно будетъ одного воззванія Великобританіи къ зложе.ателямъ установленныхъ вла-

стей, чтобы устрашить и обезоружить сильнѣйшее противоборство. Симъ неистовымъ признаніемъ Каннингъ преждевременно обнажилъ мрачную тайну предуготовляемаго имъ потрясенія и переворота всемірнаго. Въ порывѣ ли высокомѣрія проговорился Министръ Георга IV. или притворился вынужденнымъ къ тому, въ слѣдствіе обдуманнаго соображенія, трудно рѣшить дѣеписателю. Но угроза скоро начала сбываться: южная Америка провозглашена была свободною и независимою, не смотря на дружественныя сношенія Англіи съ Испаніею, и въ то же время сѣмя возмущенія брошено по всему Востоку, отъ Греческихъ береговъ до исходищъ баснословнаго Нила и Персіи. Слава Россіи, доблесть Александра I-го, еще препятствовали быстрому успѣху начинаній, пагубныхъ для всего человѣчества. Провидѣнію, неизслѣдимому въ путяхъ своихъ, угодно было, въ сію самую роковую годину, ниспослать Россіи тяжкое, неожиданное, искушеніе. Въ Сентябрѣ 1825 года Императоръ отправился въ Таганрогъ, сопутствуя Августѣйшей своей супругѣ, страдавшей хроническою болѣзнію. Не останавливаясь на горестныхъ подробностяхъ сего послѣдняго путешествія Царя-избавителя, давно напечатлѣнныхъ въ сыновней памяти Россіянъ, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ, менѣе извѣстномъ, политическомъ событіи. Въ Октябрѣ Александръ I-ый повелѣлъ Россійскому Повѣренному въ дѣлахъ въ Царьградѣ объявить Портѣ Оттоманской, что Россійскій Дворъ, многими опытами увѣрившись въ непреклонномъ стремленіи Турецкаго Правительства къ отверженію всѣхъ миролюбивыхъ внушеній, къ попранію правъ Державы благонамѣренной и къ нарушенію собственныхъ выгодъ, наконецъ рѣшился предупредить торжественнымъ протестомъ будущія дѣйствія Порты, и, за несовмѣстность оныхъ съ договорами, предоставляетъ себѣ требовать своевременнаго удовлетворенія, на основаніи народнаго права. Симъ объявленіемъ всѣ посредническія, миротворныя, сношенія съ Портою прекратились, по волѣ прозорливаго Монарха, восхотѣвшаго доказать Европѣ и Турціи, что мѣра уступчивости миролюбивой исполнилась, и что пожертвованія, для сохраненія мира, не могутъ быть безпредѣльными. Ноября 19-го дня угасъ въ Таганрогѣ свѣтильникъ земной жизни Александра Благословеннаго. На рубежѣ Европы и Азіи, послѣ уединенной поѣздки вдоль береговъ живописной Тавриды, Императоръ занемогъ тле-

21

творною горячкою, обычною въ степяхъ полуденной Россіи. Воспаленіе быстро овладѣло мозговыми органами. Къ усугубленію горести, раздиравшей сердца приближенныхъ къ нему лютая, болѣзнь перемежалась, уступала на нѣсколько часовъ средствамъ врачебнымъ и снова возгоралась съ большею силою. Доколѣ длилась борьба цвѣтущаго, крѣпкаго, тѣла съ зіяющимъ разрушеніемъ, дотолѣ смиренная, Христолюбивая, душа высокаго страдальца мощно отражалась на лицѣ его, въ рѣчахъ и малѣйшихъ его движеніяхъ. Онъ отходилъ въ покаяніи, любви и мирѣ съ Искупителемъ своимъ, въ мирѣ съ очищенною и возрожденною совѣстію, въ мирѣ съ человѣчествомъ, медленно исчезавшимъ отъ взоровъ неутомимаго Благодѣтеля. Чѣмъ болѣе величіе престола, побѣдные вѣнцы, образъ любезной ему Россіи и нѣжной супруги погружались въ постепенно густѣющее мерцаніе тлѣнности, тѣмъ отраднѣе просіявалъ въ духѣ Царя-Христіянина, всегда побѣждавшаго благимъ злое, божественный ликъ Сердцевѣдца, пріемлющаго своихъ избранныхъ. Александръ I-ый предалъ великую душу Богу—и всенародное, всемірное, сѣтованіе ознаменовало его кончину. Въ церкви Греческаго монастыря, созданнаго Іоанномъ Варвакіемъ, стоялъ гробъ, вмѣщавшій смертные останки великодушнѣйшаго изъ Царей. Предъ нимъ день и ночь теплились лампады, курился ѳиміамъ молитвенный; духовенство Россійское и Греческое по очереди смѣнялось въ немолчномъ священнодѣйствіи за упокой Благословеннаго. Казалось, всецѣлая Православная Церковь, въ лицѣ служителей разноплеменныхъ, невидимо предстояла въ храмѣ семъ, оплакивая смерть Державнаго сына и напутствуя его душу въ выспреннія обители единою общею молитвою. Вѣрные Донцы стояли на стражѣ; жители Таганрога каждый день приносили усопшему дань искреннихъ слезъ; въ пространной Россіи страшная вѣсть поражала сердца и передавалась изъ устъ въ уста безутѣшнымъ плачемъ и рыданіемъ. Общенародныя сіи чувства снова возбуждены были во всемъ Государствѣ, по пути медленнаго погребальнаго шествія, отъ Азовскаго моря до водъ Балтійскихъ, къ мѣсту покоища Россійскихъ Вѣнценосцевъ. Каждый взглядъ на гробовую колесницу растравлялъ глубокую рану скорби въ душахъ вѣрныхъ подданныхъ всѣхъ состояній. Помня священную волю преставльшагося Отца Отечества и вкушая первые плоды его чудолюбивой мудрости отъ воз-

веденія на тронъ Царя, мужественно низложившаго безумную крамолу 14-го Декабря, 1825 года, всякій съ глубокимъ умиленіемъ благословлялъ память вручившаго судьбу навѣтуемой Россіи достойному по себѣ Повелителю-Брату. Вседержитель далъ Александру и здѣсь, на землѣ, по сердцу его, и весь совѣтъ его исполненъ десницею Николая І-го.

Мало въ лѣтописяхъ міра встрѣчаемъ мы Царей, которые такъ пламенно любили человѣчество, какъ Александръ І-ый, и которые стяжали бы общую къ себѣ любовь, подобно сему Державному благотворителю нашего вѣка. Онъ въ человѣкѣ постоянно чтилъ образъ Божій, хотя искаженный грѣхомъ и слабостями, и по тому во всѣхъ начертаніяхъ и дѣлахъ его царствованія и въ частной его жизни выказывалось сіе превосходное чувство. Стремясь неуклонно ко всему доброму и великому, Александръ І-ый свыше удостоился обрѣсти, среди излучистыхъ стезей міра, путь истины, покрытый камнями претыканія, трудный, но прямо ведущій къ цѣли земнаго бытія. Сердечное смиреніе сего Царя по сердцу Божію низвело на главу его высокое избраніе: онъ сокрушилъ исчадіе Французской революціи и исполинское владычество Наполеона; силу освященной воли противоноставилъ силѣ окриленнаго генія и, умиривъ Европу безпримѣрнымъ великодушіемъ, до послѣдняго часа жизни помышлялъ о примиреніи ея съ Небеснымъ Законодателемъ. Время сужденій потомства еще не настало для Алексадра; но, вникая въ сущность совершенныхъ имъ подвиговъ, можно смѣло утверждать, что слава его, сліянная съ славою Россіи, не подвергнется закону уменьшенія, по коему вещественные предметы всегда умаляются, по мѣрѣ разстоянія отъ взоровъ наблюдателя. Слава сія, причастная свойствамъ всего нетлѣннаго, духовнаго, будетъ возрастать отъ вѣка въ вѣкъ и никогда не изгладится изъ памяти грядущихъ поколѣній.

И если позднѣй бытописатель въ лучезарномъ вѣнцѣ земной его жизни откроетъ менѣе свѣтлыя мѣста, слѣды немощи человѣческой, то глубокое смиреніе Александра І-го, столь вѣрно умѣвшаго цѣнить удѣлъ смертныхъ и въ порфирѣ, безъ сомнѣнія, увлечетъ строгаго судію отъ мелочныхъ укоризнъ къ благоговѣйному, невольному, удивленію.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая воскресли въ Кабинетахъ Европейскихъ новыя опасенія относительно судьбы Востока. Лордъ Веллингтонъ поспѣшно отправленъ былъ въ С.-Петербургъ, съ порученіемъ согласить образъ мыслей и обоюдныя намѣренія Державъ, долженствовавшихъ рѣшить будущую участь Турціи и Греціи. Представитель Англіи, по взаимному согласію, успѣлъ постановить коренныя начала, по коимъ Россія и Англія обязывались употребить мѣры кротости и, въ случаѣ неудачи, самое понужденіе, дабы прекратить безчеловѣчное кровопролитіе на Востокѣ, уже пять лѣтъ продолжавшееся ко вреду обѣихъ воюющихъ сторонъ и къ ущербу Европейской торговли на Средиземномъ морѣ. Обиды, нанесенныя Россіи, и возстановленіе прежнихъ ея договоровъ съ Турціею, не могли и не долженствовали сдѣлаться предметами посредничества, вовсе не совмѣстнаго съ достоинствомъ самобытнаго Государства. По сему распря сія предоставлена была непосредственной расправѣ, безъ примѣси чужаго вліянія; въ одномъ только спасеніи погибающаго Христіянскаго народа Государь не отринулъ участія Англіи и Франціи, дабы состязаніемъ не замедлить достиженія цѣли вожделѣнной. Въ слѣдствіе сихъ предначертаній протоколъ 2-го Апрѣля, 1826 года, подписанный въ С.-Петербургѣ, послужилъ поводомъ къ заключенію, въ Іюлѣ того же года, Лондонскаго торжественнаго договора трехъ Державъ, провозгласившихъ единодушное намѣреніе пресѣчь на Востокѣ борьбу вооруженною рукою. Союзные флоты уже готовились къ отплытію; между тѣмъ переговоры завязались въ Константинополѣ и, по причинѣ оскорбленной непреклонности Султана, скоро приняли видъ прѣнія жаркаго и упорнаго. Со дня кончины Александра, Графъ Иванъ Каподистрія, погруженный въ глубокую печаль, съ какимъ-то безотраднымъ чувствомъ уныния взиралъ на необыкновенный ходъ происшествій. Лишась Царя и благодѣтеля своего, онъ всею силою души осиротѣвшей прилѣпился къ погибающей отчизнѣ, съ трепетомъ измѣрялъ опасности, разгадывалъ происки и навѣты иностранцевъ и, видя раздоръ, терзающій Грецію подъ мечемъ Ибрагима, праведный мужъ страшился пережить своихъ единоземцевъ и братій. Волнуемый сими скорбными помышленіями. Каподистрія, предъ кончиною Александра І-го, рѣшился было ѣхать въ С.-Петербургъ, но свѣдавъ о восшествіи на Престолъ

Императора Николая, послалъ просьбу о дозволеніи ему предстать лицу Богоизбраннаго Вѣнценосца. Протекло нѣсколько мѣсяцевъ въ тягостномъ для сердца его безмолвіи. Наконецъ, по волѣ Его Императорскаго Величества, старый слуга и совѣтникъ Благословеннаго приглашенъ былъ въ столицу Сѣвера. Онъ предпринялъ сіе путешествіе, преслѣдуемый печальною мыслію, что Греція—на краю бездны; но не предвидѣлъ, что злосчастный народъ, утомленный междоусобіемъ, почти единогласно наречетъ его своимъ избавителемъ. И подлинно, бѣдствія Еллады въ теченіе 1826 и 1827 годовъ возрасли до высочайшей степени. Египтяне обладали большею частію Пелопониса; на твердой землѣ Аѳины и Мессолонги, сіи завѣтныя вмѣстилища древней и современной славы народа, находились въ рукахъ Мусульманъ; морскія ополченія Идры и Спеціи, дотолѣ состязавшіяся съ огромными Турецкими флотами, къ удивленію всей Европы, или бездѣйствовали въ пристаняхъ, или, подстрекаемыя скудостію, предавались морскимъ разбоямъ; Англійскіе приверженцы, ухватясь за Фавье и Чорча, раздѣляли съ сими военачальниками позоръ ежедневныхъ неудачъ на ратномъ полѣ, или не менѣе постыднаго бездѣйствія. Одинъ Георгій Караискаки еще не отчаявался въ спасеніи Отечества. Сей храбрый и умный вождь одаренъ былъ высокимъ геніемъ, возмужавшимъ въ бояхъ и превратностяхъ, вопреки дикому образу жизни Клефтовъ. Тогда какъ все вокругъ него поникло подъ ударами меча и палицы Турецкой, онъ, не надѣясь болѣе на лжеименное Правительство, отживавшее вѣкъ свой за стѣнами Навпліи, набралъ удалую вольницу изъ горцевъ, пріобыкшихъ къ лишенію и трудамъ, и выступилъ изъ ущельевъ на встрѣчу все истреблявшимъ отрядамъ Турецкимъ. Горсть неустрашимыхъ вездѣ разила непріятелей, вела съ ними разсыпную войну и мало по малу возрасла въ грозное осьмитысячное отборное ополченіе. Естественно, всѣ бездомные жители Ливадіи, Акарнаніи и Аттики стекались подъ знамена искуснаго Караискаки, коего предпріятія становились смѣлѣе, по мѣрѣ умноженія его сподвижниковъ. При Араховѣ и Дистомѣ Караискаки одержалъ надъ Турками блистательныя побѣды. Ободренный успѣхомъ, онъ обратилъ всѣ усилія на избавленіе Акрополиса или крѣпости Аѳинской, осаждаемой ратію Решидъ-Паши. День и ночь высокій умъ вождя занятъ былъ двоякою не-

раздѣльною цѣлію—избавленіемъ Аѳинъ и избраніемъ въ Правители Греціи Ивана Каподистріи. Успѣхъ въ томъ и другомъ герой почиталъ залогомъ спасенія отечества и вѣнцемъ собственной дѣятельной жизни. Громя враговъ, онъ непрестанно переписывался съ благомыслящими въ Навпліи, обличалъ ничтожность и безсиліе Англійской партіи, ознаменовавшей свое владычество надъ Греціею одиѣми бѣдствіями, и твердо настаивалъ въ избраніи того, кто прославилъ и возвысилъ Греческое имя во всей Европѣ. Голосъ побѣдителя Турковъ и сліянные съ нимъ вопли народа, съ восторгомъ произносившаго имя Каподистрія, привели въ оцѣпенѣніе обезславленную шайку противниковъ. 1827 года Марта дня народное собраніе въ Ерміонѣ провозгласило Графа Ивана Каподистрію Правителемъ Греціи, въ присутствіи Кохрена и Чорча. Такимъ образомъ совершилось главное желаніе Караискаки, подкрѣпленное обѣтами и благословеніями всѣхъ нерастлѣнныхъ сыновъ отечества. Предстояло второе, спасительное начинаніе—исторженіе Аѳинъ изъ челюстей Мусульманъ. Кохренъ и Чорчъ отправились къ мѣсту борьбы, имѣли свиданія съ Караискаки и вызвались содѣйствовать нападенію на станъ Визиря съ морской стороны высадкою войскъ и плововучею силою. До приступа къ дѣлу многотрудному (ибо надлежало напасть на укрѣпленный станъ отважнаго Решида и разгромить его силы, чтобы пробраться до Акрополиса), Караискаки неутомимо обслѣдывалъ положеніе мѣстъ и соображалъ способы къ нападенію, испытывая мощь непріятеля ежедневными перепалками. Однажды Турки, усиливъ напоръ, попятили Греческихъ стрѣлковъ. Георгій, свѣдавъ о томъ, выбѣжалъ изъ ставки, появленіемъ своимъ разсѣялъ враговъ, но возвращаясь къ своимъ, раненъ былъ въ животъ ружейнымъ выстрѣломъ изъ кустарника, въ коемъ засѣли бѣглые Турки. Съ воплемъ и рыданіемъ понесли его воины на одръ смертный. Герой прожилъ еще нѣсколько часовъ и, борясь съ безвременною кончиною, безпрестанно твердилъ окружавшимъ его: «Освободите, освободите мнѣ Аѳины!» Завѣщавъ сподвижникамъ исполнить начатое имъ, Караискаки испустилъ духъ: Греція и Правитель ея утратили въ немъ надежный оплотъ, опору непоколебимую. Некѣмъ было замѣнить сей горестной потери. Кохренъ и Чорчъ высадили около Фалернской пристани три тысячи войска и, не умѣя управить, остались на палубахъ судовъ

хладнокровными зрителями совершеннаго ихъ пораженія. Въ сей злосчастный день множество Идріотовъ и остатки храбрыхъ Сульотовъ погибли! Таково было состояніе Греціи, когда Графъ Иванъ Каподистрія прибылъ въ нашу столицу.

1827 года, Мая перваго дня, послѣ пятилѣтняго отсутствія, Графъ Каподистрія въѣхалъ въ великолѣпный градъ Петра Великаго. Глубоко проникнутый чувствомъ суеты всего земнаго, но побуждаемый благодарностію, онъ приказалъ везти себя прямо въ Петропавловскую крѣпость, поклонился гробамъ Александра I-го и Елисаветы Алексѣевны, отслужилъ панихиду о преставльшихся, и оттуда отправился въ гостинницу. Государь Императоръ изволилъ находиться внѣ столицы. Отсутствіе Его Величества продлилось около двѣнадцати дней. Тѣмъ временемъ слухи объ избраніи Каподистріи въ Правители Еллады подтвердились, но оффиціяльное извѣстіе дошло до него позже. Николай I-ый принялъ доблестнаго мужа съ благосклонностію истинно Царскою, изъявилъ предъ нимъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Греческаго народа и сердечное уваженіе къ причинамъ, побуждавшимъ Каподистрію не отклонять отъ себя званія кормчаго въ годину грозы и опасности, или, лучше сказать, предъ самымъ кораблекрушеніемъ. Въ ознаменованіе Высочайшаго вниманія къ заслугамъ Каподистріи, Государь, уволивъ его отъ службы, изволилъ единовременно пожаловать ему, вмѣсто пенсіи, одинъ милліонъ рублей, который безъ остатка въ послѣдствіи издержанъ былъ добрымъ Правителемъ на поддержаніе истощенной казны народной. Въ соображеніи средствъ къ подъятію тяжкаго бремени судебъ протекло около трехъ мѣсяцевъ. Въ сіе время Царь Православный, Августѣйшая его супруга и матерь его, вдовствующая Императрица, неутомимая въ благотвореніяхъ, Марія Ѳеодоровна, осыпали труженика, великаго гражданина, милостями, проистекавшими отъ души. Родительница Царей великихъ, вѣнценосная мать сиротъ, со слезами глубокаго умиленія благословила образомъ къ вѣнцу мучениковъ за правду отходившаго въ невѣдомый путь. Казалось, въ сію торжественную минуту безсмертный ликъ Александра изъ безоблачныхъ странъ блаженной вѣчности невидимо приникалъ въ Царскіе чертоги и отражался въ глубинѣ сроднившихся сердецъ. Вѣрный слуга и со-

вѣтникъ Благословеннаго уѣхалъ во Францію и Англію съ намѣреніемъ склонить и упрочить доброе расположеніе Союзныхъ Монарховъ въ пользу Еллады, избравшей его своимъ ходатаемъ.

Въ Лондонѣ и Парижѣ, вопреки различіямъ мнѣній и прекословію страстей, Правитель Греціи принятъ и угощенъ былъ съ почтеніемъ, всегда вынуждаемымъ добродѣтелію. Онъ не засталъ въ живыхъ предпріимчиваго Каннинга. Преемники дерзкаго возмутителя вселенной уподоблялись наслѣдникамъ богача, потерявшимъ волшебный ключь къ хранилищу оставленныхъ имъ драгоцѣнностей. Однако жь, ходатай за Грецію откровенно объяснился съ Британскими Министрами, всемѣрно старался разсѣять ихъ подозрѣнія и недовѣрчивость къ нему, какъ приверженцу Россіи, а въ Парижѣ добросердечный Карлъ X обласкалъ Каподистрію и обнадежилъ его дѣятельнымъ вспомоществованіемъ.

Устроивъ, сколь возможно благопріятнѣе, сношенія Греціи съ Державными ея покровителями, смягчивъ завистъ и предубѣжденія и отдавъ себя въ заложники за погибающихъ братій, Графъ Каподистрія продолжалъ путь свой въ Анкону, вездѣ собирая денежныя приношенія друзей человѣчества, радостно ввѣряемыя со всѣхъ сторонъ мудрому его домостроительству. Пожитки богачей и лепты вдовицъ сливались въ казну его, съ помощію коей великій мужъ надѣялся учредить главнѣйшія заведенія для призрѣнія дѣтей, коихъ отцы положили животъ свой въ лютыхъ битвахъ за спасеніе отечества. Христіянской душѣ его мысленно предстояли грядущія поколѣнія, которыхъ растлѣніе, или благополучіе, зависѣло отъ первыхъ зиждительныхъ началъ воспитанія народнаго. Болѣе сорока дней Каподистрія ожидалъ прибытія въ Анкону обѣщаннаго Англійскаго линейнаго корабля, чтобы ступить на предуставленное ему Провидѣніемъ тернистое и кровавое поприще самоотверженія. Но корабль не являлся. Между тѣмъ 1827 года, Октября дня, грянуло Наваринское сраженіе. Три эскадры трехъ Союзныхъ Державъ, представлявшихъ въ семъ достохвальномъ подвигѣ три главныя отрасли единаго первобытнаго Христіянства стройно и величаво покрыли Греческое море разноцвѣтными флагами. Надъ ними жезлъ начальства держалъ храбрый, благомыслящій, Адмиралъ Англіи, Эдуардъ Кодрингтонъ.

Сподвижниками его были Контръ-Адмиралы: Россійскій, Графъ Гейденъ, и Французскій де Риньи. По точному разуму и силѣ союзнаго договора, Сиру Эдуарду Кодрингтону предписано было объявить Ибрагиму и Капитанъ-Пашѣ провозглашенное Державнымъ Союзомъ перемиріе между воюющими, впредь до окончанія переговоровъ съ Портою Оттоманскою. Но кичливый, ободренный своими побѣдами, подручникъ Султана, мечтавшій о самовластіи въ пожалованныхъ ему Пашалыкахъ Морейскомъ и Критскомъ, уклонялся отъ соблюденія возложенной на него обязанности. Онъ, не смотря на данное обѣщаніе, выслалъ изъ Наварина часть эскадры въ Лепантскій заливъ, для продолженія непріятельскихъ дѣйствій, и на сушѣ не преставалъ свирѣпствовать безъ пощады и отдыха. Тогда раздраженный неуступчивостію Адмиралъ Кодрингтонъ пустился въ погоню за отплывшею эскадрою, настигъ и принудилъ ее возвратиться въ Наваринскую пристань. Возникли жаркія прѣнія; раздались угрозы; съ обѣихъ сторонъ все предвѣщало разрывъ неминуемый, или униженіе достоинства Европейскихъ повелителей. Доблестный Кодрингтонъ не долго колебался. Но, затрудняясь многосложностію даннаго ему наказа, Адмиралъ придержался собственноручной приписки Генералъ-Адмирала, нынѣ Короля Вильгельма IV, и положилъ цѣлымъ флотомъ въѣхать въ гавань, дабы страхомъ понудить Мусульманъ къ перемирію. Отданъ былъ сигналъ: Англійскіе суда плыли впереди, за ними шла Французская дивизія, Россійская замыкала браноносное шествіе. Турки открыли огонь; союзныя эскадры быстро втѣснились въ пространную гавань, громко отвѣтствуя на привѣтъ Турецкихъ судовъ, осѣняемыхъ флагомъ багровымъ. Россійскіе корабли должны были выдержать крестообразный огонь батарей, коими защищался входъ въ пристань, но не отстали отъ прочихъ. Тогда битва загрохотала по всему заливу, ядра градомъ посыпались и вскорѣ Турецкіе корабли запылали въ различныхъ направленіяхъ. Нѣсколько часовъ длилось разрушительное состязаніе, среди обломковъ снастей и судовъ, подъ грознымъ заревомъ сильнаго пожара, мгновенно омрачаемаго дымными столбами отъ взрыва пловучихъ громадъ, страшною оглушающихъ пальбою. Наконецъ Ибрагимъ согласился на перемиріе, и въ ту же минуту Кодрингтонъ приказалъ щадить корабли непріятельскіе, уже обреченные пожирающему пламени.

Симъ кончилась вѣчнопамятная Наваринская битва; * но ею бѣдствія и страданія Грековъ еще не прекратились. Чудовищное безначаліе терзало истощенную Грецію; сонмы злосчастныхъ невольниковъ отсылаемы были въ Египетъ; поселяне скрывались въ ущеліяхъ горъ; на пепелищахъ городовъ и селъ гнѣздилось запустѣніе, на моряхъ своевольствовали корсары; хищный Клефтъ Гривасъ засѣялъ въ крѣпости Паламидѣ и съ вершины исполинскаго утеса повелѣвалъ Навпліею.

Въ сихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, Правитель Графъ Иванъ Каподистрія, на Англійскомъ линейномъ кораблѣ, одинъ безъ войска и оружія, явился у береговъ, пораженныхъ тяжкихъ проклятіемъ. Зложелатели внутренно радовались непреодолимому разстройству страны, одичавшей, въ которой Избранникъ, по мнѣнію ихъ, долженствовалъ лишиться своей славы. Но предчувствія людей, ослѣпленныхъ злобною непріязнію, посрамлены были событіемъ. Каподистрія повелѣлъ Гривасу сдать крѣпость Паламиду, и меченосецъ-Клефтъ безпрекословно исполнилъ данное ему приказаніе. Народъ воспрянулъ отъ неописаннаго восторга, крамольники оробѣли и для безопасности своей изъявляли притворную радость и безусловное повиновеніе. Правитель Греціи на время утвердилъ свое пребываніе на островѣ Эгинѣ, жилъ въ хижинѣ, наскоро выстроилъ скромный домъ и, назначивъ себѣ сотрудниковъ, безъ всякаго разбора мнѣній и партій, ревностно принялся

---

* Достойно примѣчанія, что Сарацины и послѣ нихъ Турки всегда подвергались сильнѣйшимъ пораженіемъ на морѣ, и что флоты ихъ истребляемы были пожарами. Въ продолженіе вѣковой борьбы Мусульманъ съ Византійскою Имперіею, такъ называемый Греческій огонь неоднократно пожиралъ суда невѣрныхъ. Далѣе, въ XVI столѣтіи Лепантская битва, въ XVIII Чесменскій бой, и наконецъ блистательные успѣхи Греческихъ брандеровъ въ послѣднюю войну, увѣнчанную заревомъ Наваринскаго всесожженія, вся сія, почти безпрерывная, цѣпь дивныхъ событій свидѣтельствуетъ о нѣкоемъ приговорѣ, свыше произнесенномъ надъ морскими ополченіями поклонниковъ Арабскаго лжепророка. Одни челноки Эллиновъ въ три года истребили четыре линейныхъ Турецкихъ корабля, три фрегата и множество меньшихъ судовъ. Константинъ Канарисъ уже ворвался было съ громоносным судномъ въ гавань Александрійскую, но одно дуновеніе вѣтра отвратило ударъ и спасло морскую силу Мегметъ-Али-Паши, охраняемую услужливостію бывшихъ тамъ Французовъ. Все таки честь и слава герою Канарису

за священное дѣло—воцареніе законовъ и исцѣленіе глубокихъ язвъ опустошенной отчизны.

Съ наступленіемъ 1828 года обнаружились признаки неизбѣжнаго разрыва между Россіею и Турціею. Султанъ Махмудъ, предполагая, что вѣроломное вторженіе Персіянъ въ наши предѣлы и воспослѣдовавшая за онымъ война надолго займутъ наши силы, оказывалъ возрастающее пренебреженіе къ правамъ и законнымъ требованіямъ нашего Кабинета. Не довольствуясь явными приготовленіями къ войнѣ, Порта обнародовала Гатти-Шерифъ или воззваніе къ Мусульманамъ, наполненное угрозами, оскорбительными для чести и достоинства Россіи. Повременно чинимы были обиды нашему флагу, и Паши Азіятскихъ областей, смежныхъ съ театромъ Персидской войны, явно подстрекали къ бунтамъ подвластныхъ намъ Мусульманъ и снабжали Горцовъ военными припасами. Столь враждебные поступки наконецъ вынудили у Россіи торжественное объявленіе войны, коей причины изложены, съ надлежащею полнотою и ясностію, въ деклараціи Апрѣля 1828 года и въ письмѣ Вице-Канцлера къ Верховному Визиру. Лишь только гонецъ съ роковою хартіею отправился въ Царьградъ, какъ Графъ Витгенштейнъ, командовавшій второю арміею, получилъ приказаніе вступить въ Молдавію, а Черноморскій флотъ вышелъ въ море, направивъ плаваніе къ Азіятской крѣпости Анапѣ. Султанская Дума оцѣпенѣла отъ ужаса, какъ будто не предусматривала, что Государь Императоръ рѣшительно вступится за Государственныя права, пользы и честь народную. Искать примиренія посредствомъ мѣръ, предначертанныхъ въ Россійскомъ Манифестѣ, показалось Туркамъ уступчивостію, несовмѣстною съ завѣтными преданіями гордости Мусульманской. Политика Султана терялась въ противорѣчіяхъ; ибо семь лѣтъ сряду требовала Россія огражденія святости нарушенныхъ Портою договоровъ; Порта же не могла сдѣлать Россіи ни какого упрека, кромѣ одного, что она приняла участіе въ Наваринскомъ сраженіи. Но, возставая противъ сей непріязненности, ей надлежало объявить войну прочимъ Союзнымъ Державамъ, ополчившимся въ пользу Грековъ. Сохраненное съ ними дружество обличало особенную вражду ея противъ Русскихъ, безсмысленно устремленную къ ускоренію бѣдственнннаго разрыва. Гроза разразилась надъ главами изувѣровъ, вопреки запоздалымъ усиліямъ и миролюбивымъ внушеніямъ Союзныхъ

Дворовъ, покушавшихся отвратить войну страхомъ всеобщаго потрясенія въ Европѣ. Государь Императоръ отправился въ главную квартиру дѣйствующей арміи; воды Дунайскія зашумѣли подъ веслами быстрой ладьи, на которой изумленный Востокъ узрѣлъ Обладателя странъ полунощныхъ среди сонма храбрыхъ дружинъ его. Крѣпостцы Исакча и Тульча сдались; на противоположномъ берегу Чернаго моря Анапа покорена была распорядительною храбростію Князя Меншикова. Въ то же время побѣдитель Персіи, Графъ Пасчевичъ-Эриванскій, снова созвалъ едва отдохнувшіе отъ великихъ подвиговъ полки отдѣльной Кавказской рати, подвялъ обвитыя лаврами знамена и мужественно вступилъ въ ближайшія области Турецкой Имперіи. Осада Браилова стоила Россіи многихъ храбрыхъ, погибшихъ на приступѣ сквозь недовершенный проломъ въ стѣнахъ крѣпости. Но сдача скоро послѣдовала за кровавою сѣчею, и паденіе сей твердыни проложило безопасный путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Прошедъ мѣста, запустѣніемъ своимъ свидѣтельствовавшія о пагубномъ вліяніи Порты на подвластныя ей страны, главная рать наша приблизилась къ цѣпи Балканскихъ горъ и заняла средоточную позицію при Карасу. Всюду жители Болгаріи принимали Русскихъ воиновъ съ врожденнымъ чувствомъ пріязни, основанной на единовѣріи. Они, какъ и мужественные Сербы, съ усердіемъ исполнили бы первое мановеніе Царя Православнаго, но кроткія воззванія, изданныя по волѣ Государя при самомъ вступленіи нашей рати въ сіи области, требовали одного дружелюбія, отклоняя вооруженное содѣйствіе туземцевъ, дабы не навлечь имъ гоненія отъ Турковъ, послѣ заключенія мира, отыскиваемаго мечемъ Россійскимъ. Ибо плачевный опытъ минувшихъ лѣтъ доказалъ, что всепрощеніе, обѣщаваемое Портою, не спасало Христіянъ отъ мстительности раздраженнаго властителя. По сему человѣколюбіе и напередъ провозглашенная цѣль войны внушали необходимость устранить единовѣрцевъ нашихъ отъ участія въ борьбѣ собственно политической. Сими высокими побужденіями Христіянскаго праводушія руководствовался Государь Императоръ, располагавшій судьбой милліона людей на поляхъ битвъ, но вмѣстѣ дорожившій каждою лишнею каплею крови, безъ нужды проливаемой въ дѣкѣ правомъ. Военныя дѣйствія 1828 года заключились осадою и взятіемъ приморской крѣпости Варны, въ первый разъ завидѣв-

шей нашихъ орловъ. Тогда Державы Европейскія, дотолѣ тревожимыя страхомъ перехода Русскихъ чрезъ Балканскій хребетъ, предались безпечности и ею заразили Порту Оттоманскую. Турки перестали думать о принятіи предложеннаго имъ Россіею мира, а соглядатаи Европейскіе, разноцвѣтные любители и знатоки ратнаго дѣла, въ одинъ голосъ повторяли, обманывая и себя и пославшихъ ихъ, что походъ не удался, не произвелъ ни какихъ важныхъ слѣдствій, и что настоящая война начнется развѣ съ будущимъ годомъ. Микроскопъ зложелательства, чрезъ мѣру увеличивая предметы, по видимому, скрывалъ отъ тусклаго ихъ взора полный объемъ происшествій. . . . .

Какъ бы то ни было, Европа стала менѣе опасаться успѣховъ нашего оружія, возложивъ надежду на Балканскій оплотъ, на тлетворное вліяніе Задунайскаго климата и на регулярные полки Султана Махмуда. Однако же зима съ 1828 на 1829 годъ тихомолкомъ готовила Россіи обильную жатву побѣдъ. Дунайскія крѣпости пали одна за другою, морская экспедиція, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Кумани, высадила войска въ Созополѣ, по ту сторону Балкановъ, уже обойденныхъ почти безъ выстрѣла симъ благовременнымъ предпріятіемъ. Тщетно развѣвался Санджакъ-Шерифъ, т. е., священное Магометово знамя, въ Рамисъ-Чифликѣ, загородномъ домѣ Султана, близъ Константинополя. Оно не подвигалось впередъ ни на шагъ и не производило въ Мусульманахъ стариннаго, изувѣрнаго, вдохновенія. Настала весна, и дружины Русскія воспрянули съ первымъ пробужденіемъ природы. Ревность каждаго ратоборца воспламенялась благороднымъ соревнованіемъ къ подвигамъ вождя Паскевича, приводившаго Азію въ повиновеніе, или трепетъ. Графъ Дибичъ, вскорѣ прозванный Забалканскимъ, повелъ войска впередъ: быстрымъ движеніемъ упредилъ Визиря, шедшаго къ Шумлѣ, и разбилъ его на голову при Кулевчѣ. Вершины Балканскія уже не могли остановить побѣдителя; все лежало предъ нимъ—и Русскіе вступили во вторую столицу Оттоманской Имперіи, въ древній, знаменитый, Адріанополь!

Газетныя прорицалища затихли; наглый издатель «Смирнскаго Вѣстника,» систематически клеветавшій на Россію въ продолженіе двухъ лѣтъ и вмѣстѣ поносившій мудрое и кроткое правленіе Гра-

фа Ив. Каподистріи въ Елладѣ, онѣмѣлъ отъ скорби и ярости. Передовыя наши войска разставили свои посты до самаго Люле-Бургаса, гдѣ начинаются дивные водопроводы, нѣкогда сооруженные Римскими Императорами и донынѣ напаяющіе Византію. Близость погибели побудила Султана спѣшно выслать Полномочныхъ въ станъ побѣдителей. Послы Державъ иностранныхъ, пребывающіе въ Царьградѣ, письменно умоляли Главнокомандующаго не приближаться болѣе къ беззащитной столицѣ, дабы ихъ самихъ и прочихъ жителей Христіанъ не предать въ жертву нечаянному возстанію Мусульманской черни. Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ, по точному содержанію даннаго ему наказа, дружелюбно принялъ Турецкихъ Полномочныхъ, и вскорѣ переговоры открыты были между ними и Россійскими Полномочными, Графомъ Орловымъ и Графомъ Паленомъ.

Оставленному на престолѣ Султану предписаны условія весьма умѣренныя, во многомъ сходствующія съ постановленіями Аккерманской Конференціи. Россія пріобрѣла въ Азіи небольшое пространство земель, но твердо упрочила безопасность и благоденствіе Молдавіи, Валахіи и Сербіи, взыскала должное за убытки, понесенные Россійскими подданными, и наложила на побѣжденныхъ десять милліоновъ червонцевъ взноса за издержки, причиненныя войною. О прочихъ статьяхъ Адріанопольскаго договора, относящихся къ Греціи, мы упомянемъ въ послѣдствіи.

Событіе, вожделѣнное для Мусульманъ, не могло быть благопріятнымъ возрожденію едва оживавшаго Греческаго народа. Посему Адріанопольскій миръ разрушилъ лучшія надежды Правителя Греціи, отнявъ у него возможность дѣйствовать наступательно на Христіанскую Ѳессалію и Эпиръ, и естественнымъ образомъ умножилъ число и силы явныхъ и тайныхъ его зложелателей. Однако, не взирая на сію превратность, Правитель Греціи, пріобыкшій во всю жизнь бороться съ враждебною судьбиной, не потерялъ свойственной ему твердости духа и пребылъ вѣрнымъ обѣту братолюбія и покорности волѣ Всевышняго. Со дня заключенія мира, Каподистрія, какъ истинный труженикъ, несъ тяжкое бремя правленія, единственно по долгу, съ отверженіемъ всѣхъ надеждъ земныхъ.

Выстроивъ въ Эгинѣ собственнымъ иждивеніемъ и съ помощію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ иноземцевъ огромное зданіе

для помѣщенія въ немъ сиротъ мужескаго пола, Каподистрія призрѣлъ въ семъ заведеніи болѣе шести сотъ дѣтей, скитавшихся безъ пріюта и обреченныхъ нищетѣ и разврату. Подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, сіи малолѣтки, спасенные отъ погибели душевной и тѣлесной, получали первоначальное образованіе въ Вѣрѣ, чтеніи, письмѣ, ариѳметикѣ, правилахъ отечественнаго языка, церковномъ пѣніи и рисованіи, чтобы изъ сего благодатнаго разсадника перейти, смотря по своимъ склонностямъ, въ различныя званія, полезныя для общества. Иные обучались ремесламъ, другіе вступали въ типографіи наборщиками, или въ правительственныя мѣста переписчиками. Оказавшихъ высшія способности опредѣляли въ главное военное училище «τῶν ἐυεργετῶν,» благонадежныхъ. По примѣру и побужденію чадолюбиваго Правителя, въ малыхъ, полуразрушенныхъ, городахъ и селахъ, среди развалинъ, открыты были по всей Греціи школы взаимнаго обученія; въ Эгинѣ, Навпліи, Аѳинахъ и Миссолонги основаны были среднія училища для преподаванія предуготовительнымъ наукъ, т. е., Грамматики, Исторіи, Географіи и началъ Математики. Наконецъ въ Паросѣ опустѣвшая древняя обитель иноковъ назначена была для Духовнаго училища или Семинаріи. При совершенномъ оскудѣніи пособій духовныхъ и учебныхъ, мудрый ревнитель Святаго Православія поручилъ Архимандриту Венедикту и проповѣднику Прокопію надзоръ за весьма малымъ числомъ воспитанниковъ, наставляемыхъ въ ученіи и благонравіи Христіянскомъ.

Сими мѣрами заложивъ зданіе государственнаго бытія, Каподистрія обратилъ вниманіе свое на устройство властей и воцареніе закона и порядка. Онъ учредилъ Герусію или Сенатъ, въ составъ коего вступили почетные граждане, старѣйшины всѣхъ областей и островов Еллады, по мѣстному вліянію и заслугамъ каждаго. Не полагаясь на мнѣнія своихъ Статсъ-Секретарей, Правитель отсылалъ всѣ предначертанія на разсмотрѣніе Герусіи, внималъ сужденіямъ ея и сообразовалъ дѣянія Правительства съ ходомъ совѣщаній и предложеніями сей Государственной Думы. Судопроизводство, на основаніи общихъ началъ правовѣдѣнія, постепенно было вводимо повсюду, начиная отъ мирнаго судіи до высшихъ судилищъ. Судіямъ дано было въ руковод-

ство Уложеніе Римскихъ Императоровъ, извѣстное подъ названіемъ «Царскихъ книгъ,» т. е., сборника Василія Македонскаго. По дѣламъ уголовнымъ, полицейскимъ и торговымъ, Правитель призналъ нужнымъ руководствоваться формами и законами Французскими. Морское вѣдомство, порядокъ мореплаванія, устройство гаваней, таможенъ и въ особенности карантинныя мѣры для предотвращенія моровой язвы, сугубо грозной для Греціи, по причинѣ сосѣдства Турецкаго, всѣ сіи важныя отрасли правленія были предметомъ неусыпныхъ, всеобъемлющихъ, попеченій Каподистріи. Лишь только мужъ великій и кроткій успѣлъ принять кормило Государственное—морскіе разбои прекратились, какъ бы волшебною силою. Зложелатели, дотолѣ громко вопіявшіе противъ сего закоренѣлаго зла, изумились и съ трудомъ могли скрыть свою досаду. Ибо они не безъ умысла оглашали Европу непрестанными жалобами на Греческихъ корсаровъ, не изъ усердія къ безопасности торговли, но дабы преувеличенными разсказами о убыткахъ и обидахъ болѣе и болѣе раздражить Державы Европейскія противъ ненавидимаго ими народа, и наконецъ, подъ предлогомъ разбоевъ, узаконить общую ловлю и травлю отчаянныхъ Христіанъ. Одно появленіе Каподистріи посрамило козни ихъ. Онъ, почти безъ строгости, возстановилъ на моряхъ вождѣлѣнную безопасность и тотчасъ приступилъ къ водворенію тишины на твердой землѣ. Сколько разъ присутствіе безоружнаго Правителя среди мятежныхъ скопищъ буйныхъ Клефтовъ мгновенно укрощало строптивыхъ и внушало имъ повиновеніе! Обезпечивъ на время содержаніе войскъ, Каподистрія неумолимо взыскивалъ съ нихъ за малѣйшее своевольство, или притѣсненіе сельскихъ жителей. Подавленный дотолѣ неистовыми шайками, злосчастный народъ ожилъ, свободно вздохнулъ и единогласно благословлялъ своего покровителя. * Пользуясь во всякое время свободнымъ доступомъ

* Слѣдующій случай живо знаменуетъ народное довѣріе къ Правителю: какой-то паликаръ или удалецъ изъ военныхъ сцѣпился съ поселяниномъ о цѣнѣ продажнаго барана. Мужикъ просилъ пять левовъ, а меченосецъ сулилъ только три и грозилъ отнять барана безъ платы, по праву сильнаго. Но продавецъ, не робѣя, хладнокровно сказалъ ему: «Погляди, баринъ, у моего барана на лбу написано: «Барба Яни!» а на затылкѣ тоже прописью: «Пять левовъ.» «Угодно, такъ возьми!»

къ нему, бѣднѣйшій простолюдинъ зналъ, гдѣ искать себѣ защиты, совѣта, утѣшенія и не рѣдко существенной помощи. Народъ сдружился съ добрымъ властелиномъ, и въ изліяніяхъ любви сыновней, нелицемѣрной, радушно прозвалъ Каподистрію: «Барба Яни,» т. е., дядею Иваномъ: простонародное выраженіе, изъявляющее любовь и довѣріе къ старшему и благодѣтелю. Въ годину мира, въ странѣ, еще не опустошенной безначаліемъ и не зараженной чужеземствомъ, довольно было бы сихъ подвиговъ для счастія народа и для безсмертной славы сего Избавителя. Но труженику надлежало преодолѣвать невидимыхъ враговъ и устранять неимовѣрныя преграды на пути къ возрожденію народному.

Первый исполинскій трудъ состоялъ въ обрѣтеніи денежныхъ пособій. Казны не бывало въ Греціи; Англійскіе займы большею частію разошлись по рукамъ безсовѣстныхъ его предмѣстниковъ. Частныя приношенія на алтарѣ отечества пресѣклись съ надеждою на будущія завоеванія. А народъ бѣдствовалъ въ горахъ, на пепелищахъ селъ, среди полей, заросшихъ терніемъ. Стада, виноградники, масличныя и шелковичныя деревья, всѣ пожитки селянина, пожрала, сожгла, изрубила, уничтожила война кровавая! Не возможно было ожидать податей отъ обнищавшаго, истощеннаго народа.

Созванное Правителемъ народное собраніе, вопреки надеждамъ и предсказаніямъ Англо-Французской партіи, явило къ нему полное довѣріе и облекло Каподистрію властію почти неограниченною. Но сіе собраніе не умѣло изыскать источниковъ дохода и въ недоумѣніи своемъ всю тягость обстоятельствъ возвергло на Правителя. Сложность государственныхъ доходовъ не превышала трехъ милліоновъ рублей, а расходы, при строгой, мелочной, бережливости, простирались до шести милліоновъ. Каподистрія жилъ и содержалъ свой домъ собственнымъ достояніемъ: на троекратное предложеніе представителей народныхъ опредѣлить приличную сумму на содержаніе его великій гражданинъ отвѣтствовалъ отказомъ. Между тѣмъ начеты и недостатки увеличились до такой степени, что Графъ Каподистрія принужденъ былъ просить помощи у Государя Императора и Короля Франціи, Карла X. Ходатайство его было уважено, и Греческая казна разновременно получила изъ Россіи и Франціи около осьми мил-

ліоновъ франковъ. Сверхъ того, Каподистрія добывалъ вспомогательныя суммы ревностнымъ содѣйствіемъ друга своего и друга человѣчества, Женевскаго богача, Г. Эйнара, оказавшаго Греціи незабвенныя услуги. Трудясь надъ умноженіемъ способовъ къ поддержанію народнаго бытія, Правитель Еллады не находилъ средствъ сократить издержки, несоразмѣрныя доходамъ. Сонмы воиновъ и воинскихъ чиновъ, пріобыкшихъ жить добычею и войною, въ мирное время требовали, по крайней мѣрѣ, половиннаго жалованья; и, по случаю малѣйшей отсрочки въ платежахъ, передавались въ руки возмутителей иноземныхъ, съ жадностію ловившихъ всѣ поводы къ возбужденію ропота и неустройства. Однако же, не смотря на всѣ преграды, Каподистрія неуклонно шествовалъ къ своей цѣли путемъ искушеній; бдительно наблюдалъ за ходомъ Лондонскихъ переговоровъ, долженствовавшихъ рѣшить судьбу Греціи, дѣятельно участвовалъ въ совѣщаніяхъ трехъ Посланниковъ въ Паросѣ, краснорѣчиво защищалъ права своего народа и съ свойственнымъ ему искуствомъ выставлялъ тѣ условія политическаго бытія въ отношеніи къ независимости и предѣламъ Греціи, безъ коихъ она существовать не можетъ. Враги Правителя старались оклеветать его предъ народомъ нелѣпымъ порицаніемъ, будто онъ всемѣрно отклонялъ избраніе будущаго Монарха, съ намѣреніемъ удержать бразды правленія. А праведный мужъ, въ сіе самое время, обширною перепискою съ Дворами Европейскими не переставалъ внушать, что временное правленіе пагубно для Греціи и непреоборимо препятствуетъ успѣхамъ внутренняго благоустройства. Принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій (нынѣ Король Бельгійскій), зять Великобританскаго Короля, Георга IV, нѣкогда служившій въ Россіи, былъ лично одолженъ Графомъ Каподистріею, и въ продолжаемой издавна перепискѣ съ нимъ, всегда изъявлялъ ему пріязнь и благодарность. * Сей Принцъ, движимый постояннымъ, нестолю-

* Георгъ IV искалъ достойнаго супруга для дочери своей, Принцессы Шарлотты. Принцъ Оранскій испрашивалъ ея руки, но не умѣлъ снискать любви Державной невѣсты. Тогда Принцъ Леопольдъ рѣшился испытать свое счастіе. Не имѣя способовъ показаться въ Лондонѣ съ блескомъ, приличнымъ его намѣреніямъ и сану, онъ обратился съ просьбою къ Графу Каподистріи, который тотчасъ исходатайствовалъ ему денежное пособіе отъ щедротъ Им-

біемъ, домогался короны. Въ сонмѣ Германскихъ Князей, искателей верховнаго сана, овдовѣвшій супругъ наслѣдницы Великобританской всегда занималъ почетное мѣсто. И по тому Державные Союзники, исключивъ изъ числа кандидатовъ на Греческій Тронъ всѣхъ членовъ Царственнаго ихъ рода, естественнымъ образомъ приняли во вниманіе искательство Принца Леопольда, имѣвшаго тогда главнымъ совмѣстникомъ Принца Фридриха Нидерландскаго. Нѣкоторое время выборъ трехъ Державъ колебался между сими двумя владѣтельными Князьями, и наконецъ жребій палъ на Принца Леопольда. Доколѣ длились переговоры о семъ важномъ предметѣ, предтеча будущаго вѣнценосца, въ потѣ лица уготовлявшій ему въ Греціи стезю правую, ограничивался настояніями о выборѣ Монарха, но не указывалъ ни на кого исключительно. Какъ скоро избраніе Леопольда сдѣлалось гласнымъ, Каподистрія посиѣшилъ привѣтствовать новаго властелина именемъ всѣхъ Еллиновъ, убѣдительно молилъ его Высочество не медлить прибытіемъ своимъ въ Грецію, правдолюбиво раскрылъ предъ нимъ положеніе страждущаго народа, и сообщенія сіи заключилъ изъявленіемъ единодушнаго желанія Грековъ н ѣ к о г д а увидѣть Царя своего, поклоняющагося Господу въ едином ъ храмѣ съ своими подданными. Отъ избытка сердца провѣщали уста его, не заграждаемыя робкими соображеніями и расчетами политики земной.

Встрѣтивъ затрудненія въ обезпеченіи займа, необходимаго для воссозданія Греціи, Принцъ Леопольдъ отказался отъ предлагаемаго ему вѣнца терноваго, и будущая участь Еллады снова предана была случайностямъ непредвидимымъ. Ненадежность настоящаго порядка снова взволновала умы, порабощенные мятежнымъ вліяніемъ Европейскихъ крамолъ. Маврокордато, Коръ и пришельцы Византійскіе, извѣстные подъ названіемъ Фанаріотовъ, составили общій договоръ противъ Правителя, боготворимаго простымъ народомъ. Искусно пользуясь неудовольствіемъ моряковъ и богачей Идріотскихъ за то, что Каподистрія не хотѣлъ безъ разбора утвердить счетовъ и требованій денежныхъ, выводимыхъ

ператора Александра I-го. Сватовство увѣнчалось успѣхомъ, и Принцъ Леопольдъ съ того времени помнилъ оказанную ему услугу.

ими на казну Государственную и простиравшихся до 20 милліоновъ франковъ, пользуясь, говорю, симъ сѣменемъ раздора, безбожная шайка усвѣла привлечь къ себѣ множество островитянъ, упорныхъ и корыстолюбивыхъ. По примѣру ихъ, нѣсколько строптивыхъ Клефтовъ и Морейскіе старѣйшины, коимъ возбранялось тѣснить по прежнему простой народъ, пристали къ сторонѣ противниковъ, но еще не дерзали явно противодѣйствовать отцу отечества. Толпа книжниковъ, полученыхъ наглецовъ, напитанныхъ суемудрыми ученіями Университетовъ Запада, вкрались въ довѣріе коренныхъ жителей и буйными внушеніями сугубо раздражали и ополчили ихъ противъ Правительства. Не доставало волшебнаго, металлическаго, талисмана, обыкновенно усыпляющаго неистовыя страсти. Со всѣмъ тѣмъ глубокое почтеніе къ особѣ Правителя, его добродѣтели и живая преданность народная, все еще удерживали крамольниковъ въ предѣлахъ угрюмаго, но безмолвнаго, повиновенія. Внезапно раздалась по всей Европѣ поражающая вѣсть, въ Іюлѣ 1830 года: Бурбоны свержены съ престола Святаго Людовика; революція воскресла; Орлеанскій домъ воцаряется на тронѣ опустѣвшемъ, и порфирородный сирота, Генрихъ V, осужденъ на безсрочное изгнаніе. Не вникая въ отдаленныя и ближайшія причины сего ужаснаго переворота, не описывая всемірныхъ слѣдствій онаго, дѣеписатель долженъ, однако жь, показать злотворное вліяніе Парижской великой седмицы * на судьбу изнемогавшей Еллады. И подлинно, всѣ бѣдствія и преступленія Грековъ произошли оттуда. Огнедышащее жерло, изверженіями своими поколебавшее вселенную, по закону необходимости, взволновало и Грецію, въ кой находились охранительныя Французскія войска. Духъ безначалія, воплотившійся во Франціи, Нидерландахъ и Польшѣ, явился на Эгейскихъ берегахъ грознымъ исполиномъ. Водители крамолы возчувствовали въ себѣ отвагу и дерзость. Они начали нападеніе мечемъ обоюду острымъ — изданіемъ въ Идрѣ демагогическаго журнала, изрыгавшаго на Правителя, Церковь, Россію смрадный потокъ лжи, клеветъ и ругательствъ. Общія заповѣдныя слова мятежниковъ были: «Свобода тисненія, конституція!» Сіи зловѣщіе

---

* La grande semaine, Такъ Парижане назвали всеобщее возстаніе противъ Короля въ Іюлѣ 1830 года.

звуки тѣмъ сильнѣе очаровывали толпу, чѣмъ менѣе она ихъ понимала. Измѣна овладѣла невѣжествомъ, и всеобщая нищета вступила въ тѣсный союзъ съ возмутителями. Мнимо равнодушные зрители сей борьбы, иностранцы, тайно подстрекали неистовыя страсти туземцевъ. Долго и непреклонно противился Каподистрія: то мѣрами твердости, то кроткими внушеніями останавливалъ онъ порывы измѣнниковъ и посрамлялъ ихъ козни. Мудрая бдительность Правителя упредила подущенный ими бунтъ звѣрскихъ Маніотовъ: онъ разсѣялъ полчища Капитана Карātассо, подкупленнаго крамолою. На твердой землѣ содѣйствовали ему Колокотрони и Калергій, на морѣ герой, пребывшій вѣрнымъ отечеству, Константинъ Канарисъ. Кромѣ дѣятельнаго отраженія изступленной крамолы, Каподистрія постоянно заботился о распространеніи въ народѣ понятій здравыхъ. «Къ чему послужитъ, говорилъ онъ, необузданная свобода книгопечатанія у народа, лишеннаго первоначальныхъ, коренныхъ, познаній? А конституція на бумагѣ на вѣкъ останется орудіемъ хищниковъ и злодѣевъ отчизны, если не положить ей основанія въ быту народномъ. Кѣмъ будутъ избираемы представители и въ чью пользу станутъ они дѣйствовать, если въ Греціи нѣтъ еще сословій, нѣтъ общинъ и народъ не владѣетъ участками земли, въ залогъ благоразумія и усердія къ пользамъ отечества? Коренной законъ есть только обманчивый призракъ, когда онъ начертанъ на хартіи, но не существуетъ въ преданіяхъ, нравахъ и способностяхъ народныхъ. Третья часть Пелопониса принадлежала Туркамъ; теперь недвижимость сія, купленная цѣною Греческой крови, досталась въ удѣлъ Государству. Въ описаніи, оцѣнкѣ и справедливомъ распредѣленіи сихъ земель между поселянами, общинами градскими и защитниками отечества, заключается истинная конституція Еллады. Это — животворная стихія, безъ коей намъ не устранить хаоса, не создать въ родной странѣ новаго міра. Вотъ цѣль всѣхъ моихъ усилій, размышленій и трудовъ. Однимъ крамольникамъ свойственно прикрывать частные виды громкими изреченіями; я зижду для потомства, «злодѣи сѣютъ вѣтръ, и пожнутъ бурю!»

Таковъ былъ предметъ всѣхъ частныхъ бесѣдъ и всенародныхъ воззваній Правителя къ благомыслящимъ гражданамъ, ко-

сателя отказывается начертать имена ихъ, обреченныя позорному безсмертію. Они, негодуя и стыдясь собственнаго безсилія, что не успѣли еще ниспровергнуть власти законной, оглашали Грецію и Европу ложными извѣтами и поношеніями на праведника, твердя, что тиранъ (такъ называли они благодѣтеля Еллады) заключилъ въ тюрьмы безчисленное множество невинныхъ. Но когда не стало тирана, мѣстное изслѣдованіе обнаружило, что подъ стражею находилось не болѣе семнадцати человѣкъ, частію обвиняемыхъ, частію уже обличенныхъ въ Государственныхъ преступленіяхъ.*

Наконецъ клеврета и коварство истощили раженныя свои стрѣлы. Не смотря на всѣ происки, тайные подрывы, явныя возстанія и святотатственныя покушенія сильной крамолы, Правитель Еллады отразилъ удары ея, обличилъ зловредные умыслы, сохранилъ тишину на твердой землѣ, и уже готовился нанести злодѣямъ конечное пораженіе, торжественнымъ открытіемъ въ Аргосѣ Народнаго Собранія. Не успѣвъ остановить хода помѣстныхъ выборовъ, противники, въ изступленіи злобы безсильной, единогласно рѣшили умертвить Графа Каподистрію. Надлежало избрать опытныхъ кровопійцъ: ихъ нашли въ сонмѣ праздношатающихся, звѣрскихъ Маніотовъ. Между ними первенствовалъ Петро-Бей Мавромихали, при владычествѣ Турковъ нареченный Беемъ или Княземъ Маніотскимъ. Сребролюбивый и кровожадный старецъ не переставалъ жалѣть объ утраченномъ владычествѣ надъ Маніею. Присутствуя въ Герусіи и кромѣ того пользуясь денежнымъ пособіемъ отъ Правительства, онъ принялъ дѣятельное участіе въ измѣнѣ Идріото-Фанаріотовъ, по наущенію ихъ тайно бѣжалъ изъ Навпліи на свою родину и взбунтовалъ часть тамошнихъ жителей, но вскорѣ былъ пойманъ и нѣсколько мѣсяцевъ находился подъ стражею, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Георгіемъ, и племянникомъ, Константиномъ Мавромихали. Графъ Каподистрія, уважая его сѣдины и заслуги двухъ сыновей его, нѣкогда павшихъ на полѣ битвы, не рѣшался предать суду преступника;

* Смотри отчетъ Правительства Аргосскому Конгрессу, поданный въ началѣ 1832 года, и дипломатическую переписку Г. Стратфорда Каннинга съ Графомъ Августиномъ Каподистріею.

біемъ, домогался короны. Въ сонмѣ Германскихъ Князей, искателей верховнаго сана, овдовѣвшій супругъ наслѣдницы Великобританской всегда занималъ почетное мѣсто. И по тому Державные Союзники, исключивъ изъ числа кандидатовъ на Греческій Тронъ всѣхъ членовъ Царственнаго ихъ рода, естественнымъ образомъ приняли во вниманіе искательство Принца Леопольда, имѣвшаго тогда главнымъ совмѣстникомъ Принца Фридриха Нидерландскаго. Нѣкоторое время выборъ трехъ Державъ колебался между сими двумя владѣтельными Князьями, и наконецъ жребій палъ на Принца Леопольда. Доколѣ длились переговоры о семъ важномъ предметѣ, предтеча будущаго вѣнценосца, въ потѣ лица уготовлявшій ему въ Греціи стезю правую, ограничивался настояніями о выборѣ Монарха, но не указывалъ ни на кого исключительно. Какъ скоро избраніе Леопольда сдѣлалось гласнымъ, Каподистрія поспѣшилъ привѣтствовать новаго властелина именемъ всѣхъ Еллиновъ, убѣдительно молилъ его Высочество не медлить прибытіемъ своимъ въ Грецію, правдолюбиво раскрылъ предъ нимъ положеніе страждущаго народа, и сообщенія сіи заключилъ изъявленіемъ единодушнаго желанія Грековъ нѣкогда увидѣть Царя своего, поклоняющагося Господу въ едином храмѣ съ своими подданными. Отъ избытка сердца провѣщали уста его, не заграждаемыя робкими соображеніями и расчетами политики земной.

Встрѣтивъ затрудненія въ обезпеченіи займа, необходимаго для возсозданія Греціи, Принцъ Леопольдъ отказался отъ предлагаемаго ему вѣнца терноваго, и будущая участь Еллады снова предана была случайностямъ непредвидимымъ. Ненадежность настоящаго порядка снова взволновала умы, порабощенные мятежнымъ вліяніемъ Европейскихъ крамолъ. Маврокордато, Чорчъ и пришельцы Византійскіе, извѣстные подъ названіемъ Фанаріотовъ, составили общій договоръ противъ Правителя, боготворимаго простымъ народомъ. Искусно пользуясь неудовольствіемъ моряковъ и богачей Идріотскихъ за то, что Каподистрія не хотѣлъ безъ разбора утвердить счетовъ и требованій денежныхъ, выводимыхъ

ператора Александра I-го. Сватовство увѣнчалось успѣхомъ, и Принцъ Леопольдъ съ того времени помнилъ оказанную ему услугу.

Пробило шесть часовъ утра; на близъ лежащей площади все готовилось къ назначенному пѣхотному и артиллерійскому смотру. Внутри храма Св. Спиридона довольно уже собралось молящихся. Вдали показался Графъ Іоаннъ въ обычной темно-синей одеждѣ; онъ шелъ пѣшкомъ къ церкви, за нимъ слѣдовали одинорукій урядникъ, Георгій, уроженецъ острова Крита, изувѣченный въ Наваринской битвѣ и жившій ординарцемъ въ домѣ Правителя; въ нѣкоторомъ разстояніи, позади ординарца, рядовой Навплійской внутренней стражи. Завидѣвъ и узнавъ издали плѣнныхъ крамольниковъ, Каподистрія ни мало не усумнился, вопреки намекамъ и предостереженіямъ, накануне къ нему дошедшимъ. Единому Сердцевѣдцу извѣстно, что происходило тогда въ душѣ мученика, испившаго чашу скорбей земныхъ и страданіями приготовленнаго къ вѣнцу небесному. Онъ, твердою поступью подошедъ къ безмолвнымъ чудовищамъ, на поклонъ обоихъ отвѣтствовалъ приподнятіемъ шляпы, и въ тотъ же мигъ Георгій и Константинъ выстрѣлили въ него изъ пистолетовъ, прицѣлившись къ безстрашному его челу. Потомъ Георгій выхватилъ изъ своего пояса кинжалъ и пронзилъ животъ изнемогающаго праведника, кровь хлынула изъ ранъ, онъ зашатался и упалъ въ объятіе ординарца, который подхватилъ его одною рукою и положилъ на спасенную имъ Греческую землю. Убійцы обратились въ бѣгство.

Толпа, въ безпамятствѣ, высыпала изъ храма; мерзость злодѣянія проникла во святилище. Вѣрный тѣлохранитель, быстро отворотясь отъ умерщвленнаго, выстрѣлилъ въ Константина; но пистолетъ осѣкся; удалецъ отбросилъ вѣроломное орудіе казни, выхватилъ другое, ринулся, какъ левъ, по пятамъ бѣгущаго безбожника и вторымъ выстрѣломъ сокрушилъ его поясницу. Убійца падалъ, приподнимался, силился бѣжать, кропилъ слѣды свои кровію; народъ сбѣжался на вопль храбраго мстителя, осыпалъ проклятіями злодѣя, который громко винилъ своего товарища, и наконецъ, исторгнувъ его душу, повлекъ искаженное тѣло къ крутому берегу, откуда оно брошено было въ море. Тѣмъ временемъ сынъ Петро-Бея, Георгій, вмѣсто того, чтобы искать спасенія за близкою городскою оградою, направилъ бѣгъ свой чрезъ площадь и улицу къ дому Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Барона Руана. Услышавъ крикъ встревоженныхъ жителей, зло-

дѣй оробѣлъ и, не надѣясь безопасно достигнуть предположеннаго убѣжища, вбѣжалъ въ ближайшій къ оному домъ Вальяна, чтобы скорѣе укрыться отъ вниманія толпы. Оттуда, чрезъ знакомую калитку, Мавромихали пробрался во дворъ представителя Франціи, постучался въ двери и, послѣ минутнаго разговора, былъ впущенъ подъ кровъ гостепріимный. Поцѣловавъ пистолетъ свой, онъ отдалъ смертоносное орудіе, пресѣкшее жизнь драгоцѣнную и праведную, въ руки Француза, Подполковника Пельона, и просилъ защиты. Между тѣмъ страшная вѣсть о кончинѣ Правителя громомъ раздавалась по всему городу. Братъ убіеннаго, Графъ Августинъ, явился на мѣстѣ свершившагося святотатства, убитый горестію, но подкрѣпляемый Христіанскимъ желаніемъ отвратить безначаліе, не допустить народъ до самоуправства и предать мщеніе единому Богу. Достойный братъ усопшаго праведника тотчасъ проникъ тайныя намѣренія чужеземцевъ, алкавшихъ мятежа, какъ благовиднаго повода ко введенію въ Навплію чужой вооруженной силы. И подлинно, лишь только взводъ артиллеристовъ отнесъ тѣло Графа Іоанна въ домъ Правительства и отданъ былъ Коменданту Альмейдѣ приказъ удвоить караулы и разъѣзды и прекратить сообщенія съ гаванью, Генералъ Жерарь, начальникъ регулярнаго войска, явился на площади съ своимъ штабомъ, произнесъ рѣчь къ солдатамъ и послалъ въ Герусію чиновника съ предложеніемъ возложить на него одного главное временное начальство въ Навпліи. Въ отвѣтъ на сей вызовъ ревности безкорыстной, Герусія дала знать ему, что Временная Правительственная Коммиссія уже учреждена и Предсѣдателемъ оной избранъ Графъ Августинъ Каподистрія. Народъ волновался, требовалъ крови измѣнниковъ, посягнувшихъ на жизнь отца отечества, и нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей задержалъ на улицахъ съ ужаснымъ воплемъ: «Да погибнутъ злодѣи»! Въ числѣ угрожаемыхъ смертію находился тогда Князь Константинъ Караджа, извѣстный по тѣснымъ связямъ съ врагами Правителя. Чтобы спасти его изъ рукъ народа, возвѣщавшаго судъ Божій, мужественный Комендантъ велѣлъ отвести его въ караульню, а Графъ Августинъ, по настоянію Барона Руана, дозволилъ сдать Караджу Французамъ, дорожившимъ его безопасностію. Не смотря на усиленныя попеченія властей о возстановленіи въ Навпліи тишины и порядка, Повѣренные въ дѣлахъ, Даукинсъ и Баронъ

Руанъ, громко изъявляли Коменданту Альмейдѣ свое негодованіе за то, что сообщеніе съ судами, стоявшими на рейдѣ, подвергаемо было строгому обыску. На нелѣпыя сіи жалобы Комендантъ отвѣчалъ, что послѣ гнуснаго преступленія, отъ котораго вся Греція осиротѣла, первый долгъ его состоялъ въ упрежденіи тайнаго побѣга виновныхъ, для чего и взяты были имъ строгія мѣры. Не довольствуясь симъ оправданіемъ, Гг. Дипломаты забылись до того, что грозили Коменданту внезапнымъ выѣздомъ, если не отмѣнитъ онъ стѣснительныхъ распоряженій, будто бы нарушавшихъ права иностранныхъ Державъ въ лицѣ ихъ представителей. Прѣніе происходило на площади: непоколебимый Альмейда, хладнокровно выслушавъ угрозу, вовсе не умѣстную, снялъ предъ ними шляпу, поклонился и сказалъ твердымъ голосомъ: «Милостивые Государи! Желаю вамъ счастливаго пути!» (bon voyage), потомъ, отворотясь отъ изумленныхъ, удалился. Предъ наступленіемъ вечера сѣтующіе жители Навпліи, провѣдали, что убійца, Георгій Мавромихали, скрывается въ домѣ Французскаго посольства. Сей слухъ, подтвержденный очевидцами, возбудилъ въ сердцахъ грубыхъ, но правыхъ, неописанную ярость. Отсюду шумныя скопища стекались къ запертымъ воротамъ ненавистнаго пристанища. Вопли, проклятія, угрозы оглашали воздухъ, возвѣщая трепещущему злодѣю неизбѣжную на землѣ казнь и кару небесную. Графъ Августинъ послалъ Коменданта къ Барону Руану, который сначала не сознавался въ укрывательствѣ убійцы, потомъ сказалъ, что подозрѣваемый впущенъ былъ въ домъ безъ его позволенія, и наконецъ, устрашенный настояніемъ Коменданта, указывавшаго ему на толпу раздраженныхъ гражданъ, рѣшился выдать Георгія, подъ прикрытіемъ военнаго караула, для преданія его суду. Изверга вывелъ за руку Подполковникъ Пельонъ, начальникъ штаба Генерала Жерара, и дружески провожалъ его до мѣста заключенія, безпрестанно увѣряя воиновъ въ невинности злосчастнаго плѣнника. По истинѣ сострадавіе зазорное и непостижимое! Началось судопроизводство: вся Греція стонала, облеченная въ печальное вретище; всѣ Еллины отъ мала до велика, кромѣ неистовой, закоснѣлой, крамолы, во храмахъ и на торжищахъ, въ селахъ и пустыняхъ, оплакивали потерю общаго ихъ благотворителя, запечатлѣвшаго своею кровію нѣжную любовь къ отечеству. Не о проведникѣ, но о са-

нихъ, себѣ, о дѣтяхъ, потомкахъ, о будущей судьбѣ Греціи, на коей тяготѣлъ страшный грѣхъ, плакать имъ надлежало. И подлинно, съ 27-го Сентября 1831 года, страна, напоенная кровію самоотверженника, медленно испиваетъ чашу воздаянія, растворенную междоусобіемъ, неустройствами, нищетою, стыдомъ, и желчію коварства, злобно терзающаго нѣдра ея. Да смягчится и надъ сими ослѣпленными приговоръ Правосудія Божія, о коемъ во всѣ времена свидѣтельствуютъ скрижали исторіи міра! Георгій Мавромихали и сообщники его принадлежали составу содержимыхъ Правительствомъ войскъ нерегулярныхъ. По сему преступленіе ихъ подлежало вѣдѣнію верховнаго военнаго судилища. Оно неоднократно допрашивало виновныхъ и вызывало свидѣтелей изъ разныхъ сословій. Показанія сихъ послѣднихъ обнаружили давнюю и тѣсную связь злодѣевъ съ шайкою крамольниковъ, водворенныхъ въ Идрѣ и оттуда побудившихъ къ возстанію жителей Маніи, полководца Каратассо и предавшихъ пламени военныя суда злосчастной Еллады. Кромѣ того, отрывки тайной переписки указали на слѣды сокровенныхъ переговоровъ съ чужеземными пришельцами, имѣвшихъ постоянную, единственную цѣль: ниспроверженіе законнаго и благотворнаго правительства Графа Ивана Каподистріи. При обстоятельствахъ толико смутныхъ, подъ грознымъ вліяніемъ извнѣ поощряемыхъ страстей, преемнику незабвеннаго мученика не возможно было преслѣдовать нить заговора обширнаго и мрачнаго, который таился въ изгибахъ лабиринта, не приступнаго правосудію власти, скованной и безсильной.

Надлежало ограничить сужденіе ближайшими виновниками всенароднаго сиротства и невозвратной потери. Вопреки [illegible] и упорному отрицанію изверга Георгія и полупризнаніямъ Макріяни и товарища его изъ сонма простыхъ воиновъ, верховное судилище, утвердивъ заключенія свои на очевидности, тождествѣ лицъ и безчисленныхъ свидѣтельствахъ, приговорило Георгія Мавромихали къ смерти, съ предварительнымъ отсѣченіемъ правой руки, а сообщниковъ его осудило на пожизненное тюремное заключеніе въ оковахъ. Графъ Августинъ отмѣнилъ отсѣченіе руки; но Генералъ Жераръ, Баронъ Руанъ и Полковникъ Пельонъ, къ общему негодованію душъ правыхъ, всемѣрно старались разглашать, что убійцы не подлежали рѣшенію военнаго судилища. Однако

же, не взирая на увертки закоснѣлыхъ извергов и толки покровителей ихъ, Временное Правленіе приступило къ исполненію приговора, требуемаго и гласомъ Божіимъ и гласомъ человѣчества. Георгія Мавромихали вывели на лобное мѣсто. Ожесточенный преступникъ, предъ самою вѣчностію, еще дерзнулъ обратить рѣчь къ народу. Уста, дышавшія адскою нераскаянностію, отверзлись, дабы произнести нѣсколько несвязныхъ увѣщаній и побужденій къ миру и единодушію согражданъ. На отрывистыя слова его всѣ зрители въ одинъ грозный голосъ, или отголосокъ Небесъ, отвѣчали: «Анаѳема!» Раздались ружейные выстрѣлы,—и губитель отчизны упалъ на землю, пронзенный пулями.

Съ шумомъ погибла память нечестивыхъ, а драгоцѣнные останки Правителя-мученика подверглись врачебному изслѣдованію и разъятію, по коему оказалось, что мозгъ простреленъ былъ двумя связанными пулями, а животъ получилъ рану, которая сама по себѣ признана была смертельною. За исключеніемъ сихъ поврежденій, вмѣстилище души великой найдено, во всѣхъ орудіяхъ жизни, совершенно здравымъ и неистощеннымъ, обѣщавшимъ маститую и бодрую старость. Балзамированное тѣло Графа Іоанна, съ печальнымъ торжествомъ, вынесли изъ дома въ Соборную церковь Святаго Великомученика Георгія, и отпѣли при стеченіи всѣхъ жителей, чиновъ, Герусіи, войскъ, юныхъ питомцевъ усопшаго и въ присутствіи Адмираловъ и Посланниковъ иностранныхъ. Плачь народа оглашалъ воздухъ и вторилъ молитвамъ о упокоеніи праведника въ горнихъ обителяхъ, неприступныхъ для злобы человѣческой. Здѣсь дѣеписатель покидаетъ перо, утомленный повѣствованіемъ о современной славѣ и скорби житейской. Но духъ еще стремится умственно обозрѣть длинную цѣпь происшествій, очертанныхъ въ семъ отрывкѣ изъ исторіи бурнаго нашего вѣка. Еще хотѣлось бы извлечь изъ общаго очерка великихъ событій какое нибудь живое наставленіе для потомства.

Съ половины XVIII-го столѣтія богопротивный духъ Французской революціи началъ выказываться въ Европѣ, мало по малу овладѣвалъ умами современниковъ и, подъ личиною всеобъемлющей филантропіи, произвелъ общее, тлетворное, обаяніе. Оно совершенно ослѣпило просвѣщенную Европу, по тому что застало ее безнравственною и утомленною вѣковымъ бореніемъ свѣтской власти съ духовною. Вѣра, въ дѣвіе и власть, знаменующія въ

гражданскомъ быту коренныя силы естества человѣческаго, находились тогда въ непримиримомъ разрывѣ и взаимномъ противодѣйствіи. Власти мірскія, низложивъ истощенную злоупотребленіями церковную власть на Западѣ, уже съ безпокойствомъ взирали на быстрые успѣхи заносчиваго любознанія, дотолѣ втайнѣ подрывавшаго основу Престоловъ и Церкви. Но было поздно: лжеименный разумъ уже торжествовалъ побѣду надъ изувѣрствомъ и суевѣріемъ. Правительства сами благопріятствовали мнимому ихъ искорененію; суемудріе, какъ союзникъ лукавый, вдругъ обратило изощренный мечь свой противъ мірскихъ властей, мечтавшихъ видѣть въ немъ противоборника одной власти духовной. Все, что до того времени казалось умствованіемъ, теперь сдѣлалось существенностію; развившаяся теорія безбожія внезапно преобразилась въ практическое безначаліе. По закону строгой послѣдовательности, умствователи XVIII вѣка, отринувъ благое иго Царя Царей, смѣло посягнули на власть его намѣстниковъ. Сердца были приготовлены къ сему превратнымъ воспитаніемъ, и, по приговору Небеснаго Правосудія, Французская революція началась съ 1789 годомъ. Съ сей вѣчнопамятной и плачевной эпохи, Россія, охраняемая Провидѣніемъ, выступила на поприще борьбы долговременной, съ промежутками продолжающейся и до нынѣ. Клевреты Французской Республики простерли вліяніе ея на Востокъ; гроза облежила весь небосклонъ нашего отечества, отражавшаго навѣты врага громкими подвигами сыновъ своихъ въ Турціи, Италіи и на моряхъ средоземныхъ. Православные наши единовѣрцы, то помня Екатерину Великую и завѣты предковъ, то плѣняясь исполинскими успѣхами революціи, раздѣлились на двѣ враждебныя партіи. Графъ Иванъ Каподистрія свыше избранъ былъ представителемъ истиннаго духа Христіянъ Восточныхъ и приведенъ въ Россію десницею Сердцевѣдца. Вихрь происшествій все ниспровергалъ въ обуреваемой Европѣ, Азіи и Америкѣ. Наконецъ революція олицетворилась и сосредоточилась въ Наполеонѣ, Вѣра и доблесть Христіянская въ Александрѣ I-омъ; тщетны были всѣ покушенія къ водворенію мира и союза между сими двумя нравственными противоположностями. Полнота временъ настала, и вѣчность явила міру дивный событіями 1812 годъ. Покорная волѣ одного могущественнаго генія, всеразрушающая сила революціи сокрушилась о твердый оплотъ Россіи. Исполин-

ское нападеніе произвело равносильное противодѣйствіе, и Европа, подавленная гигантскою пятою завоевателя, единодушно воспрянула, ополчилась на Францію и совершила надъ преступною, гордою, страною судъ Божій, смягченный духомъ кротости и Христіанскаго братолюбія. Но пораженіе вещественныхъ, враждебныхъ, силъ, воскресивъ въ Европѣ благородное стремленіе къ особной самобытности каждаго народа, не возмогло, однако жъ, однимъ и тѣмъ же ударомъ искоренить всѣхъ давно посѣянныхъ всюду плевелъ безбожія и строптиваго противленія властямъ. Ибо худые законы легко замѣнить лучшими, но цѣлыя поколѣнія, однажды растлѣнныя превратнымъ воспитаніемъ, неудержимо свершаютъ свое земное поприще и мгновеннымъ чудодѣйствіемъ возрождены быть не могутъ. По сему революція, посрамленная во Франціи, пребыла живою и дѣйственною въ прочихъ странахъ Европы, вихремъ перенеслась въ Южную Америку, питала на Востокѣ справедливое негодованіе Христіанъ, утомленныхъ игомъ Турецкимъ, и принудила Вѣнценосцевъ не отлагать меча, при всѣхъ признакахъ глубокаго мира. Таково было положеніе Европы съ 1815 до 1820 года. Въ сей промежутокъ времени Россія первенствовала на стражѣ общей безопасности; руководимая Александромъ, она чуждалась частныхъ своихъ выгодъ и не рѣдко жертвовала ими сохраненію дружества Державъ и благополучію ихъ подданныхъ. Братскій и Христіанскій союзъ 14-го Сентября, 1815 года, Ахенскій Конгрессъ и всѣ слѣдовавшія за сими эпохами безкорыстныя попеченія и усилія избавителя Европы, постоянно клонились къ тому, чтобы въ сферѣ политической и нравственной снова воцарить творческую силу истинной Вѣры, вліяніемъ ея произвести возрожденіе современниковъ, и тѣмъ незыблемо упрочить взаимность правъ и обязанностей человѣческихъ. Вопреки симъ стараніямъ, сѣмена революціи прозябли, возросли и принесли плоды горькіе. Испанія и Италія запылали; искры необъятнаго пожара, летая изъ края въ край Европы, грозили опустошеніемъ всемірнымъ; наконецъ съ 1821 годомъ, предуготовленное причинами мѣстными, возстаніе Грековъ поставило Россію въ необходимость учинить тягостной, роковой выборъ, между собственною пользою и спокойствіемъ цѣлаго міра. Императоръ Александръ отказался отъ новаго вѣнца славы, дабы отвратить вселенскую брань и не подать повода къ раздору между Державными Союз-

никами. Единовѣрцы наши лишились единственнаго по Богѣ заступника, и крамольники всѣхъ странъ Европы, какъ плотоядныя птицы, отвсюду слетѣлись въ Елладу на кровавый пиръ. Понятія о законности смѣшались; поборники верховной власти вступились за Султана, истребителя Христіянъ, а провозвѣстники необузданной вольности возликовали, нашедъ въ тиранствѣ Мусульманъ вожделѣнный поводъ къ охужденію Монархическихъ правилъ. Тѣ и другіе погрѣшали въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, основанныхъ на примѣненіи совершенно случайномъ и произвольномъ. Не смотря на сіе, волненіе умовъ возрастало, страсти раздражались, а человѣчество сонмами погибало на Востокѣ, опустошаемомъ войною и умственнымъ бореніемъ, кои породили лишь бѣдственный хаосъ и сугубое распространеніе ложныхъ понятій. Наконецъ Императоръ Александръ положилъ въ душѣ своей прекратить душегубство и разрушеніе въ областяхъ Турецкихъ. Англія, подъ водительствомъ предпріимчиваго, но мятежнаго, генія, въ то же время вознамѣрилась овладѣть судьбою Греціи, дотолѣ ею гонимой, и подчинить бытіе ея соображеніямъ политики смѣтливой и своекорыстной. Каннингъ произнесъ надъ Испаніею приговоръ отпаденія Американскихъ ея колоній и заманилъ въ волшебный кругъ Британскаго вліянія всѣхъ искателей счастія въ Елладѣ. Тогда безвременная кончина Александра I-го заставила всю Европу страшиться новыхъ опасностей со стороны Россіи. Съ поспѣшностію открыты были переговоры и возникъ союзъ трехъ Державъ для единой, благородной, цѣли. Кичливая Порта, изумленная столь нечаяннымъ сопряженіемъ разнородныхъ стихій, съ негодованіемъ отринула всѣ предложенія, клонившіяся къ примиренію ея съ подданными, и гроза разразилась надъ главами гонителей Христіянства. Напрасно Персія вѣроломствомъ мечтала поколебать твердость Сѣвернаго колосса; напрасно Турція вызывала Россію на неравное единоборство; напрасно духъ крамолы и нестроенія ополчилъ противъ Николая I-го ослѣпленныхъ жителей Польскаго Царства, процвѣтавшаго подъ сѣнію престола Петра Великаго; всѣ явныя покушенія и тайные ковы обратились въ стыдъ и посрамленіе навѣтниковъ отечества нашего, и Европа, забывшая всѣ благодѣянія старшаго внука Екатерины, вопреки гордости самодовольнаго просвѣщенія, принуждена была снова прибѣгнуть къ суду и заступленію Августѣйшаго Брата и Преемника Благосло-

веннаго. И во дни наши, среди громовыхъ тучъ, облегающихъ небосклонъ древняго и новаго свѣта, звѣзда Сѣвера ярко просіяваетъ сквозь мглу, омрачающую бытіе современныхъ народовъ, и теперь всѣ праводушные чтители законовъ Божіихъ и человѣческихъ вперяютъ взоръ упованія на непреклонную, свыше осѣняемую, Россію. Единовѣрная намъ Еллада, проливая слезы надъ могилою доблестнаго страдальца, посвятившаго всю жизнь свою высокому идеалу, въ которомъ сливались Россія, Греція и, общая ихъ матерь, Святая Церковь, страна сія, говорю, отъ безкорыстнаго дружества Россіянъ ждетъ и чаетъ прочнаго себѣ благоденствія. Тайна временъ грядущихъ, не проницаемая для ума смертныхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, тѣсно сопряжена съ предопредѣленіемъ имени Русскаго. Наставленія Исторіи внятно гласятъ намъ, что здравая политика, озаренная Христіянскою мудростію, чуждая зависти и злобы, ознаменованная постояннымъ благоволеніемъ къ человѣчеству, благонадежнѣе и прямѣе ведетъ народы къ счастію, славѣ и высшему ихъ назначенію, нежели всѣ ухищренія коварства и всѣ вымыслы нынѣ господствующаго въ Европѣ суемудрія.

Конечно, Россія, въ теченіе полувѣка не всегда умѣла избѣгать погрѣшностей въ выборѣ средствъ, времени и дѣйствующихъ орудій и соображеній; но Вѣнценосцы наши постоянно отвращались всякой порочной цѣли въ направленіи дѣятельности Государственной и народной. Въ воздаяніе чистоты ихъ намѣреній, вѣнецъ Мономаха сіяетъ въ немерцающемъ блескѣ; враги Россіи, пресмыкаясь у ногъ ея, тщетно стараются поколебать ея могущество: въ лонѣ отечества еще хранится чистое животворное пламя Вѣры и Благочестія; врожденныя способности Россіянъ развиваются; зданіе, заложенное Владиміромъ, укрѣпленное Иваномъ III и Алексѣемъ Михайловичемъ, преобразованное Петромъ Великимъ, возвеличенное Александромъ I и Николаемъ, стоитъ твердо, какъ величественная пирамида, въ основахъ широкая и увѣнчанная единовластіемъ. О Россіи то же можно сказать, что древле повторяли истинные философы всѣмъ любимцамъ счастія, достигшимъ высшей степени земнаго благополучія и славы: «Вамъ болѣе некого страшиться; страшитесь страстей, пороковъ и заблужденій собственныхъ; страшитесь самихъ себя!»

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

ОБЪ

А. С. СТУРДЗѢ.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза родился въ Яссахъ, 18-го Ноября, 1791 года, предъ самымъ переселеніемъ его родителей изъ Молдавіи въ Россію, тотчасъ по заключеніи Ясскаго мирнаго договора между Россіею и Портою. По сему, еще въ юности Александръ Скарлатовичъ писалъ: «Сынъ выходцевъ, я знаю мое отечество, и держусь его только по воспоминаніямъ моихъ родителей. Родина же моя — Россія: все меня привязываетъ къ ней — вѣра, служба, привычка и мое сердце.» [1] Родители его пожертвовали многими выгодами, дабы водвориться подъ сѣнію Державы Православной, и любовь къ Православію, какъ бы прирожденная младенцу, возгрѣвалась въ немъ кормилицею его. [2]

Усыновленные Россіей, родители Стурдзы долго проживали съ дѣтьми своими, то въ столицѣ, то въ Бѣлорусской деревнѣ, одолѣвая всѣ препятствія въ доставленіи имъ приличнаго воспитанія, въ ту пору болѣе труднаго, чѣмъ теперь. И не тщетно было родительское самоотверженіе: подъ надзоромъ примѣрнаго

---

[1] См. L'Histoire de mon enfance et de première jeunesse, écrite pour ma soeur. Cah. 1-er.

[2] «Нельзя умолчать объ этой простодушной Христіянкѣ, пишетъ Александръ Скарлатовичъ въ жизнеописаніи своей сестры, Графини Эдлингъ. Она, кормя насъ грудью, питала и непрестанною молитвою; ибо даръ молитвы обиталъ и покоился въ ея душѣ такъ изобильно, что подобнаго сему явленія я не встрѣчалъ на тернистомъ пути жизни моей»—Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 7.

наставника Іоанна Іосифа Допаня, [3] доброе сѣмя ученія быстро принималось и развивалось на мягкой почвѣ прекрасно одаренныхъ душъ. Когда же, въ 1803 г., на это семейство стала изливаться чаша скорбей: безвременная смерть двухъ старшихъ — сестры и брата, недуги родителей и лишенія всякаго рода, то все сіе до того подѣйствовало на пылкую душу отрока Александра, что онъ принесъ Богу обѣты, исполненію которыхъ посвятилъ свою жизнь. [4]

Въ 1809-мъ году Александръ Стурдза поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Проникнутый чувствомъ долга, онъ съ строгою точностію исполнялъ всѣ служебныя обязанности; надѣленный же богатыми способностями, онъ отдавалъ все свободное время разнообразнымъ изученіямъ. Онъ трудился неутомимо и, говоря его словами «одной рукой сѣялъ, а другой пожиналъ», то есть, читалъ и писалъ «Опыты.» Въ этѣхъ опытахъ, естественно, незрѣлыхъ, и по тому никогда не напечатанныхъ, уже проявляется истинно вѣрующая душа, быстро идущая отъ силы въ силу. Въ подтвержденіе сего стоило бы привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ «Опыта о таинственномъ,» [5] напечатаннаго молодымъ труженикомъ въ 1810 г., а также изъ «Опыта объ основныхъ законахъ человѣческой природы и общества,» [6] четыре книги коего составлены имъ въ 1811-мъ и 1812-мъ годахъ; къ сожалѣнію, такіе отрывки не могутъ войти въ тѣсныя рамы «Краткаго свѣдѣнія». Въ одно время съ послѣднимъ сочиненіемъ былъ написанъ Стурдзою и «Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія Россійскому юношеству Греческаго

---

[3] «По истинѣ, свидѣтельствуетъ Александръ Скарлатовичъ въ вышеуказанномъ жизнеописаніи, любовь сего простодушнаго и ученаго Христіянина къ родителямъ нашимъ и намъ крѣпка была, яко смерть.» Тамъ же, стр. 8.—За то и воспитанникъ помнилъ и молитвенно поминалъ его до конца своихъ дней.

[4] См. L' Histoire de mon enfance, cah. 2.

[5] Essai sur le Mystère, pour servir d'introduction à la théorie des sentiments mystérieux.

[6] Essai sur les lois fondamentales de la nature humaine et de la société.

языка,» громко одобренный Обществомъ Любителей Россійской Словесности. [7] Замѣчательны въ семъ опытѣ послѣднія строки предисловія, показывающаго Русскимъ необходимость изученія языка Греческаго: «Латинскій языкъ полезенъ, нуженъ; но Греческій долженъ быть достояніемъ Русскихъ, дабы нѣкогда единовѣрныя поколѣнія могли соединяться». Такъ быстрые успѣхи молодаго человѣка радовали и даже удивляли родныхъ и друзей его, самого же его не ослѣпляли: съ яснымъ самосознаніемъ Христіянина, онъ смотрѣлъ на своего внутренняго человѣка, строго разбиралъ его качества и смиренно осуждалъ себя «на посредственность.»

На такой степени духовнаго развитія засталъ Александра Стурдзу вѣчно памятный 1812-й годъ. Въ Апрѣлѣ сего года Александръ Стурдза, по дѣламъ службы, отправился къ берегамъ Дуная, и оттуда убѣждалъ письмами своихъ родныхъ все переносить съ твердостію и преданностію Промыслу Божію. Изъ Молдавіи переѣхавъ въ Литву, Стурдза оставался при Западной арміи до обратнаго перехода враговъ чрезъ Нѣманъ. Во все это время онъ служилъ и дружилъ съ Графомъ Иваномъ Каподистріей, человѣкомъ необыкновеннымъ по уму и сердцу, котораго, въ письмахъ къ любимой сестрѣ, Роксандрѣ, онъ называетъ «другомъ, замѣняющимъ всѣхъ далекихъ родныхъ». Въ этѣхъ же письмахъ онъ является мыслящимъ свидѣтелемъ великихъ событій.

По изгнаніи непріятеля изъ Россіи, Александръ Стурдза приведенъ былъ службою, сперва въ Петербургъ, а потомъ въ Вѣну и Парижъ, гдѣ трудился, подъ руководствомъ Графа Каподистріи, пока не возвратился съ нимъ въ Россію, въ Генварѣ 1816

---

[7] «А. С. Шишковъ радушно принялъ трудъ мой: «Опытъ о преподаваніи Россійскому юношеству Греческаго языка,» представивъ его на судъ собратіи и склонивъ ихъ прочесть отрывки изъ моего опыта при первомъ публичномъ засѣданіи. Меня, разумѣется, пригласили на этотъ вечеръ, столько для меня памятный. Послѣ басень Крылова и другихъ изящныхъ произведеній, старецъ Шишковъ началъ читать въ слухъ мои пламенныя страницы; Гнѣдичъ хвалилъ; всѣ прочіе аристархи почтили восемнадцатилѣтняго юношу своими одобряющими отзывами.» Бесѣда люб. Р. С., и Арзамасъ, статья А. Скарл.

г. Пребываніе за границею въ такое исторически важное время должно было произвести, и произвело, на воспріимчивую душу Стурдзы сильное и многостороннее вліяніе, плодомъ коего, между прочимъ, было написанное имъ въ этомъ году сочиненіе: «Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe» (Разсужденія объ ученіи и духѣ Православной Церкви). Къ такому сочиненію писатель былъ вызванъ происками нѣкоторыхъ Христіянъ Западной Церкви, старавшихся распространить между Православными сомнѣнія о чистотѣ догматовъ Церкви Восточной. Съ любовію написанная, книга эта, по отпечатаніи, благотворно коснулась многихъ сердецъ; блаженной памяти Патріархи, Кириллъ Константинопольскій и Поликарпъ Іерусалимскій, письменно благодарили писателя за этотъ трудъ, который былъ переведенъ на языки Нѣмецкій, Англійскій и Греческій. Между тѣмъ, въ 1817 году онъ, молодой семьянинъ, лишился любимой жены въ тѣ минуты, когда надѣялся быть отцомъ; около того же времени онъ оплакалъ отца, наставленіямъ котораго приписывалъ свое духовное развитіе, и младшую сестру, съ которою въ дѣтствѣ давалъ обѣтъ жить для Бога и родителей. Неутомимо исполняя обязанности службы по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, онъ, по приглашенію тогдашняго Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Князя А. Н. Голицына, принялъ (въ 1818 г.) участіе въ совѣщаніяхъ и трудахъ Главнаго Правленія Училищъ. При самомъ приступѣ къ дѣлу, онъ избранъ былъ Гг. присутствовавшими въ Главномъ Правленіи Училищъ членомъ Ученаго Комитета, въ каковомъ званіи ревностно занимался составленіемъ инструкцій, проектовъ и мнѣній касательно народнаго просвѣщенія, а также пересмотромъ учебныхъ книгъ. При всѣхъ этѣхъ должностяхъ, А. С. Стурдза успѣвалъ еще удѣлять время литературѣ; извѣстный уже по книгѣ «Considérations,» онъ захотѣлъ писать и по Русски: «Разсужденіе о благотворительности частной и общественной,» и еще: «О любви къ отечеству,» явились тогда на судъ публики въ Журналѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, коего онъ былъ членомъ съ 1816 г., и пріобрѣли автору одобреніе благомыслящихъ людей. [8]

---

[8] «Всего дороже было для меня сужденіе Карамзина. Я передалъ ему статьи мои, чрезъ посредство общаго пріятеля, и получилъ изъ устъ его отзывъ

Занятія сіи прерваны были поѣздкой Александра Скарлатовича за границу, по случаю Ахенскаго Конгреса. Тамъ печатной Запиской о тогдашнемъ состояніи Германіи Стурдза внушилъ Германскимъ Правительствамъ мысль о преобразованіи Университетовъ, но за то и возбудилъ къ себѣ ненависть Университетской молодежи, отъ кинжала которой едва спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Россію. По возвратѣ въ отечество, А. С. Стурдза долженъ былъ взять отпускъ для пользованія зрѣнія, крайне разстроеннаго напряженными трудами.[9] Такимъ образомъ съ половины 1819-го до половины 1821-го года онъ провелъ въ деревнѣ, неохотно уступая необходимости лѣченія и отдыха. Тѣмъ не менѣе, привыкнувъ къ сильной дѣятельности, трудолюбецъ не могъ оставаться совершенно празднымъ. Отсюда и при лѣченіи, съ помощію даннаго ему сотрудника, онъ продолжалъ свои посильныя занятія по службѣ. Кромѣ того онъ усердно старался объ устройствѣ сельскаго училища и составлялъ для учителей инструкціи, а для учениковъ наставленія. Можетъ быть, отъ такихъ, хоть и посильныхъ, трудовъ неуспѣшно было лѣченіе больнаго: три болѣзненныя операціи не улучшили его зрѣнія; пріѣхавъ въ Петербургъ, въ Октябрѣ 1821-го г.,[10] Александръ Скарлатовичъ весною 1822 г. уже просилъ, и достигъ, новаго безсрочнаго отпуска, съ позволеніемъ поселиться въ Одессѣ.

Здѣсь, однако же, Александръ Скарлатовичъ не вдругъ устроился и утвердился. Въ 1823 г. онъ принужденъ былъ, нездоровьемъ второй своей жены, съѣздить на воды за границу. По той же причинѣ, а также и для улучшенія своихъ глазъ, онъ про-

---

знаменитаго историка самый одобрительный и для новичка лестный». Воспоминанія А. Стурдзы о Карамзинѣ.

[9] Еще въ Апрѣлѣ 1818 года онъ писалъ сестрѣ Роксандрѣ: «Департаментъ Народнаго Просвѣщенія даетъ мнѣ много занятій. Если угодно Богу, онѣ не будутъ безплодны. Усердія у меня станетъ, но иногда недостаетъ мнѣ глазъ».

[10] Въ это время написаны Александромъ Скарлатовичемъ статьи: 1, «О вліяніи земледѣльческихъ занятій на умственное и нравственное состояніе народовъ;» 2, «О признакахъ истины,» и 3, «Обращеніе Оссетинцевъ и Удовъ въ Христіянскую вѣру.»

велъ лѣто 1825 г. въ Эмсѣ, а зиму и весну 1826 г. въ Парижѣ. Еще съ 1821-го года, съ роковой минуты возстанія Греціи, онъ съ сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за судьбою этихъ, какъ говорилъ и писалъ онъ, «братій его по вѣрѣ и крови.» [11] Чѣмъ далѣе шла ихъ отчаянная борьба съ тиранствомъ Турціи, тѣмъ пламеннѣе онъ желалъ помогать имъ сколько возможно словомъ и дѣломъ. Съ такимъ намѣреніемъ А. С. Стурдза обнародовалъ въ 1823 г. сочиненіе «La Grèce en 1821 et 1822 (Греція въ 1821 и 1822 г.), развернувшее предъ Европой поразительную картину націи, три слишкомъ столѣтія подавляемой желѣзнымъ игомъ Магометанъ и все таки оживляемой и крѣпимой вѣрою во Христа Спасителя. Не довольствуясь симъ, Александръ Скарлатовичъ изыскивалъ всѣ способы, ему доступные, для дѣятельнаго облегченія своихъ несчастныхъ собратій. Въ этомъ усердно содѣйствовала ему единственная, въ живыхъ оставшаяся, сестра его, Роксандра Скарлатовна, по мужу графиня Эдлингъ, которая, склонивъ супруга переселиться изъ Германіи въ Россію, съ 1824 г. основалась въ Одессѣ. Сестра и братъ всячески старались обезпечивать спасавшіяся въ Россію бездомныя Греческія семейства, ходатайствовали за нихъ, переписывались съ Княземъ А. Н. Голицынымъ, и, при его помощи, осуществили святую мысль о сборѣ по всей Россіи пособій для единовѣрцевъ, а также о второмъ богатомъ сборѣ на выкупъ изъ Турецкаго плѣна многихъ тысячъ злосчастныхъ Хіосцевъ и Критянъ. [12] Путешествіе за границу брата, хотя и разлучило его съ сестрою, но совокупной ихъ дѣятельности ни сколько не помѣшало; напротивъ, еще усилило ее, какъ это видно изъ переписки ихъ, въ которой они обмѣнивались новостями о Греціи, о лицахъ, къ ней расположенныхъ, о задуманныхъ въ пользу ея предпріятіяхъ, къ какимъ возбуждались они самою разлукою. Такъ А. С. Стурдза, находясь въ Парижѣ, началъ писать для своихъ «собратій», на простомъ ихъ

---

[11] Мать его была изъ Греческаго дома князей Мурузи.

[12] Скромный и смиренный, Александръ Скарлатовичъ, въ жизнеописаніи сестры, приписываетъ всѣ эти подвиги только ей одной; но равносильное, если еще не большее, его участіе въ нихъ вполнѣ открывается изъ другихъ семейныхъ бумагъ.

языкѣ, «Ручную книгу Православнаго Христіянина.»[13] Съ такимъ обильнымъ сочувствіемъ содѣйствуя освобожденію Греціи, братъ и сестра утѣшились и успокоились, когда «вѣрнѣйшій другъ ихъ дома», Графъ Иванъ Каподистрія, подъ громами Наваринской битвы, избранъ былъ наконецъ Правителемъ Еллады.[14]

Изъ Парижа А. С. Стурдза возвратился въ Одессу, но опять не надолго: вскорѣ онъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, а оттуда, въ Апрѣлѣ 1828-го г., былъ отправленъ въ Букарестъ, по особымъ порученіямъ, а также по случаю открывшейся войны съ Турціей, для управленія походною Канцеляріею Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и для содѣйствія полномочному Предсѣдателю Дивановъ Молдавіи и Валахіи въ дѣлахъ управленія и образованія того края.[15] То были послѣднія дипломатическія занятія Александра Скарлатовича. 29-го Апрѣля, 1830 г., по прошенію его, онъ уволенъ былъ отъ службы, съ пожалованіемъ въ Тайные Совѣтники.

Вышйдя, по слабости здоровья и особенно зрѣнія, изъ службы дѣйствительной, А. С. Стурдза окончательно поселился въ Одессѣ, и, по примѣру своей сестры, положилъ до конца жизни «постоянно искать сочетанія полезнаго съ пріятнымъ, спокойствія съ трудолюбіемъ, удовлетворенія житейскихъ нуждъ съ высшими потребностями человѣка и Христіянина».[16] Держась сего правила, онъ и въ тѣсномъ кругу частной дѣятельности съумѣлъ найти просторное поприще для талантовъ, ему ввѣренныхъ. Частная дѣятельность трудолюбца часто переполняла семейный кружокъ и выступала за черту Одессы, даже за границу Россіи, касаясь единовѣрнаго дѣятелю Востока, соплеменнаго ему Юга и

---

[13] Книга сія, замѣчательная зрѣлостію содержанія и простотою изложенія, окончена сочинителемъ уже въ Россіи, и напечатана въ С.-Петербургѣ, по одобренію и благословенію Св. Синода. Она немедленно была переведена на Русскій языкъ Е. Ю. Дестунисомъ и напечатана въ 1829 г., а 2-мъ изданіемъ въ 1849 г.

[14] Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 15.

[15] Формулярный списокъ.

[16] Нѣсколько словъ къ друзьямъ, стр. 17.

дальняго Запада. Здѣсь достаточно указать только на нѣкоторыя, особенно замѣтныя, черты ея.

Старательное воспитаніе единственной дочери [17] и горячее участіе въ благотворительныхъ подвигахъ сестры—вотъ что главнымъ образомъ занимало Александра Скарлатовича тотчасъ по выходѣ его въ отставку. Вскорѣ (въ 1831 г.) насильственная и безвременная смерть лучшаго его друга, Графа И. А. Каподистріи, глубоко опечаливъ его, наложила на него обязанность описать прекрасную жизнь этого, по выраженію Жуковскаго, Христіанскаго Аристида, стезею неимовѣрныхъ превратностей пришедшаго къ страдальческому вѣнцу. [18] Исполнивъ долгъ дружбы, Стурдза, по чувству благодарности къ усыновившей его Россіи, пожелалъ сообщить вѣрныя и точныя о ней свѣдѣнія Европѣ, и написалъ довольно пространное сочиненіе: «Notions sur la Russie» (Свѣдѣнія о Россіи). [19] Въ то же время, содѣйствуя образовавшемуся въ Одессѣ Женскому благотворительному Обществу, онъ принялъ живое участіе въ изданіи двухъ альманаховъ. [20] Въ такихъ занятіяхъ Ал. Скарлат. встрѣтилъ 1836-й годъ, весною котораго онъ оставилъ на время Одессу, для поправленія здоровья и для свиданія съ своимъ тестемъ, извѣстнымъ врачемъ Х. В. Гуфеландомъ. «Вотъ человѣкъ, съ которымъ я желалъ бы провести мою жизнь, дабы съ услажденіемъ назидаться и исправляться отъ недостат-

---

[17] Занимаясь имъ, опытомъ онъ постигъ коренной законъ воспитанія: «въ отношеніи къ вѣрѣ и нравамъ кротко, но постоянно и неусыпно, противодѣйствовать врожденнымъ наклонностямъ дѣтей; а въ отношеніи къ уму внимательно наблюдать за ходомъ способностей умственныхъ, слѣдовать ихъ направленію и насильственно не устремлять оныхъ къ несроднымъ предметамъ ученія.» — что высказалъ въ сочиненіи, не большомъ по объему, но большомъ по содержанію, озаглавилъ оное: «Вѣра и вѣдѣніе, или разсужденіе о необходимомъ согласіи въ преподаваніи религіи и наукъ питомцамъ учебныхъ заведеній.» Оно напечатано въ 1833 г.

[18] Подробное жизнеописаніе графа И. А. Каподистріи, написанное по Русски, предложено выше, а сокращенное напечатано въ 1839 г. при «Correspondance du C-te Capodistria.»

[19] И это сочиненіе доселѣ не обнародовано.

[20] Одинъ Русскій: «Подарокъ бѣднымъ», другой Французскій: «La Quêteuse»; вышли въ свѣтъ въ 1834 г.

ковъ»,—изъ Берлина писалъ Александръ Скарлатовичъ сестрѣ; [11] тѣмъ не менѣе онъ не долго пробылъ тамъ, поспѣшая пользоваться цѣлительными водами Германіи. Оттуда онъ заглянулъ въ Швейцарію, горныя красоты которой произвели на него глубокое впечатлѣніе. Но только заглянулъ, ибо, по случаю неожиданной смерти Гуфеланда, онъ принужденъ былъ снова посѣтить Берлинъ, для устройства семейныхъ дѣлъ. Въ Берлинѣ Ал. Ск. прежде всего написалъ, отъ избытка сердечнаго, очеркъ Христіанской жизни и дѣятельности своего покойнаго тестя; потомъ, встрѣтя молодыхъ своихъ родственниковъ, прибывшихъ туда для образованія, онъ удосужился, по пятницамъ, бесѣдовать съ ними о единомъ на потребу, изъ чего и составились «Études religieuses, historiques et morales.» [12] Пользуясь же пребываніемъ въ столицѣ Германской учености, онъ самъ посѣщалъ Берлинскій Университетъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ: Ганса—объ естественномъ правѣ, Неандера — объ исторіи догматовъ, и Дове — о физикѣ. «Это, писалъ онъ сестрѣ отъ $^{3}/_{15}$ Декабря, даетъ предметъ для размышленія.» И въ большой міръ Берлинскій долженъ былъ являться путешественникъ. Перезимовавъ въ Берлинѣ, Ал. Ск. встрѣтилъ весну 1837 г. въ Германіи на водахъ, а лѣтомъ былъ уже въ Россіи, въ Одессѣ. Здѣсь опять онъ повелъ обычную тихую жизнь, заключенную въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ родныхъ и знакомыхъ, но переполненную обширной перепиской, литературными занятіями, тайной благотворительностію и явнымъ участіемъ въ тѣхъ полезныхъ предпріятіяхъ, къ которымъ его приглашали. Такъ, въ концѣ 1837 г., по приглашенію жителей Одессы, онъ присутствовалъ, въ видѣ депутата, при Слѣдственной Коммисіи, учрежденной въ городѣ по случаю чумной заразы. Въ то же время участвовалъ онъ въ трудахъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, а вскорѣ за симъ, какъ одинъ изъ членовъ-основателей, потрудился при устройствѣ Общества исторіи и древностей Новороссійскаго края. Равнымъ, если еще не большимъ, образомъ потрудился Ал. С.

---

[11] Изъ Берлина, отъ $^{2}/_{14}$ Іюня, 1837.

[12] Напечатаны въ 1837, а 2-мъ изданіемъ въ 1843; онѣ переведены на языки: Греческій, Русскій и Молдавскій.

при основаніи въ Одессѣ женскаго воспитательнаго монастыря. Радости и скорби семейныя не мѣшали симъ трудамъ, хотя и глубоко отзывались въ его нѣжномъ сердцѣ. Въ годъ смерти своихъ родныхъ Ал. Ск. «посвящалъ часы уединенія и досуга на выполненіе мысли, возобладавшей умомъ и сердцемъ его,» на составленіе «Писемъ о должностяхъ священнаго сана.» Зрѣлый плодъ зрѣлыхъ лѣтъ, это сочиненіе, важное по содержанію, объему и цѣли, имѣло особенный успѣхъ: въ четыре года разошлось четыре его изданія, за тѣмъ было и пятое; изъ нихъ 4-ое сдѣлано Св. Синодомъ.[23] Онъ лучшее и болѣе всѣхъ извѣстное сочиненіе Стурдзы, и Княгиня Гагарина въ скоромъ времени напечатаетъ письма въ шестой разъ. По завѣщанію отца ея, вся выручка за эту книгу обращена будетъ въ пользу женскаго воспитательнаго монастыря въ Одессѣ. Потомъ продолжалъ онъ трудиться, переводя «Пространный катихизисъ» Высокопр. Филарета на Греческій языкъ, для скудной книгами Церкви Греческой.[24] Между тѣмъ лѣта брали свое, тѣло его ветшало и болѣло, и плохо служило неутомимой его дѣятельности. Памятниками тогдашнихъ его мыслей остались, между прочимъ, статьи: «Нѣчто о философіи Христіянской; Нѣчто объ этимологіи и эстетикѣ по отношенію къ исторіи и наукѣ древностей, и Идеалъ и подражаніе въ изящныхъ искуствахъ» — всѣ три напечатанныя въ Москвитянинѣ; не напечатанныя: «Souvenirs et portraits,»[25] и планъ большаго сочиненія: «О воспитаніи Христіянскомъ.»

Въ 1843 г. А. С. Стурдза въ послѣдній разъ посѣтилъ Молдавію. Какъ ни кратковременно было пребываніе его тамъ, однако же, по приглашенію Князя Михаила Стурдзы, дѣятельно содѣйствовалъ онъ преобразованію Сокольской Семинаріи, сообразно правиламъ и духу Православной Церкви. Принявъ на себя званіе

[23] 1-е изданіе въ 1840 г., 2-е въ 1843, 3-е въ 1843 и 4-е въ 1844 г. Кстати замѣтимъ, что оно переведено на Молдавскій и Греческій языки.

[24] Переводъ этотъ изданъ въ 1840 г., а черезъ десять лѣтъ (1850) вторично.

[25] Вотъ ея содержаніе: 1, Le comte Marie-Joseph de Maistre; 2, Le baron de Stein; 3, Eugène Boulgaris et Nicéphore Théotokis, и 4, Le solitaire de Mycône. Изъ нихъ третья статья о Булгарисѣ и Θеотоки напечатана была въ Русскомъ переводѣ въ Москвитянинѣ.

попечителя Семинаріи, Ал. Ск. и по возвратѣ въ Россію, не переставалъ заботиться о семъ единственномъ въ Молдавіи духовномъ училищѣ, до самаго 1847 г., когда кончилось его попечительство.

Въ началѣ 1844 г. онъ лишился сестры и второй матери, Графини Р. С. Эдлингъ. Велика была потеря его и глубока была его скорбь; онъ занялся исполненіемъ всѣхъ предсмертныхъ порученій покойницы. Съ тою же покорностію и самопреданіемъ волѣ Божіей онъ перенесъ, въ 1845 г., раннюю смерть своего втораго внука, Александра, съ которымъ похоронилъ много завѣтныхъ надеждъ. Эта могила еще не покрылась зеленью, какъ Ал. Скар. долженъ былъ предпринять путешествіе за границу, для возстановленія тѣлеснаго здоровья; онъ перезимовалъ въ Италіи; тутъ здоровье его и присныхъ его значительно поправилось подъ благословеннымъ небомъ. Живя въ Пизѣ, онъ напечаталъ свой Французскій переводъ «Литургіи Св. Іоанна Златоуста,» перевелъ и издалъ (въ Монпелье) «Первую седмицу Великаго Поста,» Преосв. Иннокентія. Съ этими трудами и съ обильнымъ занасомъ путевыхъ впечатлѣній, путешественникъ возвратился на родину, лѣтомъ 1847 г.

Съ того времени и до смерти своей, А. С. Стурдза не оставлялъ уже Россіи. Живя главнымъ образомъ въ Одессѣ, онъ по временамъ, обыкновенно весною, лѣтомъ, или осенью, переселялся то на приморскій хуторъ, названный имъ Пріютомъ, то въ Бессарабское помѣстье, Манзырь, то въ деревню своей дочери. Но гдѣ Ал. Ск. ни жилъ, вездѣ держался обычнаго порядка въ своихъ занятіяхъ, а отъ того, не смотря на немощи тѣлесныя, успѣвалъ дѣлать многое. Не говоря о перепискѣ, которую онъ неутомимо поддерживалъ и которая касалась Европы и Азіи, не говоря о чтеніи каждый день, онъ сколько могъ продолжалъ свои литературные труды, посвящая ихъ главнымъ образомъ на пользу Православной Церкви; такъ онъ перевелъ «Первую седмицу Великаго Поста,» и на Греческій языкъ,[11] предугадывая великое отъ нея назиданіе для Христіанъ Греческихъ. А ободренный благопріятнымъ впечатлѣніемъ, съ какимъ въ Европѣ приняли Французскій ея

[11] Напечатана въ Аѳинахъ въ 1846 г.

переводъ, Ал. Скарл. перевелъ на Французскій языкъ и обнародовалъ: «Избранныя Слова и Рѣчи Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго.»[27] На тотъ же языкъ онъ перевелъ и сокращенный «Молитвословъ.»[28] Не довольствуясь переводами, онъ издалъ еще собственное сочиненіе «Le double parallèle».[29] Служа своими сочиненіями и переводами общенію и сближенію Церквей Русской и Греческой, Ал. Ск. по временамъ знакомилъ Русскихъ читателей съ Православнымъ Востокомъ статьями: «О новѣйшихъ тамъ событіяхъ» и «О развитіи духовной жизни и словесности.[30] Въ то же время онъ признавалъ «внутреннимъ обѣтомъ и призваніемъ его старости» писать «Воспоминанія» о замѣчательныхъ современникахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ и лично зналъ на дорогѣ жизнь.[31] Вотъ почему онъ разновременно посвятилъ нѣсколько страницъ, внушенныхъ вѣрною памятію сердца, О. Аникитѣ, въ мірѣ Князю Шихматову, А. Н. Голицыну, М. Л. Магницкому, Н. М. Карамзину, И. Н. Инзову, В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю, стараясь представить читателю не столько внѣшняго, сколько внутренняго ихъ человѣка.[32] Впрочемъ, литературныя занятія все труднѣе становились для него;[33] зрѣніе его, издавна поврежденное, стало подъ старость чувствительно измѣнять труженику. Старецъ признавался уже дочери: «Ахъ, на закатѣ жизни очень трудно человѣческому уму обитать въ развалинахъ тѣла!»

Чувствуя постоянное, хотя и не всѣмъ примѣтное, разрушеніе здоровья, онъ еще за нѣсколько лѣтъ до смерти уклонился отъ участія въ тѣхъ благотворительныхъ и ученыхъ Обществахъ, коихъ онъ былъ или членомъ, или главнымъ двигателемъ.

---

[27] Переводъ этотъ напечатанъ въ 1847 г.

[28] Напечатанный въ 1852 г., въ Парижѣ.

[29] Le double parallèle переведено на Греческій языкъ и напечатано въ Константинополѣ.

[30] Статьи этѣ онъ помѣщалъ главнымъ образомъ въ Москвитянинѣ.

[31] См. Воспоминанія о И. Н. Инзовѣ.

[32] Статьи этѣ напечатаны частію въ Одесскомъ Вѣстникѣ, частію въ Москвитянинѣ разныхъ годовъ.

[33] Тѣмъ не менѣе, время отъ времени, онъ не переставалъ писать и печатать небольшія статьи, исчислять которыя здѣсь излишне.

Болѣзнь, постигшая его въ 1852 г., вполнѣ оправдала благовременность его приготовленій. Больной былъ при смерти, и къ жизни возвратился сверхъ всякаго чаянія. Это возвращеніе шло медленно и трудно. Съ этой болѣзни старецъ сталъ еще рѣшительнѣе удосуживаться отъ всего житейскаго, не переставая только заботиться объ основанномъ имъ домѣ сердобольныхъ сестеръ,[34] и съ сердечнымъ участіемъ слѣдить за ходомъ современныхъ событій. Но всего лучше привести здѣсь слова изъ письма его къ другу П. Т. М-ву: «Тяжело будетъ мнѣ, старцу, не дожить до дней избавленія, которыхъ такъ пламенно желали и не узрѣли предки и отцы мои.»

Послѣ его А. С. недолго отбывалъ свой урокъ; по обычаю, проведя зиму въ Одессѣ, а начало весны 1854 г. въ Пріютѣ, онъ, въ концѣ Мая, неохотно поѣхалъ въ Манзырь, въ послѣдній разъ, какъ писалъ дочери.[35] И точно, въ ночь на 8-е Іюня нервическій ударъ разбилъ лѣвую половину его тѣла, связалъ языкъ, закрылъ глаза, подавилъ сознаніе. Въ такомъ безпомощномъ состояніи страдалецъ пробылъ до 13-го числа, утромъ коего онъ тихо почилъ сномъ смерти.

Диктіадисъ

---

[34] Въ основаніе сего дома Ал. Ск. положилъ не мало трудовъ и усилій. Первая о семъ заведеніи мысль ему представилась въ 1848 г. Онъ поспѣшилъ высказать ее печатно, — и съ помощію Божіею и доброхотныхъ дателей къ 1-му Ноября, 1850 г., домъ этотъ былъ открытъ. Ал. Ск. начерталъ «Уставъ» его и «Наставленіе для сестеръ,» Христа ради служащихъ больнымъ; всячески содѣйствовалъ его развитію и преуспѣянію; короче, до конца жизни былъ его попечителемъ въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Въ пользу сего-то дома онъ предназначалъ и выручку отъ продажи послѣдняго своего труда: «Памятникъ трудовъ Православныхъ благовѣстниковъ Русскихъ съ 1793 по 1853 годъ.»

[35] И духовному отцу онъ писалъ передъ выѣздомъ изъ Пріюта: «Я собираюсь въ недальній путь, какъ въ примрачную даль, безъ всякой охоты.»

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

VIII

По бумажному списку въ листъ большихъ Макарьевскихъ Четій Миней въ Софійской Библіотекѣ (нынѣ Петербургской Духовной Академіи) лѣта 7049, № 1318, Октябрь, съ 284 по 293 л.

—

В той же дн҃ь памѧть и житїе блаженаго оучителѧ нашего Констѧнтина философа, перваго наставника словеньскоу ѧзыкоу.

Бг҃ъ млⷭ҇тивъ и щедръ, жадаа на покаанїе чл҃че, да быша сп҃сени вси былн и в разумъ истинный пришли, не хощеть бо смр҃ти грѣшникоу, но и покаанїе животу, аще и наипаче прилежи на злобу, но не ѡставлѧеть чл҃ча рода ѿ напасти ѡслабленїемь и в соблазнъ неврїазненъ прїити и погыбноути, но на каждо оубо лѣта и времена не престаеть блг҃ть имъ творѧ на много, ако исперва, дажь и нн҃ѣ, патрїархъ же первое и ѡц҃ы, по тѣхъ пр҃ркы, а по сихъ ап҃лы, и мч҃нки, и праведными моужи, оуч҃тли, избираа ѿ многомлъвнаго житїа сего. знаеть же бо гь҃ своѧ и иже его суть, ако же рече· ѡвца моѧ гласъ мои слышать, и азъ знаю ѧ, именемь взываю ѧ, и ко мнѣ ходѧть, и даю имъ животъ вѣчный. еже сотвори в нашь родъ, возвигъ намъ оучитель сице, иже просвѣти ѧзыкъ нашь, и слабостїю ѡмрачьсѧ оумъ нашь, паче же лестїю дїаволею, и не хотѣвше во свѣтѣ заповѣдей бж҃їихъ ходити. житїе бо его ѧвлѧеть и по малу сказаемо, аже бѣ, да иже кто хощеть, то се слыша, подобитсѧ емоу, бодрость прїемлѧ, а лѣность ѿметаѧ, и ако же рече ап҃лъ· подобни ми бываите, ако же и азъ хоу.

В селꙋньстѣмь градѣ бѣ моужь етеръ доброродень и богатъ, именемь левъ, придержа санъ дрꙋгарьскїи по стратигомь, бѣ же блг҃овѣрень и праведенъ, сохранаа вса заповѣди бж҃їа исполнь, ꙗко же иногда їѡвъ. живый же с подрꙋжїемь своимъ, роди седмеро ѡтроучатъ, ѿ нихъ же бѣ мѣзинецъ седмый костантинъ философъ, наставникъ нашь и оучитель. егда же и роди мт҃и, вдаша и доилици, дабы и доила, ѡтроуча же не раучиса ꙗти по чюжь сосець никако же, развѣ по мт҃рени, дондеже и ѿдоенъ бысть. еже бысть по божїю смотренїю, дабы добра корене добра лѣторасль несквернымь млекомъ воздоена была. по сем же добраа та родителѧ, свѣщавша, не сходистаса, говаща себѣ, тако живста, ꙗко братъ и сестра за. дї. лѣтъ, дондеже ꙗ смр҃ть разлꙋчи, никако же не преступльша того совѣта. на сꙋ же емоу хотащю ити, плакашеса мати ѡтроучати сего, гл҃юще· не брегꙋ ѡ всемь, развѣ ѡ младенцѣ семь единомъ, како имать быти оустроенъ. ѡн же рече еи· вѣроу ими ми, жено, надѣюса бз҃ѣ, ꙗко дати емоу имать ѡц҃а и строителѧ такого, иже строить вса хр҃тїаны. еже са и сбысть.

Седми же лѣтъ ѡтрокъ сый, видѣ сонъ, и повѣда ѡц҃ю и мт҃ре, рече· ꙗко стратигъ, собравь вса дв҃ца нашего града, и рече ко мнѣ· исбери себѣ ѿ ни, юже хощеши подрꙋжию на помощь и свѣрсть себѣ. азъ же, гладавъ и смотрївъ всѣхъ, видѣхъ единꙋ краснѣишю всѣхъ, лицемь свѣтащюса, и оукрашеноу велми монисты златыми и бисеромь и всею красотою, еи же има софїа, сирѣчь мр҃ость, тꙋ изобра. слышавша же родителѧ его словеса си, рѣста к немоу· снꙋ, храни законъ ѡц҃а твоего, и не ѿверзи наказанїа мт҃ре твоеа. свѣтилникъ бо заповѣдь законꙋ и свѣтъ. рци же премр҃ости· сестра ми бꙋди, а мр҃ость знаемꙋ себѣ сотвори, сїаеть бо премр҃ость паче сл҃нца, и аще приведеши ю себѣ имѣти подрꙋжїе, то ѿ многа зла избавишиса ею. егда же вдаста и на оученїе, спѣаше паче всѣхъ оученикъ въ книга паматїю скорою велми, ꙗко и дивꙋ быти. единою же ѿ днїи, ꙗко же ѡбычаи есть богатичищемь глꙋмленїе творити ловитвою, изиде с ними на поле, крагꙋилъ свои вземъ, и ꙗко пꙋсти и, вѣтрь са ѡбрѣтъ, по смотрѣнїю

бж҃їю, взѧть и ѕанесе. ѿрокь же ѿтолѣ во уныніе и в печаль впадъ, два дни не ада хлѣба. члколюбнемь бо свой милостивый бгъ, не вела ємоу привыкнути члчьски вещехь, оудовь оулови и, ако же древле оулови плакиду в ловѣ еленемь, тако и сего крагоуимомь. в себѣ же помышль житїа сего оутѣху, ѿкааше, гла҃· таково ли есть житїе се, да, в радости мѣсто, печаль пребываеть; ѿ сего дн҃е по инь путь са иму, еже есть сего лучши, а в малѣ житїа се҇ свой днїи не ижнву. и по оученїе са нимь, сѣдаше в домy своємь, оучаса книгамь изусть ст҃го григорїа ѳелога, и ѕнаменїе крстное сотворивь на стѣнѣ, ибо и похвалу написавъ ст҃му григорїю сицеву· ѿ григорїе, тѣло члче, а дшею аггле. ты тѣло члкь сый, аггль авися, оуста бо твоа ако едниъ ѿ серафимь бга прославлають, и всю вселенную просвѣщають правыа вѣры казанїемь. тѣм же и мене, припадающа к тебѣ вѣрою и любовїю, прїми и буди ми просвѣтитель и оучитель. и тако вовѣщаше. вше же во многи бесѣды и оумъ велїи, не могїи разумѣти глубины, въ оунынїе велие впаде. странемъ же бѣ етеръ ту, оумѣа грамотикїю, и к немоу ше, молаше и, на ногоу его, гла, вдаюса ємоу.... ѿн же талантъ свой погребе, рече к нему· ѿтроче, не тружанса, ѿрекль са есмь ѿтиноудь, никого же не наоучити семоу в моа дни. и паки же ѿтрокъ со слезами кланяаса ємоу, глаше· возми всю мою часть ѿ домy оц҃а моє, еже мене достоить, а наоучи ма. не хотѣвшю же послушати его, и ше домовь, в молитвѣ пребываше, дабы ѡбрѣлъ желанїе срца своєго. вскорѣ же сотвори бъ волю болщиса его. ѿ красотѣ бо его и мрсти и прилѣжнемь оученїи, еже бѣ растворено к немь, слышав же црвь строитель, иже нарицаєтса логоѳетъ, посла по нь, дабы са съ цремь оучилъ. ѿтрокь же, услышавь се, с радостїю поути са атъ, и на поути поклоньса, млтвоу сотвори, гла· бже оць нашй и гдн млтн, иже еси всачєскаа сотворилъ словомъ, и премростїю твоєю создавый человѣка, да владѣеть сотвореными тобою тварьми, дажь ми, сущую воскрай твоего прстла, премрости, да разумѣю, что есть оугодно тебѣ, спсоуса. азъ оубо есмь рабъ твой, и снъ рабы твоеа. и къ семоу прочюю соломоню

премдрость изглаголавъ, воставъ, рече· аминь. и егда же прїиде къ црюградоу, вдаша и оучителе, да са оучить, и въ три мца навыкь всю грамотикїю, по прочаа са ать оученїа, и наоучи же са омирроу и геометрїи оу лва и оу фотъ дїалекцъ, и всѣмь философьскы оученїемь, к сим же и риторикїи, и астрономїи, и мусикїи, и всѣмъ прочимь еллиньскы художествомь, тако же навыче вса, ако же бы моглъ кто едино навыкнути о ни. скорость бо са с прилѣжанїемь сключи, дроуга другоу преспѣющи, им же са оученїа и художества совершають. боле же и оученїа тихъ образъ на себѣ авлаа, с тѣми бесѣдоваше, с иними баше полезнѣе, оукланаася о оукланающихса во стропты, и помышлаше, како бы, земныими нбнаа пременшю, изсетѣти ис телесъ сего и съ богомъ жити. оузрѣв же и такова сущи логофетъ, дасть емоу волость на свое домоу, и въ црвоу полатоу со дерзновенїе входити. и вопроси единою, гла· философе, хотѣ оувѣдѣти, что есть философїа; он же скоро оумомъ рече абїе· божїамь вещемь и члвьскамь разумъ, елико можеть члкъ приближитиса богу, и ако дѣтелїю оучить члка по образу и по подобїю быти сотворшемоу и. о сего и паче возлюби и прно вопрошаше о всемь толикъ моужъ чтнъ и велїи. он же ему сотвори оученїе философское, в малѣ словесе велїи оумъ сказавъ. в чистотѣ же пребываа, и ельма оугажаше бгу, толми паче всѣмь любезнѣи бываше. и логофеть всакую честь твораше ему гокѣину, злата много дааше емоу, онь же не прїимаше. и единою рече к немоу· твоа красота и мдрость нудить ма излиха любити та, то дщерь имавѣ духовноую, юже о кртила изъхъ, красноу и богатоу, и рода добра и велика. аще хощеши, подружию сїю ти дамъ, о цра же нинѣ велику честь и княженїе прїимь, и болша чаи, въскорѣ бо стратигъ будеши. отвѣща же ему философъ· даръ оубо велїи требующи его, а мнѣ болѣ оученїа нѣсть ничто, им же разоу собравъ, прадѣднаа чти и богатьства хощю искати. слышав же логофеть отвѣтъ его, ше къ црци, рече· философъ оуный не любить житїа сего, то не опустимь его о общины, но постригше и на поповьство, вдади ему службу, да боудеть библотикарь патрїарха

въ ст҃ѣи софїи, некли и понѣ тако оудержи. еже и сотвориша емоу. мало же с ними и в семь побывъ, на оуское море шедъ, скрыса тай в монастыри. искаша его шесть мцъ, и едва ѡбрѣтоша, и не могше его оунудити на тоую службу, оумолиша оучителный столъ прїати, и оучити философїи и тогоземца и странныа, со всякою мощїю и службою, и но то са атъ.

И бѣ же аннїи патрїархъ ересь возвигълъ, гла҃· не творити чти ст҃ы иконамъ. и собравшемь снемь, ѡбанчиша и, ако не нрава гать, и согнаша и съ стола. ѡн же рече· насилиемь ма согнаша, не препрѣвше мене. не можеть бо никтоже противитиса словесемь моимъ. цр҃евь же патрикїи, оустроивъ философа, посла на нь, рекъ тако· аще можеши оуношю сего препрѣти, то паки столъ свой прїимеши· ѡн же, оузрѣвъ философа, оуна тѣломь, не вѣдый стара оума в немь, и иже бѣахоу посланїи с нимь, и рече к нимь· вы подножїа моего нѣсте достоини, то како азъ с вами хощю са прѣти; философь же к немоу рече· не людска ѡбычаа держи, но бжїа заповѣди зри. ако же еси и ты ѿ землѧ, и дша бого составлена, тако и мы вси, то на землю зра, члче, не гордиса. паки же аннїи ѿвѣща· неподобно есть в осень искати цвѣтца, ни старца на войну гнати, акѡ оуношоу етера нестера. философъ же ѿвѣща емоу· самъ на са вины ищеши. рци, в кою верстү есть силнѣиши дша телесе; ѡн же рече· на старость. философь рече· то на кою та брань гони, на телесноую ли, или на духовную; ѡн же рече· на дховную. философь же ѿвѣща· ты же не силнїи хощи быти, да не гли намь таки притчь, не без времене бо ни цвѣтца ищемь, ни на войну тебе гонимь. оусрамль же тако старець, инамо ѡбрати беседу и рече· рци ми, оуноше, како крстоу разореноу сущю, не кланаемса емоу, ни лобызаемь его, а вы аще лице до персїи будеть токмо, иконную емоу чть творяще, не стыдитеса. философъ ѿвѣща· четыре бо части кртъ имать, и аще една его часть оубудеть, то оуже своего ѡбраза не авлаеть, а икона токмо ѿ лица ѡбра авлаеть и подобїе того, его же ради боудеть написано. ни лвова бо лица, ни рысїа зрить, иже видить. паки же старець рече·

како сѧ оубо кланяемь кр҃тоу без написанїа, а бывшемь имѣмь кр҃томь, икона же аще не будеть написана имене̑, его же будеть ѡбразъ, то не творите ей чт҃и; философъ же ѿвѣща· всѧкъ кр҃тъ подобенъ ѡбразъ имать хв҃оу кр҃тоу, а иконы не имоуть вса ѡбразы единого. старець рече· бг҃оу рекшю к мѡѵсею· не сотвориши всякого подобїа, како вы творѧще, кланѧетесѧ; философъ же противу емоу ѿвѣща· аще бы реклъ· не створиши никако же подобїа, то право рции. но есть реклъ· не всякого, сирѣчь, достоиное. противу же семоу не могъ ѿпрѣти старець, оумолча, посрамльсѧ.

По сй же агаряни, нарицаемїи срачини, возвигоша хулу на едино бж҃тво ст҃ыа тр҃ца, гл҃юще· како вы, кр҃тїани, единъ богъ мнѧще, разъмѣшаете и паки на три, гл҃юще, ѧко ѡц҃ъ и сн҃ъ и дх҃ъ есть. аще можете сказати ѧв҃о, то послете мужа, иже могуть гл҃ати ѿ семь и препрѣти ны. бѣ же тогда философъ двѣма десѧтьма и четыре̑ лѣто̑. соборъ же сотвори цр҃ь, призвавь и, рече емоу· слышиши ли, философе, что гл҃ють скверниї агаряни на нашю вѣру; то ѧко же сый ст҃ыа тр҃ца слуга и оученикъ, ше̑, противисѧ имъ, и бг҃ъ, совершитель всѧкой вещи, славословимый въ тр҃ци ѡц҃ь и сн҃ъ и ст҃ый дх҃ъ, той да подасть ти бл҃ть и силу во словесѣхъ, и ѧко другаго дв҃да новаго ѧви на голїада, с треми камении и побѣжь, возвратишисѧ к намь, сподобленъ нб҃ному цр҃тву. слышав же се̑, ѿвѣща· ра̑ иду за хр҃тїаньскую вѣру. что бо есть мнѣ слаже на семь свѣтѣ, но за ст҃ую тр҃цю· живу быти и оумрети; и приставльше же ему асикрита геѡргїа, послаша. дошешем же имъ тамо.... бѣша бо ѡбрази димоньски написали внѣоуду на двере̑ всѣхь хр҃тїанъ, дивь творѧще и ругающесѧ. вопросиша философа, гл҃юще· можеши ли разумѣти, философе, что есть знаменїе; ѡн же рече· дѣмонескъ ѡбра̑ вижу, и непщую, ѧко хр҃тїани ту живоуть вноутрь, ѡни, не могуще жити с ними, бѣжать вонъ ѿ ни̑, а идеже сего знаменїа нѣсть внѣоуду, то с тѣми суть ту внутрь. на ѡбѣдѣ же, сѣдѧще агаряни и мудра ча̑ и книжна, оучена геѡметрїи и астрономїи и прочимь оученїемь, искоушающе же и, вопрошаху, гл҃юще· видиши ли, философе, дивно чюдо, ѧко бж҃їи пр҃ркъ мах-

мєть, принесыи намъ блгую вѣсть ѿ бга, ѡбрати многи люди, и вси держимсѧ по законѣ, ничто же престоупающе, а вы, хвъ законъ держаще, вашего прркa, ѡвъ сице, ѡвъ инако, ако же годѣ єсть комуждо вас. такоже и творите. к сим же философъ ѿвѣща· бгъ нашь ако пучина єсть морскаа, прркь же глть ѡ немь· ро єго кто исповѣсть; вземлетса ѿ земла живот єго. сего ради искания, мнози в пучину ту входать, и силнїи оумомь, помощїю єго богатьство разумное приемлюще, преплавають и возвращаются, а слабїи, аки въ согнилы кораблїихъ покоушающеса препльути, ѡви истапають, а друзии с трудо єдва ѿдыхають, немощною лѣностїю влающеса. ваше же єсть оуско и оудобно, єже можеть и прескоучити всакъ, малъ и великь. нѣсть бо кромѣ людьскаго ѡбычаа, но єже вси могоуть дѣати, а ничто же вамъ заповѣдалъ. єгда бо нѣсть вамъ востагноулъ гнѣва и похоти, но и ѿпустилъ, то в каку вы имать врниоути пропасть, смысленыи да разумѣє. хс же не тако, но ѿ низу тажкое горѣ возводить вѣрою и дѣтелїю бжїєю. творець бо сыи всакїимь, межоу агглъ и скоты єсть члка сотворилъ, словесемь и смысломь ѿлучивы и ѿ скота, а гнѣвомь и похотїю ѿ агглъ, и єи же са кто части приближаєть паче, тою са причащаєть паче вышнїи, ли нижнихъ. вопросиша же и паки· како вы, єдиномоу бгу сущю, в трии славите и, скажи, аще вѣси; ѡца бо нарицаєте и сна и дха. то аще тако глєте, то и жену ємоу дадите, да са ѿ того мнози бози расплодать. къ сим же философъ ѿвѣща· не глите тако, хулы мещющи. мы оубо добрѣ єсмы навыкли ѿ проро и ѡць и ѿ оучитель трцю славити, ѡць, и слово и дхъ, и три упостаси во єдиномъ соущьствѣ. слово же то воплотиса въ двѣ и родиса нашего ради спсєнїа, ако же и махметь, вашь прркъ, свѣдѣтельствоуєть, написа сь сице· послахо дхъ нашь къ двѣи, и изволише, да родить. ѿ се вамъ азъ извѣщанїе творю ѡ трци. сими же словесы поражены, на другаа са ѡбратиша, глюще· ако тако и єсть, ако же глєши, гости. да аще хъ бгъ вашь, почто не творите, ако же велить; писано бо єсть во єуальскїи книга· молите за враги, и добро творите ненавидащїи и го-

нашимъ, и лаииту ѿбратити біющимъ. вы же не тако, но противная ѡружїа ѡстрите на творящая вамъ таковая. философъ же противу симъ ѿвѣща· двѣма соущема заповѣдьма в законѣ, кто законъ совершая ꙗвлꙗеть, иже ли єдину сохранить, ли ѡбѣ; ѿвѣщаша же ѡни, ꙗко иже ѡбѣ. философъ же рече· бъ̑ єсть рекль· молите за ѡбидящаꙗ. той єсть реклъ пакы· болшаꙗ сеѧ любве не можеть никто же ꙗвити на семь житїи, но да свою положить дш҃ю за други. другъ же ради но и се дѣемь, да не с телесными пленениємь и дш҃а и плѣнена будеть. пакы же гл҃аша· хс҃ єсть дань далъ за ся и за ины, вы же како не творите того дѣлъ, и оуже аще бранящіе себе, то како поне дани не даете сицему велнкоу и крѣпкоу ꙗзыкоу измаилетескоу за братїю вашю и за други; мала же и просимь, токмо єдиного золотника, и дондеже стоить вся земля, хранимъ миръ межу собою, ꙗко же инъ никто же. философъ же ѿвѣща· аще оубо кто, во слѣ оучтля хода, хощеть в той же слѣ ходити, в он же и ѡнъ, другый срѣтъ и, свратить и, другъ ли єму єсть, или врагъ; ѿвѣщаша ѡни· врагъ. философъ же рече· єда хс҃ дань дая, коє влчьство бѣ, измаилйское ли, или римскоє; ѿвѣщаша ѡни· римскоє. тѣм же не подобаеть насъ зазрѣти, понеже римляномъ даеть вси дань. по си же и ина многа вопрошенїа вопрошаша, искоушающе ѿ всѣхъ хоудожествїихъ, аже и сами оумѣяхоу. сказа же имь вся, и ꙗко а препрѣ и ѡ сихъ, рѣша ємоу· како ты вся си оумѣєши; философъ же рече· члкъ єтеръ, почерпь в мори водꙋ, в мѣшци ношаше ю и гордяшеся, гл҃а ко страникомь· видите ли водоу, єя же никто же не имать, развѣ мене; прише же єдинъ моужь поморникъ, рече к нему· неистовь ли ся дѣєши, хваляся токмо ѡ смердящемь мѣшцѣ, а мы сего пучину имамъ; тако и вы дѣєте. а ѿ на суть вся художествїа изшла. по си же днвь творяще, показаша ємоу вертогра, насажденъ иногда, ѿ земля изникноущь, и ꙗко сказа имь, како се бываєть, пакы показаша ємоу все богатьство и храмины, оутворены златомъ и сребромь и каменїємъ драгымь и бисеромъ, гл҃юще· вижь, философе, дивно чюдо, велиꙗ сила и богатьство много амерьмїнно, влкы срачиньска.

рече же к нимъ не дивоуѝсѧ. есть богоу же хвала и слава, сотворшемоу вса сїѧ и вдавшемоу на оутѣхоу члкомъ, того бо суть, а не иного. сѣтиѣе же на своѧ злобу ѿвращьше, даша ѥмоу ѧдъ пити, но бъ млстивый, рекый· и аще и смертно что испиють, ничто же ва не вредить, избави и того, и на свою землю здрава возврати паки.

Не по мнозѣ же времени ѿрекса всего житїа сего, сѣде на едино мѣстѣ без молвы и себѣ самомоу токмо внемла, и на оутрїи днь ничто не ѿставлаа, но нищимь раздаваа все, на бга печаль возметаа, иже са и всѣми на всакъ днь печеть. единою же на стъ днь, слоузи его тужащю, ако на сиць днь не имамь ничто же, ѡн же рече емоу· препитавыи иногда излъты в поустыни, той имать и намъ дати зде пищю, но шедъ, поне призови пать моужь нищь, чаа бїа помощи. и ако бысть ѿбѣдниаа година, и абие принесе емоу моужь нѣкїи врема, полно ади всеа, и десать златникъ, и богоу хвалоу возда ѿ всѣхъ сихъ. во ѡлиг же шедъ къ мефодїю, братоу своемоу, начать жити и млтву творити безпрестани к бу, токмо книгами беседоуа.

Прїидоша же слы къ црю ѿ козарь, глающе· ако исперва единъ токмо бъ знаемъ, и есть надо всѣми, и томоу са кланаемъ на востокъ, а ѿбычаа своа иныи стоудныа держаще, евреи же оучащеи вѣроу ихъ и дѣтель и прїати, и срацини на дроугоую страноу, миръ дающе и дары многы, тажать на свою вѣроу, глающе· ако наша есть вѣра добрѣиша всѣхъ азыкъ. то сего ради слемь к вамь, староую дружбоу и любовь держаще. азыкъ бо велїи и соущь ѿ бга, црътво дръжите, и вашего свѣта вопрошающе, просим же моужа книжна ѿ васъ, да аще препрѣ евреа и срацины, то по вашу са вѣроу имемь. тогда црь взиска философа, и ѿбрѣть и, сказа емоу козарьскую рѣчь, глѧ· иди, философе, к людемь сим и сотвори имъ ѿвѣтъ и слово ѿ стѣи троици, с помощїю ба. инъ бо сего ничто же можеть сотворити. ѡн же рече· ако велиши, влко, на сицю рѣчь ра иду пѣшь и босъ, безо всего же, его же не велаше бгъ оученикомь своимь носити. ѿвѣща же црь· аще

бы се ты хотѣлъ ѿ себѣ сотворити, то добрѣ ми глешн. но црковую державу вѣдый и честь, честию иди со црьскою помощию. абїе поути са ать, и херсона доше, наоучиса жидовьскїи бесѣдѣ и книгам, и осмь части граматикїи преложи, и ѿ того разоумь весь прїимъ. самаранин же етеръ ту живаше, и приходя к нему, стязашеса с нимь, и принесе книгы самараньскыя, показа емоу, и испросивь же а оу него философь, затворися во храминѣ, на молитвоу са наложи, и ѿ бга разумъ прїимъ, чести нача книги бес порока. оузрѣв же самаранинъ, воспи гласомъ великомъ и рече: во истину, иже вѣроують, вскорѣ дхъ стыи приемлють и блгть. сноу же са его абие крещению, и самь са крти по немъ. ѡбрѣтъ же ту еѵалїе и ѱалтырь рускими писмены писано, и чака ѡбрѣтъ глющаго тою бесѣдою, и бесѣдовавь с нимь и силу рѣчи прием, своеи бесѣдѣ прикладая, разлоучи писмена гласная и согласная, и къ бгу млтву держа, вскорѣ нача чести и сказати. мнози са емоу дивляхоу, бга хваляще. слышав же, ако стыи климентъ еще в мори лежить, помолса, рече: вѣрую въ бгъ, и стѣмь климентѣ надѣюса, ако ѡбрѣсти имамъ и изнести из моря. оубѣдивъ же архїепспа, и с клиросомь и говѣины моужа, и всѣдши в корабля, идоша на мѣсто. оутишьшиюса морю велми и дошедше, начаша копати, поюще. абїе же бысть вона велїа, ако кадилъ многъ, и по семь авишаса стыя мощи, аже вземьше в великою честию и славою всѣхь гражанъ, внесоша во градъ, ако же пишеть во ѡбрѣтенїи его. козарьскь же воевода, с коимъ приидъ, ѡстоупи хрстїаньскъ градъ и ѡплетеса ѡ немъ. оувидѣв же философь, не лѣньса, иде к немоу, бесѣдова же с нимъ и оучительная словеса преложь, оукроти и, и ѡбѣщаваса ему на крещенїе ему, и ѿиде, никоеи же пакости сотворь людемъ тѣмь. возврати же са и философь въ свои поуть, и в первыи ча молитву творащю емоу, нападоша на нь оугри, ако волческы выюще и хотаще и оубити, ѡн же не оужасеса, ни ѡстави своея млтвы, но кїрелаисонь токмо зовыи. бѣ бо ѡкончалъ оуже слоужбу. ѡни же узрѣвше, но бжїю повелѣнїю, оукротѣша, и начаша кланатиса емоу, и слышавше оучителная словеса ѿ оустъ его, ѿпоустиша и со всею дроужиною.

Всѣ же в корабль, поути са атъ козарьскаго на ѡметьское ѡзеро и каспійскаа врата кавькаскыи горъ. посланша же козари противу ѥмоу мужь лукавъ и хасконикъ, иже, бесѣдоуа с нимъ, рече ѥмоу: како вы золъ ѡбычай имате, и ставите цр҃ь инъ во иного мѣсто и ѡ иного рода, мы же по родоу се дѣемь; философь же к немоу рече: и Бг҃ъ бо в Саула мѣсто, ничто же оугодна дѣюща, избра Двд҃а, оугаждающаго ѥмоу, и ро҃ ѥго. ѡнъ же рече пакы: вы убо, книгы держаще в рукоу, ѿ нихъ вса притча глаголете, мы же не тако, но и ѿ персій всю мд҃рость, ако поглощьше, износимъ ю, не гордащеса ѿ писаній, ако же вы. рече же философъ к немоу: ѿвѣщаю ти к семоу. аще срящеши моужъ нагъ, ти глаголеть, ако многы ризы и злато имамь, имеши ли ѥмоу вѣроу, видѣ и нага; и рече: ни. тако и азъ тебѣ глаголю: аще же ли поглотилъ всю мд҃рость, то скажи мы, колико ро҃ ѥсть до Моусеа, и колико ѥсть лѣтъ которыи же родъ держалъ; не могый же к семоу ѿвѣщати, и оумолча. дошешю же ѥмоу тамо, ѥгда хотахоу на ѡбѣдъ сѣсти оу кагана, вопросиша, глаголюще: каа ѥсть твоа чьсть, да та посадимъ на своемь чиноу; ѡнъ же рече: дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже и близъ цр҃а стоаше, и даноую ѥмоу славоу волею ѿверг, и изгнанъ бы҃, и на страноую землю доше, ѡбнища и ту ма роди. азъ же дѣднаа части ища, не достиг, и ѡноа древнаа приати, Адамовь бо ѥсмь внукъ. ѿвѣщаша же ѥмоу: достоино и право глаголеши, гости, и ѿ сего начаша на немь чьсть имѣти. каган же, вземь чашю, рече: піемь во има Га҃ ѥдиного, створшаго всю тварь. философь же, чашю вземь, рече: пию во има ѥдиного Ба҃ и словесе ѥго, им же нб҃са оутвердишаса, и животворащаго Дх҃а, им же вса сила ихъ стоить. и ѿвѣща к немоу каганъ: все равно глаголемь ѡ семь, токмо разлучно держимь. вы бо троицю славите, а мы Бг҃а ѥдиного, оучивше книгы. философъ же рече: слово и Дхъ҃ проповѣдають книгы. аще кто тебѣ честь створить, твоего же словеси и Дх҃а ни въ что же имать.... который ѿ обою чтивъ и; ѡн же рече: иже все трое в честь имать. философъ же ѿвѣща: тъмь: мы болѣе творимь, вещьми скажюще и пррк҃ъ слоушающе. рече бо Исаіа: слоушай мене, Іакове, Ізраилю, ѥго же азъ зову: азъ ѥсмь

первый и азъ есмь и по сихъ и во вѣки, и нн҃ѣ гь҃ посла мѧ и дх҃ъ его. їюдеи же, стоѧще ѡкртъ, рѣша емоу· рци оубо, како можеть женескъ ро҃ бг҃а вмѣстити въ чрево, али же не могоуть зрѣти агг҃ли: философъ же, показа перстѡ҃ на кагана и перваго свѣтника, рече· аще кто речеть, ако первый совѣтникъ не може оутредити кагана, пакы же речеть последнїи рабъ его можеть чредити и честь емоу сотворити, что имамь нарещї и, скажите ми, неистова ли, или несмыслена; ѡни же рѣша· и зѣло неистова. философь же к ни҃ рече, что есть ѿ видимыѧ твари честиѣе всѣхъ; ѿвѣщаша емоу· чл҃къ, по ѡбразу бж҃їю сотворенъ е҃. паки рече к нимъ философь· то како не суть неистови, иже гл҃ють, ако не может сѧ въ чл҃ка вмѣстити бг҃ъ а ѡнъ и в коупину сѧ вмѣсти, и въ ѡблакъ, и к бурю, и дымъ, ꙗвльсѧ моисиѡви і иѡвоу. како бо можеши, иномоу болащю, иного цѣлити; чл҃ческомоу родꙋ на истлѣнїе пришешю, ѿ кого бо иного ѡбновленїе пакы бы прїалъ, аще не ѿ самого творца, ѿвѣщаите ми; аще врачь, хотѧ приложити пластырь болащимъ, приложить ли и древѣ, или камени, ꙗвить ли ѿ сего чл҃ка исцѣлѣвша; и како моисеи рече дх҃омъ ст҃ымъ въ молитвѣ, роуцѣ простеръ· въ громѣ каменни и во гласѣ трубнѣмъ не ꙗвлаи ны сѧ к томоу, гн҃и щедрый, но вселивсѧ в нашю оутробу, ѿеми наша грѣхы. ꙗкула бо тако гл҃ть. и тако разидошасѧ со ѡбѣда, нарекше дн҃ь, в он же бесѣдують ѡ всѣхъ си҃.

Сѣд же с каганомъ рече философъ· азъ убо есмь чл҃къ единъ к ва҃, без рода и другъ, и ѡ бозѣ же сѧ стазаемь, емоу же соуть в руку всакаа ср҃ца наша. ѿ васъ же, иже суть силни во словесѣхъ, бесѣдующимь на҃, аже разоумѣють, да гл҃ють, ако тако есть, а ѡ сихъ же, иже не разоумѣють, да въпрашають, и сказуемь. ѿвѣщаша же іюдеи и рѣша· и мы держимъ въ книгахъ слово и дх҃ъ· скажи же намъ, который законъ бг҃ъ дасть чл҃кѡ первое, моисеѡвъ ли, или иже держите; философъ же рече· сего ли ради на се вопрошаете, да первый законъ держите; ѿвѣщаша же ѡни· еи, первый бо подобаеть. философь же рече· то аще хощете первый законъ держати, то ѿ обрѣзаниа оуклонитесѧ ѿноу. рѣша ѡни· что

ради сице глаголеши; философь же рече· скажите оубо ми, не потаяще, во обрѣзании ли есть первыи законъ данъ, или в необрѣзаніи; отвѣщаша они· мнимь, во обрѣзаніи. философь же рече· не ноеви ли богъ дасть законъ первѣе, по заповѣданіи и паденіи адамовѣ, завѣтъ нарицая законъ; рече бо к неоу· се азъ воздвижю завѣтъ мои с тобою, и с сѣменемь твоимь и всею землею, треми заповѣдьми держимь· и все ядите зелие травное, и елико подъ небеси, и елико в водах, развѣ мясъ, во крове душа его, не ядите. и иже пролиеть кровь человѣчю, да пролиется своя емоу, в тоя мѣсто. что глаголете оубо противу семоу, первыи законъ рекше держати; іоудеи же к немоу отвѣщаша· первыи законъ моисиовъ держимъ, сего же нѣсть богъ нареклъ закона, но завѣтъ, яко и первое къ человѣкоу заповѣдавъ в раи и ко авраамоу, инако обрѣзаніе, а не законъ. ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. разлучно бо есть творець нареклъ обое. философь же отвѣща к нимъ· азъ о семь скажу се и сице· яко законъ ся нарицаеть и завѣтъ. богъ бо глагола ко авраамоу· даю законъ мои во плоти вашеи, иже и знаменіе нарече, яко буде межю мною и тобою. то и къ еремии пакы вопиеть· послоушаи же завѣта сего, и возглаголеши бо, рече, к моужемь іюдовомъ и живущимъ во іерусалимѣ, и речеши к нимъ· тако глаголеть господь богъ израилевъ· проклятъ человѣкъ, иже не послоушаеть словесъ завѣта сего, иже заповѣда отцемь вашимь в день, в он же изведе а из земля египетьскыя. отвѣщаша іюдеи к немоу· тако и мы держимъ, яко законъ нарицается и завѣтъ. елико же ся и держа по законъ моисиовъ, си богу оугодиша, и мы держимся по нь, непщюемь, тако же быти. а вы, возвергшеи инъ законъ, попираете божіи законъ. философь же рече к нимъ· добрѣ дѣете. аще бо бы и авраамъ не ялъ ся по обрѣзаніе, но держалъ ноевъ завѣтъ, не бы ся другъ божіи нареклъ. ни моиси же, послѣди пакы написавъ законъ, перваго не держа. тако же и мы по симъ образоу ходимъ, и отъ бога законъ пріимше, держимь, да божія заповѣдь тверда пребываеть. давъ бо ноеви законъ, и не сказа емоу, яко другыи имамъ емоу дати, но къ вѣкъ пребывающь в душю живоу. ни пакы авраамоу, давъ обѣто-

ванїа, не возвѣсти ѥмоу, ꙗко другыи имам дати моученїи. то како вы держите законъ, а въ ꙗзыки вониеть· ꙗко преставлю, инъ вамъ дамъ. їеремїа бо рече ꙗвѣ· се днїе градоуть, гл҃еть гь҃, и завѣщаю домоу їюдовоу и домоу ї҃илевоу завѣтъ новъ, не по завѣтоу, иже завѣщах ко ѡтцемъ вашим в днь, приимшю ми роукоу ихъ извести а и земла єгипеткїа, ꙗко и тѣ не пребыша в завѣтѣ моемъ, и азъ вознена видѣхъ а, ꙗко сеи завѣтъ мои, иже завѣщах домоу ї҃илевоу, по днехъ ѡнѣхъ, рече гь҃· дам законы моа в помышленїе их, на срдцѣ напишу а, и буду имъ в бъ҃, и ти будуть мнѣ в люди. пакы тои же їеремїа· тако гл҃етъ гь҃· станете на путехъ, и видите, и вопросите на стеза господина вѣчныа, и видите, кїи есть поуть истовыи, и ходите по немоу, и ѡбращете ѡчищенїе дшамъ вашимъ, и рѣша· не идемъ. поставих в васъ блюстителѧ, послоушайте гласа трубы, и рѣша· не послоушаемъ. сего ради оуслышать ꙗзыци и пасущеи стада в них. и абїе· слыши, земле, се азъ наведоу на люди си зло плод ѡбращенїа их, зане словесъ прркъ моихъ не внаша, и законъ мои, иже пррци проповѣдаша, ѿринуша. не токмо си, єдиными скажю, ꙗко законъ престаеть, но иными многами винами ѿ прркъ ꙗвѣ. ѿвѣщаша ѥмоу їоудеи· всакъ жидовинъ свѣсть по истинноу, ꙗко быти имать тако, но не оуже есть врема пришло ѡ помазаннѣмъ. философъ же рече к ним· что си предлагаете, видаще, ꙗко їерославимъ сокроушенъ есть, жертвы престали суть, и все са есть сбыло, ꙗко соуть пррци прорекли ѡ ва; малахїа бо ѡ васъ ꙗвѣ вопїеть· нѣсть моеа вола въ ва, гл҃етъ гь҃ вседержитель, и жертвы ѿ рукъ вашихъ не прїемлю, зане ѿ востокъ слнца до запада има мое славитса во ꙗзыцехъ, и на всакомъ мѣстѣ тѣмїанъ приноситьса имени моемоу и жертва чиста, зане велїе има мое во ꙗзыцехъ, гл҃етъ гь҃ вседержитель. ѡни же ѿвѣщаша ѥмоу· сїа глешн· вси ꙗзыци хотать блвени быти ѡ насъ ѡ обрѣзанїи во градѣ їерлмьстѣ. рече же философъ· тако гл҃етъ моиси· аще послоушающе, послушайте по всемоу хранити законъ, боудуть предѣли ваши ѿ мора чермнаго до мора филистимска, и ѿ пустына до рѣкы єфранта. и мы ꙗзыци, ѡ нем же сѣмени аврааман

блажнѣша и ѿ особна корене нишенимь, и чаанїе азыкъ нареченъ, и свѣтъ всеа земла и всѣхъ ѡтокъ, славою божїею просвѣщени, не по томоу законоу, ни мѣсту, прѣци велми копїю. рече бо захарїа· радуися зѣло, дщи сиѡна, се цр҃ь твои градеть кротокъ, всѣ на жребець ѡсаль, сн҃ъ аремин҃. и паки· потребить ѡружїе ѿ ефрѣма, и конь ѿ ієрл҃ма, изгл҃ть миръ азыкомъ, и власть его ѿ краи земла до конець вселенныа. іаковь рече· не ѡскждѣеть кнаʒь ѿ іоудьі, ни игуменъ ѿ стегноу его, дондеже прїиде, емоу же цщадитса, и тои чаанїе азыкомъ. си вса видаще скончана и свершена, кого иного жете; данїилъ бо рече, ѿ агг҃ла наоученъ· семьдесать недѣль до х҃а игумена, еже есть .у҃. и .ѳ҃. лѣтъ, запечатлѣти видѣнїе и пр҃рчьство, кое же ли вы са мнить желѣзное цр҃тво, иже данїилъ мѣнить во иконѣ; ѿвѣщаша· римьское. философь же въпросї а· камень, оуторгїиса ѿ горы беʒ рукъ чл҃чьскъ, кто есть; ѿвѣщаша· помазанный. паки же рѣша· то аще сего сказаемь пр҃рки и инѣми вещьми, юже принесеши, ако же гл҃еши, како римьское цр҃тво доселѣ держить влучьство; ѿвѣщаше философъ· не держитса, мимо шло есть, ако и проча по ѡбразу иконному. наше бо цр҃тво нѣсть римско, но х҃во, ако рече пр҃ркъ· воʒвигнеть б҃ъ небный цр҃тво, еже во вѣкы не истлѣеть, и цр҃тво его людемь инѣмь не ѡставитса, истнить и изведеть вса цр҃тва, и то станеть во вѣки. не христїаньское ли есть цр҃тво нн҃ѣ, х҃вы имене нарицаемо, а римлане идолѣ прилѣжаху. си же ѡвъ ѿ сего, ѡвъ ѿ иного азыка и племене въ х҃во цр҃ствоую, ако же пр҃ркъ ісаиа ѧвлаеть, гл҃а к вамь· ѡставите има ваше в сытость избранны҃ моимь, вы же избїеть г҃ь, и работающимь емоу наречетса има ново, еже бл҃вено будеть по всеи земли. бл҃гать бо б҃а истиннаго, и кленоущїиса на земли, кленоутса б҃гомъ нб҃нымь. не свершила ли са со҃у вса пр҃ркъ проречениа, аже адѣ реченаа ѡ х҃ѣ; ісаиа бо сказаеть рж҃тво его ѿ д҃вы, гл҃а сице· се д҃ва во чревѣ прїиметь, и родить с҃нъ, и нарекоуть има емоу емманоуилъ, еже сказаемо с нами б҃ъ. а михїа рече· и ты, виѳлеѡме, земле іоудова, никако же менши, быва во влад҃кахъ іоудовыхъ, ис тебе бо ми изыдеть игоумень, иже оупасеть люди

моа і҆н҃лю, и҆сходи его и҆скони ѿ дн҃ии вѣка. сего ради дастьса до времени ражаюштїа, и҆ родить. и҆еремїа же· просите, и҆ видите, а҆ште роди мужескъ полъ, ако велїи дн҃ь той, ако же и҆нъ не бысть, и҆ лѣто тѣсно будеть і҆аковꙋ, и҆ ѿ сего сп҃сетса. и҆саиа рече· преже даже болаштїа не роди, и҆ преже даже не прїиде р҃жтво, болѣзни и҆збѣжа, и҆ роди мужескъ полъ. пакы же і҆оудеи рѣша· мы есмь ѿ сима бл҃гословеное сѣма, бл҃вени ѡ҆ц҃мь нашим, ноемъ, вы же нѣсте. сказав же имъ о се, рече· бл҃веније ѡ҆ц҃а вашего и҆но ничто҃ нѣсть, токмо хвала бг҃оу, о҆ного же ничто оубо не и҆деть. сѣ бо есть· бл҃венъ гь҃ бг҃ъ симовъ. а҆ ко а҆фетꙋ гл҃а, ѿ него же мы есмь· да пространить бг҃ъ и҆афета, да са вселить в села симова. и҆ ѿ пр҃рокъ же и҆ ѿ и҆нѣхъ книгъ сказаа, не ѡ҆стави и҆, доньде же рѣша сами, ако тако есть, ако же гл҃еши. рѣша же пакы· како вы, оу҆пованїе и҆моуште на ч҃лка, творитеса бл҃вени быти, а҆ книгы проклинають таковаго; ѿвѣшта философъ· то проклат ли есть дѣдъ, или бл҃венъ; и҆ рѣша ѡ҆ни· зѣло бл҃венъ. философъ же рече· то и҆ мы на того оу҆поваемь, на него же и҆ ѡ҆нъ. рече бо во псалмѣхъ· и҆во ч҃лкь мира моего, на нь же оу҆пова. ч҃лкъ же той хс҃ есть и҆ бг҃ъ. а҆ и҆же оу҆поваеть на просто ч҃лкь, то и҆ мы того проклата творимъ. пакы и҆нꙋ притчю преложиша, гл҃юште· како вы, хр҃тїане, ѡ҆брѣзанїе ѿмѣтаете, а҆ хс҃ не ѿвергьшоу его, но по законоу кончавшю; ѿвѣшта философь· и҆же бо рече первое ко а҆враамꙋ· се буди знаменїе межоу тобою и҆ мною, той е҆ сверши, прише, и҆ ѿ того державше до сего, а҆ прочее не дасть и҆мъ мимо и҆ти, но крештение намъ дасть. рѣша же ѡ҆ни· почто ра҃ и҆нїи первїи оугодиша бꙋ, того знаменїе не прїимше, но а҆враамль; ѿвѣшта философь· ни которыи бо ѿ тѣхъ а҆вляется двою женꙋ и҆мѣвъ, но токмо а҆враамъ, и҆ сего ради ꙋда того рѣзаеть, предѣлъ даа, не престоупати емоу далее, но по первомꙋ сверстїю а҆дамовꙋ, ѡ҆бразъ даа проучимъ к то҃ ходити. і҆аковъ бо тако же сотвори, оутрапль жилꙋ стегна его, зане четыри жены поать. разꙋмѣвше же виноу, еа же ради то емоу сотвори, нарече емоу і҆нл҃ь, си рѣчь, оумъ зра бга, к томꙋ бо не а҆вляется, приимѣвъ къ женѣ. а҆враамъ же того не разꙋмѣ. пакы же

вопросиша іоудеи· како вы, идоломь са кланаете, творитеса бгу оугаждати; фвѣща философь· первое са научите разѣлати имена, что есть икона, и что есть идолъ, и тако смотраще, не постоупати на хртїаны. деса бо именъ в вашемь азыци ѡ семь ѡбразѣ лежить. вопрошу оубо вы и азъ· ѡбразъ ли скинїа, юже видѣ в горѣ и изнесе и, ли ѡбра ѡбраза и художествїемь содѣла, прикладомь ѡбраза, клины и оусмы, и серстьми, и хѣрувимь изрядный; понеже тако сотвори, нареуем ли вы того ради древо, и оусмомъ, и сърстемь уесть творити и кланатиса, а не бгоу, давшиему в то время такъ ѡбразъ; тако же и ѡ соломони цркви, понеже иконы хероувимьски, и аггльски и инѣхъ многы ѡбразы имѣаше. тако же оубо и мы, хртїани, оугожши бгоу твораще ѡбразы, уесть дѣемь, ѡдѣлающе доброе ѿ дѣмоньски ѡбразъ. хоулать книгы жрущаа сны своа и дщери своа... рѣша же пакы іоудеи· како вы, свининоу и заачиноу адуще, не противлатеса бгоу; ѿвѣщаше к нимь· первомоу завѣтоу заповѣдающю· вса снѣсте, ако зелїе травное. вса бо уты уиста соуть, и скверны и совѣсть са есть ѡскверинла. и бъ бо во твари гдть· се вса добра зѣло, вашего ради лакомства мало етеро ѿ нихъ ѿатъ. снѣсть бо, реуе, іаковъ, и насытиса и ѿвержеса возлюбленный. и пакы· сѣдоша людїе асти и пити, и восташа играть. ѿ многа же се мы избравше, вмалѣ положихомь и селико, памати ради, а иже хощеть совершены бесѣдъ си и исты искати, въ книга его ѡбращеть а, еже преложи оуyитель нашь и архїеппъ мефодїи, раздѣлї е на ѡсмь словесъ, и ту оузрить словесную силу ѿ бжїа блгти, ако и пламень палающь на противныа. си же вса каганъ козарескь с науалными моужи слакаа его и подобнаа слышавше, рѣша к немоу· бгомь еси сѣмо посланъ на создание наше, вса книгы ѿ него навыкъ. все еси по уиноу глаголалъ, досыти наслажь вса медвеными словесы сты книгъ. но мы есмь не книжна уадь, семоу же вѣру имемь, ако се тако еси ѿ бга. пауе аще хощеши покой ѡбрѣсти дша нашимь, всако исправль, притуами скажи на по уиноу, его же та впрашаемь. тако же са разидоша поуить.

Собравшеса въ дроугыи дн҃ь, рѣша ємоу, гл҃юще· скажи на҄, уч҃ныи моужю, притчами и оумо҄ вѣрꙋ, ӕка же єсть лучши всѣхъ; и ѿвѣща к нимь философь· малъжена два бѣста оу цр҃а єтерѧ въ чтѣ велицѣ и любима зѣло. согрѣшьшема има, изгнавъ ӕ, изъ земла посла́. живоущима же има многа лѣта та́мо, дѣти сотвориста в нищетѣ. собирающе́са дѣти к себѣ, совѣтъ твораа́хоу, кыимь са поуте паки вмѣстити в первыи чинъ; ѿвѣ ихъ сице, ѿв же инако, а другыи другоако совѣтъ дѣаше. которомоу оубо совѣтꙋ достоить стоати, не добрѣишемоу ли; рѣкоша ѡни· что ради сице гл҃еши; свои бо кождо совѣ добреи творить иного. июдеи же свои добрѣ творать иного, и инїи инъ. скажи же, чимь разоумѣємь добреи ѿ си; рече же философъ· ѡгнь искоушаеть злато и сребро, а ч҃лкь оумомъ ѿсѣкаеть лжоу ѿ истины. рцыте же ми, ѿ чего бы первоє ѿпаденїє, не ѿ видѣнїа ли и плода сладкаго и похоти на б҃жтво; ѡни же ре́ша· тако єсть та. философь рече· то аще комꙋ боуде пакость, медъ адшю, ли студену водꙋ пившю, пришедъ врачь, гл҃ть ємоу· єще ме многь аждь, и ицѣлѣєши, а иже бꙋде водꙋ пилъ, томоу гл҃ть· стоудены са воды напивъ, нагъ на морозѣ ставъ, ицѣлѣєши. дроугыи же врачь не тако гл҃ть, но противно бальство заповѣдає, в медоу мѣсто, горкоє пиюще, противитиса, а в стоуденаго мѣсто теплоє, грѣюще́са. которыи оубо ѿ обою хитрїє оуврачюєть; ѿвѣщаша вси· иже противнаа бальства заповѣдаєть. горестїю бо житиа сего похотноую сладость достоить оумр҃твити, и смиренїємь гордость, а противными противнаа врачюющє. и мы оубо гл҃ємь, ӕко древо, иже первоє тернъ сътворить, то послѣ сладокъ пло приносить. паки ѿвѣща философь· добрѣ рекосте. хс҃ъ бо законъ ѡстротꙋ ӕклає б҃жїа житїа, потом же въ вѣчны жилище стократицею пло приносить. єдинъ же ѿ нихъ совѣтникъ, срачинъскꙋ злобꙋ всю добрѣ вѣдыи, вопроси философа· рци ми, гости, како вы махмета не держите; тои бо єсть велми хс҃а похвалилъ во свои книга, гла· ӕко ѿ дв҃ы са єсть родилъ, сестры моисиѡвы, прр҃къ велїи, мр҃твыа воскрешалъ и всакꙋ ӕзꙋ исцѣлилъ силою велїєю. ѿвѣща философь к немоу· да судить на҄ каганъ. гли же· аще єсть

прр҃къ махметь, како имемь данїилоу вѣру; ѡнъ бо рече· до ха҃ всако видѣнїе и прр҃чество престанеть. тои же по хѣ҃ авльса, како можеть прр҃къ быти; аще бо того прр҃ка наречемь, то данїила ѿвержемь. рѣша же мнози ѿ них· данїилъ и еже есть гл҃алъ, бж҃їимь дх҃мь гл҃алъ, ма҃мета же вси вѣмь, ако ложъ есть и пагоубникъ спсенїю всѣхъ, еже есть добрѣишаа влади своа на злобу и студодѣанїе избралъ. рече же первыи совѣтникъ ѿ них къ прїателем жидовски· бж҃їею помощью гость сеи всю гордыню срачиньскоую на землю сверже, а вашю на ѡнъ полъ поверже, ако скверну. рече же ко всѣмь людемь· ако далъ есть бг҃ъ власть надо всѣми азыки црю хрт҃їаньскоу и моудрость свершеноу, тако и вѣру к ним, и кромѣ еа никто же не можетъ живота вѣчнаго жити. рече же философь ко всѣмь со слезами· братїа, и ѿц҃ы, и друзи, и чада, се бг҃ъ дасть всѣмь разумъ и ѿвѣтъ достоин, аще ли есть еще кто противаса, да преприть, ли препрѣнъ боудеть. иже послоушает сего, да са прекр҃тить во има ст҃ыа тр҃ца. иже ли не хощет, азъ кромѣ есмь всакого грѣха, а ѡнъ оузрить в дн҃ь соудныи, егда садеть соудити ветхыи дн҃ми, и соудити всѣмь азыкомъ, ако бг҃ъ. ѿвѣщаша же ѡни· нѣсмь мы себѣ врази, но по малоу и иже можеть, и тако вели, да са крестить волею, иже хощеть ѿ сего дн҃е. а иже ѿ насъ на запад кланаетса, ли жидовьски мл҃твы творить, ли срачиньскоу вѣру держить, скоро смр҃ть прїиметь ѿ нас. и тако са разыдоша с радостїю. кр҃ти же са ѿ сихъ до .с҃. чади, ѿвергшеса мерзостїи поганьскихь и женитвь беззаконных. написа же къ црю книги каганъ сицевыи· ако послалъ еси, влдко, мужа таковаго, иже сказа хрт҃їаньскоую вѣру словомь и вещьми ст҃оую тр҃цю, и извѣщьшеса, ако то есть истаа вѣра, повелѣхомъ кр҃титиса своею волею, надѣющеса и мы доспѣти того же. есмь же и мы дроузи и прїатели твоемоу црствоу, и готовы на слоужбу твою, амо же требоуеши. провожаа же философа каганъ, да емоу дары многы, но не прїатъ ихъ, гл҃а· дажь ми, елико имаши плѣнникъ грекъ сде, и то ми есть боле всѣхъ даровъ. собравше же ихъ до .к҃., даша емоу, и иде в поуть свои, радуаса.

Доиде безводенъ мѣстъ поустъ, жажа не можаахоу терпѣти. ѡбрѣтше же во сластинѣ водицю, не можахоу ѿ нея пити. бѣаше бо ꙗко и золчь. разшедшем же ся имъ всѣмь искати воды, рече къ мефодїю, братоу своемоу· не терплю оуже жажда, да почерпи оубо воды сея. иже прьвое преложи ізраильтомь горкую водоу во сладкоу, той имать и намъ оутѣхоу сотворити. почерпьша же, ѡбрѣте ю сладкоу, ꙗко и медвеноу и студеноу, и пивша, прослависта бга, творящаго таковая своимъ рабомъ. в херсонѣ же, вечеряя со архиепспомъ, рече философъ·.... во истинноу ѿ насъ ѿидеть оутрѣ ко гсоу, ѡставль ны. еже и бысть, словеси ся сбывшю. бѣ же въ фильстѣ ꙗзыцѣ дубъ велїи, сростлъся с черешнею, под нимже требы дѣахоу, нарицающе имене алезандръ, женьску полу не дадуще пристоупати къ немоу, ни къ требамъ его. оуслышав же то философъ, не лѣнися троудити до них, и ставъ посреди ихъ, гла к нимъ· еллини соуть в вѣчноую моуку шли, кланявшеся нбу и земли, ꙗко бгоу, такой величѣи и добрѣи твари. то ли вы, иже ся древоу кланяете, хоудѣи вещи, еже есть готово на ѡгнь, како имате избыти ѿ вѣчнаго ѡгня; ѡвѣщаша ѡни· мы сего нѣсмь начали ѿ нѣ творити, но ѿ оць есмь прїяли, и ѿ того ѡбрѣтаемъ вся прошенїя наша, дожь же наипаче и ина многа, и како се мы сотворимь, его же нѣсть дерзноулъ никто же ѿ насъ сотворити; аще бо и дерзнеть кто се сотворити, тогда же и смерть оузрить, и не имать к тому дожда до конца. ѡвѣща к нимъ философъ· бгъ ѿ васъ въ книгахъ глеть, а вы како ся его ѿмещете; исаия бо ѿ лица бжїя вопїеть, гла· градоу азъ собрати племена и вся ꙗзыки, и приидуть и оузрять славоу мою, и ѡставлю на нихъ знаменїе, и послю спсенїе ѿ нихъ во ꙗзыки, в тарсисъ, и фулъ, и лоудъ, и мосохъ, и фовелъ, и во еладоу, и во ѡтоки далная, иже не соуть слышали имени моего, и возвѣстять славоу мою во ꙗзыцехъ, глть гь вседержитель. и паки· се азъ послю рыбитвы и ловця многи, и ѿ холмъ и скаль каменныхъ, и изловять вы. познаите бга, сотворшаго вы. се еѵаглїе новаго завѣта бжїя, в он же ся есте кртыли. и тако сладкими словесы оугладивъ, повелѣ имъ посѣщи древо и сожещи е. поклон же

са старѣишина и҆хъ, шє҇, лобза є҆ѵ҃алїє, також҇є и҆ вси, и҆ свѣща бѣлы приньмше ѿ философа, поющє, и҆доша ко древоу, и҆ вземь секироу, .л҃. и҆ три краты оударн, и҆ повелѣ всѣмь сѣщи и҆ и҆скоренити є҆ и҆ сожещи. и҆ в ту же нощь дождь а҆бие ѿ бг҃а бы҃, и҆ с радостию же великою похвалиша бг҃а, и҆ веселиса бг҃ъ ѿ всемь зѣло.

Философь же и҆де въ ц҃рьгра҇, и҆ видѣвъ цара҇, живаше без молвы, бг҃а мола, въ ц҃ркви ст҃ы а҆пл҃ъ сѣда. є҆сть же во ст҃ѣи софїи потирь ѿ драгаго камени, соломона дѣла, на нем же соуть писмены жидовьскы и҆ самараньскы, грани написаны, и҆ же не можаше никто же поучести, ни сказати. вземь же и҆ философъ, поуте и҆ сказа. є҆сть же сице· чаша моа҇, чаша моа, пророчьствуи, дондеже звѣзда. в пиво буди, гн҃и, первенцю, бдащю нощїю. по семь же другыи грань· на вкоушенїе гн҃е сотворена древа и҆ного, пїи и҆ оупїиса веселие҇мь, возпїи а҆лли҃а. и҆ по семь третїи гра҇нь· и҆ се кн҃зь, и҆ оузрить весь снемь славоу є҆го, и҆ дв҃дъ ц҃рь посреди и҆. и҆ по семь число написано· девать сотъ и҆ деватеро. расчет же є҆ по тонкоу философъ, ѿбрѣте· ѿ втораго на десать лѣта ц҃рства соломона до ц҃рьства х҃ва девать сотъ и҆ девать лѣтъ. и҆ се є҆сть прр҃чество ѿ х҃ѣ.

Веселя҇щюса философоу ѿ г҃дѣ, пакы дроугаа рѣчь приидє и҆ троу҇ не мнїи первы. растиславь бо, моравскыи кн҃зь, богомь оустимь, совѣтъ сотвори со кн҃зьми своими и҆ моравланы, посла къ ц҃рю михаилоу, гл҃а· люде҇, поганьства са ѿвергьшемь и҆ по кр҃тїаньскѣ са законъ держащимь, оучитела не и҆мамъ такого, и҆же бы ны во свои а҆зыкъ и҆стоую вѣроу хр҃тїаньскоую сказалъ, да са быша и҆ны страны, того зраще, подобили на҇, то посли ны, вл҃ко, є҆п҃пъ и҆ оучитє҇ль та҇къ. ѿ ва҃ бо на вса страны всегда добрыи законъ и҆сходить. собрав же соборъ ц҃рь, призва костантина философа, и҆ сотвори слышати рѣчь сїю, и҆ рече· вѣмь та трѹденъ соущь, философе, но потреба є҆сть тебѣ тамо и҆ти. сеа бо рѣчи не можеть и҆нъ никто же и҆справити, а҆ко же ты. ѿвѣща же философъ· и҆ троуденъ сыи и҆ боленъ тѣлѡ҇, ра҇ и҆ду тамо, а҆ще и҆моуть боукви въ а҆зыкъ свои. гл҃а к немоу ц҃рь· дѣдъ мои, и҆ ѿц҃ь мои, и҆ и҆нїи мнози, и҆з-

искавше того, не соуть и ѡбрѣли, како могоу азъ ѡбрѣсти; философь рече· то кто можеть на водоу беседоу исписати, или еретичьско има себѣ изоѡбрѣсти; ѿвѣща емоу паки црь с вардою, оуемъ своим· аще ты хощеши, то можеть тебѣ бъ дати, иже даеть всѣмь; иже просать не соумненїемь, и ѿверзае толкоущим. ше философь, по перьвомоу ѡбычаю на млтвоу со инѣми поспѣшники. въскорѣ ави емоу бъ вса, послоуша млтвы свои рабъ. положь писмена, писаше беседоу еѵальскоую исконн бѣ слово, и слово бѣ ѿ бга, и бгъ бѣ слово, и проучее. возвеселиса црь, и бга прослави со своими совѣтники, посла съ дары, написавъ епистолїю къ црю сице· бъ велить всакомоу в разоу истинный принати и на болши са чинъ стажалъ. видѣвь вѣроу твою и подвигъ, сотвори и нынѣ в наша лѣта, авль боукви в вашь азыкъ, да вы причтетеса велицѣ азыцехъ, иже славать бга своимь азыкомь. и послахомъ ти того, емоу же бъ ави, моужа чтна и бговѣрна, философа книжна зѣло. приимь даръ чтнѣе всакого злата и сребра и камени драгаго, и поиди с нимь спѣшно оутвердити рѣчь, и взискати бга, но вса подвигни, не лѣниса, да и ты, приве а подвиго своимь въ бжїи разоу, прїимеши мздоу в сеи вѣкъ и в боудущии....

....воскорѣ же весь црквный чинъ преложь, наоучи а оутренїи, вечерни, павечерници и таинѣи слоужбѣ. и ѿверзошаса, по прркоу словеси, оушеса глоухи оуслышиа книжнаа словеса. растоущю бжию оученїю, злый и завистивый исперва дїаволъ, не терпить сего добра, но вшеа во своа сосоуды, начатъ вздвизати, гла· не славитса бгъ о семь. аще бы емоу сице годѣ было, не бы ли могль сотворити, да быша исперва, писмены пишоуще беседы своа, славили бга; но три азыки избралъ, еврейскы, гречеськы и латинскы, ими же достоить славоу богоу воздати. бѣша се глюще латиньстїи архиереи, иереи, оученицы.... не токмо же се едино глюще, но иномоу бесчинию.... прркоу глющу ѡ семь· пожри богоу жертвоу хвалноу, и воздаждь вышнемоу ѡбѣты твоа. жены же оуности твоеа не ѿпоусти. аще бо ю, возненавидѣвъ, ѿпоустиши, не покрые нечть похоти твоеа, глть гь вседержите. сохранитеса дхомъ вашимь, и

да не ѡставить кожо жены оуности своѧ, и сі, ихъ же ненавидѣхъ, твораете, ѧко бѣ свѣтельствова.... и во еѵаліи гдь҃ слышасте реченное древнимь҃ не сътворишн прелюбы. азъ же г҃лю вамъ҃ ѧко всакь, иже возрить на женоу похотити еи, оуже прелюбы есть сотворилъ ср҃цемь свои. и паки҃ г҃лю ва҃, ѧко иже поустить женоу свою, развѣ словесе любодѣннаго, творить ю прелюбодѣати, и иже ѿпоущенуѭ ѿ мужа поиметь, прелюбы дѣеть. и ап҃лъ рече҃ бъ҃ сочетаеть ч҃ломъ, да не разлоучаеть ч҃лкъ. .м҃. уч҃нь сотворь в моравѣ, идевѣ свати оученикъ свои. пріатъ же идучь кн҃зь панонськъ, словенскы букви возлюби, наоучиса имъ, и вда .к҃. уч҃никъ оучитиса имъ, и ч҃ть емоу сотворь, мимо проводи и. не взат же ни злата, ни сребра ѿ обою, ни инод вещи, положь еѵ҃альское слово беспланша, но токмо плѣнникъ испрошь ѿ обою деса҃ сотъ, и и ѿпоусті.

Въ натьцѣхъ бывшю емоу, собрашаса на нь латиньстіи еп҃пи, и попове черньци, и возвигошіа тріазычноую ересь, г҃люще҃ ч҃ле, скажи намь, како еси сотворилъ словеньски книги, оучиши а, их же есть никто же изоѿбрѣлъ, ни ап҃ли, ни римьскіи папа. мы же три ѧзыки токмо вѣмы, ими же есть славити б҃га, евръѧ, еллины, латины; ѿвѣща философь к нимь҃ не идетъ ли дожь ѿ б҃га равно на вса, ли с҃лнце тако҃ не сіаеть ли, ни ли дыхаемь на аерь всюдоу; то како вы са не стыдите три ѧзыкы токмо мнаще, а прочимь ѧзыко҃ и племеномъ слѣпымъ велаще быти и глоухымъ; скажите ми, б҃га твораще немощна, ѧко не могоуща сего дати; мы же многы роды знае҃, книгы умѣюща и б҃гоу славу воздающа своимь ѧзыкомь кожо. авѣ же си суть҃ армени, перси, авазгы, ивери, сугды, гоѳи, ѡбри, турси, козаре, аравлане, егупти, руси, и иніи мнози. аще не хощете ѿ си҃ разоумѣти, поне ѿ книгъ познаите соудію. двдъ бо вопиеть, г҃ла҃ поите г҃ви вса земла, поите, и воспоите. и паки҃ вса земла да поклонитса и поеть, да поють же има твое, вышніи. и паки҃ хвалите г҃а вси ѧзыци, похвалите его вси людіе, и҃ всако дыханне да хвалить г҃а. въ еѵ҃аліи г҃ть҃ елико ихъ пріало есть, дана бысть вса власть на н҃беси и на земли, и.

прочее... а маркъ· шеше в миръ, проповѣдите еѵ҃алїе всеи твари... тако и то прое. г҃лть же и к вамь· горе вамь, книгуїа и фарисеи лицемѣри, ако затвораєте цр҃тво нб҃ное пре ч҃лки. и вы бо не входите, и хотащии внити, не ѡставите внити... к коренфеѡ павє҃ рече· хощу, да азыки г҃лте, или прорицаєте. болши оубо прорицаай, неже г҃ла азыки, развѣ аще сказаєть, да цр҃кви созданїе прїиметь. нн҃ѣ, братїе, аще прїидоу к вамъ, азыкы г҃ла, коую вы полꙁоу сотворю, аще вы не возг҃лю или ѡкровенїємъ, или разумо҃, или прр҃чьствомъ, или оучение҃; ѡбаче бездушнаа гл҃а дающа, аще ли пищали, аще гоусли и аще разньствїа писко҃ не дасте, како разумѣєтса пищемоє, ли гоудомоє; аще безвѣстенъ гласъ труба дасть, кто готовъ на брань; тако и вы, аще неразумна словеса дасте азыкѡ, како разумно будеть г҃лемоє; будеть бо во аеръ г҃люще. толико, аще са ключить, рѡ гласны ако во всемь мирѣ, ни едни же и без гласа. аще не вѣмь силы гласоу, то буду г҃лющоу ми варваръ, и г҃лаи мнѣ варваръ. тако и вы· поне ревнителе есте дх҃овнымь, ко зд҃нїю цр҃кве просите, да вы избываєте. тѣм же, и г҃леи азыкомь, да молитса, да скажють ти. аще м҃лтву дѣю азыко҃, то дх҃ъ молитса, а оумъ бес плода есть. что оубо есть; молюса дх҃и дх҃омь, помолюса оумо҃, спою дх҃омъ, спою же и оумомъ. аще бл҃виши дх҃омъ, исплъняаи мѣсто неразоумнаго, како речеть, аминь, по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсто, что г҃леши; ты убо добрѣ хвалиши, но другыи не зиждетса. хвалю б҃га моего, паче же всѣх вась азыки г҃ла, но въ цр҃кви хощю пать словесъ оумомь моимъ г҃лати, да ины наоучу, неже тму словесь азыко҃. братїе, не дѣти бываите оумо҃, но злобою младенствоуите, а оумы свершени будете. в законѣ пишеть· ако иноазычныки и оустнами инѣми возг҃лють людемь си҃. и тако не послоушають мене, г҃лть г҃ь. тѣмь азыци въ знаменїе суть не вѣрнымъ, но невѣрнымь, а прр҃чьство не невѣрнымъ, но вѣроующи҃. аще снидетса цр҃кви вса вкоупѣ, и вси г҃лють азыкы, внидеть же неразоумивъ, или невѣренъ, неречет ли, ако золъ са дѣєте; аще ли вси прр҃чьствоують, внидеть же етеръ невѣренъ, или неразоумивъ, ѡбличаєтса всѣми, востазаєтса ѿ всѣхъ,

и тайна срдца его авѣ соуть, и падеть ниць и поклонитса бгоу, повѣдаа, во истинноу бъ к вас есть. что оубо, братїе есть; егда сходитеса, коиждо вас ѱалом имать и оученїе, авленїе имать, азыкъ имать, сказанїе имать. вса к созданїю да бываеть. аще азыкомь кто гл҃ть, по двѣма, ли зѣло по тремь, и по части, единъ да сказаеть. аще нѣсть глагольника, да молчить въ црькви, себѣ гл҃ть и бгоу. пророци же два, или трїе да гл҃ють, а дроузїи сказають. аще иному авитса сѣдащю, первый молчить. можете вси по единому прорцьствовати, да вси оучатса и вси оутѣшаютса. и доуси прорчьсти прркомъ повинуютса. нѣсть бо нестроенїю бгъ, но мирү... гдна заповѣдь есть. аще кто не разумѣеть, да не разумѣваеть. тѣм же, братїе, ревноуите прорицанїю, и не браните гл҃ти азыки. вса по чину бговѣрно да бываеть. и паки гл҃ть· весь азыкъ исповѣсть, ако гь їс хс во славу бгоу отцю. аминь. сими же словесы посрамль а, остави.

Оувидѣв же римскїи папа, посла по нь, и дошешю емоу рима, изиде самь апльникъ андрѣанъ со всѣми гражани и свѣща носаще, оувѣдѣвъ, ако стго климента мощи несеть, мүчка и папы римьска. и абїе бгъ твораше чюдеса. ослабленъ исцели, и ини мнози разлчными недугы исцелѣша... и прїимь папа книгы руски, сти, положьше а въ црькви стыа мрїа, еже са наречеть фатнь, пѣша на нихи литургїю. и по семь повелѣ папа двѣма еппома, фүрмосү и гондриху, стити рускыа оученики. и ако стиша, пѣша литүргїю у стго петра руски,... и отүдоу паки оу великого оучитела павла апла въ црькви .. пѣвше литургїю на гробомь, имоуще на помощь арсенїа еппа, единого о седми еппъ. философь со своими оученикы не престааше хвалу бү воздаа. римлане же беспрестани идахоу к немоу, вопрошающе его на всё, и сказанїе сугоубь прїимахоу о него. жидовин же етеръ тако приходи и стазаа с нимь, рече емоу единою· нѣ оуже пришелъ хс по числоу лѣтному, о нем же и прркъ гл҃ть, ако о двы са родить. поуче емоу философь вса лѣта о адама по родомь, сказа ему по тонку, ако пришелъ есть, и селико лѣтъ есть отолѣ до нинѣ, и наоучивъ, опусти и.

Постигшим же многымь трꙋдѡⷨ, в болесть впаде, и не терпащꙋ ѥмꙋ, нача пѣти сице· ѡ рекшиⷯ мнѣ, идеⷨ во дворы гн҃а, возвеселисѧ дх҃ъ мой и ѡбрадовасѧ срⷣце. ѡболкъ же сѧ в ризы своа чⷭ҇тныѧ, тако пребысть дн҃ь веселасѧ и гл҃а· ѿселѣ нѣсмь црⷭ҇ю слꙋга, ни иномꙋ никомꙋ же на земли, но токмо бг҃ꙋ вседержителю. во оутрен дн҃ь во ст҃ый мнишескїи ѡбразъ ѡболкъ сѧ, и къ свѣтꙋ свѣтъ прїимъ, има си нарице кѵрилъ. в том же ѡбразѣ .н҃. дн҃їи пребⷭ҇ы, и ако приближисѧ година, да покой прїимь, преставитсѧ на вѣчнаа жилища, въздвигь къ бг҃ꙋ рꙋцѣ свои, и сотвори м҃лтвꙋ, со слезами гл҃а· гн҃и бж҃е мой, иже еси аг҃гльскїа чины и бесплотныа силы составилъ, и нб҃о распный, землю ѡсновалъ, и вса сꙋщаа ѿ небытїа въ бытїе привеⷣ, иже еси всегда послꙋшалъ творащиⷯ волю боащийсѧ тебе и хранащиⷯ заповѣди твоа, послоушай моеа молитвы, и вѣрное стадо свое сохрани, емꙋ же ма приставиⷧ недостойнаго раба твоего, избавлаа ѿ всакоа поганьскыа злобы и ѿ многорѣчива и хꙋльнаго азыка, гл҃юща на та хꙋлꙋ, и погꙋби трыазычнꙋю ересь, и возрасти црⷭ҇квь свою множествомь, и вса во единодꙋшии совокꙋпль, сотвори изрядны люди, единомыслащиа ѡ истиннѣи вѣрѣ твоеи и правѣмь исповѣданїи, вдохни же въ срⷣца иⷯ слово твоего оученїа. твой бо есть даръ, аще ны еси прїалъ недостойныа на проповѣданїе еѵ҃алїа хⷭ҇а твоего, ѡстращаа на бл҃гаа дѣла, и творащаа оугоднаа тебѣ. аже ми бѣ даⷧ, ако твоа, и тебѣ предаю а. оустрои а силною твоею десницею, покрываа кровоⷨ крилꙋ твоею, да вси та хвалать и славать има ѡц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а. лобзав же сѧ ст҃ымь лобзанїеⷨ, рече· бл҃вень бъ҃, иже не дасть насъ в ловитвꙋ зꙋбоⷨ невидныⷯ врагъ, но сѣть иⷯ сокроушь, избави ны ѿ истлѣниⷯ. и тако почи ѡ гн҃и, сый .м҃. и двѣма лѣтома, въ .дı҃. дн҃ь мца феврала, индиктъ .в҃., и ѿ твари всего мира ҂ѕ҃.а тысаща .т҃. .ѻ҃. и .з҃. лѣтъ. повелѣ же апⷭ҇ликъ всѣмь грекоⷨ, иже в римѣ, тако же и римланоⷨ, со свѣщами сошедшеса, пѣти над нимъ и творити провожение емоу, ако и самомꙋ папежоу сотворили. и сотвориша. мефедїи же, братъ его, проси апⷭ҇ла, гл҃а· ако мт҃и ны есть заклала, да иже наю первое на соуⷣ идеть, принесеть братъ во свой мона-

стырь, и тоу погребеть. повелѣ же папежь, и вложивъ и в ракꙋ, забити гвозди железны, и тако и держа седмь днїи, готова на поу. рѣша во апл҃никоу римьстїи еппи· понеже есть бг҃ъ, по многамь землямь хожьша, привелъ и сѣмо, и здѣ дш҃ю его изялъ, зде емоу достоить лежати, аки чтн҃оу моужю. рече же апл҃никъ· то за ст҃ыню его и любовь, римьскїи ѡбычаи престоупль, погребоу и в моемь гробѣ, въ црк҃ви ст҃го петра. ѿвѣща же братъ его· то понеже мене не послоушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да лажеть въ црк҃ви ст҃го климента, с ним же есть сѣмо пришелъ. повелѣ же апл҃никь сътворити тако. и паки собравшисѧ еппи всѣмь, и чрьньци и всѣ люди проводити и чтн҃о хотащи положити и, рекоша еппи· ѿгвоздьше ракоу, видимь, аще есть цѣлъ, еда е что взато ѿ него; и троудьшесѧ много, не могоша ѿгвоздити раки, по бж҃їю повелѣнию. и тако с ракою положиша и во гробъ, ѡ десноую странꙋ ѡлтара въ црк҃ви ст҃го климента, идеже сѧ начаша тогда многа чюдеса бывати. еже видѣвше римлане, болѣ сѧ приложиша ст҃ыни его и чти, и написавше коничиу его на гробомъ, начаша свѣтити на нимь днь и нощь, хвалаще бг҃а, прославлающаго и, тако же и славать. томоу бо е слава во вса вѣки. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стра.	Строк.	
225,	6.	на҃ вм. на.
—	7.	и҆ перкое вм. перкое.
—	13.	оумъ мой вм. оумъ нашь.
—	17.	Проп. ми.
226,	2.	предержа вм. придержа.
227,	3.	оу҆ловити и вм. оу҆ловн и.
—	15.	такого вм. тако
—	16.	въ ү҆ченіе вм. въ үныніе.
—	18.	Пропускъ.
—	32.	оу҆добно вм. оугодно.
228,	4.	ѡ҆ лка вм. оу҆` лка.
—	9.	тиха вм. тихъ.
—	11.	Проп. и҆ помышлаше.
—	12.	и҆злетѣ и҆с телѣсѣ е҆го вм. и҆злетѣти и҆с телѣсе сего.
—	16.	Проп. и передъ ѵ҃лѵьскамъ; также пропущ. разүмъ.
—	19.	Проп. и҆ передъ келіи.
229,	2.	съ инымъ вм. съ иными.
—	—	добыкъ вм. побыкъ.
—	4.	на тою вм. на тоүю.
—	28.	глаҳкы вм. а҆ кы.
230,	2.	не бүдүть написана имене вм. не бүдеть написана имене.
—	4.	ѡ҆бразъ. ѡ҆бразъ.
—	10.	по ни҃ же вм. по си҃ же.
—	11.	мѣнаю҆ще вм. мнаще.
—	12.	Пропущ. ѡ҆ц҃ь н.
—	14.	ѡ всемь вм. ѡ семь.
—	25.	Пропускъ.

Стран.	Строк.	
—	25.	Проп. на передъ двере.
231.	6.	искавыиа вм. искаина.
—	9.	Проп. въ.
—	14.	Проп. и передъ похоти.
—	—	ако вм. то.
—	19.	и иже са кто к части вм. и еи же са кто части.
—	21.	въ единомъ вм. вы, единомоу.
—	29.	вашь вм. нашь.
—	30.	сотворю вм. творю.
—	—	поражени вм. поражены.
—	32.	нашь вм. вашь.
232,	5.	ако же вм. ако иже.
—	6.	то вм. тои.
—	9.	глате вм. глаша.
—	10.	ʒа ны вм. ʒа ны.
—	11.	пеие вм. поие.
—	13.	едино поʒолотника вм. единого ʒолотника.
—	—	Проп. ипередъ доидеже.
—	16.	вопрошати вм. съкратить.
—	22.	Проп. и передъ ако.
—	29.	твораше вм. творащe.
233,	15.	Проп. моужь нѣкїи.
—	21—22.	оустоащe вм. оустащe.
—	23.	стажать вм. тажать.
—	—	Проп. вѣроу.
—	33.	ѿвѣщав вм. ѿвѣща.
234,	1.	добрѣе вм. добрѣ.
—	8.	Проп. прїимъ.
—	10.	вѣрують вм. вѣроують.
—	13.	Проп. и передь бесѣдоваль.
—	18.	Проп. и передъ иʒнести.
—	30.	но ни вм. ни.
225,	20.	Проп. ища.
—	—	не достиг древнаа и оноа прїати.
—	26.	Проп. вса сила ихъ стоить. и ѿ

Стран.	Строк.	
—	27.	гл҃ющє вм. гл҃єшь.
—	30.	Пропускъ.
—	—	ѹ҆чнкъ и вм. ѹ҆чнкѣи.
—	32.	волєю̀ вм. болѣє.
236,	1.	Проп. и но сихъ и.
—	11.	древиїи же вм. иєнстови иже.
—	16.	приложити вм. приложить.
—	17.	и҆стлѣвша вм. и҆сцѣлѣвша.
—	19	не а́вла вм. не а҆влаи̂.
—	20.	ѿ тмы вм. ѿє҆мы.
—	25.	Проп. и҆же.
—	27.	Проп. иже.
—	33.	ѿтниоѹ҆ вм. ѿиоѹ҆.
237,	2.	ѕакона вм. ѕаконѣ.
—	7.	на вм. подъ при нб҃си.
—	26.	Проп. и҆нъ.
238,	1—2.	тако вм. то како.
—	9.	на ср҃це вм. на ср҃цѣ.
—	15.	пасѹщє вм. пасѹщеи.
—	26.	и҆ и҆ма вм. и҆ма.
239,	2.	свѣтѣ вм. свѣтъ.
—	8.	ємоѹ и҆же вм. ємоѹ же.
—	14.	то вм. кто.
—	17.	ѿвѣщаша вм. ѿвѣщаше.
—	23.	си же ѿвъ, ѿвъ ѿ сего ѿ и҆ного вм. си же ѡ҆въ ѿ сего, ѿвъ ѿ иного.
—	25.	ѿстависте вм. ѿставите.
240,	8.	нашего вм. вашего.
—	17.	Проп. же передъ и҆ ѿнъ.
—	19.	прокинта вм. проклата.
—	23.	свершить вм. сверши.
—	31.	Проп. ради.
—	33.	а҆враа́мъ и҆же вм. авраа́мъ же.
241,	2.	раздѣлати вм. раз҃лати.
—	6.	и инѕъ. не сеи̂ вм. и҆ иѕнесе и.

Стран.	Строк.	
—	7.	сверстьми вм. серстьми.
—	12.	творяще и҆ честь дѣемъ ѡ҆́бразъ вм. творяще ѡ҆́бразы, честь дѣе҆мь.
—	14.	Пропускъ.
—	15.	не противатся вм. не противлятеся.
—	—	ѿвѣщаша вм. ѿвѣщаше.
—	19.	мало и е҆теро вм. мало е҆теро.
—	23.	ѡ҆́бращь вм. ѡ҆́брящеть.
—	29.	наслаж҃ься вм. наслаж҃ь вся.
242,	2.	и҆́мо вм. и҆́ма.
—	7.	в поуть вм. поутѣ̂.
—	11.	вимь вм. чимь.
—	17.	и҆стви҆ вм. а҆́ждь, и҆ и҆цѣлѣе҆ши.
—	18.	и҆стлѣе҆ши вм. и҆цѣлѣеши.
—	23.	Проп. достои҆ть.
243,	8.	по бж҃їею҆ вм. бж҃їею҆.
—	11.	хрт҃їаньскоую вм. хрт҃їаньскоу.
—	14.	ѿ вм. ѿвѣтъ.
—	—	сице вм. е҆ще.
—	21.	ѿ васъ вм. ѿ насъ.
—	26.	Проп. и҆ передъ изврѣщьшеся.
—	27.	и҆ст҃аа҆ вм. и҆стаа̀.
244,	1.	не мож҃аахоу вм. не можаахоу.
—	9.	Пропускъ.
—	10.	и҆же вм. е҆же.
—	13.	Проп. къ немоу.
—	20.	даж҃ь вм. дож҃ь.
—	30.	и҆ ѿ вм. и҆ ѿ.
246,	2.	Проп. или.
—	3—4.	с правдою̀ и҆ оу҆момъ вм. с вардою, оусмъ.
—	7.	полож҃ь вм. положь.
—	12.	тү вм. твою.
—	13.	в нашь вм. в вашь.
—	14.	и҆же и҆ма словать и҆ вм. и҆же славать бг҃а своимь ѧзыкомь.

Стран.	Строк.	
—	—	Проп. того.
—	19.	Пропускъ.
—	20.	Пропускъ.
—	—	приложъ вм. преложь.
—	24.	вꙁимати вм. вꙁдвиꙁати.
—	26.	писанїа вм. писмены.
—	27.	Проп. греческы и латинскы.
—	—	ими же вм. ими же.
—	28.	и архиерей иереи оучениџы вм. архиерей, иереи и оучениџы.
—	29.	Пропускъ.
—	—	иномоу бесчинноующе вм. и иномоу бесчинию.
—	30.	Пропускъ.
247,	2.	и сиї не всѣхь творяще вм. и сихъ, ихъ же ненавидѣхъ, творясте.
—	2.	Пропускъ.
—	7.	Проп. и предъ иже.
—	—	и прелюбы вм. прелюбы.
—	9.	Проп. скатить.
—	10.	словесны вм. словенскы.
—	13.	не вм. но.
—	14.	и и ѿпустїи вм. и ѿпустї и.
—	15.	Въ матѣ вм. Въ матьџѣхѣ.
—	22.	Пропущено три аꙁыкы токмо имаще.
—	23.	Пропущено и племеномъ слѣпымъ веляще быти и глоухымъ.
—	24.	Пропущено бга творяще немощия.
—	26.	комоужо вм. кожо.
—	28.	Проп. ѿ сиї.
—	—	Проп. поне ѿ.
—	32.	вса вм. всяко.
248,	1.	Пропускъ.
—	4.	Пропускъ.
—	5.	не хощоу вм. хощоу.
—	6.	не скаꙁаеть вм. скаꙁаеть.
—	11.	гоугомое вм. гоудомое.
—	15.	глсемый вм. глющоу ми.

Страв. Строк.

— 18. Проп. да передъ молитса
— 21. исплѣла вм. исплънилаи.
— 22. то вм. ты.
— 23. во всѣ васъ, паче же ꙗзыки глю вм. паче же всѣ васъ ꙗзыки гла.
— 29. Проп. вѣрнымъ но.
— — Проп. а пррчьство не невѣрнымъ.
— 31. неразоумѣвь вм. неразоумнвь.
— 33. Проп. или передъ неразоумнвь.
249, 5. Проп. да передъ сказаеть.
— 9. вси вм. доуси.
— 10. Пропускъ.
— 11. Проп. да не разумѣваеть.
— 17. и андрѣанъ вм. андрѣанъ.
— 20. Пропускъ.
— 24. Пропускъ.
— 25. Пропускъ.
— 26. сто арсеніа вм. арсеніа.
— 32. сказоуемоу вм. сказа емоу.
250, 1. Достигшиы же вм. Постигшиы же.
— 6. днь вм. днь.
— 8. пребысть и жнса вм. приближися.
— 12. привѣ вм. привѣ.
— 14. прѣстави вм. престави.
— 15. многорѣчивыа вм. многорѣчива.
— 19. слово же вм. слово.
251, 1. и вложивый вм. вложивъ и.
— — заби вм. забити.
— 8. лежать вм. лажеть.

Стран.	Строк.	
—	27.	гл҃ющє вм. гл҃ємь.
—	30.	Пропускъ.
—	—	утнвъ и вм. утнѣвн.
—	32.	волєю вм. болѣє.
236,	1.	Проп. и по сихъ и.
—	11.	дрєвнїи жє вм. нєистови ижє.
—	16.	приложити вм. приложить.
—	17.	истлѣвша вм. исцѣлѣвша.
—	19	нє ꙗвла вм. нє ꙗвлай.
—	20.	ѿ тмы вм. ѿємы.
—	25.	Проп. ижє.
—	27.	Проп. ижє.
—	33.	ѿтиноу вм. ѿноу.
237,	2.	ꙁакона вм. ꙁаконъ.
—	7.	на вм. подъ при нбси.
—	26.	Проп. имъ.
238,	1—2.	тако вм. то како.
—	9.	на срцє вм. на срцѣ.
—	15.	пасущє вм. пасущєи.
—	26.	и има вм. има.
239,	2.	свѣтѣ вм. свѣтъ.
—	8.	ємоу ижє вм. ємоу жє.
—	14.	то вм. кто.
—	17.	ѿвѣщаша вм. ѿвѣщашє.
—	23.	си жє ѿвъ, ѿвъ ѿ сєго ѿ иного вм. си жє ѡвъ ѿ сєго, ѿвъ ѿ иного.
—	25.	ѿставистє вм. ѿставитє.
240,	8.	нашєго вм. вашєго.
—	17.	Проп. жє пєрєдъ и ѿнъ.
—	19.	проклита вм. проклата.
—	23.	свєршить вм. свєрши.
—	31.	Проп. ради.
—	33.	авраамъ ижє вм. авраамъ жє.
241,	2.	раꙁдѣлати вм. раꙁѣлати.
—	6.	и инꙁъ. нє сєй вм. и иꙁнєсє и.

Стран.	Строк.	
—	7.	сверстьми вм. серстьми.
—	12.	творяще и честь дѣемъ ѡбразъ вм. творяще ѡбразы, честь дѣемь.
—	14.	Пропускъ.
—	15.	не противятся вм. не противятеся.
—	—	ѿвѣщаша вм. ѿвѣщаше.
—	19.	мало и етеро вм. мало етеро.
—	23.	ѡбращь вм. ѡбращеть.
—	29.	насладься вм. насладь вся.
242,	2.	яко вм. яка.
—	7.	в поуть вм. поутѣ.
—	11.	кимь вм. чимь.
—	17.	истѣй вм. яждь, и ицѣлѣши.
—	18.	истлѣеши вм. ицѣлѣеши.
—	23.	Проп. достоить.
243,	8.	по бжїею вм. бжїею.
—	11.	хртїаньскоую вм. хртїаньскоу.
—	14.	ѿ вм. ѿвѣтъ.
—	—	сице вм. еще.
—	21.	ѿ васъ вм. ѿ насъ.
—	26.	Проп. и передъ изъвѣщьшеся.
—	27.	истаа вм. истаа.
244,	1.	не можахоу вм. не можахоу.
—	9.	Пропускъ.
—	10.	иже вм. еже.
—	13.	Проп. къ немоу.
—	20.	дажь вм. дожь.
—	30.	и ѿ вм. и ѿ.
246,	2.	Проп. или.
—	3—4.	с правдою и оумомъ вм. с вардою, оусмъ.
—	7.	положь вм. положь.
—	12.	тү вм. твою.
—	13.	в нашь вм. в вашь.
—	14.	иже имя словать и вм. иже славать бга своимь языкомь.

Стран.	Строк.	
—	—	Проп. того.
—	19.	Пропускъ.
—	20.	Пропускъ.
—	—	прилож вм. преложь.
—	24.	взнмати вм. вздвизати.
—	26.	писанїа вм. писмены.
—	27.	Проп. греческы и латински.
—	—	ні же вм. ими же.
—	28.	и архиерей иереи оучениць вм. архиерей, иереи и оученицы.
—	29.	Пропускъ.
—	—	иному бесчинноующе вм. и иномоу бесчинию.
—	30.	Пропускъ.
247,	2.	и сй не всѣхь творяще вм. и сихъ, иxъ же неиавидѣхъ, творасте.
—	2.	Пропускъ.
—	7.	Проп. и предъ иже.
—	—	и прелюбы вм. прелюбы.
—	9.	Проп. свтить.
—	10.	словесны вм. словенскы.
—	13.	не вм. но.
—	14.	и и ѿпустіи вм. и ѿпусті и.
—	15.	Въ пять вм. Въ патьцѣхъ.
—	22.	Пропущено три азыкы токмо мняще.
—	23.	Пропущено и племеномъ слѣпымъ веляще быти и глоухымъ.
—	24.	Пропущено бга творяще немощна.
—	26.	комоужо вм. кожо.
—	28.	Проп. ѿ сй.
—	—	Проп. поне ѿ.
—	32.	вса вм. всако.
248,	1.	Пропускъ.
—	4.	Пропускъ.
—	5.	не хощу вм. хощу.
—	6.	не сказаеть вм. сказаеть.
—	11.	гоугомое вм. гоудомое.
—	15.	глемый вм. глющоу ми.

Страв.	Строк.	
—	18.	Проп. да передъ молитса
—	21.	ѝсплѣла вм. ѝсплънилаѝ.
—	22.	то вм. ты.
—	23.	во всѣ̆ васъ, паче же ѧ҆зыки гл҃ю вм. паче же всѣ̆ васъ ѧ҆зыки гл҃а.
—	29.	Проп. вѣрнымъ но.
—	—	Проп. а҆ пр҇чьство не невѣрнымъ.
—	31.	неразоумѣвь вм. неразоумникь.
—	33.	Проп. ѝли передъ неразоумникь.
249,	5.	Проп. да передъ сказаѐть.
—	9.	вси вм. доуси.
—	10.	Пропускъ.
—	11.	Проп. да не разумѣваѐть.
—	17.	ѝ а҆ндрѣа́нъ вм. а҆ндрѣа́нъ.
—	20.	Пропускъ.
—	24.	Пропускъ.
—	25.	Пропускъ.
—	26.	ст҃го арсеніа вм. арсеніа.
—	32.	сказоуѐмоу вм. сказа ѐмоу.
250,	1.	Достигшим же вм. Постигшим же.
—	6.	дн҃ь вм. дн҃ь.
—	8.	пребысть ѝ жися вм. приближися.
—	12.	привѐ вм. привѐ.
—	14.	прѐстави вм. пристави.
—	15.	многорѣчивыа̀ вм. многорѣчива̀.
—	19.	слово же вм. слово.
251,	1.	ѝ вложивый вм. вложивъ ѝ.
—	—	заби вм. забити.
—	8.	лежать вм. лажеть.

IX

Изъ Кирилловской Бѣлозерской библіотеки (нынѣ Петербургской Духовной Академіи), Минея на Октябрь, полууставомъ XVII-го вѣка, № 14 (1253). На бѣломъ листѣ, подъ доской, помѣчено: «Сильвестровская».

—

Мца того же, въ .ді. памать и житїе блаженнаго оучителѧ нашего костантина философа, прьваго наставника словеньску ѧзыку.

Бгъ милтивы и щедръ, жадаѧ на покаанїе члче, да быша спсени вси были и в разумъ истинныи пришли, не хощеть бо смьрти грѣшнику, но и покаанїе животу, аще и наипаче прилежить на злобу, но не ѡставлаєтъ члча рода ѿ напасти ѡслабленїємь и в соблазнъ непрїазнинь прїити и погыбноути, но на каждо оубо лѣта и времена не престаєтъ блгодать имь твора на многѡ, ако испьрва, даждь и нинѣ, патрїархь же прьво и ѿци, и по тѣхь прркы, а по сих апли, и мученикы, и првными мужи, оучители избираѧ ѿ многомлѣкьнаго житїа сего. знаєть же бо гь своа и иже єго суть, ако же рече· ѡвца моа гласъ мои слышать, і азъ знаю а, именемь възываю а и по мнѣ ходать, и даю имь животъ вѣчныи. єже сътвори вь нашь родъ, воздвигь намь оучитель сице, иже просвѣти азыкь нашь и слабостїю ѡмрачьса оумь нашь, паче же лестїю дїаволею, и не хотѣвше въ свѣтѣ заповѣдїи бжїихъ ходити. житїе бо єго авлаєтъ и по малу сказаємо, авлаєтъ, аже бѣ. да иже кто хощеть, то се слыша, подобитса єму, бодрость прїємлѧ, а лѣность ѿметаа, і ако же рече апль· подобни ми бывайте, ако же і азъ хоу.

В селꙋньстѣмь градѣ бѣ мꙋжь етеръ доброродень и богатъ, именемь левь, предрьжа санъ дрꙋгарьскїи по стратигомь. бѣ же бл҃говѣрень и праведень, съхранꙗꙗ вса заповѣди бж҃їа испльнь, ꙗко же иногда іовь. живыи же с подрꙋжїемь своимъ, роди семеро отрочать, ѿ них же бѣ мьзинець семы костантинь философъ, наставникь нашь и оучитель. егда же и роди мт҃и, вдаша и доиланицы, дабы и доила. отроча же не рачи са ꙗти по чюжѧ сосець никако же, развѣ по матерьнь, дондеже и ѿдоень бысть. еже бысть по бж҃їю смотренїю, дабы добра корене добра лѣторасль нескверныимь млекомъ возоена была. по сем же добраꙗ та родитела свѣщавшаса, не сходистаса, говѣща себѣ, тако жиста, ꙗко братъ и сестра за .дї. лѣтъ, дондеже ꙗ смерть разлꙋчи, никако же не престꙋпльша того съвѣта. на соудь же емꙋ хотащю ити, плакашеса мт҃и отрочати сего, гл҃юще· не брегꙋ ѡ всемь, развѣ ѡ младенци семь единомь, како има быти оустроень. он же рече еи· вѣрꙋ ими ми, жено, надѣюса бз҃ѣ, ꙗко дати емꙋ имать ѿц҃а и строитела такого, иже строить вса хрⷭ҇тїаны. еже са и събысть.

Седми же лѣтъ отрокь сыи, видѣ сонь, и повѣда ѿц҃ю и матери, рече· ꙗко стратигъ, собравь вса дв҃ица нашего града, и рече къ мнѣ· изберы себѣ ѿ них, юже хощеши подрꙋжїю на помощь и сврьсть себѣ. азъ же, глꙗдавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ единꙋ краснѣишꙋю всѣхъ, лицемь свѣтащи, и оукрашенꙋ велми монисты златыими и бисеромь и всею красотою. еи же има софїа, сирѣчь мꙋдрость, тꙋ изъбрахь. слышавша же родитела его словеса си, рѣста к немꙋ· сн҃оу, храни законъ ѿц҃а твоего, и не ѿврьзи наказанїа матере твоеа. свѣтилникь бо заповѣдь законꙋ и свѣтъ. рцы прем꙼дрости· сестра ми бꙋди, а мꙋдрость знаемꙋ себѣ сътвори. сїает бо прем꙼дрость паче слн҃ца, и аще приведеши ю себѣ имѣти подрꙋжїе, то ѿ многа зла избавишиса ею. егда же вдаста и на оученїе, спѣꙗше паче всѣхъ оученикь вь книгахь паматью скорою велми, ꙗко и дивꙋ быти. единою же ѿ дн҃и, ꙗкоже ѡбычаи есть богатичищемь глꙋмленїе творити ловитвою, изыде с ними на поле, крагꙋиль свои вземь, и ꙗко пꙋстї и, вѣтрь са ѡбрѣтъ, по смотре-

нїю бж҃їю, взáтъ и занесе. отрокь же ѿ того въ оунынїе и в печáль впáдъ, два҃ дн҃и не ꙗда хлѣба. чл҃колюбием бо своимь млⷭ҇тивыи бг҃ъ, не вела ему привыкнути чл҃чьскыхъ вещехь, оудобь и оулови, ꙗкоже древле оулови плакыду в ловѣ еленемь, тако и сего крагоучиломь. в себѣ же помышль житїа сего оутѣху, окаꙗше, гл҃а· таково ли есть житїе се, да, в рáдости мѣсто, печáль пребываетъ; ѿ сего дн҃е по нинь са путь иму, еже есть сего лоучши, а вмáлѣ житїа сего своихъ днїи не ижнку. и по оученїе се имь, сѣдáще в дому своемь, оучаса книгáмь изъ оустъ ст҃го григорїа фелóга, и знáменїе крⷭ҇тное сътворивь на стѣнѣ. иво похвалу написá ст҃ому григорїю сицеву· ѡ григорїе, тѣломь чл҃че, а дш҃ею аг҃гле. ты, тѣломь чл҃кь сын, аг҃глъ ꙗвиса. оуста бо твоа, ꙗко едииъ ѿ серафимь бг҃а прославлáють, и всю вселéнноую просвѣщáютъ прáвыꙗ вѣры казáнїемь. тѣм же и мене, припадающа к тебѣ вѣрою и любовїю, прїими, и буди ми просвѣтитель и оучитель. и тако его възвѣщаше. вшéд же къ мнѡгы бесѣды и оумь велїи, не могы разумѣти глубины, въ оунынїе велїе впаде. стрáнен же бѣ етеръ ту, оумѣа грамотикїю, и к нему шедь, молáше и на ногу его, гл҃а, вдаиса ему... онъ же талáнтъ свои погребе, рече к нему· отроче, не тружаиса, ѿрекса есмь ѡтинудь никогó же не наоучити семоу вь моа дн҃и. и пакы же отрокь, съ слезáми клáнаиса ему, гл҃аше· възми всю мою часть ѿ домоу ѡц҃а моего, еже мене достóить, а наоучи ма. не хотѣвшю же послоушати его, и шедъ домóвь, в молитвахь пребывáше, дабы ѡбрѣлъ желáнїе срⷣца своего. въскóрѣ же сътвори бг҃ъ волю боащихса его. о красотѣ бо его и мудрости и прилѣжнѣмь оучéнїи, еже бѣ растворéно в немь, слышáв же цр҃евъ строитель, иже нарицáетса логоѳеть, посла пó нь, дабы са со цр҃емъ оучиль. отрокь же, оуслышавь се, с рáдостїю пути ꙗть са, и на пути поклóнса, млⷭ҇твоу сътвори, гл҃а· бж҃е ѿц҃ь нáшихь и гн҃и млⷭ҇ти, иже еси всаческаꙗ сътворилъ слóвомь и премудростїю твоéю създавы чл҃ка, да владѣетъ сътворéными тобою твáрьми, дáжь ми, сущую вьскраи твоего престола, премудрость, да разумѣвь, что есть оугодно тебѣ, спⷭ҇суса. азъ оубо есмь рáбь твои, и сн҃ъ

рабы твоѧ̀, и҆ к се́мѹ про́чюю соломоню прем҃рость и҆зъгл҃авь, въста́въ, рече· а҆ми́нь. і҆е́гда̀ же прїи́де къ цр҃юградѹ, вдаша и҆ оу҆чителемь, да̀ сѧ оу҆чи́ть, и҆ въ три мц҃а навы́кь всю грамотикїю, по про́чаа сѧ а҆́ть оу҆че́нїа, и҆ наоу҆чи́ же сѧ ѡ҆мирѹ и҆ геѡ҆метрїи оу҆ лва, и҆ оу҆ фотѣ дїале́ктицѣ и҆ всѣмь философьскымь оу҆ченїемь, к си́м же и҆ риторикїи, и҆ а҆строномїи, и҆ мѹсикїи, и҆ всѣмъ про́чимь е҆ллиньскы́мъ хѹдожествомь, тако же навы́че вса, а҆́ко же бы̀ моглъ кто е҆ди́но навы́кнѹти ѿ нихь, ско́рость бо сѧ с прилежа́нїемь сьключи, и҆ дрѹга дрѹгѹ преспѣющи, и҆ми же сѧ оу҆ченїа и҆ хѹдо́жества свершаю́ть. боле же оу҆ченїа тихыи ѻ҆бра́зъ на себѣ а҆влѧа, с тѣми бесѣдо́ваше, с ни́ми же бѣше полезнѣе, оу҆кланѧа́сѧ ѿ оу҆клана́ю҆щихсѧ къ стро́пты, и҆ помышлаше, ка́ко бы, земныи́ми нб҃сна̀ преме́нишю, и҆злѣтѣти и҆с телесе сего и҆ съ бг҃омь жити. оу҆зрѣвь же и҆ такова сѹща логофеть, дасть е҆мѹ вла́сть на свое́мь домѹ, и҆ въ цр҃вѹ пола́тѹ съ дрьзновенїемь входити. и҆ въпроси е҆ди́ною, гл҃а· философе, хотѣхь оу҆вѣдѣти, что̀ е҆сть философїа; ѻ҆нъ же ско́рымъ оу҆момъ рече а҆́бїе· бж҃їамь вещемь и҆ чл҃ческа́мь разѹмъ, е҆лико мо́жет чл҃кь приближитисѧ бозѣ, и҆ а҆́ко дѣтелїю оу҆чи́ть чл҃ка по ѻ҆́бразѹ и҆ по подо́бїю быти ѡ҆творшемѹ и҆. ѿ сего́ же и҆ паче възлюби и҆ пр҃но въпрашаше ѻ҆ всемь толикъ мѹжь честенъ и҆ велїи. ѻ҆нъ же е҆мѹ сътвори оу҆че́нїе философьское, в ма́лѣ словесѣхъ, велїи оу҆мъ сказа́вь. в чистотѣ же пребыва̀, е҆лма оу҆гажа̀ бг҃ѹ, толми паче всѣмь любезнѣи быва́ще. и҆ логофеть всакѹю честь твора́ше е҆мѹ говѣи́нѹ, злата мнѡго даа́ше е҆мѹ, ѻ҆н же не прїима́ше. и҆ е҆дниною рече кнемѹ· твоа красота и мр҃ость нѹди́т ма и҆злиха любити та, то дщерь и҆мамъ дх҃овнѹю, ю҆же ѿ крестила и҆махъ, кра́снѹ и҆ бога́тѹ, и҆ рода добра и҆ велика. а҆́ще хо́щеши, по́рѹжню сїю ти дамъ, ѿ цр҃а же нн҃ѣ великѹ чⷭ҇ть и҆ кн҃женїе прїимь, болша чаи, въско́рѣ бо стратигь бѹдеши. ѿвѣща же е҆мѹ философь· даръ оу҆бо̀ велїи тре́бѹю҆щимь е҆го́, а҆ мнѣ бо́ле ѳ҆у҆че́нїа нѣсть ничто́же, и҆мь же разѹмь събравъ, прадѣдниа̀ чⷭ҇ти и҆ богатьства хощю и҆ска́ти. слыша́вь же логофе́ть ѿвѣтъ е҆го, шедь къ црⷰ҇ици, рече· философь оу҆ныи не лю́бить житїа̀ сего, то не ѿпѹсти́мь е҆го ѿ ѻ҆́бщины, но

постригше и на поповьство, вдадимъ ему служьбу, да будеть викло-тикарь патрїарха въ стѣи софїи, нѣклї и поиѣ тако оудрьжимъ. еже и сътвориша ему. мало же с ними в семь побывъ, на оуское море шедъ, съкрыса тан в монастырѣ. искаша его шесть мцъ, и едва ѡбрѣтоша, и не могше его оунудити на ту служьбу, оумолиша оучителныи столъ прїати, и оучити философїи и тогоземца и странныа съ всакою мощїю и служьбою, и по то са ꙗть.

'И бѣ же аннин патрїархь ересь въздвиглъ, глѧ не творити чти стымъ иконамь. и събравшемь снемь, обличиша и, ꙗко неправа гать, и съгнаша и со стола. он же глѧ насилиемь ма съгнаша, не прѣпрѣвше мене. не можеть бо никто же противитиса словесемь моим. цревь же патрекїи, оустроивь философа, посла на нь, рекь тако ꙗще можеши юношю сего препрѣти, то пакы столъ свои прїимеши. онъ же, оузрѣвь философа юна тѣломь, не вѣдыи стара оума к немь, и иже бѣаху посланїи с нимъ, и рече к нимъ вы подножїа моего несте достоини. то како азъ с вами хощю са прѣти; философь же к нему рече не люска обычаа дрьжи, но бжїа заповѣди зри. ꙗкоже еси ты ѡ земла, и дша бгомъ съставлена, тако и мы вси, то на землю зра, чаче, не гордиса. пакы же анїи ѡвѣща неподобно есть в осень цвѣтца искати, ни старца на воину гнати, ꙗко юношоу етера нестера. философь же ѡвѣща ему самь на са вины ищеши. рцы в кою врьсту есть силнѣиши дша телесе; он же рече на старость философь рече то на кою та брань гонимь, на телесную ли, или на дховную; он же рече на дховную. философь же ѡвѣща ты же не силнѣи хощи быти, да не гли намь такыхь притчь. не без времене бо ни цвѣтца ищемь, ни на воину тебе гонимь. оусрамль же са тако старець, инамо ѡврати бесѣду, и рече рцы ми, юноше, како, крту разорену сущю, не кланаемса ему, ни лобызаемь его, а вы аще лице до перси будеть токмо, икониую емоу честь твораще, не стыдитеса; философь ѡвѣща четыри бо части кртъ имать, и аще едина его часть оубудеть, то оуже своего образа не ꙗвлаеть, а икона токмо ѡ лица образъ ꙗвлаеть и подобїе того, его же ради будеть написано. ни

львова бо лица, ни рысїа зрить, иже видить. пакы же рече старець· како са оубо кланаемь кр҃ту без написанїа, а бывшемъ инѣмь кр҃томь, икона же аще не будеть написана имене, его же будеть образь, то не творите ей ч҃ти; философь же отвѣща· всакы кресть подобенъ образъ имать х҃ву кр҃ту, а иконы не имуть вса образа единого. старець же рече· б҃гу, рекшо к моусїю· не сътворишн всакого подобїа. како вы творяще, кланаетеса; философь же противу ему отвѣща· аще бы реклъ· не сътворишн ни какого же подобїа, то право пришн. но есть реклъ· не всакого, сїирѣчь, достойное. противу же сему не могь отпрѣти старець, оумлъча, посрамльса.

По сих же агарани, нарицаемии срачини, возвигоша хулу на едино божество с҃тыа тр҃ца, г҃лющe· каю вы, кр҃тїанн, единь б҃гъ чьнаще, разъмѣшаете и пакы на три, г҃люще, яко о҃ць и с҃нъ и д҃хь есть. аще можете сказати явѣ, то послете мужа, иже могуть г҃лати о всемь и препрѣти ны. тогда же бѣ философъ двѣма десатма и четыремь лѣтомь. съборъ же сътвори ц҃рь, призвавь и, рече ему· слышиши ли, философе, что г҃лють сквернїи агарани на нашю вѣру; то яко же сы с҃таа тр҃ца слуга и оуч҃нкь, шедь, противиса имъ, и б҃гъ, свершитель всакои вещи, славословимыи въ тр҃цы, о҃ць и с҃нъ и с҃тыи д҃хъ, тои да подасть ти б҃лть и силу въ словесѣхь, и яко другаго д҃ва новаго явить на голїада, с треми камении и побѣждь, възвратившиса к намь, сподобленъ н҃бномy ц҃рьству. слышавь же се, отвѣща· радъ иду за хр҃тїаньскую вѣру. что бо есть мнѣ слаже на семь свѣтѣ, но за с҃тую тр҃цю живу быти и оумрети; приставльше же ему ассикрита геωргїа, посла̑ша. дошедшем же имь тамо... бѣша бо образи димоньскы написали вьноуду дверехь всѣхь хр҃тїань, дивь творяще и роугающеса. въпросиша философа, г҃люще· можеши ли разумѣти, философе, что есть знаменїе; онъ же рече· дѣмоньскы образь вижю, и непщую, яко христїани тоу живуть внутрь. они же, не могуще жити с ними, бѣжать вонь от них, а идеже сего знаменїа нѣсть вьноуду, то с тѣми су ту внутрь. на обѣдѣ же сѣдаще агарнинї, м҃ра ч҃а и книжна,

оучена геѡметрїи і астрономїи и проуимь оученїемь, искоушающе же и, въпрашахоу, глюще· видиши ли, философе, дивно чюдо, ако божїи пррркь махметь, принесыи намь благую вѣсть ѿ бога, ѡбрати многи люди, и вси дрьжимса по законѣ, ниутоже престоупающе. а вы, хвъ законъ дрьжаще, вашего пррка, овъ сице, овъ инако, акоже годѣ бысть комоуждо вась, такоже и творите. к сим же философь ѿвѣща· бгъ нашь ако пучина есть морьскаа. пррк же глеть о немь· ро его кто исповѣсть; въземлетса ѿ землѧ животь его. сего же ради исканна, мнози в пучину тоу входать, и силнїи оумомъ, помощїю его богатьство разумное прїемлюще, преплавають и възвращаютьса, а слабїи, акы въ согнилѣхь корабихь покушающеса преплоути, ѡви истапають, а дроузїи с трудомь едва ѿдыхають, немощною лѣностїю влающеса. ваше же есть оуско и оудобно, еже можеть и прескоучити всакь малъ и великь. нѣсть бо кромѣ людьскаго ѡбычаа, но еже вси могу дѣати. а ниутоже вамь заповѣдалъ. егда бо нѣсть вамь въстагнулъ гнѣва и похоти, но и ѿпустилъ, то в какоу вы имать врииоути въ пропасть, смысленыи да разумѣеть. хс же не тако, но ѿ низу тажкое горѣ възводить вѣрою и дѣтелїею бжїею. творець бо есть всакымъ, между аггль и скоты есть члка сътворилъ, словесемь и смысломь ѿлучивыи ѿ скота, а гнѣвомъ и похотїю ѿ аггелъ. и ен же са кто к части приближаетса паче, тою са причащаетъ паче, вышнихь, ли нижнихь. въпросиша же и пакы· како вы, единомъ бгу соущу, въ три славите, и скажи, аще вѣси; ѿца бо нарицаете и сна и дха. то аще тако глете, то и жену ему дадїте, да са ѿ того мнози бози расплодать. к сим же философъ ѿвѣща· не глите тако, хоулы мещоущи. мы оубо добрѣ есмы навыкли ѿ пррркь и ѡць и оучитель троицю славити, ѿць и слово и дхь, и три оупостаси во единомь соуществѣ. слово же то въплотиса въ двѣ и родиса нашего ради спсенїа, ако же и махметь, вашь пррркь, свѣдѣтельствуетъ, написавь сице· посълахомь дхь нашь кь двѣи, изволише, да родить. ѿ сего вамъ азъ извѣщанїе творю ѡ троицы. сими же словесы поражени, на другаа са ѡбратиша, глюще· ако тако есть, ако же глеши, гости. да аще

хс҃ъ бг҃ъ вашь, почто не творите, ꙗко же велить; писано бо есть въ еѵⷢ҇льскыхъ книгахъ молити за врагы, и добро творити ненавидѧщимъ и гонѧщимъ, и ланитоу ѡбратити біющимъ. вы же не тако, но противна ѡроужїа ѡстрите на творѧщаа вамь таковаа. философь же противу симь ѿвѣща· двѣма сѹщема заповѣдма в законѣ, кто законь совершаа ꙗвлѧеть, иже ли единиу съхранить, или ѡбѣ; ѿвѣщаша же ѡни· ꙗко, иже ѡбѣ. философь же рече· бг҃ъ есть рекль· молите за ѡбидащаа. тои есть рекль пакы· болша сеа любве не можеть никто же ꙗвити на семь житїи, но да свою положить дш҃ю за другы. дроугъ же ради но и се дѣемь, да не с телесныимь плененїемь и дш҃а ихь плѣнена боудеть. пакы же гл҃аша· хс҃ъ есть дань даль за са и за ины, вы же не творите того дѣлъ, і оуже аще бранаще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку ꙗзыкоу измаилетьску за братїю вашю и за другы; мала же просимь, токмо единого золотника, и дондеже стоить вса землѧ, хранимь миръ межю собою, ꙗко же инъ никтоже. философь ѿвѣща· аще оубо кто, во слѣдъ оучитела хода, хощеть в тои же слѣдъ ходити, въи же и ѡнъ, другыи же срѣтъ, съвратитъ и, другъ ли ему есть, или врагъ· ѿвѣщаша ѡни· врагъ. философь же рече· ег҃а хс҃ь дань дал, кое царьство бѣ, измаилитьское ли, или римьское; ѿвѣщаша ѡни· римьское. тѣмже не подобаетъ насъ зазрѣти, понеже римланомь даемь вси дань. по сих же ина многа въпрошенїа въпрашаша, искоушающе ѡ всѣхъ художествїихъ, аже и сами оумѣаху. сказа же имь вса, ꙗко же препрѣ и ѿ сихъ, рѣша ему· како ты вса оумѣеши; философь же рече· члкь етеръ, почерпь в мори воду, в мѣшьци ношаше ю и грѧдашеса, гл҃а къ странникомь· видите ли водоу, еа же никто же не има, развѣе мене; пришед же единь мужь поморникь, рече к нему· неистов ли са дѣеши, хваласа токмо ѡ смердащемь мешци, а мы сего пучину имамь; тако и вы дѣете. а ѿ наⷭ҇ суть вса хоудожествїа исшла. по сих же, дивь творѧще, показаша ему врьтоградь насаждень иногда, ѿ землѧ изникнущь, и ꙗко сказа имь, како се бываетъ, пакы показаша ему все богатьство и храмины, оутворены златомъ и сребромь, и каменїемь

драгы́ ь и̑ бисеромь, гл҃юще· виждь, философе, дивно чю́до, си́ла ве́лїа и̑ богатство мно́го ѧ̑мерменїино, ѩ̑ка срацы́ньска. рече́ же к ни́мь· не дивуюсѧ, е̑сть бг҃у же хвала и̑ сла́ва, сътворшемꙋ вса си и̑ вда́вшемꙋ на оу̑тѣхꙋ чл҃комъ. того бо су́ть, а̑ не и̑ного. сътьмже же, на свою сѧ злобꙋ ѡ̑бра́щьше, да́ша е̑моу ѩ̑дъ пи́ти, но бг҃ъ мл҃твьн, рекын· ѧ̑ще и смрьтно что и̑спїютъ, ничто́ же ѩ̑ не вреди́ть, и̑зба́ви и̑ того, и̑ на свою землю̀ здра́ва възврати. паки же по мно́зи же времени, ѿрексѧ всего житїа сего, сѣде на е̑диномь мѣстѣ без млъвы и себѣ самомꙋ токмо внемлѧ̀, и̑ на оу̑трїи дн҃ь ничто́ же не ѡ̑ставлѧ, но ни́щимь раздаѩ все, на бг҃а печаль възмѣтаѩ, и̑же сѧ и̑ всѣми на вса́кь дн҃ь пече́ть. е̑диною же на ст҃ъ дн҃ь, слоузи е̑го тоужа́щю, ѩ̑ко на си́нць дн҃ь не и̑ма́мь ничто́ же, о̑н же рече е̑моу· препита́вы и̑ногда и̑з҃лтаны в поусты́ни, ты и̑мать и̑ на́мь да́ти зде пи́щю, но шедь, поне призови пать моужь ни́щь, чаа бж҃їа помощи. и̑ ѩ̑ко бысть ѡ̑бѣдниѩ годи́на, і а̑вїе принесе моужь е̑мꙋ бре́мѧ полно ѩ̑ди всеѧ̀ и̑ десать златни́кь, и̑ бг҃ꙋ хвалоу възда ѡ̑ всѣхъ си́хъ. въ ѡ̑лнгꙋ же шедь к мефо́дїю, бра́тоу своемоу, нача́ть жити и̑ мл҃твоу творити безпреста́ни кь бг҃ꙋ, токмо кни́гами бесѣдуѩ.

Прїидоша же слы въ цр҃ю ѿ коза́рь, гл҃юще· ѩ̑ко и̑спрьва е̑динь то́кмо бг҃ъ знае́мь, и̑же е̑сть надо всѣми, и̑ томꙋ сѧ кла́нлѧе́мь на въсто́кы, а̑ ѡ̑бычаа своа и̑ны стоудныѩ дрьжаще, е̑врен же, оу̑стать ны вѣрꙋ и̑хъ и̑ дѣтель и̑хъ прїати, и̑ срацини на другую странꙋ, миръ даю́ще и̑ дары мно́гы, тажа́ть на свою, гл҃юще· ѩ̑ко на́ша е̑сть вѣра добрѣиша всѣхъ ѧ̑зы́кь. то сего ради сле́мь к ва́мь, ста́рꙋю дру́жбꙋ и̑ любо́вь дрьжаще. ѧ̑зы́кь бо велїи су́щь ѿ бг҃а, цр҃тво дрьжите, и̑ ва́шего съвѣта въпраша́юще, про́симь же мо́ужа книжна ѿ ва҃, да ѧ̑ще препри́ть е̑врев и срацы́ны, то по ва́шꙋ сѧ вѣрꙋ и̑мемь. тогда цр҃ь възыска философа, и ѡ̑брѣтъ и̑, сказа е̑мꙋ коза́рьскоую рѣчь, гл҃а· и̑ди, философе, к людемь си́мь, и̑ сътвори и̑мъ ѿвѣтъ и̑ слово ѡ̑ ст҃ѣи трцы, с помощїю е̑ѧ̀. и̑нь бо сего никто́ же мо́жеть сътворити. о̑н же рече· ѩ̑ко велиши, влко, на си́цю рѣчь радъ и̑дꙋ пѣшь и̑ босъ безъ всего же, е̑го же не вела-

ше бгъ оученикомъ своимь носити. Ѿвѣща же црь· аще бы се ты хотѣлъ ѡ себѣ сътворити, то добрѣе ми глеши. но црьскоую дрьжавоу вѣдыи и честь, честию иди съ црьскою помощїю. абїе же поути са ѧтъ, и херсона дошедь, наоучиса жидовьскыи бесѣдѣ и книгамъ, ѡсмь части грамотикии преложи, и ѿ того разоумь весь прїимь. самаранин же етеръ тоу живаше, и приходѧ к немоу, стѧзашеса с нимь. и принесе книгы самараньскыѧ, показа емоу, и испроси же ѧ оу него философь, затворися въ храминѣ, на млтвоу са наложи, и ѿ бга разумь прїимъ, чести нача книги бес порока. оузрѣв же самаранинь, въспи гласомь великымь и рече· въ истинноу, иже вѣроують, вьскорѣ дхъ стыи прїемлють и блгть. сыноу же его абїе крщюса, и сам са крти по немъ. ѡбрѣть же ту еуаліе и псалтырь роускыми писмены писано, и члка ѡбрѣтъ глюща тою бесѣдою, бесѣдовавь с нимь, и силоу рѣчи прїимь, своеи бесѣдѣ прикладаѧ, разлоучи писмена на гласнаѧ, и съгласнаѧ, и къ бгу млтву дрьжа, вьскорѣ нача чести и сказати. мнози емоу дивлахоу, бга хвалаще. слышав же, ѧко стыи климентъ еще в мори лежить, помолса, рече· вѣрую въ бгъ и стѣмь климентѣ надѣюса, ѧко ѡбрѣсти имамь и изнести из мора. оубѣдив же архїепкопа, и съ клиросомь и говѣины мужа, и всѣдши в корабла, идоша на мѣсто, и оутишьшюса морю велми, и дошедше, начаша копати, поюще. абїе же бысть вона велїа, ѧко кадилъ многъ, и по семь ѧвишаса стыа мощи, аже вземше, с великою честїю и славою всѣхь гражань, внесоша въ градь, ѧкоже пишеть во ѡбрѣтенїе его. козарьскь же воевода, с вои пришедь, ѡстоупи христїаньскь градь и ѡплетеса о немь. оувѣдѣв же философь, не лѣньса, иде к нему. бесѣдова же с нимь, и оучительна словеса предложь, оукротї и, и ѡбѣщавса емоу на крещенїе, и ѿиде, ни коеи же пакости сътворь людемь тѣмь. възврати же са и философь во свои путь. и в первыи часъ млтву творащю моу, нападоша на нь оугри, ѧко волческы выюще и хотаще и оубити. он же не оужасеса, но ни ѡстави своеа млтвы, но кураленсонъ токмо зовыи. бѣ бо ѿкончаль оуже служву. ѡни же, оузрѣвше, по бжїю повелѣнїю, оукротѣша,

и начаша кланатиса ему, и слышавше оучителна словеса ѿ оустъ его, ѿпустиша и со всею дружиною. всѣдъ же в корабль, поути са ӕтъ козарьскаго, на ѡметьское озеро и капїнскаа врата кавькаскыхъ горъ. послаша же козари противу ему мужь лукавъ и ꙁаскопникъ, иже, бесѣдоуа с нимь, рече ему· како вы ꙁолъ ѡбычаи имате, и ставите цр҃ь инъ въ иного мѣсто і ѿ иного рода, мы же по роду се дѣемь; философь же к немоу рече· и бг҃ъ бо в саоула мѣсто, ничто же оугодна дѣюща, избра дв҃а, оугаждающаго ему и ро҃ его. они же рече паки· вы оубо, книгы дрьжаще в руку, ѿ нихь вса притча гл҃ете, мы же не тако, но и ѿ прьсїи всю мро҃сть, ӕко поглощьше, износимь ю, не гордащеса ѿ писанїи, ӕко же вы. рече же философь к немоу· ѿвѣщаю ти к семоу. аще срящеши моужь наг, ти гл҃ть, ӕко мнѡгы ризы и ꙁлата имамь, имеши ли ему вѣру, виде и нага; и рече· ни. тако и аꙁъ тебѣ гл҃ю· аще же ли поглотилъ всю мро҃сть, то скажи ны, колико ро҃ есть до моусеа, и колико есть лѣтъ которыи же ро҃ дрьжалъ; не могыи же к сему ѿвѣщати, и оумлъча. дошедшю же ему тамо, егда хотаху на ѡбѣдѣ сѣсти оу кагана, въпросиша, гл҃юще· каа есть твоа честь, да та посадимь на своемь чину; он же рече· дѣдь имѣхь велїи и славень ꙁѣло, иже и близь цр҃а стоаше, и даноую ему славу волею ѿврьгь, изгнанъ бысть, и на страннуюꙁемлю доше҃, ѡбинща и ту ма роди. аꙁъ же, дѣднаа части ища древьнаа, не достигь иноа прїати. адамовь бо есмь внукь. ѿвѣщаша же ему· достоино и право гл҃еши, гости. и ѿ сего начаша на немь честь имѣти. каган же, вꙁемь чашю, рече· пїемь во има господа единого, сътворшаго всю тварь. философь же, чашю вꙁемь, рече· пїю въ има единого бг҃а, и словесе его, имь же нб҃са оутвердишаса, и животворащаго дх҃а, им же вса сила ихъ стоить. и ѿвѣща к нему каганъ· все равно гл҃емъ ѡ семь, токмо раꙁлично дрьжимь. вы бо трїю славите, а мы бг҃а единого, оулоучше книгы. философь же рече· слово и дх҃ъ проповѣдають книгы. аще кто тебѣ честь сътворить, твоего же словеси и дх҃а ни въ что же имать, которыи ѿ ѡбою чтивѣи; онъ же рече, иже все трое в честь имать. философь же ѿвѣща· тѣмь мы болѣе

творнмь, вещьми скажюще и пррк҃ъ слоушающе. рече бо исаїа: слоушаи мене, іакове и іζл҃ю, его же азъ ζовоу: азъ есмь прьвыи, и азъ есмь въ вѣкы, и нн҃ѣ гдь посла ма и дх҃ь его. іюдеи же, стоаще окрестъ, рѣша емоу: рцы оубо, како можеть женьскь родъ бг҃а вмѣстити въ чрево, на нь же не могоуть ζрѣти аггли; философь же, показа прьстомь на кагана и пердаго съвѣтника, рече: аще кто речеть, ако прьвыи съвѣтникъ не можеть оучредити кагана, пакы же речеть: послѣднїи рабь сего можеть кагана оучредити и честь емоу сътворити, что имамь нарещи и, скажите ми: неистова ли, или несмыслена; они же рѣша: и ζѣло неистова. философь же к нимь рече: что есть ѿ видимыа твари честнѣе всѣхъ; ѿвѣщаша емоу: чл҃къ, по образоу бж҃їю сътворень есть. пакы рече к нимь философь: то како не соуть неистови, иже гл҃ють, ако не можеть въ чл҃ка вмѣститиса бг҃ъ, а онъ и в купиноу са вмѣсти, и въ облакь, и в бурю, и дымь, авльса моүсеѡви и іовоу; како бо можеши, иномоу болащю, иного цѣлити, чл҃чьскомоу родоу на истлѣнїе пришедшю. ѿ кого бо иного обновленїе пакы бы прїалъ, аще не ѿ самого творца, ѿвѣщаите ми; аще врачь, хота приложити пластырь болащимъ, приложить ли древѣ, или камени, авит ли ѿ сего чл҃ка исцѣлѣвша; и како моүсеи рече дх҃ѡ ст҃ымъ въ мл҃твѣ, роуцы простръ: въ громѣ каменїи и въ гласѣ троубнѣмь не авлаи ны са к томоу, гд҃и щедры, но вселиса в нашю оутробоу, ѿими наша грѣхы. акила бо тако гл҃еть. и тако разыдошаса съ обѣда, нарекше днь, вън же бесѣдоують ѡ всѣх сихь.

Сѣдъ же с каганомъ, рече философь: азъ оубо есмь чл҃къ единъ в вѣ, беζ рода и дроугь, и ѿ бж҃ѣ же стаζаемса, емоу же соуть в роукоу всакаа срц҃а наша. ѿ васъ же, иже соуть силнїи въ словесѣхъ, бесѣдоующимь намь, аже раζоумѣюѡ, да гл҃ють, ако тако есть, а ѡ их же не раζоумѣють, да въпрашають, и скаζаемь. ѿвѣщаша же іоудеи и рѣша: и мы дрьжимь въ книгахъ слово и дх҃ъ. скажи же намь, которыи ζаконъ бг҃ъ дасть чл҃комь прьвое, моүсеовъ ли, или иже вы дрьжите; филосо же рече: сего ли ради на се въпрошаете, да прьвыи ζаконь држите; ѿвѣщаша ѡни: еи. прь-

вьи бо подобаѥть. философь же рече· то аще хощете прѣвыи законь дрьжати, то ѿто обрѣзанїа оуклонитеса ѿтнꙋдь. рѣша они· что ради сице глешн; философь же рече· скажите оубо ми, не поталще, въ обрѣзанїи ли есть прѣвыи законь дань, или в необрѣзанїи; ѿвѣщаша они· мнимь, въ обрѣзанїи. философь же рече· не ноеви ли бгъ даст законь прѣвое, по заповѣданїи и паденїи адамовѣ, завѣть нарицаа законь; рече бо к немꙋ· се азъ въздвижꙋ завѣть мои с тобою, и съ сѣменемь твоимъ и всею землею, треми заповѣдми дрьжимь· все адите, зелїе травное, и елико на небеси, и елико на земли, и елико въ водахъ, развѣ масъ, въ крове дша, его не адите. и· иже пролїеть кровь члчю, да пролїетса своа емꙋ в тоа мѣсто. что глете оубо противꙋ семоу, прѣвыи законь рекше дрьжати; їоудеи же к немꙋ ѿвѣщаша· прѣвыи законъ моисиѡвь дрьжимь, сего же нѣст бгъ нарекаль законъ, но завѣть, ако и прѣвое въ члкꙋ заповѣдавь в раи бо аврааму. инако обрѣзанїе, а не законь, ино же завѣтъ. различно бо есть творець нарекль ѡбое. философь же ѿвѣща к нимь· азъ ѡ семь скажю се и сице· ако законъ са нарицаеть и завѣтъ. бгъ бо гла къ авраамꙋ· даю законъ мои въ плоти вашеи, иже и знаменїе нарече, ако бꙋдеть межю мною и тобою. тъ же кь еремїи пакы вопїеть· послоушаи же завѣта моего. възъглешн бо, рече, к мꙋжемь їюдовомь, живꙋщимь въ їерлмѣ, и речешн к нимъ· тако глеть гь бгъ иїлевь· прокдатъ члкъ, иже не послоушаеть словесъ завѣта сего, иже заповѣда ѿцемь вашимь в днь, въ же изведе а изъ земла егупескы. ѿвѣщаша їюдеи к немꙋ· тако и мы дрьжимь, ако законь нарицаеть са и завѣтъ. елико же са ихъ дрьжа по законъ моисеѡвь, вси бгꙋ оугодиша, и мы дрьжимса по нь, непщоуемъ такоже быти, а вы, въздвигше инъ законъ, попираете бжїи законъ. философь же рече к нимь· добрѣ двемь. аще бо бы и авраамъ не ялъ са по ѡбрѣзанїе, нъ дьржалъ ноевъ завѣтъ, не бы са другь бжїи нареклъ, ни моисей же, пакы послѣди написавь законъ, прѣваго не дрьжа. такоже и мы по сихъ образꙋ ходимъ, и ѿ бга законъ прїимше, дрьжимь, да бжїа заповѣдь трьда пребываеть. давь бо

моѥви законъ, и не сказа ѥмꙋ, ӕко дрꙋгыи имамь ѥмоу дати, но въ вѣкь пребывающь въ дꙋшю живоу. ни пакы авраамꙋ, давь обрѣтованиѥ, не възвѣсти ѥмꙋ, ӕко дрꙋгыи имамь дати моусиови. то како вы дрьжите законъ, а бгъ ӕзыкы въпиѥть· ӕко преставлю, инъ вамъ дамъ. иеремиӕ бо рече авѣ· се днiе градꙋть, глеть гь, и завѣщаю домꙋ июдовꙋ и домꙋ инлевꙋ завѣтъ новъ, не по завѣтоу, иже завѣщахъ къ оцемь вашимь въ днь, приимшю ми рꙋкꙋ ихъ извести а из землѧ егүпетьскыѧ, ӕко и тѣ не пребыша в завѣтѣ моѥмъ, и азъ възненавидѣхь а, ӕко сеи завѣтъ мои, иже завѣща домоу инлевоу· по днехь онѣхь, рече гь, даѧ законы моѧ в помышлениiе ихъ, на срце напишꙋ а, и бꙋдꙋ имь в бгъ, и ти боүдоуть мнѣ в люди. паки той же иеремиӕ· тако глтъ гь· станете на пүтехъ, и видите, и въпросите на стеза гнѧ вѣчныѧ, и видите, кыи есть пүть истовыи, ходите по немꙋ, и обрѧщете оүтешениiе дшамь вашимъ. и рѣша· не идемь. поставихь въ вас блюстителѧ· послꙋшаите глѧса троубы, и рѣша· не слꙋшаемь. сего ради оүслышать ӕзыцы и пасүщеи стада в нихь. и абiе· слыши, землѥ· се азъ навожꙋ на люди си зло, плод обращениӕ ихь. зане словесь пррокь моихь не вняша, и законъ мои, иже пррцы проповѣдаша, отринүша. не токмо же си единѣми скажꙋ, ӕко законь престаѥть, но и инѣми многами винами о пррокь авѣ. отвѣщаша ѥмꙋ иоүдеи, всакь жидовинъ се вѣсть въ истинꙋ, ӕко быти имать тако, но не оү есть врѣмѧ пришло о помазанѣмь. философь же рече к нимь· что си предлагаѥте, видаще, ӕко ерлимъ съкрꙋшень есть, жрьтвы престалы соуть, и все сѧ есть сбыло, ӕко сүть пророцы прорекли о ва; малахiѧ бо о вас авѣ въпиѥтъ· нѣсть моѥѧ волѧ въ вас, гть гь вседрьжитель, и жертвы о роүкь вашихь не приѥмлю, зане о востокь слнца до западь имѧ мое славитсѧ въ ӕзыцѣхъ, и на всакомь мѣстѣ тѣмiань приносить имени моѥмоу и жрьтва чиста. зане велiе имѧ мое во ӕзыцѣхъ, глеть гь вседрьжитель. они же отвѣщаша ѥмꙋ· сiѧ глеши, вси ӕзыцы хотать блгословени быти о нас о обрѣзанiи въ градѣ иерлмьстѣ. рече же философь· тако глеть моүсiи· аще послꙋшаеще, послꙋшаѥте по всемꙋ хранити законь, бꙋдꙋ

предѣлы вашіи ѿ морѧ чермнаго до морѧ филистимска, и ѿ пустынѧ до рѣкы ефранта. и мы ӕзыцы, ѡ нем же съмени авраамли блг̃ословимсѧ, и ѿ осеова корене исшедшимь, и чаанїе ӕзыкь нарече и свѣтъ всеѧ земля и всѣхь ѡтокь, славою божїею просвѣщени, не по томоу законү, ни мѣстоу, прр̃цы велми въпїють. рече бо захарїа· радүисѧ зѣло, дщи сїона, се цр̃ь твой грѧдеть кротокь, всѣдъ на жребець осль, сн̃ъ яремнѣть. и пакы· потребить ороужїе ѿ ефрема, и конь ѿ ієр̃лима, изъгаеть миръ ӕзыкомь, и власть его ѿ краи земля до конець вселенныя. іаков рече· не ѡскүдѣеть кнѧзь ѿ іюды, ни игүмень ѿ стегнү его, дондеже прїидеть емү, иже щадиться, и тои чаанїе ӕзыкомъ. си всѧ видаще скончана и свершена, кого иного ждете; данилъ бо рече, ѿ аггла наоучень· седмьдесѧть недѣль до хр̃та игүмена, еже сүть .оү. и .ѳ. лѣтъ запечатлѣти видѣнїе и пророчество. кое же ли вы сѧ мнить желѣзное царьство, иже данилъ мнѣить въ иконѣ; ѿвѣщаша· римьское. философь же въпросї а· камень, оуторѣгъшеса ѿ горы без роукь чл̃чьскъ, кто есть; ѿвѣщаша· помазаный. пакы же рѣша· то аще сего сказаешь пророкы и инѣми вещьми юже пришедша, ӕкоже гл̃еши, како римьское цр̃ьство доселе дрьжить вл̃чьство; ѿвѣща философь· не дрьжитца, мимо шло есть, ӕко и проча по образү иконномоу. наше бо цр̃ьство нѣсть римьско, но хр̃во, ӕко рече прр̃къ· въздвигнеть бг̃ъ нб̃ное цр̃ьство, еже въ вѣкы не истлѣеть, и цр̃ьство его людемь инѣмь не ѡставитсѧ, и истнить и извѣеть всѧ цр̃ьства, и то станеть въ вѣкы. не христїаньское ли есть цр̃ьство, нынѣ хр̃вымъ именемь нарицаемо; а римлане идолѣхъ прилежахоу. си же, ѡвъ ѿ сего, ѡвъ ѿтъ иного ӕзыка и племене въ хр̃во црствоють, ӕко же прр̃къ ісаїа ӕвлаеть, гл̃а к вамь· ѡставите има ваше к сытость избраннымь моимь, вы же избїеть гь̃, и работающимъ емоу наречеть има ново, еже блг̃ословено бүдеть по всеи земли, и блг̃ословать бг̃а истиннаго, и кленүщїисѧ на земли, кленүтсѧ бг̃омь нб̃нымь. не свершила ли сѧ сүть всѧ прр̃къ прорѣченїа, аже ӕвѣ реченнаа ѡ хв; ісаїа бо сказаеть рожство его ѿ дв̃ы, гл̃а сице· се дв̃ла въ чревѣ прїиметь, и родить сн̃ъ, и нарекоуть има емү еммануъ-

лъ, еже есть сказаемо, с нами бгъ. а михїа рече· и ты, виѳлїеме, земле іюдова, инчим же менши бывая въ владыкахъ іюдовахъ. ис тебе бо ми изыдеть игоумень, иже оупасеть люди моя излю. исходи его искони ѿ дни вѣка, сего ради дасть я до времени раждающиа, и родить. іеремїа же· просите, и видите, аще роди моужьскь полъ, яко велїи той днь, яко же инъ не бысть, и лѣто тѣсно будеть іаковоу, и ѿ сего спсется. ісаїа рече· преже даже болящїя не родить, и преже даже не прїиде рождство, болѣзнь избѣжа, и роди мужьскь полъ. пакы же іоудеи рѣша· мы есмы ѿ сима благословеное сѣмя, и блгословени ѿцемь нашимь ноемъ, вы же нѣсте. сказав же имь ѡ семь, рече· блгословенїе ѡца вашего ино нитто же нѣ, токмо хвала бгу, оного же нито же оубо не идеть. се бо есть· блвень гь бгъ симовь. а ко афету гла, ѿ него же мы есмь· да пространить бгъ афета, да ся вселить в села симова. и ѿ прркь же и ѿ инѣхъ книгь сказая, не ѡстави ихъ, дондеже рѣша сами· яко тако есть, яко же глеши. рѣша же пакы· како вы, оупованїе имуще на члка, творитеся блгословени быти, а книгы прокляниають таковаго; ѿвѣща философь· то проклять ли есть двъ, или блгословень; и рѣша они· зѣло блвнъ. философь же рече· то и мы на того оупоаемь, на него і ѡнь. рече бо въ псалмѣхъ· ибо члкь мира моего, на нь же оуповахъ. и человѣкь же той хъ есть и бгъ. а иже оуповаеть на простъ члкь, то и мы того проклята творимъ. пакы иноу притчю предложиша, глюще· како вы, христїане, ѡбрѣзанїе ѿметаете, а хъ не ѿврьгьшю его, но по законоу кончавшю; ѿвѣща философь· иже бо рече прьвое къ авраамоу· се буди знаменїе межу тобою и мною, тъ е сверши пришедъ, и ѿ того дрьжавше до сего, а прочее не дасть имь мимо ити, но кршенїе намъ дасть. рѣша же ѡни· по что ради инїи прьвїи оугодиша бгу, того знаменїя не прїимше, но авраамле; ѿвѣща философь· ни который бо ѿ тѣхъ является, двѡю женоу имѣвь, но токмо авраамъ. и сего ради оуда того рѣзаеть, предѣлъ дая не прѣстоупати емоу дале, но по прьвомоу сврьстїю адамовоу, образъ дая прочимъ в томъ ходити. іаковоу бо тако же сътвори, оутрапль жилоу стегна его, зане

четыри жены поѧтъ. разумѣвше же вину, еаже ради то ему сътвори, нарече имѧ ему изль, сирѣчь, оузра бга. к тому бо не ѧвлѧетсѧ, примѣшь к женѣ. авраамь же того не разумѣ. пакы же въпросиша іюдеи· како вы идоломъ сѧ кланѧете, творитесѧ бгоу оугождати; ѿвѣща философъ· перьвое сѧ наоучите раздѣлати имена, что есть икона, и что есть идолъ, и тако смотрѧще, не поступати на христїаны. десѧть бо имень вь вашемь ѧзыцѣ ѡ семъ ѡбразѣ лежить. въпрошу оубо вы и азъ· ѡбразъ ли скинїѧ, юже видѣ в горѣ моусѣи и изнесе и, ли ѡбразъ ѡбраза и художьствїемъ сдѣла, прикладомь ѡбраза, клины, и оусмы, и сърьстьми, и херувимъ израдны. понеже тако сътвори, наречемь ли вы того ради древомъ, і оусмо, и сърстемъ честь творити и кланѧтисѧ, а не бгу, давшему к то времѧ такь ѡбразъ; тако же і ѡ соломони црькви, понеже иконы херувимьскы і аггльскы и инѣхъ многыхъ ѡбразы имѣаше. тако же оубо и мы, христїани, оугождьшихъ бгоу творѧще ѡбразъ честь дѣемъ, ѿдѣлающе доброе ѿ дѣмоньскыхь ѡбразъ, хулать книгы жрущаа сыны своѧ и дщери своѧ. рѣша же пакы іоудеи· како вы, свинину и заѧчину ѧдуще, не противитесѧ бгу; ѿвѣща же к нимъ· прьвому завѣтоу, заповѣдающю всѧ снѣсти, ѧко зелїе травное. всѧ бо чистымъ чиста суть, и скверныимъ и свѣсть сѧ есть ѡсквернила. и бгъ бо въ твари глеть· се всѧ добра ѕѣло. вашего ради лакомїа мало іетеро ѿ них ѿѧть. снѣсть бо, рече іаковь; и насытисѧ, и ѿврьжесѧ възлюбленны. и паки· сѣдоша людїе ѧсти и пити, и вьсташа игра. ѿ многа же се мы избравше, в малѣ положихомъ и селико, памѧти ради, а иже хощеть совершеныхъ бесѣдъ сихь и истыихъ искати, въ книгахъ его ѡбрѧщеть а, еже преложи оучитель нашь и архїепкпъ мефодїи, раздѣлї е на ѡсмъ словесъ, и тоу оузри словесную силу ѿ бжїѧ блгодати, ѧко и пламень палѧющь на противныѧ. си же всѧ каганъ козарьскь с началныими мужи сладкаѧ его и подобнаѧ словеса слышавше, рѣша к нему· бгомъ еси само посланъ на съзанїе наше, всѧ книгы ѿ него навыкь, все еси по чину глъ, досыти насладь всѧ медвеными словесы стыхъ книгъ. но мы есмы не книжна чѧ. семоу же вѣроу имемь, ѧко се тако еси ѿ бга. паче же

аще хощеши покои обрѣсти дшамь нашимь, всако исправль, притъчами скажи намъ по чиноу, его же та въпрашаемь. тако же разыдошаса поучить.

Събравше же са въ другыи днь, рѣша же емү, глюще· скажи намъ, честныи мүжю, притчами и оумомъ вѣроу, ака же есть лүчши всѣхъ; и отвѣща к нимь философь· малъжена два бѣста оу цра етера въ чти велицѣ и любима зѣло. съгрѣшьшема има, изъгнавъ а, из земла посла. живүщема же има многа лѣта тамо, дѣти сътвориста в нищетѣ. събирающа же са дѣти к себѣ, съвѣтъ творахоу, кымь са путемь пакы вмѣстити в прьвыи чинь. ов же ихъ снце, ов же инако, а другыи другоако съвѣтъ дѣаше. которомү оубо съвѣтү достоить стоати, не добрѣишемү ли; рекоша оньи· что ради снце глеши; свои бо кождо свѣтъ добреи творитъ иного, июдеи же свои добрѣ творатъ иного, и инїи инъ. скажи же, чимъ разоумѣемь добрѣи от сихъ; рече же философь· огнь искүшаетъ злато и сребро, а члкь оумомь отсѣкаетъ лжю от истинны. рцѣте же ми· от чего бысть прьвое паденїе, не от виденїа ли, и плода сладкаго, и похоти на бжество; они же рѣша· тако есть та. филоософь же рече· то аще комү боудеть накость, медъ адъшю, ли студенү водү пившю, пришедь врачь, глеть емү· еще ме многь испи, а иже бүде водү пилъ, томү глеть· студены воды напїиса, нагь на морозѣ ставъ, исцѣлѣеши. дроугыи же врачь не тако глеть, но противно бальство заповѣдаетъ, в медү мѣсто грькое пїюще, противитиса, а вь студеное мѣсто теплое, грѣющеса, которы оубо от обою хитрѣе оурачюе; отвѣщаша вси· иже противнаа бальства заповѣдаетъ. горестїю бо паче житїа сего похотнүю сладость достоить оумрьтвити и смиренїемь грьдость, а противными противнаа врачююще. и мы оубо глемъ, ако дрѣво, иже прьвое трьнь сътворить, то после сладокь плодъ приносить. пакы отвѣща философь· добрѣ рекосте. хсъ бо законь острот ꙗвлаетъ бжїа житїа, потом же въ вѣчныхъ жилищихъ стократицею плодъ приносить. едни же от нихъ съвѣтникь, срачиньскү злобү всю добрѣ вѣдыи, въпроси философа· рцы ми, гости, како вы махмета не дрьжите; тои бо есть велми хса похва-

лилъ въ своихъ книгахъ, гл҃а, ӕко ѿ дв҃ы есть родилъса, сестры моусиовы, пр҇ркь велїи, мрьтвыа въскрешалъ и всакꙋ ӕзю испѣлилъ силою велиею. ѿвѣща философь к немꙋ· да сꙋдить насъ каганъ. гл҃и же· аще есть пр҇ркь махметь, како име данїилꙋ вѣрꙋ; он бо рече· до х҃а всако видѣнїе и пр҇рчьство престанеть. тои же по х҃ѣ ӕвльса, како можеть пр҇ркь быти; аще бо того пр҇рка наречемь, то даниила ѿврьжемь. рѣша же мнѡзи ѿ нихъ· данїилъ бо есть г҃лъ бж҃їимъ дх҃омъ, махмета же вси вѣмь, ӕко ложь есть и пагꙋбникь сп҃сенїю всѣхь, еже есть добрѣишаа влади своа на злобꙋ и стꙋдодѣанїе изъблалъ. рече же прьвыи съвѣтникь ѿ нихъ къ прїателемь жидовьскымь· бж҃їею помощїю гость сеи всю грьдиню срачиньскꙋю на землю сврьже, а вашю на ѡнъ полъ покрьже, ӕко скверноу. рече же къ всѣмь людемь· ӕко же далъ ест б҃ъ власть надо всѣми ӕзыкы царю хр҇тїаньскꙋ и моудрость свршенꙋ, тако и вѣрꙋ к нихъ, и кромѣ еа никто же не можеть живота вѣчнаго жити. рече же философь къ всѣмъ со слезами· братїа, и ѡ҃ци, и дрꙋзи, и чада. се б҃ъ дасть всѣмъ разꙋмъ и ѿвѣтъ достоинъ. аще лї есть еще кто противаса, да препрьть, ли препрѣнъ бꙋдеть, иже послꙋшаетъ сего, да са прекреститъ въ има ст҃ыа тр҃ца, иже ли не хощеть, азъ кромѣ есм всакаго грѣха, а онъ оузритъ въ дн҃ь сꙋдныи, егда садеть сꙋдити ветхыи дн҃ьми, и соудити всѣмъ ӕзыкомь, ӕко б҃ъ. ѿвѣщаша же ѡни· нѣсмь мы себѣ врази, но по малꙋ и иже можеть, тако велимь, да са крестить волею, иже хощеть ѿ сего дн҃е, а иже ѿ насъ на запа клананаеса, ли жидовьскы м҃лтвы творитъ, ли срачиньскꙋ вѣрꙋ дрьжить, скоро смрьть прїиметь ѿ насъ. и тако разыдошаса с радостїю. крести же са ѿ сихь до двѣ стѣ чади, ѿвергьшеса мрьзости поганьскихъ и женитвъ безаконныхъ. написа же къ ц҃рю книгы каганъ сицевы· ӕко послалъ еси, влко, мꙋжа такого, иже сказа христїаньскꙋю вѣрꙋ словомь и вещьми ст҃ꙋю тр҃цю, и извѣщьшеса, ӕко тѣ есть истаа вѣра, повелѣхомь крестити са своею волею, надѣющеса и мы доспѣти того же. есмь же мы дрꙋзи и прїатели твоемꙋ ц҃рьствꙋ и готови на слоужбꙋ твою, амо же требꙋеши. провожаа же философа ка-

гань, да ѥмоу дары мнωгы, но не прїатъ ихъ, гла· даждь ми, єлико имаши плєнникь грѣкь сдѣ, и то ми ѥсть боле всѣхъ даровь. събравше же ихъ до .к., даша ѥму, и иде в путь свои, радуася.

Доидедь безводень мѣсть пусть, жажда не можахоу трьпѣти. ωбрѣтши же во слатнѣ водицю, не можаху ѿ неа пити. баше бо ако и зольчь. разшедшем же са имь всѣмь искать воды, рече к мефодїю, брату своему· не трьпаю оуже жажда, да почерпи оуже воды сеа. иже прьвое преложи иїльтомь горкую воду во сладьку, тои имать и намъ оутѣху сътворити. почрьпьша же, ωбрѣте ю сладку, ако и медвену, и студену, и пивша, прослависта бга, творащаго таковаа своимъ рабомъ. в херсонѣ же, вечерая съ архиепкопомь, рече философь·... въ истиннѹ ѿ на ωидеть оутрѣе къ гу, ωставль мы. еже и бысть, словеси сбывшуса. бысть же въ фильстѣ азыцѣ дубь велїи, срослъса с черьшнею, под нимь требы дѣаху, нарицающе именемь александръ, женьску полу не дадуще приступати къ нему и къ требамь ѥго. оуслышавь же то философь, не лѣнися трудити до нихъ, и ставь посредѣ ихъ, гла к нимъ· еллини суть в вѣчную муку шли, кланавшеса нбу и земли, ако бгу, такои величѣи и добрѣи твари. то ли вы, иже древоу кланаетеса, хоудѣи вещи, еже ѥсть готово на огнь, како имате избыти ѿ вѣчнаго огна; ωвѣщаша ωни· мы сего нѣсмь начали ѿ нѣ творити, но ѿ оцъ ѥсмь прїали, и ѿ того ωбрѣтаемъ вса прошенїа наша, дождь же наипаче и ина мнωга. и како се мы сътворимь, ѥго же нѣсть дрьзнулъ никто же ѿ насъ створити; аще бо и дрьзнеть кто се ѿ насъ створити, тогда же и смрьть оузрить, и не имать к тому дожда до конца. ωвѣща к нимь философь· бгъ ω васъ въ книгахь глеть, а вы како са ѥго ωмещете; ісаїа бо ѿ лица бжїа въпїетъ, гла· граду азъ събрати племена и вса азыкы, и прїидуть и оузрать славу мою, и оставлю на нихъ знаменїе, и послю ѿ нихъ спсенїе въ азыки, в тарсись, и фуль, и лоудъ, и мосохь, и фовель, и въ еладу, и въ ωтокы далнаа, иже не су слышали имени моего, и възвѣстать славу мою въ азыцѣхъ, глеть гь вседержитель. и пакы· се азъ послю рыбитвы и ловца многы, и ѿ хлм. и ѿ скаль

каменныхъ изловат вы. познаите бга, сътворшаго вы. се еѵалїе новаго завѣта бжїа, вън же есте кртили. и тако сладкыми словесы оуглавь, повелѣ имь посещи древо и съжещи е. поклон же сѧ старѣишина ихъ, ше, лобза еѵалїе, такожe и вси, и свѣща бѣлы прїимше ѿ философа, поюще, идоша къ древу, и вземь секиру, тридеса и три краты оудари, и повелѣ всѣмь сѣщи, и искоренити е і съжещи. в ту же нощь дождь абїе бысть ѿ бга, и с радостїю же великою похвалиша бга, и веселиса бгъ ѡ семъ зѣло.

Философь же иде въ црьгра, и видѣвъ цра, живаше без молъвы, бга молѧ, въ црькви стыхь апл сѣда. есть же въ стѣи софїи потирь ѿ драгаго камени, соломона дѣла, на нем же суть писмены жидѡвьскы и самараньскы, грани написаны, их же не можаше никто же поуести, ни сказати. взем же философь, поуте и сказа. есть же сице· уаша моа, прорицай, доньдеже звѣзда, в пико буди, господи, первенцю, бдащю нощїю. по сем же другыи грань· на вкушенїе господне, сътворено древа иного, пїи и оупїиса веселиемь, въспїи аллуїа. и по семъ третїи грань· и се кнѧзь, и оузрить вcѣ снемь славу его, и двдъ црь посредѣ ихъ. и по семь уисло написано девать сотъ и деватеро. расует же е по тонку философь, ѡбрѣте ѿ втораго на десат лѣта црьства соломона до црьства хва девать сотъ и девать лѣтъ. и се есть прруьство ѡ хѣ.

Веселащюса философоу ѡ господи, пакы дроугаа рѣуь прїиде и трудъ не мнїи прьвыхъ. растиславъ бо, моравьскыи кнѧзь, бгомъ оустимь, съвѣтъ сътвори съ кнѧзи своими и моравланы, посла къ црю михаилу, гла· людемь поганьства ѿверьгшемса и по християньскѣ са законъ дрьжащимъ, оуyитела не имамь такого, иже бы ны въ свои азыкь истую вѣру християньскую сказалъ, да са бyша ины страны, того зраще, подобни намъ, то посли ны, влко, еппь и оуyитель такь. ѿ васъ бо на вса страны всегда добрыи законъ исходить. събрав же съборъ црь, призва костантина философа и сътвори слышати рѣуь сїю, и реуе· вѣмь та трудень сущь, философе, но потрѣба есть тобѣ тамо ити. сеѧ бо рѣуи не может никто же инь исправити, ако же ты. ѿвѣща же философь·

и трудень сын, и болень тѣломь, ра̑ идоу тамо, аще имоуть букьви въ ѧзыкь свои. гла к немоу црь· дѣдъ мои, и ѿць мои, и инїи мнози, изискавше того, не соуть и обрѣли. како могоу азъ обрѣсти; философь рече· то кто можеть на водоу бесѣдоу исписати; или еретическо има себѣ изобрести; ѿвѣща емоу пакы црь с вардою, оуемь своимь· аще ты хощеши, то можеть тобѣ бгъ дати, иже даетъ всѣмъ, иже проситъ несумненїемь, и ѿврьзаетъ тлъкоущимь. шедъ же философь, по прьвомоу обычаю на млтвоу и съ инѣми поспѣшникы. вскорѣ же ѧви емоу бгъ вса, послоуша млтвы своихъ рабь, и положь писмена, писаше бесѣдоу еѵальскую· искони бѣ слово, и слово бѣ ѿ бга, и бгъ бѣ слово, и прочее. възвеселився црь, и бга прослави съ своими съвѣтникы, и посла съ дары, писавь епистолїю къ црю сицевоу· бгъ велить всакомоу в разоумь истинныи прїити и на болши са чинъ стажаль, видѣвь вѣру твою и подвигь, сътвори и нынѣ, в наша лѣта, ѧвль боукви к вашь ѧзыкь, да вы причтетеса великыхь ѧзыцѣхь, иже има славать и. и послахом ту, емоу же бгъ ѧви, мужа честна, и бговѣрна, философа книжна зѣло. прїимь дары чтнѣе всакого злата и сребра и камени драгаго, и поиди с нимь и спѣшно оутверди рѣчь, и взиски бга... но вса подвигни не лѣнитиса, да и ты, приведъ а подвиго своим въ бжїи разоумь, прїимеши мьзу в сеи вѣкь и в будущїи...

Въскорѣ же вс црьковныи чинъ преложь, наоучи а оутрении, вечерьнїи, павечерницы и таинѣи служьбѣ. и ѿврьзошаса, по пророчьскомоу словеси, оушеса глоухи оуслышать книжнаа словеса. растущю бжїю оученїю, злыи и завистивыи исперва дїаволъ, не стерпа сего добра, но вьшедъ въ своа сосоуды, нача вздвизати, гла· не славитса бгъ о семь. аще бы емоу сице годѣ было, не бы ли моглъ сътворити, да быша испрьва, писанїа пишюще, бесѣды своими славили бга; но три ѧзыкы избралъ, еврейскы, греческы, латинскы, ими же достоить славоу бгу въздати. бѣша се глюще латиньстїи архїереи, їереи, оученицы. не токмо же се едино глюще, но иномоу бещинїю оучаще... прркоу глющю о семъ· пожри бгу жрьтвоу хвалнѣ, и въздажь вышнемоу обѣты твоа. жены же юности

твоеѧ не ѿпусти. аще бо ю, възненавидѣвь, ѿпоустиши, не покрыеть нечесть похоти твоеѧ, глеть гь вседръжитель. схраните-са духомь вашимь, и да не оставить кождо жены юности своеѧ. и сихъ не всѣхъ творасте, ѧко бгъ свѣдительствова... и въ еуалїи глеть гь· слышасте реченное древнимъ· не сътвориши прелюбы. азъ же глю вамъ, ѧко всѧкь, иже възрить на женоу похотити ей, оуже прелюбы есть сътворилъ срцемь своимь. и пакы· глю вамъ, ѧко иже пустить женоу свою, развѣ словесе любодѣинаго, творить ю прелюбы дѣати, и иже ѿпущенную ѿ моужа поиметь, прелюбы дѣеть. апль рече· бгъ сучетаеть члкомъ, не разлоучаеть члкь. .м. мць сътворь в моравѣ, иде стити оучникь своихъ. прїатъ же и идущь кнѧзь паноньскь, словеньскы боукви възлюби и наоучиса имь, и вда .н. оучникь оучитиса имь, и честь емоу сътворь, мимо проводи и. не взѧтъ же ни злата, ни сребра ѿ обою, ни иноѧ вещи положъ еуальское слово беспльща, но токмо плѣнникь испрошь, ѿ обою десѧть сотъ, ѿпоусти и.

Въ натьцѣхъ бывшю ему, събрашаса на нь латиньстии еппи, и попове, и чрьньцы, и възвигоша триѧзычную ересь, глюще· члче, скажи намь, како еси сътворилъ словеньскы книгы, оучиши а, их же есть никто же изоѡбрѣлъ, ни апли, ни римьскыи папа. мы же три ѧзыки токмо вѣмы, ими же есть славити бга, еврея, еллины, латины; ѿвѣща философь к нимь· не идеть ли дождь ѿ бга равно на вся, ли слнце такожде не сїаеть ли, ни ли дыхаемь на аерь вся; то каковы са не стыдите, три ѧзыкы токмо мнѧще, а проучимь ѧзыкомь и племеномъ слѣпымъ велѧще быти и глоухымъ, скажите ми, бга творѧще немощна, ѧко не могуща сего дати; мы же многы роды знаемь книгы оумѣюща и бгоу славоу въздающа своимь ѧзыкомь кождо. ѧвѣ же си соуть· армени, прьси, авазгы, ивери, сигды, гоѳи, ѡбри, тоурси, козаре, аравлане, египте, сури и инїи мнози. аще не хощете ѡтъ сихъ разоумѣти, поне ѿтъ книгъ познаите судїю. двдъ бо въпїеть, гла· поите гви вся земля, поите бгу пѣснь новоу. и пакы· въскликните бгу вся земля, поите и въспоите. и пакы· вся земля да поклонитса и поеть, да поють

же имѧ твое, вышнїи. и пакы· хвалите г҃а вси ѧзыци, и похвалите его вси людїе. и· всѧко дыханїе да хвалить г҃а. въ еѵ҃алїи г҃леть· елико их прїало есть, дана быс҃т вса власть на н҃бсе и на земли, и прочее... а маркь· шедше в миръ проповѣдите еѵ҃алїе всеи твари. тако и то прочее. г҃леть же и к вамъ· горе вамь, книгчиѧ и фарисеи лицемѣри, ѧко затворѧете ц҃рьство н҃бное пре ч҃лкы. и вы бо не входите, и хотѧщихь внити не ѡставите внити. къ коринфеѡмь павелъ рече· хощю, да ѧзыкы г҃лете, или прорицаете. болїи оубо прорицаѧ, неже г҃ла ѧзыкы, развѣ аще сказаеть, да ц҃ркви създанїе прїиметь. н҃нѣ, братїе, аще прїиду к вамь, ѧзыкы г҃ла, кую вы пльзу сътворю, аще вы не възг҃лю или ѿкровенїемь, или разумомъ, или пророчьствомь, ли оучєнїемь; ѡбаче бездушнаа, гласъ дающа, аще ли пищали, аще гусли, аще разньствїа пискомь не дасте, како разоумѣется пищемое, ли гудомое; аще безвѣстенъ глас труба даст, кто готовь на брань; тако вы, аще неразумна словеса дасте ѧзыкомь, како разумно будеть г҃лемое; боудете бо въ аеръ г҃люще. толико, аще са ключить, родъ гласныихъ, ѧко въ всемь мирѣ, ни единъ же их без гласа. аще не вѣмь силы гласоу, то буду г҃лющоу ми варвар, и г҃лаи мнѣ варварь. тако и вы, понеже ревнителе есте д҃ховнымъ, къ созданїю ц҃рькве просите, да вы избыкаеть. тѣмже, г҃лаи ѧзыкомъ, да молитса, да сказоуеть. аще м҃лтвоу дѣю ѧзыкомъ, то д҃хь молитса, а оумь бес плода есть. что оубо есть; помолю г҃ви д҃хомь, помолюса и оумомь, спою д҃хомь, спою же и оумомъ. аще бл҃гословиши д҃хомь, исплънаан мѣсто неразумнаго, како речеть, аминь, по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что г҃леши; ты оубо добрѣ хвалиши, но другыи не зиждетса. хвалю б҃га моего, всѣхъ васъ паче ѧзыки г҃ла, но въ ц҃ркви хощю пать словесъ оумомъ моимъ г҃лати, да ины наоучю, неже тму словесь ѧзыком. братїе, не дѣти бываите оумомъ, но злобою младеньствоуите, а оумы свршени будете. в законѣ пишеть· ѧко иноѧзычникы и оустнами инѣми възг҃лють людемь си, и тако не послушають мене, г҃леть г҃ь. тѣмь ѧзыци въ знаменїе суть не вѣрнымъ, но невѣрнымъ, а пророчьство не невѣрнымъ, но вѣ-

рүкщимь. аще снидется ц҃ркви вса вкоупѣ, и вси г҃лють ӕзыкы, внидет же неразоумивь, или невѣренъ, не речеть ли, ӕко зол҃ъ са дѣете; аще вси пр҃рчествүють, вънидеть же етеръ невѣренъ, ли неразоумивъ, ѡбличаетъ са всѣми, въстрѣзаетъ са ѿ всѣхъ, таина ср҃ца его ӕвѣ суть, и падеть ниць, и поклонится б҃гоу, повѣдаа, въ истиноу б҃гъ въ вас есть. что оубо, братїе, есть; ег҃а сходитеса, кождо васъ псаломь имать, оученїе имать, ӕвленїе имать, ӕзыкь имать, сказанїе имать. вса к созданїю да бываетъ. аще ӕзыкомь кто г҃леть, по двѣма, ли зѣло по треимь, и по части, едн да сказаеть. аще нѣсть г҃льника, да млъчить въ ц҃ркви, себѣ г҃ать и б҃гоу. пр҃рцы же два, ли три, да г҃лють, а дроузїи сказають. аще иномү ӕвитса сѣдащю, прьвы да молчить. можете вси по единомоу пр҃рчьствовати, да вси оучатса и вси оутѣшаютса. и доуси пр҃рчьсти пр҃ркомъ повинуютса. нѣсть бо нестроенїю б҃гъ, но мироу.... г҃на заповѣдь есть. аще кто не разумѣеть, да не разумѣваеть. тѣмже, братїе, ревноуите прорицанїю, и не браните г҃лати ӕзыкы. вса же благовѣрно и по чиноу да бываеть. и паки г҃леть· всь ӕзыкь исповѣсть, ӕко г҃дь і҃с х҃ъ въ славу б҃гү ѡ҃цоу. аминь. сими же словесы посрамль а҃, ѡстави.

Оувидѣв же римьскыи папа, посла по нь, и дошедшу емоу рима, изыде самь ап҃льникь андрїанъ съ всѣми граждани и свѣщи носаще, оувидѣвь, ӕко ст҃го климента мощи несет, м҃ченика и папы римьска. і авїе б҃гъ твораше чюдеса. ѡслабленъ исцѣли, и ини мнози различны недоугы исцѣлиша. и принимъ папа книгы роускы, ст҃и, положьше а҃ въ ц҃ркви ст҃ыа м҃рїа, аже са нарицеть фатнь, пѣша над ними литүргїю. и по семь повелѣ папа двѣма еп҃копама, фоүрмосү и гондрихү, ст҃ити рускыа оученикы, и ӕко а ст҃иша, пѣша литүргїю оу ст҃го петра роускы, и ѿтүдү пакы оу великаго оучитела, павла ап҃ла, въ церкви пѣвше литүргїю на гробом, имоуще на помощь арсенїа епископа, единого ѿ седми еп҃кпь. философь сь своими оученикы не престааше, хвалу б҃гү въздаа. римлане же беспрестани идахү к немоу, въпрашаюше его на все, и сказанїе соугоубь прїимахоу ѿ него. жидовинъ же етеръ

тако приходѧ и стазааса с ни, и рече ємоу єдиною· нѣсть оуже пришелъ хс по числоу лѣтномоу, о немж прркь глеть, ꙗко ѿ двы родиться. почте ємоу философъ вса лѣта ѿ адама по родомь, сказа ємоу по тонку, ꙗко пришелъ єсть, и селико лѣтъ єсть ѿтолѣ до нинѣ, и наоучивь, ѿпоусти и.

Постигшии же многымь трудомь, в болесть впаде, и не трьпѧщоу ємоу, нача пѣти сице· ѿ рекьшихь мнѣ, идемь въ дворы гнѧ, възвеселиса дхъ мои и ѡбрадоваса срце. и ѡблѣкь же сѧ в ризы своѧ честныѧ, тако пребысть днь, веселаса и гла· ѿселе нѣсмь црю слоуга, ни иномоу никомоуже на земли, но токмо бгу вседрьжителю. въ оутрїи днь въ стыи инишьскыи ѡбразъ ѡблѣкь сѧ и кь свѣту свѣтъ прїимъ, има си нарече кѵрилъ. в томь же ѡбразѣ .н. днїи пребысть, і ꙗко приближи годнна, да покои прїимь, престависа на вѣчнаѧ жилища, въздвигь къ бгоу руцѣ свои, и сътвори млтвоу, съ слезами гла· гн бже мои, иже єси аггльскыѧ чины и бесплотныѧ силы съставилъ, и нбо распнь, землю ѡсновалъ, и вса соущаѧ ѿ небытїа в бытїе привелъ, иже єси всегда послоушалъ творѧщихь волю твою, боѧщихса тебе и хранѧщихь заповѣди твоѧ, послоушаи моеа млтвы, и вѣрное стадо свое съхрани, ємоуже ма приставилъ недостоинаго раба твоего, избави ѿ всакыѧ поганьскыѧ злобы и ѿ многорѣчиваго и хульнаго ꙗзыка, глющіа на та хулоу, и погуби трнꙗзычноую ересь, и възрасти црьковь свою множествомь, и вса въ єдинодшьи съвъкупль, сътвори изрядны люди, єдиномыслѧщѧ о истиннѣ вѣрѣ твоеи и правѣ исповѣданїи, вдохни же въ срца ихь слово твоего оученїа. твои бо єсть даръ. аще ны єси прилъ недостоиныѧ на проповѣданїе єѵалїа хва твоего, ѡстращаса на блгаѧ дѣла, творѧщаа оугодна тебѣ, ꙗже ми бѣ далъ, ꙗко твоѧ, и тебѣ предаю ꙗ. оустрои ꙗ силною твоєю десницею, покрывая покровомь крилу твоєю, да вси та хвалать и славать има ѡца и сна и стго дха. лобзавъ же стымъ лобзанїємь, рече· блвенъ бгъ, иже не дасть насъ в ловитву зубомь невидимыхъ врагъ, но сѣть и съкроуши, избави ны ѿ истлѣнныхъ. и тако почи ѿ гдн, сыи .м. и двѣма лѣтома, въ .дї. день мца

Стран.	Строк.	
272,	25.	ѡ҆въ, ѡвъ ѿ сего вм. ѡвъ ѿ сего, ѡ҆въ.
—	27.	ѡ҆стависте вм. ѡ҆ста́вите.
273,	1.	нашего вм. ва́шего.
—	2.	сьи вм. се.
—	5.	не ѡ҆ста́вихъ вм. не ѡ҆ста́ви ихь.
—	12.	прокли́та вм. прокла́та.
—	26.	е҆̀й сверши́ть вм. е҆̀ сверши́.
—	29.	а҆враа́мъ вм. а҆враа́мле.
274,	3.	и҆́же вм. же.
—	4.	оу҆гаждати вм. оу҆гождати.
—	5.	раздѣла́ти вм. раздѣла́ти.
—	8.	Проп. моѵсѣи̑.
—	—	и҆̀ и҆́зъ не сеи ли вм. и҆̀ и҆́зиссе и.
—	4.	све́рьстьми вм. сьрьстьми.
—	15.	твора́ще че́сть дѣ́емъ. о҆́бразъ вм. твора́ще о҆́бразъ, че́сть дѣ̀емъ.
—	12.	ѿвѣща́ша вм. ѿвѣща́ же.
—	22.	Проп. и передъ насытися.
—	26.	прилижи вм. преложи.
—	32.	наслаждься вм. насладь вса.
275,	5.	а҆́ко же вм. а́ка же.
—	10.	к путь вм. путемь.
—	—	Проп. въ передъ прьвыи.
—	14.	кымъ вм. чымъ.
—	21.	напилъса.... и҆сталѣ̀ши вм. напїнса... и҆сцѣлѣеши.
—	26.	Проп. достоить.
—	28.	гл҃юще вм. гл҃емъ.
276,	5.	предьста́неть вм. преста́неть.
—	11.	по бж҃і́ею вм. бж҃і́ею.
—	17.	ѿ вм. ѿвѣтъ.
—	18.	а҆́ще вм. е҆́ще.
—	—	препрѣлъ вм. препрѣнъ.
—	24.	васъ вм. насъ.
—	27.	о҆́ вм. ѿ.
—	30.	Проп. и передь и҆звѣщьшеса.
—	—	и҆ст҃аа вм. и҆стаа,

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
258,	6.	нашь вм. на.
—	9.	Проп. своа.
—	13.	мои вм. нашь.
259,	32.	глумленіемь вм. глумленіе.
260,	1.	Проп. и передъ въ.
—	4.	оуловити вм. оулови.
—	7.	иду вм. иму.
—	10.	написавь вм. написа.
—	15.	и такаго вм. и тако его.
—	17.	оученіе вм. оуныніе.
—	18.	имѣа вм. оумѣа.
—	19.	Пропускъ.
—	26.	Проп. и передъ прилѣжнѣмь.
—	31.	тварію вм. тварьми.
—	33.	оудобно вм. оугодно.
261,	4.	ѿ лва вм. оу лва.
—	8.	единь вм. едино.
—	12.	Проп. и помышлаше.
—	13.	его вм. сего; проп. и.
—	17.	Проп. и... разумъ.
—	20.	Проп. и передъ велiи.
—	31.	събра вм. събравъ.
—	33.	оунынине вм. оуныи не.

Стран.	Строк.	
262,	3.	с нимь добыкъ вм. с ними побы́къ.
—	20.	на въ̓нину вм. на ко̓нину; и ниже также.
—	33.	бүдүть вм. бүдеть.
263,	7.	не кла́наѐтсса вм. кла́наѐтеса.
—	11.	ѡпрѣти вм. ѿтпрѣти.
—	12.	Кой и̓х же вм. По сих же.
—	14.	мѣна́юще вм. мѣна́ще.
—	—	Проп. ѡ̓ц҃ь и̓.
—	24.	Проп. ѿвѣща, радъ.
—	27.	Пропускъ.
264,	11.	Проп. вь.
—	16.	Проп. и передъ похоти.
—	17.	Ӕ̓ко вм. то.
—	18.	ташкое вм. тажкое.
—	21.	и̓же вм. еи̓ же.
—	23.	вь вм. вы.
—	27.	добри вм. добрѣ.
—	31.	вашь вм. нашь.
—	32.	сътворю вм. творю.
—	—	пораждены вм. поражены.
265,	7.	ӕ̓ко же вм ӕ̓ко, и̓же.
—	12.	ꙁа ны вм. и̓ны.
—	18.	въпрашати вм. съвратить.
—	30.	твораше вм. творащe.
266,	2.	а̓рменїино вм. а̓мерменїино.
—	4.	сътьнъ е̓же вм. сътьнѣе̓ же.
—	16.	Проп. моүжь.
—	17.	въꙁдавь вм. въꙁда.
—	22.	оүстоаще вм. оу̓стать.
—	24.	стажа́ть вм. тажа́ть.
—	33,	ради вм. радъ.
267,	1.	ѿвѣща́вь вм. ѿвѣща.
—	9.	Проп. прїимъ.
—	11.	вѣроүе̓ть вм. вѣроүю̓ть.
—	19.	Проп. и̓ передъ и̓ꙁнести.

Стран.	Строк.	
267,	21.	оу҆тѣшьщюсѧ вм. оу҆тишьшюсѧ.
—	27.	предло́ждь вм. предложь.
268,	22.	дѣдинаа ѵа́сти не достигъ дре́вьнаа ї҆иоа вм. дѣдинаа ѵасти ї҆ща дре́внаа, не достигь ї҆ноа.
—	27.	Проп. вса сила ихъ стоитъ. и҆ ѿ.
—	28.	гл҃юще вм. гл҃етъ,
	33.	волею вм. болѣе.
269,	13.	древиїи же вм. неистови, и҆же.
—	18.	приложити вм. приложить.
—	19.	Проп. и҆ передъ ӑвит ли.
—	—	и҆стлѣвша вм. и҆сцѣлѣвша.
—	21.	ӑвла ны сѧ вм. ӑкла́и҆ ны сѧ.
—	27.	Проп. и҆же.
—	28.	си́х же вм. и҆х же.
—	32.	и҆аїи же вм. и҆же вы.
270,	6.	ꙁакона вм. ꙁаконъ.
—	7.	Проп. и҆.
—	14.	ꙁакона вм. ꙁаконъ.
—	10.	Проп. и҆ передъ възъгл҃еши.
—	13.	ꙁавѣтъ вм. ꙁавѣта.
—	28.	Проп. ї҆нъ.
271,	15.	Проп. въ.
—	17.	пасѵ́ще вм. пасѵ́щеи.
—	20.	скажѵ̑ вм. скажѵ.
—	21.	Проп. и҆.
—	22.	свѣсть вм. се вѣсть.
—	23.	оу҆ие вм. о҆ѵ҆.
—	28.	и҆ и҆ма вм. и҆ма.
—	32.	послѹ́шаи҆те вм. послѹ́шасте.
272,	4.	свѣтѣ вм. свѣтъ.
—	7.	и҆ ѻ҆́сль вм. ѻ҆́сль.
—	17.	то вм. кто.
—	—	ѿвѣщх вм. ѿвѣщаша.
—	18.	Проп. и҆ передъ ними.
—	—	пришедши вм. пришедша.

Стран.	Строк.	
272,	25.	ѡ҆въ, ѡвъ ѿ сего вм. ѡвъ ѿ сего, ѡ҆въ.
—	27.	ѡ҆стависте вм. ѡ҆ста́вите.
273,	1.	нашего вм. ва́шего.
—	2.	сьи вм. се.
—	5.	не ѡ҆ста́вихъ вм. не ѡ҆ста́ви ихь.
—	12.	прокли́та вм. прокла́та.
—	26.	е҆̀и҆ сверши́ть вм. е҆ сверши́.
—	29.	а҆враа́мъ вм. а҆враа́мле.
274,	3.	и҆же вм. же.
—	4.	оу҆гаждати вм. оу҆гождати.
—	5.	раздѣла́ти вм. раздѣла́ти.
—	8.	Проп. моѷсѣи҆.
—	—	и҆ и҆зъ не сеи ли вм. и҆ и҆знесе и.
—	4.	свéрьстьми вм. сьрьстьми.
—	15.	твора́ще ѵ҆éсть дѣѐмъ. ѻ҆́бразъ вм. твора́ще ѻ҆́бразъ, ѵ҆éсть дѣѐмъ.
—	12.	ѿвѣща́ша вм. ѿвѣща́ же.
—	22.	Проп. и передъ насытиса.
—	26.	прилоэи вм. прелоэи.
—	32.	наслаждьса вм. наслаждь вса.
275,	5.	ӑко же вм. ака же.
—	10.	к путь вм. путемь.
—	—	Проп. въ передъ прьвыи.
—	14.	кымъ вм. ѵымъ.
—	21.	папилъса.... и҆стлѣѐши вм. напінса... и҆сцѣлѣеши.
—	26.	Проп. достоить.
—	28.	глюще вм. глемъ.
276,	5.	предьста́неть вм. преста́неть.
—	11.	по бж҃іею вм. бж҃іе́ю.
—	17.	ѿ вм. ѿвѣтъ.
—	18.	ӑще вм. е҆̆ще.
—	—	препрѣлъ вм. препрѣнъ.
—	24.	васъ вм. насъ.
—	27.	ѻ҆ вм. ѿ.
—	30.	Проп. и передь и҆звѣщьшеса.
—	—	и҆стаа вм. истаа,

Стран.	Строк.	
276.	32.	ѝмъ вм. мы.
277,	6.	раждешéмжеся вм. разшедшем же ся.
—	12.	Пропускъ.
—	15.	Проп. къ нему.
—	19.	вещехъ вм. вещи.
278,	3	съждещи вм. съжещи, и ниже то же.
—	8.	веселáся бг҃ъ ѡ҆ всемъ вм. веселúся бг҃ъ ѡ҆ семъ.
—	12.	можда́ше вм. можа́ше.
—	23.	маровьскыи вм. моравьскыи.
—	26.	ѝ передъ оу҆чи́теля лишнее.
—	—	не ймать вм. не ймамь.
—	27.	Проп. къ.
—	—	ѝ ст҃ую вм. истую.
279,	5.	Проп. или.
—	6.	с правдою ѝ оу҆момъ вм. с кардою. оуемъ.
—	8.	Проп. же.
—	9.	Проп. же.
—	12.	Проп. и.
—	15.	тоу вм. твою.
—	—	нашь вм. вашь.
—	20.	Пропускъ.
—	—	не лѣнися вм. не лѣнитися
—	—	приведи вм. приведъ.
—	21.	Пропускъ.
—	22.	прилож̑ь вм. прележь.
—	24.	словеса вм. словеси.
—	25.	не стерпи́ть вм. не стерпя́.
—	26.	вꙁима́ти вм. вꙁдвиꙁа́ти.
—	27.	ѡ҆ всемь вм. ѡ҆ семь.
—	28.	пищюще вм. пишюще.
—	29.	Проп. гречески, латински.
—	30.	ѝм же вм. ѝми же.
—	32.	но ѝномоу бещи́ннoую́ще вм. но ѝ ѝномоу бещи́нїю оу҆чаще.
—	—	Пропускъ.
280,	4.	Пропускъ

бꙋрю, вздꙋ и вѣтръ и занесе, ѿрокъ же ѿ того во оуныние вна и в печаль, два дни не ѩсть. члколюбїемъ своимъ млтивый бгъ, не веля емоу привыкнꙋти житенскыи вещехъ, оудовь оулови, ти, ꙗко же оулови плакидоу в лѣвѣ еленемъ, тако и сего ꙗстребомъ. в себѣ же помышль житїа сего оутѣхꙋ, ѿкаяше, гла· таково ли есть житїе се, да в радости мѣсто печаль превываетъ; ѿ сего дне во инъ са пꙋть имꙋ, еже есть сего лꙋчши, а в молвѣ житїа сего свои дний не ижинꙋ. по оученїе са имъ, сѣдаше в домꙋ своемъ, оучаса изо оусть книгамъ стго григорїа бгослвца, и знаменїе кртное сотворь на стѣнѣ, и похвалꙋ написа стмꙋ григорїю сице· ѿ григорїе, тѣломъ чаче, дшею аггеле, ты тѣломъ члкъ сый, аггелъ ꙗвися. оуста во твоа, ꙗко единъ ѿ серафимъ, бга прославлꙗютъ и вселеннꙋю просвѣщаю правыа вѣры оученїемъ. тѣмже и мя, припадающа к тебѣ вѣрою и любовїю, прїими и бꙋди ми просвѣтитель и оучтль. тако вѣщаше. вшѐ же во многи беседы и оумъ велїи, не могїи разꙋмѣти глꙋбинъ, во оуныние велїе въпаде. страненъ же вѣ етеръ тꙋ, оумѣа граматикїю, и к немꙋ ше, молаше и на ногꙋ емꙋ падаа, вдаася емꙋ добрꙋ дни, наоучи ма хитрсти грамотичьстеи. ѿн же талантъ свои погребе, рече к семꙋ. ѿтроче, не тружайса, ѿрекъса есмь ѿтнинꙋ никогѡ не наоучити в моа дни семꙋ. пакы же ѿтрокъ со слезами кланяася емꙋ и гла· возми всю мою часть ѿ домꙋ ѿца моего, еже мене достоитъ, а наоучи ма. не хотѣвшꙋ послꙋшати, иде домовъ, и млтвꙋ превыкаше, дабы ѡбрѣлъ желанїе срца своего. слышав же црсвъ строитель, иже нарицаетса логофетъ, посла по нь, дабы са со црсвы оучилъ. ѿтрокъ же, оуслышавъ се, с радостїю пꙋти са ꙗ, и на пꙋти са поклонь, млтвꙋ сотвори, гла· бже ѿцъ нашй и гй млти, еже еси сотворь всачеськаа слово, прмростїю своею создавъ члка, да владѣетъ створенными тобою тварьми, дай же ми сѣдящꙋю воскрай твой престолъ премꙋдрость, да, разꙋмѣвъ, что есть оугодно тебѣ, спасꙋса. а во есмь рабъ твой и снъ рабыня твоеа. и въ семꙋ прочюю соломонию млтвꙋ изглавъ, въставъ, рече· аминь. егда прїиде во црюградꙋ, вдаша и оучтлемъ, да са оучитъ, и в три мцы навыкъ граматикїю,

Стран.	Строк.	
282,	15.	Пропускъ.
—	—	Проп. да не разумѣваеть.
—	17.	вса по́ униоу бо вѣрно да бываеть вм. вса же благовѣрно и по́ униоу да бываеть.
—	25.	ѐже есть нареуеть вм. ѧ̆же са нарнуеть.
—	28.	Проп. а.
—	30.	Лишнее стго передъ ӑрсеніа.
—	31.	свь вм. сь.
283,	8.	срцѣ вм. срце.
—	12.	свято вм. святъ.
—	13.	пребыниже вм. приблнжи.
—	18.	Проп. твою.
—	20.	пре́ставилъ вм. приставилъ.
—	—	иҙбавлаа вм. иҙбави.
—	21.	мнωгорѣуивыа вм. многорѣуиваго.
—	26.	бы вм. ны.
—	27.	ὠстра́щаа вм. ὠстра́щаса.
—	30.	лобҙа вм. лобҙаны
284,	7.	принесе вм. принесеть.
—	8.	и вложивый к ра́ку ҙаби вм. вложи́въ и в ра́ку, ҙабити
—	16.	есте вм. есть.
—	18.	ὠгвождьше вм. ὠгвождьше; и ниже.

ОПЕЧАТКИ.

279.	6.	каркдою вм. кардою.
—	32.	Проп. и передъ иномоу.
280,	12.	и вм. н.
283,	8.	срцѣ вм. срце.
284,	8.	вложивъ вм. вложивъ и.

на оуское море шє̑, таи скрыса в митріи. искаше же его .г҃. мцъ, едва ѡбрѣтоша. не могше же его оунудити на то же служеніе, оумолиша и оучительный столъ пріꙗти, оучити философіꙗ и тузємца и страныꙗ со всакою служьбою и помощію, и по то са ꙗтъ.

Бѣ же Анїи патрїархъ ересь водингаъ, гл҃а не творити чести ст҃ымъ иконамъ. собравше соборъ и ѡбличивше и, ꙗко неправо гл҃етъ, согнаша и со стола. ѡнъ же рече· насиліемъ ма согнаша и не прѣпрѣвше мене. не можетъ бо са никто противитиса словесемъ моимъ. цр҃ь же с патрикїи оустрои философа, посла на нь, рекъ тако· аще можеши юношу соперети, то паки стола свои прїимеши. ѡнъ же, оузрѣвъ философа оуна тѣломъ, и не видыи стара оума въ немъ и иже бѣаху с нимъ послании, рече къ нимъ· вы подножїꙗ моего нѣсте достоини, то како а хощу с вами прѣтиса; философъ к немоу рече· не людскаго ѡбычаꙗ держи, но бж҃їи заповѣден зри. ꙗко же бо еси ты ѿ земла, а дш҃а бг҃омъ наставлена, тако и мы вси, то, на землю зра, ч҃че, не гордиса. паки же Анїи ѿвѣща· неподобно есть в осень цвѣтца искати, ни стара на конику гнати, ꙗко же юношу етера нестора. философъ ѿвѣща ему· самъ на са инны ищеши. рцы, в кую версту силнѣиши дш҃а тѣлеси; ѡн же рече· на старость. философъ рече· то на коую та брань гонимъ, на дх҃овную ли, или на тѣлесную; ѡн же рече· на дх҃вную. философъ же ѿвѣща· то нн҃ѣ хощеши силнѣи быти, то не гл҃и намъ тацѣхъ притоуъ. не бѣ времене бо цвѣтецъ ищемъ, ни на конику тебе гонимъ. посрами же са тако старецъ, инамо ѡбрати бесѣду, и рече старецъ· рцы ми, оуноше, како кр҃ту, разорену сущу, не кланаемса ему, ни лобызаемъ его; а вы. и аще лице до персн токмо будетъ, иконную ему чт҃ь твораще, не стыдитеса; философъ же ѿвѣща· четыре бо части кр҃тъ имать, и аще една его часть оубудетъ, то оуже своего лица не ꙗвлаетъ, а икона токмо съ лица ѡбразъ ꙗвлаетъ и подобїе того, его же ради писана. не львова бо лица, ни рысьа зритъ, иже и видитъ, но прьваго ѡбразъ. паки же рече старецъ· како са оубо кланаемъ кр҃ту бес написаніꙗ, а бывшимъ инѣмъ кр҃томъ; икона же, аще не имать пи-

В селѹньстѣмъ градѣ бѧше мѹжь ѥтеръ добророденъ и бога҃, именемъ левъ, придержа санъ дрѹгарескъ по стратигѡ. бѧше же бл҃говѣренъ и праведенъ, сохранѧѧ вса заповѣди бж҃їа исполнь, ꙗко иногда іѡвъ. живыи же с подрѹжїемъ своимъ, роди же семеро ѡтроча҃, ѿ нихъ же бѣ мьзинецъ семыи константи҃ философъ, наставникъ и ѹчт҃ль нашъ. егда же и роди мт҃и, вдаша и доилицы, дабы и доила, ѡтроча же не восхотѣ ꙗтиса по чюжь сосецъ никако же, развѣ мт҃рень, доньдеже ѿдоено бысть. се же бысть по смотренїю бж҃їю, дабы добра корене добра лѣторасль нескверныимъ млекомъ водоено было. по семъ же добраа та родителѧ совѣщавшаса, не сходистаса, говѣюща себѣ, но тако живста ѿ гн҃и, ꙗко братъ и сестра, за четыредеса҃ лѣтъ, доньдеже а҃ смерть разлучи, ни како престѹпльша того совѣта. на ст҃ же емѹ хотащѹ ити, плакашеса мт҃и ѡтрочати сего, гл҃щи· небрегоѹ о всемъ, развѣ ѿ младенцы семъ единомъ, како имать ѹстроенъ быти. ѡн же ѥи рече· вѣрѹи ми, жено, надѣюса бг҃а, ꙗко дати емѹ имать ѿц҃а и строителѧ таковаго, иже строи вса хр҃тїаны. еже са и бысть.

Седми же лѣ҃ ѡтрокъ сыи, видѣ сонъ, и повѣдаа ѿц҃ѹ и мт҃ри, и рече· ꙗко стратигъ собра вса дѣвици, и рече ко мнѣ· избери себѣ ѿ нихъ, юже хощеши подрѹжїю на помощь и сверсть себѣ. а҃ же глѧдавъ и смотрїевъ всѣхъ, видѣхъ единѹ краснѣиши всѣхъ, лицеⷨ свѣтѧщиса, ѹкрашенѹ велми монисты златы и бисерми и всею красотою, ѥи же има бѣ софїа, сирѣчь мѹдрость, тѹ избра҃. слышавше же словеса си родителѧ его, рекоста к немѹ· сии, храни законъ ѿц҃а твоего, не ѿрини наказанїа мт҃ри твоеа҃. свѣтилникъ бо заповѣди законѹ и свѣ҃, рцы же премѹдрости· сестра ми бѹди, а мѹдрость знаемѹ себѣ сотвори. сїаетъ бо присность паче сл҃нца. аще бо ю приведеши к себѣ имѣти подрѹжїю себѣ, то ѿ многа зла избавишиса ею. егда же и вдаста на ѹченїе книжное, спѣѧше паче всѣхъ ѹченикъ в҃ книга҃ памятїю и хитростїю велми, ꙗко и дивѹ быти. единою же ѿ днїи, ꙗко же ѡбычаи есть богатчинщимъ глѹмленїе творити ловиткою, изыде с ними на поле, ꙗстрѣ си вземъ, и ꙗко пѹсти и, по смотренїю

бꙋ́рю, вз҃а и вѣтръ и занесе́, ѿрокъ же ѿ того́ во оуны́нїе вп҃а и в печа́ль, два́ дн҃и не ѧстъ. чл҃колюбїемъ свои́мъ ма́тиѳїи бг҃ъ, не веля́ емоу привыкнꙋти житенскы̑ вещехъ, оудобь оулови́, ти, ѧко же оулови́ плаки́доу в ловѣ еле́немъ, тако и сего́ ѧстребомъ. в себѣ же помышль житїа сего́ оутѣ́хꙋ, ѡкааше, гл҃а· таково́ ли е́сть житїе се́, да в ра́дости мѣ́сто печа́ль пребыва́етъ; ѿ сего́ дн҃е во и́нъ сѧ пꙋть имꙋ́, еже е́сть сего лꙋчши, а в молвѣ житїа сего́ свои дн҃и не иживꙋ. по оученїе сѧ и́мъ, сѣдѧ́ше в домꙋ своемъ, оучѧ́сѧ изо оустъ кни́гамъ ст҃го григо́рїа бг҃осло́вца, и знаменїе кр҃тное сотворь на стѣнѣ, и похвалꙋ написа́ ст҃мꙋ григо́рїю сице· ѿ григо́рїе, тѣ́ломъ чл҃че, дш҃ею а́ггеле, ты тѣломъ чл҃къ сы́и, а́ггелъ ѧвиса. оуста́ бо твоѧ́, ѧко еди́нъ ѿ серафи́мъ, бг҃а прославлѧ́ютъ и вселе́нꙋю просвѣщаю́ правыѧ вѣры оучен̇їемъ. тѣмже и мѧ́, припа́дающа к тебѣ вѣрою и любо́вїю, прїими и бꙋ́ди ми просвѣтитель и оучт҃ль. тако вопїѧше. вишѐ же во мно́ги бесе́ды и оумъ ве́лїи, не могїи разꙋмѣти глꙋбинъ, во оуны́нїе ве́лїе впаде́. стра́ненъ же нѣ е́теръ тꙋ, оумѣѧ́ граматикїю, и к немꙋ ше́, мо-лаше и на́ ногꙋ емꙋ́ пада́ѧ, вдаѧсѧ емꙋ́ до́брѣ дѣ́и, наоучи мѧ хи́трости грамоти́чьстеи. ѡн же тала́нтъ свои погребе́, рече к семꙋ́. ѿроче, не трꙋжа́исѧ, ѿрекохсѧ е́смь ѿинꙋ никого́ не наоучити в моѧ дн҃и семꙋ. пакы же ѿрокъ со слеза́ми кла́нѧѧсѧ емꙋ и гл҃аше· возми́ всю мою́ ча́сть ѿ до́мꙋ ѿц҃а моего́, е́же мене достои́тъ, а наоучи мѧ. не хотѣвшꙋ послꙋшати, иже домо́въ, и мл҃твѣ пребыва́ше, дабы ѡбрѣлъ желанїе ср҃ца своего́. слышав же цр҃скъ строи́тель, иже нарица́етсѧ логофе́тъ, посла по нь, дабы сѧ со цр҃скимъ оучилъ. ѿрокъ же, оуслышавъ се́, с радостїю пꙋти сѧ ѧ҆, и на пꙋти сѧ поклонь, мл҃твꙋ сотвори́, гл҃а· бж҃е ѿц҃ъ нашихъ и г҃и млти, е́же еси сотво́рь всѧ́ческаѧ сло́вомъ, прем҃дростїю свое́ю созда́въ чл҃ка, да владѣетъ створе́нными тобо́ю тва́рьми, даи же ми сѣдѧщꙋю воскра́и твоего престолъ премꙋ́дрость, да, разꙋмѣвъ, что е́сть оуго́дно тебѣ́, спасꙋсѧ. а во е́смь ра́бъ твои и сн҃ъ рабы́нѧ твоеѧ. и къ семꙋ прочюю соломо́нїю мл҃твꙋ изгл҃авъ, въста́въ, рече· ами́нь. егда̑ прїиде ко цр҃юграду, вдаша и оучт҃лемъ, да сѧ оучитъ, и в три мс҃цы навыкъ граматикїю,

и прочим са ѿтъ оученїе. наоучившеса ѡмирꙋ и геѡметрїи оу льва и оу фотѣ дїалексицы и всемъ философьскимъ оученїемъ. к сим же и ритѡрикїи, і аремфитикїи, і астрономїи, и мꙋсикїи, и прочимъ еллинескимъ оученїемъ, тако же изыче вса, ѧко же бы моглъ кто едино навыкнꙋти ѿ ни. скорость бо са с прилежанїемъ свлючи, дрꙋга дрꙋгꙋ преспѣвающи, ими же оученїа ихъ и хитрости свершаютъ. боле же оученїа тихїи ѡбра на себѣ вклади, с тѣми беседоваше, с ними же вѣдаше полезнѣе, оуклонаюса отъ оукланающихса во стропты, и помышлаше, како бы и земными нѣнаа преименьшꙋ, излетети ис телесе сего и с бгомъ жити. оузрѣвъ же такова сꙋщь логофетъ, дастъ емꙋ власти на свое домꙋ, и въ црквꙋ полатꙋ съ дерзновенїемъ входити, и вопроси единою, гла: философе, хотѣлъ бы оувѣдати, что есть философїа; ѡнъ же хитрымъ оумомъ рече: абїе бжїимъ и члческимъ вещемъ разꙋмъ, і елико може члкъ приближитиса бгꙋ, ѧко дѣтелїю оучи члка по ѡбразꙋ и по подобїю быти сотворшемꙋ. и ѿ сего паче возлюби и и прно вопрошаше ѡ всемъ толикъ велми и честемъ, ѡн же емꙋ сотвори оученїе философско, в малыхъ словесехъ велїи оу сказавъ. в чистотѣ же пребываа, волыми оугаждаа бгꙋ, толми паче любезенъ всѣмъ бываше, и логофетъ всаки честь твора емꙋ говѣинꙋ, злато много даваше емꙋ, ѡн же не приимаше. единою же рече к немꙋ: твоа красота и мꙋдрость нꙋди ма излиха любити та, то дщерь имаю дховнꙋ, юже ѿ кртла изахъ, красноꙋ и богатꙋ, рода добра и велїа. аще хощеши, подрꙋжїю сїю ти дамъ. ѿ цра же нинѣ велїю честь и кнженїе прїимъ, болша ночаи, вскоре бо стратигъ бꙋдеши. ѿвеща же емꙋ философъ: даръ оубо велїи требꙋющимъ его, а мнѣ болши оученїа нѣсть ничто же, имже разꙋмъ собравъ праедна чести и богатьства хощꙋ искати. слышавъ же логофе ѿвѣтъ его, ще къ црци, рече: се философъ оуный не любитъ житїа сего, то не ѿпꙋстимъ его ѿ ѡбщини, но, постригше е на поповство, вдадимъ емꙋ слꙋжбꙋ, да бꙋде вивлотикаръ оу патрїарха во стѣи софѣи, нѣкли поне тако оудержимъ и. еже и сотвориша емꙋ, мало же съ нимъ в семъ бывъ,

на оусское море ше, тап скрыса в митри. искаше же его .г҃. мцъ, едва ѡбрѣтоша. не могше же его оунꙋдити на то же слꙋженїе, оумолиша и оучительный столъ прїꙗти, оучити философїа и тꙋземцꙗ и странныꙗ со всакою слꙋжбою и помощїю, и по то са ꙗтъ.

Бѣ же анїи патрїархъ ересь водвигаъ, гла не творити чести стыи иконамъ. собравше соборъ и ѿвлнчивше и, ꙗко неправо глетъ, согнаша и со стола. ѡнъ же рече· насилїемъ ма согнаша и не прѣпрѣвше мене. не можетъ бо са никто противитиса словесемъ моимъ. цръ же с патрикїи оустрой философа, посла на нь, рекъ тако· аще можеши юношꙋ сопрѣти, то паки стола свой прїимеши. ѡнъ же, оузрѣвъ философа оуна тѣломъ, и не вѣдыи стара оума въ немъ и иже вѣахꙋ с нимъ послании, рече къ нимъ· вы подножїа моего нѣсте достойни, то како а хощꙋ с вами прѣтиса; философъ к немоу рече· не людскаго ѡбычаа держи, но бжїи заповѣден зри. ꙗко же бо еси ты ѿ земла, а дша бгомъ наставлена, тако и мы вси, то, на землю зра, чаче, не гордиса. паки же анїи ѿвѣща· неподобно есть в осень цвѣтца искати, ни стара на [воини гнати, ꙗко же юношꙋ етера нестора. философъ ѿвѣща емꙋ· самъ на са винны ищеши. рцы, в кꙋю верстꙋ силнѣиши дша тѣлеси; ѡн же рече· на старость. философъ рече· то на коую та брань гонимъ, на дховнꙋю ли, или на тѣлеснꙋю; ѡн же рече· на дхвнꙋю. философъ же ѿвѣща· то нинѣ хощеши силнѣи быти, то не гли намъ тацѣхъ притоуъ. не бѣ времене бо цвѣтецъ ищемъ, ни на воинꙋ тебе гонимъ. посрами же са тако старецъ, инамо ѡбрати бесѣдꙋ, и рече старецъ· рцы ми, оуноше, како кртꙋ, разоренꙋ сꙋщꙋ, не кланаемса емꙋ, ни лобызаемъ его; а вы. и аще лице до перси токмо бꙋдетъ, иконнꙋю емꙋ чть твораще, не стыдитеса; философъ же ѿвѣща· четыре бо части кртъ имать, и аще едина его часть оубꙋдѣ, то оуже своего лица не ꙗвлаѣ, а икона токмо съ лица ѡбразъ ꙗвлаѣ и подобїе того, его же ради писана. не львова бо лица, ни рысьа зрить, иже и видитъ, но прьваго ѡбразъ. паки же рече старецъ· како са оубо кланаемъ кртꙋ бе написанїа, а бывшимъ инѣмъ кртомъ; икона же, аще не имать пи-

сана имени, его же будетъ ѡбра, то не творите ени чти, фило́софъ же ѿвѣща: всакъ бо крстъ подобенъ ѡбра имать крстѹ хвѹ, а иконы не имѹтъ вса ѡбраза единаго. старецъ же рече: бгѹ рекшѹ моисѣю: не сотвориши всакаго подобїа. како вы, твораще, кланаетеса; философъ же противѹ семѹ ѿвѣща: аще бы реклъ: не сотвориш ни коего подобїа, то право рчиши. но есть реклъ: ни всакаго, сирѣчь достоиное. противѹ семѹ не могъ ѿпрѣти старецъ, посрамиль са, и оумолче.

По сих же агаране, нарицаеми срацины, воздвигоша хулѹ на едино бжтво стыа трца, глаще: како вы, хртїане, единъ бгъ мънаще, раздѣлаете и пакы на три, глще: яко оць и снъ и стыи дхъ есть. аще можете сказати ꙗвѣ, то пославте мѹжа, иже може глати о семъ и препрѣти ны. бѣ же тогда философъ .к. и .д. лѣтъ. соборъ же сотворь црь, призвавъ и рече емѹ: слышиши ли, философе, что глютъ сквернїи агаране на нашѹ вѣрѹ: ты, яко стыа трца сын слѹга і оученикъ, шед, противиса имъ, и бгъ, совершитель всакои вещи, славимый в трцы, оць и снъ и дхъ, тои да ти подастъ блгть и силѹ к словесѣхъ, яко дрѹгаго двда нова яви та на голїада, с треми каменьми побѣжь, возвратиса к намъ, сподобленъ небесномѹ цртвїю. слышавъ се, ѿвѣща: рад идѹ за хртїанскѹю вѣрѹ. что ми есть слаще на семъ свѣте, но за стѹю трцѹ оумрети и живѹ быти; посласта же с нимъ асигрита геѡргїа. дошедшим же имъ тамо, бѣахѹ ѡбразы написали..... вне юдѹ на дверехъ всѣхъ хртїанъ, дивы твораще и рѹгающеса. вопросиша же философа, глще: можеши ли разѹмѣти, философе, что есть знаменїе се; ѡн же рече: бѣсовскы ѡбразы вижѹ, и непщѹю, яко хртїане тѹ живѹтъ внѹтрь. ѡни бо, не могѹще жити с ними, бѣгаютъ ѿ нихъ, а идеже сего знаменїа внѣ оуду нѣсть, то с тѣми тѹ сѹть внѹтрь. на ѡбѣде же, седаще агаране, мѹжа хитра и книжна, оучена геѡметрїи, и астрономеи и прочим оученїемъ, искѹшающе и, вопрошахѹ, глще: видиши ли, философе, дивное чюдо, како бжїи прркъ махметъ, принесыи намъ блгѹю вѣсть ѿ бга, ѡбрати люди многи, а вси держимса по законѹ, никто престѹ-

пающе, а вы, хвѣ законъ держаще, вашего прр҃ка, ѡвъ сице, ѡвъ инако, ако есть годѣ комѹждо васъ, тако держите и творите. к сим же философъ рече· бг҃ъ нашъ есть ако пѹчина морскаа. прр҃къ гл҃етъ ѡ немъ· ро҃ его кто исповѣсть; въземлѣ бо са ѿ землѧ живо его. сего ради исканїа, мнози в пѹчинѹ входѧ, и силнїи оумомъ и помощїю его, богатство разѹмное прїемлюще, преплнвают и вокращаются, а слабїи, ако въ гнилѣхъ кораблѣ, покѹшающеса преплыти, ѡвїи истапаю, а дрѹзїи едва с трѹдомъ ѿдыхаю, немощною лѣностїю блающеса. ваше же есть оуско и оудобно, еже може прескочи малъ и великъ. нѣсть бо кромѣ люскаго ѡбычаа, но е могѹ вси дѣати. а внутоже вамъ, воставъ, повѣдалъ. нѣсть вамъ востагнѹлъ гнѣва и похоти, но попѹстилъ. то въ каковѹ вы имать к пропасть воврещи, смысленным да разѹмѣетъ. хс҃ же не тако, но ѿ низѹ тажкое горѣ возводитъ вѣрою и дѣтелїю оучи чл҃ка. творецъ бо сын всачеcкимъ, межѹ агг҃лы и чл҃ки сотворилъ есть чл҃ка, словомъ и помысломъ ѿложивъ ѿ скота, а гнѣвомъ и похотїю ѿ агг҃лъ, и ен же са части кто приближаетъ, паче тою са причащаѣ вышни, ли нижни. вопросиша же и паки· како вы, единомѹ бг҃ѹ сѹщѹ, въ три славите, скажи, аще вѣси; ѿц҃а бо нарицаете и сн҃а и дх҃а. то аще тако глаголете, то и женѹ емѹ дадите, да ѿ него са мнози расплодѧ. къ сим же философъ ѿвѣща· не гл҃ете тако хѹлы бещинѹ. мы оубо добре есма навыкли ѿ ѿц҃ъ и оучитель трц҃ѹ славити. ѿц҃ъ бо и сн҃ъ и дх҃ъ, три оупостаси во единомъ сѹществѣ. слово же то воплотиса въ дв҃ѣ и родиса нашего ради спасенїа, ако и махмѣ, вашъ прр҃къ, свидѣтельствоуетъ, написавъ сице· послахомъ дх҃ъ нашъ къ дв҃ѣ, изволше, да родитъ. ѿ сего и а вамъ извѣщенїе творю ѡ трц҃ы. сими же словесы поражени, на дрѹгаа са ѡбратиша, гл҃юще· ако тако есть, ако же гл҃еши, гостю. да аще хс҃ бг҃ъ вашъ есть, почто не творитѐ, ако же велитъ. писано бо есть въ еѵ҃льскихъ книгахъ· молити за враги и добро творити ненавидащимъ и гонащимъ, и ланитѹ ѡбратити біющимъ. вы не тако, но противнаа ѡрѹжїа ѡстрите на творащыа вамъ таковаа. философъ же противѹ симъ ѿвѣща·

двѣма̀ за́повѣдма соущема въ зако́нѣ, кто̀ зако́нъ ꙗ҆вла́етса сове́ршаѧ, ли е҆́же е҆ди́нꙋ храни́й, ли и҆́же ѡ҆бѣ̀; ѿвеща́ше ѡ҆нѝ ꙗ҆́ко и҆́же ѡ҆бѣ̀. філосо́фъ же речѐ бг҃ъ же е҆́сть ре́клъ молите за ѡ҆би́дащаа. то е҆́сть паки ре́клъ бо́лше сеѧ̀ любвѐ не мо́жетъ сѐ никто́ же ꙗ҆ви́ти на се́мъ свѣ́те, но положи́тъ свою̀ дш҃ꙋ за дрꙋ́гы. дрꙋ́гъ же ра́ди и҆ сѐ дѣ́емъ, да не с тѣле́сныимъ плѣне́ніемъ дш҃а и҆ плѣне́на бꙋ́детъ. па́ки гл҃ша хс҃ е҆́сть да́нь да́лъ за сѧ̀ и҆ за и҆ны̀, вы́ же ка́ко не творитѐ того̀ дѣла, и҆ оу҆́же а҆́ще бранѧ́ще себѐ, то̀ ва́ко понѐ да́ни не да́ете сицемꙋ вели́кꙋ и крѣ́пкꙋ и҆зма́ильтельскꙋ ꙗ҆зы́кꙋ за бра́тію ва́шꙋ и҆ дрꙋ́ги; ма́ла же и҆ про́симъ, то́кмо е҆ди́наго златни́ка̀, и до́ндеже стои́тъ всѧ̀ земла̀, храни́мъ ми́ръ межю̀ собо́ю, ꙗ҆́ко же и҆́нъ никто̀. філосо́ же ѿвѣща а҆́ще кто̀, в слѣ̀ оу҆чи́телѧ ходѧ̀, хо́щетъ в то́и же слѣ̀ ходи́ти, в о҆́нь же і ѡ҆нъ, дрꙋгі́и же оу҆срѣ̀, вобраща́етъ и҆̀, дрꙋ́гъ ли е҆мꙋ̀ е҆́сть, ли вра́гъ; ѿвеща́ша е҆мꙋ̀ вра́гъ. філосо́ же речѐ е҆гда̀ хс҃ да́нь да́лъ, коѐ влчество бѣ̀, и҆зма́ильтеско ли, и҆ли ри́мско; ѿвеща́ша ѡ҆нѝ ри́мско. тѣ́мже не подоба́етъ на́мъ зазира́ти, поне́же ри́млѧномъ дае́мъ всѝ да́нь. по си́хъ же и҆на мно́га вопроша́ше, и҆скꙋша́юще ѿ всѣ́хъ хи́тростеи, ꙗ҆́же и҆ са́ми оу҆мѣ́ахꙋ. сказа́въ же и҆́мъ всѧ̀, и ꙗ҆́ко а҆̀ препрѣ̀ ѡ҆ си́хъ, рѣ́ша к немꙋ̀ ка́ко ты̀ всѧ̀ сѝ оу҆мѣ́еши; філосо́фъ же речѐ чл҃вкъ нѣ́кіи, почерпъ воды̀ в мо́ри, в мѣшцѣ̀ ноша́ше ю҆̀ и҆ горда́шеса, гл҃а къ стра́нникомъ ви́дите ли во́дꙋ, е҆ѧ̀ же никто́ и҆́мать, ра́зве менѐ; прише́ же е҆ди́нъ мꙋ̀ помо́рникъ, речѐ к немꙋ̀ неи́стовъ ли сѧ̀ дѣ́еши, хвала́са то́кмо ѡ҆ смерда́щемъ мешцѣ̀; а҆̀ мы̀ сего̀ пꙋчи́нꙋ и҆́мамъ. та́ко и҆ вы̀ дѣ́ете. а҆ ѿ на́съ сꙋ́ть всѧ̀ хи́трости и҆шлѝ. но си́хъ же, ди́во творѧ́ще, показа́ша е҆мꙋ̀ виногра́дъ насажде́нъ, и҆ногда̀ ѿ землѧ̀ и҆зни́кнꙋщь, и҆ ꙗ҆́ко сказа̀ и҆́мъ, ка́ко сѐ быва́етъ, па́ки показа́ша е҆мꙋ̀ всѐ бога́тство и҆ хра́мины, оу҆творены̀ зла́томъ, сре́бромъ, каме́ніемъ драги́мъ и҆ би́серомъ, гл҃юще ви́ждь, філосо́фе, ди́вное чю́до, си́ла мно́га, бога́тство мно́го а҆мавре́инно, влады́ки сраци́нска. рече́ же к ни́мъ не ди́во сѐ е҆́сть, бг҃ꙋ же хвала̀ и҆ сла́ва, сотво́ршемꙋ сѝ всѧ̀ и҆ да́вшꙋ на оу҆тѣ́хꙋ чл҃вкомъ. того бо сꙋ́ть, а҆ не и҆ного. се́тиже же на свою̀ зло́бꙋ ѡ҆брати́ша и даша е҆мꙋ̀ ꙗ҆́дъ

пи́ти, но бг҃ъ млⷭ҇тивыи, рекі́н· а҆́ще и҆ смертно что̀ и҆спі́ете, не и҆́мать васъ вреди́ти, и҆з̾бави того̀, и҆ на свою̀ зе́млю здра́ва вовратѝ па́ки.

Не по мно́зѣ же вре́мени, ѿре́кса сего̀ живота̀, се́дѣ на є҆ди́номъ мѣ́стѣ бе҃ мо́лкы, себѣ̀ самому то́кмо въ̀емла, на оу҆́тріи же дн҃ь ничто́ же ѡ҆ставла́ла, но ни́щимъ раздаа̀ всѐ, на бг҃а печа́ль во҆́мета́а, иже сѧ̀ всѣ́ми на всѧ́къ дн҃ь пече҃. є҆ди́ною же на ст҃ъ дн҃ь слꙋзѣ̀ є҆го̀ тꙋжа́щꙋ, ꙗ҆́ко ничто́ же не и҆́мамъ на си́це дн҃ь честенъ, ѡ҆́н же речѐ є҆мꙋ̀· препита́выи иногда̀ и҆зра́ильты в пꙋсты́ни, тои и҆́мать да́ти на́мъ и҆ здѣ̀ пи́щꙋ, но ше̑, понѐ призови є҃ нищь мꙋ́жь, ча́а бж҃їа по́мощи. и҆ ꙗ҆́ко же бысть ѡ҆бѣ́днаа годи́на, и҆ а҆́біе принесѐ мꙋ бре́ма ѧ҆ди всеа̀ и҆ де́сать златни́къ, и҆ бг҃ꙋ хвалꙋ̀ возда̀ ѡ҆ всѣхъ си́хъ. во є҆ли́мъ же ше̑ къ меѳо́дїю, братꙋ своемꙋ̀, нача̀ жити и҆ млⷭ҇твꙋ твори́ти бе́непреста́ни къ бг҃ꙋ, то́кмо кни́гами бѣсѣ́дꙋѧ. бг҃ꙋ на́шемꙋ сла́ва.

Прїидо́ша послы̀ къ цр҃ю ѿ каза́рь, гл҃ще· ꙗ҆́ко и҆спе́рва є҆ди́нъ бг҃ъ то́кмо зна́емъ, иже є҆сть на̑ всѣ́ми, и҆ томꙋ̀ сѧ̀ кла́наемъ на восто́ки, а҆̀ ѡ҆бы́чаа своа̀ и҆́ны стꙋ́дныѧ держа́ще, жидове оу҆ста́ще ны̀ вѣ́рꙋ и҆́хъ и҆ дѣтель прїа́ти, а҆ срачи́ны на дрꙋгꙋ́ю странꙋ̀, ми́ръ даю́ще и҆ да́ры мно́ги, сїи тѧжꙋтъ ны̀ на свою̀ вѣ́рꙋ, гл҃ще· ꙗ҆́ко на́ша є҆́сть вѣ́ра добрѣ́иши всѣ́хъ ѧ҆зы́къ. то̀ сего̀ ра́ди слемъ къ ва́мъ, ста́рꙋю дрꙋ́жбꙋ и҆ любо́вь держа́ще. ѧ҆зы́къ бо ве́лїи сꙋ́щь ѿ бг҃а и҆ ца́рство держитѐ, и҆ ва́шемꙋ совѣ́тꙋ вопроша́юще, про́симъ же мꙋ́жа книжна ѿ ва̑, да а҆́ще препри́тъ жиды̀ и҆ срачи́ны, то̀ по ва́шꙋ сѧ и҆́мемъ вѣ́рꙋ. тогда̀ цр҃ь, взыска́въ философа, и҆ ѡ҆брѣ҃, и҆ сказа̀ є҆мꙋ̀ каза́рьскꙋю ре́чь, гл҃а· и҆дѝ, философе, къ людє̑ симъ и҆ сотворѝ ѿвѣ́тъ и҆ сло́во ѡ҆ ст҃ѣи трⷪ҇цы, с по́мощїю є҆а̀. и҆́нъ бо никто̑ може̑ сего̀ достонно сотвори́ти. ѡ҆́н же речѐ· а҆́ще вели́ши, влко, на си́цꙋ ре́чь радъ и҆дꙋ̀, пѣ́шь си́и и҆ безъ всего̀, є҆го̀ же не веле́ше бг҃ъ оу҆чн҃кѡ̑ свои́мъ носи́ти. ѿвѣща̀ же цр҃ь· а҆щѐ сѐ ты̀ бы хотѣ́лъ ѿ себѣ̀ твори́ти, то̀ добрѣ гл҃еши, но цр҃кꙋю держа́вꙋ вѣ́дыи и҆ че́сть, чт҃о и҆дѝ со цр҃кою помо́щїю. а҆́біе же пꙋтѝ сѧ̀ ѧ҆тъ, и҆ херсо́на дошѐ, наоу҆чи́сѧ тꙋ̀ жидо́вьстѣи

бесѣде и книгамъ, ѡсмь частей грамотныя преложь, и ѿ того разумъ болїи прїимъ. и самарянин же нѣкто живяше тѹ, и приходя к немѹ, стязашеся с нимъ, и принесъ книги самарїнскїи, и показа емѹ, и испроси я ѹ него философъ, затворився в храминѣ, на млтвѹ ся наложи, и ѿ бга разумъ прїимъ, и чести нача книги бес порока. ѹзрѣв же самарянинъ, возопи велїимъ гласомъ и рече: во истинѹ, иже во хрта вѣрѹю, вскорѣ дхъ стыи прїемлють и благдть. сынъ же ся абїе крщю, и самъ ся крти по немъ. и обрѣ же еѵлїе и ѱалтрь рѹскими писмены писано, и члвка обрѣ, глющиа тою беседою, беседова с нимъ, и силѹ рѣчи прїимъ, своей бесѣде прикладая разнича писмена гласная и согласная, и бгѹ млтвѹ творя, вскорѣ нача чести и сказовати, и мнози ся емѹ дивляхѹ, бга хваляще. слышавъ же, яко стыи климентъ и еще в море лежи, помолився, рече: вѣрѹю в бгъ и стымъ климентѣ надѣюся, яко ѡбрѣсти имамъ и изнести из моря. ѹбѣдивъ же архїепспа, съ клиросомъ и честными мѹжи всѣ в корабль, и идоша на мѣсто, и ѹтишившися морю вельми, и доше, начаша копати, поюще. абїе же бысть вонѧ велїа, яко кадилъ много, и по семъ явишася стыя мощи, иже вземше с великою чтїю и славою всѣхъ гражанъ, внесоша я въ градъ, яко пише во ѡбрѣтенїе его. казарескъ же воевода, с вои пришедъ, ѡстоупи хртїанескъ гра и ѡплетеся ѡ немъ. ѹвидѣвъ же философъ, не лѣнися, идѣ к немѹ, бесѣдова с нимъ, и ѹчителна словеса преложи, ѹкроти, и ѡбѣщався на крщенїе, ѿиде, ни коея же пакости не сотворь людемъ тѣмъ. возврати же ся философъ во свои пѹть. въ первыи ча млтвѹ творящѹ емѹ, нападоша на нь ѹгри, яко волчески воющие, хотяще и ѹбити, ѡн же не ѹжасеся, ни ѡстави своея млтвы, гн помилѹи токмо зовыи. бѣ бо кончалъ ѹже слѹжбѹ. ѡни же, возрѣвше, по бжїю повелѣнїю, ѹкротишася, начаша кланятися емѹ, и слышавшїе ѹчителна словеса ѿ ѹстъ его, ѿпѹстиша и со всею дрѹжиною.

Всѣ же в корабль, пѹти ся ѿ казарскаго на меотское езеро и каспїискаа врата кавкаскихъ горъ. послаша казари противѹ емѹ

мꙋ́жь лꙋка́въ и҆ ꙁлоко́ннвъ, и҆́же, бесѣ́дꙋѧ с ни́мъ, речѐ емꙋ̀· ка́ко вы̀ ꙁо́лъ ѡ҆бы́чаи и҆́мате и҆ ста́вите ц҃рь и҆́нъ во и҆́ного мѣ́сто ѿ и҆но́го ро́дꙋ, мы̀ же се҃ по ро́дꙋ ꙗ҆̀емъ. философъ же речѐ к немꙋ̀· б҃гъ бѣ въ саꙋ́ла мѣ́сто, никто́ же дѣ́юща е҆мꙋ̀ оу҆го́дна, и҆ꙁбра̀ д҃вда, оу҆гажа́юща е҆мꙋ̀ и҆ ро҃ е҆го̀. ѡ҆́н же речѐ е҆мꙋ̀· ка́ко оу҆бо вы̀, кни́ги держа́ще в рꙋкꙋ̀, ѿ ни҃ вса̀ при́тчи г҃лете, мы́ же не та́ко, но ѿ пе́рсїи всю̀ м҃рость, ꙗ҆́ко поглоѡ́щьше, и҆ꙁносимъ ю҆̀, не горда́щесѧ ѡ҆ писа́нїи, ꙗ҆́ко же вы̀; речѐ философъ к не́мꙋ· а҆́ще сра́щеши мꙋ́жа нага, и҆ на́чне ти г҃лати, ꙗ҆́ко мно́ги ри́ꙁы и҆ ꙁла́то и҆ма́мъ, и҆ма́ши ли е҆мꙋ̀ вѣ́ры, ви́дѧ и҆ на́га; речѐ· ни. та́ко и҆ а҆́ꙁъ тебѣ̀ г҃лю· а҆́ще е҆сѝ поглоти́лъ всѧ́кꙋ мꙋ́дрость, то скажи́ ми, коли́ко е҆́сть ро҃ до мои́сеѧ, и коли́ко лѣ́тъ кото́рыиждо ро҃ держа́лъ; не мо́гъ к семꙋ̀ ѿвѣща́ти, оу҆молчѐ. доше́шꙋ е҆мꙋ̀ та́мо, е҆гда̀ хотѧ́хꙋ на ѡ҆бѣ́де сѣ́сти оу҆ кага́на, вопроси́ша и҆̀, г҃люще· ка́ѧ е҆́сть твоѧ̀ че́сть, да тѧ̀ поса́димъ на свое́мъ чинꙋ̀; ѡ҆́нъ же речѐ· дѣ́дъ и҆мѣ́хъ ве́лїи и҆ сла́венъ ꙁѣло̀, и҆́же бли́ꙁ ц҃рѧ стоѧ́ше, и҆ да́нꙋю е҆мꙋ̀ сла́вꙋ ве́лїю ѿве́ргъ, и҆ и҆ꙁгна́нъ бы҃, и҆ на стра́нꙋ ꙁе́млю ше҃, и҆ ѡ҆бни́щѧ̀, и҆ тꙋ̀ мѧ̀ родѝ. а҆́ꙁъ же, дѣ́днѧѧ че́сти дре́внѧѧ и҆щѧ̀, не дости́го и҆́ноѧ прїѧ́ти. а҆да́мо́ бо е҆́смь вꙋ́кꙋ. ѿвѣща́ша е҆мꙋ̀· досто́ино и҆ пра́во г҃лши, го́стю. ѿ сего҃ па́че начѧ́ша на не́мъ ч҃ть и҆мѣ́ти. кага́нъ же, ча́шꙋ вꙁе́мъ, речѐ· пью̀ во и҆́мѧ е҆ди́ного б҃га, сотво́ршаго всю̀ тва́рь. философъ же, ча́шꙋ вꙁе́мь, речѐ· пью̀ во и҆́мѧ е҆ди́ного б҃га и҆ слове́си е҆го̀, и҆́м же н҃бса оу҆тверди́шасѧ, и҆ живо́творѧ́щаго д҃ха, и҆́м же всѧ̀ си́ла и҆ стои́тъ. и҆ ѿвѣща̀ кага́нъ· все ра́вно̀ г҃леши ѡ҆ се́мъ, то́кмо раꙁли́чїе держи́мъ. вы̀ бо т҃рцꙋ сла́вите, а҆ мы̀ б҃га е҆ди́ного, оу҆лꙋ́чьше кни́ги. философъ же речѐ· сло́во и҆ д҃хъ кни́ги пропове́дают. а҆́ще кто̀ тебѣ̀ че́сть твори́тъ, твоего̀ слове́си и҆ д҃ха не в че́сть ли и҆́мать; дрꙋ́гїи па́ки все тро́е въ че́сть и҆́мать, кїи ѿ ѻ҆бою̀ е҆́сть чести́вѣе; кага́нъ же речѐ· и҆́же всѐ тро́е въ че́сть и҆́мать. тѣ́мже мы̀ бо́льше твори́мъ, ве́щьми сказꙋ́юще и҆ пр҃ркъ слꙋ́шающе. речѐ бо и҆са́їѧ· слꙋ́шаи менѐ, ї҆а́кове ї҆и҃лю, е҆го̀ же а҆̀ ꙁовꙋ̀· а҆̀ е҆́смь пе́рвыи, а҆̀ е҆́смь во вѣки, а҆̀ е҆́смь и҆ ны́нѣ. г҃ь посла́ мѧ и҆ д҃хъ е҆го̀. ї҆ꙋде́и же рѣ́ша к не́мꙋ· рцы

оу҆бо, ка́ко мо́жетъ жéнескъ ро́д бг҃а вмѣсти́ти во чрево, на́ нь же не мо́же̑ зрѣти, а̑ нéжели роди́ти и҆; философъ же, показа̀въ пéрстомъ на кагана пéрваго совѣтника, речѐ а҆́ще кто̀ рече̑ сѐ не мо́же̑ чреди́ти кагана и҆ че́сть ему̀ сотвори́ти, что̀ и҆́мамъ рещѝ е̑, скажи́те ми; неи́стова ли, и҆́ли несмы́сленна; ѡ҆ни же рѣша́ зѣло несмы́сленна. философъ же к ни́мъ речѐ что̀ е҆́сть ѿ види́мыя тва́ри чтнѣе всѣхъ; ѿвѣща́ша ему̀ чл҃къ. по ѻ҆́бразу во бж҃їю сотворе́нъ е҆́сть. па́ки же к ни́мъ речѐ фило́софъ то су́ть неи́стови, и҆́же гл҃ютъ, ꙗ҆́ко не мо́жетъ ся вмѣсти́ти въ чл҃ка бг҃ъ, а҆ ѻ҆нъ в купину̀ ся вмѣстѝ, и҆ во ѡ҆́блакъ, и҆ в бу́рѣ, и҆ в дыму̀ ꙗ҆вле́нся моисе́ови и҆ і҆ѡ́ву. ка́ко бо мо́жеши, и҆но́му боля́щу, и҆но́го цѣли́ти; чл҃ческу бо ро́ду, на и҆стлѣ́нїе прише́шу, ѿ кого̀ и҆но́го ѡ҆бновле́нїе па́ки прїя́лъ, а҆́ще не ѿ самаго̀ творца̀, ѿвѣща́йте ми; а҆́ще вра́чь, хотя̀ приложи́ти пла́стырь боля́щимъ, прило́жи ли и҆ древѣ, и҆ли ка́мени, и҆ ꙗ҆ви̑ ли ѿ сего̀ что̀; и҆ ка́ко моисе́й речѐ дх҃омъ ст҃ымъ во свое́й мл҃твѣ, ру́цѣ просте́ръ въ горѣ ка́менѣй, въ гл҃сѣ тру́бнѣ не ꙗ҆вла́й ны ся, гн҃и, к тому̀, не ꙗ҆вла́й ны ся к тому̀, гн҃и ще́дрый, но всели́ся в на́шу оу҆тро́бу, и҆ ѿи́мъ на́ша грѣхы̀. і҆ а҆ки́ла бо та́ко гл҃е. и҆ та́ко разыдо́шася со ѡ҆бѣ́да, наре́къ дн҃ь, в ѻ҆́нь же бесѣ́дуютъ ѿ всѣ́хъ си́хъ.

Сѣ̑ же с кага́номъ, речѐ оу҆бо философъ а҆̑ оу҆бо чл҃къ е҆ди́нъ є҆ ва́съ бе̑ ро́ду, а҆ и҆ дру̑, ѻ҆ бз҃ѣ же ся стяза́емъ, ему̑ в ру́ку су́ть вся́кая и҆ ср҃ца̀ на́ша. ѿ кн҃, и҆́же су́ть сила́їи въ словесѣ́хъ, бесѣ́дующимъ на́мъ, ꙗ҆́же разумѣва́ютъ, да гл҃ютъ, ꙗ҆́ко та́ко е҆́сть, а҆ и҆́х же не разумѣва́ю, да вопроша́ютъ, и҆ ска́жемъ и҆́мъ. ѿвѣща́ша же і҆юдѣ́и и҆ рѣша и҆ мы̀ де́ржимъ є҆ кни́гѣ сло́во и҆ дх҃ъ. скажи́ же на́мъ, кото́рый зако́нъ да́стъ чл҃кѡ пе́рвїе, моисе́ѡвъ ли, и҆ли и҆́же вы̀ держи́те; фило́софъ же речѐ сего̀ ли ра́ди на сѐ вопроша́ете, да сего̀ ра́ди пе́рвый зако́нъ держи́те; ѿвѣща́ша ѻ҆ни̇̀ е҆и҆. пе́рвый подоба́етъ. фило́софъ же речѐ то̀ а҆́ще хо́щете пе́рвый зако́нъ держа́ти, то̀ ѿ обрѣза́нїя оу҆клони́теся ѿню̀. рѣша же ѡ҆ни̇̀ что̀ ра́ди си́це гл҃ши; философъ же речѐ скажи́те ми̇̀, не пота́йще, во ѡ҆брѣза́нїи ли е҆́сть пе́рвый зако́нъ да́нъ, и҆ли в необрѣза́нїи;

Ѿвѣщаша же ѡни: мнимъ, во ѡбрѣзаніи. философъ же рече: не ноеви ли бгъ дастъ законъ, первое по заповѣданіи и ѿпаденіи адамовѣ, завѣ нарицаа законъ; рече бо к немѹ: се азъ водвижю законъ мои с тобою и с семенемъ твоимъ и всею землею, треми заповѣдьми держимъ: вса ꙗдите зеліе, ꙗко травное, и елико на небси, и елико на земли, и елико в водах, ракъ маса, въ крови дша его, не ꙗдите. і иже пролеетъ кровь чловчю, да прольется своа емѹ в него мѣсто. что глѣте противѹ, первыи законъ рекше держати; жидове же к немѹ ѿвѣщаша: первыи законъ моисѣевъ держимъ, сего же бгъ нѣсть нарекъ законъ, но завѣтъ, ꙗко исперва заповѣдавъ члкѹ в раи и ко аврааму. инако бо есть обрѣзаніе, а не законъ. ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. различно есть творецъ нареклъ обою. философъ же ѿвѣща к нимъ: а о семъ скажѹ вамъ сице: ꙗко законъ са нарицаетъ завѣтъ. бгъ бо гла ко авраамѹ: даю законъ мои въ плоти вашеи, иже знаменіе нарекъ, ꙗко бѹдетъ межю мною и тобою. тоже и къ еремѣи паки вопіетъ: послѹшаи же завѣта моего. вогласи бо, рекъ, мѹжемъ іюдовымъ, живѹщимъ во ієрлимѣ, и речеши к нимъ: тако глетъ гь бгъ іилевъ: проклатъ члкъ, иже не послѹшаетъ словесъ завѣта моего, иже заповѣдахъ ѿцемъ вашимъ въ днь, в онь же изведохъ и земла египетьскіа. ѿвѣщаша жидове к немѹ: тако и мы держимъ, ꙗко законъ и завѣтъ нарицаетса. елико же са держа ихъ по законъ моисіовъ, вси бгѹ оугодиша, и мы, держащеса по нь, нечаемъ тако же быти, а вы, воздвигше инъ законъ, попираете бжіи законъ. философъ же ѿвѣща к нимъ: добро дѣемъ. и аще бо бы авраамъ не ꙗлса по обрѣзаніе, но держалъ ноевъ законъ.... но ѡнъ перваго не держалъ. тако и мы по сихъ ѡбразѹ ходимъ, и ѿ бга законъ пріемше, держимъ, да бжіа заповѣдь тверда пребываетъ. давъ ноеви законъ, не сказа емѹ, ꙗко дрѹгіи имать дати, но во вѣки пребывающь къ дшю живѹ. ни паки, авраамѹ ѡбѣтованіа давъ, не возвѣсти емѹ, ꙗко дрѹгіи имать дати моисеѡви. то како вы держите законъ; и бгъ ꙗзыкомъ вопіетъ, ꙗко преставлю, а инъ вамъ дамъ. ієремѣа бо рече ꙗвѣ: се дніе градѹ, глетъ гь,

и҆ завѣщаю домꙋ і҆ꙋдовꙋ и҆ і҆и҃левꙋ завѣтъ новъ, и҆ не по завѣтꙋ, и҆же завѣщахъ ко ѿц҃емъ ваши́мъ в҃ дн҃ь, пріи́мъшꙋ ми рꙋкꙋ и҆хъ и҆вестѝ а҃ и҆ землѧ̀ є҆гѵпе́скїѧ, ꙗ҆ко тї́и не пребы́ша в завѣтѣ моемъ, и҆ возненави́дѣхъ ѧ҆, ꙗ҆ко завѣтъ мой, и҆же завѣщаю домꙋ і҆и҃левꙋ по днехъ ѻ҆нѣхъ, речѐ г҃ь, и҆ даю зако́ны моѧ̀ в помышле́нїе и҆хъ, и҆ на ср҃цы̑ напишꙋ̀ ѧ҆, и҆ бꙋдꙋ и҆мъ въ б҃гъ, и҆ тїи бꙋдꙋ̑ мнѣ̀ в люди. и҆ пакы то́и же і҆еремѣ́а вопїе̑· тако гл҃е г҃ь· ста́ните на пꙋте̑, и҆ ви́дите и҆ вопроси́те на стеза̀ г҃нѧ вѣчныѧ, и҆ ви́дите, кїи є҆ пꙋть и҆стинныи, по немꙋ̀ ходи́те, и҆ ѡ҆бращете ѡ҆чище́нїе д҃шамъ ва́шимъ, и҆ рѣша· не и҆демъ. поста́ви҃ ѿ васъ блюсти́тели, послꙋшаите гл҃а трꙋбъ, и҆ рѣша· не послꙋшаемъ. сего̀ ради оу҆слыша̑ ꙗ҆зыцы и҆ пасꙋщеи стада̀ в ни҆. і҆ а҆бїе· слыши, землѐ, сѐ а҃ навожꙋ̀ на люди си҆ зло̑ пло̑ ѿвраще́нїѧ и҃, зане словесъ проро́къ моихъ не послꙋшаша и҆ не внѧ́ша, и҆ зако́нъ мой, и҆же пр҃рцы пропо́вѣдаша, ѿри́нꙋша. не токмо же сими є҆ди́нѣми скажꙋ̀, ꙗ҆ко зако́нъ престае́тъ, но і҆ и҆ными многими вина́ми ѿ пр҃ркъ ꙗ҆вѣ. ѿвѣща́ша к немꙋ̀ і҆юдеи· всѧкъ жидови́нъ сѐ вѣсть во и҆стиннꙋ, ꙗ҆ко быти и҆мать тако, но не оу҆жѐ є҆сть вре́мѧ пришло̀ ѡ҆ помазанно́мъ. филосо́фъ же речѐ к нимъ· что̀ сѐ прела́гаете, ви́дѧще, ꙗ҆ко і҆ер҃лимъ сокрꙋше́нъ є҆сть, же́ртвѣ преста́ли сꙋть, и҆ всѐ сѧ сбыло є҆сть, є҆же сꙋть пр҃рцы прореклѝ ѻ҆ ва; малахї́ѧ бо ꙗ҆вѣ вопїе́тъ· нѣсть во́лѧ моеѧ̀ ѿ васъ, гл҃етъ г҃ь вседержи́тель, и҆ же́ртвъ ѿ рꙋкъ ва́шихъ не прїемлю, занѐ ѿ восто́къ с҃лнца и҆ до за́па̑ и҆мѧ моѐ сла́витсѧ во ꙗ҆зыцѣхъ, и҆ на всѧ́комъ мѣсте темїа́нъ возно́ситъ и҆мени моемꙋ̀ и҆ же́ртва чиста̀. занѐ ве́лїе и҆мѧ моѐ въ ꙗ҆зыцѣхъ, гл҃етъ г҃ь вседержи́тель. ѡ҆ни́ же ѿвѣща́ша· сї, ѧже гл҃еши, вси̑ ꙗ҆зыцы хота̑ быти бл҃вени ѡ҆ на́съ ѡ҆ ѡ҆брѣза́нїи во градѣ і҆ер҃лимъстѣ. речѐ же филосо҃· то̀ ка́ко моисе́и гл҃етъ· а҆́ще, послꙋшающе мене, послꙋшаите по всемоу҆ храни́ти зако́нъ, бꙋдꙋ̑ предѣли ва́ша ѿ мо́ра че́рмнаго до мо́ра фили́стимскаго и҆ ѿ пꙋсты́нѧ до рѣкѝ є҆фра́нта. и҆ мы, ꙗ҆зыцы, ѡ҆ не́мъ же с҃мени бл҃вимсѧ, ѿ і҆ессео́ва ко́рени и҆шеши́мъ, ча́анїе ꙗ҆зыкъ нарече́ни, и҆ свѣ́тъ всеѧ̀ землѧ̀ и҆ всѣхъ ѻ҆то́къ, сла́вою б҃жїею просвѣще́ни, не по то́мꙋ зако́нꙋ и҆ мѣстꙋ пр҃рцы ве́льми вопїю́тъ. речѐ бо заха́рїѧ· ра́дꙋи сѧ зѣло̀, д҃щи сїо́нова. сѐ ц҃рь твой градѣ̑ кро́токъ, всѣ̑ на жребе́цъ

моисѣи и изнесе, или ѡбра ѡбраза и хитростїю съдѣла, прикладаа ѡбра клиими, и оусъми, и срестьми, и херувимы изра̑ны; понеже тон тако сотвори, нарече́мо ли вы и того ради древу, и оусомъ, и серестѣ честь творити и кланатиса, а не давшемоу бгоу в то время такъ ѡбра; тако же и ѡ соломони црквиˑ понеже иконы хероувимски и агглъскї и инѣхъ многы ѡбразы имѣаше. тако же оубо мы, хртїане, оугожьшии бгу творѧще ѡбразы, чести дѣемъ, и ѿдѣлающе доброе ѿ бѣсовъскии ѡбразъ. хула бо книги жрущаа сны своа и дщери, и гнѣвъ бжїи проповѣдаю, тако же и другїа хвала жрущаа сны своа и дщера. рѣша же паки жидовеˑ како вы, свинину и заачину ӕдуще, не противлаетеса бгу; ѿвѣщаше же к нимъˑ первому завѣту заповѣдающуˑ вса снѣсте, ӕко зелїе травно. вса бо чиста чистымъ заповѣда, а скверными совѣсть са есть ѡскверинла. и бгъ бо к твари глетъˑ и вса добра зѣло. какшего ради лакомїа мало етеро ѿ ни ѿято. снѣсть бо, рече, їаковъ, насытиса, ѿвержеса возлюбленныи. и пакиˑ сѣдоша людїе ӕсти и пити, и въсташа играти. ѿ многа же се мы оукраше, в мале положихомъ селико, памати ради, а иже хощеть совершенныхъ весѣ сихъ и сты бесѣдъ искати, в книгахъ его ѡбращетъ а, еже преложи оу͠чтль нашъ, архїепп мефодїи, раздѣль е на ѡсмь частїи, и ту оузрить словесную силу ѿ бжїа блгодати, ӕко пламень палающь на противныа. си же вса каганъ казарескъ с началными мужи слакаа его и подобнаа словеса слышавше, рѣша к немуˑ бгомъ еси семо посланъ на созданїе наше, вса книги ѿ него навыкъ, все еси по чину глалъ, до сыти наслаждь вса ны медвеными словесы сты книгъ, но мы есмь некнижна ча, сему же вѣру имемъ, ӕко тако се есть ѿ бга. паче же аще хощеши покои ѡбрѣсти дшамъ нашимъ, всако исправленїе притчами скажи намъ по чину, на неже та вопрошаемъ. тако же са разыдоша почити.

Собравшеса к другїи днь, рѣша ему пакиˑ скажи намъ, чтныи мужю, притчами и оумомъ вѣроу, ӕже есть лучша всѣхъ; ѿвѣща к нимъ филосоˑ малжена два бѣста оу цра единаго, в чести

волѧ́щаѧ не роди̇̀, пре́же да́же не прїи́де ро̂ство̀, болѣ́зни же и̇збѣжа̀ и̇ родѝ му́жескъ по̂. па́кѝ жи́дове рѣ́ша· мы е̇смѝ ѿ си́ма бл҃вное сѣ́мѧ, бл҃вни ѿц҃е́мъ на́шимъ, но́емъ, вы́ же нѣ́сте. сказа́въ же и̇мъ, речѐ о̇ се́мъ· бл҃вні́е ѿц҃а вашего ни во что́ же бы́сть, то́кмо хвала̀ бг҃у, ѡ̇ного же ничто̀ не бꙋ́де. се́ бо е̇сть· бл҃ве́нъ бг҃ъ си́мовъ. а̇ во ї̈афе́ѳу гл҃а,. ѿ него́ же мы е̇смь· да распространи̇̀ бг҃ъ а̇фе́ѳа, и̇ да сѧ всели̇̀ в се́ла си́мова. ѿ прр҃къ же и̇ и̇нѣхъ кни́гъ сказа́а, не ѡ̇ста́ви и̇́хъ, до́ндеже рѣ́ша са́ми, ꙗ̇́ко то́ и̇ е̇́сть, ꙗ̇́ко же гл҃еши. рѣ́ша па́ки· ка́ко вы, и̇му́ще оу̇пова́нїе на чл҃ка, твори́тесѧ бл҃вни бы́ти, а̇ кни́гы такова́го проклина́ю; ѿвѣща́ же филосо́ѳъ· то про́кла̃ ли е̇сть дѣ́дъ, и̇ли бл҃внъ; рѣ́ша же ѡ̇ни̇̀· зѣло̀ бл҃внъ. филосо̂ же речѐ· то и̇ мы̀ на того̀ оу̇пова́емъ, на него̂ и̇ ѿ. рече́ бо во ѱа́лмѣхъ· ꙗ̇́ко чл҃къ ми́ра моего̀, на́ нь же оу̇пова̂. чл҃къ то̀ х҃с е̇сть и̇ бг҃ъ, а̇ и̇́же оу̇пова́етъ на про́стъ чл҃къ, то и̇ мы того̀ про́клѧта твори́мъ. па́ки прⷭ҇чую пре́ложиша, гл҃ще, и̇ ка́ко вы, хрⷭ҇тїа́не, ѡ̇брѣза́нїе ѿме́щете, а̇ х҃у не ѿве́ргшу е̇го̀, но̂ но зако́ну сконча́вшу; ѿвѣща̀ филосо̂· и̇́же бо речѐ пе́рвѣ а̇враа́му· се бꙋде̂ зна́менїе межу мно́ю и̇ тобо́ю, то̂ соверши̇̀, прииме̂, ѿ того̀ держа́ше до сего̀, а̇ про́чее не да́сть е̇му̀ ми́мо и̇ти̇̀, кр҃щнїе на́мъ вда́въ. рѣ́ша жѐ ѡ̇ни̇̀· что̀ ра́ди ѡ̇ни пе́рвїи оу̇годи́ша бг҃у, того̀ зна́менїа не прїи́мши, но а̇враа́мле; ѿвѣща̀ филосо̂· ни кото́рый во ѿ тѣ́хъ ꙗ̇вла́етсѧ, двою́ жену̀ и̇мѣ́а, но то́кмо а̇враа̂, и̇ сего̀ ра́ди оу̇́да того̀ оу̇рѣ́зае̂, предѣ́лъ да̀ѧ, не престоупа́ти того̀ ра́ди, но̂ по пе́рвому съвѣ́рстїю а̇да́мову, ѡ̇бра̂ да̀ѧ про́чи̂ во тѣ ходи́ти. ї̈а́ковъ та́к же сотвори̇̀, оу̇трапле жꙋили стегна̀ е̇го̀, занѐ четы́ре жены̀ поѧ̂, разумѣ́в же вину̀, е̇ѧ̀ же ра́ди то̂ е̇му̀ сотво́ри, и̇ наречѐ и̇мѧ е̇му̀ ї̇и́ль, сирѣ́чь, оу̇мъ зра̀ бг҃а. к тому̀ бо не ꙗ̇вла́етсѧ, примѣ́шьсѧ к женѣ̀. а̇враа́м же того̀ не разꙋмѣ̀. па́ки̂ вопроси́ша жи́дове· ка́ко вы, и̇́долом сѧ кла́нающе, твори́тесѧ бг҃у оу̇гожа́ти; ѿвѣща̀ филосо̂· пе́рвїе сѧ наоу̇чи́те раздѣла́ти и̇мена̀, что̂ е̇сть и̇́кона, что̂ е̇сть и̇́долъ, и̇ та́ко смотрѧ́ще, не поступа́йте на христїа́ны. де́сѧть бо и̇ме́нъ в ва́шемъ ꙗ̇зы́цѣ о̇ се́мъ ѡ̇бра́зѣ лежи́тъ. вопрошу̂ вы и̇ а̇· ѡ̇бра́зъ ли ски́нїа, ю̇́же видѣ̀ в горѣ̀

монсѣи и изнесе, или ѡбрā ѡбраза и хитростїю съдѣла, прикладаа ѡбрā клинми, и оусъми, и срестьми, и херувимы изрāны; понеже тон тако сотвори, нареуемо ли вы и того ради древу, и оусомъ, и сересте уесть творити и кланатися, а не давшемоу бгоу к тô время такъ ѡбрā; тако же и ѡ соломони црквн· понеже иконы хероувимски и аггльскї и инѣхъ многы ѡбразы имѣаше. тако же оубо мы, хртїане, оугожьшии бгу творяще ѡбразы, уести дѣемъ, и ѿдѣлающе доброе ѿ бѣсовъски ѡбразъ. хулā бо книги жрущаа сны своа и дщери, и гнѣвъ бжїи проповѣдаю, тако же и другїа хвалā жрущаа сны своа и дщера. рѣша же паки жидове· како вы, свинину и заауину ꙗдуще, не противлаетеса бгу; ѿвѣщаше же к нимъ· первому завѣту заповѣдающу· вса снѣсте, ꙗко зелїе травно. вса бо уиста уистымъ заповѣда, а сквернымъ совѣсть са есть ѡсквернила. и бгъ бо к твари глетъ· и вса добра зѣло. кашего ради лакомїа мало етеро ѿ ни ѿꙗто. снѣсть бо, рече, ꙗковъ, насытиса, ѿвержеса возлюбленнын. и паки· сѣдоша людїе ꙗсти и пити, и въсташа играти. ѿ многа же се мы оукраше, в мале положихомъ селико, памати ради, а иже хощетъ совершенныхъ бесѣ сихъ и сты бесѣдъ искати, в книгахъ его ѡбращетъ а, еже преложи оучтль нашъ, архїепп̄ъ мефодїи, раздѣль е на ѡсмь уастїи, и ту оузритъ словесную силу ѿ бжїа блгодати, ꙗко пламень палающь на противныа. си же вса каганъ казарескъ с науалными мужи слакаа его· и подобнаа словеса слышавше, рѣша к нему· бгомъ еси само посланъ на созданїе наше, вса книги ѿ него навыкъ, все еси по уину глалъ, до сыти насладь вса ны медвеными словесы сты книгъ, но мы есмь некнижна уа, сему же вѣру имемъ, ꙗко тако се есть ѿ бга. пауе же аще хощеши покои ѡбрѣсти дшамъ нашимъ, всако исправленїе притуами скажи намъ по уину, на неже та вопрошаемъ. тако же са разыдоша поуити.

Собравшеса в другїи днь, рѣша ему паки· скажи намъ, утныи мужю, притуами и оумомъ вѣроу, ꙗже есть лууша всѣхъ; ѿвѣща к нимъ филосо· малжена два бѣста оу цра единаго, в уести

велицѣ, любима ѕѣло. согрѣшьшима же има, изгнавъ, ѿ земля посла. живꙋщима же има многа лѣта тамо, дѣти сотвориста в нищетѣ. собирающа же са дѣти к себѣ, совѣ творахꙋ, кимъ са бы пꙋтемъ вмѣстити пакы в первыи чинъ; ѡвъ же ихъ снце, а дрꙋгіи инако, а дрꙋгіи дрꙋгъ совѣтъ дѣꙗше. которомꙋ совѣтꙋ подобаетъ стоꙗти, не добрѣишемꙋ ли; рѣша же ѡни· что ради глеши снце; свои бо совѣтъ коиждо добрѣе твори иного. жидове же свои добрѣи творатъ, і иніи инъ. скажи же намъ, кіи разꙋмѣемъ добрѣи всѣхъ; рече же филосо· огнь искꙋшаетъ злато и сребро, а члкъ оумомъ ѿсѣкаѣ лжꙋ ѿ истины. рцѣте же ми· ѿ чего бысть первое ѿпаденіе, не ѿ вѣдѣніа ли и плода сладкаго и похоти на бжтво; ѡни же рѣша· тако есть. филосо же рече· то аще бꙋдѣ комꙋ пакость, ме ꙗдшꙋ, ли стꙋденꙋ водꙋ пившꙋ, пришедши же врачь, глетъ емꙋ· и еще много ме ꙗдь, исцѣлѣеши, а иже бꙋдѣ водꙋ пилъ, томꙋ глетъ· стꙋдены са воды напіи, на мразѣ ставъ, исцѣлѣешь. дрꙋгіи же вра не тако глетъ, но противно врачтво заповѣдаетъ, в медꙋ мѣсто горко пію́ще, поститиса, и в стꙋдена мѣсто теплое, грѣющиса, которыи ѿ ѡбою хитрѣе врачюе; ѿвѣщаша вси· иже противнаа врачества заповѣдаетъ. горестію бо житіа сего и похотнꙋю сладость достоитъ оумертвити и смиреніемъ гордость, противными противнаа врачюющe. и мы бо глемъ· ꙗко древо, еже первое тернъ сотвори, то послѣди сладокъ пло приплоди. пакы же ѿвѣща филосо· добрѣ рѣсте. хвъ бо законъ ѡстротоу ꙗвлаетъ бжіа житіа, пото же во вѣчнѣ жилищи стократнцею пло приноситъ. едини же ѿ нихъ совѣтникъ, срачиньскꙋ злобꙋ добрѣ вѣдыи, вопроси философа· рцы ми, гостю, како вы махмета не держите; тои есть велми ха похвалъ во свои книга, гла· ꙗко ѿ двы са есть родилъ, сестры моисѣовы, пркъ велій, мертвыа воскрешалъ и всꙗ ꙗзю исцѣлилъ силою веліею. ѿвѣща философъ к немꙋ· да сꙋдитъ на каганъ. гли же· аще есть пророкъ махме, како имемъ вѣрꙋ даніилꙋ; ѡнъ бо рече· до ха вса видѣніа и прречество престанѣ. тои же, по хѣ ꙗвльса, то како можетъ пркъ быти; аще бо того прка нарече, то даніила ѿвержемъ. рѣша же

мно́зи ѿ ни́хъ· данї́лъ же є҆ть гла́лъ бжїемъ дх҃омъ, махме́ же, вси вѣмы́, ꙗ҆ко ло́жь є҆́сть и҆ па́гꙋбникъ спⷭ҇нїю всѣ́хъ, є҆́же є҆́сть добрѣ́ишаѧ бла́ди своѧ на ꙁло́бꙋ и҆ стꙋдодѣа́нїѧ и҆ꙁблѧ́лъ. речѐ же пе́рвыи совѣ́тникъ ѿ ни́хъ къ прїꙗ́телемъ жидо́вьскимъ· бжїею по́мощїю го́сть сыи всю̀ горды́ню срачи́ньскꙋю на ꙁе́млю сверже, а҆ ка́шꙋ ꙗ҆́ко на ѡ҆́нъ по́лъ поверже, ꙗ҆ко е҆скве́рнꙋ. речѐ же ко всѣмъ лю́демъ· ꙗ҆́ко же є҆́сть да́лъ бгъ ѡ҆бласть надо всѣ́ми ꙗзы́ки црю хртїꙗньскꙋ и҆ мдрость соверше́нꙋ, тако и҆ вѣрꙋ в ни́хъ, и҆ кромѣ̀ сеѧ никто́ же не мо́жетъ живота̀ вѣ́чнаго жи́ти. бгꙋ же сла́ва всегда̀. речѐ же философъ ко все́мъ со сле́ꙁами· ѡ҆ бра́тїа, и҆ ѿцы, и҆ дрꙋ́ꙁи, и҆ ча́да, се бгъ да́сть вса́къ ра́ꙁꙋмъ и҆ ѿвѣтъ достои́нъ. а҆ще ли кто противѧ́сѧ є҆́сть, да прїидетъ и҆ препри́тъ, ли препрѣ́нъ бꙋ́детъ. и҆́же послꙋшаѥтъ си́хъ, да сѧ̀ крⷭ҇ти́тъ во и҆́мѧ стыѧ трцꙑ. и҆́же не хо́щетъ, а҆ бо є҆́смь кромѣ̀ вса́кого грѣха̀, а҆ ѿ оу҆ꙁри́тъ в днь сꙋ́дныи, е҆гда̀ са́детъ сꙋдїи ветхїи дньми сꙋди́ти всѣмъ ꙗ҆ꙁы́комъ, ꙗ҆ко бгъ. ѿвѣща́ша ѡ҆́ни· не́смы мы́ собѣ̀ вра́ꙁи, но по ма́лꙋ, и҆́же мо́жетъ, та́ко велимъ, да сѧ крⷭ҇ти́тъ волею, и҆́же хо́щетъ ѿ сего̀ дни. и҆́же ѿ насъ на ꙁападъ кла́нѧютсѧ, лѝ жидо́вьски млтвꙋ творѧ́тъ, лѝ срачи́ньскы вѣ́ры держи́тъ, ско́ро сме́рть прїиметъ ѿ насъ. и҆ та́ко сѧ раꙁыдоша с ра́достїю. крⷭ҇ти́ же сѧ ѿ ни́хъ двѣстѣ ча́ди, ѿверго́шасѧ ме́рꙁостеи пога́ньскихъ и҆ жени́твъ беꙁако́нныхъ. написа̀ же кага́нъ ко црю книги сѧковы· ꙗ҆ко посла́лъ є҆сѝ, влко, мꙋ́жа такова́го, и҆́же на́мъ скаꙁа̀ вѣ́рꙋ хрⷭ҇тїꙗ́ньскꙋ сло́вомъ и҆ вещьмѝ, стꙋю трцꙋ, и҆ и҆ꙁвѣще́шесѧ, ꙗ҆ко то̀ є҆́сть и҆́стаѧ вѣ́ра, повелѣ́хомъ крⷭ҇ти́тисѧ своею во́лею, надѣ́юще сѧ и҆ мы̀ доспѣ́ти то́го же. є҆смы же вси дрꙋ́ꙁи и҆ прїꙗ́тели твоемꙋ̀ црⷭ҇твꙋ и҆ гото́ви на слꙋ́жбꙋ твою̀, а҆мо же потре́бꙋеши. провода́ же философа кага́нъ, да́ѧ е҆мꙋ̀ да́ры мно́гы, но не прїѧ́тъ, гла· да́и же мѝ, е҆ли́ко и҆маши пле́нникъ гре́къ ꙁдѣ̀, и то ми є҆́сть бо́лѣ всѣхъ даро́въ. собра́вше же и҆́хъ до двꙋ́десѧтꙋ, да́ша е҆мꙋ̀, и҆ и҆́де ра́дꙋѧсѧ в пꙋ́ть свои.

Доше́ же беꙁво́денъ мѣ́стъ пꙋ́стъ, жа́жа не можа́хꙋ терпѣ́ти. ѡбрѣтше же є҆ слатини водицꙋ, не можа́хꙋ пити ѿ неѧ̀. бѣ́ше бо ꙗ҆ки ꙁо́лчь. ра́шешимъ же сѧ и҆мъ всѣ̀ и҆ска́ти воды̀, речѐ к мефо́дїю,

бра́тꙋ своемꙋ· не стерплю ѹ҆́же жа́жа, да почерпи̑ ѹ҆́бо воды̀ сѧ̀. и҆́же бо прело́жилъ пе́рвѣе і҆и҆льтомъ го́ркꙋю водꙋ въ сладкꙋ, то и҆мать и҆ на́мъ ѹ҆тѣ́хꙋ сотвори́ти. почерпо́ша же, и҆ ѡ҆брѣто́ша ю сла́дкꙋ, ꙗ҆ко и҆ ме́довꙋ и҆ стꙋденꙋ̀, и҆ пи́вша, просла́виша бг҃а, тво-ра́щаго такова̀ свои̑ рабо́мъ. в херсо́ни же, четера́ со а҆рхиеп҃о, речѐ филосо̑· сотвори́ ми, ѡ҆҃, мл҃твꙋ, ꙗ҆кꙋ же бы ми ѿц҃ъ мо́и сотворилъ. въпро́сившим же и҆ нѣ́кимъ ѡ҆со́бь, что ра́ди се̑ твори́ши, ѿвѣща̀ филосо̑· бо и҆стинꙋ ѿ на̑ ѿи҆дѣ ѹ҆́трѣ к гв҃ꙋ, ѡ҆ставль ны. е҆́же и҆ бысть, словеси сѧ събы́вшꙋ. бѣ̀ же въ фꙋ́льстѣ ꙗ҆зы́цы дꙋбъ ве́лїи, сро́слъсѧ с черешнею, подъ ни́м же тре́бы твора́хꙋ, нарица́юще и҆менемъ а҆леѯа́ндръ, же́ньскꙋ по́лꙋ не дадꙋ́ще приступити к немꙋ̀, ни къ тре́бамъ е҆го̀. ѹ҆слы́шав же филосо̑, не ѡ҆блени́сѧ трꙋди́тисѧ к ни́мъ, и҆ ста́въ посредѣ̀ и҆хъ, гл҃а к ни́мъ· е҆́ллини сꙋ́ть к вѣчнꙋю мꙋ́кꙋ ишли, кла́нѧющесѧ нб҃ꙋ и҆ землѝ, ꙗ҆ко бг҃ꙋ, та́кои вели́цѣи и҆ до́брѣи тва́ри. та́ко ли и҆ вы, и҆́же сѧ дре́вꙋ кла́нѧете, хꙋдѣи ве́щи, е҆́же е҆́сть гото́во на ѻ҆́гнь; ѿвѣщаша· мы сего̀ нѣсмы на́чали ѿ нн҃ѣ творити, но ѿ ѿц҃ъ е҆смъ прїѧ́ли, и҆ ѿ того̀ ѡ҆брѣта́емъ вса̀ проше́нїѧ на́ша, до́ждь же наипаче и҆ и҆на мно́га. ка́ко се̑ мы̀ сотворимъ, е҆го̑ нѣсть дерзнꙋлъ ѿ насъ никто же сотвори́ти; а҆́ще бо дерзнетъ кто сотворити се̑, тогда̑ сме́рть ѹ҆́зритъ, и҆ не и҆мамъ к томꙋ дожда̀ ви́дѣти до кончи́ны. ѿвѣща̀ к ни́мъ филосо̑· бг҃ъ ѻ҆ васъ в кни́га̑ гл҃етъ, а҆ вы сѧ е҆го̀ ка́ко ѿме́щете; и҆са́їѧ бо ѿ лица̀ гн҃а вопїетъ, гл҃а· градꙋ̀ а҆ собра́ти вса̀ племена̀ и҆ вса ꙗ҆зы́ки, прїи҆дꙋтъ и҆ ѹ҆́зра̑ сла́вꙋ мою̀, и҆ ѡ҆ста́влю на нихъ зна́менїе, и҆ послю ѿ нихъ спсе́нїе въ ꙗ҆зы́ки, в тарсисъ, и҆ фꙋ́ль, и҆ въ е҆ла́дꙋ, и҆ во ѡ҆токи да́лнаѧ, и҆ не сꙋ́ть слы́шали и҆мени моего, и҆ возвѣста̑ сла́вꙋ мою̀ во ꙗ҆зы́цѣхъ, гл҃етъ гь҃ вседержитель. и҆ па́ки· се а҆ послю к ва́мъ ловца̀ мно́ги, ѿ хо́лмъ и҆ ска́лъ ка́менꙑ и҆зло́ва̑ вы. позна́йте, бра́тїе, бг҃а, сотво́ршаго вы. се е҆ѵ҃лїе но́ваго за́вѣта бж҃їа, в о҆н же сѧ е҆сте кр҃тили. тако̑ сла́дкими словесы̀ ѹ҆гл҃авъ, повелѣ̀ посѣщи дре́во и҆ сожещи е҆̀. и҆ поклони же сѧ ста́рѣишина и҆хъ, ше̑, лобызѧ̀ е҆ѵ҃лїе, тако̑ и҆ вси. свѣща̀ же бѣлы прїи҆мше ѿ филосо́фа, пою́ще, и҆до́ша къ дре́вꙋ, и҆ вземъ сѣки́рꙋ, три-

десать и три краты оудари, и повелѣ всѣмъ сѫщи ис корени и съжещи ѐ. в тѹ нощь сниде ѿ бга дождь, и с радостїю велїею похвалиша бга, и веселиса о се бгъ ѕѣло.

Философъ же иде в констатинъ гра, и видѣ цра, живаше бе молвы, бга мола, в црквн стыи аплъ сѣдѧ. ѐ же во стѣи софѣи потиръ ѿ драгаго камени, соломона дѣла, на нем же сѫть писмена жидовски грани писаны, их же не можаше никто проуести, ни сказати. взем же филосо, проуте и сказа. есть же сице перваа грань· уаша моа, уаша моа, прорицаи, доидеже ѕвѣзда, во пиво бѹди ми, гн, первенцѹ бѫдащѹ нощїю. по сем же втораа грань· на вкѹшенїе гдне сотворена древа иного, пїи, оупїиса веселїемъ и вопи алуїа. и по семъ третїа грань· и се кна, оуѕритъ весь соньмъ славѹ его, и двдъ црь посредѣ нихъ. и по семъ уисло написано девать сотъ и деватеро. расщет же потонкѹ философъ, ѡбрѣте· ѿ вторагонадесать лѣта цртва соломона до цртва хва лѣтъ дева сотъ и девать лѣтъ. и се есть прруество ѡ хѣ.

Веселащѹ же са ѡ бзѣ философѹ, паки дрѹгаа рѣуь приспѣ и трѹнѣе перва. ростиславъ бо, моравьскїи кна, бго оустимъ. совѣ сотвори съ кнѕи своими моравланы, и посла къ црю михаилѹ, гла· людемъ нашимъ поганьства ѿвергъшимъ и по хртїанескъ са ѕаконъ держащимъ, оучтла не имамъ такого, иже бы ны во свои ѩзыкъ истѹю верѹ хртїаньскѹ сказалъ, да быша са ї ины страны, того ѕраща, подобили бы са намъ, то посли ны, влко, еппъ и оучтль такъ. ѿ васъ бо на вса страны всегда добрыи ѕаконъ исходи. собравъ же соборъ црь, призва константина философа и сотвори слышати рѣуь сїю. вѣмъ та трѹдна сѫща, философе, нѡ потреба есть тамо ти ити. сеа бо рѣуи не може исправити инъ, ѩко же ты. ѿвѣща же филосо· трѹденъ сы и боленъ тѣломъ, ра идѹ тамо, аще имѹтъ бѹкви въ ѩзыкъ свои. гла же црь к немѹ· дѣдъ мои, ѿцъ мои, і ини мноѕи того нѣ сѫть ѡбрѣли, то како могѹ и а то ѡбрѣсти; философъ же рече· то кто може на водѹ бесѣдѹ написати, или еретическо има себѣ ѡбрѣсти; ѿвѣща емѹ црь с вардою, оуемъ своимъ· аще ты хощеши, то може тебѣ

бг҃ъ дати, иже даетъ всѣмъ, иже просатъ несумнѣнїемъ. ше же философ҃, по первому ѡбычаю, на мл҃тву са наложи и со иными поспѣшники. вскорѣ са ему бг҃ъ ꙗви, послушаа же молитвы свои рабъ, и абїе сложи писмена, нача писати бесѣду еѵ҃льску· исперва бѣ слово, и слово бѣ ѿ бг҃а, и бг҃ъ бѣ слово, и прое. возвесели же са црь и бг҃а прославль со своими совѣтники, и посла и с дарми многими, писавъ к растиславу епистолїю сице· бг҃ъ, иже вели всакому, дабы в разумъ истинныи пришелъ и на большїи са чинъ подвиглъ, видѣвъ вѣру твою и совѣтъ, сотвори нн҃ѣ в наша лѣта, ꙗвль буквы в вашъ ꙗзыкъ, его же не вѣдано было, токмо в первая лѣта, да вы причтетеса велицѣхъ ꙗзыцѣхъ, иже славатъ бг҃а своимъ ꙗзыкомъ. и ту ти послахомъ того, ему же бг҃ъ ꙗви, мужа чтн҃ва и бл҃говѣрна, книжна зѣло философа. и се прїимъ даръ болїи и чтн҃ѣи паче всакого злата и сребра и каменїа драгаго и богатьства преходаща, и подвигни са с нимъ прн҃о оутвердити рѣчь, всѣмъ срц҃е взыскати бг҃а, и ѡбщаго сп҃нїа не ѿрини, но вса подвигни не лѣнитиса, но ꙗтиса по истинныи путь, да и ты, приве҃ а подвиго҃ своимъ в бж҃їи разумъ, прїимеши свою мзду в того мѣсто и в сїи вѣкъ и в будущїи, и за вса ты дш҃а, хотащаа вѣровати въ хс҃, бг҃ъ нашъ, ѿ нн҃ѣ до кончины, и памать свою оставлаа прочимъ родомъ, подобно великому константину црю.

Дошешу же ему моравы, с великою чтїю прїа растиславъ, и оучнки собравъ, вдасть а оучити. вскорѣ же весь црковныи чинъ преложь, наоучи а оутренницы и годинамъ, и вечерни, и павечерницы, и таинѣи службѣ. и ѿверзошаса, по прр҃ческомоу словеси, оушеса глухихъ, оуслышаша книжнаа словеса, ꙗзыкъ ꙗсенъ бысть гугнивы҃. бг҃ъ же са о семъ возвесели велми, а дїаволъ постыдѣса. растущу же бж҃їю оученїю, злыи, завистныи исперва дїаволъ, не терпа сего добра, но ше во своа сосуды, нача многы воздвизати, гл҃а имъ· не славитса бг҃ъ ѡ семъ. аще бо бы ему сице годѣ было, не бы ли моглъ сотворити, да быша исперва писали и, напишуще бесѣды своа, славили бг҃а; но три ꙗзыки оубо токмо изъбралъ, еврейскъ, греческъ и латинскъ, ими же достои бг҃у

славꙋ даꙗти. бѣша же се глаще латыньстїи фрѧжестїи архиереи и оучтнцы, и бравшеса с ними, ꙗко двдъ съ иноплеменники, книжными словесы побѣжда, нарече а трнѧзычники, ꙗко пилатꙋ тако писавшꙋ на титлѣ гни. не токмо же глхꙋ се єдино, но и бещинїю оучахꙋ, глще· ꙗко по землею живꙋтъ чтцы велеглави, и весь гадъ дїавола тварь єсть. аще кто оубїетъ змїю, девати грѣ избꙋдетъ того ради. аще члка оубїетъ кто, три мцы да пїетъ к древанѣ чаши, а стекланыѧ са не прикасаа. не бранахꙋ же жертвъ творити по первомꙋ обычаю, ни женитвъ бечислены. все же се ꙗко тернїе посѣкъ, словесным огнемъ попали, гла· пожри бгꙋ жертвꙋ хвалнꙋю, воздай вышнемꙋ мтвы своа. жены же юности твоеа не ѿпꙋстиши. не покрые бо нечести похоти твоеа, глетъ гь вседержитель. сохранитеса дхомъ вашимъ, и да не остави кождо ва жены юности своеа. и сихъ, ихъ же ненавидѣхъ, творасте, ꙗко бгъ свѣдѣтельствова межи тобою и междꙋ женою юности твоеа, юже єси оставилъ, та ѡбѣщинница твоа, и жена завѣта твоєго. и въ єѵлїи гь· слышасте, ꙗко речено єсть древнимъ· не сотвори прелюбы, а же глю вамъ, ꙗко всакъ возрѣвыи на женꙋ с похотїю, ꙗко прелюбы єсть сотвори с нею срце свои. и пакы глетъ вамъ· ꙗко иже пꙋсти женꙋ свою, развѣ словесе прелюбодѣинаго, творитъ ю прелюбы дѣати, и иже ѿпꙋщеннꙋю ѿ мꙋжа прїемле, прелюбы дѣетъ.... четыредеса мца сотвори в моравѣ, иде стнтъ оучнкъ свои. прїатъ же коцелъ кна поганескъ, и возлюби велми словеньски бꙋквы, и наоучиса имъ, вдавъ до патидеса оучнкъ оучитиса имъ, и великꙋ честь сотвори ємꙋ, мимо проводи и. не вза же ни ѿ растислава, ни ѿ коцъла, ни злата, ни сребра, ни иныа вещи, положь єѵльское слово бе пищи, но токмо плѣнника испрощь ѿ ѡбою девать сѡ, ѿпꙋсти а.

В нацѣхъ бывшꙋ ємꙋ, собраша са єппи и попове и черноризцы, ꙗко враны на сокола, и воздвигоша трнѧзычнꙋю ересь, глще· учче, скажи намъ, како ты єси ннѣ сотворилъ книги словеномъ, и оучиши а, ихъ же єсть никто же прежде ѡбрѣлъ, ни апли, ни римьскїи папежь, ни дїалогъ григорїи, ни єронимъ, ни

авв҃і. мы́ же три ꙗ҆зы́ки чтѣмы то́кмо, и҆ми же досто́итъ сла́вити бг҃а, е҆врѣ́а, е҆́ллины, латины; ѿвѣща́ же к ни́мъ филосо҃ не и҆детъ ли до́ждь ѿ бг҃а равно̀ на вса̀, ли сл҃нце та́ко же не сі́аетъ ли на ва́съ, ни лѝ дыха́емъ на а҆́еръ вси равно̀; то ка́ко са вы не стыди́те три ꙗ҆зы́ки то́кмо мна́ще, а҆ про́чи҃ всѣмъ ꙗ҆зыко҃ и҆ племено̀ лъ слѣпымъ вела́ще бы́ти .и҆ глухи́мъ; скажи́те ми, бг҃а твора́ща не́мощна, ꙗ҆́ко не могу́ща сего да́ти, лѝ завистива, не хота́ща да́ти; мы же мно́гы ро́ды знаемъ книги оу҆мѣ́юща и҆ бг҃у сла́ву воздаю́ща свои́мъ ꙗ҆зыкомъ ко́ждо, ꙗ҆́вѣ же су́ть си҃ а҆рме́нии, пе́рси, а҆ва́згы, и҆вери, су́гды, го́фи, о҆у́бри, ту́рси, коза́ри, а҆ра́вллане, е҆ги́птии, су́ри и҆ и҆́нии мно́зи. а҆́ще ли не хо́щете ѿ си́хъ разу́мѣти, по́не ѿ книгъ позна́йте судї́ю. дв҃дъ бо вопїе́тъ, гл҃а пои́те гв҃и вса зе́мла, по́йте гв҃и пѣ҃ но́ву. и҆ па́ки воспо́йте гв҃у вса҃ зе́мла, пойте и҆ возвесели́тесѧ и҆ воспо́йте. и҆ дроу́гоици ꙗ҆́ко вса зе́мла да покло́нитса и҆ да пое́тъ тебѣ̀, да пое́тъ же и҆́мени твое́му, вы́шнїи. и҆ па́ки хвали́те гд҃а вси҃ ꙗ҆зы́цы, похвали́те е҆го̀ всѝ лю́дїе. вса́ко дыха́нїе да хвали҃ гд҃а. въ е҆ѵ҃лїи гл҃етъ е҆́лико же и҆́хъ прїа́ли е҆сть, да́сть и҆́мъ ѡ҆́бласть ча́домъ бж҃їимъ бы́ти. и҆ па́ки то́и же не ѡ҆ си́х же вопроша́ю то́кмо, но҃ ѡ҆ вѣ́рующи҃ сло́вомъ и҆́хъ в ма, да всѝ е҆ди́но бу́дутъ, ꙗ҆́ко же и҆ ты, ѿ҃, во мнѣ̀, и҆ а҆ в тебѣ̀. матѳеи же речѐ дана̀ ми е҆́сть вса́ка вла́сть на нб҃си и҆ на зе́млѝ. ше́ше, наоу́чите вса҃ ꙗ҆зы́ки, кр҃та́ще во и҆́ма ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, оу҆ча́ще а҆ храни́ти вса҃, е҆́лика запов҇ѣ́далъ е҆́смь ва́мъ, и҆ сѐ а҆́зъ с ва́ми е҆́смь по вса̀ дн҃и и҆ до скончанїа вѣ́ка, ами́нь. а҆ ма́рко па́ки ше́ше, проповѣ́дите е҆ѵ҃лїе все́й тва́ри. вѣ́ровавыи, кр҃тивъса, спасе́тса, а҆ не вѣ́рував, ѡ҆су́дитса. зна́менїа же повѣ́ровавшихъ по́идутъ си҃ и҆́мене҃ мои́мъ бѣ́сы и҆жденꙋ̀, ꙗ҆зы́ки вогл҃ютъ но́вы. гл҃тъ же и҆ к ва́мъ го́ре ва́мъ, кни́жницы и҆ фарисе́и, ꙗ҆́ко затвора́ете цр҃тво нб҃ное пре҃ чл҃ки. вы́ бо не вхо́дите, и҆ хота́щимъ вни́ти не ѡ҆ставла́ете. и҆ па́ки го́ре ва́мъ, кни́гчїа, ꙗ҆́ко взѧ́сте клю́чь разу́мныи, и҆ са́ми не внидо́сте, и҆ хота́щимъ вни́ти возбрани́сте. к кори́нфѣем же па́велъ речѐ хоща̀ же, да всѝ ꙗ҆зы́ки гл҃ете, па́че же да проро́чьствуе́те. бо́лїи оу҆бо проро́чьствоуа, не́жели гл҃а ꙗ҆зы́ки, ра́звѣ а҆́ще сказа́етъ,

да црк҃ви созданїе прїимѣ. нн҃ѣ же, братїе, аще прїиду к вамъ, ӕзыки гл҃а, кую вамъ пользу сотворю, аще к вамъ не вогл҃ю или ѿкровенїемъ, ли разумомъ, ли прр҃чество, ли оученїемъ; ѡбаче бездушнаѧ гл҃ъ дающа, аще ли пищали, аще ли гусли, аще разньствїа пискомъ не дасть, како разумѣетсѧ пищемое ли, ли гудомое; ӕко аще безвѣстенъ гл҃ъ труба дасть, кто оубо оуготоваетсѧ на брань; тако и вы, ӕзыкомъ аще неразоумна словеса дасте, како разумно будетъ гл҃емое; буде бо во аеръ гл҃юще. толико оубо, аще ключи, ро гласны во всемъ мирѣ, ни єдинъ же ихъ безгласенъ. аще оубо не вѣмъ силу гласу, то оубо буду гл҃щу ми варваръ и гл҃ли мнѣ варваръ. тако и вы. понеже ревнители єсте дховнымъ, к созданїю црк҃ви просите, да вы избываете, тѣм же гл҃а ӕзыко, да молитсѧ, да скажетъ. аще млтву дѣю ӕзыкомъ, то дхъ мой молитсѧ, а оумъ мой без плода єсть. что оубо єсть; помолюсѧ оумомъ, помолюсѧ дхомъ, спою дхомъ, спою же оумомъ. аще бл҃говѣстиши дхомъ, исплънѧѧ мѣсто неразоумнаго, то како речеть аминь по твоей хвалѣ, понеже не вѣсть, что гл҃еши; ты оубо добрѣ хвалиши, но другїи не зиждетсѧ. хвалю бг҃а моего, паче же всѣхъ ва҃ ӕзыки гл҃а, но в црк҃ви хощу пѧть словесъ оумомъ моимъ гл҃ати, да иныи наоучю, неже тму словесъ ӕзыкомъ. братїе, не дѣти бываите оумы, но злобою младеньствоуите, оумом же совершени будите. в законѣ пише ӕко иноӕзычники и оустнами инѣми вогл҃ю людемъ симъ, и тако не послушаютъ мене, гл҃етъ гь вседержитель. тѣм же ӕзыцы въ знаменїе суть не вѣрнымъ, но невѣрнымъ, а прр҃чество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ. аще бо снидетсѧ црк҃ви вса вкупѣ, и вси гл҃ютъ вкупѣ ӕзыки, вниде же неразумникъ, или невѣренъ, не речет ли, ӕко зли сѧ дѣете; аще ли прр҃чествую вси, внидетъ же нѣкто невѣренъ, ли неразумникъ, ѡбличаетсѧ всѣми и встазаетсѧ ѿ всѣхъ, таинаѧ срца єго ӕвѣ бываетъ, и тако па ницъ, поклонитсѧ бгу, повѣдаѧ во истинну бгъ в васъ єсть. что оубо єсть, братїе; єгда сходитесѧ, кождо въ ва҃ ѱаломъ имать, оученїе имать, ӕвленїе имѣ, ӕзы имать, сказанїе имать. вса же к созданїю да бываю. аще ли кто ӕзыкомъ гл҃етъ по двѣма, или зѣло

по трємъ, а по части, єдинъ скажєтъ. аще ли не бѹдє тлъника, да молчи в црькви, въ себѣ да глетъ бгѹ. прр҃цы же два, или трїе глю, да дрѹзїи да скажѹю, аще ли иномѹ авитса сѣдащѹ, первыи да молчи. могѹтъ бо по єдиномѹ вси прр҃чьствовати, да вси оучатса и вси оутѣшаютса. и доуси прр҃честїи прркомъ повинѹютса. нѣсть бо нестроенїю бгъ, но мирѹ.... гнѧ же заповѣдь єсть. аще кто не разѹмѣєтъ, да не разѹмѣваєтъ· тѣм же, братїе, ревнѹите прорицанїю, не браните глати азыки. вса же благврно по чинѹ да бываю. и паки глеть· всакъ азыкъ исповѣсть, ако гь іс хр в славѹ бгѹ оц҃ѹ, аминь. сими же словесы і инѣми боль·ши посрамль а, ѡстави.

Оувѣдѣвъ же рискїи папежь, посла по нь, и дошедшѹ же ємѹ рима, изыде самъ апостолнкъ андрѣанъ со всѣми гражаны, свѣща носаща, оувѣдѣв же, ако стго климента мощи несє, мѹчка и папежа римъска. абїе бгъ нача чюдеса творити. раслабленъ же чловѣкъ ту исцѣлѣ ї ини мнози различныхъ недѹ избыша. и прїим же папежь книги словеньскїа, сти, положивше а в црькви стыа мрїа, ѧ са нарицаєтъ фантъ, пѣша с ними слѹжбѹ. по семъ повелѣ папежь двѣма єпкпома, фармѹеѹ и гордихѹ, стити словеньскїа оучники, и ако а стиша, абїе пѣша слѹжбѹ в црькви стго петра словеньскимъ азыкомъ, и въ дрѹгїи днь пѣша в црькви стыа петронилы, и въ третїи днь пѣша в црькви стго андрѣа, и ѿтѹдѹ паки оу великаго оучтла азыческаго, павла апла, в црькви, ѡбнощь пѣвше словеньски, и слѹжбѹ пѣша на стымъ гробомъ, имѹще на помощь єпкпа арсенїа, єдинаго сѹща ѿ седми єпкъ, і анастаса виблотикара. философъ же с своими оучники не престаше, воздаа непрестаннѹю хвалѹ бгѹ о семъ. римлане же не престаша, ходаще к немѹ, вопрошающе на все, и сказанїе сѹгѹбь и трегѹбь достоино прїимахѹ ѿ него. жидовинъ же нѣкїи приходѧ, стазаася с нимъ, рече ємѹ єдиною: нѣсть ѹже пришелъ хс по числѹ лѣтнемѹ, ѡ нем же глю прр҃цы, ако ѿ двы са имать родити. почте же ємѹ филосо лѣта ѿ адама по родѹ, сказа ємѹ потонкѹ, ако пришелъ єсть, и єлико лѣ єсть ѿтолѣ до инѣ, и наоѹчивъ, ѿпѹсти.

Постигшими же многомъ трꙋдомъ, впаде в болѣзнь, и терпѧщꙋ емꙋ ꙗзвꙋ болѣзненоую многы днїи, единою видѣвъ бж҃їе ꙗвленїе, нача пѣти сице· о рекшихъ мнѣ, в домъ гн҃ь внидемъ, возвеселися дх҃ъ мои и срд҃це ѡбрадова. ѡболкъ же сѧ к честныѧ своѧ ризы, тако пребысть весь днь, веселѧсѧ и гл҃а· ѿселѣ нѣсмь а слꙋга цр҃ю и иномꙋ никомꙋ же на земли, но токмо бг҃ꙋ вседержителю и бѣхъ и есмь во вѣки, аминь. во оутрїи же днь во стыи мнишескїи ѡбразъ ѡболкъса и свѣтъ къ свѣтꙋ прїимъ, има си нарече кириллъ. в том же бѣ ѡбразѣ пѧтьдесѧт днїи. ꙗко сѧ приближи година, да покои прїимъ, престависѧ на вѣчнаѧ жилища, воздвигъ к бг҃ꙋ рꙋцѣ свои, сотвори м҃лтвꙋ, со слезами гл҃а сице· гн҃и бж҃е мои, иже еси аг҃гльскїѧ всѧ чины и бесплотныѧ силы составивъ, и нб҃о распенъ, землю ѡсновавъ, и всѧ сꙋщаѧ ѿ небытїѧ в бытїе приведъ, иже еси всегда послꙋшалъ творѧщихъ волю, боѧщихсѧ тебе и хранѧщихъ заповѣди твоѧ, послꙋшаи м҃лтвы моѧ, вѣрное стадо сохрани, ему же мѧ бѣ приставилъ неключимаго и недостоинаго раба твоего, избавлѧѧ ѿ всѧкїѧ погꙋбскїѧ злобы и ѿ всѧкаго многорѣчиваго и хꙋлнаго еретическаго ꙗзыка, глаголющаго на тѧ хꙋлꙋ, и погꙋби триꙗзычнꙋю ересь, возрасти цр҃ко твою множьство, всѧ единодꙋшно собокꙋпи, и сотвори изрѧдны люди, единомыслѧща ѡ вѣрѣ твоеи и правѣмъ исповѣданїи, вдохни же в срд҃ца ихъ слово твоего оученїѧ. твои бо есть даръ. аще ны еси прїѧлъ недостоиныѧ на проповѣданїе еѵ҃лїа хр҃та твоего, ѡстращаѧсѧ на бл҃гаѧ дѣла и творѧща оугодїѧ тебѣ, иже мнѣ далъ бѣ, ꙗко твоѧ, тебѣ предаю, оустрои ѧ силною твоею десницею, покрываѧ крокомъ крилꙋ твоею, да вси хвалѧт и славѧт имѧ твое, ѡ҃ца и с҃на и с҃тго дх҃а во вѣки, аминь. и лобызав же всѧ с҃тымъ лобзанїемъ, рече· бл҃гъ бг҃ъ, иже не дасть на҃ в ловитвꙋ зꙋбомъ невидимыи нашъ врагъ, но сѣть ихъ сокрꙋши, избави ны ѿ истлѣнїихъ. и тако почи ѡ гв҃ѣ, сыи .м҃. лѣ҃ и двꙋ, въ .дї. днь м҃ца февралѧ; во индиктъ вторыи, и ѿ твари всего мира .ѕ҃. и .т҃. и .ѻ҃. и .з҃. лѣ҃. повелѣ же апꙋстоликъ всѣмъ грекомъ, иже бѧхꙋ в римѣ, тако же всѣмъ римлѧномъ, со свѣщами шедше, пѣти над нимъ и сотворити провожение

ѥмѹ, ꙗко самомѹ папежѹ сотворити, ѥже и сотвориша. мефодїи же, бра҃ ѥго, вопроси апѹстолика, гл҃а· мт҃и ны ѥсть заклала, да иже наю первое на сѹ҃ поидѣ҃, да принесѣ҃ брата въ свои мт҃рь, и тѹ и погребетъ. и повелѣ҃ папежь вложити и в ракѹ, забии и гвозди желѣзны, и тако держа и седмь дн҃їи, готова на пѹть. рѣша же ко апѹстоликѹ римстїи еп҃пи· понѥ҃ ѥсть бг҃ъ, по многамъ землямъ хождьша, привелъ и сѣмо и здѣ дш҃ѹ ѥго изѧлъ, здѣ ѥмѹ достои лежи, ꙗко чт҃нѹ мѹжѹ. рече же апѹстоликъ· за ст҃ыню ѥго и любовь, римскїи ѡбычаи преступль, погребѹ и в моемъ гробѣ, в цр҃кви ап҃ла петра. ѿвѣща же бра҃ ѥго· то понеже не послѹшавше, не дасте ми ѥго, аще ли ѥсть любо, да лажѣ҃ в цр҃кви ст҃го климента, съ нимъ же ѥсть и сѣмо приш҃е. повелѣ же апѹстоликъ тако сотворити. паки же собравшимсѧ всѣмъ и стрижникомъ и всѣмъ людемъ проводити чт҃но, хотѧще же положити, рѣша еп҃пи· ѿгвождьше ракѹ, видимъ, аще ѥсть цѣлъ, ѥгда ѥсть взѧто что ѿ него. и трѹждьшесѧ много, не могѹще ѿгвоздити раки, по бж҃їю повелѣнїю, и тако с ракою положиша въ гробѣ, ѡ деснѹю странѹ ѡлтарѧ в цр҃кви ст҃го климента, идѣже начаша абїе многа чюдеса бывати, иже видѣвше римлѧне, болѣ сѧ приложиша ст҃ии ѥго и чести. написавше иконѹ ѥго, на гробомъ поставиша, начаша ст҃ити на нимъ дн҃ь и нощь, хвалѧще бг҃а, прославлѧющаго, тако и славѧтъ. томѹ бо ѥсть хвала и чт҃ь во вѣки. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
292,	3.	прележи вм. прилежи.
—	4.	Проп. къ.
—	12.	прьсвѣти вм. просвѣти.
—	17.	Проп. мнѣ и азъ.
293,	4.	Іѡнъ вм. іѡвъ.
—	18.	Проп. и передъ повѣдаа.
—	27.	Передъ сіа́етъ стоитъ силесиъ.
—	32.	бога́ти ни́щимъ. вм. бога́тичищемъ.
—	33.	с ни́мъ вм. си.
294,	3.	оу́дꙋ вм. оу́довь.
—	6.	пребыва́ютъ вм. пребыва́етъ.
—	8.	пооуче́ніемсѧ вм. по оуче́ніе сѧ.
—	16.	оуче́ніе вм. оумы́ніе.
—	26.	Проп. покло́нь.
—	29.	творе́нными вм. створе́нными.
—	—	Проп. престо́лъ.
—	31.	се семꙋ̀ вм. к семꙋ̀.
295,	8.	Проп. оукланѧ́ѧсѧ ѿтъ.
—	9,	оукланѧ́ющихъ вм. оукланѧ́ющихсѧ.
—	—	Проп. и помышлѧ́ше.
—	15.	Лишнее во послѣ ѡбразꙋ.
—	—	ирно и вм. и ирно.
—	26.	ѿвѣща́въ вм. ѿвѣща̀.
—	28.	Проп. и послѣ че́сти.

295, 32. ко оудержнимым вм. оудержниъ и.
— — богатьство вм. богатьства.
— 33. Проп. же.
296, 12. Проп. и передъ иже.
— 16. да мы вм. тако и мы.
— 20. кою вм. коую.
— 29. Проп. а икона токмо ѿ лица ѡбразъ имлие.
— 31. Проп. но прьваго ѡбразъ.
297, 7. не всякаго вм. ни всякаго.
— 11. и лишнее передь глще.
— 12. Проп. есть.
— 14. Проп. лѣтъ.
— 20. ѿвѣщавъ вм. ѿвѣща.
— 23. Пропускъ.
— 32. камъ вм. намъ.
— 33. ѡбради м. ѡбрати.
298, 3. есть передъ морская лишнее.
— 9. квакающеся вм. квакющеся.
— 11. коста вм. костяхъ.
— 13. вы вм. вы.
— 17. ѿ сказа, а гнѣва и похоти ѿрекль, си же вм. ѿ скота, а гнѣвомъ и похотію ѿ аггелъ, и сіи же.
— 21. расклода вм. расплода.
— 29. Проп. имо же.
— —. Проп. соущема.
299, 7. за вы вм. за ины.
— 9. Проп. не передъ даете.
— 10—11, Проп. и передъ донде же; спросимъ вм. просимъ.
— 17. поне вм. понеже.
— 19. Проп. и передъ ико.
— 27. Проп. и передъ ико.
300, 1. иніете вм. испіете.
— 14. Проп. и передъ мятвы.
— 18. держаще вм. пріяти.
— 25. по нашу вм. по кашу.

Стран.	Строк.	
300,	26.	и҆зъѡ҆́брѣ̑ вм. и҆ ѡ҆́брѣ̑.
—	29.	ра́зве сего̀ вм. и҆ без̾ всего̀.
—	31.	ты̀ бо вм. ты̀ бы.
301,	2.	самаря́ни и҆̀же вм. самаря́нин же.
—	4.	и҆спроше а҆̀ вм. и҆ и҆спроше а.
—	5.	Проп. и҆ передъ бг҃а.
—	20.	Проп. внесо́ша а҆̀ въ гра́дъ.
—	23.	Проп. и҆ передъ ѡ҆брати́вшеся.
—	26.	ко́лческїи вм. ко́лчески.
302,	7.	ѿ пе́рсти вм. ѿ пе́рсїи.
—	9.	Проп. и҆ передъ на́чнѣ̑.
—	28.	но вм. не.
—	32.	Проп. же.
303,	1.	Проп. речѐ.
—	3.	свѣти́льника вм. совѣ́тника.
—	5.	неи́стовство вм. неи́стова ли.
—	7.	ча́кїа вм. ча́ѧше.
—	—	Проп. бо.
—	15.	Проп. и҆ передъ ѧ҆кѡ̀.
—	16.	во гро́бѣ вм. въ го́рѣ.
—	20.	ѿ вм. ѡ҆̑.
—	25.	сказа̀ вм. ска́жемъ.
—	27.	Проп. ли.
—	33.	да́же вм. да́мъ.
304,	8.	Проп. что.
—	11.	Проп. заповѣ́дахъ.
—	—	Проп. и҆ передъ во.
—	12.	и҆̀мъ же вм. и҆̀но же.
—	14.	о҆́нъ вм. зако́нъ.
—	22.	и҆ вм. и҆̀хъ.
—	24.	возд̾вигоша вм. возд̾ви́гше.
—	26.	Пропускъ.
—	30.	пребыва́юще вм. пребыва́ющь.
—	32.	та́ко вм. ка́ко.

Стран.	Строк.	
305,	1,	совѣ́тъ вм. ѕавѣ́тъ.
—	11.	Проп. и҆; пасꙋ́ще вм. пасꙋ́щен.
—	14.	проповѣ́дн вм. пропововѣ́дата.
—	25.	ѿ вм. ѡ҆ дважды.
—	28.	фили́мскаго вм. филисти́мскаго.
306,	1.	ѕако́ны вм. ко́нь.
—	3.	ꙗ҆ко вм. ꙗ҆ковъ.
—	20.	на́мъ вм. ка́мъ.
—	21.	и҆ѕвѣ́сте вм. и҆ѕвѣ́сть.
—	23.	бл҃гослови́ вм. бл҃гослова́ бо.
—	—	кленоу́щимса вм. кленоу́щїнса; проп. на ѕемлѝ кленоу́тса.
307,	5.	хвалꙋ̀ вм. хвала̀.
—	6.	ꙗ҆ко вм. а҆ ко; гл҃а вм. гл҃а.
—	8.	Проп. и҆.
—	10.	ѿвѣща́въ вм. ѿвѣща̀.
—	21.	а҆враа́мꙋ вм. а҆враа́мле.
—	24.	входи́ти вм. к тъ ходи́ти.
—	28.	прїи́мшимъ вм. прнимѣ́шьса.
308,	6.	и҆мѣа́хꙋ вм. и҆мѣа́ше.
—	12.	ѕаповѣ́дающе вм. ѕаповѣ́дающꙋ.
—	—	ꙗ҆ вм. ꙗ҆ко.
—	17.	оу҆кра́ше вм. оу҆кра́ше.
—	18.	хо́щете вм. хо́щетъ.
—	20.	ѡ҆бра́щетса вм. ѡ҆бра́щетъ а.
—	—	раѕдѣлѝ вм. раѕдѣ́ль.
—	21.	оу҆ѕрѣ́въ вм. оу҆ѕритъ.
—	27.	и҆ вѣ́рою вм. вѣ́роу.
309,	3.	собира́юща вм. собира́юща же са.
—	7.	до́брое вм. до́брѣе.
—	8.	до́брѣ вм. до́брѣи.
—	10.	рцы́ вм. рцѣ́те.
—	13.	комꙋ̀ передъ ще̑ лишнее.
—	—	пи́шни вм. пи́шꙋ.
—	14.	а҆́ще вм. и҆ е҆́ще.

Стран.	Строк.	
309,	14.	ѝдъ вм. ѝдь.
—	—	ѝсцѣлѝ ѝ вм. ѝсцѣлѣеши.
—	19.	оѷко вм. ко.
—	20.	го́рести вм. го́рдость; проп. проти́вными.
—	21—22.	ѐсть вм. ѐже; проп. пе́рвое.
—	23.	хс҃ вм. хі҃ъ.
—	—	ѡ҆строто́ю вм. ѡ҆строто́у.
—	24.	жико҃ вм. же ко.
—	29.	ѝсцѣ́лъ вм. ѝсцѣли́лъ.
—	32.	та́ко вм. ка́ко.
310,	3.	ѝзба́вилъ вм. ѝзбала́лъ.
—	5.	на сраци́нськую зе́млю вм. сраци́нськую на зе́млю.
—	19.	Проп. ли ѐсть.
—	20.	Проп. са.
—	23.	Проп. ѝ передъ ѝзвѣще́шеса.
—	28.	прі́ахъ вм. прі́атъ.
—	30.	Проп. ѝ передъ ѝде.
—	31.	ше̂ вм. доше̂.
—	—	мѣ́сто пу́сто вм. мѣ́стъ пу́стъ.
311,	7.	створи́ши вм. твори́ши.
—	8.	составле́ніе же вм. соста́вль мы, ѐ же.
—	—	словеса̀ вм. словесѝ.
—	11.	не даду́щу вм. не даду́ще.
—	15.	Проп. ѝ передъ до́брии.
—	18.	до́идеже напаа́ю вм. до́ждь же напа́ше ѝ.
—	19.	Проп. ни кто́ же.
—	20.	Проп. а́ще бо дерзне́тъ кто сотвори́ти се҃.
—	—	Проп. ѝ передъ не.
312,	1.	оу҆кра́шь вм. оу҆да́ри.
—	9.	Проп. прорица́н.
—	10.	вода́щу вм. бъда́щу.
—	13.	Проп. весь сомьмъ.
—	14.	раще́тие по то́лку вм. раще́т же по́тонку.
—	19.	Проп. ѝ передъ посла̀.
—	33.	с҆ пра́вдою, оу҆мо́мъ вм. с҆ ва́рдою, оу҆емъ.

Стран.	Строк.	
313,	8.	пришлѝ не ѡ҆блѣни́шисѧ вм. пришéлъ, и҆ на бо́льшіи сѧ,
—	—	подви́жнѣ ви́дѧ ви́дѧ вм. подвигáлъ, ви́дѧвъ.
—	15.	подви́гни вм. подви́гнисѧ.
—	22.	родисла́въ вм. ростисла́въ.
—	23.	вѣстоѧ̀ вм. вѣдасть ѧ̀.
—	—	се̑ вм. весь.
—	24.	плоу́ча ѧ҆̀ вм. плоучи ѧ.
—	32.	Проп. и҆ передъ пани́шьще.
—	33.	и҆з̾бра́нъ вм. и҆з̾бра́лъ; проп. гре́ческъ и҆ лати́нскъ.
—	—	и҆м же вм. и҆ми же.
314,	1.	Проп. се.
—	2.	собра́вшесѧ вм. и҆ бра́вшесѧ.
—	—	Проп. съ.
—	3.	на четы́ре вм. наречѐ ѧ.
—	—	ѧ҆зы́чники вм. триѧ҆зычники.
—	4.	ве́щію вм. бе́щинію.
—	5,	всегдà вм. весь годъ.
—	8.	сѧ вм. се.
—	10.	Проп. попалѝ.
—	12.	не почести вм. во не́честь.
—	—	и лишнее передъ похоти.
—	—	сохрани́тисѧ вм. сохранитесѧ.
—	13.	с женѐ вм. женѝ; твоеѧ̀ вм. своеѧ̀.
—	14.	Проп. и҆хъ же.
—	—	пенави́дѧщихъ вм. ненави́дѧхъ.
—	15.	Проп. и҆ ме́ждоу жено́ю.
—	16.	и҆же вм. и҆.
—	19.	ѩ҆́кѡ вм. ѩ҆́ко и҆же.
—	21.	Проп. и҆ передъ и҆же.
—	—	Пропускъ.
—	27.	пи́ща вм. пли́ща.
—	—	оу҆ ѡ҆бо вм. ѿ ѡ҆боѝ.
—	28.	Проп. а҆̀.
—	29.	'Н ма́тѣхъ вм. В ма́тчѣхъ.
—	30.	ѩ҆́ко вм. ка́ко.

Стран. Строк.

314, 32. ѝнъ же вм. ѝхъ же.
315, 1. ѝмъ же вм. ѝми же
— 2. ѿвѣща́въ вм. ѿвѣща́.
— 4. та́ко вм. то ка́ко.
— 6. велѧщимъ вм. велѧ́ше.
— — и передъ бг҃а лишнее.
— 12—13. Пропущено: по́йте ѝ возвесели́тесѧ ѝ воспо́йте. и дрꙋгꙋ́ющи ѩ́ко вса земла̀.
— 15. Проп. тебѣ̀, да пое́тъ.
— 23. ѝсповѣ́далъ е̑сть. вм. заповѣ́далъ е̑смь.
— 33. Проп. во́лїи оу̑бо проро́цаа.
— — не сказа́ете вм. сказа́етъ.
316, — ко́ю вм. кꙋ́ю.
— 6. Проп. а̑ще.
— 10. оу̑мы передъ ва́рваръ лишнее.
— 11. Проп. ѝ вы, поне́же.
— 12. ѝзба́вн вм. ѝзбывѧ́е.
— — Проп. да.
— 13. скажꙋ̀ ти вм. сказꙋ́е.
— — дѣ́ѧти вм. дѣ́ю.
— 16. ѝсплънѧ́ѧ вм. ѝсплънѧ́ѧ.
— — Проп. неразꙋ́мнаго, то ка́ко рече́ть а̑ми́нь.
— 18. Проп. не передъ зи́ждетсѧ.
— 19. не вм. но.
— — во всѣ́хъ ва҃, па́че же вм. па́че же всѣ́хъ ва҃.
— — гл҃ю вм. гл҃а.
— 29. Проп. ѝ встаза́етсѧ.
— 32. зѣло̀ ѝли вм. ѝли зѣло̀.
317, 5. всѝ вм. доу́си.
— — про҃ческїи вм. про҃честїи.
— 6. Пропускъ.
— 7. Проп. да неразꙋмѣва́етъ.
— 11. ѡ̑ста́вль вм. ѡ̑ста́ви.
— 12. посла́въ вм. посла̀.

Стран.	Строк.	
317.	14.	Проп. ѧ҆́ко.
—	22.	къ дрꙋ́гїи вм. къ тре́тїи.
—	25.	а҆наста́сови клотикара̀ вм. а҆наста́са вiклотикара.
—	26.	подаа̀ вм. коꙁдаа̀.
—	30.	нꙋ́жи вм. ꙋ́же.
—	32.	по́толкꙋ вм. по́тонкꙋ.
—	33.	и҆ пришло̀ вм. пришѐлъ.
318,	3.	во̑веселиֹхса вм во̑весели́са.
—	5.	Проп. и҆ передъ гл҃а.
—	7.	Проп. и҆ передъ є҆смь.
—	14.	боа́щимса и҆ храна́щимъ вм. боа́щихса и҆ храна́щихъ.
—	22.	пропове́данїа вм. пронове́данїе.
319,	3.	Проп. и҆ передъ тꙋ.
—	7.	же повелѣ̀ сѣ́мо ѿсю́дꙋ вм. хо́ждьша, привѐлъ и҆ сѣ́мо, и҆ ꙁдѣ.
—	8.	тꙋ̀ ст҃ꙋю є҆го любо́вь вм. ꙁа ст҃ыню є҆го и҆ любо́вь.
—	9.	престꙋ́пихе. вм. престꙋ́пилъ.
—	10.	ѿвѣща́к вм. ѿвѣща̀.
—	—	но́не вм. ни́неже.
—	12.	сим же вм. съ ним же.

XI

По списку Большихъ Макарьевскихъ Четій Миней Московской Патрiаршей (Синодальной) Библiотеки, въ 10 книгахъ (не полному, безъ Марта и Апрѣля), писанныхъ, по повелѣнію Царя Ивана Васильевича, около 1553 года, въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами, въ большой Александрійскій листъ, полууставомъ, въ два столбца, мѣсяца Февраля подъ 14 числомъ, № 179, съ оборота 642 листа до половины оборота 656.

—

Житїе оучт҃ла словеньску языку, Кѵрила философа.

Бг҃ млтвыи и щедрыи, ждаа покаанїа чл҃ка, да быша спсни вси были и в разумъ истинный пришли. не хощеть бо смрти грѣшникомъ, но покаанїю и животу. аще найпаче прилежить на злобу, но не оставлаетъ рода чл҃ча ѿпасти ослабленїемъ и въ сьблазнъ непрїазненъ прїнти и погыбнути, но на кождо лѣта и времена не престаетъ блгти твора намъ многїа, яко же испервa, та и нынѣ, патрїархи первїе и оцы, по тѣх прркы, а по сихъ апслы и мчнкы, и праведнїи мужи и оучтли, избираа ихъ ѿ многомолвьнаго житїа сего. знаетъ бо своа гь, иже суть его, яко же рече· овца моа гла мои слышать, а азъ знаю, именемъ възову а, и по мнѣ ходать, и даю имъ животъ вѣчныи. еже и сътвори въ нашь родъ, възвигъ намъ оучтль сиць, и и просвѣти языкъ нашъ, слабостїю омрачены оумъ нашь, паче же лестїю дїаволею, не хотѣвшимъ въ свѣте заповѣди бжїи ходити. житїе же его являетъ по малу сказаемо, яко же баше, да иже се слыша, подобитиса ему, бодрость прїемла, а лѣность ѿметаа, яко же рече апслъ· подобни ми бываите, яко же и азъ хву.

Въ селоуньстѣ градѣ баше мѹ̂ етеръ, доброрѡденъ и богатъ, іменемъ левъ, предръжа санъ дроугарескъ по̂ стратигомъ. баше же бл҃говѣренъ и праведенъ, съхранаа всѧ̂ ꙁаповѣди бж҃їа исполнь, ꙗко же иногда іовъ. живы́и же с подрѹжїемъ своимъ, рѡди же се̂меро о̂троуатъ, ѿ них же бѣ̂ меннецъ се̂мыи коньстантинъ философъ, наставникъ і оу̂ч҃ль нашь. егда же и̂ рѡди мт҃и, вдаша и̂ доилицы, дабы и̂ доила, о̂троуа же не въсхотѣ̇ ꙗтн҃ по ѹюжь съсець никако же, развѣ мтрень, дондеже ѿдоено бы҃. се же бы҃ по бж҃їю смотренїю, дабы добра корене добра лѣторасль нескверьнымъ млекомъ въꙁдоено было. по семъ же добраа та рѡдитела, совѣщавшаса, не сходиста са, говѣюща себѣ, но̂ тако жиста о̂ гдѣ, ꙗко братъ и сестра, ꙁа четыредесать лѣтъ, дондеже а̂ смрть раꙁлоучи, никако же не престоупльше того съвѣта. на соу̂ же емѹ хотащѹ ити, плакашеса мт҃и о̂троуати сего, гл҃юще· не брегѹ о̂ все̂, развѣ о̂ младенцы семъ едиі̂нѣ, како имать оу̂строенъ быти. он же ей рече· вѣрѹ ими ми, жено, надѣюса бз҃ѣ, ꙗкодати емѹ имать ѿца и строитела такокаго, иже строить всѧ̂ хр҃тїаны. еже са и ꙁбысть.

Се̂ми же лѣтъ о̂трокъ сы, видѣ сонъ. повѣдаѧ̂ ѿцѹ и мтри, и рече· ꙗко стратигъ, събра всѧ̂ дв҃ца и рече къ мнѣ· иꙁбери себѣ ѿ нихъ, юже хо̂щеши подрѹжью на по̂мощь и сверьсть себѣ. а̂ꙁ же, гладавъ и смотрѣвъ к нимъ, видѣвъ единѹ краснѣишѹ всѣ̂, лицемъ свѣтащиса, оу̂крашенѹ велми монисты златыми и бисерми и всею красотою, ей же има бѣ̂ софьа, сирѣчь, мрѡсть, тоу̂ иꙁбрахъ. слышаще же словеса си рѡдитела его, реко̂ста к немѹ· сн҃ѹ, храни ꙁако̂нъ ѿца твоего, не ѿверꙁи накаꙁанїа мтре твоеа. свѣтилникъ бо ꙁаповѣди ꙁаконѹ и свѣтъ. рцы же премрѡсти· сестра ми боуди, а̂ мро̂сть ꙁнаемѹ себѣ сътвори. снаеть бо премрѡсть паче слн҃ца. а̂ще бо ю приведеши себѣ имѣти подроужїю, то ѿ многа ꙁла иꙁбавишиса ею. егда же и̂ вдаста на оу̂ченїе книжное, спѣаше паче всѣхъ оу̂чн҃къ въ книгахъ памятїю и хитростїю велми, ꙗко и дивѹ быти. единою же ѿ днїи, ꙗко же обычаи е̂ богатиницемъ глоумленїе твори ловитвою, иꙁыде с ними на полѣ, ꙗстрабъ с нимъ веꙁемъ, и ꙗко поусти и̂, по

смотренїю бжїю вѣтръ и҆ занесе. о҆трокъ же ѿ того въ оуныние впа и҆ в печаль, два дни не ӕстъ. чл҃колюбїемъ своимъ мл҃твы бгъ, не вела е҆му привыкнути житенскыхъ вещѣ, оудобь оулови, ти ӕко же оулови плакиду к҆ ловѣ еленемъ, тако и҆ сего ӕстребомъ. в собѣ же помышиль житїа сего оутѣху, о҆каашѐ, гл҃а· таково ли є҆ житїе. сѐ, да, в ра́дости мѣсто, печаль пребываеть; ѿ сего дне по и҆нъ са поуть и҆му, е҆же є҆ сего лучьши, а҆ в молвѣ житїа сего своихъ днеи не и҆живу. по оученїе са и҆мъ, сѣдаше в дому своемъ, оучаса и҆зъоустъ книгамъ стго григорїа бгословца, и҆ знаменїе крстное сътворь на стѣнѣ, и҆ похвалу написа стму григорїю сице· ѿ григорїе, тѣломъ чл҃че, дшею а҆ггле, ты тѣломъ чл҃къ сын, а҆ггль ӕвися. оуста бо твоа ӕко е҆динъ ѿ серафимъ, бга прославляють и҆ вселенноую просвѣщають пра́выа вѣры оучнїемъ, тѣм же и҆ ма, припадающа к тебѣ вѣрою и҆ любовїю, прїими и҆ боуди ми просвѣтитель и҆ оучтль. тако възвѣщаше. вшѐ же въ многы бесѣды и҆ оумъ велїи, не могыи разумѣти глоубинъ, въ оунынїе велїе впаде. страненъ же бѣ е҆теръ ту, оумѣа граматикїю, и҆ к нему шѐ, молаше и҆, на ногу е҆му падаа, вдааса е҆му· добрѣ дѣи, наоучи ма хитрости грамотичьстїи. о҆н же, талантъ свои погребъ, рече к нему· о҆трочe, не троужаиса. ѿрекълъ са е҆смь ѿтинноу ни кого же не наоучити въ моа дни сему. пакы же о҆трокъ, съ слезами кланааса е҆му, и҆ гл҃аше· възми всю мою часть ѿ дому ѿца моего, е҆же мене достоить, а҆ наоучи ма. не хотѣвшу послоушати, шѐ домовъ, к҆ молитвахъ пребываше, дабы о҆брѣлъ желанїе срца своего. слышав же црвъ строитель, и҆же нарицаетса логофетъ, посла по нь, дабы са съ цремъ оучилъ. о҆трок же, оуслышавъ сѐ, с радостїю поути са ӕтъ, и҆ на поути са поклонь, мл҃тву сътворь, гл҃а· бже ѿць нашихъ и҆ гй млти, е҆же е҆си сътворилъ всаческаа словомъ, премрдостїю своею създавъ чл҃ка, да владѣетъ твореными тобою тварми, даи же ми соущую въскраи твоихъ премрдость, да разоумѣвъ, что є҆ оугодно тебѣ, спсуса. а҆ бо е҆смь ра́бъ твои и҆ снъ рабына твоеа. і к҆ сему прочюю соломоню мл҃тву и҆гл҃авъ, въставъ, рече· а҆минь.

Въ селоуньстѣ градѣ баше мѹ єтеръ, доброродєнъ и богатъ, іменемъ левъ, предрьжа санъ дроугарескъ подъ стратигомъ. баше же бл҃говѣренъ и праведенъ, съхранаа вса заповѣди бж҃іа исполнь, ꙗко же иногда іовъ. живыи же с подрѹжіемъ своимъ, роди же семеро отроуать, ѿ них же бѣ мьнеищь семыи коньстантинъ философъ, наставникъ і оуч҃ль нашь. єгда же и роди м҃ти, вдаша и доилицы, дабы и доила, отроуа же не въсхотѣ м҃тнѣ по чюжь съсець никако же, развѣ м҃трень, дондеже ѿдоено бы. се же бы по бж҃ію смотренію, дабы добра корене добра лѣторасль нескверьнымъ млекомъ въздоено было. по семъ же добраа та родитела, совѣщавшаса, не сходиста са, говѣюща себѣ, но тако жиста о г҃дѣ, ꙗко братъ и сестра, за четыредесать лѣтъ, дондеже а смрть разлоучи, никако же не престоупльше того съвѣта. на соу же ємѹ хотащѹ ити, плакашеса м҃ти отроуати сего, г҃люще· не брегѹ о всѣ, развѣ о младенцы семъ єдинѣ, како иматъ оустроенъ быти. он же єи рече· вѣрѹ ими ми, жено, надѣюса б҃зѣ, ꙗкодати ємѹ имать о҃ца и строитела такокаго, иже строить вса хр҃тіаны. єже са и збысть.

Семи же лѣтъ отрокъ сы, видѣ сонъ. повѣдаа о҃цю и м҃три, и рече· ꙗко стратигъ, събра вса д҃вца и рече къ мнѣ· избери себѣ ѿ нихъ, юже хощеши подрѹжью на помощь и сверьсть себѣ. азъ же, гладавъ и смотрѣвъ в нихъ, видѣвъ єдинѹ краснѣишѹ всѣх, лицемъ свѣтащиса, оукрашенѹ велми монисты златыми и бисерми и всею красотою, єи же има бѣ софьа, сирѣчь, мѹдрость, тоу избрахъ. слышаще же словеса си родитела єго, рекоста к немѹ· с҃нѹ, храни законъ о҃ца твоего, не ѿверзи наказаніа м҃тре твоеа. свѣтилникъ бо заповѣди законѹ и свѣтъ. рцы же премѹдрости· сестра ми боуди, а мѹдрость знаємѹ себѣ сътвори. снаеть бо премѹдрость паче с҃лнца. аще бо ю приведеши себѣ имѣти подроужію, то ѿ многа зла избавишиса єю. єгда же и вдаста на оученіе книжное, спѣаше паче всѣхъ оучнкъ въ книгахъ паматію и хитростію велми, ꙗко и дивѹ быти. єдиною же ѿ д҃ніи, ꙗко же обычаи є богатиницемъ глоумленіе твори ловитвою, изыде с ними на полѣ, ꙗстрабъ с нимъ вземъ, и ꙗко поусти и, по

смотренїю бжїю вѣтръ и занесе. отрокъ же ѿ того въ оунынїе впа и в печаль, два дни не ѣстъ. чл҃колюбїемъ своимъ млтвы бгъ, не веля ему привыкнути житенскыхъ вещей, оудобь оулови, ти ѩко же оулови плакиду к ловѣ еленемъ, тако и сего ѩстребомъ. в собѣ же помышль житїа сего оутѣху, окаяше, гла: таково ли е житїе. се, да, в радости мѣсто, печаль пребываеть; ѿ сего дне по инъ ся поуть иму, еже е сего лучьши, а в молвѣ житїа сего своихъ днеи не иживу. по оученїе ся имъ, сѣдаше в дому своемъ, оучася изъоустъ книгамъ стго григорїа бгословца, и знаменїе кртное сътворь на стѣнѣ, и похвалу написа стму григорїю сице: ѡ григорїе, тѣломъ чл҃че, дшею агглe, ты тѣломъ чл҃къ сыи, агглъ ѩвися. оуста бо твоя ѩко единъ ѿ серафимъ, бга прославляють и вселенноую просвѣщають правыя вѣры оучнїемъ, тѣм же и мя, припадающа к тебѣ вѣрою и любовїю, прїими и боуди ми просвѣтитель и оучтль. тако въздвещаше. вше же въ многы бесѣды и оумъ велїи, не могыи разумѣти глоубинъ, въ оунынїе велїе впаде. страненъ же бѣ етеръ ту, оумѣя граматикїю, и к нему ше, моляше и, на ногу ему падая, вдаяся ему: добрѣ дѣи, наоучи мя хитрости грамотичьстїи. он же, талантъ свои погребъ, рече к нему: отроче, не троужайся. ѿрекълъ ся есмь ѿтиноу ни кого же не научити въ моя дни сему. пакы же отрокъ, съ слезами кланяяся ему, и глаше: възми всю мою часть ѿ дому ѿца моего, еже мене достоить, а научи мя. не хотѣвшу послоушати, ше домовъ, к молитвахъ пребываше, дабы обрѣлъ желанїе срца своего. слышав же црвъ строитель, иже нарицается логофетъ, посла по нь, дабы ся съ црмъ оучилъ. отрок же, оуслышавъ се, с радостїю поути ся ятъ, и на поути ся поклонь, млтву сътворь, гла: бже ѿць нашихъ и гн млти, еже еси сътворилъ всяческая словомъ, премрстїю своею създавъ чл҃ка, да владѣетъ твореными тобою тварми, даи же ми соущую въскраи твоихъ премрость, да разоумѣвъ, что е оугодно тебѣ, спсуся. а бо есмь рабъ твои и снъ рабыня твоея. і к сему прочюю соломоню млтву иглавъ, въставъ, рече: аминь.

’Єгда же прїиде къ цр҃югородꙋ, вдаша и҆ оу҆ч҃телемъ, да са оу҆чить, и҆ в҃ трї мц҃ы навыкъ грамотикїю, и҆ проучи са ѿтъ оу҆ч҃нїемъ. наоучи же са ѻ҆мирꙋ и҆ геѡмитрїи оу҆ лва и҆ оу҆ фотѣ дїалексицы и҆ всѣ҃ философьскимъ оу҆ч҃нїемъ, к сим же и҆ риторикїи, и҆ ӑреѳьмитикїи, и҆ ӑстрономїи, и҆ мꙋсикїи, и҆ прѡ́чимъ є҆ллиньски҃ оу҆ч҃нїемъ, тако же и҆ꙁвыче вса҆, ꙗ҆ко же бы моглъ кто є҆дино навыкнꙋти ѿ нихъ. скѡрость бо са съ прилежанїемъ сключи, дроуга дроугꙋ преспѣвающи, и҆м же оу҆ч҃нїа и҆хъ и҆ хитрости свершають. болѣ же оу҆ченїа тихїи ѻ҆бра҃ на собѣ ꙗ҆влаа, с тѣми бесѣдоваше, с иними же бїаше полеꙁнѣе, оу҆кланлаасѧ ѿ оу҆клонающи҃ во стропъты, и҆ помышлаше, како бы и҆ ꙁемными нб҃наа премѣни́шю, и҆ꙁлѣ́тѣти и҆с тѣлесе сего и҆ ꙁ бг҃омъ жити. оу҆ꙁрѣв́ же таковь соуща логоѳетъ, дасть є҆мꙋ вла́сть на своемъ дѡмꙋ и҆ в҃ цр҃кꙋ палатꙋ съ дерꙁновенїемъ вхѡдити, и҆ въпроси є҆ди́ною, гл҃а· ѳилософе, хотѣлъ бы҃ оу҆вѣ́дѣти, что є҃ философь; а҆ ѻ҆н же хитры҃ оу҆момъ рече а҆бїе· бж҃їамъ и҆ чл҃ческимъ вещемъ раꙁꙋмъ, и҆ є҆лико можетъ чл҃къ приближитисѧ бг҃ѣ, ꙗ҆ко дѣтелью оу҆чить чл҃ка по ѡ҆браꙁꙋ бо и҆ по пѡдобїю быти сътворшемꙋ. и҆ ѿ сего же паче въꙁлюби и҆ пр҃но и҆ въпрошаше ѻ҆ всемъ толикѣ вельми и҆ честенъ, ѻ҆н же є҆мꙋ створи оу҆ч҃нїе философьско, в҃ малѣхъ словесѣхъ велїи оу҆мъ скаꙁавъ. въ чтотѣ же пребываа, велми оу҆гажаа бг҃ꙋ, толми паче любеꙁенъ всѣмъ бываше, и҆ логоѳетъ всакꙋ чт҃ь твора є҆мꙋ говѣнии, ꙁлато мно҃го даше є҆мꙋ, ѻ҆н же не прїимаше. є҆ди́ною же рече к немꙋ· твоа красота и҆ мр҃ѡсть ноудит́ мѧ и҆ꙁлиха любити тѧ, то дощерь и҆маю дх҃овнꙋ, ꙗ҆же ѿ кр҃тла и҆ꙁахъ, краснꙋ и҆ богатꙋ, рѡда добра и҆ велья. а҆ще хощеши, подроужью сїю ти дамъ, ѿ цр҃ѧ же нн҃ѣ велїю чт҃ь и҆ княженїе прїимъ, болша почаи. въскорѣ бо стратигъ боудеши. ѿвѣщав же є҆мꙋ философь, рече· даръ оу҆бо велїи требꙋющимъ є҆го, а҆ мнѣ болѣ оу҆ч҃нїа нѣ҃ ничто же, ї҆м же ра҆оумъ събравъ, прадѣдниа чт҃и и҆ богаство хощꙋ и҆скати. слы́шав же логоѳетъ ѿвѣтъ є҆го, ше҃ к҃ цр҃ци, рече· се҃ философь оу҆мыи не любить житїа сего, то не ѿстоупимъ є҆го ѿ ѻ҆бщенїи, но постригше и҆ на поповство, вдадимъ є҆мꙋ слоужбꙋ, да боудеть

вивлотикар оу патрїарха въ ст҃ѣи софѣи, некли поне тако оудержимь и. еже и сътвориша емꙋ. мало же с ними в семъ бывъ, на оуꙁкое море ше҃, таи скрыса в мѡнастыри. искаше же его .г҃. мць, едва обрѣтоша. не могше же его оуниꙋдити на тоже слоужение, оумолиша и оучт҃льныи стѡлъ прїати, оучити филосоѳьа и тоꙁемца и странныа съ всакою слоужбою и помощью, и по то са ѩть.

Бѣ же анїи патрїархъ ересь въꙁвигъ, гл҃а· не творити чт҃и ст҃ымъ икѡнамъ. събравьше съборъ и обличьше и, ѩко неправо гл҃еть, съгнаша и с стола. он же рече· наснаїемъ ма съгнаша, а не препрѣвьше мене. не можеть бо са никтѡ же противитиса слѡвесемъ моимъ. цр҃ь же с патрикїи, оустроивъ философа, посла на нь, рекъ тако· аще можеши оуношꙋ сю прѣти, то пакы столъ свои прїимеши. он же, оуꙁрѣвъ философа оуна тѣломъ, а не вѣдыи стара оума в немъ, и иже бѣахꙋ с нимъ послании, рече к нимъ· вы поножїа моего нѣсте достоини, то како азъ хощю с вами прѣтиса; ѳїлософъ же к немꙋ рече· не люскаго обычаа держи, но бж҃їихъ ꙁаповѣдей ꙁри. ѩко же бо еси ты ѿ ꙁемла, дш҃а бг҃ѡ наставлена, да и мы вси, то, на ꙁемлю ꙁра, чл҃че, не гордиса. пакы же анїи ѿвѣща· неподобно е҃ в осень цвѣтка искати, ни стара на воинꙋ гнати, ѩко же оуношꙋ етера нестора. философь ѿвѣща емꙋ· самъ на са вины ищеши. рцы· в кꙋю верьстꙋ сильнѣиши дш҃а тѣлеси; он же рече· на старость. философь же рече· то на коую та брань гонимъ, на дх҃ѡвнꙋю ли, или на тѣлеснꙋю; он же рече· на дх҃ѡвнꙋю. философь же ѿвѣща· то нн҃ѣ хощеши силнѣи быти, то не гл҃и намъ тацѣхъ притоучь. не бе҃ времене бо цвѣтець ищемъ, ни на воинꙋ тебе гоним. посрами же са тако старець, инако обрати беседꙋ. и рече старець· рцы ми, оуношe, како кр҃тꙋ, раꙁоренꙋ соущю, не кланяемса емꙋ, ни лобꙁаемъ его, а вы, аще лице до перси токмо боудеть, икѡнию емꙋ чт҃ь твораще, не стыдитеса; философь же ѿвѣща· четыре бо части кр҃тъ имать, і аще едина его часть оубоудеть, то оуже своего лица не ѩвлаеть, а икона токмо ѿ лица образъ и подобїе того, его же ради писана. не лвова бо лица, ни

рысьѧ ꙁрить, иже и видить. пакы рече старець· како са оубо кланаемъ кр҇ту бе написанїа, а бывшимъ инѣмъ кр҇томъ, иконꙑ же, аще не имать писана имени, его же боудеть обра҇, то не творите ен чт҇и; философь же ѿвѣща· всакъ бо кр҇тъ подобенъ обра҇ имать кр҇ту хв҇у, а иконы не имуть вса образа единого. и старець же рече· бг҇у рекшу моѵсѣю· не сътворишн всакого подобїа. како вы, твораще, кланаетеса; философь же противоу семоу ѿвѣща· аще бы реклъ· не сътворши ни какова же подобїа, то право пришн, но е҇ реклъ· не всакого, си рѣчь, достоиное. противу же се̑ не могъ ѿпрѣти старець, посрамльса, и оумолча.

По сих же агаране, нарицаеми срачини, воꙁвигоша хоулу на едино бж҇тко ст҇ыа тр҇ца, гл҇ще· како вы, кр҇тїанѣ, единъ бг҇ъ мѣнаще, раꙁмѣшаете и пакн на трн, гл҇юще, ѩко ѿц҇ь и сн҇ъ и дх҇ъ ст҇ын. аще можете скаꙁать ꙗвѣ, то послѣте моужа, иже можеть гл҇ти и о семъ и препрѣти ны. бѣ же тог҇а фїлософь .к҇. и .д҇. лѣ. соборъ же сътворь цр҇ь, приꙁвавъ и, рече емꙋ· слыши, философе, чтѡ гл҇ть скверни҇и агаране на нашꙋ вѣрꙋ. ты, ѩко же ст҇ыа тр҇ца сын слоуга и оучн҇къ, ше̑, противиса имъ, и бг҇ъ, съвершитель всакои вещи, славимыи въ тр҇цы, ѿц҇ь и сн҇ъ и дх҇ъ, то да ти подасть бл҇гть и силꙋ въ словесѣхъ, ѩко дроугаго дв҇да ново ѩвит та на голїада, съ треми каменми, побѣжь, въꙁвратиса к намъ, сподобленъ нб҇номꙋ цр҇твїю. слышавъ же се̑, ѿвѣща· ра҇ идꙋ ꙁа крестьаньскꙋю вѣрꙋ. что ми есть слаже на всемъ свѣте, но ꙁа ст҇ую тр҇цу оумрети и живꙋ быти; послаша же с нимъ асоукрита геѡргїа. дошешим же имъ тамо, бѣахꙋ образы написали внѣоудꙋ на двере҇ вс҇ѣ кр҇тїанъ, дивы твораще и роугающеса. въпросиша же философа, гл҇юще· можеши ли раꙋмѣти, философе, чтѡ е҇ ꙁнаменїе се̑; он же рече· бѣсовьскы образы вижю, і непщꙋю, ѩко кр҇тьанѣ тоу живꙋть виоутрь. они бо, не могꙋще жити с ними, вонъ бѣжа҇ ѿ ннхъ, а идѣже сего ꙁнаменїа внѣоудꙋ нѣ҇, то с тѣми тоу сꙋ виоутрь. на ѡбѣдѣ же сѣдаще агаране, мꙋдра чада и книжна, оучена геѡметрїи, и остроиомѣи и прочимъ оученїемъ, искоушающе и, въпрошахꙋ, гл҇юще· видиши ли, философе, дивное чюдо, ѩко бж҇їи

прркъ махметъ, принесыи намъ блгѹю вѣсть ѿ бга, ѡбрати люди многы, и вси держимсѧ по законѣ, ничтѡ же престоупающе. а вы, хвъ законъ держаще, вашего пррока, ѡвъ сице, ѡвъ инако, ꙗко є годѣ комоужо васъ, тако держите и творите. к сим же философь рече· бгъ нашь є ꙗко поучина морскаꙗ, рѡ его ктѡ исповѣсть; вземлеть бо сѧ ѿ землѧ живѡтъ его. сего ра исканїа мнози к пѹчинѹ входѧть, и сн҃анїи оумомъ и помощью его бгатьство раумное прїемлюще, преплаваюють и вращаютсѧ, а слабїи, ꙗко въ гнилѣ кораблѣхъ покоушающесѧ преплыти, ѡвїи истапають, а дроузїи едва с троудѡ ѿдыхають, немощною лѣностїю влающесѧ. ваше же є оузко и оудобно, еже можеть прескочить малъ и великъ. нѣ бо кромѣ люскаго ѡбычаа, нѡ є могоуть всѣ дѣати. а ничтѡ вамъ въста, повѣдалъ. нѣ бо вамъ въстагнѹлъ гнѣва и пѡхотїи, нѡ попоустилъ. то в каковѹ вы имать въ пропасть въврещи, смысленыи да раѹмѣеть. хс же не тако, но ѿ низѹ тажкое горѣ въводить, вѣрою и дѣтелїю оучить члка. творець бо сыи всѧческымъ, межю аггы и скоты сътворилъ є члка, слѡвомъ и пѡмысломъ ѿложилъ ѿ скота, а гнѣвом и пѡхотїю ѿ аггль. ен же сѧ части ктѡ приближаеть паче, тою сѧ причащаеть, вышнихъ, ли нижнй. въпросиша же и пакы· како вы, единомѹ бгѹ соущю, въ трй славите, скажи, аще вѣси; ѡца бо нарицаете, сна и дха. то аще тако глете, то и женѹ емѹ дадите, да ѿ него мнѡги расплодать. к си же философь ѿвѣща· не глете тако хоулы бещинѹ. мы оубо добрѣ есмѧ навыкли ѿ ѡць и оучитель трцю славити. ѡць бо и слѡво и дхъ, три оупостаси въ единѡ соущьствѣ. слѡво же то въплотисѧ въ двѣ и роди сѧ нашего ради спсенїа, ꙗко же и махметъ, вашь пррокъ, свидѣтельствѹеть, написавъ сице· послахомъ дхь нашь къ двѣ, изволше, да родить. ѿ сего и азъ вамъ извѣщенїе творю ѡ трцы. сими же словесы пораженн, на дроугаа сѧ ѡбратиша, глюще· ꙗко тако є, ꙗко же глши, гостїю. да аще хс бгъ вашь є, поуто не творите, ꙗко же велить; писана бѡ є въ еѵлскы книгахъ, молити за врагы и добро творити ненавидѧщимъ и гонащимъ, и ланитѹ ѡбратити бьющимъ. вы же не тако, нѡ противнаа ѡроужїа

о҆стрите, на творѧщаѧ вамъ таковаѧ. философь же противꙋ снмъ ѿвѣщѧ· двѣма заповѣдма соущима в законѣ, ктѡ законъ ꙗвлаетсѧ свершаѧ, ли еже единꙋ хранить, ли иже обѣ; ѿвѣщаша же ѡни· ꙗко иже ѡбѣ. философь же рече· бг҃ъ есть реклъ· молити за ѡбидащаа. то ѥ҃ пакы реклъ· болша сеѧ любвѣ не можеть се никто ꙗвити на семъ свѣтѣ, но да положить свою дш҃ꙋ за дроугы. дроуг же ради и се дѣемъ, да не с тѣлесныимъ плененїемъ дш҃а ихъ пленена боудеть. паки же гл҃аша· хс есть дань далъ за сѧ и за ины, вы же не тако творите того дѣлъ, и оуже аще бранаще себе, то како поне дани не даете сницемꙋ и великꙋ и крѣпкꙋ измаилтескꙋ ꙗзыкꙋ за браю вашю и дроугыи; мала же и спросимъ, токмо единого златника, и дондеже стоить всѧ землѧ, хранимъ миръ межꙋ собою, ꙗко инъ никто же. философь же ѿвѣщѧ· аще ктѡ, в слѣ оучителѧ ходѧ, хощеть в тои же слѣ ходити, в он же и онъ, дроугїи же, оустрѣтъ, вьвращаеть и, дроуг ли емꙋ есть, ли врагъ; ѿвѣщаша они· врагъ. философь же рече· егда хс дань далъ, кое ц҃ство бѣ, измаилтеско ли, или римско; ѿвѣщаша они· римско. тѣмъ не подобаеть на҃ зазирати, понеже римланомъ даемъ вси дань. по сих же ина многа въпрошанїа въпрошаше, искоушающе ѿ всѣ хитростїи, ꙗже и сами оумѣахꙋ. сказа же имъ всѧ, и ꙗко а҃ препрѣ о сих же, рѣша к немꙋ· како ты всѧ си оумѣеши; философь же рече· чл҃къ нѣкыи, почерпъ в мѡри воды, в мѣшце ношаше ю, и гордащеса, гл҃а къ странникѡ· видѣте ли водꙋ, еѧ же никто же не имать, развѣ мене; прише же единъ моужь поморникъ, рече к немꙋ· неистов ли се дѣеши, хвалаѧсѧ токмо о смердащеѣ мѣшцѣ, а мы сего поучинꙋ имаѣ; тако и вы дѣете. а ѿ насъ соу всѧ хитрости ишли. по сихъ, днвъ творѧще, показаша емꙋ вертогра насаженъ иногда, ѿ землѧ изникноущь, и ꙗко сказа имъ, како се бываеть, пакы показаша емꙋ все богаство и храмины, оутворены злато и сребро, каменїемъ драгимъ и бисеромъ, гл҃юще· виж, философе, дивное чюдо, сила многа и богаство много амаврїинно, вл҃кы срачиньска. рече же к нимъ· не диво се ѥ҃, бг҃ꙋ же хвала и слава, сътворшемꙋ си всѧ и

вдавшемꙋ, на оутѣхꙋ чаѧкомъ. того бо соу, а не иного. сътнѣе же на своѭ сѧ злобꙋ обратиша и даша емꙋ ꙗдъ пити, но бгъ млтивыи, рекыи· аще и смртно что испьете, не имать вас вредити, избави того и на своѭ землѭ здрава възврати пакы.

Не по многѣ же времени, ѿрекса сего живота, сѣде на едином мѣстѣ безъ молвы, себѣ самомꙋ токмо въемлѧ, на оутрїи днь ничто же оставлѧѧ, но нищимъ раздаѧ все, на бга печаль возметаѧ, иже сѧ всѣми на всакъ днь пече. единоѭ же на сїи днь слоуга его тоужащꙋ, ꙗко ничто же не имамъ на сиꙗ днь честенъ, онъ же рече емꙋ· препитавыи иногда израильты поустыни, тои има дати намъ и здѣ пищꙋ, но шедъ, поне призови .е. нищь моу, чаѧ бжїѧ помощї. и ꙗко бы обѣднаѧ година, абїе принесе моу бремѧ ꙗди всеѧ и .г. златникъ, и бгꙋ хвалꙋ въздаѧ о всѣхъ сихъ. въ едни же шедъ къ меѳедїѭ, братоу своемꙋ, нача жити, млтвꙋ творити беспрестани къ бгꙋ, токмо книгами бесѣдꙋѧ. бгꙋ нашемꙋ слава всегда и нынѣ.

Прїидоша посли къ црю ѿ козарь, глюще· ꙗко исперва единъ бгъ токмо знаемъ, иже е надъ всѣми, и томꙋ сѧ кланѧемъ на въстокы, а обычаѧ своѧ ины стоудныѧ держаще, жидовѣ оустаще ны вѣрꙋ ихъ и дѣтель прїꙗти, а срачини на другꙋю странꙋ, миръ дающи и дары многы, сїи тѧжꙋт ны на своѭ вѣрꙋ, глюще· ꙗко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ ꙗзыкъ. то сего ради слемъ к вамъ, старꙋю дроужбꙋ и любовь держаще. ꙗзыкъ бо велїи соуще, ѿ бга цртво держите, и вашемꙋ совѣтꙋ въпрашающе, просим же моужа книжна ѿ васъ, да аще преприть жиды и срачины, то по вашю сѧ имемъ вѣрꙋ. тогда црь, взыскавъ филосоѳа, и обрѣтъ и, сказа емꙋ козарьскꙋю рѣчь, глѧ· иди, филосоѳе, к людемъ симъ и сътвори ѿвѣтъ и слово о стѣи трцы, с помощїю еѧ. инъ бо никто же можеть сего достоино сътворити. онъ же рече· аще велиши, ꙗко, на сицꙋ рѣчь радъ идꙋ, пѣшь и босъ сыи и безъ всего, его же не велѧше бгъ оученикомъ своимъ носити. ѿвѣщаѧ же црь· аще се ты бы хотѣлъ о собѣ творити, то добрѣ глши, но црскꙋю державꙋ вѣдыи и чть, чтно иди съ црскоѭ помощїю. и абїе же поути сѧ ꙗтъ. и херь-

сона доше, наоучнса тои жидовьстеи бесѣдѣ, и книга, осмь частїи грамотикїа преложь, и ѿ того разумъ болїи прїимъ. и самарѧнинъ же нѣкто жикаше ту, и приходѧ к немѹ, стѧзашеса съ нимъ, и принесъ книгы самарїискы, показа емѹ, и испрошь а оу него философь, затворивса въ храминѣ, на молитвѹ са наложи, и ѿ бга разѹ прїимъ, чести нача книгы без порока. оузрѣв же самарѧнинъ, вьспи велїимъ гласомъ и рече: во истинѹ, иже въ ха вѣрѹють, вьскорѣ дхъ стыи прїемлють и блгть. снъ же са абїе крщию, и сам са крти по немъ. и ѡбрѣт же еуглїе и псалтырь, роускими писмены писано, и члка обрѣтъ глюща тою бесѣдою, бесѣдова с нимъ, и силу рѣчи прїимъ, своеи бесѣде прикладаа разлучнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и бгѹ млтвѹ твора, вьскорѣ нача чести и сказовати, и мнози са емѹ дивлахѹ, бга хвалаще. слышав же, ѩко стыи климентъ и еще в мори лежить, помоливса, рече: вѣрѹю въ бгъ и стмь климентѣ надѣюса, ѩко ѡбрѣсти имамъ и изнести из мора. оубѣдив же архїепспа, с клиросомъ и говѣиными мѹжми всѣ в корабль, и идоша на мѣсто. и оутишшѹ са морю велми, и дошеше, начаша копати, поюще. абїе же бы вона велїа, ѩко каднлъ много, и по семъ ѩвишаса стыѧ мощи, ѩже вземше с великою чтїю и славою всѣхъ гражанъ, внесоша а въ градъ, ѩко же пишеть въ ѡбрѣтенїе его. козарескъ же воевода с вои пришє, остоупи кртїанескъ градъ и ѡплетеса о немъ, оувѣдѣв же философь, не лѣньса, иде к немѹ, бесѣдова с нимъ, и оучтльна слѡвеса преложь, оукрѡти, и, обѣщавса на крщенїе, ѿиде, ни коеа же пакости не сътворь людемъ тѣ. вьврати же са философь въ свои поуть, и в первыи члвъ млтвѹ творащѹ емѹ, нападоша на нь оугри, ѩко волческы копїюще, хотаще и оубити. он же не оужасеса, ни ѡстави своеа млтвы, ги помилѹи токмо зовыи. бѣ бо кончалъ оуже слоужбѹ. они же, възрѣвше, по бжїю повелѣнїю оукрѡтишаса, начаша кланатиса емѹ, и слышавша оучителна слѡвеса ѿ оустъ его, ѿпоустиша и съ всею дрѹжиною.

Всѣд же в корабль, поути са ѩтъ козарьскаго, на меѡтьское езеро и каспискаа врата кавкасьскы погрѣ. послаша же къзари проти-

вꙋ емꙋ моу лоукавь и ꙁаскопникъ, иже, бесѣдꙋа с нимъ, рече емꙋ· како вы ꙁолъ обычаи имате и ставите црь инъ во иного мѣсто ѿ иного родꙋ, мы же се по родꙋ даемъ; философь же рече к немꙋ· бгъ бѣ в саоула мѣсто, ничто же дѣюща емꙋ оугодна, иꙁбра двда, оугаждающа емꙋ и ро его. он же рече емꙋ· како оубо вы, книги держаще в роукꙋ, ѿ нихъ всѧ притча глаете, мы же не тако, но ѿ перси всю мꙋдрость, ꙗко поглощьше, иꙁносимь ю, не гордаще о писанїи, ꙗко же вы; рече же философь к немꙋ· аще срящеши моужа нагъ, ти начнетъ глати, ꙗко многы риꙁы и ꙁлато има, имеши ли емꙋ вѣрꙋ, видѧ и нага· рече· ни. тако и аꙁъ тебѣ глю· аще еси поглотилъ всѧкꙋ мꙋдрость, то скажи ны, колико е ро до моусѣа, и колико лѣтъ которыиждо ро держалъ; не могъ к семꙋ ѿвѣщати, оумолче. дошедшꙋ же емꙋ тамо, егда хотахꙋ на ѡбѣдѣ сѣсти оу кагана, въпросиша и, глще· кая есть твоа чть, да та посадимъ на своемъ чинꙋ; он же рече· дѣ имѣхъ велїи и славенъ ꙁѣло, иже влиꙁъ цра стоаше, и данꙋю емꙋ славꙋ велїю ѿвергъ, і иꙁгнанъ бы, и на странꙋ ꙁемлю шедъ, и обнища, и тоу ма роди. аꙁ же, двиа чести древнаа ища, не достигохъ инох прїати. адамовъ бо есмь вноукъ. ѿвѣщаша емꙋ· достоино и право глеши, гостю. ѿ сего же паче начаша на немъ чть имѣти. каган же, чашꙋ вꙁемъ, рече· пью въ има единого бга, створшаго всю тварь. философь же, чашю вꙁемъ, рече· пью въ има единого бга и словеси его, ім же нбса оутвердишася, и животворащаго дха, ім же всѧ сила ихъ стоитъ. и ѿвѣща каганъ· все равно глмь о семь, токмо раꙁличїе держимъ. вы бо троцꙋ славите, а мы бга единого, оучлоуче книгы. философь же рече· слово и дхъ книгы проповѣдають. аще кто тебѣ чть творить, твоего же ли словеси и дха не в чть ли іма, дроугыи же пакы все трое въ чть има, кїи ѿ обою е чтвїе; каганъ же рече· иже все трое въ чть имать. философь же ѿвѣща· тѣм же мы болшее творимъ, вещми скаꙁающе и прркъ слоушающе. рече бо исаїа· слоушаи мене, іакове и илю, его аꙁъ ꙁовꙋ· аꙁъ есмь первыи, аꙁъ есмь в вѣкы, аꙁъ есмь і нынѣ, гь посла ма и дхъ его. іюдѣи же

рѣша к немꙋ· рцы оубо, како можеть женескъ родъ бга вмѣстити въ чрево, на нь же не можеть зрѣти, а неже ли родити и; философь же, показавъ перстомъ на кагана перваго совѣтника· аще кто рече, бе не можеть чредити кагана, пакы же речеть· послѣдни рабъ сь можеть чредити кагана и чть емꙋ сътворити, что имамъ нарещи е, скажите ми, неистова, или несмыслена; они же рѣша· и зѣло неистова. философь же к нимъ рече· что есть ѿ видимыя твари чтнѣе всѣхъ; ѿвѣщаша емꙋ· члкъ· по ѡбразꙋ бо бжiю сътворенъ е. пакы же к нимъ рече философь· то соуть неистови, иже глть, яко не можеть ся вмѣстити въ члка бгъ, а ѡнъ в коупинꙋ ся вмѣсти, и въ ѡблакъ, и в боурѣ и в дымꙋ явлѧся моисѣови и иѡвꙋ. како бо можеши, иномꙋ болящꙋ, иного цѣлити; члческꙋ бо родꙋ, на истлѣнiе пришедшꙋ, ѿ кого иного обновленiе пакы прiялъ; аще не ѿ самаго творца, ѿвѣщайте ми; аще врачь, хотя приложити пластырь болящимъ, приложит ли и древѣ, или камени, и явить ли ѿ сего что; и како моисѣи рече дхомъ стымъ въ своеи млтвѣ, роуцѣ простеръ· въ горѣ каменне, въ гласѣ троубнѣ не являи ны ся, гди, к томꙋ, не являи ны ся к томꙋ, гди щедрыи, но вселися в нашꙋ оутробꙋ и ѿими наша грѣхы. и акила бо тако глть. и тако разыдошася съ ѡбѣда, нарекъ днь, в он же бесѣдꙋють о всѣхъ сихъ.

Сѣдъ же с каганомъ, рече оубо философь· азъ оубо члкъ единъ в васъ, бе рода и дроугъ, о бзѣ же ся стязаемъ, емоу же в роукꙋ соуть всякая и срдца наша. ѿ васъ, иже соуть силнiи въ словесѣхъ, бесѣдоующимъ на, иже разоумѣвають, да глть, яко тако е, а их же не разоумѣвають, да въпрашають, и скажемъ имъ. ѿвѣщаша же iюдѣи и рѣша· и мы держимъ въ книгахъ слово и дхъ. скажи же намъ, которiи законъ дасть члкомъ первiе, моисѣев ли, или иже вы держите; фiлософь же рече· сего ли ради на се въпрашаете, да сего ради первыи законъ держите; ѿвѣщаша они· еи. первыи подобаеть. философь рече· то аще хощете первыи законъ держати, то ѿ обрѣзанiя оуклонитеся ѿиноу. рѣша же они· что ради сице глши; философь же рече· скажите ми, не потаяще, в

по томꙋ закѡ̑нꙋ и҆ мѣстꙋ прⷪ҇рцы ве́ліи вопїють. рече бо захарїа· ра́дѹиса ѕѣло̀, дщи сїѡна, се̑ цръ твои грꙗдеть кроѡтокъ, всѣ́дъ на жребецъ ѻ҆се́лъ, сі́мъ и҆ремиичь. и҆ пакы· потребить ѻ҆́роужїе ѿ е҆фрѣма, и҆ ко̑нь ѿ е҆̑рлима, и҆зга̑ть миръ ꙗ҆зыкомъ, и власть е҆го ѿ краи земьлꙗ до конецъ вселе̑ныꙗ. ꙗ҆ков же рече· не ѡ҆скоудѣеть кнѧ̑ ѿ і҆ю́ды, ни и҆гоу́менъ ѿ стегнꙋ е҆̀го, дѡньдеже прїидеть, е҆̀моу же сѧ щадить, и҆ тои чаанїе ꙗ҆зыкъ. сі҆ вси̑ видаще скончана и҆ съверше́на, и҆ кого и҆ного жѐте; даниилъ бѡ рече, ѿ а҆гг҇ла наоу́ченъ· се̑мьдесать недѣлъ до хр҇та и҆ и҆гоумена, е҆̀же соуть .у҃. л҃ѣ. и҆ девꙗтьдесꙗть, вꙁдѣти е҆̑ запечатлѣти прⷪ҇рчества. кое же вы сѧ мнить желѣзное црьство, е҆̀же даниилъ мѣнить въ и҆конѣ; ѿвѣщаша· ри́мское. философь же въпроси а҆̀· ка́мень оу҆торгъ ѿ горы бе̑ роукъ чл҃ческъ, кто̑ е҆̀сть; и҆ ѿвѣщаша· пома́занныи. па́кы же рѣша· то а҆̀ще се̑ сказаемъ прⷪ҇ркы і҆ и҆нѣми вещии и҆̀же пришѐша, ꙗ҆̀ко г҇лаши, кое, римское ли цр҇тво доселѣ держить влⷣчество; ѿвѣща̀ философь· не держи̇тсꙗ, мимо шло е҆̑, ꙗ҆̀ко и҆ про́чаꙗ, по ѻ҆̀бразꙋ и҆кѡ́нномꙋ. на́ніе бо цр҇тво нѣ̑ ри́мско, но хв҇о, ꙗ҆ко же рече прⷪ҇ркъ· въздвигнеть бг҇ъ нб҇ное цр҇тво, и҆̀же въ вѣкы не и҆стлѣетъ, и҆ цр҇тво е҆̀го людемъ и҆нѣ̑ не ѡ҆ставитсꙗ. и҆стнить, и҆звѣеть всꙗ̑ цр҇тва, и҆ то станеть въ вѣкы. не кр҇тїаньское ли цр҇тво нн҃ѣ, хвымъ и҆мене̑ нарицаемо; а҆ римлꙗни и҆доле̑ прилежахꙋ. си же ѻ҆̀во ѿ сего, ѻ҆̀въ ѿ и҆ного ꙗ҆зыка и҆ племене· въ хв҇о и҆мѧ цр҇твꙋеть, ꙗ҆ко же прⷪ҇ркъ и҆саї̈а ꙗ҆влꙗеть, къ вамъ г҇ла· ѻ҆̀ставите и҆мѧ ваше в сытость и҆збранны̑ моимъ, вы́ же и҆звнеть, а҆ работающи̑ наречетсꙗ и҆мѧ ново, е҆̀же бл҃вено боудеть по всеи земли. бл҃вать бг҇а и҆стиннаго, и҆ кленоущїисѧ кленоутсꙗ бг҇омъ нб҇нымъ. не съверши́ша ли сѧ соуть прⷪ҇рческаꙗ прореченїꙗ, ꙗ҆̀же ꙗ҆вѣ ѻ҆ хв҇ѣ сътворена; и҆са́їа бѡ сказаетъ ꙗ҆вѣ рѡ̑ство е҆го ѿ дв҇ы, г҇ла сице· се̑ дв҇аꙗ въ чревѣ прїемлеть, и҆ рѡди́ть сн҇а, и҆ нарѐкоуть и҆мѧ е҆мꙋ е҆ммаꙋилъ, е҆̀же е҆̑ сказаемо, с на́ми бг҇ъ. а҆ михѣа рече· и҆ ты, виѳлеѡме, земле і҆юдово, ни како же е҆си менши въ влⷣкахъ і҆ю́довахъ. и҆с тебе бо и҆зы́деть и҆гоуменъ, и҆̀же пасеть люди моꙗ і҆и҃лꙗ, и҆сходї е҆го і҆сконн ѿ дн҃ии вѣка. сего ради дастьсѧ до времени ражающаꙗ, и҆ рѡди́ть. і҆еремиꙗ вопїеть·

просите и видите, а роди мужескъ полъ, ꙗко великъ день той, ꙗко же не бы инъ, и лѣто тѣсно боудеть іаковꙋ, и ѿ сего спсетса. ісаїа бо рече· преже даже болѧщаа не роди, преже даже не приде рѡство, болѣзни же изъбѣжа, и роди моужескъ полъ. пакы же жидове рѣша· мы есми ѿ сима блвеное сѣма, блви ѡтцемъ нашимъ ноемъ, вы же нѣсте. сказав же имъ, рече о семъ· блвеніе ѡтца вашего ни въ что же бы, токмо хвалу бгу, оного же ни что же не боудеть. се бо е· блвенъ бгъ симовъ. а ко іафеоу гла, ѿ него же мы есмы· да пространить бъ афефа, и да сѧ вселить к села симова. ѿ пррк же и инѣхъ книгъ сказаа, не ѡстави ихъ, дондеже рѣша сами, ꙗко то есть, ꙗко же глши. рѣша пакы· како вы, имоуще оупованіе на члка, творитесѧ блвени быти, а книгы проклинають таковаго; ѿвѣща же філософь· то проклат ли е двдъ, или блвенъ; рѣша же они· зѣло блвенъ. філософь же рече· то и мы на того оуповаемъ, на него же і онъ. рече бо въ псалмѣ· ибо члкъ мира моего, на нь же оуповахъ. члкъ же то хс е и бгъ. а иже оуповаетъ на простъ члкъ, тѣ и мы того проклата творимъ. пакы же притчю преложпша, глюще· како вы, хртіанѣ, обрѣзаніе ѿмѣщете, а хс не ѿвергъшꙋ его, но по законꙋ сконьчавшꙋ; ѿвѣща философь· иже бо, рече, первіе авраамꙋ· се боудеть знаменіе межю мною и тобою, то е съверши, прише, ѿ того державше до сего, а прочее не дасть емꙋ мимо ити, крщеніе намъ дасть. рѣша же они· что ради они первіи оугодиша бгу, того знаменіа не пріимши, но авраамле; ѿвѣща философь· ни которыи же бо ѿ тѣхъ ꙗвлаетсѧ двою женꙋ имѣа, но токмо авраамъ. и сего ради оуда того оурѣзаеть, предѣлъ дла, не престоупати того ради, но по первомꙋ съверьстію адамовꙋ, обра дала протимъ ходити. іаковꙋ тако же сътвори, оутрапле жꙋли стегна его, зане четыре жены поатъ. разоумѣвъ же книгꙋ, еа же ради то емꙋ сътвори, и нарече имѧ емꙋ інль, си рѣчь, оумъ зрѧ бга. к томꙋ бо не ꙗвлаетсѧ, пріимшьсѧ к женѣ, авраам же того не разꙋмѣ. пакы же въпросиша и жидове· како вы, идолом сѧ кланающе, творитесѧ бгꙋ оугажати; ѿвѣща философь· первіе сѧ наоучите раздѣлати имена, что есть икона, что е идолъ,

и тако смотряще, не поступанте на кртїаны. десять бо їменъ к вашемъ ꙗзыци о семъ образѣ лежить. въпрошю же вы и а҃· обра҃ ли скинїа, юже видѣ в горѣ мωусъи, изнесе, или обра҃ образа и хитростїю съдѣла, прикладаа обра҃ камими, и оусъми, и срестми и херовимы изрдны; понеже то и тако сътвори, нарецемо ли вы, того ради, древꙋ и оусмомъ и серестемъ честь творити и кланятися, а не давшемꙋ бгꙋ в то время такъ обра҃; тако же и о соломонии црькви, понеже иконы хероувимскы и агглы и инѣхъ многы образы имѣахꙋ. тако же оубо и мы, кртїанѣ, оугожьшиихъ бгꙋ творяще образы, чти деемъ, и ѿдѣляюще доброе ѿ бѣсовскыхъ обра҃. хоулꙗ бо книгы жроуща сны своꙗ и дъщери и гнѣвъ бжїи проповѣдають, тако же дроугыꙗ хвалять жроуща сны своꙗ и дщери. рѣша же пакы жидове· како вы, свиниинꙋ и заячинꙋ ꙗдуще, не противлаетеся бгꙋ; ѿвѣща к нимъ· перкомꙋ завѣтꙋ заповѣдающе· вса снѣсте, ꙗко зелїе травно. вса бо чта чистымъ заповѣда, а сквернымъ совѣсть ся е оскверинла. и бгъ бо въ твари глеть· се вса добра зѣло, вашего ради лакомъа, мало етеро ѿ нихъ ѿято. снѣсть бо, рече, їаковъ, насытися и ѿвержеся въздюбленный. и пакы· сѣдоша людїе ꙗсти и пити, и въсташа играть. ѿ многа же се мы оукраше, в малѣ положихо селико, памяти ради, а иже хощете съвершеныхъ бесѣдъ сихъ и сты бесѣдъ искати, въ книга его и обращете а, еже преложи оучтль нашь, архїепп мефодїи, раздѣли е на осмь частїи, и тоу оузрить словесную силꙋ ѿ бжїа блгти, ꙗко пламень, палдю на противныа. си же вса каганъ казарескъ с начальными моужи сладькаа его и подобнаа словеса слышавше, рѣша к немꙋ· бгмъ еси самω посланъ на създанїе наше. вса книгы ѿ него навыкъ, все еси по чинꙋ глалъ, досыти наслажь вса ны медвеными словесы сты книгъ. но мы есмы не книжна ча, семꙋ же вѣрꙋ имемъ, ꙗко тако се есть ѿ бга. паче же аще хощеши покои обрѣсти дшамъ нашимъ, всако исправленїе притчами скажи намъ по чинꙋ, на неже та въпрошаемъ. тако же са разидоша почити.

Съвракшеса въ дроугыи днь, рѣша емꙋ пакы· скажи намъ, чест-

ными моужꙋ, притуами и оумо͠ вѣроу, ꙗже є҃ лоуѵша всѣхъ; ѿвѣща к нимъ философъ· мальжена .в҃. бѣста оу цр҃а єдиного въ уѣ҃и велицѣ, любима ѕѣло͠. съгрѣшившима же има, изгнавъ, ѿ ꙁемла посла̀. живꙋщима же има многа лѣта тамо, дѣти сътвориста к нищетѣ. събирающа же са дѣти к себѣ, совѣтъ творахꙋ, кым са бы поутемъ вмѣстити пакы к первыи уинъ. овъ же ихъ сице, овъ онако, а дроугыи дрꙋгъꙗко съвѣтъ дѣаше, которомꙋ совѣтꙋ подобаетъ стоати, не добрѣишемꙋ ли; рѣша же они· что ради сице г҃лешии; свои бо совѣтъ коижо добрѣе творить иного, жидовѣ же свои добрѣ творать, и ини инъ. скажи же, кыимъ раꙁоумѣемъ добрѣи всѣхъ; рече же философъ· огнь искоушаетъ ѕлато и сребро, а ул҃къ оумо ѿсѣкаѥ лжю ѿ истины. рцѣте же ми, ѿ чего бы͠ первое ѿпаденіе, не ѿ видѣніа ли и плода сла̂каго и пѡхоти на бж҃тво; они же рѣша· тако є҃. философъ же рѣчеть· то аще боудеть комꙋ пакость ме͠ ꙗдшю, ли стоуденꙋ водꙋ пившю, пришѐ же врачь, г҃леть ємꙋ· єще много ꙗдъ медъ, исцѣлѣєши, а иже боудеть водꙋ пилъ, томꙋ г҃леть· стоуденꙑ са воды напіи, на мраѕѣ ставъ, исцѣлѣєшь, дроугыи же врачь не тако г҃ть, но противно врачевьство ꙁаповѣдаетъ, в медꙋ мѣсто горко пьюще, поститиса, и въ стоудена мѣсто теплое, грѣющеса, которыи ѿ ѡбою оубо хитрѣе врачюетъ; ѿвѣщаша вси· иже противныа врачевьства ꙁаповѣдаеть. горестїю бо житїа сего и пѡхотнꙋю сладость достоить оумр҃твити и смиреніемъ гордость, противными противнаа врачююще. и мы бо г҃лемъ, ꙗко древо, єже прькое тернъ сътворить, то послѣди сладокъ пло͠ приплодить. пакы же ѿвѣща философъ· добрѣ рѣсте. хв҃ бо ꙁаконъ острото͡ю ꙗвлаетъ бж҃іа житїа, потомъ же во вѣчныхъ жилищихъ стократицею пло͠ приносить. єдин же ѿ нихъ совѣтникъ, срачиньскꙋ ѕлобꙋ добрѣ вѣдыи, въпроси философа· рци ми, гостю, како вы махмета не дрьжите; то є҃ велми х҃а похвалль въ своихъ книга͠, г҃ла, ꙗко ѿ дѣвы са єсть родилъ, сестры мѡѷсеевы, пр҃ркъ веліи, мрътвыа въскр҃шалъ и всакꙋ ꙗꙁю исцѣлилъ силою велїєю. ѿвѣща философъ к немꙋ· да соудить насъ каганъ. г҃ли же· аще є҃ пр҃ркъ махметъ, како имемъ вѣрꙋ данилꙋ; онъ бо рече· до

хс҃ вса видѣнїа и пророчество престанеть. то же по хс҃ ꙗвлеса, то како може прркъ быти; аще бо того пророка наречемъ, то данила ѿвержемъ. рѣша же многи ѿ нихъ· данил же е҃ глалъ бжїемъ дхомъ, махмета же вси вѣмы, ꙗко ложь есть и пагоубникъ спсенїю всѣ, еже есть добрѣишаа влади своа на злобѣ и стꙋдодѣанїе изблалъ. рече же первыи совѣтникъ ѿ нихъ къ прїателемъ жидовскымъ· бжїею помощью гость се всю гордыню срачиньскꙋю на землю сверже, а вашꙋ на ѡнъ полъ поверже, ꙗко сиверꙋ. рече же къ всѣмъ людемъ· ꙗко же есть далъ бгъ ѡбласть надо всеми ꙗзыкы црю кртїаньскꙋ и мрдость съвершенꙋ, тако и вѣрꙋ в нихъ, и кромѣ еа никто же не можеть живота вѣчнаго жити. бгꙋ же слава всегда. рече жь философъ къ всѣ со слезами· ѡ братїа, и ѡцы, и дроузи, и чада, се бгъ дасть всакъ разоумъ и ѿвѣтъ достоинъ. аще ли есть кто противаса, да прїиде и препритъ, ли препрѣнъ боудеть. иже послоушаеть сихъ, да са кртить въ има стыа трцы. иже ли не хощеть, а҃ есмь кромѣ всакого грѣха, а онъ оузрить въ днь соудныи, егда садеть соудїи ветхыи дньми соудити всѣмъ ꙗзыкомъ, ꙗко бгъ. ѿвѣщаша они· нѣ мы собѣ враги, но по малꙋ, иже можеть, тако велимъ, да са кртить волею, иже хощеть ѿ сего дни, а иже ѿ насъ на запа кланаютса, ли жидовскы млтвꙋ творать, ли срачиньскы вѣрꙋ держитъ, скоро смерть прїиметь ѿ на. и тако са разидоша с радостїю. крти же са ѿ нихъ два ста чади, ѿвергшеса мерзостии поганьскы и женитвъ беззаконныхъ. написа же каганъ къ црю книгы сакову· ꙗко послалъ еси, влко, моужа таковаго, иже намъ сказа вѣрꙋ кртьаньскꙋ словомъ и вещми стꙋю трцꙋ, и извѣщьшеса, ꙗко то есть истаа вѣра, повелѣхомъ кртитиса своею волею, надѣющеса и мы доспѣти того же, есмы же всѣ и дроузи и прїатели твоемꙋ цртꙋ и готови на слоужбꙋ твою, ꙗмо потребꙋеши. провода же философа каганъ, даяше емꙋ дары многы, но не прїатъ, гла· даи же ми, елико имаши плѣнникъ грекъ здѣ, и то е҃ болѣ всѣхъ даровъ. събравше же ихъ до двꙋдесатꙋ, даша емꙋ, и иде радуюса в поуть свои.

Доше же безводенъ мѣстъ поустъ, жажа не можахꙋ терпѣти.

ѡ҆брѣтъше же въ слатины водницꙋ, не можахꙋ пити ѿ неꙗ. бѣаше бо ꙗ҆кы голъ. рашешимъ же сѧ и҆мъ всѣмъ и҆скать воды, ре к мефодью, братꙋ своемꙋ· не терплю оу҆же жажа, да почерпи оу҆бо воды сеа. і҆же бо преложилъ первїе и҆зраильтомъ горкꙋю водꙋ въ сладкꙋ, тои и҆ма и҆ намъ оу҆тѣхꙋ сътворити. почерпоша же, и҆ ѡ҆брѣтоша и҆ сладкꙋ, ꙗ҆ко и҆ мекенꙋ и҆ стоуденꙋ, и҆ пивша, прославиша бг҃а, творѧща таковаа своимъ рабомъ. к херсони же, вечераа съ а҆рхїеп҃помъ, рече философъ· сътвори ми, ѻ҆ч҃е, мл҃твꙋ, а҆коу же бы ми ѻ҆ц҃ь мои сътворилъ. вьпросиши же и҆ и҆нѣмъ ѻ҆собь, что ради сє творишии, ѿвѣща филосѡ· въ истинꙋ ѿ насъ ѿи҆деть оу҆трѣ къ гв҃, ѡ҆ставле ны. е҆же и҆ бы҃, слѡвеси сѧ сбывшю. бѣ же въ фоульстѣ ꙗ҆зыць дꙋ велїи, срасльсѧ с черешнею, по нимже требы творахꙋ, нарицающе и҆менемъ а҆лександръ, женьскꙋ полꙋ не дадꙋще приступити к немꙋ, ни къ требамъ е҆го. оу҆слышав же философъ, не ѡ҆бленися трꙋдитися к нимъ, и҆ ставъ посредѣ и҆хъ, гл҃а к нимъ· е҆ллини соуть к вѣчнꙋю моукꙋ шли, кланающеса нб҃ꙋ и҆ землн, ꙗ҆ко бг҃ꙋ, такои велицѣи, добрѣи твари. тако ли и҆ вы, и҆же сѧ древꙋ кланяете, хоудѣи вещи, е҆же е҆сть готово на ѻ҆гнь; ѿвѣщаша ѻ҆ни· мы сего нѣ начали ѿ нн҃ѣ творити, но ѿ ѻ҆ц҃ь е҆смь прїали, и҆ ѿ того ѡ҆брѣтаемъ вса прошенїа наша, дождь же наипаче и҆ и҆на многа. како сє мы сътворимъ, е҆гѡ нѣсть дрьзноулъ ѿ насъ никто же створити; а҆ще бо дръзнеть кто створити сє, тогда же см҃рть оу҆зри, и҆ не имамъ к томꙋ дожда видѣти до коньчины. ѿвѣща к нимъ философ· бг҃ъ ѡ҆ васъ въ книга гл҃еть, а҆ вы сѧ е҆го како ѿмещете; і҆саїа бо ѿ лица гн҃а вопїеть, гл҃а· градꙋ а҆зъ събрати вса племена, и҆ вса ꙗ҆зыки, и҆ прїидꙋть и҆ оу҆зрать славꙋ мою, и҆ ѡ҆ставлю на нихъ знаменїе, и҆ послю ѿ нихъ сп҃сенїе въ ꙗ҆зыки, в тарсисъ, и҆ фꙋль, и҆ въ е҆ладꙋ, и҆ въ ѻ҆токы далнаа, и҆же не соуть слышали моего и҆мени, и҆ възвѣстѧ славꙋ мою въ ꙗ҆зыцѣхъ, гл҃еть гь҃ вседрьжитель. и҆ паки· сє а҆зъ послю к вамъ рыбитвы и҆ ловца многы, ѿ холмъ и҆ скалъ каменны и҆зловать вы. познаите, бра́е, бг҃а, створшаго вы. сє е҆ѵа́лїе новаго завѣта бж҃їа, в ѻ҆н же сѧ е҆сте кр҃тили. тако же слꙋшими словесы оу҆гл҃авь, повелѣ посѣщи древо, и҆ съжьже е҆. и҆

поклѡни же сѧ старѣишина и҆хъ, ше̑, лобза є҆ѵ҃лїе, тако же и҆ всѝ. свѣщѧ же бѣлы прїимше ѿ ѳїлософа, и҆ поюще, и҆доша къ древꙋ. вземъ сѣкирꙋ, тридесѧты и҆ три краты оу҆дари, и҆ повелѣ всѣ̑ сѣщи и҆с корени и҆ съжещи е҆̑. в тоу҆ же нощь снидє ѿ бг҃а дождь, и҆ с радостїю велїею похвалиша бг҃а, и҆ веселисѧ о҆ семъ бг҃ъ ѕѣло̑.

Философъ же и҆де въ коньстантинъгра̑, и҆ видѣ цр҃ѧ, живаше бе̑ молвы, бг҃а молѧ, в҆ црькви ст҃ы а҆п҃лъ сѣдѧ. є҆сть же въ ст҃ѣи софѣи потирь ѿ драга ка́мени, соломона дѣла, на нем же соуть писмена жидовьскы грани написаны, и҆х же не можаше никто же про̑сти, ни сказати. вземъ же философъ, прочте и҆ сказа. є҆сть же сице первая грань· чаша моѧ, чаша моѧ, прорицаи, донде же ѕвѣзда. въ пиво боуди ми, гн҃и, первенцꙋ, бдѧщꙋ нощїю. по семь дроугаѧ грань· на вкоушенїе гн҃е, сътворена древа и҆ного. пїи, и҆ оупїисѧ веселїемъ, и҆ въспи, а҆ллилоуїа. і҆ по семь третьаѧ грань· и҆ се̑ кн҃зь оу҆зрить славꙋ є҆го, и҆ дв҃дъ цр҃ь посредѣ и҆хъ. и҆ по семь число написано девѧть соть и҆ девѧтеро. расчет же по тонкꙋ ѳїлософь, ѡ҆брѣте· ѿ вътораго на десѧть лѣта црс҃тва соломона до црс҃тва хв҃а лѣтъ .ѳ҃. соть и҆ .ѳ҃. лѣтъ. и҆ се̑ є҆сть пророчество ѡ҆ хѣ̑.

Веселѧщꙋ же сѧ о҆ бзѣ философꙋ, пакы дроугаѧ рѣчь приспѣ и҆ троуднѣе первыхъ. растиславъ бо, моравьскыи кназь, бг҃омъ оу҆стимъ, совѣтъ сътвори съ кн҃зи своими моравланы, и҆ посла къ цр҃ю михаилꙋ, гл҃а· людемъ нашимъ поганьства сѧ ѿвергъшимъ и҆ по крс҃тьаньскѣ сѧ законъ держащимъ, оу҆ч҃тлѧ не и҆мамъ такого, и҆же бы ны въ свои ꙗ҆зыкъ и҆стꙋю вѣрꙋ крс҃тьаньскꙋ сказалъ, да быша сѧ і҆ и҆ны страны, того зрѧща, подобили бы сѧ намъ, то посли ны, вл҃ко, є҆п҃пь и҆ оу҆ч҃тль такъ. ѿ васъ бо на всѧ страны всегда̀ добрыи законъ и҆сходить. събрав же соборъ цр҃ь, призва коньстантина философа, и҆ сътвори слышати рѣчь сїю· вѣм та троудна соуща, философе, но потрѣба ти е҆̑ тамо и҆ти. сеѧ бо рѣчи не можеть и҆справити и҆нъ, ꙗ҆ко же ты. ѿвѣща же философъ· троуденъ сы и҆ болѣнъ тѣломъ, ра̑ и҆дꙋ тамо, а҆ще и҆мать боукви въ ꙗ҆зыкъ свои. гл҃а же цр҃ь к немꙋ· дѣ̑ мои, ѡ҆ц҃ь мои, і҆ и҆нии мнози, и҆скавше того, не соу̑ ѡ҆брѣли. то ка́ко могꙋ и҆ а҆зъ то ѡ҆брѣсти; философъ же

Ѿвѣща· то кто может на водѹ беседѹ написати; или еретическо имѧ себѣ обрѣсти; Ѿвѣща емѹ цр҃ь с бардою, оуемъ своимъ· аще ты хощеши, то может тобѣ бг҃ъ дати, иже дает всѣмъ, иже просѧтъ несоумнѣнїемъ. шед же философь, по первомѹ обычаю, на мл҃твѹ сѧ наложи и съ инѣми поспѣшники. въскорѣ же сѧ емѹ бг҃ъ ꙗви, послоушаꙗ же мл҃твы своих рабъ, и абїе сложи писмена, и нача писати беседѹ еѵ҃алскѹ· испервѣ бѣ слово, и слово бѣ ѿ бг҃а, и бг҃ъ бѣ слово, и прочее. възвесели же сѧ цр҃ь и бг҃а прославле своими съвѣтникы, и посла и съ дарьми многыми, писавъ къ растиславѹ епистолїю сиць· бг҃ъ, иже велить всакомѹ, дабы в разоумъ истинныи пришелъ и на болшїи сѧ чинъ подвигъ, видѣвъ вѣрѹ твою и подвигъ, сътвори нн҃ѣ в наша лѣта, ꙗвле боукви в вашь ꙗзыкъ, его же не бѣдано было, токмо в перваа лѣта, да и вы причтетесѧ великыхъ ꙗзыцѣхъ, иже славѧть бг҃а своимъ ꙗзыкомъ, и тоу ти послахомъ того, емоу же бг҃ъ ꙗви, моужа чтнва и бл҃говѣрна, книжна ѕѣло философа. и се прїимъ даръ болїи и чтнѣи паче всакого злата, и сребра, и каменїа драгаго, и богатства преходаща, и подвигни с ним прно оутвердити рѣ и всѣ срцемъ взыскати бг҃а, и общаго спсенїа не ѿрини, но вса подвигни не лѣнитисѧ, нъ ꙗтисѧ по истинныи поуть, да и ты, привед и подвигомъ своимъ в бж҃їи разоумъ, прїимеши свою мздѹ в того мѣсто, и в сеи вѣкъ и в боудщїи, и за вса ты дша, хотащаа вѣровати въ хс бъ нашь, ѿ нн҃ѣ до кончины, и памать свою оставлаа прочи родомъ, подобно великомѹ конъстантинѹ цр҃ю.

Дошешѹ же емѹ мораву, с великою чтїю прїатъ и ростиславъ, и оучникы събравъ, вдасть а оучити. въскорѣ же сѧ црквныи чинъ прело, наоучи а оутренницы, и годинѣ, и вечернїи, и павечерницы, и таинѣи слоужбѣ. Ѿверзошасѧ, по пррческомѹ словеси, оушеса глоухы, оуслышашѧ книжнаа словеса, ꙗзыкъ ꙗснъ бы гоугнивы. бг҃ъ же сѧ о семъ възвесели велми, а дїаволъ постыдѣсѧ. ростоущю же бж҃їю оучнїю, злыи завистивыи исперва, дїаволъ, не терпа сего добра, но вшед въ своа съсоуды, нача многы въздвизати, гл҃а имъ· не славитсѧ бг҃ъ о семъ. аще бо бы емѹ сице годѣ

было, не были могъ сътворити, да быша исперва писмены пишюще бесѣды своа, славили бга, нѡ три ѩзыкы ѥ оубо токмо изьбра, еврѣнскъ, греческъ и латинскъ, ім же достоить бгꙋ славꙋ даати. бѣша же, сѐ глюще латиньстїи фражестїи архїереи и оучицы, и бравшеса с ними, ѩко дѧдъ с іноплеменнїкы, книжными словесы, побѣжь а, нарече триѩзычьникы, ѩко пилатꙋ тако напнсавшꙋ на титлѣ гнн. не токъмо же глахꙋ сѐ єдино, но и иномꙋ вещнїю оучахꙋ, глюще· ѩко по землею живоуть члцы велеглави, и весь гадъ дьѩвола тварь ѥ. аще кто оубїетъ гаѣю, девѧти грѣ изьбоудеть того ради. аще члка оубїетъ кто, три мцы да пїе въ древанѣ чаши, а стеклѧнѣ сѧ не прикасаа. не бранахꙋ же жертвѣ творити по первомꙋ ѡбычаю, ни женитвъ бесчисленыхъ. все же сѐ, ѩко тернїе, посѣкъ, словесныимъ огнемь попали, гла· пожри бгꙋ жрътвꙋ хвалнꙋю, въздай же вышнемꙋ млтвы твоѩ, жены же оуности твоеѩ не ѡпоусти. аще бо ю, възненавидѣвъ, ѡпоустиши, не покрываетъ непочесть похоти твоеѩ, глеть гь вседръжитель. съхранитеса дхомъ вашимъ, и да не ѡставить кожо васъ жены оуности твоеѩ, и сихъ, ихъ же ненавидѣхъ, творасте, ѩко бгъ свѣдѣтельствова межꙋ тобою и междꙋ женою юности твоеѩ, юже єси оставилъ, и та обещинца твоа и жена завѣта твоего. і въ еѵлїи гь. слышасте, ѩко же речено ѥ древнимъ· не сътвори прелюбы. аз же глю вамъ· ѩко всакъ, иже възрить на женꙋ с похотью, оуже прелюбы ѥ сътворилъ с нею срцемъ своимъ. и пакы· глю вамъ, ѩко иже поусти женꙋ свою, развѣ словесе прелюбодѣинаго, творить ю прелюбодѣати, и иже ѿпоущеноую ѿ моужа поемлеть, прелюбы дѣеть. четыредеса мцѣ сътворе в моравѣ, іде стить оучикъ своихъ. пріатъ же и идоуща коцелъ, кнѧ поганескъ, и възлюби велми словеньскы боукы, наоучиса имъ, и вдавъ до патидесать оучикъ оучитиса имъ, и велику чть сътвори емꙋ, и пло проводи и. не взать же ни ѿ растислава, ни ѿ коцьла, ни злата, ни сребра, ни иныа вещи, положь еѵльское слово бе пнща, нѡ токмо плѣнникы испрошь оу обою девать со, и ѿпоусти а.

Минатцѣ бывшю емꙋ, събраша епни и попове на нь, и черноризцы,

ꙗко враны на сокола, и вoздвигоша триꙗзычную ересь, глаголюще: учителю, скажи намъ, како ты еси нынѣ сътворилъ словѣномъ книгы, и учиши а, ихъ же есть ни кто же первѣе обрѣлъ, ни апостоли, ни римьскии папежь, ни діалогъ григоріи, ни ѥронимъ, ни авгоустъ. мы же три ꙗзыкы вѣмы токмо, ими же достоитъ славити бога, еврѣа, еллины, латины; отвѣща же к нимъ философъ: не идет ли дождь отъ бога равно на вся, ли слнце тако же не сіаетъ ли на вся, ни ли дыхаемъ на аеръ равно вси; то како ся вы не стыдите, три ꙗзыки токмо мнѧще, а прочимъ всѣмъ ꙗзыкомъ и племеномъ слѣпымъ велѧще быти и глоухымъ, скажите ми, и бога творяща немощна, ꙗко не могоуща сего дати, ли завистива, не хотяща дати; мы же многы роды знаемъ книгы оумѣюща и богу славу въздающа своимъ ꙗзыкомъ кожьдо, ꙗвѣ же соуть си: армены, перси, авазгы, ивери, соугы, готи, обри, тоурси, козари, аравлѧне, египти, соури и ини многи. аще ли не хощете отъ сихъ разоумѣти, поне отъ книгъ познаите соудію. давидъ бо въпіетъ, глаголя: поите господи вся земля, поите господи пѣснь новоу. и пакы: въспоите господу вся земля, поите и възвеселитеся и въспоите. и дроугоици: ꙗко вся земля да поклонить ти ся и да поетъ тебѣ, да поетъ же имени твоему, вышніи. и паки: хвалите господа вси ꙗзыцы, похвалите господа вси людіе. всяко дыханіе да хвалить господа. въ евангеліи глаголеть: елико ихъ пріяли есть, дасть имъ областы чадомъ божіимъ быти. и пакы то же: не о сихъ же въпрашаю токмо, но о вѣроующихъ словомъ ихъ въ мя, да вси едино боудоуть, ꙗко же и ты, отче, въ мнѣ, и азъ въ тебѣ. матѳеи же рече: дана ми есть вслка власть на небеси и на земли. шедше, наоучите вся ꙗзыкы, крьстяще въ имя отца и сына и святого духа, оучаще а хранити вся, елика заповѣдалъ есмь вамъ, и се азъ с вами есмь вся дни и до скончаніа в вѣкы, аминь. а марко пакы: шедше в миръ весь, проповѣдите евангеліе всеи твари. вѣровавъ и крьстився, спасется, а не вѣроуя, осоудится. знаменіа же повѣровавшихъ поидоуть си: именемъ моимъ бѣсы иждеуть, ꙗзыки възглаголють новы. глаголеть же и к вамъ: горе вамъ, книжници фарисѣи, ꙗко затворяете царство небесное предъ чловѣкы: вы бо не входите, и хотя-

щимъ внити не ѡставлаете. и҆ пакы· горѣ вамъ, книгчїа, ꙗко взасте клюць разꙋмѣнїа, и҆ сами не внидосте, и҆ хотащимъ внити възбранисте. к коренфѣем же паоулъ рече· хощꙋ же, да всѝ ꙗзыкы глете, паче же да пророцаете. болїи оубо пророцаа, нежели гла ꙗзыки, разкѣ а҆ще сказаеть, да цркви създанїе прїиметь. нн҃ѣ же, братїе, а҆ще прїидꙋ к вамъ, ꙗзыкы гла, кꙋю вамъ полꙁю сътворю, а҆ще к вамъ не възглю или ѿкровенїемъ, ли разꙋмомъ, ли пррчествомъ, ли оученїемъ; ѡбаче бездꙋшнаа, гла дающа, а҆ще ли пищали, а҆ще ли гоусли, а҆ще разньствїа пискомъ не дасть, како разꙋмѣетса пищемое, ли гоудомое; и҆бо а҆ще безвѣстенъ гласъ троуба дасть, ктѡ оуготовлаетса на брань; тако и҆ вы. ꙗзыкомъ а҆ще неразоумна слѡвеса дасте, како разоумно боудеть глемое; боудеть бо въ а҆еръ глюще. толико оубо, а҆ще клюцить, рѡ҆ гласныхъ въ всемъ мирѣ, и҆ ни е҆динъ же и҆ безгласенъ. а҆ще оубо не вѣмъ силꙋ гласꙋ, то оубо боудꙋ глющию ми варваръ и҆ глаи мнѣ варваръ. тако і҆ вы. понеже ревнители е҃ дх҃вныи, къ създанїю цркви просите, да вы и҆збываеть. тѣм же гла ꙗзыкомъ, молитса, да сказоуеть. а҆ще бо млтвꙋ дѣю ꙗзыкомъ, то дхъ мои молитса, а҆ оумъ мои бес плода е҆сть. что оубо е҃; помолюса дхомъ, помолюса оумомъ, спою дхомъ, спѡю оумомъ; а҆ще благовѣстиши дхомъ, и҆сплънаа мѣсто неразоумнаго, какъ речеть а҆минь по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глеши; ты оубо добрѣ хвалиши, но дроугїи не зижетса. хвалю бга моего, паче же всѣхъ васъ ꙗзыкы гла. нѡ въ цркви хощю пать слѡве҃ оумомъ своимъ глати, да и҆ны наоучю, неже тмꙋ слѡвесъ ꙗзыкомъ. братїе, не дѣти бываите оумы, но злобою младе҆ньствꙋите, оумом же съвершени боудите. в законѣ пишеть· ꙗко и҆ноꙗзычникы и҆ оустнами и҆нѣми възглю люде҃ симъ, и҆ тако не послоушають мене, глть гь вседръжитель. тѣм же ꙗзыцы въ знаменїе соуть не вѣрнымъ, но невѣрнымъ, пррчество не невѣрнымъ, но вѣрꙋющимъ. а҆ще бо снидетса цркви вса вкоупѣ, и҆ вси глють вкоупѣ ꙗзыки, внидеть же неразоумнвъ, или невѣренъ, не речет ли, ꙗко зли са дѣете; а҆ще ли пррчествꙋють вси, внидет же нѣкыи невѣренъ, ли неразꙋмнвъ, ѡбличаетса всѣми и҆ въстазаетса ѿ всѣхъ, и҆ таинаа срдца

єго ꙗвѣ бываєть, и тако падеть ниць, поклонитса богꙋ, повѣдаꙗ, ꙗко истинꙋ богъ в васъ єсть. что оубо єсть, братїє; єгда сходитєса, коєжо в васъ псаломъ имать, оучнїє імать, ꙗвленїє имать, ꙗзыкъ іма, сказанїє імать. вса же к созданїю да бывають. аще ли кто ꙗзыкомъ глаеть, по двѣма или ѕѣло трємъ, и по части, єдинъ да сказаєть. аще ли не боудеть глагольника, да молчить въ цркви, в собѣ же да глаеть богꙋ. прорцы же два, ли трие, да глають, а дрꙋзїи да сказꙋють. аще ли иномꙋ ꙗвитса сѣдащꙋ, первыи да молчить. могоуть бо по єдиномꙋ вси прорчествовати, да вси оучатса и вси оутѣшаютса. и доуси прорчестїи пророкомъ повинꙋютса. нѣсть бо нестроенїю богъ, но мирꙋ.... гнꙗ же заповѣдь єсть. аще кто не разоумѣєтъ, да неразоумѣваєтъ. тѣм же, братїє, ревноуите прорицанїю, не браните глати ꙗзыки. вса же благовѣрно по чинꙋ да бывають. и паки глеть· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть, ꙗко гь ісъ хсъ въ славꙋ богꙋ отцꙋ. аминь. сими же словесы и инѣми болши посрамле а, оставль.

Оувидѣв же римьскыи папежь, посла по нь. и дошєшꙋ же ємꙋ рима, изиде самъ апоустоликъ адрѣанъ съ всѣми гражаны, свѣща носаще, оувидѣв, ꙗко стго климента мощи несеть, мꙋченика и папежа римска. абїє богъ нача чюдеса творити. расслабленъ же члкъ тоу исцѣлѣ, і инии мнози различныи недоугъ избыша. и прїимъ же папежь книги словеньскыꙗ, сти, и положивше а въ цркви стыꙗ марїꙗ, ꙗже са нарицаєть фатнь, пѣша с ними слоужбꙋ. по семъ повелѣ папежь двѣма єпкома, фоурьмꙋсꙋ и гордихꙋ, стити словеньскїꙗ оученикы, и ꙗко а стиша, абїє пѣша слоужбꙋ въ цркви стго петра словеньскимъ ꙗзыкомъ, и въ дроугїи днь пѣша въ цркви, стыꙗ петронилы, и въ дроугыи днь пѣша въ цркви стго андрѣа, и отоудꙋ пакы оу великаго оучтла ꙗзыческаго, павла апла, в цркви обнощь пѣше словенскы, и слоужбꙋ пѣша на стымъ гробомъ, імꙋще на помощь арсенїа єпспа, єдиного соуща от семи єпспъ, и анастаса виклотикара. философъ же с своими оученикы не престааше, подаа достоинꙋю хвалꙋ богꙋ о семъ, римлане же не престаша ходаще к немꙋ, въпрашающе на все, и сказанїє соугоубъ и тре-

гоубѣ достоинно прїимахꙋ ѿ него. жидовин же нѣкыи, приходѧ и стѧзаѧсѧ с нимъ, рече емꙋ єдиною· нѣ҃ оуже пришелъ хс҃ по числꙋ лѣтнемꙋ, о нем же гл҃ють пр҃рцы, ꙗко ѿ дв҃ы сѧ имать родити. почте же емꙋ философъ всѧ лѣта ѿ адама по родомъ, сказа емꙋ потонкꙋ, ꙗко пришелъ є҃, и селико лѣтъ єсть ѿтолѣ до нн҃ѣ, и наоучивъ, ѿпоусти.

Постигшим же многымъ троудо҃мъ, впаде в болѣзнь, и терпѧщꙋ емꙋ ꙗзю болѣзненꙋю многы дн҃и, єдиною видѣвъ бж҃їе ꙗвленїе, начать пѣти сице· о рекшихъ мнѣ, в домъ гн҃ь внидемъ, възвесели ми сѧ дх҃ъ мои и ср҃це обрадова. облѣкъ же сѧ въ чтныѧ своѧ ризы, тако пребы҃ весь дн҃ь, веселѧ҃ и гл҃ѧ· ѿселѣ нѣ҃мь азъ слоуга црю, ни иномꙋ никомꙋ же на земли, но токмо бг҃ꙋ вседержителю и бѣ҃ и есмь в вѣкы. аминь. въ оутрїи же дн҃ь въ ст҃ыи мнишескыи образ оболкъсѧ, и свѣтъ къ свѣтꙋ прїимъ, їмѧ си нарече кѵрилъ. в том же бѣ҃ образѣ пѧдесѧ҃ днїи. ꙗко сѧ приближи година, да покои прїимъ, преставитсѧ на вѣчнаѧ жилища, въздвигъ къ бг҃ꙋ роуцѣ свои, сътвори мл҃твꙋ, съ слезами гл҃ѧ сице· гн҃и бж҃е мои, иже єси агг҃лькыѧ всѧ чины и бесплотныѧ силы съставивъ, и нб҃ѡ распенъ, землю основавъ, и всѧ соущаѧ ѿ небытїѧ в бытїе приведъ, иже єси всегда вездѣ послоушавъ творѧщихъ волю, боѧщихсѧ тебе и хранѧщихъ заповѣди твоѧ, послꙋшаи мл҃твы моѧ, и вѣрное стадо съхрани, ем же бѣ приставилъ нечаючимаго и недостоинаго раба твоего, избавлѧѧ ѿ всѧкыѧ поганьскыѧ злобы и ѿ всѧкого многорѣчиваго и хꙋлнаго єретическаго ꙗзыка, гл҃ющаго на тѧ хоулꙋ, и погоуби тріꙗзычьноую ересь, и възрасти цр҃квь твою множествомъ, всѧ единодш҃но съвокоупи и сътвори изрѧдны люди, единомыслѧща о истиннѣи вѣрѣ твоеи и правѣ исповѣданїи, вдꙋхни же къ ср҃дца ихъ слово твоего оучнїѧ. твои бо єсть даръ. аще ны єси прїалъ недостоиныѧ на проповѣданїе єѵ҃лїѧ хв҃а твоего, гостращасѧ на благаѧ дѣло и творѧща оугодїа тобѣ, ꙗже мнѣ далъ бѣ, ꙗко твоѧ, тебѣ предаю. оустрои а҃ силою твоею десницею, покрываѧи кровомъ крилꙋ твоею, да вси хвалѧть и славѧть имѧ твое ст҃ое, ѿц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а в вѣкы. аминь. лобызавъ

же всѧ̀ ст҃ымъ лобызанїемъ, рече· бл҃венъ бг҃ъ, иже не дастъ на̑ в ловитвꙋ зоубомъ невидимыхъ нашихъ врагъ, но сѣть ихъ съкроуши, избави ны ѿ истлѣнїа ихъ. и тако почи о г҃ѣ, сыи .м҃. лѣтъ и двꙋ, въ .дı҃. днь мц҃а феврала, къ индиктъ вторыи, и ѿ твари всего мира .ѕ҃. и .т҃. и .о҃. и .ꙁ҃ лѣ. повелѣ же апоустоликъ всѣмъ грекомъ, иже бѣахꙋ в римѣ, тако же всѣмъ и римланомъ, съ свѣщами шеше, пѣти на̀ ни и сътворити провоженїе емꙋ, ꙗко самомꙋ папежꙋ сътворити. еже и сътворишѧ. мефедїи же, бра̑ его, въпроси апоустолика, гл҃а· ꙗко мт҃и ны епть заклала, да иже наю первое на соу̑ поидеть, да принесеть братъ въ свои манастырь, тоу и погребеть и, повелѣ же папежь вложити и в ракꙋ, забити и гвозди желѣзны, и тако держа .ꙁ҃. днен, готова на поуть. рѣша же къ апоустоликꙋ римстїи еп҃пи· понеже е҃ бг҃ъ, по многа̑ землямъ хождьша, привелъ и сѣмо, и ѿсюдꙋ дш҃ю его изялъ, здѣ емꙋ достоить лещи, ꙗко ч҃тнꙋ моужꙋ. рече же апоустоликъ· то за ст҃ꙋю его любовь, римьскыи обычаи престꙋпле, погребꙋ и в моемъ гробѣ, въ црк҃ви ап҃ла петра̀. ѿвѣща же братъ его· то понеже мене не послоушасте и не дасте ми его, аще ли есть любо, да лажеть в црк҃ви ст҃го климента, с нимъ же е҃ и сѣмо пришелъ. и повелѣ же апоустоликъ тако сътворити. паки събравшимся всѣмъ, и стрижникомъ и всѣмъ людемъ, проводити и ч҃тно, хотяще же положити, рѣша еп҃пи· ѿгвоздьше ракꙋ, види, аще есть цѣлъ, егда есть взято ч҃тн ѿ него. и троушеся много, не могꙋще ѿгвоздити ракы, по бж҃їю повелѣнїю, и тако с ракою положиша въ гробѣ о деснꙋю странꙋ олтара, въ црк҃ви ст҃го климента, идѣже начаша абїе многа чюдеса бывати, ꙗже видѣвше римлане, болѣ са приложиша ст҃ыни его и ч҃тн, написавше икѡнꙋ его, на гробомъ поставиша, и начаша свѣтити на̀ нимъ днь и нощь, хвалаще бг҃а, прославлающаго тако, иже и славать. томꙋ бо е҃ слава и ч҃ть въ вѣкы. амїнь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
328,	4.	Проп. къ.
—	5.	непрїазнинъ вм. непрїазненъ.
—	17.	Проп. и̓ а̓зъ.
329.	12.	Проп. и̓ передъ сестра.
—	13.	Проп. же.
—	27.	спласть вм. снасть.
—	28.	себѣ послѣ подроужїю лишнее.
330,	3.	оу̓ду вм. оу̓добь.
—	4.	Повторено сряду ꙗ̓ко же.
—	5.	о̓калше вм. о̓калше.
—	6.	пребываютъ вм. пребывае̓ть.
—	8.	оу̓ченїемса имъ вм. оу̓ченїе са и̓мъ.
—	16.	оу̓ченїе вм. оу̓мынїе.
—	20.	погребенъ вм. погребъ.
331,	11.	Проп. и̓ помышлаше.
—	12.	е̓го вм. сего.
—	18.	по ѡ̓бразу бо вм. по ѡ̓бразу.
—	25.	и̓ мою вм. и̓малю.
—	28.	Проп. рече.
332,	15.	Проп. и̓ передъ и̓же.
—	32.	Проп. а̓ и̓кона токмо ѿ лица о̓бразъ.
333,	6—8.	Проп. како вы твораще, клаиаетеса. философъ же противоу семоу ѿвѣща· а̓ще бы реклъ, не сътвориши ни какова же подобїа.

Стран.	Строк.	
334,	1.	пронесыи҃ вамъ... ѡ҆бради вм. принеси намъ... ѡ҆брати.
—	5.	поучина е҆сть мѡрскаѧ вм. поучина морскаѧ.
—	12.	все вм. всѣ.
—	17.	межю а҆гг҃лы и҆ чл҃кы вм. межю а҆гг҃лы и҆ скоты.
—	18.	ѿ сказа вм. ѿ скота.
—	—	и҆ гнѣва и҆ пѡ́хотїи ѿрекаъ вм. а҆ гнѣвомъ и҆ пѡ́хотїю ѿ а҆гг҃лъ.
—	25.	Проп. слѡ́во передъ и҆ дх҃ъ.
335,	9.	ꙁа ны вм. ꙁа и҆ны.
—	10.	да ни даете вм. дани не даете.
—	12.	Проп. и҆ передъ до́ндеже.
—	21.	Проп. и҆ передъ ꙗ҆ко.
—	26.	по чинѹ вм. поучинѹ.
—	29.	Проп. и҆ передъ ꙗ҆ко.
—	32.	Проп. и҆ передъ бога̑ство.
336,	2.	Проп. и҆ передъ даша.
—	14.	меѳемедїю вм. меѳедїю.
—	20.	держаще вм. прїꙗ҆ти.
—	25.	нашю вм. вашю.
—	30.	Проп. и҆ восъ.
—	—	разве сего вм. и҆ безъ всегь
—	32.	гл҃ше вм. гл҃ши.
337,	20.	Проп. внесоша а҆ въ градъ.
—	24.	Проп. и҆ передъ ѡ҆бѣщавсѧ.
—	26.	Проп. и҆ передъ въ.
—	33.	погръ, вѣроятно, вмѣсто погъръ, т. е., погоръ, погорій.
—	—	Проп. же послѣ послаша.
338,	11.	тоуко вм. тако.
—	20.	Проп. и҆ передъ право.
339,	3.	свѣтлника вм. совѣтника.
—	6.	неи҆стовство вм. неи҆стова.
—	8.	чл҃нѐ вм. чт҃нѣ̀.
—	17.	въ грѡбѣ вм. въ горѣ.
—	26.	сказа вм. скажемъ.
—	29.	Проп. ли послѣ сего.

Стран.	Строк.	
340,	11.	Проп. ꙁаповѣдахъ.
—	23.	Проп. и҆́хъ.
—	27.	Пропускъ.
—	30.	пребываюшє вм. пребываюшь.
—	32.	тако вм. како.
341,	4.	совѣтъ вм. ꙁавѣтъ.
—	10.	ходити вм. ходите.
—	12.	Проп. и҆ передъ насоущє.
—	27.	сїа же вм сї, и҆́же.
—	30.	филимскаго вм. филистимскаго.
—	32.	Проп. и҆ передъ ѿ.
342,	12.	оу҆торъ вм. оу҆торгсѧ.
—	24.	и҆ꙁбиєтє вм. и҆ꙁбїєть.
—	25.	бл҃жить вм. бл҃жать.
—	26.	клєноущїнсѧ.
—	—	Проп. клєноущнмсѧ вм. клєноутсѧ.
343	10.	Проп. и҆ пéредъ и҆нѣхъ.
—	13.	ѿвѣщак вм. ѿвѣща.
—	19.	ѿвѣщакъ вм. ѿвѣща.
—	24.	а҆враамъ вм. а҆враамлє.
—	27.	входити вм. ходити.
—	30.	боудєть вм. бо; прїнмшє вм. примѣшьсѧ.
344,	6.	оу҆сомъ вм. оу҆смомъ.
—	14.	свонинꙋ вм. свининꙋ.
—	18.	Проп. и҆ передъ ѿвєржєсѧ.
—	20.	оу҆кра́шє вм. оу҆кра̑шє.
—	23.	оу҆ꙁрѣвъ вм. оу҆ꙁритъ.
—	—	поутинꙋ вм. по тинꙋ.
345,	1.	оу҆момъ и҆ вѣрою вм. и҆ оу҆мѡ҆ вѣроу.
—	5.	съєнраю҆ща вм. съєнраю҆ща же сѧ.
—	6.	а҆ дроугыи о҆нако вм. о҆въ о҆нако.
—	9.	доброє вм. добрѣє.
—	12.	ми ми вм. ми.

Стран. Строк.

— 15. комѹже ӑдшю, ли стоѹденѹ кдѹшин вм. медъ ӑдшю, ли стоѹденѹ водѹ пиюшю.
— 16. а̓ще много ӑдъ медъ исцѣлеи вм. е̓ще много ӑдъ медъ, исцѣлѣеши.
— 18. исцѣлѣетъ вм. исцѣлѣешь.
— 22. оу̓ко вм. ко.
— 23. горесть вм. гордость; проп. противными.
— 24. е̓теринъ вм. е̓же прьвое теринъ.
— 26. животъ вм. же ко.
— 29. тако вм. како.
— — махметъ вм. махмета; кѣмын вм. кѣмы.
346, 6. и̓зблинлъ вм. и̓зблалъ.
— 7—8. на сраѵиньскѹю землю вм. сраѵиньскѹю на землю.
— 14. Проп. е̓сть передъ кто.
— 16. Лишнее во послѣ а̓.
— 17. ветхыми дн҃ьми вм. ветхыи дн҃ьми.
— 20. Проп. а̓ передъ иже.
— 21. вѣры держимъ вм. вѣрѹ держитъ.
— 23. ѿверзошася вм. ѿвергшеся.
— 26. Проп. и̓ передъ и̓звѣщьшеся.
— 29. даа̀ вм. даа̀ше.
— 30. прїахъ вм. прїатъ.
— 32. Проп. и̓ передъ и̓де.
— 33. Ше̂ вм. Доше̂.
346, 8. сътворити вм. сътвори.
— 10. сътворими вм. творими.
— 11. оставленїе же вм. оставль ны, е̓же; слѡжеса вм. слѡжеси.
— 13. не дадѹщѹ вм. не дадѹще.
— 17. Проп. и̓ передъ добрѣи.
— 19. нѣ̑ мы вм. нѣ̑
— 20. доиде же напала и̓ на вм. дождь же напаче и̓ ина.
— 21. Проп. никто же.
— 22. Проп. а̓ще бо дръзнетъ кто створити се̑.
— — Проп. и̓ передъ не.

Стран.	Строк.	
—	23.	Проп. и҆ передъ не.
—	25.	и҆ а҆зъ вм. а҆зъ.
—	26.	Проп. и҆ передъ пріидꙋть.
—	30.	Проп. рыбитвы.
347,	12.	водащꙋ вм. бъдащꙋ.
—	19.	Веселаще вм. Веселащꙋ.
—	21.	Проп. и҆ передъ посла.
—	24.	и҆ ст҃ꙋю вм. и҆стꙋю.
—	29.	ми вм. ти.
—	32.	Проп. философь же ѿвѣща.
349,	1.	Проп. и҆ли.
—	2.	с правдою оу҆момъ вм. с вардою оу҆емъ.
—	6.	Лишнее и҆ передь послоушаа.
—	—	Проп. и передъ нача.
—	11.	пришли не ѡ҆блѣнившиса вм. пришелъ и҆ на вольшии са; подвижнѣ вм. подвигъ.
—	—	видѣ вм. видѣвъ; и҆ совѣтъ вм. и҆ подвигъ.
—	17.	подвигии вм. подвиги҃и.
—	25.	Проп. и҆; родиславъ вм. ростиславъ.
—	26.	въсть, вм. въдасть.
—	27.	наоу҆чаа вм. наоу҆чи а.
350,	1.	писмена вм. писмены.
—	3.	Проп. греческъ и҆ латинскъ; слава вм. славꙋ.
—	4.	Проп. се҃.
—	—	Проп. и҆.
—	5.	събравшеса вм. бравшеса.
—	6.	побѣжаа на'четыре ꙗ҆зычьники вм. побѣжь а҆, нарече а҆ триꙗ҆зычьникы.
—	7.	Проп. и҆ передъ и҆номꙋ; вещїю оу҆чащꙋю вм. вещьнию оу҆чахꙋ.
—	8—9.	всегда вм. весь гадъ.
—	11.	стисланѣ вм. стекланѣ.
—	13.	са... пѣсокъ вм. се҃... посѣкъ; повторено ѻ҆гнемъ такъ: ѻ҆гнемъ попали ѻ҆гнемъ.
—	17.	съхранитиса вм. съхранитеса.

Стран. Строк.

— 18. съ женою вм. жены.

— — Проп. ѝхъ же; ненавидащихъ вм. ненавидѣхъ.

— 19. Проп. ѝ между женою.

— 20. Проп. ѝ передъ та.

— 21. ἰєвъ (ꙁрй) єѵлїи вм. ἰ въ єѵлїи.

— 22. Проп. ѝже.

— 23. ѩко вм. оўже.

— 24. глєть вм. глю.

— — Проп. ѝ передъ же.

— 25. ѿпоущеною вм. ѿпоущеноую.

— 31. пищи вм. плища.

— 32. Проп. ѝ.... ѧ̀.

— 33. Мнатѣ вм. Мнатцѣ; нашь вм. на нь.

351, 2. ѩко вм. како.

— 3. їнъ вм. їхъ.

— 8. тако вм. то како.

— 10. келащимъ вм. келаще.

— 15. но не вм. поне.

— 17—18. Проп. поите ѝ възвеселитеса ѝ въспоите. и дроугонщи· ѩко вса ꙁемла.

— 19. Проп. тебѣ, да поетъ.

— 27. и хранити вм. хрнити.

— 30. ѝсповѣдалъ вм. ꙁаповѣдалъ.

352, 4. Проп. болїи оўбо прорицаа.

— 5. не скаꙁаете вм. скаꙁаеть.

— 13. Проп. ѝ передъ ни.

— 15. оўмы лишнее передъ варваръ.

— 17. Проп. да; молитиса да скажють ти вм. молитса, да скаꙁоуетъ.

— 18. дѣати вм. дѣю.

— 19. молюса оўмомъ, помолюса дхомъ вм. помолюса дхомъ, помолюса оўмомъ.

— 20. ѝсплънєнаа вм. ѝсплънаа.

— 21. Проп. нераꙁоумнаго, како речеть ѧминь.

— 22. Лишнее: ты оўбо добрѣ глєши при ты оўбо добрѣ хвалиши.

— — не дроугїи ꙁижетса вм. но дроугїи не ꙁижетса.

Стран.	Строк.	
—	23.	въ всѣ̆ насъ. паче же ѩ̓зыны гл҃ю вм. паче же всѣ̆ васъ ѩ̓зыкы гл҃а.
—	29.	Проп. не вѣрнымъ, но.
—	31.	неразоумѣвъ, и̓ли разумнкъ вм. неразоумнкъ.
—	32—33.	ни вм. ли; проп. и̓ всѣми ѿ всѣхъ вм. ѿ всѣхъ.
—	—	Проп. и̓ передъ таинаа.
353.	5·	по двѣ̈ма глаȏ и̓ли по тремъ вм. по двѣма и̓ли глаӧ по тремъ.
—	10.	вси прр҃чествїи вм. доуси прр҃честїи.
—	11.	Пропускъ.
—	12.	Проп. да неразоумѣваетъ.
—	19.	носаща вм. носаще.
—	20.	же вм. ѩ̓ко.
—	29.	слѡвескы вм. слѡвенскы.
354,	1.	Проп. и̓ передъ стазаса.
—	2.	ноужи вм. оуже.
—	5.	но толкꙋ вм. по тонкꙋ.
—	—	и̓ пришль є҇ вм. пришелъ є҇.
—	11.	Проп. и̓ передъ гл҃а.
—	13.	Проп. и̓ передъ є̓смь.
—	18.	бесплотныа и вм. и̓ бесплотныа.
—	21.	боащи́мса тебе и̓ хранащимъ вм. боащи́хса тебе и̓ хранащихъ.
—	—	послꙋшаетъ мл҃твы твоа вм. послꙋшаи мл҃твы моа.
—	29.	и̓ проповѣданїє вм. на проповѣданїє.
--	30.	Проп. на благаа дѣла и̓ твораща.
355.	3.	ѿ и̓стлѣнїихъ вм. ѿ и̓стлѣнїи и̓хъ.
—	13.	же повелѣ вм. хождьша, привелъ и̓.
—	15.	Проп. за.
—	17.	ѿвѣщавъ вм. ѿвѣща.
—	—	поне вм. понеже; проп. мене и̓.
—	19.	сим вм. съ ним.
—	22.	Проп. и̓.
—	27.	Проп. и̓ передъ начаша.
—	28.	тако же вм. тако, и̓же и̓.

XII

По Четь-Минеи Февральской Московскаго Чудовскаго монастыря, писанной въ 7108 (1600) году, при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, повелѣніемъ Архимандрита Пафнутія съ братіею, въ листъ, на бумагѣ № 311 (9), на 706 листахъ, съ 3-й строки снизу оборота 368 по 8 строку сверху 409 листа.

—

В той дн҃ь житїе оучитела словенску ꙗзыку, кирила философа. бл҃ви ѿч҃е.

Бг҃ млт҃ивыи и щедрыи, жадаа покаанїа чл҃ча, да быша сп҃сени вси были и в разумъ истиныи пришли. не хощеть бо смр҃ти грѣшникомъ, нѡ покаанїю и животу, аще наипа҃ прилежитъ на злобу, нѡ не ѡставлаеть рода чл҃ча ѿпасти ѡслабленїемъ и въ съблазнѣ непрїазненъ прїити и погыбнути, нѡ на кажо лѣта и времена не престаеть бл҃гти твора намъ многїа, ꙗко же исперва, таже и нн҃ѣ, патрїархи первїе и ѿц҃ы, по тѣхъ пр҃ркы, а по сихъ ап҃лы и мч҃нкы, и пр҃внїи моужи и оучт҃ли, избираа ихъ ѿ многомлъвна житїа сего. знаеть бо свои гь҃, иже соу его, ꙗко же рече· ѡвца моа гл҃съ мои, слышать, а азъ знаю, именемъ возову а, и по мнѣ ходать, и даю имъ живо вѣчныи. еже и сътвори въ нашь ро҃, въздвигъ намъ оучител сн҃це, иже и просвѣти ꙗзыкъ нашь, слабостїю ѡмрачены оумъ нашь, паче же лестїю дїаволею, не хотѣвшимъ во свѣте заповѣди бж҃їи ходити. житїе же его ꙗвлаеть по малу сказаемо, ꙗко же баше, да иже се слыша, подобитса ему, бодрость прїемла, а лѣность ѿметаа, ꙗко же ре҃ ап҃лъ· подобни бывайте мнѣ, ꙗко же азъ хв҃.

Въ селоуньстѣмъ граде баше моужь етеръ, доброрѡденъ и богатъ, именемъ левъ, предержа санъ дрꙋгарескъ по стратигомъ. баше блговѣренъ и праведенъ, съхранаа вса заповѣди бжїа исполнь, ꙗко же иногда ꙗѡвъ. живый же с подроужїемъ своимъ, роди же семеро ѡтрочатъ, ѿ них же бѣ мѣзинець семыи костантинъ философъ, наставникъ и оучитель нашь. егда же и роди мти, вдаша и доилицы, дабы и доила, ѡтроча не въсхотѣ ꙗтиса по чюжь съсецъ ни како же, развѣ мтрень, дондеже ѿдоено бысть. се же бысть по смотренїю бжїю, дабы добра корене добра лѣторасль нескверьнымъ млекомъ възоено было. по сей же добраа та родитела, съвѣщавшаса, не сходистаса, говѣюща себѣ, но тако живста ѡ гѣ, ꙗко бра и сестра, за четыредесатъ лѣтъ, дондеже а смрть разлучи, ни како же не преступльше того съвѣта. на соудъ емꙋ хотащꙋ ити, плакашеса мти отрочати сего, глюще не брегꙋ ѡ всемъ, развѣ ѡ младенцы семъ единомъ, како имать оустроенъ быти. ѡн же ей ре вѣрꙋ ими, жено, надѣюса бзѣ, ꙗко дати емꙋ имать ѿца и строитела таковаго, иже строить вса кртїаны. еже са и сбысть.

Седми же лѣтъ отро сы, видѣ сонъ, повѣдаа ѿцꙋ и мтри и рече ꙗко стратигъ собра вса двца, и рече ко мнѣ избери себѣ ѿ них, юже хощеши подрꙋжїю на помощь и сверьсть себѣ. аз же, гладавъ и смотривъ всѣ, видѣхъ единꙋ краснѣиши всѣхъ, лице свѣтащиса, оукрашенꙋ вельми моонисты златы и бисерми и всею красотою, ей же има бѣ софьа, си рѣчь, моудрость, тоу избра. слышаще же словеса си родитела его, рекоста к немꙋ снꙋ, храни законъ ѿца твоего, не ѿверзи наказанїа мтри твоеа. свѣтилникъ бо заповѣди законꙋ и свѣтъ. рци же прмдрти сестра ми боуди, а мꙋдрость знаемꙋ себѣ сътвори. снаетъ бо прмдрость паче слнца. аще бо ю приведеши к себѣ имѣти подрꙋжїю себѣ, то ѿ многа зла избавишиса ею. егда же и вдаста на оученїе книжное, спѣаше па всѣ оучнкъ въ книгахъ памаю и хитростїю велми, ꙗко и дивꙋ быти. единою же ѿ днїи, ꙗко же ѡбычаи есть богатнищемъ глꙋмленїе творити довиткою, изыде с ними на поле, ꙗсра свои въземъ, и ꙗко поустї и, по смо-

тре́нїю бж҃їю, вꙁѧтъ и вѣтръ и ꙁане̑. ѿрокъ же ѿ того въ оуны́нїе впа́ и в печаль, два дн҃и не ꙗ́сть. чл҃колюбїемъ своимъ мл҃твьни бг҃ъ, не вела емѫ привыкнѫти житейскыхъ вещехъ, оудобь оулови, ти ꙗко же оулови плакидѫ въ ловѣ еленемъ, тако и сего ꙗстре-бо̑. в себѣ же помышлѧ житїа сего соуетѫ, ѡкаꙗше, гл҃а· таково ли есть житїе се̑, да, в радости мѣсто, печаль пребываетъ; ѿ сего дн҃е по инъ сѧ пѫть имоу, еже есть сего лоучши, и в молвѣ житїа сего своихъ днеи не ижнвѫ. по оученїе сѧ имъ, сѣдаше в домѫ свое̑, оучаса изо оустъ книгамъ ст҃го григорїа бг҃ословца, и ꙁнаменїе кр҃тное сътворь на стѣнѣ, и похвалѫ написа ст҃мѫ григорїю сице· ѡ григорїе, тѣломъ чл҃че, дш҃ею а҃гле. ты тѣломъ чл҃къ сын, а҃глъ ꙗвисѧ. оуста бо твоа, ꙗко единъ ѿ серафимъ бг҃а прославлѧютъ и вселеннѫю просвѣщаютъ правыѧ вѣры оученїемъ. тѣмже и мѧ, припадающа к тебѣ вѣрою и любовїю, прїими, и боуди ми просвѣтитель и оучт҃ль. тако въꙁвѣщаше. вьше же въ многы бесѣды и оумъ велїи, не могыи раꙁѫмѣти глѫбинѫ, въ оунынїе велїе впаде. страненъ же бѣ етеръ тѫ, оумѣѧ грамотикїю, и к немѫ ше̑, молѧше и, на ногѫ емѫ падаѧ, вдаꙗсѧ емѫ· добрѣ дѣи, наоучи мѧ хитрости грамотичьстїи. ѡн же, талантъ свои погребъ, рече к немѫ· ѡтроче, не трѫжаисѧ. ѿреклъ сѧ есмь ѡтиноу̑ ни кого же не наоучити в моа дн҃и семѫ. пакы же ѡтрокъ съ слеꙁами кланѧѧсѧ емѫ и гл҃аше· въꙁми всю мою часть ѿ домѫ ѡ҃ца моего, еже мене достоитъ, а наоучи мѧ. не хотѣвшѫ послѫшати, ше̑ домовъ, во молитвахъ пребываше, дабы ѡбрѣлъ желанїе ср҃ца своего. слышавъ же ц҃ревъ строитель, иже нарицаетсѧ логофетъ, посла по нь, дабы сѧ съ ц҃ремъ оучилъ. ѡтрокъ же, оуслышавъ се̑, с радостїю пѫти сѧ ꙗтъ, и на пѫти сѧ поклонь, молитвѫ сътвори, гл҃а· бж҃е ѡ҃ць нашихъ и г҃и мл҃ти, еже еси сътворь всѧческаѧ слово̑, премдр҃тїю своею съꙁдавъ чл҃ка, да владѣетъ твореными тобою тварми, даи же ми сѣдѧщѫю въскраи твоихъ премѫдрость, да, раꙁѫмѣвъ, что есть оугодно тебѣ, сп҃сѫсѧ. аꙁ бо есмь рабъ тво̑, сн҃ъ рабынѧ твоеѧ. и к семѫ прочюю соломоню млтвѫ иꙁглавъ, въставъ, ре̑ аминь. егда же прїиде къ ц҃рюгородѫ,

вдаша и оучителемъ, да сѧ оучитъ, и в три мцы накыкъ грамотикїю, и прочиѧ сѧ ютъ оученїемъ. наоучи же ѡмирѹ и геѡметрїи оу льва и оу фотѣ дїалексицы и всѣмъ филосоѳъски оученїемъ, к сим же и риторикїи, і арефмитикїи, и астрономїи, и мѹсикїи, и прочимъ елиньскымъ оученїемъ, тако же изъвыче вса, ѣко же бы моглъ кто едино навыкнѹти ѿ нихъ. скорость бо сѧ съ прилежанїемъ сключи, дрѹга дрѹгоу преспѣвающи, им же оученїа ихъ и хитрости свершаютъ. боле же оучнїа тихїи ѡбрā на себѣ ѣвлаѧ, с тѣми бесѣдоваше, с ними же бѧше полезнѣе, оукланаѧсѧ ѿ оуклонающихъ во стропты, и помышлаше, како бы и земными нбнаа премѣнишѹ, излетѣти ис телесе сего и з бгомъ жити. оузрѣв же и таковъ соущь логофетъ, дасть емѹ власть на своемъ домѹ и въ црвоу полатѹ съ дръзновенїемъ входити. и вопроси единою, гла· филосоѳе, хотѣлъ быхъ оувѣдѣти, что есть филосоѳїа; ѡн же хитрымъ оумомъ рē абїе· бжїа и члчскамъ вещемъ разѹмъ, и елико можетъ члкъ приближитисѧ бгѣ, ѣко дѣтелїю оучитъ члка по ѡбразѹ и по подобїю быти сътворшемѹ. и ѿ сего же паче възлюби и и прно и въпрошаше ѡ всемъ толикъ велми и честе, ѡн же емѹ сътвори оученїе филосоѳско, в малē словесехъ велїи оумъ сказавъ. въ чистотѣ же пребываѧ, вельми оугажа бгѹ, толми паче любезенъ всѣмъ бываше, и логофетъ всакѹ честь твора емѹ говѣинѹ, злато многъ даѧше емѹ, ѡн же не прїимаше. единою же рē к немѹ· твоа красота и мрѡсть ноудитъ ма излиха любити та, то дщерь имаю дхѡвнѹ, юже ѿ кртла изахъ, краснѹ и богатѹ, рода добра и велїа. аще хощеши, подрѹжїю сїю ти дамъ, ѿ црā нинѣ велїю честь и кнженїе прїимъ, болша почаи. въскоре бо стратигъ боудеши. ѿвѣща же емѹ филосоѳ· даръ оубо велїи требоующимъ его, а мнѣ болши оученїа нѣсть ни что же, имъ разѹмъ събравъ, прадѣдніаѧ чти и богатьства хощѹ искати. слышавъ логофетъ ѿвѣтъ его, шē к црци, рече· се филосоѳъ оунии же любитъ житїа сего, то не ѿпѹстимъ его ѿ обещнии, но постригше е на поповство, вдадимъ емѹ слоужбѹ, да боудетъ

кивлотикарь оу патрїа́рха въ ст҃ѣи софьи, нѣкли поне та́ко оудержимъ и. еже и сътвориша емꙋ. ма́ло же с нимъ в семъ бывъ, на оуское море ше҃, таи скрыса в мона́стыри. иска́ша же его .г҃. мц҃ь, едва ѡбрѣто́ша. не могше же его оунꙋдити на то же слоуже́нїе, оумоли́ша и оучительныи столъ прїа́ти, оучити филосо҃ѳа и тоземца и страннꙑа съ вса́кою слꙋжбою и по́мощїю, и по то са ꙗтъ.

Бѣ же а́нїи патрїа́рхъ ересь въздвиглъ, гл҃а· не творити чт҃и ст҃ымъ иконамъ. събра́вше съборъ и ѡклиньше и, ꙗко непра́во гл҃етъ, сгнаша и съ стола. ѡн же рече· насилїемъ ма сгна́ша, а не препрѣвше мене. не можеть бо са никто́ же проти́вити словесе́мъ моимъ. цр҃ь же съ патрикїи, оустроивъ филосо́фа, посла на нь, рекъ та́ко· аще можеши юношꙋ сьпрѣти, то па́кы столъ свои прїимеши. ѡн же, оузрѣвъ филосо́фа оуна тѣ́ло҃, а не вѣдыи стара оума к немъ и иже бѣа́хꙋ с нимъ по́слани, рече к нимъ· вы поно́жїа моего нѣсте досто́ини. то како а҃ хощꙋ с вами прѣтиса; филосо҃ф же к немꙋ ре҃· не люскаго ѡбычаа дръжи, но҃ бж҃їи заповедеи зри. ꙗко же бо еси ты ѿ земла́, а дш҃а бг҃омъ наставлена, да и мы вси, то, на́ землю зра, чл҃че, не гордиса. па́кы же а́нїи ѿвѣща· неподо́бно есть в осень цвѣтка иска́ти, ни стара на коинꙋ гна́ти, ꙗко же юношꙋ етера нестора. филосо́фъ ѿвѣща емꙋ· самъ на са вины ищеши. рци, в кꙋю верстꙋ сильнѣиши дш҃а телеси; ѡнъ рече· на ста́рость. филосо́фъ же рече· то на кою та брань го́нимъ, на дховьнꙋю, или на теле́снꙋю; ѡн же рече· на дховнꙋю. филосо́фъ же ѿвѣща· то нн҃ѣ хощеши сильнъи быти, то не гл҃и намъ тацѣ притчь. не бе҃ вре́мене бо цвѣтець ищемъ, ни на коинꙋ тебе го́нимъ. посрами же са та́ко ста́рець, инамо ѡбра́тити бесѣдꙋ, и рече ста́рець· рци ми, оуноше, како, кр҃тꙋ разоренꙋ соуща, не кланаемъса емꙋ, ни лобызаемъ его, а вы и аще лице до перси токмо боудеть, иконнꙋю емꙋ чт҃ь твора́ще, не стыдитеса; филосо҃ф же ѿвѣща· четыре бо части кр҃тъ имать, и аще едина его часть оубоудеть, то оуже своего лица не ꙗвлаеть и подо́бїе того, его же ради писана. не львова бо лица, ни рысьа зрить, иже и видить. пакы же рече

старець· како сѧ оубо кланѧемъ кр҇тꙋ бе написанїа, а бывшимъ инѣмъ кр҇томъ, иконы же, аще не имать писана имени, его же боудеть ѡбразъ, то не творите ей чти; философъ же ѿвѣща· всакъ бо кр҇тъ подобенъ ѡбра имать кр҇тꙋ хв҇у, а иконы не имꙋтъ вса ѡбраза единого. старець же рече· бг҇ꙋ рекшꙋ моисѣю· не сътвориши всакого подобїа. како вы, и творѧще, кланѧетеса; философ же противоу семоу ѿвѣща· аще бы реклъ· не сътвориши ни коего же подобїа, то право прииши. нъ есть реклъ· не всякого, си рѣчь, достоинное. противꙋ же семꙋ не могъ ѿпрѣти старець, посрамльса, и оумолче.

По сих же агаране, нарицаеми срачини, воздвигоуша хоулꙋ на едино бж҇тво ст҇ыа тр҇ца, гл҇ще· како вы, хр҇тїане, единъ бг҇ъ мънаще, раздрѣшаете и пакы на три, гл҇юще, ѡко ѿц҇ь и сн҇ъ и ст҇ыи дх҇ъ; аще можете сказать ѧвѣ, то послѣте моужа, иже можетъ гл҇ати ѡ се и препрѣти ны. бѣ же тогда философъ .к҇. и .д҇. събо́ръ же сътво цр҇ь, призвавъ и рече емꙋ· слышиши ли, философе, что гл҇ють скверньїи агаране на нашꙋ вѣрꙋ; ты, ѧко же ст҇ыа тр҇ца сын слꙋга и оученикъ, иди, противи имъ, и бг҇ъ съвершитель всакой вещи, славимыи въ тр҇цы, ѿц҇ь и сн҇ъ и дх҇ъ, тои да ти подасть бл҇гть и силꙋ въ словесѣхъ, ѧко дрꙋгаго двда нова ѧвитъ та на голїада, съ треми каменьми, побѣжь, възврати к намъ, сподобленъ нб҇номꙋ цр҇твїю. слышавъ се, ѿвѣща· ра идꙋ за кр҇тїаньскꙋю вѣрꙋ. что ми есть слаже на всемъ свѣте, нъ за ст҇оую тр҇цꙋ оумрети и живꙋ быти; послаша же с нимъ асикрита геѡргїа. дошедъшим же имъ тамо, бѣахꙋ ѡбразы написали вънѣюдꙋ на двѣрехъ всѣ кр҇тїанъ, дивы творѧще и рꙋгающеса. въпросиша же философа, гл҇юще· можеши ли разꙋмѣти, философе, что е знаменїе се; ѡн же рече· бѣсовьскы ѡбразы вижꙋ, и непщꙋю, ѧко кр҇тьане тꙋ живꙋтъ вънꙋтрь. ѡни бо, не могꙋще жити с ними, вонъ бѣжать ѿ нихъ, а идеже сего знаменїа вънѣюдꙋ нѣсть, то с тѣми тꙋ соуть вънꙋтрь. на ѡбѣде же сѣдаще агаране, мꙋдра чада и книжна, оучена геѡметрїи, и ѡстрономїи и прочимъ оученїемъ, искꙋшающе и, въпрашахꙋ, гл҇юще· видиши ли, философе, дивное чюдо, како бж҇їи пр҇ркъ махметъ, принесымъ намъ

бл҃гую вѣсть ѿ б҃га, ѡбрати люди многи, и вси держимся во законѣ, ни что же преступающе. а вы, хв҃ъ законъ держаще, вашего ѡтрока, ѡвъ сице, ѡвъ инако, яко есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите. к сим же философъ рече· б҃гъ нашь есть яко пучина морьская, прр҃къ же г҃лть ѡ немъ· родъ его кто исповѣсть; взыщѣтъ бо ся ѿ земля живо̑ его. сего ради исканія мнози в пучину входять, и силнїи оумомъ и помощию его, богатьство разоумное прїемлюще, преплаваютъ и возвращаются, а слабїи, яко въ гнилѣхъ корабле̑ покушающеся преплыти, ѡвїи истапаютъ, а друзїи едва с трудомъ ѿдыхаютъ, немощною лѣностїю влающеся. ваше же есть оузко и оудобно, еже можеть прескочи малъ и великъ, нѣсть бо кромѣ людскаго ѡбычая, но̑ еже могутъ вси дѣяти. ни что же вамъ, востокъ, повѣдалъ, нѣсть бо вамъ въстагнулъ гнѣва и похотїи, но̑ попустилъ. то в какову вы ямать и пропасть въвреещи, смысленыи да разумѣетъ. хс҃ же не тако, но̑ ѿ нисзу тяжкое горѣ възводитъ, вѣрою и дѣтелїю оучи ч҃лка. творецъ бо сый всяческимъ, межю ан҃глы и ч҃лкы сътворилъ есть ч҃лка, словомъ и помысломъ ѿлоучилъ ѿ скота, а гнѣво̑ и похотїю ѿ ан҃гелъ, и ей же ся части кто приближаетъ, па̑; тою ся приучащаетъ, вышнихъ, ли нижнихъ. въпросиша же и паки· яко вы, единому б҃гу сущу, въ три славите, скажи, аще вѣси; ѡ҃ца бо нарицаете, с҃на и д҃ха. то аще тако г҃лте, то и женѹ ему дадите, да ѿ него сынови расплодятъ. к сим же философъ ѿвеща· не г҃лете тако хоулы безѹмныя. мы оубо добрѣ есмя навыкли ѿ ѡ҃ць и оучитель трїцу славити. ѡ҃ць бо, и слово, и д҃хъ, три оупостаси въ единои сущестѣ. слово же то въплотися въ дв҃ѣ и родися нашего ради сп҃сенїа, яко же и махметъ, вашь прр҃къ, свидѣтельствуетъ, написавъ сице· послахомъ д҃хъ нашь въ дв҃ѣ, изволише, да родитъ. ѿ сего и азъ вамъ извѣщенїе творю ѡ горы. сими же словесы поражени, на другая ся ѡбратиша, г҃люще: яко тако есть, яко же г҃лещи, господїю. да аще хс҃ б҃гъ вашь есть, почто не творите, яко же велитъ; писано бо есть въ еуггельскыхъ книга̑, молити за враги, и добро творити ненавидящимъ и гонящимъ, и ланиту ѡбратити бьющимъ. вы же не тако, но̑ противная ѡружїя ѡстрите на творящая

вамъ таковаа. филосо҃ же противу симъ ѿвѣща· двѣма заповѣдьма соущима в законѣ, кто законъ ѩвлаѥтса съвершаа, ли еже едином хранитъ, ли иже ѡбѣ; ѿвѣщаша же ѡни· ѩко иже ѡбѣ. филосо҃ же рече· бгъ ѥсть реклъ· молите за ѡбидащаа. то ѥсть пакы реклъ· болше сеа любве не можеть се никто же ѩвити на семъ свѣте, но да положи свою дш҃у за други. другъ же ради и се дѣемъ, да не с телесныимъ пленениѥмъ дша ихъ плѣнена боудеть. паки же гл҃аша. хс҃ ѥсть дань далъ за са и за ним. вы же како не творите того дѣлъ; и оуже, аще бранаще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку измаилтеску ѩзыку за братїю вашю и други; мала же и спросимъ, токмо ѥдинаго златника, и дойдеже стои вса земла, храним миръ межю собою, ѩко же инъ никто же. филосѡ же ѿвѣща· аще кто, в слѣ оучтла хода, хощеть в той же слѣ ходити, в онь же и ѡнъ, дроугыи же оустраѩть, възвращаѥть и, другъ ли ѥму ѥсть, ли врагъ; ѿвѣщаша ѥму· врагъ. филосо҃ же рече· егда хс҃ дань далъ, кое властество въ, измаильтеско ли, или римско; ѿвѣщаша ѡни· римско. тѣмъ не подобаѥть намъ зазирати. понеже римлано҃ даемъ вси дань. по сих же ина мнѡга въпрашанїа въпрашаше, искушающе ѿ всѣхъ хитростїи, ѩже и сами оумѣаху. сказа же имъ вса, и ѩко а препрѣ ѡ сих же, рѣша к нему· како ты вса си оумѣеши; филосо҃ же ре҃· члкъ нѣкїи, почерпъ воды в мори, в мѣшцѣ ношаше ю и гордащеса гл҃а къ странникомъ· видите ли воду, еѩ же никто же не има, развѣ мене; прише же ѥдинъ моужь поморникъ, рече к нему· неистов ли се дѣеши, хваласа токмо ѡ смердащемъ мѣшцѣ; а мы сего поучину има. тако и вы дѣете. а ѿ насъ суть вса хитрости ишли. по сихъ же, диво творааще, показаша ѥму вертогра насаже иногда, ѿ земла изникнущь, и ѩко сказа имъ, како се бываѥть, пакы показаша ѥму все богатьство и храмины, оутворены златомъ и сребромъ, каменїемъ драгымъ и бисеромъ, гл҃юще· виж, филосѡфе, дивное чюдо, сила многа и богатьство много амавриино, ваакы срачиньска. рече же к нимъ· не диво се ѥсть, бгу же хвала и слава, сътворшиему си вса и вдавшу на оутѣху члкомъ. того бо соуть, а не иного. сварнѣ же на свою

са ꙁлобѹ ѡбратиша, и даша емѹ ꙗдъ пити, нѡ бж҃ мл҃твꙑи, рекши· аще и смртно что испиете, не иматъ васъ вредити, иꙁбави того и на своѭ ꙁемлю ꙁдрава воꙁврати пакꙑ.

Не по мнозѣ же времени ѿрексѧ сего живота, сѣде на едином мѣстѣ бе млъвꙑ, себѣ самомѹ токмо въемлѧ, на оутрїи днь ничто же ѡставлаѩ, нѡ нищимъ раꙁдаѩ все, на бж҃ печаль воꙁметаѧ, и сѧ всѣми на всѧкъ днь печетъ. единою на стъ днь, слѹгѣ его тѹжащѹ, ꙗко ничто же не имамъ на сиїе днь честенъ, ѡн же рече емѹ· препитавши иногда їꙁлъты в пѹстыни, то иматъ дати на и сдѣ нищѹ. нѡ ше, поне приꙁови .е҃. нищь моужь, чаѧ бж҃їа помощи. и ꙗко бысть ѡбѣднаѧ година, абїе принесе моужь бремѧ ꙗди всеѧ и десять ꙁлатникъ. и бг҃ѹ хвалѹ въꙁдаѧ ѡ всѣ сихъ. въ едині же ше къ мефедїю, братѹ своемѹ, нача жити и мл҃твѹ творити бепрестани к бг҃ѹ, токмо книгами беседѹѧ. бг҃ѹ нашемѹ слава.

Прїидоша посли къ цр҃ю ѿ коꙁарь, гл҃юще· ꙗко исперва единъ бг҃ъ токмо ꙁнаемъ, иже есть на всѣми, и томѹ сѧ кланяемъ на востокꙑ, а ѡбычаѧ своѧ инꙑ стꙑнꙑѩ дръжаще, жидове оучаще ны вѣрѹ ихъ и дѣтель дръжати, а срачини на дрѹгоѵю странѹ, миръ дающе и дарꙑ мнѡги, сни тажют ны на своѭ вѣрѹ, гл҃юще, ꙗко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ ꙗꙁꙑ. то сего ради слемъ к вамъ, старѹю дрѹжбѹ и любовь дръжаще. ꙗꙁыкъ бо велїи соуще, ѿ бг҃а цр҃ство дръжите, и вашемѹ съвѣтѹ въпрашаѩще, просимъ же моужа книжна ѿ васъ, да аще препри жиды и срачины, то по вашѹ сѧ имемъ вѣрѹ. тогда цр҃ь, вꙁыскавъ философа, и, ѡбрѣтъ и, скаꙁа емѹ коꙁарьскѹю рѣчь, гл҃а· иди, философе, к людемъ симъ и сътвори ѿвѣтъ и слово ѡ свѧтѣи трⷪ҇цы, с помощїю еѧ. инъ бо никто же можетъ сего достоино сътворити. ѡн же рече· аще велиши, влⷣко, на сиѹ рѣчь радъ идѹ, пѣшь сын и босъ и беꙁъ всего, его же не велаше бж҃ ѹчникомъ своимъ носити. ѿвѣща же цр҃ь· аще се ты бы хотѣлъ ѡ собѣ творити, то добрѣ гл҃ши, нѡ цр҃кѹю державѹ вѣдыи и есть, честно иди съ цр҃кою помощїю. и абїе же пѹть ꙗтъ, и херсона доше, наоучисѧ тѹ жидовьски беседе и книгамъ, ѡсмь частїи грамотикїа преложь, и ѿ того раꙁѹ болїи прїимъ. и самаранинъ же нѣкто жи-

вѣше тѹ, и приходѧ к немѹ, стѧзаашеса с нимъ, и принесъ книги самарїнскїи и показа емѹ, и испрошь а оу него философъ, затворивса въ храминѣ, на молитвѹ са наложи, и ѿ бга разѹмъ прїи, и чести нача книгы без порока. оузрѣв же самарѧнинъ, возпи велїемъ гласо и рече: въ истинѹ, иже въ ха вѣрѹютъ, вскорѣ дхъ стыи прїемлютъ и блгть. сн̃ѹ же са абїе крщ҇ѹ, и сам са крти по не. и ѡбрѣт же еѵалїе и ѱалтырь роускими писмены писано, и чл҇ка ѡбрѣтъ глюща тою беседою, беседова с нимъ, и силѹ рѣчи прїимъ, своеи беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и бгѹ млтвѹ твора, вскорѣ нача чести и сказовати, и мнози са емѹ дивлахѹ, бга хвалаще. слышавъ, ꙗко стыи климентъ и еще в мори лежитъ, помолився, рече: вѣрѹю въ бгъ, и стымъ климентъ надѣюса, ꙗко ѡбрѣсти имамъ и изнести из мора. оубѣдив же архиепкпа, съ клиросомъ и говѣиными мѹжи, всѣ в корабль, и идоша на мѣсто. и оутишьшѹ са морю велми, и дошедше, начаша копати, поюще. абїе же бысть вона велїа, ꙗко кадилъ много, и по семъ ꙗвишася стыа мощи, иже вземше с великою честїю и славою всѣ гражанъ, внесоша а въ градъ, ꙗко же пишетъ во ѡбрѣтенїе его. козарескъ же воевода, с вои пришед, ѡстѹпи, крстїанескъ городъ и ѡплетеса ѡ немъ. оувидѣвъ же философъ, не лѣньса, иде к немѹ, беседова с нимъ, и оучителна словеса предложь, оукроти и, и ѡбещавса на крщенїе, ѿиде, ни вреа же пакости не сътворь людемъ тѣмъ. възврати же са философъ въ свои пѹть, и в первыи часъ, млтвѹ творащѹ емѹ, нападоша на нь оугри, ꙗко волчески выюще, хотаще и оубити. ѡн же не оужасеса, ни ѡстави своеа млтвы, гн помилѹи токмо зовыи. бѣ бо кончалъ оуже слѹжбѹ. ѡни же възрѣвше, по бжїю повеленїю, оукротишаса, начаша кланатиса емѹ, и слышавше оучителна словеса ѿ оустъ его, ѿпѹстиша и съ всею дрѹжиною.

Всѣ же в корабль, пѹти са ꙗтъ козарьскаго, на меѡтьское езеро и каспискаа врата кавкасскихъ горъ. послаша же козари противѹ емѹ моужь лѹкавъ и заскопи, иже, беседѹа с нимъ, рече емѹ: како вы золъ ѡбычаи имате, и ставите црь инъ въ иного мѣсто ѿ ино-

го ро́ду; мы же се по́ роду дѣ́емъ. философъ же рече к нимъ: бг҃ъ бѣ в саоула мѣсто, ничто же дѣюща ему оугодна, избра дв҃да, оугажающа ему, и родъ его. онъ же рече ему: како оубо вы, книги дръжаще в рукоу, о нихъ вся притча глаголете; мы же не тако, но отъ персти всю мудрость, яко поглощеше, износимъ ю, не гордящеся о писанїи, яко же вы. рече же философъ к нему: аще срящеши моужа нага, ти рече ти глаголати, яко многы ризы и злато имамъ, иметши ли ему вѣры, видя и нага; рече: ни. тако и азъ тебѣ глаголю: аще еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ми, колико есть родовъ до моисѣа, и колико лѣтъ которыиждо родъ держалъ; не можеши к сему отвѣщати, оумолче. дошедшю же ему тамо, егда хотяху на обѣде сѣсти оу кагана, въпросиша и, глаголюще: кая есть твоя честь, да тя посадимъ на своемъ чину; онъ же рече: дѣдъ имѣхъ велїи и славенъ зѣло, иже близь цр҃я стояше, и данию ему славу велїю отвергъ, и изгнанъ бысть, и на страннѣ земли ошедъ, и обнища, и ту мя роди. азъ же, дѣдняя чести древняя ища, не достигохъ иноя прїяти, адамовъ бо есмь внукъ. отвѣщаша ему: достойно и право глаголеши, гостю. отъ сего же паче начаша на немъ честь имѣти. каганъ же, чашу вземъ, рече: пью въ имя единаго бг҃а, створшаго всю тварь. философъ же, чашу вземъ, рече: пью въ имя единаго бг҃а, и словеси его, имъ же небеса оутвердишася, и животворящаго дх҃а, имъ же вся сила ихъ стоитъ. и отвѣща каганъ: все равно глаголеши. о семъ токмо различїе держимъ. вы бо троицу славите, а мы бг҃а единаго, оучивше книги. философъ же рече: слово и дх҃ъ книги проповѣдаютъ. аще кто тебѣ честь творитъ, твоего ли словеси и дх҃а не в честь имать, другїи же паки все трое в честь имать, кыи отъ обою есть честнѣе; каганъ же рече: иже все трое въ честь имать. философъ же отвѣща: тѣмъ же мы болшее творимъ, вещьми сказающе и прркъ слышающе. рече бо ісаиа: слышави мене, іякове і іилю, его азъ зову: азъ есмь первыи, азъ есмь въ вѣки, азъ есмь и нынѣ. гь҃ посла мя и дх҃ъ его. іюдѣи же раша к нему: рцы оубо, како можетъ женескъ родъ бг҃а вмѣстити во чрево, на нь же не можетъ зрѣти, а не желн родити и; философъ же, показавъ перстомъ на кагана перваго свѣтилничника: аще

кто речетъ· се не можетъ чредити кагана и честь емѹ сътворити, что имамъ нарещи е, скажите ми, неистовьство, или несмыслена; ѡни же рѣша· и зѣло неистова. филосѿ же к нимъ рє҃· что есть ѿ видимыѧ твари чтнѣе всѣхъ; ѿвѣщаша емѹ· члкъ. по ѡбразѹ бо бжїю сътворенъ есть. пакы же к нимъ рє҃ филосѿ· то соуть неистови, иже глютъ, ꙗко не можетъ сѧ вмѣстити въ члка бъ, а ѡнъ в кѹпинѹ сѧ вмѣсти, и въ ѡблакъ, и в бѹрѣ и в дымѹ ꙗвлѧсѧ моисѣѡви и иѡвѹ. како бо можеши иномѹ болѧщѹ, иного цѣлити; члчкѹ бо родѹ, на истлѣнїе пришедшѹ, ѿ кого иного ѡбновленїе пакы прїѧлъ, аще не ѿ самого творца, ѿвѣщайте ми; аще врачь, хотѧ приложити пластырь болѧщимъ, приложитъ ли и древѣ, или камени, ꙗвитъ ли ѿ сего что; и како моисѣи рече дхѡмъ стымъ во своей млтвѣ, рѹцѣ простеръ· въ горѣ камениѣ, въ гласѣ трѹбнѣ, не ꙗвлѧй ны сѧ, гй, к томѹ, не ꙗвлѧй ны сѧ к томѹ, гй щедрый, нѡ вселисѧ в нашѹ оутробѹ и ѿими наша грѣхы. и акила бо тако глє. и тако разидошасѧ съ ѡбѣда, нарекъ днь, в он же бесѣдѹютъ ѡ всѣ҃ сихъ.

Сѧ же с каганомъ, рє҃ оубо филосѿ· а оубо члкъ единъ в въ҃, без рода и дрѹгъ, о бзѣ же сѧ стѧзаемъ, емѹ же в рѹкоѹ сѹть всѧкаѧ, и срдца наша. ѿ васъ же, иже сѹть силнїи во словесѣ҃, бесѣдѹющимъ намъ, иже разѹмѣвѣютъ, да глютъ, ꙗко тако есть, а и же не разѹмѣваютъ, да вопрашаютъ, и скажемъ имъ. ѿвѣщаша же їюдѣи, и рѣша· и мы дръжимъ в книгахъ слово и дхъ. скажи намъ, который законъ дасть члкѡмъ первїе, моисѣевь ли, или иже вы дръжите; филосѿ же рє҃· сего ли ради на се въпрашаете, да сего ради первый законъ дръжите; ѿвѣщаша ѡни· ей. первый бо подобаетъ. филосѿ же рече· то аще хощете первый законъ держати, то ѿ обрѣзанїѧ оуклонитесѧ ѡтнюдѹ. рѣша ѡни· что ради си це глеши; филосѿ же рече· скажите ми, не потаѧще· въ ѡбрѣзанїи ли есть первый законъ да, или в неѡбрѣзанїи; ѿвѣщаша же ѡни· мнй, въ ѡбрѣзанїи. филосѿ же рече· не ноеви ли бгъ дасть законъ первое по заповѣданїи и ѿпаденїи адамовѣ, завѣтъ нарицаѧ законъ; рече бо к немѹ· се азъ въздвижю законъ мои с тобою, и съ сѣменемъ твоимъ, и всею землею, треми заповѣдми дръжимъ.

вса ꙗдите зелїе ꙗко травное, и елико на нбси, и елико на земли, и елико в водахъ, развѣ маса, въ крови дша, его не ꙗдите. и· иже прольетъ кровь чл҃чю, да прольетса свó ему в него мѣсто. что гл҃ете противоу, первыи законъ рекше держати; жидове же к нему ѿвѣщаша· первыи законъ моисѣевъ держимъ, сего же бъ҃ нѣсть нарекль законъ, нô завѣтъ, ꙗко исперва чл҃кү в раи къ авраамү заповѣда. инако бо есть ѡбрѣзанїе, а не законъ. ино бо есть законъ, инъ же завѣтъ. различно есть творець нарекль ѡбою. филосѡ ѿвѣща к нимъ· азъ ѡ семъ скажю вамъ сице· ꙗко законъ са нарицаетъ завѣтъ. бг҃ъ бо гл҃а къ авраамү· даю законъ мои въ плоти вашеи, иже знаменїе нарекъ· ꙗко боудетъ межю мною и тобою. то и въ еремѣи паки въпїетъ· послүшаи же завѣта моего. и· вьгл҃еши бо, рекъ, моужемъ їюдовы̑, живущимъ въ ієрлм҃ѣ, і рцѣши к нимъ· тако гл҃тъ гь҃ бъ҃ інл҃евъ· проклатъ чл҃къ, иже не послүшаетъ словесъ завѣта моего, иже заповѣдахъ ѿц҃емъ вашимъ в дн҃ь, в он же изведохъ из земла египетьскїа. ѿвѣщаша жидове к нему· тако и мы дръжимъ, ꙗко законъ и завѣтъ нарицаетса. елико же са дръжа и по законъ моисѣевъ, вси бг҃у оугодиша. и мы, держащеса по нь, непщуемъ тако же быти. а вы възвигоша инъ законъ, попираете бж҃їи законъ. филосѡ же ѿвѣща к нимъ· добро дѣемъ. и аще бо бы авраамъ не ꙗлъ са по ѡбрѣзанїе и дръжалъ ноевъ законъ.... нô ѡнъ перваго не держа. тако и мы по сихъ ѡбразү ходимъ, и ѿ бг҃а законъ прїемше, держимъ, да бж҃їа запов҃ тверда пребываетъ. давъ бо ноеви законъ, не сказа ему, ꙗко дрүгыи иматъ дати, нô въ вѣки пребывающь въ дш҃у живу. ни паки авраамү ѡбѣтованїа давъ, не възвѣсти ему, ꙗко дрүгыи иматъ дати моисеєви. то како вы держите законъ; а бъ҃ ꙗзыкомъ въпїетъ· ꙗко преставлю а, инъ вамъ дамъ. иеремиа бо рече ꙗвѣ· се дн҃ие градүтъ, гл҃етъ гь҃, и завѣщаю дому їюдову и інл҃еву завѣтъ новъ, и не по завѣту, иже завѣщахъ къ ѿц҃емъ вашимъ в дн҃ь, прїимшу ми руку ихъ извести и земла египетьскїа, ꙗко тїи не пребыша в завѣте моемъ, азъ възненавидѣ҃ а. ꙗко съ завѣтъ мои, иже завѣщаю дому інл҃еву. по дн҃е ѡнѣ҃ рече гь҃· и даю законы

моа в помышленїе ихъ, и на срдцихъ напишꙋ а, и бꙋдꙋ имъ въ бгъ, и тїи боудꙋтъ мнѣ в люди. и пакы тои же еремѣа въпїетъ· тако гтъ гь· станите на пꙋтехъ, и видѣте, и въпросите на стеза гна вѣчьныа, и видите, кыи е пꙋть истинныи, по немꙋ ходите, и ѡбращете очищенїе дшамъ вашимъ. и рѣша· не идемъ. поставихъ в васъ блюстителѧ, послꙋшаите гла трꙋбъ, и рѣша· не послꙋшаемъ. сего ради оуслышатъ ӕзыцы, и посоучше стада в нихъ. і абїе· слыши, землѥ· се азъ наведꙋ на люди сиꙗ зло, плѡ ѡбращенїа ихъ, зане словесъ пркъ моихъ не послꙋшаша и не внаша, и законъ мои, иже пррци проповѣдаша. не токмо же сими единѣми скажоу, ӕко законъ престаетъ, нѡ и иными многыми книгами ѿ пркъ ѥже. ѿвѣщаша к немꙋ іоудеи· всакъ жидовинъ се вѣсть въ истинꙋ, ӕко быти имать тако, но не оуже есть врема пришло ѡ помазаніемъ. филосѿ же рече къ нимъ· что се предлагаете, видѧще, ӕко іерлимъ съкрꙋшенъ есть, жртвы престали сꙋть и все са збыло есть, еже соуть прроцы прорекли ѡ вл; малахїа бо ѥвѣ въпїетъ· нѣсть вола моеа в вас, гтъ гь вседержитель, и жертвъ ѿ роукъ вашиѣ не прїемлю, зане ѿ востѡ слнца и до запа има мое славитса въ ӕзыцехъ, и на всакомъ мѣсте темїанъ приноситса имени моемꙋ и жртва чиста, зане велїе има мое въ ӕзыцѣ, гть гь вседержитель. ѡни ѿвѣщаша· сї, аже глеши, вси ӕзыцы хотать быти блвени ѡ нл ѡ обрѣзанїи, въ градѣ іерлмстѣ. рече же филосѿ· то како моисеи гтъ· аще послꙋшающе, мене послоушаите, по всемꙋ хранити законъ, боудꙋть предѣли ваша ѿ мора черьмнаго до мора филистимъскаго, и ѿ пꙋстына до рѣкы ефраита. и· мы ӕзыцы, ѡ немъ же сѣмени блвимса, ѿ осѣка корени ишешимъ, чаанїе ӕзы нареченѣ и свѣтъ всеа землѧ и всѣхъ ѡтокъ, славою бжїею просвѣщени. не по томꙋ законꙋ и мѣстꙋ пррцы велми вопиютъ. рече бо захарїа· радꙋиса зѣло, дщи сиѡна. се црь твои градетъ кротокъ, всѣ на жребець ѡселъ, сынъ аремничь. и пакы· потребитъ ѡрꙋжїе ѿ ефрѣма, и конь ѿ ерлма, и изъгатъ ми ӕзыкомъ, и власть его ѿ краи землѧ до конець вселеныа, ӕко же рече· не ѡскꙋдѣетъ кнзь ѿ июды, ни игоу-

мень ѿ стегнꙋ его, доньдеже прїидеть, емоу же̑ щадить, и тои чаанїе ꙗзыкъ. си вси видаще скончана и съвершена, кого иного жете; данилъ бо рече, ѿ агг҃ла наоученъ· семьдесать недѣль до х҃а и игꙋмена, еже соуть .у҃. лѣ̑ и девятьдеса̑, видѣнїе запечатлѣти пр҃рчества. кое же вы са мнить желѣзное цр҃тво, еже данилъ мѣнить на иконѣ; ѿвѣщаша· римьское. филосо̑ же въпросї а· камень оуторгъ са ѿ горы без рꙋкъ человѣческъ кто есть; и ѿвѣщаша· помазанныи. пакы же рѣша· то аще се̑ сказаемъ пр҃ркы и инѣми кещьми юже пришеша, ꙗко глешн, кое, римьское ли, цр҃тво доселѣ держить вл҃тво; ѿвѣща филосо̑· не держится, мимо шло есть, ꙗко и проуча по ѡбразоу иконномꙋ. нанїе бо цр҃тво нѣсть римьско, но х҃во, ꙗко же рече пр҃ркъ· въздвигнеть б҃ъ н҃бное цр҃тво, иже въ вѣкы не истлѣеть, и цр҃тво его людемъ инымъ не ѡставится, истнить, извѣеть вса цр҃тва, и то стане̑ въ вѣкы. не кр҃тїаньское ли цр҃тво нн҃ѣ х҃вымъ именемъ нарицаемо; а римлане идолѣхъ прилежахꙋ. си же, ѡвъ ѿ сего, ѡвъ ѿ иного ꙗзыка и племене въ х҃во има царьствꙋеть, ꙗко же пр҃ркъ їсаїа ꙗвлаеть, к вамъ гл҃а· оставите има ваше в сытость избраннꙑ̑ моимъ, вы же избнеть, а работающимъ наречется има ново, еже бл҃вено боудеть по всеи земли. бл҃вать бо б҃а истиннаго, и кленоущїися на земли, кленꙋтся б҃омъ н҃бнымъ. не съвершиша ли са соуть пр҃рческаа прореченнїа, ꙗже авѣ ѡ х҃ѣ сътворена; їсаїа бо сказаеть ꙗвѣ рѡство его ѿ д҃вы, гла сице· се̑ д҃ва въ чревѣ прїемлеть, и родить с҃на, и нарекꙋ̑ има емꙋ емманоуилъ, еже есть сказаемо, с нами б҃ъ. а михѣа ре̑· и ты, вифлеѡме, землю иоудово, ни како же еси меньши въ вл҃кахъ їюдова̑. ис тебе бо изыдеть игоуменъ, иже пасеть люди моа ї҃ла. исхѡда его искони ѿ д҃нїи вѣка. сего ради дасться до времене ражающаа, и родить. їеремѣа въпїеть· въпросите и видите, аще родить моужескъ полъ, ꙗко великъ д҃нь тои, ꙗко же не бысть инъ, и лѣто тѣсно боудеть їаковꙋ, и ѿ сего сп҃сется. їсаїа бо рече· преже даже болащаа не роди, преже даже не прїиде рѡство, болѣзни же избѣжа, и роди моужескъ по̑. пакы же жидове рѣша· мы есми ѿ сима бл҃веное

сѣмя, блвни ѿцемъ нашимъ ноемъ, вы же нѣсте. сказавь же и, рече ѡ семъ· блвенїе ѿца вашего ни во что же бысть, токмо хвала бгу, ѡного ни что же не боудетъ. се бо есть· блвенъ бгъ симовъ. а ко їафеѳу гла, ѿ него же мы есмь· да пространитъ бгъ афеѳа, и да ся веселитъ в села симова. ѿ пророкъ же и инѣх книгъ сказаа, не ѡставї и, дондеже рѣша сами, ѩко то есть, ѩко глешн. рѣша пакы· како вы, имоуще оупованїе на члка, творитеся блвени быти, а книгы таковаго проклинаютъ; ѿвѣща же фїлосѡ· то проклятъ ли есть двдъ, или блвенъ; рѣша ѡни· ѕѣло блвенъ. фїлосѡ же рече· то и мы на того оуповаемъ, на него же и ѡ. рече бо въ ѱалмѣхъ· ибо члкъ мира моего, на нь же оуповахъ. члкъ то хс есть і бъ, а иже оуповаетъ на простъ члкъ, то и мы того проклята творимъ. пакы прнутоу прѣложиша, глюще· како вы, хртїане, ѡбрѣзанїе ѿмещете, а хоу не ѿвергьшу его, нѡ по законоу скончавшу; ѿвѣща филосѡ· иже бо ре первѣе аврааму· се боудетъ знаменїе межу мнѡю и тобою, то е съвершн, пришѐ, ѿ того держаше до сего, а прочее не дасть ему мимо ити, крщенїе намъ вдасть. рѣша же ѡни· что ради ѡни первїи оугодиша бгу, того знаменїа не прїимшн, но аврааму; ѿвѣща филосѡ· никоторый ѿ тѣхъ авляеся, двою жену имѣа, но токмо авраа, и сего ради оуда того оурѣзаетъ, предѣлъ дая, не преступати того ради, нѡ по первому съверьстїю адамову, ѡвра дая прочимъ ходити. їаковъ тако же сътвори, оутрапле жилн стегна его, зане четыре жены поятъ. разумѣк же вину, еа же ради то ему сътвори, и нарече има ему їилъ, си рѣчь, оумъ зра бга. к тому бо не ѩвляется, примѣшься к женѣ, авраамъ же того не разумѣ. пакы же въпросиша и жидове· како вы, идолом ся кланяюще, творитеся бгу оугажати; ѿвѣща филосѡ· первїе ся наоучите раздѣляти имена, что есть икона, что есть идолъ, и тако смотряще, не поступайте на хрїаны. десятъ бо именъ въ вашемъ ѩзыцы ѡ семъ ѡбразѣ лежитъ. въпрошу же вы и азъ· ѡбраз ли скинїа, юже видѣ в горѣ моисѣи и изнесе, или ѡбразъ ѡбраза и хитростїю сдѣла, прикладая ѡбразъ каниминъ, и оусъ-

ми, и срєстьци и херовимы изрядны; понеже тои тако сътвори, нарєчемо ли вы, того ради, древу и оусо, и серестемъ чести творити и кланятися, а не давшему бгу в то время такъ образъ; тако же и о соломони црькви. понеже иконы херувимъскы, и аггльскы и инѣ многи образы имѣаху. тако же оубо мы, крстьяне, оугожьшиихъ бгу творяще образы, чести дѣемъ, и отдѣлающе доброе от бѣсовъскыхъ образъ. хоулятъ бо книгы жроущаа сны своя и дщери, и гнѣвъ бжїи проповѣдають, тако же другїя хвалятъ, жрущая сны своя и дщеря. рѣша же пакы жидове· како вы, свинину и заячину ядуще, не противляетеся бгу; отвѣща же к нимъ· перкому завѣту заповѣдающу· вся снѣсте, яко зелїе травно. вся бо чиста чистымъ заповѣда, а скверныимъ съвѣсть ся есть осквернила. и бгъ бо въ твари глетъ· се вся добра зѣло, кашего ради лакомїя, мало етеро от нихъ отято. снѣсть бо, рє, їаковъ, насытися, отвержеся възлюбленныи. и пакы· сѣдоша людїе ясти и пити, и въсташа играти. от многа же се мы оукратше, в малѣ положихомъ селико, памяти ради, а иже хощете съвершеныхъ бесѣ сихъ и стыя бесѣ искати, въ книгахъ его обращете я, еже преложи оучтль нашь, архиепкпъ мефедїи, раздѣль е на осмь частїи, и ту оузрите словесную силу от бжїя блгти, яко пламень, палающь на противныя. си же вся каганъ казарескъ с началными моужи слакая его и подобная словеса слышавше, рѣша к нему· бгомъ еси самo посланъ на съзанїе наше, вся книги от него навыкъ, все еси по чину глалъ, досыти насляжь вся ны медвеными словесы стыхъ книгъ. но мы есмь не книжна чя, сему же вѣру имемъ, яко тако се есть от бга. паче же аще хощеши покои обрѣсти дшамъ нашимъ, всяко исправленїе прнтчами скажи на ю чину, на не же тя въпрошаемъ. тако же ся разидоша почити.

Събравшеся въ другыи днь, рѣша ему пакы· скажи намъ, чтныи моужю, притчами и оумомъ вѣроу, яже есть лоучша всѣхъ; отвѣща к нимъ философ маляжена .в. бѣста оу цря единаго въ чти велицѣ, любима зѣло. съгрѣшьшима же има, изгнавъ, от земля

посла. живѹщима же има многа лѣта тамо, дѣти сътвориста в нищетѣ. събирающа дѣти к себѣ, съвѣ творахѹ, кым са бы пѹтемъ вмѣстити пакы в первыи чинъ. овъ же ихъ сице, а дрѹгыи онако, а дрѹгыи дрѹгъако съвѣтъ дѣаше. которомѹ съвѣтѹ подобаетъ стоати, не добрѣишемѹ ли; рѣша же они· что ради гл҃еши сице; свои бо съвѣтъ коижо добрѣе творитъ иного, жидове же свои добрѣи творатъ, и инии инъ. скажи же, кыи разѹмѣемъ добрѣи всѣх; рече же филосо· огнь искѹшаетъ злато и сребро, а чл҃къ оумомъ отсѣкаетъ лжѹ от истины. рцѣте же ми· от чего бысть прьвое отпаденїе, не от видѣнїа ли и плода сладкаго и похоти на бж҃тво; они же рѣша· тако есть. филосо же речетъ· то аще боудетъ комѹ накость ме ꙗдшѹ, ли стѹденѹ водѹ пившѹ, пришедши же врачь, гл҃етъ емѹ· еще много ме ꙗдъ, исцѣлѣеши, а иже боудетъ водѹ пилъ, томѹ гл҃етъ· стѹдены са воды напїи, и на мразѣ ставъ, исцѣлѣешь. дрѹгыи же врачь не тако гл҃тъ, но противно врачьство заповѣдаетъ, в медѹ мѣсто горко пьюще, поститиса, и въ стѹдена мѣсто теплое, грѣющися. которыи от обою оубо хитрѣе врачюетъ; отвѣщаша вси· иже противнаа врачества заповѣдаетъ. горестїю бо житїа сего и похотнѹю сладость достоитъ оумр҃твити и смиренїемъ гордость, противными противнаа врачѹюще. и мы бо гл҃емъ· ꙗко древо, еже первое тернъ сътворитъ, то послѣди сладокъ плод приплодитъ. пакы отвѣща филосо добрѣ ресте. х҃съ бо законъ острото вкладаетъ бж҃їа житїа, потомъ животъ вѣчныхъ жилищи стократицею плод приноситъ. едни же от нихъ совѣтникъ, срачиньскѹ злобѹ добрѣ вѣдыи, въпроси философа· рцы ми, гостю, како вы махмета не держите; то есть велми х҃а похваль въ своихъ книгах, гл҃а· ꙗко от дв҃ы са есть родилъ, сестры моисѣевы, прр҃къ велїи, мр҃твыа въскрешалъ и всакѹ ꙗзю исцѣлилъ силою велїею. отвѣща филосо к немѹ· да соудитъ нашъ каганъ. гл҃н же· аще есть прр҃къ махметъ, то како имемъ вѣрѹ данилѹ; онъ бо ре· до х҃а вса видѣнїе и прр҃чество престане. то же по х҃ѣ ꙗвлеса, то како можетъ прр҃къ быти; аще бо того прр҃ка нарече, то данила отвержемъ. рѣша же мноѕи от нихъ· данилъ же есть гл҃алъ бж҃їемъ

дх҃омъ, махметъ же, всн вѣмы́, ꙗ҆ко лѡжь є҆сть и҆ па́гꙋбникъ спн҃ію всѣ̑, є҆́же є҆сть добрѣ́нша блади́ своꙗ на глобꙋ и҆ стꙋдодѣа́ніꙗ и҆зба́лъ. рече́ же пе́рвын свѣ́тникъ ѿнихъ къ прнателемъ жидо́вьскымъ· бж҃їею по́мощїю го́сть сы̏ всю горды́ню срацн́ньскꙋю на землю сверже, а҆ ва́шꙋ на ѡ҆́нъ полъ пове́рже, ꙗ҆ко скве́рнꙋ. рече́ же къ всѣмъ лю́демъ· ꙗ҆ко же є҆сть далъ бг҃ъ ѡ҆́бласть надо всѣми ꙗ҆зыкы цр҃ю крть́аньскꙋ и҆ мд҃рость съвершє́нꙋ, та́ко и҆ вѣ́рꙋ в нихъ, и҆ кромѣ сеꙗ никто̀ же не мо́жетъ живота вѣ́чнаго жи́ти. бг҃ꙋ же сла́ва всегда̀. речѐ же филосѡ҆ къ всѣмъ со слеза́ми· ѡ҆ бра́тїꙗ, и҆ ѡ҆ц҃ы, и҆ дрꙋзи, и҆ чада. сѐ бг҃ъ дасть всакъ ра́зꙋмъ и҆ ѿвѣ́тъ достóинъ. а҆́ще ли є҆сть кто противáсѧ, да прїи҆́детъ и҆ препрнтъ, ли препрѣнъ боу́детъ, а҆ и҆ послꙋ́шаетъ си҆, да сѧ кр҃тнтъ во и҆́мѧ ст҃ыꙗ тр҃ца. и҆́же ли не хо́щетъ, а҆зъ є҆смь кромѣ вса́кого грѣха, а҆ ѡ҆́нъ оу҆зритъ в҆ дн҃ь соу҆дный, є҆гда̀ са́детъ соудїи ветхый дн҃ьми сꙋди́ти всѣмъ ꙗ҆зы́комъ, ꙗ҆ко бг҃ъ. ѿвѣща́ша ѡ҆ни· нѣсмы мы̏ собѣ врази, но̑ по ма́лꙋ, и҆ мо́жетъ тако,· велимъ, да сѧ кр҃ти́тъ во́лею, и҆́же хощетъ, ѿ сего дн҃и, и҆ и҆́же ѿ на҃ на запа̑ клана́ютсѧ, ли жидо́вьскы мл҃твꙋ твора́тъ, ли срачи́ньски вѣры де́ржитъ, скоро смр҃ть прїи҆́метъ ѿ на҃. и҆ та́ко сѧ разыдо́ша с ра́достїю. кр҃ти же сѧ ѿ ни҆х два ста ча́ди, ѿвергошасѧ мръзостни̏ пога́ньскыхъ и҆ жени́твъ бе́законны̏. написа̀ же каганъ къ цр҃ю книги сакова· ꙗ҆ко посла́лъ є҆си, вл҃ко, моу́жа таковаго, и҆́же намъ сказа вѣ́рꙋ кр҃тьа́ньскꙋ сло́вомъ и҆ вещьми ст҃ꙋю тр҃цꙋ. и҆звѣщє́шесѧ, ꙗ҆ко то є҆сть и҆стаꙗ вѣра, повелѣ́хомъ кр҃ти́ти своє́ю во́лею, надѣющесѧ и҆ мы доспѣти того̀ же. є҆смы же всн и҆ дроу́зи и҆ прїа́тели твоє́мꙋ цр҃твꙋ, и҆ готови на слоу́жбꙋ твою, а҆мо же потре́бꙋє́ши. провода̀ же филосѡ́фа кага́нъ, дава́ше є҆мꙋ да́ры мно́ги, но̑ не прїѧ и҆, гл҃а· да́и же ми є҆ли́ко и҆́маши плѣни́никъ грекъ з҃ѣ, и҆ то ми є҆сть боле всѣ̑ даро́въ. събравъше же и҆хъ до двꙋдесатꙋ, да́ша є҆мꙋ, и҆ и҆де, ра́дꙋѧсѧ, въ пꙋть свои.

Доше̑ же безводенъ мѣстъ и҆ пꙋстъ, жажа не можа́хꙋ терпѣ́ти. ѡ҆брѣ́тше же въ слати́ни води́цꙋ, не можа́хꙋ пи́ти ѿ неꙗ. вѣа́ше бо а҆кы золчь· рашьдши́мъ же сѧ и҆́мъ всѣ̑ и҆ска́ть воды, рече к ме фодїю, братꙋ своє́мꙋ· не сте́рплю оу҆же жажа, да почерпи оу҆бо во-

ды сѧ. иже бо предложилъ прьвѣе їндьтомъ горкꙋю водꙋ въ сладкꙋ, то имать и намъ оутѣхꙋ сътворити. почерпоша же, и ѡбрѣтоша ю сладкоу, ꙗко и медвенꙋ и стꙋденꙋ, и пивша, прославиша бг҃а, творѧща таковаа своимъ рабомъ. в херсони же вечераѩ съ архиеп҃пмъ, рече филосѡ҇· сътвори ми, ѿче, млтвꙋ, акꙋ же бы ми ѿць мои сътворилъ. въпросивши же и нѣкымъ ѡсобь, что ради се твориши; ѿвѣща филосѡ҇· въ истинꙋ ѿ насъ ѿидетъ оутрѣ къ гоу, ѡставль ны. еже и бысть, словеси сѧ събывшꙋ. бѣ же въ фꙋльстѣ ѧзыцы дꙋбъ велїи, сраслъсѧ с черешнею, по ним же требы творѧхꙋ, нарицающе именемъ александръ, женьскꙋ полꙋ не дадꙋще приступити к немꙋ, ни къ требамъ его. оуслышав же филосѡ҇, не ѡблѣнисѧ трꙋдитисѧ к ни҇, и ставъ посредѣ ихъ, гл҃а к нимъ· еллини сꙋть в вѣчнꙋю моукꙋ шли, кланающесѧ нбꙋ и земли, ꙗко бг҃ꙋ, такои велицѣи и добрѣи твари. тако ли и вы, иже сѧ древꙋ кланѧете, хꙋдѣи вещи, еже есть готово на ѡгнь; ѿвѣщаша· мы сего нѣсмы начали ѿ нынѣ творити, но ѿ ѡц҃ь есмь прїали, и ѿ того ѡбрѣтаемъ вса прошенїа наша, дождь же наипаче и ина многа. како се мы сътворимъ, его же нѣсть дръзнꙋлъ ѿ насъ никто же створити; тогда же смрть оузримъ, и не имамъ к томꙋ дожда видѣти до кончины. ѿвѣща к нимъ филосѡ҇· бг҃ъ ѡ васъ во книга҇ гл҃етъ, а вы сѧ его како ѿмещете; исаиа бо ѿ лица гн҃а въпїетъ, гл҃а· градꙋ и азъ събрати вса племена и вса ꙗзыкы, прїидꙋтъ и оузратъ славꙋ мою, и ѡставлю на нихъ знаменїе, и послю ѿ нихъ спсенїе въ ꙗзыки, к тарси҇, и фꙋль, и въ елладꙋ, и въ ѡстокы далнаꙗ, и не соутъ слышали моего имени, и възвестатъ славꙋ мою въ ꙗзыцѣхъ, гл҃ть гь҇ вседержитель. и пакы· се а҇ послю к вамъ рыбитвы и ловца многы, ѿ холмъ и скалъ каменыхъ изловатъ вы. познаите, братїе, бг҃а, сътворшаго вы. се еѵаллїе новаго завѣта бж҃їа, во нь же есте кр҇тили. тако же сладкыми словесы оуглавъ, повелѣ посещи древо и съжещї е. и поклони же сѧ старѣишина ихъ, ше҇, лобыза еѵалїе, тако и вси. свѣща же бѣлы прїимше ѿ философа, и поюще, идоша къ древꙋ, и взе҇ секирꙋ, тридесаты и три краты оудари, и повелѣ всѣмъ сѣщи ис ко-

рении и съжещи є. в ту же нощь сниде ѿ бга дождь, и с радостїю велїєю похвалиша бга, и веселиса ѡ семъ бгъ зѣло.

Философ же иде в коньстантинъ гра, и видѣ цра, живаше бѣ мъдвы, бга мола, въ цекви стыхъ апл̑ъ сѣда. есть же въ стѣи софѣи потиръ ѿ драгаго камени, соломона дѣла, на нем же соуть писмена жидовьскы грани написаны, ихъ не можаше никто же проуести, ни сказати. вземь же философ, проуте и сказа. есть же сице перваа грань· уаша мо, уаша моа, прорицаи, доиде же звѣзда. во пиво боуди ми, гй, первенцу, бодащу нощїю. по сем же втораа грань· на въкоушенїе гне сътворена древа иного. пїи, оупїися веселїемъ, и вопи аллѵа. и по семъ третьаа грань· и се кнгь оузри славу его, и двъ црь посредѣ ихъ. и по се уисло написано девѧ сѡ и девѧтеро. рашет же по тонку философ, ѡбрѣте· ѿ втораго на десать лѣта цртва соломона до цртва хва лѣтъ девѧ сотъ и девѧ. и се есть пррчтво ѡ хѣ.

Веселящу же са ѡ бѕѣ философу, пакы дроугаа рѣчь приспѣ и трѹдѣе первыхъ. растиславъ бо моравьскїи кнгь, бгомъ оустимъ, совѣтъ сътвори съ кнги своими моравланы. посла къ црю михаилоу, гла· людемъ нашимъ поганьства ѿвергьшимъ и по кртьанескъ са законъ держащимъ, оуuтела не имамъ такого, иже бы ны въ свой азыкъ истую вѣру кртьаньску сказалъ, да быша и ины страны того зраща, подобили бы са намъ. то посли ны, влко, еппъ и оуuтель такъ. ѿ васъ бо на вса страны всегда добрый законъ исходитъ. събравъ же съборъ црь, призва коньстантина философа, и сътвори слышати рѣчь сїю· вѣй та трудна соуща, философе, нъ потреба есть тамо ити. сеа бо рѣuи не можетъ исправити инъ, ако ты. ѿвѣща же философ· труденъ сы и боленъ тѣломъ, ра иду тамо, аще имѹтъ букви въ азыкъ свои. гла црь к нему· дѣдъ мои, ѿць мои, и ини мнози, искавше того, не соутъ ѡбрѣли, то како могу и азъ то ѡбрѣсти; философъ же реuе· то кто можетъ на воду бесѣду написати; или еретиuеско има себѣ ѡбрѣсти; ѿвѣща ему црь с вардою, оуе своим· аще ты хощеши, то можетъ тобѣ бъ дати, иже даетъ всѣмъ, иже просатъ несумнѣ-

нїемъ. ше҆ же философ҇, по пе́рвомꙋ ѡбычаю на мл҇твꙋ са наложи и҆ съ и҆нѣми поспѣшникы. въско́ре҇ са е҆мꙋ бъ҇ ꙗ҆ви, послꙋшаꙗ же мл҇твы своихъ рабъ, и҆ ӑбїе сложи писмена, нача писати бесѣдꙋ е҆ѵ҇альскꙋ· и҆спе́рва бѣ сло́во, и҆ сло́во бѣ ѿ бг҃а, и҆ бъ҇ бѣ сло́во, и҆ про́чее. възвесели же са црь, и҆ бг҃а прославль своими совѣтники, и҆ посла и съ да́рми многими, писа́въ къ растиславꙋ е҆пистолїю сице· бъ҇, и҆же велитъ всакомꙋ, дабы в разꙋмъ и҆стинный пришелъ и҆ на болшїи са чи҇ повиглъ, видѣвъ вѣрꙋ твою и҆ съвѣ҇, сътвори нынѣ, к наша лѣта, ꙗ҆вле боукви в вашь ꙗ҆зыкъ, е҆го же не вѣдано было, то́кмо к҇ перваа лѣта, да и҆ вы причтетеса великыхъ ꙗ҆зыцѣ҇, и҆же славатъ бг҃а своимъ ꙗ҆зыкомъ. и҆ тꙋ ти посла́хомъ того, е҆мꙋ же бг҃ъ ꙗ҆ви, мꙋжа чт҇нва и҆ бл҃говѣрна, книжна ѕѣло философа. и҆ се прїимъ да҆ болїи и҆ чтнѣи паче всакого злата и҆ сребра, и҆ каменїа драгаго и҆ богаства преходаща, и҆ подвигни с нимъ прно оутвердити рѣчь и҆ всѣмъ срцемъ взыскати бг҃а, и҆ ѡбщаго спсенїа не ѿрини, нъ҇ вса повигни не ленитнса, нъ҇ ӑтиса по и҆стинный пѫть, да и҆ ты, приве҆ а подвигомъ своимъ к҇ бжїи разꙋмъ, прїимеши свою мзоу в того мѣсто и҆ в сїи вѣкъ и҆ к҇ бꙋдꙋщїи, и҆ за вса ты дш҃а, хотащаа вѣровати въ христосъ, бг҃ъ нш҃ь, ѿ нн҃ѣ до коньчины, и҆ памать свою ѡставлаа про́чимъ родомъ, подобно великомꙋ коньстантинꙋ црю.

Доше҆шꙋ же е҆мꙋ моравы, с великою честїю прїатъ растиславъ, и҆ оучєникы събра́въ, въдасть а оучити. вско́ре же се҆ црко́вныи чи҇ преложь, наоучаа оутреницы, и҆ годинꙑ҇, и҆ вече́рни и҆ павечерницы, и҆ таинѣи слꙋжбѣ. и҆ ѿверзошаса, по прр҇ческомꙋ словеси, оушеса глоухы҇, оуслышаша книжнаа словеса, ӑзыкъ ꙗ҆снъ бысть гоугнивыхъ. бъ҇ же са ѡ семъ възвесели велми, ӑ дїаволъ постыдѣ҇. растꙋщоу҇ бжїю оученїю, злый, завистивыи и҆спе́рва, дїаволъ, не терпа сего добра, нъ҇ ше҆ въ своа съсоуды, нача многы възвизати, гл҃а имь· не славитса бъ҇ ѡ се҆. ӑще бо бы е҆мꙋ сице годѣ было, не бы ли моглъ сотворити, да быша и҆спе́рва писали, напишꙋще бесѣды своа, славили бг҃а; нъ҇ три ꙗ҆зыкы е҆сть оубо токмо и҆збралъ· е҆врѣе҆скъ, греческъ и҆ латинескъ, и҆мже достоитъ бг҃ꙋ слава даати. вѣ-

ша же глаголюще латиньстїи фражестїи архїереи и оучиницы. и бравшесѧ с ними, ꙗко двѣ съ иноплеменьники, книжными словесы побѣждь ѧ, нарече ѧ триꙗзычники, ꙗко пилату тако написавшю на тит҃лѣ гн҃и. не токмо же глаху сє҃ едино, но҃ и вещїю оучаху, глаголюще· ꙗко по҃ земле живꙋть чл҃цы, велеглави, и весь гадъ дїавола тварь есть. аще кто оубьетъ змїю, девати грѣхъ избудеть того ради. аще чл҃ка оубьетъ кто, три м҃цы да пїетъ въ древанѣ чаши, а стикланѣ сѧ не прикасаѧ. не браняху же жр҃твъ творити по первому ѡбычаю, ни женитвъ бесчисленыхъ. вое же се, ꙗко тернїе посѣкъ, словесныимъ ѡгне҃ попали, гл҃ѧ· пожри бг҃у жрътву хвалную, въздаи же вышнему м҃лтвы своѧ, жены оуности твоеѧ не ѿпоусти. аще бо ю, възненавидѣвъ, ѿпоустиши, не покрыетъ нечесть похоти твоеѧ, гл҃тъ г҃ь вседержитель. съхранитесѧ дх҃омъ вашимъ, и да не ѡставитъ кождо в҃а жены оуности твоеѧ. и· сихъ, ихъ же ненавидѣхъ, творѧсте, ꙗко б҃ъ свидѣтельствова межю тобою и межю женою юности твоеѧ, юже еси ѡставилъ, та ѡбѣщинница твоѧ и жена завѣта твоего. и въ еѵ҃алїи г҃ь· слышасте, ꙗко же речено е҃ древнимъ· не сътвори прелюбы. азъ же гл҃ю вамъ· ꙗко всакъ, възрѣвыи на женѫ с похотїю, ꙗко прелюбы е҃ сътворилъ с нею ср҃цемъ своимъ. и пакы гл҃тъ вамъ· ꙗко, иже пꙋститъ женꙋ свою, развѣ словесе прелюбодѣинагѡ, творитъ ю прелюбодѣати, и иже ѿпꙋщенꙋю ѿ моужа поемлетъ, прелюбодѣетъ. четыредеса҃ м҃ца сътвори в моравѣ, иде ст҃итъ оучн҃къ своихъ. прїѧ҃ же идꙋщь коцелъ, к҃нзь паганескъ, и възлюби вельми словеньски бꙋквы, и наоучиса имъ, вдавъ до патидесатъ оучн҃къ оучитиса имъ. и велико честь сътвори емꙋ, мило проводї и. не взатъ же ни ѿ растислава, ни ѿ коцъла, ни злата, ни сребра, нї иныѧ вещи, положь еѵ҃альское слово бе҃ пл҃нща, но҃ токмо плѣнники испрошь оу ѡбою девать сѡтъ, и ѿпоусти.

В натцѣ бывшꙋ емꙋ, събрашасѧ еп҃кпи и попове на нь и черноризцы, ꙗко враны на сокола, и въздвигоша триꙗзычную ересь, гл҃юще· чл҃че, скажи намъ, како ты еси нн҃ѣ сътворилъ книги словѣнамъ и оучиши ѧ, ихъ же есть никто же первѣе ѡбр҃ѣ, ни ап҃ли, ни

римъскын понеже, ни дїалогъ григорїи, ни еронимъ, ни августинъ. мы же три ѩзыкы вѣмы токмо, имъ достоитъ славити бга, еврѣа, еллины, латины. ѿвѣща же к нимъ филосѿ· не идетъ ли дождь ѿ бга равно, на вса ли слнце тако же не сїаетъ ли на васъ, ни ли дыхаемъ на аеръ равно вси; како са вы не стыдите три ѧзыки токмо мнаще, а проунмъ всѣмъ ѧзыкомъ и племеномъ слѣпымъ келащи быти и глухымъ; скажите ми, и бга твораще немощна, ѩко не могуща сего дати, ли завистива, не хотаща дати; мы многы роды знаемъ книги оумѣюща и бгу славу въздающа своимъ ѩзыкомъ кождо. ѩвѣ же суть си· армени, перси, авазгы, ивери, сугды, гофи, ѡбори, тоурси, козари, аравлане, египти, соури и инии мнѡзи. аще ли не хощете ѿ сихъ разумѣти, поне ѿ книгъ познаите соудїю. двъ бо въпїетъ, гла· поите гви вса земла, поите гви пѣ нову. и пакы· въспоите гоу вса земла.... да поклонитса.... да поетъ же имени твоему, вышнїи. и пакы· хвалите га вси ѩзыцы, похвалите га вси людїе. всако дыханїе да хвалитъ га. въ еуалїи глтъ· елико же ихъ прїали есть, дасть имъ ѡбласть чадомъ бжїимъ быти. и паки то же· не ѡ сих же въпрашаю токмо, но ѡ вѣрующиї словомъ ихъ в ма, да вси едино боудутъ, ѩко же и ты, ѡче, въ мнѣ, и азъ в тебѣ. матфѣи же рє· дана ми есть всака власть на нбси и на земли. шеше, наоучите вса ѧзыки, крстаще во има ѿца и сна и стго дха, оучаще а хранити вса, елико заповѣдалъ есмь вамъ, и се азъ с вами есмь по вса дни и до скончанїа в вѣки. аминь. а марко пакы· шеше в миръ вє, проповѣдите еуалїе всеи твари. вѣровавъ и крстивса, спсетса, а не вѣрувай, ѡсоудитса. знаменїа же повѣровавшихъ поидутъ си· именемъ моимъ бѣсы ижденутъ, ѧзыки възглю новы. глетъ же и к вамъ· горе вамъ, книжници фарисѣи, ѩко затвораете црство нбное пре члкы. вы бо не входите, и хотащимъ внити не ѡставлаете. и пакы· горе вамъ, книгчїа, ѩко взасте ключь разумныи, и сами не внидосте, и хотащимъ внити, възбранисте. к коренфѣем же паоулъ рє· хощу же, да вси ѧзыки глете, паче же да прорицаете. болїи оубо прорицаа, нежели гла ѩзыки, разве аще

сказаѥть, да цркви создание прииме. нинѣ же, братие, аще приидѫ к вамъ, ꙗзыки гла, коую вамъ полѕѫ сътворю, аще к вамъ не воглаю или ѿкровениемъ, ли разѹмомъ, ли прроучествомъ, ли оучение; ѡбаче бездшьная, гла дающа, аще ли пищали, аще ли гоусли, аще разньствиа писком не дасть, како разѹмѣется пищемое ли, ли гѹдомое; ꙗко аще безвѣстенъ гла трѹба да, кто оуготовлѣется на брань; тако и вы. ꙗзыкомъ аще неразѹмна словеса дасте, како разѹмно боудѣ глемое; боудеть бо въ аеръ глюще. толико оубо аще клюутить, р҃ѡ гласныхъ во всемъ мирѣ, ни едни же ихъ безгласенъ. аще оубо не вѣмъ силѹ гласѹ, то оубо бѹдѹ глющѹ ми варваръ, и глан мнѣ варваръ. тако и вы. понеже ревнители есть дхювнымъ, къ созданию цркви просите, да вы избиваеть. тѣм же гла ꙗзыкомъ, да молится, да сказоуеть. аще бо млтвѹ дѣяти ꙗзыкомъ, то дхъ мои молится, а оумъ мои бес плода есть. что оубо есть; молюса дхомъ, помолю оумомъ, спою дхомъ, спою оумомъ. аще блгобѣстиши дхомъ, исполнаѧ мѣсто неразоумнаго, како рече аминь по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть что глеши; ты оубо добрѣ хвалиши, но дрѹгии не зижется. хвалю бга моего, паче же всѣ вас ꙗзыки гла, но въ цркви хощѹ пать словесъ оумо своимъ глати, да ины наоучю, неже тмѹ словесъ ꙗзыкомъ. братие, не дѣти бывайте оумы, но злобою младеньствѹйте, оумомъ же съвершени боудите. в законѣ пишетъ ꙗко иноꙗзычники и оустнами инеми вѣглю людѣ симъ, и тако не послѹшають мене, глть гь вседержитель. тѣм же ꙗзыци въ знамение сѹть не вѣрнымъ, но невѣрнымъ, а прроучество не невѣрнымъ, но вѣрѹющимъ. аще бо снидется цркви вса вкоупѣ, и вси глю вкоупѣ ꙗзыки, внидеть же неразоумнвъ, или невѣренъ, не речеть ли, ꙗко зли са деете. аще ли прроучьствѹють вси, внидеть же нѣкто невѣренъ, ли неразѹмнвъ, ѡбличаетса всѣми и встазаетса ѿ всѣ, и тайнаа срдца его явѣ бываеть, и тако падеть ницъ, поклонится бгѹ, повѣдаа во истинѹ бгъ в ва есть. что оубо есть, братие; егда сходитеса, кожо в ва фаломъ имать, оучение имать, ꙗвление имать, ꙗзыкъ имать, сказание имать. вса же к созданию да бы-

каютъ. аще ли кто ѧзыкомъ г҃летъ, по двѣма, или зѣло тре҃, и по части, единъ да сказаетъ. аще ли не будетъ глагольника, да молчитъ въ ц҃ркви, к собѣ же да г҃летъ б҃гу. пр҃рцы же два, ли трїе, да г҃лютъ, а другїи да сказаютъ. аще ли иному ѩвитсѧ сѣдѧщу, прьвыи да молчитъ. могутъ бо по единому вси пр҃рчь-ствовати, да вси оучѧтсѧ и вси оутѣшаютсѧ. и доуси пр҃рчьстїи пр҃рокомъ повинуютсѧ. нѣсть бо нестроенїю б҃ъ, нѡ миру. г҃нѧ же заповѣ҃ есть. аще кто не разумѣетъ, да не разумѣваетъ. тѣмь же, братїе, ревнуите прорицанїю, и не браните г҃лати ѧзыки. всѧ же б҃говѣрно по чину да бываютъ. и паки г҃лтъ· всакъ ѩзыкъ ис-повѣсть, ѩко г҃ь і҃с х҃с въ славу б҃гу ѡ҃цу. аминь. сими же словесы и инѣми болши посрамль ѧ, ѡставль.

Оувѣдѣв же римьскїи папежь, посла по҃. и дошешу же єму рима, изыде самъ апустоликъ аидрѣанъ съ всѣми гражаны, свѣщѧ носѧще, оувѣдѣв, ѩко с҃тго климента мощи несетъ, мучника и папежа римъска. авїе б҃ъ нача чюдеса творити. раслабленъ же чл҃къ ту исцѣлѣ и ини мнѡги разпичны недугъ изъбыша. и прїим же папежь книги словеньскїѧ, с҃ти, и положи ѧ въ ц҃ркви с҃тыѧ м҃рїѧ, ѩже сѧ нарицаетъ фантъ. пѣша с ними служьбу. по семъ повелѣ папе҃ двѣма еп҃кома, фурмисоу и гордиху, с҃тити словеньскыѧ оуч҃нкы, и ѩко ѧ с҃тиша, авїе пѣша служьбу въ ц҃ркви с҃тго петра словеньскимъ ѩзыкомъ, и въ другїи д҃нь пѣша въ ц҃ркви с҃тыѧ петрониллы, и въ другыи д҃нь пѣшѧ въ ц҃ркви с҃тго андрѣѧ, и ѡтуду пакы оу великаго оучт҃лѧ ѩзычьскаго, паоулѧ ап҃лѧ, въ ц҃ркви ѡбнощь пѣвше словенски, и служьбу пѣша на с҃тымъ гробомъ, имуще на помощь еп҃кпа арсенїѧ, единаго соуща ѡ семи еп҃пъ, и анастаса вивлиотикарѧ. филосо҃ же с своими оуч҃нкы не престаѧше, подаѧ достоиную хвалу б҃гу ѡ семъ. римлѧне же не престаша ходѧще к нему, въпрашающе на все, и сказанїе сугоубъ и трегубъ достоино прїимаху ѡ него. жидовинъ же нѣкїи, приходѧ, стѧзаѩсѧ с нимъ, ре҃ єму единою· нѣсть ижи пришелъ х҃с по числу лѣтнему, ѡ нем же г҃лютъ пр҃рцы, ѩко ѡ д҃вы сѧ имать родити. почте же єму филосо҃ всѧ лѣта ѡ адама по роду.

и сказа ему по тонку, яко и пришелъ есть, и селико лѣ есть ѿтолѣ до нїѣ, и наоучивъ, ѿпусти.

Постигшиму же многомъ трудомъ, впаде в болѣзнь, и терпящю ему язву болѣзненую многы дни, единою, видѣвъ бжїе явленїе, нача пѣти сице· ѡ рекшихъ мнѣ, в домъ гнь внидемъ, възвеселися дхъ мои и срце ѡбрадова. ѡболкъ же ся въ утныя своя ризы, тако пребысть весь днь, веселяся и гла· ѿселѣ нѣсмь а слуга црю и иному никомоу же на земли, но токмо бгу вседержителю и бѣ и есмь к вѣки. аминь. въ оутрїи же днь въ стыи мнишескыи ѡбра ѡблъкся, и свѣтъ къ свѣту прїимъ, имя си нарѣ кирилъ. в той же бѣ ѡбразѣ пятьдесятъ днїи. яко ся приближи година, да, покои прїимъ, преставится на вѣчная жилища, въздвигъ къ бгоу руцѣ свои, сътвори млтву, съ слезами гла сице· гй бе мои, иже еси аггелскїя вся чины бесплотныя и силы съставилъ, и нбо распенъ, землю ѡсновавъ, и вся сущая ѿ небытїя в бытїе привелъ, иже еси всегда вездѣ послушалъ творящихъ волю, боящихся тебе и хранящихъ заповеди твоя, послушай молитвы моея и вѣрное стадо съхрани, ему же мя бѣ приставилъ неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя ѿ всякїя поганьскїя злобы и ѿ всякаго многорѣчиваго и хулна еретичьскаго языка, глющаго на тя хулоу, и погуби триязычную ересь, и възрасти цркьвь твою множествомъ, вся единодушно съвокупи, и сътвори изрядны люди, единомыслящя ѡ истиннѣи вѣре твоеи и правымъ исповѣданїи. вдохни же въ срца ихъ слово твоего оученїя. твои бо есть даръ. аще ны еси прїялъ недостойныя на проповѣданїе еѵалїя хва твоего, ѡстращаса на блгая дѣла и творяща оугодїя тебѣ, иже мнѣ далъ еси, яко твоя, тебѣ предаю. оустрои я, силною твоею десницею, покрывая кровомъ крылу твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя твое, ѿца и сна и стго дха в вѣки. аминь. и лобызавъ же вся стымъ лобызанїемъ, рече· блвенъ бгъ, иже не дасть на в ловитву зубомъ невидимыхъ нашихъ врагъ, но сѣть ихъ съкруши, избави ны ѿ истлѣнїи ихъ. и тако почи ѡ гн, сыи .м. лѣтъ и двѣ, въ .дї. днь мца феврала, въ индиктъ вторыи, и ѿ твари все-

го мира .з҃. и .т҃. и .о҃. и .з҃. лѣтъ. повелѣ же апустоликъ всѣмъ грекомъ, иже бѣахꙋ в риме, тако же всѣмъ римланомъ, съ свѣщами шедше, пѣти на нимъ и сътворити провожениѥ емꙋ, ꙗко самꙋ папежꙋ сътворити. еже и сътвориша. мефедїи же, братъ его, въпроси апустолика, гл҃а· ꙗко мати ны есть заклала, да иже наю первое на соудъ поидетъ, да принесетъ брата въ свои манастырь, тꙋ и погребетъ. и повелѣ же папежь вложити и в ракоу, забїи и гвозди желѣзны, и тако держа седмь днїи, готова на пꙋть. рѣша же къ апустоликꙋ римстїи епс҃пи· понеже есть б҃гъ, по многамъ землямъ хождьша, привелъ и сѣмо, и ѡсюдꙋ дш҃ꙋ его взалъ, здѣ емꙋ достоитъ лещи, ꙗко уч҃тнꙋ моужю. рече же апустоликъ· то за ст҃ꙋю его любовь, римьскыи ѡбычаи престꙋпле, погребꙋ и в моемъ гробѣ, въ црк҃ви ап҃ла петра. ѿвѣща же братъ его· то понеже, не послꙋшавше, не дасте ми его, аще ли есть любо, да лаже въ црк҃ви ст҃го климента, с нимь же есть и сѣмо пришелъ. и повелѣ же апустоликъ тако сътворити. пакы же събравшимся всѣмъ, и стрижникомъ и всѣмъ людемъ, проводити уч҃тно. хотаще же положити, рѣша епс҃пи· ѿгвоздьше ракꙋ, видимъ, аще есть цѣлъ, егда есть взато что ѿ него; и трꙋжешеса много, не могꙋще ѿгвоздити ракы, по бж҃їю повелѣнїю, и тако с ракою положиша въ гробъ ѡ деснꙋю страноу ѡлтара, въ црк҃ви ст҃го климента, идѣже начаша авїе многа чюдеса бывати. ꙗже видѣвше римлане, вол҃е приложиша ст҃ии его и чести, и написавше иконꙋ его, на гробомъ поставиша, и начаша свѣтити на нимъ дн҃ь и нощь, хвалаще б҃га, прославлающаго тако, иже и славатъ. томꙋ бо есть слава и чт҃ь во вѣки. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
363,	4.	Проп. въ передъ съблáзнъ.
—	5.	непрїáзнинъ вм. непрїáзненъ.
—	15.	ѩ҆ко вм. ѩ҆ковъ.
—	17.	Проп. мнѣ... а҆зъ.
364,	4.	ѝж҆енъ вм. ѝж҆ѡвъ.
—	12.	Проп. и҆ передъ сестра.
—	17.	бы́сть вм. сбы́сть.
—	19.	обе вм. себѣ.
—	27.	спаетъ вм. сиаетъ.
—	33.	с҆ нимъ вм. своѝ.
365,	3.	оу҆дꙋ вм. оу҆довь.
—	5.	оу҆тѣ́хꙋ, вм. соуѣ҆тꙋ.
—	6.	пребыва́ютъ вм. пребыва́етъ.
—	8.	оу҆чéнїемъ сѧ вм. оу҆чéнїе сѧ.
—	17.	оу҆чéнїе вм. оу҆мы́нїе.
—	20.	погребенъ вм. погребъ.
—	23.	достóинъ вм. достóитъ.
366,	10.	Проп. помышлáше.
—	11.	е҆го вм. сего.
—	12.	Проп. и҆.
—	17.	во лишнее послѣ ѡ҆бра́зоу.
—	18.	Проп и҆ передъ и҆́мо.
—	25.	и҆ мою вм. и҆маю; и҆ртла вм. и҆ртла; впрочемъ и надписано по выскобленному.

Стран.	Строк.	
376,	11.	Проп. и҆ передъ и҆ными.
—	15.	сокрꙋше́нꙗ вм. сокрꙋшенъ.
—	22.	ѿ и҆л҃ ѿ вм. ѡ҆ и҆л҃ ѡ҆.
—	25.	фили́мскаго вм. фили́стимскаго.
—	31.	коны вм. конь.
377,	4.	видѣтїе вм. видѣнїе.
—	19.	и҆збие́те вм. и҆збие́тъ.
—	20.	Проп. бо; бл҃витъ вм. бл҃вятъ.
—	21.	Проп. кленоꙋ́щїися на землѝ; кленоꙋщи́мися вм. кленоꙋ́тся.
378,	2.	хвалꙋ вм. хвала.
—	4.	гл҃а вм. гл҃а.
—	5.	Проп. и҆.
—	23.	входи́ти вм. ходи́ти.
—	26.	боꙋдетъ вм. бо; прїи́мшемъ вм. [illegible]
—	28.	па́ю҆ще вм. клапа́ю҆ще.
—	32.	инзнесе вм. и҆ и҆знесе.
—	33.	кини́мин вм. клини́мин.
379,	11.	заповѣ́дающе вм. заповѣ́дающꙋ.
—	16.	мыи вм. мы; и ниже всюду такъ.
—	17.	оу҆кра́дше вм. оу҆кра́тше.
—	19.	и҆ лишнее передъ ѡ҆бра́щете.
—	20.	раздѣлї вм. раздѣль.
—	—	оу҆зрѣ́въ вм. оу҆зри́те.
—	28.	поꙋчинꙋ вм. по ꙋчинꙋ.
—	31.	оу҆момъ и҆ вѣ́рою вм. и оу҆момъ вѣ́роу.
380,	6.	доброе вм. добрѣе.
—	7.	добрѣ вм. добрѣи.
—	12.	комꙋ повторено еще передъ мѐ.
—	—	вдꙋти вм. водꙋ пикшꙋ.
—	13.	а҆́ще вм. еще.
—	—	сцѣлїи вм. и҆сцѣлѣ́ши.
—	14.	Проп. и҆ передъ ма.
—	15.	заповѣ́даемъ вм. заповѣ́даетъ; и ниже то же.
—	20.	го́рести вм. го́рдость.

Стран.	Строк.	
371,	24.	ѝзѡбрѣ́тъ вм. ѝ ѡ҆брѣ́тъ.
—	28.	развѣ сего вм. ѝ босъ ѝ безъ всего.
—	29.	во вм. бы.
—	30.	гл҃аше вм. гл҃ши.
—	33.	ни́кто вм. нѣ́кто.
372,	2.	Проп. ѝ передъ ѝспрошь.
—	3.	Проп. ѝ передъ ѿ.
—	4.	оу҆зрѣ́вше вм. оу҆зрѣ́въ же.
—	18.	Проп. внесо́ша а҆ въ гра́дъ.
—	21.	прѐложитъ оукроти вм. прѐложь. оукроти и, ѝ
—	23.	Проп. ѝ передъ въ.
—	30.	Проп. же.
373,	25.	не є́ ꙋч҃ть ли вм. не є́ ꙋч҃ть.
—	29.	є҆го вм. є҆го҃.
—	33.	Въ другихъ спискахъ совѣ́тника.
374,	2.	Въ другихъ спискахъ нейстова.
—	4.	ꙋ҃лніе вм. ꙋт҃нѣе.
—	13.	ко гробѣ вм. въ горѣ.
—	16.	ѿ вм. ѡ҆.
—	19.	Проп. же послѣ ва́съ.
—	21.	сказа вм. скажемъ.
—	22.	Проп. ѝ передъ рѣ́ша.
—	24.	Проп. ли послѣ сего.
—	27.	Проп. что.
375,	6.	Проп. ѝ передъ ѝсъе́рва.
—	—	Проп. заповѣда.
—	19.	ѝ вм. ѝмъ.
—	21.	Пропускъ.
—	22.	не де́ржалъ написано на полѣ.
—	25.	пребыва́ю҆ще вм. пребыва́ю҆щь.
—	32.	съвѣ́тъ вм. съ завѣ́тъ.
376,	4.	ходи́ти вм. ходи́те.
—	7.	Проп. ѝ передъ насѣ́ще, вм. насѣщен.
—	10.	проповѣ́да вм. проповѣ́даша.

Стран.	Строк.	
376,	11.	Проп. и҆ передъ и҆ными.
—	15.	сокрꙋше́нѣ вм. сокрꙋшенъ.
—	22.	ѿ нб҃ѣ ѿ вм. ѡ҆ нб҃ѡ ѡ҆.
—	25.	фили́мъскаго вм. фили́стимъскаго.
—	31.	коны вм. конь.
377,	4.	видѣтїе вм. видѣнїе.
—	19.	и҆ѕбие́те вм. и҆ѕбие́тъ.
—	20.	Проп. бо; бл҃витъ вм. бл҃ватъ.
—	21.	Проп. кленоу́щїися на ѕемли; кленоущи́ися вм. кленоу́тся.
378,	2.	хвалꙋ вм. хвала.
—	4.	гл҃а вм. гл҃а.
—	5.	Проп. и҆.
—	23.	входи́ти вм. ходи́ти.
—	26.	боудетъ вм. бо; прїи́мшемъ вм. [illegible]
—	28.	на́ю҆ще вм. клана́ю҆ще.
—	32.	ниѕнесе вм. и҆ и҆ѕнесе.
—	33.	кинни́ми вм. клини́ми.
379,	11.	ѕаповѣ́даю҆ще вм. ѕаповѣ́даю҆щꙋ.
—	16.	мыи вм. мы; и ниже всюду такъ.
—	17.	оу҆кра́дше вм. оу҆кра́тше.
—	19.	и҆ лишнее передъ ѡ҆бра́щете.
—	20.	раѕдѣлї вм. раѕдѣль.
—	—	оу҆ѕрѣ́въ вм. оу҆ѕри́те.
—	28.	поучинꙋ вм. по чинꙋ.
—	31.	оу҆момъ и҆ вѣ́рою вм. и оу҆момъ вѣ́роу.
380,	6.	доброе вм. добрѣе.
—	7.	добрѣ вм. добрѣи.
—	12.	комꙋ повторено еще передъ мѧ.
—	—	вдꙋти вм. водꙋ пившꙋ.
—	13.	а҆́ще вм. єще.
—	—	сцѣлїи вм. и҆сцѣлѣ́ѐши.
—	14.	Проп. и҆ передъ на.
—	15.	ѕаповѣ́дае҆́мъ вм. ѕаповѣ́дае҆тъ; и ниже то же.
—	20.	го́рести вм. го́рдость.

Стран.	Строк.	
380,	20.	Проп. противнымн.
—	21.	ѐтерихъ вм. ѐже первоѐ терихъ.
—	22.	хс... ѡстротóю вм. хс... ѡстротоу.
—	26.	то вм. тȏ.
—	30.	тáко вм. то кáко.
—	—	ѝменемъ вм. ѝмемъ.
—	31.	то вм. тȏ.
381,	3.	ѝзкáнихъ вм. ѝзбáлхъ.
—	4.	на сраунньскую вм. сраунньскую и.
—	11.	ѐсть проп. передъ кто.
—	12.	Проп. ѝ передъ ѝ.
—	13.	бо лишнее послѣ áзъ.
—	18.	дер́жимъ вм. держитъ.
—	27.	прїа вм. прїа ѝ.
—	29.	Проп. ѝ передъ ѝде.
—	—	Проп. въ передъ пять.
—	30.	Шѐ вм. Дошѐ.
—	—	Проп. и.
382,	2.	то вм. тȏ.
—	6.	створиши вм. твориши.
—	8.	ѡставленїе же вм. ѡставль ны. еже.
—	—	словеса вм. словеси.
—	10.	дадуще вм. дадуще.
—	17.	дондеже напади ѝ на вм. дождь же наипáче ѝ ѝна.
—	18.	Проп. никто же.
—	27.	Проп. рыбитвы.
—	32.	Проп. ѝ передъ азѐ.
—	33.	оу̓крадн вм. оу̓дари.
383,	13.	ращетше по тоѝку вм. ращет же по тоѝку.
—	14.	Повтор. лѣтъ послѣ ѝ девї.
—	20.	бо вм. бы.
—	21.	Лишнее ся послѣ быша.
—	27.	Проп. ѝ передъ колѣнъ.
—	30.	Проп. философъ же рече.

Стран.	Строк.	
383,	31.	Проп. или передъ еретическо.
—	32.	правдою, оумо вм. кардою, оуе.
384,	2.	и лишнее передъ послушаи.
—	8.	не ѡбленишися вм. и на большїи са.
—	—	новиж вм. повигаъ.
—	14.	преходаща вм. преходаща.
—	22.	родиславъ вм. растиславъ.
—	23.	въсть вм. въдасть.
—	32.	избрали вм. избралъ.
—	33.	Проп. греческъ и латинескъ.
385,	1.	събраќшеса вм. браќшеса.
—	2.	Проп. съ послѣ дв҃ъ.
—	3.	на четыре азычнины вм. нареуе а триазычникы.
—	5.	велеганяи вм. велеглави.
—	—	всегда вм. весь гадъ.
—	7.	стисланъ вм. стикланъ.
—	9.	са вм. се; пѣсокъ вм. носѣкъ.
—	10.	Проп. попали.
—	12.	непочесть вм. нечесть.
—	13.	съхранитиса вм. съхранитеса.
—	14.	съ женою вм. жены.
—	—	ненакидащихъ вм. ихъ же ненакидахъ.
—	15.	Проп. и межю женою.
—	16.	иже вм. и.
—	20.	же вм. иже.
—	21.	Проп. и передъ иже.
—	28.	пища вм плаща.
—	28.	Проп. и.
—	30.	И натѧ в натцѧ.
—	32.	ико вм. како.
386,	1.	авгꙋ вм. авгꙋтинъ.
—	5.	тако вм. како.
—	7.	велащимъ вм. велащи.
—	—	твораща вм. твораще.

Стран.	Строк.	
386,	14.	Пропускъ.
—	18.	то же вм. то̑ же.
—	22.	и҆ лишнее послѣ а.
—	23.	и҆сповѣдалъ вм. ꙁаповѣдалъ.
—	33.	Проп. бо́ліи оу҆бо прори́цаа.
387,	1.	не сказа́ѐте вм. сказа́ѐтъ.
—	2.	кою̀ вм. коу́ю̀.
—	5.	пишемоѐ вм. пищемоѐ.
—	6.	Проп. а҆ще.
—	10.	гл҃ющꙋ ми оу҆мн вм. гл҃ющꙋ ми.
—	15.	моли́са оу҆момъ вм. моли́са дх҃омъ.
—	16—17.	Проп. неразоумнаго, како рече̑ а҆ми́нь.
—	18.	ты оу҆бо добрѣ гл҃еши лишнее.
—	—	не дрꙋгіи зижется вм. но дрꙋгіи не зижется.
—	19.	въ всѣ̑х насъ паче же ꙗ҆зы́ки гл҃а вм. паче же всѣ̑х насъ ꙗ҆зы́-ки гл҃а.
—	25.	Проп. вѣ́рнымъ но не.
—	29.	ни вм. ли.
—	—	Проп. и҆ истаꙁа́етса.
—	—	Проп. и҆ передъ таи́наа.
—	32.	сходи́стеса вм. сходи́теса.
388,	1.	зѣло и҆ли тре̑ вм. и҆ли зѣло тре̑.
—	4.	гл҃етъ вм. гл҃ютъ.
—	6.	и҆ вси пр̑рчьствіи вм. и҆ доуси пр̑рчьствіи.
—	8.	Проп. да не разꙋмѣва́ѐтъ.
—	9.	Проп. и҆ передъ браните.
—	15.	Проп. ꙗ҆ко передъ ст҃го.
—	18.	и҆ положи́вше вм. и҆ положи́.
—	27.	Проп. с передъ свои̇ми.
—	31.	нѣсть нꙋжи вм. не оу҆ другихъ списковъ.
389,	1.	по толкꙋ вм. по тонкꙋ.
—	—	пришло вм. пришелъ.
—	7.	Проп. и҆ передъ гл҃а.
—	9.	Проп. и҆ передъ е҆смь.

Стран.	Строк.	
389,	17.	боѧ́щимсѧ тебе и҆ хранѧ́щимъ вм. боѧщи́хсѧ тебе и҆ хранѧщихъ.
—	—	и҆ послу́шаетъ вм. послу́шай.
—	—	твое҆ѧ вм. мое҆ѧ.
—	21.	и҆ вм. на.
—	32.	ѿ и҆стлѣнїихъ вм. ѿ и҆стлѣнїи и҆хъ.
390,	9—10.	же повелѣ вм. хо́ждьша, привелъ и҆.
—	—	Проп. и҆ передъ ѿсюду.
—	11.	ту с҃тую вм. то за с҃тую.
—	13.	ѿвѣща́въ вм. ѿвѣща́.
—	—	поне вм. понеже.
—	14.	сни́мъ вм. с ни́мъ.
—	22.	Проп. и҆ передъ написа́вше.
—	23.	Проп. и҆ передъ нача́ша.
—	24.	Проп. и҆же передъ и҆.

ОПЕЧАТКА.

		Напечатано:	Надобно читать:
376,	7.	посуще	насу́щен.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ДРЕВНИХЪ И СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ,

ПОСѢЩАВШИХЪ РОССІЮ, ИЛИ ГОВОРИВШИХЪ О НЕЙ.

ИЗЪ «ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ»

Д-РА Ф. ГЕДВ. КЮЛЬБА.

СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Н. Шемякина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ ни смѣлымъ покажется новый трудъ, для умноженія многочисленныхъ сочиненій по Географіи и Этнографіи,—потому что этотъ родъ литтературы обработанъ въ новѣйшее время съ такимъ же великимъ грѣхомъ, какъ и съ похвалою,—все же, однако жь, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго снисхожденія попытка достигнуть предположенной цѣли не торною дорогой, а такою, по которой не отваживался еще никто. Чтобы совладать съ богатыми матеріялами, скопленными въ продолженіе столѣтій, и сдѣлать ихъ доступными и полезными для большинства читателей, до сихъ поръ выбирали много разныхъ формъ изложенія, только не біографическую, что дѣйствительно странно. И, однако жь, ни для какой области знанія такъ не йдетъ эта форма, какъ для Этнографіи и Географіи. Уже во Всеобщей Исторіи съ удовольствіемъ видимъ появленіе отдѣльной личности, съ ея характеристическими особенностями, въ рукахъ которой завязываются путеводныя нити событій: это будетъ гораздо больше случаться въ частной исторіи открытій новыхъ странъ, по тому что личность путешественника, открывающаго новыя земли, выдается впередъ еще рѣзче, а слѣдовательно и привлекаетъ насъ сильнѣе. Съ отраднымъ чувствомъ слѣдуемъ за великимъ Александромъ, вождемъ привычной къ побѣдамъ арміи, и его

сподвижниками, искусными полководцами, въ его отважные походы на дальній Азіятскій Востокъ, но съ боязливымъ ожиданіемъ слѣдимъ за осмѣяннымъ Колумбомъ, который борется съ малодушіемъ и страхомъ смерти своихъ спутниковъ, въ его смѣломъ плаваніи по незнакомому океану. Ожидаемъ съ увѣренностію побѣдъ Александра, но тревожное сомнѣніе закрадывается въ насъ, достигнетъ ли еще Колумбъ той цѣли, въ существованіи которой увѣренъ только онъ самъ. Такъ бываетъ съ большею частію открытій.

Уже изъ этого намека легко окажется разница между обыкновеннымъ способомъ изложенія Географіи и Этнографіи и формою, выбранною для настоящаго опыта. Читатель не только узнаетъ послѣдствія открытій, онъ самъ приметъ участіе въ добываніи этихъ послѣдствій и будетъ спутникомъ путешественника. Такимъ образомъ онъ самъ собою напишетъ столь же вѣрную, какъ и яркую, картину открытыхъ странъ и ихъ жителей, легко сохранитъ ее и всего яснѣе узнаетъ постепенное распространеніе Географіи, появленіе народовъ, вступленіе ихъ въ область гражданственности и выгоды отъ того для нихъ.

Для достиженія этой цѣли, біографіи слѣдуютъ одна за другою въ лѣточислительномъ порядкѣ, отъ самаго древняго и до новѣйшаго времени, съ тою только разницею, что Древность, по недостатку извѣстій о характеристическихъ особенностяхъ путешественниковъ, имѣетъ лишь слабыхъ представителей, Средніе Вѣка лучше, а всего лучше новое и новѣйшее время. Изложеніе Географіи и Этнографіи древняго міра, безспорно, представляетъ больше всего затрудненій: здѣсь особливо потребуемъ снисходительности читателя. Ни одинъ изъ дневниковъ, которыхъ,

разумѣется, не мало, Финикійскихъ, Греческихъ и Римскихъ путешественниковъ, не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; даже заподозрѣна подлинность и не многихъ отрывковъ, сохранившихся въ позднѣйшихъ передѣлкахъ. Для того оставалось одно только средство: извѣстія, находимыя въ историческихъ сочиненіяхъ, плодъ непосредственнаго знанія описанныхъ странъ и народовъ, надобно было присоединять къ бѣднымъ замѣткамъ, какія наберутся, о подробностяхъ жизни ихъ сочинителей, и приводить ихъ, по крайней мѣрѣ, въ видимую связь между собою, по тому что пополненіе многихъ пробѣловъ было дѣйствительно трудно, а нѣкоторыхъ едва возможно. Черезъ нѣкоторые пустыри еще можно было бы перекинуть смѣлый мостъ ученыхъ предположеній, но правдолюбивый читатель поблагодаритъ это простое изложеніе за то, что оно предпочло лучше предлагать собранные матеріялы во всей ихъ скудости, нежели обогащать посторонними прибавками, или, лучше, искажать ихъ. Не оставятъ также безъ похвалы и исключеніе чисто топографическихъ элементовъ, по тому что предлагается не Географія, а только обзоръ постепеннаго распространенія этой науки.

Обильнѣе надежными точками опоры являются Средніе Вѣка, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ сдѣлалась доступною только меньшая часть Географическихъ источниковъ этого времени: это особливо относится къ чрезвычайно важнымъ извѣстіямъ Арабскихъ путешественниковъ, которыя только въ новѣйшее время обратили на себя надлежащее вниманіе ученыхъ. Попытки, сообщенныя во 2-й книгѣ этого сочиненія, показываютъ удовлетворительно, сколько выгоды могутъ извлечь изъ нихъ Географія и Этнографія Хорошо объ-

яснены также и открытія Норманновъ, о которыхъ было много толковъ, благодаря успѣшнымъ изслѣдованіямъ Королевскаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ: на нихъ старались обратить общее вниманіе К. Вильгельми и К. Г. Гермесъ въ Нѣмецкомъ переводѣ. О другихъ оригинальныхъ извѣстіяхъ Среднихъ Вѣковъ, почти исключительно относящихся къ Азіи, необходимое уже замѣчено въ біографіяхъ ихъ авторовъ, которыя, по недостатку свѣдѣній, и въ этомъ періодѣ еще часто выходятъ бѣдны: если бы всѣ онѣ были мало по малу намъ переданы въ новомъ видѣ и въ такой искусной обработкѣ, какъ Марко Поло А. Бюрке! Особливо надо желать того путешествію нашего земляка, Ганса Шильдтбергера, на которое до сихъ поръ мало обращали вниманія: оно навѣрное получило бы гораздо больше извѣстности въ исторіи Географіи, если бы Шильдтбергеръ былъ не Нѣмецъ.

Для краткаго описанія Португальскихъ открытій въ Африкѣ и Азіи служилъ источникомъ почти исключительно Іоаннъ де Барросъ, Португальскій Ливій, по тому что, за исключеніемъ дневника превосходнаго Альвизе де Кадамосто, до сихъ поръ не знаемъ ни какихъ извѣстій самихъ путешественниковъ, открывшихъ разныя земли; не можемъ же считать такими исторію жизни Фернама Ментеса Пинтоса, часто забѣгающую въ область чудеснаго, хотя она и проливаетъ нѣсколько свѣта на земли и острова Восточной Азіи, посѣщенные этимъ путешественникомъ. Заслуги Нѣмецкаго Космографа, Мартина Бегайма, можетъ быть, поставлены уже слишкомъ на первомъ планѣ: это сдѣлано въ твердой увѣренности, что для Нѣмецкихъ читателей не будетъ непріятно предпочтеніе Нѣ-

мецкихъ путешественниковъ. Богатымъ запасомъ Географическихъ свѣдѣній мы обязаны Арабу Аль-Гасану-Эбн-Могаммеду Альваццану, котораго обыкновенно называютъ Львомъ Африканцемъ: его описаніе Африки до сихъ поръ еще служитъ единственнымъ источникомъ для этой части свѣта. Нѣмецкая передѣлка этого сочиненія Г. В. Лорсбаха заслужила бы отъ насъ гораздо болѣе благодарности, если бы не имѣла недостатка въ обѣщанныхъ къ ней объясненіяхъ.

За этимъ краткимъ указаніемъ источниковъ, которыми мы пользовались въ I книгѣ, слѣдуетъ еще нѣсколько замѣчаній о способѣ изложенія самаго предмета. Оно совсѣмъ не разсчитываетъ на спеціяльныхъ ученыхъ, но на образованныхъ изъ всѣхъ сословій, отъ того-то и основывается на подлинныхъ извѣстіяхъ, какъ знающіе дѣло замѣтятъ и безъ ссылокъ, однако жь избѣгаетъ всякой ученой обстановки и особливо старается быть простымъ, яснымъ и живымъ. Описаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ съ особенной любовью поставлено на главномъ планѣ, впрочемъ, изъ за него ни мало не опущено и описаніе земель и ихъ произведеній. Тщательно, но только въ легкихъ очеркахъ, показано, на сколько каждое открытіе распространило кругъ нашихъ знаній, открыло новые источники торговли, умножило наши потребности. Такимъ образомъ сочинитель думалъ, что соединяетъ пріятное съ полезнымъ, и что его малая лепта послужитъ къ большему распространенію Географическихъ свѣдѣній. Пусть же его стараніе не останется совсѣмъ безъ успѣха!

Русскій переводчикъ предлагаетъ здѣсь нѣсколько жизнеописаній Древнихъ и Средневѣковыхъ путешественниковъ, которые посѣщали Россію или что ни будь говорили о ней. Изъ нихъ извѣстнѣе у насъ Плано Карпини, Рубруквисъ, Іоасафатъ Барбаро. Жизнеописанія нѣкоторыхъ Арабскихъ путешественниковъ избраны по тому, что они сами по себѣ любопытны, имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ Русской исторіи, сверхъ того многія мѣста изъ нихъ, приводимыя Бюрке въ примѣчаніяхъ къ Марку Поло, могли, вѣроятно, заинтересовать читателя. Правда, что Нѣмцамъ не всегда удавалось излагать науку въ біографической формѣ: примѣромъ можетъ служить «Weltgeschichte in Biographieen» Бёттигера; но здѣсь не столько важна личность самаго путешественника, сколько обиліе свѣдѣній по Этнографіи, предлагаемое въ такой прекрасной системѣ. Нѣкоторыя литературныя подробности относительно путешествій переводчикъ заимствовалъ у Аделунга изъ его «Die Reisenden nach Russland». Продолженіе его труда зависитъ отъ того, какъ будетъ принятъ онъ просвѣщенною публикой. За тѣмъ послѣдуютъ путешествія Головнина въ Японію, дополненное извѣстіями изъ Ф. Зибольда, Палласа по Россіи, Беринга.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Географія и Этнографія, въ собственномъ смыслѣ слова, условливаются распространеніемъ человѣчества по большему пространству земной поверхности, существованіемъ различныхъ народовъ, ихъ мирными сношеніями, или враждебнымъ столкновеніемъ. Завоевательные походы народовъ, усилившихся и стремившихя къ всемірному владычеству, подняли для насъ завѣсу съ великой части земли, но также и причинили безпредѣльное бѣдствіе человѣчеству. Миролюбивыя сближенія гораздо благотворнѣе и обильнѣе послѣдствіями, хотя бы главнымъ двигателемъ ихъ была самая жадная корысть: имъ обязаны мы большею частію важнѣйшихъ открытій. Смѣлые путешественники обыкновенно первые переходятъ границы отечества и, послѣ благополучнаго возвращенія, описываютъ не только перенесенныя опасности, но разсказываютъ также и видѣнныя ими диковинки и показываютъ добытыя богатства. Въ ихъ изумленныхъ землякахъ пробуждается охота къ подобнымъ отважнымъ странствованіямъ, — путешествія на чужбину мало по малу становятся чаще, и границы, поставляемыя прежде горами и моремъ, исчезаютъ, благодаря болѣе смѣлому развитію торговли и мореплаванія. Тутъ распространяются между народами географическія свѣдѣнія, смотря по большей, или меньшей, степени участія, какое принимаютъ они въ общемъ движеніи по мѣсту, гдѣ они живутъ, характеру и образу жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ распространяются и безчисленныя лжи и сказанія, выдуманныя и прикрашенныя путешественниками. Отъ того и Географія древнѣйшихъ временъ — пестрая смѣсь правдивыхъ и

ложныхъ извѣстій, которыя духъ ученыхъ изслѣдованій сталъ разбирать и приводить въ порядокъ только въ позднѣйшихъ просвѣщенныхъ столѣтіяхъ.

Такъ получили начало самыя раннія Географическія мнѣнія, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же предразсудковъ: вотъ по чему и не можетъ быть странно сходство между ними. Каждый народъ сначала считалъ мѣсто своего жительства средою земли: Скандинавъ близко Сѣвернаго полюса, точно такъ же, какъ и Индѣецъ не подалеку Экватора, величалъ свою родину «жилищемъ среды»; всю землю представлялъ себѣ огромнымъ кругомъ, который вездѣ омывается непроходимымъ, таинственнымъ моремъ; на не изслѣдованномъ краю этого круга помѣщали самыя чудныя созданія фантазіи: элизій, острова блаженныхъ и вообще все высокое и прекрасное, къ чему стремится человѣкъ и не можетъ достигнуть. Съ распространеніемъ Географическаго кругозора, эти мѣста все больше и больше уходили вдаль, но продолжали еще существовать много столѣтій, до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушило постепенное открытіе всей земной поверхности и не замѣнило убѣжденіемъ, что участь человѣка вездѣ одна и та же.

ГОМЕРЪ.

Существовалъ ли Гомеръ, или нѣтъ, одному, или многимъ поэтамъ, принадлежатъ чудно прекрасныя пѣсни Иліады и Одиссеи, во всякомъ случаѣ достигающія X-го вѣка до Р. X., мы твердо держимся его имени и считаемъ Гомера представителемъ древнѣйшаго Греческаго воззрѣнія на міръ.

Землю Гомеръ представлялъ себѣ большимъ кругомъ, который со всѣхъ сторонъ обтекаетъ рѣка Океанъ, не имѣющая ни начала, ни конца, служащая началомъ и пищею всѣмъ водамъ и заключающая въ своей окружности все живое и дышащее. Надъ землею круглится мѣдное небо: оно лежитъ на столбахъ, стоящихъ кругомъ, и только по краямъ не много удалено отъ земли, а по срединѣ, гдѣ обыкновенно царствуютъ безсмертные боги, оно такъ далеко отъ нея, что Вулканъ, сброшенный однажды на землю гнѣвнымъ Юпитеромъ, летѣлъ внизъ цѣлый день до поздняго вечера, когда уже сѣло солнце. На небѣ каждое утро поднимается изъ Восточнаго Океана богъ солнца, въ полдень достигаетъ самой большой высоты надъ островомъ Делосомъ, и потомъ опять опускается до вечера въ Западный Океанъ, чтобы предоставить права ночи, когда звѣзды, которыя также выходятъ изъ Океана и погружаются въ него, совершаютъ такое же теченіе, какъ и солнце во время дня.

Надъ рѣкою Океаномъ, на одной поверхности съ земнымъ кругомъ, лежитъ Гадесъ (Адъ), и подъ нимъ простирается Тартаръ, въ такомъ же разстояніи отъ Гадеса, какъ и небо отъ земли: Гадесъ и Тартаръ въ нисходящей линіи составляютъ такое же цѣлое, какъ небо и земля въ восходящей. Въ Гадесѣ души умершихъ живутъ, какъ неосязаемые, лишенные разума, призраки, въ Тартарѣ—побѣжденные боги, Титаны, которыхъ заперъ туда

Юпитеръ за ихъ возмущеніе. На предѣлахъ земли, ближе всего къ Океану, находится еще третье пространство — Элизіи, гдѣ живутъ родственные богамъ герои,

Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ,
Гдѣ сладко-шумно летающій вѣетъ Зефиръ, океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ....

Между Элизіемъ и Гадесомъ, заслоняя собою для этой послѣдней страны дневной свѣтъ, который бы необходимо долженъ былъ падать на нее, по тому что ее воображали на одной поверхности съ землею, находились Киммеріяне:

Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ: никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ

Одиссея, перев. Жуковскаго, пѣснь XI, стр. 378.

Киммеріяне — очевидно, созданіе поэтической мечты, — стали очень замѣчательны въ Географіи, по тому что ихъ отодвигали все дальше къ сѣверу, по мѣрѣ того, какъ извѣстнѣе становился западный край земли: на сѣверѣ они даже являются въ послѣдствіи Нѣмецкимъ племенемъ и дѣлаются страшными для южныхъ народовъ.

Продолговато-круглая площадь земли, населяемая людьми, раздѣляется Средиземнымъ и Чернымъ морями, имѣющими связь съ Океаномъ, на двѣ половины: на сѣверную и южную; по срединѣ этой площади лежитъ Греція. Послѣднюю, вмѣстѣ съ западнымъ берегомъ Малой Азіи—поприще войны Грековъ съ Троянцами—Гомеръ знаетъ въ подробности, Грецію, впрочемъ, только до той страны, которая въ послѣдствіи составила Македонію; дальше живутъ племена, питающіяся молокомъ своихъ лошадей; о Дунаѣ Гомеръ еще ничего не знаетъ, также мало предчувствуетъ онъ, что Черное море, на восточномъ краю котораго ставитъ царство мудраго Аэта и чертогъ солнца, кругомъ обстав-

лено берегами. О Сирійцахъ и Финикіянахъ, столько же ловкихъ, какъ и обманчивыхъ, пересѣкающихъ своими кораблями море, также и объ Египтянахъ и ихъ стовратномъ городѣ Өивахъ, онъ имѣетъ точное понятіе, однако жь эти берега лежатъ еще для него въ темной дали; герой его, Менелай, на путешествіе въ Кипръ, Финикію и Египетъ употребляетъ цѣлыя восемь лѣтъ, и только морскіе разбойники, нисколько не дорожившіе жизнью, отваживались ѣздить въ Египетъ моремъ прямо изъ Крита. Африканскій берегъ до конца Средиземнаго моря является короткою полосою и простирается до залива, въ послѣдствіи извѣстнаго подъ именемъ Малаго Сирта, и нынѣ называемаго заливомъ Габсъ (Кабесъ). Если проведемъ отсюда черту черезъ Сицилію, то будемъ имѣть самую крайнюю западную границу Гомеровой географіи; сюда уже переноситъ онъ созданія своей фантазіи—землю одноокихъ Киклоповъ, пловучій островъ Эола, островъ чародѣйки Кирке (Цирцеи), Сциллу и Харибду. Сицилія, гдѣ, кажется, уже имѣли въ это время свои пристанища Финикіяне и первоначально вели торгъ невольниками, для него земля, полная чудесъ, а Италія представлялась ему, вѣроятно, еще въ туманѣ, кучею острововъ. О протяженіи Средиземнаго моря по ту сторону Сициліи онъ имѣлъ такое неполное понятіе, что заставляетъ своего героя, Одиссея, сдѣлать въ одинъ день путешествіе съ этого острова до выхода въ Океанъ; еще не знаетъ также, что Адріатическое море, какъ замкнутый заливъ, простирается къ сѣверу, хоть и положительно говоритъ о лежащемъ на немъ островѣ Схеріи и его жителяхъ, богатыхъ Өеакахъ, которымъ даетъ извѣстность отличныхъ мореплавателей. Кажется, что Иллирійцы, къ которымъ принадлежали Өеаки, вообще находились около этого времени довольно на высокой степени образованности и вели обширную торговлю по берегамъ Италіи, а также и съ Финикіянами. Но, къ сожалѣнію, глубокій мракъ покрываетъ эту часть Европы, гдѣ позднѣйшая исторія находитъ однихъ варваровъ.

Самостоятельно мнѣніе Гомера объ Еѳіопахъ (Черныхъ), которыхъ Греки въ первый разъ увидали на Финикійскихъ и Египетскихъ рынкахъ. Онъ помѣщаетъ ихъ въ неизвѣстной для него части восточной Азіи и Африки и считаетъ ихъ счастливцами,

людьми, предпочтенными Небомъ, по тому что они, какъ доказываетъ цвѣтъ ихъ, въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ богомъ солнца. Да и прочіе боги, когда-то водившіе болѣе короткое знакомство со всѣмъ человѣческимъ родомъ, если захотятъ весело провести время, приходятъ попировать къ добрымъ Еѳіопамъ.

Такъ Гомеръ представлялъ себѣ землю и ея обитателей, такъ многія столѣтія послѣ него думали о ней и Греки. Съ этѣми понятіями согласуется и подлинное сказаніе о походѣ Аргонавтовъ къ Черному морю, первомъ дальнемъ путешествіи, какое предпринимали Греки за долго до Гомера. Извѣстно, что послѣ того, какъ Язонъ, вождь Аргонавтовъ, выдержавъ разныя опасности въ Колхидѣ (нынѣшней Грузіи) досталъ золотое руно, цѣль его предпріятія, да еще влюбившуюся въ него царевну Медею, онъ придумалъ средство избѣжать царя раздраженнаго похищеніемъ дочери, и, вмѣсто того, чтобы плыть назадъ по Фазису (Ріону), по которому пріѣхалъ, и по томъ въ Черное море, рѣшился слѣдовать вверхъ по этой рѣкѣ до Океана. Онъ вскорѣ и доплылъ до него, объѣхалъ по немъ кругомъ Азію и землю Еѳіоповъ и прибылъ къ южному берегу Ливіи (Африки), гдѣ Аргонавты взяли свой корабль на плечи себѣ и донесли до Средиземнаго моря. Но есть еще передѣлка сказанія объ Аргонавтахъ, ложно приписываемая Орфею: она заставляетъ Язона выбирать другой путь, по тому что истоки Фазиса тогда уже были извѣстны, и возвращаться, сначала въ Западный океанъ по Сѣверному морю, куда пріѣхалъ онъ Танаисомъ (Дономъ), котораго теченіе было еще покрыто мракомъ, а по томъ черезъ столбы Геркулесовы. Уже тѣмъ самымъ это стихотвореніе, которое мы нарочно не трогали до Гомера, да оставлдемъ безъ вниманія и теперь, обличаетъ свое позднѣйшее происхожденіе, если бы, сверхъ того, оно и не передѣлало слишкомъ явно, да еще и очень неискусно, извѣстій историка Геродота, къ которому и переходимъ теперь въ нашемъ разсказѣ. Съ Геродотомъ достигаемъ твердой исторической почвы и пользуемся его безцѣнными извѣстіями для изображенія странъ и народовъ, уже бывшихъ извѣстными Грекамъ въ его время.

ГЕРОДОТЪ.

Греки вѣрно держались бы долѣе географическихъ преданій и сказаній, тѣсно связанныхъ съ ихъ образомъ жизни и мыслей, если бы бѣдствія внѣшнихъ и междоусобныхъ войнъ не заставили часть жителей Греціи искать себѣ новой родины. Такъ получили начало многочисленныя поселенія на берегахъ Чернаго моря; съ помощію выгодной торговли съ народами, жившими на сѣверъ отъ нихъ, они скоро сдѣлались очень сильными и распространили болѣе правильныя мнѣнія объ этой части земли; такъ множество Греческихъ поселеній въ одно и то же время явилось въ южной Италіи, Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ и южной Франціи и подняло съ этой стороны ту таинственную завѣсу, которую такъ долго и тщательно держали надъ ней Финикіяне; уже мореходецъ Колей, въ 640 году, въ путешествіи съ Греческаго острова Самоса въ Египетъ, загнанный продолжительными бурями на западъ, достигнулъ даже столбовъ Геркулесовыхъ и присталъ въ южной Испаніи; онъ воротился оттуда съ большимъ богатствомъ, и тѣмъ заставилъ другихъ купцовъ отыскивать той же дороги. Напрасно корыстолюбивые Финикіяне старались препятствовать такому стѣсненію ихъ торговли, которою до сихъ поръ занимались исключительно одни они; Греки уже усилились на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря. Вѣроятно, они уже умѣли достать себѣ у Финикійскихъ мореходовъ морскія карты, по которымъ тамошніе Греческіе географы сдѣлали такіе же чертежи извѣстной имъ земли, однако жь все еще не могли отказаться отъ вошедшихъ въ привычку предразсудковъ о краяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Греціи, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Геродотъ, полагаясь только на одно свое воззрѣніе и извѣстія вѣрныхъ очевидцевъ, не отважился рѣшительно возстать противъ укоренившихся глубоко мнѣній и далъ Географіи новый видъ. Его свѣдѣнія въ Географіи, а еще болѣе въ Ѳнографіи, подлинно изумительны и только въ новѣйшее время оцѣнены вполнѣ, потому что даже многія изъ его положеній, прежде осмѣянныя, какъ ложь и басня, признаны нынѣ за самую чистую правду, благодаря путешествіямъ и открытіямъ новѣйшихъ столѣтій.

Геродотъ родился въ 484 году до Р. Х., въ Галикарнасѣ (Бодрунѣ), столицѣ малаго Государства Каріи (нынѣшній санджакъ Мунтеша), платившаго дань сильному Персидскому царю Ксерксу. Онъ происходилъ отъ благородной фамиліи и получилъ основательное воспитаніе, какое было обыкновеннымъ у Малоазіятскихъ Грековъ, далеко ушедшихъ впередъ въ образованности. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ убѣжалъ отъ Лигдамиса, тирана его роднаго города, на островъ Самосъ, и возвратился назадъ тогда только, когда могъ принять дѣятельное участіе въ изгнаніи тирана. Нельзя точно показать, къ какому званію принадлежалъ Геродотъ, но очень вѣроятно, что онъ велъ обширныя торговыя дѣла. Для какихъ же другихъ цѣлей было предпринимать ему многія дальнія путешествія до предѣловъ тогда извѣстнаго свѣта? Не даетъ ли намъ права такъ думать его молчаніе, съ какимъ-то страннымъ умысломъ, почти обо всѣхъ предметахъ, относящихся къ торговлѣ, межъ тѣмъ какъ всѣ другія, собранныя имъ, наблюденія, онъ передаетъ тщательно, со всѣми подробностями?

Во всякомъ случаѣ Геродотъ чаще посѣщалъ берега передней Азіи и лежащіе возлѣ нея острова, также и самые замѣчательные внутренніе города до рѣки Галиса (Кизиль-Ирмакъ), которой теченіе ему хорошо извѣстно; но такъ какъ соотечественники его были знакомы съ бытомъ и нравами тамошнихъ народовъ, то онъ и оставляетъ ихъ безъ всякаго упоминанія, кромѣ нѣсколькихъ неважныхъ замѣчаній о Лидянахъ и столицѣ ихъ, Сардесѣ, и занимается только развитіемъ историческихъ обстоятельствъ, отъ чего, безъ сомнѣнія, погибло много важныхъ извѣстій объ этѣхъ краяхъ, еще не очень подробно извѣстныхъ даже и въ наше время. Свое первое большое путешествіе, подвинувшее впередъ Географію и принесшее разнообразную пользу, онъ сдѣлалъ къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ возвышались повсюду Греческія поселенія и скоро пришли въ цвѣтущее состояніе, при содѣйствіи прибыльной торговли съ Европейскимъ и Азіятскимъ сѣверомъ. Онъ не описываетъ подробнѣе дорогу, по которой странствовалъ, однако жь легко можно полагать, что сначала онъ плылъ къ устьямъ Истера (Дуная) и берегомъ этой рѣки пробрался въ глубину страны, почти до округа нынѣшняго

Бѣлграда. Истеръ, который, по его мнѣнію, конечно, очень ошибочному, беретъ начало въ Иберіи (Испаніи), у города Пирене, и перерѣзываетъ всю Европу, считается у него больше всѣхъ рѣкъ по многочисленнымъ притокамъ: главнѣйшіе изъ нихъ Геродотъ приводитъ поименно.

Къ югу отъ Истера живутъ Ѳракійцы, послѣ Индѣйцевъ величайшій народъ, который въ то же время былъ бы и самый могущественный и непобѣдимый, если бы имѣлъ одного повелителя и не выдавалъ другъ друга. Но какъ нѣтъ ни какой возможности, чтобы это когда ни будь было, отъ того этотъ народъ и слабъ. Многочисленныя Ѳракійскія племена имѣютъ разныя названія, но обычаи у нихъ почти одни и тѣ же. Ничего не дѣлать, да жить войною и грабежемъ, они считаютъ очень приличнымъ, но земледѣліе у нихъ въ пренебреженіи. Кто вытравилъ на тѣлѣ знакъ, считается благороднымъ; кто не сдѣлалъ того,—неблагороднымъ. Дѣтей продаювъ они на чужбину, дѣвицамъ предоставляютъ полную свободу, а женъ, которыхъ должны покупать у родителей ихъ за большія деньги, тщательно берегутъ. Когда умретъ знатный человѣкъ, они выставляютъ его на три дня, убиваютъ разныхъ животныхъ для жертвы и, оплакавъ напередъ покойника, дѣлаютъ пиръ, по томъ погребаютъ его, или сожигаютъ. Тогда насыпаютъ курганъ и устроиваютъ разныя военныя игры, при чемъ назначаются большія награды за поединки. — Геты, Ѳракійское племя, имѣютъ такое вѣрованіе, что они не умираютъ, и что умершіе переходятъ къ духу Цальморису. Въ каждыя пять лѣтъ они выбыраютъ изъ своей среды посла, которому передаютъ свои поручепія и надобности и отправляютъ его къ Цальморису слѣдующимъ образомъ: становятся нѣсколько человѣкъ, каждый съ тремя метательными копьями въ рукѣ; другіе схватываютъ посла за руки и за ноги, раскачиваютъ его и бросаютъ на острея копій. Когда онъ умретъ отъ ранъ, они думаютъ, что богъ милостивъ къ нимъ; а когда не умретъ, они считаютъ его дурнымъ, не угоднымъ богу человѣкомъ, и выбираютъ другого посла. Когда бываетъ громъ и молнія, эти люди пускаютъ въ небо стрѣлы и стращаютъ боговъ, по тому что не признаютъ ни какихъ другихъ, кромѣ своего.—У Ѳракійцевъ, живущихъ на Аріосѣ (Вардарѣ), въ обычаѣ многоженство: когда

умретъ кто у нихъ, жены умершаго поднимаютъ большой споръ, также и друзья его вступаютъ въ важное состязаніе о томъ, кого изъ женъ больше любилъ покойный. Ту, которая возьметъ верхъ надо всѣми другими, ближніе родные убиваютъ на могилѣ мужа и хоронятъ съ нимъ вмѣстѣ, при одобреніяхъ мужчинъ и женщинъ, и прочія жены считаютъ такое пренебреженіе позоромъ для себя и бываютъ очень печальны. — Траузы, другое племя, имѣютъ также странный обычай. Когда родится дитя, родные садятся въ кружокъ и тужатъ за него обо всѣхъ невзгодахъ, какія оно должно будетъ переносить съ этѣхъ поръ; а когда кто умретъ, похороняютъ его съ торжествомъ и радостью, по тому что теперь, по ихъ мнѣнію, онъ будетъ жить въ полномъ блаженствѣ, избавившись отъ всякихъ золъ.

Ѳракійцы не умѣли разсказать, что за люди живутъ на сѣверъ отъ ихъ земли; они утверждали, что уже за Истеромъ начинается безпредѣльная степь, такъ густо наполненная пчелами, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи пробраться дальше впередъ. Но Геродотъ не даетъ ни какой вѣры этѣмъ слухамъ, по тому что такія насѣкомыя всего меньше могутъ выносить стужу, и думаетъ напротивъ, что сѣверныя страны не обитаемы, по причинѣ холода. Онъ слышалъ только объ единственномъ народѣ, Сигиннахъ, которыхъ область не много не доходитъ до Адріатическаго моря: они почитались за потомковъ Мидянъ и имѣли съ ними сходство въ одеждѣ. Ихъ лошади (можетъ быть, большія собаки), мохнатыя по всему тѣлу, покрытыя волосами, длиною въ пять пальцевъ, при томъ маленькія, съ приплюснутымъ носомъ, не могутъ носить людей; но, если запречь ихъ въ колесницы, они очень быстры: отъ того-то тамошніе жители ѣздятъ въ колесницахъ. Не являются ли здѣсь передъ нами, можетъ быть, первобытные жители Венгріи?

Отъ Истера Геродотъ продолжалъ свое путешествіе или Чернымъ моремъ, или западнымъ его берегомъ, и останавливался подолѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великой Скиѳской земли, изслѣдованной имъ въ различныхъ направленіяхъ. Скиѳскія племена тогда простирались отъ Дуная до Дона и тянулись по всей той полосѣ, которая заключаетъ теперь въ себѣ Валахію, Молдавію, южныя области Европейской Россіи почти до 50 град. сѣвер-

ной широты (однако жь, за исключеніемъ Крыма, обитаемаго другимъ дикимъ народомъ, Таврами) и землю Донскихъ Козаковъ, потомковъ древнихъ Скиѳовъ. Страну протекаютъ многія большія рѣки: Геродотъ знаетъ ихъ въ точности и сказываетъ, гдѣ онѣ вытекаютъ; только объ истокахъ Борисѳена (Днѣпра), самой большой и благословенной рѣки, онъ ничего не можетъ сказать, по тому что и сами Скиѳы не имѣли о томъ ни какихъ свѣдѣній. По Днѣпру встрѣчаются прекрасныя и здоровыя для скота пастбища, въ самой рѣкѣ весьма много превосходной рыбы, между прочимъ очень большая, безъ костей, которая называется у нихъ Antacaeen (бѣлуга) и идетъ для соленья. Вода въ рѣкѣ самая прѣсная и вкусная. На берегахъ Днѣпра растетъ лучшій хлѣбъ, а гдѣ нѣтъ пахатныхъ полей — самая высокая трава; при устьяхъ рѣки сложено вдоволь соли въ грудахъ. Послѣ Днѣпра самая замѣчательная рѣка Гипанисъ (Бугъ), вытекающій изъ большаго озера, кругомъ котораго пасутся дикія бѣлыя лошади. На пять дней плаванія она съ слабымъ теченіемъ и все еще имѣетъ прѣсную воду, но дальше, въ четырехъ дняхъ пути отъ моря, очень горькую, по тому что тутъ впадаетъ въ нее маленькій, но такой горькій ручей, что портитъ всю массу его воды.

Въ Скиѳской землѣ, въ которой чрезвычайно мало горъ и нѣтъ почти вовсе лѣсовъ, почти вездѣ очень холодно: очень жестокая зима продолжается восемь мѣсяцевъ; море тогда замерзаетъ и ѣздятъ по немъ въ колесницахъ. По своему свойству, эта зима совершенно различна отъ зимъ всѣхъ другихъ странъ, по тому что въ дождливое время здѣсь не бываетъ совсѣмъ дождей, а лѣтомъ они не перестаютъ. Маслина и виноградъ не растутъ, а пшеницы изобиліе, водятся и лошади, быстрыя на бѣгу, хотя и маленькія, также и безрогій скотъ; но мулы и ослы замерзаютъ.

Скиѳы—переселившійся народъ: тѣснимые другими кочевниками, они перешли Араксъ (Волгу) и согнали съ мѣста Киммеріянъ, прежде обитавшихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Они раздѣляются на три главныя племена, которыя слѣдуютъ съ запада на востокъ одни за другими, именно: на Земледѣльческихъ, Кочевыхъ и Царскихъ; послѣднее племя, доходящее до Дона, самое многочисленное, при томъ считается благороднѣе всѣхъ другихъ

по тому что изъ него избирается Царь и живетъ среди его. Городовъ нѣтъ у Скиѳовъ; однако жь Греки получили отъ нихъ позволеніе основать на ихъ берегахъ торговыя поселенія. Самымъ важнымъ изъ нихъ и, кажется, соединительнымъ торговымъ пункктомъ былъ Ольвіополь, разрушенный въ Среднихъ вѣкахъ, не подалеку отъ впаденія Гипаниса въ Борисѳенъ, въ уѣздѣ нынѣшняго Николаева. Хотя Скиѳы жили въ согласіи съ Греками, однако жь никогда нельзя было заставить ихъ принять какіе ни будь Грбческіе обычаи: они упорно держались своихъ старинныхъ.

Нѣкоторыя племена обработываютъ и поля, по тому что нашли такой образъ жизни свойственнѣе для удовлетворенія своихъ потребностей, но большая часть ихъ кочевники, бродящіе съ многочисленными стадами по широкимъ степямъ: мужчины верхомъ, женщины съ дѣтьми и небольшимъ домашнимъ имуществомъ въ телѣгахъ, обтянутыхъ полостью. Въ этѣхъ же телѣгахъ или наметахъ изъ мѣха, ищетъ и мужчина себѣ убѣжища на ночь. Почти все нужное доставляетъ стадо: даетъ молоко и мясо для пищи, кожу для одежды и жилья. Лучшимъ напиткомъ служитъ кобылье молоко, которое сливаютъ въ чаны и мѣшаютъ въ нихъ: что поднимется кверху, они снимаютъ, какъ самое вкусное, а что останется внизу, то считаютъ хуже. Кобылъ, также и прочій скотъ, пасутъ и стерегутъ рабы, у которыхъ у всѣхъ выколоты глаза, чтобы они не лакомились лучшимъ молокомъ.

Скиѳы покланяются многимъ богамъ и богинямъ, которыхъ Геродотъ называетъ ихъ Скиѳскими именами и сравниваетъ съ Греческими божествами, именно: Табити (Веста), Папа (Юпитеръ), Апіа (Земля), Этозирусъ (Аполлонъ), Артимназа (Венера), Геркулесъ и Марсъ: только у послѣднихъ есть изваянія, алтари и храмы, для прочихъ нѣтъ. Царскіе Скиѳы приносятъ также жертвы Тамимасаду (Нептуну). Жертвоприношеніе у всѣхъ племенъ одно и то же и совершается слѣдующимъ образомъ: Жертвенное животное опрокидываютъ на землю съ помощію веревки, которою связаны его переднія ноги; только что оно упадетъ, приносящій жертву, съ призываніемъ божества, какому она слѣдуетъ, кладетъ ему на шею петлю и удавляетъ его посредствомъ палки, которую, вложивъ въ петлю, повертываетъ кругомъ. По томъ сни-

маетъ съ него шкуру, отдѣляетъ отъ мяса кости и бросаетъ въ котелъ, стоящій уже наготовѣ, подъ которымъ разводитъ огонь на костяхъ, по тому что дрова очень рѣдки въ этой землѣ. Когда же не случится подъ рукою котла, Скиѳы складываютъ все мясо въ желудокъ жертвеннаго животнаго и наливаютъ туда воды: такъ оно и варится на огнѣ изъ своихъ костей. А когда сварится, жертвоприноситель благословляетъ первые куски мяса и внутренностей. Скиѳы приносятъ въ жертву пасущійся скотъ, особливо лошадей, но никогда свиней, которыхъ вообще не могутъ терпѣть въ своей землѣ. Марсу они приносятъ особенную жертву, да и совсѣмъ особеннымъ образомъ. На выгонныхъ лугахъ каждой округи въ странѣ Марсъ имѣетъ святилище, состоящее изъ высокой груды вязанокъ хвороста, почти въ 370 шаговъ ширины и такой же длины. На верху ея четвероугольная площадка, и стѣны у ней открытыя съ 3-хъ сторонъ: можно всходить только по одной. Каждый годъ пріѣзжаетъ съ хворостомъ до 150 телѣгъ, по тому что значительное количество его всегда пропадаетъ отъ дурной погоды. На всякомъ такомъ возвышеніи стоитъ священный образъ Марса, стародавній желѣзный мечъ, которому не только приносятъ въ жертву, какъ и другимъ богамъ, пасущійся скотъ, но и сотаго человѣка изъ всѣхъ военноплѣнныхъ слѣдующимъ образомъ. Опрыскавъ ему виномъ голову, они убиваютъ его надъ сосудомъ, который относятъ къ возвышенію изъ хвороста, и обливаютъ этою кровью мечъ, потомъ отрубаютъ у убитаго ручную кисть и всю руку, бросаютъ ихъ на воздухъ и оставляюлъ лежать, гдѣ упадутъ.

Когда Скиѳы заключаютъ союзъ, они наливаютъ виномъ большія глиняныя чаши, примѣшиваютъ въ него крови участниковъ въ союзѣ, сдѣлавъ имъ рану шиломъ и порѣзавши кожу ножомъ, и потомъ опускаютъ въ чаши мечъ, сѣкиры, метательныя копья и стрѣлы. Сдѣлавши это, даютъ клятву, и потомъ заключившіе союзъ и самыя почетныя лица изъ свиты ихъ выпиваютъ чаши. Самая большая клятва у нихъ—Царскимъ стадомъ; когда же Царь захвораетъ, они считаютъ причиною болѣзни клятвопреступленіе. Тогда спрашиваютъ предсказателей, которыхъ много въ этой землѣ; съ помощію своего искуства они и стараются отыскать клятвопреступника: вытряхиваютъ на землю боль-

шую вязанку прутьевъ, раскладываютъ ихъ въ безпорядкѣ, потомъ подбираютъ прутъ къ пруту и при томъ ворожатъ; во время ворожбы они все разбрасываютъ прутья, да опять складываютъ ихъ въ порядокъ. Это ихъ прадѣдовская ворожба. Другіе ворожатъ на липовомъ лыкѣ: разрываютъ его на трое и все вертятъ между пальцами да выдергиваютъ изъ нихъ, а межъ тѣмъ дѣлаютъ свои приговоры. Кого назовутъ они виноватымъ, того тотчасъ же схватываютъ и приводятъ къ Царю; если онъ запрется въ своемъ поступкѣ и станетъ жаловаться на причиненную ему несправедливость, тогда въ другой разъ призываются на совѣщаніе другіе ворожеи; если они подтвердятъ приговоръ, тогда казнятъ не только клятвопреступника, но и всѣхъ его потомковъ мужескаго пола; а если признаютъ его невиннымъ, первые ворожеи наказываются съ страшною суровостью: скрутивши имъ руки и ноги, кладутъ ихъ на телѣгу съ хворостомъ, зажигаютъ его и до того перепугаютъ запряженныхъ въ телѣгу воловъ, что они взбѣсятся и обыкновенно сгараютъ вмѣстѣ съ преступниками. Точно такъ же поступаютъ и съ тѣми ворожеями, которые скажутъ какую ни будь другую ложь.

На войнѣ Скиѳы столько же храбры, какъ и благоразумны: главная хитрость ихъ военнаго искуства состоитъ въ томъ, чтобы никто изъ нападающихъ на нихъ не могъ уйти, и чтобы никто не нашелъ ихъ, когда они не хотятъ быть открытыми. Это доказали они, когда въ ихъ область вторгнулся сильный Персидскій Царь, Дарій, въ 513-мъ году до Р. Хр., чтобы наказать ихъ за прежній набѣгъ на Азію, въ которой, дѣлая грабежи, они дошли до предѣловъ Египта. Скиѳы все убѣгали на цѣлый день пути отъ Персовъ, отправивъ сначала семейства, стада и запасы на сѣверную границу своей земли, истребляли плоды на поляхъ, засыпали колодцы и заманили преслѣдующихъ въ такую глубь своихъ степей, что тѣ вскорѣ не умѣли найти ничего съѣстнаго и пришли въ большую крайность. Тогда Скиѳы отправили гонца къ Дарію и велѣли ему подать птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ. Дарій сначала счелъ это знакомъ покорности, однако жь одинъ изъ его совѣтниковъ растолковалъ ихъ ему въ слѣдующемъ объясненіи: «Если вы, Персы, не обратитесь въ птицъ и не улетите въ небо, ни въ мышей, и не прокраде-

тесь подъ землю, ни въ лягушекъ, и не ускачете въ болота, то не вернетесь домой и будете убиты этѣми стрѣлами.» Персы признали справедливость этой вѣсти, поспѣшно обратились назадъ съ значительнымъ урономъ и спаслись только хитростью.

Скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ въ сраженіи: головы убитыхъ приноситъ къ Царю, по тому что только при этомъ условіи получаетъ долю въ добычѣ. Кожу съ головъ онъ снимаетъ посредствомъ надрѣза, сдѣланнаго около ушей, очищаетъ ее отъ мяса воловьимъ ребромъ и сминаетъ въ рукахъ; когда она сдѣлается мягкою, Скиѳъ употребляетъ ее вмѣсто полотенца, привѣшиваетъ къ поводьямъ своего верховаго коня и щеголяетъ ею; по тому что у кого больше всѣхъ такихъ полотенцевъ, того считаютъ прославленнымъ мужемъ. Нѣкоторые сшиваютъ много такихъ кожаныхъ лоскутковъ вмѣстѣ и дѣлаютъ себѣ плащи; другіе снимаютъ кожу также и съ правой руки убитаго непріятеля, вмѣстѣ съ ногтями, и выдѣлываютъ изъ нея чехлы для колчановъ; у нихъ въ обычаѣ также сдирать и всю кожу съ какого ни будь убитаго, которую потомъ натягиваютъ на полѣно и кладутъ на лошадь. Черепа самыхъ жестокихъ враговъ они обвиваютъ воловьей кожей, позолочиваютъ часто изнутри и употребляютъ вмѣсто чашъ для питья: ихъ ставятъ особливо передъ такими гостями, которыхъ хотятъ почтить. Одинъ разъ въ году всякой вождь наливаетъ кружку вина, изъ которой пьютъ всѣ, убившіе на войнѣ непріятелей; еще не сдѣлавшій того не смѣетъ отвѣдывать этого вина и сидитъ безъ всякаго почета: это у нихъ величайшее безчестіе. Тѣ, которые убили многихъ враговъ, всегда пьютъ изъ двухъ кубковъ разомъ.

Царскій санъ наслѣдственъ; Царь управляетъ всѣми дѣлами цѣлаго народа съ великою властью. Онъ беретъ себѣ, если захочетъ, многихъ женъ, но подданные его совсѣмъ не знаютъ многоженства. Впрочемъ, и вожди отдѣльныхъ племенъ имѣютъ не маловажное значеніе и многочисленныхъ приверженцевъ: есть примѣры, что они низводили съ престола Царей, которыми были недовольны. По смерти Царя трупъ его поливаютъ воскомъ; вынувъ напередъ внутренности, наполняютъ ему животъ пряностями, благовоніями, сѣменами петрушки и укрона, и потомъ зашиваютъ. Они возятъ его на колесницѣ отъ одного племени къ

другому до области Герросъ, самаго крайняго Скиѳскаго племени, гдѣ, въ одной пустынѣ на берегу Борисѳена (въ нынѣшнемъ Павлоградскомъ уѣздѣ, между Днѣпромъ и. Самарой), находится мѣсто погребенія (кладбище) Царей. При этой процессіи всѣ племена изъявляютъ горесть такимъ же образомъ, какъ и Царскіе Скиѳы, которые отрѣзываютъ себѣ уши, остригаютъ волосы, царапаютъ руки, лбы и носы и протыкаютъ стрѣлою лѣвую руку. Пришедши къ кладбищу, выкапываютъ въ землѣ большую четвероугольную яму и посреди ея кладутъ трупъ на рогожѣ; потомъ по обѣимъ сторонамъ втыкаютъ въ землю копья покойника, на нихъ кладутъ жерди и дѣлаютъ плетневую крышу. Въ остальномъ широкомъ пространствѣ могилы кладутъ одну изъ наложницъ покойника, удавленную, потомъ кравчаго, повара, конюшаго, служителя и гонца, также лошадей, разнаго рода освященныя жертвы и золотыя чаши, по тому что серебряныя и мѣдныя у нихъ не въ употребленіи. Сдѣлавъ все это съ большимъ усердіемъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, они насыпаютъ курганъ, сколько можно высокій. Спустя годъ являются туда опять и задушаютъ еще пятьдесятъ самыхъ вѣрныхъ служителей и столько же лучшихъ лошадей, вынимаютъ у этѣхъ послѣднихъ внутренности, набиваютъ ихъ сѣномъ и зашиваютъ; потомъ приколачиваютъ половину обруча, концами внизъ, къ двумъ деревяннымъ заостреннымъ сваямъ, другую половину къ другимъ такимъ же сваямъ, и такъ прибиваютъ ихъ множество; потомъ вбиваютъ лошадямъ вдоль по самую шею по крѣпкому гвоздю, и съ помощію его поднимаютъ ихъ на обручи, такъ что передніе обручи приходятся подъ лопатками у лошадей, а задніе поддерживаютъ имъ животъ у бедеръ, ноги же, переднія и заднія, висятъ свободно. Потомъ надѣваютъ на нихъ узды и удила, протягиваютъ впередъ поводья и приколачиваютъ ихъ крѣпко гвоздями. Потомъ и сквозь трупы служителей, которые, впрочемъ, должны быть не рабы, а природные Скиѳы, вдоль становой кости до шеи, также продѣваютъ деревянные гвозди; концы ихъ, выставившіеся внизу, вбиваютъ въ шляпку тѣхъ гвоздей, что продѣты сквозь лошадей. Разставивъ всѣхъ этѣхъ всадниковъ кругомъ гробницы, они удаляются.

Когда умираетъ другой какой ни будь Скиѳъ, трупъ до погребенія возятъ на телѣгѣ по друзьямъ покойнаго, которые уго-

щаютъ провожатыхъ; ставятъ также и передъ мертвымъ все, что только у нихъ есть. Похоронивъ покойника, Скиѳы должны очищаться, что дѣлается посредствомъ натиранія и обмыванія головы, также паровой бани. Эту баню они устроиваютъ подъ шерстяною полостью, плотно обтянутою на трехъ шестахъ, бросая раскаленные камни въ наполненную водой ванну. Камни посыпаютъ они также и конопляным сѣменемъ, отъ чего разливается такой паръ, что нельзя представить себѣ лучшей потовой ванны, и Скиѳы, никогда не моющіе себѣ тѣла въ водѣ, рычатъ отъ удовольствія. Но жены ихъ совсѣмъ не берутъ ни какой ванны, а намазываютъ тѣло и все лицо тѣстомъ, которое приготовляютъ изъ тертаго въ порошокъ кипарснаго, кедроваго и благовоннаго дерева. Отъ того не только получаютъ пріятный запахъ, но и на другой день, когда снимутъ съ себя эту кору, остаются чисты и блестящи.

О многолюдности Скиѳовъ нельзя имѣть точныхъ свѣдѣній: самъ Царь ихъ, Аріантасъ, хотѣвшій знать это, съумѣлъ прибѣгнуть для того къ совершенно особенному средству. Онъ приказалъ всѣмъ Скиѳамъ, чтобы каждый изъ нихъ доставилъ ему лезвіе стрѣлы, подъ угрозою смертной казни за неисполненіе. Они такъ и сдѣлали: въ память того Царь приказалъ изъ этѣхъ лезвій вылить желѣзный котелъ, который и находится въ той странѣ, гдѣ вытекаетъ горькій ручей, впадающій въ Гипанисъ; мы уже упоминали о немъ. Котелъ легко вмѣщаетъ въ себѣ 600 амфоръ (75 омовъ: омъ (ohm) безъ малаго два ведра) и толщиною въ 6-ть пальцевъ.

Такъ много узналъ Геродотъ о нравахъ и обычаяхъ Скиѳовъ, отчасти благодаря собственной наглядности, отчасти старательнымъ свѣдѣніямъ, какія собралъ въ Греческихъ поселеніяхъ, на берегу Скиѳской земли; однако жь его любознательность, которую удовлетворить было не легко, простиралась и на сосѣдственные Скиѳамъ народы: всѣ извѣстія объ нихъ, сообщаемыя ему по большей части Скиѳскими купцами, разумѣется, не очень ясныя и обезображенныя баснями, онъ собиралъ съ такою же добросовѣстностью. Такъ слышимъ отъ него о роскошныхъ Агаѳирсахъ (въ нынѣшней Седмиградіи), у которыхъ много золота; о Неврахъ (въ восточной Польшѣ), получившихъ извѣст-

ность, какъ чародѣи; о нихъ разсказываютъ, будто бы всякой годъ одинъ разъ они обращаются въ волковъ, вѣроятно, по тому, что зимою одѣвались въ волчьи мѣха; объ Андрофагахъ (людоѣдахъ), съ чрезвычайно дикими нравами, безъ всякихъ законовъ жившихъ въ большой степи (въ окрестностяхъ Кіева), гдѣ постоянные дожди изъ перьевъ, (снѣга) мѣшаютъ растительности; о Меланхленахъ (Чернокафтанникахъ), въ которыхъ думаютъ видѣть нынѣшнихъ Русскихъ; о Будинахъ въ землѣ, сплошь покрытой лѣсами (на сѣверозападномъ берегу Каспійскаго моря), съ большимъ, окруженнымъ тростникомъ и мхами, озеромъ, гдѣ ловятся выдры, бобры, и другіе звѣри съ четвероугольными лицами, мѣха которыхъ идутъ на опушку кафтановъ изъ толстаго сукна; о Савроматахъ (въ степяхъ, близъ юго-восточныхъ береговъ Дона), которыхъ описываютъ потомками Скиѳскихъ юношей и баснословныхъ Амазонокъ; о плѣшивыхъ Аргиппеяхъ (Башкиры на р Уралѣ), съ приплюснутыми носами и длинными подбородками, и наконецъ объ Исседонахъ (въ Татаріи, на востокъ отъ Аральскаго моря), которые рѣжутъ тѣла своихъ отцовъ и ѣдятъ ихъ, точно какое другое мясо; женщины у нихъ пользуются правами наравнѣ съ мужчинами. Никто не умѣетъ сказать точно, что такое находится по ту сторону Аргиппеевъ, по тому что между ними поднимаются высокія горы (Алтайскія), гдѣ нѣтъ дороги, да и никто не переходитъ этѣхъ горъ. На горахъ, по разсказамъ, живутъ люди съ козлиными ногами, а за ними другіе, которые полгода спятъ, также одноглазые Аримаспы и стерегущіе золото грифы.

Кромѣ такихъ и имъ подобныхъ басенъ, описаніе этѣхъ Сѣверныхъ народовъ, благодаря новѣйшимъ путешествіямъ, оказалось такъ точнымъ и правдивымъ, даже въ самыхъ частностяхъ, что нельзя не удивляться пытливому уму и наблюдательному дарованію Геродота, котораго такъ часто поносили названіемъ сказочника. Такъ, чтобы привести только мелочное обстоятельство, онъ разсказываетъ объ Аргиппеяхъ, что они колотятъ черезъ полотно плоды съ зернами, похожіе на бобы, и выжимаютъ изъ нихъ густую черную жидкость, которую называютъ Аши, и не только пьютъ ее съ молокомъ, но даже дѣлаютъ изъ ея гущи пироги для пищи. Еще и нынѣ, спустя болѣе 2000 лѣтъ, Баш-

киры точно такъ же приготовляютъ свою лучшую растительную пищу изъ сока черешенъ, и такъ же и теперь называютъ ее ачуи. Откуда же получилъ Геродотъ эти точныя свѣдѣнія о правахъ и обычаяхъ такихъ отдаленныхъ племенъ? Только посредствомъ давнишнихъ торговыхъ сношеній этихъ народовъ, существовавшихъ какъ взаимно между ними, такъ и со Скиѳами, благодаря торговой дорогѣ, пролегавшей черезъ ихъ области и проходившей изъ Индіи и, можетъ быть, изъ Китая кругомъ Каспійскаго моря до самаго Черноморья. Въ земли Исседоновъ, кажется, было мѣсто обмѣна Азіятскихъ товаровъ; потому что дальше не ѣздили Скиѳскіе купцы, стало быть, и не могли сообщить ничего вѣрнаго о народахъ, жившихъ восточнѣе.

Этою же дорогою Геродотъ получилъ свои извѣстія также и о Каспійскомъ морѣ, которое онъ уже правильно описываетъ озеромъ, межъ тѣмъ, какъ, гораздо позднѣйшіе Географы все еще толкуютъ о соединеніи его съ Сѣвернымъ океаномъ. Каспійское море, — положительно говоритъ онъ, — само по себѣ и не сливается ни съ какимъ другимъ моремъ (океаномъ). Длина его простирается на 50, а ширина, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, на 8 дней плаванія весельнаго судна. Тамъ, гдѣ оно отходитъ къ западу, приближается къ нему Кавказъ, самыя большія и высокія горы. Самая значительная изъ впадающихъ въ него рѣкъ — Араксъ (Волга), врывается 40 устьями, и всѣ они, кромѣ одного, переходятъ въ болота и лужи и образуютъ большіе острова. Сдѣсь живутъ люди, одѣвающіеся въ шкуру морскихъ собакъ, ѣдятъ сырую рыбу, лѣтомъ выкапываютъ разныя коренья и собираютъ плоды растущихъ у нихъ деревьевъ для сбереженія на зиму. Они бросаютъ въ огонь плодъ дерева, не описаннаго точнѣе, и вдыхаютъ въ себя его запахъ, пока оно горитъ, отъ чего и теряютъ сознаніе, и наконецъ приходятъ въ такое состояніе одурѣнія, что бѣснуются въ пляскахъ и скачкахъ. Кавказъ заключаетъ въ себѣ много разныхъ, довольно дикихъ, племенъ, которыя по большой части питаются плодами дикорастущихъ деревьевъ. Сдѣсь должно расти и то дерево, котораго листья, истертые въ порошокъ и смѣшанные съ водою, даютъ такую прочную краску, что ни какъ нельзя смыть узора, нарисованнаго ею на платьяхъ: онъ и изнашивается вмѣстѣ съ матеріею, какъ будто вотканъ въ нее.

На восточной сторонѣ Каспійскаго моря разстилается необозримая равнина, небольшую часть которой населяютъ Массагеты (Киргизская степь). У нихъ такое же, какъ и у Скиѳовъ, платье, тотъ же образъ жизни; сражаются верхомъ и пѣшіе луками и копьями, употребляютъ также двойныя сѣкиры; этѣ послѣднія оружія, лезвія копій и стрѣлъ, также брони на груди у лошадей, сдѣланы изъ мѣди, а приборъ на удилахъ и уздахъ, также какъ и украшенія на головѣ, поясѣ и перевязяхъ у нихъ самихъ — золотыя, по тому что мѣди и золота у нихъ вдоволь, а въ серебрѣ и желѣзѣ недостатокъ. Они не чтутъ ни какого другаго божества, кромѣ солнца, и по быстротѣ его приносятъ ему въ жертву однѣхъ лошадей, какъ самыхъ быстрыхъ животныхъ. Они не сѣютъ ничего, но получаютъ пищу отъ стадъ и рыбы, которую въ изобиліи доставляетъ Араксъ, напитокъ же ихъ — молоко. У каждаго изъ нихъ хотя и одна жена, но бракъ не прочный союзъ. Когда кто ни будь очень состарѣется, всѣ ближніе собираются къ нему, убиваютъ его съ нѣсколькими штуками скота, варятъ все это мясо вмѣстѣ и пируютъ. Такая смерть считается у нихъ величайшимъ счастьемъ. Когда умретъ кто ни будь отъ болѣзни, его не ѣдятъ, а зарываютъ въ землю съ большимъ сожалѣніемъ, что ему не досталась на долю честь быть убитымъ.

Не станемъ входить въ разысканія, возвращался ли Геродотъ изъ Скиѳской земли восточнымъ берегомъ Чернаго моря, которое онъ самъ показываетъ въ 30 дней пути для здороваго человѣка, до Фазиса, или, можетъ быть, пробрался отсюда къ Каспійскому морю. Лучше послѣдуемъ за нимъ въ другое, не менѣе замѣчательное, большое путешествіе во внутреннюю Азію. Онъ странствовалъ большою военною дорогой, которая пролегала отъ береговъ Малой Азіи до Сузы, столицы Персидской Имперіи, по населенной и безопасной странѣ: ее повсемѣстно дѣлали удобною Царскія станціи для отдыха и прекраснѣйшія гостинницы. Изъ родины Геродотъ прибылъ сначала въ Сардесъ (теперь Сартъ, столичный городъ Лидіи), черезъ который течетъ богатый золотымъ пескомъ Пактолъ; въ этомъ городѣ, не смотря на его огромность и великолѣпіе, большая часть домовъ построены изъ тростника, или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ тростниковыя

кровли. Лидяне, сколько извѣстно, первые изъ всѣхъ людей имѣли битую монету, золотую и серебряную; у нихъ же были и первые мелочные лавочники; въ одну голодную пору они также выдумали игру въ кости и мячъ, и такимъ образомъ не вспомнили о кушаньи. Изъ Сардъ Геродотъ продолжалъ свой путь, черезъ Лидію и Фригію, до Галиса (Кизиль-Ирмакъ): на этой рѣкѣ есть ворота, которыхъ нельзя избѣжать, чтобы перебраться черезъ рѣку; у воротъ большой караулъ. За рѣкою находится уже Каппадокія: прошедши эту область, опять переходятъ черезъ двои ворота и два караула въ Киликію. Между Киликіей и Арменіей, черезъ которую путь идетъ дальше, течетъ глубокая и широкая рѣка Евфратъ.

Изъ Арменіи Геродотъ прибылъ въ Ассирію, прежде такое сильное Государство; въ это время оно находилось уже подъ Персидскою властью, но все еще имѣло столько силы и богатства, что могло четыре мѣсяца въ году содержать Царя Персидскаго со всѣмъ его войскомъ, между тѣмъ какъ остальныя области Монархіи съ трудомъ выплачивали налоги на другіе восемъ мѣсяцевъ. Правда, что Ассирія страна очень плодоносная и доставляетъ больше всѣхъ областей самой лучшей пшеницы. Всю эту страну пересѣкаютъ каналы, изъ которыхъ черпаютъ, или достаютъ, насосами воду на поля, по тому что здѣсь мало дождей; сѣмя всходитъ быстро, скоро поспѣваетъ и даетъ прибыль въ 200-ти, а въ очень хорошіе годы даже и въ 300 разъ. Листья пшеницы и ячменя шириною въ 4-ре пальца; никто, не посѣщавшій этой благословенной страны, не повѣритъ, сколько даютъ тамъ проса и сезама за одно дерево. За то недостатокъ въ плодовитыхъ деревьяхъ: не видно ни фигъ, ни винограда, ни маслины; однѣ пальмы растутъ повсемѣстно, и изъ плодовъ ихъ готовятъ кушанья, вино и медъ. Пальмовое вино и другія произведенія вывозятся по Евфрату на особенныхъ судахъ въ Вавилонъ и другія мѣста. Этѣ суда состоятъ изъ круглаго кузова изъ иловыхъ прутьевъ, безъ носа и кормы; кузовъ обтянутъ кожаной полостью и подбитъ соломой. Два человѣка стоймя правятъ этѣми ивозыми корзинками съ помощію двухъ веселъ, которыя часто значительной величины; смотря по ней, на нихъ находится по одному и по два осла, даже больше. Благополучно доѣхавъ до

Вавилона и выгрузивъ свои товары, пловцы продаютъ ивовые кузова вмѣстѣ съ соломой; кожаную обивку складываютъ на ословъ и возвращаются на родину сухимъ путемъ, по тому что быстрое теченіе Евфрата дѣлаетъ невозможнымъ плаваніе вверхъ по этой рѣкѣ.

¹ Одежда Ассиріянъ очень простая и состоитъ изъ льнянаго кафтана, достающаго до ногъ, шерстянаго верхняго платья и бѣлаго плащика въ видѣ накидки. Длинные волосы носятъ они въ пучокъ; все тѣло ихъ пахнетъ мастикой. У каждаго кольцо съ печатью и рѣзная палка, къ которой придѣлываютъ яблоко, розанъ, лилію, орла, или что ни будь другое; по тому что палка безъ рѣзкой примѣты была бы противъ стариннаго обычая. Но самымъ мудрымъ, теперь пришедшимъ въ забвеніе, обычаемъ былъ у нихъ способъ выдавать дочерей за мужъ. Одинъ разъ въ годъ собирали всѣхъ, способныхъ къ замужеству, дѣвицъ на народную площадь, гдѣ находились также и молодые люди. Когда всѣ соберутся, глашатай велитъ сначала встать самой красивой и предложитъ ее на продажу; когда она найдетъ покупщика за дорогую цѣну, та же очередь слѣдуетъ другой, красивѣе послѣ нея всѣхъ, и такъ дальше. Первыхъ красавицъ покупали за большія деньги богачи, которымъ приходила охота жениться, и перебивали ихъ другъ у друга, а бѣдняки не требовали красивой наружности, брали такихъ дѣвушекъ, которыя дурнѣе, да къ тому еще деньги, по тому что какъ только аукціонеръ продастъ одну изъ красавицъ, онъ тотчасъ же велитъ встать дурной, либо калекѣ, и спрашиваетъ, кто меньше всѣхъ попроситъ денегъ, чтобы имѣть ее женой, до тѣхъ поръ, пока она не достанется такому, который согласится на самую меньшую сумму. Деньги на это выручались отъ продажи красивыхъ дѣвушекъ, которыя такимъ образомъ надѣляли приданымъ дурныхъ и уродливыхъ. Никому не позволялось самому давать приданое дочери, за кого бы ни выдавалъ ее; никто также не могъ и увозить домой купленную дѣвушку, не представивъ порукъ въ томъ, что дѣйствительно будетъ жить съ нею. А если женившіеся такъ не могли жить вмѣстѣ, то, по принятому обычаю, деньги возвращались назадъ.

Когда Ассиріянинъ страждетъ болѣзнью, то, за неимѣніемъ лѣкарей, его выносятъ на рынокъ, гдѣ всякой подходитъ къ нему

посмотрѣть, не было ли и съ нимъ такой же болѣзни, или не наблюдалъ ли ее на другихъ, и потомъ предлагаетъ больному средства, помогавшія ему самому, или другимъ. Никто не можетъ пройти мимо страждующаго, не спросивъ его, чѣмъ онъ боленъ. Умершихъ хоронятъ они въ меду и оплакиваютъ въ жалобныхъ пѣсняхъ. Нравы и образъ жизни — одни и тѣ же во всей странѣ; есть только три племени, которыя ничего не ѣдятъ, кромѣ рыбы: наловивъ ее и высушивъ на солнцѣ, они толкутъ ее въ ногти и протираютъ сквозь полотно; полученный порошокъ мѣшаютъ въ супѣ, или пекутъ изъ него хлѣбъ.

Въ Ассиріи много большихъ городовъ, но всѣхъ сильнѣе и знаменитѣе Вавилонъ. Онъ лежитъ въ большой равнинѣ, составляетъ четвероугольникъ и имѣетъ 480 стадій (12 миль) въ окружности. Кругомъ идетъ глубокій и широкій, обильный водою ровъ, а потомъ стѣна въ 50 аршинъ ширины и 200 вышины. Кирпичъ, изъ котораго она построена, сдѣланъ изъ глины, полученной при копаніи рва. Вмѣсто извести брали горячую смолу и между каждыми 30-ю рядами кирпичей клали тростниковый плетень; по бокамъ поставили по двѣ башни, одна противъ другой, однако жь между обѣими оставили на верху столько мѣста, чтобы колесница въ четыре лошади могла объѣхать стѣны кругомъ. Во всей оградѣ продѣлали сто воротъ; всѣ они, съ вереями и косяками, были изъ мѣди. Посреди города протекаетъ Евфратъ: по обоимъ берегамъ его также тянулась кирпичная стѣна, и всѣ улицы, выходящія на рѣку, запирались желѣзными воротами; черезъ рѣку велъ мостъ изъ плитняка. На чрезвычайно прямыхъ улицахъ въ городѣ возвышались красивые дома въ три, или четыре, яруса. Но самое замѣчательное зданіе былъ храмъ Вила съ желѣзными воротами — четвероугольникъ, котораго каждая сторона имѣла въ длину двѣ стадіи (1200 футовъ). По срединѣ этого святилища высилась башня изъ твердаго камня, шириной и длиной въ 1-ну стадію. На ней стояла другая, на этой третья, и такъ до 8-ми башенъ. Снаружи кругомъ башни шла витая лѣстница: на половинѣ ея устроена площадка съ скамьями, гдѣ шедшие на верхъ могли садиться для отдыха. На самой верхней башнѣ былъ большой храмъ, и въ немъ на ложѣ для бога лежала богатая подушка, а передъ нею столъ; но изваянія бога не было видно. И

этотъ городъ, столь великолѣпный въ Геродотово время, теперь исчезъ, и спорятъ о мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ!

Изъ Вавилона Геродотъ пошелъ дальше въ Персію, вѣроятно, до Царскаго города Сузы (теперь Сегустеръ). Отъ Сардъ до него надо итти 90-то дней, если ежедневно дѣлать 150 стадій (3³/₄ мили): проходятъ разстояніе въ 13,500 стадій (388 миль). Персы живутъ до Южнаго моря (Персидско-Индѣйскаго); подъ властью ихъ находится вся Азія, на сколько она извѣстна. Дарій 1-й, славнѣйшій изъ Царей Персидскихъ, даже открылъ большую часть Азіи: желая знать, гдѣ впадаетъ Индъ (Синдъ) въ море, онъ (около 513-го года до Р. Х.) послалъ надежныхъ людей, подъ начальствомъ Греческаго морехода, Скилакса изъ Каріанды, сдѣлать тщательное изслѣдованіе. Они сѣли на суда въ Каспатирѣ (Кабулѣ) и плыли этѣмъ моремъ къ западу, и послѣ 30-ти мѣсячнаго путешествія достигли Краснаго моря. Потомъ Дарій покорилъ Индѣйцевъ и новооткрытую береговую полосу.

У Персовъ нѣтъ ни храмовъ, ни алтарей, ни идоловъ: они твердо убѣждены, что боги ни сколько не похожи на людей, и всѣхъ, кто вѣритъ тому, считаютъ глупцами. За то они приносятъ жертвы на высочайшихъ вершинахъ горъ, и при этомъ призываютъ божество всего небосклона. Слѣдуя старинному обычаю, они также приносятъ жертву солнцу и лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ; кромѣ того въ позднѣйшее время условились почитать Венеру-Уранію, которая называется у нихъ Митра. Когда Персъ хочетъ приносить жертву кому ни будь изъ этѣхъ боговъ, онъ отводитъ животное на чистое мѣсто и молится богу, по большой части съ миртовымъ вѣнкомъ на волосахъ, собранныхъ въ пучокъ. Впрочемъ, для него неприлично вымаливать хорошее себѣ одному; напротивъ, онъ молится о томъ, чтобы всякое благополучіе было Царю и всѣмъ Персамъ, въ числѣ которыхъ считаетъ и себя. Разбивъ на куски жертвенное животное и сваривъ ихъ, кладетъ на разложенную нѣжную зелень, при чемъ стоящій возлѣ него магъ поетъ печальную пѣсню. Потомъ, постоявъ немного, приносящій жертву уноситъ мясо домой и употребляетъ, какъ ему угодно. Маги, безъ которыхъ никогда не бываетъ жертвоприношеній, очень отличаются отъ другихъ людей, также и отъ жрецовъ въ Египтѣ, по тому что тогда какъ этѣ послѣдніе считаютъ грѣхомъ

убивать что ни будь живое, кромѣ жертвенныхъ животныхъ, маги положили себѣ, кромѣ человѣка и собаки, убивать собственными руками все, что ни попадется: муравьевъ, змѣй и другихъ животныхъ, ползающихъ и летающихъ. Рѣки въ этой землѣ пользуются очень высокимъ уваженіемъ: никто не смѣетъ плевать въ нихъ, или осквернять какимъ ни будь другимъ образомъ, даже и мыть въ нихъ руки. Вообще никто не смѣетъ плевать при комъ ни будь другомъ, или исправлять другую естественную надобность. Кто въ проказѣ или бѣлыхъ шелудяхъ, тотъ не можетъ входить въ городъ, или быть вмѣстѣ съ другими людьми: по ихъ мнѣнію, онъ страдаетъ этой болѣзнью за то, что сдѣлался виноватымъ въ какомъ ни будь прегрѣшеніи противъ солнца. Они также выгоняютъ изъ земли всѣхъ иноземцевъ, одержимыхъ этою болѣзнью, также и бѣлыхъ голубей, все подъ тѣмъ же предлогомъ.

День своего рожденія каждый считаетъ самымъ праздничнымъ днемъ въ году, и въ этотъ день готовится обѣдъ полнѣе: богатые подаютъ вола, лошадь, верблюда и осла, которые цѣликомъ жарятся въ большихъ печахъ. Персы обыкновенно подаютъ мало кушаньевъ, но много заѣдокъ (дессерта), однако жь, и этѣ не за одинъ разъ. Они утверждаютъ, что Греки перестали ѣсть съ жадностью отъ того, что послѣ обѣда имъ не подаютъ больше ничего такого, о чемъ стоило бы сказать. Они сильно истребляютъ вино и обыкновенно совѣщаются пьяные о самыхъ важныхъ дѣлахъ; однако жь протрезвившись на другой день, разбираютъ, что положили въ пьяномъ видѣ, и тогда, если это понравится имъ, получаетъ силу, если нѣтъ, отмѣняется. Если рѣшатъ что ни будь трезвые, они все же разбираютъ это въ другой разъ, когда пьяны. Когда два Перса одного чина встрѣчаются на улицѣ, то здороваются, цѣлуясь въ уста; если одинъ ниже другаго чиномъ, цѣлуются въ щеку; если же одинъ гораздо ниже, то этотъ бросается въ ноги другому. Особливо уважаютъ они первыхъ сосѣдей, потомъ вторыхъ, послѣ нихъ тѣхъ, которые подальше, и слѣдуя этому порядку, всего меньше уважаютъ такихъ, которые живутъ отъ нихъ дальше всѣхъ. То же соблюдаютъ и въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ: себя считаютъ самыми превосходными людьми, а всѣхъ другихъ обитателей земли уважаютъ больше, или меньше, смотря по тому, въ какомъ отдаленіи они отъ нихъ.

Имѣть много дѣтей у нихъ считается большею честію: тому, кто можетъ представить ихъ болѣе всѣхъ, Царь ежегодно посылаетъ подарки. Мальчики до 5-го года остаются подъ присмотромъ женъ, которыхъ много у каждаго Перса; послѣ того они поступаютъ на глаза отцу и до 20-го года обучаются тремъ предметамъ: верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука и правдивымъ рѣчамъ: ложь они считаютъ самымъ безчестнымъ дѣломъ и наряду съ нею дѣланіе долговъ; послѣднее по многимъ причинамъ, а особливо по тому, что должникъ, утверждаютъ они, непремѣнно скажетъ какую нибудь ложь. Преступленія наказываются у нихъ не безчеловѣчно и не безъ надлежащаго слѣдствія; даже господинъ изливаетъ гнѣвъ на слугу тогда только, когда, разсчитавъ добросовѣстно, найдетъ, что вина его больше сдѣланныхъ имъ услугъ. Нѣкоторыя преступленія они считаютъ совсѣмъ невозможными: никто, говорятъ они, никогда не убивалъ ни своего отца, ни матери, по тому что если бы разбирать такія дѣла подробнѣе, всегда бы открывалось, что убійца — подкинутое, или незаконное, дитя. Когда умретъ Персъ, увѣряютъ за тайну, что трупъ его лежитъ до тѣхъ поръ, пока не тронутъ его птицы и собаки: тогда только облѣпляютъ его воскомъ и хоронятъ. Впрочемъ, ни одинъ народъ такъ легко не усвоиваетъ чужихъ нравовъ, какъ Персы: такъ они носятъ Мидійское платье, по тому что оно кажется для нихъ гораздо красивѣе ихъ собственнаго, а на войнѣ — Египетскіе панцыри. Они въ высшей степени жадны къ наслажденіямъ, и въ этомъ отношеніи заимствовали много постыднаго у другихъ народовъ, особливо у Грековъ.

Съ Персіею къ востоку граничитъ земля Индійцевъ; до нихъ только и обитаема Азія; а дальше къ востоку — степь: ничего нѣтъ, кромѣ песку, и никто не можетъ разсказать про тамошнюю жизнь. Индійцы раздѣляются на многія племена, не всѣ говорящія однимъ языкомъ: одни изъ нихъ кочевники, другіе нѣтъ; у всѣхъ темнаго цвѣта кожа, какъ у Еѳіоповъ. Нѣкоторыя племена живутъ въ низовьяхъ Инда и ѣдятъ сырую рыбу, которую ловятъ на челнокахъ, построенныхъ изъ какого-то тростника. Каждое колѣно такого тростника доставляетъ цѣлый челнокъ. Одежду себѣ они дѣлаютъ изъ камыша, который рѣжутъ полосками, плетутъ изъ нихъ что-то похожее на рогожу, и потомъ

носятъ ее, какъ панцырь. Падеи, другое, живущее восточнѣе, кочевое племя, ѣдятъ сырое мясо и вообще очень грубые люди. Если кто ни будь изъ нихъ захвораетъ, мущина, или женщина, то хотя и станетъ сопротивляться и говорить, что не болѣнъ, знакомые убиваютъ его, чтобы заблаговременно съѣсть, утверждая, что болѣзнь изнуритъ его и испортитъ для нихъ его мясо. Съѣдаютъ также и тѣхъ, которые начнутъ старѣться; однако жъ, это бываетъ не со многими, по тому что убиваютъ всякаго, кто имѣетъ несчастіе захворать. За то есть и такіе Индѣйцы, которые не убиваютъ ничего живаго, ничего и не сѣютъ, не живутъ и въ домахъ, и ѣдятъ траву. У нихъ есть и хлѣбныя зерна (рисъ), величиною съ просяныя, въ стручкахъ, которые вырастаютъ изъ земли сами собою: они варятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ стручками. Когда кто ни будь изъ нихъ одержимъ болѣзнью, уходитъ въ пустыню, ложится тамъ, и никому нѣтъ дѣла, умеръ ли онъ, или все еще болѣнъ. Также и южнѣе живутъ Индѣйскія племена, но они никогда не были подвластны Персамъ; храбрѣе всѣхъ изъ нихъ считаются пограничные съ областью Пактіика (Кабулъ); ихъ посылаютъ добывать золото. Тамъ есть песчаная степь, и въ ней водятся муравьи (можетъ быть, онъ разумѣетъ шакаловъ), которые меньше собакъ, но больше лисицъ и живутъ подъ землею, отъ чего и взрываютъ песокъ, содержащій золото. За этимъ пескомъ Индѣйцы и ѣздятъ въ степь: каждый снаряжаетъ въ это предпріятіе трехъ верблюдовъ; по обѣ стороны пускаетъ самцовъ, которые вольно бѣгутъ вблизи, а по срединѣ самку; на нее садится самъ Индѣецъ, для чего и выбираетъ нарочно такую, у которой есть еще очень маленькіе верблюжата. Но этѣ верблюды ни мало не уступаютъ въ скорости лошадямъ и, сверхъ того, носятъ гораздо больше груза. Индѣйцы стараются доѣхать на нихъ до степи въ самую жаркую пору дня, по тому что тогда муравьи прячутся въ землѣ. Наполнивъ золотымъ пескомъ привезенныхъ съ собою мѣшки, они поскорѣе ѣдутъ назадъ. Но тотчасъ же прибѣгаютъ и муравьи, привлеченные запахомъ, и гонятся за ними съ такою быстротою, которая ничего не имѣетъ подобнаго: если бы Индѣйцы не уѣзжали далеко отъ муравьевъ, пока этѣ еще собирались, не уцѣлѣлъ бы никто изъ нихъ. Даже они и тогда не спаслись бы на самцахъ верблюдахъ, скоро чувствующихъ усталость, если бы самки верблюды, которыя спѣшатъ къ

дѣтенышамъ и гораздо лучше бѣгутъ, не увлекали за собой всего поѣзда. Такъ достаютъ Индѣйцы большую часть золота; другая, гораздо меньшая, выкапывается въ ихъ области. Вообще Индія — очень благословенная страна: четвероногія животныя (однако жь, кромѣ лошади) и птицы здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; тамъ и дикорастущія деревья доставляютъ шерсть, гораздо превосходнѣе овечьей по добротѣ и нѣжности; туземцы дѣлаютъ изъ нея платья.

Легко замѣтить, что Геродотъ знаетъ только по слухамъ все, что ни передалъ намъ объ Индіи: онъ и не продолжалъ до нея своего путешествія, а воротился изъ Сузы въ отечество, чтобы дѣлать оттуда небольшія поѣздки въ Грецію. Изъ многихъ мѣстъ его исторіи выходитъ ясно, что онъ чаще посѣщалъ большую часть городовъ Пелопониса, Греческихъ острововъ, Аѳины; но мы не можемъ больше отыскать нити связнаго путешествія.

Какъ многоопытный человѣкъ и вполнѣ образованный наблюдатель, Геродотъ, между 30 и 40 годомъ своей жизни (454—445 г. до Р. Х.), отправился въ третье большое путешествіе, имѣвшее цѣлію Египетъ и сѣверный берегъ Африки. Обыкновеннымъ Греческимъ путемъ по Средиземному морю онъ прибылъ въ Нилъ и плылъ вверхъ по этой рѣкѣ до большихъ водопадовъ. Во всякомъ случаѣ онъ останавливался подолѣе въ самыхъ важныхъ мѣстахъ по обоимъ берегамъ Нила, по тому что какъ очевидецъ описываетъ замѣчательнѣйшіе города и памятники, произведенія почвы, нравы и обычаи жителей и законы, по которымъ они жили, съ такою изумительною точностью, что его извѣстія еще и нынѣ главный источникъ для узнанія этой страны. Потому и соберемъ его изслѣдованій въ возможно краткомъ объемѣ.

Египтяне считаютъ себя самыми древнѣйшими людьми и хотятъ вѣрить, что они выдумали годъ и дали ему 12-ть отдѣловъ. Вѣрно, что они первые построили храмы, алтари и истуканы боговъ и вырѣзали на камнѣ ихъ изображенія. Весь Египетъ, должно быть, прежде былъ болото, и часть его, ниже Меридова озера, покрывало море; но полоса отъ моря до этого озера прости-

рается теперь вверхъ по рѣкѣ на 7-мь дней пути: этотъ лоскутокъ—даръ Нила, въ чемъ тотчасъ же убѣдится всякой разсудительный человѣкъ, разсмотрѣвъ его почву. Нилъ несетъ съ собою много тины и освобождается отъ нея при устьѣ, даже на цѣлый день пути отъ берега находятъ глубокую тину, гдѣ только опустятъ лотъ. Отъ моря до Геліополя (теперь Матарегъ) внутренность Египта широкая и притомъ отлогая, безводная низменность, но дальше онъ становится узокъ, по тому что съ одной стороны тянутся въ Аравію горы, съ сѣвера къ югу, достигающія Чернаго моря, въ которыхъ находятся каменоломни, разработанныя для построенія пирамидъ. По другую сторону Египта, въ томъ же направленіи, тянутся утесистыя, но покрытыя пескомъ, горы. Между этѣми горными хребтами страна очень узка, ровна и кажется прежнимъ заливомъ, но дальше она становится шире.

Нильская долина—одна изъ благословеннѣйшихъ странъ міра, по тому что нигдѣ не берутъ у земли плодовъ такъ совершенно безъ усилій: не надобно ни взрывать плугомъ земляныя глыбы, ни копать, ни исправлять другую работу, надъ которою мучатся другіе люди при посѣвѣ: рѣка, каждый разъ въ извѣстное время, орошаетъ поля, и послѣ орошенія опять возвращается въ берега. Тогда каждый засѣваетъ свое поле, гоняетъ по немъ свиней, чтобы они втаптывали сѣмя, и потомъ спокойно дожидается жатвы. Молотить хлѣбъ опять заставляютъ свиней и отвозятъ его домой. У Египтянъ ничего не узнаешь точнаго о правильномъ наводненіи Нила: изъ множества приводимыхъ причинъ самая вѣроятная, кажется, особенное вліяніе солнца и вѣтровъ на ту страну, гдѣ вытекаетъ эта рѣка. Во время лѣтняго солнечнаго поворота Нилъ начинаетъ медленно подниматься, поднимается въ продолженіи цѣлыхъ ста дней непрерывно до равноденствія въ Сентябрѣ, напослѣдокъ выходитъ изъ береговъ и покрываетъ всѣ низменности долины. Нѣсколько времени онъ остается спокойнымъ, при самой большой высотѣ, и потомъ въ той же постепенности, какъ и поднимался, начинаетъ приходить въ прежнее положеніе, въ которомъ и остается до поры прибыванія въ слѣдующемъ году.

Точно такъ же, какъ рѣка Египта обнаруживаетъ характеръ, отличный отъ прочихъ рѣкъ, и какъ своеобразно въ этой странѣ

небо, такъ и въ нравахъ и обычаяхъ жителей есть противоположности съ тѣмъ, что заведено у другихъ людей. Тамъ ходятъ на рынокъ и торгуютъ женщины, а мущины сидятъ дома и ткутъ. Тяжести носятъ мущины на головѣ, а женщины на плечахъ. Естественныя нужды исправляютъ въ домахъ, а обѣдаютъ на улицѣ: неприличное, говорятъ они, должно дѣлаться втайнѣ, а пристойное можно дѣлать открыто. Дѣло жрецовъ берутъ на себя одни мущины, но никогда женщины, даже и у женскихъ божествъ. Сыновья не обязаны содержать родителей, если на это нѣтъ ихъ доброй воли, а дочери должны исправлять эту обязанность, если бы и не хотѣли. Египтяне стригутъ волосы и отращиваютъ ихъ только въ горѣ о смерти близкихъ людей, межъ тѣмъ какъ другіе народы остригаютъ ихъ въ такомъ случаѣ. Другіе люди живутъ отдѣльно отъ животныхъ, Египтяне вмѣстѣ съ ними; другіе питаются пшеницею и ячменемъ, Египтянинъ гнушается этою пищею, также и бобами, которые считаетъ нечистыми и ѣстъ только полбу; тѣсто мѣситъ ногами, а съ глиной и пометомъ возится руками. И, однако жь, онъ высоко уважаетъ тѣлесную чистоту, носитъ только льняныя платья, вымытыя всегда заново и каждый день старательно ополаскиваетъ желѣзный кубокъ, изъ котораго пьетъ.

Египтяне богобоязненнѣе всѣхъ людей и соблюдаютъ правила своей вѣры съ неутомимою строгостью. Жрецы, которыхъ санъ наслѣдственный, не могутъ терпѣть ничего неопрятнаго ни на тѣлѣ, ни на платьѣ, и молятся два раза днемъ и два раза въ холодную ночь. Собственности имъ не нужно, по тому что все необходимое для жизни доставляется имъ въ изобиліи даромъ, и каждый день они получаютъ множество печенья, говяжьяго и гусинаго мяса, также виноградного вина, межъ тѣмъ какъ другіе Египтяне пьютъ одно ячменное вино, рыбы не ѣдятъ, а на бобы и не смотрятъ. Самая лучшая жертва, какую они приносятъ одному изъ главныхъ боговъ, Апису, почитаемому подъ видомъ вола, состоитъ въ бѣломъ быкѣ, который на всемъ тѣлѣ не можетъ имѣть ни одного чернаго волоса. Жрецъ, поставленный для такого дѣла, внимательно осматриваетъ назначенныхъ въ жертву воловъ, и на рогахъ тѣхъ, которыхъ найдетъ годными, кладетъ печать своего кольца. Кто принесетъ въ жертву незаклейменнаго

вола, наказывается смертью. Когда надо приносить въ жертву животное, выбранное такимъ образомъ, его приводятъ къ алтарю, опрыскиваютъ виномъ, убиваютъ и рубятъ ему голову. Призвавъ на голову всякое зло, какое можетъ постичь приносящихъ жертву, или Египтянъ, и проклявъ ее, продаютъ эту голову на общественномъ рынкѣ иноземцамъ, либо бросаютъ въ Нилъ: оттого-то отвращеніе Египтянъ къ головамъ всякихъ животныхъ такъ велико, что они никогда не ѣдятъ ихъ. Когда унесутъ голову, отрѣзываютъ у вола бедра и шею, начиниваютъ его хлѣбомъ, медомъ, изюмомъ, винными ягодами, благовоніями и сожигаютъ, подливая при томъ вдоволь масла въ огонь. Въ то время, какъ жертва горитъ, они дерутся, а потомъ готовятъ обѣдъ изъ отрѣзанныхъ частей вола. Коровъ не приносятъ въ жертву, по тому что онѣ посвящены богинѣ Изидѣ и считаются святѣе и неприкосновеннѣе всѣхъ животныхъ. Но такъ какъ во всѣхъ другихъ странахъ ѣдятъ коровъ, то Египтянинъ никогда не цѣлуется съ иноземцемъ въ губы, мущина ли онъ, или женщина, также и не отвѣдываетъ ни какого мяса, изжареннаго на чужомъ вертелѣ, или отрѣзаннаго чужимъ ножомъ. Изиду почитаютъ безъ исключенія всѣ Египтяне: отдѣльные округи приносятъ въ жертву еще особенныхъ животныхъ, такъ что этѣ почти всѣ священны въ томъ, или другомъ, округѣ; только свинья считается нечистою, и если, пробѣгая мимо, дотронется кому ни будь до платья, тотъ сей часъ же идетъ въ Нилъ и моется. Въ каждомъ мѣстѣ одно какое ни будь животное пользуется особеннымъ уваженіемъ и имѣетъ тамъ своихъ стражей, которыхъ достоинство наслѣдственно отъ отца къ сыну. Издержки на содержаніе легко собираются посредствомъ подаяній въ честь бога, которому посвящено животное: каждый отецъ семейства обриваетъ головы дѣтямъ или совсѣмъ, или до половины, или до третьей части; волосы вѣситъ противъ серебра и предоставляетъ это серебро стражамъ. Кто убьетъ священное животное съ умысломъ, наказывается смертію; если безъ намѣренія, платитъ денежную пеню; а кто убьетъ когда ни будь ибиса, или ястреба, будетъ ли это съ намѣреніемъ, или нехотя, тотъ долженъ умереть безъ помилованія. Когда въ домѣ издохнетъ кошка, домашніе остригаютъ себѣ брови, а когда собака — всю голову. Всѣ животныя хоронятся по смерти; многія даже въ отведенныхъ для того мѣстахъ и въ священныхъ комнатахъ. Впро-

чемъ; Египетъ не очень богатъ животными: самыя замѣчательныя изъ нихъ, крокодилъ, гиппопотамъ (морская лошадь) и ибисъ (аистъ). Крокодилъ. называемый у Египтянъ хампса, четвероногое, и при томъ земноводное, животное, кладетъ яица и высиживаетъ ихъ; днемъ большею частію живетъ на землѣ, а всю ночь въ водѣ, по тому что ночью вода теплѣе открытаго воздуха и росы. Между всѣми животными онъ одинъ дѣлается самымъ большимъ изъ самаго маленькаго: яица, которыя кладетъ, не много больше гусиныхъ; въ соразмѣрности съ ними и дѣтенышъ, когда вылупится, а выросши бываетъ въ 17-ть аршинъ и больше Глаза у него, какъ у свиньи; клыки большіе; но онъ одинъ изъ всѣхъ животныхъ не имѣетъ языка и двигаетъ не нижнюю челюсть, какъ прочіе, а верхнюю къ нижней. Когти крѣпкіе, кожа покрыта чешуею и на спинѣ непроницаема. На водѣ онъ слѣпъ, а на открытомъ воздухѣ у него очень острое зрѣніе. Въ четыре суровые зимные мѣсяца онъ не ѣстъ ничего. Такъ какъ живетъ онъ въ водѣ, то ротъ у него наполненъ кровососами (можетъ быть, большими комарами), отъ которыхъ избавляетъ его трохилъ (птица зуекъ). Вышедши на землю, крокодилъ обыкновенно ложится противъ вѣтра съ открытою пастью: трохилъ прокрадывается въ нее и пожираетъ кровососовъ; за то крокодилъ не трогаетъ эту птичку одну изъ всѣхъ птицъ и звѣрей, которые всѣ избѣгаютъ его. Для жителей Нижняго Египта крокодилъ священное животное, которое они бальзамируютъ и похороняютъ; за то въ Верхнемъ его преслѣдуютъ и ѣдятъ. Охота на него бываетъ различна: обыкновенно же привязываютъ къ крючку свиной хребетъ и бросаютъ его въ воду по срединѣ рѣки, кромѣ того на берегу держатъ поросенка и бьютъ его: крокодилъ, привлеченный визгомъ, подплываетъ, натыкается на свинину и проглатываетъ ее вмѣстѣ съ крючкомъ, за который и вытаскиваютъ его на землю. Тутъ охотники замазываютъ ему тиной глаза, чтобы имѣть его совсѣмъ въ своей власти; безъ такой хитрости, съ трудомъ удалось бы имъ это.—Гиппопотамъ—четвероногое животное съ раздвоенными когтями, какъ у воловъ, со вздернутымъ носомъ, выходящими впередъ клыками, гривой и хвостомъ: онъ ржетъ, какъ лошадь, и ростомъ будетъ съ вола; кожа на немъ такъ толста, что ее сушатъ и дѣлаютъ изъ нея древки для копій.—Ибисовъ двѣ породы: у дикой, черной по всему тѣлу, журавлиныя ноги

и сильно загнутый клевъ; она гоняется за змѣями; ручная порода съ голою головой и шеей; перья на тѣлѣ у ней бѣлыя, а на головѣ и шеѣ, также и на концахъ крыльевъ и хвоста, черные; клевъ и ноги такіе же, какъ и у первой породы.

Египтяне чрезвычайно здоровые люди и особливо стараются сохранить здоровье ежемѣсячнымъ очищеніемъ тѣла посредствомъ рвотнаго и слабительнаго. Обыкновенная пища у нихъ хлѣбъ и полба, птицы и рыба; вино дѣлаютъ изъ ячменя, по тому что винограда нѣтъ въ ихъ землѣ. Рыбу ѣдятъ они сырую, посушивъ на солнцѣ, или посоливъ; солятъ также и невареныхъ птицъ, особливо утокъ и перепеловъ и потомъ ѣдятъ; исключеніе составляютъ, однако жь, священныя птицы и рыбы, по тому что ихъ можно ѣсть только жареныя и вареныя. На пирахъ послѣ кушанья всегда кто ни будь носитъ кругомъ покойника, вырѣзаннаго изъ дерева, въ расписанномъ гробѣ красивой работы, показываетъ его каждому гостю и говоритъ: «Посмотри на него, пей и веселись, и ты будешь такой же, когда умрешь.»—Жители Нижняго Египта, которые бѣднѣе животными, питаются также растеніями и особливо любятъ лилію, растущую на понятыхъ Ниломъ лугахъ и называемую «лотосъ.» Ее сушатъ на солнцѣ, потомъ толкутъ плодъ, скрытый въ срединѣ цвѣтка, и пекутъ изъ него хлѣбъ; можно ѣсть даже и корень, кругловатаго вида, величиною съ яблоко и не дурнаго вкуса. Масло добываютъ изъ плодовъ клещевины, растущей на берегахъ Нила и по озерамъ, но отъ него непріятный запахъ. Съѣстные припасы, также и другіе товары, развозятся по Нилу изъ одного мѣста въ другое на судахъ, построенныхъ изъ бревенъ и досокъ какого-то колючаго дерева. Противъ теченія надобно бываетъ тащить суда съ берега, когда попутный вѣтеръ не надуваетъ парусовъ. Плывя внизъ по рѣкѣ, ускоряютъ плаваніе тѣмъ, что гонятъ впереди судна плетень изъ тамарисоваго (tamarit) кустарника, который, благодаря пробирающемуся въ него теченію, быстро увлекаетъ за собою судно, и чтобы отъ того не сбиться съ направленія, кромѣ руля, проходящаго посреди трюма, пользуются тяжелымъ камнемъ, который тащится по дну сзади.

Одежда Египтянъ состоитъ изъ льнянаго кафтана съ бахрамою у ногъ и изъ бѣлаго шерстянаго верхняго платья Въ этой

послѣдней одеждѣ, однако жь, никто не входитъ въ храмъ, ни погребается въ немъ: по ихъ религіознымъ понятіямъ, это грѣхъ. Старость у нихъ пользуется величайшимъ уваженіемъ: встрѣчая на улицѣ старшаго, младшій посторонивается, а если сидитъ, тотчасъ встанетъ, когда подойдетъ къ нему старшій. Уваженіе, оказываемое другъ другу, соразмѣряется съ званіемъ каждаго. Такихъ званій (кастъ) считается семь: самыя главныя составляютъ жрецы и воины, остальныя ремесленники, переводчики, кормчіе, пастухи рогатаго скота и пастухи свиней.

Что касается медицины, у нихъ совсѣмъ особый порядокъ, потому что для всякой болѣзни особенные лѣкаря; отъ того ихъ и очень много: одни для глазъ, другіе для головы, третьи для зубовъ, четвертые для живота, пятые для невидимыхъ болѣзней. Когда умретъ человѣкъ, имѣвшій нѣкоторое значеніе въ домѣ, всѣ его родственницы пачкаютъ себѣ головы и лица грязью, бѣгаютъ по городу и бичуются. Послѣднее дѣлаютъ и мущины, и только по окончаніи того бальзамируютъ трупъ. Есть особенные люди для такого дѣла; къ нимъ и приносятъ покойниковъ для обряженія, смотря по платѣ за то, пышнаго, красиваго, или совершенно обыкновеннаго. Если трупъ бальзамируется за дорогую цѣну, сначала вынимаютъ у него мозгъ отчасти закривленнымъ желѣзомъ, отчасти наливая ему черезъ носъ искуственныя средства; потомъ дѣлаютъ острымъ камнемъ прорѣзъ въ паху, вынимаютъ внутренности, очищаютъ и моютъ ихъ пальмовымъ виномъ и истертыми въ порошокъ благовоніями, затѣмъ кладутъ опять въ животъ, наполненный миррою, кассіею и какимъ-то другимъ ароматическимъ веществомъ и зашиваютъ разрѣзъ. Сдѣлавъ все это очень старательно, кладутъ трупъ на 70 дней въ селитру. Послѣ такой мочки, моютъ его и весь обвиваютъ пеленами изъ льняной матеріи, а между ними посыпаютъ благовонной смолы Теперь возвращаютъ роднымъ, которые запираютъ его въ поставецъ, имѣющій человѣческую форму и приставляютъ стойма къ стѣнѣ въ похоронной комнатѣ. Подобнымъ же образомъ бальзамируются всѣ трупы, съ тою только разницею, что на приготовленіе обыкновеннаго бальзамированія употребляется меньше денегъ и стараній.

Этѣ нравы и обычаи, которые могъ описать Геродотъ съ такою точностію только какъ очевидецъ, были свойственны всѣмъ Египтянамъ и строго соблюдались до города Элефантини (24° с. ш.), гдѣ начинается земля Еѳіоповъ. Геродотъ не доходилъ до этого города, и разсказы его о болѣе южномъ теченіи Нила и странахъ, протекаемыхъ этой рѣкой, онъ слышалъ отчасти отъ пограничныхъ жителей, отчасти отъ Египетскихъ жрецовъ. За Элефантини, говоритъ онъ по этѣмъ извѣстіямъ, почва вдругъ круто возвышается и суда тянутъ, какъ быка, веревками съ обоихъ береговъ по Нилу, на которомъ тутъ много излучинъ; если порвутся онѣ, судно помчится по теченію рѣки съ неодолимой силой. Это опасное мѣсто въ 18 миль длины и на проѣздъ его надобно 3 дня. Потомъ выбираются на равнину, гдѣ Нилъ образуетъ островъ, называемый Тахомисо (теперь Дераръ) и населенный на половину Еѳіопами, на половину Египтянами; къ нему примыкаетъ большое озеро, по которому разъѣзжаютъ Еѳіопскіе кочевники и протекаетъ Нилъ. Проѣхавъ озеро и опять добравшись до рѣки, надобно выходить изъ судовъ и 40 дней путешествовать берегомъ, по тому что на всемъ этомъ пространствѣ делаютъ ее не судоходною острыя скалы. Потомъ опять садятся на суда и послѣ 12-ти дневнаго путешествія достигаютъ большаго города Мерое, главнаго мѣста Еѳіоповъ. Если ѣхать отсюда рѣкою столько же дней вверхъ, какъ идетъ дорога изъ Элефантини въ Мерое, пріѣдемъ къ Автомоламъ (перебѣщикамъ), ведущимъ родъ отъ 240,000 Египетскихъ солдатъ, которые, наскучивъ службою въ пограничныхъ крѣпостяхъ, убѣжали и поселились тутъ въ царствованіе Псаммитиха (671—617); отъ того-то между Еѳіопами и распространились нравы и образованность Египта. Стало быть, теченіе Нила извѣстно на разстояніи 4-хъ мѣсяцевъ пути до Египта, по тому что столько времени надо употребить на переѣздъ изъ Египта къ Автомоламъ. За ними пустая и не обитаемая страна, и больше нечего сказать, кромѣ того, что теченіе рѣки идетъ съ запада. Если принять, по вѣроятнѣйшему мнѣнію, что большія развалины у нынѣшняго города Шенди (16° 38′ 35 сѣв. ш.) въ Нубіи означаютъ то мѣсто, гдѣ находилось Мерое, то надобно искать земли Автомоловъ въ нынѣшней Абиссинской области Элатсъ (9° 10° с. ш.), а до этого мѣста мы точно узнали Нилъ только въ новѣйшее время. Новѣйшіе путешественники раз-

сказываютъ, что именно на этомъ мѣстѣ живетъ народъ, у котораго введено обрѣзаніе и много очень суевѣрныхъ обрядовъ: онъ говоритъ неизвѣстнымъ языкомъ и считаетъ себя изгнанникомъ. Слѣдовательно, здѣсь можемъ предполагать потомковъ Египетскихъ поселенцувъ или — грубую ложь путешественниковъ.

Осмотрѣвъ замѣчательности Египта, Геродотъ вернулся по Нилу къ берегу, и отсюда, вѣроятно, моремъ, посѣтилъ цвѣтущее Греческое поселеніе, Кирене (теперь незначительная деревушка Гренне въ Триполи), гдѣ старательно собиралъ извѣстія о сѣверныхъ Африканскихъ берегахъ и внутренней Африкѣ, для пополненія уже полученныхъ отъ Египтянъ свѣдѣній объ этой, до сихъ поръ еще мало извѣстной, странѣ. Показалось бы странно, что Геродотъ не доходилъ до Карѳагена и вообще едва упоминаетъ объ этомъ сильномъ и торговомъ государствѣ, если бы не знали, что завистливая политика Карѳагена скорѣе отпугивала, нежели привлекала, иноземцевъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволяла посѣтителямъ вглядываться въ свой бытъ пристальнѣе. Отъ того-то и очень скудны извѣстія Геродота о западной Африкѣ и не доставляютъ намъ ни какого яснаго описанія его мнѣній объ этѣхъ странахъ; его подробнѣйшія свѣдѣнія ограничиваются береговой полосой, идущей отъ предѣловъ Египта до большаго Сирта (заливъ Сидра).

Первый Ливійскій народъ, сосѣдній съ Египтомъ, Адирмахиды: они носятъ Ливійское платье, но еще имѣютъ Египетскіе нравы, вмѣстѣ съ собственными, очень странными, обычаями. Ихъ женщины носятъ на каждой ногѣ по желѣзной пряжкѣ и отращиваютъ длинные волосы; когда находятъ въ нихъ какое ни будь насѣкомое, они раскусываютъ его прежде, чѣмъ бросятъ. Многочисленный народъ Насамоны (на берегу Сирта) лѣтомъ покидаютъ свои стада у моря и отправляются внутрь къ Ауджилѣ (теперь Уджила), для собиранія растущихъ тамъ въ изобиліи финиковъ; они ловятъ и саранчу, сушатъ на сонцѣ и ѣдятъ въ молокѣ приготовленный изъ нея порошокъ. Когда хотятъ что ни будь скрѣпить клятвою, то, положивъ одну руку на другую, клянутся могилою мужей, считавшихся у нихъ при жизни самыми честными и почтенными; заключаютъ союзы такъ, что одинъ пьетъ изъ руки другаго, а если нѣтъ ни какой жидкости, беретъ

съ земли пыль и лижетъ ее. Такой обычай встрѣчается и нынѣ у жителей Алжира. Когда хотятъ заглянуть въ будущее, ложатся послѣ молитвы на гробницы предковъ, и вѣрятъ тому, что привидится имъ во снѣ.—Возлѣ Насамоновъ жили въ прежнее время Псиллы, но всѣ они перемерли въ степи: однажды, когда отъ южнаго вѣтра высохли всѣ колодцы въ ихъ, бѣдной водою, странѣ, они всѣ вмѣстѣ рѣшились ити на него войною; но когда находились въ степи, этотъ вѣтеръ набѣжалъ на нихъ и всѣхъ засыпалъ.

Западнѣе, на р. Кинипсѣ (теперь Вади-Квагамъ) приходятъ къ Макенамъ, которые по срединѣ головы отращиваютъ волосы, а по обѣимъ сторонамъ брѣютъ ихъ до самой кожи; на войнѣ употребляютъ, вмѣсто брони, кожу птицы страуса. Земля ихъ очень плодоносна; гора Грацій, въ 2-хъ стадіяхъ (5 миляхъ) отъ моря, изъ которой вытекаетъ рѣка Кинипсъ, поросла лѣсомъ, межъ тѣмъ какъ въ прочей обнаженной Ливіи едва встрѣчаютъ одно дерево. Точность, съ какою Геродотъ описываетъ эту страну, подлинно удивительна. Вади-Квагамъ, говоритъ одинъ новѣйшій путешественникъ, вытекаетъ изъ горъ на югѣ, лежащихъ почти въ 5-ти миляхъ отъ берега. Равнина, примыкающая къ этой рѣкѣ, плодоносна выше всякаго понятія и покрыта пальмами и маслинами.—За Макенами слѣдуютъ Гинданы, у которыхъ каждая женщина столько имѣетъ подвязокъ, сколько было у ней любовниковъ. За ними на косѣ (называемой теперь Джерби, на восточной границѣ Туниса) Локофаги (лотосоѣды), которыхъ единственное кушанье плодъ лотоса, сладостью походящій на финики; изъ него дѣлаютъ и вино. До сихъ поръ Геродотъ надежный вожатый: не будемъ упоминать о томъ, что говоритъ онъ дальше объ озерѣ Тритонѣ (подъ которымъ, вѣроятно, должно разумѣть заливъ Габсъ), объ Аргонавтахъ и другихъ миѳахъ, основываясь на древнихъ сказаніяхъ.

Всѣ Ливійскія племена отъ Египта до озера Тритона кочевники, которые питаются молокомъ своихъ стадъ и мясомъ всякихъ животныхъ, кромѣ коровъ и свиней. Ихъ справедливо считаютъ здоровѣе всѣхъ людей: это, по ихъ мнѣнію, происходитъ отъ того, что они прижигаютъ дѣтямъ, какъ скоро минетъ имъ 4 года, жилы на темени, а часто и на вискахъ, овечьею шер-

другой, а скорѣе на свистъ летучихъ мышей. Въ десяти дняхъ пути отъ нихъ дальше, около четвертаго солнечнаго холма, живутъ Атаранты (можетъ быть, Туарики), изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ собственнаго имени. Еще путешественники XV столѣтія утверждали то же о нѣкоторыхъ племенахъ, бродящихъ на границахъ Борну. Они проклинаютъ солнце, когда оно надъ ними, и говорятъ ему разныя ругательства за то, что оно своимъ зноемъ изнуряетъ ихъ землю и ихъ самихъ. Было бы напраснымъ трудомъ опредѣлять песчаный холмъ, лежащій дальше, также въ десяти дняхъ пути: къ нему примыкаетъ Атласъ, славный уже въ древнихъ сказаніяхъ, какъ подпора неба, узкая и совсѣмъ круглая, но такая высокая гора, что нельзя видѣть ея вершины, по тому что облака никогда не покидаютъ ее ни зимою, ни лѣтомъ. Жители этой страны, называемые Атланты, отъ имени горы, какъ разсказываютъ, не ѣдятъ ничего живаго и не имѣютъ ни какихъ сновидѣній. И далѣе за Атласомъ продолжается песчаная полоса до столбовъ Геркулесовыхъ и мыса Солоейсъ (мысъ Спартель). На разстояніяхъ въ 10 дней пути всегда находятъ соляную копь и жителей. Такъ какъ сдѣсь никогда не бываетъ дождя, то туземцы строятъ дома изъ соляныхъ глыбъ, отчасти бѣлаго, отчасти пурпурнаго, цвѣта. Черезъ песчаную полосу съ юга входитъ въ страну большая степь, безъ людей, безъ животныхъ, безъ деревъ и даже безъ капли воды.

Но дерзкое любопытство завлекло нѣкоторыхъ смѣльчаковъ и въ эту пустую песчаную полосу, какъ разсказываютъ Насамоны, о которыхъ уже было говорено. У нихъ, говорятъ они, очень смѣлы сыновья сильныхъ мужей: между другими странными проказами, которыя они дѣлали въ молодости, однажды выбрали между собою по жеребью пятерыхъ человѣкъ, для посѣщенія Ливійской степи и узнанія, нельзя ли открыть тамъ чего ни будь новаго. Этѣ пятеро, хорошо снабженные водою и съѣстнымъ, шли все на западъ песчаною пустыней, и наконецъ, послѣ множества дней, вышли на равнину съ растущими деревьями. Межъ тѣмъ какъ они рвали плоды этѣхъ деревьевъ, маленькіе люди, ниже средняго роста, схватили ихъ и повели широкими болотами въ городъ съ такими же маленькими жителями чернаго цвѣта. При этомъ городѣ текла большая рѣка, съ запада на востокъ, и

въ ней водились крокодилы. Геродотъ выводитъ изъ того заключеніе, что Нилъ выходитъ съ западной стороны: мы скорѣе могли бы подозрѣвать въ этой рѣкѣ Нигеръ, а въ городѣ совсѣмъ не Тимбукту, какъ дѣлали новѣйшіе изыскатели, лежащій гораздо западнѣе и построенный лишь въ среднихъ вѣкахъ, а скорѣе городъ Негровъ, Гану, если только можно сказать что ни будь положительное, основываясь на поверхностномъ извѣстіи Насамоновъ: мимо течетъ Нигеръ; вблизи его есть также озера и болота.

Всѣхъ жителей Африки къ югу отъ Ливійской степи Геродотъ разумѣетъ подъ именемъ Еѳіоповъ и соединяетъ съ ними много поэтическихъ и географическихъ сказаній его и прежнихъ временъ: этѣ сказанія много разъ пытались перенести на историческую почву, однако жь безъ достаточнаго успѣха. Еѳіопы отличаются отъ всѣхъ прочихъ людей ростомъ, силою, красотою и долговѣчностью; страна ихъ доставляетъ множество золота, огромныхъ слоновъ, разныя дикорастущія деревья и черное дерево. Въ Цари они всегда выбираютъ такого, который выше ростомъ и сильнѣе изъ всего народа. Самая большая замѣчательность у нихъ солнечный столъ, лугъ подъ столицей, уставленный вареныммъ мясомъ разныхъ четвероногихъ животныхъ. Люди, нарочно для того приставленные, раскладываютъ мясо ночью, а днемъ кто хочетъ, можетъ приходить и ѣсть: сами туземцы утверждаютъ, что земля постоянно приноситъ, сколько нужно на каждый день. Не будемъ оспаривать мнѣнія новѣйшихъ изыскателей, считающихъ солнечный столъ не за что другое, какъ за большой рынокъ, гдѣ продавалось копченое мясо; однако жь, можетъ быть, и этотъ солнечный столъ въ связи съ мнѣніемъ древнихъ, упомянутымъ выше въ географіи Гомера, по которому богъ солнца и прочіе боги собираются на пиръ къ Еѳіопамъ, если хотятъ провести день повеселѣе.

Для собранія подробнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ солнечномъ столѣ и о самой странѣ, Персидскій Царь, Камбизъ (529—522 г. до Р. Х.), рѣшившись въ своей кичливости, покорить счастливыхъ Еѳіоповъ, послалъ къ нимъ изъ Элефантини какихъ то Ихтіофаговъ (рыбоѣдовъ), съ подарками, состоявшими въ пурпуровой одеждѣ, золотой цѣпочкѣ на шею, браслетахъ, ларчикѣ съ ма-

стикой и бочкѣ пальмоваго вина, и велѣлъ сказать повелителю Еѳіоповъ, что хочетъ быть его другомъ и посылаетъ ему все такія вещи, въ которыхъ и самъ находитъ свою лучшую отраду. Еѳіопъ тотчасъ же отгадалъ въ послахъ лазутчиковъ и не принялъ предложенной дружбы, замѣтивъ, что сильное желаніе Персидскаго Царя сдѣлать рабами людей, никогда не оскорблявшихъ его, безчестно. Потомъ онъ взялъ большой лукъ и сказалъ: «Отдайте этотъ лукъ Персидскому Царю и скажите, что онъ тогда только можетъ итти на меня войною, съ превосходными силами, когда натянетъ его, а до тѣхъ поръ пусть молится богамъ, что они не внушали Еѳіопамъ мысли покорять своей землѣ чужую». Онъ взялъ и пурпуровую одежду и спросилъ, что это такое и какъ сдѣлано? — Когда ему объяснили, что это крашеное, онъ отвѣчалъ, что въ Персидскомъ Царствѣ обманчивы не только люди, но и платья ихъ. Такъ судилъ и о мастикѣ. Разсматривая золотые браслеты и цѣпочку на шею, онъ со смѣхомъ вскричалъ: «У насъ крѣпче цѣпи, чѣмъ у этѣхъ людей». Но подошедши къ пальмовому вину и отвѣдавъ его, онъ въ полномъ удовольствіи спросилъ: «какъ дѣлаютъ этотъ напитокъ, что ѣстъ Царь, и сколько времени живутъ Персы»? Послы сказали ему, что Персы питаются главное хлѣбомъ, котораго свойство и приготовленіе надобно было объяснять ему, и живутъ по самой большей мѣрѣ до 80 лѣтъ. «Это совсѣмъ не удивляетъ меня, возразилъ Еѳіопъ: они питаются грязью, и едва ли бы жили такъ долго, если бы не подкрѣпляли себя напиткомъ». И лазутчики также освѣдомились о пищѣ и продолжительности жизни Еѳіоповъ: они получили отвѣтъ, что большая часть между ними доживали до 120 лѣтъ, а нѣкоторые и долѣе: ихъ кушанье — вареное мясо, а питье молоко. Свою глубокую старость они приписываютъ всего больше купанью въ ручьѣ, котораго вода мягка, какъ масло, и издаетъ пріятный запахъ, точно фіялка. Послы посѣтили также и городскую тюрьму и увидали, что оковы на заключенныхъ золотыя, потому что золота находятъ здѣсь вдоволь, а мѣдь рѣдка и дорога. Очень страннымъ нашли они способъ погребенія у Еѳіоповъ. Каждый трупъ, высушивъ его напередъ, они покрываютъ гипсомъ, посредствомъ окраски стараются дать ему прежнюю наружность и ставятъ его потомъ въ пустой хрустальный столбъ, откуда онъ виденъ со всѣхъ сторонъ. Этотъ столбъ ближніе род-

ные хранятъ цѣлый годъ у себя въ домѣ, гдѣ и приносятъ въ жертву умершему первыя доли всего, потомъ выносятъ его за городъ и ставятъ тамъ. Когда лазутчики вернулись къ Камбизу и разсказали ему, что видѣли и слышали, онъ запылалъ бѣшеннымъ гнѣвомъ и съ большимъ войскомъ пошелъ на Ееіоповъ; однако жъ, не сдѣлавъ еще и половины дороги, какъ съѣстные припасы всѣ вышли, и въ войскѣ сталъ свирѣпствовать такой страшный голодъ, что солдаты выбрали по жеребью десятаго человѣка и съѣли. Тогда только, замѣтивъ, наконецъ, свою глупость, Персидскій Царь поспѣшилъ вернуться назадъ, изъ опасенія, чтобы солдаты его не пріѣли другъ друга, и на будущее время не тревожилъ Ееіоповъ.

Ееіопами оканчиваются замѣчанія Геродота объ Африкѣ. Не смотря на то, что часто перемѣшаны съ баснями, они все же сохраняютъ для насъ безцѣнное достоинство, по тому что безъ нихъ мы знали бы или очень мало о прежнемъ состояніи этой части свѣта, или совсѣмъ ничего. Передъ тѣмъ, какъ оставить ему Египетъ, онъ посѣтилъ еще берегъ Чермнаго моря и заставлялъ разсказывать себѣ о жителяхъ и замѣчательностяхъ Аравіи: самъ онъ никогда не ходилъ въ эту страну; иначе его извѣстія въ этомъ случаѣ имѣли бы, безъ сомнѣнія, болѣе точности и не были бы обезображены баснями. Для него Аравія самая крайняя изъ всѣхъ странъ на югѣ; а такъ какъ, по его мнѣнію, окраинѣ земли дано все лучшее, то и Аравія лучше всѣхъ странъ, по тому что въ ней растетъ смирна, мирра, кассія, корица и ладанъ. Но Арабъ долженъ со многими опасностями доставать всѣ эти драгоцѣнные предметы торговли; благовонныя деревья стерегутъ крылатыя пестрыя змѣи, которыя хоть и не большія, но за то ихъ удивительно много; когда Арабы хотятъ достать кассіи (родъ корицы), они обвиваютъ себѣ кожей все тѣло, кромѣ однихъ глазъ, по тому что въ озерѣ, гдѣ растетъ кассія, живутъ зловредныя летучія мыши; эти послѣднія собираютъ самымъ чуднымъ образомъ тѣ стружки, которыя называются корицей. Изъ страны, не извѣстной хорошо и самимъ Арабамъ, родины Бакуса (слѣдов., изъ Индіи), большія птицы приносятъ эту корицу, вмѣстѣ съ грязью, въ свои гнѣзда, которыя вьютъ на крутыхъ утесахъ. Чтобы достать ее оттуда, прибѣгаютъ къ хитрости: нарѣ-

жутъ мяса павшихъ воловъ, ословъ и другихъ большихъ дворовыхъ животныхъ, и положатъ его внизу у утесовъ; птицы тотчасъ же прилетятъ и жадно потащатъ куски въ гнѣзда, которыя не могутъ сдержать этой тяжести и падаютъ внизъ. Тогда-то Арабы и похищаютъ корицу, а отъ нихъ она расходится и по другимъ землямъ. И ладанъ (вѣроятно, бизамъ) также чуднаго происхожденіи: это самое душистое изъ всѣхъ веществъ, какія только есть, идетъ отъ самаго зловоннаго, по тому что находится въ бородахъ у козловъ и выступаетъ на нихъ каплями, точно смола на деревѣ. Изъ этѣхъ нелѣпыхъ сказокъ видно, что Арабы съ намѣреніемъ скрывали источники своего богатства и облекали въ басни способы происхожденія и добыванія предметовъ своей торговли, которыхъ всѣ такъ искали. Въ Аравіи есть также двѣ странныя породы овецъ, какихъ не встрѣтить нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. У одной породы хвосты не меньше трехъ аршинъ длиною: если дать имъ тащиться, они совсѣмъ изотрутся о землю до крови; отъ того-то (какъ и теперь еще дѣлаютъ на Востокѣ) каждой овцѣ привязываютъ подъ хвостъ колесцо, на которомъ она и таскаетъ его. А у другой породы овецъ хвосты шириною въ аршинъ.

Арабы покланяются только двумъ богамъ: Бакусу и Венерѣ-Ураніи; стригутъ и волосы на головѣ, какъ, утверждаютъ они, стригся Бахусъ, именно, въ видѣ вѣнка кругомъ висковъ. Бахуса зовутъ они Уроталъ (Эратъ-аллахъ, богъ огня), Венеру—Алилатъ (Аллатъ—богиня). Договоры соблюдаютъ свято: когда двое заключаютъ союзъ, третій, стоящій между ними, сдѣлаетъ имъ острымъ камнемъ разрѣзъ на большомъ пальцѣ руки, потомъ вынимаетъ по ниткѣ изъ платья у каждаго, кровью ихъ кропитъ семь камней, между ними лежащихъ, призывая при томъ упомянутыхъ боговъ и представляетъ чужеземца, или согражданина, прочимъ соплеменникамъ, которые чрезъ это также обязываются держать данное слово. Въ этомъ описаніи нельзя не узнать стариннаго обряда кровнаго союза, какъ извѣстно, существовавшаго у Арабовъ пустыни.

Изъ Египта Геродотъ возвращался на родину сухимъ путемъ, черезъ Палестину, Финикію и Сирію, и посѣтилъ Кадитисъ (можетъ быть, Іерусалимъ) и Тиръ, но въ этомъ городѣ прожилъ не долго, либо тамъ не успѣлъ узнать у недовѣрчивыхъ Финикіянъ ни какихъ подробностей объ ихъ иноземныхъ владѣніяхъ и торговлѣ; въ противномъ случаѣ извѣстія его о западномъ берегѣ Европы и Африки, безъ сомнѣнія, не вышли бы такія чрезвычайно скудныя. Многостранствовавшій мужъ, кажется, не нашелъ на родинѣ того, что отвѣчало бы его желаніямъ: онъ присталъ къ высланнымъ изъ Аѳинъ поселенцамъ, основавшимъ около 444-го года до Р. Х. городъ Туріумъ въ Нижней Италіи (близъ нынѣшней Террануова, области Калабріи Читеріоре). Здѣсь, изъ матеріяловъ, имъ собранныхъ въ дальнихъ странствованіяхъ, онъ создалъ то превосходное историческое произведеніе, которое справедливо пользуется извѣстностью одного изъ самыхъ важныхъ сокровищъ, оставшихся намъ отъ древности. Отсюда, уже въ глубокой старости, онъ посѣтилъ большую часть городовъ Нижней Италіи и Сициліи, однако жь уже не съ такимъ усердіемъ занимался собираніемъ извѣстій: въ тогдашнее время это не было такъ легко въ западной части извѣстнаго свѣта, обитаемой дикими народами, какъ въ восточной, средѣ образованности. Берега Иллиріи, Италіи и Испаніи, острова Корсика и Сардинія, торговые города Гадейръ и Тартесъ на западномъ Испанскомъ берегу, гдѣ жили Кельты, извѣстны ему по слухамъ и только недостаточно, но Рима, который, впрочемъ, старался уже въ это время распространять свое владычество и заключалъ торговые договоры съ Карѳагенянами, онъ не называетъ даже по имени — доказательство, какъ мало входили Греческія поселенія въ сношенія съ жителями внутренней страны, которыхъ считали варварами. О самыхъ крайнихъ странахъ Сѣверо-западной Европы онъ не въ состояніи сказать что ни будь положительное: знаетъ только, что оттуда приходитъ олово и янтарь, однако жь очень сомнѣвается, рѣка ли Эриданъ (По) доставляетъ янтарь, и есть ли острова, гдѣ добывается олово: эти извѣстія онъ лучше считаетъ мечтами поэтической фантазіи.

Геродотъ, съ своей точки зрѣнія, судитъ, какъ человѣкъ разумный, спокойно размышляющій, дающій вѣру только тому, что

воЂми и приводитъ къ неестественнымъ распутствамъ. Это особливо бываетъ у Египтянъ и Ливійцевъ.

Иначе бываетъ у народовъ, живущихъ вправо отъ солнечнаго восхода до Меотійскаго озера (Азовскаго моря), на границѣ между Азіею и Европою; между ними гораздо больше разницы отъ вліянія погоды и естественныхъ условій страны. Какъ бываетъ съ людьми, такъ и съ почвой: по тому что тамъ, гдѣ времена года мѣняются часто и рѣзко, она очень дика и разнообразна, рядомъ съ большими равнинами встрѣчаются также многія, поросшія лѣсомъ, горы; но гдѣ времена года мѣняются мало, также очень ровна и почва. Вліяніе этой разницы на жителей легко замѣтно для прилежнаго наблюдателя; по тому что нѣкоторые изъ нихъ по своей природѣ походятъ на обильную водою, поросшую лѣсомъ гористую страну, другіе на болотистую луговую полосу, а третьи на обнаженныя, выжженныя равнины.

И наружный видъ такихъ людей представляетъ много различій, часто очень рѣзкихъ, имѣющихъ начало или въ самой природѣ, или въ народныхъ обычаяхъ. Такъ Макрокефалы (остроголовые) на сѣверномъ берегу Малой Азіи получили названіе отъ необыкновенной длины своихъ головъ, чѣмъ отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ. Сначала эта несоразмѣрность была только дѣломъ обычая: тамъ считали всѣхъ благороднѣе такихъ людей, у которыхъ самыя длинныя головы, и для того голову новорожденнаго ребенка сдавливали вдоль руками, повязками и орудіемъ. Позднѣе, когда обычай уже вышелъ изъ употребленія, такая форма головы распространилась отъ родителей между дѣтьми. Еще поразительнѣе доказательство представляютъ жители береговъ Фазиса (Ріона), на восточномъ берегу Чернаго моря. Страна у нихъ болотистая, знойная, сырая и поросшая лѣсомъ; во всякое время года идутъ проливные дожди. Жилища, выстроенныя у нихъ изъ дерева, или тростника, стоятъ посреди болотъ; рѣдко ходятъ они пѣшкомъ изъ одного мѣста въ другое, а ѣздятъ туда и сюда по каналамъ, пересѣкающимъ ихъ страну, на маленькихъ челнокахъ изъ цѣльныхъ кусковъ дерева. Питье у нихъ стоячая вода, гнилая отъ жаровъ, растворенная дождями; не лучше она и въ Фазисѣ, которой течетъ чрезвычайно медленно. Благодаря такой чрезвычайной сырости почвы, очень часто покрытой густымъ туманомъ,

шествіяхъ въ Азію, Европу, можетъ быть, также и въ Африку. По возвращеніи, онъ лѣчилъ и изучалъ съ блестящимъ успѣхомъ Медицину и показалъ свои свѣдѣнія, собранныя съ остроуміемъ и дальновидностью, въ многочисленныхъ сочиненіяхъ. Онъ умеръ въ 396 г. до Р. Х., образовавъ многихъ способныхъ учениковъ. Убѣжденный во вліяніи воздуха, вѣтровъ и воды на господствующія болѣзни, онъ особливо приглашалъ лѣкарей къ старательнымъ изслѣдованіямъ положенія и природы тѣхъ мѣстъ, гдѣ они упражняются въ своей наукѣ, и указывалъ имъ въ большомъ размѣрѣ разницу климатовъ относительно здоровья. Мы считаемъ его замѣчанія самымъ древнѣйшимъ опытомъ физической Географіи, и сообщаемъ сдѣсь главное изъ нея тѣмъ охотнѣе, что въ описаніяхъ по Этнографіи и Географіи говорятъ о томъ только изрѣдка.

Между Европою и Азіею (къ которой Гиппократъ относитъ также и Египетъ и Ливію, слѣдуя старинному Гомерову мнѣнію) существуетъ большая разница, какъ относительно земныхъ произведеній, такъ и людей. Въ Азіи все растетъ красивѣе и роскошнѣе, чѣмъ въ Европѣ; тамошній климатъ пріятнѣе, нравы жителей мягче и уступчивѣе. Причина такого явленія — равномѣрное состояніе воздуха годовыхъ временъ, по тому что Азія лежитъ къ востоку, посреди солнечнаго восхода, въ одинаковомъ удаленіи отъ жара и холода, отъ чего и все остается въ равновѣсіи и растительность идетъ успѣшно. Это, однако жъ, имѣетъ значеніе не для всей Азіи: одна только средняя полоса между жаромъ и холодомъ — самая плодоносная и изобильная деревьями: только сдѣсь дышатъ чистымъ, пріятнымъ воздухомъ, только сдѣсь вода, течетъ ли она изъ облаковъ, или изъ земли, для питья превосходна. Почву не изнуряютъ сдѣсь ни жары, ни сильные холода: она ни слишкомъ суха, по недостатку въ водѣ, ни слишкомъ сыра отъ сильныхъ проливныхъ дождей, или снѣговъ. Всѣ плоды, дикіе ли они, или разводятся въ садахъ, растутъ сдѣсь прекрасно; также и сдѣшній скотъ долженъ быть многочисленнѣе, плодовитѣе и лучше. Люди хорошо ѣдятъ, отличаются красивымъ и стройнымъ станомъ и вообще кажутся похожѣе другъ на друга; за то у нихъ недостатокъ въ мужествѣ, въ постоянномъ трудолюбіи и въ силѣ переносить трудности. Сластолюбіе беретъ безусловную власть надо

подъ именемъ Савроматовъ и живущій на Меотійскомъ озерѣ. Женщины этого племени ѣздятъ верхомъ, владѣютъ лукомъ, метаютъ дротики и ходятъ на войну, пока еще не замужемъ; а вышедши замужъ, что бываетъ тогда только, когда онѣ убьютъ троихъ враговъ, уже не принимаютъ ни какого участія въ битвахъ, если не потребуетъ крайняя нужда. У нихъ нѣтъ правой груди, по тому что матери выжигаютъ ее у молоденькихъ дѣвочекъ раскаленнымъ желѣзомъ, искусно сдѣланнымъ для того, чѣмъ самымъ и не даютъ ей расти больше и всю силу отводятъ въ правое плечо и правую руку.

Такъ называемая Скиѳская пустыня—широкая, обильная зеленью, но не очень орошенная, равнина, по тому что вода течетъ въ большихъ рѣкахъ, пробѣгающихъ эту равнину. Ее населяютъ Скиѳы: ихъ называютъ кочевниками, по тому что они живутъ не вмѣстѣ въ городахъ и мѣстечкахъ, а на телѣгахъ, поставленныхъ на 6-ти, или, по крайней мѣрѣ на 4-хъ колесахъ; онѣ плотно обтянуты кругомъ войлоками, не пропускающими ни дождя, ни снѣга, и устроены точно домы: Есть съ двумя и тремя отдѣленіями; есть и съ однимъ. Смотря по величинѣ, ихъ возятъ двѣ, или три, пары воловъ, которые, впрочемъ, безрогіе, по причинѣ тамошней стужи; на этѣхъ телѣгахъ живутъ женщины съ дѣтьми; мужчины провожаютъ ихъ верхомъ, за ними слѣдуютъ стада рогатаго скота и кобылъ. На одномъ мѣстѣ остаются они только до тѣхъ поръ, пока достаетъ травы для скота, а потомъ ѣдутъ дальше. Они питаются большею частію мясомъ скота, которое ѣдятъ только вареное, и молокомъ кобылъ, изъ котораго приготовляютъ родъ сыра, называемаго у нихъ гиппакъ.

Что касается перемѣны годовыхъ временъ въ Скиѳіи, большаго сходства ея обитателей въ чертахъ лица, малой плодовитости людей, также и звѣрей, которыхъ тамъ совсѣмъ не много, притомъ они и меньше растутъ, причины этѣхъ явленій опять надобно искать въ мѣстности страны. Скиѳія лежитъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ и у Рифейскихъ горъ, откуда дуетъ сѣверный вѣтеръ. Солнце приближается къ этой странѣ только во время своего лѣтняго поворота и проливаетъ тогда нѣкоторую теплоту, притомъ на короткое время, вѣтры изъ жаркихъ краевъ юга доносятся сюда только изрѣдка и бываютъ сдѣсь не сильны. За то

холодные вѣтры съ сѣвера, съ покрытыхъ снѣгами горъ дуютъ постоянно чрезъ ледовитыя, сырыя пространства; густой туманъ покрываетъ днемъ всю равнину; жители постоянно живутъ въ сырости и всегдашней зимѣ, по тому что лѣто продолжается нѣсколько дней и довольно жарко, по причинѣ высокаго положенія равнины, притомъ еще не ограждаемой горами. Животныя такъ мелки, что могутъ прятаться подъ землю и тамъ искать себѣ защиты отъ зимы, мѣшающей ихъ развитію. Времена года не представляютъ ни какихъ рѣзкихъ перемѣнъ и почти похожи другъ на друга, отъ того и однообразіе, замѣчаемое въ наружномъ видѣ и образѣ жизни Скиѳовъ, по тому что зимою и лѣтомъ они носятъ одно и то же платье и питаются все тою же дрянью. Дышатъ густымъ, сырымъ воздухомъ, пьютъ снѣговую и ледяную воду и проживаютъ жизнь въ лѣнивой безпечности. По вліянію всѣхъ такихъ причинъ, тѣло у нихъ жирѣетъ и расплывается, такъ что едва можно распознать колѣнки, натура у нихъ слабая и изнѣженная. Отверстія на тѣлѣ, особливо отверстія живота, изобилуютъ влагой, потому что въ такомъ климатѣ, да при такой природѣ, этѣ отверстія не могутъ просыхать, какъ должно Оба пола имѣютъ рѣзкое сходство, по причинѣ одинаковой тучности и общаго недостатка волосъ на поверхности кожи. Избытокъ влажности въ тѣлѣ у Скиѳовъ очевиденъ также изъ того, что большая часть ихъ, особливо кочевники, прижигаютъ себѣ тѣло на плечахъ, рукахъ, ручныхъ кистяхъ, также на груди и ляшкахъ: это дѣлаютъ они, чтобы удалить такимъ образомъ влагу изъ суставовъ, до того обезсиливающую ихъ тѣла, что они не въ состояніи ни натягивать лука, ни бросать дротика, и чтобы придать мускуламъ больше силы, крѣпости и гибкости. Впрочемъ, и сидячій образъ жизни помогаетъ ихъ раздутости, какъ можно замѣтить у женщинъ, которые еще гораздо дороднѣе мущинъ. И дѣти постоянно сидятъ въ телѣгахъ, пока не пріучатся ѣздить верхомъ, и мало ходятъ пѣшкомъ, по тому что безпрестанно кочуютъ. Большая часть Скиѳовъ грязно-желтаго цвѣта, по тому что солнце сдѣсь не довольно жарко и стужа портитъ кожу и имѣетъ вредное дѣйствіе на бѣлизну ея.

Что касается прочихъ народовъ Европы, они очень различаются другъ отъ друга ростомъ и наружностью, потому что у

8

нихъ перемѣна годовыхъ временъ рѣзкая и разнообразная: сильные жары, суровыя зимы; проливные дожди слѣдуютъ за продолжительной засухой; часто вѣтры, дующіе по всѣмъ направленіямъ, дѣлаютъ этѣ перемѣны еще рѣзче и неправильнѣе. Это качество погоды необходимо дѣлается замѣтнымъ и въ нравахъ: отъ того у Европейцевъ суровый, необщительный и смѣлый характеръ, по тому что въ такомъ климатѣ, какъ у нихъ, частыя душевныя потрясенія дѣлаютъ человѣка суровымъ и сглаживаютъ съ него кротость и пріятность; но по той же причинѣ они храбрѣе Азіятцевъ, отъ того что у нихъ духъ и тѣло способнѣе къ труду и усиліямъ, а благодаря тому, естественно увеличивается и самоувѣренность и мужество. Ихъ гражданское устройство также не мало помогаетъ такой воинственности, по тому что они управляются своими законами, а не деспотами, какъ Азіятцы.

Всѣ Европейцы, живущіе въ высокихъ, бѣдныхъ водою, гористыхъ странахъ, и чувствующіе рѣзкую перемѣну годовыхъ временъ—высокіе, отважные и трудолюбивые люди, но за то обыкновенно имѣютъ дикіе и суровые нравы. Жители низкихъ, обильныхъ травою и знойныхъ, долинъ, подверженные больше теплымъ, чѣмъ холоднымъ, вѣтрамъ, и употребляющіе теплую воду, ни высокорослы, ни хорошо сложены, а скорѣе толсты и мясисты; у нихъ черные волосы и цвѣтъ лица больше темный, нежели бѣлый; отъ природы ни мужественны, ни трудолюбивы, но могутъ быть такими подъ руководствомъ хорошихъ законовъ. Если протекаютъ по такой странѣ рѣки, служащія отводомъ для болотной и дождевой воды, жители здоровы и пріятнаго вида; если же у нихъ нѣтъ рѣкъ и питье ограничивается колодезною и болотною водой, они получаютъ толстые животы и ипохондрическіе припадки. Жители высокихъ долинъ, обильныхъ водою и подверженныхъ вѣтрамъ, высоки ростомъ и очень похожи другъ на друга; у нихъ замѣчаютъ болѣе кроткіе нравы, но за то меньше мужества. У обитателей тощихъ, безплодныхъ полосъ земли, гдѣ времена года мѣняются часто, сухое и крѣпкое тѣлосложеніе, волосы больше русые, нежели черные, и гордый, упрямый характеръ.

Свойство почвы имѣетъ важное вліяніе, которое вездѣ съ точностью можно показать на жителей. Вездѣ, гдѣ почва тучна, мягка и влажна, воды мелки, слѣдовательно, лѣтомъ тепло, а зи-

мою холодно, и гдѣ, сверхъ того, перемѣна годовыхъ временъ не рѣзкая, тамъ люди тучны, слабы въ суставахъ, сыраго сложенія, лѣнивы, сонливы, жестки, слабоумны и мало расположены къ искуствамъ. А гдѣ зимою суровая стужа имѣетъ вліяніе на почву, заставленную лѣсомъ и горами, а лѣтомъ палящій зной,— тамъ у людей тѣло сильное, тощее, жилистое, гибкое и покрытое волосами; тамъ они неутомимо трудолюбивы, дѣятельны, проворны, но также и горды, расположены къ гнѣву и задорливы, вообще болѣе суроваго, нежели кроткаго нрава; впрочемъ, у нихъ проницательный умъ, большія способности къ наукамъ и искуствамъ и страсть къ войнѣ.

Но это вліяніе почвы простирается не только на людей, но и на всѣхъ животныхъ и всякія произведенія: придерживаясь его, какъ принятаго за истину общаго правила, не легко ошибиться при сужденіи объ отдѣльныхъ явленіяхъ.

СТРАБОНЪ.

Благодаря изумительно быстрымъ завоеваніямъ Римлянъ, въ трехъ частяхъ извѣстнаго свѣта, система государствъ, утвердившаяся по смерти Александра, распалась, и географическое разграниченіе отдѣльныхъ странъ должно было уступить мѣсто новому, любимому побѣдителями, раздѣленію на области. Отдѣльныя, прежде только мало, или совсѣмъ не извѣстныя, земли, каковы: Испанія, Галлія, Британія и Германія, доставили обильный матеріялъ для распространенія Географіи и Этнографіи, и необходимость усвоить богатство науки, добытое мечомъ, становилась все ощутительнѣе, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не пособило ей столько же обширное, какъ и заманчивое произведеніе.

Страбонъ, творецъ этого произведенія, объ утратѣ котораго намъ, къ счастію, сожалѣть не нужно, происходилъ изъ одного знатнаго семейства города Амасіи въ Малой Азіи и родился около 60-го года до Р. Х. Онъ получилъ очень заботливое воспитаніе: въ Малой Азіи, увѣряетъ онъ самъ, едва ли былъ извѣстный учитель, котораго бы онъ не слушалъ. По окончаніи ученія, онъ

старался удовлетворить свою любознательность въ путешествіяхъ: сначала отправился въ Египетъ, гдѣ, подружившись съ Намѣстникомъ, Эліемъ Галломъ, прошелъ съ нимъ эту страну до Еѳіопіи; послѣ того обошелъ Малую Азію, часть Восточной Азіи, посѣтилъ сѣверный берегъ Африки и почти всѣ острова Средиземнаго моря, хорошо ознакомился съ Греціей и великою полосою верхней Италіи; отъ того онъ и хвалится, что въ путешествіяхъ къ западу отъ Арменіи до границъ Этруріи и къ югу отъ Чернаго моря до Еѳіопіи видѣлъ болѣе странъ, нежели всѣ Географы до него. При такихъ преимуществахъ надобно сожалѣть объ его предубѣжденіи ко многимъ древнѣйшимъ писателямъ, каковы Геродотъ и Пиѳій, о которыхъ онъ постоянно судитъ, какъ о лжецахъ, чего они, конечно, не заслужили, какъ и видѣли мы при изложеніи ихъ сочиненій. У Страбона вовсе нѣтъ собственной географической системы: на него вообще надобно смотрѣть, какъ на разборчиваго компилянта, а не какъ на геніяльнаго двигателя науки; онъ слѣдуетъ системѣ Эратосфена съ нѣкоторыми позднѣйшими ея поправками, какія оказались сами собою, благодаря распространенію Географіи въ западной Европѣ, и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ для насъ мнѣнія Эратосфена, котораго твореній уже нѣтъ.

По этой системѣ, полученной чрезъ сравненіе и сличеніе всѣхъ прежнихъ наблюденій, небо и земля шаровидны; ось и средоточіе у нихъ одни и тѣ же; къ средѣ стремится все тяготѣющее; кругомъ оси обращается все небо со всѣми неподвижными звѣздами, съ востока на западъ, въ одинаковомъ разстояніи отъ полюсовъ. Неподвижныя звѣзды движутся по параллельнымъ кругамъ, а планеты такъ же, какъ солнце и мѣсяцъ, по кривой линіи. Экваторъ пересѣкаетъ небо и землю и раздѣляетъ ихъ на два равныя полушарія, сѣверное и южное; въ сѣверномъ находится обитаемая земля. Представляютъ себѣ землю раздѣленною на 5-ть поясовъ; на ней экваторъ и параллельно съ нимъ другую линію, которая служитъ предѣломъ сѣвернаго климата въ сѣверномъ полушаріи и пересѣкается подъ прямымъ угломъ третьею линіею, проведенною черезъ полюсы. Такъ какъ сѣверное полушаріе заключаетъ въ себѣ двѣ четверти земли, которыя экваторъ отрѣзываетъ у круга, проведеннаго черезъ полюсы, то по обѣимъ

сторонамъ этого полушарія принимаютъ четвероугольную плоскость, которой сѣверная сторона—половина сѣвернаго параллельнаго круга, а южная — половина экватора: обѣ другія стороны плоскости — отрѣзы круга, проведеннаго черезъ полюсы; онѣ противоположны одна другой, но одинаковой длины. На одной изъ этѣхъ плоскостей лежитъ обитаемая нами земля, обтекаемая моремъ и похожая на островъ. Слѣдовательно, населенная земля занимаетъ не полную четвертую часть земнаго шара, по тому что надобно отнять отъ него не только самую сѣверную оконечность, отрѣзанную до полюса сѣвернымъ параллельнымъ кругомъ, но до половины его отходитъ еще на океанъ, который вливается въ нее съ запада и востока, и вычесть песчаныя степи и пустыни, лежащія подъ экваторомъ и необитаемыя по причинѣ палящаго зноя, такъ что не останется и восьмой части цѣлаго. Населенную часть земнаго шара называютъ умѣреннымъ поясомъ, сѣверный отрѣзъ до полюса, по причинѣ великой тамошней стужи,— ледянымъ, а южную, не обитаемую отъ сильнаго зноя, полосу — сожженнымъ поясомъ. Послѣдній также переходитъ за экваторъ въ южное полушаріе, на такое же разстояніе, на какое простирается въ сѣверномъ полушаріи; къ нему примыкаетъ опять умѣренный, а за нимъ слѣдуетъ ледяной поясъ до южнаго полюса, такъ что вообще можно считать 5 поясовъ. Въ южномъ умѣренномъ поясѣ, можетъ быть, есть и обитаемая земля, можетъ быть, есть она и на другой сторонѣ земнаго шара. Четвероугольникъ, въ которомъ находится обитаемая земля, по своему, уже показанному, разграниченію, походитъ на усѣченный конусъ; тотъ же видъ должна имѣть и сама населенная земля, и всего лучше сравнить ее съ плащомъ, стянутымъ у воротника и очень расширеннымъ книзу. Длина ея простирается почти на 70,000 стадій (1750 миль), а ширина въ срединѣ, гдѣ она найболѣе растянута, на 30,000 стадій (750 миль). Окружность всего земнаго шара, по исчисленіямъ, въ которыя мы здѣсь не будемъ входить подробнѣе, принимаютъ въ 250,000 стадій (6250 миль).

Самую большую долготу населенная земля имѣетъ подъ меридіаномъ, проведеннымъ черезъ островъ Родосъ; къ востоку она достигаетъ до Тине (Китая), къ западу — до Св. мыса въ Испаніи. Западный берегъ Европы тянется въ сѣверо-восточномъ на-

правленіи до устьевъ Рейна, и напротивъ этого берега, на которомъ помѣщаются Испанія и Галлія, лежитъ Британія, а къ сѣверу отъ него островъ Іерне (Ирландія). Этотъ островъ еще отчасти населенъ, но природа уже теряетъ сдѣсь свою силу, а еще сѣвернѣе она умираетъ. Съ восточной стороны земли тянется съ сѣверо-западу океанъ, кругомъ страны самыхъ крайнихъ Скиѳовъ до устьевъ Каспійскаго моря (которое послѣ опять соединили съ океаномъ; хотя еще и Геродотъ описываетъ его внутреннимъ озеромъ), и оттуда на западъ по Сѣверо-Германскому берегу до Рейна. Находятся ли страны сѣвернѣе — неизвѣстно: во всякомъ случаѣ онѣ необитаемы. Точно такъ же южная половина земли идетъ къ югу, хотя западный берегъ Африки склоняется къ юго-востоку до тѣхъ поръ, пока почти въ 8800 стадіяхъ (220 миляхъ) къ сѣверу отъ экватора не пріиметъ восточнаго направленія, а потомъ опять идетъ къ сѣверо-востоку до Аравійскаго залива. Нѣсколько сѣвернѣе южной оконечности Африки простирается южный Азіятскій берегъ, отъ Аравіи до Индіи, почти подъ одною же чертою къ востоку, потомъ начиная съ пункта, противъ котораго лежитъ островъ Тапробане (Цейлонъ), идетъ къ сѣверо-востоку до устья Ганга, и оттуда, послѣ короткаго изгиба къ востоку, въ томъ же направленіи до Тинѣ.

Описаніе Европы Страбонъ начинаетъ съ Иберіи (Испаніи), и хотя даетъ этой странѣ неправильную форму, однако жь довольно точно изображаетъ ея природу и жителей. Южная часть Испаніи, называемая Бетика, богата золотомъ, серебромъ, пшеницею, виномъ, масломъ, и тонкою шерстью, красуется прекрасными городами, между которыми сильнѣе всѣхъ древній Гадесъ; она населена Турдитанами, трудолюбивымъ, образованнымъ народомъ, котораго имя, можетъ быть, переиначенное, подало поводъ къ сказаніямъ о богатомъ Тартесѣ. Лузитане, съ которыми познакомилъ насъ Полибій, * жили между Тайо и Дуеро, и съ такимъ же трудомъ, какъ и сѣвернѣе въ горахъ живущіе Галланки (Галиційцы) и Кантабры, подчинились Римскому игу; легче привыкли къ Римскому быту, по разореніи ихъ крѣпостей,

* Біографія Полибія не помѣщена сдѣсь.

Кельтиберы, потомки завоевателей этой страны, утвердившіеся между Тайо и Эбро. Испанскій берегъ, обращенный къ Средиземному морю, всего больше обогатился отъ ремеслъ и торговли и былъ покрытъ цвѣтущими городами. Противъ этого берега лежатъ Гимнезіи (Балеарскіе острова), которыхъ жители славились изстари, какъ превосходные пращники. Они еще съ дѣтства упражнялись въ этомъ искуствѣ и не прежде получали хлѣбъ, пока не попадутъ въ цѣль. Почва этѣхъ обоихъ острововъ очень плодоносна и имѣетъ еще то преимущество, что сдѣсь нелегко повстрѣчать опасныхъ звѣрей. Даже кролики—не тамошніе урожденцы, а перенесены были съ Испанскаго берега и такъ развелись отъ одной пары, что подкапывали и разрушали дома и деревья, и принудили жителей позвать на помощь Римское войско. Теперь ловкость жителей въ звѣриной охотѣ не даетъ больше разводиться этому бичу, и поля вездѣ обработываются съ хорошимъ успѣхомъ. Къ Сѣверу отъ гавани Артабровъ (Коруньи), въ открытомъ морѣ, лежатъ оловянные острова (Сциллы), числомъ десять, близко другъ отъ друга. Одинъ изъ нихъ не обитаемъ, на прочихъ находятъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья, достающія до земли, съ поясами около груди и палками въ рукахъ. Они получаютъ пищу большею частію отъ скотоводства и вымѣниваютъ у заѣзжающихъ къ нимъ купцовъ глиняную посуду, соль и желѣзныя орудія на свинецъ и олово, которыхъ у нихъ вдоволь.

Галлія, примыкающая съ сѣвера къ Испаніи, также прекрасна и плодоносна: по ней протекаютъ безчисленныя рѣки, впадающія отчасти въ океанъ, отчасти въ Средиземное море: онѣ очень облегчаютъ внѣшнюю и внутреннюю торговлю. Страбонъ начертилъ для себя не совсѣмъ правильное изображеніе фигуры этой страны, по тому что заставляетъ Рейнъ, составляющій ея границу, протекать параллельно съ Пиринеями, по срединѣ ставитъ Севенны и слишкомъ много растягиваетъ къ западу полуостровъ Бретань. Весь Галльскій народъ воинственнаго расположенія, храбръ и всегда готовъ на войну, однако жь честенъ и къ тому же не золъ. Вызванные на войну, они идутъ въ бой толпами, такъ смѣло и безъ всякихъ предосторожностей, что легко попадаютъ въ руки непріятеля, прибѣгающаго къ воен-

ной хитрости, по тому что онъ находитъ ихъ вездѣ и во всякое время, когда только захочетъ, готовыми на отчаянное предпріятіе, въ которое они ничего не берутъ съ собою, кромѣ силы и отваги. Нынѣ, послѣ покоренія ихъ Римлянами, они живутъ смирно и слушаются приказаній своихъ побѣдителей, однако жь все еще не утратили храбрости и составляютъ лучшую часть Римской конницы. Многіе посвятили себя также и полезнымъ занятіямъ, даже ученію и наукамъ. Галлы отращиваютъ волосы на головѣ и носятъ на ногахъ особенное платье, именно широкіе панталоны, верхняя одежда открытая и доходитъ только до бедеръ; сверху накидываютъ плащъ изъ грубой туземной шерсти. Ихъ вооруженіе состоитъ въ длинномъ мечѣ, висящемъ на правомъ боку, длинномъ щитѣ, копьѣ и дротикѣ: нѣкоторые пользуются также пращами, лукомъ и стрѣлами. Спятъ на голой землѣ, а ѣдятъ сидя на подушкахъ; обыкновенная пища у нихъ молоко и мясо, особливо свинина, свѣжая и соленая. Свиньи всегда живутъ на открытомъ воздухѣ и отличаются ростомъ, силою и быстротою, и легко можно подвергнуться опасности, если подойти къ нимъ близко. Богатство въ стадахъ овецъ и свиней такъ велико, что они снабжаютъ шерстяными матеріями и солониной не только Римъ, но почти всю Италію. Жилища Галлы строятъ просторныя изъ досокъ и ивоваго плетня, въ видѣ купола, съ высокою кровлей. Пока они еще не стали подданными Римлянъ, Государственное устройство было у нихъ аристократическое: каждый годъ выбирали себѣ старшину, а при вспыхнувшей войнѣ — вождя. Когда кто ни будь перерветъ оратора въ народномъ собраніи и послѣ троекратнаго увѣщанія не замолчитъ, прислужникъ отрѣзываетъ ему такой большой кусокъ у плаща, что это платье дѣлается негоднымъ для носки. Въ высокомъ значеніи у нихъ барды — пѣвцы гимновъ, и поэты, предвѣщатели, которые приносятъ жертвы и наблюдаютъ природу, равнои друиды, которые ведутъ надзоръ за нравами и завѣдываютъ Государственными дѣлами. Вмѣстѣ съ главными добродѣтелями, простотою и храбростью, Галлы показываютъ также много неразумія, хвастовства и щегольства. На шею надѣваютъ золотыя цѣпи, на руки и ручные суставы пряжки; знатные носятъ разноцвѣтныя тканыя золотомъ платья. Суетность дѣлаетъ ихъ столько же надменными послѣ побѣды, сколько и приводитъ въ смуще-

ніе послѣ пораженія. Великое неразуміе они показываютъ въ жестокомъ обычаѣ, господствующемъ особливо у сѣверныхъ племенъ — отрѣзывать головы у убитыхъ непріятелей и вѣшать ихъ, вмѣсто трофеевъ, въ дверяхъ. Такъ же отвратителенъ былъ обычай приносить на жертву людей и дѣлать предвѣщанія по смертнымъ конвульсіямъ; Римляне теперь отмѣнили этѣ обычаи.

Противъ Галліи лежитъ Британія, трехугольный островъ, котораго самая большая сторона обращена къ Галльскому берегу и одинаковой величины съ нимъ. Она большею частію ровная и лѣсистая, во многихъ мѣстахъ перерѣзанная цѣпью холмовъ и богатая пшеницей, стадами, золотомъ, серебромъ и желѣзомъ. Какъ предметъ торговли, вывозятся рабы, кожи и собаки, которыхъ легко пріучить къ охотѣ; Галлы пользуются собаками и на войнѣ. Британцы больше Галловъ, менѣе рыжеволосы и мозгливаго сложенія, имѣютъ большею частію кривыя ноги, и плохо растутъ. Въ обычаяхъ много походятъ на Галловъ, но еще грубѣе и простоватѣе ихъ. Они совсѣмъ не знаютъ ни сельскаго хозяйства, ни садоводства; нѣкоторыя племена не умѣютъ даже и дѣлать сыръ, хоть молока у нихъ вдоволь. Они управляются особенными вождями, которые и начальствуютъ ими на войнѣ; оружія почти такія же, какъ и у Галловъ, да и сражаются они, какъ и тѣ, съ военныхъ колесницъ. Города строятъ посреди лѣсовъ: обносятъ заборомъ изъ срубленныхъ деревьевъ обширное круглое мѣсто и строятъ на немъ хижины себѣ и скоту, но никогда не остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ этой странѣ идетъ больше дождя, чѣмъ снѣгу, и даже въ сухое время дождь идетъ такъ долго, что цѣлый день солнце бываетъ видно только 3, или 4, часа около полудня. — Объ Іерне (Ирландіи) Страбонъ не умѣетъ разсказать ничего вѣрнаго, кромѣ того, что жители болѣе дики, чѣмъ Британцы, и по большой части питаются травой, ѣдятъ также человѣческое мясо и даже считаютъ похвальнымъ пожирать своихъ умершихъ родителей. Еще недостаточнѣе его замѣтки о Тулѣ; по тому что путешествіе Пиѳія онъ объявляетъ плетеницей лжей, слѣдуя своей системѣ, по которой земля можетъ быть населена только до Іерне.

Съ сѣвера Европы Страбонъ возвращается на югъ, къ Альпамъ; но описаніе этой горной цѣпи доказываетъ достаточно,

что она была извѣстна древнимъ очень несовершенно и только мѣстами. Страбонъ начинаетъ Альпы при Генуѣ и оканчиваетъ горами Окра (Бирнбаумскій лѣсъ). Прежде переходъ черезъ нихъ былъ очень труденъ и чрезвычайно небезопасенъ, по причинѣ хищниковъ жителей; Императоръ Августъ покушался сдѣлать этѣ дороги удобными для ходьбы, на сколько это казалось возможнымъ, и безопасными, истребляя разбойниковъ.

Но природа не дала вездѣ побѣдить себя, по причинѣ выдававшихся впередъ утесовъ и ужасныхъ стремнинъ, на которыхъ, при всякомъ оплошномъ шагѣ, подвергаются опасности свалиться въ бездонныя пропасти, по тому что дорога во многихъ мѣстахъ до того узка, что пѣшеходы и даже вьючныя животныя, не привычные къ такимъ тропинкамъ, получаютъ головокруженіе; тамошніе жители, однако жь, ходятъ, не заботясь о пропастяхъ, да притомъ еще носятъ тяжести. Впрочемъ, и имъ грозитъ опасностью паденіе огромныхъ ледяныхъ массъ (лавинъ), которыя часто увлекаютъ съ собою цѣлыя общества путешественниковъ и сбрасываютъ въ долины: тамъ лежитъ много пластовъ льда (ледники) другъ на другѣ, по тому что слои снѣга примерзаютъ къ другимъ, а въ теплую погоду легко отдѣляются отъ нижнихъ слоевъ, пока еще не разстаютъ отъ солнца.

У подошвы Альповъ начинается Италія, которой Страбонъ, слѣдуя принятой имъ ложно широтѣ Марсели и Сицилійскаго пролива, даетъ видъ косаго четвероугольника. Впрочемъ, его замѣчанія о каждой области и каждомъ городѣ этой страны, содержатъ много любопытнаго, но мы не можемъ входить во всѣ этѣ подробности, по тому что пишемъ не Географію. Верхнюю Италію онъ описываетъ очень плодородною страною, и живущіе сдѣсь Римляне, по его увѣренію, выше всѣхъ другихъ въ Италіи по богатству, по тому что обработанныя поля приносятъ много разныхъ плодовъ, и лѣса такъ богаты желудями, что Римъ, по большей части, снабжается тамошними свиньями. Благодаря хорошему орошенію Италіи, она также чрезвычайно богата просомъ, лучшимъ пособіемъ отъ голода, по тому, что оно растетъ во всякую погоду и на него никогда не бываетъ неурожая, хотя бы всякая другая жатва была и неудачна. Множество доставляемаго винограда показываютъ уже огромныя бочки, которыя

видны вездѣ и величиною больше домовъ. Плодородіе Верхней Италіи до сихъ поръ не уменьшилось, и значеніе этой страны даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилось въ ея пользу: широкія болота, упоминаемыя Страбономъ, черезъ которыя Аннибалъ съ такимъ большимъ трудомъ переводилъ свои войска, составляютъ теперь часть цвѣтущихъ нивъ кругомъ Пармы и Модены, и Равенна, которая, какъ и нынѣшняя Венеція, была построена среди лагунъ и имѣла вмѣсто улицъ каналы, теперь лежитъ почти на милю отъ моря. О Римѣ и Римлянахъ Страбонъ говоритъ соразмѣрно не много, и его удивленіе къ завоевателямъ и притѣснителямъ Греціи не чрезмѣрно, однако жь, онъ съ приличной похвалой упоминаетъ объ ихъ государственныхъ дорогахъ, водопроводахъ и другихъ общественныхъ постройкахъ; больше нравится ему нижняя Италія, гдѣ тогда вездѣ еще преобладалъ Грецизмъ. Особенно хвалитъ онъ богатство и плодородіе Сициліи, житницы Рима; даже Этна при подошвѣ опоясана лѣсомъ и поселеніями, и только въ верхней части обнажена и покрыта пепломъ, а зимою снѣгомъ. Вершины ея, кажется, часто измѣняются отъ подземнаго огня, по тому что этотъ огонь вылетаетъ то изъ одного, то изъ многихъ отверстій, и часто посылаетъ огненные ручьи, а нерѣдко пламя и дымъ, иногда же и пламенныя массы. На гору уже и въ то время, какъ нынѣ, всходили любопытные путешественники, и нѣкоторые изъ нихъ разсказывали Страбону, что были вверху на плоскости, почти въ часъ окружностью, обведенной похожимъ на стѣну валомъ, такъ что желавшіе войти въ это загороженное мѣсто должны были спрыгивать туда. По срединѣ его они видѣли холмъ пепельно-сѣраго цвѣта, и на немъ облачный столбъ почти въ 200 футовъ вышины, похожій на дымъ и неподвижный, по тому что тогда стояла тихая погода. Двое изъ нихъ, осмѣлившись итти дальше впередъ, должны были воротиться, по тому что песокъ становился глубже и раскаленнѣе: они могли увидать не больше своихъ товарищей, которые смотрѣли издали.

Мы не можемъ слѣдовать за Страбономъ въ его описаніи Греческаго матрика и окружающихъ его острововъ, по тому что оно слишкомъ вдается въ частности, и мы не намѣрены сообщать сухой перечень названій городовъ. Съ неудовольствіемъ, проглядывающимъ вездѣ, онъ сравниваетъ прежнее счастливое состояніе прекрасной страны, когда она еще пользовалась своей

свободой, съ тяжелыми обстоятельствами подъ Римскимъ владычествомъ. О Сѣверѣ Европы, отъ Рейна до Дона, говоритъ онъ только бѣгло и по предубѣжденію молчитъ даже объ очень вѣрномъ извѣстіи Геродота о странахъ, лежащихъ къ сѣверу и западу отъ Чернаго моря, и ихъ обитателяхъ. Даже извѣстія о Германіи, которыя, однако жь, благодаря войнамъ, веденнымъ въ этѣхъ странахъ Римлянами, уже дошли до Вислы, кажутся для него слишкомъ новыми и подозрительными. О Кимврахъ онъ разсказываетъ, что это бродячій и хищный народъ, и что между ихъ женщинами, которыя ходятъ съ ними на войну, находились престарѣлыя жрицы-предвѣщательницы, босоногія и въ бѣлыхъ одеждахъ, придерживаемыхъ желѣзнымъ поясомъ: какъ скоро приходили къ нимъ въ станъ плѣнники, онѣ встрѣчали ихъ съ обнаженными мечами и въ вѣнкахъ, подводили къ желѣзному котлу и, стоя на возвышеніи, перерѣзывали имъ надъ котломъ горла. По крови, текущей въ котелъ, и растерзаннымъ внутренностямъ онѣ дѣлали предсказанія и возвѣщали своимъ побѣду. Во время сраженія всѣ женщины били по кожѣ, которою были обтянуты кузова ихъ телѣгъ, и дѣлали ужасный шумъ.

Страбонъ думаетъ, что Азія изо всѣхъ частей свѣта извѣстна ему всего подробнѣе, по завоевательнымъ походамъ Александра Великаго, также и по его собственнымъ путешествіямъ, и, однако жь, даже объ общемъ ея положеніи составляетъ себѣ очень неправильное понятіе, по тому что Тавръ, только воображаемое соединеніе многихъ, совершенно различныхъ, горныхъ цѣпей, онъ заставляетъ проходить поперегъ всей Азіи и раздѣляетъ на двѣ половины. Сначала называетъ намъ народы, жившіе въ Азіи по сю сторону Тавра, отъ Дона до Малой Бухаріи, которыхъ потомки отчасти еще нынѣ даютъ узнать себя на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ; но изъ нихъ можемъ привести только самыхъ замѣчательныхъ и описанныхъ подробнѣе по ихъ нравамъ и обычаямъ. На восточномъ берегу Чернаго моря живутъ Ахеяне, Цигіи и Геніохи, въ странѣ, принадлежащей къ Кавказу, по большой части не имѣющей пристаней и утесистой. Они живутъ морскими разбоями и снаряжаютъ для того цѣлые флоты узкихъ и легкихъ лодокъ, которыя могутъ вмѣщать 25, по большей мѣрѣ 30 человѣкъ. На этѣхъ лодкахъ они дѣлаютъ нападенія то на купцовъ,

то на страну, или городъ, и такимъ образомъ удерживаютъ за собою власть надъ моремъ. Возвратясь съ набѣговъ, они прячутъ лодки въ лѣсахъ, гдѣ живутъ и сами, и получаютъ прибыль съ плохой почвы. Лучше всего они похищаютъ людей и даютъ знать о томъ ихъ роднымъ, чтобы они ихъ выкупили за хорошую цѣну. Абхазы, населяющіе теперь эту береговую полосу, поступаютъ, какъ извѣстно, точно такъ же, и только рѣдко удается Русскимъ кораблямъ, не смотря на ихъ бдительность, поймать и наказать этихъ отважныхъ хищниковъ.

Кавказъ лежитъ надъ Чернымъ и Каспійскимъ морями и тянется, подобно промежуточной стѣнѣ, по отдѣляющему ихъ перешейку. Къ сѣверу онъ граничитъ съ Сарматскими равнинами, къ югу съ Албаніею и Иверіею. Онъ изобилуетъ разнымъ лѣсомъ, особливо такимъ, какой идетъ на постройку кораблей. Народы близъ Кавказа бѣдны и населяютъ не изобильную страну; но у Иверійцевъ и Албанцевъ, первоначально занимавшихъ упомянутый перешеекъ, страна благословенная, покрытая городами и деревнями. Иверійцы, живующіе въ равнинахъ, занимаются земледѣліемъ: они миролюбиваго характера, дома у нихъ построены по правиламъ зодчества и съ черепичными кровлями. Многочисленнѣе ихъ дикіе горцы, которые всего охотнѣе дѣйствуютъ оружіемъ, и какъ скоро начнется война, быстро составляютъ войско изъ многихъ тысячъ человѣкъ. Не многіе проходы въ ихъ землю, запертую Кавказомъ (нынѣшнюю Грузію) очень затруднительны, и имъ мудрено чего ни будь бояться отъ иноземнаго непріятеля. Населеніе раздѣляется на 4-ре разряда: изъ первыхъ и значительныхъ берутся Цари, всегда старшій по лѣтамъ и по ближайшей степени родства, послѣ нихъ верховный судья и вождь на войнѣ; второй разрядъ составляютъ жрецы, которые должны также рѣшать и споры съ сосѣдними народами; третій разрядъ воины и земледѣльцы, а четвертый простолюдины, которые всѣ Царскіе рабы и исправляютъ необходимую для жизни службу. Имуществомъ владѣютъ Иверійцы сообща въ семействахъ; старѣйшина управляетъ каждымъ семействомъ и завѣдываетъ семейными дѣлами.

Албанцы, живущіе между Иверіею и Каспійскимъ моремъ на Кирѣ (Курѣ), менѣе дики и воинственны и особливо зани-

маются скотоводствомъ. Хотя берега ихъ и орошаются моремъ, однако жъ, они совсѣмъ не знаютъ мореплаванія, даже и вовсе не пользуются, какъ слѣдуетъ, своею почвой, которая безъ обработки и ухода приноситъ всѣ плоды и самыя нѣжныя растенія. Во многихъ мѣстахъ можно бы собирать жатву по два, или три, раза, если бы только захотѣли сѣять. Повсюду видны самые превосходные луга и свѣжая зелень, отрадная для глазъ; дышатъ здѣсь воздухомъ, болѣе чистымъ и свѣжимъ, чѣмъ въ Иверіи. Виноградные кусты никогда не обсыпаютъ на зиму землею и только каждыя пять лѣтъ обрѣзываютъ; молодые уже на второмъ году приносятъ плодъ, а когда выростутъ, даютъ такое изобиліе, что большую часть ягодъ совсѣмъ не снимаютъ. Здѣшній скотъ, какъ домашній, такъ и дикій, красиваго роста; не меньше его отличаются и люди красотою и рослостью. Они очень просты и такъ мало понимаютъ торговлю, что не могутъ сосчитать больше ста; о монетѣ, мѣрѣ и вѣсѣ совсѣмъ не знаютъ и вообще всѣ свои дѣла ведутъ съ крайнею безпечностью. На войну ставятъ большое войско и имѣютъ полководцемъ Царя. Пользуются дротиками и луками для нападенія, а для обороны длинными щитами, панцырями, шлемами изъ звѣриной кожи. Богами почитаютъ Зевса, солнце и мѣсяцъ, у котораго есть храмъ на границахъ Иверіи, и храмовой старшина, по достоинству, первый послѣ Царя. У него своя собственная, хорошо населенная, область и многочисленные храмовые рабы, изъ которыхъ многіе приходятъ въ восторженное состояніе и дѣлаютъ предсказанія. Кто изъ нихъ, больше всѣхъ одержимый священнымъ изступленіемъ, бродитъ по лѣсамъ, того жрецы ловятъ, сковываютъ и кормятъ цѣлый годъ самою вкусною пищей. Потомъ его съ другими жертвенными животными посвящаютъ богу, намазываютъ масломъ и убиваютъ предписаннымъ образомъ, когда носильщикъ священнаго копья, которымъ умерщвляютъ только однихъ людей, пронзаетъ ему черезъ бокъ сердце. Трупъ заколотаго въ жертву относятъ въ назначенное мѣсто, гдѣ всѣ дотрогиваются до него ногою, чтобы очиститься отъ грѣховъ. Албанцы чрезвычайно уважаютъ старость, и не въ однихъ родителяхъ, но и во всѣхъ; однако жь объ умершихъ не заботятся и упоминать объ нихъ не позволяютъ. Съ покойникомъ хоронятъ всѣ его богатства, отъ чего народъ ихъ и бѣденъ.

Страбонъ, упрямо держась своей системы, все еще считаетъ Каспійское море заливомъ Сѣвернаго океана, входящимъ далеко въ Азію, хотя уже и Геродотъ правильно описываетъ его озеромъ. Къ югу на этомъ морѣ лежитъ Гирканія (теперешній Мазандеранъ), большая, благословенная страна съ значительными городами. Одинъ виноградный кустъ доставляетъ сдѣсь 21 мѣру винограда, а одно грушевое дерево 8-мь четвериковъ грушъ. Пшеница родится отъ выпавшихъ зеренъ; на деревьяхъ разводятъ пчелиные рои и медъ течетъ съ листьевъ каплями; впрочемъ, эта страна бѣдна, безъ торговыхъ и другихъ сношеній, и предоставлена вторженіямъ хищныхъ сосѣдей, по тому что ею всегда владѣли варвары. Если бы Македоняне остались подолѣе владѣтелями этѣхъ странъ, онѣ были бы богаты и счастливы, и омывающее ихъ море было бы оживлено судоходствомъ. Нѣкоторые полосы на Гирканскомъ берегу совершенно особенной природы: онѣ совсѣмъ подрыты водой, и рѣки мчатся съ стремнинъ съ такою силой, что кидаютъ свои воды въ море, на дальнемъ разстояніи, не касаясь берега, такъ что всѣ войска могутъ проходить подъ рѣкою, не замочась. Тузенцы часто отправляются къ такимъ мѣстамъ для пировъ, или для жертвоприношеній. Тамъ они помѣщаются въ пещерахъ, находящихся на скатахъ, либо на солнцѣ, подъ самою рѣкой, на зеленомъ, цвѣтистомъ лугу и забавляются различнымъ образомъ.

На самомъ сѣверномъ берегу Каспійскаго моря живутъ Массагеты, народъ славный своею храбростью, отчасти въ горахъ, отчасти на равнинахъ, отчасти на островахъ болотъ, образуемыхъ рѣками, протекающими по этой странѣ. Они оказываютъ божескія почести одному солнцу и приносятъ въ жертву ему лошадей. Думаютъ, что выберутъ лучшую смерть, если въ старости ихъ изрубятъ вмѣстѣ съ бараниной и съѣдятъ; умершій отъ болѣзни бросается на съѣденіе звѣрямъ, точно злодѣй. На войнѣ они хорошо умѣютъ сражаться верхомъ и пѣшіе, и пользуются для того луками, мечами и мѣдными сѣкирами. Живущіе на болотныхъ островахъ питаются корнями и дикими плодами, по тому что у нихъ совсѣмъ нѣтъ пшеницы. Платье ихъ изъ древеснаго лыка, по тому что у нихъ вовсе нѣтъ скотоводства; единственный напитокъ — выжатый сокъ древесныхъ плодовъ. Обитающіе

на морѣ живутъ нѣсколько лучше: у нихъ вдоволь рыбы; они одѣваются въ кожу морскихъ собакъ, не рѣдкихъ на этомъ берегу. Горные жители также питаются древесными плодами: у нихъ не много какихъ-то овецъ, которыхъ они, однако жь, не бьютъ, а берегутъ для шерсти и молока. Одежду красятъ растительнымъ сокомъ въ пестрые цвѣта, которые сохраняютъ всегда свою свѣжесть. Жители равнинъ не занимаются земледѣліемъ, хотя почва у нихъ и годна для того, но получаютъ пропитаніе отъ рыбы и овецъ, подобно кочевымъ пастухамъ и Скиѳамъ. Всѣ Массагеты простоваты, нерасторопны, дики и воинственны, но въ торговлѣ вѣрны и честны.

Картину Азіи по ту сторону Тавра Страбонъ начинаетъ съ Индіи, но въ описаніи этой замѣчательной страны онъ слѣдуетъ почти только Неарху и Мегастѳену.* И о Персіи повторяетъ онъ многое, извѣстное уже намъ отъ Геродота; но какъ онъ лично объѣзжалъ эту страну, то мы и не можемъ умолчать о тѣхъ не многихъ извѣстіяхъ, которые передаетъ онъ съ собственнаго взгляда, особливо о религіозныхъ обрядахъ. Персы приносятъ жертвы особенно огню и водѣ: для перваго кладутъ на уголья сухое облупленное дерево, намазываютъ его жиромъ и поливаютъ масломъ, а потомъ раздуваютъ огонь, только не ртомъ, а опахаломъ; кто раздуваетъ ртомъ, или броситъ въ огонь что ни будь мертвое, либо грязь, долженъ умереть. Для жертвоприношенія водѣ выкапываютъ яму на озерѣ, рѣкѣ, либо ручьѣ, и убиваютъ надъ нею жертву, но при томъ наблюдаютъ, чтобы не осквернить кровью чистую воду, находящуюся по близости; въ противномъ случаѣ она будетъ нечиста. Куски мяса кладутъ на миртовыя и лавровыя вѣтки, зажигаютъ ихъ тонкими прутьями и поютъ при томъ волшебныя пѣсни, смѣшиваютъ въ то же время масло, молоко и медъ, и выливаютъ это въ видѣ жертвы, однако жь, не въ огонь и не въ воду, а на землю. Въ продолженіе пѣнія довольно длинныхъ волшебныхъ пѣсенъ держатъ связку тонкихъ миртовыхъ прутьевъ. У этого народа находятъ также нѣкоторыя замѣчательныя комнаты и посреди ихъ алтари, на которыхъ груды золы; тутъ маги поддерживаютъ вѣчный огонь; они ходятъ

* Ихъ біографіи не вошли въ это извлеченіе.

туда каждый день и молятся около часу, всегда держа при этомъ связку прутьевъ передъ огнемъ; на головѣ у нихъ мѣховыя тіары, которыя по обѣимъ сторонамъ свѣшиваются внизъ и покрываютъ губы и челюсти. Персами управляетъ Царь: ослушнику отрѣзываютъ голову и руку и бросаютъ ихъ. Съ 5-го до 24-го года Персы учатся стрѣлять изъ лука, метать дротики, ѣздить верхомъ, говорить правду; учителя у нихъ очень умны, умѣютъ вмѣшивать и басни для полезнаго примѣненія, и прославляють въ рѣчахъ и пѣсняхъ дѣла боговъ и знаменитыхъ мужей. Молодыхъ людей еще до солнечнаго восхода сзываютъ колокольчикомъ на упражненія въ оружіи, или на охоту. Надъ каждыми пятидесятью молодыми людьми ставятъ Царскаго сына, либо намѣстника, за которымъ они должны слѣдовать при бѣганьѣ взапуски и въ другихъ упражненіяхъ. Отъ нихъ требуютъ также отчета въ знаніяхъ и обращаютъ вниманіе на развитіе у нихъ сильнаго голоса. Имъ надо закалять себя отъ жара, холода и дождя и пріучаться прыгать черезъ потоки, не замочивъ оружія, потомъ ихъ заставляютъ пасти скотъ, ночевать на открытомъ воздухѣ и довольствоваться дикими плодами, каковы фисташки, жолуди и лѣсныя яблока. Ежедневная пища хлѣбъ послѣ гимнастическихъ упражненій, тонкіе пироги, крессъ, соляныя крупинки и мясо, жареное, или вареное въ водѣ, для питья вода. Они ѣздятъ на охоту верхомъ со стрѣлами и дротиками, также пращами, убитую дичь не смѣютъ съѣдать сами, а должны приносить домой. Вечеромъ занимаются разведеніемъ растеній, рѣжутъ корни, дѣлаютъ оружіе, охотничьи тенета и сѣти. Въ солдатахъ, конныхъ и пѣшихъ, служатъ съ 20 до 50 года. Оружіе у нихъ луки и стрѣлы, сабли и сѣкиры, косоугольный щитъ, чешуйчатый панцырь и похожая на башню шапка на головѣ. Одежда вождей состоитъ въ тройныхъ панталонахъ, двойномъ разноцвѣтномъ кафтанѣ на бѣломъ подбоѣ, съ рукавами до колѣнъ и плащѣ, лѣтомъ пурпуроваго, или фіолетоваго, цвѣта, зимою полосатаго. Простолюдины носятъ двойное полукафтанье до половины бедеръ и шерстяной платокъ кругомъ головы. Впрочемъ, выдержавъ годы упражненія, Персы живутъ роскошно и ѣдятъ очень вкусно: блестяща роскошь и съ столовой утвари и посуды: все говоритъ золотомъ и серебромъ. Въ золотѣ они уважаютъ особенно блескъ огня; отъ того-то золото, такъ же какъ и огонь, не отпускаютъ съ усопшими.

Къ великому Персидскому царству, которое до раздробленія его Македонянами, повелѣвало большею частію Азіи, принадлежала также древняя Вавилонія, страна, очень плодородная, пересѣкаемая множествомъ рѣкъ: изъ нихъ самыя значительныя Евфратъ и Тигръ. Персы, изъ корыстныхъ разсчетовъ, задерживали прежде очень живую торговлю по этѣмъ рѣкамъ, до тѣхъ поръ, пока Александръ опять устранилъ искуственныя преграды и велѣлъ возстановить каналы, по тому что Евфратъ выходитъ изъ береговъ въ началѣ лѣта, когда въ Арменіи стаетъ снѣгъ, и долженъ необходимо затоплять и покрывать тиной поля, если не отводить воду каналами. Но содержаніе ихъ требуетъ большихъ заботъ, по тому что почва мягка и вбираетъ въ себя столько воды, что легко уносится теченіемъ съ полей и закидывается въ каналы. Если нѣсколько времени не очищать ихъ отъ засѣвшей въ нихъ тины, въ полую воду рѣка разольется по равнинамъ и образуетъ озера и вредныя болота. Но если земля защищена отъ такого бѣдствія, благодаря распоряженіямъ разсудительныхъ Государей, она приноситъ хорошую пшеницу, а особливо столько ячменю, сколько не дастъ ни какая другая страна. Впрочемъ, одно уже финиковое дерево удовлетворяетъ почти всѣ потребности жителей, по тому что доставляетъ хлѣбъ, винный уксусъ, медъ для кушанья и питья. Зерна служатъ кузнецамъ вмѣсто угольевъ, а размоченныя для откормки рогатаго скота и овецъ. Въ Вавилоніи также много асфальта, жидкаго и сухаго. Послѣдній особливо доставляется ручьемъ близъ Евфрата, который при таломъ снѣгѣ разливается и бѣжитъ въ рѣку, гдѣ потомъ образуются большіе асфальтовые куски, такъ выгодно употребляемые вмѣсто топильнаго матеріяла; жидкій асфальтъ, называемый нефтью, имѣетъ то странное качество, что привлекаетъ къ себѣ огонь, на которой очень походитъ, и если зажечь какое ни будь тѣло, имъ намазаное, то нельзя будетъ залить его водою, а можно потушить только глиной, уксусомъ, купоросомъ и птичьимъ клеемъ.

Множество земляной смолы добываютъ также въ большомъ озерѣ (Мертвомъ морѣ) въ Іудеѣ, куда послѣдуемъ теперь за Страбономъ, который сообщаетъ нѣсколько не мелочныхъ замѣчаній объ этой странѣ, едва упоминаемой древними писателями. Эта смола выходитъ по временамъ по срединѣ озера, на подобіе

пузырей кипящей воды, и тогда поднявшаяся поверхность озера походитъ на пригорокъ. Въ то же время разливается паръ, похожій на дымъ, но непримѣтный для глазъ, и покрываетъ ржавчиной мѣдь, серебро и все блестящее, кромѣ золота. Замѣтивъ это явленіе на своихъ утваряхъ, когда уже можно ожидать скораго изверженія земляной смолы, жители приготовляютъ тростниковые паромы для ея ловли. Смола, растопясь отъ подземнаго огня и поднявшись къ верху, разливается по водѣ и отвердѣваетъ такою крѣпкою массой, что ее надобно рубить и разбивать. По ошибкѣ, которую трудно понять, Страбонъ смѣшиваетъ это озеро съ лагуною Сирбонисъ, лежащею близъ Египетской границы; онъ увѣряетъ, что вода въ озерѣ такъ тяжела, что въ ней не тонутъ и не умѣющіе плавать, но ушедши въ нее по поясъ, опять поднимаются на верхъ. Вся окрестность вулканическая, какъ легко можно узнать по множеству обожженныхъ скалъ, частыхъ ращелинъ въ землѣ, похожей на золу почвѣ, смоляныхъ каплямъ, выступающимъ на камняхъ, и горячей вонючей водѣ. Кое-гдѣ видны еще развалины старинныхъ зданій, которыя, если вѣрить сказаніямъ туземцевъ, остались отъ 13-ти городовъ и самаго значительнаго изъ нихъ, Содома, разрушенныхъ землетрясеніемъ, вышедшимъ наружу огнемъ и водою озера, напитанною сѣрой и земляной смолой, а отчасти утонувшихъ. Какая противоположность эта печальная страна съ цвѣтущею равниной Іерихона! По ней простирается большой пальмовый лѣсъ, прорѣзанный прозрачными ручьями и оживленный многочисленными жилищами; въ немъ также крѣпкій замокъ и пріятный бальзамовый садъ. Бальзамъ — душистый кустарникъ, похожій на трилистный ракитникъ и фисташковое дерево: изъ коры его, если сдѣлать на ней разрѣзы, каплетъ, похожій на молоко, слизистый сокъ, который собираютъ въ сосуды, гдѣ онъ быстро густѣетъ. Онъ неожиданно скоро исцѣляетъ головную боль и начинающуюся глазную болѣзнь, за что очень уважается и приноситъ значительныя выгоды, тѣмъ болѣе, что добывается только сдѣсь. Бальзамъ изъ Раги (Іерихона) самый извѣстный и дорогой между очень многочисленными видами бальзама, растущими во многихъ другихъ мѣстахъ, по тому что его особенно спрашиваютъ Восточные вельможи.

Предки Іудеевъ были Египтяне, покинувшіе отечество вмѣстѣ съ жрецомъ, Моисеемъ, по тому что были недовольны порядкомъ дѣлъ и богослуженіемъ въ Египтѣ. Моисей училъ такъ: чистое безуміе считать божество похожимъ на дикихъ звѣрей, или вьючный скотъ, какъ дѣлаютъ Египтяне, или покланяться ему въ образѣ человѣка, какъ Греки, по тому что есть только одинъ Богъ, который объемлетъ всю вселенную, и ни одному разсудительному человѣку не прійдетъ желанія представить такое существо въ образѣ, приличномъ существу земному. Отъ того надобно отвергнуть всякое идолопоклонство, построить достойный храмъ истинному Богу и спать въ немъ, чтобы имѣть хорошіе сны для себя и другихъ, по тому что добродѣтельные люди могутъ ожидать знаменія отъ божества, для безбожниковъ это невозможно. Моисей такимъ образомъ уговорилъ многихъ благомыслящихъ людей и отвелъ ихъ въ страну, гдѣ теперь Іерусалимъ; онъ легко получилъ ее, по тому что она была не очень плодоносна и мало представляла привлекательнаго: никто не хотѣлъ вступать изъ за нея въ опасную войну. Сверхъ того, вмѣсто оружій, онъ выставлялъ на показъ святыню и божество и обѣщалъ учредить богослуженіе, которое не будетъ безпокоить участвующихъ въ немъ издержками, ни натянутою восторженностью, ни другими нелѣпыми обрядами; отъ того къ нему скоро присоединились сосѣдніе народы, прельстившись на обѣщанія, и составили значительное царство. Первые преемники Моисея были честные и истинно богобоязливые люди и крѣпко держались простаго богопочтенія. Когда же въ послѣдствіи стали получать жреческій санъ суевѣрные и жестокіе люди, тогда появились разные странные обряды, на примѣръ, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ кушаньевъ, которое и теперь еще въ обычаѣ у этого народа, обрѣзаніе, скопленіе и имъ подобныя злоупотребленія. Жрецы стали наконецъ Царями и вовлекали свою землю въ войну, пока Римляне не взяли Іерусалима и не покорили Іудеи.

Этому покоренію мы обязаны подробными извѣстіями Страбона объ Іудейскомъ народѣ, такъ долго совершенно замкнутомъ: имъ и заключаемъ Страбоново описаніе Азіи, по тому что описаніе прочихъ странъ не представляетъ въ сущности ничего новаго и заимствовано изъ извѣстій прежнихъ путешественниковъ

которыя сообщили мы выше. Всего бѣднѣе является, однако жь, у Страбона отдѣлъ, относящійся къ Африкѣ, и Геродотъ зналъ внутренность этой части свѣта гораздо лучше его. Паденіе Карѳагена, безъ сомнѣнія, прекратило торговыя сношенія сѣверо-Западной береговой полосы съ Негритянскими землями, и большая часть открытій, сдѣланныхъ съ великими усиліями, опять исчезла; однако жь Страбонъ, если бы ему было нужно, въ бытность въ Египтѣ могъ бы собрать свѣдѣнія подробнѣе о племенахъ, живущихъ по ту сторону великой степи; но онъ, кажется, съ умысломъ избѣгалъ ихъ, либо умолчалъ о нихъ, потому что они прямо противорѣчили его системѣ о населенныхъ и необитаемыхъ поясахъ, которой онъ упрямо держался, какъ мы видѣли. Къ счастію, эта система, явившаяся, какъ препятствіе постоянному совершенствованію человѣческаго духа, вскорѣ была забыта; вообще сочиненіе Страбона, кажется, мало уважалось современниками, по тому что подлинныя извѣстія, изъ которыхъ оно составлено, находились еще у всѣхъ подъ рукою. Опять извлекли его изъ забвенія только тогда, когда всѣ это извѣстія стали добычею времени, и теперь надобно считать его однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ Географической науки. Годъ смерти Страбона неизвѣстенъ, такъ же какъ и годъ его рожденія: знаемъ только, что онъ еще живъ былъ во время Помпея и Юлія Цезаря, даже въ царствованіе Императоровъ Августа и Тиверія, слѣдовательно, дожилъ до самой глубокой старости.

V

СМѢСЬ

НАДПИСИ

НА ПИСЬМАХЪ, ВЪ СТАРИНУ ВЪ РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ УПОТРЕБЛЯВШІЯСЯ. [1]

КЪ ПАТРІАРХУ.

1.

Безначальнаго Царя Священному Предстоятелю и Великому Пастырю и Учителю Христова стада словесныхъ овецъ, преславному свѣтильнику, столпу церковному, земному Серафиму, носящу великъ образъ великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, и дивну всечестну Святителю, Великому Господину Святѣйшему (имя рекъ), Архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ Патріарху (имя рекъ).

2.

Безначальнаго Царя Священному Предстателю, Великому Архипастырю и учителю Христова стада словесныхъ овецъ и пресвѣтлому свѣтильнику, столпу церковному и носящему великій образъ Господа Іисуса Христа, святительскимъ честнымъ саномъ украшенному и пастырю изрядному, Христіанскаго роду истинному учителю, Великому Господину, Святѣйшему Патріарху (имя рекъ).

КЪ МИТРОПОЛИТУ.

1.

Еже отъ Бога достойному, Святительскимъ честнымъ саномъ Богомъ преукрашену и Богомъ направляему, великаго корабля пра-

[1] Иногда онѣ встрѣчаются отдѣльно, а иногда въ Азбучныхъ сборникахъ. Вторыя надписи сдѣсь взяты изъ одной такой Азбуки. *О. Б.*

вителю и Пастырю изрядному Христіанскаго рода, истинному Учителю, Государю Великому, Митрополиту (имя рекъ).

2.

Непрестанно ходатаю, верху превысочайшему, столпу непоколебимому, въ Православіи сіяющу, Пастырю и Учителю благоизбраннаго стада словесныхъ овецъ и рачителю Божественнаго писанія, отецъ отцу и пріятелю Христовой невѣстѣ, Божіей Церквѣ, Великому Отцу и Митрополиту (имя рекъ).

КЪ АРХІЕПИСКОПУ.

Щедраго и великаго Бога призывателю и Его непостижнымъ усердіемъ почтенному, и страшнаго престола Божія достойному служителю, и о всѣхъ и за вся трисвятую пѣснь приносителю, Государю, Преосвященному Архіепископу (имя рекъ).

КЪ ЕПИСКОПУ.

О возлюбленному и Богомъ украшенному Престолу Божію Предстоятелю и честнымъ саномъ почтенному и благоизрядному, и Богомъ направляему Духовному Предстоятелю, Архіерею Великому, Священно-Епископу (имя рекъ).

КЪ АРХИМАНДРИТУ.

Во многославящую и вездѣ именитую, и Богомъ строенную, ко спасенію идущему и желателю неизглаголанныя радости вышняго Іерусалима, идѣже желаютъ Ангели приникнути, въ пречестную и великую святую Лавру, Государю Архимандриту (имя рекъ).

КЪ ИГУМЕНУ.

О Христѣ собраннымъ иноческаго пребыванія, Евангельскаго гласа ревнителю, пространнаго житія уклонителю, молитвою своею, аки копіемъ, діавола побѣждавши пустынножителю, Государю моему, великому Старцу (имя рекъ).

КЪ ИГУМЕНЬѢ.

Божественнѣйшая и Богомъ снабдившая равноангельскія и небесоподобныя преславущія святыя и великія и пречестныя Лавры о Хри-

стѣ собраннымъ честныхъ дѣвъ пребываніе, Государыни моей, великой Старицѣ (имя рекъ).

КЪ ОТЦУ ДУХОВНОМУ.

1.

Истинныхъ Евангельскихъ и Апостольскихъ преданій хранителю, и Божественныхъ догматъ рачителю, и Церкви Божіи достойному предстоятелю, Священному Отцу и воеводѣ духовному, Учителю Христова стада словесныхъ овецъ, корени грѣховнаго отъ сердца искоренителю, Государю моему, Священно-Іерею (имя рекъ).

2.

Господня престола со страхомъ предстателю, Пастырю и Учителю Христова стада словесныхъ овецъ, церковному воеводѣ и наставнику Христіаномъ на истинный путь, Государю Священно-Іерею (имя рекъ).

СТАРЦУ.

Горняго Іерусалима жителю, Ангельскихъ силъ безплотныхъ ревнителю, широкаго же и пространнаго пути уклонителю, узкимъ и прискорбнымъ путемъ, по словеси Господню, ходити желателю великому (имя рекъ).

БОЛЯРИНУ.

Государскаго благоименительства знамениту и на враги побѣдителю храброму, и крѣпкимъ скипетромъ огражденному, за Православную Вѣру крѣпко стоятелю, оружнику изрядному, Милостивому моему Государю (имя рекъ).

ПОЛКОВНИКУ ВЪ ПОЛКЪ.

Великому и превысочайшему и Богодарованною честію почтенному въ полцѣ храброму и въ воинствѣ почтенному, изрядному на враги побѣдителю, Государю моему (имя рекъ).

КЪ ОТЦУ РОДНОМУ.

Веселообразному, умильному, гласному, въ отвѣтахъ умному, въ рѣчахъ поспѣшному, въ мыслѣхъ крѣпкому и Богомъ почтенному, и Богомъ превознесенному, въ человѣцѣхъ избранному, держащему подвигъ

ко Спасу и Пречистѣй его Богоматери, хвалителю Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, заповѣдемъ Божіимъ всѣмъ хранителю, отъ благаго корени родившемуся и во благочестіи воспитанному Іакову, праведному Іеву, отъ многихъ философъ наученному истинному пути Божію, любовь и чистосердіе имѣющу ко Святому Духу, многословесному и въ рѣчахъ наказателю и учителю моего младоумія, аки Іосифу Прекрасному, въ лѣпотѣ лица твоего отъ великаго Царства Россійскаго и отъ всея земли Христіанскія, отъ нарицаемаго рода (имя рекъ).

КЪ МАТЕРИ РОДНОЙ.

Молитвою своею добрѣ и Богу превосходиши, яко древо посредѣ винограда Христова, Богомъ насажденнаго, и прозябльши яже честными своими дланьма носившая и сосцами своими воскормившая, и всякую тяготу мене ради претерпѣвшая, ждущи отъ мене покоя животу своему, Государынѣ моей, Милостивой Матушкѣ (имя рекъ).

КЪ БРАТУ РОДНОМУ.

Иже отъ единородныя утробы произшедшему и отъ единородныя Государыни нашея матери рожденному брату единородному, совѣту нелицемѣрному и сокровеннымъ сердцемъ тайнохранителю, Государю моему, Братцу (имя рекъ).

КЪ СЕСТРѢ РОДНОЙ.

Любленія жъ ради человѣческаго отъ небытія въ бытіе сотвореннѣй, отъ тьмы во свѣтъ пришедшей, отъ единородныя Государыни нашея матери рожденнѣй и отъ единородныя утробы произшедшей, горлицѣ единоутробнѣй, ластовицѣ златообразнѣй, Государынѣ моей Сестрицѣ (имя рекъ).

ОТЪ ОТЦА КЪ СЫНУ.

Иже рождшаго тя естествомъ, возрастившаго же и научившаго же изволеніемъ и попеченіемъ, паче жъ милости Божія совѣщеніемъ и яко отъ каменія и желѣза, сирѣчь отъ двою, и рожденну отъ естественныхъ нѣдръ моихъ и отъ матерня ложа, сыну моему и опорѣ, и жезлу старости моея (имя рекъ).

ОТЪ МАТЕРИ КЪ СЫНУ.

Рожденному отъ утробы моея и многогрѣшныма рукама моима воспитанному, и во благоденствіи посреди винограда Христова возросшему, сыну моему, отъ мене рожденному (имя рекъ).

КЪ ПОСАДСКОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Живущему въ тишинѣ и во благоденствіи и во всемъ благою добродѣтелію цвѣтущему, истинныя Христіанскія Вѣры насыщающемуся, Государю моему (имя рекъ).

КЪ ДРУГУ СЪ ЛЮБОВІЮ.

1.

Златые отросли и вѣтве позлащене грозду зрѣлому, древу многолиственному, посреди винограда Христова цвѣтущему и всѣхъ мудростію своею удивльшему, Государю моему, другу и пріятелю и заочному добродѣю (имя рекъ).

2.

Драгія отрасли вѣтвію позлащенному, листвію многоцѣнному, яблоку зрѣлому, древу преукрашенному многолиственному и плодовитому, вишенью садовому посредѣ винограда цвѣтущему и сіяющему, и всѣхъ храбростію своею умиляющему, Государю моему, другу (имя рекъ).

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Утвержденному въ премудрости, и превосходящему въ разумѣ, и въ дружбѣ непреклонному, и крѣпкому тайнохранителю, паче же въ Православіи сіяющу, пріятелю моему (имя рекъ).

КЪ ДРУГУ ВЪ ПОЛКЪ.

1.

Ревноусердною своею храбростію и ружьемъ зѣло пребыстрѣе орла высокопариваго, летаніемъ достигающу мученическія кончины, кроверевнителю, и за Православную Христіанскую Вѣру въ различныхъ битвахъ различными язвы учащенному, Государю моему другу (имя рекъ).

2.

Великія и нелицемѣрныя добродѣтельныя любве рачителю, въ разумѣ крѣпкому, и въ отвѣтѣ благоразумному, и въ рѣчахъ поспѣшному и смышленному, сильному воину и любимому моему другу (имя рекъ).

ОТЪ ЛЮБОВНИКА КЪ ЛЮБОВНИЦѢ.

Сладостныя гортани словесемъ медоточнымъ, красотѣ безмѣрной, привѣту нелицемѣрному, пресвѣтлой свѣтлости, и стопы превожделѣнной, улыбанію и смѣху полезному, взору веселому и любимому, паче же въ Православіи сіящу, ластовицѣ моей златообразной и касатой, Государынѣ моей (имя рекъ).

ОТЪ МУЖА КЪ ЖЕНѢ.

Обрѣтенному сокровищу, веселію моему по закону Божію и по преданію Святыхъ Отецъ и Апостолъ, и по благословенію Отца нашего духовнаго, Священно-Іерея (имя рекъ), живущей въ тишинѣ женѣ моей, другу моему сердечному (имя рекъ).

ОТЪ ЖЕНЫ КЪ МУЖУ.

Сладостному моему милосердому другу, свѣту моему, благодѣтелю, Государю моему, совѣту нелицемѣрному, привѣту и законъ Божій воспріимшу (имя рекъ).

КЪ ДРУГУ ГОРДОМУ И СПЕСИВОМУ.

Фарисейскимъ величаніемъ возносителю и Фараонскою злобою отягченному, любозрительнаго ученія уклонителю и неначальнымъ своимъ ученіемъ философствующу и мудрствующу, другу моему (имя рекъ).

РУССКІЯ ПРОПИСИ 1620 ГОДА.

Прописи эти найдены мною въ Оксфордѣ, въ Ашмолевомъ Музеѣ (Ashmolean Museum), называемомъ такъ по имени сэра Иліи Ашмоля (Sir Elias Achmole), который въ 1683 году пожертвовалъ въ Оксфордскій Университетъ собраніе естественныхъ предметовъ, наслѣдованное имъ послѣ Ивана Традесканта Младшаго и обогащенное имъ множествомъ рѣдкихъ рукописей, древностей, монетъ, печатей и проч. Прописи писаны чрезвычайно красивою скорописью XVII вѣка на девяти послѣднихъ полулистахъ столбца, который склеенъ изъ двадцати двухъ полулистовъ: изъ нихъ на первыхъ двѣнадцати писаны по порядку всѣ буквы Церковно-Русскаго алфавита, каждая отдѣльною статьею, во всѣхъ различныхъ видоизмѣненіяхъ прописнаго и строчнаго письма—уставомъ, полууставомъ, скорописью; тринадцатый весь занятъ титуломъ Царя Михайла Ѳедоровича; съ четырнадцатаго начинаются Прописи, въ которыхъ каждая заглавная буква разукрашена всѣми затѣями и вычурами тогдашней краснописи.

Въ печатномъ каталогѣ книгъ и рукописей Музея столбецъ этотъ значится подъ № 1774 мъ и описанъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Бумажный свертокъ XVI, или XVII, столѣтія, длиною въ 11 ярдовъ, шириною въ 7 дюймовъ: [1] первый листъ до половины оторванъ и конца, по видимому, недостаетъ.

«Свертокъ на Русскомъ языкѣ и написанный Русскими буквами.

«Каждый параграфъ состоитъ изъ шести, или семи, строкъ и далеко отставленъ отъ предыдущаго; по обѣимъ сторонамъ широкія поля. Двѣнадцатый листъ кончается большимъ росчеркомъ, а тринадцатый начинается очень большою прописною буквою, также съ росчерками, которыми украшена и вся послѣдующая статья. [2] На оборотѣ въ разныхъ мѣстахъ написано по нѣскольку строкъ. [3]

Юрій Толстой.

[1] Т. е., 14 арш. 4 дюйма длины, и 4 вершка ширины.
[2] Царскій титулъ.
[3] Надписи лицъ, которымъ эта азбука принадлежала: онѣ помѣщены здѣсь въ концѣ, послѣ прописей.

Единаго искахомъ і [1] три обретохомъ, ѡбрѣтохомъ и не познахомъ; но показась намъ мертвая девица.

Твой ѡтецъ и той ѡтецъ тебѣ дѣдъ, а мнѣ мужь; ты же мнѣ брат, а яз тебѣ мати. Вздѣсь кончаемъ.

Чтѡ есть человѣкъ: стоитъ в водѣ по горло, прѡситъ пити, а напитися не можетъ.

Ядѡмое не ѡтъ едѡмогѡ, ѡтъ лютаго сладъкѡе.

Царя бойся всею силою своею, і нѣсть страхъ его на пагуба души, но паче научишися от того і Бога боятися. Добро и благовременно молчание; ничто же іно есть в грубѡсти смысла полезное, но мати премудрым мыслем молчание.

Аще, человѣче, хощеши мудръ быти, ты же первие научися молчати, молчание бо всѣмъ добрѡдѣтелем мати, еже мѡлчати мнѡгѡ добрѡдѣтели совокупляет; а еже глаголати мнѡго расточает. Не ищи писавшагѡ, іли глаголавшаго, но словѡ пишемое.

Не ищи, человѣче, мудрѡсти, ищи крѡтости. Аще обрящеши кротость, одолѣеши і мудрѡсть. Не тотъ мудръ, хто мнѡгѡ разумѣет, а не тот милостивъ, хто многѡ милостны (такъ!) творитъ: тотъ милостивъ, кто никѡгѡ не ѡбидит.

Исчезет (такъ!) дѡброта, ѡбнажися злоба. День отойдет, нощь постиже. Христосъ спитъ, церькви без пастыр, свещи нѣсть: Пути два — единъ к жизни, а вторым к погибели. Рай ѡтътворен, безна (такъ!) ѡткрыта.

Трѡица пресущественая, и пребожественная, і преблагая! правовѣрующим тя истинным Християнѡмъ дателю премудрѡсти! пренедовѣдомыі, пресвѣтлый, крайній верхъ! направи нас на истинну твою, і настави нас на повелѣния твоя, да возглаголемъ ѡ людехъ твоихъ миръ и законъ.

---

[1] Буква эта всюду выходитъ за линѣйку.

Бѣ нѣкій Царь славен зело, имѣя верху гѡръ городъ, нѣсть бо к нему ни приступа, ни приходу, развие Богопарныхъ птицъ, а небогѡпарные птицы увязают в сѣтехъ ловящихъ.

Ѳилософскѡе учение: не вся глаголемъ, еликѡ слышимъ.

О Владыко Христе Царю! помилуй падъшегѡ, возведи угрязнувшаго в кале грѣховнемъ!

Безумнаго слугу пославъ, не ленися и сам по немъ ітит: аще і пѡсолства не ѡтопретца, но повелѣннаго не исправит, а приказное забудет, данное потеряетъ, а положеннаго взяти не съ умѣетъ. Замѣдление путь любитъ.

Нѣкиі человѣкъ властелинъ посажен во мрачней темницы; пріидѡша же к нему людіе, і молиша ѡ нем Царю, и изведоша егѡ вон; и устроиша ему мѣсто оки (аки?) окѡлничье, і посадиша его на престолѣ, і возложиша шлемъ на главу егѡ, и даша скифетръ в руце егѡ. И начаша ему кланятися вѣрниі и невѣрниі: онъ же нача им давати пищу неоскудну.

Бысть нѣкиі человѣкъ, сын у крестьянина, учал грамоте учитис лѣностно; і мастеръ ево учал бити плетью, подымая на козел; и он себѣ пѡсле поскучил добрѣ; и съ тѣх мѣстъ учал смышляти: стати, де, мнѣ учитис грамоте, ино дати могорецъ, а взяти нѣгде; а се бьют добрѣ. Стану, де, яз себѣ лутче учитца красти: в вечеру украду, а с утра на торгу продам; ино будетъ скороя денешка мнѣ.

Книжная бо есть премудрость подѡбна сѡлнечнеі свѣтлости; но и солнечную свѣтлость мрачныі ѡблакъ закрывает, книжные же премудрости не можетъ ни вся твар скрыти.

Аще твѡришися мудръ, скажи ми сия: Нерѡдивыйся умер, а рѡдивый не умер. Умеръ не істлѣмоій, сей в чертозе. Павел в дѣвкахъ, Соломон на войну пѡшелъ, Давидъ ся женит, Адамъ во сватех, Среди моря крестъ, веръху гор река течет.

Чадо, не глаголи много лживыхъ словес і зъ безумними не бесѣдуй, буди свидѣтель праведнымъ, не держи льсти на языце своемъ, не ѡправдай нечестива, мзды ради нечестивых: бо дарове ѡслепляютъ очи правителемъ и судямъ неправедным і лицемѣрнымъ.

Не вся глаголемъ, елико вѣдаемъ, ни все творимъ, елико хощем, ни всему вѣруем, елико слышимъ; понеже бо в жітіи сем ничтоже стоятелно і ничтоже утверженнѡ, не предлагателнѡ есть: горняя носится дѡлу, а долняя горѣ, яко бо же колесница всюду обращается.

Аще, человѣче, небеса и ѡблацы превзыдеши, аще всю философѳію ізучиши, і еленскіе борзости претечеши, і вся вѣтія препреши, и всея земли преідеши концы: — смертнаго же і (такъ!) часа никако же не ізбежеши.

Богъ с нами, никто же на ны; Божия начинати, а человѣческая совершати. Велико имя Пресвятыя Троицы. Пресвятая Госпоже Богородице, помѡгай нам грѣшным, сие Божественное писание не разумѣющим разумѣти. Господи, благослови, Отче.

Тихиі бо, и кроткій, і смиренныі себѣ есть сладокъ и инѣм на ползу; сердитый же і гневливый себѣ есть на вредъ, інѣм на пакость Ни есть бѡ злѣе сердита мужа і гнѣвлива. Сердитый мужъ — храмина діяволу, аще ли же гнѣвливъ, тѡ и вес дѡм сатанинъ. О человѣче! убоіся обычая злаго паче врага, а языка паче меча обоюду ѡстра, а гнѣва аки лва люта, а сласти аки пещи разжены.

Возлюбил еси, Господине, кротость Давыдову, премудрость Соломонову, Мѡисѣево незлобие, терпѣние Аввасииского (!), храбрость Царя Александра Македѡнскѡгѡ, привѣтъ Великого Князя Владімера Киевскаго, любов Царицы Царя Александра Македонскаго, пословицу Акиря премудрагѡ. Слышал есми пословицу Еврѣйскаго Царя Соломана, что не пѡдобает ѡттятой главѣ в бесѣде бесѣдовати, такоже и ѡт худости к величеству поминки посылати; да послал есми, Господине, к тебѣ малой поминок, а великое челобите горняго Іерусалима, едемскаго раю овощь — вѣрное слово безо лжи. И пѡтом здравствуй і на многие лѣта, а нас жалуі.

Не можетъ никтоже ѡт страшливыхъ трі сие вещи сохранити, токмо велеумниі и бодриі; сиі рѣчь: Царьское приближенье, мирское плавание, скорое ко врагом противление. Преже бо всѣхъ добрѡдѣтелеі пѡтщися, человѣче, стяжати смирение, яко бо же есть всякиі человѣкъ смиряйся вознесется, а возносяйся смирится, смиренно мудрътвующихъ Господь вѡзвышаетъ — Якѡ же бо пчела летит на прекрасный цвѣт и собирает себѣ медвеную сладость, та-

---

[1] кс всюду въ этомъ имени ѯ.

ко и мудрый человѣкъ течет на полезнѡе словѡ і сѡбирает себѣ сокровище духѡвное премудрости.

А подписалъ и писалъ Миронѡсицъкой Пѡп Тихон. Лѣта ҂зрке-го Ноября в кг день.

Учися — учение свѣт, а неучение тма есть.

Аще хто хощет учитис, ино мастера чтити, могорца не жалѣти, и слушати его во всем и повиноватися ему.

На оборотѣ въ двухъ мѣстахъ надписи:

1) на оборотѣ 19-го полулиста:

Сия азбука Матѳея Іванова сына; дано за нѣе й алтынъ (такъ!) в̃ д.

2) на оборотѣ 22 го (послѣдняго) полулиста:

Сия азбука Петра Гаврилова сына; дано за нѣе з гривною двацет алтынъ.

———

СПИСКИ

СЪ ЦАРСКИХЪ ГРАМОТЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ КОРОЛЕВСКОМЪ АРХИВѢ.

Изъ числа прилагаемыхъ восьми грамотъ: первая (отъ 28 іюля 1661 г.) заключаетъ въ себѣ поздравленіе Царя Алексѣя Михайловича Королю Карлу II-му съ возвращеніемъ сего послѣдняго на родительскій престолъ; слѣдующія шесть (отъ 9 Сент. и 14 Нояб. 1677, отъ 27 Февр. и 1 Сент. 1678, отъ 23 Янв. 1679 и отъ 14 Сент. 1680 г.) жалобы Царя Θеодора Алексѣевича на поведеніе Посланника Карла II, «Эсквира и Дворянина комнатнаго», Ивана Гебдона, который, по окончаніи своего посольства, сперва, подъ разными предлогами, отказывался ѣхать изъ Москвы, потомъ отклонился отъ дачи отчета въ деньгахъ, истраченныхъ изъ Царской казны его отцомъ (о которомъ упоминается въ первой грамотѣ), и наконецъ буйствовалъ въ Москвѣ по ночамъ, разбилъ въ Нѣмецкой Слободѣ караулъ, убилъ одного изъ караульныхъ стрѣльцовъ и избилъ начальнаго надъ ними дворянина; послѣдняя, восьмая грамота (отъ 9 Іюня 1682 г.) заключаетъ въ себѣ извѣщеніе о восшествіи на престолъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по кончинѣ брата ихъ, Царя Θеодора.

При перепискѣ этихъ грамотъ я въ точности соблюдалъ правописаніе подлинниковъ, позволивъ себѣ только выпустить, впрочемъ, съ показаніемъ разночтеній, тѣ мѣста въ 3 и 4 грамотахъ, которыя заключаютъ въ себѣ повтореніе мѣстъ изъ предыдущихъ грамотъ. Слѣдуетъ ли то

приписать незатѣйливости составителей этихъ грамотъ, или желанію ихъ соблюсти совершенную точность въ оффиціальной перепискѣ, но, при изложеніи обстоятельствъ, уже упомянутыхъ въ предшествовавшихъ грамотахъ, они сохраняли всѣ обороты, всѣ выраженія, даже всѣ слова, прежде ими употребленныя.

Въ 1, 4 и 5 грамотахъ сдѣланы мною ссылки на хранящіеся въ томъ же Лондонскомъ Архивѣ современные Англійскіе переводы этихъ грамотъ, для указанія иностраннаго правописанія встрѣчающихся въ нихъ именъ; въ 7 й грамотѣ указаны выраженія подобнаго же перевода, для пополненія мѣстъ, отъ ветхости протершихся въ подлинникѣ.

Юрій Толстой.

Москва.
1 Марта, 1862 г.

Милосердія ради милости Бога нашего, в них же посети нас востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ. Сего убѡ Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостию Мы, Великиі Государь Царь і Великиі Князь Алексѣй Михаиловичь, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі Самодержцъ, [1] Московскиі, Киевскиі, Владимерскиі, Новгородцкиі, Царь Казанскиі, Царь Астраханскиі, Царь Сибирскиі, Государь Псковскиі, і Великиі Князь Литовскиі, Смоленскиі, Тверскиі, Волынскиі, Подолскиі, Югорскиі, Пермьскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иныхъ, Государь и Великиі Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Полотцкиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоѡзерскиі, Удорскиі, Ѡбдорскиі, Кондинскиі, Витебскиі, Мстиславскиі і всеа Сѣверныя страны повелитель и Государь Иверскиі земліі, Карталинскихъ і Грузинскихъ Цареи і Кабардинские земли, Черкаских і Горских Князеи и иныхъ многихъ Государствъ и Земель Восточных и Западныхъ і Сѣверныхъ Отчичь, и Дѣдичь, и Наслѣдникъ, и Государь, і Обладатель.

Брату Нашему любителному, Великому Государю Карлусу Второму, Божіею милостію Королю Аглинскому, Шкоцкому, Францужскому, Ирляндскому и иныхъ.

Наше, Царского Величества, любителное поздравленье.

В нынешнемъ во рѯѳ году, въ июле мѣсяце, писалі к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, Вы, Братъ Нашъ любителныі, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, в грамоте своеи Нашего Царскаго Величества Резидента, а Вашего Королевскаго Величества подданного Івана Гебдона [2] с сыномъ ево Иваном, обявляя Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, что по милости Всемогущаго Бога, после многихъ временъ и изгнания Вашего, ныне Вы, Братъ Нашъ, привратились [3] до пол-

---

[1] Слова, набранныя въ разбивку, въ подлинникѣ написаны золотомъ, равно кс вм. ѯ.

[2] Въ Англійскомъ переводѣ: Iobin Hebdon.

[3] restored.

ного всѣхъ Вашихъ Королевствъ і Государствъ владѣния по изволениі единогласныхъ всѣхъ Вашихъ добрыхъ подданных, которые привратилися [4] до совершенного послушания Вашего Королевскаго Величества со всяким отреченіем тѣхъ, которые ихъ к тому приводили. [5] И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, слыша про то, что Вы, Братъ Нашъ любителный, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, по многимъ времянам и по изгнаниі учинилися на всѣхъ своих Государствах и Королевствах і высокославные памяті Отца Вашего Королевскаго Величества, Великаго Государя Карлуса Короля, Его Королевскаго Величества, во владѣнье престол наслѣдуете, по премногу радуемся, и Нашему Царскому Величеству то Божие благодѣяние на вас приятно и любо слышати. И желаем Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему любителному, Великому Государю, Вашему Кролевскому Величеству, долголѣтняго здравствования и счастливого государствования. И хотимъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, с Вами, Братом Нашим, с Великимъ Государемъ, также какъ и Отецъ Нашъ, блаженные памяті, Великій Государь, Царь і Великій Князь Михаилъ Феодорович, всеа Русіи Самодержецъ, со Отцемъ Вашимъ, высокославные памяти Великимъ Государемъ с Карлусомъ Королемъ были в братцкой дружбе и любви і в сылке, по тому ж быти в братцкой крѣпкой дружбе и любви і в сылке. Да в тои же Вашего Королевскаго Величества грамоте писано, что Нашего Царскаго Величества вышеимянованной Резидентъ Іванъ Гебдонъ Нашимъ Царскаго Величества имянем Вашему Королевскому Величеству доносил, чтоб Ваше Королевское Величество поволилъ ему на Нашу, Великаго Государя, службу три тысячи ратных людей конныхъ и пѣшихъ приговорить, и хотя онъ ни какихъ Нашихъ, Царскаго Величества, грамотъ вѣрющих Вашему Королевскому Величеству не показал, однако ж Ваше Королевское Величество изволеніе свое на то учинилі и дали ему полную волность выбрать помянутых три тысячи ратныхъ людей с разумными начальники, которые могутъ служитъ Нашего Царскаго Величества престолу з болшою смѣлостью, разумомъ і вѣрностью. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, то Ваше, Брата Нашего любителного, Великаго Государя, Вашего Королевскаго Вели-

[4] retorned.

[5] with adetestation of those who misled them.

чества, изволенье принимаем в приятную братцкую дружбу і любовь, и против того Мы, Великій Государь, Вашему Королевскому Величеству, Нашего Царскаго Величества любовью воздаваті будем, гдѣ Намъ возможно. А что Ваше Королевское Величество писал в тои же грамоте о иныхъ дѣлехъ, о которых к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, Ваше Королевское Величество пошлете подданых купцовъ с послом Вашего Королевскаго Величества, которой пространнѣе объявитъ о Вашей, Брата Нашего, к Нашему Царскому Величеству дружбе. И какъ к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, Вашего Королевскаго Величества Послы придутъ и о которыхъ дѣлехъ к Намъ, Великому Государю, от Вас, Брата Нашего, с ними будет наказано, а Нам, Великому Государю, что возможно, и по желанию Вашему, Брата Нашего, то учинити велимъ. А сю Нашу, Царскаго Величества, грамоту послали Мы, Великій Государь, к Вамъ, Брату Нашему любителному, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, Нашего Царскаго Величества Резидента, Вашего Королевскаго Величества подданного, Івана Гебдона с сыномъ єво, Іваномъ. По сем Вамъ, Брату Нашему любителному, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, желаем счастливаго пребывания и многолѣтного государствования.

Писанъ в государствия Нашего Дворѣ, в царствующем граде Москвѣ, лѣта от создания миру ҂зрѯѳ, мѣсяца Июля ки҃ дня.

2.

Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посѣти нас востокъ свыше, воеже направити ноги наша на путь миренъ. Его убо Бога нашего, в Троице славимаго, милостию Мы, Великиі Государь Царь і Великиі Князь Ѳеѡдоръ Алексѣевичь, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержецъ, Московскиі, Киевскиі, Владимирскиі, Новгородъцкиі, Царь Казанскиі, Царь Астараханскиі, Царь Сибирскиі, Государь Псковскиі, і Великиі Князь Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и іныхъ, Государь і Великиі Князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоѡзерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондинскиі, і всеа Сѣверные страны Повелитель, и Государь Іверские земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Цареи и Кабардинские земли, Черкаскихъ и Горскихъ князеи, и іныхъ

многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверных отчичь и дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель.

Брату Нашему Любителному, Великому Государю Карлусу Второму, Божіею милостию Королю Аглинскому, Шкотцкому, Францужескому и Ірляндскому и іныхъ,

Братцкое поздравленіе. *

В прошломъ во рпе҃ году, Генваря въ д҃ дн к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, прислали Вы, Братъ [1] Нашъ Любителный, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, Чрезвычаиного [2] Посланника своего, Эсквира и Дворянина комнатного, Івана Гебдона, з грамотою. [3] И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, того Вашего Королевского Величества Посланъника [4] велѣли принять милостивѡ, [5] а Наши, Царскаго Величества, пресвѣтлые очи велѣли ему видѣть Апрѣля ки҃ дн. А продолжилос [6] то ево небытие у Нас, Великаго Государя, у Нашего Царскаго Величества, для нѣкоторогѡ [7] тогда настоящаго случая, в чемъ от Насъ, [8] Великаго Государя, от [9] Нашего Царскаго Величества, тотъ [10] Вашъ [11] Королевскаго Величества Чрезъвычаиной [12] Посланникъ милостиво обнадежен. А [13] какъ онъ у Нас, Великаго Государя, у Нашего Царскаго Величества, на приѣзде был, і Вашу, [14] Брата Нашего, Вашего Королевскаго Величества, грамоту [15] Намъ, [16] Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, подал, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, тое [17] Вашу, [18] Королевскаго Величева, грамоту [19] приняли і выслушали любително.

В которои грамоте написанѡ, что Вашему Королевскому Величеству показалос угодно по усердной дружбѣ, которая была за многие лѣта, чтоб междо Нашими обоими престолы такова ж благополучна пребывала, і того ради изобрали того Своего, Королевскаго Величества, Чрезвычайного Посланника обнадежити Нас, Великаго Государя, Наше Царское Величествѡ, о томъ Братъцком пребываниі, и поздравствовати Нас, Великаго Государя, Наше Царское Величествѡ, на Нашихъ, Царскаго Величества, преславныхъ і великихъ Государ-

* Слѣдующее за симъ начало грамоты до словъ: «въ которой грамотѣ написано», повторено въ началѣ грамоты 14-го Ноября сего же года; разночтенія же означены въ выноскахъ.

[1] Брат. [2] Чрезъзвычаиного. [3] пропущено. [4] посланника. [5] милостиво. [6] продолжилось. [7] нѣкоторого. [8] нас. [9] отъ. [10] тот. [11] вашего. [12] чрезвычаиноі. [13] И. [14] ваш. [15] грамоты. [16] нам. [17] тѣ. [18] вашего. [19] грамоты.

ствахъ Росиjского Царствия, и чтоб того Вашего Королевскаго Величества (Посланника?) принять, и о чемъ онъ учнетъ говорить, повѣрить. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, объявляемъ, что Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, с Вами, Братомъ Нашимъ, с Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, Нашу Государскую Братцкую дружбу и любовь содержати изволяемъ. А что Вы, Братъ Нашъ, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, счасливого государствования поздравляете, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, і Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, також взаимно счасливого государствования желаемъ. А у вышепомянутого Вашего Королевскаго Величества Чрезвычайного Посланника врученныхъ ему от Вашего Королевскаго Величества дѣлъ указали Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, выслушать Нашимъ, Царскаго Величества, Думнымъ людемъ. И о которыхъ дѣлехъ Нашимъ, Царскаго Величества, Думным людемъ обявилъ, что имѣетъ онъ при себѣ к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, другую Вашего Королевскаго Величества грамоту, которая дана ему с вышепомянутою Вашего Королевскаго Величества грамотою при отпуске ево вмѣсте, и чтоб указали Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, с тою Вашего Королевскаго Величества грамотою быть ему у Насъ, Великаго Государя, у Нашего Царскаго Величества, і Наши, Царскаго Величества, пресвѣтлые очи видѣть в другие. И хотя то ево обявление и противно древнимъ Посолскимъ обычаемъ, и довелось было ему, Посланнику, ту Вашего Королевскаго Величества грамоту Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, подать вмѣсте с выше помянутою Вашего Королевскаго Величества грамотою, однако же Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, показуя к Вамъ, Брату Нашему, къ Великому Государю, к Вашему Королевскому Величеству, Нашу, Государскую, Братцкую дружбу и любовь, тому Вашего Королевскаго Величества помянутому Посланнику с тою Вашего Королевскаго Величества грамотою, і в другие у Нас, Великаго Государя, у Нашего Царскаго Величества, на Дворѣ быть и Наши, Царскаго Величества, пресвѣтлые очи видѣт повелѣли, и ту Вашу, Брата Нашего, Великаго Государя, Вашего Королевскаго Величества, грамоту у него приняли і выслушали любително, в которои написано,

что Ваше Королевское Величество истинною сердечною дружбою не сумневаетесь о Нашемъ, Царскаго Величества, изволениі и о умноженіи ссылокъ, которые утвержены Нашими престолы и людми за многие лѣта, и о возвращениі Вашего Королевскаго Величества подданнымъ древнихъ привилиевъ, о чемъ приказали Ваше Королевское Величество тому Чрезвычайному Посланнику Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, Вашимъ, Королевскаго Величества, имянемъ обьявити и чтоб у него дѣлъ выслушать и учинить іcполнение. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, для Вашие, Брата Нашего, Вашего Королевскаго Величества, Братцкие дружбы и любви, и по другои Вашего Королевскаго Величества грамоте, у того Вашего Королевскаго Величества Посланника дѣлъ выслушать Нашимъ, Царскаго Величества, Думнымъ людем... казали, и о чемъ тот Вашего Королевскаго Величества Посланник на разговорехъ на писмѣ подал... по Нашему, Царского .....ества, указу на тѣ его поданные писма отвѣтъ ему учиненъ пристоиной на писмѣ ж... И отпускъ ему к Вашему Королевскому Величеству обявленъ мѣсяца Июня е҃ дня. И тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ по восприятиі от Нашихъ, Царскаго Величества, Думныхъ людеи отвѣтныхъ писемъ и обьявленного себѣ отпуску, словеси обявилъ, что бутто ему наказано от Вашего Королевскаго Величества побыть при Дворѣ Нашего Царскаго Величества для Вашихъ, Королевскаго Величества, дѣлъ, о которыхъ дѣлехъ писалъ онъ к Вашему Королевскому Веву, и ожидаетъ противъ того себѣ Вашего Королевскаго Величева указу вскоре. А в Вашихъ, Королевскаго Величества, грамотахъ, которые Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, тотъ Вашего Королевскаго Величества Посланникъ подалъ, того, что ему при Дворѣ Нашего Царскаго Величества, по совершениі врученныхъ ему дѣлъ побыть, не написано. Однако ж Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, имѣя с Вами, Братом Нашимъ, с Великимъ Государемъ, с Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, дружбу и любовь, указали тому Вашего Королевскаго Величества выше помянутому Посланнику, хотя и противно древнимъ Посолскимъ обычаемъ, для ожидания Вашего Королевскаго Величества указу, при Дворѣ Нашего Царскаго Величества побыть, и Наше, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества жалованье кормы давать против прежняго. И тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ сверхъ прежнихъ дѣлъ Нашимъ, Царскаго Величества, Думнымъ людемъ

Вашего Королевскаго Величества указу себѣ вновь ничего не объявилъ; и того ради указали Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, тому Вашего Королевскаго Величества Посланнику сказать, буде онъ для ожидания какова Вашего Королевскаго Величества указу при Дворѣ Нашего Царскаго Величества еще побыть похочетъ, и онъ бы жилъ на своихъ кормѣхъ для того, что по Нашему, Царскаго Величества, укзау на врученные ему дѣла, которые онъ имѣлъ от Вашего Королевскаго Величества, отвѣтъ учиненъ пристоиной. I тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ, будучи на разговорехъ, Нашимъ, Царскаго Величества, Думнымъ людемъ говорилъ, что ему еще на посланные ево писма Вашего Королевскаго Величества указу не прислано, и будет онъ того ожидать и на своихъ кормѣхъ, толко бъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, поволили ему при Дворѣ Нашего Царскаго Величества побыть. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество. для Братцкои с Вашимъ Королевскимъ Величеством дружбы и любви тому, Вашего Королевскаго Величества, вышеімянованному Посланнику при Дворѣ Нашего Царскаго Величества побыть повелѣли. I в прошломъ же во ҂ѫпє году, Августа въ кй дня тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ подалъ в Государственномъ Посолскомъ Приказе писмо, въ которомъ написано, что недавно принял онъ отвѣтъ от Вашего Королевскаго Величества противъ своего писма, которое онъ к Вашему Королевскому Величеству писалъ, что Ваше Королевское Величество прежнимъ восприятымъ отвѣтом, каковъ по указу Нашего Царскаго Величества Наши, Царскаго Величества, Думные люди ему, Посланнику, дали, не можете быти удоволствованы, і Ваше, де, Королевское Ве-во еще единожды приказали ему у Нас, Великаго Государя, у Нашего Царскаго Величества, просити о привилияхъ, что Вашего Королевскаго Величества подъданные имѣли в беспошлинной торговле. И по указу Нашего Царскаго Величества и на то ево писмяное предложение Наши, Царскаго Величества, Думные люди отвѣтъ ему на писмѣ учинили, и пожаловавъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, того Вашего Королевскаго Величества Посланника Нашимъ, Царскаго Величества, жалованьем на отпуске, к Вашему Королевскому Величеству отпустить указали. А что тот же Вашего Королевскаго Величества Посланникъ при Дворѣ Нашего Царскаго Величества жилъ немногое время на своихъ кормѣхъ, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, для Брацкие любви с Вами, Братомъ

Нашимъ, с Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, тому Вашего Королевскаго Величества Посланнику Наше, Царскаго Величества, жалованье выдать указали. И сие объявя, желаемъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, многолѣтного здоровья и счасливωгω государствования.

Писанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта от создания мира зрпѕ҃, сентября ѳ҃ дня.

3.

Царь Ѳеωдоръ Алексѣевичъ Королю Карлусу Второму.

Начало см. въ грамотѣ 19 Сентября сего года.

.....А о чемъ к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, Вашего Королевскаго Величества в тѣх своих грамотах писали, и что тот Вашего Королевскаго Величества вышепомянутои Чрезвычаиной Посланникъ на разговоре Нашимъ, Царскаго Величества, Думным людем обявил, и о том писано к Вашему Королевскому Величеству, в Нашеи, Царскаго Величества, любителнои грамоте с тѣм же Вашего Королевскаго Величества Чрезвычаиным Посланником, и отвѣтные ему писма на ево предложения даны, и на отпуске у Нашего Царскаго Величества был онъ Сентября ѳ҃ᵈᵃ нынешнягω ꙑпѕ҃ году; и Наше, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, жаловане на отпуске дано ему против належащаго достоинства, і в дорогу кормъ ему выданъ, и пристав дорожнои и подводы на дворъ были присланы. И тот Вашего Королевскаго Величества Чреззвычаиной Посланник после отпуску своего в Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, Государственной Посолской Приказ прислалъ за своею рукою писмо Октября въ е҃ᵈᵃ, а в нем написалъ, будто онъ по Нашеи, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, милости пожалован Нашимъ, Царскаго Величества, жалованьемъ не против иных ево брати, Посланников, причитая то себѣ к бесчестию. — — — Да в том же своемъ писмѣ написал, * чтоб [1] Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, по-

* Слѣдующая за симъ статья до написанныхъ въ красной строкѣ словъ: «И тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ» повторено почти слово въ слово въ грамотѣ 27 Февраля, 1678 года; немногіе пропуски означены здѣсь кавычками и напечатаны въ разбивку, а разночтенія показаны въ выноскахъ.

[1] а в нем написалъ чтоб.

жаловали ево, указали долги отца ево триста тритцать семь [2] рублевъ Нашего Царскаго Величества на подданныхъ [3] по крепостямъ [4] взять и отдать ему. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, тѣ крѣпости, хотя о том в грамоте Вашего Королевскаго Величества и не написано, в Нашъ Государственнои Посолскои Приказъ принять и достоиную росправу учинить повелѣли. И какъ в тѣх крепостях обьявилось, что тѣ долги давал [5] отецъ ево из Нашеи, Царскаго Величества, казны в то время, какъ [6] по указу Отца Нашего, Государева, блаженные памяти Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержца, і [7] многих Государствъ и Земель Восточных [8] и Сѣверных [9] Отчича, и Дѣдича, и Наслѣдника, и Государя, и Обладателя, Егω [10] Царскаго Величества, посылан [11] в Государство Вашего Королевскаго Величества для покупок, [12] и Мы, Великій Госу́дарь, Наше Царское Величество, указали Нашим, [13] Царскаго Величества, Думным [14] людемъ тому Вашего Королевскаго Величества вышепомянутому Посланнику, сыну ево Іванову, сказать Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, указ, что на отцѣ ево многая Наша, Государская, казна, в чем [15] онъ ни малого отчету в росходе [16] не учинил, [17] и спрашивано того на отцѣ ево многажды, а послѣднее в то время, какъ Ваше Королевское Величество присылали ево ко Отцу Нашему, Государеву, блаженные памяти к Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, в Посланниках [18] во ҂зрог҃ м году, чтоб онъ в томъ исправился, [19] в Нашеи, Государской, казнѣ отчетъ далъ. [20] И против [21] того отецъ ево прислалъ в Государственнои Посолской Приказ писмо, будто [22] ему в том [23] отчету дать нѣ по чему, для того, что «черные» кніги [24] і всякие писма оставил онъ в Аглинской землѣ, а с собою не привез. [25] И о том [26] отцу ево выговаривано пространными вычеты, что «он о том в писмѣ своем написал противно правдѣ, а» вѣдая было [27] на себѣ многую Нашу, Государскую, казну надобно «было ему» для достоиного исправленія [28] «в том» отчет учинить« безо всяких противных отговоров. И онъ, Іван, [29] билъ челомъ отцу Нашему, Государеву, блаженные памяти Великому Госу-

[2] семь. [3] подданныхъ. [4] крепостям. [5] давалъ. [6] какъ онъ. [7] и. [8] восточныхъ. [9] сѣверныхъ. [10] его. [11] посыланъ. [12] покупокъ. [13] нашиимъ. [14] думнымъ. [15] чемъ. [16] росходех. [17] учинилъ. [18] посланникахъ. [19] ісправился. [20] дал. [21] противъ. [22] бутто. [23] томъ. [24] книги. [25] привезъ. [26] томъ. [27] было ему [28] тѣ книги с собою привесть и. [29] Іванъ.

дарю, Его Царскому Величеству, чтоб отецъ Нашъ, Государевъ, Его Царское Величество, пожаловал ево, велѣл ему тогда, для положенных на него Вашего Королевскаго Величества дѣл,[30] в том отсрочить и отпустить к Вашему Королевскому Величеству, а впред[31] онъ, Іван,[32] «*исправленіе во всѣх своих дѣлех и отчетъ в тои Нашеи, Государскои, казнѣ учинит.*[33] И отецъ Нашъ, Государевъ, блаженные памяти Великій Государь, Его Царское Величество, к Вашему Королевскому Величеству ево, Івана, указал отпустить. «*И отецъ ево, Іван, и по отпуске своем исправления никакова в том не учинилъ.*[34] И буде ныне онъ, Іван,[35] по тѣм[36] крепостям отца своего похочет[37] тѣ долги взять, и он бы і в Нашей, Государскои, казнѣ за отца своего дал[38] отчетъ, а до подлинного в Нашеи, Государскои, казнѣ отчету по тѣмъ[39] крепостям долговъ отца ево[40] дать ему не доведется,[41] для того что отецъ ево в Нашеи, Государской, казнѣ отчету не дал[42] I Вашего Королевскаго Величества Посланникъ[43] *против того Нашего, Царскаго Величества, указу говорилъ*», что ему[44] «*в тѣх долгах отца ево*» отчету «*в Нашеи, Государской, казнѣ чинити*[45] *невозможно, для того что ему о томъ* «*Вашего Королевскаго Величества указу*[46] *не дано.*[47] *кромѣ того чтоб ему по тѣм крепостям отца ево долги взять. Да и о том в писмѣ своем, каково прислалъ в Нашъ Государственнои Посолскои Приказ за своею рукою, написал, что онъ от Нас, Великаго Государя, от Нашего Царскаго Величества к Вашему Королевскому Величеству никак не поѣдет, покамѣстъ то все получит*». И по Нашему, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, указу сказан ему прежнеи Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества указ,[48] какъ о том[49] писано в сеи же Нашеи, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, грамоте выше сего.

И тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ чрез всѣ Наши, Царскаго Величества, учиненные ему в дѣлехъ указы, по отпуске своем живет при Дворѣ Нашего Царскаго Величества, Ноября по [illegible] число. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ,

---

[30] дѣлъ. [31] впредь. [32] Іванъ и. [33] отчетъ учинитъ. [34] И от того времяни никаково исправления въ тѣмъ отецъ ево не учинилъ. [35] Іванъ. [36] тѣмъ. [37] похочетъ. [38] своего далъ. [39] тѣм. [40] ево. [41] доведетца. [42] далъ. [43] сказалъ. [44] за отца ево в тѣхъ долгахъ. [45] чинить. [46] потому что Вашего Королевскаго Величества указу. [47] ему не дано, [48] указъ. [49] томъ.

Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, о том обьявляем, что тот Вашего Королевскаго Величества вышепомянутои Посланникъ живет при Дворѣ Нашего Царскаго Величества по отпуске своем без дѣла, и того на Нашу, Царскаго Величества, сторону, с Вашие, Королевскаго Величества, стороны не причтено было ему к задержанию, потому что Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, того. Вашего Королевскаго Величэства, Посланника, пожаловав Нашимъ, Царскаго Величества, милостивым жалованьем против прежняго, отпустили к Вашему Королевскому Величеству, и желаем Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, с Вами, Братом Нашимъ, с Великимъ Государемъ, с Вашимъ Королевскимъ Величеством, быти в Братцкои дружбе и любви, а он, Вашего Королевскаго Величества, Посланникъ, Нашу, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, любителную грамоту задержал у себя, и живетъ онъ на Москвѣ без дѣла, и чтоб от того меж Нами, Великіми Государи, в любителных пересылках помѣшки не было. И сие обявив, желаемъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, многолѣтного здоровья и счастливаго государствования.

Писанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующем велицем граде Москвѣ, лѣта от создания миру ҂зрпѕ҃, мѣсяца Ноября дї дня.

4.

Царь Өеѡдоръ Алексѣевичь Королю Карлусу Второму.

Братцкое поздравление.

В нынешнемъ во рпѕ҃ году, декабря дї дня, * в Нашей, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, любителной грамоте к Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, к Вашему Королевскому Величеству, какова отпущена чрезъ почту, писанѡ, что Вашего Королевскаго Величества Чрезвычаиной Посланникъ, Іванъ Гебдонъ, после отпуску своего в Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, Государственной Посолской Приказ прислалъ, за своею рукою писмѡ......

Далѣе см. стр. 2 — 5 грамоты 14 Ноября, 1677 го........

* ошибка должно быть: Ноября дї дня.

И тотъ Вашего Королевскаго Величества Посланникъ чрез всѣ Наши, Царскаго Величества, учиненные ему в дѣлехъ указы, по отпуске своемъ жилъ при Дворѣ Нашего Царскаго Величества многое время без дѣла, и держалъ при себѣ многихъ иноземцовъ, и с тѣми людми безъвременно по ночамъ ѣздилъ ко многимъ иноземцамъ не по Посольскому обычаю, и люди ево, напився пьяни, чинили Нашимъ, Царскаго Величества, людемъ многое бесчестие и обиды, в томъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, доходили на него великие жалобы с подлиннымъ свидѣтельствомъ. Да тот же, Вашего Королевскаго Величества, Посланникъ, чрезъ Посолской обычаи, приказалъ людемъ своим ходить и ѣздить с пистольми, и проѣзжалъ по ночамъ караулы, і велѣлъ при себѣ стрелять, и Нашимъ, Царскаго Величества, подданнымъ всякихъ чиновъ людемъ различное бесчестие и обиды чинилъ. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, имѣя с Вами, Братомъ Нашимъ, Великимъ Государемъ, Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, исконную Братцкую дружбу и любовь, указали ему о томъ выговорить Нашимъ, Царскаго Величества, Думнымъ людемъ, что онъ то чинитъ не по Посолскому обычаю. И тотъ, Вашего Королевскаго Величества, Посланникъ от тѣх своихъ непотребныхъ и Посолскому обычаю противныхъ дѣлъ не унялся, и, презирая Наше, Государское, повелѣние, и злѣе прежняго учинилъ. Нарочно умысля, приѣхав в Немецкую слободу со многими своими людми, і велѣл Нашего Царскаго Величества подданного иноземца, переводчика Івана Госенса [1] сыну его, Карлу Госенсу, ѣздить в Нове Немецкои слободѣ с пистолми мимо съѣзжаго двора и карауловъ, гдѣ по Нашему, Великого Государя, Нашего Царскаго Величества, указу для всякого бережения поставленъ в тои слободѣ, Нашъ, Царскаго Величества, Дворянинъ с карауломъ, и чинить задоры всякихъ чиновъ с людми. И по обыкновеннои на том карауле крѣпости учали ему о томъ говорить, что онъ, иноземецъ, чинитъ то противно Нашему, Государскому, указу. И тотъ иноземецъ сказалъ имъ на карауле, будто онъ Дворянинъ Вашего Королевскаго Величества, а приѣхалъ в слободу Вашего Королевскаго Величества с Посланникомъ к иноземцу жъ, Петру Гасениюсу [2]. И тот Нашего Царскаго Величества Дворянинъ, хотя увѣдать, подлинно ль тотъ иноземецъ приѣхалъ с Посланникомъ Вашего Королевскаго Величества, взявъ с собою с караулу стрелцов,

[1] Въ Англійскихъ переводахъ: Gosenius и Gosin.
[2] Hafenius и Gossinouse.

пошол к тому Петрову двору. И тот переводчиков сынъ, по приказу того Вашего Королевскаго Величества Посланника, собрався съ ево, Посланниковыми, людми, того, Нашего Царскаго Величества, Дворянина и стрелцовъ били, и со всякимъ бесчестиемъ ево взяли і волокли по земли до того Петрова двора, гдѣ был Вашего Королевскаго Величества Посланникъ, а стрелцовъ били, и одного застрелили до смерти, безо всякие причины. И хотя о том по распросамъ того переводчикова сына, Карла, і Вашего Королевскаго Величества вышеимянованного Посланника людеи обьявилось подлинно, что то все учинилъ переводчиковъ сынъ, по приказу Вашего Королевскаго Величества Посланника, Івана Гебдона, однако ж, Мы, Великіи Государь, Наше Царское Величество, для Брацкие с Вашимъ Королевскимъ Величествомъ дружбы и любви, указали просто сыскать в Немецкои слободѣ великимъ обыскомъ всѣми людми. І в сыску сказали многие люди, что того Нашего Царскаго Величества Дворянина били і волочили і стрелца до смерти застрелили, и иных стрелцовъ били тот Карлъ Госенсъ с Посланниковыми людми безо всякой причины. И по Нашему, Великого Государя, Нашего Царскаго Величества, указу, тому, Вашего Королевскаго Величества, Посланнику говорилъ Приставъ ево, Нашего Царскаго Величества, Столникъ, Іванъ Талызинъ, чтоб онъ того убиіцу сыскалъ і в Нашъ Государственнои Посолскои Приказъ прислалъ. И тот Вашего Королевскаго Величества Посланникъ того Нашего, Государского, повелѣния не исполнилъ и убиіцу не отдалъ. І Мы, Великіи Государь, Наше Царское Величество, для подлинного розыску в томъ дѣле указали взять в Нашъ Государственнои Посолскои Приказъ выше обьявленного переводчикова сына, Карла Госенса. І Вам бы, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, по Братцкои с Нами, Великимъ Государемъ, с Нашимъ Царскимъ Величествомъ, дружбе и любви, восприявъ о томъ вѣдомость, тому, Вашего Королевскаго Величества, выше имянованному Посланнику, за противление Нашего, Государскаго, повелѣния и за такие ево дерзостные необыкновенные и Посолскому обычаю противные поступки, и за смертное убивство, которое учинилось по ево приказу, повелѣти учинить достоиное управление, чтоб впредь такъ иные чинить не дерзали, и межъ Нами обоими, Великими Государи, ссоръ не чинили. А что тотъ, Вашего Королевскаго Величества выше помянутои Посланникъ и нынѣ живетъ при Дворѣ Нашего Царскаго Величества по отпуске своем без дѣла, и того бъ на Нашу, Царскаго

Величества, сторону с Вашие, Королевскаго Величества, стороны не причтено было ему к задержанию, потому что Мы, Великіи Государь, Наше Царское Величество, того, Вашего Королевскаго Величества, Посланника, пожаловавъ Нашимъ, Царскаго Величества, милостивымъ жалованьемъ, к Вашему Королевскому Величеству отпустили Сентября ѳ҃го дня, и от того времени онъ, Вашего Королевскаго Величества, Посланникъ, тое Нашу, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества любителную грамоту задержалъ у себя самоволно. И сие обьявя, желаем Мы, Великіи Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, многолѣтного здоровья і счастливого государствования.

Писанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта от создания мира ҂зрпг҃го, мѣсяца Февраля кз҃го дня.

5.

Царь Өеωдоръ Алексѣевичь Королю Карлусу Второму.

Братцкое поздравленіе.

Вѣдомо Вам, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, по Нашимъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, любителнымъ грамотам, что Вашего Королевскаго Величества Чрезвычайной Посланникъ, Іванъ Гебдонъ, чрезъ всѣ Наши, Царскаго Величества, учиненные ему в дѣлехъ указы, по отпуске своемъ жил при Дворѣ Нашего Царскаго Величестза многое время без дѣла, и обьявились от него многие непотребные и Посолскому обычаю противные дела и смертное убивство, в которомъ убивствѣ для подлинного розыску взятъ был в Нашъ Государственной Посолской Приказъ переводчиковъ сынъ, Карлъ Госенсъ, о чемъ пространно писано в тѣхъ Нашихъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, к Вамъ, Брату Нашему, к Великому Государю, к Вашему Королевскому Величеству, вышепомянутыхъ грамотахъ. К тому Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, и ныне обьявляемъ, что по роспросным рѣчамъ того выше помянутого переводчикова сына, явно учинилось то убивство, что убилъ того стрелца на карауле Вашего Королевскаго Величества Чрезвычайного Посланника, Ивана Гебдона, человѣкъ Чарлусъ Джордонъ [1] безо всякие при-

[1] Въ Англійскомъ переводѣ: servant Charles forden.

чины, в чем и сам тот Чарлусъ винился, і повинное писмо подалъ за своею рукою. І Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, имѣя с Вами, Братомъ Нашим, с Великимъ Государемъ, с Вашимъ Королевскимъ Величеством, исконную Братцкую дружбу і любовь, тому, Вашего Королевскаго Величества подъданному, за то смертное убивство, смертные казни учинить не велѣли, а указали ево отпустить к Вашему Королевскому Величеству с тѣмъ, Вашего Королевскаго Величества, вышеимянованнымъ Посланникомъ. І Вамъ бы, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, восприявъ о томъ вѣдомость, повелѣть в томъ учинить достоиное управление, чтобъ впредь такъ иные чинить не дерзали и меж Нами обоими, Великими Государи, ссоръ не чинили. И сие обьявя, желаемъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, многолѣтняго здоровья и счастливого государствования.

Писанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта отъ создания мира ҂зрп҃з, мѣсяца Сентября а҃ дня.

6.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ Королю Карлусу Второму

Братцкое поздравление.

В прошломъ во рп҃е м і в нынешнем в рп҃з годѣх в розныхъ мѣсяцехъ и числѣхъ, в Наших, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, любителных грамотахъ к Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, к Вашему Королевскому Величеству, чрез почту писано, что будучи у Нас, Великого Государя, у Нашего Царскаго Величества, при Нашем, Царскаго Величества, Дворѣ, Вашего Королевскаго Величества Чрезвычаїной Посланникъ, Іванъ Гебдонъ, чрез всѣ Наши, Царскаго Величества, учиненные ему в дѣлех указы, по отпуске своемъ жил многое время без дѣла, и обявились от него многие непотребные дѣла, о которых явно освидѣтелствовано. И октября въ л҃ к Намъ, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, писали Вы, Братъ Нашъ, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, в грамоте своей, коль скоро Вашему Королевскому Величеству по грамотамъ Нашего Царскаго Величества учинилось о том извѣстно, и тогда Ваше Королевское Величество тотчасъ того по-

мянутого Посланника повелѣли накрѣпко роспросить и разсмотрить и наказане учинить, и уразумѣли быть годно, чтоб о том учинить Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, извѣстно. И желаете Ваше Королевское Величество, чтобъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, обнадежены были, не токмо в том дѣле, но і в ыныхъ во всѣхъ случаях, что Ваше Королевское Величество воздадите Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, вся удоволствования к почитанию и дружбѣ, и ко умноженнию добрых пересылокъ междо Нами обоими, Великими Государи. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, восприяв ту, Вашего Королевскаго Величества, любителную грамоту, в которой пространно описано к сохранению обоихъ Нас, Великихъ Государей, Нашие Государские Братцкие дружбы, приемлемъ в любовь, і взаимно желаемъ такожде с Вами, Братомъ Нашимъ, Великимъ Государемъ, с Вашимъ Королевскимъ Величеством, имѣть Братцкую дружбу и любовь. А что Ваше Королевское Величество изволяете по своему разсмотрению выше помянутому своему Чрезвычайному Посланнику учинить наказание, и Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, видя с стороны Вашего Королевскаго Величества к сохранению дружбы таковое исполнение, того не желаемъ,[1] и предаемъ то забвению, и надѣемся Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, что Вы, Братъ Нашъ, Великій Государь, Ваше Королевское Величество, для Нашего, Царскаго Величества, тому, выше помянутому своему Чрезвычаиному Посланнику наказания чинить не повелите. При семъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, желаемъ многолѣтного здоровья и счастливого государствования.

Писанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта от создания мира ҂зрп҃з, мѣсяца Генваря кз҃ дня.

7.

Царь Өеѡдоръ Алексѣевичь Королю Карлусу Второму.

Братцкое любителное поздравленіе.

В прошломъ во ҂зпг году к Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, писали Вы, Братъ Нашъ, Великій Государь, Ваше

---

[1] Въ подлин. «не желалаемъ».

Королевское Величество, в грамоте своей с Чрезъзвычайнымъ Посланникомъ и Дворянином комнатнымъ, с Иваномъ Гебдономъ, что желаете Ваше Королевское Величество с Нами, Великимъ Государемъ, с Нашимъ Царскимъ Величествомъ, во всѣхъ дѣлехъ сохранения и управленія ко благотворению и к прибыли обоимъ Намъ, Великимъ Государемъ. И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, то Ваше, Брата Нашего, Великаго Государя, Вашего Каролевскаго Величества, желание приемлемъ любително, и желаемъ такожде и Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, всякого благополучия. Ктому же воспомянувъ Мы, Великой Государь, Наше Царское Величество, предковъ Нашихъ, Государскихъ, Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Росиіскихъ, с предки Вашего Каролевскаго Величества любителные пересылки, такожде и Отца Нашего, Государева, блаженные памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі Самодержца, Его Царскаго Величества, с Вами, Братомъ Нашимъ, Великимъ Государемъ, с Вашимъ Каролевскимъ Величествомъ, любителные ж пересылки, послали, для обновления и укрепления той нашей Братцкой дружбы и любви, к Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, Нашихъ, Царскаго Величества, Посланниковъ, Столника, Намѣстника Углецкаго, Петра Івановича Потемкина, да Дьяка Степана Волкова, [1] и наказали имъ про Наше, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, здоровье Вамъ, Великому Государю, Брату Нашему, Вашему Кородевскому Величеству, сказать, а Ваше, Великаго Государя, Брата Нашего, Вашего Королевскаго Величества, здоровье видеть [2] и Нашу, Царскаго Величества, Вашему Королевскому Величеству подвижность к любителной дружбе обявить, [3]

чтоб впред междо Насъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величес... и Васъ, Брата Нашего, Великаго Государя, Ващего Каролев-	that the Love and friendship between Us Our Czarsky Ma^{ty} and your Royall Ma^{ty} may be preser red and maintained, and that you

[1] Въ Англійскомъ переводѣ: «Polcoff».

[2] Въ подлинникѣ «видете».

[3] Остальная часть грамоты наполнена дырами и на серединѣ по переводу заклеена цѣлая строка. Для пополненія происшедшихъ отъ того пропусковъ, противъ списка съ подлинной грамоты выписанъ списокъ съ современнаго ей Англійскаго перевода.

скаго Величества, дружба и л... въ——— и возрастала... амъ бы, Брату Нашему, Великаго Государя, ———велѣти тѣ......мъ Царскаго Величества Посланникомъ——— ——— слуги....ѣ Наш... Царскаго Величества Пос——— ——— ——— указ обьявять и тому б вѣрить и отпустить ихъ — ——— ——— Царскому Величеству не задержавъ. При семъ Мы желаемъ Великаго Государя ——— Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Короля...... Величеству, многолѣтнаго здоровья и счастливого государствования.

Our Brother your Royall Maty will order them Our Czarsky Matys Messengers to come into your Presence, and to hear their Embassy, and what Our Czarsky Matys Orders shal make known unto you, and thet creditt may be given thereto, and that your, Royall Maty would dismiss them to Our Czarsky Maty without delay. So we Our Czarsky Maty doe pray that you Our brother your Royall Maty maycontinue many years in healthiand happiness to reign.

Писанъ——— Нашего во Дворѣ в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта ѿт создания мира ҂зрпѳ҃, мѣсяца Сентября ді҃ дня.

8.

Милосердия ради милости Бога нашего, в нихъ же посети насъ востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, Его убо, Бога нашего, в Троице славимаго, милостию, Мы, Великие Государи, Цари і Великие Князи, Іѡаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержци, Московские, Киевские, Владимерскіе, Новгородцкие, Цари Казанские, Цари Астраханские, Цари Сибирские, Государи Псковские, і Великие Князи Смоленские, Тверские, Югорские, Пермские, Вятцкие, Болгарские и иныхъ, Государи и Великие Князи Новагорода Низовские земли, Черниговские, Резанские, Ростовские, Ярославские, Белоозерские, Удорские, Обдорские, Кондинские, и всеа Сѣверныя страны Повелителѣ, и Государи Иверские землі, Карталинскихъ і Грузинскихъ Царей і Кабардинские земли, Черкаских і Горских Князей и иныхъ многихъ Государствъ и Земель Вос-

точныхъ и Западныхъ і Сѣверныхъ Отчичи, и Дѣдичи, и Наслѣдники, и Государи, і Обладатели.

Брату Нашему Любителному, Великому Государю Карлусу Второму, Божіею милостію, Королю Аглинскому, Шкоцкому, Французжскому и Ирляндскому и иныхъ,

Братцкое любителное поздравленье.

При поздравленіи же чинимъ вѣдомо, что Всемогущіи Господь Богъ и Владыко всѣхъ, имъ же Царие царствуютъ и всѣ Монархіи состоятся, по Своей святѣй і праведной воле, изволилъ от сего земнаго Царствия преселити в вѣчное блаженство небеснагѡ своего Царствия брата Нашего, Великаго Государя Царя і Великаго Князя Өеѡдора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, Его Царское Величество, нынешняго ҂зрч҃ году, мѣсяца Апрѣля кз҃ дня. А по отшествіи Его Царскаго Величества с сего свѣта в вѣчное блаженство небеснаго Царствия на прародителском великого и преславного Росіиского Царствия престоле учинилися и вѣнецъ царской і престѡл и самодержавный скиптръ и державу, при помощи тогожъ Всемогущагѡ Бога, восприяли обще Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество. И о семъ Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество, Вамъ, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, обьявляемъ, и желаемъ с Вами, Братомъ Нашимъ, с Великимъ Государемъ, с Вашимъ Королевскимъ Величествомъ, пребывати в братцкои дружбе и любви. А с сею Нашею, Царскаго Величества, грамотою послали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, к Вамъ, Брату Нашему, к Великому Государю, к Вашему Королевскому Величеству, гонца Нашего Подьячего Дмитрея Симоновского. И Вамъ бы, Брату Нашему, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, восприявъ о томъ вѣдомость, по тому жъ имѣти с Нами, Великими Государи, с Нашимъ Царскимъ Величествомъ, братцкую дружбу и любовь непремѣнно. А того Нашего Царскаго Величества вышеимянованного гонца велѣть, по принятіи Нашей, Царскаго Величества, грамоты отпустить к Намъ, Великимъ Государемъ, к Нашему Царскому Величеству, не задержавъ. И сие обявя, желаемъ Вамъ, Великому Государю, Вашему Королевскому Величеству, многолѣтного здоровья.

Піcанъ государствия Нашего во Дворѣ, в царствующемъ граде Москвѣ. Лѣта от созданія мира ҂зрч҃ мѣсяца Июня ѳ҃ дня.

ПИСЬМА

ОТЪ ЯКОВА ВИЛИМОВИЧА БРЮСА КЪ КНЯГИНѢ ДАРЬѢ МИХАЙЛОВНѢ МЕНЬШИКОВОЙ. [1]

1

Сіятельнѣйшая Княгиня, Милостивая Госпожа!

Зѣло я жалѣю, что по желанію Вашему, Его Свѣтлости, Вашему любезнѣйшему сожителю, къ себѣ Васъ взять невозможно, понеже онаго истинно учинить опасно; ибо непріятель отсель токмо въ $2^1/_2$ миляхъ стоитъ, а между здѣшняго мѣста и Могилева зѣло великія грязи и болота обретаются, что едва верхомъ возможно проѣхать, и ежели случится скорымъ абцухомъ назадъ уступать, то трудно будетъ и самимъ проѣхать, и я могу Вашу Свѣтлость обнадежить, что не отъ какого ослабленія его любви къ Вамъ онъ Васъ къ себѣ не хочетъ, но токмо отъ жалѣнія и опасенія, дабы Васъ въ какой страхъ не привести, которое я многожды примѣтилъ въ воздыханіи, когда про Ваше здравіе кушаетъ, и сіе нерѣдко случается. Того ради совѣтую, ежели Ваша Свѣтлость да не подалеко (како слышемъ) отъ Шклова стоите, дабы къ Петрову дню изволили въ Шкловѣ быть. Понеже я надѣюсь Его Свѣтлости (хотя и не открываяся) наговорить, дабы того дня изволилъ быть въ Шкловѣ. Между тѣмъ [2] остаюсь Вашей Свѣтлости, моей Милостивой Госпожи,

нижайше послушнымъ слугою.

Іюня 27 дня, 1708 г.

---

[1] Въ бумагахъ, оставшихся отъ Якова Вилимовича Брюса (въ послѣдствіи Генералъ-Фельдцейхмейстера и Графа при Петрѣ Великомъ) отысканы два черновыя его письма къ Княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ Меньшиковой, и оригинальный отвѣтъ ея, съ припискою на оборотѣ отъ Варвары Михайловны Арсеньевой, сестры Княгини. Письмо Княгини и приписка ея сестры, равно какъ и обѣ подписи, писаны одною рукою. Этѣ письма указываютъ на семейныя отношенія Князя Александра Даниловича Меньшикова, и также на отношенія Якова Вилимовича Брюса къ семейству Князя.

[2] Слово тѣмъ въ черновой пропущено.

2

Сіятельнѣйшая Княгиня, Милостивая Госпожа!

Я мню, что уже Ваша Свѣтлость извѣстны отъ Поручика Звѣрева, что Его Свѣтлость, любезнѣйшій сожитель Вашъ, въ добромъ здравьи съ боя съ непріятелемъ возвратился; однако жъ, по должности своей и обѣщанію моему Вашей Свѣтлости, не могу донести оставити, что Его Свѣтлость, Князь Александръ Даниловичъ, сего числа по утру, въ девятомъ часу по полуночи, во благожелаемомъ здравіи въ Шкловъ прибылъ, и по исправленіи святыя литургіи Божіей у себя, при обѣдѣ, на старомъ мѣстѣ, въ шатрахъ, не токмо ради полученной вѣдомости отъ перебѣжчика, что при бою съ непріятелемъ его войска вящеѣ нашего вдвое побито, но и за здравіе Вашей Свѣтлости мы всѣ (я мню на памятство сладчайшее и утѣшнѣйшее прощаніе съ Вами) многожды пили, изъ чего Ваша Свѣтлость видѣть можете, что онъ Васъ никогда въ забвеніе оставитъ, хотя Ваша Свѣтлость отъ части и сумнѣваетесь о томъ, какъ я дознаться могъ отъ Вашего желанія, что отъ него остатись не хотѣли, и что Вамъ съ собою не приказалъ быти, чего ему воистинно учинить было не возможно. Токмо единаго дѣла отъ Васъ утаить не могу, въ которомъ я могу виненъ учиненъ быть, что Его Свѣтлость, когда непріятель сталъ чрезъ рѣку преходить, до меня уѣхалъ, чего свѣдати не могъ, понеже на вольной квартирѣ съ Его Свѣтлостью стоялъ, также съ посту своего отойти не могъ, отъ чего мнѣ не малая печаль была, токмо жъ его здравія пріѣздъ паки назадъ обрадовалъ не токмо насъ но и Ваша Свѣтлость.... [3] тому стали быть причастны, при которой всегда Вамъ желаю быти, пребывая Вашей Свѣтлости, моей истинной Госпожи.

Изъ Шклова.
4 дня Іюля, 1708 года.

---

[3] Слово зачеркнуто, потомъ исправлено, но разобрать нельзя было.

ОТЪ КНЯГИНИ ДАРЬИ МИХАЙЛОВИНЫ МЕНЬШИКОВОЙ КЪ Я. В. БРЮСУ.

Благородный и высокопочтенный Господинъ, Господинъ Генералъ-Лейтенантъ, мой особливый благодѣтель!

Писаніе Вашей Милости я получила, писанное изъ Шклова вчерашняго дня, за что, не продолжая времени, Вашей Милости сугубо благодарствую, а особливо за увѣдомленіе о здоровье Князя Александра Даниловича, о чемъ я и впредъ прошу, да не оставлена буду во ономъ. И въ томъ же письмѣ изволилъ объявить о дознаніи нашего желанія, токмо и сами то мы разумѣли, что за нынѣшнимъ случаемъ невозможно, и зѣло о томъ сожалѣемъ, что отлучны стали. Прошу же усердно Вашу Милость, особливо, чтобъ Ваша Милость изволила Князю Александру Даниловичу говорить, дабы во опасности себя, къ мѣсту изволилъ, въ чемъ на Милость Вашу имѣю надѣю, и съ тою надеждою остаюся,

Вашего Благородия ко услугѣ охотнѣйшая

Дарья Меньшикова.

Изъ Горокъ, дня 5 Іюня, 1708 г.

Приписка на оборотѣ:

Не вызнавала иного особаго писанія до Вашего Благородія, но при семъ всеуниженно поздравляю и сугубо благодарствую за Ваше благопріятнѣйшее писаніе, о чемъ униженно и впредь прошу, а паче о чемъ до Вашего Благородія просительно изволила писать сестрица, по оному послѣдствуя и остаюся съ нижайшимъ моимъ должнымъ поклономъ

Варвара Арсеньева.

Сообщ. **М. Де Пуле.**

ВѢДОМОСТЬ

ДОМАМЪ, НАХОДИВШИМСЯ ВЪ МОСКВѢ,

составленная по Высочайшему Указу 1716 года для опредѣленія количества денежной подати, собиравшейся съ оныхъ ночными цѣловальниками.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи открыта нами Вѣдомость о домахъ, находившихся въ Москвѣ, составленная по Высочайшему Указу 1716 года, для опредѣленія количества денежной подати, которая собиралась на вѣрѣ съ этѣхъ домовъ ночными цѣловальниками. Вѣдомость эта, расположенная по приходамъ церквей, содержитъ въ себѣ перечисленіе домовъ, принадлежавшихъ, какъ Царственнымъ Особамъ, такъ и вообще людямъ знатнымъ, служилымъ, торговымъ и промышленникамъ. [1]

---

[1] Къ сожалѣнію, эта Вѣдомость не объясняетъ ни способа взиманія подати, ни количества оной съ каждаго дома, а только пояснено въ ней, что она взыскивается по Указу Великаго Государя. Вотъ заголовокъ Вѣдомости, списанный слово въ слово: «Лѣта 1716, Декабря въ 29 день, по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Ближнему Стольнику, Князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, съ товарищи. Октября въ 18 день нынѣшняго 1716 года, въ Указѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Канцелярію Земскихъ дѣлъ, къ Ближнему Кравчему и Московскому Губернатору, къ Кириллу Алексѣевичу Нарышкину, съ товарищи, изъ Преображенскаго Приказа написано: Велѣно изъ Канцеляріи Земскихъ дѣлъ, что въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ, въ Земляномъ городахъ, и за Землянымъ городомъ, въ слободахъ есть, во всѣхъ безобходно дворовъ всякихъ чиновъ людей, въ Преображенскій Приказъ прислать вѣдѣніе, для опредѣленія впредь о сборѣ Великаго Государя денежной казны, которую сбираютъ въ воротахъ на вѣрѣ присланные изъ Ратуши ночные цѣловальники».

Изъ домовъ Особъ Царственныхъ въ эту опись вошли три дома: первый находится въ приходѣ Церкви Діонисія Ареопагита, и обозначенъ въ открытомъ нами документѣ слѣдующимъ образомъ: «Великаго Государя, что слыветъ Романовъ;» второй въ приходѣ Церкви Великомученика Георгія, что въ Лушникахъ, принадлежалъ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; и наконецъ третій Царевны Софьи Алексѣевны былъ въ приходѣ Церкви Бориса и Глѣба. Не поименовывая за тѣмъ того или другаго изъ тогдашнихъ частныхъ владѣльцевъ домовъ въ Москвѣ, мы ограничились въ нашемъ извлеченіи изъ упомянутой Вѣдомости преимущественно перечисленіемъ церквей и именами только тѣхъ изъ этихъ владѣльцевъ, которые пользуются въ большей или меньшей степени историческою извѣстностію, или служебнымъ значеніемъ, въ томъ предположеніи, что свѣдѣнія этѣ съ одной стороны, укажутъ на мѣста многихъ церквей, уже не существующихъ, а съ другой стороны, дадутъ понятія о мѣстности домовъ лицъ, съ именами коихъ связано или историческое воспоминаніе, или служебное значеніе. Вотъ причина, которая побудила насъ сдѣлать извѣстнымъ этѣ извлеченія всѣмъ любителямъ отечественной старины. Не льзя только не пожалѣть въ заключеніе, что настоящій документъ дошелъ до насъ не вполнѣ: помянутая выше Вѣдомость обнимаетъ собою не всю первопрестольную столицу нашу, а только болѣе или менѣе значительную часть ея.

П. Ивановъ.

——

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Старой Прощи, у новаго каменнаго моста.

Въ приходѣ оной Церкви состояло четыре двора

Церковь Всѣхъ Святыхъ, что у Алексѣевскаго монастыря.

Въ приходѣ оной церкви состояло три двора, въ числѣ коихъ находился домъ Стольника Лукьяна Ивановича Талызина.

Церковь Николая Чудотворца, что у Боровицкаго моста.

Въ приходѣ оной церкви состояло четыре двора, въ числѣ коихъ находился домъ Графа Никиты Моисѣевича Зотова.

Церковь Пресвятыя Богородицы Ржевскія, что у Пречистенскихъ воротъ.

Въ приходѣ той церкви состояло девять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Вдовы Настасьи Петровны Бутурлиной.

Вдовы Евдокеи Михайловны Нарышкиной.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что на старомъ Ваганковѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Боярина Князя Петра Ивановича Прозоровскаго

Думнаго Дьяка Автамона Ивановича Иванова.

Церковь Саввы Стратилата, что на Знаменкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шесть домовъ, въ числѣ коихъ находился домъ Князя Семена Федоровича Борятинского.

Церковь Св. Тихона Чудотворца, что у Смоленскихъ воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Графа Григорья Ивановича Головкина.

Князя Романа Федоровича Горчакова.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что на Турыгинѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Авраама Федоровича Лопухина.

Боярина Бориса Гавриловича Юшкова.

Стольника Якова Федоровича Порошина.

Церковь Св. Евангелиста Луки.

Въ приходѣ оной церкви состояло семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Андрея Ивановича Волконскаго.

Князя Никиты Кондратьевича Вяземскаго.

Церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, что на Знаменкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло 9 дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Боярина Никиты Никитича Стрешнева.

Боярина Петра Матвѣевича Апраксина.

Стольника Михайла Петровича Измайлова.

Стольника Андрея Константиновича Курбатова.

Стольника Александра Кузмича Петрово Соловова.

Церковь Св. Димитрія Селунскаго Чудотворца, что въ Никитскомъ монастырѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло 14 дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Ивана Ивановича Долгорукова.

Князя Александра Лукича Долгорукова.

Княгини Настасьи Васильевны Троекуровой.

Церковь Вознесенія Господня, что на Никитской.

Въ приходѣ оной церкви состояло 16 дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Ближняго Стольника Князя Федора Юрьевича Ромодановскаго.

Князя Василья Владиміровича Долгорукова.

Стольника Кирила Петровича Матюшкина.

Стольника Ивана Алексѣевича Сабакина.

Стольника Михайла Федоровича Лодыгина.

Стольника Федора Григорьевича Колычева.

Церковь Успенія Пресвятыя Богородица, что на Успенскомъ вражкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Петра Алексѣевича Голицына.

Князя Юрія Петровича Щербатова.

Князя Богдана Ивановича Гагарина.

Церковь Великомученика Георгія, что на Красной горкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло 12 домовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Княгини Феклы Семеновны Урусовой.

Стольника Степана Петровича Нелединскаго.

Церковь Великомученицы Параскевы, что у Мучнаго ряда.

Въ приходѣ оной церкви состояло три двора, въ числѣ коихъ находился домъ:

Князя Ивана Борисовича Троекурова.

Церковь Св. Моисея Боговидца, что у Богадѣленъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ:

Стольника Князя Владиміра Михайловича Долгорукова.

Церковь Св. Димитрія Селунскаго Чудотворца, что на Тверской.

Въ приходѣ оной церкви состояло 19 дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Князя Ивана Ивановича Хованскаго.

Князя Михайла Ивановича Вадбольскаго.

Стольника Михайла Даниловича Траханіотова.

Стольника Василья Андреевича Сабурова.

Дьяка Федора Дмитріева Воронова.

Церковь Всемилостиваго Спаса, что на Тверской.

Въ приходѣ той церкви состояло шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Боярина Князя Ивана Алексѣевича Голицына.

Боярыни вдовы Княгини Евдокеи Васильевны Ромодановской.

Князя Петра Михайловича Голицына.

Стольника Петра Михайловича Милославскаго.

Стольника Ивана Ивановича Траханіотова.

Церковь Алексѣя Митрополита, что на Глинищахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Маіора Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Семена Андреевича Салтыкова.

Стольника Петра Даниловича Глѣбова.

Стольника Михайла Георгіевича Телепнева.

Князя Федора Матвѣевича Козловскаго.

Стольника Михайла Феоктистовича Чоглокова.

Церковь Св. Григорія Богослова, что на Дмитровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло четырнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Княжны Марьи Федоровны Вяземской.

Стольника Дмитрія Петровича Протасьева.

Церковь Воскресенія Христова, что на Петровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Ивана Михайловича Егупова Черкасскаго.

Князя Ивана Осиповича Щербатова.

Стольника Михайла Лукича Мартьянова.

Стольника Михайла Яковлевича Кафтырева.

Церковь Великомученика Антипія Чудотворца.

Въ приходѣ оной церкви состояло пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Федора Семеновича Хованскаго.

Стольника Сергѣя Ивановича Милославскаго.

Думнаго Дьяка Гаврила Федоровича Деревнина.

Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что на Старомъ Ваганковѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семь дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ

Стольника Федора Ивановича Кузмина.

Церковь Ризы Положенія Богородицы, что на Арбатѣ у Кисловки.

Въ приходѣ оной церкви находились дома:

Губернатора Кириллы Алексѣевича Нарышкина.

Князя Никиты Ивановича Долгорукова.

Церковь Св. Пророка Елисѣя, что на Успенскомъ вражкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло девять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Вдовы Софьи Васильевны и Ивана Ивановича Колычевыхъ.

Князя Никиты Андреевича Шаховскаго.

Князя Николая Петровича Щербатова.

Церковь Преображенія Господня, что въ Копьѣ.

Въ приходѣ оной церкви находился домъ

Стольника Василья Васильевича Шереметева.

Церковь Великомученицы Анастасіи, что у Мучнаго ряда.

Въ приходѣ оной церкви состояло три дома, въ числѣ коихъ находился домъ

Князя Александра Бековича Черкасскаго.

Церковь Св. Пророка Иліи, что на Тверской.

Въ приходѣ той церкви состояло восемь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Князя Григорья Федоровича Долгорукова.

Стольника Князя Василья Михайловича Долгорукова.

Стольника Князя Ивана Алексѣевича Хилкова.

Стольника Князя Федора Андреевича Голицына.

Церковь Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря.

Въ приходѣ оной церкви находилось семь дворовъ.

Церковь Св. Діонисія Ареопагита.

Въ приходѣ оной церкви состоялъ двадцать одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Адмирала Федора Матвѣевича Апраксина.

Генерала Князя Никиты Ивановича Репнина.

Княгини Дарьи Васильевны Щербатовой.

Капитана Преображенскаго полка Юрья Алексѣевича Ржевскаго.

Великаго Государя, что слыветъ Романовъ, а въ немъ жителей:

Протопопа Спасскаго Собора, что у Великаго Государя вверху, Якова Игнатьева.

Попа Романа Иванова.

Попа Ивана Кирсантьева.

Попа Константина Федорова.

Попа Михаила Петрова.

Пѣвчаго Дьяка Андрея Васильева Нижегородца.

Пѣвчаго Дьяка Данила Иванова.

Пѣвчаго Дьяка Григорья Евстафьева.

Пѣвчаго Лукьяна Савельева.

Пѣвчаго Никифора Савельева.

Пѣвчаго Степана Данилова.

Дьякона Прокофья Иванова.

Пономаря Спасскаго Собора, что вверху, Артемья Кононова.

Семена Аѳанасьева.

Сенатскаго Подъячаго Григорья Антонова.

Дьяка Верхней Аптеки Бориса Пахомова.

Церковь Св. Сергія Чудотворца, что у Петровскаго монастыря.

Въ приходѣ оной церкви состояло восемь дворовъ.

Церковь Сергія Чудотворца, что на Дмитровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ:

Стольника Якова Мусина-Пушкина.

Церковь Козьмы и Даміана, что на Шубинѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло восемь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Якова Федоровича Долгорукова.

Князя Михайла Владимировича Долгорукова.

Князя Василья Ивановича Гагарина.

Петра Ивановича Дохтурова.

Боярина Петра Матвѣевича Апраксина.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Гнѣздникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло одиннадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Вдовы Княгини Аксиньи Володимировны.

Царевича Сибирскаго.

Дьяка Никифора Зайцева.

Василья Иванова Волынскаго.

Церковь Св. Леонтія Ростовскаго Чудотворца, что на Успенскомъ вражкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло два двора, въ числѣ коихъ находился домъ

Стольника Князя Михайла Григорьевича Волконскаго.

Церковь Козьмы и Даміана, что на Ржищахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло одиннадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ

Дьяка Герасима Анисимова Невѣжина.

Церковь Бориса и Глѣба, что у Арбатскихъ воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло три двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Тайнаго Совѣтника Графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина.

Князя Михайла Матвѣевича Оболенскаго.

Дьяка Ивана Яковлева Юдина.

Церковь Іоанна Милостиваго, что у Кисловки.

Въ приходѣ оной церкви состояло десять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Князя Юрья Степановича Нелединскаго-Мелецкаго.

Капитана Князя Петра Алексѣевича Коркодилова.

Стольника Саввы Даниловича Мяснова.

Церковь Димитрія Селунскаго Чудотворца, что на Арбатѣ, на Вздвиженкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Якова Ивановича Кольцова-Мосальскаго.

Князя Василья Лукича Долгорукова.

Церковь Рождества Богородицы, что въ Столешникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Θедора Петровича Дубровскаго.

Дмитрія Ивановича Бутурлина.

Стольника Василья Дмитровича Сабурова.

Стольника Льва Дмитріевича Загряжскаго.

Стольника Алексѣя Колычева.

Церковь Іоанна Предтечи, что на Лѣнивомъ Торжкѣ.

Въ приходѣ той церкви состояло пять дворовъ.

Церковь Пятницы Ржевскія, что у Пречистенскихъ Воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло два двора, въ числѣ коихъ находился домъ

Стольника Алексѣя Ивановича Нарышкина.

Церковь Іоанна Предтечи, что у Никитскихъ воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Степана Путятина.

Матвѣя Воейкова.

Георгіевскій дѣвичій монастырь.

При ономъ монастырѣ находились дворы церковно-служителей.

Церковь Николая Чудотворца, что на Хлыновѣ

Въ приходѣ оной церкви состояло десять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Генерала Автамона Ивановича Головина.

Петра Андреевича Толстаго.

Князя Ивана Михайловича Мещерскаго.

Князя Михайла Михайловича Волконскаго.

Церковь Василія Кессарійскаго, что на Тверской.

Въ приходѣ той церкви состояло пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Генерала Автамона Ивановича Головина.

Генералъ-Адъютанта Юрья Юрьевича Одоевскаго.

Князя Матвѣя Петровича Гагарина.

Боярина Князя Юрья Семеновича Урусова.

Отъ Яузскихъ воротъ и отъ Васильевскаго сада по Неглинку.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Мыльникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Александра Дмитріевича Волконскаго.

Ближняго Стольника Ивана Ивановича Нарышкина.

Церковь Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тринадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Максима Ильича Чирикова.

Стольника Алексѣя Ивановича Еропкина.

Церковь Св. Кира и Іоанна, что на Кулишкахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло восемьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Полковника Михайла Ивановича Нащокина.

Стольника Богдана Андреевича Чаплыгина.

Полковника Степана Ивановича Аничкова.

Стольника Александра Семеновича Колтовскаго.

Церковь Рождества Богородицы, что на Кулишкахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Афанасья Андреевича Кузмина-Короваева.

Дьяка Никифора Федорова Румянцова.

Церковь Св. Петра и Павла, что на Кулишкахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Вице-Губернатора Степана Андреевича Колычева.

Стольника Князя Ивана Ивановича Мещерскаго.

Стольника Князя Василья Ивановича Мещерскаго.

Князя Федора Ивановича Исупова.

Стольника Матвѣя Васильевича Колычева.

Стольника Афанасья Ивановича Владычкина.

Стольника Андрея Петровича Бахметева.

Стольника Григорья Кирилича Загряжскаго.

Церковь Св Николая Чудотворца, что въ Подкопаевѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать дворовъ.

Церковь Св. Князя Владимира, что въ Садахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Федора Петровича Вердеревскаго.

Стольника Венедикта Алексѣевича Татищева.

Думнаго Дворянина Степана Савича Нарбекова.

Стольника Князя Василья Григорьевича Щербатова.

Князя Василья Федоровича Елецкаго.

Дьяка Гаврила Окункова.

Церковь Трехъ Святителей, что на Кулишкахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать восемь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Окольничаго Михайла Ивановича Глѣбова.

Стольника Федора Леонтьевича Лопухина.

Стольника Петра Ивановича Ловчикова.

Стольника Петра Ивановича Измайлова.

Думнаго Дворянина Никиты Савича Хитрова.

Стольника Дмитрія Максимовича Селиванова.

Стольника Глѣба Степановича Владычкина.

Церковь Живоначальныя Троицы, что на Хохловкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Генерала Князя Михайла Михайловича Голицына.

Князя Владимира Владимировича Долгорукова,

Генерала Федора Никитича Глѣбова.

Церковь Св. Петра Веригъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Владимира Никитича Прозоровскаго.

Князя Василья Андреевича Кольцова-Мосальскаго.

Князя Федора Михайловича Волконскаго.

Дьяка Ивана Андреева Байбакова.

Церковь Преображенія Господня, что на Глинищахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло девятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Боярина Кн. Михайла Никитича Львова.

Оберъ-Коменданта Ивана Петровича Измайлова.

Стольника Никиты Пушкина.

Боярина Кн. Ивана Алексѣевича Голицына.

Полковника и Коменданта Петра Васильевича Измайлова.

Стольника Семена Матвѣевича Хрущева.

Дьяка Ивана Козлова.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы, что за Ильинскими воротами. Въ приходѣ оной церкви находилось пять дворовъ.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Блинникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло четырнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Полковника Князя Семена Никитича Урусова.

Стольника Князя Ивана Ивановича Щербатова.

Церковь Св. Мученика Архидіакона Евпла.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Ближняго Кравчаго и Московскаго Губернатора Кирилла Алексѣевича Нарышкина.

Сенатора Князя Михайла Владимировича Долгорукова.

Вдовы Боярина Князя Марьи, Федоровны дочери, Борисовой жены, Алексѣева сына, Голицыной.

Генерала Якова Вилимовича Брюса.

Стольника Ивана Степановича Салтыкова, жены его вдовы Марьи Ивановны.

Князя Григорья Алексѣевича Урусова.

Князя Федора Михайловича Кольцова-Мосальскаго.

Князя Афанасья Михайловича Шейдакова.

Князя Федора Ивановича Добринскаго.

Стольника Ивана Родіоновича Стрешнева.

Стольника Тимофѣя Александровича Ляпунова.

Стольника Тимофѣя Семеновича Кудрявцева.

Стольника Карпа Евтифѣевича Сытина.

Стольника Василья Кирилловича Толстаго.

Церковь Св. Іоанна Предтечи, что на Лубянкѣ, въ Новой улицѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло четырнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Касимовскаго Царевича Ивана Васильевича.

Казанскаго Губернатора Петра Самойловича Салтыкова.

Ивана Степановича Потемкина.

Князя Никиты Михайловича Засѣцкаго.

Князя Александра Никитича Прозоровскаго.

Церковь Введенія Пресвятыя Богородицы, что на Срѣтенкѣ.

Въ приходѣ оной церкви находилось тринадцать дворовъ, въ числѣ коихъ были дома:

Боярыни вдовы Княгини Анны Кондратьевны Хованской.

Боярыни вдовы Ульяны Львовны Нарышкиной.

Стольника Ивана Ивановича Вельяминова.

Дьяка Аѳанасья Васильева Герасимова.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что на Срѣтенкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Кіевскаго Губернатора Князя Дмитрія Михайловича Голицына.

Князя Сергѣя Петровича Долгорукова.

Рождественскій дѣвичій монастырь.

Въ приходѣ онаго монастыря состояло двадцать два двора.

Церковь Живоначальныя Троицы, что на Хохловкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Ильи Ивановича Мещеринова.

Князя Ивана Алексѣевича Голицына.

Княгини вдовы Прасковьи Никифоровны Борятинской.

Церковь Успенія Пресв. Богородицы, что на Покровкѣ, въ Котельникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцат девять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Василья Петровича Головина.

Князя Сергѣя Борисовича Голицына.

Стольника Князя Данилы Ивановича Борятинскаго.

Церковь Козьмы и Даміана, что на Покровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло девятнадцат дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Михайла Фокича Грушевскаго.

Стольниковъ Ивана и Александра Петровичей Лопухиныхъ.

Стольника Алексѣя Тихановича Волкова.

Стольника Артамона Перфильевича Ляпина.

Стольника Михайла Фокича Грушецкаго.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что у Столба.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцат дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Графа Андрея Артемовича Матвѣева.

Стольника Федора Ивановича Янова.

Генерала Князя Михайла Михайловича Голицына.

Стольника Юрья Селиванова.

Церковь Великомуч. Георгія, что въ Лушникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцат шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Благовѣрные Царицы и Великой Княгини Екатерины Алексѣевны.

Думнаго Дворянина Василья Семеновича Змѣева.

Княгини Марьи Алексѣевны Львовой.

Стольника Федора Михайловича Клешкина.

Церковь Св. Фрола и Лавра, что у Мясницкихъ воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцат семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Александра Дмитріевича Лихарева.

Дьяка Петра Климентова Скурихина.

Дьяка Федора Миронова Сорокина.

Дьяка Ивана Михайлова Волкова.

Казанскаго Губернатора Петра Самойловича Салтыкова.

Фелт-Маршала Бориса Петровича Шереметева.

Дьяка Ивана Гаврилова Грамотина.

Стольника Григорья Михайловича Петрова-Соловова.

Церковь Архангела Гавріила, что на Чистомъ прудѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Свѣтлѣйшаго Князя Александра Даниловича Менщикова.

Стольника Михайла Ивановича Приклонскаго.

Александра и Ивана Львовичей Нарышкиныхъ.

Дьяка Андрея Иванова Городецкаго.

Генерала Алексѣя Алексѣевича Головина.

Варсонофіевскій дѣвичій монастырь.

Въ приходѣ онаго монастыря состояло десять дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ

Князя Сергѣя Борисовича Голицына.

Церковь Св. Николая Чудотворца Божедомскаго, что на Рождественкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло дворовъ сорокъ пять, въ числѣ коихъ находился домъ

Князя Семена Михайловича Козловскаго.

Церковь Маріи Египетской, что въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцат два двора.

Церковь Софіи Премудрости Божіей, что у Пушечнаго двора.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Окольничаго Михайла Васильевича Сабакина.

Стольника Ивана Андреевича Дашкова.

Князя Василья Михайловича Хилкова.

Церковь Іоакима и Анны, что у Пушечнаго двора.

Въ приходѣ оной церкви находилось семь дворовъ.

Отъ Москвы рѣки по Неглинную улицу, въ Земляномъ городѣ:

Церковь Св. Пророка Иліи.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Матвѣя Ивановича Коновцына.

Князя Михайла Лаврентьевича Дулова.

Князя Петра Дмитріевича Щербатова.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Кневцѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Михайла Семеновича Самарина.

Стольника Василья Андреевича Ржевскаго.

Церковь Воскресенія Христова, что слыветъ Старое.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Алексѣя Васильевича Долгорукова.

Стольника Тимофѣя Тимофѣевича Савелова.

Стольника Ивана Ивановича Лихачева.

Стольника Андрея Леонтьевича Римскаго-Корсакова.

Стольника Георгія Ивановича Николева.

Дьяка Богдана Невѣжина.

Стольника Дмитрія Федосѣевича Арсеньева.

Графа Гаврила Ивановича Головкина.

Церковь Воскресенія Христова, что слыветъ Новое.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдеенятъ шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Матвѣя Ивановича Засѣцкаго.
Стольника Ивана Дмитріевича Хлопова.
Стольника Дмитрія Протасьевича Никифорова.
Дьяка Дмитрія Ефимьева Неупокоева.
Генералъ-Адъютанта Петра Тимофѣевича Савелова.
Князя Григорья Ивановича Волконскаго.
Князя Ивана Тимофѣевича Шаховскаго
Князя Саввы Семеновича Горчакова.

Церковь Зачатіевскаго дѣвичьяго монастыря.

Въ приходѣ оного монастыря состояло сорокъ девять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Ивана Ивановича Болтина.
Князя Петра Матвѣевича Вадбольскаго.
Стольника Полуехта Борисовича Макшеева.
Дьяка Михайла Павлова Волкова.

Церковь Пресв. Богородицы Успенія, что въ Остожьѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сто двадцать семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Андрея Борисовича Долгорукова.
Стольника Федора Ивановича Протасьева.
Князя Петра Андреевича Юсупова.
Луки Андреевича Апраксина.
Князя Дмитрія Андреевича Мосальскаго.
Стольника Семена Еремѣевича Пашкова.
Стольника Степана Юрьевича Митусова.
Стольника Петра Юрьевича Митусова.
Князя Сергѣя Григорьевича Шаховскаго.
Князя Петра Ивановича Прозоровскаго.
Стольника Кирилла Хрущова.
Стольника Ивана Болтина.
Стольника Данилы Колычева.

Стольника Василья Михайловича Изъѣдинова.

Стольника Степана Ивановича Данилова.

Церковь Живоначальныя Троицы, что въ Зубовѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ три двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Александра и Ивана, Львовыхъ дѣтей, Нарышкиныхъ.

Князя Андрея Ивановича Волконскаго.

Стольника Василья Лаврентьевича Обухова.

Стольника Семена Змѣева.

Стольника Ивана Мокшѣева.

Стольника Никиты Арсеньева.

Стольника Ивана Бѣлкина.

Князя Ивана Васильевича Сонцева.

Стольника Өедора Дурнова.

Стольника Григорья Волкова.

Стольника Якова Ржевскаго.

Стольника Михайла Тулубѣева.

Стольника Василья Вельяминова.

Отъ Пречистенской по Арбатскую улицу:

Церковь Сошествія Св. Духа.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьнадцать дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Михайла Михайловича Голицына.

Князя Бориса Ивановича Прозоровскаго.

Князя Алексѣя Ивановича Шаховскаго.

Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа, называемая Пятница Божедомка.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Ближняго Стольника Андрея Матвѣевича Апраксина.

Стольника Егора Федоровича Лодыженскаго.

Стольника Алексѣя Степановича Дохтурова.

Князя Юрья Константиновича Щербатова.

Стольника и Полковника Ивана Исаевича Скрипицына.

Стольника Ильи Лукьяновича Зубова.

Стольника Ивана Петровича Беклемишева.

Стольника Семена Петровича Чичерина.

Церковь Св. Священномученика Власія.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьдесятъ четыре двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Генерала-Адъютанта Павла Ивановича Ягужинскаго.

Стольника Ивана Денисовича Данилова.

Стольника Михайла Федоровича Ртищева.

Стольника Любима Матвѣевича Кровкова.

Графа Гаврила Ивановича Головкина.

Стольника Василья Ивановича Полонскаго.

Церковь Успенія Пресвятой Богородицы, что на Могилицахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло восемьдесятъ одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Петра Артемьевича Засѣкина.

Стольника Ивана Лукича Воейкова.

Царедворца Богдана Ивановича Тютчева.

Стольника Алексѣя Федоровича Давыдова.

Стольника Ивана Федоровича Оголина.

Стольника Ивана Ивановича Безобразова.

Полковника Алексѣя Лаврентьевича Обухова.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы, что на Могилицахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьдесятъ семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Петра Михайловича Бестужева-Рюмина.

Стольника Дмитрія Андреевича Бестужева-Рюмина.

Церковь Іоанна Предтечи, что въ Старой Конюшенной Слободѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Василья Петровича Зиновьева.

Гаврила Ивановича Козлова.

Ивана Никифоровича Толстаго.

Дмитрія Петровича Бестужева.

Ивана Васильевича Кожина.

Церковь Аѳанасія и Кирилла, что на Сивцовѣ вражкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать восемь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Афанасья Ивановича Зиновьева.

Ивана Васильевича Теряева.

Дмитрія Герасимовича Скрипицына.

Князя Петра Ивановича Кольцова-Мосальскаго.

Церковь Апостола Филиппа.

Въ приходѣ оной церкви состояло двадцать одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Графа Гаврила Ивановича Головкина (загородный).

Боярина Тихона Никитича Стрешнева (загородный).

Дьяка Саввы Григорьева Сандырева.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что въ Плотникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ девять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Тимофѣя Юрьевича Суходольскаго.

Лукьяна Ивановича Нестерова.

Алексѣя Борисовича Кологривова.

Михайла Васильевича Очкасова.

Михайла Васильевича Наумова.

Князя Василья Ивановича Мещерскаго.

Церковь Живоначальныя Троицы, что у Смоленскихъ воротъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьдесятъ семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Михайла Васильевича Желябовскаго.

От Арбатской по Никитскую улицу.

Церковь Св. Николая Чудотворца Явленнаго.

Въ приходѣ оной церкви состояло девяносто дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Ивана Тихоновича Комынина.

Андрея Ивановича Нащокина.

Авраама Ивановича Леонтьева.

Никифора Никитича Телѣгина.

Полковника и Оберъ-Кригсъ-Коммисара Василья Ивановича Чадаева.

Князя Ивана Михайловича Черкасскаго-Курочкина.

Князя Федора Ивановича Борятинскаго.

Князя Афанасья Васильевича Борятинскаго.

Ивана Ивановича Беклемишева.

Ивана Григорьевича Кашинцова.

Василья Васильевича Данилова.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы, что на Пескахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Окольничаго Князя Михайла Федоровича Шаховскаго.

Князя Петра Андреевича Сонцева-Засѣкина.

Полковника Дмитрія Лукьяновича Воронцова.

Церковь Преображенія Господня, что на Пескахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Петра Федоровича Хилкова.

Князя Семена Ивановича Гагарина.

Стольниковъ:

Василья Петровича Камынина.

Анисима Ивановича Березникова.

Михайла Самойловича Николева.

Церковь Іоанна Предтечи, что у Кречетнаго двора.

Въ приходѣ оной церкви состоялъ девяносто одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Дмитрія Артемьевича Камынина.

Князя Михайла Ивановича Волконскаго.

Стольника Евтифія Ивановича Суворова.

Стольника Алексѣя Андреевича Лопухина.

Князя Ивана Андреевича Голицына.

Князя Алексѣя Михайловича Голицына.

Церковь Св. Семеона Столпника, что въ Поварской.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Ивана Андреевича Голицына.

Стольника Петра Ермолаевича Баскакова.

Княгини вдовы Маріи Яковлевой Львовой.

Князя Петра Михайловича Борятинскаго.

Стольника Семена Васильевича Гамцова.

Дьяка Феодосія Максимова.

Церковь Св. Николая Чудотворца, что на Курьѣ ножкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать одинъ дворъ, въ числѣ коихъ находился домъ

Стольника Ивана Андреевича Щепотева.

Церковь Смоленскія Пресв. Богородицы, что бывшій Феодоровскій монастырь.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Дмитрія Петровича Бестужева.

Стольника Андрея Петровича Шепелева.

Стольника Гаврила Семеновича Воейкова.

Церковь Пресв. Богородицы Ржевскія, что въ Поварской улицѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Бригадира Алексѣя Григорьевича Черннова.

Стольника Ивана Васильевича Трусова.

Князя Луки Богдановича Сибирскаго.

Стольника Ивана Тарасовича Блудова.

Стольника Ивана Петровича Строева.

Князя Ивана Петровича Гагарина.

Церковь Бориса и Глѣба.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ два двора, въ числѣ коихъ находился домъ

Благовѣрныя Царевны и Великой Княжны Софіи Алексѣевны.

Церковь Рождества Христова, что въ Поварской улицѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ четыре двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Назарья Петровича Мельницкаго.

Дмитрія Артемьевича Камынина.

Александра Осиповича Еремѣева.

Дмитрія Стефанова Кузьмина-Короваева.

Князя (?) Никифора Румянцева.

Церковь Вознесенія Господня.

Въ приходѣ оной церкви состояло сто семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома, въ улицахъ:

Царицыной:

Князя Алексѣя Ивановича Гундорова.

Капитана Князя Ивана Васильевича Бабичева.

Стольниковъ:

Ивана Петровича Царфеньева.

Андрея Родіоновича Сабурова.

Василья Дмитріевича Кишкина.

Андрея Ивановича Щепотева.

Родіона Дмитріевича Сабурова.

Столовой:

Стольника Ивана Ивановича Лихачева.

Стольника Гаврила Ивановича Редрикова.

Сторожевой:

Стольника Михайла Андреевича Елизарова.

Церковь Св. Великомуч. Георгія, что на полѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло сорокъ шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Генерала Ивана Васильевича Кикина.

Князя Андрея Мещерскаго.

Стольника Алексѣя Сидоровича Сипягина.

Церковь Воскресенія Христова, что въ Бронной.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Ивана Данилова Вельяминовича Зернова.

Стольника Василья Васильевича Дохтурова.

Стольника Михайла Петровича Шихматова.

Стольника Никиты Степановича Темирязева.

Церковь Рождества Пресв. Богородицы.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ семь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Ивана Дмитріевича Плещеева.

Степана Петровича Зиновьева.

Церковь Св. Священномученика Ермолая.

Въ приходѣ оной церкви состояло семьдесять восемь дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Сергѣя Петровича Долгорукова.

Князя Юрья Юрьевича Одоевскаго.

Князя Андрея и Сергѣя Степановичей Козловскихъ.

Князя Федора и Петра Ивановичей Дашковыхъ.

Князя Александра Яковлевича Трусова.

Князя Василья Авдѣевича Одоевскаго.

Князя Ивана Осиповича Щербатова.

Церковь Рождества Христова, что въ Старыхъ Палачахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольника Ивана Михайловича Васаева.

Стольника Федора Алексѣевича Плещеева.

Стольника Родіона Пименовича Орлова.

Церковь Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, что въ Бронной.

Въ приходѣ оной церкви состояло семьдесять шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Генералъ-Маіора Петра Ивановича Яковлева.

Князя Семена Ивановича Щербатова.

Князя Петра Ивановича Дашкова.

Церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, что на Тверской.

Въ приходѣ оной церкви состояло шестьдесятъ четыре двора, въ числѣ коихъ находился домъ

Князя Василья Путятина.

Церковь Св. Пимена Великаго, что въ Старыхъ Воротникахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло пятьдесятъ пять дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Федора Петровича Хованскаго.

Стольника Федора Ильича Мустафина.

Князя Ивана Борисовича Троекурова.

Церковь Рождества Пресв. Богородицы, что на Дмитровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцат шесть дворовъ, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Алексѣя Федоровича Нащокина.

Ивана Акимовича Синявина.

Федора Алексѣева Лужина.

Князя Петра Савича Волконскаго.

Князя Никиты Федоровича Волконскаго.

Ивана Ивановича Ртищева.

Церковь Пресвятыя Богородицы, Страстной дѣвичій монастырь.

Въ приходѣ онаго монастыря состояло двадцат дворовъ.

Церковь Успенія Пресв. Богородицы, что на Дмитровкѣ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцат дворовъ, въ числѣ коихъ находился домъ

Князя Ивана Григорьевича Несвижскаго.

Церковь Знаменія Пресв. Богородицы, что за Петровскими воротами.

Въ приходѣ оной состояло пятьдесятъ два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Князя Василья Алексѣевича Мещерскаго.

Стольниковъ:

Гаврила Павловича Кормилицына.

Князя Ивана Ивановича Щербатова (загородный).

Князя Богдана Ивановича Гагарина (загородный).

Князя Матвѣя Петровича Гагарина (загородный).

Ивана Мокѣевича Маслова.

Федора Алексѣевича Татищева.

Ивана Григорьевича Нащокина.

Ивана и Михайла Васильевичей Орловыхъ.

Дьяка Афанасья Васильева Герасимова.

Церковь Преображенія Господня, что на Пескахъ.

Въ приходѣ оной церкви состояло тридцать два двора, въ числѣ коихъ находились дома:

Стольниковъ:

Князя Ивана Ивановича Щербатова.

Князя Семена Юрьевича Сонцева.

Стольника Федора Ивановича Замыцкаго.

Стольника Александра Федоровича Нащокина.

Стольника Петра Григорьевича Тарбѣева.

Стольника Князя Акима Степановича Львова.

Дьяка Ивана Иванова Лебедева.

Боярина Князя Михайла Григорьевича Ромодановскаго (загородный).

Княгини Настасьи Васильевны Троекуровой.

За Срѣтенскими воротами, въ Земляномъ городѣ, въ Печатникахъ, идучи изъ города, находились дома:

Стольника Василья Богдановича Блохова.

Въ Панкратьевской Слободѣ:

Князя Ивана Михайловича Черкасскаго.

Стольника Князя Никиты Григорьевича Ухтомскаго.

Стольника Бориса Петровича Протасова.

Отъ Землянаго города, идучи къ Мясницкой улицѣ, на правой сторонѣ:

Боярина Князя Юрья Федоровича Шаховскаго.

Въ Огородной Слободѣ, въ Широкой улицѣ:

Стольника Бориса Лукича Дубенскаго.

Перешедъ Яузской мостъ, идучи Банною улицею къ Москвѣ рѣкѣ, въ приходѣ Св. Никиты Мученика, въ Семеновской улицѣ, находились дома:

Стольниковъ:

Петра Ивановича Кутузова.

Семена Ивановича Толстаго.

Тихона Борисовича Чевкина.

Въ Мѣщанской слободѣ, состоявшей изъ четырехъ улицъ, находились дома:

въ Большой улицѣ:

Генерала Якова Вилимоновича Брюса.

Въ третьемъ переулкѣ той же улицы къ церкви Филиппа Митрополита.

Стольника Князя Сергѣя Борисовича Голицына.

Въ третьей улицѣ, въ переулкѣ къ Убогому дому:

Боярина Князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

Ближняго Стольника Князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго.

Стольника Князя Григорья Федоровича Долгорукова.

Стольника Князя Петра Михайловича Долгорукова.

Въ четвертой улицѣ:

Князя Алексѣя Юрьевича Одоевскаго.

Дьяка Ивана Алексѣева Жидовинова.

Напрудная Слобода:

Въ приходѣ церкви Св. Мученика Трифона находились дома:

Окольничаго Михайла Васильевича Сабакина.

Кравчаго Василья Федоровича Салтыкова.

Князя Александра Бековича Черкасскаго.

Боярина Князя Бориса Алексѣевича Голицына.

Полковника Михайла Матвѣевича Еропкина.

Спасская слобода.

Въ улицѣ оной слободы находились дома:

Князя Бориса Ивановича Куракина.

Боярыни Настасьи Михайловны Салтыковой.

Въ Красномъ Селѣ, въ приходѣ Тихвинскія Пресвятыя Богородицы, находились дома:

Князя Матвѣя Петровича Гагарина.

Свѣтлѣйшаго Князя Александра Даниловича Меншикова.

Генерала Ивана Михайловича Головина.

Стольника Князя Федора Юрьевича Ромодановскаго.

Тайнаго Совѣтника. Генерала-Кригсъ-Комиссара Князя Якова Федоровича Долгорукова.

ПИСЬМА

КЪ ГОСУДАРЫНѢ ЦЕСАРЕВНѢ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ, МАВРЫ ШЕПЕЛЕВОЙ.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревна, Елисаветъ Петровна!

Доношу я Вашему Высочеству, что Ихъ Высочество, слава Богу, в добромъ здравье обретаются; при семъ же благодарствую за Вашу высокую милость, что изъволили ко мнѣ писать, и въпреть прашу я Вашева Высочества, дабы незабвенъна была писмами. Еше шъ благодарствую за Вашу высокую милость, что изволили ко мне, недастойной, прислать цытеръ католъ бралiантовой, и я не знаю, за что Ваша Высочество такъ меня, недостойною, жалуите. Данашу я Вашему Высочеству, что я кланилас Бышову, и он столько обрадовалъся, что пуще быть нельзя, и приказал Вамъ свой поклонъ отдать, а Принцъ Авъгустъ поехалъ по мать, и как он будетъ, то я ему отдамъ от Вас поклон, и черезъ два дни будит к нам, и обы Принцесы, и я Вашему Высочеству обстоятельно отпишу про всо. Еше шъ данашу, что пожалованъ Бышовъ въ гарънадеръску роту въ Капитани Поручики. А что Вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла Цесаревни о перъсонахъ, и я ей данасила, и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Франъцы, точас к Вамъ пошлетъ перъсону Бышова и Принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи. Инова данашенiя писать не имею, точiю остаюс Вашева Высочества веръная раба,

Мавра Шепелева.

1727 году,
Октября 22 дня
Киль.

2.

Всемилостивейшая Государыня Цесаревна Элизабетъ Петровна!

Данашу я Вашему Высочеству, что ихъ Высочество, слава Богу, в добромъ здаровье. Еше шъ уведомилися мы, что Ваша Высочество веселитися, и желаимъ мы, чтобъ Вашему Высочеству боле веселья иметь, а печал николи бы боле не иметь. Еше шъ данашу, что Ваша сестрица всо готовитъ, а имено: чепъчики и пелонки, и ужъ по всекой день варошитъца у ней въ брухе вашъ будущей племянникъ, или племянъница, и комнаты ужъ готовы. Инова Вашему Высочеству писать за скоростію не имѣю, точію остаюсь Вашева Высочества верънaя раба,

Мавра Шепелева.

1727 году, Октября 26 дня.
Киль.

У нас в Кили очен дажди велики и ветри, а печи всо железьнія, и то малѐнкия.

3.

Матушка моя Государыня Цесаревна, Элизабетъ Петровъна!

Данашу я Вашему Высочеству, что Ваша сестрица и зять Вашъ, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я Вас, Матушка Цесаревна, даби я, бедная, незабвенъна была Вашей высокой милости. Данашу Вашему Высочеству, что на етой недели будитъ к нам Пренцесъ Элизабет мужъ будит. Инова Вашему Высочеству данасит не имею, точію остаюс верънaя Ваша раба, такъ же, ежели не перемените свою милос ка мне, что Вы меня называли, то верънaя Ваша дочь,

Мавра Шепелева.

1727 году,
Ноября 20 день.
Киль.

4.

Всемилостивейша Государыня Цесаревна и Мать моя!

Во перъвыхъ данашу я Вашему Высочеству, что Ихъ Высочество, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я Ваша Высочество, дабы я, ваша раба и дочь, не оставлена была Вашей высокой милости. Данашу я Вашему Высочеству, что у нас севодьни банкетъ, ражденіе Ево Каралевского Высочества по новому стилю, и будитъ много дамъ и кавалеровъ. Инова Вашему Высочеству данасить ничаго не имею, точію остаюсь вѣръная Ваша раба и дочь, и холопка и кузына,

Мавра Шепелева.

1728 году,
Генваря 18 дня.
Киль.

5.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревна и Матушка моя!

Данашу я Вашему Высочеству, что ихъ Высочество, слава Богу, в добромъ сдоровьи, и сестрица Ваша дажидаитца на етихъ дняхъ, и приказала намъ гатовить робы крестинамъ, и дамы все делаютъ робы, и мы безъ приказу не ходимъ Цесаревни. Инова я Вашему Высочеству къ данашенію писать не имѣю, точію остаюсь Ваша раба и дочь и кузына,

Мавра Шепелева.

Киль.
Генваря 18 дня,
1728 году.

6.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревъна и Матушка моя!

Данашу я Вашему Высочеству, что ихъ Высочество, слава Богу, в добромъ здаровьи. Прашу я Ваша Высочество, чтобъ я не оставлена была Вашей Высокой милости. Еще шъ данашу, что у нас

умеръ певъчей Чайка желчью; еше шъ данашу, что у нас зыма стоитъ две недели. Инова я Вашему Высочеству къ данашенію писать не имею, точію остаюсь верная ваша раба и дочь и кузына,

Мавра Шепелева.

Киль.
Февраля 1 дня,
1728 году.

7.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревна и Матушка моя!

Данашу я Вашему Высочеству, что Ваша сестрица в добромъ здаровьи, и Ево Каралевское Высочество и племянникъ Вашъ в добром здаровьи, каръмилица была у Вашева племянника взета отъ Обаръ-Камаръгера, и ниne занемогшей и взяли другую кармилицу. Инова не имѣю, точію остаюс веръная Ваша раба и дочь и кузына,

Мавра Шепелева.

Киль.
Февраля 15 дня,
1728 году.

8.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревъна!

Во перъвыхъ данашу Вашему Высочеству, что Ихъ Высочество, слава Богу, в добром здаровьи. Еше шъ данашу я Вашему Высочеству, что приставили Принцу Камаръ-фроу Румерову жену, каторой Камаръ-фурьеръ у Ево Высочества. Дажидаимъ караблей суда завътря, или канешно посли завътрява, и послали яхъть балшую на въстречу, и приказалъ Ево Высочество съежатъца всемъ на винос, а понесутъ чрезъ вѣсь горотъ, и ежели я успею написать церемонію, то пошлю к Вашему Высочеству; надеюс, что церемонія вълика будит; надеюс, что карабли пробудутъ у нас неделю, потому что не въвсо

готова. Боле Вашему Высочеству данасыть ничего не имею, точію остаюсь веръная Вашева Высочества раба,

Мавра Шепелева.

Киль.
Іюля 25 дня,
1728 года.

9.

Всемилостивѣйшая Государыня Цесаревна Элизабетъ Петровъна!

Данашу я Вашему Высочеству, что ихъ Высочество, слава Богу, в добром здравье. Позъдравляю Васъ тезаименитъствомъ Вашимь; дай, Боже, Вамъ долъгія лета жить, и чтобъ Ваша намереніе оканчалась, которо у нас в Кили, и въвсяко Ваша намереніе оканчалось. Данашу я Вашему Цесарьскому Высочеству, что пріехалъ к намъ Принцъ Орьдовъ и принцъ Авъгустъ. Матушка Цесаревна, какъ Принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурълинъ, и такъ тонокъ, глаза такія, какъ у Вас цветомъ и такъ велики, ресницы черънія, брови томнарусія, воласи такія, какъ у Семона Кириловича, белъ, не много почерънея покойника Бышова и румяницъ алой всегда въ щекахъ, зуби беліи и хараши, губи всегда али и хороши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанъка паходитъ на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молатъ, 19 летъ, воласи свои носитъ, и воласи по паесъ, руки паходятъ очинь на Бутурълини, и в Олександровъ день полажила на нево кавалерыю Цесаревна. Данашу Вамъ по Принъца Авъгуста: такъ великъ, какъ меньшой Жерепцовъ, и такъ толстъ, лицомъ оченъ похожъ на Бишова, и асанка и пахотка такая, какъ у Бишова была, и парики носитъ белія, в кашелке толъка, толстъ голос, и выежалъ Герцохъ ихъ встречать отъ Киля за милю в залатомъ берлини, а кавалеры все веръхами, и Геръцохъ и все Кавалеры въ кавътанахъ цветънихъ, в камзоли черъния байковыя. Еше шъ данашу: пріѣхал за ними Гофмейстеръ да Оберъ-Егаръмейстеръ, и Оберъ-Егаръмейстеръ очень пахожъ на Алексѣя Яковлевыча Волъгова, лицомъ и осанкою, и нагами и руками. Еше шъ данашу, что у нас въ Кили такія дни харошія, какъ бы летомъ, и места мухъ впчели; какъ въ Питеръбурхи мухъ многа, такъ у насъ впчолъ, и укусила

менѧ за руку пчела, и я думала, что безъ руки буду, потаму что распухла и ломъ великой былъ три дени. Еше шъ данашу: купила я табакерку, и перъсона в ней пакожа на Вашо Высочество, какъ Вы нагія. Еше шъ прашу я Вашева Цесаръскова Высочества объ дядушке моемъ, прикажите ка мне отписать; слишили мы, буто онъ и Кашеловъ и Машковъ потъ карауломъ в гораде, и я прашу Вашева Высочества матерьской Вашей ко мне милости, ежели ета нешастіе, прикажите меня увѣдомить. Инова Вашему Высочеству данасить не имею, точію рекамандую себя Вамъ и остаюсь веръная Ваша раба,

Маврутка Шепелева.

ПОЛОЖЕНІЕ

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ГУБЕРНСКАГО И ПОВѢТОВЫХЪ МАРШАЛОВЪ ДВОРЯНСТВА О УСТАНОВЛЕНІИ АКЦИЗА ИЛИ ПОШЛИНЫ СЪ ВИНОКУРЕНІЯ, СОСТОЯВШЕЕСЬ 1811 ГОДА, ГЕНВАРЯ 21-ГО ДНЯ.

Его Императорское Величество, Высочайшимъ Манифестомъ, въ 29-й день Сентября, 1810 года, изданнымъ, о установленіи по Губерніямъ, на особенныхъ правахъ состоящимъ, пошлины съ хлѣбнаго вина, всемилостивѣйше сохраняя на будущее время ненарушимо свободу винокуренія и продажи вина на томъ самомъ основаніи и въ томъ же пространствѣ, коимъ доселѣ обыватели сихъ Губерній пользовались, Высочайше Губернскому Начальству указать соизволилъ: пригласить Губернскихъ и Уѣздныхъ Маршаловъ Дворянства вмѣстѣ съ ними разсмотрѣть, на какомъ основаніи на будущее время сравнительнѣе и съ мѣстнымъ ихъ положеніемъ сообразнѣе можетъ быть въ ихъ Губерніяхъ установлена съ вина пошлина?

И какъ по сему предмету представляемы были разныя предположенія, то Его Императорское Величество, повелѣвъ, къ удобнѣйшему въ дѣлѣ семъ соображенію, доставить оные отъ Министра Финансовъ къ Гражданскимъ Губернаторамъ, Высочайше указать соизволилъ: обратить на третье изъ тѣхъ предположеній, заключающее въ себѣ сборъ съ винокуренія, признаваемый Его Величествомъ, по началу и основанію его, справедливѣйшимъ, особенное вниманіе, положивъ на мѣрѣ, какимъ образомъ оный, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, удобнѣе можетъ быть учрежденъ, о прочихъ же предположеніяхъ представить мнѣніе.

Въ слѣдствіе чего мы, Губернскій и Повѣтовые Маршалы Дворянства Черниговской Губерніи, бывъ приглашены въ Губернскій городъ

10

Г. Гражданскимъ Губернаторомъ, и составя, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, присутствіе, за выслушаніемъ означеннаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, имѣли разсужденіе о упомянутыхъ предположеніяхъ, при предписаніи Г. Министра Финансовъ къ Г. Губернатору доставленныхъ.

Сими предположеніями Государственному Совѣту представляемо было: первымъ, чтобы изъ продаваемаго въ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ и мѣстечкахъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, по шинкамъ хлѣбнаго вина, учредить акцизъ по одному рублю съ ведра, считая на каждую мужеска пола душу по одному ведру въ годъ; вторымъ, чтобы на первый случай пошлину или акцизъ опредѣлить по 60-к. съ каждаго ведра вина въ шинкахъ, корчмахъ, постоялыхъ дворахъ, и вездѣ, гдѣ доселѣ, по обычаямъ означенныхъ Губерній, раздробительная продажа вина производилась, раздѣля шинки на три класса, которые бы, по относительнымъ выгодамъ, платили болѣе или менѣе акциза, но чтобы оный въ сложности выносилъ всю сумму, отъ числа душъ въ Губерніи, или отъ равнаго имъ количества ведеръ, выходящую.

Третье предположеніе основано на мѣрѣ и величинѣ винокуренной посуды, на извѣстномъ содержаніи жидкости, въ отношеніи количества и вѣса муки, и на вычисленіи времени винокуренія. Имъ ограничивается самая меньшая пропорція винокуренія и полагается постоянный и для всѣхъ винокурителей общій выходъ вина 5 ведеръ изъ 9 ти пудоваго куля муки. На семъ основаніи требуется, чтобы каждый винокуритель, по измѣреніи и заклейменіи отъ стороны казенной посуды его, объявилъ Казенной Палатѣ, сколько времени въ году, и для чего именно, будетъ онъ продолжать винокуреніе, и при семъ объявленіи сдѣлалъ бы съ Палатою расчетъ въ акцизѣ за выкуренную пропорцію вина, которая, судя по мѣрѣ его посуды и по времени продолженія имъ винокуренія, можетъ быть приведенною въ извѣстность. Но если онъ выкуренное число ведеръ не распродастъ на мѣстѣ, а будетъ поставлять въ Новороссійскія Губерніи, или по контрактамъ въ Казну и содержателямъ сборовъ, въ такомъ случаѣ получить долженъ обратно заплаченный акцизъ за число ведеръ, на таковую поставу употребленныхъ, дѣлая въ томъ съ Казною вторичные расчеты. Въ прочихъ пунктахъ предположенія сего заключаются правила, касающіяся тоже до расчетовъ при разныхъ случа-

яхъ, а также и до штрафовъ за неисправность во взносѣ акциза, либо нарушеніе какихъ либо объ немъ постановленій.

Изъ разсужденій нашихъ о первомъ и второмъ пунктахъ сихъ предположеній выводимъ мы то заключеніе, что, при раздѣленіи шинковъ на классы, или при расположеніи на каждой такой пропорціи ведеръ вина, какая въ нихъ чрезъ годовое время продаваться можетъ, нѣтъ ни какой возможности соблюсти всю должную справедливость; ибо въ семъ краю продажа мелочная вина происходитъ не въ такомъ правѣ и порядкѣ, какъ въ Россійскихъ Губерніяхъ, гдѣ въ цѣломъ селеніи состоитъ одна, или двѣ корчмы, въ коихъ однихъ и производится только продажа, безъ всякаго отъ кого либо подрыву онымъ; въ Черниговской же Губерніи почти въ каждомъ селеніи состоятъ на жительствѣ, вмѣстѣ съ помѣщичьими крестьянами, и Козаки, коимъ продажа вина, наровнѣ съ помѣщиками, Высочайше дозволена, и они не въ корчмахъ и въ шинковыхъ домахъ, а въ самыхъ тѣхъ избахъ, гдѣ хозяевами жительствуютъ, производятъ продажу, и такого рода шинки часто заводятся во многомъ количествѣ, и часто отъ произволенія хозяевъ уничтожаются. Каждый изъ нихъ, въ какой бы онъ добротѣ ни былъ, при открывшейся вновь въ округѣ его шинковой продажѣ, теряетъ свое достоинство. А по симъ обстоятельствамъ мѣра, полагаемая въ помянутыхъ двухъ первыхъ предположеніяхъ, по мнѣнію нашему, не можетъ быть уравнительною въ предлежащей съ вина пошлинѣ.

Въ третьемъ предположеніи, отъ Господина Министра Финансовъ доставленномъ, находимъ мы обряды и расчеты съ заклейменіемъ винокуренной посуды соединенные, весьма для винокурителей стѣснительными.

Мѣстное положеніе Черниговской Губерніи хотя не имѣетъ излишней обширности, но всѣмъ изъ насъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ повѣтахъ помѣщичьи селенія, гдѣ и винокурни ихъ находятся, отстоятъ до 300 верстъ отъ Губернскаго города. Извѣстно и то, что не всѣ помѣщики имѣютъ такихъ людей, на коихъ бы они могли съ вѣрностію положиться, уполномочивъ ихъ, вмѣсто себя, являться для объясненныхъ въ томъ предположеніи отзывовъ и расчетовъ въ Казенную Палату. Слѣдственно, таковы изъ помѣщиковъ, а особливо не въ большой пропорціи занимающіесь винокуреніемъ, переѣзжая въ годъ по нѣскольку разъ въ Губернскій городъ, для объявленія о за-

клейменіи ихъ посуды, для испрошенія позволенія на сидку вина, и для расчетовъ, по разнымъ случаямъ произойти могущихъ, должны будутъ изъ двухъ необходимостей избирать выгоднѣйшую: или увеличивать издержками, на переѣзды требующимись, въ нѣсколько разъ ту пошлину, какову они, по состоянію винокуренія своего, платить обязаны, или же совсѣмъ отказаться отъ сего права, составляющаго большей части дворянъ единственное продовольствіе; да и для всѣхъ вообще помѣщиковъ потеря времени на соблюденіе предписываемыхъ обрядовъ и самое исполненіе ихъ, особливо въ такое время, когда дѣйствіе винокуренія продолжается, могутъ быть довольно ощутительны.

Сидка вина по оному предположенію ограничивается для всѣхъ постояннымъ выходомъ онаго изъ 9-ти пудъ муки 5-ти ведеръ; извѣстно же, что нѣкоторые изъ винокурителей таковa количества выцѣживать не могутъ; другіе жъ знаніемъ, или опытами, достигнули до полученія изъ полагаемой пропорціи муки болѣе нежели 5-ти ведеръ вина; слѣдственно, первые будутъ чувствовать неуравнительность въ общемъ акцизѣ, а послѣдніе удобно подвергнуться могутъ невинному подозрѣнію, доносамъ и слѣдствіямъ о производствѣ винокуренія въ незаклейменной посудѣ.

Всѣхъ затрудненій и невыгодъ отъ введенія правилъ, въ помянутомъ предположеніи заключающихся, трудно исчислить, но навѣрное положить можно то, что отъ стѣсненія оными винокуренія число винокурителей, къ ущербу Казны, примѣтнымъ образомъ уменьшится, а съ уменьшеніемъ оныхъ, не только многимъ изъ дворянъ, но и другаго состоянія людямъ, способы къ продовольствію чувствительно ограничатся; ибо винокуреніе въ Черниговской Губерніи, служа большей части Дворянства не для изобилія, но единственно для удовлетворенія необходимымъ потребностямъ жизни, имѣетъ не меньшее отношеніе и на пользу людей простаго состоянія: оно содержитъ хлѣбъ въ таковыхъ цѣнахъ, кои, справедливо награждая труды земледѣльцевъ, служатъ имъ къ поощренію распространять болѣе хлѣбопашество; съ уменьшеніемъ же винокуренія унизятся цѣны на хлѣбъ до такой степени, что и самое хлѣбопашество прійти должно въ упадокъ, поелику продуктъ сей Малороссія не имѣетъ средствъ доставлять куда либо для выгодной продажи.

Безземельнымъ людямъ винокуреніе доставляетъ, у большей части

мелкопомѣстныхъ дворянъ, способъ къ пропитанію, къ заработкамъ, а безъ сего, по общему свойству простаго Малоросійскаго народа, люди сіи, не зная ни какихъ ремеслъ и не имѣя ни удобства, ни способности къ какимъ либо промысламъ, проводя въ праздности зимнее время, и употребивъ тотъ хлѣбъ, который въ лѣтнее зажиномъ отъ другихъ пріобрѣтаютъ, не только не были бы въ силахъ заплатить Государственныхъ податей, но и дошли бы до крайности въ пропитаніи своемъ.

За недостаткомъ въ большей части Повѣтахъ сей Губерніи сѣнокосовъ, винокуреніе способствуетъ въ прокормленіи скота, необходимаго въ тѣхъ Повѣтахъ для удобренія песчаныхъ и вовсе неплодородныхъ земель, на коихъ, по свойству климата, произрастаетъ лучшая пенька, важную отрасль промышленности народной составляющая.

Но естьли состояніе винокуренія Черниговской Губерніи и безъ предусматриваемаго упадка его внимательно разсмотрѣть, исчислить всѣ издержки и неизбѣжно случающіяся отъ качества хлѣба, отъ вліянія погоды и воды, отъ порчи посуды, отъ усушки и утечки чрезъ медленную продажу, всѣ неудачи, и изъ всего того вывесть сложность цѣнъ на вино нѣсколькихъ прошедшихъ лѣтъ, то; безъ всякаго сомнѣнія, откроется, что большая часть винокурителей имѣетъ на каждомъ ведрѣ вина прибыли не болѣе 20-к., а иногда выше упомянутая въ прокормленіи скота необходимость едва ли не единственный многимъ барышъ составляетъ.

Таково обозрѣніе прибытковъ, отъ винокуренія происходящихъ, представлено нами въ такомъ видѣ, въ какомъ оные до настоящаго года существовали, когда знатная часть выкуриваемаго вина расходилась отъ продажи въ города, состоявшіе на откупахъ большею частію у жительствующихъ въ сей же Губерніи помѣщиковъ; но по теперешнему положенію откуповъ, отданныхъ на текущее 4-хлѣтіе Великороссійскимъ помѣщикамъ, откупщики сіи, имѣя право продолжать сами въ деревняхъ ихъ винокуреніе для поставки вина въ откупы свои, могутъ сдѣлать значительное уменьшеніе въ расходѣ вина, выкуриваемаго въ нашей Губерніи.

Сими истинами, на опытахъ дознанными, руководствуясь, должны мы приступить къ изображенію постановленій нашихъ по предмету акциза съ винокуренія.

При семъ случаѣ первое чувствованіе наше есть благоговѣйнѣйшее чувствованіе вѣрноподданнической благодарности за милость Государя, сохраняющаго при насъ ненарушимо права винокуренія и винной продажи во всемъ его пространствѣ, и дарующаго намъ свободу положить на мѣрѣ, какимъ образомъ сборъ съ винокуренія, по мѣстнымъ обстоятельствомъ нашимъ, удобнѣе можетъ быть учрежденъ.

Исполнены будучи таковаго чувствованія, мы предаемъ на Высочайшее усмотрѣніе постановленія наши о образѣ сбора съ винокуренія, содержащіясь въ слѣдующихъ пунктахъ:

1-й. За право винокуренія и продажи вина, сохраняемыхъ при насъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, къ пошлинѣ, назначенной уже на дворянство, по примѣрному расчисленію, отъ каждой души мужескаго пола крестьянъ по 60-к., прибавить еще, по таковому жъ примѣрному расчисленію на души, по 40-к. на каждую, что и составитъ ежегодный мѣстной Казнѣ доходъ, по числу состоящихъ въ Губерніи Черниговской, 250,248-ми душъ помѣщичьихъ крестьянъ, 250,248 рубл. А чтобы сборъ сей суммы, по словамъ Высочайшаго Манифеста, не иначе былъ производимъ, какъ съ винокуренія, для сего всеподданнѣйше просимъ утвердить нижеписанныя положенія, самую удобнѣйшую уравнительность въ сборѣ семъ заключающія въ себѣ:

2-й. Единственною мѣрою акциза или пошлины съ винокуренія принять достоинство винокурень въ отношеніи вѣсу муки, посуточно для сидки вина каждымъ винокурителемъ въ заторы употребляемой; такъ, на примѣръ; помѣщикъ, употребляющій въ винокурни его на ежеденный заторъ 10 пудъ муки, платить долженъ за оный въ годъ, примѣрно полагая, 50 к., за 15 пудовой заторъ платитъ онъ въ годъ 75 к., за 20 пудовой 100 к. и т. д., не смотря на то, одинъ ли онъ мѣсяцъ, полгода ли, либо и цѣлой годъ будетъ продолжать винокуреніе, и не разыскивая, много, или мало, изъ такого затора вина выцѣживать можетъ.

3-й. На семъ основаніи каждый дворянинъ, имѣющій право винокуренія и желающій продолжать оное, какъ нынѣ съ будущаго 1812 года, долженъ, въ назначенный срокъ, самъ же, или чрезъ уполномоченнаго къ тому, письменно объявить своего Повѣта Маршалу, сколько въ заводѣ его, въ такомъ-то мѣстѣ находящемся, затираться будетъ въ одни сутки пудовъ муки для винокуренія, и въ семъ же объяв-

леніи обязаться, что уменьшать, или увеличивать, затора, безъ вѣдома Маршала, не долженъ онъ, подъ штрафомъ, каковъ за сей положенъ будетъ.

4-й. По узнаніи изъ таковыхъ объявленій, какъ числа въ Повѣтахъ винокурень, такъ и достоинства ихъ по заторамъ, сдѣланы будутъ, Маршаломъ съ Дворянствомъ, вѣдомости, съ раздѣленіемъ ихъ на различныя достоинства винокурень, и къ назначенному сроку, за съѣздомъ всѣхъ Маршаловъ въ Губернскій городъ, представятся Губернскому Маршалу, совмѣстно съ которымъ наложится на каждый 10 пудовый заторъ такая пошлина, которая бы, въ сложности своей, выносила сумму, по 1-му пункту сего положенія упомянутую.

5-й. Избѣгая раздробителнаго на пуды расположенія той суммы, постановить правиломъ, чтобы помѣщикъ, у коего въ винокурнѣ затирается болѣе 5-ти пудовъ муки, платилъ въ годъ пошлину ровно за 10-пудовый заторъ, отъ 15 до 20 пудовъ ровно за 15-пудовой, и т. д., но менѣе нежели за 10 пудъ, платить акциза никто не долженъ.

6-й. Когда, по 4-му пункту положенія сего, изъ доставленныхъ отъ Маршаловъ вѣдомостей, сдѣлано будетъ, при общемъ съѣздѣ въ Губернскій городъ, генеральное исчисленіе всѣмъ по Губерніямъ достоинствамъ винокурень по ихъ заторамъ, и расположится на оныя пошлина или акцизъ, составляющій въ сложности сумму, тогда вѣдомости о сей суммѣ изготовивъ вдвойнѣ, отослать изъ нихъ по одному екземпляру въ Казенную Палату, для разсылки по Повѣтовымъ Казначействамъ, а по одному каждый изъ Господъ Маршаловъ оставитъ у себя на тотъ конецъ, чтобы, за возвращеніемъ въ Повѣты, обвѣстить всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ, отъ коихъ за винокуреніе акцизъ слѣдовать будетъ, о количествѣ онаго и о срокѣ, къ которому акцизъ сей взносимъ быть долженъ въ Повѣтовыя Казначейства.

7-й. Какъ по § 12-му помянутаго Высочайшаго Манифеста, тѣ владѣльцы, коихъ селенія и помѣстья вошли въ двуверстную дистанцію состоящихъ на откупахъ городовъ, въ замѣнъ воспрещенія раздробительной продажи вина, изъяты быть должны отъ платежа установляемой нынѣ пошлины съ выкуриваемаго и продаваемаго ими оптомъ вина, то, буди бы кто изъ таковыхъ пожелалъ на своихъ земляхъ, внѣ двуверстной дистанціи, устроить вновь шинкъ, или шинки, и въ оныхъ, или въ существовавшихъ за таковыми дистанціями

преже сего, производить раздробительную продажу вина, таковый долженъ, наравнѣ съ другими, подвергать себя сему объ акцизѣ за винокуреніе положенію.

8-й. Что касается до сроковъ, на взносъ акциза быть должныхъ, какъ всѣ почти помѣщики сей Губерніи, имѣя винокуреніе единственнымъ для себя продовольствіемъ, продолжаютъ оное чрезъ извѣстное въ году время не собственнымъ, а покупнымъ хлѣбомъ, употребляя на то весьма нерѣдко и занятый капиталъ, отъ чего, заплатя акцизъ преже оборота капитала, увеличатъ утрату процентовъ, значущій для многихъ счетъ составляющую, то, въ разсужденіи обстоятельства сего, просимъ уваженія, чтобы акцизъ не предъ наступленіемъ, а по истеченіи каждой половины года, взносимъ былъ въ Повѣтовыя Казначейства.

9-й. Для избѣжанія затрудненій отъ частой перемѣны тѣхъ вѣдомостей, кои по 6-му пункту сего положенія объ акцизѣ сдѣланы будутъ, постановить правиломъ, чтобы оныя оставались въ своей силѣ до истеченія 3-хъ лѣтъ, дабы, съ сей стороны, не стѣснить въ волѣ, или необходимости, каждаго винокурителя уменьшать, либо увеличивать, на заводахъ своихъ заторы; для сего принять слѣдующія постановленія:

10-й. Буди бы, въ продолженіи трехлѣтія по истеченіи первой половины года, помѣщикъ, коего винокурня, вошедшая въ общее съ другими достоинство, по ея затору обложена акцизомъ, лишится оной пожаромъ, или, по стеченіямъ обстоятельствъ, принужденъ будетъ уменьшить, либо и вовсе пріостановить въ ней винокуреніе, таковый долженъ обстоятельно отозваться о всемъ томъ къ своему Маршалу, съ приложеніемъ отъ Дворянъ, сосѣдей его, свидѣтельства о тѣхъ обстоятельствахъ, кои представлять будетъ Маршалу, который, приглася немедленно, естьли не можно болѣе, то, по крайней мѣрѣ, 6-ть человѣкъ Повѣтовыхъ Дворянъ, разсматриваетъ, совмѣстно съ ними, представленные резоны, и, буде найдутъ ихъ заслуживающими уваженія, тогда же сдѣлаютъ опредѣленіе о уменьшеніи съ таковаго, или же и вовсе о увольненіи его, на все ли трехлѣтіе, либо на меньшее того время, отъ акциза. Но чтобы чрезъ сіе сумма, назначаемая по 1-му пункту сего Положенія, не была подвержена уменьшенію, и существовала каждый годъ для Казны постояннымъ дохо-

домъ, то акцизъ, снятый по сему пункту съ несостоятельнаго платить оный, долженъ взносимъ быть къ сроку въ Повѣтовое Казначейство на общій Дворянскій счетъ отъ избраннаго для сего Казначея.

11-й. На таковый случай нужно, чтобы, выбранный Дворянствомъ въ Казначеи, благонадежной чиновникъ имѣлъ въ содержаніи своемъ страховую сумму.

12-й. Сумма такова можетъ въ каждомъ Совѣтѣ составиться такимъ образомъ: при расположеніи на заторы, по 4-му пункту сего положенія объясненной въ ономъ суммы, прибавить, сверхъ оной, на всякій 10-ти пудовый заторъ по 2 руб., съ тѣмъ, чтобы прибавка сія, не почитаясь Казнѣ принадлежащею, поступала въ приходъ Дворянскаго Казначея, на такомъ основаніи и съ такимъ же за неисправность въ взносѣ оной штрафомъ, каковъ за принадлежащую Казнѣ поставленъ будетъ. Къ сей первой статьѣ прихода страховой суммы присоединить и другую, въ слѣдующемъ пунктѣ объясненную.

13-й. Естьли помѣщикъ по теперешнему положенію обложенъ будетъ акцизомъ за винокуреніе, по мѣрѣ настоящаго въ винокурнѣ его затора, и за тѣмъ, въ началѣ, или продолженіи трехлѣтія, найдетъ себя въ возможности увеличить заводъ свой, либо и вновь выстроить оный, то, за отзывомъ таковаго Маршалу, и за объявленіемъ въ семъ отзывѣ достоинства его затора, а при томъ за обязательствомъ, о коемъ въ 3-мъ пунктѣ упоминается, можетъ, подвергая себя симъ правиламъ, продололжать винокуреніе, платя, до истеченія трехлѣтія, акцизъ, не въ Повѣтовое Казначейство, но избранному отъ Дворянства Казначею, для составленія страховой суммы, о которой долженъ онъ давать отчетъ Маршалу съ Дворянствомъ во всякое время.

14-й. По окончаніи трехлѣтія, при съѣздѣ Маршаловъ и Дворянства въ Губернскій городъ, обязанностію первыхъ будетъ, составивъ вѣдомости о тѣхъ винокурняхъ, въ коихъ чрезъ минувшее трехлѣтіе произошли какія либо въ заторахъ перемѣны, и кои совсѣмъ уничтожились въ дѣйствіи, или вновь устроены, сдѣлать съ Губернскимъ Маршаломъ генеральное выше упомянутой суммы вновь расчисленіе по заторамъ, въ настоящемъ тогда существѣ оказаться имѣющимъ, и вѣдомости о числѣ денегъ, отъ винокурителей слѣдуемыхъ, за оставленіемъ у себя таковыхъ же, доставить въ Казенную Палату, къ ея распоряженію.

15-й. Хотя мы надѣемся, что никто изъ Дворянства не будетъ неисправнымъ во взносѣ въ свое время акциза и не приличится въ нарушеніи какихъ либо объ немъ постановленій, но естьли бы, сверхъ чаянія, таковый неблагонамѣренный оказался въ сословіи нашемъ, подвергаемъ его, какъ штрафу, такъ и взысканію таковому, каково отъ Вышняго Начальства назначено быть имѣетъ при утвержденіи положенія сего, за соблюденіемъ коего во всѣхъ частяхъ въ каждомъ Повѣтѣ должны быть выбраны, въ помощь Маршалу, сверхъ Хорунжаго, обязаннаго къ тому по существу должности своей, два такихъ чиновника, кои бы имѣли собственные винокуренные заводы.

Естьли сіе наше положеніе удостоено будетъ Высочайшаго утвержденія, то мы увѣрены, что помѣщики, избѣгнувъ затрудненій, съ заклейменіемъ ихъ винокуренной посуды соединенныхъ, будутъ съ усердіемъ жертвовать для Казны частію, въ акцизъ назначаемою, съ ихъ винокуреннаго пріобрѣтенія, а Казна, не имѣя надобности въ содержаніи смотрителей, сохранитъ немалыя издержки, какъ въ жалованьи, такъ и на разсылку ихъ слѣдуемыя, а при томъ, вмѣсто невѣрнаго отъ расчетовъ акциза, будетъ имѣть извѣстный ежегодный доходъ съ сей промышленности нашей.

ПИСЬМО

МАЛОРОССІЙСКАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА, КНЯЗЯ Н. Г. РЕПНИНА, КЪ ГРАФУ В. П. КОЧУБЕЮ.

Милостивый Государь,

Графъ Викторъ Павловичъ!

Изъ прилагаемой при семъ копіи рапорта моего Правительствующему Сенату Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите о запрещеніи, сдѣланномъ Господиномъ Министромъ Финансовъ Малороссійскимъ Козакамъ продавать земли, имъ по наслѣдству принадлежащія. Со всѣмъ личнымъ уваженіемъ моимъ къ Графу Дмитрію Александровичу * не понимаю я, чтобы распоряженіемъ Чиновника, на сколь бы высокой степени Государственнаго управленія онъ ни былъ, могло не только измѣниться существующее узаконеніе, нарушиться право полумилліона народа, но даже искорениться зло (ежели оно таковымъ было), продолжавшееся нѣсколько вѣковъ; для сего, кажется мнѣ, нужно предварительно собрать свѣдѣнія отъ мѣстнаго Начальства, уважить ихъ въ Государственномъ совѣщаніи и получить Высочайшее разрѣшеніе. Сіе убѣжденіе руководствовало меня въ донесеніи моемъ Правительствующему Сенату; я старался основать доводы мои на изложеніи историческомъ правъ Козачьихъ, коренномъ законѣ, существующемъ въ Малороссіи, и указать послѣдствія, отъ сего могущія произойти. Но сихъ послѣднихъ не могъ я всѣхъ списать въ бумагѣ, которая, по канцелярскому теченію, должна быть въ рукахъ у многихъ. Почему и обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, при будущемъ разсмотрѣніи представленія моего Правительствующему Сенату, принять во уваженіе и то вліяніе, которое подобное измѣненіе правъ, существующихъ нѣсколько вѣковъ, можетъ сдѣлать на народъ, мало образованный, воинственный и сильно привязаный къ своей собствен-

---

* Гурьеву.

ности. Я не скрою отъ Вашего Сіятельства, что молва о семъ запрещеніи возродила уже глупые толки между Козаками. Конечно, въ сильномъ Государствѣ, каково наше, съ приверженностью къ Вѣрѣ и Царю, всякія послѣдствія могутъ быть отвращены; но непротивно ли сердцу Всемилостивѣйшаго Государя нашего, употреблять силу и укрощеніе противу его подданныхъ, не требуетъ ли благоразуміе избѣгать сего, производя перемѣны, если онѣ нужны для блага общества, постепенно, а не съ внезапностію? Наконецъ, увѣренность въ спокойномъ владѣніи есть главнѣйшее основаніе частнаго благосостоянія помѣщиковъ, слѣдственно, и общаго Государственнаго. Но не потрясены ли симъ личнымъ распоряженіемъ Г-на Министра Финансовъ всѣ права собственности въ Малороссіи? Если принять его мнѣніе, что Указъ 1763 г. рѣшительно запретилъ Козакамъ продавать свои земли, и что всѣ прочія узаконенія, прежде и послѣ состоявшіяся, возвращеніе правъ и привелегій, и наконецъ докладъ Правительствующаго Сената 1803, Іюля 20-го, Высочайше Императорскимъ Величествомъ утвержденный, не сдѣлали вышеупомянутому Указу измѣненія, то не можетъ ли легко почесться всякая продажа, купля и мѣна земель, сдѣланная послѣ Указа сего между Дворянъ и Козаковъ, противозаконною? въ Малороссіи же едва ли сыщется помѣщикъ, не имѣвшій подобныхъ сдѣлокъ; слѣдовательно, справедливо многіе Дворяне страшатся потерять нынѣ то, что они во всю ихъ жизнь почитали своимъ. Тяжело для меня столь часто возражать мужамъ, призваннымъ Его Императорскимъ Величествомъ быть у кормила Государственнаго управленія, лѣтами, опытностію, заслугами, уваженіемъ, качествами своими заслуживающихъ общее уваженіе; но измѣнилъ бы я вѣрности Государю, чести имени моего, долгу службы, если бъ не огласилъ смѣло то, что почитаю правдою. Откровенность мнѣнія моего Ваше Сіятельство, уповаю, примите неоспоримымъ доказательствомъ той искренней приверженности и глубочайшаго почтенія, съ коимъ былъ и буду, и проч.

Князь Н. Репнинъ.

Черниговъ.
23 Августа,
1821 г

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

О

МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Рачительное изслѣдованіе о происхожденіи Малороссійскихъ Козаковъ и о перемѣнахъ въ ихъ жребіи не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что права ихъ въ полной собственности и преимущество званія, противъ прочихъ поселянъ, основываются:

1-е. На первоначальномъ занятіи симъ коренным Русским народомъ, издревле обитавшимъ въ странахъ, нынѣ Малороссіей, Волынью и Галиціею называемыхъ, земель пустопорожнихъ и обработываніи оныхъ.

2-е. На защищеніи тѣхъ земель оружіемъ и кровію своею, въ продолженіи многихъ вѣковъ.

3-е. На привилегіяхъ Польскихъ Королей и постановленіяхъ Польской законодательной власти.

4-е. На сверженіи Козаками Польскаго ига и на новомъ, такъ сказать, завоеваніи Малороссійскаго края и всего, что въ немъ находилось, безъ чьей либо помощи.

5-е. На добровольномъ ихъ присоединеніи къ Россіи.

6-е. На грамотахъ Россійскихъ Царей и Императоровъ.

7-е. На статьяхъ Гетманскихъ, Высочайше утвержденныхъ.

8-е. На неимѣніи историческихъ доказательствъ и слѣдовъ въ Архивахъ Государственныхъ и частныхъ, чтобы кто либо изъ Великихъ Князей Русскихъ и Литовскихъ, Королей Польскихъ, Царей и Императоровъ Всероссійскихъ, давалъ Малороссійскимъ Козакамъ земли за службу, или по условію.

9-е. На частныхъ Высочайшихъ узаконеніяхъ.

10-е. На присвоеніи Козакамъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи законовъ Статута Литовскаго, касающихся до распоряженія недвижимыми имѣніями и судопроизводства по онымъ наравнѣ съ Шляхтою, т. е., съ Дворянствомъ.

11-е. На дѣйствительномъ ихъ пользованіи правами собственности и судопроизводства чрезъ многіе вѣки и подъ кровомъ Россійскихъ Самодержцевъ чрезъ 170 лѣтъ.

Вотъ причины, побуждающія меня, слѣдуя обязанности и истинѣ, а не побочнымъ обстоятельствамъ, ходатайствовать не объ отмѣнѣ законовъ, воспрещающихъ Козакамъ продавать ихъ земли, ибо таковыхъ не имѣется, но о сохраненіи нынѣ существующихъ, и того права собственности, къ коему Козаки едва ли не столько же привязаны, какъ къ своей жизни.

Никто не оспоритъ двухъ истинъ Политической Экономіи:

1-е. Что не только уничтоженіе, но малѣйшее прикосновеніе къ правамъ личной собственности, колеблетъ важнѣйшую основу Государственнаго благосостоянія, производитъ всегда страхъ, а иногда и смятеніе и, уменьшая радѣніе и трудолюбіе, имѣетъ пагубнѣйшія послѣдствія на общую промышленность.

2-е. Что умноженіе свободныхъ владѣльцевъ-хлѣбопашцевъ выгодно для Государства, ибо тщательнымъ обдѣлываніемъ малыхъ участковъ, имъ принадлежащихъ, умножаются произведенія земли, уменьшаются цѣны на первыя потребности, и болѣе раздѣляется въ обращеніи народномъ денежный капиталъ Государства.

Таковыхъ владѣльцовъ нынѣ въ Малороссіи около двухъ сотъ тысячь; но Министерство Финансовъ, вопреки выше упомянутыхъ неоспоримыхъ истинъ, предполагаетъ объявить земли, имъ принадлежащія, казенными, или общественными и, лиша ихъ чрезъ то права собственности, поставить пользованіе землями изъ оброка, т. е., найма, слѣдств., изъ владѣльцовъ-помѣщиковъ дѣлаетъ ихъ поденщиками.

Жестокое преобразованіе для милліона подданныхъ обоего пола! Но изслѣдуемъ о теперешнемъ положеніи Малороссійскихъ Козаковъ и послѣдствіяхъ предполагаемаго измѣненія.

Продолжавшаяся, по привилегіямъ и законамъ, пять сотъ лѣтъ, а по преданіямъ и гораздо болѣе, свобода въ распоряженіи собствен-

ностію, устроивала благосостояніе Малороссійскихъ Козаковъ; они умножались въ числѣ и не оскудѣли въ земляхъ, размѣнивая имъ принадлежащія, и пріобрѣтая, на мѣсто проданныхъ, другія куплею и посредствомъ брака съ Дворянскими дочерьми, чрезъ что въ приданое и наслѣдство доставалось имъ весьма часто Дворянское достояніе.

Настоящимъ владѣльцамъ земли гораздо болѣе предстоитъ способовъ къ пожертвованіямъ, нежели наемникамъ, или содержателямъ чужихъ земель; посему Козакамъ удобно было выставлять при Гетманахъ своихъ весьма значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ въ древнемъ ихъ образованіи; потомъ составлялись изъ нихъ компанейскіе полки; послѣ, въ царствованіе Екатерины II-й, устроились и наполнялись изъ нихъ 9-ть Карабинерныхъ полковъ наконецъ, давали они рекрутъ и, по сокращеніи имъ срока службы, каждый почти отслуживалъ свою очередь, и сохранился въ нихъ донынѣ воинственный духъ.

При всѣхъ сихъ разныхъ преобразованіяхъ отличались они исправнымъ платежемъ податей и исполненіемъ прочихъ общественныхъ повинностей. Въ послѣднюю отечественную войну Козаки, какъ владѣльцы, выставили на своемъ иждивеніи многочисленныя конныя ополченія, и для защиты отечества, подобно дворянамъ, жертвовали добровольно достояніемъ и жизнію.

Но въ сихъ послѣднихъ годахъ, нельзя не сознаться, что благосостояніе Малороссійскихъ Козаковъ нѣсколько поколебалось: порывъ ихъ усердія на защиту отечества былъ несоразмѣренъ ихъ силѣ и возможности. Поставивъ изъ 25-ти ревизскихъ душъ, слѣдовательно, изъ десяти работниковъ, кормящихъ семейства, одного воина, снабдивъ онаго лошадью и конной збруею, содержавъ его прежде отправленія, полгода и по возвращеніи около полутора, до весны 18 6 года, т. е., близъ двухъ лѣтъ, провіантомъ и фуражемъ, пополняя убыль въ людяхъ, лошадяхъ и вещахъ, Малороссійскіе Козаки истощили всѣ денежные у себя капиталы, ибо употребили на сіи предметы многіе милліоны.

Но сей главнѣйшей причинѣ оскудѣнія Козаковъ предшествовали и послѣдовали еще другія причины:

1-е. Пребываніе до 1822 года въ селахъ и деревняхъ Евреевъ, которые, по присоединеніи Польскихъ Губерній, проникли во мно-

жествѣ въ мирныя и богатыя жилища Малороссійскихъ простодушныхъ поселянъ, и не только истощали ихъ невѣроятнымъ ростомъ и другими, имъ однимъ свойственными, промыслами, но и развращали ихъ нравственость.

2-е. Многолѣтные недороды хлѣба и наконецъ совершенный не урожай 1820 года.

3-е. Всеобщій упадокъ промысловъ и торговли, а чрезъ то и поденной платы такъ, что малоземельные Козаки, привыкшіе прежде заработывать каждый лѣтомъ по полутораста и двѣсти рублей въ Новороссійскомъ краѣ, на Дону и въ Крыму, не достаютъ нынѣ тамъ и четвертой части того.

4-е. Увеличеніе, послѣ сихъ потрясеній благосостоянія, податей, въ 1821 году однимъ рублемъ, а въ концѣ 1823 двумя рублями, а прежде сего не сообразное съ мѣстнымъ положеніемъ раздѣленіе Козаковъ на волости; ибо, по закону, поселяне должны въ оныхъ отвѣтствовать другъ за друга въ исправномъ платежѣ податей, чрезъ что достаточные Козаки безпрестанно истощеваются за бѣдныхъ, хотя они совсѣмъ отдѣльные отъ нихъ владѣльцы земли и не имѣютъ никакого совмѣстнаго промысла. Добавлю еще, что большая разность между волостей, на примѣръ: Полтавскаго, или Кобеляцкаго, Повѣтовъ съ волостями Мглынскаго и Суражскаго: въ первыхъ иные Козаки имѣютъ по нѣсколько сотъ десятинъ земли, стада и конные заводы; въ другихъ рѣдко у кого найдешь и три десятины, и они кормятся единственно поденной работой, подати же платятъ ровныя. И наконецъ

5-е. Разнесшійся слухъ о потрясеніи правъ собственности Козаческой; ибо теперь сомнѣваются входить съ ними въ какія либо сношенія, а особенно давать имъ взаймы деньги, часто нужныя для поправки хозяйства, разныхъ оборотовъ и самой уплаты податей; почему они вынуждены бываютъ продавать теперь не въ настоящее время, и часто за безцѣнокъ, всю свою движимость и рабочій скотъ, составлявшій прежде у многихъ основу богатства.

Но при всѣхъ измѣненіяхъ, постигшихъ Козаковъ, смѣло могу увѣрить, что все еще находятся они въ лучшемъ состояніи противу другихъ податныхъ поселянъ, а особливо казенныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ ними живущихъ не на собственныхъ, но на казенныхъ

земляхъ, и что, при сохраненіи правъ Козачьихъ, при лучшемъ раздѣленіи податей и сложеніи нѣкоторыхъ, которыя легко можно замѣнить другими источниками Государственныхъ доходовъ, при попеченіи о нихъ высшаго Правительства и наблюденіи мѣстнаго Начальства, Малороссійскіе Козаки скоро вознаградятъ свои убытки и прійдутъ въ прежнее ихъ благосостояніе. Но если нарушатся права собственности Козаковъ и земли ихъ признаны будутъ Казенными, или общественными, то они мгновенно лишатся тѣхъ выгодъ, которыя, въ совокупности, едва ли не важнѣе самаго имущества. Имъ невозможно будетъ подъ залогъ имѣній пользоваться займами, которые не только даютъ средства къ сохраненію, при несчастныхъ обстоятельствахъ, собственности, но служатъ часто вспоможеніемъ къ промысламъ и къ обогащенію. Употребленіе имѣній по откупамъ и подрядамъ Казеннымъ и частнымъ пресѣчется для Козаковъ. Исчезнетъ къ нимъ общая довѣренность, основанная на собственности и столь полезная въ торговлѣ, промыслахъ и всѣхъ вообще случаяхъ жизни. Охладѣетъ въ Козакахъ раченіе къ удобренію земель, не ихъ уже собственныхъ, но могущихъ поступить въ составъ общественныхъ; не станутъ уже они разводить садовъ, строить хозяйственныя зданія, что требуетъ не малыхъ денежныхъ издержекъ. Съ потерею Козаками собственности и того званія, которымъ Козаки доселѣ гордятся и въ Малороссіи дѣйствительно отличаются, не пожелаютъ уже Дворяне и даже другія свободныя сословія выдавать за Козаковъ своихъ дочерей, и они лишатся чрезъ то одного изъ важнѣйшихъ способовъ умножать свое достояніе. Потрясется нравственность семейная, поддерживаемая нынѣ родительскою властію распредѣлять между дѣтьми недвижимыя имѣнія, по ихъ качествамъ, заслугамъ, любви и повиновенію, и удалять совершенно отъ наслѣдства недостойныхъ. Бездѣтные Козаки лишатся права упрочивать имѣніе свое тѣмъ, въ которыхъ обрѣтали они подпору и утѣшеніе старости. Потерявъ выгоды, которыхъ исчислить трудно, будучи свержены въ состояніе низшее и видя, что земли, пріобрѣтенныя предками и ими самими, или наслѣдственно полученныя отъ лицъ другаго состоянія, по одному недостатку на то письменныхъ видовъ, поверстаются съ Казенными, Козаки, лишенные собственности, не могутъ не прійти въ такое уныніе, и даже отчаяніе, коего послѣдствія, по ихъ еще грубому, упрямому и воинственному духу, весьма могутъ быть важны.

По всѣмъ выше означеннымъ причинамъ, Малороссійскіе Козаки, лишеніемъ правъ ихъ собственности, не могутъ быть ни въ состояніи лучше, ни въ способахъ богатѣе, ни въ хозяйствѣ трудолюбивѣе, ни въ платежѣ податей исправнѣе, ни вообще счастливѣе; слѣдственно, и Государство потерпитъ ущербъ отъ измѣненія, предполагаемаго съ Малороссійскими Козаками, ибо вѣрнѣйшее онаго богатство состоитъ въ благосостояніи подданныхъ и непоколебимости правъ ихъ собственности.

О ПРАВѢ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ РАСПОЛАГАТЬ ИХЪ СОБСТВЕННОСТІЮ.

Права собственности Малороссійскихъ Козаковъ, касательно земель ихъ, совершенно ограждены были Высочайшимъ утвержденіемъ, 14 Апр., 1823 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, что земли Малороссійскихъ Козаковъ не зависятъ отъ управленія Министерства Финансовъ, и принадлежатъ либо Козакамъ собственно, на правѣ Дворянскомъ, либо обществамъ ихъ, не имѣютъ сходства съ землями, у Казенныхъ крестьянъ во владѣніи состоящими, которыми завѣдываютъ Казенныя Палаты. Почему на будущее время постановить правиломъ, чтобы дѣла по землямъ Малоросійскихъ Козаковъ, ежели со стороны Казны нѣтъ къ нимъ притязанія, не были отсылаемы ни въ Казенныя Палаты, ни къ Министру Финансовъ на заключеніе. Но пять дней послѣ сего положительнаго закона, а именно: 19-го Апрѣля, 1823 года, бывшій Г. Министръ Финансовъ сообщилъ Г. Министру Юстиціи заключеніе свое, въ коемъ предлагаетъ правила, совершенно оному противныя и, оспоривая Малороссійскаго Военнаго Губернатора, наводитъ на него даже прибавленіе словъ, яко бы не существовавшихъ въ грамотахъ, добавляя, что не въ желаніи Козаковъ сбывать земли, но въ другихъ побочныхъ обстоятельствахъ должно искать причинъ, по которымъ въ разныя времена представляемо было объ отмѣнѣ законовъ, воспрещающихъ Козакамъ продавать оныя. Личность не должна существовать въ прѣніяхъ между людьми, состязующимися о Государственномъ дѣлѣ, слѣдственно, Малороссійскій Военный Губернаторъ умолчалъ бы противъ укоризны, дѣлаемой Графомъ Гурьевымъ не ему одному, но, вмѣстѣ съ нимъ, знаменитому Богдану Хмельницкому и его пріемникамъ въ Гетманствѣ, такъ же Канцлеру Князю Безбородку и бывшимъ Генералъ-Губернаторамъ Малороссіи, Графу Петру Алексан-

дровичу Румянцову-Задунайскому и Князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Но какъ дѣлу сему данъ вновь ходъ Министромъ Финансовъ, поддерживающимъ заключенія своего предмѣстника, то Малороссійскій Военный Губернаторъ и поставляетъ обязанностію своею, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, дабы, при разрѣшеніи дѣла сего, изслѣдованы были обстоятельно права, Козакамъ принадлежащія, представить на благоуваженіе Высшаго Правительства всѣ тѣ основанія, на коихъ онъ утверждаетъ мнѣніе свое о безограниченности правъ собственности Малороссійскихъ Козаковъ, для чего съ прискорбіемъ вынужденъ будетъ иногда оспаривать и личныя заключенія Графа Гурьева.

Права Козаковъ основываются: 1-е, на первоначальномъ заселеніи; 2-е, на узаконеніяхъ и привилегіяхъ Польскихъ; 3-е, на образѣ присоединенія ихъ къ прежнему Отечеству, и на грамотахъ и узаконеніяхъ Россійскихъ Государей.

I.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ЗАСЕЛЕНІЯ.

Малороссійскіе Козаки происходятъ отъ коренныхъ жителей страны, въ коей они обитаютъ. Предки ихъ суть тѣ Русскіе, кои съ Олегомъ угрожали Греческой Имперіи, съ Святославомъ возопили: «Не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми ту: мертвіи бо срама не имутъ»; съ Владиміромъ Мономахомъ выгнали, въ 1121 году, новыхъ пришельцовъ: Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, отъ коихъ весьма странно производятъ ихъ; ибо нѣкоторая часть побѣжденныхъ, принявъ Христіянскую вѣру, могла присоединиться къ кореннымъ жителямъ; но невозможно полагать, чтобы первые изгладили потомство послѣднихъ своимъ, особливо же сіи народы, которые, по древнимъ лѣтописямъ: «бѣжаша, и тако мятущеся здѣ и индѣ погибоша».

Ни кѣмъ (какъ продолжаетъ, безъ какого либо историческаго доказательства, бывшій Министръ Финансовъ) не были предки Козаковъ приглашаемы, но произвольно защищали частными битвами отечество свое отъ окружавшихъ ихъ народовъ. Побѣда всегда за ними слѣдовала, и они увеличивали землю свою новыми пріобрѣтеніями.

Храбрѣйшіе изъ нихъ составили за порогами, при устьѣ Днѣпра, во времена Литовскаго Великаго Князя Гедимина, т. е., около 1320 года, передовую стражу отъ Татаръ. Не мѣсто здѣсь входить въ

этнологическое разбирательство, но замѣтимъ только, что въ старину и нынѣ называютъ въ Россіи всякое военное пограничное поселеніе и ополченіе народное Козаками; отъ чего, кажется, и назвали ихъ Запорожскими Козаками; прежде были Рязанскіе Козаки, нынѣ существуютъ Донскіе, Черноморскіе, Гребенскіе, Терецкіе, Астраханскіе, Волжскіе, Уральскіе, Оренбургскіе, Сибирскіе, и Козаками также называли простолюдины ополченія въ прошедшую отечественную войну. И такъ весьма правдоподобно, что жители береговъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, изъ коихъ составилась выше упомянутая передовая стража, названная вообще Козаками, были народомъ пограничнымъ и воинственнымъ, и ненужно уже отыскивать имъ происхожденія, чуждаго народу Русскому.

По истинѣ, никто не давалъ земель сему воинственному народу, да и давать оныхъ не могъ. Распространяясь отъ жилищъ своихъ, занятыхъ ими съ незапамятныхъ временъ, они селились на земляхъ пустопорожнихъ, кочующихъ около ихъ народовъ, и удерживали ихъ оружіемъ, и нѣтъ никакого историческаго доказательства, чтобы имъ даны были первыми Великими Князьями Русскими какія либо земли для службы, или по условію.

Приступимъ къ второму основанію правъ Малороссійскихъ Козаковъ.

II.

УЗАКОНЕНІЯ И ПРИВИЛЕГІИ ПОЛЬСКІЯ.

Когда Россія страдала подъ игомъ Татарскимъ, сыны ея, живущіе по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и между Днѣпра и Днѣстра, служили еще твердымъ оплотомъ Польщѣ и съ нею всей Европѣ. Яснымъ сему доказательствомъ послужитъ письмо Короля Польскаго, Владислава Локетка, къ Папѣ Іоанну XXII, въ 1324 году (И. Г. Р. т. IV, стр. 196). Не упоминается въ ономъ о какихъ либо пришельцахъ, но о Князьяхъ Русскихъ, слѣдственно, о народѣ Русскомъ, и вскорѣ послѣ того доказана сему доблестному народу благодарность грамотою Короля Казимира III, отъ 17 Марта, 1339 года, въ коей сказано: «Рыцарству Рускому, вѣсками и околицами мѣшкаючему, мѣти права свои и свободы на добра и набытья наимѣнія и на пріобрѣтенія», (Ист. Руссовъ, Георгія Конисскаго). Потомъ Владиславъ Ягеловъ, 13 Апрѣля, 1409 года, подтвердилъ тѣ же права Русскаго Рыцарства;

Король Сигизмундъ-Августъ, грамотою 1569 года, Юня 5, о присоединеніи Русской земли къ Польшѣ, подтвердилъ «права и вольности Рыцарства *Рускаго*.» Наконецъ, Король Стефанъ Баторій, въ грамотѣ его отъ 19 Апрѣля, 1579 года, говоритъ: «Взглядомъ и увагою великихъ працъ (подвиговъ) Рыцарства Войскъ Русскихъ уставуемъ и стверждаемъ всѣ права, вольности и привилегіи войска того и всего народа Рускаго, и якъ изъ вѣковъ у нихъ бывало, такъ да пребудетъ на вѣчныя времена, и да не важится никто одмѣняти и нарушати правъ и свободъ въ добрахъ вѣчистыхъ и набытыхъ и всякихъ маетностяхъ, а властны они шафоваты (располагать) ими по своей волѣ и судитися о нихъ имѣютъ въ своихъ судахъ.»

Послѣ сего яснаго узаконенія, казалось бы, ненужно уже болѣе распространяться въ доказательствахъ о правѣ Русскаго Рыцарства, т. е., нынѣшнихъ Малороссійскихъ Козаковъ, располагать своею собственностію; но изслѣдуемъ Конституцію 1590 года, на коей особенно основываетъ бывшій Министръ Финансовъ заключенія свои, такъ же и другія Конституціи, имъ по сему предмету приведенныя. Конституція 1590 года издана по причинѣ своевольствъ пограничныхъ. Въ ней напечатано: «Никого до товариства своего безъ воли Старшины или начальника, а старшинѣ безъ воли Гетманской, не принимать, и всегда долженъ быть списокъ ихъ у Гетмана. А если бы кто изъ службы выбывалъ и другой на мѣсто его долженъ быть принимаемъ, о таковомъ Старшина всегда давалъ бы знать Гетману, чтобы онъ объ нихъ и имѣніяхъ ихъ * вѣрное свѣдѣніе имѣлъ. Осужденныхъ на смерть и наказанныхъ безчестно не принимать; чтобъ живности, пороху и иныхъ потребъ въ мѣстечкахъ не было продаваемо; а наконецъ никого не пускать въ мѣс-

* Слово Польское *imiona* значитъ по Русски имена, на пр., съ Польскаго переводится: приказать, подать списки о именахъ и прозваніяхъ, взятыхъ въ военную службу людей, какъ-то: Иванъ Чумаченко Гавріилъ Иваненко и проч. Но еслибы слово imiona означало иногда имѣніе, то при двухъ значеніяхъ одного слова, переводится оно по смыслу. Всякъ же беспристрастный судія, по смыслу Конституціи 1590 года, не можетъ иначе перевести слова *imiona*, какъ имена, ибо въ ней дѣло идетъ о людяхъ, въ службѣ состоящихъ, и съ оной сбывающихъ, и на ихъ мѣста опредѣляемыхъ. Но мы оставляемъ и переводъ бывшаго Министра Финансовъ, хотя, по мнѣнію нашему, несправедливый, но не могущій вредить собственности Козачьей.

течки, кромѣ такого, который бы отъ Старшины или Сотника свидѣтельство имѣлъ, что съ воли его отлучался, и все то, что до порядка, наблюденія, исправности и подчиненности между ними належитъ, зависитъ отъ власти Гетманской.»

Дальнѣйшее содержаніе сей Конституціи относится до мѣръ Гражданскихъ, чтобы никто изъ мѣстечекъ и селъ на низъ, въ поле, за добычью и за границу не ходилъ, и нигдѣ бы своевольники не придерживались, и чтобы пороху, селитры и оружія, безъ свидѣтельства отъ Начальствъ, не было продаваемо и покупаемо. Потомъ сказано: «а что касается до нынѣшней войны, то имѣетъ Гетманъ употребить изъ тѣхъ людей Низовыхъ и Донскихъ столько, сколько ихъ нужно будетъ для общественной пользы, по его лучшему усмотрѣнію, которымъ жалованье во время той войны выдаваемо будетъ отъ Провизоровъ.»

Съ перваго взгляда на сію Конституцію легко можно видѣть, что она никакого отношенія не имѣетъ къ собственности Козаковъ; ибо содержаніе Гетманами списковъ о Козакахъ служащихъ, также и свѣдѣній о ихъ имѣніяхъ, о выбывающихъ изъ службы и поступающихъ на ихъ мѣста, принадлежитъ къ необходимому воинскому порядку. Козачье начальство долженствовало, для разныхъ соображеній, при нарядѣ Козаковъ на службу, всегда знать объ ихъ лицахъ, состояніи, мѣстопребываніи, убыли и замѣщеніи; но приведеніемъ въ извѣстность лицъ и имѣній никогда не ограничивалось право собственности.

Бывшій Министръ Финансовъ заключаетъ, напротивъ, изъ сей Конституціи, что Козаки почитались временными жителями на казенныхъ земляхъ, данныхъ имъ подъ условіемъ исправленія военной службы; оставя свое званіе, долженствовали они земли свои передать такимъ лицамъ, которые бы могли нести военную службу, и для того Гетманъ получалъ свѣдѣніе о каждомъ выбывающемъ Козакѣ и его преемникѣ, и что сіе наблюденіе Правительства за переходомъ земель отъ одного владѣльца другому доказываетъ, что Козакамъ право неограниченнаго распоряженія землями никогда не было предоставлено; что не было закона Польскаго, коимъ бы дозволялось и земли продавать и даже покупать.

Сравнивъ сіе разсужденіе съ Конституціею 1590 года, по истинѣ ничего подобнаго въ ней найти не можно, но постараемся доказать,

что сіи заключенія противны даже собственнымъ бывшаго Министра Финансовъ о Козакахъ мнѣніямъ и всякому о сихъ воинскихъ обывателяхъ понятію. Онъ признаетъ, что по Конституціи 1601 года земли Козачьи, какъ наслѣдственныя, по смерти Козаковъ поступали къ ихъ потомкамъ и родственникамъ; но если бы Козакъ, оставляя званіе свое, т. е. воинскую службу, обязанъ былъ передать землю своему преемнику оной, какъ полагаетъ Графъ Гурьевъ, то уже право наслѣдства между ими не существовало бы, и по частымъ и обыкновеннымъ причинамъ, которыя заставляютъ выходить многихъ изъ военной службы, земли, жилища, строенія и заведенія хозяйственныя Козачьи, въ самое короткое время должны были переходить въ разныя руки, что само по себѣ столько же невозможно, какъ и то, чтобы Козаки были временными жителями на казенныхъ земляхъ. Козаки, народъ Русскій, издревле осѣдлый, составлявшій и въ Польшѣ, подъ именемъ Рыцарства, значущій Государственный чинъ, не могутъ называться временными жителями на казенныхъ земляхъ. Нѣтъ слѣдовъ въ Исторіи, чтобы кто либо далъ имъ въ Малороссіи, во время зависимости ихъ отъ Польши, земли, съ условіемъ исправленія воинской службы, какъ полагаетъ то бывшій Министръ Финансовъ, и чтобы Козаки откуда и когда либо пришли на сіи новыя усадьбы; напротивъ, подтверждается преданіями, бытописаніями и выше прописанными привилегіями Польскихъ Королей, что Козаки были всегда настоящими владѣльцами земли. Въ дѣйствительной службѣ состояло только извѣстное число Козаковъ, которые и назывались, въ исполненіе Конституціи 1590 года, списковыми или реестровыми Козаками. Выбывшіе изъ службы, по неспособности къ оной, оставались въ званіи и имѣніяхъ своихъ спокойно, а мѣста ихъ въ войскѣ занимали другіе Козаки.

Защищеніе Малороссійскаго края, возложенное Польскимъ Правительствомъ на Козаковъ или, лучше сказать, продолженное Козаками чрезъ многіе вѣки, не нарушаетъ, но, напротивъ, укрѣпляетъ права ихъ собственности. Всегда владѣльцы земли были усерднѣйшими защитниками оной, и чѣмъ болѣе правъ дано какому сословію, тѣмъ и обязанности его важнѣе. Руководствуясь симъ правиломъ, Польское Правительство утвердило безусловно всѣ прежнія преимущества Козачьи. Бывшій Министръ Финансовъ приписываетъ сей 1590 года

Конституціи тоже запрещеніе, чтобы ни въ какіе города никакой Козакъ не былъ принимаемъ безъ дозволенія Начальства; но изъ точнаго перевода видно, что ею постановлено только не пропускать ихъ въ мѣстечки безъ письменнаго вида отъ Старшины, каковая предосторожность употреблена была противъ возникшихъ отъ бродягъ своевольствъ. Принимать и пропускать суть дѣйствія совершенно различныя; слѣдственно, одно изъ заключеній бывшаго Министра Финансовъ произошло единственно отъ ошибки переводчика, имъ употребленнаго. Наконецъ, Конституція 1590 года благопріятствуетъ Козакамъ опредѣленіемъ имъ жалованья; ибо сіе доказываетъ, что они служили не съ имѣній, но получая особенную за то награду. Приводимыя бывшимъ Министромъ Финансовъ другія Конституціи 1601, 1626, 1627, 1628 и 1659 годовъ не ослабляютъ правъ, и даже нѣкоторыя подкрѣпляютъ оныя.

Первою изъ нихъ 1601 года, по случаю обѣщанной Запорожскими Козаками, Польскому Правительству услуги въ тогдашней войнѣ, обезпечиваются выступившіе въ поле увѣреніемъ, что «въ небытности ихъ они ни въ чемъ не потерпятъ, и если бы которые изъ нихъ померли, то оставшіяся маетности перейдутъ къ ихъ потомствамъ». Бывшій Министръ прибавляетъ здѣсь отъ себя: «на тѣхъ же правахъ и съ тѣми же обязанностями, сохраняя названіе добръ Королевскихъ». Сихъ словъ въ Конституціи 1601 г. не существуетъ. Можетъ быть, къ такой прибавкѣ дало поводъ распоряженіе той Конституціи, что осѣдлость и пребываніе нѣкоторыхъ Козаковъ въ добрахъ Королевскихъ и частныхъ не лишаетъ Старостъ и Пановъ обычайной расправы надъ подданными; но таковое истолкованіе было бы ни мало не соотвѣственно прямому смыслу Конституціи. Замѣтить надобно, что здѣсь говорится о пребываніи нѣкотораго числа Козаковъ въ Королевскихъ добрахъ, а не на добрахъ, что не означаетъ владѣнія, или пользованія, добрами Королевскими; потомъ чрезъ полвѣка въ договорѣ Гетмана Богдана Хмельницкаго съ Поляками, заключенномъ подъ Бѣлою Церковію, 1651 года, Сентября дня, такъ же сказано, что «Козаки имѣли посредѣ Казенныхъ и частныхъ владѣній свои осѣдлости, каковыя потомки ихъ донынѣ имѣютъ». Въ семъ договорѣ, который, впрочемъ, никогда не приведенъ въ дѣйствіе, постановлено было перевесть часть Козаковъ списковыхъ на правую сторону Днѣпра, но сказано, чтобы Польскія власти не мѣшали имъ продать свои имѣнія. Бывшій Министръ Финансовъ упоминаетъ о

семъ договорѣ, но умалчиваетъ о продажѣ земель Козачьихъ, которой не можно было бы позволить, если оныя составляли добра Королевскія или Казенныя. Такимъ образомъ Конституція 1601 года ничего другаго не означаетъ, какъ только обезпеченіе находившихся въ походѣ Запорожцевъ въ ихъ старинныхъ правахъ. Въ Конституціяхъ 1626, 1627 и 1628 г., изданныхъ объ оборонѣ Украины и о поборахъ на содержаніе, сказано: «чтобы и Запорожцы при общемъ воинствѣ находились.» Сіе распоряженіе есть слѣдствіе прежде состоявшихся двухъ Конституцій и Королевскаго Универсала 1624 года объ учрежденіи войскъ для защиты Украинъ и назначеніи на оныя податей со всякаго чина и званія подданныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

Изъ одной изъ сихъ Конституцій, на страницѣ 462, видно, что на Сеймѣ Варшавскомъ была Козацкая Коммисія для постановленія, какое участіе должны Запорожцы принять въ общемъ вооруженіи, но по встрѣтившимся въ семъ дѣлѣ препятствіямъ, послѣ приведено оное къ концу Королевскими Коммисарами. Конституціи сіи достойны вниманія по тому, что всѣ прочія состоянія Государственныя, безъ изъятія и безъ ихъ согласія, обязаны были закономъ Сеймовымъ поставлять воиновъ въ ополченіе, а о Козакахъ сказано въ Конституціи 1601 года, что они сами обѣщали служить. Во время же всеобщаго вооруженія была Коммисія Козачья, для назначенія числа ихъ войскъ. Выраженія Конституціи 1601 года и осторожное поведеніе Польскаго Правительства, при нарядѣ Козаковъ на службу, которая на всѣхъ Полякахъ безъ изъятія лежала, показываетъ, что Козаки, яко самостоятельный и вольный, по тогдашнимъ понятіямъ, народъ, не смотря на присоединеніе Малороссіи къ Польшѣ и дарованіе Козакамъ Польскаго гражданства, состояли подъ покровительствомъ Польщи, а не въ прямомъ ея подданствѣ, и что они жили не на Королевскихъ, а на своихъ древнихъ земляхъ.

Потомъ, бывшій Министръ Финансовъ изъ Конституціи 1646 года, въ которой сказано, что «въ Воеводствѣ Черниговскомъ добра ленныя, а дѣдичныхъ или вотчинныхъ нѣтъ», выводитъ, что Козаки владѣли землями на правѣ ленномъ и помѣстномъ, дополняя, сверхъ буквальнаго значенія Конституціи, что, «Черниговскіе Козаки увольнены ею отъ всякихъ податей, кромѣ подымной;» но въ Конституціи сей говорится о добрахъ ленныхъ и о податяхъ съ нихъ же, а о Казакахъ не упо-

коренной, уничтожены на вѣчныя времена, слѣдовательно, и артикулъ 4-й раздѣла 3-го такъ же уничтоженъ.

Бывшему Министру Финансовъ угодно называть Козаковъ пограничными жителями; но великое различіе между пограничнымъ гражданиномъ и иностраннымъ.

Впрочемъ, Конституціи, относящіяся до временныхъ распоряженій и до особенныхъ случаевъ, не могутъ служить основаніемъ гражданскихъ правъ цѣлаго народа. Они многочисленны и разнорѣчны: ихъ можно иногда употреблять къ объясненію и подкрѣпленію положительныхъ законовъ, если они съ сими согласны, но никогда временныя распоряженія не могутъ нарушить торжественныхъ актовъ, каковыми утверждены права Козачьи.

Наконецъ, остается еще оспорить заключеніе бывшаго Министра Финансовъ, что въ Грамотѣ 1569 года о присоединеніи Кіевскаго Княжества къ Польской Коронѣ, упомянутой въ мнѣніяхъ Гг. Сенаторовъ, предоставленіе Рыцарству всѣхъ правъ, свободы и собственности, также судопроизводства въ земскихъ дѣлахъ по Статуту, наравнѣ съ Шляхетствомъ, не относится къ Козакамъ. Въ Малороссіи, во время изданія сей Конституціи, очень мало находилось Шляхетства, что доказывается небольшимъ онаго числомъ, оказавшимся чрезъ 85 лѣтъ, когда Малороссія присоединилась къ Россіи, а Рыцарства въ Малороссіи не было другаго, кромѣ Козаковъ; слѣдовательно, они, какъ господствующее сословіе народа, единственнымъ были предметомъ присоединенія сего края къ Польшѣ и преимуществъ, Грамотою посему случаю дарованныхъ. Польское Правительство желало сихъ храбрыхъ воиновъ навсегда усвоить и къ новому отечеству привязать всѣми возможными выгодами, а паче утвержденіемъ за ними полной собственности, безъ чего и присоединеніе ничего бы не значило и не могло состояться. Козаки и во время зависимости своей отъ Великаго Княженія Литовскаго составляя знаменитый чинъ, были полными владѣльцами своихъ имѣній, почему, бывъ приглашены на общій Сеймъ, въ лицѣ своихъ Пословъ, участвовали въ законодательствѣ и голосъ свой при сочиненіи Грамоты соединенія, какъ въ ней точно изображено, подавали. Послѣ того, чрезъ 79 лѣтъ, въ 1648 году, были Послы Козачьи на избирательномъ Сеймѣ и способствовали Яну Казимиру II-му вступить на Польскій престолъ.

Бывшій Министръ Финансовъ прибавляетъ, что «если бы Козаки послѣ сей Конституціи сравнены были съ Дворянствомъ, то и потомки ихъ пользовались бы симъ правомъ въ ихъ личныхъ отношеніяхъ и по владѣнію имуществомъ. Что названіе Рыцарей, каковое имя дано въ Конституція 1569 года, не сообщаетъ Шляхетскаго достоинства, какъ сіе явствуетъ изъ выше приведенной Конституціи 1659 года, въ которой Козаки названы также Рыцарями, но въ то же время предоставлено Гетману право представлять ихъ къ возведенію въ Шляхетское достоинство; что на семъ основаніи нѣкоторые Козаки оною Конституціею за Рыцарскіе, какъ сказано, подвиги возведены въ Шляхетство, при чемъ одни изъ нихъ пожалованы землями въ дѣдичну, а другіе въ ленъ». На сіе Малороссійскій Военный Губернаторъ отвѣтствуетъ, первое: бывшій Министръ Финансовъ самъ признаетъ, что въ двухъ Конституціяхъ Козаки названы Рыцарями: въ первой, 1569 года, Козаки, подъ именемъ Рыцарства, показаны между Земскими Послами послѣ Шляхты, и вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ о вольностяхъ лицъ и имѣній и твердости послѣднихъ, объ отправленіи Пословъ на Сеймы и Сеймики, о употребленіи Русскаго языка въ судахъ и сношеніи съ Правительствомъ, о судопроизводствѣ по Статуту и сравненіи Русскихъ съ Поляками и о разныхъ преимуществахъ, Рыцарство ставится послѣ Шляхты же непосредственно, и даже въ концѣ Грамоты написано, что она дана земли Кіевской Князьямъ, Панамъ, Старостамъ, Дигнитаторамъ, Шляхтѣ и всему Рыцарству. Послѣ сего, по истинѣ нѣтъ невозможности отвергать сравненіе Козаковъ въ разныхъ преимуществахъ съ Шляхетствомъ. Въ Конституціи 1569 года, изъ которой бывшій Министръ Финансовъ беретъ также оружіе противъ собственности Козачьей, сказано тоже, что въ Конституціи 1569 года, что Рыцарства Козачьи присоединяются къ Полякамъ, какъ вольные къ вольнымъ, равные къ равнымъ, и знатные къ знатнымъ. Второе: никто не приписываетъ Шляхетства къ Козакамъ, но они составляли въ Польшѣ почтенный и первый въ Шляхетствѣ чинъ, [1] пользовались самовластнымъ распоряженіемъ своихъ имѣній и разными преимуществами наравнѣ съ Шляхетствомъ. Потомки ихъ и теперь тѣмъ же пользуются. Въ Архивахъ всѣхъ Присутственныхъ Мѣстъ Малороссійскихъ, и даже Правительст-

---

1 Конституція 1569 года и записка о Козакахъ, поданная 1777 года Екатеринѣ II-й Княземъ Безбородкомъ.

вующаго Сената, есть неоспоримыя доказательства, что потомки Козаковъ Малороссійскихъ всегда отчуждали, и теперь отчуждаютъ, свои недвижимыя имѣнія разнаго званія людямъ, разными образами, и отъ нихъ пріобрѣтаютъ. По дѣламъ земскимъ судятся законами Статутовыми, тѣми же, каковыми и Дворяне; пользуются, подобно имъ, продажею вина; за насиліе присуждается имъ Шляхетское удовлетвореніе и проч. Третіе: самое предоставленіе Конституціею 1659 года Гетману удостоивать Козаковъ къ полученію Шляхетства показываетъ, что они къ нему близки; впрочемъ, въ воинственномъ народѣ всегда весьма поздно вводится наслѣдственное дворянство; личные подвиги и способности опредѣляютъ мѣста каждаго: Короли Польскіе возводили иныхъ Малороссіянъ въ Дворянское достоинство, но высшіе чиновники продолжали быть изъ простаго Козацкаго сословія, чему послужитъ доказательствомъ пожалованіе въ 1665 году Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Гетмана Брюховецкаго Боярствомъ, а Обознаго Судіи, Полковниковъ и Есауловъ [1] Дворянами. Четвертое: Конституціею 1659 года, говоритъ бывшій Министръ Финансовъ, нѣкоторые Козаки возведены въ Шляхетство, и одни пожалованы землями въ дѣдичну, а другіе въ ленъ; но сіе не касается до древней собственности Козаковъ, а до ранговыхъ имѣній, которыя опредѣлены при Гетманѣ Евстафіи Ружинскомъ, въ 1514 году, на чины полковой и сотенной Старшины, во время новаго распредѣленія Малороссійскаго войска и самой земли на двадцать полковъ. Польское Правленіе называло ранговыя имѣнія Королевскими, которыя раздавались и въ лены. Сія же Конституція опредѣляетъ разность между Королевскими и собственными Козачьими имѣніями, ибо сіи послѣднія освобождены отъ самомалѣйшихъ поборовъ, а съ первыхъ положено взимать на войска хлѣбъ. О семъ, часто твердимомъ, ленѣ и помѣстьяхъ въ Малороссіи нѣтъ слѣдовъ и никакого понятія. Пятое: если грамота 1569 года не относится до Козаковъ, какъ увѣряетъ бывшій Министръ Финансовъ, то о какихъ же привилегіяхъ, наданныхъ отъ Королей Польскихъ, упоминаетъ Конституція 1590 года, на какія ссылался Гетманъ Богданъ Хмельницкій и какія утвердилъ Царь Алексѣй Михайловичъ? Шестое: въ Конституціи 1659 года постановлено сими словами: «Общій совѣтъ тѣхъ народовъ Малоросійско-Козацкаго и Польскаго и общія силы должны быть про-

[1] Сіи чиновники были старшіе по Гетманѣ и равнялись съ Генералами.

тивъ враговъ каждаго.» Здѣсь Козаки договариваются съ Польшею по обычаю двухъ, одной отъ другой независимыхъ, Державъ. Новое открытіе, что Козаки хотя присоединены къ Польшѣ и правомъ гражданства въ ней облечены, но при самостоятельности своей удерживались, и что между ими и Польшею существовало взаимное обязательство защиты отъ непріятелей. И такъ не только коренные Польскіе уставы и привилегіи совершенно утверждаютъ древнее и полное право собственности Козаковъ, но и прописанныя бывшимъ Министромъ Финансовъ частныя узаконенія, равномѣрно и послѣдняя Конституція 1659 года оное подкрѣпляетъ. Конституція сія есть послѣднее Польское законодательной власти о Козакахъ произведеніе, и Провидѣнію угодно было, чтобы ею все доброе для Козаковъ возобновлено, а все худое и вольности Козаковъ въ законахъ Польскихъ противное, отвержено и уничтожено было.

III.

ОБРАЗЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ КОЗАКОВЪ КЪ РОССІИ, ГРАМОТЫ И УЗАКОНЕНІЯ РОССІЙССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

Великіе Князья Литовскіе и Короли Польскіе уважали и покровительствовали Малороссійскихъ Козаковъ, и за то они въ продолженіи трехъ вѣковъ были усерднѣйшими защитниками ихъ владѣній; но пришло время, предопредѣленное Провидѣніемъ, для униженія гордой Польши и возвышенія столь долго страдавшей Россіи, и надмѣнные вельможи, завидуя свободѣ всего воинственнаго народа, руководимые ложными понятіями о пользахъ Государственныхъ, дѣлались вредными совѣтниками Польскаго Престола. [1] Правительство стало не уважать права, имъ самимъ данныя, нарушать собственность Козаковъ, вводить сборщиковъ и откупщиковъ изъ Евреевъ. Шумная Польская Шляхта, подражая вельможамъ, оскорбляла не только честь Козаковъ, но и Старшинъ ихъ, и Православная Вѣра угнеталась Католическимъ духовенствомъ и насильнымъ введеніемъ Уніи. Козаки тщетно вопіяли о правосудіи, и вынуждены, наконецъ, были оружіемъ и храбростію своею защищать Вѣру отъ поруганія, честь отъ оскорбленія, права и собственность отъ нарушенія. Среди ихъ возсталъ мужъ доблест-

---

[1] Исторія говоритъ, что «сіи люди, заставляя Монарховъ своихъ нарушать святость обѣщаній, дадутъ отчетъ въ происходящихъ отъ того бѣдствіяхъ. Имена ихъ, переходя въ потомство, напомнятъ объ нихъ, какъ о врагахъ общественаго блага». Исторія Руссовъ или Малой Россіи, Конисскаго.

ный и мудрый, Богданъ Хмельницкій, и подъ предводительствомъ его свергли они иго Польское. Завоевавъ собственный свой край и все, что въ немъ было, изгнали они Польскую Шляхту, между ими поселившуюся, Католиковъ, Уніятовъ и Жидовъ; слѣдственно, если бы не имѣли и доселѣ Малороссійскіе Козаки правъ собственности, то уже пріобрѣли оное правомъ завоеванія и купили кровію земли свои.

Побѣдивъ Польшу, утвердивъ свою самостоятельность до того, что не только смежный съ ними Ханъ Крымскій и Господари Молдавскій и Волошскій, но Порта, Король Шведскій и даже Императоръ Германскій, входили съ ними въ сношенія. Малороссійскіе Козаки прибѣгли въ 1654 году подъ сѣнь древняго своего отечества и обратились къ Самодержцу Всероссійскому. Царь Алексѣй Михайловичъ, великодушный и безпримѣрный между владыками земными того вѣка въ правотѣ и умѣренности, даже и противъ своихъ непріятелей, не спѣшилъ принимать единовѣрной, страждущей Малороссіи, опасаясь нарушить чрезъ то мирныя постановленія съ Польскимъ Правительствомъ. Увѣрясь, однако жъ, въ вѣроломствѣ и вредныхъ замыслахъ онаго, отверзъ онъ свои объятія Козакамъ и принялъ ихъ, какъ отецъ, бывшій въ долговременной разлукѣ, принимаетъ дѣтей, возмужавшихъ въ бѣдствіяхъ, подвигахъ и терпѣніи, возвращающихся покрытыми славою и честію. Не было при семъ случаѣ между Царемъ и Козаками никакихъ условій; они, уповая на благость его и положась на увѣренія Боярина Бутурлина, что «большими свободами, державами и добрами пожалуетъ васъ Его Царское Величество, паче Королей Польскихъ и Княжествъ Россійскихъ,» [1] присягнули ему въ вѣрности и предложили добровольно изъ себя 60,000 человѣкъ войска для защиты своей и общаго отечества отъ непримиримыхъ Поляковъ и хищныхъ Татаръ. Симъ образомъ Козаки принесли Царю Алексѣю Михайловичу въ даръ себя и все, что по праву войны имъ въ Малороссіи принадлежало. По сей одной причинѣ Козаки Малороссійскіе не могли имѣть никакаго достоянія, кромѣ собственнаго. [2]

---

[1] Письмо Богдана Хмельницкаго къ Царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года, Марта 13 дня.

[2] Записка, поданная 1777 года Императрицѣ Екатеринѣ II-й Княземъ Безбородкомъ о Козакахъ.

Грамоты Царя Алексѣя Михайловича.

Договорныя или, лучше сказать, просительныя статьи, касающіяся до Козаковъ и Шляхты Малороссійскихъ, предложенныя Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, послѣ присяги, суть слѣдующія: 1-е, Подтвердить права и вольность войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ, что своими правами суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ. 2-е, Войско Запорожское, въ числѣ 60,000 тысячъ, чтобъ всегда было полно; 3-е, Шляхта, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру по непорочной заповѣди Христовой, Тебѣ, Великому Государю нашему, учинили, чтобъ при своихъ Шляхетскихъ вольностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовыя избирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при Короляхъ Польскихъ бывало; 4-е, Чтобъ войско Козачье само межъ себя Гетмана избирало, понеже тотъ давній обычай войсковый; 5-е, Именій Козацкихъ чтобъ никто не отнималъ: которые земли имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель, чтобъ при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ, послѣ Козаковъ осталыхъ, чтобы и дѣти ихъ такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ; 6-е, Чтобъ на булаву Гетманскую Староство Чигиринское пребывало, и чтобъ Старшинѣ и Козакамъ жалованье по обычаю опредѣлено было; 7-е, Права, наданныя изъ вѣковъ отъ Княжатъ и Королей духовнымъ и мірскимъ людямъ чтобъ ни въ чемъ не нарушены были; 8-е, Чтобъ привилегіи, на Христіянъ писанныя, единъ на вольности Козацкія, а другой на Шляхетскія, даны были, чтобъ на вѣчныя времена непоколебимо было. Всѣ сіи статьи Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Высочайше утверждены, а жалованье войску назначено изъ Малороссійскихъ доходовъ. Въ грамотахъ Царя Алексѣя Михайловича, жалованныхъ войску Козачьему и Шляхтѣ 1654 года, Марта 27, выражено: въ первой о войнѣ, по прпискѣ, что Гетманъ и войско Зпорожское били челомъ, чтобъ велѣти прежнія права и вольности войсковыя, какъ издавна были при Великихъ Князьяхъ Русскихъ и Короляхъ Польскихъ и прочая, написано: «Мы, Государь, подданнаго Нашего, Богдана Хмельницкаго, Гетмана войска Запорожскаго, и все войско пожаловали, велѣли имъ быть подъ Нашею, Царскаго Величества, высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковы имъ даны отъ Королей Польскихъ и отъ Великихъ Князей Литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей ничѣмъ

нарушать не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ Старшинъ по прежнимъ правамъ, а число войска указали, по ихъ же челобитью, учинить 60,000, всегда полное.» Потомъ слѣдуетъ утвержденіе вольнаго выбора Гетмана, такъ же имѣній Козацкихъ и земель, «которыя они имѣютъ для пожитку, отнимати у нихъ, и вдовъ, послѣ Козаковъ остальныхъ, у дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему и по Нашему, Царскаго Величества, жалованью Нашимъ подданнымъ, Гетману войска Запорожскаго и всему Нашему войску, быть подъ Нашею высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ и по всѣмъ статьямъ, которыя выше описаны. Во второй грамотѣ о Шляхтѣ: «И Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, для челобитья подданнаго нашего, Богдана Хмельницкаго, Гетмана войска Запорожскаго, Шляхты, которые пребываютъ въ Нашего, Царскаго Величества, отчинѣ, въ Малой Россіи, велѣли быть подъ Нашею высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковы имъ даны права и привилегіи и вольности отъ Королей Польскихъ, и вольностей ихъ Шляхетскихъ ни въ чемъ нарушать не велимъ, и Старшихъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и градскіе выбирати межъ себя самимъ и маетностями своими владѣть позволили.» Обѣ грамоты заключены сими словами: «И Намъ, Великому Государю, служити и прямити, и всякаго добра хотѣти, и на Нашихъ Государскихъ непріятелей, гдѣ Наше Царское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быть въ Нашей Государской волѣ и послушаньи на вѣки.» Въ Грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича о утвержденіи Виговскаго Гетманомъ, 1657 года, Ноября 30 дня, между прочимъ написано: «И Мы, Великій Государь, по своему Государскому милосердному осмотрѣнію васъ, нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, Православныхъ Христіянъ, въ Нашей, Царскаго Величества, милости и въ вашихъ вольностяхъ по прежнему, безъ всякаго умаленія, непремѣнно всегда держати будемъ, въ томъ бы есте на Нашу милость были надежны.» Въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, данной войску Запорожскому 1665 года, Декабря 3 дня, написано: «А войска Запорожскаго Козакамъ въ Малороссійскихъ городахъ дворами своими и землями, и мельницами и всякими угодьи владѣти, какъ о томъ по ихъ челобитью написано въ нынѣшнихъ новопостановленныхъ статьяхъ. Да Мы же, Великій Государь, пожаловали войска Запорожскаго Козаковъ правамъ ихъ и вольностямъ быть противъ постановленныхъ Переяславскихъ и Батуринскихъ и нынѣшнихъ ста-

тей, а Наше, Великаго Государя, денежное жалованье регистровымъ Козакамъ давати по статьямъ изъ сборныхъ денегъ Малороссійскихъ городовъ въ то время, какъ они написаны будутъ въ реестрѣ.»

Статьи Гетманскія.

Юрія Хмельницкаго 1659 года, Брюховецкаго 1663 года, Батуринскія и Московскія Многогрѣшнаго 1669 года, Самойловича Конотопскія и Переяславскія до 1687 года, содержащія въ себѣ постановленія о собственности и вольности Казачьей, Высочайше утверждены.

Въ статьяхъ 1663 года Козачьи права собственности пояснены, что оныя состоятъ въ селахъ и городахъ и составляютъ домы, хутора, гаи, сады, займища, сѣножати, поля, огороды, вотчины и пасѣки. Въ Высочайше утвержденной помѣтѣ сказано: «Быть по старинѣ и по купчимъ, за кѣмъ тѣ вотчины и пасѣки нынѣ есть.» Сими статьями присвоено Магдебурское право мѣщанамъ. Въ статьяхъ Гетмана Многогрѣшнаго 1669 г. содержится утвержденіе тѣхъ же правъ Козачьихъ. Въ 24 статьѣ сказано о имѣніяхъ ихъ, что они составляютъ грунты вѣчные, отческіе, дѣдичные, купленные, прямые, т. е., поля, лѣса, сѣнные покосы, пруды, мельницы и иные пожитки. Въ статьѣ 4-й упоминается, что Козаки владѣютъ маетностями. Съ сею статьею опредѣляется число Козаковъ 30,000, а жалованья давать на человѣка по 30 Польскихъ злотыхъ. Въ статьѣ 15 приносится просьба, что прежде сего Воеводы Козакамъ у мѣщанъ дочерей имать за себя и домовъ и земель покупать не велѣли, а до того времени таковаго обычая у нихъ не было, то чтобъ они сохранены были при прежнихъ вольностяхъ. Подъ сею статьею Высочайшее рѣшеніе: «что будучи нѣкоторые Воеводы заказы чинили, и если про то сыщется, и за то имъ отъ Великаго Государя быти въ жестокомъ наказаніи.» Въ статьяхъ Переяславскихъ Гетмана Самойловича, владѣніе имѣніями Козачьими и наслѣдство утверждены по прежнему, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ становищъ, поборовъ и подводъ; имѣнія же названы вѣчными, отцовскими, дѣдичными, купленными. Надобно также замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось на Высочайше предложенныя статьи согласіе Старшины и войска, писано, что «Старшина и Козаки приговорили сей статьи быть такъ.»

Изъ сихъ грамотъ Царскихъ и статей Гетманскихъ очевидно открывается, что Хмельницкій ходатайствовалъ о подтвержденіи правъ первоначально Козаковъ, а потомъ Шляхетства въ ихъ добрахъ и судахъ. Царь Алексѣй Михайловичъ двумя грамотами, данными, первою Козакамъ, а другою Шляхтѣ, подтвердилъ ихъ вольности по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ Польскимъ. Ни въ представительствѣ Хмельницкаго о Казакахъ и Шляхтѣ, ни въ рѣшеніяхъ и грамотахъ Царскихъ, нѣтъ существеннаго различія, изъ котораго бы можно заключить, что права собственности Козачьей слабѣе, или ограниченнѣе, Шляхетскихъ. Самъ Графъ Гурьевъ подтверждаетъ сіе сходство, говоря: «Главное содержаніе сихъ грамотъ (т. е., Козакамъ и Шляхтѣ данныхъ) состоитъ въ томъ, что оными подтверждаются права Козаковъ, какія они имѣли при Великихъ Князьяхъ Русскихъ и Короляхъ Польскихъ.» Въ грамотѣ, данной Шляхетству, точно сказано: «по правамъ и привилегіямъ, каковы даны Шляхетству отъ Королей Польскихъ.» Сіи слова, какъ и бывшій Министръ Финансовъ говоритъ, находятся точно и въ грамотѣ Козачьей; гдѣ жъ тутъ различіе, которое Графъ Гурьевъ, противорѣча самъ себѣ, находитъ въ прошеніи Хмельницкаго о Козакахъ и Шляхтѣ и въ согласіи на оное Царя? Если принять нѣкоторое различіе, то оно состоитъ не въ правахъ, а въ выраженіяхъ, касающихся до состоянія Козаковъ, существовавшихъ и имѣвшихъ собственныя земли, прежде всѣхъ Польскихъ и другихъ грамотъ и до Шляхты, пріобрѣвшей сіе достоинство отъ Польскихъ Королей; по сей причинѣ Хмельницкій проситъ въ статьяхъ: 1-й о Козакахъ, чтобъ Царь утвердилъ права и вольности войсковыя въ добрахъ и судахъ, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорожскомъ. Въ 3-й о Шляхтѣ, чтобъ Шляхта при своихъ Шляхетскихъ вольностяхъ пребывала, и добра свои и вольности имѣла, какъ при Короляхъ Польскихъ бывало. Въ 13-й права, наданныя отъ Княжатъ и Королей, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были. Сія статья относится до разныхъ жителей Малороссійскихъ. Всѣ сіи статьи Высочайше, во всей своей силѣ, утверждены. Въ грамотѣ Царской, по прописке статьей, что Гетманъ челомъ билъ, пожаловати прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна были при Великихъ Князьяхъ Русскихъ и Короляхъ Польскихъ, утверждены права и привилегіи Козачьи, каковы даны отъ Королей Польскихъ и Князей Литовскихъ. Слѣдовательно, Шляхтѣ подтверждены только права.

какія отъ Королей Польскихъ даны, а Козакамъ, какія они не только отъ Королей Польскихъ и Князей Русскихъ и Литовскихъ изъ вѣковъ имѣли. По сему права Козачьи еще гораздо сильнѣе Шляхетскихъ, ибо они заимствуютъ свою силу и отъ большаго числа привилегій и отъ глубокой давности, которая, по всесвѣтнымъ законамъ и понятіямъ, паче всего утверждаетъ владѣніе землею. Бывшій Министръ Финансовъ продолжаетъ: «Гетманъ просилъ имѣній Козачьихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимать не велѣть.» Въ самомъ подтвержденіи Государевомъ сказано: «имѣній Козачьихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимать у нихъ и вдовъ послѣ Козаковъ осталыхъ у дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему.» По мнѣнію бывшаго Министра Финансовъ, слово: «для пожитка» значитъ для пользованія, но не для свободнаго распоряженія. Сіе доказательство употребляется къ ослабленію собственности Козачьей также часто, какъ и Конституція 1590 года, но и оно, по справедливости, не сильнѣе сего временнаго узаконенія Польскаго. Попечительный Богданъ Хмельницкій, желая охранить своихъ сподвижниковъ отъ подобныхъ насилій, какія они, наконецъ, подъ Польшею испытали, къ прежнимъ, вышеприписаннымъ, статьямъ о Козакахъ и Шляхтѣ, прибавилъ еще 7-ю, слово въ слово такъ: «имѣній Козацкихъ чтобъ никто не отнималъ, которые землю имѣютъ и всѣ пожитки (а не для пожитковъ) съ тѣхъ земель, чтобъ при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли, вдовъ послѣ Козаковъ осталыхъ, чтобъ дѣти ихъ такія жъ вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.» Симъ, во 1-хъ, Козаки обезпечены отъ насилія; во 2-хъ, не только ихъ земли, но и пожитки, т. е., пріобрѣтенія, движимость, сохранены; въ 3-хъ, наслѣдственность Козачьимъ имѣніямъ подтверждена; словомъ, въ семъ Царскомъ утвержденіи земли заключается объясненіе полнаго права собственности Козаковъ. Сличивъ же оное съ другими статьями Гетманскими, Высочайше утвержденными, въ коихъ всегда написано: «Козачья земли и пожитки,» а имѣнія Козачьи названы вотчинами, дѣдичными, купленными, вѣчными,» могли ли Царь, Гетманъ и кто либо тогда вообразить, что слово, помѣщенное въ грамотѣ: «для пожитку,» т. е., для благопріобрѣтенія, чрезъ 170 лѣтъ привлечется къ потрясенію собственности Козаковъ, сихъ витязей, которые, будучи отторгнуты силою временъ и обстоятельствъ отъ Православнаго Отечества, не щадили крови во всѣхъ положеніяхъ для своей собственности, и наконецъ, при первой удобности, для удер-

жанія оной, поверглись къ стопамъ природнаго своего Благовѣрнаго Государя? Въ законахъ Статутовыхъ опредѣляется прямый смыслъ сего слова: «для пожитка.» 3 раздѣла въ 17-мъ артикулѣ написано: что по смерти отцовъ и матерей дѣти ихъ, сыновья и дочери ихъ, потомки, сродники и ближніе, по законному и наслѣдственному праву, могутъ тѣ имѣнія взять, оными владѣть и на свой пожитокъ [1] обращать, т. е., распоряжать ими по своей волѣ. Пожитокъ, по старинному, значитъ и пользу, но не временное пользованіе.

Изъяснивъ симъ простымъ образомъ важнѣйшее возраженіе бывшаго Министра Финансовъ, должно разсмотрѣть и слѣдующее его заключеніе: что Государь жалуетъ Шляхетству свободное распоряженіе имуществомъ, а Козакамъ торжественно объявляетъ, что права ихъ на земли ни кѣмъ не будутъ отняты и навсегда останутся при нихъ, однако жъ не предоставляетъ имъ земель въ полную собственность, но съ тѣми же ограниченіями, какія дотолѣ существовали. Выше сего прописаны грамоты Царскія, которыя и въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ хранятся. Ни въ тѣхъ грамотахъ, ни о свободномъ распоряженіи Шляхетскимъ имѣніемъ, ни объ ограниченіяхъ въ правахъ Козачьихъ ничего не говорится. Обѣ грамоты, Козачья и Шляхетская, совершенно сходны, а прибавленія въ Козачьей, одни служатъ къ защитѣ Козаковъ отъ насилія, а другія больше усиливаютъ и распространяютъ ихъ права, обѣ же грамоты заключаются одними словами, въ призываніи Козаковъ и Шляхты: «Государю и наслѣдникамъ Его служити, и прямити, и всякаго добра хотѣти, и на Государскихъ непріятелей, гдѣ Государское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быть въ Государской волѣ и послушаніи навѣки.» Бывшій Министръ Финансовъ во всемъ своемъ заключеніи напоминаетъ, что Козакамъ земли за службу даны; но въ выше приведенныхъ словахъ Шляхетству и Козакамъ означены одинаковыя обязанности; не смотря на то, Графъ Гурьевъ Шляхетству оставляетъ полное право собственности, а у Козаковъ оное оспариваетъ. Изъ грамотъ же различія сего выводить совершенно невозможно: ибо многимъ были жалованы, и теперь жалуются, недвижимыя имѣнія за службу, но не для службы. Сія обязанность возлагается на каждаго гражданина съ рожденіемъ его, не ограничивая ничьихъ правъ. Въ прописанныхъ статьяхъ и грамотѣ 1654

[1] Слово пожитокъ употреблено въ Польскомъ текстѣ.

года Козакамъ подтверждено владѣніе землями и пожитками безъ всякаго ограниченія. Въ слѣдъ за тѣмъ, 1665 года, Царь Алексѣй Михайловичъ далъ грамоту Козакамъ, еще больше означающую ихъ собственность, именно: «А войска Запорожскаго Козакамъ въ Малороссійскихъ городахъ дворами своими и землями и мельницами и всякими угодьи владѣти.» И ниже: «А Наше, Великаго Государя, жалованье регистровымъ Козакамъ давать по статьямъ изъ сборныхъ денегъ Малороссійскихъ же городовъ въ то время, какъ они написаны будутъ въ реестрѣ.» Изъ сего видно, что Козаки, владѣя имѣніями собственными, а не на службу имъ данными, получали, наравнѣ съ Дворянами, находясь въ дѣйствительной службѣ, жалованье. Въ статьяхъ Гетмана Многогрѣшнаго, 1669, по 4-му пункту, значится, что Козаки владѣли маетностями. Чрезъ сіе грамоты Козачьи съ Шляхетствомъ и съ тѣми совершенно единообразны, не только въ правахъ владѣнія, но и въ родѣ имѣній. Козаки и подданныхъ имѣли: въ Указѣ Государя Петра 1-го, 1722 года, Іюня 11 дня, сказано: «впредъ, если случится быть тамъ (въ Малороссіи) винтеръ-квартирамъ, то при томъ смотрѣть, чтобы ставши, не обходя никого, ни Гетманскихъ, ни Полковничьихъ, ни Старшинскихъ, ни Козачьихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданныхъ.» Въ статьяхъ Гетманскихъ, Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ подтвержденныхъ, вычисляются роды имѣній Козачьихъ, какъ-то: домы, вотчины и маетности, хутора, пруды, мельницы, сады, огороды, пасѣки, поля, лѣса, гаи, сѣножати, займища и иныя угодья и пожитки, такъ же названы оныя имѣнія въ статьяхъ вѣчными, отческими, дѣдичными, властными, прямыми, купленными, а въ Высочайшихъ рѣшеніяхъ именуются еще и наданными и жалованными, ибо когда Государь древнія ихъ имѣнія за ними утвердилъ, то симъ самымъ награждалъ и жаловалъ оныя. Тѣми же статьями Козаки, какъ и Дворяне, освобождены лично отъ поборовъ, постоя и подводъ.

Достоинство и отличность Козачьяго званія означается тѣмъ: 1-е, что они и по присоединеніи къ Россіи, наравнѣ съ Шляхетствомъ, владѣли и распоряжали недвижимыми имѣніями и подданными, и что пользовались въ оныхъ продажею вина; 2-е, что всегда судились (какъ и теперь судятся) въ дѣлахъ земскихъ по Статуту, и въ семъ случаѣ Гетманъ и Шляхтичъ стоялъ на одной доскѣ съ Козакомъ; 3-е, Гетманъ изъ среды Козаковъ избираемъ былъ; ибо въ Гетманскихъ статьяхъ постановлено: «промежъ войска истиннаго Козака

Гетмана, по стародавнимъ правамъ войсковымъ, збирать на Гетманство;» 4-е, что ко всѣмъ вообще войсковымъ совѣщаніямъ приглашались простые Козаки, и когда требовалось на Высочайшія предложенія согласіе войска, то писано было подъ статьями: «Гетманъ, Старшина и Козаки приговорили сей статьи быть такъ;» и 5-е, что Козаки, какъ и Дворяне дѣйствительно служащіе, получали жалованье. Бывшій Министръ Финансовъ прибавляетъ еще, что Польскіе выходцы селились въ Малороссіи, по отводу Гетманскаго и Полковничьихъ Правленій, на которыя земли нѣтъ Грамотъ и Указовъ; но въ опроверженіе сего я просилъ только указать выходцовъ и ихъ земли, либо историческое сему доказательство. При семъ не излишне замѣтить, что Гетманы имѣли древнее право, ни какими Россійскими законами не отмѣненное и не ограниченное: давать недвижимыя имѣнія изъ войсковыхъ или ранговыхъ, которыми, по ихъ надачамъ, и теперь многіе, во всякомъ состояніи, владѣютъ. Универсалы Гетманскіе служатъ для Малороссіянъ основаніемъ древнихъ владѣній. Въ тяжбахъ, разрѣшаемыхъ судебными мѣстами и Высочайшею властію, всегда принимались и принимаются сіи акты за важнѣйшіе и къ одержанію права за достаточнѣйшіе документы. Что касается до наказанія ослушниковъ по службѣ лишеніемъ имѣнія, предложеннаго въ статьяхъ Брюховецкаго 1665-го года: «а который бы Козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огуряяся, тогда таковъ Козакъ отъ вышеупомянутыхъ статей отпадати и къ градскимъ должностямъ причтенъ быти имѣетъ,» то сіе противно правамъ собственности, какъ заключаетъ бывшій Министръ Финансовъ; ибо всѣ законы, а особливо военные, за непослушаніе и отбывательство отъ службы предписываютъ вообще строгія взысканія, а иногда лишеніе не только имѣнія, но чести и жизни, безъ различія состоянія и лицъ. Брюховецкій по сему не имѣлъ причины къ изобрѣтенію новыхъ строгихъ мѣръ противъ воинственныхъ, добрыхъ Козаковъ; но не довѣрчивость сего измѣнника показываетъ свойство собственнаго его сердца, а особливо, когда онъ самъ же просилъ Царя объ освобожденіи вотчинъ и пасѣкъ Козацкихъ противъ давней вольности Козацкой, называя оныя отцовскими и купленными; «понеже, говоритъ Брюховецкій, всякій Козакъ для того голову свою на мѣсто воинское, за достоинство Его Пресвѣтлаго Величества носитъ и умереть готовъ есть, чтобъ вольно и спокойно въ дому своемъ жилъ и имѣнія свои безъ помѣшки держалъ.»

Сія статья согласна съ таковыми же Богдана Хмельницкаго о преимуществахъ Козачьихъ, но противныя тѣмъ его постановленія, какъ выражено въ челобитной Гетмана Скоропадскаго, Императору Петру 1-му, 1722 года, Мая 2-го, поданной, волею Монаршею, пресѣчены и оставлены. На сей челобитной помѣчено собственною Государя рукою. «И тако ни чего нарушенія постановленнымъ пунктамъ съ Хмельницкимъ не имѣть.» Прибавимъ еще: сіе выраженіе бывшаго Министра Финансовъ, взятое изъ статей Брюховецкаго, основано на невѣрныхъ выпискахъ, ибо въ статьяхъ написано «вотчины и пасѣки», а въ возраженіи «земли и пасѣки», въ чемъ заключается весьма большая разность.

Приступимъ къ грамотамъ и указамъ Императорскимъ и статьямъ Гетманскимъ, при Императорахъ утвержденнымъ.

Малороссійскіе Козаки, при всѣхъ высокихъ преемникахъ Царя Алексѣя Михайловича, непрерывно удерживали свободное распо ряженіе недвижимыми своими имѣніями, и тѣ преимущества, которыми пользуются и нынѣ подъ державою нашего Всемилостивѣйшаго Государя. Цари и Императоры, при вступленіи на престолъ, обращали милосердное вниманіе на вѣрную и заслуженную Малороссію, что доказываютъ грамоты и указы Императора Петра 1-го 1682-го Мая 13, 1708-го Ноября 1 го, 1708 Ноября 9-го, 1709 Февраля 3-го, 1710 Января 5-го, 1711 Января 5, 1717 Ноября 8, 1721 Января 18 и статьи Гетманскія 1722 Апрѣля собственноручно Петромъ 1-мъ разрѣшенныя, Императора Петра II-го 1728 Іюля 10, и статьи въ Верховномъ Совѣтѣ разрѣшенныя 1729 Августа 22-го, Императрицы Анны Іоановны 1730 Мая 15, 1730 Августа 17-го, 1734 Января 31, Императрицы Елизаветы Петровны 1741 Декабря 12, 1749 Декабря 15 и 1751 Мая 22, Екатерины II-й 1768 Декабря 20, Павла I-го 1796 Ноября 30-го. Сими грамотами и указами ограждены права собственности Козаковъ и подтверждено имъ судопроизводство по Статуту на тѣхъ основаніяхъ, какъ сіе учинено Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Петръ 1-й въ Манифестахъ, изданныхъ, въ первомъ 1708-го Ноября 1-го дня обѣщалъ всему Козачьему войску священнымъ словомъ, «всѣ вольности, права и привилегіи, которыя отъ времени принятія блаженныя и достойныя памяти отца его, Великаго Государя Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, подъ свою высокодержавную руку, Гетмана Богдана Хмельницкаго съ войскомъ Запорож-

скимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, и потомъ при Его Величества государствованіи, Гетманы и все войско имѣли свято и ненарушимо и цѣло содержать». Во второмъ, того же 1708, Ноября 9, изрекъ: «Можемъ непостыдно рещи, что никоторый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалиться не можетъ, какъ по Нашей, Царскаго Величества, милости Малороссійскій». Въ указѣ Петра II-го, 1728, Іюля 10-го, изображено, что «Его Величество, милосердуя о своихъ подданныхъ Малороссійскаго народа, соизволяетъ держать ихъ по пунктамъ Богдана Хмельницкаго». Въ грамотѣ 1734, Января 31-го, написано: «Всемилостивѣйше намѣрены васъ, Нашихъ подданныхъ, весь народъ Малороссійскій, при вашихъ правахъ и привилегіяхъ, во всемъ по пунктамъ Гетмана Хмельницкаго, на которыхъ онъ, со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, подъ Самодержавную руку блаженныя и вѣчно достойныя памяти Нашего, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, въ подданство пришелъ, содержать неотмѣнно». Въ грамотѣ Императрицы Елисаветы Петровны 1749 Декабря 15, содержится: «Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ тому новоизбранному Гетману и всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, Малороссійскому народу, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую Гетмана Богдана Хмельницкаго съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ, и потомъ при государствованіи Нашего родителя, блаженныя и высокославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать, и васъ, вѣрныхъ своихъ подданыхъ, отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять, и весь Малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содержать». Императрица Екатерина II-я и Императоръ Павелъ I-й благоволили подтвердить всѣ права Козачьи и судопроизводство въ дѣлахъ земскихъ. Царствующій Государь Императоръ объявилъ Высочайшее благоволеніе свое къ Козакамъ въ имянномъ указѣ 1816 года, обнадеживая ихъ распространеніемъ выгодъ, собственность же Козаковъ Его Величество оградилъ не только отъ потрясенія, но и отъ всякаго недоразумѣнія, паче всѣхъ Самодержцевъ Россійскихъ, утвердивъ мнѣнія Государственнаго Совѣта 1812 Іюля 17, 1820 Апрѣля 19, и 1823 года Апрѣля 14 дня, въ коихъ сказано, въ первомъ: что «Козаки, владѣя землями, какъ собственностію своею, властны оную продавать»; во второмъ позволено продавать

свои домы, земли и имущества; въ третьемъ, что земли Малороссійскихъ Козаковъ принадлежатъ имъ собственно на правѣ Дворянскомъ. [1]

Вотъ ясные уставы и твердыя начала, отъ коихъ заимствуетъ свою силу и непоколебимость право собственности Козачьей. Дѣйствительное и вѣковое употребленіе онаго, по общимъ законамъ Россійскимъ о давности, присвоеннымъ Малороссіи и въ Статутѣ находящимся, достаточно было бы къ утвержденію собственности даже одного лица, а тѣмъ болѣе многочисленнаго народнаго сословія. Его Императорское Величество, въ Высочайшемъ именномъ указѣ отъ 22 Сентября, 1808 года, благоволилъ признать законъ давности кореннымъ Государственнымъ; а поводомъ къ изданію сего указа были спорныя дѣла между частными владѣльцами и казенными селеніями.

Но бывшій Министръ Финансовъ продолжаетъ обезсиливать право собственности Козачьей: 1-е, показаніемъ мнимаго несходства Статутовыхъ законовъ о части вдовиной съ опредѣленіемъ вдовамъ Козачьимъ, такъ называемою, грамотою 1728 года въ недвижимыхъ имѣніяхъ. Онъ говоритъ, что въ 10 пунктѣ той грамоты постановлено: «землю по смерти Козака отдавать женѣ его всю», а по Статуту жена Шляхетская получаетъ только четвертую часть; Козачьей женѣ предоставлено пользоваться землею, пока она будетъ во вдовствѣ, а Шляхетской женѣ по Статуту владѣніе землею назначается по смерть хотя бы она и за мужъ вышла. Козачьи земли назначены въ наслѣдство дѣтямъ только мужеска пола; напротивъ того, объ отчинахъ Шляхетскихъ въ Статутѣ узаконено, что оныя должны итти въ наслѣдство и къ дѣтямъ женска пола. О земляхъ Козачьихъ сказано, что онѣ даны Козакамъ за войсковыя ихъ службы, въ прежнихъ грамотахъ для пожитка или пользованія; Шляхетству же предоставлено Статутомъ полное право распоряженія ихъ вотчинами и передачи оныхъ, кому пожелаютъ. При чемъ бывшій Министръ Финансовъ ссылается на Статутовые законы: раздѣла 5 артикулъ 153-й, раздѣла 3-го артикулъ 17 и 53, раздѣла 7 артикулъ 1-й, раздѣла 8 артикулъ 41-й. 2-е, Запрещеніемъ въ 18 статьи, такъ именуемой, грамоты 1728 года отчуждать, какимъ бы то ни было образомъ, Коза-

[1] Иностранные писатели, повѣствуя о жребіи сего славнаго народа, говорятъ, что войску Малороссійскому, называемому Козаками, Польша присвоила значительныя права и преимущества; по присоединеніи Малороссіи къ Россіи

чьи земли даже войсковому духовенству, что подтверждено указомъ 1734 года, Іюля 31 дня. 3-е, Изъясненіемъ, что именованіе земель Козачьихъ дѣдичными, вѣчными и прочее, не даетъ полнаго права собственности, когда законы онаго не предоставляютъ. 4-е, Запрещеніемъ продавать Козачьи земли въ указѣ 1739, Января 8 дня, въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1741, Іюля 2-го дня. 5-е, Въ указѣ 1763 года, Сентября 10 дня, о имѣніяхъ выморочныхъ и войсковыхъ. 6-е, Толкованіемъ слова собственность и постановленій Государственнаго Совѣта о Козакахъ. 7-е, Указомъ о Запорожскихъ Козакахъ. 8-е, Высочайшимъ докладомъ Правительствующаго Сената, Высочайше утвержденнымъ 1803 года, Іюня 28 дня. 9-е, Наложеніемъ на Козаковъ оброка. 10-е, Договоромъ Хмельницкаго съ Королемъ Польскимъ, 1651 года, Сентября 28 дня.

Выше объясненнымъ возраженіямъ Малороссійскій Военный Губернаторъ противополагаетъ ниже слѣдующее:

Первое. Бывшій Министръ Финансовъ называетъ рѣшеніе, учиненное 1728 года, Августа 10-го,[1] въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, по прошенію Гетмана Апостола, грамотою, не свойственно: Грамота же Императора Петра II-го дана 1728, Іюля 10 дня. Въ рѣшеніи Тайнаго Совѣта, 8-й пунктъ, изображено точно такъ: «Имѣній Козацкихъ, за войсковыя службы данныхъ и купленныхъ, и маетностей, которыя кому по праву принадлежатъ и послѣ умершихъ Козаковъ у женъ ихъ, покамѣстъ они будутъ во вдовствѣ, у дѣтей мужеска пола, да и всякаго чина у людей, ничего, что кому по справедливости надлежитъ, не отнимать.» Хотя въ семъ рѣшеніи сказано о дѣтяхъ Козачьихъ только мужеска пола; но какъ грамотою Императора Петра II-го, въ царствованіе котораго рѣшеніе Тайнаго Совѣта послѣдовало, а также грамотами Императрицы Елисаветы Петровны, утверждены пункты Богдана Хмельницкаго и другихъ Гетма-

---

остались оныя ненарушимы. Права сіи состоятъ въ свободномъ владѣніи и распоряженіи ихъ землями, въ выборѣ Гетмана и прочемъ. Всѣ Россійскіе Государи въ сохраненіи тѣхъ правъ давали и подписывали торжественныя обѣщанія. Исторія Малороссіи Шерера, томъ 1-й глава VIII.

[1] Сіе рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта напечатано слово въ слово въ приложеніяхъ Малороссійской Исторіи, изданной 1822 года, гдѣ написано: «Данъ въ Москвѣ 1728 г. Августа 22», а въ заключеніи Министра написано: «Августа 10.» Подлинное хранится въ Архивѣ Черниговскаго Губернскаго Правленія.

новъ, въ царствованіе Петра 1-го бывшихъ, безъ всякаго ограниченія, то по силѣ оныхъ и Статутовыхъ законовъ, имѣнія Козачьи всегда переходили и переходятъ по наслѣдству къ дѣтямъ мужеска и женска пола. Въ рѣшеніи Тайнаго Совѣта поставлено, что земли, по смерти Козака, принадлежатъ женѣ и дѣтямъ, а чтобъ землю отдавать женѣ всю, какъ бывшій Министръ Финансовъ говоритъ, сего тамъ нѣтъ. Раздѣлъ же недвижимыхъ Козачьихъ имѣній между женою и дѣтьми происходитъ на основаніи Статутовыхъ законовъ, которые повелѣваютъ: вдовамъ, имѣющимъ отъ мужа вѣновную запись, оставаться только при записанномъ (раздѣла 5 артикулъ 5); бездѣтнымъ вдовамъ, коимъ ничего не записано, да остается третья часть мужняго имѣнія до замужства, а не четвертая и не до смерти, какъ замѣчаетъ бывшій Министръ Финансовъ (раздѣла 5 артикулъ 6). Вдовы, остающіяся съ дѣтьми и не имѣющія вѣновнаго записа, если пребудутъ во вдовствѣ, пользуются равною частію съ дѣтьми, выходя замужъ, получаютъ 30 копъ грошей; когда же имѣніе мужнее не стоитъ 30 копъ грошей, тогда выдѣляется имъ въ пожизненное владѣніе четвертая часть имѣнія; но буде наслѣдники желаютъ выкупить оную, то по оцѣнкѣ судомъ выдается вдовамъ половина только цѣны (раздѣла 5-го артикулъ 1). Изъ сего явствуетъ, что между законами Статутовыми и рѣшеніемъ Тайнаго Совѣта, сходственнымъ и съ прочими статьями Гетманскими о частяхъ вдовьихъ, нѣтъ разности, находимой бывшимъ Министромъ Финансовъ. Сверхъ того, приведенныхъ имъ артикуловъ въ раздѣлахъ 5. 153 и 3. 53 нѣтъ; ибо въ первомъ всѣхъ артикуловъ 22, а во второмъ только 51; слѣдственно, сіе возраженіе произошло отъ ошибочныхъ справокъ. Бывшій Министръ Финансовъ полагаетъ несходство Козачьихъ имѣній съ Шляхетскими и въ томъ, что Козачьи называются иногда наданными за войсковыя службы; но всѣ почти Дворянскія имѣнія въ Россіи и Малороссіи наданы за службы войсковыя и гражданскія, чрезъ что собственность не только не ослабляется, но напротивъ еще укрѣпляется. Выше сего, однако жъ, доказано, что Козакамъ никто никогда не давалъ земель; а когда Государи подтверждали древнія права ихъ, то симъ только образомъ оныя и жаловали.

Второе. Запрещеніе продавать и разными образами усвоивать Козачьи земли не войсковому духовенству, какъ говоритъ бывшій Министръ Финансовъ, но монастырямъ и духовнаго чина людямъ, не опровергаетъ

Козачьяго права собственности; ибо въ томъ же 18-мъ пунктѣ рѣшенія Тайнаго Совѣта распространено таковое запрещеніе и на людей всякаго чина въ Малороссіи, съ прибавленіемъ: «понеже и Великой Россіи о непокупкѣ къ монастырямъ вотчинъ такіе же указы». Но при семъ всеобщемъ запрещеніи всѣмъ владѣльцамъ въ Россіи и Малороссіи оставлена свобода продавать недвижимыя имѣнія другаго состоянія людямъ. Сіе узаконеніе о Козачьихъ имѣніяхъ весьма замѣчательно и благопріятно Козакамъ, потому что, во первыхъ: въ немъ Козачьи имѣнія сравнены съ вотчинами Россійскими; во вторыхъ: если бы Козаки не распоряжали имѣніями своими, какъ и другіе прямые владѣльцы, и не передавали ихъ, кому желаютъ, то не было бы причины подвергать ихъ общему Государственному закону о неотчужденіи духовенству земель. Указъ 1834 года, Іюля 31, упомянутый бывшимъ Министромъ Финансовъ, чтобъ на вступающихъ въ духовенство изъ Малороссійской Старшины и Козаковъ жалованныя и Козачьи имѣнія не переходили, не содержитъ въ себѣ ничего новаго, но есть слѣдствіе помянутаго и общаго Государственнаго закона, тѣмъ болѣе, что въ семъ указѣ говорится не только о Козачьихъ, но и Старшинскихъ имѣніяхъ, жалованныхъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Сіе запрещеніе отмѣнено, однако жъ, Высочайшимъ Его Императорскаго Величества позволеніемъ и духовнаго состоянія лицамъ пріобрѣтать земли. Докладъ Святѣйшаго Синода Іюня 7-го дня, 1804 года.

Третіе. Бывшій Министръ Финансовъ изъясняетъ, что, «Малороссійскій Военный Губернаторъ, упомянувъ о грамотѣ 1654 года, Марта 27, утверждаетъ, что всѣ Гетманы послѣдующихъ временъ получили Высочайшія утвержденія правъ Козачьихъ, и что земли ихъ названы при томъ дѣдичными, вѣчными, жалованными и купленными; но въ грамотахъ 7118 Февраля 1-го 1708 Ноября 1-го, и 1701 Января 5-го, въ указѣ 1728 Іюля 10 и Высочайшей грамотѣ того же года Августа 22 дня, наименованія земель Козачьихъ дѣдичными нѣтъ.» Малороссійскій Военный Губернаторъ и теперь утверждаетъ, что всѣ Гетманы получали Высочайшія утвержденія правъ Козачьихъ, при чемъ, и именно въ Гетманскихъ статьяхъ, Высочайше утвержденныхъ, земли ихъ названы отческими, дѣдичными, прямыми, власными, жалованными, купленными, на каковыя Гетманскія статьи, въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ хранящіяся, Малороссійскій Военный Губернаторъ и ссылается; а впрочемъ, грамотою Царя Алексѣя Михайловича 1654 года, именно статьи Гетманскія, а другими

грамотами Государевыми, всѣ права Козачьи, въ статьяхъ описанныя, безъ имѣнія утверждаемы были. Что жъ касается до грамоты 7118 г., упоминаемой бывшимъ Министромъ Финансовъ, то она Малороссійскому Военному Губернатору неизвѣстна; ибо первая грамота Царя Алексѣя Михайловича дана Козакамъ гораздо позже, т. е., 7162 года. Министръ Финансовъ полагаетъ, что «изъ сихъ названій Козачьихъ земель не слѣдуетъ, чтобъ Козаки имѣли полное право на оныя, когда самые законы таковаго права имъ не предоставляютъ; имущества могутъ переходить по наслѣдству, могутъ быть покупаемые съ извѣстными ограниченіями, на основаніи законовъ. Поелику Козаки, не имѣя полнаго права собственности на земли, оставляли оныя другъ другу, то земли ихъ могли называться дѣдичными и купленными; пожалованіе можетъ быть также на вѣчныя времена, но безъ полнаго права собственности, а для одного только пользованія, какъ то видимъ изъ грамоты 1654 года, гдѣ сказано, что Козаки имѣютъ земли для пожитка; слѣдов., названіе земель вѣчными и жалованными такъ же не можетъ быть принято за основаніе полнаго права собственности.» Всѣ сіи предположенія, которыя самъ бывшій Министръ Финансовъ называетъ только возможными, можно бы обойти молчаніемъ; но они опровергаются не только правовѣдѣніемъ и общими понятіями, но и Государственными общими законами и особенными узаконеніями, до Козаковъ относящимися. Первыми: владѣльцамъ имѣній, называемыхъ вотчинными, дѣдичными и наслѣдственными и прочее, присвояется полное право собственности, а вторыми вышеизъясненными: Козакамъ предоставляетея владѣніе землями, маетностями, вотчинами и разными угодіями безусловно и неограниченно; почему Козаки недвижимыя свои имѣнія не только другъ другу, но и другаго званія людямъ оставляли въ наслѣдство, и прочими законными средствами передавали, и теперь передаютъ, пріобрѣтая взаимно имѣнія по куплѣ, наслѣдству и разнымъ сдѣлкамъ отъ Дворянъ и другихъ сословій. Что же касается до слова: «для пожитка» или пріобрѣтенія, помѣщеннаго въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, то уже доказано, что значеніе онаго не ущербляетъ, но, напротивъ, дополняетъ право Козачьей собственности.

Четвертое. Дѣла во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ за недвижимыя имѣнія, отъ Козаковъ и противъ нихъ веденныя, открывали всегда Правительству и Высочайшей власти свободное перехожденіе Козачьихъ имѣній, на основаніи законовъ Статутовыхъ, но по поводу сему ни-

когда не было право Козачьей собственности стѣсняемо. Указъ же 1739 года Января 8 дня заключаетъ единственное, и то временное, ограниченіе продажи Козачьихъ земель до окончанія тогдашней войны и до Всемилостивѣйшаго соизволенія. По окончаніи войны, въ которой самые достаточнѣйшіе изъ Козаковъ, въ числѣ двадцати тысячь конныхъ, участвовали, мѣра сія, принятая, уповательно, къ охраненію женъ и дѣтей въ отсутствіи ихъ мужей и отцовъ, прекратилась и запрещеніе вовсе отмѣнено именнымъ указомъ Императрицы Елисаветы Петровны 1741 года, Декабря 12, и Высочайшими Грамотами 1749 Декабря 15, и 1751 года Мая 22 дня, съ возстановленіемъ статей Гетманскихъ и древнихъ правъ Козачьихъ. Со времени Императрицы Елисаветы Петровны продажа Козачьихъ земель не была никакими узаконеніями, даже временно, пресѣкаема, и продолжается донынѣ. Рѣшеніе Правительствующаго Сената 1741 года Іюля 2-го объ отобраніи отъ полковыхъ Нѣжинскихъ Старшинъ и проч. лицъ неправильно завладѣнныхъ ими Козачьихъ земель, съ запрещеніемъ покупать впредь оныя, кончилось исполненіемъ по первому предмету, а по второму не могло имѣть дѣйствія, вопреки и въ нарушеніе Высочайшихъ грамотъ; и хотя бывшій Министръ Финансовъ считаетъ сіе рѣшеніе, на временномъ имянномъ указѣ 1763 года основанное и Кабинету Ея Величеству представленное, постояннымъ закономъ, но какъ оное изъ Кабинета съ Высочайшимъ утвержденіемъ не вышло, то рѣшенія сего, какъ сепаратнаго и формою закона не облеченнаго, признать закономъ не можно, по разуму . мянныхъ повелѣній 1714 года Іюня 15, о несчитаніи закономъ сепаратныхъ указовъ 1742 года Октября 18 д., о неисполненіи по указамъ и резолюціямъ, кои отъ Императорскаго Величества не конфирмованы, и 1764, Марта 14 д. о непризнаніи дѣйствительными Манифестовъ, отъ имени Императорскаго Величества и отъ Сената издаваемыхъ, кромѣ печатныхъ; да и самъ Правительствующій Сенатъ въ томъ же 1741 году призналъ, что Козаки имѣютъ собственныя земли, предписавъ 17 Декабря не чинить запрещенія Козакамъ, записавшимся въ Оренбургскія крѣпости, продавать своихъ земель. При чемъ не постановлено предѣловъ въ выборѣ покупщиковъ, каковаго позволенія о казенныхъ, или по чину и должности для отправленія службы данныхъ, земляхъ, никогда не было, и быть не могло. Бывшій Министръ Финансовъ, въ разсужденіи Статутоваго закона 1 раздѣла артикула 19-го въ рѣшеніи Сенатскомъ приведеннаго: «что кто бы за малое имѣлъ, а безъ дачи что къ тому присовокупилъ,

или къ имѣнію своему земли безъ дачи забралъ, тотъ и правильно полученнаго лишается», дѣлаетъ примѣчаніе, повторенное и въ другомъ мѣстѣ, что «Козаки въ дѣлахъ своихъ могутъ принимать тѣ, артикулы, которые званію ихъ приличны, а не тѣ, которые Малороссійскій Военный Губернаторъ распространяетъ на земли Козачьи». Нельзя не подивиться такому изъясненію тогда, когда Военный Губернаторъ излагалъ о Козакахъ не свои мнѣнія, но законы, никакого толкованія не требующіе, когда Всероссійскіе Государи предоставили Козакамъ судиться тѣми же Статутовыми законами, какими судятся и Дворяне, что дѣйствительно и происходитъ, и когда особенныхъ правилъ для Козачьихъ имѣній въ Статутѣ не обрѣтается. Артикулъ же, употребленный въ рѣшеніи Правительствующаго Сената, грозитъ всѣмъ присвоителямъ чужаго, казеннаго и частнаго имѣнія. Изъ упомянутаго рѣшенія Правительствующаго Сената заключаетъ бывшій Министръ Финансовъ о великихъ злоупотребленіяхъ, произшедшихъ отъ вольной продажи казенныхъ имѣній, но единственное сего рода произшествіе въ теченіи ста семидесяти лѣтъ, повлекши за собою жалобы, строгія слѣдствія и осужденія виновныхъ, служитъ, напротивъ того, убѣдительнымъ доказательствомъ, что Козаки не сносятъ ни малѣйшаго прикосновенія къ ихъ собственности и умѣютъ достигнуть правосудія, и что очень рѣдко, и гораздо меньше другихъ состояній, подвергаются незаконнымъ притязаніямъ

Бывшій Министръ Финансовъ къ запретительнымъ узаконеніямъ о продажѣ земель Малороссійскихъ Козачьихъ, причисляетъ и указъ 1763 г. Сентября 1 дня. О указѣ семъ утверждаетъ Г. Сенаторъ Баронъ Икскуль, [1] что «хотя извѣстно, что того года и числа состоялось опредѣленіе Сената, но только о Слободскихъ Козакахъ, каковое опредѣленіе ни въ какомъ случаѣ къ землямъ Малороссійскихъ Козаковъ отнесено быть не можетъ.

Пятое. Подобнымъ образомъ и Высочайшій указъ 1763 года Сентября 10, ни мало не касается до Малороссійскихъ Козаковъ, но очевидно до выморочныхъ и войсковыхъ, т. е., ранговыхъ имѣній. Въ заключеніе бывшаго Министра Финансовъ сей указъ прописанъ такъ: «чтобы и въ Малороссіи поступать такъ, какъ въ Великой Россіи, о выморочныхъ имѣніяхъ установлено; да и не только съ выморочными

---

[1] Поданное 1821 года, Ноября 23 дня.

движимыми и недвижимыми имѣніями, но и съ таковыми, которыя по статьямъ съ Гетманомъ Хмельницкимъ постановлены быть недвижимыми имѣніями; но ежели оныя кѣмъ либо затѣянными исками по судамъ разобраны и нынѣ расхищаются, то въ такихъ случаяхъ, разбирать оные иски не судомъ, но слѣдствіемъ, при депутатѣ суда Генеральнаго, который бы за таковыя имѣнія, яко безгласныя, по силѣ оныхъ статей Хмельницкаго, вѣрно при слѣдствіи стараніе имѣлъ, дабы оныя земли, мѣстечки, села и деревни наши, яко войсковыя и намъ принадлежащія, въ партикулярное владѣніе беззаконно не отходили». Сей указъ не требовалъ бы никакого обьясненія, но къ опроверженію мнѣнія бывшаго Министра Финансовъ, что будто въ немъ названы имѣнія Малороссійскихъ Козаковъ принадлежащими Правительству, представляемъ ниже слѣдующее: 1-е, Въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго собственныя имѣнія Козачьи отличены отъ войсковыхъ, и онъ ходатайствовалъ о неприкосновенности и наслѣдствѣ первыхъ, а войсковыя разумѣются ранговыя, какъ, на примѣръ: для уряду Гетманскаго Чигиринское Староство, и на Старшину по рангу каждаго мельницы. Сіи имѣнія, яко войсковыя, поступили послѣ въ казну; они отличаются ясно въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго, Высочайше утвержденныхъ, гдѣ сказано, въ 15-й: о собираніи податей, которыя Царскому Величеству надлежатъ; въ 17-й: кто Козакъ, тотъ будетъ Казацкую вольность имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую Его Царскому Величеству отдавать. 2-е, Имѣнія Козачьи въ Польскихъ и Россійскихъ законахъ всегда именованы не войсковыми, а собственными, купленными и прочая. 3-е, О имѣніяхъ войсковыхъ въ указѣ сказано, что они безгласныя, Козачьи же имѣютъ владѣльцовъ и въ нихъ ходатаевъ, и чтобъ первыя не отходили въ партикулярное владѣніе, а Козачьи состоятъ въ партикулярномъ владѣніи. 4-е, Если бы симъ указомъ имѣнія Козачьи признаны были войсковыми, то съизданія онаго не слышно было бы на судахъ голоса самихъ Козаковъ, но веденіе дѣла, ихъ жалобы на стряпчихъ, и формальный порядокъ перемѣнился бы въ слѣдственный, чего, однако жъ, не бывало и судопроизводство для Козаковъ оставалось на прежнемъ основаніи. Бывшій Министръ Финансовъ приписываетъ сіе упущеніе Стряпчимъ; но могли ли не обратить на сіе важное обстоятельство вниманія бывшіе Малороссійскіе Генералъ-Губернаторы, а паче знаменитый Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, строгій блюститель всякаго порядка и казенной пользы?

Сверхъ того, по изданіи сего Высочайшаго повелѣнія, Правительствующій Сенатъ, указомъ 1788 года, Сентября 23, по поводу представленія Кіевскаго Губернскаго Прокурора: слѣдуетъ ли по претензіямъ Козаковъ вносить иски Стряпчимъ, или имъ самимъ, Козакамъ, и съ платежемъ ли пошлинъ и на гербовой бумагѣ, предписалъ: «дабы Козаки на разныя лица иски свои подавали такъ, какъ и на ихъ по искамъ отвѣчали, равно и аппеляціи подавали сами, и дѣла ихъ производимы были на гербовой бумагѣ, со взятіемъ указныхъ пошлинъ, потомъ указами 1798 года, Іюня 5 и 28 числъ, повелѣно: «чтобы Козаки призывались къ слушанію рѣшеній на основаніи Статута»; и наконецъ, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1823 года, Апрѣля 14 дня, Высочайше утвержденнымъ, узаконено: «не подвергать дѣла о имѣніяхъ Козачьихъ мнѣнію Казенныхъ Палатъ и заключенію Министра Финансовъ.» Бывшій Министръ Финансовъ, говоря о указѣ Императрицы Екатерины II-й, 1766 года, коимъ права Козачьи и судопроизводство ихъ оставлены на прежнемъ основаніи, объясняетъ, что заключеніе Малороссійскаго Военнаго Губернатора, будто онымъ указомъ позволено совершать крѣпости на Козачьи земли, по закону для Дворянскихъ имѣній, въ Статутѣ содержащемуся, не согласно ни съ указомъ 1766 года, ни съ самимъ Статутомъ. Малороссійскій Военный Губернаторъ, въ донесеніи своемъ Правительствующему Сенату, прописывая грамоты и указы Высочайшіе о собственности Козаковъ и присвоеніи имъ Статута въ дѣлахъ земскихъ, помѣстилъ и указъ 1766 года не какъ узаконеніе, вновь позволяющее Козакамъ совершать купчія крѣпости на ихъ земли, но какъ оставляющее при Козакахъ-владѣльцахъ прежнее судопроизводство по Статуту. И такъ не заключеніе Военнаго Губернатора, но самая продажа земель Козачьихъ, издревле доселѣ продолжающаяся, сходствуетъ съ грамотами, съ указомъ 1766 года и съ самимъ Статутомъ, которымъ не могли бы Козаки и судиться, если бы не владѣли и не распоряжали недвижимыми имѣніями, на основаніи того же Статута.

Шестое. Бывшій Министръ Финансовъ принимаетъ собственность въ различномъ смыслѣ, и хочетъ доказать, что собственность можетъ быть и несобственностію. По общему разуму законовъ Россійскихъ, собственность есть такое имѣніе, которымъ владѣлецъ онаго можетъ располагать по своей волѣ. Такова собственность и Козаковъ: о казенныхъ же крестьянахъ ни въ какихъ узаконеніяхъ не сказано,

чтобы они владѣли землями своими, какъ собственностію, и могли оныя продавать.

Седьмое. Бывшій Министръ Финансовъ, приводя Манифестъ 1775 года, Августа 3 дня, о уничтоженіи Сѣчи Запорожской, въ которомъ сказано, что «Запорожскіе Козаки присвояли себѣ, какъ достояніе ихъ собственности, земли, чрезъ послѣднюю войну отъ Порты Оттоманской пріобрѣтенныя, когда оныя земли никогда во владѣніи Рѣчи Посполитой не находились, слѣдовательно, отъ оной и даны быть никому не могли,» заключаетъ, что право Козаковъ на владѣемыя ими земли было основано на дачахъ Польскаго Правительства, а не на занятіи, какъ о томъ въ мнѣніяхъ Сенаторовъ, Барона Икскуля и Князя Куракина, сказано. Выше обнаружено уже, что Козаки, какъ потомки народа Русскаго и коренные жители Украйны, пришедши подъ Польшу съ своими землями, не имѣли нужды ни въ какой дачѣ, и что Самодержавныя Польскія и Россійскія власти подтверждали только древнія ихъ права, а по сему мнѣнія Барона Икскуля и Князя Куракина весьма основательны и неопровергаемы. Въ семъ Манифестѣ положено различіе между Козаками Запорожскими и Малороссійскими; первые, сказано, не что иное были, какъ часть отъ Малороссійскихъ Козаковъ, напослѣдокъ въ правахъ и въ образѣ правленія отщетившаясь, а Малороссійскіе были и пребудутъ всегда полезными гражданами. О Запорожцахъ также написано, что изъ нихъ первобытно, по способности мѣстъ, одна только военная стража учреждена была къ отраженію Татарскихъ набѣговъ.

Восьмое. Докладъ Правительствующаго Сената, Высочайше утвержденный 1803 года, Іюня 28 дня, принадлежитъ къ числу узаконеній, укрѣпляющихъ собственность Козачью, ибо онъ основанъ на указахъ 1801 года, Декабря 12, 1803 Февраля 20, которыми позволено даже казеннымъ крестьянамъ и отпущенникамъ господскимъ покупать и продавать собственныя земли. А какъ у Малороссійскихъ Козаковъ нѣтъ другихъ земель, кромѣ собственныхъ, и бывшій Министръ Финансовъ, въ слѣдствіе заключенія Гг. Сенаторовъ, не представилъ ни какого свѣдѣнія, чтобы Козаки надѣлены были когда либо Государственными землями: то само собою разумѣется, что и по сему узаконенію Козаки остаются при древнемъ правѣ располагать произвольно своими имѣніями.

Девятое. По распоряженіямъ Правительства, въ положеніи Козаковъ происходили разныя перемѣны: они ставили войско, давали

рекрутъ, платили подати, и несли тяжести Гражданскія, подсудимы были нижней расправѣ, не яко поселяне, по выраженію бывшаго Министра Финансовъ, но яко служилые люди подъ вѣдомствомъ же Экономіи Директора, какъ бывшій Министръ Финансовъ утверждаетъ, не находились. При всемъ томъ не теряли званія и правъ своихъ; слѣдовательно, бывшій Министръ Финансовъ не имѣетъ никакой причины полагать, что возвышеніе Козачьихъ податей подъ именемъ оброка лишаетъ Козаковъ свободнаго распоряженія недвижимымъ имуществомъ. По требованію Правительства, которому охраненіе общаго блага и употребленіе нужныхъ къ тому средствъ принадлежитъ, должны и всѣ подданные жертвовать не только имѣніемъ, но и жизнію. Правительству извѣстно было, что Козаки платятъ оброкъ, но оно признало, что Козаки владѣютъ землями своими, какъ собственностію, на правѣ Дворянскомъ. Изъ сего открывается, что Правительство, при наложеніи на Козаковъ оброка, не имѣло въ виду ихъ земель, да и подати въ селеніяхъ не по землѣ, но по состоянію располагаются.

Десятое. Въ доворѣ Гетмана Богдана Хмельницкаго, съ Поляками 1651, Сентября 18 заключенномъ, сказано о переселеніи списковыхъ Козаковъ въ одно Кіевское Воеводство изъ маетностей Шляхетскихъ въ Кіевщинѣ, Бреславщинѣ и Черниговщинѣ, и изъ маетностей Его Королевскія Милости. Изъ чего бывшій Министръ Финансовъ заключаетъ, что «Козаки надѣлялись Государственными землями, которыя отводимы были имъ всѣмъ вообще, а не каждому порознь, и по прежнему считались Королевскими маетностями; а что у Малороссійскихъ Козаковъ находятся земли, кои принадлежатъ въ общественное владѣніе селеніямъ, могутъ служить доказательствомъ и тяжебныя дѣла, о таковыхъ земляхъ присылаемыя изъ Правительствующаго Сената на заключеніе Министерства Финансовъ.» Мы уже выше говорили о семъ договорѣ Хмельницкаго съ Поляками, но въ семъ мѣстѣ пространнѣе объяснимъ оный. Стѣснительныя сіи условія были слѣдствіемъ неудачныхъ сраженій съ Поляками подъ Берестечкомъ и Лоевымъ. Богданъ Хмельницкій, какъ искусный вождь и политикъ, желалъ договоромъ симъ отвратить впаденіе Польскихъ войскъ въ Малороссію и выиграть время, какъ для собранія своихъ силъ, такъ и для приведенія къ концу переговоровъ съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи. Договоръ сей не только не приведенъ въ исполненіе, но, въ слѣдъ за нимъ, десятитысячное Польское войско у мѣстечка Батова Ко-

заками истреблено было. Но обратимся къ содержанію договора: Бывшій Министръ Финансовъ, говоря о переселеніи Козаковъ изъ маетностей Королевскихъ, пропустилъ слова: «и ихъ маетностей Шляхетскихъ,» и что Козакамъ при семъ случаѣ предоставлена продажа своихъ имѣній. Сіе ясно показываетъ, что Козаки жили и владѣли недвижимыми имѣніями во время зависимости своей отъ Польши въ Козачьихъ и частныхъ маетностяхъ, что и понынѣ продолжается. Положеніе Козачьихъ жилищъ и земель по средѣ владѣній казенныхъ и частныхъ есть неоспоримымъ доказательствомъ, что собственность Козачья произошла отъ древнихъ занятій и пріобрѣтеній посредствомъ купли, наслѣдства и прочая. Таковое разсѣянное пребываніе Козаковъ опровергаетъ заключеніе бывшаго Министра Финансовъ, что они надѣляемы были землями Государственными, не каждый порознь, но всѣ вообще; ибо и въ такомъ случаѣ даны бы имъ были земли сплошныя, и они бы жили вмѣстѣ. Козаки не имѣютъ общественныхъ земель, какъ увѣряетъ бывшій Министръ Финансовъ, а выгоны тоже значатъ, что площади и улицы. Сверхъ того въ Малороссіи существуютъ лѣса, называемые вольницами, въ которые имѣютъ право въѣзжать разнаго рода владѣльцы. О таковыхъ-то земляхъ, состоящихъ въ общемъ пользованіи, производятся тяжбы отъ Козаковъ, Дворянъ и всякаго состоянія людей.

Бывшій Министръ Финансовъ въ заключеніи своемъ окончательномъ говоритъ, что «земли Козачьи, но не другія, даванныя на службу, назывались: помѣстными, окладами, ленными, емфтеутичными и пожизненными»; но въ законахъ Литовскихъ, Польскихъ и Россійскихъ ни одного изъ сихъ названій не присвоено Козачьимъ землямъ; напротивъ того, Козачьи имѣнія въ грамотахъ Польскихъ, въ статьяхъ Гетманскихъ, Высочайше утвержденныхъ рѣшеніями Царскими, въ грамотахъ Всероссійскихъ Самодержцевъ и узаконеніяхъ Царствующаго Государя, именуются отцовскими, дѣдичными, вотчинными, вѣчными, властными, прямыми, собственными, купленными, пріобрѣтенными, по праву Дворянскому принадлежащими маетностями, за службу данными и жалованными. Выше же объяснено, что значитъ: «за службу жалованныя;» ибо когда Короли Польскіе и Государи Россійскіе утверждали за Козаками древнія права ихъ собственности, то такимъ образомъ оныя жаловали; другаго же пожалованія не было, и Малороссійскій Военный Губернаторъ рѣшительно утверждаетъ, что ни Польское, ни Россійское Государство никогда никакихъ зе-

мель Козакамъ не назначали и не давали, а паче на службу, или для отправленія службы, которую они несли по природному своему званію и по древнему ихъ обычаю защищать отчизну. Впрочемъ, какъ выше упомянуто, были въ Малороссіи ранговыя, войсковыя имѣнія, т. е., деревни, которыми пользовались чиновники вмѣсто жалованья, или сверхъ онаго, по рангамъ своимъ; какъ же скоро выбывали они изъ должностей, то имѣнія таковыя поступали въ казенное вѣдомство, а наконецъ, при новыхъ учрежденіяхъ, совершено причислены къ казеннымъ имуществамъ.

Пространно изъяснивъ выше сего всѣ доводы о правахъ и преимуществахъ Козачьихъ, которыя никакимъ положительнымъ закономъ Россійской Самодержавной власти не были уничтожены, а напротивъ многократно оною подтверждены и укрѣплены, объяснивъ возраженія бывшаго Министра Финансовъ, остается еще Малороссійскому Военному Губернатору отвѣчать на вопросъ его. что если бы Козаки имѣли право продавать земли, то какимъ бы образомъ могло Правительство требовать службы отъ пріобрѣтателей оныхъ земель, и могло ли бы общество Козаковъ уцѣлѣть, когда бы отъ безпрерывныхъ сдѣлокъ безпрестанно водворялись на ихъ земляхъ новые жители? При чемъ бывшій Министръ Финансовъ утверждаетъ, что при неотчуждаемости только Козачьихъ имѣній, Гетманъ могъ содержать 60,000 войска, также порицая владѣльцевъ Малороссійскихъ, за присвоеніе Козачьихъ земель незаконнымъ будто образомъ, заключаетъ: что если общество Козаковъ уцѣлѣло, то симъ обязано оно закону о неотчуждаемости Козачьихъ земель. Первый вопросъ кажется совершенно излишній; ибо онымъ предполагается небывалость продажи Козачьихъ имѣній, какъ, напротивъ того, таковая продажа всегда существовала, и пріобрѣтатели Козачьихъ земель никогда съ оныхъ не служили и никакихъ обязанностей по сей куплѣ на нихъ не возлагалось. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 1812 года, Іюня 17 дня, постановлено въ пунктахъ, третьемъ: «чтобъ казенные крестьяне, пріобрѣтающіе въ пользу свою остающіяся отъ переселяющихся крестьянъ земли, платили за ихъ надлежащія въ казну подати», и четвертомъ: «Козаки, владѣя землями, ими занимаемыми, какъ собственностію своею, властны оную продавать». Само собою разумѣется, что тѣ жители, кои отъ Козаковъ переселяющихся покупкою земли пріобрѣтаютъ, не могутъ быть обязуемы платить за нихъ податей. Симъ Высочайшимъ узаконеніемъ ясно подтверждается, что пріобрѣтатели земель Козачьихъ ни какою

за нихъ повинностію не обязуются, и что Козаки платятъ подати, какого бъ они названія ни были, не съ земли, а за права и преимущества свои, и съ промысловъ, закономъ имъ предоставленныхъ. Второй вопросъ разрѣшается тѣмъ, что Козаки, при свободной издревле продажѣ своихъ имѣній, не оскудѣли ни въ земляхъ, ни въ числѣ, какъ то доказывается послѣдовавшими съ ними измѣненіями и теперешнимъ ихъ положеніемъ. Изъ статей Гетмана Скоропадскаго, 1722, Апрѣля 29-го, съ собственноручными рѣшеніями Императора Петра 1-го, видно, что Козаки остались тогда малочисленны: въ 1777 году было уже ихъ около 300 тыс, изъ коихъ служили 20 тыс. въ полѣ, а около 50 т. при границахъ и внутри Малороссіи, какъ о томъ упоминаетъ Князь Безбородько въ Запискѣ, поднесеной имъ въ семъ году Императрицѣ Екатеринѣ II-й, по ревизіи 1819 года считается Козаковъ мужеска пола 450, 365-ть душъ, земли же Козачьи цѣнитъ бывшій Министръ Финансовъ въ 60 милліонновъ рублей; изъ чего явствуетъ, что съ 1722 по 1777 годъ, т. е., чрезъ 55 лѣтъ умаленное войнами и внутренними смѣтеніями, число Козаковъ возрасло до 300 тыс. Съ 1777 года по ревизію 1819 т. е., чрезъ 39-ть только лѣтъ, умножились Козаки, съ прибавкою 25-тыс., переселившихся 1808 г. въ Черноморію, 175-тыс., земли же ихъ, при всегдашней вольной продажѣ, стоятъ 60 милл., каковую оцѣнку должно признавать, безъ сомнѣнія, очень умѣренною. А потому, не должно ли заключать изъ всего вышеписаннаго, что самая свободность въ куплѣ и продажѣ земель, основанная на взаимныхъ выгодахъ въ такомъ краѣ, гдѣ владѣнія смѣшаны и черезполосны, была не въ ущербъ, но въ пользу Козаковъ, и что они, продавая свои земли, по всему видимому столько же, или еще и болѣе, оныя покупали.

Наконецъ, бывшій Министръ Финансовъ, распространяя на Малороссійскихъ владѣльцевъ, покупавшихъ земли у Козаковъ законнымъ образомъ, жестокое и незаслуженное ими порицаніе, касается чрезъ то нѣкоторымъ образомъ и самаго Правительства, какъ будто не обращавшаго на Козаковъ ни какого вниманія; но они, по утишеніи домашнихъ безпокойствъ, благоденствуя при Гетманахъ подъ кровомъ Россійской Державы, наконецъ были предметомъ отеческаго попеченія знаменитыхъ мужей, коимъ Правительство ввѣряло Малороссію; имена Борятинскихъ, Кейтовъ, Румянцовыхъ пребудутъ для Малороссіи незабвенными. Сіи мудрые и бдительные Начальники не терпѣли никакого насилія, и Козаки, огражденные цѣлостію правъ и безопасностію лицъ, умножали спокойно достояніе и потомство свое.

Заключеніе.

Представляя высшему Правительству пространно всѣ доводы, на коихъ основывается безограниченность правъ собственности Малороссійскихъ Козаковъ, и возразивъ оспориваніемъ бывшаго Министра Финансовъ, должно еще разсмотрѣть мѣры, имъ предлагаемыя: 1-е, чтобъ доставшіясь Козакамъ земли отъ предковъ и родственниковъ того же званія оставить за ними изъ платежа оброка и позволить передавать тѣ земли только другъ другу. Но предкамъ могли достаться земли по куплѣ, или наслѣдственно отъ родственниковъ не Козачьяго званія, также въ приданое, по весьма частымъ прежде, а иногда и нынѣ случающимся, женитьбамъ Козаковъ на Дворянкахъ: справедливо ли же будетъ лишать нынѣшнихъ владѣльцевъ права располагать сими землями, случайно предкамъ ихъ доставшимися, либо надѣлять оными въ приданое дочерей ихъ, выдаваемыхъ въ замужство за людей другаго сословія? 2-е, Чтобы по смерти Козака, все имѣніе его отдавать женѣ его до замужства, или смерти ея. Сей новый образъ наслѣдства, совершенно противенъ существующимъ законамъ; ибо права Статутовыя опредѣляютъ вдовѣ только третью часть имѣнія на такомъ же основаніи, и, кажется, новое сіе распредѣленіе, при невыходѣ въ замужество оставшейся въ молодости Козачьей вдовы, крайне бы стѣснило потомъ взрослыхъ и женатыхъ ея сыновей, обязанныхъ нести службу, платить подати и содержать собственныхъ своихъ дѣтей; о дочеряхъ же бывшій Министръ Финансовъ умолчалъ въ своихъ предположеніяхъ, а въ Статутѣ, напротивъ, предоставлена и имъ надлежащая часть. На что же перемѣнять древній, полный и благоразумный законъ наслѣдства? 3-е, Оставить Козакамъ полное право собственности на домы, движимыя имѣнія и на земли, пріобрѣтенныя по крѣпостнымъ законнымъ актамъ отъ людей другихъ состояній, съ тою предосторожностію, чтобъ ни какія акты на отчужденіе такихъ земель не были совершаемы безъ предварительнаго разсмотрѣнія законныхъ на оныя крѣпостей, и чтобы имѣли право подавать жалобы и протесты о неправильной уступкѣ земель людямъ другаго званія родственники уступщиковъ и общество, которому они принадлежатъ. Но при достаточныхъ огражденіяхъ запрещенной продажи, состоящихъ въ наблюденіи судовъ и Стряпчихъ, не вредно ли будетъ поощрять родственниковъ и общества къ доносамъ и тѣмъ, поселяя вражду между кровными, умножать процессы и рас-

пространять всеобщее и нескончаемое смятеніе. И наконецъ, 4-е, Бывшій Министръ Финансовъ оставляетъ купленныя у Козаковъ земли только при тѣхъ, кои провладѣли оными безспорно 10 лѣтъ. Новое и пространное еще поле къ доносамъ, розысканіямъ, лишеніямъ и слезамъ. Чѣмъ же виноваты покупщики, не пользовавшіеся пріобрѣтеніемъ 10 лѣтъ, когда они, полагаясь на святость закона и на дѣйствительность продажи Козачьихъ земель, извѣстную Правительству, никогда оными не остановленную и не запрещенную, употребили стяжаніе многолѣтнихъ трудовъ своихъ, а иные послѣднія деньги, на пріобрѣтеніе себѣ и семейству своему пристанища, котораго лишась, противъ всякаго чаянія и права, могутъ пойти по міру? Сверхъ того, болѣе 10-ти лѣтъ прошло, какъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1812 года, Іюля 17-го, постановлено, что Козаки, владѣя землями, какъ собственностію, властны оную продавать; потомъ 1820 года, Апрѣля 7-го, что Козаки могутъ продавать свои домы, земли и имущество; и наконецъ 1823 года, Апрѣля 14, что земли Малороссійскихъ Козаковъ принадлежатъ имъ собственно на правѣ Дворянства; и всѣ сіи торжественныя узаконенія Высочайше утверждены, почему и нельзя уже въ Малороссіи никакой покупки Козачьихъ земель, доселѣ правильно совершенной, подвергнуть уничтоженію.

Малороссійскій Военный Губернаторъ не желаетъ, и надобности не имѣетъ, распространяться въ изъясненіи, какіе безпорядки вообще и ненадежность во владѣніяхъ и всякихъ частныхъ распоряженіяхъ могутъ произойти отъ нарушенія, или превратнаго толкованія, священныхъ уставовъ Самодержавной власти, на которой все въ Россіи зиждется и утверждается.

Но умолкнемъ! Жребій Малороссіи и прежнихъ ея храбрыхъ поборниковъ, а нынѣшнихъ безгласныхъ Козаковъ, во власти Милосерднаго Государя, а сердце Его, къ счастію нашему, по словамъ предковъ, въ руцѣ Божіей.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ записки, на Французскомъ языкѣ, поданной Министромъ Финансовъ, Канкринымъ, и

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА ОНУЮ МАЛОРОССІЙСКАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА, КНЯЗЯ РЕПНИНА.

---

1. «Какую пользу обѣщало себѣ Правительство отъ перемѣщенія Евреевъ изъ селеній въ города?»

Весьма важную огражденіемъ болѣе двухъ милліоновъ Малороссійскихъ обоего пола поселянъ отъ соблазну, разврата и разоренія, какъ въ слѣдъ за симъ изъяснено будетъ.

2. «Евреи были необходимыми въ селеніяхъ. Они служили: а) всеобщими агентами необразованнаго народа; продавали вино къ выгодамъ помѣщика и сбывали произведенія сельскаго хозяйства; в) ссужали крестьянъ деньгами и, производя обороты, были не только полезны, но, какъ выше сказано, необходимы. Ежели же они были изобличаемы въ противузаконныхъ поступкахъ, то неужели оныхъ не будутъ дѣлать въ городахъ? Какія преимущественныя средства имѣетъ городская Полиція предъ земскою для преслѣдованія ихъ, и можно ли предполагать, чтобъ люди сіи, которыхъ находятъ столь вредными для общаго порядка, были менѣе опасны для жителей городовъ, нежели деревенскихъ?»

Поселеніе Евреевъ среди людей мало образованныхъ, простодушныхъ и легковѣрныхъ, не умѣющихъ ограждать себя отъ ихъ пронырствъ и обольщеній, не пользу, а вредъ производитъ. Опытъ сіе доказывалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ сей водворялся, и особливо въ Малороссіи. Гетманъ Богданъ Хмельницкій, столь много любившій свое

отечество, предавая себя и предводительствуемый имъ воинскій народъ въ покровительство Россіи, въ особенности просилъ и убѣждалъ Царя Алексѣя Михайловича, не пускать въ Малороссію Жидовъ, какъ людей вредныхъ. Сіе утверждено было грамотами и привилегіями Россійскихъ Самодержцевъ, и хотя иногда Евреи прорывались въ Малороссію по торговымъ своимъ дѣламъ, но до присоединенія Бѣлоруссіи имъ не дозволено было водворяться въ краю семъ; съ сего же времени они стаями начали приходить въ Малороссію и расширяясь, по большей части въ селеніяхъ, деревняхъ, хуторахъ и по большимъ дорогамъ въ корчмахъ и постоялыхъ дворахъ, содѣлались потомъ содержателями винныхъ откуповъ, почтъ, мельницъ, рыбныхъ ловлей и прочаго, поставщиками провіянта для войскъ, строителями казенныхъ зданій, арендаторами многихъ помѣщичьихъ и Козачьихъ имѣній, и повсемѣстными почти шинкарями и распорядителями постоялыхъ дворовъ, однимъ словомъ, рѣшительно овладѣли промыслами и торговлею Малороссіи, открыли займы денежные и хлѣбные, не къ пользѣ, а ко вреду жителей, по необыкновенному росту, и симъ достигли до того, что помѣщики безъ нихъ не умѣли продавать произведеній ихъ деревень, и что не было уже простолюдина, ни Козака, ни мѣщанина, ни казеннаго, ни владѣльческаго крестьянина, который бы всѣми способами не завлекаемъ былъ Евреями къ пьянству, а чрезъ то и къ другимъ порокамъ, обманываемъ и обсчитываемъ ими разными изворотами, и у котораго бы они не отбирали хлѣбъ, скотъ и одежду, или за весьма низкую плату, или въ закладъ за вино, имъ отпущенное. Словомъ, они захватывали и пожирали почти даромъ всѣ плоды трудовъ хлѣбопашцевъ, и мало по малу довели неосторожныхъ поселянъ до крайней нищеты; помѣщиковъ разоряли также, какъ развращеніемъ и разграбленіемъ крестьянъ, такъ и прельщеніемъ ихъ самихъ чрезъ ежегодный платежъ десяти рублей и болѣе за каждую ревизскую душу ввѣрять имъ имѣнія свои для залоговъ по откупамъ и подрядамъ, которыя Евреи, по корыстолюбивымъ своимъ видамъ, весьма часто подвергали продажѣ съ публичнаго торга, для возврата казнѣ денегъ, взятыхъ Евреями въ задатокъ, или употребленныхъ на покупку не поставленнаго ими по контрактамъ.

Но симъ еще не описано зло, производимое Евреями: они развращали подарками чиновниковъ, управляющихъ судомъ и расправою по Повѣтамъ, и производили разныя преступленія, даже убійства,

по торговлѣ фальшивыми ассигнаціями,* заграничную контрабанду и корчемство на Великороссійскомъ рубежѣ.

Разъѣзжая свободно и безпрестанно по Повѣтамъ и наводняя собою многочисленныя Малороссійскія ярмарки, Евреи наносили купечеству величайшій вредъ и убытки продажею, дешевѣйшею противъ той, которую могли уступать купцы, имѣющіе осѣдлость; ибо Евреи, по бродяжничеству своему, не несли равныхъ съ ними общественныхъ обязанностей и расходовъ, издерживаютъ ничтожность, не имѣя при себѣ семей своихъ, употребляя пищу недостаточную для здѣшняго народа, нося рубища и, сверхъ того. обмѣнивая и продавая товары весьма часто или краденныя, или тайно привезенныя чрезъ границу.

Въ таковомъ несчастномъ положеніи Князь Репнинъ засталъ Малороссію при вступленіи его въ управленіе. Онъ почелъ обязанностію своею пресѣчь зло, Евреями производимое, строгими повелѣніями: 1-е, открыть между ими прописныхъ, которыхъ нашлось болѣе тысячи человѣкъ; 2-е, воспретить имъ безпашпортное бродяжничество и пріемъ въ шинкахъ за вино вещей и одѣянія; 3-е, отказывать имъ, согласно §§ и 37 42 Положенія для Евреевъ, Высочайше утвержденнаго въ 9 день Декабря, 1804 года, въ содѣйствіи къ взысканію съ поселянъ долговъ, по шинкамъ сдѣланныхъ; 4-е, не дозволять Дворянамъ и Козакамъ передавать, въ противность законовъ, Евреямъ права свободнаго винокуренія и продажи вина, и 5-е, воздерживать всемѣрно поселянъ отъ разврата и вредныхъ связей съ Жидами. Но Евреи разными изворотами уклонялись отъ мѣръ, противъ ихъ принятыхъ: нѣкоторые помѣщики, прельщенные доходомъ, чрезъ Евреевъ получаемымъ, безразсудно покровительствовали имъ, не помышляя, что отъ временныхъ выгодъ разорялись подвластные имъ крестьяне и разрушивалось чрезъ то собственное ихъ благосостояніе; чиновники же Полиціи слабо исполняли имъ предписанное. Въ семъ положеніи постигли неурожайные 1820 и 1821 годы, въ кои еще болѣе оказалось пагубное вліяніе Евреевъ на Малороссійскихъ поселянъ; ибо

* Разбои, въ Пирятинскомъ, Переяславскомъ, Сосницкомъ, Золотоношскомъ и Мглинскомъ Повѣтахъ бывшіе, всѣ произведены Жидами, а наконецъ убійство Менонистовъ по Гадяцкому дало случай къ открытію Кіевской шайки, изъ Жидовъ составленной, которая въ Кіевской, Подольской и Новороссійской Губерніяхъ произвела 47 убійствъ; наконецъ, весь торгъ по Имперіи фальшивыми ассигнаціями, открытый въ 1819-мъ году Малороссійскимъ Военнымъ Губернаторомъ, производился Жидами.

когда всѣ жители нуждались въ продовольствіи и ужасы голода поражали сѣверную часть Черниговской Губерніи, житницы Еврейскія при шинкахъ наполнены были хлѣбомъ, который удерживали до тѣхъ поръ, покуда цѣна пуду стала превышать четыре рубли. Малороссійскій Военный Губернаторъ измѣнилъ бы Богу, чести и Государю, если бы не возопилъ тогда о необходимости изгнать Евреевъ изъ селеній. Послѣдствіемъ его донесеній были Высочайшія повелѣнія въ 1821 году, Ноября 29, и 1822, Мая 13, о высылкѣ Евреевъ изъ селеній Малороссійскихъ въ тѣ города и мѣстечки, гдѣ кто приписанъ по ревизіи.

Скорымъ и точнымъ исполненіемъ сей благодѣтельной для Малороссійскаго края Высочайшей воли поселяне, при новомъ недостаткѣ хлѣба, ограждены были отъ чрезвычайнаго возвышенія цѣнъ на оный; хлѣбъ казенный, покупаемый и, по распоряженію Начальства, привозимый, дѣлился между поселянами въ половинную цѣну противъ прежде бывшей, и даже дешевлѣ той, которая тогда существовала въ смежныхъ Великороссійскихъ Губерніяхъ, хлѣбная монополія исчезла, и поселяне избавлены отъ порабощенія, готовившаго имъ конечную гибель. Нравственность народная стала тоже улучшиваться отъ сихъ распоряженій, ибо удаленіемъ Евреевъ изъ селеній хлѣбопашцы избавлены отъ соблазна къ пьянству, а чрезъ то отъ руководителей къ другимъ преступленіямъ, чему яснымъ доказательствомъ послужилъ слѣдующій расчетъ.

Въ пятилѣтіе, предшествовавшее 1-му Генваря 1822 года, слѣдственно, во время пребыванія Евреевъ въ селеніяхъ, наказано тѣлесно по суду 7,749 человѣкъ; въ послѣдующее пятилѣтіе, т. е., по 1-е Генваря, 1827 года, наказано 5,644, слѣдственно, 2,105 человѣками меньше; въ крайнихъ числахъ сего десятилѣтія, т. е., въ 1817 и 1826 годахъ, преступленій, подвергающихъ торговой казни, учинено въ городахъ по Черниговской и Полтавской Губерніяхъ

1817 —	360 —	129
1826 —	188 —	93
1826 менѣе	172 —	36
	Всего —	208

По истинѣ, Евреи отнюдь не были обходимы для селеній. Они были тамъ всеобщими агентами преступленій, сбывали вино

и сельскія произведенія для разврату, такъ же дѣлали ссуды крестьянамъ не къ добру для помѣщиковъ и поселянъ, но къ разоренію ихъ; ибо всѣ дѣйствія услужливыхъ Евреевъ основаны были на обманахъ, подлогахъ, мошенничествахъ и жадномъ стремленіи обогатить себя на счетъ легковѣрныхъ Дворянъ и простодушныхъ поселянъ.

Конечно, и въ городахъ Евреи могутъ дѣлать преступленія. Сей народъ неспособенъ жить безъ обмановъ и долговъ; но въ городахъ преступленія бываютъ рѣдки; Полиція, составленная изъ Полицмейстера или Городничаго, достаточнаго числа Квартальныхъ Надзирателей и Десятскихъ, имѣющая всегда себѣ въ помощь воинскую инвалидную команду, и другія многія мѣста и лица городоваго управленія, постояннымъ существованіемъ своимъ на мѣстѣ наводятъ боязнь на мошенниковъ и развратныхъ, имѣютъ удобства и всѣ средства къ преслѣдованію ихъ, и тѣмъ обуздывая зло, не даютъ ему возрастать, въ случаѣ же появленія, тотчасъ оное открываютъ и уничтожаютъ, предавая виновныхъ суду, а городскіе жители гораздо образованнѣе, проворнѣе и осторожнѣе сельскихъ; и по симъ двумъ причинамъ, Евреи не имѣютъ возможности, или, по крайней мѣрѣ, страшатся дѣлать преступленія въ городахъ, и для оныхъ, можно утвердительно сказать, они мало опасны, какъ, напротивъ того, въ селеніяхъ представлялось имъ обширное поле къ своевольствамъ; ибо должно признаться, что Земская Полиція совершенно не имѣетъ надежныхъ и вѣрныхъ способовъ къ точному исполненію возложенной на нее трудной и многосложной обязанности. Четыре Члена составляютъ Нижній Земскій Судъ: они обязаны, на пространствѣ Уѣзда, коего окружная черта составляетъ въ Малороссійскихъ Губерніяхъ около 250 верстъ, оградить безопасность и спокойствіе каждаго, взыскать казенныя подати и доимки, строго смотрѣть за исправностію дорогъ, удерживать во всемъ порядкѣ и благочиніи, открывать и искоренять злоупотребленіе и въ то же время давать скорую расправу жителямъ, коихъ подъ вѣдомствомъ Суда считается до 100 тысячь душъ обоего пола, а сверхъ того поспѣшно исполнять предписанія Губернскаго Начальства, требованія войскъ, въ Уѣздѣ расположенныхъ и чрезъ оный проходящихъ, и производить о всякомъ приключеніи, спорѣ и преступленіи слѣдствіе, на которомъ почти всегда основывается не только приговоръ Судебныхъ мѣстъ и Правительствующаго Сената, но даже и Высочайшее разрѣшеніе, которое потомъ тѣмъ же Нижнимъ Земскимъ Судомъ приводится въ исполненіе. Однимъ словомъ

все почти въ Государствѣ симъ Судомъ начинается и оканчивается. Есть ли возможно требовать неукоснительно исполненія всѣхъ сихъ обязанностей отъ нынѣшней Земской Полиціи? По истинѣ нѣтъ. Напротивъ, рѣшительно можно сказать, что если бы не было въ Россіи, по крѣпостному праву, помѣщичьяго надзору, а по сему весьма дѣятельной Полиціи въ каждой деревнѣ, то умноженіе преступленій давно принудило бы Правительство дать лучшее образованіе Земской Полиціи.

3-е. «Съ переселеніемъ въ города Евреевъ, они лишились пріюта и средствъ къ существованію своему, по бѣдности своей не могутъ удовлетворять общественнымъ повинностямъ и содѣлываютъ безполезными всѣ распоряженія Правительства».

Съ переселеніемъ Евреевъ въ города изъ селеній, они, конечно, должны были оставить въ сихъ послѣднихъ свои помѣщенія, но имъ предоставлено было право продажи оныхъ, почему они и воспользовались тѣмъ безъ малѣйшаго притѣсненія, перейдя же въ города, многіе построили въ оныхъ для себя домы, а другіе, находя въ томъ свои выгоды, квартируютъ въ наемныхъ. Слѣдственно, Евреи не лишены пріюта, но имѣютъ оный; равнымъ образомъ не лишены они и средствъ къ существованію, ибо наровнѣ съ коренными градскими жителями предоставлено имъ право гражданства, торговли и промысловъ, которыя производятъ они, на основаніи общихъ законовъ, свободно и невозбранно. Въ числѣ ихъ большая половина достаточнѣе Христіанскихъ мѣщанъ, прочіе же занимаются ремеслами, художествомъ и поденными работами, и отъ оныхъ каждый снискиваетъ себѣ пропитаніе и способы къ существованію. Заключеніе же защитниковъ Евреевъ, будто они, по бѣдности своей, содѣлываютъ безполезными всѣ распоряженія Правительства, совершенно неосновательно. Малороссійскій Военной Губернаторъ можетъ удостовѣрить, что, кромѣ неисправнаго, по нѣкоторымъ городамъ, платежа податей отъ бродяжничества Евреевъ, къ онымъ приписанныхъ, сей народъ, какъ по личнымъ, такъ и по Земскимъ Полиціямъ, всегда бываетъ исправнымъ исполнителемъ требованій и распоряженій Начальства, и весьма было бы несправедливо Евреевъ въ семъ обвинять.

4-е. «Въ небольшомъ городѣ Мглинѣ, народонаселеніе коего составляетъ не болѣе 2,300 жителей, въ числѣономъ состоитъ до 1000 душъ Евреевъ, которые помѣщаются, зимою въ уголкахъ по

пяти и шести семейств, а летомъ на улицахъ и терпя голодъ, произносятъ вопль бѣдствія.

Рубежъ Мглинскаго Повѣта съ Великороссійскими Губерніями простирается на сто восемдесятъ верстъ; входящія въ оныя дугою три Губерніи съ онымъ граничатъ, Орловская, Смоленская и Могилевская, четвертая Калужская въ нѣсколькихъ верстахъ. Жиды легко поняли, что таковое мѣстоположеніе удобнѣйшее для корчемства, а потому, записавъ себя въ мѣщане города Мглина, поселились преимущественно въ Повѣтѣ онаго.

Искорененіе корчемства есть одна изъ главныхъ обязанностей мѣстнаго начальства. Малороссійскій Военный Губернаторъ настоялъ особенно надъ Земскою Полиціею Мглинскаго Повѣта о высылкѣ Евреевъ изъ селеній, и, конечно, ни въ одномъ городѣ столько ихъ вдругъ не оказалось, какъ въ семъ. Нигдѣ противъ сей мѣры не роптали и не соболѣзновали столь о Жидахъ, какъ въ сей части Малороссіи, ибо чрезъ уменьшеніе способовъ продавать корчемное вино унизилась цѣна оному. Но хотя въ городѣ Мглинѣ и считается по ревизіи близъ 1000 душъ Евреевъ, но и половины ихъ никогда въономъ не было, и нынѣ на лице тамъ не состоитъ, а проживаютъ они въ смежныхъ мѣстахъ Могилевской Губерніи. Сіе доказывается донесеніями мѣстнаго начальства и тѣмъ, что, при наступленіи сроковъ ко взносу податей, Мглинскій кагалъ всегда отправляетъ отъ себя довѣренныхъ людей, для собранія уплаты отъ не живущихъ въ Мглинѣ, для чего просятъ отъ Губернаторовъ открытыхъ листовъ о содѣйствіи имъ въ семъ дѣлѣ со стороны Градской и Земской Полиціи посторонних Губерній. Изъ числа же Евреевъ, постоянно въ городѣ Мглинѣ живущихъ, многіе имѣютъ собственные домы, другіе хотя помѣщаются тѣсно, но сіе происходитъ, большею частію, отъ того, что въ томъ городѣ не существуетъ домовъ пространныхъ и хорошихъ, и что Христіяне, зная неопрятность Жидовъ, не соглашаются нанимать домовъ имъ иначе, какъ за дорогую цѣну, которой Евреи давать не хотятъ, и потому не имѣющіе домовъ квартируютъ у собратій своихъ, или же въ маленькихъ Христіянскихъ избахъ, дешево договоренныхъ, по два, а рѣдко по три семейства вмѣстѣ, но отнюдь не по шести и не въ уголкахъ. Объясненіе о семъ, въ Запискѣ изложенное, совершенно несправедливо, равно какъ и то, что будто бы Мглинскіе Евреи, терпя голодъ, производятъ вопль.

Въ началѣ 1821 года не одни Евреи, а всѣ вообще жители Мглинскаго Повѣта терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ; о Жидовскомъ же воплѣ Малороссійскій Военный Губернаторъ ни свѣдѣній, ни донесеній никогда не имѣлъ, и послѣ перехода Евреевъ въ города, бывъ самъ лично не разъ въ Мглинѣ, о семъ ничего не слыхалъ, хотя входилъ во всѣ подробности положенія гражданъ, а особенно Евреевъ, коихъ Раввины и Кагальные жаловались только на бродяжничество около двухъ третей приписанныхъ къ ихъ обществу Евреевъ, и что наличные отягощаются чрезъ то уплатою податей. Что же относится до того, что Евреи лѣтомъ живутъ на воздухѣ, то сіе дѣлаютъ не одни они, но и Христіяне, и не отъ бѣдности и недостатка въ помѣщеніяхъ, но по введенному въ Малороссіи обыкновенію, ибо почитаютъ то для себя здоровымъ, а помѣщаются въ садахъ, амбарахъ, въ гумнахъ, мельницахъ и въ другихъ, смотря по удобству и приличію мѣстъ, но на улицахъ никто не жилъ и жить не можетъ, да и Полиція того не дозволитъ.

5-е. «Со времени переселенія Жидовъ въ города, недоимки въ податяхъ увеличились, что не только они не въ состояніи уплатить оныхъ, но многіе изъ коренныхъ обывателей слѣдуютъ во всемъ ихъ примѣру. По сороку и пятидесяти сихъ несчастныхъ заключаютъ въ тюрьмы, и чрезъ нѣсколько часовъ принуждены освободить ихъ, не получая ни малѣйшей платы. Люди сіи, въ точномъ смыслѣ умирающіе отъ голоду, при требованіи отъ нихъ уплаты, отвѣчаютъ: «Дайте намъ хлѣба и работу!»

Переселеніе Евреевъ ни какого не имѣло вліянія на увеличеніе недоимокъ въ городахъ Малороссійскихъ Губерній. Мнѣніе сіе легко опровергается тѣмъ, что и въ Русскихъ торговыхъ богатыхъ городахъ, гдѣ вовсе не было и нѣтъ Жидовъ, тоже числятся значительныя недоимки. Сверхъ особенныхъ обстоятельствъ, разстроившихъ благосостояніе Малороссійскаго края, причиною сему повсемѣстный недостатокъ въ деньгахъ, а потому денежныхъ оборотовъ, упадокъ торговли и промысловъ, всеобщая другъ къ другу недовѣрчивость, пониженіе цѣнъ на всѣ внутреннія произведенія, и наконецъ, опредѣленіе податей не соразмѣрно состоянію платящихъ оныя. О всемъ вышеписанномъ Малороссійскій Военный Губернаторъ неоднократно доводилъ до свѣдѣнія Министерствъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, но мѣръ взысканія не смѣлъ ни мало ослабить, и потому какъ Евреи, такъ и Христіяне, безпрестанно побуждаемы были къ исполненію ихъ

обязанностей. Такое настояніе ограничивалось, однако, мѣрами, закономъ предписанными; слѣдственно, повелѣній Жидовъ сажать въ тюрьмы, или дѣлать имъ какія либо истязанія и насилія, даваемо не было, и Полиція сама по себѣ того не дѣлала; ежели же нѣкоторые Жиды браты были подъ стражу, для прекращенія праздношатательства и уклоненія ихъ отъ платежа податей, то сіе происходило не иначе, какъ по требованію общества и Кагальныхъ, которые отвѣчаютъ за неисправныхъ и нерадивыхъ, а потому и требуютъ противъ оныхъ всегда почти пособія Полиціи; но чтобъ разомъ брато было въ тюрьму по сороку и по пятидесяти Евреевъ, сіе вовсе несправедливо, и ничѣмъ не можетъ быть доказано.

Евреи никогда охотно не платятъ податей; они имѣютъ привычку притворяться всегда бѣдными, и сіе наипаче дѣлаютъ послѣ переселенія ихъ въ города, чтобы возбудить сожалѣніе и какимъ бы то ни было образомъ возвратить себѣ пребываніе въ селеніяхъ, столь для нихъ выгодное. Почему на требованіе Полиціи объ уплатѣ Казнѣ податей они легко могли отвѣчать, что у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, ни работы; но повѣрить ихъ разсказамъ нельзя. Пронырливые Евреи не такъ бѣдны, какими ихъ представляетъ сочинитель Записки. Проворствомъ своимъ, дѣятельностію и способностію къ ремесламъ, торгу и всякимъ работамъ, они во всякое время могутъ находить способы доставать деньги, хлѣбъ и работы; но платежа податей и доимокъ не дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не увѣрятся, что имъ не простятъ оныхъ, и что изговорки ихъ Правительствомъ не будутъ уважены. Доказательствомъ сему послужитъ то, что въ Малороссіи есть нѣсколько городовъ, въ которыхъ недоимки почти нѣтъ и подати уплачиваются всегда исправно. * Но въ многихъ городахъ числящіяся на Евреяхъ недоимки прежнихъ лѣтъ и недоборы въ текущихъ податяхъ происходятъ, сверхъ общихъ причинъ, отъ особо къ нимъ касающихся: первыя допущены отъ злоупотребленій кагальныхъ изборщиковъ, которые, взыскавъ оныя, употребляли деньги въ свою пользу, не взнося ихъ тотчасъ въ Казначейство, отъ чего таже сумма исчислена къ платежу на общество вдвойнѣ; ибо преданные суду за противозаконныя дѣйствія, Кагальные изборщики собственностію своею не могли пополнить растраченной общественной суммы; недоборы же въ податяхъ проистекаютъ отъ того болѣе, что множество Евреевъ, въ ревизіи записанныхъ, не сущест-

* Гадячъ, Зиньковъ, Константиноградъ, Козелецъ и Кролевецъ.

вуетъ въ наличности, какъ по измертвію, такъ и по безъизвѣстнымъ отлучкамъ ихъ, а подати и повинности за нихъ возложены, по закону, на наличныхъ Евреевъ, изъ коихъ иные по бѣдности, другіе и по убѣжденію, что они несправедливо за другихъ подвергаются отвѣтственности, не производятъ платежа. Значительнѣйшія Еврейскія Общества въ Малороссіи, Кременчуцкое и Стародубское, входили къ Малороссійскому Военному Губернатору съ прошеніями о дозволеніи учредить имъ сборы съ покупаемаго Евреями мяса и другихъ жизненностей, для продовольствія необходимыхъ, дабы изъ собираемой симъ образомъ суммы, подъ названіемъ «коробка» въ Польшѣ извѣстной, уплачивать подати, съ Евреевъ слѣдуемыя; но Малороссійскій Военный Губернаторъ, не имѣя права самъ сіе дозволить, отказалъ имъ въ ходатайствѣ у Высшаго Правительства, предвидя, что съ допущеніемъ сего сбора, легко могутъ произойти притѣсненія бѣдныхъ и злоупотребленія отъ сборщиковъ, вѣрность же уплаты симъ сборомъ податей опредѣлительно ничѣмъ не обезпечится.

Кажется, лучшій способъ для справедливаго раздѣленія поголовныхъ податей (покуда сей сборъ въ Россіи существовать будетъ), есть перепись, каждое десятилѣтіе возобновляемая. Тогда Евреевъ, по Малороссіи нынѣ записанныхъ, навѣрно на половину уменьшилось бы, и остались бы здѣсь только осѣдлые, или прочно уже водворившіеся Евреи, которые безъ затрудненія будутъ каждый за себя платить исправно подати, и избавятся отягощенія нынѣ несомою отвѣтственностію за несостоящихъ на лице. Не излишнимъ здѣсь почитается добавить, что въ Христіанскомъ народонаселеніи по всѣмъ селеніямъ противъ ревизіи 1816 года прибавилось 12-ть процентныхъ, а въ иныхъ и по 15-ти. Что же относится до Христіянъ, хотя на нихъ считаются также недоимки и недоборы, но Малороссійскій Военный Губернаторъ не соглашается съ заключеніемъ сочинителя Записки, что они не платятъ ихъ, слѣдуя во всемъ примѣру Жидовъ, а приписываетъ сіе единственно бѣдности и недостатку въ деньгахъ, о чемъ выше сказано.

6-е. «Жиды не мало содѣйствуютъ къ зараженію воздуха въ городахъ, служащихъ имъ тюрьмами; отъ насильственнаго и отчаяннаго ихъ положенія въ городахъ умножилось уже число преступленій».

Жиды дѣйствительно неопрятны, особенно въ жилищахъ ихъ, потому что они, даже богатые, не любятъ жить пространно, имѣютъ

множество малыхъ дѣтей, по мѣсяцу и болѣе не моютъ половъ и не выносятъ изъ домовъ сору; но все сіе только имъ однимъ можетъ быть вредно, а воздуха на улицахъ и площадяхъ заражать не могутъ. Французскій наблюдатель совершенно можетъ въ семъ успокоиться; ибо Полиціи, по обязанности своей, строжайше подтверждено многократными предписаніями Военнаго Губернатора, заботиться какъ о сохраненіи нужной чистоты въ городахъ, такъ и объ отвращеніи всего того, что могло бы родить болѣзни, или имѣть невыгодное вліяніе на здоровье гражданъ. Что же касается о преступленіяхъ, то выше сказанное по сему предмету во второй статьѣ совершенно уничтожаетъ предположеніе сіе. На названіе сочинителя городовъ тюрьмами для Жидовъ, бывъ только тропомъ краснорѣчія, Малороссійскій Военный Губернаторъ считаетъ ненужнымъ возражать.

7. «Жители городовъ населенныхъ въ оныхъ Евреевъ считаютъ величайшимъ для себя бѣдствіемъ, а жители деревень, напротивъ, сожалѣютъ объ удаленіи отъ нихъ дѣятельныхъ и замысловатыхъ людей, которые, трудясь для видовъ собственной пользы, тѣмъ не менѣе раздѣляли оную съ хлѣбопашцемъ и давали оборотъ произведеніямъ его хозяйства. Въ несчастные годы хлѣбопашецъ въ нуждахъ своихъ обращался къ Жиду, и всегда получалъ отъ него помощь, которой болѣе нигдѣ не находятъ. Владѣльцы же, съ своей стороны, затрудняются, не имѣя Жидовъ, ибо чрезъ нихъ извлекали всякого рода выгоды. Словомъ, деревни очевидно терпятъ отъ удаленія Жидовъ, а принужденное пребываніе ихъ въ городахъ распространяетъ опустошеніе и увеличиваетъ бѣдность».

Жители городовъ, конечно, не выиграли чрезъ перемѣщеніе въ оные Евреевъ, ибо нашли въ нихъ не только соперничество по торговлѣ, промысламъ и ремесламъ, но и жадное стремленіе къ пріобрѣтенію оныхъ въ однѣ свои руки.

Монополія есть цѣль всѣхъ Жидовскихъ дѣйствій, отъ Ротшильдовъ до шинкарей, ибо въ рукахъ сего пронырливаго и расчетливаго народа она потомъ содѣлываетъ ихъ властелинами торговли, промышленности, произведеній земли и наконецъ Правительствъ. Евреи дѣйствительно стѣсняютъ городянъ, и дѣлаютъ имъ во многомъ подрывы и помѣшательства, не столь, впрочемъ, важныя, какъ въ селеніяхъ, потому что пронырства и предпріятія Евреевъ часъ отъ часу дѣлаются болѣе извѣстными, и всякій беретъ противъ нихъ мѣры предосторожности.

Города не только не опустошились, какъ сочинитель Записки объясняетъ, отъ переселенія Жидовъ, но, напротивъ, время отъ времени постройками новыхъ домовъ приходятъ въ лучшее и благовиднѣйшее состояніе. Впрочемъ, если бы благосостояніе городовъ и терпѣло отъ необходимаго въ нихъ пребыванія Евреевъ, то и тогда бы Правительство приняло благотворную мѣру для Малороссійскаго края, перемѣстивъ ихъ въ оные изъ селеній; ибо, по изложенному во 2-й статьѣ, спасло тѣмъ отъ разоренія болѣе двухъ милліоновъ поселянъ, въ порабощеніи Евреевъ находившихся, и которыхъ они безъ жалости обманывали, грабили и развращали.

Малороссійскій Военный Губернаторъ управляетъ Высочайше ввѣренными ему Губерніями четырнадцать лѣтъ: пять видѣлъ онъ Евреевъ въ селеніяхъ, а девять лѣтъ онъ видитъ оныхъ въ городахъ, и смѣло увѣряетъ и ручается, что селенія не только не потерпѣли отъ удаленія Жидовъ, но примѣтнымъ образомъ поправились и не имѣютъ тѣхъ нуждъ, недостатковъ и соблазновъ къ развратамъ, какія имѣли прежде. Онъ сожалѣетъ только, что въ Малороссіи существуютъ еще такіе помѣщики, которые, бывъ равнодушны къ пользамъ крестьянъ, имъ принадлежащихъ, желаютъ, для собственной своей временной корысти, имѣть въ деревняхъ Жидовъ и производить чрезъ нихъ обороты, позабывая, или не зная даже той простой истины Политической Экономіи, что чѣмъ болѣе посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, тѣмъ первый дешевлѣ продаетъ, а послѣдній дороже покупаетъ для выгодъ посредниковъ. Стыдно было бы для Малороссійскихъ помѣщиковъ, естьли бы крестьяне, имъ подвластные, у Жидовъ, а не у нихъ, находили себѣ помощь. Иноземному можно только подобное помыслить и написать, Русскому же тяжко даже и читать сіе.

Неоднократные Высочайшіе милостивые Манифесты, излившіе щедро на народъ прощеніе значительнаго числа недоимокъ и другія важныя милости, служитъ тоже ясною уликою для сочинителя Записки.

Обязанность Малороссійскаго Военнаго Губернатора есть доводить до Высочайшаго свѣдѣнія положеніе поселянъ края, ему ввѣреннаго. Онъ въ семъ не укоснялъ, и укоснять не будетъ, въ полной увѣренности, что милосердое сердце Отца подданныхъ не откажетъ въ помощи нуждающимся.

ДОНОШЕНІЕ

Попечителя Казанскаго округа на издателя «Библіографическихъ Листовъ,» г. Министру Народнаго Просвященія.

I.

Честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству, что въ газетѣ «Библіографическіе Листы,» №№ 8, 9 и 10, заключаются статьи, кои Гражданская Цензура, на основаніи Высочайшихъ Указовъ 29 Іюля, 1787, подтвержденнаго 9-го Февраля, 1802, и 19-го Ноября, 1824 годовъ, не въ правѣ была пропустить.

Статьи сіи, основанныя на иноземныхъ сочиненіяхъ, содержатъ въ себѣ:

1. Обличенія Святцевъ нашихъ, Церковію утвержденныхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности. 2. Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священно-церковной книги, Чети-Минеи, клонящееся къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не они переводили наши священныя книги. 3. Клевету на Святополка, исповѣдывавшаго Православную вѣру, якобы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то діаволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости.

По моему мнѣнію, ежели не самый журналъ сей, то №№ онаго 8, 9 и 10 подлежатъ запрещенію, а на будущее время нужно взять ту осторожность, чтобы статьи о духовныхъ книгахъ были просматриваемы Духовною Цензурою.

Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа

М. Магницкій.

II.

Письмо издателя «Библіографическихъ Листовъ» къ Его Сіятельству, Князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

Милостивый Государь,

Князь Платонъ Александровичъ!

Въ слѣдствіе Отношенія Вашего Сіятельства, за № 496 послѣдовавшаго, по случаю Доношенія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкаго, имѣю честь препроводить къ Вамъ, Милостивый Государь, для доклада Его Высокопревосходительству, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, прилагаемыя при семъ объясненія, которыя подвергаю самому строгому суду моего Начальства.

Уповая на справедливость Его Высокопревосходительства, я осмѣливаюсь, и даже долгомъ щитаю, изложить Вашему Сіятельству тѣ чувства, которыя произвело во мнѣ сдѣланное М. Л. Магницкимъ Доношеніе.

Какъ Русскій Дворянинъ, какъ Чиновникъ съ 1806 года, безпорочно продолжавшій службу, не могу не огорчиться тѣмъ, что есть люди, старающіеся находить мнимое зло и въ моихъ посильныхъ трудахъ, подкрѣпляемыхъ однимъ желаніемъ быть полезнымъ моему отечеству, желаніемъ, которому я пожертвовалъ лучшими лѣтами и всѣми выгодами сей жизни, и которое побудило меня избрать службу, не доставляющую мнѣ даже необходимѣйшаго жалованья. Вмѣсто всякаго удовлетворенія, котораго я почиталъ бы себя въ правѣ требовать за нанесенную мнѣ обиду, я прошу одной только милости, состоящей въ томъ, чтобы мнѣ дозволено было напечатать здѣсь, или въ чужихъ краяхъ, какъ поданное на меня Доношеніе, такъ и мои по оному объясненія.

Буде Его Высокопревосходительство не рѣшится самъ на удовлетвореніе сей моей просьбы, то я покорнѣйше прошу испросить мнѣ на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества, отца и заступника всѣхъ и каждаго изъ своихъ подданныхъ, соизволеніе.

Ежели же, паче чаянія, замѣчанія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкаго, могли быть удостоены какого либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества, чести, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочной, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться, по крайней мѣрѣ, обезпечить мое существованіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства.
покорнѣйшій слуга
П. Кеппенъ.

III.

Логическія и Историческія объясненія противъ поданнаго Г-мъ Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкимъ, Доношенія о непозволительныхъ яко бы статьяхъ, напечатанныхъ въ № 8, 9 и 10 «Библіографическихъ Листовъ.»

На одобренные Его Высокопревосходительствомъ, Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Библіографическіе Листы, рекомендованные Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, для подписки на оные въ пользу подвѣдомственныхъ имъ училищъ, Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкій, въ особомъ Доношеніи, 12 го Маія, сего года, за № 471, представилъ Его Высокопревосходительству свои замѣчанія, относящіяся къ № 8, 9 и 10-му сего повременнаго изданія.

Нынѣ, по волѣ Его Высокопревосходительства, приказавшаго истребовать отъ меня по сему предмету объясненіе, честь имѣю отвѣтствовать по пунктамъ Г. Попечителя, изложивъ сперва вообще содержаніе помянутыхъ трехъ номеровъ Библіографическихъ Листовъ.

Содержаніе № 8-го.

«Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ, извлеченіе изъ книги Г. Аббата Добровскаго».

Въ семъ же № помѣщено объявленіе о книгѣ физическаго содержанія

Содержаніе № 9-го.

Исторія и Древности: «Разборъ 11 части Трудовъ Московскаго Общества Исторіи и Древностій Россійскихъ.

Извѣстіе о найденной въ Тавріи Римской надписи.

О новыхъ стихотвореніяхъ, какъ то: о простонародныхъ пѣсняхъ нынѣшихъ Грековъ и пр.

О календаряхъ, морскомъ мѣсяцесловѣ и садовомъ календарѣ.

Выписка изъ Евангелія 1144 года.

Извѣстія о новыхъ Медицинскихъ книгахъ, и наконецъ о Санк петербургскомъ Минералогическомъ Обществѣ».

Содержаніе № 10.

Древности: «Разборъ опыта въ старинной Русской дипломат. :Г., Лаптева».

Исторія: «Переводъ записокъ Полковника Вутье» (разсмотрѣніе).

Критика Исторіи: «Кириллъ и Меѳодій;» извлеченіе изъ статьи, напечатанной о семъ предметѣ въ Вѣнскихъ ученыхъ актахъ.

Смѣсь: «О новыхъ книгахъ, и наконецъ объ Императорской Академіи Наукъ».

Таковы содержанія трехъ номеровъ Библіографическихъ Листовъ, побудившихъ М. Л. Магницкаго представить Доношеніе, каковымъ ему угодно было почтить издателя сихъ Листовъ и Гг сотрудниковъ его, давно уже пріобрѣтшихъ справедливую ученую славу, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной.

Желая показать, съ какимъ вниманіемъ читаны мною замѣчанія Г. Попечителя Казанскаго Университета, я представляю противъ оныхъ слѣдующія подробныя объясненія.

Г-нъ Попечитель говоритъ, что въ № 8, 9 и 10 Библіографическихъ Листовъ заключаются статьи, кои Гражданская Цензура не въ правѣ была пропустить, и кои основаны на иностранныхъ сочиненіяхъ.

На сіе долгомъ щитаю отвѣтствовать: 1. Что Цензурный Комитетъ, сколько извѣстно, руководствуется въ разсматриваніи книгъ Высочайше утвержденнымъ въ 9 день Іюля, 1804 года, Уставомъ о цензурѣ и предписаніями своего Начальства.

2. Что хотя Г. Попечителемъ и не наименованы тѣ статьи, кои онъ почитаетъ недозволительными и подлежащими запрещенію, однако, судя по содержанію № 8 Библіографическихъ Листовъ, думать должно, что онъ вооружается преимущественно противъ статей, напечатанныхъ о Святыхъ первоучителяхъ Словенскихъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ; но какъ согласить сію догадку съ содержаніемъ осуждаемаго имъ № 9 Библіографическихъ Листовъ, въ которомъ о сихъ Святыхъ мужахъ не говорится ни слова? Ибо главныя статьи, тутъ помѣщенныя, суть: разборъ 11-й части Трудовъ Историческаго Общества и извѣстіе о занятіяхъ и успѣхахъ Санктпетербургскаго Минералогическаго Общества, еще недавно удостоеннаго Высочайшаго вниманія.

За симъ М. Л. Магницкій утверждаетъ, во первыхъ, будто бы въ замѣченныхъ имъ статьяхъ содержится обличеніе Святцевъ, Церковію нашею, (то есть, Грекороссійскою), утверждаемыхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности. Какъ, однако, въ сихъ словахъ не содержится никакого указанія на самыя мѣста въ Библіографическихъ Листахъ, яко бы заключающія въ себѣ помянутое обличеніе, то остается просить Г. Попечителя Казанскаго Университета, чтобы онъ благоволилъ указать, гдѣ и что именно въ Библіографическихъ Листахъ писано въ обличеніе Грекороссійскихъ Святцевъ, обвиненныхъ въ невѣрности токмо въ словахъ Его Превосходительства. Ежели онъ называетъ обличеніемъ то, что здѣсь упомянуто объ извѣстной историческимъ изслѣдователямъ разности въ числахъ, въ кои празднуема бываетъ память нѣкоторыхъ Святыхъ, или же разумѣетъ подъ обличеніемъ нѣкоторое несходство однихъ Святцевъ съ другими въ ихъ содержаніи, полнотѣ, или краткости, то, допустивъ такія предположенія, Г. Попечитель могъ бы утверждать съ подобною же основательностію, что и Чети-Минеи написаны Святымъ Димитріемъ, Митрополитомъ Ростовскимъ, въ обличеніе Пролога; ибо и въ сихъ двухъ собраніяхъ житій Святыхъ упоминается объ оныхъ иногда подъ разными числами; такъ, на пр., Житіе преподобныхъ Кирилла и Меѳодія помѣщено въ Чети-Минеи подъ 11-мъ числомъ Маія, а въ Прологѣ подъ 14-мъ числомъ Февраля; Житіе св. Тонія Пресвитера по Прологу отнесено къ 10-му, а по

Чети-Минеи къ 11-му числу Марта и т. п. Далѣе, съ таковою же точно основательностію Г. Попечитель могъ бы сказать, что и Мѣсяцословъ всего лѣта, помѣщенный въ Служебникѣ и въ другихъ церковныхъ книгахъ, напечатанъ въ обличеніе и Пролога и Чети-Минеи, и на такомъ же основаніи могъ бы онъ утверждать еще, что и Полный Христіанскій Мѣсяцословъ всѣхъ Святыхъ, празднуемыхъ Православною Грековосточною Церковію, одобренъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ въ обличеніе и Пролога и Чети-Минеи и Церковнаго Мѣсяцослова; ибо въ Полномъ семъ Христіанскомъ Мѣсяцословѣ приведено много Святыхъ, о коихъ подъ тѣми же числами вовсе не говорится ни въ упомянутыхъ книжкахъ, содержащихъ Житія Святыхъ, ни въ Церковномъ Мѣсяцословѣ. Наконецъ обыкновенный Календарь или Мѣсяцословъ, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи и печатаемый ежегодно при Императорской Академіи Наукъ, съ такою же основательностію можно бы было почесть издаваемымъ въ обличеніе всѣхъ церковныхъ книгъ, при коихъ находятся Святцы; ибо въ ономъ не упоминается о разныхъ Святыхъ, приведенныхъ въ другихъ Мѣсяцословахъ.

Но такія и подобныя несходства въ Мѣсяцословахъ можно изъяснить основательными причинами, не называя сего изъясненія обличеніемъ Святцевъ въ невѣрности. Представимъ себѣ только разность странъ и вѣковъ, въ которыя жили св. подвижники вѣры, разность обстоятельствъ, при которыхъ описывали ихъ житіе лѣтописцы и историки; взглянемъ на разность списковъ и разность языковъ и нарѣчій старинныхъ рукописей: и мы найдемъ здѣсь ясныя причины, почему не во всемъ между собою сходны всѣ Мѣсяцословы. Замѣтимъ, что въ концѣ III части Житій Святыхъ Православныхъ Грекороссійскія Церкви, содержащей въ себѣ мѣсяцы Мартъ, Апрѣль и Май, напечатана любопытная статья о календарѣ Еллино-Римскомъ древнѣйшемъ, въ которой уже показаны нѣкоторыя разности, находимыя въ сочисленіи дней въ церковныхъ книгахъ, и изъяснены причины сихъ разностей по календарямъ Еврейскому, Египетскому, Греческому и Римскому. Такимъ образомъ для каждаго, кто хотя нѣсколько знаетъ отечественныя древности и Исторію, сравнительные Мѣсяцословы, основанные на древнихъ рукописяхъ и первопечатныхъ книгахъ, могутъ быть полезны; ибо оные могутъ послужить къ облегченію трудовъ изслѣдователей Древностей, къ объясненію темныхъ мѣстъ въ исторіи, къ составленію, сколько возможно, полнаго и

удовлетворительнаго свода календарей. Такое занятіе Археолога ни въ какомъ случаѣ не можно называть обличеніемъ Святцевъ въ невѣрности.

Притомъ же сличеніе Мѣсяцослововъ не есть изслѣдованіе ученія вѣры; ибо не только не относится до догматовъ Церкви, которые, не подлежа сужденіямъ свѣтскихъ писателей, а и того менѣе людей вовсе неизвѣстныхъ по сочиненіямъ своимъ въ ученомъ свѣтѣ, при таковомъ сличеніи должны оставаться неприкосновенными. Сіи два предмета, святое ученіе вѣры и изслѣдованія чисто историческія, надлежитъ всегда различать логическимъ порядкомъ. Смѣшеніе же ихъ было и будетъ поводомъ къ многимъ несправедливымъ сужденіямъ и ошибочнымъ заключеніямъ.

Теперь должно мнѣ говорить о двухъ, помѣщенныхъ въ моемъ журналѣ, статьяхъ, которыя также вовсе не догматическаго, но просто историческаго содержанія. Статьи сіи, напечатанныя въ № 8 и 10-мъ Библіографическихъ Листовъ не будучи плодами собственныхъ моихъ изслѣдованій, не основаны, какъ полагаетъ М. Л. Магницкій, на иностранныхъ сочиненіяхъ, но суть только извлеченія изъ чужихъ твореній, помѣщенныя въ моемъ журналѣ, по той причинѣ, что таковыя относятся къ древнѣйшему періоду Исторіи и нашей отечественной Словесности. Извлеченія сіи напечатаны мною, какъ явствуетъ изъ примѣчаній на с. 116 и 146-й, не съ тѣмъ, чтобы выдавать за неоспоримыя или безусловныя истины, мнѣнія Г. Добровскаго, или его критика, Блумбергера, но именно для того, чтобы сужденія ихъ представить на судъ читателей, и чтобы впредь сообщать на сей же конецъ всѣ, какъ согласныя, такъ и противныя по сему предмету, мнѣнія гг. критическихъ изслѣдователей древности.

Что же касается до того, чтобы статьи о Кириллѣ и Меѳодіѣ были напечатаны безъ вѣдома Духовной Цензуры, то я долгомъ щитаю донести, что первая изъ статей сихъ, приготовленная мною къ печати еще въ Ноябрѣ истекшаго года, могла выйти въ свѣтъ не ранѣе 4-го Марта, по той только причинѣ, что Цензоръ, Статскій Совѣтникъ, А. М. Красовскій, не рѣшился пропустить оной, не сообщивъ ее предварительно Духовному Цензору, въ чемъ, если угодно, могу представить собственноручныя его записки, писанныя ко мнѣ 14 Ноября, 1824 года, и 24 Генваря, сего 1825 года. Словесно же А. М. Красовскій въ послѣдствіи времени отозвался, что Духовный

Цензоръ нашелъ статью сію не подлежащею разсмотрѣнію Духовной Цензуры; потому что оная не догматическаго, а токмо историческаго и филологическаго содержанія.

Наконецъ, въ оправданіе какъ гражданской Цензуры, такъ и самаго себя, не могу не привести здѣсь 22 § Высочайше утвержденнаго въ 9-й день Іюля, 1804 года, Устава о Цензурѣ: «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія Государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости Цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Но приступлю къ существенному разсмотрѣнію втораго обвинительнаго пункта, въ которомъ Г. Попечитель утверждаетъ, будто бы въ Библіографическихъ Листахъ находятся:

«Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній Св. Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священноцерковной книги Чети-Минеи, клоняющееся къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не они переводили наши священныя книги».

Въ опроверженіе сего обвиненія достаточно было бы указать на то, что въ представленной выпискѣ изъ книги Г. Добровскаго именно замѣчено, что авторъ вовсе не пользовался Четь-Минеею; слѣдовательно, онъ не имѣлъ намѣренія и не могъ писать противъ книги, которой не разсматривалъ. Между тѣмъ же вниманіе читателей Библіографическихъ Листовъ обращено и на Четь-Минею, какъ отечественный источникъ біографическихъ свѣдѣній о сихъ Святыхъ мужахъ, тотчасъ при первомъ періодѣ сей выписки слѣдующими словами:

«Чтеніе сей книги (т. е., сочиненія Г. Добровскаго) представитъ Православнымъ благовременный случай обратить особенное вниманіе на жизнь Св. Меѳодія и Константина, описанную въ Четь-Минеи подъ 11-мъ числомъ Маія, въ Прологѣ подъ 14-мъ числомъ Февраля, въ Словарѣ Историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ Духовнаго чина Грекороссійскія Церкви подъ именами сихъ Словенскихъ Проповѣдниковъ вѣры Христіанской на с. 358 и 421, и н

сочиненное ученнѣйшимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ разсмотрѣніе Мавроурбиновой книги о Словенскомъ народѣ, которая переведена съ Италіанскаго и печатана въ 1722 году.»

Сіе тотчасъ въ началѣ извлеченія изъ сочиненія Г. Добровскаго сдѣланное указаніе на книги, коими каждый Русскій скорѣе можетъ пользоваться, нежели изслѣдованіемъ, напечатаннымъ въ Германіи на Нѣмецкомъ языкѣ, и едва ли здѣсь въ продажѣ состоящимъ, кажется, въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго должно бы быть достаточно для устраненія подозрѣнія въ пристрастіи журналиста къ какому либо новому мнѣнію, журналиста, печатающаго токмо извлеченіе изъ вышедшей въ свѣтъ книги. Если бы даже мнѣніе и догадки Господина Добровскаго, или другаго чужестраннаго писателя, были въ чемъ либо согласны съ находящимися въ Четь-Минеѣ историческими свѣдѣніями о трудахъ Св. Меѳодія и Кирилла, то и въ семъ случаѣ можно ли думать, чтобы Русскій читатель сталъ полагаться на слова иностранца, не обратившись тотчасъ же къ уважаемымъ, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, отечественнымъ писателямъ, на коихъ труды указано въ самыхъ Библіографическихъ Листахъ? Послѣ сего какой безпристрастный читатель захочетъ винить издателя поименованныхъ Листовъ въ неуваженіи къ церковнымъ книгамъ, когда онъ сдѣлалъ, можетъ быть, болѣе, нежели сколько требуетъ обязанность библіографа, представляющаго одни только чужія сочиненія на судъ самой публики?

Далѣе: Г. Попечитель утверждаетъ, будто бы напечатанная мною выписка клонится къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не они (Кириллъ и Меѳодій) переводили наши (т. е., Грекороссійскія Словенскія) священныя книги.

Хотя я не въ силѣ выразумѣть здѣсь смысла словъ: «положительное преданіе Церкви», безъ сомнѣнія, никѣмъ въ подобномъ случаѣ еще не употребленныхъ, однако, во первыхъ, не думаю, чтобы и самъ Святитель Димитрій почиталъ положительнымъ (т. е., неизмѣннымъ) преданіемъ Церкви различныя харатейныя Чети, изъ коихъ, по собственному его объявленію, онъ собралъ сокращенно житіе и труды преподобныхъ Меѳодія и Константина, въ чемъ я тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, что Св. Димитрій не только самъ исправлялъ, но и другихъ просилъ исправлять свои труды; во вторыхъ, надѣюсь, что несправедливость обвиненій Г. Попечителя Казанскаго Университета, буд-

то бы Г. Добровскій, въ опровержение священноцерковной книги, Четьи-Минеи, старался доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не Свят. Кириллъ и Меѳодій переводили священныя книги, достаточно изобличается и опровергается уже тѣмъ, что Г. Добровскій цѣлую главу въ своемъ сочиненіи (§ 12, с. 54 — 63) посвятилъ изысканіямъ, «что именно переведено Кирилломъ и что Меѳодіемъ?» и даже привелъ въ подкрѣпленіе почтеннѣйшаго сочинителя Словаря о Духовныхъ писателяхъ Грекороссійскія Церкви. Равномѣрно и авторъ другаго сочиненія, изъ коего я представилъ выписку, Г. Блумбергеръ, критиковавшій сочиненія Г. Аббата Добровскаго, также утверждаетъ, что Св. Кириллъ и Св. Меѳодій (оба вмѣстѣ) изобрѣли (такъ называемыя Кирилловскія) письмена и перевели св. книги (см. Библіографическихъ Листовъ с. 143). О томъ же, чтобы не Св. Кириллъ и не Св. Меѳодій переводили на Словенскій языкъ священныя книги, по сіе время, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не сомнѣвался, и первый, изрекающій сіе мнѣніе, нынѣ есть самъ Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа.

Сего, надѣюсь, достаточно для опредѣленія степени довѣрія, которое заслуживаетъ сдѣланный на меня доносъ. Дабы, однако, показать, сколь мало Г. Попечитель знакомъ съ Четьи-Минеями и съ исторіею церковныхъ книгъ въ Россіи, я щитаю долгомъ изложить здѣсь, сколько можно вкратцѣ, исторію Минеи-Четіи, надѣясь въ семъ изложеніи найти для себя новое оправданіе.

Первыя Четьи-Минеи, извѣстныя подъ названіемъ Великихъ, суть плодъ 12-лѣтнихъ трудовъ Московскаго и всея Россіи Митрополита Макарія (сконч. 31 Дек., 1564 г.); но сіи существуютъ только въ рукописяхъ. Сочинитель руководствовался примѣромъ Пролога и конечно пользовался существовавшими уже до него житіями Святыхъ, коихъ, сколь извѣстно, древнѣйшія, до насъ дошедшія, суть: отрывокъ старинной Словенской рукописи, хранящейся въ Супраслѣ, о коей первое извѣстіе помѣщено въ № 14-мъ Библіографическихъ Листовъ.

Послѣ Макарія Митрополитъ Петръ Могила, а по немъ Архимандритъ Кіевопечерской Лавры, Иннокентій Гизель, занимались исправленіемъ Чети-Миней; но трудъ сей, по порученію Архимандрита Кіевопечерскія Лавры, Варлаама Ясинскаго, предпринятъ и довершенъ уже Св. Димитріемъ, Ростовскимъ Митрополитомъ. При сочиненіи книгъ сихъ, коихъ печатаніе продолжалось съ 1689 по 1710 годы, Св.

Димитрій руководствовался наиболѣе полученными изъ Аѳонской горы Греческими Метафрастовыми жизнеописаніями Святыхъ и самыми Великими Четьи-Минеями, которыя во многомъ имъ были сокращаемы и исправляемы. Особенную признательность сочинитель заслуживаетъ за указаніе на тѣхъ Византійскихъ и другихъ писателей, изъ коихъ онъ заимствовалъ предлагаемыя извѣстія.

Не взирая на то, что на сочиненіе полной Четьи-Минеи Св. Димитріемъ употреблено болѣе 20 лѣтъ, Святый мужъ сей, однако, до конца жизни не преставалъ исправлять напечатанныхъ имъ житій Святыхъ, для втораго оныхъ изданія и въ неизвѣстномъ, какъ видно Г. Попечителю, при всѣхъ изданіяхъ припечатываемомъ предисловіи ко II-й части Четьи-Минеи, симъ приглашаетъ всѣхъ читателей къ исправленію вкравшихся погрѣшностей.

Вотъ обыкновенныя слова Святителя Димитрія: «Молимъ же любовь твою, читателю о усердный, аще кая обрящеши въ книзѣ сей погрѣшенія, исправи любовію, прощая немощи человѣчестѣй и несовершенству: исповѣдуетъ бо книги сія писатель свое въ томъ прилучившееся многимъ дѣламъ недосмотрѣніе,» и проч.

Не имѣвъ никогда намѣренія писать, или печатать статей, могущихъ клониться къ исправленію исторической части Четьи-Минеи, я осмѣливаюсь спросить: не противится ли желанію самаго Св. Димитрія Ростовскаго и не обличаетъ ли себя въ незнаніи Четьи-Минеи тотъ, кто вооружится противъ историческаго усовершенствованія сочиненія, общеполезнаго для Христіанъ всякаго состоянія, о чемъ проситъ самъ Св. Димитрій всякаго усерднаго читателя его книги? И какой писатель Исторіи, особливо исполненный Христіанскаго смиренномудрія, будетъ думать, чтобы въ сочиненіи его не могло вкрасться никакихъ ошибокъ? Ужели скромное и благоразумное исправленіе погрѣшностей филологическихъ, хронологическихъ, географическихъ и топографическихъ, археологическихъ и чисто историческихъ въ твореніи человѣческомъ (хотя оное и есть твореніе церковнаго писателя) можно назвать опроверженіемъ священноцерковной книги, противнымъ положительному преданію Церкви?

Всякъ видитъ, сколь основательно, сколь благоразумно и прозорливо было желаніе Св. Димитрія: ибо кто не знаетъ, сколько послужили къ исправленію Исторіи множество открытыхъ послѣ того дре-

вникъ рукописей, тщательное сличеніе ихъ между собою, очищеніе критикою отечественныхъ и иностранныхъ лѣтописей, изданіе въ свѣтъ новыхъ любопытнѣйшихъ историческихъ изысканій?

Основываясь на выше приведенныхъ словахъ Св. Димитрія, смѣю думать и утверждать, что замѣченныя выше (по исторической, а не по догматической, части) погрѣшности могутъ и должны быть исправляемы, но я повторяю, что Исторію (разумѣется не Священную, но Библейскую) не должно смѣшивать съ ученіемъ вѣры, котораго ни подъ какимъ видомъ касаться не должно.

Постараюсь доказать послѣдующими изданіями самой Четьи-Минеи справедливость словъ моихъ.

Приготовлявшіе второе изданіе сей Біографической книги (вышедшее въ Кіевѣ въ 1711 — 1716 годахъ), вникнувъ въ истинный и простой буквальный смыслъ словъ, обращенныхъ Св. Димитріемъ къ своему усердному читателю, напечатали оное уже съ поправками, какъ самаго сочинителя, такъ и другихъ лицъ; а Бѣлогородскій и Обоянскій Епископъ, Іоасафъ II, Миткевичъ (сконч. 13 Іюня, 1763 года), и Іеродіаконъ Никодимъ, и послѣ сего исправляли еще тѣ же самыя книги, съ каковыми поправками таковыя и печатаются съ 1759 года.

Въ доказательство того, что сіи поправки не составляли опроверженія священно-церковной книги и не были противны положительному преданію Церкви, смѣю замѣтить, что при новыхъ изданіяхъ Четьи-Минеи о таковыхъ поправкахъ упоминалось даже на выходныхъ листахъ сей книги; такъ, на пр., на первыхъ листахъ каждой части Московскаго 8-го изданія (1805 года) именно сказано, что она «напечатана благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода тщательнѣе и вѣрнѣе отъ прежде напечатанныхъ въ святой Великой Чудотворной Кіевопечерской Лаврѣ.» Можно привести еще убѣдительнѣйшія на то доказательства, что не только частные церковные писатели находили позволительнымъ, но и самое Духовное Правительство допускало несравненно важнѣйшія исправленія въ книгахъ. Но кто знакомъ съ исторіею переложенія, исправленія и печатанія церковныхъ книгъ въ Россіи, для того доказательства сіи не нужны; а для не знающаго оной, подробныя изъясненія вышли бы изъ предѣловъ моего оправданія противъ сдѣ-

ланнаго на меня доношенія въ искаженномъ превращеніи жизнеописаній Св. Кирилла и Меѳодія, будто бы въ противность положительному преданію Церкви.

Осмѣливаюсь заключить сіи оправданія по второму обвинительному пункту замѣчаніемъ: если въ продолженіи 800 лѣтъ ни одинъ истинный Христіанинъ, ни одинъ Православный, не противился исправленію жизнеописаній Святыхъ въ историческомъ (а не въ догматическомъ) отношеніи, но паче поощрялъ оное, то ужели въ нашъ XIX вѣкъ по Р. Х. найдутъ недозволительнымъ то, что служитъ единственно къ усовершенію Исторіи? Ужели образованный современникъ станетъ предлагать къ запрещенію всѣ тѣ историческія книги, которыя суть не одни только буквальные списки съ Четьи-Минеи, каковы, на пр., напечатанныя по повелѣнію Государя Императора Петра Великаго, Исторіографія Мавроурбина, Архимандрита Рагузскаго, также сочиненія Татищева, Шлецера и Исторіографа нашего Н. М. Карамзина, въ коихъ извѣстія о жизни и подвигахъ Святыхъ Кирилла и Меѳодія, Святыя Ольги, Св. Владиміра и другихъ, суть плоды собственныхъ ихъ разысканій, а не одни только труды переписчиковъ, недостойныя пера поименованныхъ здѣсь авторовъ: и кому по нынѣ приходило на мысль опорочивать и находить вредными критическія разысканія, служащія къ усовершенію Исторіи и къ чести отечественной словесности въ разныхъ періодахъ оной? *

Сколько я ни увѣренъ въ пользѣ исправленія историческихъ книгъ, къ которымъ принадлежитъ и Четьи-Минея (исключая ея догматическую часть), но нужнымъ считаю еще повторить, что я изложилъ здѣсь мысли свои совсѣмъ не для того, чтобы я хотѣлъ приступить когда либо къ изданію статей, имѣющихъ предметомъ разсмотрѣніе, или исправленіе, сей, достойной всякаго уваженія, книги. Такой важной трудъ требуетъ обширныхъ познаній, превышающихъ силы мои, и принадлежитъ болѣе, если не исключительно, духовнымъ писателямъ Грекороссійскія Церкви. Вышеприведеннымъ мнѣніемъ са-

---

* Въ предотвращеніе всякаго неправильнаго истолкованія сихъ словъ, долгомъ щитаю замѣтить, что критикою называется только безпристрастное разсмотрѣніе, или разборъ какого либо произведенія. Бранью или поруганіемъ критика бываетъ для тѣхъ только, коихъ дѣянія навлекаютъ на себя справедливое негодованіе.

маго сочинителя Четьи-Минеи Св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго, изложеніемъ всего вообще хода изданія и исправленія сей полезнѣйшей книги, я хотѣлъ только доказать, что историческая часть Четьи-Минеи не есть часть положительныхъ преданій Церкви, которыя по самому значенію словъ — положительныя преданія — должны оставаться неизмѣнными; по крайней мѣрѣ я такъ думаю, отдавая, впрочемъ, сіе мнѣніе на судъ людей, болѣе меня просвѣщенныхъ.

Наконецъ, на третій обвинительный пунктъ Г. Попечителя Казанскаго Университета, заключающійся въ словахъ: «Библіографическіе Листы содержатъ въ себѣ клевету на Святополка, исповѣдывавшаго Православную вѣру, яко бы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то діаволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости», — отвѣтствую слѣдующее:

Тутъ, во первыхъ, въ обвиненіи приведены неправильно тѣ слова Г. Добровскаго, на кои указываетъ Г. Попечитель; въ подлинникѣ, согласно съ Латинскою легендою, сказано, что «Святополкъ (или Святоплукъ) заставлялъ народъ свой служить то Христу, то діаволу.» Нѣтъ сомнѣнія, что подъ выраженіемъ «служить Христу» разумѣть должно: ити прямымъ путемъ Христіянской добродѣтели, руководствуясь примѣромъ Самаго Спасителя, а подъ словами «служить діаволу» разумѣется: не имѣя собственно ни вѣры, ни совѣсти, держаться, подъ предлогомъ благочестія, то той, то другой стороны; короче, подъ служеніемъ діаволу или сатанѣ разумѣется то, отъ чего отрицается всякій, воспринимающій Христіянскую вѣру, т. е., сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ аггелъ его, и всея гордости его (св. молитвы о оглашенныхъ, наипаче въ Требникѣ предъ послѣдованіемъ св. крещенія). Здѣсь, однако, М. Л. Магницкій, вмѣсто «служить діаволу» вставилъ слово «вѣровать діаволу» и, такимъ образомъ, самопроизвольно превратилъ смыслъ легенды, называя тутъ же непозволительными и вредными нелѣпостями то, что ему самому угодно было сочинить.

Но обратимся къ Святополку, котораго Г. Попечитель Казанскаго Университета хочетъ защитить отъ мнимой клеветы, предполагая, что онъ исповѣдывалъ Православную вѣру.

Въ опроверженіе сего мнѣнія М. Л. Магницкаго замѣчу, во первыхъ, что Г. Добровскій говоритъ о Святополкѣ Моравскомъ, кото-

рый былъ совершенно современникъ св. Меѳодія и жилъ въ IX вѣкѣ, а не о Россійскомъ Великомъ Князѣ Святополкѣ, исповѣдывавшемъ Православную вѣру Восточной Церкви и жившемъ послѣ Моравскаго спустя почти полтораста лѣтъ, и именно, уже въ XI вѣкѣ.

Справедливо, что Моравскій Святополкъ, слѣдуя примѣру дяди своего, Ростислава, принялъ Христіанскую вѣру въ предѣлахъ Западной Церкви, но по жизни и дѣламъ своимъ онъ едва ли заслуживаетъ названіе Христіянина. Кто знаетъ, что объ немъ говоритъ Исторія, тотъ, конечно, не захочетъ быть его заступникомъ. Нахожу себя вынужденнымъ привести здѣсь доказательства, которыя предъ симъ я полагалъ извѣстными всѣмъ рѣшающимся входить въ сужденіе о Святополкѣ, и вообще ненужными для читателей Библіографическихъ Листовъ.

1. Христанъ, въ жизнеописаніи Св. Вячеслава (Wencel), говоритъ, что Святополкъ дядю своего, наставника и правителя Христіанъ, лишилъ правленія, лишилъ зрѣнія и даже хотѣлъ отравить (insidiae appetitum regno pelleret, visu privaret vitamque ejus veneno conaretur auferre).

Тотъ же біографъ утверждаетъ, что тиранъ Святополкъ, напыщенный неумѣстною гордостію, пренебрегалъ назиданіями Св. Меѳодія, почему сей и произнесъ анаѳему какъ надъ нимъ, такъ и надъ его владѣніями.

2. Сочинитель Моравской легенды подтверждаетъ сіе, говоря: «sua feritate, fastu inflatus arrogantiae cum ministris Satanae, qui sibi pari conspiratione, tamquam canes rapidissimi erant connexi, doctrinam viri Dei vanam fore asserebant etc.; rebelles vero contumaciter aspernabantur legem Domini... quapropter in ipsum..... et in omnes pagos excommunicationis fulminavit sententiam, т. е., Святополкъ необузданный (по другимъ спискамъ развратный), напитанный дерзкою гордостію (или презрѣніемъ ближняго), согласно съ служителями Сатаны, которые всѣ вообще походили на псовъ бѣснующихся и утверждали, что ученіе человѣка Божія есть пустое, ругались надъ священниками, и проч. Надѣюсь, что никто не станетъ винить издателя Библіографическихъ Листовъ за опущеніе таковаго обличенія жизни Святополка.

3. Къ доказательствамъ того, что при жизни защищаемаго Его Превосходительствомъ М. Л. Магницкимъ, такъ называемаго имъ, Православнаго Святополка, Св. Меѳодій претерпѣвалъ гоненія и разныя огорченія, принадлежитъ также (268) письмо Папы Іоанна III, писанное къ Меѳодію 23-го Марта, 881 года, но изданное уже не однократно въ сочиненіяхъ Стредовскаго, Ассемани, Добнера и проч.

4. Въ Богемской лѣтописи Пулкавы (писанной по повелѣнію Императора Карла IV) говорится, будто сынъ Святополковъ, при царствованіи отца своего, столь мало уважалъ Церковь и служителей оной, что во время обѣдни съ гончими собаками приближался до самаго алтаря, при коемъ Меѳодій совершалъ Богослуженіе, за что сей и предалъ его анаѳемѣ. Тимонъ же повѣствуетъ, что онъ даже хотѣлъ ударить по щекѣ Меѳодія, совершавшаго обѣдню (см. Timon. Imago Hung. l. III, 186).

5. Такъ какъ нѣкоторые писатели и самаго Ростислава именовали Святополкомъ 1-мъ или старшимъ, то весьма правдоподобно, что тутъ рѣчь идетъ о самомъ, защищаемомъ Г. Попечителемъ, Святополкѣ. Догадку сію подтверждаетъ и напечатанное въ изданной, какъ сказано выше, въ 1722 году, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Петра Великаго, исторіи Мавроурбина, слѣдующее свидѣтельство о нечестіи Моравскаго Святополка (стр. 36 и 37):

«Во время, егда Король (Святоплугъ), нѣкогда пошедши на охоту звѣроловительства, приказалъ Архіепископу Меѳодію, дабы онъ не служилъ литургіи, дондеже онъ возвратится; ждалъ Меѳодій даже до полудни, но сумняся, дабы Божественная жертва не была уничтожена, и видя, что люди многіе начинали отходити отъ церкви, не ожидая болши, ниже смотря указу Королевска, зачалъ служити обѣдню, и егда ста во олтари, упражняяся въ служеніи Божественномъ, пріиде Король, окруженъ мятеженародомъ псоохотниковъ и стадомъ псовъ, и вниде абіе въ церковь съ шумомъ и лаяніемъ псовъ, положилъ руку на оружіе, гдѣ едва удержался, еже не поразити особу Архіепископскую, низвергши на землю все, что было на олтари, Меѳодій же отъиде того Царства, преходя въ Богемію, отлучая проклятіемъ Короля, и заповѣдуя всему Королевству».

6. Но не одни Западные писатели свидѣтельствуютъ о худомъ поведеніи Моравскаго Святополка; и Греческій біографъ Болгарскаго

Архіепископа Климента (ученика Меѳодія) говоритъ: «Святополка грубаго и необразованнаго (βάρβαρον ἄνδρα καὶ τοῦ καλοῦ ἀνόητον) они (Франки) сдѣлали приверженцемъ своей (Латинской) вѣры; сіи попускали ему все, и Святополкъ не только не внималъ ученіямъ Меѳодія, но и обходился съ нимъ, какъ со врагомъ».

Ласкаю себя надеждою, что приведенныя здѣсь свидѣтельства различныхъ писателей достаточны къ оправданію того, что сказано въ Библіографическихъ Листахъ о Моравскомъ Святополкѣ, и что, не взирая на излишнюю, можетъ быть, умѣренность, М. Л Магницкому угодно было назвать клеветою.

Въ заключеніе остается замѣтитъ, что если бы Г Попечитель Казанскаго Университета по ошибкѣ принялъ Моравскаго Святополка за Россійскаго Великаго Князя, Святополка 1-го Ярославича, жившаго почти сто пятьдесятью годами позже Моравскаго, то и въ семъ случаѣ столько же легко для меня оправдаться, какъ и въ предшествующемъ.

Одно устное исповѣданіе Православной вѣры безъ дѣлъ, достойныхъ Христіанина, никакъ не даетъ права на пощаду отъ историковъ. Иначе, надобно будетъ вовсе запретить писать отечественную исторію, которая должна представлять потомству, какъ и всякая другая исторія, дѣла описываемыхъ ею людей въ истинномъ ихъ видѣ. Историкъ обязанъ со всею правдивостію изображать, какъ гнусность порока и злодѣяній, безвѣріе, гоненіе просвѣщенія, такъ красоту добродѣтели и славныхъ подвиговъ, истинное благочестіе, преданность Царю и любовь къ отечеству. Сему-то правилу слѣдовали и наши отечественные дѣеписатели, какъ церковные, такъ и свѣтскіе.

Чтобы кончить скорѣе наше оправданіе, приведемъ на сіе краткія, но ясныя, доказательства изъ двухъ церковныхъ историческихъ книгъ, въ которыхъ описывается Святополкъ, исповѣдывавшій Православную вѣру.

Въ учебной книгѣ, сочиненной покойнымъ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Пензенскимъ, подъ названіемъ: «Начертаніе Церковной Исторіи отъ Библейскихъ временъ до XVIII вѣка, въ пользу духовнаго юношества, напечат. при Св. Синодѣ (отд. II. Спб. 1817 г. (с. 68 и 69), представлено слѣдующее разсужденіе о состояніи Россійской Церкви въ XI вѣкѣ:

«Промыслъ Божій, управляющій судьбою Церкви посредствомъ Царей и Пастырей, иногда отлагалъ ихъ содѣйствіе, и въ пользу ея являлъ свое могущество, иногда по видимому оставлялъ ее и безъ человѣческой помощи, позволяя нечестію возвышаться надъ благочестіемъ, но чрезъ то уготовлялъ средства къ прославленію правды въ праведникахъ и пораженію нечестія тѣмъ неожиданнѣе и справедливѣе, чѣмъ оно ближе почитало себя къ предѣлу возвышенія. Такъ Святополкъ братоубійца, восхитивъ достояніе Бориса и Глѣба, лишенъ Ярославомъ братомъ, изгнанъ изъ Кіева, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погубилъ Бориса, пораженъ страхомъ, который, разслабивъ кости его, и дотолѣ преслѣдовалъ мечтами, вооруженными на его жизнь, пока въ пустынѣ между Летцкою и Чешскою землею онъ съ жестокимъ мученіемъ не изрыгнулъ дыханія, — его же и по правдѣ съ достодолжнымъ негодованіемъ (продолжаетъ Лѣтописецъ, см. Софійск. Временника, изд. въ Москвѣ 1820 г. въ 4, ч. 1, 109), яко праведну суду нашедшу на нь: по отшествіи сего свѣта пріяша мука окаяннаго, показавше явѣ посланная на нь пагубная рана въ смерть немилостиво вогна, и по смерти немилостивно мучимъ есть связанъ во днѣ аду, есть же могила его въ пустыни и до сего дни, исходитъ же изъ нея смрадъ золъ.»

Наконецъ, основываясь на несомнѣнныхъ историческихъ доказательствахъ, и самъ Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, въ Четьи-Минеи (подъ 2 числомъ Маія), называетъ Святополка убійцею Святыхъ Страстотерпцевъ Россійскихъ, Князей Бориса и Глѣба, и брата ихъ, Святослава.

Послѣ такихъ свидѣтельствъ Россійской Церкви Святителей, какой истинный, и въ особенности какой Православный Христіянинъ станетъ защищать Святополка? И кто, будучи обвиняемъ въ клеветѣ на сего Князя, не повторитъ, при защитникѣ братоубійцы, словъ Святаго. убіеннаго имъ, непорочнаго Глѣба: «Суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя!»

IV.

Письмо къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, съ препровожденіемъ мнѣнія Конференціи С.-Петербургской Духовной Академіи, въ совокупности съ Членами Цензурнаго Комитета, о Доношеніи и Отвѣтѣ на оное.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 18-го Іюня, сего 1825 года, за № 606, при которомъ были препровождены ко мнѣ 8, 9 и 10 нумера Библіографическихъ Листовъ, съ представленіемъ Г. Попечителя Казанскаго Университета отъ 12 Маія сего же года, и съ объясненіемъ Г. издателя сихъ Листовъ, Коллежскаго Ассессора Кеппена, я предписывалъ Конференціи здѣшней Духовной Академіи войти въ разсмотрѣніе сего дѣла и представить мнѣ съ мнѣніемъ.

Конференція, въ совокупности съ Членами Цензурнаго Комитета, разсмотрѣвъ, какъ обвинительные пункты Г. Попечителя Казанскаго Университета, такъ и отвѣтъ на оные Г. Кеппена, представила мнѣ, что она находитъ отвѣтъ сей основательнымъ и удовлетворительнымъ, каковымъ и я его нахожу.

Извѣщая о семъ Ваше Высокопревосходительство и прилагая у сего вышеупомянутые три номера Библіографическихъ Листовъ, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Высокопревосходительства,

Милостиваго Государя и проч.

№ 138.
18 Августа, 1825 г.

ДОНЕСЕНІЕ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ О ТАМБОВСКИХЪ ДУХОБОРЦАХЪ.

Въ слѣдствіе предписанія Вашего Высокопревосходительства, отъ 19-го Ноября, 1844 года, № 315, о представленіи Вамъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ Молоканахъ и о сектѣ ихъ вообще, я обращался къ здѣшнему Епископу и къ дѣламъ моей Канцеляріи. Первый сообщилъ мнѣ подробныя, при семъ представляемыя, указанія о самыхъ Молоканахъ, а въ дѣлахъ я нашелъ слѣдующее свѣдѣніе о самой сектѣ.

Секта Духовныхъ Христіянъ, Молоканъ и Духоборцевъ началась въ Тамбовской Губерніи, въ первой половинѣ минувшаго столѣтія. Первымъ основателемъ оной былъ Полякъ, бѣжавшій изъ Сибири, который нашелъ убѣжище въ селѣ Горѣломъ, Тамбовскаго уѣзда, въ домѣ однодворца Ларіона. Однодворецъ сей, по наученію основателя, собралъ у себя большое число бѣглыхъ и другихъ разнаго званія людей и внушалъ имъ основныя правила секты, въ религіозномъ отношеніи: запрещеніе ходить въ церковь, принимать таинства, наблюдать посты, почитать иконы; въ гражданскомъ отношеніи: равенство и свободу, признаніе всякой власти притѣсненіемъ, и по тому тайное противодѣйствіе оной, побѣгъ изъ военной службы, укрывательство дезертировъ и преступниковъ, выдача фальшивыхъ паспортовъ, дѣланіе фальшивой монеты, — какъ должное употребленіе данныхъ отъ Бога способностей. Собравшаяся у Ларіона шайка дѣлала воровства, грабежи и даже убійства, почему Правитель-

ство обратило на оную вниманіе, и Ларіонъ съ дѣтьми и соумышленниками, по суду, сосланъ былъ въ Сибирь. Ученіе сіе послѣ сего пресѣклось; но въ концѣ 18 вѣка, сынъ Ларіона, бывшій въ военной службѣ и уволенный унтеръ-офицеромъ, поселился въ селѣ Горѣломъ, подъ именемъ Капустина, и, возобновивъ ученіе отца, привлекъ въ оное и многихъ зажиточныхъ людей. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ его учениковъ, по имени Семушка, началъ самъ проповѣдывать правила секты Духовныхъ Христіянъ; отъ сего произошла между ними распря, и Семушка, оставивъ Горѣлое, переселился въ Моршанскій уѣздъ, въ село Рыбное, къ дворцовому крестьянину, Швецову, отцу бывшаго въ послѣдствіи ересеначальникомъ, Шацкаго купца Семена Швецова. Капустинъ училъ, что Библія ненужна и что надлежитъ только слушать слово духовное, изъ живыхъ устъ исходящее; Семушка же, напротивъ, что Библейскія книги полезны, но надлежитъ толковать ихъ внутреннимъ внушіемъ Духа; отъ перваго произошли Духоборцы, отъ втораго Духовные Христіяне; различіе между ними ограничивается однимъ только симъ правиломъ; Духоборцевъ остается очень мало, потому что ученіе Духовныхъ Христіянъ распространилось по всей Губерніи, болѣе всего, какъ увѣряютъ, стараніями дворцоваго крестьянина Швецова, заключеннаго уже въ монастырь, а потомъ сына и внука его, имѣющихъ торговыя связи во всей Тамбовской и даже въ близъ лежащихъ Губерніяхъ. Главными причинами распространенія оной, кромѣ пособія во всѣхъ случаяхъ отъ ересеначальниковъ, было распутство, прикрываемое правилами секты и свободы отъ поученій, упрековъ, епитимьи Православныхъ Священниковъ и платы имъ за крещеніе, браки, погребенія и прочія требы. Степень упорства Молоканъ въ заблужденіяхъ ихъ зависитъ отъ того, воспитаны ли они въ этой сектѣ, или только поступили въ нее. Первые неисправимы, а вторые, увлекаясь обольщеніемъ ересеначальниковъ и денежными пособіями, особенной привязанности къ ней въ началѣ не чувствуютъ.

Ученіе Молоканъ составляетъ секту самую вредную въ составѣ Государственномъ, не только мнѣніями ихъ о вѣрѣ, но еще болѣе въ отношеніи политическомъ: не признавая никакой власти, они почитаютъ обязанностію противодѣйствовать Правительству во всѣхъ случаяхъ; всѣ отданные въ рекруты изъ Молоканъ находятся въ бѣгахъ, и единовѣрцы ихъ находятъ средства скрывать не только ихъ,

но еще даютъ прибѣжище и всѣмъ вообще бѣглымъ, всѣмъ преступникамъ, единственно по тому только, что они преслѣдуются Правительствомъ, и, къ сожалѣнію, вредная секта сія распространяется. Невѣжество, въ отношеніи религіозномъ, крестьянъ Тамбовской Губерніи, изъ коихъ множество Мордвы, Чувашъ и Черемисъ, сохраняющихъ языческіе обычаи, свобода предаваться страстямъ и разврату, не только безъ наказанія, но даже съ одобренія ихъ закона, привлекаетъ многихъ въ секту сію, и Начальство не имѣетъ способа пресѣчь распространеніе этого зла.

Историческій очеркъ этотъ Молоканской секты былъ представленъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1835 году, бывшимъ Тамбовскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Гамалѣемъ.

Въ 1842 году предмѣстникъ мой, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Корниловъ, представилъ Министерству слѣдующее описаніе этой секты.

Ученіе Молоканской секты заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: одну религіозную, которая представляетъ слѣпое и безобразное смѣшеніе разнородныхъ положеній о толкованіи Священнаго Писанія, нѣкоторыхъ Еврейскихъ преданій и мистическихъ книгъ, соединенныхъ вмѣстѣ безъ всякой связи, нерѣдко одно другому противорѣчащихъ, и политическую, которая имѣетъ предметомъ распространеніе въ народѣ самыхъ вредныхъ и опасныхъ началъ и умствованій, а именно: ученіе о свободѣ природы человѣческой и равенство всѣхъ правъ и состояній, независимость произвола и дѣйствій каждаго отъ постановленныхъ людьми законовъ и властей, явное презрѣніе и ненависть ко всѣмъ обрядамъ вѣры и общественнаго богослуженія.

При этихъ условіяхъ Молоканамъ недостаетъ только силы и случая, чтобъ сдѣлаться анабаптистами вѣка.

Причины распространенія, или умыслъ этой секты, заключаются, отчасти, въ самомъ ученіи Молоканъ, которое льститъ грубымъ понятіямъ и невѣжеству простаго народа, отчасти же въ прозелетизмѣ сектантовъ, которые употребляютъ къ тому всѣ, зависящія отъ нихъ, мѣры и способы.

Успѣху этого дѣла содѣйствуютъ также, съ одной стороны, отношенія нашего приходскаго духовенства къ своимъ прихожанамъ,

изъятіе Молоканъ отъ всѣхъ условій и издержекъ по отправленію духовныхъ требъ и обрядовъ, съ другой же—увѣренность, которую они стараются внушить и распространить въ народѣ, что Правительство, не только не преслѣдуетъ ихъ, но даже покровительствуетъ и одобряетъ, мѣстныя же стѣсненія, которымъ они подвержены бываютъ, проистекаютъ отъ мѣстнаго Начальства и Священниковъ, которые, по видамъ собственной своей корысти и выгоды, стараются ихъ уничтожить.

Такимъ образомъ предмѣстники мои, разнствуя только въ выраженіяхъ, совершенно соглашались въ понятіяхъ о разрушительныхъ началахъ Молоканской секты, и въ этомъ убѣжденіи предполагали слѣдующія мѣры къ отвращенію зла:

Тайный Совѣтникъ Гамалѣя предполагалъ: 1) Переписать всѣхъ, исповѣдающихъ Молоканскую секту, съ объявленіемъ при томъ повсемѣстно, что если кто изъ нихъ не явится для записки въ опредѣленный срокъ, то будетъ, если докажется, что не исполняетъ обязанности вѣры и не почитаетъ въ домѣ иконъ, что составляетъ отличительный признакъ всѣхъ Молоканъ, отправляемъ, безъ суда, въ Закавказскія провинціи. 2) Всѣхъ переписанныхъ, такимъ образомъ, Молоканъ заставить носить на платьѣ какой либо замѣтный признакъ, съ платежемъ, въ случаѣ неисполненія, штрафа, по поламъ, въ пользу казны и открывателя. Средство сіе оказалось дѣйствительннымъ и во время Петра Великаго. 3) Для внушенія крестьянамъ и однодворцамъ основныхъ краткихъ правилъ Закона Божія, назначить нѣсколько способныхъ Священниковъ, въ видѣ миссіонеровъ. Нынѣ крестьяне не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о вѣрѣ и Законѣ Божіемъ, и невѣжество ихъ неимовѣрно, да и самые сельскіе Священники не способны на сіе дѣло. 4) Со времени изданія Высочайшаго Указа 6 Декабря, 1827 года, о выдачѣ билетовъ, на короткіе сроки, мѣщанамъ, крестьянамъ и дворовымъ людямъ, число бѣглыхъ невѣроятно увеличилось: цѣлыя семейства бѣгутъ по однимъ слухамъ, что ихъ принимаютъ въ Губерніяхъ: Оренбургской, Саратовской и Симбирской (нынѣ это зло прекратилось), и нѣтъ средства остановить ихъ, потому что всѣ они снабжены на краткіе сроки фальшивыми билетами, подложности которыхъ узнать невозможно, ибо они пишутся на простой гербовой бумагѣ, за подписью волостнаго головы, писаря, помѣщика, или старосты, которыхъ никто не знаетъ. Изъ дѣлъ

видно, что есть люди, которые нашли въ составленіи сихъ фальшивыхъ билетовъ новый промыселъ, и вѣроятно, для полученія прибыли, сами распускаютъ слухи, о принятіи крестьянъ въ вышеупомянутыхъ Губерніяхъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ выгодъ, (мошенничество это, какъ ремесло, нынѣ въ Тамбовской Губерніи не существуетъ.) Для прекращенія сего, Тайный Совѣтникъ Гамалѣя полагалъ необходимымъ постановить, чтобъ и кратковременные билеты выдавались непремѣнно печатные, за подписью Казначея, и чтобъ Волостныя Правленія (что нынѣ и исполняется) и помѣщики требовали оныхъ нужное количество изъ Казначейства и вели выданнымъ точный учетъ, съ записаніемъ въ книгу, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о паспортахъ, 1812 года, 11-го Февраля. Постановленіе сіе послужитъ къ отвращенію безпорядковъ и нимало не стѣснитъ крестьянской промышленности. 5) Для опредѣленія преграды къ распространенію секты, поступать со вновь совращающимися въ оную, какъ съ совратителями, т. е., обращать на службу въ Кавказскій Корпусъ, а неспособныхъ отсылать въ Закавказскія провинціи, въ томъ предположеніи, что они, для избѣжанія наказанія, обратятся снова къ Православію, ибо побудительныя причины обращенія ихъ въ Молоканство, не есть внутреннее, твердое убѣжденіе въ истинѣ правилъ онаго, что доказывается тѣмъ, что нерѣдко, при объявленіи приговора, Молокане обращаются къ Православію.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Корниловъ полагалъ, чтобы остановить зло, надобно пресѣчь его въ самомъ корнѣ.

Для этого надобно дѣйствовать на убѣжденіе и вѣрованіе народа кротко, ясно и положительно, изъемля главныхъ учителей изъ среды обольщаемой ими толпы; остальное предоставить дѣйствію времени и успѣхамъ народной образованности.

Къ сожалѣнію, мы обрываемъ одни только листья и, соблюдая формы, по большей части, ограничиваемся одной перепиской, или общими мѣрами, которыя, разрождая Молоканъ на каждомъ шагу, ни сколько не препятствуютъ имъ дѣйствовать и ити къ своей цѣли.

На основаніи нынѣ существующихъ узаконеній нѣтъ дѣйствія со стороны Молоканъ, даже въ семейномъ кругу своемъ, которое не было бы преступленіемъ и, кромѣ совращенія другихъ, нѣтъ преступленія, за которое законъ опредѣлялъ бы ясно мѣру наказанія.

Между прочимъ, Молоканамъ запрещается отправлять, въ соблазнъ Христіянъ, публично обряды своего богослуженія, собираться вмѣстѣ для молитвъ, держать работниковъ и жить вмѣстѣ съ Христіянами, отлучаться далѣе 30 верстъ отъ мѣста своего жительства и т. п.

Всякое нарушеніе вышеозначеныхъ правилъ подвергаетъ виновнаго законному преслѣдованію, и дѣло, прошедъ всѣ инстанціи, т. е., Земскій и Уѣздный Суды, Совѣщательный Комитетъ, Уголовную Палату, Гражданскаго Губернатора и Комитетъ Гг. Министровъ, по большей части оканчивается тѣмъ, что, или виновнаго оставятъ въ подозрѣніи, или сдѣлаютъ ему, чрезъ Земскую Полицію, внушеніе, дабы онъ впредь того дѣлать не осмѣливался.

Отпадшихъ отъ Православія обыкновенно отсылаютъ въ Духовную Консисторію, для увѣщанія, и потомъ оставляютъ на мѣстѣ жительства, съ условіемъ, дабы они никого въ свою новую вѣру не совращали.

Только по дѣламъ, заключающимъ въ себѣ поруганіе святыни, или совращеніе другихъ, законъ опредѣляетъ мѣру наказанія, но и тутъ виновные, зная всѣ увертки и извороты уголовнаго дѣлопроизводства, и пользуясь снисходительностію нашихъ законовъ, по большой части, остаются, по суду законно не уличенными и не доказанными, а потому и избѣгаютъ наказанія.

Да и какихъ, по дѣламъ подобнаго рода, можно ожидать юридическихъ доказательствъ преступленія? Совращенные весьма рѣдко указываютъ на своего совратителя; когда же сіе и случается, то какія они могутъ представить улики, или свидѣтелей дѣйствію, совершаемому обыкновенно втайнѣ, одинъ на одинъ, или при другихъ Молоканахъ, которые сами противу себя свидѣтельствовать не могутъ.

Въ слѣдствіе сего, къ прегражденію дальнѣйшаго распространенія Молоканской ереси, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Корниловъ полагалъ принять слѣдующія мѣры: во 1-хъ, опредѣлить ясно и положительно, чего не должно дѣлать Молоканамъ, и какое, за всякое отступленіе отъ узаконенныхъ правилъ, полагается наказаніе; во 2-хъ, нарушеніе Молоканами установленныхъ правилъ раздѣлить на два разряда, на преступленіе и проступки.

Къ разряду преступлeній должны относиться: поруганіе святыни и богохульство, дерзкіе и возмутительные отзывы противъ Прави-

тельства, оскорбленіе церквей, духовенства и чиновниковъ при отправленіи должностей, буйство и неповиновеніе противу установленной власти, совращеніе другихъ въ свою секту, отпаденіе отъ Православной Церкви.

Къ разряду проступковъ должно отнести: публичное и открытое отправленіе обрядовъ своего богослуженія и пѣніе псалмовъ, держаніе работниковъ изъ Христіянъ, недозволенную отлучку изъ мѣста жительства, и вообще всякое законами воспрещенное дѣйствіе противу уставовъ полицейскихъ и благочинія.

Дѣла по преступленіямъ производить уголовнымъ порядкомъ, на томъ же основаніи и тѣмъ же порядкомъ, какъ они и нынѣ производятся, подвергая виновныхъ указанному въ 186 и 192 Ст. XV Т. Св. Зак. Уголовн. наказанію; дѣла же по проступкамъ производить сокращеннымъ судополицейскимъ порядкомъ, взыскивая съ виновныхъ денежный штрафъ, соразмѣрно винѣ, или подвергая ихъ исправительному тѣлесному наказанію, по приговорамъ Полиціи, при чемъ, въ маловажныхъ случаяхъ, Полиціи самой приводить приговоръ свой въ исполненіе, согласно 1418 и послѣдующихъ за тѣмъ статей Продолж. XV-го тома Св. Зак. Уголовн., въ другихъ же представлять оный на утвержденіе къ Начальнику Губерніи, который передаетъ дѣло на предварительное разсмотрѣніе Секретнаго Совѣщательнаго Комитета, а Комитетъ рѣшитъ оное окончательно. Независимо отъ сего, предоставить Начальникамъ Губерній, по совѣщаніи съ мѣстными Епархіальными Епископами, представлять въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, объ удаленіи изъ мѣста жительства нѣкоторыхъ главныхъ начальниковъ ереси и законоучителей, которые, устраняя себя отъ законнаго преслѣдованія, и по фанатизму своихъ единовѣрцевъ, избѣгая всякихъ законныхъ уликъ и наказанія, будутъ имѣть особенно вредное на умы сихъ послѣднихъ вліяніе, объясняя при томъ подробно всѣ обстоятельства и причины, на которыхъ таковое заключеніе ихъ будетъ основано.

Не касаясь историческаго обзора Молоканской секты, по неимѣнію необходимыхъ для сего матеріяловъ, я считаю долгомъ почтительно представить Вашему Высокопревосходительству мнѣніе мое, во 1-хъ, о характерѣ секты, и 2, о мѣрахъ къ ослабленію ея.

Ученіе Молоканъ, сколько изъ дѣлъ Секретнаго Комитета и изъ частныхъ свѣдѣній извлечь я могъ, дѣйствительно таково, какъ пред-

ставляли его мои предмѣстники. Уродливое въ смыслѣ религіозномъ, оно разрушительно въ отношеніи политическомъ. Ненавидя всякую власть, исключительно ненавидятъ Молокане Царственный Домъ Романовыхъ. Причины этого страннаго и опаснаго явленія, какъ разсказывали мнѣ, подробно изложены въ Молоканской исторіи Россіи, которую имѣетъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Корниловъ. Политическую опасность въ этой сектѣ я предвижу не изъ однихъ началъ ея, но изъ самой практики. Они, на пространствѣ цѣлой Имперіи, имѣютъ своихъ агентовъ и поборниковъ; у Молоканъ вездѣ есть покровители. Тайная, но крѣпкая, связь членовъ этой секты также неуловима, какъ Масонская, но прочнѣе ея, потому что искреннѣе. Весьма замѣчательно то, что общее мнѣніе въ пользу Молоканъ: большею частію думаютъ, что сектанты эти, коснѣя въ нѣкоторыхъ религіозныхъ предразсудкахъ, отличаются чистотою нравовъ, тогда какъ они, преступные по духу самой вѣры своей, точно также предаются и пьянству, и воровству, и убійству. Думаютъ, что Молокане всегда исправно отправляютъ государственныя и общественныя повинности, между тѣмъ какъ они, по вѣрѣ своей, уклоняясь отъ рекрутства, также какъ и Православные, часто не платятъ податей и повинностей.

Перейду къ мѣрамъ ослабленія этой заразы. Изъ предположеній моихъ предмѣстниковъ: первое, о ссылкѣ въ Закавказскія провинціи, хорошо, какъ способъ только удаленія Молоканъ изъ среды Православныхъ, но какъ мѣра наказанія, оно потеряло уже свою силу, поелику Молокане сами туда просятся; а второе средство — дать Молоканамъ особые знаки, можетъ быть весьма успѣшное во времена Петра Великаго, едва ли въ наше время не было бы анахронизмомъ, тѣмъ болѣе, что Молокане успѣли бы растолковать это въ народѣ, какъ преслѣдованіе за вѣру, преслѣдованіе, столь противное духу нашей вѣротерпимости, и столь опасное по извѣстному уже свойству распространять всякую ересь стяжаніемъ мученическаго вѣнца.

Отдача Молоканъ въ солдаты на Кавказѣ была бы мѣрою ближайшею къ цѣли.

Впрочемъ, хороши, или нѣтъ, этѣ мѣры, но онѣ суть мѣры наказанія, а имъ должны предшествовать мѣры изслѣдованія и суда. Въ этомъ отношенія я совершенно согласенъ съ предположеніемъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Корнилова.

Изложивъ, такимъ образомъ, тѣ, такъ сказать, улучшенія въ существующихъ уже о Молоканской сектѣ узаконеніяхъ, кои кажутся необходимыми, я долгомъ считаю просить вниманія Вашего Высокопревосходительства къ исполненію существующихъ узаконеній. Мнѣ кажется, что въ настоящее время точно также, какъ и при предмѣстникахъ моихъ, нельзя съ основательностью сказать, представляется ли даже нужда въ измѣненіи ихъ, поелику сила и значеніе ихъ ослабляется исполненіемъ. По разуму сихъ законовъ, мѣстное Начальство обязано, въ извѣстныхъ случаяхъ, преслѣдовать Молоканъ, но эти же извѣстные случаи, достигая до Комитета Гг. Министровъ, освобождаются отъ всякаго преслѣдованія, а потому дѣйствія мѣстнаго Начальства становятся, въ соблазнъ и ожесточеніе Молоканъ, совершенно противорѣчащими дѣйствіямъ высшаго Правительства.

Въ этомъ-то убѣжденіи, я, съ своей стороны, полагалъ бы:

1) Или утверждать мнѣнія мѣстнаго Начальства, или, отвергая ихъ, указывать, по крайней мѣрѣ, причины, дабы виновные видѣли, что снисхожденіе къ нимъ Правительства не есть покровительство, какъ они думаютъ, ихъ сектѣ, а послѣдствіе недостатка въ обвиненіи на мѣстѣ.

2) Если заключенія мѣстнаго Начальства не могутъ удостоиваться утвержденія высшаго Правительства, то воспретить ему, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ случаяхъ возбуждать дѣла.

3) Всѣ приговоры Уголовной Палаты о наказаніяхъ Молоканъ, не свыше исторженія изъ жительства, ввести въ общую категорію дѣлъ, подлежащихъ окончательному утвержденію Начальника Губерніи, и только въ случаѣ несогласія его съ рѣшеніемъ Уголовной Палаты, представлять Вашему Высокопревосходительству. Эта мѣра будетъ имѣть и то благое послѣдствіе, что наказаніе, или прощеніе, будетъ слѣдовать скорѣе.

4) Преслѣдуя всею строгостію закона частные случаи, предоставить общее времени и образованію, и

5) Опасныхъ, по вліянію на другихъ, Молоканъ исторгать изъ мѣста жительства, безъ юридическихъ доказательствъ, а по удостовѣренію мѣстнаго Начальства, но всегда съ разрѣшенія Комитета Гг. Министровъ. Мѣра эта, хотя весьма прискорбная по произволу, неизбѣжно могущему въ нее вкрасться, необходима, какъ частное зло въ общемъ благѣ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

и

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I. *

Всѣ, окружавшіе Императрицу Екатерину, увѣрены до сихъ поръ, что происшествія во время пребыванія Шведскаго Короля въ С.-Петербургѣ суть главною причиною удара, постигшаго ее въ 4-й день Ноября 1796-го года, въ тотъ самый день, въ который слѣдовало быть сговору Великой Княжны Александры Павловны. По возвращеніи Графа Маркова отъ Шведскаго Короля, съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ на сдѣланныя ему предложенія не согласится, извѣстіе сіе столь сильно поразило Императрицу, что она не могла выговорить ни одного слова, и оставалась нѣсколько минутъ съ отверстымъ ртомъ, доколѣ камердинеръ ея, Зотовъ (извѣстный подъ именемъ Захара), принесъ и подалъ ей выпить стаканъ воды. Но послѣ сего случая, въ теченіе шести недѣль, не было примѣтно ни малѣйшей перемѣны въ ея здоровьи. За три дня до кончины сдѣлалась колика, но чрезъ сутки прошла: сію болѣзнь Императрица совсѣмъ не признавала важною. Наканунѣ удара, т. е., съ 6-го числа на 7-е, она, по обыкновенію, принимала своѐ общество въ спальной комнатѣ, разговаривала очень много о кончинѣ Сардинскаго Короля и стращала смертью Льва Александровича Нарышкина. 7-го числа Марія Савишна Перекусихина, вошедши, по обыкновенію, въ 7 часовъ утра, къ Императрицѣ, для пробужденія ея, спросила, каково она почивала, и получила въ отвѣтъ, что давно такой пріят-

---

* Перепечатывается вновь, но уже съ концемъ, котораго недоставало въ помѣщенномъ въ кн. 3-й «Чтеній» 1860 года, Отд. V, стр. 155 — 166.

ной ночи не проводила, и за симъ Государыня, вставъ съ постели, одѣлась, пила кофе и, побывъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ, пошла въ гардеробъ, гдѣ она никогда болѣе 10-ти минутъ не оставалась, по выходѣ же оттуда обыкновенно призывала камердинеровъ для приказанія, кого принять изъ приходившихъ ежедневно съ дѣлами. Въ сей день она слишкомъ полчаса не выходила изъ гардероба, и камердинеръ Тюльпанъ, вообразивъ, что она пошла гулять въ Эрмитажъ, сказалъ о семъ Зотову, но этотъ, посмотря въ шкафъ, гдѣ лежали шубы и муфты Императрицы (кои она всегда сама вынимала и надѣвала, не призывая ни кого изъ служащихъ), и видя, что все было въ шкафѣ, пришелъ въ безпокойство, и, пообождавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился итти въ гардеробъ, что и исполнилъ. Оттворя дверь, онъ нашелъ Императрицу, лежащую на полу, но не цѣлымъ тѣломъ, потому что мѣсто было узко и дверь затворена, а отъ этого она не могла упасть на землю. Приподнявъ ей голову, онъ нашелъ глаза закрытыми, цвѣтъ лица багровый, и была хрипота въ горлѣ. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь камердинеровъ, но они долго не могли поднять тѣла по причинѣ тягости и отъ того, что одна нога подвернулась. Наконецъ употребя еще нѣсколько человѣкъ изъ комнатныхъ, они съ великимъ трудомъ перенесли Императрицу въ спальную комнату, но, не въ состояніи будучи поднять тѣло на кровать, положили на полу, на сафьянномъ матрасѣ. Тотчасъ послали за докторами. Князь Зубовъ, бывъ извѣщенъ первый, первый потерялъ и разсудокъ: онъ не дозволилъ дежурному лѣкарю пустить Императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просили его и Марья Савишна Перекусихина, и камердинеръ Зотовъ. Между тѣмъ прошло съ часъ времени. Первый изъ докторовъ пріѣхалъ Рожерсонъ. Онъ пустилъ въ ту же минуту кровь, которая пошла хорошо; приложилъ къ ногамъ Шпанскія мухи, но былъ, однако же, съ прочими докторами одного мнѣнія, что ударъ послѣдовалъ въ голову и былъ смертельный. Не смотря на сіе, прилагаемы были до послѣдней минуты ея жизни всѣ старанія, искуство и усердіе не переставали дѣйствовать. Великій Князь Александръ Павловичъ вышелъ около того времени гулять пѣшкомъ. Къ Великому Князю-Наслѣднику отъ Князя Зубова и отъ прочихъ знаменитыхъ особъ посланъ былъ съ извѣщеніемъ Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, а первый, который предложилъ и нашелъ сіе нужнымъ, былъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ тотъ самый день Наслѣдникъ кушалъ на Гатчинской мельницѣ, въ 5 верстахъ отъ дворца его. Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы, общество Гатчинское составлявшія, Великій Князь и Великая Княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, Графу Віельгорскому и Каммергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что Великая Княгиня не почивала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи, и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ, и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была разбужена.

По окончаніи обѣденнаго стола, когда Наслѣдникъ со свитою возвращался въ Гатчино, а именно въ началѣ 3-го часа, прискакалъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ его гусаръ, съ донесеніемъ, что пріѣхалъ въ Гатчино Шталмейстеръ Графъ Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Наслѣдникъ приказалъ скорѣе ѣхать, и не могъ никакъ вообразить себѣ истинной причины появленія Графа Зубова въ Гатчинѣ. Останавливался болѣе онъ на той мысли, что, можетъ быть, Король Шведскій рѣшился требовать въ замужство Великую Княжну Александру Павловну, и что Государыня о семъ его извѣщаетъ.

По пріѣздѣ Наслѣдника въ Гатчинской дворецъ, Графъ Зубовъ былъ позванъ къ нему въ кабинетъ и объявилъ о случившемся съ Императрицею, разсказавъ всѣ подробности. Послѣ сего Наслѣдникъ приказалъ найскорѣе запречь лошадей въ карету и, сѣвъ въ оную съ супругою, отправился въ Петербургъ, а Графъ Зубовъ поскакалъ напередъ въ Софію для заготовленія лошадей.

Пока все это происходило, Петербургъ не зналъ еще о приближающейся кончинѣ Императрицы Екатерины. Бывъ въ Англійскомъ магазинѣ, я возвращался пѣшкомъ домой, и уже прошелъ было Эрмитажъ, но вспомня, что въ слѣдующій день я долженъ былъ ѣхать въ Гатчино, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнату, я увидѣлъ дѣвицу Полетику и одну изъ моихъ свояченицъ въ слезахъ: онѣ сказали мнѣ о болѣзни Императрицы и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я по-

слалъ къ ней одного изъ лакеевъ, чтобы узнать обстоятельнѣе о происшедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, я увидѣлъ вошедшаго въ комнату скорохода Великаго Князя Александра Павловича, который сказалъ мнѣ, что онъ былъ у меня съ тѣмъ, что Александръ Павловичъ проситъ меня пріѣхать къ нему поскорѣе. Исполняя волю его, я пошелъ къ нему тотчасъ, и встрѣченъ былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который просилъ меня обождать скораго возвращенія Его Императорскаго Высочества, къ чему прибавилъ, что Императрицѣ сдѣлался сильный параличный ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ быть, уже не въ живыхъ. Спустя минутъ пять, пришелъ и Великій Князь Александръ Павловичъ. Онъ былъ въ слезахъ и черты лица его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ, знаю ли я о происшедшемъ съ Императрицею? На отвѣтъ мой, что я слышалъ объ этомъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды ко спасенію не было ни какой, и убѣдительно просилъ ѣхать къ Наслѣднику для скорѣйшаго извѣщенія, прибавивъ, что хотя Графъ Николай Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчино, но я лучше отъ его имени могу разсказать о семъ несчастномъ происшествіи.

Доѣхавъ домой на извощикѣ, я велѣлъ запречь маленькіе сани въ три лошади и чрезъ часъ прискакалъ въ Софію. Тогда уже было 6 часовъ по полудни. Тутъ перваго увидѣлъ я Графа Николая Зубова, который, возвращаясь изъ Гатчино, шумѣлъ съ какимъ-то человѣкомъ, приказывая ему скорѣе выводить лошадей изъ конюшни. Хотя и вовсе не было до смѣха, однако же тутъ я услышалъ нѣчто странное: человѣкъ, который шумѣлъ съ Графомъ Зубовымъ, былъ пьяный Засѣдатель. Когда Графъ Зубовъ, по старой привычкѣ обходиться съ гражданскими властями, какъ съ свиньями, кричалъ ему: «Лошадей! лошадей! я тебя запрягу подъ Императора,» тогда Засѣдатель весьма манерно, пополамъ учтиво и грубо, отвѣчалъ: «Ваше Сіятельство, запречь меня не диковинка, но какая польза? Вѣдь, вѣдь я не повезу, хоть до смерти изволите убить. Да что такое Императоръ? Если есть Императоръ въ Россіи, то дай Богъ ему здравствовать; буде Матери нашей не стало, то ей виватъ!» Пока Графъ Зубовъ шумѣлъ съ Засѣдателемъ, прискакалъ верхомъ конюшенный Офицеръ, Маіоръ Бычковъ, и едва онъ остановилъ свою лошадь, показались фонари экипажа въ восемь лошадей. въ которомъ ѣхалъ Наслѣдникъ. Когда карета остановилась, и я, подошедъ къ ней, сталъ го-

ворить, то Наслѣдникъ, услышавъ мой голосъ, закричалъ..... «Ah, c'est vous, mon cher Rostoptchin!» За симъ словомъ онъ вышелъ изъ кареты и сталъ разговаривать со мною, распрашивая подробно о происшедшемъ. Разговоръ продолжался до того времени, какъ сказано, что все готово; садясь въ карету, онъ сказалъ мнѣ: «Faites moi le plaisir de Me suivre; nous arriverons ensemble. J'aime à vous voir avec moi.» Сѣвъ въ сани съ Бычковымъ, я поскакалъ за каретою. Отъ Гатчино до Софіи встрѣтили Наслѣдника 5, или 6, курьеровъ, всѣ съ однимъ извѣстіемъ отъ Великихъ Князей, отъ графа Салтыкова и прочихъ. Они всѣ были съ записками, и я, предвидѣвъ это, велѣлъ изъ Софіи взять фонарь со свѣчею на случай, что если будутъ письма изъ Петербурга, то можно бы было читать ихъ въ каретѣ. Попались еще въ встрѣчу около 20 человѣкъ разныхъ посланныхъ, но ихъ мы ворочали назадъ, и такимъ образомъ составили предлинную свиту саней. Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои дѣйствительно, или мнительно, имѣя какія либо сношенія съ окружавшими Наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчино съ извѣстіемъ: между прочимъ, одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьера и послали. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ за облаковъ, то опять за оныя скрывалась. Стихіи, какъ бы въ ожиданіи важной перемѣны въ свѣтѣ, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что Наслѣдникъ устремилъ взглядъ свой на луну и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнялись слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ Россійскій, любя Отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувства преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ, самовластнаго Монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія, и, забывъ разстояніе между имъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour Vous!» На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez; J'ai vecu quarante deux ans; Dieu m'a soutenu; peut-être, donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état, au quel Il me destine. Espérons tout de Sa bonté.»

Въ слѣдъ за симъ, онъ тотчасъ сѣлъ въ карету, и въ 8½ часовъ вечера въѣхалъ въ С.-Петербургъ, въ которомъ еще весьма мало людей знали о происшедшемъ.

Дворецъ былъ наполненъ людьми всякаго званія, кои, собраны будучи вмѣстѣ столько же по званіямъ ихъ, сколько изъ любопытства, или страха, всѣ съ трепетомъ ожидали окончанія одного долговременнаго царствованія, для вступленія въ другое, совсѣмъ новое. По пріѣздѣ Наслѣдника, всякой, кто хотѣлъ, подвигнутый жалостію, или любопытствомъ, входилъ въ ту комнату, гдѣ лежало едва дышущее тѣло Императрицы. Повторялись вопросы то о часѣ кончины, то о дѣйствіи лѣкарствъ, то о мнѣніи докторовъ. Всякой разсказывалъ разное, однако же общее было желаніе имѣть хоть слабую надежду къ ея выздоровленію.

Вдругъ пронесся слухъ (и всѣ обрадовались), будто Государыня, при отнятіи Шпанскихъ мухъ, открыла глаза и просила пить, но потомъ, чрезъ минуту, возвратились всѣ къ прежнему мнѣнію, что не осталось ожидать ничего, кромѣ часа ея смерти.

Наслѣдникъ, зашедъ на минуту въ свою комнату, въ Зимнемъ дворцѣ, пошелъ на половину Императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненныя людьми, ожидающими восшествія его на престолъ, онъ оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ Государя, а не Наслѣдника. Поговоря нѣсколько съ медиками и распрося о всѣхъ подробностяхъ происшедшаго, онъ пошелъ съ супругою въ угольный кабинетъ, и туда призывалъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать, или коимъ что либо приказывалъ. На разсвѣтѣ, чрезъ двадцать четыре часа, послѣ удара, пошелъ Наслѣдникъ въ свою комнату, гдѣ лежало тѣло Императрицы. Сдѣлавъ вопросъ докторамъ, имѣютъ ли они надежду, и, получа въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать Преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ, читать глухую исповѣдь и причастить Императрицу Святыхъ Таинъ, — что и было исполнено. Потомъ онъ позвалъ меня въ кабинетъ и изволилъ сказать: «Я тебя совершенно знаю таковымъ, каковъ ты есть, и хочу, чтобы ты откровенно мнѣ сказалъ, чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?» Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, я, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: «Секретаремъ для принятія просьбъ.» Наслѣдникъ, позадумавшись, сказалъ мнѣ: «Тутъ я не найду своего счета; знай, что я

назначаю тебя Генералъ-Адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять только по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною частію.» Молчаніе было моимъ отвѣтомъ. Хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ, но непристойно было отказаться отъ первой милости, которую восходящій на престолъ Государь собственнымъ движеніемъ мнѣ оказывалъ. Потомъ съ четверть часа онъ разговаривалъ съ Камеръ-Пажемъ Нелидовымъ, вѣроятно, о теткѣ его, Катеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до восшествія и послѣ восшествія Императора Павла на престолъ; она уже восемь мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорившись съ Великою Княгинею въ Гатчинѣ.

Между тѣмъ всѣ ежеминутно ожидали конца жизни Императрицы, и дворецъ болѣе и болѣе наполнялся людьми всякаго званія. Графъ Безбородко болѣе 30-ти часовъ не выѣзжалъ изъ дворца; онъ былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго Государя, и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250 тысячъ руб. дохода и единой проситъ милости, быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ соболѣзнуя, просилъ онъ о Трощинскомъ, который былъ его твореніе, и объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ Указъ о пожалованіи его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, но не отосланъ Грибовскимъ въ Сенатъ.

Вошедши къ Наслѣднику и отвѣчая на вопросъ его: «Что дѣлается во дворцѣ?» я нашелъ удобнымъ описать отчаяніе Графа Безбородка и положеніе Трощинскаго. Тутъ я получилъ повелѣніе увѣрить Графа Безбородка, что Наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошедшее, и что считаетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ; Указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ, что и было немедленно исполнено. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ Указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а Князь Зубовъ, который приказалъ не отсылать Указа въ Сенатъ.

Наслѣдникъ, позвавъ Графа Безбородка, приказалъ ему заготовить Указъ о восшествіи на престолъ, а мнѣ поручилъ написать къ Князю Александру Борисовичу Куракину, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ С.-Петербургъ. Я, въ моемъ письмѣ, давъ знать Князю Куракину объ отчаянной болѣзни Императрицы, отправилъ оное съ курьеромъ.

Въ часъ по полудни, въ корридорѣ, за спальною комнатой, накрыли столъ, за которымъ Наслѣдникъ и его Супруга кушали двое.

Въ три часа по полудни приказано было Вице-Канцлеру, Графу Остерману, ѣхать къ Графу Маркову, забрать всѣ его бумаги, запечатать и привезти, но не знаю, изъ чего Графъ Остерманъ вздумалъ, что препорученіе привезть бумаги налагало на него обязанность, чтобы онъ самъ внесъ ихъ во дворецъ; а какъ онѣ были завязаны въ двѣ скатерти, то Остерманъ, сквозь всѣ комнаты дворца, тащилъ эти двѣ кипы бумагъ точно такъ, какъ дѣти, играя, таскаютъ маленькія салазки, нагруженныя не по силамъ ихъ.

Наслѣдникъ, отдавъ мнѣ свою печать, которую навѣшивалъ на часахъ, приказалъ запечатать, вмѣстѣ съ Графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ, Кабинетъ Государыни. Тутъ я имѣлъ еще два доказательства глупости и подлости Александра Николаевича. Бывъ съ нимъ сперва знакомъ и имъ любимъ, я подпалъ у него послѣ подъ гнѣвъ за то, что о свадьбѣ моей сказалъ Графу Безбородку прежде чѣмъ ему. Увидѣвъ теперь мой новый доступъ и ходъ, онъ вздумалъ сдѣлать изъ меня опять друга себѣ и стряпчаго, началъ увѣрять въ своей преданности и разсказывать о гоненіяхъ, кои онъ претерпѣлъ отъ Императрицы (которую называлъ уже покойною) за то, что представилъ къ награжденію какого то Гатчинскаго лѣкаря. Но ни что меня такъ не удивило, какъ предложеніе его, чтобы, для лучшаго и точнаго исполненія повелѣнія Наслѣдника, касательно запечатанія вещей и бумагъ въ Кабинетѣ, сдѣлать прежде имъ всѣмъ опись. Согласясь, однако же, со мною, что на сіе потребно нѣсколько недѣль и писцовъ, мы завязали въ салфетки все, что было на столахъ, положили въ большой сундукъ, а къ дверямъ приложили ввѣренную мнѣ печать.

Наслѣдникъ приказалъ Оберъ-Гофмаршалу Князю Барятинскому ѣхать домой; должность его поручилъ Графу Шереметеву, а Гофмаршалами назначилъ Графовъ Тизенгаузена и Віельгорскаго.

Съ трехъ часовъ по полудни слабость пульса у Императрицы стала гораздо примѣтнѣе, раза три, или четыре, думали доктора, что послѣдуетъ конецъ. Но крѣпость сложенія и множество силъ, борясь со смертію, удерживали и отдаляли послѣдній ударъ.

Тѣло лежало въ томъ же положеніи на сафьянномъ матрасѣ недвижно, съ закрытыми глазами. Сильное хрипѣніе въ горлѣ слышно было и въ другой комнатѣ; вся кровь поднималась въ голову, и цвѣтъ лица былъ иногда багровый, а иногда походилъ на самый живой румянецъ. У тѣла находились попремѣнно придворные лѣкаря и, стоя на колѣнахъ, отирали ежеминутно матерію, текшую изо рта, сперва желтаго, а подъ конецъ черноватаго, цвѣта.

Въ комнатѣ, исключая Императорской фамиліи, внутренней услуги и Факультета, была во все время Камеръ-Фрейлина, Анна Степановна Протасова, погруженная въ горесть. Глаза ея не сходили съ полумертваго тѣла ея благодѣтельницы. Еще до прибытія Наслѣдника въ С.-Петербургъ, Великіе Князья, Александръ и Константинъ, были въ мундирахъ тѣхъ баталіоновъ, коими они командовали въ Гатчинскомъ модельномъ войскѣ.

Часовъ въ пять по полудни Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ спросить у Графа Безбородка, нѣтъ ли какихъ нибудь дѣлъ, времени не терпящихъ, и хотя обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія, и не требовали поспѣшнаго доклада, но Графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ и мнѣ приказалъ Наслѣдникъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью Графа Безбородка, который не только по подписямъ узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. Сіе не такъ покажется чрезвычайнымъ, когда отличимъ бумаги однѣ отъ дргихъ: всѣ были или отъ Генералъ-Губернаторовъ, или отъ начальниковъ разныхъ частей, кои еженедѣльно, для формы, присылали Государынѣ свои донесенія, а важныя и интересныя дѣла предоставляли перепискѣ съ Княземъ Зубовымъ, Графомъ Салтыковымъ и Генералъ-Прокуроромъ. При входѣ Графа Безбородка съ бумагами, Наслѣдникъ сказалъ ему, показывая на меня: «Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго!» Когда же Графъ Безбородко, окончивъ, вышелъ изъ кабинета, то Наслѣдникъ, бывъ еще въ удивленіи, объяснился весьма лестно на его счётъ, примолвивъ: «Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ.» Въ теченіи

дня Наслѣдникъ разъ пять, или шесть, призывалъ къ себѣ Князя Зубова, разговаривалъ съ нимъ милостиво и увѣрялъ въ своемъ благорасположеніи. Отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ; не знаю, какія чувства сильнѣе дѣйствовали на сердце его; но увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ изображалась не только на лицѣ, но и во всѣхъ его движеніяхъ. Проходя сквозь спальную комнату Императрицы, онъ останавливался по нѣскольку разъ предъ тѣломъ Гусударыни и выходилъ рыдая. Помѣщу здѣсь одно изъ моихъ примѣчаній: войдя въ комнату, называемую дежурной, я нашелъ Князя Зубова сидящаго въ углу; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды. Я послалъ лакея и подалъ самъ питье, въ коемъ отказывали ему тѣ самые, кои сутки тому назадъ, на одной улыбкѣ его основывали зданіе своего счастія; и та комната, въ коей давили другъ друга, чтобъ стать къ нему ближе, обратилась для него въ необитаемую степь.

Въ 9-ть часовъ до полудни, Рожерсонъ, войдя въ кабинетъ, въ коемъ сидѣли Наслѣдникъ и Супруга его, объявилъ, что Императрица кончается. Тотчасъ приказано было войти въ спальную комнату Великимъ Князьямъ, Княгинямъ и Княжнамъ, Александрѣ и Еленѣ, съ коими вошла и Статсъ-Дама Ливенъ, а за нею Князь Зубовъ, Графъ Остерманъ, Безбородко и Самойловъ. Сія минута до сихъ поръ и до конца жизни моей пребудетъ въ моей памяти незабвенною. По правую сторону тѣла Императрицы стояли Наслѣдникъ, Супруга его и ихъ дѣти; у головы призванные въ комнату Плещеевъ и я; по лѣвую сторону доктора, лѣкаря и вся услуга Екатерины. Дыханіе ея дѣлалось трудно и рѣдко; кровь то бросалась въ голову и перемѣняла совсѣмъ черты лица, то, опускаясь внизъ, возвращала ему естественный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, взгляды всѣхъ, устремленные на единый важный предметъ, отдаленіе на сію минуту отъ всего земнаго, слабый свѣтъ въ комнатѣ, — все сіе обнимало ужасомъ, возвѣщало скорое пришествіе смерти. Ударила первая четверть одиннадцатаго часа, Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, наряду съ прочими, предстала предъ Судъ Всевышняго.

Казалось, что смерть, пресѣкши жизнь сей Великой Государыни и нанеся своимъ ударомъ конецъ и великимъ дѣламъ ея, оставила тѣло въ объятіяхъ сладкаго сна. Пріятность и величество

возвратились опять въ черты лица ея и представили еще Царицу, которая славою своего царствованія наполняла всю вселенную. Сынъ ея и Наслѣдникъ, наклоня голову предъ тѣломъ, вышелъ, заливаясь слезами, въ другую комнату; спальная комната въ мгновеніе ока наполнилась воплемъ женщинъ, служившихъ Екатеринѣ.

Сколь почтенна была тутъ любимица ея, Марья Савишна Перекусихина. Находившись при ней долгое время безотлучно, будучи достойно уважена всѣми, пользуясь неограниченною довѣренностію Екатерины, и не употребляя оной никогда во зло, довольствуясь во все время двумя, а иногда одною комнатою во дворцахъ, убѣгая лести и единственно занятая услугою и особою своей Государыни и благодѣтельницы, она съ жизнью ея теряла счастіе и покой, оставалась сама въ живыхъ токмо для того, чтобъ ее оплакивать. Твердость духа сей почтенной женщины превлекла многократно вниманіе бывшихъ въ спальной комнатѣ; занятая единственно Императрицей, она служила ей точно такъ, какъ будто бы ожидала ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправляла ей то руки, то голову, то ноги; не смотря на то, что Императрица уже не существовала, она безпрестанно оставалась у тѣла усопшей, и духъ ея стремился въ слѣдъ за безсмертною душою Императрицы Екатерины. Слезы и рыданія не простирались далѣе той комнаты, въ которой лежало тѣло Государыни. Прочія наполнены были людьми знатными и чиновниками, которые во всѣхъ происшествіяхъ, и счастливыхъ и несчастныхъ, заняты единственно сами собой, а сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что Страшный Судъ для грѣшныхъ. Графъ Самойловъ, вышедши въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ и важнымъ лицомъ, которое онъ тщетно принуждалъ изъявлять сожалѣніе, сказалъ: «Милостивые Государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на Всероссійскій престолъ.» Тутъ нѣкоторые (коихъ я не хочу назвать, не по тому, чтобы забыты были мною имена ихъ, но отъ живаго омерзѣнія, которое къ нимъ чувствую), бросились обнимать Самойлова и всѣхъ предстоящихъ, поздравляя съ Императоромъ. Оберъ-Церемоніймейстеръ Валуевъ, который всегда занятъ единственно церемоніею, пришелъ съ докладомъ, что въ придворной церкви все готово къ присягѣ. Императоръ со всею фамиліею, въ сопровожденіи всѣхъ, съѣхавших-

ся во дворецъ, изволилъ пойти въ церковь. Пришедши, сталъ на Императорское мѣсто, и всѣ читали присягу, въ слѣдъ за духовенствомъ. Послѣ присяги, Императрица Марія, подошедши къ Императору, хотѣла броситься на колѣна, но была имъ удержана, равно какъ и всѣ дѣти. За симъ каждый цѣловалъ Крестъ и Евангеліе и, подписавъ имя свое, приходилъ къ Государю и къ Императрицѣ къ рукѣ. По окончаніи присяги Государь пошелъ прямо въ спальную комнату покойной Императрицы, коей тѣло въ бѣломъ платьѣ положено было уже на кровати, и діаконъ на налоѣ читалъ Евангеліе. Отдавъ ей поклонъ, Государь, по нѣсколькихъ минутахъ, возвратился въ свои собственные покои и, подозвавъ къ себѣ Николая Петровича Архарова, спросилъ что-то у него; пришедши же въ кабинетъ, пока раздѣвался, призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Ты усталъ и мнѣ совѣстно, но потрудись, пожалуйста, съѣзди съ Архаровымъ къ Графу Орлову и приведи его къ присягѣ; его не было во дворцѣ, а я не хочу, чтобы онъ забывалъ 29-е Іюня; завтра скажи мнѣ, какъ у васъ дѣло сдѣлается.»

Тогда уже было за полночь, и я, сѣвши въ карету съ Архаровымъ, поѣхалъ на Васильевскій островъ, гдѣ Графъ А. Г. Орловъ жилъ въ своемъ домѣ. Весьма бы я дорого далъ, чтобы не имѣть сего порученія. Не спавши двѣ ночи, разстроенный всѣмъ происшедшимъ и утомленный менѣе тѣломъ, чѣмъ душею, исполняя поминутно одинъ цѣлые сутки всѣ приказанія, я долженъ былъ, при томъ, бѣгать нѣсколько разъ чрезъ Эрмитажъ въ комнаты Анны Степановны Протасовой, гдѣ во все то время была и моя жена, преданная не словомъ, но сердцемъ покойной Императрицѣ и находившаяся въ столь горестномъ положеніи, что мое присутствіе было ей весьма нужно.

Николай Петровичъ Архаровъ, почти совсѣмъ не зная меня, но видя новаго временщика, не переставалъ говорить мерзости на счетъ Графа Орлова и до того, что я принужденъ былъ сказать ему, что наше дѣло привести Графа Орлова къ присягѣ, а прочее предоставить Богу и Государю. Я имѣлъ предосторожность взять съ собою одинъ изъ печатныхъ листовъ присяги, подъ коими обыкновенно подписываются присягающіе. Архарову, который своего милостивца и повелителя при Чесмѣ хотѣлъ вести въ приходскую церковь, я сказалъ на отрѣзъ, что на это ни какъ не соглашусь. Прі-

ѣхавъ къ дому Орлова, мы нашли ворота запертыми. Вошедши въ домъ я велѣлъ первому, попавшемуся намъ, человѣку вызвать камердинера Графскаго, которому сказалъ, чтобы разбудилъ Графа и объявилъ о пріѣздѣ нашемъ. Архаровъ, отъ нетерпѣнія, или по какимъ либо неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, пошелъ въ слѣдъ за камердинеромъ, и мы вошли въ ту комнату, гдѣ спалъ Графъ Орловъ. Онъ былъ уже съ недѣлю нездоровъ и не имѣлъ силъ оставаться долѣе во дворцѣ; чрезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ Наслѣдника изъ Гатчина, онъ поѣхалъ домой и легъ въ постель. Когда мы прибыли, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Камердинеръ, разбудивъ его, сказалъ: «Ваше Сіятельство! Николай Петровичь Архаровъ пріѣхалъ.»— «За чѣмъ?»— «Не знаю: онъ желаетъ говорить съ вами.» Графъ Орловъ велѣлъ подать себѣ туфли и, надѣвъ тулупъ, спросилъ довольно грозно у Архарова: «За чѣмъ Вы, Милостивый Государь, ко мнѣ въ эту пору пожаловали?» Архаровъ, подойдя къ нему, объявилъ, что онъ и я (называя меня по имени и отчеству) присланы для приведенія его къ присягѣ, по повелѣнію Государя Императора.—«А Императрицы развѣ уже нѣтъ?» спросилъ Графъ Орловъ и, получа въ отвѣтъ, что она въ 11-мъ часу скончалась, поднялъ вверхъ глаза, наполненные слезъ, и сказалъ: «Господи! Помяни ее въ царствіи Твоемъ! Вѣчная ей память!» Потомъ, продолжая плакать, онъ говорилъ съ огорченіемъ на счетъ того, какъ могъ Государь усомниться въ его вѣрности: говорилъ, что служа Матери его и Отечеству, онъ служилъ и Наслѣднику Престола, и что ему, какъ Императору, присягаетъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ присягалъ и Наслѣднику Императрицы Екатерины. Все это онъ заключилъ предложеніемъ итти въ церковь. Архаровъ тотчасъ показалъ на это свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себя первое дѣйствующее лице, просилъ Графа, чтобы онъ въ церковь не ходилъ, а что я привезъ присягу, къ которой рукоприкладства его достаточно будетъ. «Нѣтъ, Милостивый Государь,» отвѣчалъ мнѣ Графъ, «я буду и хочу присягать Государю предъ образомъ Божіимъ, и, снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженную свѣчу въ руку, читалъ твердымъ голосомъ присягу и, по окончаніи, приложилъ къ ней руку, а за симъ поклонясь ему, мы оба пошли вонъ,оставивъ его не въ покоѣ.

Не смотря на трудное положеніе Графа Орлова, я не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости, или подлости.

Архаровъ завезъ меня въ домъ, въ которомъ я жилъ, говоря во всю дорогу о притѣсненіяхъ, которыя онъ вытерпѣлъ въ прошедшее царствованіе, давая чувствовать, что онъ страдалъ за преданность Государю. Кто не зналъ его, тотъ на моемъ мѣстѣ могъ бы подумать, что онъ былъ гонимъ за твердость духа и честь.

Такимъ образомъ кончился послѣдній день жизни Императрицы Екатерины. Сколь ни велики были ея дѣла, а смерть ея слабо дѣйствовала надъ чувствами людей. Казалось, все было въ положеніи путешественника, сбившагося съ дороги, но всякой надѣялся попасть на нее скоро. Всѣ, любя перемѣну, думали найти въ ней выгоды, и всякой, закрывъ глаза и зажавъ уши, пускался безъ души разыгрывать снова безумную лотерею слѣпаго счастія.

Графъ Ѳ. Растопчинъ.

Ноября 15-го дня, 1796 года.

НУЖНО ЛИ НАМЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ КАЛЕНДАРЯ?

Въ Генварьской книжкѣ за текущій годъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Отд. VI, стр. 9—21) затронутъ вопросъ о преобразованіи нашего лѣтосчисленія, т. е., о замѣненіи Юліянскаго Календаря Григоріянскимъ. Съ этою цѣлію разсказаны въ семъ Журналѣ попытки Нѣмцевъ склонить насъ къ тому Для этого хлопочутъ они въ Засѣданіяхъ своихъ ученыхъ Обществъ, обращаются къ Русскимъ, въ нихъ случившимся, съ просьбою ходатайствовать о томъ предъ своимъ Правительствомъ, увѣряя, что Новый Календарь введенъ уже во всемъ остальномъ Христіянскомъ мірѣ (что совершенно несправедливо), и наконецъ обратились даже къ извѣстному Дерптскому Профессору, Г. Медлеру, за содѣйствіемъ по этому предмету. Но послѣдній нашелъ, что Григоріянскій Календарь тоже невѣренъ, хотя и меньше Юліянскаго, а по тому особой Запиской предлагаетъ ввести новый Календарь, исправленный имъ, Г-мъ Медлеромъ, честь же принятія его предоставляетъ Россіи, утверждая, что если починъ этотъ сдѣлаемъ мы, то и остальныя Государства Европы отъ насъ не отстанутъ. А если бы этого не случилось по чему либо, то «можно спокойно дожидаться того времени, когда будущее поколѣніе измѣнитъ свой образъ мыслей, и когда мало по малу созрѣетъ всеобщее убѣжденіе въ преимуществѣ этой реформы, въ сравненіи со всякою другою, и одержитъ побѣду надъ препятствіями». Т. е., всѣ увѣрятся въ преимуществѣ Календаря Г. Медлера, по тому что, по его словамъ, въ 2028 году окажется разница между предлагаемымъ Календаремъ и Григоріянскимъ; стало, замѣтятъ, преимущество его Календаря передъ Григоріянскимъ, а замѣтивъ, конечно, согласятся и на замѣненіе несовершеннаго совершеннѣйшимъ; ибо самъ

же онъ выше нашелъ оба Календаря неточными, а далѣе приводитъ мнѣніе другихъ астрономовъ о томъ, что какъ Григоріянская реформа, такъ и всякая другая, не могутъ быть названы вполнѣ точными, что происходитъ отъ того, что «мы еще недостаточно знакомы съ планетными массами для того, чтобы быть въ состояніи въ точности опредѣлить послѣднія дробныя части секунды. Взаимнодѣйствіе планетъ вліяетъ на измѣненіе величины года; колебанія тропическаго года составляютъ разницу въ 38 секундъ. Да при томъ, отъ будущихъ изслѣдованій можно еще ожидать и болѣе точнаго опредѣленія, хоть бы измѣненія этѣ касались лишь дробныхъ частей секунды». Нерадостно, и нерадостно именно по тому, что все таки, какъ ни бейся, а и ново принятый Календарь не исключаетъ будущихъ улучшеній; другими словами: не будетъ вполнѣ точенъ. Это-то обстоятельство и заставило нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ астрономовъ доказывать, что «не было ни какой нужды оставлять Юліянскаго лѣтосчисленія, если не могли, или не смѣли, еще ввести другаго, совершенно исправнаго». Сдѣсь дѣйствительно «лучшее есть злѣйшій врагъ хорошаго». Насъ мало утѣшаетъ та мысль, что Западъ намъ, можетъ быть, будетъ обязанъ исправленнымъ (Г. Медлеромъ) Календаремъ, подлежащимъ, однако же, въ послѣдствіи время отъ времени новымъ, дальнѣйшимъ исправленіямъ. Что же толку въ относительной только послѣдовательности и точности такого Календаря? Это, статься можетъ, въ извѣстной степени желательно для ученыхъ; но въ дѣлѣ преобразованія лѣточисленія развѣ одни они только заинтересованы? Развѣ мы не знаемъ, какъ Церковь Католическая смотритъ на это, какія соединяетъ съ онымъ притязанія касательно своего основнаго догмата? Важность этого притязанія мало уменьшаетъ то обстоятельство, что его не признаютъ другія Церкви За чѣмъ давать пищу ему чѣмъ бы то ни было, и тѣмъ поддерживать надежду на достиженіе своего и въ отдаленномъ будущемъ?

«Юліянскому Календарю, говоритъ Г. Медлеръ, приличнѣе теперь носить названіе только Русскаго Календаря, по тому что въ истинномъ Юліянскомъ Календарѣ постоянное равноденствіе и переходная Пасха связаны между собою точнымъ опредѣленіемъ, между тѣмъ осеннее равноденствіе не падаетъ въ немъ на 21 Марта,

какъ предписывалъ Юлій Цезарь, да и воскресенье, въ которое празднуется Пасха, не слѣдуетъ тотчасъ за первымъ весеннимъ равноденствіемъ (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ), какъ постановилъ Никейскій Соборъ». Стало быть, Г. Медлеру не извѣстна причина, по чему Первый Никейскій Соборъ занялся Юліянскимъ Календаремъ? А если извѣстна, за чѣмъ же онъ не говоритъ ни слова о ней? Отъ чего Соборъ этотъ постановилъ праздновать Пасху въ то воскресенье, которое слѣдуетъ тотчасъ за первымъ весеннимъ полнолуніемъ? Отъ того, чтобы Пасха Христіянская не совпадала съ Пасхою Іудейскою, которая приходится всегда въ полнолуніе. Ибо въ ту пору еще было много, кои слѣдовали ученію Евреевъ, даже изъ Христіянъ многіе, по незнанію, за одно съ ними праздновали Пасху, что рѣшительно противорѣчитъ Христіянству. Вотъ по чему празднованіе Пасхи по Никейскому Собору не слѣдуетъ тотчасъ за первымъ весеннимъ равноденствіемъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, чего Отцы этого Собора и не имѣли въ виду, постановляя празднованіе ея только за первымъ весеннимъ полнолуніемъ, условивъ то непремѣнно зависимостью отъ празднованія Пасхи Іудеями, совершаемаго всегда въ самое весеннее полнолуніе. Ясно потому, первое: такъ какъ Первый Вселенскій Соборъ, для опредѣленія празднованія Пасхи, принялъ употреблявшійся тогда въ Римской Имперіи Календарь Юліянскій, и при всемъ желаніи согласоваться съ намѣреніемъ Юлія Цезаря, не могъ того достигнуть, по причинѣ празднованія Іудеями Пасхи, то, не смотря на это, все таки лѣтосчисленіе Юліянское не перестаетъ быть таковымъ; ибо по нему, а не по другому какому, установлено празднованіе Христіянской Пасхи; слѣдовательно, совершающіе празднество это совершаютъ по этому, а не иному, Календарю. Совершаютъ же это не одни Русскіе, но всѣ Христіяне Восточнаго Исповѣданія, изъ коихъ ни кому и въ умъ не приходило, равно какъ и намъ, Русскимъ, когда либо подумать, что это дѣлается по какому-то Русскому Календарю. Второе: что замѣненіе одного лѣтосчисленія другимъ не всегда основывается на преимуществѣ, даже безусловномъ совершенствѣ, вводимаго на мѣсто выводимаго. Если бы все дѣло зависѣло только отъ этого одного, то естественно преобразованіе чрезвычайно облегчилось бы, и, не взирая на препятствія, происходящія предпочтительно отъ долговременной при-

вычки и отвращенія вообще большинства къ нововведеніямъ, совершилось бы далеко скорѣе и спокойнѣе въ сравненіи съ тѣмъ, когда такое преобразованіе касается еще Религіи и ея обрядовъ. Въ замѣненіи Юліянскаго Календаря Григоріянскимъ не видѣть этого обстоятельства можетъ только тотъ, кто не хочетъ видѣть. Папа Григорій, исправляя, въ XVI столѣтіи, лѣтоисчисленіе Цезаря, достигъ ли той цѣли, которая руководила Святыми Отцами I-го Вселенскаго Собора? Ни мало, по тому что, какъ основательно доказалъ то сочинитель «Отвѣта на представленіе, еже изгладити Ветхій и ввести Новый Календарь», помѣщаемаго мною ниже,» Западная Церковь (подъ которою онъ разумѣетъ, въ противоположность Восточной, не одну только Римско-Католическую, но и всѣ, отъ нея происшедшія и принявшія ея Календарь), противъ конца и намѣренія Отецъ Никейскихъ, во единъ и той же день Пасху со Іудеями торжествовати видится. Зане и послѣ поправленія Календаря, въ первую недѣлю послѣ полнолунія торжествуетъ, и зане многократно сбываетъ, да полнолуніе въ день субботній падаетъ, егда абіе Іудеи Пасху свою торжествуютъ, и зане еще во вечерь суббо́тній Воскресеніе Господне отправляти обычествуетъ». Между тѣмъ какъ «Греческая Церковь, концу и намѣренію Отецъ Никейскихъ точнѣйше отвѣтствующи, время торжествованія Пасхи тѣмъ начиномъ (способомъ) управляетъ, да во всякомъ случаи, наименьше треми деньми отъ Іудейскія Пасхи отстоитъ». Рѣдкость такого Іудействованія Христіянъ ни мало не извиняетъ несовершенства новаго лѣточисленія; довольно, что оно бываетъ; слѣдовательно, Христіяне, это допускающіе, хоть бы только иногда, отступаютъ отъ указанія и постановленія Отецъ Никейскихъ, дѣйствительно жидовствуютъ. По сему совѣтъ «принять Западное вычисленіе Пасхи ведетъ и насъ къ жидовствованію, чего Церковь наша никогда не можетъ допустить, не смотря ни на какое могущество земное, такъ какъ послѣдователи ея не находятся во власти какого либо одного Монарха, или Правительства. Намъ мало того въ утѣшеніе, что «кругъ вычисленія Западомъ Пасхи такъ точенъ, какъ только онъ можетъ быть точнымъ» (что, по признанію самого же Г. Медлера и другихъ астрономовъ, невѣрно), если мы пріидемъ къ такому противо-Христіянскому дѣлу, къ какому пришелъ, наконецъ, Западъ, не взирая на все его

стремленіе къ совершеннѣйшему. Совершенство это, какъ оказывается, далеко не только не совершенство, но и ниже того несовершеннаго, которое оно смѣнило и въ которомъ, какъ замѣчено уже выше, не было, по мнѣнію многихъ астрономовъ, ни какой нужды, если нельзя, или не возможно, было еще ввести другаго, совершенно исправнаго.

Итакъ, при исправленіи лѣтосчисленія слѣдуетъ обращать вниманіе не на одну лишь астрономическую часть его, но и на часть религіозную, связанную, противъ воли и намѣренія, Первымъ Вселенскимъ Соборомъ, съ первою по чистой необходимости. Какъ бы первая ни была точно опредѣлена, но если послѣдняя не будетъ принята во вниманіе, исправленіе не достигнетъ своей цѣли, т. е., введенія въ жизнь не однихъ только ученыхъ, но цѣлыхъ массъ, что и случилось съ лѣтосчисленіемъ Григоріанскимъ, которое принято однимъ только Римскимъ Патріярхатомъ, между тѣмъ какъ Греческая Церковь, равно какъ и живущіе въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ члены ея не приняли, и не могутъ принять, сего исправленнаго, но неисправнаго, лѣтосчисленія, по тому наипаче обстоятельству, что въ немъ выпущена была изъ виду тѣсная связь, находящаяся между астрономическою и религіозною частію того Календаря, который предпринялъ Папа усовершенствовать. Онъ забылъ, что дѣло шло не объ одномъ исключеніи нѣсколькихъ лишнихъ дней изъ Юліянскаго Календаря, а и о томъ, что требовалось еще опредѣлить время для празднованія Пасхи, и при томъ не просто назначить его, а вывести изъ способа празднованія ея Іудеями, такъ, чтобы не сойтись съ ними никогда и ни подъ какимъ видомъ въ одновременномъ торжествованіи оной. По этому справедливо замѣчаетъ Сербскій Митрополитъ, что «Пасха Іудейская всѣмъ повсюду Христіяномъ способъ Пасхальный и теченіе цѣлаго времени управляетъ.» Пока это препятствіе существуетъ, нельзя и думать о принятіи народами Восточной Церкви какого бы то ни было, даже совершеннѣйшаго изъ совершеннѣйшихъ, лѣтосчисленія, тѣмъ менѣе Григоріанскаго, со введеніемъ котораго мы наложили бы на себя новое еще бремя, о которомъ умный Сербскій Іерархъ упоминаетъ, замѣчая, что «ни половины оныя пользы пріяли бы Православные, яже изъ премѣненія Календаря ожидается.» Не говоря о прочемъ, пришлось

бы тогда «съ Новымъ Календаремъ постити гораздо больше, неже́ли по Ветхому,» т. е., по его опыту, въ теченіе 20 лѣтъ, слѣдуя Новому Счисленію, почти пятью недѣлями дольше былъ бы постъ. Этого бремени, конечно, не несетъ Западъ, какъ вѣрно замѣчаетъ тотъ же Іерархъ, по тому что «попеченіе обрядовъ и обычаевъ своихъ сохраненіе наипаче Клеру, а сей Папѣ, оставляетъ»; да и вообще Западные народы меньше пекутся о своихъ обычаяхъ и неприкосновенности ихъ, чѣмъ послѣдователи Церкви Восточной. Далѣе, весьма рѣдко празднованіе Пасхи совпадаетъ въ одно и то же время въ обѣихъ Церквахъ, но наиболѣе отстоитъ одно отъ другаго отъ недѣли до 4 и даже 5, а съ этѣмъ и всѣ дни мясоѣда, Великаго и Петрова Поста, подвижные праздники, Вознесеніе Господне, Сошествіе Св. Духа, день Св. Апостолъ Петра и Павла, и т. п. Все это касается не просто лишь только обрядовой стороны религіи, но и самаго образа жизни исповѣдывающихъ Греческую Вѣру, у коихъ послѣдній въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ такъ сросся съ обрядами ихъ Церкви, что въ весьма многихъ случаяхъ слѣдуетъ только за оными. Отнимите у Православныхъ это правило и указаніе для обыденной жизни, и вы увидите, какое замѣшательство, какой хаосъ, произведете въ ней. «Зане вещь такова есть, говоритъ умный Пастырь Сербскій, яже со практическимъ Религіональнымъ обрядомъ весьма связана, въ чувство всякаго падаетъ.» Что же сказать о томъ впечатлѣніи на цѣлые народы этого Вѣроисповѣданія, какое произведетъ на нихъ соединеніе въ отправленіи праздничныхъ и постныхъ дней съ тѣми, съ коими они цѣлыя столѣтія расходились въ томъ, и притомъ соединеніе совсѣмъ не въ обычное время, извращающее весь ихъ житейскій бытъ, всю ихъ практическую мудрость и находчивость, ихъ выкладки и разсчеты, основанныя на памятованіи нѣсколькихъ извѣстныхъ данныхъ, но безошибочныхъ? Могутъ ли они не подумать, что и самая Вѣра ихъ не обмѣнена уже съ обмѣной Стараго Календаря на Новый, Православнаго на Католическій, Нѣмецкій? Дѣйствительно, «мудраго человѣка есть больше ю суевѣріи и пожеланіи людей боятися, неже что отъ мудрости и совершенства ихъ ожидати.»

Скажутъ намъ: «Этому горю пособить можетъ растолкованіе тѣмъ, кто въ томъ нуждается, въ чемъ собственно дѣло.» Да въ

этомъ нуждаются не единицы, а цѣлые народы, на которыхъ въ такихъ вещахъ не дѣйствуютъ ни какія разъясненія, какъ показываетъ то Исторія и ежедневный опытъ. Одно только просвѣщеніе можетъ тутъ быть посредникомъ, подкрѣпленное самою очевидностью, такъ сказать, осязаемостью. Ждите же того, и другаго! Сколько потребно времени для просвѣщенія простаго народа Греко-Восточной Церкви, въ 4-хъ частяхъ свѣта имѣющей своихъ исповѣдниковъ? И сколько тысячъ лѣтъ пройдетъ еще до того времени, когда «и во очесѣхъ народовъ явно примѣтится отступленіе отъ оныхъ пунктовъ Астрономическихъ, яко же во время Никейскаго Собора стояху, да вси нужду поправленія Календаря видятъ, егда праздницы пролѣтніи (весенніи) въ зимнее время, лѣтніи въ пролѣтіе, есенніи въ лѣтнее время пріидоша; слѣдовательно, вси нѣкую поправленія Календаря нужду явѣ узрѣша», какъ это было уже разъ во время Юлія Цезаря, котораго это обстоятельство, съ одной стороны, навело на мысль исправить лѣточисленіе, а съ другой помогло принять имъ исправленное. То не доказательство, что «дѣло такъ не можетъ постоянно оставаться, и когда ни будь должно будетъ приступить къ какому ни будь преобразованію, и даже, если возможно, къ радикальному.» Положимъ, но тогда то пусть и будетъ, когда то сбудется; теперь же «сіе отступленіе (разница между Астрономическимъ и Гражданскимъ лѣточисленіемъ) чрезъ 1500 лѣтъ еще нѣсть таково.» Утверждать, что «чѣмъ позднѣе будетъ сдѣлано предлагаемое исправленіе, тѣмъ оно большія представитъ затрудненія,» значитъ преувеличивать, съ одной стороны, необходимость и потребность въ томъ, а съ другой трудность, между тѣмъ какъ ни того, ни другаго, въ сущности нѣтъ. Всѣ доводы, въ пользу перваго приводимые, такъ слабы и мелочны, что достаточно было коснуться ихъ человѣку не съ предвзятою мыслью, чтобы они разлетѣлись въ пухъ и прахъ. Это и сдѣлано было въ Замѣчаніяхъ Князя Ливена, какъ Министра Народнаго Просвѣщенія, написанныхъ имъ по случаю мнѣнія нашей Академіи Наукъ за «введеніе въ Россіи исправленнаго лѣточисленія, согласнаго съ лѣточисленіемъ прочихъ образованныхъ Государствъ,» и представленныхъ на Высочайшее усмотрѣніе, которыя и признаны были «совершенно справедливыми» (см. Ж. М. Н. П. 1864 г., кн. 1. Отд. VI, стр. 18—21). Касательно же затрудненія, которое тѣмъ

большее будетъ, чѣмъ позднѣе приступимъ къ исправленію Календаря, то я позволяю себѣ усомниться въ этомъ. Ибо и тогда, какъ и теперь, то же предстоитъ намъ по исправленію, ни болѣе, ни менѣе, т. е., согласить Астрономическое лѣтосчисленіе съ лѣтосчисленіемъ Гражданско-Церковнымъ въ такой степени, чтобы одно другому во всемъ отвѣчало; въ противномъ случаѣ, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ астрономовъ, нѣтъ ни какой нужды мѣнять Юліянскій Календарь, несовершенный на менѣе несовершенный. Но въ ту пору всѣ уже увидятъ нужду исправленія лѣточисленія, а не одни лишь избранные, увидятъ даже и тѣ, кто бы и не хотѣлъ видѣть. Пора придетъ, говоритъ народъ Русскій, и заботу свою принесетъ. Не дологъ часъ времемъ, дорогъ часъ улучкой. Улучки же этой теперь пока не видно: нужно преодолѣть страшныя препятствія, тѣмъ болѣе опасныя, что они сопряжены съ перемѣнами въ Церковныхъ обрядахъ, толь тѣсно соединенныхъ съ бытомъ народнымъ. Когда Рождество Христово придетъ весною, что, говорятъ, не прежде десяти тысячъ лѣтъ можетъ случиться, тогда, или близъ того времени, всѣ препоны, теперь неодолимыя и превышающія силы самаго могучаго и неустрашимаго богатыря, однѣ за другими ослабнутъ, падутъ, улетучатся. Много въ жизни единицъ и народовъ бываетъ такого, что, не смотря на очевидное свое противорѣчіе выгодѣ и пользѣ ихъ, при всемъ усиліи и желаніи удалить, не можетъ быть удалено, или же съ такими жертвами, что и помышлять о нихъ трудно. Умный долженъ умѣть ужиться съ такою неотразимостью, выжидать наступленія «нарочитаго времени.» Дай отсрочку — и будетъ дѣло въ точку. Надобно такъ дѣло дѣлать, чтобы послѣ не передѣлывать, или какъ можно меньше. Что проку, если будетъ и готово, да не толково? Не выносивши, не родятъ, а выкидываютъ, а торопиться жить, скоро умереть. И въ правду, теперь Григоріянскимъ исправленіемъ самъ уже Западъ недоволенъ, сами математики находятъ его невѣрнымъ, хоть и не въ равной мѣрѣ съ Юліянскимъ, и если предлагаютъ его нѣкоторые на мѣсто этого, то съ оговорками; или даже и вовсе не его, а каждый другой какой, имъ же измышленный и превозносимый, какъ, на примѣръ, Г. Медлеръ. Разумѣется, дѣло возможное, что Г. Куглеръ предложитъ свой, раскрывъ всѣ недостатки предшествовавшаго, а Г. Зейдлеръ еще новый, и такъ до безконечности, одинъ другаго охаявъ, и каждый свое выста-

вивъ въ самомъ непогрѣшимомъ видѣ, какъ единое совершенное. Что тутъ дѣлать? Совѣщанія съ Академіями, вѣчами астрономовъ и подобными тому сонмами мудрыхъ міра сего, дѣлу не подмога: оступаются не одни особи, но и цѣлые массы, народы. Время — лучшій въ этомъ и совѣтникъ и наставникъ. Оно все раскроетъ, что было сокрыто отъ глазъ самыхъ дальновидныхъ и зоркихъ, заставитъ всплыть ложь, какъ елей посверхъ воды. Если и не скоро дѣло сдѣлается, за то будетъ споро и здорово; а скороспѣлки, извѣстно, до поры загниваютъ.

Пока же наступитъ это желанное время, скажу еще разъ, какъ Астрономическія выкладки сдѣлаются далеко точнѣйшими и болѣе къ совершенству подходящими, такъ и народы достигнутъ уже той степени зрѣлости, что безъ труда увидятъ плодъ созрѣвшимъ, и по тому поспѣшать къ нему. Г. Медлеръ думаетъ наоборотъ, полагая, что то и другое условіе и теперь существуетъ, и по тому считаетъ возможнымъ приступить къ снятію плода съ древа. Онъ говоритъ: «Всякія преобразованія, для того, чтобы имѣть благодѣтельныя послѣдствія, должны быть производимы своевременно, и нужно, чтобы необходимость ихъ была сознана образованною и предусмотрительною частью народонаселенія» (Ж. М. Н. П. 1864 г., кн. 3, Отд. VI, стр. 125). Не споримъ, можетъ быть это и такъ по отношенію къ Западу, у котораго и желаемъ полнаго успѣха его Календарю. Но что до Русскихъ, а тѣмъ паче до прочихъ нашихъ единовѣрныхъ, то степень образованія тѣхъ и другихъ намъ, Русскимъ и Православнымъ, виднѣе и знакомѣе, чѣмъ кому бы то ни было другому, особливо человѣку инаго вѣроисповѣданія, живущему не между Русскимъ людомъ. По этому намъ болѣе и лучше извѣстно и «распространеніе въ народѣ школьнаго обученія, его хорошіе результаты, равно какъ и то, составляетъ ли грамотность въ немъ рѣдкое явленіе, въ какой мѣрѣ возбуждено всеобщее желаніе обучаться ей, и сколь велики денежныя пожертвованія на это всѣхъ классовъ народонаселенія.» Зная все это изъ самаго источника, не намъ слушать увѣренія, что «люди, ставшіе гражданскими свободными, весьма скоро начинаютъ стремиться и къ духовной свободѣ.» Стремленіе-то къ этому должно, вѣдь, совершаться во очію нашею, а оно совсѣмъ не такъ ходко, какъ то кажется Г. Дерптскому ученому. Иное дѣло «пони-

мать и чувствовать благодѣтельныя послѣдствія преобразованій, и питать за то признательность,» а иное самимъ принимать въ томъ непосредственное участіе, особенно въ той чудесной степени, въ какой это представляется наблюдающему съ береговъ Эмбаха. Тутъ между воображаемымъ и дѣйствительнымъ цѣлая бездна. Нечего также указывать намъ на Петербургскіе пожары 1862 года, сравнивать «поведеніе народа во время ихъ съ поведеніемъ его же во время перваго появленія холеры въ 1830 году. Оба событія ознаменованы были равносильными катастрофами, и такимъ же безусловнымъ довѣріемъ народа къ своему Государю. Но холера и пожары ничто въ сравненіи съ предлагаемымъ переворотомъ. Сдѣсь вся вѣра въ нравственный прогрессъ не въ силахъ убѣдить въ томъ, что «теперь уже наступило время ввести и реформу Календаря.» Въ такомъ колосальномъ переворотѣ мало вѣрить, мало и не вѣрить; надобно, чтобъ успѣхъ въ немъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, чтобы его можно было, повторяю, такъ сказать, осязать, вложить персты наша въ ребра его, выражаясь языкомъ Библіи. Развѣ тѣ только составляютъ Русь, кто причисляетъ себя къ образованному классу общества? Развѣ ихъ однихъ, да ученыхъ, надо имѣть въ виду при такомъ коренномъ переворотѣ? Изъ первыхъ едва ли тысячная часть хорошенько понимаетъ, въ чемъ собственно дѣло; они и тутъ, какъ и во всемъ другомъ, водятся почти всегда тѣмъ, что, молъ, это принято уже на Западѣ; стало, должно быть хорошо и у насъ. О запутанности же, происходящей отъ различія Календарей, имъ никогда и въ голову не приходило, по той простой причинѣ, что они ее не имѣютъ и возможности знать, а по тому и желать, чтобы послѣдняя, «какъ можно скорѣе исчезла.» Въ самомъ дѣлѣ, развѣ выставку чиселъ по старому и новому стилю можно считать поводомъ къ запутанности? Развѣ она не легко и не мгновенно почти отклоняется вычетомъ, или прибавкой, тѣхъ извѣстныхъ чиселъ, которыя составляютъ разность между двумя способами лѣточисленія? Что проще и сподручнѣе этого? Какое же тутъ мѣсто серьезному замѣшательству, или недоумѣнію? Что «ученый съ давняго времени при ученыхъ трудахъ своихъ употребляетъ Новый Календарь; что астрономическія, метеорологическія, магнитныя и тому подобныя наблюденія уже во всей Россіи отмѣчаются по Григоріянскому Календарю, и что теперь уже нѣтъ возможности за-

мѣнить этотъ Календарь Юліанскимъ,» все это также не составляетъ ничего особеннаго. Во первыхъ: невѣрно, что каждый ученый то дѣлаетъ, что утверждать изволитъ Г. Медлеръ; по крайней мѣрѣ, это не вѣрно въ отношеніи къ Русскимъ ученымъ, которымъ при этомъ и надобно имѣть преимущественно въ виду; ученымъ же иностранцамъ—вольному воля: не они Русскіе ученые, не по нимъ должны мы перестроивать себя, не они намъ законъ. Время обезьянства развѣ еще не прошло? По крайней мѣрѣ, если и не прошло тамъ и самъ, то уже не можетъ оно по прежнему верховодить между нами. Во вторыхъ: отмѣтка на Русскихъ Физическихъ Обсерваторіяхъ наблюденій по Новому Календарю идетъ изъ того же самаго источника, и мнѣ думается, что не было ни какой крайней необходимости въ ней, по тому что «счисляется время въ Юліанскомъ Календарѣ также вѣрно, какъ и въ Григоріянскомъ (сказалъ мнѣ одинъ изъ нашихъ Русскихъ астрономовъ). Когда мы обозначаемъ какой ни будь моментъ времени по Юліанскому стилю, то совершенно точно оріентируемъ этотъ моментъ, совершенно точно опредѣляемъ его разстояніе отъ другихъ моментовъ и отъ начала лѣтосчисленія. Сказать, что Юліянское счисленіе невѣрно въ этомъ отношеніи (а этѣмъ бьютъ обыкновенно насъ по носу), не имѣетъ смысла, точно также, какъ сказать, что аршиномъ мѣряемъ не такъ вѣрно, какъ метромъ. Точныя таблицы планетъ, построенныя на сотни лѣтъ впередъ, будутъ совершенно одинаково точны, по какому бъ стилю ни считалось въ нихъ время.» Обратить же, если нужно, выкладку, сдѣланную по Григоріянскому Календарю, въ выкладку по Юліянскому, и на оборотъ, нѣтъ ни малѣйшей ни трудности, ни запутанности при томъ. Дѣлаютъ же то «при счисленіи временъ, предшествовавшихъ введенію новаго стиля.» Слѣдовательно, и рѣчи не можетъ быть, строго говоря, о замѣненіи численія Григоріянскаго въ выкладкахъ астрономическихъ, метеорологическихъ и т. п. счисленіемъ Юліянскимъ.

«Нынѣ, говоритъ Г. Медлеръ, какъ Западная, такъ и Православная Церковь, вполнѣ убѣждены въ пользѣ этой реформы. Только раскольники въ ней сомнѣваются.» Нелѣпо въ высшей степени было бы сомнѣваться въ убѣжденіи Западной Церкви, такъ какъ она-то не только предприняла эту реформу, но совер-

шила и держится исправленнаго ею Календаря; стало, съ какой же стати толковать тутъ объ убѣжденіи ея въ необходимости того, что она же произвела? Но кто сказалъ Г. Медлеру о равносильномъ, будто бы, убѣжденіи въ этомъ и Православной Церкви? Гдѣ это онъ вычиталъ заявленіе ея о томъ? Опять говорю, что это намъ, Православнымъ, извѣстнѣе, чѣмъ ему. Никто и никогда не требовалъ отъ представителей нашего Духовенства мнѣнія о томъ, что уже, дескать, настало время отмѣнить Юліянское лѣточисленіе и принять Григоріянское; да и само оно нигдѣ и ни какъ о томъ не подавало своего голоса, ни прямо, ни косвенно. Это пустая мечта о томъ, что было бы желательно кому ни будь, чтобы такъ было, но отнюдь не дѣйствительность! По сему, хорошо ли выставлять однихъ лишь раскольниковъ нашихъ сомнѣвающимися въ пользѣ этого нововведенія? Да и объ ихъ сомнѣніи гдѣ же онъ слышалъ, или читалъ? Ихъ то же никто ни спрашивалъ, ни предлагалъ имъ о томъ. Разумѣется, какъ Православные, такъ и раскольники, въ этомъ случаѣ стоятъ на одной чертѣ, по тому что объемъ ихъ образованія и чувство религіозное одинаковы. То и другое, вопреки увѣренію Г. Медлера, въ существѣ своемъ, почти то же, что и въ XVI-мъ столѣтіи было, по отношенію къ массамъ, а не единицамъ, Русскаго народа. По этому опасеніе Князя Ливена, высказанное имъ въ Докладѣ его покойному Государю Императору, совершенно умѣстно и теперь еще, и долго будетъ таковымъ, не смотря на новое, болѣе льготное, положеніе раскольниковъ, въ какомъ они съ недавняго времени находятся. Сопротивленіе, можно сказать утвердительно, возникнетъ не отъ однихъ только нихъ. Разумѣется, они не пропустятъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, который съ такою силою обѣщаетъ погнать воду на ихъ колесо: на то они сектанты, отщепенцы, чтобы подобнаго не пропускать, извлечь изъ него все въ свою пользу до самаго донушка. Кто сомнѣвается въ томъ, тотъ можетъ спросить людей, знающихъ не по наслышкѣ расколъ, пропускаетъ ли онъ ловить карасей, т. е., когда либо благопріятный случай, который представляется ему въ слѣдствіе ошибки, промаха, или даже не совсѣмъ точно обдуманнаго распоряженія со стороны Церковныхъ? При такомъ пока печальномъ отношеніи Православія къ расколу и обратно, ничего не помогутъ ни какія «заблаговременныя до

реформы объясненія простому народу ея значенія, будутъ ли они краткія, или подробныя, ясныя, популярныя изложенія.» Убѣдить народъ въ пользѣ и необходимости того, что ему, по степени его образованія, совершенно недоступно, и останется таковымъ на долго и долго, значитъ рѣшительно не знать ни этого народа, ни сущности того, въ чемъ хотѣлось бы его убѣдить. А не принимать въ разсчетъ умственнаго состоянія Православныхъ и раскольниковъ и взаимнаго ихъ отношенія между собою, равно какъ такого же воздѣйствія однихъ на другихъ, большею частію невидимаго и неуловимаго, намъ, Русскимъ, нельзя; ибо тутъ дѣло идетъ о милліонахъ нашихъ же братій, не говоря уже ничего о милліонахъ исповѣдующихъ Православіе внѣ Русскаго Царства, которыхъ просвѣщеніе ни чѣмъ не выше нашего простонародья. Легко спрашивать: «Почему бы же раскольники въ этомъ случаѣ не могли послѣдовать примѣру Евреевъ, которые слѣдуютъ своему собственному древнему Календарю касательно своихъ Церковныхъ праздниковъ, а во всѣхъ другихъ гражданскихъ отношеніяхъ сообразуются съ общими Государственными постановленіями и обычаями?» Но догадывается ли спрашивающій, что это еще сильнѣе, а пожалуй, и навсегда, закрѣпило бы расколъ? По крайней мѣрѣ мы, навѣрное можно сказать, этѣмъ на цѣлыя поколѣнія добровольно отодвинули бы наше, столько намъ желанное, сближеніе съ отщепившимися братьями одной и той же матери? «Если исправленіе нѣсколькихъ, едва примѣтныхъ для толпы, ошибокъ въ Церковныхъ книгахъ при Патріярхѣ Никонѣ, могло произвести пагубные, дотолѣ почти безпримѣрные въ Россіи, расколы, то чего ожидать отъ дѣйствій, предполагаемыхъ нынѣ, перемѣнъ, на умы людей непросвѣщенныхъ!» совершенно справедливо замѣчаетъ Князь Ливенъ, и вполнѣ вѣрно предполагаетъ, что «первымъ неминуемымъ послѣдствіемъ введенія другаго лѣтосчисленія было бы умноженіе числа Старообрядцевъ.» И это очень понятно: переворотъ касается не какихъ либо отвлеченностей, или мелочей обрядныхъ; нѣтъ, онъ ложится всею своею удѣльной тяжестью на весь бытъ нашъ въ отношеніи вѣроисповѣдномъ, государственномъ, ученомъ и, вообще, житейскомъ; въ немъ въ равной степени заинтересованы всѣ до послѣдняго сословія народа, и всѣ они станутъ судить и рядить, вкривь и вкось, о пользѣ и вредѣ такого капитальнаго перево-

рота, и сужденія ихъ, какъ можно убѣдиться изъ всего, доселѣ сказаннаго мною, не могутъ остаться одними только сужденіями. Если бы даже можно разсчитывать на безусловное одобреніе всѣми Православными такого кореннаго преобразованія, то все же десять милліоновъ разновѣрующихъ не бездѣлица, при извѣстной ихъ падкости къ подобнымъ случаямъ и ловкости извлеченія изъ нихъ корысти для своихъ Согласій. Конечно, «ни какая религіозная секта не въ правѣ требовать отъ Правительственной вѣротерпимости ничего болѣе, какъ безпрепятственной свободы вѣроисповѣданія.» Но тутъ дѣло идетъ не о «какой бы то ни было религіозной сектѣ», но о сектѣ, считающей послѣдователей своихъ милліонами, при томъ о людяхъ не чужаго какого-то происхожденія, но плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей, живущихъ между нами, не только вмѣстѣ, но не рѣдко подъ одною и тою же кровлей, а частенько даже въ одной семьѣ.

Сообразивъ все, сюда относящееся, могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что одинъ только злѣйшій врагъ, или совершенно незнакомый съ нами, нашими единовѣрными и самимъ Православіемъ, можетъ утверждать такъ настойчиво: «теперь уже наступило время ввести и въ Россію (а черезъ нее, разумѣется, и между прочими членами Восточной Церкви) Новый Календарь», чьего бы онъ ни былъ издѣлія. Въ заключеніе скажу еще разъ: велика разница между преобразованіемъ своевременнымъ и сознаваемымъ всѣми, а не одними лишь избранными, сливками общества, и преобразованіемъ не во время, пользу и необходимость котораго при томъ придется, можетъ быть, подкрѣплять ad hominum caput всѣми усовершенствованными орудіями, выдуманными для истребленія рода человѣческаго. Не все то хорошо, къ лицу и на здоровье намъ, что за моремъ хорошо, прилично и zur Gesundheit. Хорошо только то, что точно хорошо, въ свою пору и по нутру человѣку, или, какъ выражается Русскій: не то хорошо, что хорошо, а то, что къ чему идетъ.

А идетъ ли теперь Православному міру предложеніе о принятіи Западнаго Календаря? Пока наступитъ неминучая пора преобразованія Юліянскаго счисленія, много воды уйдетъ: къ тому времени самыя математическія вычисленія далеко усовершенствуются, успѣхи Астрономіи утысячатся, отыщется возможность со-

гласовать празднованіе Христіанской Пасхи съ полнолуніями,* или сдѣлать ее совершенно отъ нихъ независимою,** что здѣсь составляетъ punctum saliens всего дѣла, а главное нужду этого пре-

* Дѣйствительно, Пасха опредѣляется въ обоихъ Календаряхъ (Старомъ и Новомъ) по кругамъ (цикламъ), именно Лунному, который основанъ на, такъ называемыхъ, Воскресныхъ буквахъ и Златомъ числѣ (Эпактѣ). И тутъ надо замѣтить, что «послѣравноденственное полнолуніе опредѣляется невѣрно, по тому что Кругами невозможно представить точно подверженныя примѣтнымъ измѣненіямъ движенія луны. По истеченіи каждыхъ 310 лѣтъ Лунный кругъ разнствуетъ на 1 день отъ движенія луны. Въ Григоріанскомъ Календарѣ это нѣсколько подправлено, но все же не точно, по тому что только черезъ 300 лѣтъ Эпакты исправили на одинъ день. Ихъ, считая отъ Никейскаго Собора, пять разъ подправляли, и все напрасно; полнаго соглашенія круговыхъ полнолуній не могли достигнуть съ истинными. Отъ этого произошло, что и по Западному Календарю, на примѣръ, Пасху въ 1742 году праздновали 16 Апрѣля, такъ какъ по нему полнолуніе было 9-го, между тѣмъ какъ оно въ сущности падало на 8, въ субботу; стало быть, и Пасху нужно было праздновать Апрѣля 9-го. Но по установленію Перваго Вселенскаго Собора Пасха не есть вполнѣ округленная годовщина, т. е., между двумя послѣдовательными Пасхами не помѣщается ровно годъ, а по тому и не имѣетъ ни какой важности празднованіе ея не много раньше, или не много позже» (замѣтилъ мнѣ одинъ изъ Московскихъ астрономовъ).

Говорятъ: «По древнему правилу, первое полнолуніе весною должно быть Пасхальнымъ, а теперь, напротивъ, узнали, что начало весны падаетъ на наше 8, или 9 Марта; не смотря на то, при вычисленіи Пасхи, это время относятъ къ 21 Марта стараго стиля; слѣд., первое полнолуніе считается съ этого послѣдняго числа, а не съ истиннаго начала весны. Всѣ же полнолунія между 9 и 21 Марта не считаются весенними полнолуніями, хотя въ дѣйствительности онѣ суть весеннія.» Правда, Календарь не согласенъ съ временами года. И точно, теперь составитель его пишетъ: «равноденствіе» противъ 9 Марта, а въ 3064 году онъ уже напишетъ это противъ 1-го Марта. Если бы на всемъ земномъ шарѣ въ моментъ равноденствія дѣйствительно началась весна, тогда бы это было какъ будто бъ и неудобство. А по тому, хотя по Кругамъ мы и теперь считаемъ 21 Марта, однако отъ этого въ сущности ровно ничего.

** Г. Медлеръ предлагаетъ Христіанскую Пасху отнести на опредѣленное Апрѣльское воскресенье, на примѣръ, хоть первое воскресенье Апрѣля, такъ какъ, по сказанію Іосифа Флавія, въ день распятія Іисуса Христа на крестѣ явилось лунное затмѣніе, что, по вычисленію Деламбра, было 3-го Апрѣля. Но по такой выкладкѣ Христово воскресенье развѣ на третій день произошло? Слѣдовательно, и это не будетъ строго исторически опредѣленное время, хотя точно, отступленіе отъ него будетъ не на недѣли, а лишь

образованія просвѣщеніе представитъ въ неотразимомъ свѣтѣ и для тѣхъ, кому его теперь предлагаютъ съ такимъ запасомъ убѣжденій, если, разумѣется само собою, обѣ стороны будутъ существовать еще тогда. 10,000 лѣтъ пережить, не поле перейтить. Ни какое худо до добра не доводитъ; а перемѣна Календаря нашего на Заморскій, въ нынѣшнемъ положеніи послѣдователей Православія, дѣйствительно худо; а за худомъ пойдешь, на бѣду набредешь; особливо это слѣдуетъ сказать о насъ, когда повсюду идетъ такая ломка и сверху внизъ, и снизу вверхъ, когда и безъ того вдоволь всякой шатости и пакости, и наконецъ, эта перемѣна не можетъ быть произведена также тихо и незамѣтно, особливо для массъ, какъ перемѣна военнаго мундира, или той, либо другой, моды. Въ противномъ же случаѣ стремленіе и настояніе произвести Календарную реформу непонятно, безтактно и даже можетъ быть очень пагубно, такъ какъ оно не своевременно. Преуспѣяніе (прогрессъ) не навязывается; улучшенія приходятъ со временемъ, когда наступаетъ часъ совершенствованія, когда народы способны бываютъ понять, цѣнить и пожелать ихъ. Шагаетъ впередъ твердо, кто крѣпокъ на ноги; скудель хрупка и ломка. Одинъ только праотецъ рода человѣческаго созданъ былъ разомъ въ мужа совершенна; потомству его суждено развиваться постепенно, разумѣется, съ задержками и въ ту мѣру, во еже вмѣстити. Кто же насильно вноситъ зрѣлость въ умы единицъ, или цѣлыхъ народовъ, тотъ гнетъ не паритъ, переломитъ не тужитъ. За то добромъ ли поминаютъ такихъ благодѣтелей облагодѣтельствованные ими?

Однимъ словомъ: все въ пору да кстати, и будутъ всѣ ради; но, съ другой стороны: не мудрено голову снять, мудрено приставить; а снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

О. Водянскій.

Апрѣля 22-го дня,
1864 года.

на нѣсколько дней. Однако, принятіе этого, или другого какого, болѣе вѣрнаго, опредѣленія постояннаго празднованія Пасхи зависитъ отъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ, привходящихъ въ дѣло о преобразованіи Календаря; да и тогда на принятіе его нужно согласіе не одной какой либо Церкви, но всего Христіянства.

ОТВѢТЪ

СО

ОСНОВАТЕЛЬНѢЙШИМИ ДОВОДАМИ

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ, ЕЖЕ ИЗГЛАДИТИ ВЕТХІЙ И ВВЕСТИ НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ,

ПРАВОСЛАВНО-ВОСТОЧНЫЯ ЦЕРКВЕ МИТРОПОЛИТОМЪ СЕРБСКИМЪ,

Августѣйшему Двору Австрійскому данный.

Ваше Величество,

Милостивѣйшимъ Интиматомъ, подъ 4 числомъ мѣсяца Октября текущаго лѣта, N. 23,034, мнѣ отправленнымъ, благоизволило есть наложити, да хотя Ваше Величество не сомнѣвается, яко множайша несогласія, нарочно въ мѣстѣхъ разнаго Закона жителей поселенныхъ, изъ разнствія Календаря происходящая, окончатися и во обоихъ обществѣхъ величайша блага возродитися имуть, аще бы держащіи Греческій Законъ, оставленну Ветху Календарю, многихъ несогласій причину, Новый, теченію Астрономическому точнѣйшій, закономъ же Царства взятый, Календарь воспріяли; ни чимъ меньше, зане позната есть сего простаго народа во древнихъ своихъ обычаехъ, Религіи ничто же приносящихъ, твердѣйша непоколебимость, то како о началѣхъ, тако и о благихъ чинѣхъ (способахъ) введенія въ народѣ моего Закона Новаго Календаря осмотрѣнія дабы Вашему Величеству и высокославному Мѣстоблюстительному Совѣту высокопокорнѣйше поднелъ.

1. Желалъ бы былъ, да вопросъ сей о изглажденіи Ветхаго Календаря не бы абіе Указами по всѣмъ Дикастеріамъ и всѣмъ Епископомъ прежде окончался, нежели о томъ, аще вѣрнѣ

своимъ начиномъ начатъ былъ, извѣщено будетъ. Нынѣ убо, сицевымъ образомъ, яко же всемилостивѣйше преданъ ми есть, тако расположенъ быти видится ми, да всячески представити могу, яко Ваше Величество о изглажденіи Ветхаго Календаря почти совсѣмъ опредѣлисте, и токмо о начинѣ, коимъ Новый Календарь, въ самой практицѣ употребляемыми обычайми, внесенъ быти можетъ, вопрошаете, всепокорнѣйше наша мнѣнія чути изволите:

2. Календарь, его же Церковь Греческая либо Восточная употребляетъ, и о коемъ слово творится, называется Календарь Іуліановъ или Календарь Ветхій. Календарь обаче, который намъ пріяти налагается, и яже Церковь Римо-Католическая либо Западняя употребляетъ, Календарь Григоріевъ или Новый именуется.

3. Разнствуютъ сія два Календаря между собою (въ смотрѣніи токмо внѣшняго начина и живота практическаго, оставленнымъ всѣмъ пунктомъ Астрономическимъ), перво: что Календарь Григоріевъ, т. е., отъ Григорія Папы поправленъ и лѣта 1582 введенъ, всегда оный Ветхій Календарь уже дванадесятми деньми предходитъ. Слѣдовательно, вси праздницы и подвижны праздничніи дни по сему Календарю дванадесятми деньми прежде празднуются, нежели, яко же по Ветхому Календарю торжествуются, Второ: разнствуютъ во опредѣленіи Пасхи, т. е., хотя тако Восточная, яко и Западная Церковь, изъ единаго источника, си есть, изъ установленія Никейскаго Собора Вселенскаго Перваго, опредѣляющаго, да торжество Пасхи въ недѣлю послѣ полнолунія по равнонощіи празднуется, да не бы, си рѣчь, съ Еврейми сбылася, терминъ празднованія Пасхи счисливати обычествуетъ; ни чимъ меньше, обѣ Церкви въ начинѣ опредѣленія Пасхи тако между собою разнствуютъ, да нѣкогда единою, нѣкогда двѣма, нѣкогда треми, четырьми и пятьми седмицами едина отъ другія Пасхи отстоятъ, слѣдовательно, вси дни мясоястія, мясопустія, поста Четыредесятницы, торжествованія праздниковъ, такожде Вознесенія Господня, Сошествія Св. Духа, поста Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, цѣлый наконецъ седмичный рядъ, вси Типицы въ ономъ соразмѣріи между собою отстоятъ и разнствуютъ, въ коемъ реченна два начина между собою разнствуютъ.

4. Григоріевъ Календарь употребляетъ каждая Церковь Западняя, како Римо-Католическая, тако и Протестантская, по цѣлой Европѣ и Америцѣ. Іуліановъ либо Ветхій Календарь употребляетъ каждая Церковь Восточная Греческаго Закона, по Азіи, Египту, по цѣлому Царству Турецкому, слѣдовательно, по всѣмъ окрестнымъ намъ провинціамъ: Далмаціи, Босніи, Сербіи, Болгаріи, Валахіи, Молдавіи, по цѣлому Россійскому и Дому Австрійскаго Царству, еще и по самой Италіи и моря Средиземнаго провинціамъ, аще бы они Греко-Унитскія, или Неунитскія, Церкви были, вся воистину доселѣ Іуліанова Календаря всюду употребленіе творятъ.

5. Знаю, да обрѣтаются людіе, иже, яко самый Календарь нѣкую обыденную, маловажную, повседневную, глубочайшаго уваженія не достойную вещь быти мнятъ, сице и вопросъ сей о изглажденіи Календаря Ветхаго и пріятіи Новаго отъ людей моего Закона тако маловажнымъ и легкимъ быти мнятъ, да всяко пространьше о томъ размышленіе, аки непотребно, токмо отъ числа инаго числити да начнемъ. Азъ обаче вопросъ сей, яко тяжчайшій и величайшаго уваженія сматряю, и тако на вещи и предметы, насъ ограничающія, и на практическій животъ, къ коимъ Календарь сей относится, не взирая, но иныхъ примѣрами каждый увѣритися можетъ. Познато есть, да у Маджаровъ Календарь сей токмо Діетальнымъ (Сеймовымъ) заключеніемъ и слѣдующимъ Указомъ ввестися можаше. «Рудольфъ: Декемвріа 4, лѣта 1588. 28-го Априлія о Календарѣ, аще Штатъ и вельможи Царства и хотятъ, да Ветхій Календарь, къ коему тако убози, яко и богати, долгимъ употребленіемъ склоняхуся, во своемъ присномъ состояніи останетъ, хотѣніе обаче усердному и милостивому Его Величества опоминанію склонити, да не бы отреклися отъ Новаго Реформатовъ Календаря, въ будуще употребленіе творити». Но и послѣ сего Ветхій Календарь употребляху, тако, да напослѣдокъ другимъ Указомъ, лѣта 1599 сотвореннымъ, казнію 1000 флореновъ Ветхаго Календаря употребленіе отрещися имѣяше. Познато есть, да той Григоріевъ Календарь въ Нѣмецкой Державѣ лѣта токмо 1700, что выше, самый Григоріевъ Календарь токмо лѣта 1770 съ нѣкими возмущеніями, въ Англіи 1753, во Швеціи токмо 1775, ввестися можаше. Також де познато есть, новѣйшихъ временъ въ Галліи

шему хотѣнію каково возрожденіе ожидати можно, зане вещь такова есть, яже со практическимъ Религіональнымъ обрядомъ весьма связанна, въ чувство всякаго падаетъ, да каждый себѣ явнымъ премѣненіемъ таковыхъ вещей, коими въ своихъ праздничныхъ и постныхъ дней отъ тѣхъ, съ коими доселѣ соединены быша, отцѣпляются, и со иными въ истое время, съ коими и доселѣ отцѣплены быша, полагаются, подозрѣніе и страхъ Религіи производитъ.

8. Дальше, изъ двогубаго онаго разнствія, еже, яко же горѣ всепокорнѣйше сказахъ, между Іуліановымъ и Григоріевымъ Календаремъ находится, сугубо и предметъ той взирати можно есть. Перво: да представимъ Новый Календарь въ прочемъ быти презрѣннымъ, кромѣ во опредѣленіи Пасхи, въ Церкви моей доселѣ употребляемаго численія (Пасхаліи) да коснемся. А второ: аще съ Новымъ Календаремъ и новый начинъ опредѣленія Пасхи связати имѣемъ.

9. Въ первомъ случаи, истина, да неподвижніи праздницы, си рѣчь, Обрѣзанія Господня, либо Новый Годъ, праздникъ Срѣтенія и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Святыхъ Апостолъ Петра и Павла (оставленнымъ прочимъ Святителемъ), Рождества, Успенія и Входа Пресвятыя Богородицы, наконецъ Рождества Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, — вси реченніи праздницы случили бы ся со праздниками иныя Религіи, либо Новаго Календаря. Обаче сицевымъ начиномъ ни половины оныя пользы пріяли бы, якѣ изъ премѣненія Календаря ожидается; зане вси праздницы, постовъ и благоговѣйни дни, иже со Пасхою ходятъ, и иже, моимъ разсужденіемъ, вящшаго призрѣнія достойни, нежели иніи, яко же терминъ и время мясоястія, перва и послѣдня седмица Четыредесятницы, праздникъ Пасхи, Вознесенія Господня, Сошествія Св. Духа, такожде постъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, вси овіи праздницы имѣли бы остати, яко же нынѣ суть; слѣдовательно, кромѣ того, чтобы мало дѣйствіе премѣною Календаря сбылося, такожде и она тягота въ содѣланіи и составленіи Календаря, да паки по Ветхому обычаю Пасхальное и неподвижныхъ праздниковъ время числити имѣется, появила бы ся. Кромѣ сихъ, сбыло бы ся такожде и оное великое несогласіе, да постъ Святыхъ Апостолъ конечно изостати имѣлъ бы,

зане постъ сей непрестанно по истеченiи осмь по Пасцѣ седмицъ начинается. По случаю, аще бы наша Пасха, по Ветхому Календарю счисляема, 22, 23, 24, или 25 Априлiя, по Новому Календарю сбылася (еже случитися можетъ), то осмь оныхъ по Пасцѣ седмицъ въ книгахъ обрядовыхъ числитися имѣли бы въ мѣсяцѣ Iулiи Новаго Календаря; слѣдовательно, праздникъ Святыхъ Апостоловъ, иже неподвиженъ есть, 29 Iунiя, совсѣмъ предходилъ бы, а постъ конечно изосталъ бы. Сiя убо ниже сходствуютъ, ниже быти могутъ па разсужденiе и склоненiе Всевысочайшаго вопроса, мнѣ предложеннаго.

10. Во второмъ случаи, аще бы съ Новымъ Календаремъ и новый начинъ опредѣленiя Пасхи (иже у Римо-Католиковъ и у всѣхъ Новый Календарь держащихъ, находится, и иже во счисленiи Пасхи Греческiя Церкве тако разенъ есть, да едва во четвертой, или пятой, части овiи праздницы и прочiя, съ ними союженнiи, праздничнiи дни, въ истое время торжествуются) взяти имѣли, то явно, нуждно намъ бы было отъ всея Греко-Восточныя Церкве продолжительныя и непресѣченныя, 1500 лѣтъ употребляемыя, ученiя практики, съ коею множайшiи книжевнiи Типицы и разныя премѣненiя связана суть, отступити, насъ же источникомъ погрѣшности и непорядочности, отъ самыхъ нашихъ вѣрныхъ, вѣроятельно же отъ самыхъ сосѣднихъ, внѣ Вашего Величества провинцiй обитающихъ, нашея Религiи Христiановъ въ страхъ положити, что, еи рѣчь, отъ Указа Никейскихъ Отецъ отступихомъ.

11. Привожу счисленiе теченiя Астрономическихъ знаковъ, имъ же время Пасхи опредѣляется по Закону моея Церкве, и тожде аки бранилъ бы; ибо не сомнѣваюся, яко нуждно бѣ отъ временъ Никейскаго Собора до нашихъ временъ, теченiемъ знаковъ небесныхъ всегодишнѣ, точнѣйше деньми не происходящимъ, отъ оныхъ пунктовъ Астрономическихъ, яко же во время Никейскаго Собора стояху, да точно на день счисляхуся, нѣкоему отступленiю случитися; но зане сiе отступленiе чрезъ 1500 лѣтъ еще нѣсть таково, да въ странныхъ и во очесѣхъ народовъ явно примѣтится, слѣдовательно, да вси нужду поправленiя Календаря видятъ (гдѣ, на примѣръ, Iулiемъ Кесаремъ поправленiе Календаря начато бысть, и егда праздницы пролѣтнiи въ зимнее

время, лѣтніи въ пролѣтіе, есенніи въ лѣтнее время пріидоша, слѣдовательно, вси нѣкую поправленія Календаря нужду явѣ узрѣша); отсюду бысть, да Григоріемъ Папою поправленіе Календаря токмо собственнымъ произволеніемъ и аки желаніемъ господствованія, отъ народовъ и множайшихъ ихъ ученыхъ, Ветхій Календарь держащихъ, содѣлано бысть; глаголется, слѣдовательно, мнится, да вещь токмо произволеніемъ другаго и безъ всякія нужды налагается. Кромѣ того, зане Отецъ Никейскихъ Собора I Вселенскаго, лѣта Христа 325, торжество Пасхи въ первую недѣлю послѣ полнолунія, по равноденствіи весеннемъ, опредѣлившихъ, той конецъ и намѣреніе бѣ (еже явно есть изъ многихъ доказательствъ, но нарочно изъ посланія Константина Великаго Императора, послѣ Собора сего отправленнаго), да Пасха Христіановъ со Іудейскою Пасхою, юже они въ самомъ полнолуніи торжествуютъ, никогда согласится. Слѣдовательно, концу и намѣренію Отецъ Никейскихъ Греческая Церковь точнѣйше отвѣтствующи, время торжествованія Пасхи тѣмъ чиномъ управляетъ, да во всякомъ случаи, наименьше треми деньми отъ Іудейскія Пасхи отстоитъ. Римская обаче Церковь, зане и послѣ поправленія Календаря, безъ намѣренія таковыя погрѣшности, въ первую недѣлю послѣ полнолунія торжествуетъ, и зане многократне обывается, да полнолуніе въ день субботный надаетъ, егда абіе Іудеи Пасху свою торжествуютъ, а въ слѣдующій день недѣльный Римская Церковь Пасху свою торжествуетъ, и зане еще во вечерь субботный Воскресеніе Господне отправляти обычествуетъ, то бываетъ, да, противъ конца и намѣренія Отецъ Никейскихъ, во единъ и той же день Пасху со Іудеями торжествовати видится. И зане сія въ самой практицѣ отъ Западныхъ тако держатся, что же, аще членове Восточныя, о нуждѣ поправленія Календаря, яко же горѣ сказано, не увѣрени суще, о Пасцѣ же, во первыхъ оная, яже ученіемъ нарицаются, и яже предметами Церкве управляются, свой временесчисленія методъ Указовъ Отецъ Никейскихъ опредѣляющихся сходнѣйшимъ, Западныя же Церкве методъ не таковымъ быти мнятъ; каково ли мнѣ ко склоненію таковыхъ, иже во обычаехъ своихъ самою истинною вѣрою, что отъ Указа Отецъ Никейскихъ отступити не хотяще, твердѣйше въ томъ стоятъ, доказательство изостаетъ?

12. Еще нѣкая, яже о рядѣ своемъ Пасхальномъ Восточніи мнятъ, дерзаю предложити. Никейскіи глаголютъ Отцы, Александрійскимъ, а не инымъ Епископомъ, оставиша попеченіе, да, во еже погрѣшности избѣщи въ будущихъ вѣцѣхъ, точнѣйше время опредѣлятъ Пасхи, и вся прочія Церкви о томъ благовременно научатъ. Еже Святый Вторый Левъ, Папа Римскій, въ посланіи своемъ, къ Маркіану Императору отслатомъ, сими словесы подтверждаетъ: «Умствоваху, глаголетъ, Святыи Отцы погрѣшности сея поводъ изгладити, и все попеченіе сіе Александрійскому Епископу отдаша, зане у Египтяновъ въ томъ численіи давно видящеся искуство, иже всегодишнѣ день реченнаго празднованія сосѣданію Апостолическому явити имать, да общимъ писаніемъ вся удаленныя Церквы о томъ увѣдомитъ.» Отсюду сбыстся, да Александрійскіи Епископы и до днесь титло Вселенскаго Судіи носятъ, что, си рѣчь, должность сія, еже опредѣлити время Пасхальное, при нихъ остаде. Самъ Святый Левъ Великій, Папа, въ горѣ похвальномъ своемъ посланіи, въ нѣкоихъ недоумѣніяхъ оттуду извѣститися просяше. Слѣдовательно, тако Восточная Церковь о истинномъ Отецъ Никейскихъ разумѣ въ послѣдствіи временъ отъ своихъ другопрінмательнѣ изучившійся обычай, толикихъ вѣковъ практикою подтвержденъ воспрія, да хотя въ теченіи Астрономическомъ своихъ недостатковъ не лишается, ни чимъ меньше тако изреченія Отецъ Никейскихъ сходными быти вѣруетъ, да, аще бы мы и днесь отъ тоя отступили, у оныхъ, иже въ провинціахъ Турецкаго Царства обрѣтаются, въ Далмаціи, Босніи, Сербіи, Болгаріи, и иныхъ намъ окрестныхъ, яко главнаго Никейскаго Указа отступницы появили бы ся. Еще и сами наши вѣрніи, глубокія ко испытанію проницательности не имуще, отступленіе же отъ обычая и обряда, доселѣ употребляемаго, примѣчающе, безъ сомнѣнія, въ невѣрствіе и разная подозрѣнія поползнули бы; мене же и моего Закона Епископовъ, иже о измѣненіи толикія ученія Церкве главизны, привилегіями положенныя, практическимъ толикихъ вѣковъ обычаемъ вкорененныя, изъ Указа Вселенскаго Перваго Собора произведенныя, иже и о союзѣ съ толиками символическими книгами, толикіи обряды и обычаи праздниковъ, постовъ, и толикія классическія главизны возгласихомъ, Богъ вѣсть что напослѣдокъ отъ насъ не взыщутъ, и тако изъ горящія ко содержанію своихъ любве, многимъ негли

бѣдностемъ изложатъ. Обаче да не покажуся, аки бы о будущихъ суетный страхъ себѣ умножилалъ, но да помнитъ всякъ, изъ Турецкихъ провинцій по всѣхъ почти мѣстѣхъ купцевъ и иныхъ моего Закона Христіановъ, сѣмо и тамо шествующихъ, что множайшіи единовѣрнымъ своимъ пріидутъ, дабы богослуженіе, постъ и прочее благоговѣніе совершивали, и управо во время Пасхи, къ восиріятію святыя Евхаристіи готови, между тѣмъ, Пасцѣ уже совершенной, днемъ вящшаго благоговѣнія окончаннымъ быти, сихъ же своего Закона Христіановъ вкупѣ съ Римо-Католиками и Протестантами веселыя дни проводити примѣтятъ, чудитися, подозрѣвати и противословити будутъ. Но да не премолчу и таковыхъ купледѣевъ, иже во Віеннѣ, въ пристанищахъ и другихъ Вашего Величества провинціи мѣстѣхъ обитаютъ, и своя обряды Ветхимъ Календаремъ, аки чуждіи Турецкія подданницы, прочее отправляти восхотяще, себѣ нѣкое насильствіе возчувствуютъ; да не премолчу и таковыхъ Унитыхъ Грековъ, иже въ окрестныхъ Италіи провинціахъ и другихъ разныхъ островѣхъ обитающе, съ нашими непресѣчно въ разныхъ соотвѣтствованіяхъ связани суть, и иже равнѣ, таковымъ примѣромъ устрашени, такожде свое лице всякоякимъ начиномъ отвращаютъ. Наконецъ да не премолчу и таковыхъ Греческихъ Епископовъ, всюду въ окрестныхъ намъ провинціахъ обитающихъ, иже о истинѣ ороодоксіи Церкве своея другопріимательнѣ тако увѣрени суть, да почти безъ разнствія вся иныя Религіи Церкви ложныя и погрѣшныя быти мнятъ, и иже насъ вся, въ другое время, въ другія седмицы и въ другія термины, нежели оніи, противу общаго всея Церкве Восточныя обычая, отправляти увидяще, воистину, яко мы отъ общаго обряда отступихомъ и третію нѣкую секту содѣлахомъ, помыслятъ, и тако нѣкимъ начиномъ отъ насъ отвратятся, и тожде и своимъ дѣлати совѣтовати будутъ, въ коемъ случаи, каково бы наше, нарочно вышшаго Клира, состояніе было, каждый легко узрѣти можетъ.

13. Аще бы кто словеса сія суетная, ниже сице пріити имущая, вѣровалъ, молю, дабы въ книгахъ полемическихъ о распряхъ прошлыхъ временъ между Греками и Римлянами токмо обрѣлъ, иже о разныхъ и многихъ матеріяхъ написаша, и въ коихъ Римляне, что отъ обычая и Указа Отецъ Никейскихъ отсту-

пиша, и со Іудеями Пасху торжествуютъ, и иная, поздѣ, изобличаются, равнымъ начиномъ Грекомъ отвѣтствуютъ. Да прочтетъ такожде многихъ маѳиматиковъ, здѣ воистину безкорыстолюбивыхъ судей, иже численіемъ показаша, яко Римляне по своему опредѣленію и методу, и кромѣ случая, мною наведеннаго, Пасху иногда въ той же день съ Іудеями праздновати имѣютъ, еже и сами не крыютъ, обаче сицевый случай рѣдкимъ быти глаголютъ, ихъ же азъ воособь привести своевольно оставляю; ниже есть мое намѣреніе обѣю Церковію методъ принести, и иже бы истиньшій былъ хранити, зная, яко ни едино пунктомъ Астрономическимъ точнѣйше отвѣтствуетъ, ни едина такожде въ томъ призрѣніи сматряется. Но токмо сіе сказати хотѣхъ, да Греческая Церковь изъ основательныхъ ученія своего началъ таковыя о содержаніи всего обычая разныя причины принести бы могла, яко воистину самъ азъ, либо моего Закона Епископи, аще бы отъ тѣхъ отступили, ни каковаго въ Церкви сей извиненія могли бы имѣти, что, си рѣчь, отъ Указа Никейскихъ Отецъ отступихомъ.

14. Еже онаго предмета касается, что, си рѣчь, съ пріятіемъ Новаго Календаря прочая ученія нашея главизны, яже съ Ветхимъ Календаремъ, въ книгахъ церковныхъ символическихъ, седмичныхъ и постовъ, связана, въ своемъ рядѣ нѣкое премѣненіе возчувствуютъ, хотя предварительнѣ вижу, яко на сіе абіе возразитися ми имѣетъ, яко вся сія и въ прочемъ въ томъ рядѣ, въ коемъ нынѣ находятся, останутъ, таковымъ, си рѣчь, начиномъ, яковымъ находятся, егда нынѣ, держаще еще Ветхій Календарь, случается, да съ Римо-Католиками Пасху празднуемъ, вся сія возможна быти въ первомъ мгновеніи не дерзаю отрещи; ни чимъ меньше и сіе примѣтити имѣю, яко вси, сѣмо и тамо разсѣянніи въ книгахъ церковныхъ Типицы и управленныя табелы, по Ветхому начину опредѣляющія Пасху, седмицы и посты расположены суть, слѣдовательно, множайша тѣхъ, или суетна бы была, или иная внести бы ся имѣла, еже, аще бы здѣ нынѣ засвидѣтельствовати требѣ было, цѣлое воистину отъ точки до точки ученіе изчислити бы ся имѣло, и тако всюду множайше время взыскуется, нарочно же иными такожде предметами занятнѣйшему время недостаетъ. Надѣюся обаче таковыхъ, иже продол-

женіе премѣны сея задерживаютъ, сицевая въ свѣтлость привести готовыхъ быти, или овымъ моимъ начиномъ опомянути, прочее такожде вещь испытывати будутъ Едино токмо премолчати не могу, си есть: аще Новый Календарь воспріимемъ, то постъ Святыхъ Апостолъ большими деньми поститн будемъ, нежели при Ветхомъ Календарѣ. Зане постъ сей, истекшимъ отъ Пасхи до Пентикостіи четыредесятымъ днемъ начинается и даже до самаго праздника Петра и Павла, 29 Іунія, траетъ (длится). Явно есть, яко той премѣнителенъ есть, и должшій, либо кратшій, быти имѣетъ, въ таковомъ, си рѣчь, соразмѣріи, въ коемъ Пасха ближше, или удаленнѣе, 29 Іунія падаетъ. Слѣдовательно, зане всѣхъ прошлыхъ временъ примѣтися, яко Пасха по Новому Календарю всегда ранѣе въ пролѣтіи, скорѣе нашея по Ветхому Календарю сбывашеся, отсюду явно видится, яко мы больше имѣли бы постити, нежели по Ветхому Календарю, не сматряющимъ онымъ дванадесятымъ днемъ, коими по Новому Календарю день 29 Іунія ближше Пасцѣ приступаетъ, либо, коими нынѣ Ветхій Календарь преисполненъ есть. Азъ во исчисленіи 20 лѣтъ, прописаннымъ начиномъ о предложенной истинѣ самымъ численіемъ увѣрихся, да мы чрезъ 20 лѣтъ при Новомъ Календарѣ почти пять седмицъ больше постили бы были, нежели при Ветхомъ Календарѣ, что вещественно постихомъ.

15. Нынѣ убо постъ сей, что наступающимъ тяжчайшимъ дѣломъ падаетъ, ово за убогій сего Закона народъ, ово же изъ многихъ иныхъ призрѣній и за другія классы людей, тако тяжекъ есть, да многажды азъ о средствѣ умствовахъ, имъ же бы сія великая тягота убогому народу облегчитися могла. Пріятіемъ обаче Новаго Календаря еще вящшую тяготу, аще не много, то вящшую, нежели доселѣ, терпѣти бы имѣли. Сіе едино примѣчаніе и величайшая тягота есть, яже бы съ пріятіемъ Новаго Календаря намъ приступила, и чувствованіемъ отмѣнныхъ людей толико важило есть, дабы каждый о изглажденіи тоя умствовалъ, имъ же азъ совѣстно признати имѣю, яко средства не знаю, коимъ бы яко самаго себе, тако и вѣрныхъ моего Закона, во первыхъ недозрѣлаго и побожнаго разсужденія человѣковъ, отъ сея тяготы освободилъ. Зане, аще бы данымъ благословеніемъ ихъ

отъ поста освободилъ, то негли, возгорящимъ страхомъ пріятія таковыя премѣны одержими, не имѣютъ повиноватися; аще ли бы азъ самъ примѣромъ предходити восхотѣлъ, негли вящшему утвержденію и соблазну имъ быти моглъ бы.

16. Число людей моего Закона Восточныя Церкве, въ Державѣ Вашего Величества, въ смотрѣніи иныхъ жителей (хотя вси Новаго Календаря употребленіе не творятъ), безъ сомнѣнія, есть мало; слѣдовательно, совѣтно есть, да предмету, съ половиною почти политики и политическими Царства слѣдствіями союзъ имѣющему, такожде и собственныя ради пользы и корысти склониться; сія убо истинна суть. Обаче тожде Восточныя Церкве въ Вашего Величества Державахъ обрѣтающихся людей число, въ смотрѣніи числа цѣлыя Восточныя Церкве, яко частица взиратися иматъ. Нынѣ убо сія едина частица въ формахъ своихъ толику премѣну да претерпитъ, въ смотрѣніи седмицъ, постовъ и праздничныхъ дней, вся во иное время да творитъ, нежели ея Греческаго Закона окрестныя Церквы, кій есть, иже не видитъ, яко сія частица главною нѣкою премѣною отъ общаго ея тѣла отчуждится и послѣди у того же за совершенну Греческаго Закона не признается? И тако, зане ни Латинскаго, ни Уніатскаго, ни Греческаго Закона совершенно будетъ, явно есть, яко тяжко аки третіе нѣкое отъ тѣла онаго отцѣпленіе именоватися будетъ. Всякое сложеніе, или отъ главизны, или отъ конца опредѣленія, или типа и формъ своихъ, взимаетъ наименованіе. Мы отъ нашихъ формъ, а не отъ догматовъ, называемся Греческій Ритусъ Восточныя Церкве, и въ многихъ, нарочно мнѣніемъ народа, яко же ученыи глаголютъ, форма даетъ главизну вещи; ниже что стално, твердо и безопасно въ главизнѣ своей постояти можетъ, аще мудро и стално своихъ формъ содержаніе не употребится. Вѣроятно есть, яко сицевая нечаянная премѣна что больше людей мнѣція возмутитъ.

И отсюду сбыстся, да Греческаго Закона по Италіи, въ Римѣ и въ островѣхъ моря Адріатическаго обитающіи людіе, и съ Церковію Римо-Католическаго соединеніи, въ самое время своего имъ соединенія, всѣмъ своимъ обрядомъ и формамъ сталнымъ и безопаснымъ остати трудишася содѣлати тако, да сами Папы Римскіи многими изданіями и своими законами тѣхъ Грековъ, во

всѣхъ своихъ обрядѣхъ, по употребленію своего Ветхаго Календаря, въ коемъ и днесь суть, и въ будуще содержанны, сдѣлати восхотѣша, яже аки вся всѣмъ добрѣ вѣдома. Сомнительно есть, аще бы моего Закона людіе тогда употребленія своего Ветхаго Календаря лишилися были, въ коемъ Грецы Унити и въ самомъ Римѣ оныя своя обряды свободно уживаютъ. Будущему сожалѣнію сихъ, у Ветхаго Календаря противности въ томъ, въ коемъ нынѣ состояніи находятся, никого больше, елико насъ самыхъ угнѣтаютъ. Корысти и пользы обаче, изъ премѣненія того ожидающія, нарочно намъ полезны были бы; но, яко же горѣ упомянухъ, многая въ обрядѣ Церкве сея суть, яже или правды, или вящщія пользы и корысти ради, имѣла бы ся обратити, но ихъ же обращеніе или совсѣмъ не возможно есть, или не иначе, развѣ въ угодныхъ желаніяхъ и въ нарочитыхъ временехъ ожидати можно. Воистину, наши посты тако велицы, стрози и тяжки суть! Тяжко и бѣдно есть, егда Священникъ, дѣтьми отягощенъ, вдовъ останетъ, ниже ему во вторый бракъ ступити дозволяется. Како бы полезно и красно было, аще бы вступившій во священство тогда ко иному браку ступити моглъ, въ коемъ званіи негли добрѣ просвѣщенъ, отмѣнъ, благодѣяніями украшенъ, случило бы ся, дабы благородныя классы лице за супругу взяти моглъ! Что же, аще бы вдовицу, многими добрами снабдѣнну и негли званіе свое сіятельно украсити имущу, посягнути дерзнулъ! Та вся по положенному ученія правилу тако противна суть, да о обращеніи тѣхъ ни мыслити начинаемъ.

17. Но да и въ смотрѣніи оныхъ, яже изъ пользы Новаго Календаря производятся, еще нѣкая приведу. Коликая корысть, коликое къ общему живота благосостояніе оттуду ожидати можно, аще бы время Пасхально неподвижно было, вси же съ нимъ связани постовъ, торжествъ, седмицъ и праздничніи дни въ тое же постоянно время сбыли бы ся! Коимъ начиномъ люди, нарочно простая ихъ класса, яко же и вси отцы, благодѣтеліе, словомъ, величайшая человѣковъ часть, яже повѣсти своя, родословія, примѣчанія о разныхъ экономическихъ и практическихъ мудрости человѣческія правилѣхъ, седмицами, недѣлями, Пасхою и другими подвижными, торжественными деньми связываетъ. Оба, си рѣчь, вѣроятнѣйшимъ путемъ шествующе, чадомъ своимъ и

онымъ, ихъ же воспытаетъ, вся сія вѣжества, вся другопріята своя примѣчанія, свободно ввѣрити бы могла, и сице воистину ихъ познаніе велико бы умноженіе воспріяло, яже вся сія быти того ради не могутъ, что вси овіи торжественніи дни цѣлыми пятьми седмицами разнствуютъ, си есть, отъ 22 Марта до 25 Априлія, егда, си рѣчь, Пасха можетъ и долженствуетъ бывати. И сіе все того ради, что терминъ торжествовати Пасху изъ начина Іудейскія Пасхи должно опредѣляти. Имѣша бо Отцы Никейстіи величайшу причину, коея ради Пасху сице опредѣляти установиша. Множественный, си рѣчь, тогда еще бѣ родъ Іудейскій, негли еще больше бѣху Еллини, либо Іудействующіи Грецы, и премнози Христіане еще прилѣпляхуся правамъ, обычаемъ и обрядомъ Іудейскимъ, коему Святыи Апостоли (нарочно Апостолъ Павелъ) толикимъ пламенемъ противословяху; слѣдовательно, предострещи и управо изгнати Іудейство сіе, оныхъ отцеубійцевъ, восхотѣша Отцы Никейстіи, ниже иначе сіе сотворити возмогоша, развѣ время Пасхальное да противоположатъ, не, си рѣчь, съ ними да сбывается. Оніи обаче Іудеи лѣта 1582, егда Григоріемъ Папою Календарь поправися, въ ономъ состояніи быша, въ коемъ нынѣ у насъ суть, си есть, родъ отверженъ, токмо во градѣхъ разсѣянъ, угнѣтенъ и презрѣнъ тако, да пребываніе свое цѣною главы искупуетъ, ниже кто уже съ нимъ Іудействуетъ. Множайшіи и недостойныхъ гражданскихъ правъ быти мнятъ. Колико убо неправедно есть, что рода сего Пасха всѣмъ повсюду Христіаномъ начинъ Пасхальный и теченіе цѣлаго времене управляетъ! Лучше бы было, аще бы Григорій Папа у всѣхъ Христіанскихъ владѣтелей просилъ былъ, чтобы оныи послѣ всѣхъ Христіановъ Пасху свою имѣли торжествовати, да оныи овымъ, а не Христіане тѣмъ, послѣдуютъ, и себе въ соблазнъ славы своея въ смотрѣніи ихъ имѣли бы положити безъ сомнѣнія, и по своимъ правиломъ нѣкогда въ мѣсѣцѣхъ нечистыхъ Пасху торжествовати. Но почто Григорій Папа сіе не сотвори? Причина бѣ — уваженіе обрядовъ Церковныхъ, и что Указовъ Отецъ Никейскихъ, всей прочей пользѣ предпочтенныхъ, отъ слова до слова сохраняемыхъ имѣти восхотѣ. Поправи убо Календарь, изглажденнымъ изобильнымъ дотолѣ счисленнымъ днемъ и положенною предосторожностію, коимъ закономъ въ будуще таковый избытокъ избѣщи, вся исправи убо тако,

да рещи можно; яко онъ сочинителей Календаря управилъ есть, и отъ многихъ бѣдностей, изъ Календаря происходящихъ и людей угнѣтающихъ, едину и другу изглади; иныя обаче множайшія, хотя пользою общаго живота и препоручаеся, не исправленныя оставилъ есть; си есть, многая находятся, яже суевѣрная и побочная именуются, кои обаче изъ иныхъ призрѣній, или никогда, или рѣдко премѣнитися могутъ. Аще мнѣ примѣромъ вещь подтвердити свободно, то да посмотритъ кійждо, колика повелѣнія и исправленія во введеніи новыхъ, правдѣ и политическому животу сходныхъ, мѣръ и мѣрилъ произыдоша! Колико кратъ такова строго повелѣнна и паки повторенна бѣху! И паки, колико трудно и тяжко есть народъ отъ своихъ обычаевъ отвратити! Что убо здѣ о премѣнѣ Религіональныхъ обычаевъ ожидати намъ можно, каждому, мню, явно есть.

18. Еще едино изостаетъ ми, да оныхъ противословія предварю, иже, яко же чути могохъ, ко введенію Новаго Календаря склонни суще, мнѣ возразити будутъ; си есть, глаголютъ: зане вси Римо-Католицы и Протестанты, такожде и вся прочія Религіи въ Россійской Державѣ, повелѣніемъ Императора Россійскаго, како въ смотрѣніи другихъ своихъ праздничныхъ дней, тако и въ смотрѣніи другихъ своихъ предметовъ, Ветхій Россійскій либо Греческій Календарь наблюдаютъ, тожде и Ваше Величество во своей Державѣ, Грекомъ Закона Неуніатскаго повелѣти, да Новый Календарь наблюдаютъ, и можетъ и долженствуетъ.

19. Аще истинно Россійскій Императоръ другимъ Религіямъ пріятіе своего Ветхаго Календаря повелѣ, не вѣмъ, нигдѣ же въ явныхъ документѣхъ сіе чести возмогохъ; обаче, оставленну тому, яко истина есть, то всепокорнѣйше объявляю, сіе доказательство равнымъ быти, аки бы кто реклъ: зане Краль Великія Британіи, подданникомъ своимъ Гиверномъ (Ирландцамъ) вся гражданскихъ правъ благодѣянія не дозволяетъ, убо и Ваше Величество своимъ подданникомъ Протестантомъ благодѣянія гражданскихъ правъ въ томъ начинѣ отречетъ. Или, аще бы дальше кто Англійскому и Ирайзскому предложилъ: зане во Италіи, Испаніи и Лузаціи ни единъ Протестантъ населися, ниже имъ права гражданска дозволена суть, убо и овіи Кралеве, въ нарочитыхъ своихъ Державахъ, ни единому Римо-Католику права сія да дозволятъ. Второ: той во-

истину, иже Вашему Величеству предложити дерзаетъ, да вся оная, въ Россіи Римо-Католикомъ иже непріятна бываютъ, равнѣ и у своихъ Греческаго Закона подданниковъ да введетъ, дабы, си рѣчь, праведенъ и послѣдователенъ былъ, имѣлъ бы такожде предложити, да и оная, яже пріятна и повольна Римляномъ въ Россіи бываютъ, такожде и Ваше Величество Греческаго Закона своимъ подданникомъ да удѣлитъ. Искуситъ воистину нѣкая быти невозможна, нѣкая обаче, аще бы и возможна была, быти не дозволитъ; имѣетъ, си рѣчь, всяко Царство своя обычаи, своя обряды и нужды, и каждый землеповелитель, по пользѣ, и нуждѣ, и желанію своихъ подданниковъ, а не примѣромъ иныхъ, много меньше, аки казнію, око за око, подданники своя управляетъ. Такожде находится въ сей матеріи и нѣкое вещественное, между Римо-Католиками, Россіянами и Греческаго Закона Вашего Величества подданниками, разнствіе, то есть:

1. Новый Календарь нѣсть тако въ строзѣмъ союзѣ, съ толикими и толь строгими постами и другими Римо-Католическими обрядами связанъ, яко же Ветхій Календарь у Греческаго Закона Христіянъ есть.

2. Самыи Римо-Католичестіи людіе своея Религіи попеченіе обрядовъ и обычаевъ (безъ сомнѣнія, числа меньшаго, яко же у Грековъ, посты и другая суть) своихъ сохраненіе наипаче Клеру, а сей Папѣ, простирающе, меньше такожде пекутся, меньше о своихъ обычаехъ, непоколебимостехъ и устрашими суть, яже вся сія у Греческаго Закона людей совсѣмъ иначе имѣются.

3. Римо-Католицы въ Россіи отъ единыя страны токмо, си рѣчь, отъ Дуката Варшавскаго, съ Римо-Католиками странныхъ земель соединяются, иже при Новомъ своемъ Календарѣ оставше, негли примѣромъ своимъ тѣхъ Россійскихъ подданниковъ возмутити бы могли, да таковую имъ премѣну больше почувствуютъ, а отъ всѣхъ иныхъ странъ, или самымъ Россіаномъ, или Протестантомъ, окрестны суть; слѣдовательно, меньше склоненіямъ другихъ положены суть, нежели Вашего Величества Греческаго Закона подданницы по всѣмъ Восточнаго Царства границамъ, со странными Греческаго Закона соединяются.

4. Наконецъ, Царство Россійское купледѣйми и иными Римо-Католическими людьми не толь, елико дому Австрійскаго Цар-

ства моего Закона странными людми посѣщается, слѣдовательно, много меньше чувстванiе въ оныхъ, нежели у овыхъ, аще бы въ своихъ обрядѣхъ премѣну какову искусили, возродитися имѣетъ. Но напослѣдокъ, что намъ до Россiяновъ? *

И сiя вообще предложенiя и примѣчанiя суть, яже, егда о прiятiи Новаго Календаря и о оставленiи Ветхаго дѣлаются, совѣстно изчислити вѣровахъ моего обвязанiя быти, коя вкратцѣ въ томъ состоятъ, да аще бы азъ и охотнѣйше восхотѣлъ, ни чимъ меньше Новаго Календаря введенiе желати не дерзаю. Ни кто же мое волненiе здѣ да обвиняетъ, зане многихъ ради слѣдствъ, лучше ми предосторожну, нежели свободну, быти. Мудраго такожде человѣка есть больше о суевѣрiи и пожеланiи людей боятися, неже что отъ мудрости и совершенства ихъ ожидати. Та же, въ разсужденiи Высочайшаго Интимата, имѣлъ бы рещи о самомъ введенiи Новаго Календаря начинѣ и времени, такожде и самомъ будущаго Календаря составленiи; обаче, зане въ смотрѣнiи матерiи Новаго Календаря во введенiи желати не представихъ, мню, яко и о начинѣ того ни что же всепокорнѣйше нуждно есть умствовати.

Иже въ прочемъ Высочайшимъ милостемъ и благонаклонностемъ отданъ, со одолженнымъ высокопочитанiемъ Вашего К. Величества и высокославнаго Мѣстоблюстительнаго Совѣта Маджарскаго изумираю

покорнѣйшiй, обвязательнѣйшiй,

повиннѣйшiй

Стефанъ отъ Стратимировичъ с. р.

Митрополитъ Сербскiй и пр. и пр.

Въ Карловцѣхъ.
9 Ноемврiа, лѣта 1814.

---

* Понятна эта оговорка въ устахъ Православнаго Владыки, подъ властiю иноземнаго и иновѣрнаго Государя находящагося.

О

БѢДНОСТИ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

И О СРЕДСТВАХЪ ВОЗСТАНОВИТЬ ЕГО НРАВСТВЕННОЕ ВЛІЯНІЕ НА НАРОДЪ.

Есть ли такое Государство въ мірѣ, гдѣ бы, съ одной стороны, вѣротерпимость была до того безгранична, какъ въ Россіи, а съ другой, гдѣ бы само господствующее Вѣроисповѣданіе въ значительной части Имперіи нуждалось въ терпимости, какъ, на примѣръ, въ областяхъ, возвращенныхъ отъ бывшей Польши, въ такъ называемомъ Прибалтійскомъ краѣ, въ Царствѣ Польскомъ, въ Финляндіи?.. . И Латинскій костелъ и Реформатская кирка враждебны Православію. И ксендзъ и пасторъ, и паны и бароны, свысока смотрятъ на священника. Особенно же подавляетъ наше духовенство богатство и роскошь Бискуповъ и кляшторовъ, при полномъ довольствѣ всего ксендзества. Русская Церковь едва терпима посреди Папежниковъ и Протестантовъ. И давно уже вопіютъ о поддержкѣ Православія изъ Жмуди и Литвы, изъ Бѣлоруссіи, Волыни и Подола, даже, совѣстно молвить, изъ колыбели нашего Вѣроисповѣданія—изъ Кіева!... Тѣмъ понятнѣе сѣтованія Русскихъ въ средѣ Финскаго, или Нѣмецкаго, преобладанія. Понятно, по чему уже самъ Архіепископъ Рижскій и Митавскій, Платонъ, взываетъ въ журналахъ къ благочестивой братіи о Христѣ объ удержаніи, возможными пожертвованіями, отъ совращенія его малаго духовнаго стада въ Лютеранство!....

Не успѣлъ я поставить точку, какъ принесли мнѣ письмо Архіепископа Минскаго и Бобруйскаго (отъ 18-го Октября, 1863 г.), съ приложеніемъ списка Церквей, нуждающихся въ пособіи.

Изъ него видно, что въ Минской Губерніи болѣе 300 церквей одна другой бѣднѣе. Въ той недостатокъ въ утвари, въ этой нищета ризницы, тамъ обветшаніе иконостаса, здѣсь близкое разрушеніе храма, тутъ обгорѣлыя стѣны отъ пожара и т. п. Архіепископъ раздѣляетъ ихъ, по степени ихъ нуждъ, на скудныя (83), бѣдныя (104) и бѣднѣйшія (117).

Я указалъ на двоихъ Архіереевъ въ той надеждѣ, что найдутся на Руси доброхотные датели, и мелкія лепты, отсылаемыя ими въ Ригу, или въ Минскъ—къ Преосвященнымъ Платону, или Михаилу,—составятъ сумму достаточную, какъ мелкія капли дождя и росы, какъ тонкія струи ключей и родниковъ восполняютъ рѣки и озера. Вѣдь и Прибалтійскій край въ старину также былъ частью, какъ и Югозападный, Русскою стороной? Вѣдь въ немъ жили Русскіе люди? Вѣдь въ давней Куроніи, Ливоніи и Эстоніи, какъ и въ части, присоединенной къ завоеванной Финляндіи (Выборгская, издавна обрусѣлая Губернія), были Русскія церкви? А въ возвращенныхъ отъ Польши Губерніяхъ существовали и Православныя Братства, охранявшія ихъ отъ окатоличенія, ополяченія и конечнаго отторженія отъ родимой Руси истребленіемъ Русскаго языка, извращеніемъ Русскихъ нравовъ и обычаевъ, совращеніемъ Православнаго люда, волею, неволею, въ выдуманную Папой съ Езуитами Унію. А что тамъ теперь?... Тамъ, какъ говоритъ одинъ изъ Московскихъ проповѣдниковъ, Протоіерей А. О. Ключаревъ, тамъ въ селеніяхъ множество Православныхъ церквей, похожихъ, грѣшно сказать, на сарай, въ которыхъ и сквозь стѣны дуетъ, и сквозь кровли течетъ, съ иконами изъ бумажныхъ картинокъ, или грубо намалеванными на доскахъ, безъ приличной утвари.

Да что теперь у насъ, не только уже въ мѣстахъ Римскаго и Протестантскаго преобладанія, что въ цѣлой-то Россіи?... Не говоря о разсѣянныхъ тамъ и сямъ отщепенцахъ, терпимыхъ и полутерпимыхъ, или какъ бы незамѣчаемыхъ расколахъ; не считая густо гнѣздящихся Евреевъ вездѣ, гдѣ дозволено имъ водворяться; не упоминая объ Армянахъ Григоріянскаго и Латинскаго Вѣроисповѣданія, ни объ Аріянахъ, по малолюдству ихъ относительно къ народонаселенію въ Россіи, равно объ иностранныхъ поселеніяхъ въ Новороссійскомъ краѣ, въ Саратовской Губерніи

(Сарепта) и п. т., какія огромныя пространства заняты Магометанами, Язычниками и проч., отъ Сибирскихъ тундръ и Амура до Лапоніи, отъ Калмыцкихъ кочевьевъ до Крыма, отъ Зауральскихъ степей до Кавказа? Много ли же остается въ Государствѣ земли, сравнительно, чисто Православному люду? Талмудъ и Коранъ, Лютеръ и Папа, Конфуцій и Далай-Лама, Гебры и Буддисты, Язычники и не Христіяне-Философы, наши Матеріялисты, Безбожники, Спириты, изумляющіеся нечистой силѣ бѣсовъ, и ни чему и ни во что невѣрующіе, всѣ они сѣтью обхватили Православное Государство.

Непостижима судьба Церкви на Руси! Со временъ Св. Ольги и Равноапостольнаго Владиміра, она, вмѣстѣ съ Русской землей, росла и расширялась, и вотъ теперь—безсильна и одиночна, едва терпима посреди безчисленнаго множества костеловъ, кирокъ, синагогъ, мечетей, капищъ, кумиренъ, скитовъ, моленъ!.. Ихъ ксендзы, пасторы, раввины, муфтіи, муллы, дервиши, ламы, жрецы, шаманы и проч., вполнѣ обезпечены въ своемъ содержаніи. И не одно Латинское ксендзество обладаетъ богатыми доходами, не одни Христіянскіе разновѣрцы пользуются вспомоществованіями и покровительствомъ духовенству, но и не Христіянскіе, на примѣръ, послѣдователи Далай-Ламы, поклонники Магомета и проч. Вакуфы послѣднихъ (достояніе мечетей) неприкосновенны, и Магометанство упрочено даже въ среднихъ полосахъ Россіи, въ Губерніяхъ Рязанской, Тамбовской, Казанской и т. д.

Правда, наши Деисты заботятся объ обращеніи не Христіянъ, но не въ Христіянство, какъ предлагало Православное Обозрѣніе (1860, кн. XII, стр. 601 и слѣд.), а, на примѣръ, Калмыковъ, цѣлый народъ, въ Мусульманство, или въ какую-то вновь сочиненную **Русскими** преобразователями религію, словно Ламайство или Исламъ—переходная ступень въ Христіянство!.. А при этомъ, какъ слышно было, **Православные** Казаки даже воздвигали для обращенныхъ мечети... За то наши Философы-Христіяне, не признающіе и, по правдѣ, **не знающіе** различія между догматами Апостольскаго ученія и выдумками Папы, Лютера, Кальвина и проч., **переполненные вѣротерпимостью** и признающіе всѣхъ наравнѣ за истинныхъ Христіянъ, отъ Безпоповщины и Хлыстовщины до Езуитства и Инквизиторства, наши

Философы-Христіяне пытались приманить въ Россію проповѣдниковъ съ Запада, столь враждебнаго Православію!.... Въ 1860 г. ходила по рукамъ Записка по этому случаю. Не знаю, что съ того времени по нынѣ сдѣлано въ противоядіе такой мысли, но знаю, что тогда, для успокоенія Православно-Русскихъ умовъ, было только объявлено въ журналахъ «о намѣреніяхъ оправославить Кавказъ.» Привожу эту Записку цѣликомъ. Она здѣсь будетъ кстати:

«Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, господствующая, государственная Религія была, есть и будетъ скрѣпленіемъ, связью, цементомъ, такъ сказать, стихій народности: языка, закона, нравовъ, правъ, обычаевъ. Гдѣ нарушалось единство Религіи, тамъ стихіи народности разлагались, дробились, исчезали. Съ ними упадали Правительства, разъединялись народы. Такъ, съ Лютеранствомъ Латинская Церковь (отпавшая отъ Вселенской) утратила свою внутреннюю силу, держалась по сей часъ внѣшними подставками, мірскою властію Папъ, Инквизиціей, Езуетизмомъ, Индульгенціями, проклятіями съ Ватикана и т. п., теряла милліоны своихъ сыновъ, увлеченныхъ бурнымъ потокомъ Реформаціи,—и стала вынуждена, при всей нетерпимости своей, терпѣть расколы до такой степени, что согласилась на признаніе въ нѣдрѣ своемъ Церкви Галликанской, да еще придумала и Уніятскую, въ нечестныхъ видахъ и преступныхъ надеждахъ, по неблагословенію Божію не вполнѣ сбывшихся.

«Протестантскія Правительства всѣми силами поддерживаютъ господствующія у себя Вѣроисповѣданія. Англиканская, на примѣръ, Церковь только и укоренилась настойчивымъ покровительствомъ Правительства.

«Великобританія, не меньше Езуитовъ, любитъ обращенія, и духъ прозелитизма въ ней также неукротимъ, какъ и въ Римскомъ духовенствѣ, даромъ, что миссіонеры ея стремятся при этомъ къ цѣлямъ, предпочтительно торговымъ и политическимъ. Въ этѣхъ цѣляхъ и у насъ на Кавказѣ, во времена Генерала Ермолова, Англія пыталась сблизиться, чрезъ своихъ миссіонеровъ, проповѣдью и деньгами, какъ съ непріязненными намъ, такъ и съ мирными, или покоренными, племенами. Но Ермоловъ остановилъ и

уничтожилъ ихъ стремленія всѣми, зависѣвшими отъ него, средствами и распоряженіями. Иначе мы вели бы въ послѣдствіи войну уже не съ дикарями, а частью съ образованными и, стало быть, съ опаснѣйшими врагами.

«И вотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, недавнимъ оглашеніемъ мысли Кавказскаго Комитета (который не долженъ бы рѣшать, мимо Синода, духовные вопросы), открытъ широкій путь агентамъ Папы и Англіи! Пусть эта мысль не новая, пусть, если не ошибаюсь, еще въ 1832 году она была заявлена; но это ни сколько не оправдываетъ заблужденія и тогда и нынѣ поддержавшихъ ея лицъ, какъ ни чѣмъ не оправдывается безнужное и даже вредное размноженіе съ пятидесятыхъ годовъ Латинскихъ въ Православной Россіи Епархій и безпрерывныхъ снованій по полкамъ Русскихъ войскъ то ксендзовъ, то пасторовъ. * Доселѣ полковыя преданія, служебное товарищество, Русскій языкъ, уничтожали религіозныя различія въ понятіяхъ нижнихъ чиновъ, и чуждые намъ Вѣрой и языкомъ вовсе не заботились ни о пасторахъ, ни о ксендзахъ, русѣли подъ общимъ знаменемъ, сливались въ одно цѣлое съ нами, присоединялись къ господствующему въ государствѣ Исповѣданію.

«Наша Церковь всѣ прочія Христіанскія и Философскія вѣрованія признаетъ за расколы и ереси. Свобода обращать не Христіанскія племена въ то, или другое, Вѣроисповѣданіе рушитъ основное ученіе Православной, Греко-Россійской, Восточной, истинно Христовой Церкви: эта мѣра упрочитъ, усилитъ и породитъ вновь расколы. Терпимость не есть согласіе на всеобращенія, или признаніе ересей, а только отсутствіе гоненія, допущеніе иновѣрцамъ пребывать въ своей природной религіи, коснѣть въ заблужденіяхъ, доколѣ не озаритъ ихъ свѣтъ Благодати, Квакеръ ли это, или Еврей, Гернгутеръ, или Мусульманинъ, Папежникъ, или Язычникъ.

* Пусть Латины, Лютеране, Мусульмане и прочіе обезпечены относительно духовныхъ потребностей, но возможно же подавать Христіанскія пособія и Православнымъ, когда служба, торговля, тяжба и т. п. забросятъ ихъ въ какое ни будь захолустье посреди иновѣрцевъ.

«Езуиты, проникнувъ къ намъ подъ именемъ того, или другаго, Римскаго Ордена, расширятъ совращенія посреди нашихъ раскольниковъ и даже посреди Православныхъ, а миссіонеры Англіи, съ ихъ терпѣніемъ, съ ихъ твердостію, и особенно съ ихъ деньгами, въ нѣсколько лѣтъ обратятъ въ Христіянство нашихъ не Христіянъ, не только на Кавказѣ, а и въ Сибири и въ цѣлой Россіи: Татары, Калмыки, Киргизы и т. д. всѣ станутъ Англичанами, усвоивъ себѣ съ проповѣдью и языкъ, и понятія, и науку, и нравы Англичанъ. Не пройдетъ 20, 30 лѣтъ, и отъ Кавказа и Крыма до границъ Хивы, Бухары, Китая и т. д. въ Россіи образуется Англія, и богатыя края отторгнутся отъ нея безъ войны, безъ политическихъ потрясеній, естественной силою непобѣдимыхъ обстоятельствъ.

«Теперь еще можно предупредить столь горестную будущность; стоитъ только поручить Святѣйшему Правительствующему Синоду обсудить и представить, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, свои соображенія и каноническія опроверженія этой вредной мѣры.

«Нѣтъ сомнѣнія, что не только Святѣйшей Правительствующій Синодъ, но и все духовенство не опровергнутъ историческихъ указаній и выводовъ въ настоящей Запискѣ, и единодушно заговорятъ противъ распоряженій 1832 и 1860 г., если отобрать мнѣнія Епархіяльныхъ начальниковъ.

«До окончательнаго разрѣшенія столь важнаго, грознаго по послѣдствіямъ, дѣла, необходимо объявить новое предположеніе «объ обращеніяхъ въ Христіянство «пріостановленнымъ, до положительнаго обсужденія его, на основаніи коренныхъ узаконеній, духовныхъ и государственныхъ, мѣстными духовными соборами и Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ».

Москва.

30 Сентября, 1860 г.

Были времена, когда не только въ подобныхъ вопросахъ наше духовенство имѣло голосъ, но и въ дѣлахъ Государственныхъ, въ дѣлахъ войны и мира, нерѣдко простирало благоразум-

ное и спасительное вліяніе на Князей, дружины и земство. Оно утишало иногда усобицы, мирило враждующихъ, смиряло крамольниковъ, налагало покаяніе и посты на народъ, убѣждало, устрашало и направляло въ нужныхъ случаяхъ Удѣльныхъ и Стольныхъ Князей, позже и самихъ Царей Московскихъ. Оно воспитало народъ устною проповѣдью. Оно учредило первыя училища для просвѣщенія земли. Лѣтопись сохранила многіе изъ его подвиговъ. Такъ Св. Петръ положилъ краеугольный камень созиданію Московскаго Государства перенесеніемъ изъ Владиміра Митрополичьяго престола въ новорожденную Москву. Такъ Св. Алексій двукратнымъ посѣщеніемъ Золотой Орды и чудесами, въ ней явленными молитвами его, уберегъ Православную Церковь отъ ига Татарскаго. Такъ Св. Сергій Радонежскій благословилъ Димитрія Донскаго, и витязи-иноки, Пересвѣтъ и Ослябя, освятили своей кровью Куликово поле. Такъ Патріархъ Гермогенъ, умирая голодною смертію въ вѣчнопамятное Ляхолѣтье, воодушевлялъ Русскій народъ своими грамотами, и Ляховъ не стало въ Москвѣ.

Въ тѣ времена духовенство наше было сколько могущественно, столько же и богато. Теперь оно обнищало. За исключеніемъ не многихъ, мужскихъ и женскихъ, обителей (въ которыхъ подвизается въ молитвѣ и постѣ, кромѣ не постриженныхъ послушниковъ и послушницъ, до 10,000 иноковъ и инокинь на 70 милліоновъ народонаселенія), да нѣсколькихъ соборныхъ храмовъ и койгдѣ богатыхъ приходовъ, вообще Православныя церкви возводятся и украшаются, а въ большинствѣ едва поддерживаются, повременными жертвами и подаяніями. Большинство же Священно-и церковно-служителей терпитъ нужду отъ колыбели до могилы. Въ городахъ все ихъ существованіе зависитъ отъ щедрости прихожанъ. Въ селеніяхъ скудно питаетъ ихъ земледѣльческій трудъ. Попытка свести ихъ на жалованье оказалась неудачною, по самой бѣдности окладовъ. А ружные, т. е., сколько ни будь обезпеченные помѣщикомъ, или храмоздателемъ, со дня на день убываютъ, за прекращеніемъ руги, т. е., окладовъ на ихъ содержаніе, и за упраздненіемъ ружныхъ церквей то здѣсь, то тамъ.

Нравственная сила Русскаго духовенства впервые потрясена Иваномъ IV-мъ. Мученическая смерть Св. Филиппа глубже

погрузила народъ въ бездну безгласнаго рабства, нежели самоуправство пьяныхъ опричниковъ и пытки грознаго Царя. Низведеніе съ Патріяршаго престола Святителя Никона при Алексѣѣ Михайловичѣ еще больше надломило высокое значеніе духовной власти. Петръ окончательно уничтожилъ ее, упразднивъ Патріяршество и приставивъ къ созданной имъ Духовной Коллегіи (въ послѣдствіи Святѣйшій Правительствующій Синодъ) Оберъ-Прокурора. Екатерина II уничтожила вещественную (матеріяльную) силу Епископовъ и монастырей, лишивъ ихъ имѣній и самыхъ средствъ богатѣть. Александръ I-й, покровительствуя, по внушеніямъ Черторыйскаго, Латинское Вѣроисповѣданіе и поддерживая неугомонныхъ Езуитовъ, не только въ Полоцкѣ, а и въ столицѣ, образованіемъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса неумышленно открылъ путь къ обращенію въ Поляковъ всѣхъ, поступившихъ на службу солдатъ изъ Губерній, которыя предполагалось присоединить къ Польшѣ, и которыя, если не географически, то административно, уже принадлежали ей, какъ состоявшія подъ главнымъ управленіемъ Цесаревича Константина Павловича, и нравственно, по зависимости Унитской Церкви отъ Римскихъ Бискуповъ. Собранные изъ всѣхъ полковъ арміи и гвардіи, этѣ старые, большею частію, служивые молили «не высылать ихъ изъ командъ, какъ людей Русскихъ и Православныхъ (въ ихъ время, т. е., времена Екатерины и Павла, когда они вступали въ войска, ксендзы и пасторы не разъѣзжали еще по арміи), но мольбы ветерановъ отвергнуты, и въ 1830—1831 они цѣлыми полками переходили къ мятежникамъ. *

Наконецъ, и при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, столько заботившемся о распространеніи Православія въ возвращенныхъ отъ Польши краяхъ, присоединившемъ Уніятовъ-полукатоликовъ къ господствующей въ Государствѣ Церкви, уничтожившемъ Ли-

* Оставленъ тогда только Лопатинскій, помнится, въ Преображенскомъ полку. Не разъ случалось мнѣ любоваться необыкновеннымъ ростомъ, стройностью и ловкостью его въ продѣлкѣ, не хуже Индѣйца-фокусника, разныхъ выкидокъ воинскимъ жезломъ на ходу впереди 1-го взвода, когда грянетъ магическое слово: «Маршъ! Маршъ!» и загремитъ барабанъ. Кромѣ Лопатинскаго едва ли еще пять, шесть, великановъ утаено полковыми начальниками во всей арміи.

товскій Статутъ, упразднившемъ нѣсколько кляшторовъ, домашнихъ костеловъ и много каплицъ, вводившемъ Русскій языкъ во всеобщее употребленіе и въ судахъ и въ училищахъ, даже и при немъ, непреклонно твердомъ и настойчивомъ, чисто Русскомъ и глубоко Православномъ, всемірные Христіяне съумѣли, не отстаивая уже явно Литвы, или Бѣлоруссіи, усилить внутри Россіи Латинство, а слѣдовательно и Полячество: они придумали образовать у насъ новую Римскую Епархію, и гдѣ же? не въ Одессѣ, не въ Кишеневѣ, или въ иномъ сосѣдствѣ съ колоніями южнаго края Россіи, гдѣ встрѣчаются и поселенцы Римской Вѣры, а въ странѣ, обитаемой Братствомъ Моравскимъ, въ Саратовской Губерніи, гдѣ едва ли копошилось тогда нѣсколько семей Латинскаго обряда! Содержаніе этой, чуждой странѣ, Епархіи щедро обезпечено, и иновѣрный Бискупъ получаетъ отъ Правительства вдесятеро больше пособія, нежели Православный, такъ же Епархіяльный, начальникъ.

Боже мой! Когда же образумимся мы и отрезвимся отъ чада, напущеннаго на насъ Езуитами, космополитами, философами и дробителями Русской земли на части по племенамъ, языку и даже нарѣчіямъ? Вотъ и недавно еще въ Русскихъ Вѣдомостяхъ одинъ патріотъ хитро убаюкалъ редактора своей статейкой, въ заключеніи которой простодушно предложилъ учредить Латинскія внутри Россіи Семинаріи для образованія ксендзовъ. Это предложено только для почину, а потомъ предложатъ намъ открыть тамъ же и новую, сверхъ Петербургской, Академію Римско-Духовную, а потомъ и училища для паничекъ, и хоть по одному монастырю для призрѣнія иноковъ и инокинь, чтобы не стѣснять призваніе непричастныхъ міру душъ и поддержать религіозность Езуитскую; понадобятся и Латинскія Епархіи во всѣхъ Губерніяхъ, для противодѣйствія Православнымъ пастырямъ. Въ настоящее время особенно нужно остерегаться дѣятельности Езуитовъ, повсюду проникающихъ подъ всѣми видами монашества и ксендзества. Теперь, когда уличенная въ мятежѣ Шляхта, неминуемо должна быть выселена изъ мѣстъ своего осѣдлаго и неосѣдлаго пребыванія, не употребляютъ ли Езуиты всѣхъ силъ, всей своей хитрости, чтобъ не допустить до расселенія ее въ раздробь (по 6—7 и до 10 семействъ на сто семей кореннаго населе-

нія), такъ какъ разъединенные Поляки по необходимости не только сольются съ Русскими языкомъ и вѣрою, не встрѣчая ксендзовъ и посѣщая Православные храмы, но и породнятся съ нами свадьбами, сдружатся, обрусѣютъ и наслѣдуютъ наши нравы и обычаи. Вотъ по чему Ляхофилы совѣтуютъ водворять Шляхту отдѣльными волостями. Земли, гдѣ основались бы Польскія поселенія, составятъ новую Польшу — въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Прочитавъ этѣ страницы, многіе, вѣроятно, скажутъ: «Къ чему такая іеремяда, такой неутѣшный плачь, такое отчаянье за народъ, за Церковь, за Государство? Исторію не передѣлаешь тоскою о быломъ. Время взяло свое. Не уничтожить же вѣротерпимость, не возстановить же Патріаршій престолъ, не возвратить же духовенству отобранныя у него за-сто лѣтъ имущества.»

Нѣтъ, я ничего подобнаго и не предлагаю, но предложилъ бы вотъ что:

Во первыхъ: Не замѣняя свободу вѣроисповѣданія гоненіемъ, оставить терпимость терпимостью, и только, а не больше. Другими словами: не преслѣдовать расколовъ и ересей, Идолопоклонства и Язычества, Еврейства и Мусульманства, доколѣ и на сколько тѣ, или другія, не вредны и не опасны въ духовномъ, нравственномъ, хозяйственномъ и государственномъ отношеніяхъ для Русскаго Правительства, народности и господствующей въ Россійской Имперіи Церкви. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и не поощрять, однако, цѣлыя племена и народы къ коснѣнію въ заблужденіяхъ; не предоставлять иновѣрію и безвѣрію съ ихъ жрецами и мудрецами преимуществъ передъ Православнымъ духовенствомъ; не дозволять имъ проповѣди и обращеній изъ ереси въ ересь, изъ лжевѣрованія въ лжевѣрованіе, на примѣръ, изъ Ламайства въ Магометанство, изъ Жидовщины въ Латинство и т. п. Право проповѣди и обращеній разновѣрцевъ въ истинную Христіанскую Вѣру принадлежитъ одной господствующей Православной Церкви. Всякія же совращенія изъ Православія строго запрещены законами Государственными.

Во вторыхъ: Прекратить всякія пособія, поддержки денежныя и нравственныя, храмамъ и божницамъ, Христіанскимъ

и не Христіянскимъ, наперекоръ Религіи и политикѣ, не золотить кумировъ. Отобрать Вакуфы отъ Татаръ и доходы съ богатыхъ имуществъ отъ Бискуповъ, ксендзовъ и кляшторовъ, которые упразднить, а мниховъ и мнишекъ перевести въ монастыри Царства Польскаго. Раздробить, гдѣ то возможно, единство иновѣрческихъ управленій на отдѣльныя, самоправныя части, какъ бы на приходы, по мѣстамъ существованія мечетей, костеловъ, кирокъ и т. п., безъ всякой между ними связи; такъ, на примѣръ: прервать всякую связь между мечетями, положимъ, Крымскими съ Касимовскими и проч., и упразднить какъ Ламайское духовное (будто бы) Правленіе, такъ Латинскія Епархіи и т. д. Въ замѣнъ всего этого образовать «Синодальное иновѣрческими дѣлами управленіе» изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ, на примѣръ, при Московской Синодальной Конторѣ, по срединному положенію древней столицы и многимъ другимъ важнымъ соображеніямъ. Всѣ дѣла, какъ изъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и Комитетовъ Кавказскаго и Сибирскаго, такъ и изъ всѣхъ Министерствъ и мѣстныхъ учрежденій, передать въ это управленіе. Духовныхъ лицъ назначать частью **постоянными**—на всю жизнь, частью **очередными**—на срокъ пяти, шестилѣтній. Высочайшее утвержденіе ихъ въ должности испрашивать черезъ Св. Прав. Синодъ, который, составляя высшую по дѣламъ Церковнымъ власть, въ случаѣ разномыслія и, разумѣется, по важности спорнаго предмета, сзываетъ малый соборъ изъ Епархіяльнаго духовенства, бѣлаго и монашествующаго, въ той части Государства, до которой касается дѣло. Предсѣдатель, по всеподданнѣйшему докладу, утверждается Высочайшею волею.

Въ третьихъ: Для ближайшаго знакомства съ инородцами, кочующими и осѣдлыми, для узнанія вполнѣ ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, дѣятельнѣе воспитывать проповѣдниковъ Православія, продолжая обученіе языкамъ и нарѣчіямъ Монгольскому, Калмыцкому, Бурятскому, Китайскому, Татарскому, Чудскому, Чувашскому, Мордовскому, Вотяцкому, Черемышскому, Осетинскому, и т. д.

Въ четвертыхъ: Предоставляя содержаніе чуждыхъ Православію храмовъ и служителей ихъ попеченію самихъ разновѣрцевъ, имущества (Вакуфскія, Бискупскія и проч.) и деньги, которыя отпускаются изъ Государственной казны на иновѣрчество,

обратить на улучшеніе быта нашего бѣлаго, свѣтскаго духовенства.

Въ пятыхъ: Для совершеннаго упроченія нашего духовенства, прибѣгнуть къ внутреннему займу нѣсколькихъ милліоновъ рублей, выпускомъ въ обращеніе внутри Россіи и за границей металлическихъ обязательствъ, съ погашеніемъ займа въ извѣстное число лѣтъ.

Въ шестыхъ: Учредить, для приращенія духовныхъ капиталовъ, «оборотное казнохранилище» вкладовъ и займовъ, на точномъ основаніи тѣхъ первоначальныхъ правилъ, которыми руководствовались, при учрежденіи своемъ, Опекунскіе Совѣты, постояно богатѣвшіе, никогда не упадавшіе, ни въ Пугачовщину, ни въ Бонапартовщину, ни при какихъ войнахъ, смутахъ, переворотахъ, и всегда пользовавшіеся всеобщимъ довѣріемъ, такъ что билеты ихъ вездѣ обращались, какъ бы серебро и золото, безъ лажа, безъ упадка, рубль въ рубль, не смотря ни на какія годины въ цѣломъ мірѣ.

Николай Сушковъ.

30 Октября, 1863.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ.

Въ I-й книгѣ «Чтеній» 1864 г., подъ «Запиской о Керчи» поставленъ вопросъ: «Но кѣмъ же писана?»

Я могу на это отвѣтить: «Ф. Ф. Вигелемъ.»

При свиданіяхъ нашихъ въ Москвѣ, мы не рѣдко вспоминали о хорошо знакомомъ намъ Крымѣ, о лицахъ, пріятныхъ, особенно же непріятныхъ ему, а ихъ не мало было, и вообще о Новороссійскомъ краѣ. Воспоминанія наши иногда сопровождались чтеніемъ отрывковъ изъ его «Записки о Керчи», и разсказами разныхъ подробностей о коротко извѣстныхъ обоимъ намъ Итальянцѣ Скасси и Черкешенкѣ Бухгольцъ. Онъ упомянулъ о нихъ и въ письмѣ своемъ къ М. Н. Загоскину, изъ Петербурга, отъ 14 Генваря, 1830. Это письмо напечатано въ изданномъ мною историческомъ и литературномъ сборникѣ «Раутъ», на 1854 г., стр. 309—313. Вотъ его слова о С... и Б... «Помните ли Вы, въ одной рукописи Вами снисходительно прочитанной, была исторія двухъ любовниковъ, С... и Б...? Увы! Сей интересный любовникъ въ Октябрѣ еще отставленъ отъ службы и на дняхъ, за ложный доносъ, преданъ суду.» Подъ буквами С. и Б. разумѣются Скасси и Бухгольцъ, которыхъ я лично зналъ и которыхъ «похожденія» извѣстны въ Крыму. Съ первымъ я былъ и въ служебныхъ столкновеніяхъ по отпускамъ ему соли, такъ какъ я завѣдывалъ «Солянымъ Отдѣленіемъ Таврической Казенной Экспедиціи» съ 1822 г. до переселенія моего въ Бессарабію на мѣсто Вигеля.

Теперь «Записки» его печатаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Но все ли изъ написаннаго имъ войдетъ въ нихъ? Кажется, едва ли, судя по точкамъ во многихъ мѣстахъ уже напечатаннаго.

Впрочемъ, я укажу кстати на все то, что мнѣ извѣстно изъ написаннаго имъ. Это и нужно для библіографіи.

Итакъ, кромѣ главныхъ «Записокъ:»

1. La Russie, envahie par les Allemands etc. Paris et Leipzig 1844 (Россія, одолѣваемая Нѣмцами). Отдѣльная книга, безъ имени сочинителя. Когда Вигель прочелъ ее у П. П. Писемскаго, и я, одинъ изъ слушателей его, шепнулъ ему, что узнаю автора, онъ, не запираясь, просилъ только до времени не называть его.

2. Свѣтопись, написанная для альбома Л. Д. Шевичъ (по рожденію Графини Блудовой), помѣщенная также въ III кн. «Раута» на 1854 (стр. 31—47) и подписанная вымышленнымъ именемъ «Ардынскаго». Здѣсь онъ превозноситъ Москву и хвалитъ кой-кого изъ Москвичей.

3. Упомянутое письмо къ Загоскину объ его романѣ «Юрій Милославскій».

4. Письмо къ пріятелю въ Симбирскъ, въ «Моск. Унив. Благ. Пансіонѣ», 1858 г., приложеніе III, стр. 8 — 21. Здѣсь, не какъ въ Свѣтописи, порядочно досталось отъ него Москвѣ и нѣсколькимъ лицамъ, но вовсе напрасно и черезъ чуръ несправедливо.

5. Записка о Керчи.

6. Письмо къ Гоголю объ его «Перепискѣ съ друзьями», накликавшей столько ему враговъ, брани и клеветы, въ «М. У. Б. П.,» прилож. IV, стр. 22—25.

7. Что-то (не помню заглавія) о Бессарабіи, гдѣ онъ засѣдалъ въ Верховномъ Совѣтѣ членомъ отъ Правительства, и откуда переведенъ въ Керчь, для успокоенія Бояръ и иныхъ, очень недовольныхъ портретами, какіе Вигель съ нихъ списалъ.

Николай Сушковъ.

1-го Мая, 1864 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1863 года, Декабря 14-го дня.

1863 года, Декабря 14 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, Г. Дѣйствительнаго Члена, Александра Ѳомича Вельтмана, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Е. Ѳ. Корша, С. М. Соловьева, А. Н. Аѳанасьева, Н. В. Закревскаго, Соревнователя П. И. Бартенева, и Секретаря Общества, Д. Ч. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія 26 Октября, сего 1863 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 24-го Октября, за № 10,167, пол. 31 Октября, 1863 г., требованіе, по приказанію Г. Министра, доставить свѣдѣнія объ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, для помѣщенія въ Памятную книжку Министерства, именно: 1) годъ и число основанія Общества; 2) цѣль, на основаніи Устава онаго и дополнительныхъ постановленій; 3) званіе и фамиліи Президента, Вицепрезидента, Секретаря и Редактора; 4) перечневую вѣдомость Членамъ Почетнымъ, Дѣйствительнымъ, Соревнователямъ и пр.; 5) денежныя пособія отъ Пра-

вительства; 6) состояніе Библіотеки и разныхъ Кабинетовъ. Сверхъ сихъ свѣдѣній могутъ быть сообщены и другія, которыя имѣютъ особенный интересъ. При семъ Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, заявилъ, что требуемыя свѣдѣнія уже сообщены Департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Конторы Университетской Типографіи, отъ 10-го Ноября, 1863 г., пол. 11-го, увѣдомленіе о полученіи ею денегъ, слѣдуемыхъ за напечатаніе 2-й книги «Чтеній», 15-го Іюля, 114 р. 16 к., и 3-й книги 5-го Ноября, 376 р. 71¾ к. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Прокурора Московской Синодальной Конторы о возвращеніи въ Синодальную Библіотеку рукописи подъ № 856-мъ, присланной въ Общество 12-го Декабря, 1862 г., при Отношеніи за № 1365-мъ, которая и отослана обратно 5-го Декабря, 1863 г., за № 346-мъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

4. Редакціи Библіотеки для Чтенія, отъ 25-го Ноября, № 216, пол. 3-го Декабря, 1863 г., объ обмѣнѣ въ 1864 году этого журнала на «Чтенія».

5. Редакціи Газеты «Сѣверная почта», отъ 30-го Ноября, 1863 г., № 1430, пол. 10 Декабря, о томъ же.

6. Редакціи Православнаго Собесѣдника при Казанской Духовной Академіи, отъ 30 Ноября, 1863 г., № 585, пол. 10 Декабря, о томъ же.

Опредѣлено: увѣдомить вышеозначенныя Редакціи о согласіи Общества на предложенный ими обмѣнъ повременными изданіями въ 1864 году.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

7. Д. Чл. И. М. Снегирева, пол. 12-го Декабря: «Письмо Московскаго Митрополита Платона къ Викарію его, Августину, объ

огромномъ крестѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ и о Лобномъ мѣстѣ.» Опредѣлено: напечатать въ «Чтеніяхъ» по разсмотрѣніи.

б. Статьями:

8. Старшаго Учителя Томской Гимназіи, И. К. Смирнова, пол. 1-го Августа, 1863 года: «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи.»

9. Д. Чл. Графа М. В. Толстаго, пол. 10 Ноября, 1863 г.: «Замѣчательный надгробный камень».

10. Профессора Харьковскаго Университета, А. Потебни, изъ Праги, 23 Апрѣля, пол. 31-го Мая, при письмѣ къ Секретарю. «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ Рождественскихъ обрядовъ».

Опредѣлено: означенныя въ §§ 8, 9 и 10 статьи передать для разсмотрѣнія Д. Чл. О. М. Бодянскому.»

в. Книгами.

11. Сенатора Графа Дмитрія Толстаго, 30-го Сентября: «Le Catholicisme Romain en Russie. Études historiques par le Comte Dmitry Tolsty. Tome 1-er. Paris, 1863».

12. Общества Сербской Словесности, въ Княжествѣ Сербскомъ, пол. 6-го Октября: 1, «Споменици Сербски изъ Дубровачке Архиве. Книга 2, Београдъ, 1862;» 2, «Букварь за старо и младо, Милована Янковича. Београдъ, 1863».

13. Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ Губерній въ Ригѣ, отъ 24 Октября, № 89., пол. 5 Ноября, 1863 г.: «Mittheilungen aus der Livländischen Geschichte. 1 Bdes 2 Het. Riga 1863.», въ обмѣнъ на «Чтенія».

14. Д. Чл. С. М. Соловьева: 1, «Тысячелѣтіе Россіи, какъ его праздновали Русскіе Рижане, и пр. Рига, 1863»; 2, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томъ XIII;» 3, «Исторія паденія Польши. М. 1863». Пол. 14 Декабря, 1863.

15. Д. Чл. Филарета, Архіепископа Черниговскаго, пол. 10 Декабря, 1863 г.: «Русскіе Святые, чтимые всею Церковію или

мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Соч. Ф. А. Ч. Черниговъ, мѣсяцы Генварь — Май. 1861—63».

16. Д. Чл. А. Н. Аѳанасьева: «Народныя Русскія сказки. Выпуски VII — VIII. М. 1863».

Опредѣлено: всѣ, означенныя въ §§ 11, 12, 13, 14, 15 и 16, книги одать въ Библіотеку Общества, а жертвователей благодарить.

17. Затѣмъ Д. Чл., Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, предложилъ въ Дѣйствительные Члены и Вицепрезиденты Общества Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Дмитрія Сергѣевича Левшина, а бывшаго Вицепрезидента Общества, Д. Члена, Н. В. Исакова, въ Почетные Члены. Общество, единогласно утвердивши предложеніе Г. Д. Члена Бодянскаго, опредѣлило: увѣдомить Г. Попечителя объ избраніи его въ Дѣйствительные Члены Общества, изготовить ему на это званіе дипломъ, и просить его представить Г. Министру Народнаго Просвѣщенія на утвержденіе избраніе его въ Вицепрезиденты Общества, а бывшаго Вицепрезидента, Дѣйствительнаго Члена, Николая Васильевича Исакова, увѣдомить объ избраніи его въ Почетные Члены, и тоже изготовить ему дипломъ.

Въ концѣ Засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1863 года, состоящую изъ $55^1/_2$ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

І. Изслѣдованія: Сборникъ Церковно-Историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Рязанской Епархіи. Отд. IV. Монастыри въ Рязанской Епархіи. Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій.

II. Матеріялы отечественные: 1, Журналъ Реляцій къ Ея Императорскому Величеству 1782 и 1787 годовъ Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго Генералъ-Губернатора, Михайла Никитича Кречетникова, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; 2, Дневныя записки о движеніи и дѣйствіяхъ Россійскихъ войскъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ 1792 года Командующаго Корпусомъ Генералъ-Аншефа и Кавалера Михайла Никитича Кречетникова. Сообщ. А. Л. Патаповъ; 3, Письма къ Генералу Михайлу Никитичу Кречетникову Графа З. Г. Чернышова и другихъ 1769 — 1785 г.

III. Матеріялы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русского языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть I. Думы и думки.

IV. Матеріялы Иностранные: Критико-Литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи; соч. Ф. Аделунга, перев. съ Нѣмецкаго Д. Чл. А. С. Клеванова. Часть II, № 12—41.

V. Смѣсь: 1. Выписка изъ «Обихода» Волоколамскаго монастыря, конца XVI вѣка, о дачахъ въ него для поминовенія по умершимъ; сообщ. Епископъ Дмитровскій Леонидъ. 2. Грамота на помѣстье, данная Боярами и Воеводами въ безгосударное время, Княземъ Трубецкимъ, Заруцкимъ и Ляпуновымъ 1611 года. 3. Протестъ противъ незаконнаго прикрѣпленія крестьянъ въ XVII столѣтіи; сообщ. И. М. Оріентовъ. 4. Челобитная Митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, Филоѳея Лещинскаго, Петру Великому, и помѣты сего Государя на ней; сообщ. Протоіерей Александръ Сулоцкій 5. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Тверскомъ Архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомѣ и о соприкосновенныхъ къ нему лицахъ, въ особенности объ Іеромонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ и Архимандритѣ Іоасафѣ Маевскомъ, 1733 — 1735 г; сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій. 6. Письмо Фельдмаршала Графа Миниха къ Князю Лобковицу, Генералу Австрійскому, командовавшему въ Трансильваніи на случай заключеннаго въ 1739 году между Цесарцами и Турками мира, писанное 1739 года, Сентября 22 дня. 7. Матеріялы объ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ; сообщ. Соревнователь Илар. А. Чистовичъ. 8. Матеріялы объ Гаврилѣ Романовичѣ Державинѣ; сообщ. Д. Чл. П. И. Ивановъ. 9. Рапортъ по случаю представленія Государю Императору вѣдомости о дѣлахъ Министерства Юстиціи, съ 1-го Сентября 1814 по 1-е Генваря 1816 года, Министра Юстиціи Д. П. Трощинскаго. 10. Разсказы А. П. Ермолова. 11. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Мая 11-го дня, 1863 года.

Опредѣлено: 4 книгу «Чтеній» 1863 года раздать Г. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ОПЕЧАТКИ.

КНИГА I.

ОТДѢЛЪ I.

Стран.			*Напеч.*	*Слѣдуетъ:*
9,	прим.	23.	consern.	concern.
49,	стр.	19 сверху:	возбуждаетъ, оплодотвореніе	возбуждаетъ оплодотвореніе.
—	прим.	141.	...тайо, и	тайо и.
93,	—	253.	по	по Тур.
95,	—	258.	Ш	Шива,
97,	—	264.	роизн.	произн.
113,	—	9 сверху:	Трайотану	Трайотану.

ОТДѢЛЪ V.

167,	—	5 сверху:	между Церквами,	между двумя Церквами, Восточною и Западною,
168,	—	14. —	и даже Славянъ Православнаго Исповѣданія, которымъ всѣмъ	и Славянъ; и всѣмъ имъ
—	—	17. —	обители всякаго рода;	обители; всякаго рода
—	—	28. —	поклоненіемъ	покланяясь
169,	—	18. —	взять	а взять
170,	—	7 снизу:	исполнить	припомнить

…стория Россійская, В. Татищева, книга 5-я или часть 1-я. М. 1848 г. … 50 к. сер., перес. за 4 к.

…ортретъ Кіевскаго Митрополита Евгенія, съ снимкомъ почерка его руки. 1854 г., цѣна безъ пересылки 30 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

…дъ 2-й: Цѣна … 9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к. … за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50 … съ пересылкой . . . . 25 р. сер. …дъ 3-й, пока изъ 9-ти книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к. …да … кн. 1. . . . . 1 р. 50 к.

И того безъ пересылки . . . 32 р. 50 к. съ пересылкой . . . . . 44 р. сер. Годъ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862 и 1863 по 4 книги въ годъ, безъ перес., каждый . . 6 р. с. съ пересылкой . . . . . . 6 — За всѣ годы, безъ пересылки, 67 р. 50 к., съ пересылкой же . . . . 80 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

…25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ пересылки . . . 37 р. 50 к., съ пересылкой . 45 — —

На пересылку каждой книги «Чтеній» и «Временника» безъ разницы за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, въ Москвѣ, въ залахъ Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Ивана Васильевича Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6 р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Архіепископа Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 2 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., въ двухъ … Цѣна 1 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ … Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, ихъ государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. … Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. И. Шемякина, 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціанца Марко Поло въ XIII вѣкѣ, напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ objasненіями на Нѣмецкомъ на древнемъ … и съ объясненіями Авг. Бюркина, перев. А. И. Шемякинымъ. М. 1863. ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

———

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древносте[illegible] россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и [illegible] тыду выходятъ, какъ повременное изданіе, четыре [illegible] года, по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ [illegible] въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержанiе книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матерiалы Отечес[illegible] III. Славянскiе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписная цѣна — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, [illegible] сылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обраща[illegible] самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, [illegible] комиссіонеру Общества, И. В. Базунову, на Страстномъ бульвар[illegible] тивъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ [illegible]

на Пречистенкѣ, въ домѣ [illegible]

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ [illegible]

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Иванъ Михайловичъ [illegible]

за Каменнымъ мостомъ, на [illegible], въ д. [illegible]

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичъ [illegible],

на Моховой, въ домѣ [illegible] Универ[illegible]

АКТУАРІЙ,

[illegible] [illegible]

на Моховой, въ домѣ [illegible]
